

МАРИЯ ВЕРЕСЕНЬ

Особо одаренная
особа

Диалогия
в одном
тome

- Высшее образование для сироты, или Родственники прилагаются •
- Особо одаренная особа •

Annotation

Кто сказал, что бедная сирота не может получить приличного образования в Северске? Не приняла вас Академия магов? Поступайте в Школу Ведьм и Чаровниц! Не нравится летать под полной луной? Что ж, высшее учебное заведение для навьих тварей примет вас не менее радушно, с радостью распахнув не только двери Великой Школы Архона, но и свои клыкасто-зубастые объятия.

- [Мария Вересень](#)
 - [Книга 1. Высшее образование для сироты, или родственники прилагаются](#)
 - [Книга 2. Особо одаренная особа](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
-

Мария Вересень

Особо одарённая особа. Дилогия.

Книга 1. Высшее образование для сироты, или родственники прилагаются

Моим
подругам Лене и
Алене

Школа Архона поражала воображение. Бесконечное нагромождение башен, башенок, статуи, барельефы, витражи, изображающие различные виды нечисти: вампиров, русалок, оборотней, грифонов, химер...

— Ну вот, Верейшечка, — сказал сторож Кузьмич, вглядываясь в красотищу на том берегу, — здесь ты и будешь учиться.

Я замерла, не веря своим ушам, и даже старая приютская кляча Метелка с удивлением уставилась на Кузьмича: *«Че говоришь-то, старый? Здесь?»* И мы с лошадьёю, посмотрев друг на друга, молча сравнили серый, осточертевший до дрожи барак приюта со сказочным дворцом, лениво плывущим в золоте и пурпуре дикого осеннего парка. После чего согласно покачали головами: спятил дед.

Вчера утром воспитатель дома призрения имени добрейшего князя Милослава Ясеневича сунул мне в руки убогий узел с моим сиротским добром, папир на два листа, в котором вся моя короткая судьба была подробнейше описана и припечатана огромной княжеской печатью. После чего осенил меня неким непонятным знаком, от которого осталось странное ощущение, будто напоследок воспитатель мне хотел заехать в лоб, а потом вдруг вспомнил, что и так договорился с соседским людоедом на предмет моего съедения, и пожалел сиротку, усовестился.

Мы все втроем как замороженные смотрели на неземную красоту дворца, манящего с того берега, и, размышляя каждый о своем и невеселом, так увлеклись, что не заметили, как от заставы к нам лениво подошел охранник и рявкнул во всю глотку:

— Не сси, старик, они оттэдова до нас не доберутся.

Кузьмич подпрыгнул на телеге, ошалело глядя на ражего детину в шлеме и броне. Толстенное, словно тележная оглобля, копыцецо тот доверил крепкому, как полугодовалый поросенок, пацаненку с ведром огурчиков у правой ноги, которые бутуз, видать, принес отцу на Пост. Сам охранник держал в руках огромную краюху хлеба, щедро украшенную зеленью и придавленную сверху шматом колбасы.

— Ась? — не понял с перепугу Кузьмич.

— Двась! — сострил охранник и самодовольно расхохотался.-

Тебе куда надо, старый?

— Н-н-адыть? — потянул Кузьмич, вертя головой. Он и воспитателей-то, давно привыкших к его неторопливости в делах и думах, иногда до стонов отчаяния доводил, а уж охранник только увидел, как старик сгоняет мысли в кучу с протяжным и привычным «о-о-о», показал рукою вдаль.

— Туда дорога на Веж! — заорал он Кузьмичу, махая для наглядности как глухому. — Туда!

Потом подумал и добавил, правда, с большим сомнением:

— А если вам к монахам-рыцарям, то это пять верст вверх до моста.

Мы с Метелкой посмотрели в обоих направлениях и убедились, что действительно здесь тракт, идущий аж от Белых Столбов, раздваивался. Первая дорога, на которую нас усиленно толкал охранник, начиналась заставой, сразу за которой шли предместья Вежа — Вежицы, состоявшие из бесконечного количества поселков, поселочков и деревенок, которые тянулись верст на десять. А сам городок едва виднелся в голубой осенней дымке, равно как и монастырь рыцарей с его квадратными темными башенками в другом направлении.

А дороги к Школе не было. То есть она была, но выглядела как-то странно, словно третью развилку тракта тщательно засыпали песочком и даже травки посадили, холм, по которому она спускалась вниз к реке, срыли, так что развилка дороги стала упираться в обрыв. А под обрывом высился не менее многозначительный мост, похожий на иллюстрацию к истории Войны Трех Королевств. От этого моста осталось только пять опор и три сгоревших бревна. Над этим-то обрывом мы и встали полюбоваться красотами.

— Скажите, дяденька, а как нам в Школу побыстрее попасть? — спросила я у охранника, стараясь по привычке, чтобы голосок был сладеньким и по возможности просительным, как у других сироток. «Дяденька» нахмурился и неласково поинтересовался:

— А чего тебе там надо, дурища?

— А меня дед Кузьма туда везет учиться, — заявила я простодушно и улыбнулась во весь рот.

Охранник хекнул и подавился колбасой. Бутуз с копьём увидел, как отец синеет, и, басом заорав на всю округу:

— А-а-а! Дядька Сыч, батяню упырица сгрызла! — прыгнул к нам и со всей дури ткнул Метелку в зад копьём. Кобыла взвизгнула и сиганула с испугу прямо с обрыва, и мы вместе с ней. Кузьмич загнул что-то похожее на «Е-ее» и, ухвативши вожжи, попробовал поворотить парящую над пропастью Метелку. Я с визгом уцепилась за душегрейку Кузьмича, поскольку видела, что мы летим с размаху в реку, а для меня страшней воды в жизни ничего нет, кроме пауков.

Поняв, что мы сейчас втроем утонем, а телега разобьется об опору сломанного моста и ее обломки будут долго собирать рачительные вежевцы, чтобы зимой ими топить печи, я в голос зарыдала, кляня и костеря жизнь и богов с их несправедливостью.

— Етит их мать, — не менее воодушевленно поддержал нас с Метелкой сторож, тыча пальцем вниз.

Я глянула и оглохла от собственного визга — ни заткнуться, ни остановиться. Прямо под нами вода вдруг выгнулась горбом и громадные, словно раскормленные поросся, сомы сомкнули свои спины, образуя живой лоснящийся настил, вокруг которого визжали, хохотали и пускали пузыри русалки, водяные и кикиморы.

Метелка проскакала лихо, словно перволетка на лугу, по рыбьим спинам, осыпаемая со всех сторон горстями жемчуга, огрызками раковин-перловиц, тиной и дождем мелкой разевающей пасти рыбешки.

Вылетела на тот берег, стрелой пронзила парк и встала на четыре ноги перед воротцами, на которых висела косо прибитая холстина с размашистой бодрой надписью: «Добро пожаловать в Школу навьих тварей». А чуть ниже гвоздями прибитый к столбу распятый рыцарский доспех с суровой подписью: «Людям нельзя». И еще

отдельная табличка: «Девиц, убоину и прочую кухонную требуху сваливать на заднем дворе запрещается. Сдавать кладовщику».

Метелка сипло, со свистом дышала, казалось, ребра сейчас прорвут дряхлую шкуру. Кузьмич утер рукавом лицо и дребезжащим голосом заключил:

— Все, приехали, еж им в задницу.

Я посмотрела на кучу прыгающих рыб и жаб у себя на коленях, на мокрого с ног до головы Кузьмича, на Метелку в длинных плетях водорослей с вкраплениями мелкого речного жемчуга (кладней на сорок красоты), на суровую надпись на воротцах и прозрела. «Вот тебе и пряничный домик», — горестно захлебнулась я обидой, припоминая старую пословицу о дармовых пряниках в пещере людоеда и, невольно подражая давешнему мальчугану, звавшему неведомого дядьку, заголосила горько:

— Да как же так, деда?

— А как же не так же? — проворчал старый хрыч, отжимая душегрейку. — Лично князево распоряжение. Раз, говорит, эта кикимора болотная, вошь платяная мне две башни в кремле развалила, то пушай теперьча и живет с упырями, ква-ли-фи-кацию повышает.

Я обалдело уставилась на сердитого и встопорщенного Кузьмича, не веря собственным ушам.

И этот человек совал мне тайком пряники под праздник, щедро жертвовал тулуп, когда мы в морозяку ходили на дальние княжьи покосы за сеном для Метелки, и покрывал мои мелкие пакости? Вот так спокойно взял и привез меня на съедение лесной да кладбищенской нечисти из-за каких-то двух несчастных башен?

Я заревела в голос, умоляя Кузьмича не губить мою молодую жизнь, а позволить по-тихому сделать ноги, пока не набежали из Школы волкодлаки да не сволокли меня на живодерню. Припомнила, сколько добра он мне сделал, и обещала по гроб его за это благодарить, а еще напомнила, что даже в сказках покорные сокольничьи да стременные не привязывали княжьих дочек в сыром бору, а давали им шанс утечь. При этом я обещала отдать Кузьмичу все, что у меня есть, и щедро наваливала на его последние парадные портки склизкую речную живность, от которой он с негодованием отмахивался так, что мы скоро всю телегу и дорогу вокруг закидали пиявками да лягухами, да карасями и ершовой мелюзгой.

— Так это что ж мы вытворяем, а? — остановил нас противный визгливый голосок

Я глянула и покрылась пупырышками. В воротцах стоял самый натуральный бес: небольшой, кривоногий и лохматый. Свиной пятак его влажно блестел и тек соплей, которую он утирал серым фартуком — единственной своей одеждой, ни капли не стесняясь продемонстрировать свои куцые волосатые прелести.

Кузьмич открыл было рот, но бес не дал ему сказать ни слова, сразу визгливо раскричавшись:

— Вы что же это себе позволяете, окаянные, и так вас и разэдак? Ты и дома так же едой швыряешься, да? Так ты не дома, старый пень, да! Ишь, один раз попросил водяного рыбки с оказией доставить, дак они развозмущались. Гордые все стали, да? Ерш вам уже не рыба, да? Жабa не деликатес? А ущицу-то пожрать все любим. Еще и добавочки просим, да?

Выкрикивая все эти визгливые «да», он живо скидал все речное добро в невесть откуда взявшийся мешок, запихал туда же сорванные с Метелки водоросли, соскреб ряску, радостно приговаривая: «Эх, с душком, да!» А потом, бросив на меня вороватый взгляд, дернул Кузьмича за штанину и тихо поинтересовался:

— Ты енту на мясо привез или как?

— Ученица я, да! — в ужасе завизжала я по-чертовому, в ответ на что нахал спокойно отцепился от дедовых штанов и, взяв меня за руки, ссыпал в ладони немалую горку перламутрового гороха.

— Чужого не надо, м-да, — гордо заявил он и пошел прочь, перекидывая раздутый мешок с плеча на плечо, почесываясь и сморкаясь.

Я глянула вслед и онемела, а Кузьмич икнул — по ту сторону кованой ограды молчаливой грозовой тучей колыхалась толпа нечисти голов на пятьдесят. Беззвучно разворачивались серые крылья, щерились сабельно-острые клыки, и щурились не то оценивающе, не то зло разноцветные глазищи, от бордовых, словно уголья, до черных, как бездонный омут.

«Ой, матушки, и за что мне это?» — молча взмолилась я, хотя отлично представляла, за что.

Вообще-то всю приютскую голытьбу, вошедшую в возраст, распределяли по новым местам жительства по весне. Потому что весной везде требовались работники, и окрестные крестьяне охотно брали дармовых батраков и работниц, а по осени приютских соглашались принимать к себе лишь ремесленные цеха на каторжанский труд в различных красильнях и дубильнях, а девочек в ткачихи да швеи, где жизнь тоже не медовая. Но светлый князь наш Милослав Ясеневиич укатил зимой в столицу, а из столицы отправился еще куда-то с посольством по важным государственным делам и обещал вернуться не раньше первых заморозков, то есть когда приличных мест в помине не останется, и весь наш выпуск приуныл, понимая, что хорошего впредь ждать не приходится, так как без светлейшего нас никуда не пустят. И не потому что он как-то ведал нашими распределениями, просто владыка Белых Столбов любил напутствовать сирот безродных при их вступлении на тернистый жизненный путь.

Мы уныло отработывали свое содержание в приюте на соседних полях и покосах, тонко намекая старшей надзирательнице из попечительского совета, что не прочь и зиму провести под родным кровом, но ее от наших стонов только кривило. А когда приехал князь, весь выпуск живенько согнали на княжий двор благодарить, что не бросал нас столько лет, кормил, поил, одевал, и соответственно принимать княжье благословение на честную жизнь и труд на благо отчизны.

Мы выстроились перед высоким престолом, вынесенным ради такого случая на крыльцо. Вниз от черного с облезлой позолотой кресла красным песьим языком спускался по ступеням ковер. Девки что посмазливей и парни побойчей еще питали надежду, что их этот язык слизнет на сладкую жизнь в княжий терем, а мне отчего-то не виделось в этом никакой радости. Особенно после того, как младший Милославович недавно намекнул, что и таким выдергам, как я, в тереме найдется чем заняться.

Я ему живо подбила оба глаза и подробно объяснила, куда ему следует пристроить свои пакостные ручонки, но прибежал «дядька» Милославовича и так протянул меня плетью по спине, что я света невзвидела.

Теперь этот прыщавый карась стоял по левую от отца руку и ехидно шурил свои жабыи глазки. Желтизна от медленно сходящих фонарей разлилась на пол-лица, так что княжич, и без того страшненький, выглядел совсем уж больным.

Я заметила, как моя соседка по кровати — Лилька строит младшенькому глазки, и чуть дара речи не лишилась.

— Сдурела?

— А что? — вытаращилась на меня эта коровица.

— Это ж Прыщ.

— Да хоть свищ, — дернула плечом Лилька. — Это ты в людях не жила, а я этого добра богато хапнула.

И она снова расцвела перед княжичем, который, впрочем, только на меня и скалил свои кривые зубы.

А мне вдруг сделалось нехорошо, и по телу прошел озноб с привычной, ничего хорошего не сулящей слабостью. И даже ощущение возникло, словно кладбищенский упырь потянул из меня силы — сразу и руки обвисли, и расхотелось жить.

Такое уже было со мной однажды, когда мы раз в бесовскую неделю на спор на кладбище ходили. Еле утекли тогда от нежити. А мужики из ближайших деревень вкуче со жрецом Хорса потом устроили на этом кладбище аж целое побоище и, говорят, подняли на вилы некроманта-колдуна, пытавшегося оживлять зачем-то мертвецов.

Я зыркнула вокруг, и мне показалось, что в княжьи покои с крыльца метнулся человек в неуместном по случаю теплого дня плаще. На прочих-то людей я не смотрела, только на прыщавого Милославовича тарачилась и, кажется, что-то пропустила. Потому как люд загалдел, дворня и воспитатели привычно выкрикивали славу Ясеневичу, а старшая надзирательница как-то странно смотрела то в широкие распахнутые двери, где мне почудилась ускользающая тень, то почему-то на меня.

Лилька потянула меня за рукав, ворча:

— Все, потопали отсель, никому добра не обломилось.

А я, прям как деревянная, вяло заворочалась, не соображая, куда идти и зачем. Лилька даже обиделась, пытаясь меня растолкать. Наши девчонки уже попрыгали все в телегу и не собирались ждать.

— Ай, ну тебя, чумная, — обиделась подружка и побежала за телегой, трясая толстым задом. Как только умудрилась отрастить такой

на приютских харчах? А я осталась одна под сводом надвратных башен.

Вот тут меня и подловил Прыщ.

«Дядька», что в тот раз угощал плетью, появился с улицы и стал в воротах, нехорошо ухмыляясь и постукивая обушком знакомой плети по ноге. А сзади, не торопясь и тоже косорыло лыбясь, шел княжич с тремя подручными без признаков порядочности на разбойных рожах.

«Ну, вот и все», — подумала я, как-то сразу представив все, что впоследствии.

— И что мне с тобой делать теперь, даже ума не приложу, вздохнул Прыщ.

— А ты посиди, соберись с мыслями, — посоветовала я, пытаюсь проскочить мимо «дядьки». Тот даже с места не дернулся, лениво хлестнув плетью стену перед самым моим лицом, да так, что выбитым из нее крошевом больно сыпануло в глаза.

Я вскрикнула от боли и обиды. А Прыщ, воспользовавшись моментом, подскочил сзади и, ухватив за косу, заорал, мерзко брызжа слюной мне на шею:

— Кто отцу сказал, что это ты мне морду разбила?! Ты, тварь поганая? ТЫ?!

Я завизжала, пытаюсь вывернуться из его лап, но княжич ударил со всей злобой мне в живот, и я сложилась пополам, а сверху на спину обрушился еще и удар плетью.

— Убью! — ревели над головой, а мягкие сапожки пинали меня в ребра.

И тут случилось.

Дрогнула земля, над головами жутко хрустнуло, и на нас как ливень хлынуло кирпичное крошево.

Враз нечем сделалось дышать и ничего не стало видно. Мы все заголосили еще громче и как глухие летучие мыши заметались от стены к стене, сбивая и топча друг друга без надежды найти выход. Над головами трещало все страшней, земля все жутче прыгала под ногами. Когда стали падать аж целые куски стены и башен и я совсем уже простилась с жизнью, сквозь эту круговерть вдруг молнией промчался всадник, рывком поднял меня к себе и мигом вымахнул на воздух.

Я, лежа поперек седла, в тот миг могла лишь видеть бешено мелькающие ноги черного коня и краем глаза — черный хлопающий на ветру плащ.

И снова, как недавно во дворе у князя, меня обуял ужас и мерзенькая слабость. Я вывернула шею до хруста, чтобы разглядеть спасителя, и тут же кто-то чужой и властный прямо у меня в голове приказал: «Спи», и я уснула, успев лишь разглядеть забавный амулет — прищуренный драконий глаз на золотой цепочке.

А на следующее утро меня вручили Кузьмичу, и мы без помпы отбыли из Белых Столбов в Веж.

Выходит, обиделся-таки Милослав Ясеневиц. Я еще раз взглянула за ограду Школы, и мне захотелось позвать мамочку. А что, в таком месте, может быть, и услышит.

— Мамочка, милая, роди меня обратно, пожалуйста. Или не дай схарчить этим упырям. Аминь.

Метелка, также разглядев, кто радостно встречает нас с той стороны ограды, нервно попятилась назад. Но, оглянувшись, вспомнила про свой забег по рыбьим спинам и затряслась всем телом, не зная, как ей быть и где найти путь к бегству.

— Тпру, милая, — потянул вожжи Кузьмич. Но чуявшая нечисть кобыла уже практически и не была на этом свете и точно б понесла, разбив и нас, и сама убившись о деревья, не расступись толпа, не выйди к нам навстречу некто в черном.

— Стоять, — велел он взбесившейся Метелке. И кляча остановилась, правда, как-то по-ненормальному, словно одеревенела.

Я, перестав подпрыгивать на телеге, уставилась на подошедшего. — Феофилакт Транквиллинович, — представился дядечка, сперва показавшийся мне вполне человекообразным. — Директор Школы Архона.

— А мы этось, вот... — Трясущимися руками Кузьмич подал пожеванный и мокрый документ, который пыхнул паром и просох в руках директора.

— Ну что ж, добро пожаловать, госпожа Верея. Я видел, как вы любовались нашим зданием с той стороны, поверьте, его внешний вид соответствует и духу заведения. Пусть поначалу будет непривычно, но что-то говорит мне — вам понравится у нас. — И, резко

развернувшись, он ткнул пальцем в приветственные плакаты на воротцах.

— А тот, кто так безграмотно пишет всякую... ерунду... — Любопытствующую нечисть как ветром сдуло, и остался только черноволосый красавец в ученической мантии, рассеянно оглядывающийся по сторонам.

— П-простите, а вы у-у, черт, уверены... — начала было я.

— Что вам место в Школе Архона? — вновь обернулся ко мне директор.

— Да! Нет... Да я вообще не нечисть!

Феофилакт Транквиллинович задумчиво потер подбородок, после чего, развернув папир, зачитал:

— Помимо последнего «подвига», заключавшегося в трясении земли и разрушении двух башен княжьего кремля в Белых Столбах, смыв мельничной плотины в Лужицах, буря и сильные ветры в Малых Серпах, огненный и лягушачий дожди в Белполе, там же куриный мор и коровье безумие.

— Мы всего-то одну корову научили танцевать, — чуть не задохнулась я от возмущения. — И ей это нравилось!

— Зато не нравилось ее хозяевам, — улыбнулся директор Школы Архона. — К тому же, помимо любительницы танцев, тут еще сорок три пункта, включая дерзость характера. Впрочем, — директор спрятал мои бумаги в рукав, — если вы слышите «голоса», испытываете желание летать под полною луной и у вас есть маленький прелестный хвостик, то Школа Ведьм и Чаровниц примет вас не менее радушно.

Я затрясла головой, развеселив главу Школы.

— В таком случае позволь представить тебе старосту факультета общих дисциплин, Анжело.

Красавец с угольно-черными перистыми крыльями засмутился и сначала сделал мне ручкой. Увидев, как я вытаращилась на его черные звериные когти, спрятал руки за спину. Улыбнулся и тут же захлопнул рот, вовремя сообразив, что в нем не меньше сотни по-щучьи загнутых внутрь острых зубов. После чего смущенно, как простой мальчишка, пожал плечами — «Извини подруга, не хотел пугать».

— Факультет общих дисциплин включает в себя целый курс небезынтересных лекций по демонографии, культурологии и

истории, — вещал тем временем Феофилакт Транквиллинович, осторожно снимая меня с телеги и увлекая за собой в глубь сада прочь от Метелки, деда Кузьмича и осточертевшей, но такой привычной приютской жизни.

Метелка, уже справившаяся и с заморозкой, и с испугом, грустно смотрела мне вслед, понимая, что еще одна подруга навсегда уходит в большой мир. А над осенним парком бодрое эхо разносило уверенную речь директора, множа и усиливая ее, как заправский глашатай крахтенье городского головы на городском вече.

— ... в вашем возрасте не могут не вызывать интерес также курсы личностного и духовного роста. А новые знакомства? А красота, а гармония и покой этих мест, даже архитектура, так поразившая вас вначале, неужто не заставят чуть подзадержаться в наших стенах столь перспективную, как вы, особу?

Слова обволакивали меня, словно пар в парной, и мне с каждой минутой делалось приятней и нестрашней, пока до меня вдруг не дошло, что я уже давно как идиотка улыбаюсь и киваю директору головой, что мне давно все здесь нравится, что хочется сорваться с места, чтобы все осмотреть, влюбиться в Школу и понять, что я никогда к ней не привыкну, все время буду открывать тут что-то новое и новое раз за разом.

Как выяснилось позже, я почти не ошибалась.

После полугода учебы к этому всему привыкаешь, так как жизнь в стенах заведения настолько насыщена событиями и интересна, что отвлекаться на изыски архитектуры и романтические гуляния по темным аллеям просто некогда. Главным достоянием, красотой и гордостью, неразменным капиталом и золотой казной Великой Школы Архона (во какое название, да еще и с намеком, что где-то есть и невеликое учебное заведение имени того же змея-ящера) являются люди и нелюди.

Люди здесь сплошь загадка и тайна. Они периодически исчезают и появляются то замотанные с ног до головы в зловещие плащи, то разодетые как на бал или маскарад. Крадутся вдоль стен или гордо маршируют, бряцая железом и шурша шелками. Конечно, хватает и простых сумасшедших, которые, по словам Анжело, беснуются лишь оттого, что в уши дует ветер с севера. Не знаю, что это означает, но у

юного демона почти все речи темны и непонятны, хотя сам он прекрасный парень, жаль, мы видимся только на уроках, в Школе его племя не живет, а на вопрос, куда он с братьями исчезает сразу после звонка, сей загадочный юноша продекламировал мне стишок:

Я часто вижу сон, как я сражаюсь на Радужном
Мосту,
а дети Сурта
Лавиной темною из бездны напирают...
Но рухнет мост, и я усну под утро.
Чтобы проснуться в городе, где чад,
Где музыка орет и шестерни стучат.
Я за день утомлюсь, прилягу на диван,
Неровный желтый свет мигнет мне на прощанье, и я
усну...
И, затаив дыханье, увижу яростный безбрежный
океан
Огня.
Задумаюсь — а может, демон я?

После чего предложил сходить к кладовщику и взять ученическую мантию.

— Ты не представляешь, сколько скоро понаедет богатой дряни, и первое, что они сделают, — прицепятся к твоей уютской робе. А поэтому до торжественной клятвы и получения собственного знака архона запомни еще пару правил.

Этими бесконечными и все множащимися правилами Анжело меня просто бесил. И его здорово забавляло, когда я в притворной злобе начинала яростно шипеть.

— Дуреха, радуйся, что я на нашем курсе староста, а не Серикиил, сын Ушиса из рода Сатанов.

— Это почему же?

— Потому что не все демоны одинаково дружелюбны. Многие из них гораздо, гораздо дружелюбнее меня. Пока все двести пять правил не вдолбят новичку, не отстанут. А учитывая, что спать и есть моим

братьям необязательно, то ты из одной только благодарности должна мне копыта мыть и воду с них пить.

Я «из благодарности» обычно запускала в него классным инвентарем, но ни разу не попала, потому что обычно в этот миг Анжело уже стоял у меня за левым плечом, бубня:

— Никогда неходи в чужие комнаты без стука, если не хочешь увидеть, как на самом деле выглядят твои товарищи. Впрочем, если желаешь насолить какой-нибудь кикиморе, врывайся смело, раскрывай дверь нараспашку. Главное — кикимору не перепутай с дьяволицей. Не спорь, не обещай, не требуй ничего от вновь прибывших. Поверь, все, с кем первокурснице общаться стоит, уже здесь, проходят, как и ты, предварительный курс. Про выход в город я уже сказал только с согласия учителей. И заведи себе соседок, черт возьми, что ты, как упырь в гробу, одна все да одна! Вот понаедут скоро, пожалеешь.

И точно, «понаехали».

Всего лишь за неделю на факультете первокурсников-вампиров произошла не одна грандиозная драка и в потасовках кому-то оторвали крыло. Пока Школа с трудом сдерживала натиск родни как пострадавшего, так и обидчика, кто-то поклялся на архоне, а клятвы не сдержал, архон, раскалившись, нанес сильный ожог клятвоотступнику.

Мавки, ^[1]наслушавшись лекций о роли соблазнения в метаболизме хладнокровных, стали врывать по ночам в комнаты первокурсников и предлагать сонным ученикам всякие мерзости. Кончилось тем, что разбуженным непристойным предложением оказался сам директор Школы — Феофилакт Транквиллинович.

К концу первого полугодия я как раз научилась без запинки выговаривать имя и отчество директора в результате почти ежедневных тренировок в виде душераздирающих завываний:

— Феофилакт Транквиллинович, я больше так не буду!

Комнату я к тому времени уже делила с двумя подругами: Алией и Лейей.

Сначала я познакомилась с Алией, которая является дочерью какого-то Лаквиллского воеводы. Любящий отец прислал ее в такую даль, видимо, с одной целью — уберечь свой народ от родной дочери, а себя от детоубийства. Являясь темпераментным вилколаком,

[2]девица отличается бесхитростным и взрывоопасным характером. Звуки бряцающего оружия ее просто завораживают, и даже в многочисленных черных косичках она носит острые серебряные пластинки. За проведенные в Школе шесть месяцев дева заслужила славу вспыльчивой и на редкость умелой в драках особы. Разницы между мужчиной и женщиной в гневе она не признавала и могла запросто дать в лоб хоть вампиру, хоть летавице, [3]совершенно не испытывая угрызений совести.

Ко времени знакомства с Алией я тоже блистала пока единственным талантом — превращать в руины все то, к чему проявляю интерес. Поэтому, когда мне предложили ее в соседки по комнате, я только хмыкнула и согласилась. Как ни удивительно, трудностей в общении с нею у меня не возникало, мы ни разу не повздорили и стали лучшими подругами.

Мавка к нам попала совершенно случайно — просто никто не хотел иметь ее в соседках. Для вампирш, летавиц и прочих девиц заведения она была слишком хорошенькой, к тому же бессовестно пользовалась своим даром обольщения, а кому понравится, когда твой объект страсти переключается на мавку? А мавки не захотели селиться вместе с Лейей ввиду того, что она не очень благородного происхождения. Лейя является всего лишь приемной дочерью некоего богатого эльфийского князька. Все поступки Лейи идут не от головы, а от сердца. Застав ее как-то плачущей в коридоре на огромном бауле с вещами, мы предложили жить с нами, но при одном условии — никаких мужиков.

Так я и попала в компанию мавки и вилколака. Если раньше, встречаясь в коридоре со мной и Алией, ученики просто шарахались в стороны (Анжело, пытаясь на простых примерах объяснить, как демоны наводят страх на толпы нечисти, пустил слухок, что в гневе я себя не помню, за пустячную обиду в Белых Столбах пыталась загрызть князя и, если бы не двести дружинников, принявших смерть от моей руки и под руинами кремля, загрызла бы. А тем, кто недоверчиво и робко возражал, он говорил: «Но все же знают, как она передушила караульных в Вежицах. Шестнадцать человек, только за то, что полкладня за въезд спросили»), то теперь оглядывались, когда мы проходили мимо. Лейя улыбалась всем эдакой невинной

улыбочкой, не забывая приправить ее небольшой толикой чар соблазнения.

С наступлением зимы я наконец-то стала понимать, с чего мой староста отмахивался от первокурсников. Мол, какая это нечисть, так, домашние паразиты, не вредней тараканов, к тому же сами с непривычки пришибленные. А я-то на него глаза пучила. Банники [4] — не нечисть? Бесы — не вреднее тараканов? Мавки — пришибленные?

Но только когда Анжело начал будить меня через день на третий, поняла, за что люди ненавидят этих тварей.

— В сырой могиле сон глубокий, не разлепить сомкнутых век. Но так заведено богами, что смертен каждый человек.

— Будь все проклято, я точно кого-нибудь пришибу, — ворчала я, пытаюсь продрать глаза. — Это когда кончится, а?

— Когда наиграются, — безразлично пожимал плечами Анжело, нагоняя крыльями какой-то нездешний, с ароматом лета и пряностей, ветер.

— Чего на этот раз на мне испытывали? Чары? Наговор? Или просто яду в кашу сыпанули?

— Не, от яду помирают, а ты дрыхнешь как лошадь пожарная. Точно наговор, только не пойму, на что.

— Слушай, найди мне того, кто это делает, я ему все рога поотшибаю.

— Ой, да кто только не делает. А что касается рогов, так твоя лаквиллская подружка уже отделала одну летавицу, ту, что через стенку от тебя спит. Только зря, по-моему. Не стал бы я связываться с упырьками. Или хитрее бы поступил.

— Как? — спросила я, пытаюсь скатиться с постели, но тут опомнилась и велела Анжело выметаться. — Неча к приличной девушке сквозь дверь ходить.

— Только пусть девушка не забывает, что уроки уже начались, хмыкал из-за двери демон.

— О-о-о... — я в растерянности замирала, не зная, за что схватиться.

— Пивни чаю, съешь ватрушку. Вот, я приготовил.

— Спасибо. Что? Ты опять здесь? — Я запустила в него подушкой.

Анжело демонстративно пожал плечами. — Я дух. Стало быть, бесполой.

— Ага. То-то вы все как один мужики.

— Могу и девицей, красотой ненаглядной. — И он, проведя рукой по голове, враз отрастил себе волосы до пят и прелести немислимых размеров. Только с меня от зубастой улыбки этой девицы весь сон разом слетел.

— Ой, ну тебя к лешему. Баечник [5] такое тебе нашепчет, что и не проснешься.

— Это идея. — Анжело шукой нырнул под мою кровать. Оттуда понеслись звуки шлепков и визготня. Демон выполз обратно весь красный и злой. — Не шепнет, мы договорились. — Отряхиваясь, он брезгливо посмотрел на свою изгвазданную мантию. — Три девки в комнате, и никакого порядка.

Я недоверчиво заглянула под кровать. Там было так темно и пыльно, что одинокий недовязанный Алией чулок испуганным щенком забился в угол.

— Эй, — позвала я на всякий случай неведомых подкроватьных жителей. Те всхлипнули и разбежались, обиженно шлепая босыми ногами. — Может, им сапожков нашить?

— И кафтанчики. Шапки, шубки, рукавички не забудь. Да ты хоть знаешь, сколько их в твоей комнате живет?

— Сколько?

— Учитель расскажет! — рявкнул вдруг Анжело. — Проснулась?

Марш на занятия! Иначе Рагуил Сатанович тобой сегодня пообедает. — Слушай, А Сатанович нашему Серикиилу не родственник, часом?

— Дядя с племянником. А что? Ой! — только и успел вякнуть Анжело, пробкой вылетая из комнаты, подгоняемый подушкой.

— Это чтоб девиц не обманывал больше. Бесполой он, как же, а потом у некоторых пузо на глаза лезет.

— Ты кого имеешь в виду? — насторожился демон, заливаясь девичьим румянцем.

— Дверь закрой! Мне одеться надо.

Я кинулась к стулу, на котором с вечера сложила и отутюженное платьишко, и заштопанные носочки, и едва не взвыла в голос.

Шутки у мелкой комнатной нечисти были такие, что хотелось просто рвать и метать: срезать у сапог подметки, запутать волосы, бросить таракана в суп. Вчера один гаденыш в столовой поскользнулся, таща муху, да и сам свалился мавке в миску. Она — в визг, а он мозговую кость оседлал и ну частушки матерные петь. А сам ложкою гребет, словно по реке плывет. Борщ через край льется, брызги на нас летят. Алия цапнуть его попыталась, только сама в супе уделалась. А старшекурсники хохочут. Они, говорят, у кабатчика Никодима целую бочку вина откупили и теперь по кружке на брата выдают за каждую проказу.

На мне сегодня, видать, тоже кто-то заработал — все платье было аккуратно приколочено к стулу, да такими мелкими гвоздочками, что их и разглядывать замучаешься, не то что отрывать.

— Ах чтоб вас этими гвоздочками, да в зад, — всхлипнула я с обидой, понимая, что лишилась платья. Малюсенькие гвоздики, словно живые, зашевелились, сами вывернулись из стула, поднялись облачком лесного гнуса и, злобно визгнув стальными крылышками, промчались прямо сквозь дверь, наделав дырок, словно в чайном ситечке.

— Ух ты! — восхитился Анжело, слушая залиvistый многоголосый покаянный плач.

Пока мы вприпрыжку торопились на демонографию, мимо нас три раза пробежал табун заросших песьей шерстью домашних. За ними с причитаниями гнались кикиморки, страшненькие и росточком не больше пяди. Они ловили гвозди и кидали их в корзину, в которую вместо коня впрягли дворовую собаку Жужу, наверное единственную в городе не боящуюся нечисти. Ее мельник утопил за то, что она ему без передыху щенят рожала, а водяной спас и Школе отдал. Так Жужа теперь на каждой свадьбе у домашней нечисти была за лошадь.

— Так. — Анжело тормознул перед монументальной дубовой дверью с золотыми симургами и сфинксами. — Моя твоя не знайт.

И растворился мне на зависть. Однако я успела заметить в узкой щели, как мой староста сидит за партой с постной миной, выслушивая очередную глухариную песнь Рагуила Сатановича. Этот трюк он мог

бы в цирке показывать за деньги. Даже я иногда покупалась, начиная разговаривать разговоры с мыльным пузырем, во всем похожим на Анжело, только пустым внутри. Поди разберись, кто за мной прибежал: настоящий демон или его двойник.

Я робко сунула голову в дверь с бронзовой табличкой «Демонология и демонография».

— Здрасти.

По классу прошел легкий на подъем баловень-смешок.

— О! — неподдельно обрадовался мне педагог и учитель. — Леди Верея! Как же нам вас не хватало. Вы даже представить себе не можете, насколько дисциплинирует подростков присутствие прекрасных дев. Входите же. Входите. И осчастливьте нас докладом о... Он оглядел класс поверх серьезнейших, в роговой оправе, именных очков.

— Исход и смешение народов во второй половине... — зататорил было Анжело, но Рагуил его бесцеремонно оборвал:

— Энджил, я бы попросил вас не губить момент триумфа госпожи Вереи. Вы же видите, наша чаровница даже проспала, так усиленно работала до поздней ночи над этой темой. — Чуть склонив набок свою лосиную голову с ветвистыми позолоченными рогами, он ехидно уставился на меня. Правый его глаз был зелен, как луга Вырия, и обещал блаженство всем, кто засыпает с книгой, а просыпается с отточенным пером, готовый день и ночь внимать учителям. Но левый пламенел, как огненные реки в обиталище угрюмца Сурта. И ничего хорошего он не обещал.

— Э-э-э, — заблелая я овцой. И тут же увидела, как Анжело переглянулся с ребятами, и все начали мне сигналить книгами. Система была проста, главное было не иметь врагов среди учеников или чтобы у парней не оказалось слишком игривое настроение.

— В году семь тысяч сто восемьдесят шестом от последней битвы и нового сотворения мира... — начала я. У педанта Рагуила, любящего точные даты, навернулась на один глаз слеза умиления, — ...в пределы Поречья с востока вторглись кочевые народы под предводительством правителей Ветра, Чумы и Неистового. Правильно?

— Абсолютно, госпожа Верея. Но я надеюсь, вы все-таки пройдете от дверей к кафедре. А то у меня невольно возникает ощущение, что вы к нам на минутку заскочили. А ведь формирование

Северского пантеона — тема глобальная, не на один и даже не на два урока.

Я закатила глаза, а Анжело начал бешено листать конспекты, ища вчерашнюю тему. Рагуил, вытянув губы трубочкой, делал вид, что глазает в окно, и только что не ржал в голос — он тоже умел проворачивать трюки с тетрадями учеников в духе балаганных факиров. Все, что самоуверенные демоны не удосужились прочесть, навеки стерлось из тетрадей и учебников. Теперь нам предстояло паломничество в мрачные подвалы школьного архива.

— Так что у нас с Поречьем? — глумливо осведомился козлоногий.

— Народы двинулись на север, вытесняемые варварами-степняками, — мучительно выдавила я, припоминая крохи общей географии, полученные мной в приюте. Звонок едва не исторг из моего горла победный клич.

— Да! — Анжело хлопнул ладонью по парте и тут же серым прахом рас сыпался под взглядом Рагуила.

— Но я надеюсь, завтра с самого утра...

— Вы услышите мой доклад, — заверила я уже полупрозрачного, но от этого не менее жуткого учителя, от которого оставался только один глаз. Тот, огненный.

При первой нашей встрече Рагуил с увлечением рассказывал о своем участии в Последней Битве, и с тех пор его улыбка леденила не только мою кровь. Хотя втайне все ученики надеялись, что Сатаныч нас попросту дурил.

Глаз удовлетворенно моргнул и пропал, а я съехала по кафедре на пол.

— Надо идти в архив, — озабоченно пропыхтел над левым ухом Анжело.

— А, господин подсказчик. — Я попыталась ухватить его за чуб, но демон уже сидел на своем месте за партой и хмурил лоб, пытаясь хоть что-то вычитать в тетради. Однако ж все записи странным образом обернулись мелкими картинками и живописали в красках, как порют нерадивых учеников.

— Извини, подруга, но мамой клянусь, там про нашествие с востока было написано. — Демон с неподдельным раскаянием в глазах ударил себя в грудь.

— Неуч, лентяй и бездельник, — заключила я. — В архив-то со мной пойдешь?

Пустая аудитория ответила мне гробовым молчанием.

— Предатель и провокатор, — окончательно расстроилась я, представив свое скорое безрадостное будущее — или меня сегодня скушают в архиве, или завтра в классе. Завтра, конечно, лучше. Но с другой стороны, в жизни всегда есть место чуду... и подвигу.

На дрожащих ногах я спустилась в подвал, в хозяйство Рогача.

— Чего надо? — уставился на меня недовольный бес, застигнутый врасплох с какой-то амфорой в руках. В сосуде кто-то подозрительно стонал и бился о стенки.

— М-мне в-в архив. — Дрожа душой, проямлила я, проклиная себя за то, что вообще додумалась прийти сюда одна. Крутые лестницы были покрыты слизью, разбиты и выщерблены так, словно сто чертей катали по ним пудовые гири, плевались, выпивали, сморкались, одним словом, веселились. Узкие коридоры заросли мхом. Стены сочились подозрительного цвета жижей. А с потолка время от времени валились жирные лоснящиеся слизи, падали в клубящийся по полу туман, густой, непрозрачный и вонючий. Камеры-отнорки были забиты ящиками и бочками. Ледяной сквозняк бодрил мурашек на спине. В темной дали слышалось бормотание и плач.

— Ключ висит на стене. Забирай и убирайся, — буркнул недовольный завхоз, пятясь от меня задом. Внезапно амфора в его руках пошла паром, начала дергаться и биться, словно в ней сидел сом, решивший вырваться на волю. Рогач с визгом подскочил на месте и бросился прочь, швырнув кувшин на кучу пакли. Я тоже завизжала и со всех ног припустила вверх по лестнице. Позади кто-то хохотал и смачно бился о стены, лестница прыгала под ногами, ключ выскальзывал из потных от ужаса ладоней.

Сотня крутых ступеней промелькнула под ногами как одна. Мы с Рогачом остановились наверху, едва дыша и с ужасом ранимых травоядных глядя в темноту.

— Ты... Это... — отдуваясь, проговорил бес.

— Ага, — не стала я вступать в дискуссию и тяжело потопала прочь, понимая, что в архив я в одиночку не пойду.

Школа была пуста и тиха. За дверьми слышались потерянное бормотание учеников и пламенные речи преподавателей. Стучали по наглядным пособиям указки. Скрипел, протестуя против насилия, терпилец-мел. Похоже, я вообще скоро перестану ходить на уроки.

Изобразив зубасто-виноватую улыбку, я сунула голову в кабинет естествознания:

— Офелия Марковна, можно?

Кощеиха подпрыгнула от неожиданности, вызвав приступ здорового смеха у подопечных. Схватила за сползающие очки, потянула за поехавшую с плеча мантию и все перекосила так, что мне сделалось стыдно за взрослого человека — не первый же год в Школе, чего так пугаться каждого шороха?

Наша всезнайка сделала большие глаза и, выглядывая из-за кадки с фикусом, начала мне делать знаки.

Нечего делать, пришлось идти позориться.

Пока класс хохотал, я объяснила нашим «святым мощам», в какую кашу вляпалась. Как только в Школе все узнали, что на меня практически не действуют обычные, привычные в быту проклятия, наговоры и чары, их на меня посыпал ось столько, что я теперь сплю без продыху. Такая вот странная реакция организма.

— Это безобразие, — прошипела Офелия Марковна. — Я сегодня же поставлю в известность Феофилакты Транквиллиновича.

— Лучше отпустите меня в архив, Офелия Марковна, — жалостно запищала я.

— Хорошо. — Кощеиха высунулась до пояса из-за фикуса, оглядывая класс, как белка — подозрительно притихший лес. Чем позабавила учеников еще раз. — Сегодня простая тема. Голосемянные.

Я на всякий случай кивнула головой, чтобы не расстраивать хорошего человека. Хоть мохнатосемянные, лишь бы отпустили.

— Стой. — Офелия осмотрела меня со всех сторон. Провела по лбу золотым кольцом, осталась недовольна. Однако после прысканья мне в лицо водой, бормотания молитв и навешивания полудюжины оберегов я была отпущена и благословлена. Осталось только выбрать, с кем мне пойти на подвиг.

Я, конечно, предпочла бы Алию с тяжелым топором на плече или вообще с толпой. Да только как уговорить толпу? Вздохнув, я

пошлепала в комнату. Все наши вещи — тетради, одежда, летняя обувь и оружие — лежали в огромном, хитром сундуке Алии. Огромный и красный, как домовина вурдалака, он легко катался на колесиках. Я вытянула его из-под кровати, дернула крышку и поняла, что вчера в нем рылась Лейя: все было вверх ногами. Пованивающие, растоптанные тренировочные бахилы Алии были небрежно завернуты в ее же беленькое платице — на всякий случай. Сверху на нем валялся обсосанный и намертво присохший петушок, а вокруг него в красивом беспорядке «всяка хрень», как говорила Алия в порыве поэтического вдохновения.

Поняв, что хуже не будет, я начала кротом вгрызаться в эту грудку. Где-то там, на дне, должны были лежать заранее сшитые добросовестной Алией тетрадки для черновиков. Однако первым, что угодило в мои руки, оказался дневник Лейи, который та любила пописывать, сидя вечерами на подоконнике и томно закатывая глаза. Я утверждала, что, наверно, она кропает стишата, но Алия, отрицавшая пользу разнообразия в творчестве, утверждала — «всяку хрень».

Чуть не урча от нетерпения, я вытащила тетрадь из сафьянового мешочка и раскрыла на середине, азартно шаря взглядом по ровным, словно ребенком выписанным, рядам буквиц.

«Зима. Первый день полной луны.

Сегодня было морозно. Звезды огромные и притягательные. Воображала себя ведьмой. Летала до одури под луной. Понравилось, хотя и не всегда попадала в стог. А еще какой-то дурак воткнул в них вилы. Мальчишки-старшеклассники играли с летицами на раздевание, я помахала им рукой.

Второй день луны.

Обидно. Оказывается, вчера в Школу прилетала баньши. Говорят, жутко выла и билась в окна. Теперь жди, когда снова вернется. Невезучая я... Пойду еще поиграю в ведьму.

P.S. Опять воткнули вилы, дураки.

... до новолуния.

Если у всякого строения есть свой дух-хранитель, то есть ли он у Школьного акведука? Надо выяснить.

Следующий день.

В акведуке темно, сыро и холодно. Всю ночь кричала и звала духов. Никто не откликнулся, зря вымокла только.

P.S. Снова прилетала баньши, только теперь, говорят, бродила по Школе. Громче всего плакала в умывальнике. Никто не пошел мыться. Что ж мне так не везет?

... без даты.

Только сейчас поняла, что на каждом этаже по уборной. Как это возможно? Поговорила с домовым. Много плакал и вырывался. Да, поиски истины тяжелый труд...»

Понятненько. Я сунула дневник обратно в мешочек, пытаюсь сообразить, когда это мавка летать научилась? И вдруг вспомнила, как пьяненький Гуляй, наш школьный дворовой, божился и бил себя в грудь, уверяя, что иногда со школьной крыши учителя нерадивых учеников сбрасывают.

— Как они кричат, сердешные, как воют, — размазывая пьяненькие слезы, печаловался седой дед о злой судьбе разбившихся о каменные плиты двора бездельников и неучей.

— Ну и сильна ты, девка, — присвистнула я, восхищаясь Лейиной смелостью. Лично я бы ни за что с крыши не прыгнула, особенно если не всегда на сено попадаю. Беру с собой, герои нам нужны. Нам сейчас совсем никак без героев.

Увязав необходимое в узелок, я направилась набирать отрядик добровольцев.

Алия пыхтела в гимнастическом зале, истязая ножки шпагатом.

Я сдуру один раз поддалась на ее рассказы о здоровой пользе упражнений и чуть не порвалась, как та лягушка. Потом ходила раскорякой, с нелюбовью глядя на подружку.

— Эй, лягушка болотная, пойдем че покажу.

— Куда? — сдувая челку, воззрилась на меня подруга, завязываясь хитрыми узлами. — И с чего это лягушка? Это у нас Лейя свет мавковна болотная, а не я.

— К ней тоже забегу, — успокоила я Алию.

Алия лишь еще сильнее запыхтела, правда, не отказавшись. Я на ее выкрутасы даже смотреть не стала, человеку этого не сотворить.

В музыкальном классе шел урок гармонических чар. От пения девиц творились чудеса, вскипали буйным цветом сохлые цветы и дохли жизнерадостные тараканы.

Учитель Флейта парил под потолком, полупрозрачный и прекрасный, словно солнечный рассвет весной. Всем улыбался так, что сразу же хотелось из шкуры вывернуться, чтобы угодить ему. Мы с Алией не говорили мавке, как выглядит он, если глянуть вскользь, у каждого есть право на ошибку.

— Эй! — Я замахала руками, нарушая общую гармонию порядком спевшегося класса. Лейя зыркнула на меня, словно на врага, намеревающегося порезать всю семью в лоскутья.

— Чего тебе?

— Дело есть. Поможешь?

— Да? А что такое?

— Тебе понравится. Ты отпроситься можешь? — По сузившимся глазкам Лейи я сразу поняла, что лучше было бы мне мертвенькой родиться. Никто не смеет отнимать ее любимого учителя от лучшей ученицы.

— Ну пожалуйста, — сменила я по-быстренькому песню, давя на жалость и сестринскую любовь. Невесомый Флейта мне подмигнул из поднебесья и сделал знак обеим убираться.

— Ну и куда мы? — осведомилась Алия, не представляя, чего ради Вульфыч вдруг расщедрился, без драки отпустив ее из «пыточного зала».

— А? — изобразила я дурочку деревенскую. — Так вот, пришли уже. Сейчас кой-какие документики возьмем, и назад.

Подруги замерли на полушаге. Лейя вытаращилась, а Алия присвистнула.

— Ну ты даешь, подружка. Теперь, если помирать захочу, буду знать, к кому обратиться.

Минут пять мы бодались в темном коридоре. Я плакала и унижалась, обещая всю жизнь подружкам ручки целовать, а они твердили, что нецелованными помрут, зато в глубокой старости. В разгар баталии в глухом и беспросветном мраке коридора вдруг рявкнуло и вдарило так мощно, что пол скакнул, а с потолка на нас посыпалась труха и старая побелка.

Мы трое сразу же притихли. Лейя дрожала как осиновый лист.

А я припомнила, как в самом же начале учебы нам поломойка Любша говорила не ходить в архив, там-де дюже зла зверюшка, одна

гуляе. — Я быстро. — Алия сбегала за алебардой, по-видимому, тоже не гнушавшаяся общества Любши.

— А-а-а, — потянула жалостливую песню мавка, и не успели мы на нее шикнуть, как, повинувшись ее голосу, зажглись сами собой светильники. Свет получился жидкий, словно с жира тухлого, но и то хлеб.

Выдавив вперед каменную от напряжения Алию с корявой железкой наперевес, мы по полшажка, по полшажка пошли к зеленой от неупотребления и жутенькой на вид двери.

— Ни-и-зя, — прошелестело вслед. Мы с визгом подпрыгнули на месте. Обернулись и увидели толстого, красноглазого, длиннохвостого крыса. Тот противненько так хрюкнул в когтистый кулачок, потом показал нам язык и смылся. Даже запустить в него ничем не успели.

— Не, так мы раньше времени чоботы отбросим, — прошептала Алия и утерла пот. Затем решительно отобрала у меня ключ и открыла проклятую дверь. Навалилась плечом.

В архиве оказалось душно и вонюче. Едкий дым зеленою волной плыл, игриво заплетаясь длинными полосками, как змеи по весне. — Эй, кто там сквозняки устраивает? — рывкнуло на нас издалека.

И голос был один в один как только что у крысюка.

— Я от учителя Рагуила! — крикнула я, привстав на цыпочки, и вытянула шею, пытаюсь разглядеть того, кто там за стеллажами. — Ты че орешь? — толкнула меня в бок нервная Лейя.

— Да ладно тебе. Раз не съели сразу, так, наверно, все нормально.

— Убирайтесь, не знаю я никакого Рагуила.

Вдалеке разбилось что-то стеклянное.

— К счастью, — уверенно заявила я и потопала на звук проклятий и невнятного бормотания.

Четыре каменные ступени вниз, а дальше... словно дивный сон, где сказка о разбойничьей пещере переплелась вдруг с байкой о колдунье.

— Вот это да! — воскликнула Алия, радостно, словно мытарь, обнаруживший укрытый от налога воз добра. И я ее прекрасно понимала.

Это с порога весь архив казался скучным и прямоугольным, С одним, почти невидимым вдали унылым фонарем, грустно

освещавшим ряд бесконечных полок с ровными рядами пыльных книг и аккуратными поленицами свитков.

— Иллюзия, мон шер, как говорит мой староста.

Здесь все было навалено огромной грудой, и бардак был капитальный, как в хижине золотаря.

В огромных кованых треногах цепными саламандрами ревели, бились языки огня. Их отблески плясали на безумных, невозможных просто горах золота, камней и распахнутых, как уличные девки, сундуках — иди, бери что хочешь.

В этих сугробах из монет, перстней, корон и трехведерных кубков тонули, распластавшись так и смяк, блистательные рыцарские латы. Их было здесь так много, что хватило бы на Златоградский полк.

А всякие там чеканы, булавы немислимо бы было сосчитать. И все это не абы как, а с золотой насечкой и эмалью, и в бриллиантах, и из лучшей стали, и с такими клеймами, что Алия чуть в обморок не упала.

И уж среди этого добра, как остовы разбитых кораблей, чернели жуткие полугнилые полки, на которых кукожилась что-то скорченное временем и мерзким обращением.

Бурые, как языки покойников, пергаменты столь безобразно свешивались вниз, что не хотелось даже прикасаться к ним, не то что рыться в поисках не сгнивших до конца гримуаров.

Я тронула одну из книг, и та распалась прахом, выворотив плесневелое нутро наружу. Только и успела, что прочесть название — «... до сотворенья мира». А кто там автор и про что писал, теперь останется загадкой.

Мы втроем попробовали влезть на кучу повыше, чтобы оглядеться, и съехали с нее, как с горки. Алия выворотила по дороге меч и онемела, словно квочка, высидевшая жабу, только разевала рот и делала пальцами «корону», намекая, будто знает, чья цацка.

Лейя глупенько хихикала, вся с ног до головы осыпанная пылью бриллиантов, и я, признаться, испугалась, что теперь ее так и схоронят с этим радостным оскалом на Лице.

— Эй! — воззвала я гласом племенного бугая, вдруг не на шутку устранившись потерять подруг. Схватила за руки обеих и без дороги припустила среди сказочно сверкающего барахла.

То есть оно мне тоже здорово понравилось, но я еще в нем и скелеты углядела, и ведьминские метлы, и другое что, без чего колдуны не могут. А там, где пахнет колдовством, мне не до веселья и не до интересностей.

Бежать по курганам монет оказалось не легче, чем по подтаявшему льду, мы постоянно оскальзывались, и мне стоило усилий оторвать этих дурех от очередной находки. Вдобавок с каждым падением подружки становились тяжелей. Алия все порывалась вырвать руку, потому что все добро в одну не помещалось, а хитренькая мавка попросту взяла огромный кубок и ссыпала туда разные камни. Обе они время от времени говорили «ой» и очень ненатурально валились на бок, стараясь не рассыпать награбленного.

За курганами слышался знакомый мерзенький смешок, то там, то здесь я видела раскормленного крыса, который, ни капли не таясь, над нами ухахатывался, правда, благоразумно держась подальше.

— Ни-зя. — Он грозил пальчиком, и я боялась, что действительно нельзя. Подружки как с цепи сорвались, но ведь недаром же тут плавают зеленая, явно колдовская дымка.

— Да помогите же хоть кто-нибудь! — в отчаянии взвыла я. Крысюк свалился с кучи мне под ноги, взлетел проворнее бельчонка на голову и, лапами зажав мой рот, испуганно так вытаращился.

— Ты че, хозяин услышит.

— Так страшно же.

— А будет еще страшней, он знаешь как не любит, когда его от опытов отрывают. Триста лет мы с ним, и ни разу добром не кончилось. Так что засохни в тряпочку.

— Мне книжки надо по Северскому пантеону. У меня доклад, проямлила я, едва не плача от обиды и оттого, что толстый крыс висел на волосах, выдирая их с корнем. Снять пасюка мне было нечем, обе руки были заняты подружками. К счастью, крыс сам свалился, бормоча:

— Книжки, книжки. Сдались вам эти книжки. У нас тут вам что, читальня?

— Архив у вас. Школьный, — пробормотала я, немало удивив сим заявлением бухтевшего крысюка.

— То-то я голову ломаю, зачем сюда всякой дряни натащили?

И хозяин еще мне говорит — си-сте-ма-ти-зируй. Да тут этого барахла немерено, а крысы, между прочим, три года живут, и все! — Он печально махнул лапой, показывая, как резко и трагично обрывается жизнь собратьев, но я не посочувствовала трехсотлетнему лентяю.

— У вас хоть что-нибудь уцелело? — Я грозно сдвинула брови.

— Уцелело, — вздохнул крыс. — Но вокруг хозяина. Вид-то надо было делать... Но я бы не рисковал. Подумаешь, поставят неуд. Первый раз, что ли?

Я не нашлась, что ответить. Действительно не первый, но не хотелось бы, чтоб последний.

— Не проверяют вас, что ли? — рыкнула я, отрывая подол от особо приставучей железяки.

— Ну как же не проверяют, — надулся от гордости и ехидства крыс. — Нас ежегодно, как положено, проверяют.

Он скосил глаза на совершенно пьяных от награбленных богатств Алию и Лейю.

— Потом краснеют, извиняются и ежегодный акт подписывают.

Жутко полезная эта штука — заклинания от воров. Мне даже один проверяющий после этого собственные вещички на хранение принес. Тоже большой ученый, как и мой хозяин. Представляешь, сумел запихнуть в зайца утку, щуку и громадное яйцо.

— С иголкой?.

— Точно! — подтвердил крыс. — Правда, я иглу сломал, когда в замке ковырялся. Сундук, понимаешь, захлопнулся. Ну, я думаю, не станет мужик из-за ерунды скандалить?

— Можешь быть спокоен. — Я похлопала крыса по плечу. — Тебя хоть как зовут-то, герой?

— Гомункул я. Можно Гомункулус. А хозяин иногда Эректусом Вульгарисом обзывает, но че-то мне это имечко не очень. — Он просительно заглянул в глаза, и я поспешила его успокоить, мол, никаких Эректусов, друг Гомункулус, и все.

— А кто хозяин — чародей, колдун, некромант?

— Бери выше. Алхимикус он! Изучает суть явлений и преобразования материй и энергий, во!

— А что же ты меня тогда пугаешь? — тормознула я крыса. Алхимикусов знаю. Чудные, конечно, но ведь люди.

— Э-э-э. Понимаешь... — замялся Гомункул. — Он изобрел эликсир для превращения людей в животных и обратно. С прямой формулой все нормально, а вот обратная не идет. Слышала, как недавно бабахнуло?

— Ну. — Я припомнила кружащиеся хлопья извести.

— Нестабильные элементы, — важно поднял пальчик с коготком Гомункул. — Триста лет уж бьемся. Хозяин даже головой малость повредился, но это не страшно. Страшно на него смотреть.

— Это как? — попятилась я, заметив, что мы уже стоим среди островка порядка, где и полки не гнилые, и книги не кучей, и вообще все выглядит жилым и ухоженным: оружие в витринах, на витринах бирочки, кому и что принадлежало. Сокровища все в сундуках, и на каждом сундуке подписана династия. Дальше аккуратно, на бархате и шелке возлежали колдовские штучки. И совсем уж вдалеке мной был замечен водопад стеклянных трубок, по которым что-то медленно перетекало.

— Крыс подхватил меня за подол и поволок вперед.

— Ты, главное, не поднимай глаза.

Уж лучше бы он этого не говорил. Я, как замороженная, замерла перед высоким стеллажом. На нем были красиво так разложены доспехи степняков: бронзовые — княжеские и ватные халаты пастухов, принимавших участие в том бандитском набеге, что внезапно обернулся завоевательным походом. Рядом же лежали свитки и почерневшие от времени, оправленные в золото и серебро летописи — бери, читай. Но мои мысли были все о том, кто кряхтел, шипел и звякал пробирками там, за спиной. Чего уж я не насмотрелась в этой школе, даже змея двухголового видала и Анжело с его зубами. А бесы? А вампиры? А другая нечисть? Неужто человек страшней?

Я так и сяк крутила в голове, как может выглядеть алхимикус. И чем дальше, все страшнее становилось. А чем страшнее становилось, Тем сильней хотелось посмотреть. А чем сильней хотелось посмотреть, Тем все страшнее становилось. Так что я уже ничего не слышала, кроме стука сердца и зловещего, ужаснейшего звона алхимических пробирок, бормотания ученого.

— Стой, ты куда? — услышала я выкрик и скрип копей отчаянного Гомункулуса, пытавшегося остановить бездумно

прогуливающуюся вдоль выставки оружия Алию. К ней присоединилась Лейя, кидавшая в свой кубок золотые безделушки.

— Не надо! — Я замахала руками, пытаюсь отогнать подруг, как огородник назойливых ворон. И тут у меня над ухом скрежетнуло: — Это кто?

Алия и Лейя замерли, разом побледнев и выронив из рук свои сокровища. Я тоже обернулась, что ж теперь. И заорала так, что в горле засадило.

Прямо на меня смотрел огромный паук. Нет, паучище! Огромный ПАУЧИЩЕ!!

Воздух во мне кончился, и свет в архиве померк.

Феофилакт Транквилинович был чернее тучи, жутче мора и красноречивее старушки-смерти. Его многозначительное, нарочитое молчание вгоняло в смертный ужас пошибче крика, и проклятий, и обещания всех смертных кар.

Мы трое вжалась в стулья и почти что не дрожали. Ну разве что в те мгновения, когда вспоминали паука. Как он скакал за нами, скрежеща «Не у-бегай-те!». Уж лучше бы он молчал. Или же нет?

Я вдруг представила, как молчаливый монстр нас гонит по архиву, и тихо так завывала «ы-ы-ы». Пока Алия и мавка не стиснули меня с двух сторон.

Алия сидела пришибленная, словно ей на голову упала булава.

Мавка громко и неудержимо икала, глаза ее съезжались в кучку, лицо теряло осмысленное выражение, потом глаза медленно разъезжались, а дурасть с лица так и не сходила.

Мы трое стыдливо прятали глаза, предпочитая смотреть на потолок, на пол и на педагогов, испуганно сгрудившихся в дальнем темном углу.

А с подоконника неслись ужасные, терзающие душу всхлипы Гомункулуса:

— Он был таким добрым! Таким умным! Таким кра-си-ив-ым! Алия вздрогнула, заклекотала горлом, и я поспешила сунуть ей в руки утащенный таки меч.

— О мой хозяин! О-о-о! — не унимался крыс и бился безумной птицей в окно.

Там, на улице, зияла разверстая бездна, немое, но красноречивое свидетельство нашего злодеяния.

— Хорошо хоть архив находился не под самой школой, — мудро изрек господин Рагуил. На что ему возразили, что фундамент таки треснул.

Ученики, вывалившие на улицу, в немом почтении взирали на творенье наших рук Полпарка рухнуло в пропасть. И теперь там, где любили прогуливаться парочки, раскинулся котлованище, неприличный и мерзкий на вид.

Под грудой камней кто-то скребся, пучил землю и робко требовал прекратить безобразия.

— Как вы это вообще сотворили? — убито спросил сидевший на другом подоконнике Гуляй, которому теперь предстояло разгрести завалы и прочие последствия наших разбойных деяний.

— Кык-лонны, — икнула мавка. — Кык-лонны лопнули.

Я смутно припомнила зашедшуюся в визге мавку и Алию с белыми от ужаса глазами. Паука, на которого медленно оседает потолок И снова начала сольное выступление. Печальное «ы-ы-ы» поползло по кабинету, переполняя чашу терпения директора. Он сморщился, как печеночник при виде дохлой крысы, и, брезгливо поджимая губы, велел нам убираться. Мне даже показалось, что сейчас его стошнит от нашей тройцы.

Мы безропотно, как мыши, пойманные на распутном поедании сыра, пошли понуро из директорского кабинета.

Алия сунула Теофилакту Транквиллиновичу меч, я — тяжелую серую книгу, которую, оказывается, судорожно сжимала в белых от ужаса пережитого пальчиках. Мавка молча отрыгнула в ладонь директора огромный голубой карбункул.

Вид у директора при этом был такой, словно ему скормили на обед любимейшего друга. Он дернул кадыком, глядя, как по пальцам текут слюнки, и что-то утробно промычал. Стошнило же почему-то Офелию Марковну.

Вечер для нас был тягостен и безобразно длинен. К нам заходили все за всякой ерундой, лишь бы взглянуть на героинь дня. Летавицы окидывали нас мимолетным цепким взглядом в поисках следов побоев. Демоны пытались глянуть глубже — кто-то пустил слух, что нас

пороли. Все склонялись к мысли, что наша троица уж не жилицы, учителя только решают, как нас уморить.

После ужина, кряхтя и горестно стелая, появился Гомункулус.

— Я поживу у вас, пока хозяина не откопают, — заявил он, кидая собранный мешок на стул и по-хозяйски окидывая взглядом комнату.

— Чего это? — насупилась Алия, подозревая в крысе чересчур наглого самца.

— Спокойно. — Ничуть не смутившийся от ее грозного вида Гомункулус развязал мешок. — Во-первых, Верее надо помочь писать доклад. Во-вторых, вы дом мой развалили. В-третьих, я вас буду охранять.

И, глядя в непонимающие глаза лаквиллки, усмехнулся.

— Феофилакт согнал всю дворовую нечисть на раскопки. Они вас всех теперь так любят, ох как любят.

И, не дожидаясь, пока мы переварим новость, начал обживаться, раскладывая свой нехитрый скарб с хозяйским видом: пинеточки на четыре ноги, вязаный колпак, банный халатик, слоника, качающего головой, и мензурки с чем-то бурым и вонючим. Последними на свет появились разнокалиберные чесалки.

— Даже не думай, — буркнула в ответ на его вопросительный взгляд Алия, а мавка покраснела и захихикала.

— Ладно, разберемся, — уже более радостно проговорил крыс и, взобравшись на стол, стал рассматривать прибор для письма. — М-да, не мой размерчик.

— Сама напишу, — спохватилась Я. — А ты точно знаешь, что писать?

— Я триста лет в архиве, милая, — по-барски похлопал меня хвостом по руке крыс.

— Бумагу жрал, — хмыкнула Алия.

— Ой, ладно вам, — отмахнулся крыс от глупых инсинуаций и, заложив лапы за спину, прошел туда-сюда, как заправский педагог на лекции.

— Значит, так. Пиши. В году семь тысяч сто восемьдесят шестом...

Утро началось с истошного визга мавки. Потом к нему добавился многоэтажный мат Алии. А перекрыл все это трубный рев как

минимум дракона.

Я приоткрыла один глаз и тотчас зажмурилась. Посреди нашей комнатки сопел, волнуясь и нервничая, могучий племенной бугай Бориска. Зверь крутого нрава и дурной славы, красный, как пожар, чернорогий, как демон, и, конечно, злющий, словно черт.

Ни окна наши, ни двери пропустить эту громаду не могли, и я сразу поняла: вот она, расплата, которой нас пугал Гомункул. А копки там еще на две недели.

— Надо что-то делать, — проговорила Алия, прыгая на одной ноге и пытаясь попасть в штанину. Мы с Лейей тоже судорожно натягивали вещи, которые Гомункулус выкидывал нам по одной из комнаты в коридор, куда мы выскочили.

Шнырять крысу под ногами племенного зверя было страшно, а с нашими вещами в зубах и лапах еще и неудобно. Но он честно искупал вину. Раз пообещал трем доверчивым девушкам охранять их от происков, значит, держи слово. Не можешь справиться, расхлебывай. И крыс скучнел, прикидывая на пальцах, сколько дней ему с нами возиться.

— Слушайте, может, мне переехать? — поинтересовался Гомункул, вываливаясь из оккупированной зверем комнатенки.

— Я тебе перееду. Я тебя самого перееду, — с обидой сказала Алия, проявив редкую непоследовательность.

— Он какает! — зарыдала Лейя. В ее голосе звенело отчаяние.

— Бык-производитель производит только навоз, — сообщил, появляясь перед нами светлы очи, Анжело.

Мы четверо дружно заскрипели на него зубами.

— Нам не нравятся такие шутки, молодой человек. — Крыс вздулся пузырем и даже попытался встать Анжело на ногу.

— Но-но. Я с миром. — Демон задрал руки и крылья. — Рагуил велел забрать доклад и намекнуть, что прогула тебе не поставит на сегодня.

— За что такие пряники? — прищурилась недоверчивая Алия.

Но демон начал посвистывать, разглядывать потолок и шаркать ножкой — короче, изображал дурака, пока не получил от вилколака шеям. Потом они еще сколько-то боролись, пока Анжело не наигрался вволю и не выложил как на духу, что демонам вообще нравятся погромы. Что большому количеству демонов требуются и

соответственные разрушения. Что демоны вообще не могут жить в болотном спокойствии. И что последний раз, когда они собрались всей семьей вместе, Приключилась аж Последняя Битва богов.

— Одним словом, дерзайте, — заключил демон и исчез. А Бориска, осознав, наконец, что он в неволе, бросился на дверь. Мы с визгами скатились вниз по лестнице, оставив возмущенно галдящий этаж разбираться с быком.

Через час Гомункулус, упав рядом со мной на лавку, обессиленно доложил, что зверя вывели, а разрушения мне теперь придется оплачивать Школе до старости и еще немного после смерти. Мерзкая дворовая нечисть стрясла с крыса денег на выпивку, и теперь из парка доносились визг И пляски веселой гулянки.

— Ну все, — безнадежно махнул лапой Гомункулус. — Теперь до утра пить будут, а утром опять Бориску притащат.

— Не надо Бориску.

— Самому страшно. Ты комнату видала?

Я в ужасе затрясла головой.

— И не ходи. Летавицы загрызут. — Он горестно вцепился в хвост зубами, подсчитывая нанесенные ему убытки. — И где я им столько деньжищ возьму, чтоб каждый день вином поить?

Столовая медленно наполнялась народом. Правда, наполнению мешала яростная склока, устроенная девицами с нашего этажа. Лейя отдувалась за нас за всех, отгавкиваясь от скандалисток, и медленно отступала под натиском превосходящего врага. Я билась головой о столешницу, представляя себе кошмар грядущих дней. Алия сидела безучастная к миру, как истукан на капище, и лишь едва заметно шевелила губами, изредка загибая пальцы. Подсчеты ее длились недолго. Мавку смяли, и разъяренная общественность взяла нас за шкуру как главных и несомненных виновниц превращения этажа в хлев.

— Веселенькое начало, — вздохнула я, получая в руки тряпку и лопату. У проклятого Бориски, судя по всему, случился острый приступ медвежьей болезни.

До звонка я драила жилое крыло и лестницы, мавка заливалась в нашей комнате горячими слезами, а Алия с ревом гоняла особенно

остроумных недоброжелателей ведром по Школе. Вернулась она красная и злая, но почему-то без ведра, а с бочонком на плече.

— Все, хватит ерундою заниматься, — решительно заявила она. Без откупа нам в Школе не жить.

Прихватив с собой зареванную Лейю и мрачного, как дух отчаяния, Гомункула, она отправилась широким шагом завоевателя империй в котельную, царство истопника Злыдня. Нрав у Злыдня соответствовал имечку, но зато всю печную нечисть он держал в кулаке. Одним словом, не последним человеком был (или нечеловеком, тьфу ты пропасть).

Истопник, как и положено, был черен, кряжист и красноглаз. Маленькие рожки смолено блестели, а шерсть, наоборот, была словно присыпана вся пеплом. Одеждой он, как и Рогач, не пользовался вовсе, стоял посреди котельной с огромной кочергой-шуровкой и покрикивал на юрких бесенят, которые полудюжиной чистили печь. Из огромного ее зева летела сажа. Бесенята сновали туда-сюда с ведрами. Кто-то кричал «И-эх», и в трубе шуршало, словно пробегало стадо мышей.

Во второй печи ревел пламя, но к привычному гулу огня примешивались песни и побряхтывания «ух, хорошо, эх, хорошо».

Мы с Лейей прижались друг к другу, как две коровы посреди чужого двора, зато Алия, промаршировав до Злыдня, решительно и даже по-хозяйски потребовала:

— Ну?

— Где? — отозвался Злыдень, и лаквиллка показала на сидящего у меня на руках крыса:

— Вот.

— Ага, — прищурился рогатый истопник, и не только крысу, но и мне стало нехорошо. Глазки Злыдня показались мне угольями, жар от которых обжигал.

— Эй, эй, вы что? — Взволнованный таинственной беседой Гомункулус попробовал залезть мне в вырез платья, но, тут же получив по лапам, заверещал: — Невкусный я, не надо меня кушать, дядя Злыдень.

Но Злыдню было начхать на верещания крысюка. Отдав шуровку Алии, он не спеша дошел до нас и, сдернув Гомункулуса за хвост, заставил его шмякнуться безвольной и на все готовой тушкой на нечистый пол.

— А ведь и в самом деле гомункулус, — вроде бы как удивился он и, непонятно чему радуясь, громко свистнул, сунув два грязных, заскорузлых пальца в рот. — Шабаш работа! — и рассмеялся. — Гулять будем.

— Приезжал к нам один раз алхимикус, — рассказывала Алия, помешивая ложкой дурно пахнущее варево. Пар поднимался от него такой ядреный, что Гомункул, надышавшись им, уже валялся, сотрясая стены кочегарки пьяным храпом. Злыдень по чуть-чуть добавлял в котел вина, а бесенята следили за конечным, так сказать, Продуктом, смотрели как замороженные на тонкую струйку самогона, льющуюся в бутыль. Лейя им уж и этикетку подписала красной тушью, и парочка рогоголовых металась, не зная, чем к стеклу приклеить гордую и многообещающую надпись про первач. Но главному истопнику сейчас был интересен взвар, загустевающий на дне котла.

— Поклялся тот алхимикус, что за три тыщи кладней сумеет выпарить из бочки крепкого вина зелена змия.

— Выпарил?

— А то. Батя его прямо так в бассейне и держал. Ох, красотища. С вечера воды нальешь, утром уже зелено вино вычерпываешь. Три месяца гуляли всей столицей, пока тетка моя не приехала, Авдотья. — И что? — заинтересовался Злыдень, жадный до всяких жутких историй с мордобоем, как все его собратья. Алия усмехнулась, вспоминая тот веселый год, призналась:

— Тогда я и решила стать валькирией.

— А змей чего?

— Того. Алхимикус бежал, а без крови гомункула другого выпарить папаня не сумел.

— Кто здесь? — вскочил, разбуженный кошмаром, крыс и уже полусонно и обиженно добавил: — Всех натяну.

Бесы захохотали в голос, один начал лапками водить над крысом, нашептывая в ухо гадости, пока Гомункул, вскочив, не завопил:

— Не ешьте меня, я невкусный! — и угорело не вытаращился на нас, не узнавая.

— Ой, что-то там шевелится! — радостно подпрыгнула мавка, тыча веточкой в котел. Мы все полезли посмотреть, сшибаясь лбами, в результате победителем стал Злыдень.

— Маленький какой, — сказал он умиленно и, прежде чем Алия раскрыла рот, проворно цапнул змея прямо из котла. — Держи его, он склизкий!

— Что?

Змей в самом деле оказался скользкий, он стрелой вылетел из кулака истопника и шлепнулся за шиворот раскрывшей рот и в общем-то ни в чем не виноватой Лейе.

— Стойте! — Я бросилась к Лейе, желая помочь, но бесы оказались около нее раньше, а она, видя, что с нее сдирают платье, с визгом кинулась вон из кочегарки;

— Стой!

— Держи ее!

— Зме-юка! — понеслось ей вслед.

Толпа взбешенной нечисти гурьбой погналась за подружкой. Мы припустили следом. А полупьяный крыс, вскочив на мои плечи, завопил:

— Эгей, гони ее в подвалы!

Я же только подумала, что наш змееныш скользкий и, скорее всего, сейчас выпадет.

Так и случилось. Маленький червяк запрыгал по ступеням. Я закричала:

— Вон он! — и Рогача, степенно выволакивавшего из овощехранилища мешок репы, просто затоптали.

— Уйдет, лови его! Уйдет! — ярился истопник.

Я постаралась пробежать по Рогачу как можно аккуратней, а мавка как специально наступила на живот, заставив бедного кладовщика задущенно пищать под каблуком.

— Ай, потеряли! — убивались бесы.

— А вы ему воды, он сам всплывет! — неистовствовал пьяный Гомункулус.

Поняв, что все пропало и грядет беда, я со всех ног пустилась прочь. Но то ли бегала не шибко быстро, то ли уже хлебнувший самогона Злыдень был проворней, но школьный акведук, пускавший жидкую струю водички, так облегчавшую нам жизнь, вдруг заревел смертельно раненой зверюгой и исторг потоп. Стена воды прошлась по этажам, сметая всех, кто зазевался, и обрушилась на наши головы прямо с мусором и дико верещащими соучениками.

Я словно мышь смотрела на водоворот и не могла пошевелить даже мизинцем. Алия и Лейя уцепились за меня.

— Вот он, конец, — заскулила я потерянным щенком. И тут открыла рот мавка.

Бывает, что и величайшие из людей бессильно опускают руки. Феофилакт Транквиллинович смотрел на нас, как тот цепной кобель, которому отдали на воспитание особо бестолкового щенка. Он-то понимает, что нас проще прикопать в лесу по-тихому, но совесть клятущая не позволяет.

— А потом я заморозила всю воду, как нас учил маэстро Флейта, — щебетала Лейя, напрашиваясь на похвалу. Она так и лучилась чувством собственной значимости, пока директор со щемящею тоской смотрел то на мавку, то в окно, где полная луна звала повыть, пустить на волю чувства, отрешиться от бедлама, в который превратилась Школа. Наконец он окончательно отвернулся от окна и стал таращиться стеклянными глазами на заливающуюся соловьиной мавку. Рогач, Гомункулус, Злыдень и еще дюжина бесов почти что разморозились и теперь тихо так сидели в уголке, стараясь не привлекать внимания директора к своим персонам. Другая партия нечисти состояла из дворовых, упившихся на спасательных работах, и тоже тихонечко посапывала в другом углу. В колбе на директорском столе плавал вполне довольный жизнью зеленый змий, всем своим видом как бы говоря, мол, не пора ли махнуть на все рукой и уйти в запой.

— И вот тут вы выступаете вперед. — Офелия Марковна красиво повела рукой, зацепилась широким рукавом за угол стола и опрокинула на нем все, включая золотую клетку с заключенным в нее Гомункулусом.

— Эй! — завопил крысенок, катясь по столу. — Что за дурацкие шуточки? Меня пытать не велено! — и, пойманный проворной Алией, заорал:

Парнишку терзал озверевший палач! Клещами рвал белую плоть...

Учительница задохнулась гневом, а мы поспешно сунули скандалиста под лавку. Кощеиха гордо дернула острым подбородком и,

постучав указкой по столу, продолжила внезапно прерванную репетицию, стараясь не замечать истошных воплей заключенного.

— А ну нишкни! — прикрикнула на крысюка мавка.

Алия делала вид, что с интересом следит за танцем с саблями, который к празднику по поводу вручения архонов пыталась поставить Офелия. Я из бумаги делала для Лейи лягушат, мавка — цаплек. Получалось здорово, уже целое болото заварганили. По синей глади коряво покрашенного стола плыли белоснежные лилии и разнообразные лодочки, в которых, оказывается, понимала толк Алия, всегда, по ее словам, выигрывавшая дома гонки лодочек по ручьям. Через бумажные кораблики перепрыгивали жабы-переростки. Но вскоре мы так увлеклись прыжками бумажных лягушек на щелбаны, что раскричались и получили от Марковны нагоняй.

— На мой взгляд, — завела она глаза к потолку, поджимая тонкие бескровные губки, — ваша троица столько наделала глупостей, что должна сидеть тише воды ниже травы, а не срывать школьные репетиции.

Тихо догорают в небе звезды!
Голуби воркуют на стене.
Невдомек им, белым и крылатым,
Что лишь эта ночь осталась мне!
Четверо войдут, возьмут под ручки.
Голову обреет мне палач... —

затянул очередную песню крыс. Кощеиха не стерпела и, ткнув длинным тощеньким пальчиком в Гомункула, привзвизгнула:

— А вам, зверь неизвестной породы, и вовсе стоит помалкивать, пока вас на опыты не пустили.

Вопли протеста заключенного в клетку крыса разом утихли. Однако ж налитым кровью глазом он принялся сверлить Офелию, нервирова и сбивая с мыслей, от чего вся репетиция шла наперекосяк. Актеры сопели, обещая взглядами всей нашей компании устроить

вечером темную, а мы в ответ строили зверские рожи, пока Марковна не всхлипнула и не вылетела из актового зала.

— Доигрались, ослицы? — напустился на нас громадный Фефер-оборотень, изображавший Чернобога.

— Да набить им буркала, и все дела, — вякнул кто-то из-за его спины, и вся массовка подалась нам навстречу. Лейя взвизгнула, взбираясь на стол с ногами, а мы с Алией вскочили, готовясь принимать бой. Я еще успела замахнуться гомункуловой клеткой на Фефера, но меня сбили с ног и, наверное, намяли бы бока, не появившись на пороге директор с зареванной Кощеихой под мышкой.

Молчаливого его присутствия было довольно, чтобы прекратить побоище. Феофилакт Транквиллинович осмотрел приготовленный к празднику зал. Марковна постаралась на славу, используя дармовой каторжанский труд на благо общества. Стараниями Алии актовая зала блестела как игрушечка. Она с таким остервенением натирала все медные ручечки, финтифлюшки, подсвечники, люстры и канделябры, так яростно «освежала» позолоту, что теперь те сиянием просто слепили. Я тоже приложила руку к этой красоте, отстирывая прокопченные знамена неведомых народов и племен, когда-то клявшихся беречь и поддерживать Школу. Пока я штопала исторические тряпки и подновляла краску на гербах, Лейя наделала праздничных гирлянд, и теперь красно-золотые цветы оплетали стены, каскадами и водопадами струясь по тоненьким колоннам. Только крыс до выяснения его личности бездельничал, сидя в клетке и развлекаясь в основном критикой насчет режиссерских способностей Офелии Марковны.

Директор не поленился, неспешно пройдясь по зале, заглянуть во все уголки, уважительно помолчал, глядя на рулоны бордовых ковровых дорожек, и не нашел, за что сказать нам злое слово — работали мы как проклятые. Тем более что Гомункул время от времени цитировал по памяти всем присутствующим выдержки из «Уложения о наказаниях». По его словам, жить нам оставалось всего ничего, и исключительно в страшных муках. А такие знания сильно стимулируют.

Остановившись напротив стола — озера, где мы устраивали лягушачьи бои, Феофилакт Транквиллинович хмыкнул, нажал пальцем бумажного прыгуна и отправил его через весь стол, разом выиграв три

щелбана. Алия сглотнула, мавка потупилась, крыс, вцепившись прутья, пискнул:

— Свободу свободной личности, — и отпрыгнул на всякий случай, вдруг укусит.

Директор добренько посмотрел на него и улыбнулся:

— Я думаю, проблема вашей троицы не во вздорных характерах, а в переизбытке свободного времени.

У меня дрогнули руки, все, теперь заездят нас общественным трудом до смерти. Я глянула в ужасе на подружек в надежде, что они ляпнут что-нибудь, пока директор не придумал для нас очередное задание. Алия тоже все поняла и состроила мне отчаянное лицо, тогда я наступила на ногу Лейе.

— А-а-а!!! — разразилась воплем мавка, заметила наши с Алией гримасы и заверещала: — А нас в актеры не пускают! А мы тоже хотим!

Феофилакт Транквилинович отшатнулся, а Кощеиха растерянно заморгала глазами:

— Как же не пускают? Я же всех спрашивала, кто желает выступать, записывайтесь. Вы же... вы же не подходили!

Но мавка не унималась, брызгая во все стороны фонтанами слез, противно вытягивая на одной ноте:

— Мы-ы бы-ли за-ня-ты-ы!

— Да!!! — заорал из своей клетки Гомункул. — У нас есть несколько скетчей, которые в легкой и доступной форме объясняют молодому поколению предназначение архонов.

Даже мы удивленно на него уставились. Крыс отпустил прутья клетки, переводя взгляд с наставника на нас и обратно на наставника, и невинно поинтересовался:

— А разве нет?

— Конечно, есть! — возмущенно загалдели мы.

— Чур я первая выступаю! — запрыгала разом просохшая от слез Лейя, вырвала у кого-то из рук зелененький платочек и полезла на помост, установленный специально для праздника.

— И чего она будет петь? — заинтересованно проводила ее взглядом Алия.

— Какая разница? — замороженным голосом откликнулась я, леденя от дурных предчувствий. — Мы следующие. — Показав кулак

Гомункулу, я пригрозила: — Ты тоже пойдешь, провокатор!

— Петь будут все! — отмахнул лапкой крыс и забегал по клетке. Дайте мне бумагу! Дайте мне чернила! Я должен набросать текст и ноты!

Лейя тем временем, взгромоздившись на помост, просто лучилась счастьем. Завязав на голове платочек и подперев пальцем щеку, она закатила глаза и стала дура душой.

— О! Щас споет! — подтолкнула меня локтем Алия. Директор тоже с интересом смотрел на мавку. Лейя вздохнула и, прыгнув козочкой, выдала шедевр:

Говорила мама мне, клятвы есть обманные, да
напрасно

тратила слова,

Затыкала уши я, я ее не слушала и архон с собою не
брала!

Ах, мамочка, на саночках каталась я не с тем!

Обещал мне Ванечка за поцелуй по пряничку,

Ах, я ему поверила зачем?

Бусы в магазине я покупала синие и платок зеленый,
как трава,

Но в сапогах сафьяновых зря ждала Степана я,

Ах, мама, мама, как же ты была права!

Ах, мамочка, на саночках каталась я не с тем!

Мне Сережка хвастался, что он будет свататься,

Ах, я ему поверила, зачем? —

звонко впечатав каблучок в сцену, Лейя отвесила всем земной поклон. Присутствующая нечисть заплодировала, а Офелия Марковна побагровела, словно ей рассказали сальный анекдотец.

— Давайте, закрепляйте успех, — пробурчал Гомункул и сунул мне сзади в кулак записку. Мы с Алией двумя неуверенно покачивающимися упырями полезли на помост, оттирая с него окрыленную успехом мавку, славшую всем воздушные поцелуйчики.

— Мы только еще не спелись, — пробасила Алия, косясь в записку. Я быстро пробежалась глазами по микроскопическим буковкам и, выдав зубастую улыбку, жизнерадостно завопила, а школьные музыканты подхватили мотив:

Позвала меня подруга: «Слышишь, выходи!
Школой выданный архон тоже прихвати!
Понаехали купцы, барахлом трясут,
За товар заморский свой дорого берут».
Я дела все побросала, золото сгребла,
Ведь давно уже с купцами дел я не вела,
Но «забыла» свой ар хон в кошелек вложить,
Ведь навьи дети не умеют без обмана жить!

Знают взрослые и дети:
Обещанья нечисти — слова на ветер!
Кто без клятвы на архоне наше золото берет,
Или дурачок с рожденья, или просто идиот!

Мы вдвоем с моей подругой по рядам пойдем,
Поторгуемся с купцами, спеси с них собьем,
За обновки наши станем золотом платить,
Но навьи дети не умеют без обмана жить!

Вот полез купец в кошель, и глаза на лоб,
Вместо золота лежит там лишь дохлый клоп,
Что орешь ты, дурачина, я ведь не клялась,
Что наутро весь барыш не превратится в грязь!

Мавка не выдержала, завизжала и, ухватив с собою парней, устроила под помостом плясовую:

Знают взрослые и дети:
Обещанья нечисти — слова на ветер!
Кто без клятвы на архоне наше золото берет,
Или дурачок с рожденья, или просто идиот!

Вот!

Офелия Марковна, стойко перенеся вид развратного веселья, нервно глянула на кашлянувшего Феофилакта Транквиллиновича, спросившего:

— И какая из всего этого следует мораль?

— Мораль щас будет! — уверил его крыс, выходя из клетки с видом князя, несправедливо осужденного, но добившегося свободы. Он кивнул Феферу, и тот, подхватив лиру, начал ему аккомпанировать:

Да, друзья, как ни обидно, но конец наш
приближается,
Умной нечисти не видно, нечисть просто
вырождается.

И великое наследство мы на глупости истратим,
Потому что врем друг другу, вечно пакостим и
гадим.

А ведь клятва на архоне — это обращение к богам,
Мудрым, древним и великим, не чета рогатым нам.
И они там, в небесах, слышат все, что мы бормочем,
И рыдают день и ночь, им за нас обидно очень.

Так что прочь нелепый вздор из головы!

Вы уже не просто нечисть — братство вы!

Вы — хранители традиций и последний наш оплот,
Вы ученики великой Школы, покровителем которой
сам Архон.

Феофилакт Транквиллинович удовлетворенно крикнул, а Офелия Марковна зааплодировала.

— Общая идея мне понравилась, — наконец сознался директор, — и я, в общем, не против. Только желательно немного расширить и представить в виде оратории.

— Во влипли, — шепнула Алия, я ее ущипнула: — Лучше глотки драть, чем спины гнуть.

— Кстати, — спохватился директор, глядя на Гомункула, — мы же не определились с вашим статусом.

Гомункул сел на край помоста и, заинтересованно сложив свои лапки, сказал:

— Я неплохо управился с этой троицей и, думаю, вполне бы мог быть педагогом вашей Школы. История, мифотворчество, музыка, театральное искусство, все это мне вполне по силам. — Он мечтательно закатил глазки, но наставник спустил его на землю:

— Я хочу предложить вам пост нашего архивариуса. Конечно, после того, как откопают алхимикуса и расчистят подвал.

Крыс тут же подскочил и, ухватив Феофилакта Транквиллиновича за палец, начал страстно его трясти:

— Что ж, архивариус так архивариус. Уверяю, я справлюсь. Нет недостойной работы, есть недостойные... э-э... мм... индивидуумы. И дико завизжал. Это Алия наступила на хвост предателю.

На следующий день великое событие состоялось. Мы в мантиях, стоя на хорах, тоскливо тянули Гомункулов шедевр, а актеры в масках богов представляли рождение мира и заключение первого договора на архоне. Было так поучительно, что аж скулы сводило. Нет, Лейе понравилось, но то, что вылетало из уст Алии, тянуло на хорошую порку. Я на такое не отважилась и хрипло тянула речитативом нудный текст, ожидая, когда мне наконец-то выдадут эту золотую цацку и отпустят. Так что, когда у меня на шее застегнули цепочку архона, я не испытала ни трепета восторга, ни дрожи соучастности к великому, единственное, что чувствовала, так это то, что у меня ноги гудят и спина разламывается. Свою первую клятву быть верной Школе и братству отгарабанила, как какой-нибудь умрун, тупо повторяющий за некромантом. Алия была в таком настроении, всю дорогу к нашей комнате выпытывая точный текст клятвы, который успела забыть, едва про из неся. И только мавка новорожденной козочкой скакала вокруг нас, восторгаясь тем, все романтично и торжественно.

Какой-то недомерок, попавшийся на дороге, предложил нам спор архоне. Алия не задумываясь треснула его в лоб и промаршировала по бесчувственному телу, вздохнув:

— Нет, надо быть скромнее, больше никаких погромов. Только учеба, прогулки на свежем воздухе, посиделки по вечерам. — А Лейя,

весело щебетавшая, вдруг ахнула и замерла, уставившись в потолок. — Что? — спросили мы с Алией.

— А мне один юноша, ну, в общем, клялся в любви. Ведь я могу теперь проверить его слова на архоне!

— Вали, — напутствовала ее Алия, — давай, резвись, пока подруги умирают от изнеможения.

— А? А куда сначала бежать?

— Туда, где твой... этот... юноша, — сказала я.

— А я сказала, что один? — потеряла лоб мавка. — Какая-то я рассеянная стала.

Но тем не менее рванула со всех ног по коридору прочь. Мы зашли в комнату и плюхнулись на свои кровати и тут же едва не вскочили, услышав из-под шкафа мерзенький голосок:

— Эй! Не спать! — Гомункул выполз, волоча с собой бутылку из зеленого стекла, ловко вспрыгнул на стул, с него на стол, обгрыз на горлышке сургуч, замусорив нам скатерть, и ловко, с хлопком, выбив пробку, заорал: — Ура!

— Можно, я его придушу? — спросила Алия.

— Глупые вы еще, потому что молодые, а ведь у вас начинается новая жизнь! Теперь мы все — нечисть! — И крыс поправил на пузе свой огромный архон.

— Вот шалопутный, — хмыкнула Алия, отбирая у него вино, — как на такого всерьез обижаться?

— Действительно, никак, — согласилась я, отвесив крысу знатный щелбан. И, пока он приходил в себя, мы оприходовали половину.

В первую ночь зимних каникул по традиции гадали. Самым популярным средством освещения стали конечно же свечи. Визг мавок разносился по всему нашему девичьему этажу. Гордячки летавицы прикидывались спящими, но все знали, что они гадают втихую. Почти из-за каждой двери доносились загадочные шепотки. Вампирши набрали целую кучу разномастных сапог, прокрадывались на этаж к ученикам мужского пола, кидали по одному в комнаты и, прислушиваясь к чертыханиям, пытались вычислить имя будущего мужа. Когда летающие предметы обуви стали нервировать и парни закрыли двери во всех комнатах, наглые упырицы стали подстергать

их в темных коридорах, в качестве средства для гадания используя те же сапоги. Если влетающий в комнату сапог поражал в основном предметы быта и редко хозяев, то теперь прямое попадание в лоб оглушало и узнать имя стало намного легче.

Я в гадания не верила, поэтому хоть и не спала, но подобными глупостями не занималась. Лейя, естественно, гадать жаждала всей душой и настраивала сложную систему зеркал, предупредив, что гадающая должна быть одна, и намекая, что, как только она будет готова, безжалостно выгонит нас с Алией в коридор. Алия о женихах не помышляла, собираясь после окончания Школы поступить на факультет валькирий. Дева прыгала по комнате, нанося удары ногой воображаемому противнику. Судя по высоте замаха ног, противником был мужчина. Я лежала на кровати и терзалась лишь одной думкой: как привязать у летавиц к раме окна картофелину на веревочке, не упав с третьего этажа. Конечно, можно попросить кого-нибудь из химер, но они такие грубиянки, могут не только меня выгнать, но еще и летавицам рассказать о моей затее.

Вообще-то, когда затея родилась, я думала о старосте, но Анжело ворвался к нам в комнату три дня назад и огорошил сообщением:

— Все, рыжая, ты староста. Правда, командовать тебе временно будет нечем. У нас дома заварушка, срочно понадобились бойцы. Заметив Алию, он осклабился: — О, люпус хоминис камрад эст.

— Чего? — насупилась обидчивая Алия.

— Ничего, он всегда так, несет не пойми что, — поспешила я замять нарождающуюся свару. — А что за заварушка? Всерьез? Надолго? Может, останешься? Я к тебе привыкла, да и директор теперь начнет на мне ездить, раз я староста.

Ах, милое дитя с улыбкой, как весна,
Как звонкие ручьи и первое цветенье.
Остался б я с тобой,
Но я дух зла,
А зло не ведает покоя и забвенья.

И он, улыбнувшись, исчез, так ничего толком и не объяснив. Но я заметила, что прочая нечисть с их уходом враз взбодрилась и даже

раздухарилась чересчур.

Лейя наконец закончила свое действие и, приподняв бровь, посмотрела на нас. Мы вздохнули и, накинув на плечи теплые платки, вышли в коридор. Там было темно и прохладно. Алия взобралась подоконник и хмуро смотрела на снег за окном. Я протянула ей мешочек с семечками, подруга взяла горсть, и мы принялись, негромко переговариваясь, их лузгать, складывая скорлупу в ладошки. Лейя в комнате молчала, видимо, гадание было делом не быстрым. Мы поиграли в крестики-нолики на стекле окна.

Наконец мавка с довольной мордашкой выпала из комнаты, сообщив, что ее судьба — это богатый красивый эльф. Лаквиллка захохотала, поражаясь Лейиной завышенной самооценке. Та надула губы и предложила подруге самой погадать. Алия хотела было отказаться, но Лейя намекнула, что девица просто боится увидеть в зеркале какого-нибудь рогатого гада, и будущая валькирия, сердито нахмурившись, согласилась. Они уединились в комнате, оставив меня в гордом одиночестве.

Я закончила игру в крестики-нолики на запотевшем стекле, в пух и прах разгромив воображаемую Алию, затем потопталась у окна и посмотрела на горсть шелухи от семечек. Просто так стоять и мерзнуть не хотелось, я ссыпала скорлупу в опустевший мешочек и отправилась в туалет выбрасывать. Коридор был темен, только луна, с любопытством заглядывавшая в окна, давала немного света. Около туалета окон не было, и я застыла на месте, не решаясь переступить порог. Постояла, сама себя позоря всякими укоризненными словами, дескать, такая взрослая девушка, можно сказать, чародейка, а боится темного нужника. Довела себя до состояния тихой злости и, решительно накинув платок на голову, шагнула в темноту, еле вписавшись в проем.

Пошла вдоль стены, касаясь ее рукой, дошла до предполагаемого ведра и разжала кулак. Послышались чьи-то чертыхания, сдобренные изрядной долей отборных ругательств. Я от страха присела, так как был мужским. Что за лешак еще поселился в женской уборной? Может, нечисть какая-нибудь, хотя о чем это я? Конечно, нечисть, здесь другого не водится. Неизвестный перестал поминать мою родню и с обиженными нотками в голосе спросил, вернее, повелел:

— Имя.

Я сначала тихо, а потом во весь голос захохотала.

— Ты чего?! — не понял парень. Я, утирая слезы от смеха, поинтересовалась:

— Кто ж тебя надоумил искать суженую в таком месте?

— А вот тебя это не касается! — вспыхнул обиженный моим весельем незадачливый гадалщик. — И вообще, чего ты на меня уставилась?

— Я?! Уставилась?! Да здесь темно, как в склепе! — Я вытянула руку и помахала перед своим носом.

— А-а-а, так ты не видишь в темноте! — обрадовался собеседник. — Ты с какого курса?

— С первого.

— А факультет?

— Зачем тебе факультет? Ты же имя узнавать явился, так вот, — я перешла на заговорщицкий шепот, — я готова тебе его назвать. Твою суженую будут звать Афигения.

— Издеваешься? — спросил голос в ночи, и по шагам я поняла, что сейчас меня будут бить. Я развернулась к выходу и пребольно ударилась лбом о стену. От искр в глазах в туалете стало даже светлее. Платок упал на пол, и я, при сев, стала рукой его нашаривать.

— Держи, — раздалось сзади, и в руку ткнулся мой платок. Я взяла его, но после пола в туалете накидывать на плечи не стала, так и держала в вытянутой руке. — Я тебя узнал, ты та рыжая, которая подвальных поморозила и архив обрушила, а потом ты еще воровала пирожки с картошкой в школьной столовке.

— Не надо про пирожки! — взмолилась я, вспомнив, как мы с Алией ими объелись, а повариха пыталась поймать ожившую выпечку при помощи ковша, что все-таки не помешало пирожкам добраться до нашей комнаты, распугав учеников, которые приняли их за новый вид тараканов. Что было потом, когда выяснилось, что лапки пирожкам вырастила я, лучше и не вспоминать.

— Пойдем-ка, у меня к тебе дело. — Видимо опасаясь, что сослепу я тут заплутаю и выберусь только к утру, он схватил меня за руку и вывел в коридор. — Мне один гаденыш сказал, что, когда девки гадают, по женской половине Школы бегают черт Святке и если этого черта подкараулить в женской уборной и ухватить за хвост, то он тебе

весь год исполнять желания будет. Только Святке все время обличье меняет, поэтому нужно его имя требовать.

— Ух ты! — восхитилась я. — Я, конечно, не отличница, но рядом с тобой чувствую себя самое меньшее академиком! Еще одна такая встреча, И я лопну от гордости! Кто ж тебе посоветовал ловить злобного черта?

Он засопел. И тут я с удивлением воззрилась на вампира. Красавчик старшекурсник Аэрон был известен на всю Школу, девицы встрече с ним в коридорах неизменно строили глазки и томно вздыхали, обнаружить этот светловолосый идол мужской красоты в женском туалете было немыслимо.

Я знал, что тут какой-то подвох! — отчаянно взмахнул рукой красавчик.

— Еще какой, — согласилась я, — хотя, говорят, вампиры живучие. Он молча посмотрел на меня, не веря, что все так плохо, а я провела пальцем по горлу, объясняя, чем бы дело кончилось.

— Знаешь, чего я сейчас хочу? — спросил он.

— Отомстить, — хмыкнула я, услышав такой глупый вопрос. А он сверкнул глазами и хохотнул:

— Схватываешь на лету!

— Да я вообще не дура! — уверила я его, представляя, что сейчас будет с мавкой, когда я его заведу в комнату. — Хорошо, отомстим за твое долгое сидение в нужнике. — Я прыснула в кулак, а Аэрон бросил на меня возмущенный взгляд. Тогда я стукнула себя кулаком в грудь и, стараясь придать голосу серьезные нотки, полузадушенным голосом сказала: — Могила!

Вампир с сомнением посмотрел на меня, видимо ничуть не доверяя моей клятве, а я продолжила:

— Я помогу тебе, а ты поможешь мне. Услуга за услугу.

— Только не на архоне, — попросил вампир.

Я радостно потеряла ручки.

Признаться, до сегодняшнего вечера я считала упырей чем-то вроде одной большой дружной семьи, в которой слишком много родственников, настолько много, что они даже не все знают друг друга. И, как выяснилось, была неправа. Знали они друг друга наперечет,

даже тех, кого в глаза никогда не видели, потому что все они были если не врагами, то уж солдатами враждующих армий точно. Это не значит, что они кидались друг на друга, нет, они ненавидели с улыбками. А уж такие принцы крови, как Аэрон и Калина, пославший его ловить Святке, улыбались друг другу особенно широко, демонстрируя все клыки.

Я удивилась: как красавчик вообще попался? Но Аэрон, бия себя в грудь, признался, что разыграли его просто мастерски. Мол, от самого Калины он вообще ничего о Святке не слышал, не дурак же он, в самом деле, чтобы верить этому упырю! Просто кто-то с кем-то болтал, а он услышал и купился, потому что любознателен и безголов.

— А это идея! — вдохновилась я. — Кстати, ты богат?

Аэрон сделал обиженное лицо, всем своим видом показывая, что он не просто богат, а готов хоть завтра еще одну Златоградскую империю отстроить, и тут же спросил:

— А сколько надо?

— Кладней сто, — сказала я.

— Не-э, даже не думай. А тебе зачем?

— Ну вообще-то я знаю только двух настоящих чертей в нашей Школе, но Рогач на Святке никак не тянет, а к Злыдню я без бочки хорошего вина не сунусь.

— Я к нему и с тремя бочками не сунусь, — сказал вампир, однако мошну развязал.

Через час мы целой делегацией заявили на кухню к чинно ужинавшим хозяйственникам.

— Привет честной кампании, — с ходу взяла быка за рога наученная Алия. — На дворе праздник, а вы сидите с постными минами.

Кто-то из дворовых, не задумываясь, запустил в нее обглоданной костью.

— У-у, какие вы недружелюбные! — протянула Лейя, а я обиделась:

— Ладно, тогда забираем вино и идем отсюда.

Аэрон демонстративно перекинул бочку с плеча на плечо, еще раз поздравил всех с праздником и развернулся к выходу. Он успел сделать шага два, когда в него вцепились десятки рук и лап.

— Чего вы там опять придумали? — смилостивился Гуляй, уполовинив со своей компанией наше подношение.

— Почему сразу придумали? — пожалала я плечами. — Мы что, не можем, что ли, вас просто так угостить на праздник?

Крыс, сидевший со всеми, мерзенько захихикал, Алия показала ему кулак, но я решила не терять момент и сразу «раскололась»:

— Вам не стыдно? Полшколы сегодня ждет прихода Святке, а вы здесь лавки просиживаете.

— А мы здесь при чем? Мы разве Святке? — вмешался в нашу беседу захмелевший Рогач.

Мы хмыкнули и многозначительно уставились на Злыдня, в молчании хлещущего вино. Мелкие бесенята пытались вскарабкаться по его ногам поближе к кубку, но тот их брезгливо стряхивал. Удивившись наступившей тишине, Злыдень сощурил на всех красные глазки:

— Чего вылупились? — и показал всем два ряда острых зубов.

— Ха! — удивленно вытаращился на Злыдня Рогач, словно увидел его впервые, а Гуляй, благодушно откинувшись на спинку стула, проскрипел:

— Мелковат он против Святке.

— Кто мелковат?! — взревел Злыдень, видимо задетый за живое. Да этот Святке... Да я этого Святке! Да он в городе-то не появляется только потому, что я здесь! — и треснул кулаком по столу.

— Слабо летавиц пугнуть? — сунулась Алия.

— Мне слабо?! — дыхнул дымом из ноздрей Злыдень. — Да я, если захочу, вся Школа от икоты лечиться будет!

— Так чего же мы стоим? — запрыгала Лейя. — Там сейчас съедят все праздничные угощения без нас!

— А как же ваши наставники? — попытался кто-то возразить.

— Да в городе они все, вернутся лишь под утро. Давайте быстрее думайте, а то времени в обрез осталось! — поторапливала я хмельную компанию.

Час спустя в Школе началось светопреставление. Мелкая нечисть стала шумно носиться тут и там, беспардонно шугая с дороги нерасторопных учеников.

— Чего это они?! — удивлялась Химка, осторожно ступая по коридору когтистыми лапами, под которыми бесстрашно пробегали всяческие подкроватные, домовые, коридорные, кто с тряпкой, кто с мешком, явно полным припасами.

Я сидела на подоконнике, лузгая семечки, Алия сейчас со своими вовкунами резалась на щелбаны, а Лейя на мужской половине делала большие глаза, рассказывая, как она чудом спаслась от страшного незнакомого чертины. Я, с усмешкой посмотрев на подозрительную, но очень наивную Химку, пояснила:

— Святке в гости к нам наведалься, вот они и мечутся. — И, мечтательно закатив глазки, вздохнула: — Мне б побольше смелости, никаких гаданий не понадобилось бы.

— А что такое? В каком смысле? — тут же заинтересовалась Химка. Я удивленно вытаращилась на химеру:

— Эй, подруга, у тебя по демонологии-то сколько?

— Сколько, сколько, — отвела глаза в сторону Химка. — Сколько надо!

Не прошло и получаса, как меня, Алию и Лейю вся девичья с половина Школы уже вжимала в стену, загнав на верхний этаж жилого корпуса. Мы испуганно верещали, но общественность, несмотря на все наши протесты и уверения в полном невежестве, уверенно выжимала из нас правду.

— Слышишь, ты, с демонического курса, — зло шипела кудрявая алогубая вампирша, целя в меня остро отточенными когтями, — рассказывай все, что знаешь о Святке!

— Я ничего... ой! Не бейте меня!

— Веря, расскажи им! — ревела испуганная мавка, видя, как летавицы на глазах теряют человеческий облик.

— И поторопись! — многозначительно подула на лапки девушка-оборотень с кошачьими глазами. Я зажмурила глаза и одним духом выпалила им все, что нам преподавал Рагуил:

— Святке ходит с воловьей шкурой, ловит отставших колядующих и, если не получает с них выкуп, разрывает на части или жрет. А сюда пришел в гости к Рогачу, они же родственники.

— А про гадания что она говорила? — вькнули из толпы.

— Если сесть на воловью шкуру Святке, — совсем зажмурилась я, — и не отдавать выкуп, то с него что хочешь можно требовать. Он может на этой шкуре отвезти тебя хоть в дом к суженому, да хоть куда! Хотя бы в царский дворец, вот!

Та скорость, с которой девицы ринулись по комнатам собирать откуп для черта, потрясла даже меня.

— Кажется, клюнули, — неуверенно произнес Аэрон, вслушиваясь в хоровое пение, понесшееся по этажам.

— Ха! — хмыкнул Рогач. — Это ты рыжую не знаешь! Она хоть черта уговорит себе хвост подпалить!

Тут глянувший в зеркало Злыдень вдруг завыл и забился в объятиях снаряжавшей его нечисти. На нем была потешная скоморошья шуба из разноцветных лоскутов, в рукава которой были вставлены еще одни руки, с длиннющими когтями, на голове были позолоченные маленькие оленьи рожки в дополнение к своим, а вставные длиннющие клыки, жутко выворачивавшие верхнюю губу наружу, дополняли облик. Ну а дым и огонь из ноздрей он пускал самостоятельно.

— Друг! — разводил лапками крыс. — Ну не будь таким нетерпеливым! Девушки уже ждут! Иди, потряси их воображение, а то что же ты, унижался здесь даром?

Злыдень злобно бросился на крыса, но из-за клыков все его угрозы звучали невнятно, а Гомункул, вышмыгнув из столовой, как бы между прочим пристроился к девичьей колонне, шепнув крайней:

— Красавица, давай-ка побыстрее пойдем, а то там Святке совсем уж озверел, на людей бросается.

Девица обморочно побледнела и встала как вкопанная. Мы, притаившись на лестнице, ждали, как она по обряду начнет откупаться от черта, но эта полоумная, стоило только ей увидеть красноглазого Злыдня, завизжала и шарахнула откупным мешком ему по голове.

— Ее уже съели? — поинтересовались в начале колонны.

— Тебе-то какая разница, топай давай, — прошипели в ответ. Истопник постоял с минуту с мешком на голове, потом слизнул текущее по щекам варенье, сунул нос в мешок, сказал:

— О! — потом. — А-а! — и, совсем другими глазами глянув на испуганных девиц со свечами в дрожащих руках, довольно заурчал.

Первая жертва со стеклянными глазами и выражением безмерного ужаса на лице смотрела на то, как он роется в мешке двумя парами рук, а когда черт дернул ее за юбку и проговорил: «Ох! Ублажила! Будет тебе жених, богатый да красивый», — тихо сползла на пол. Больше у Злыдня ни к кому претензий не было, зато визг пошел Школе такой, что аж в Веже было слышно.

Добро на воловьей шкуре росло, как на скатерти-самобранке. В обещаниях Злыдень был на удивление однообразен. И мы с тоской понимали, что на нашу троицу останутся женихи только бедные и уродливые, всех прочих черт щедрой рукой уже раздал.

— Смотри, смотри! — азартно тыкал меня локтем в бок Аэрон. — Летавицы вокруг шкуры собрались!

Я тоже с интересом смотрела в окно, с удивлением глядя, как летавицы сошлись на кулаках за право кататься на черте. Шкура была не так велика, чтобы поместить все женское общежитие. Поэтому девчонки без стеснения таскали друг друга за космы, понимая, что второго такого шанса не будет. Лучше сейчас завести себе пару врагов, чем потом весь остаток жизни кусать локти.

— Я тоже хочу! Пустите меня! — выла Лейя, вырываясь из крепких объятий Алии, напрочь забыв, что Святке не настоящий.

— О! За вилы взялись! — хохотнул Аэрон.

Я похолодела, вытаращилась в окно и, сообразив, что ушлые летавицы не просто так взялись за железо, а чертят заговоренный круг, чтоб уж наверняка изловить черта, тоже заорала:

— Выпустите меня! Выпустите!!!

Опешившая Алиа не смогла удержать мавку, и мы, с разбегу застряв в дверях, стали визжать и фыркать, оттирая одна другую. Рогач и Злыдень, покачиваясь под грузом мешков, сытые и пьяные, довольно топали к своей шкуре, которая числилась где-то там, в хозяйстве кладовщика и даже имела личный инвентарный номер. Увидев нас, черти захохотали, но в следующий миг их самих ухватили за хвосты выскочившие из-за горы снеди летавицы, а та самая вампирша, что пугала меня когтями, быстро завершила круг, проорав:

— Ну все, чертина, ты попался!!! Вези нас к суженым!

Увидев направленные в живот вилы и занесенные над головами серпы, черти взвыли и кинулись прочь, но круг был не настолько

велик, чтобы двум рогатым в нем можно было бегать от двенадцати решительных девиц. Так что их очень быстро впечатали в снег и, опасно поигрывая отточенной сталью возле самых пятак, поинтересовались:

— Едем?

Кумовья, сглотнув вязкую слюну, не раздумывая, согласились, ухватили шкуру за хвост, с тоской провожая летящее в снег добро, вместо которого на шкуру уселись девицы.

Поняв, что проще сдаться, я выпустила Лейю вперед, и та с безумно горящими глазами полетела через парк, визжа, чтобы ее подождали. Я старалась не отставать и на самой границе круга поставила мавке подножку. Подруга пропахала животом снег, разрывая черту, и мне даже подмигивать чертям не пришлось. Радостно завопив:

— Й-э-эх!!! — они вприпрыжку рванули с места, демонстрируя недюжинную силу.

Девицы с визгом повалились друг на друга, а два обиженных черта, вопя, что пеньки лесные их суженые, стали хлобыстать шкурой обо все парковые деревья. Но им этого показалось мало и, заметив широко раскрытые двери Школы, они, не сговариваясь, рванули внутрь, решив пересчитать девичьими задами все ступени,

А мелкая нечисть, выскочив на снег, кинулась собирать разбросанные припасы, не смущаясь тем, что все уже перемешалось в жуткую сладко-винно-копченую кашу.

— Ты злая, злая! — ревела Лейя, царапая когтями снег и отпихивая меня ногой.

— Ну чего ты, — гладил дурочку по голове ухмыляющийся Аэрон, пойдём, я тебе пряник дам, сла-аденький.

— Не хочу пряник! Хочу жениха! — рыдала безутешная мавка.

— Обещаю, на следующий год подарю. У меня знаешь сколько в Урлаке женихов для тебя есть.

— А они красивые? — сощурилась Лейя.

— Все в меня, — уверенно сказал вампир и показал зубы.

Лейя задумалась было, но тут Рогач со Злыднем сиганули с крыши Школы и снова понеслись по парку. Девчонки выли, не решаясь покинуть шкуру, а довольные черти летели, высоко поднимая ноги, и ржали, как призовые рысаки.

— Я думаю, нам здесь делать больше нечего, — сказала я, поднимаясь на ноги и отряхивая снег.

Придя в столовую, мы самым придирчивым образом отобрали лучшее из добытого и снесли в каморку кладовщика, где Аэрон, уже по собственному почину, накрыл шикарный стол на двоих.

— Дяденьки заслужили, — подмигнула я начавшему было возмущаться Гуляю, и тот, живо сообразив, что веселье еще только начинается, прижал к ногтю прочую нечисть. Крыс унижался, валяясь в наших ногах и выпрашивая, что же мы задумали, но я была непоколебима, как скала.

Окинув Аэрона оценивающим взглядом, я растрепала ему волосы, укорив, что какой-то он бледненький и вообще нестандартный.

— Давай я тебя по лесенкам погоняю, быстро покраснею, — предложил вампир.

— Дурачок, — снисходительно покачала я головой. — Художественный образ должен быть убедительным, только тогда он впечатляет зрителя.

Мы стояли у каморки Рогача. Черти, вволю накатавшие девиц и стряхнувшие их со шкуры, как мусор, в овражек, теперь делились впечатлениями за дверью, просто уписываясь от восторга, топоча копытами и непрерывно чокаясь кубками. Алия, подглядывавшая в щелку, только восхищенно пучила глаза:

— И куда в них столько лезет?! Да вилокколака просто порвет, если он все это слопаёт!

Я подняла вверх палец:

— Слышал? Время дорого, беги! — и подтолкнула Аэрона в сторону мужского крыла. — Только не переигрывай.

— Веди себя естественно, — вякнула мавка вслед. Аэрон стрелой пронесся по коридору, пинком раскрыл дверь в комнату ненавистного Калины и, злобно рыча, принялся выворачивать мешки, сундуки и шкафы, крича:

— Где? Где он? — У него был такой безумный вид, что Калина не рискнул сразу заехать ему в ухо. Кроме самого хозяина комнаты еще была пара дружков, которые так же растерянно наблюдали за погромом. Выпотрошив последний кожаный кошель, Аэрон бессильно

плюхнулся на скамейку, якобы в отчаянии вцепившись себе в волосы:
— Да где ж этот мешок?

— Ты чего искал-то, мил человек? — пробасил, сочувственно глядя на вампира, Лесовик.

— Мешок заговоренный, чтобы чертей ловить, — сказал Аэрон, бессмысленно глядя в окно. — Святке с Рогачом сейчас винище хлещут у кладовщика в каморке. Всех делов-то — надеть на голову мешок и фигачить дубиной, пока он не поклянется служить до самой смерти.

Лесовик задумчиво поскреб бороду и вспомнил, что вроде бы этот мешок он видел у Лапотка. Вскочив, Аэрон облапил Лесовика как родного и кинулся по коридору, вопя:

— Лапоток! Скотина, отдай мне мешок!!!

Калина, к тому времени уже пришедший в себя, зло щурясь, оглядел погром в комнате и нехорошим голосом поинтересовался у Лесовика:

— И зачем ты ему сказал про Лапотка?

Лесовик широко улыбнулся, демонстрируя толстые ярко-алые губы людоеда, и сообщил, что тот мешок Лапоток давно пропил, а вот новый он в один миг сделает.

И пока Урлакский лорд носился по мужскому крылу, с матом выискивая Лапотка по всем комнатам, Калина с тремя подручными проскользнул к каморке Рогача.

Тощий Цверг, на волосок приоткрыв двери, утвердительно кивнул:

— Сидит к нам спиной.

Лесовик задумчиво шепнул:

— Только кидайте мешок ловчее, а то видали, что он с девчонками сотворил?

Мы прятались за углом, наострив уши и все равно не слыша половины.

— Неужто клюнул?! — прошептал Аэрон, не отрывая взгляда от Калины.

— В стену вожмись, дурачина, — тянула его за рубаху Алия, а я успокаивала:

— Мы так все обставили... Вот ты разве не купился бы?

— Уж дубиной-то точно бить не стал бы, — нахохлился Аэрон.

— А за хвост хватать собирался, — напомнила ему я.

— Это другое дело! — возмутился вампир. — Это же хвост!

— Совсем на голову больной, — со вздохом проговорила Алия. — А чего ж тогда кошки-то орут, когда их за это дело мацают!

— От восторга, — сказала я. Аэрон зашипел, как та самая кошка, не зная, что нам ответить, но тут Калина с друзьями решились. Молниеносно заскочив в каморку, они огрели Рогача по лбу, чтобы не мешался, накинули мешок на Злыдня и, затащив горловину шнуром, принялись, не сходя с места, охаживать пьяного черта по бокам и голове. Вой пошел такой, что мы покрылись мурашками.

— Ой! Что нам будет! — завывала мавка.

— Ничего нам не будет, — поспешила я успокоить всех, чувствуя, как дрожат ноги. — Мы же ничего и не делали, только девок хотели поугатать и нечисть дворовую накормить и напоить.

— Ага, — поддакнул Аэрон, на пальцах подсчитывая возможные варианты расплаты. — Злыдня не мы бьем, а то, что я мешок искал?... Так Калина сам же меня и подбил Святке искать, а я, дурак, ему поверил.

— Веряя сказала Гуляю, чтобы он в эту комнату не совался, синими губами прошептала Алия.

— Я?! — комкая платок на груди, запротестовала я. — Да я всего-то и хотела, чтобы дяденькам было хорошо!

Дяденькам было очень нехорошо; от диких проклятий Злыдень перешел к хриплому душераздирающему вою.

— М-да! Давненько мы так не веселились, — услышали мы за спинами, в ужасе повернулись и обнаружили Гуляя с компанией. Дворовой с удовольствием лицезрел избиение кочегара, ковыряясь когтем в зубах.

— Мы тут ни при чем, — запела мавка, — мы просто мимо проходили, а там дяденьку обижают.

Дворовой захохотал так, что даже стены затряслись. И тут Злыдень сдался, отчаянно проверещав:

— Клянусь служить до самой смерти! — и, с трудом просунув лапу с архоном в горловину мешка, обреченно добавил: — Клянусь.

Увидев школьный архон, Калина икнул, но, быстро сообразив, что дело — труба, не стал развязывать мешок, чтобы убедиться в ошибке, а со всех ног рванул прочь, забыв даже о дружках. Нечисть свистела

и улюлюкала им вслед, катаясь по полу. А мы тихо пятились, напоследок пугнув всех:

— Если про нас расскажете, вам тоже достанется за то, что знали, а не предупредили! — и, как крысы с тонущего корабля, рванули к нам в комнату. Мавка, правда, попыталась захлопнуть дверь перед носом Аэрона, но вампир стал так жалостливо в нее биться, угрожая все рассказать нашим соэтажницам, что Алия поспешно втянула его внутрь. И я поняла, что она сделала правильно, все-таки в компании с парнем сидеть, забившись в угол, и слушать, как Злыдень обещается убить тех, кто это сделал, не так страшно.

— Чего он по нашему крылу бегаёт? — возмущалась Алия. — Не девки же его били!

— А может, он их подозревает, — сказала я уже из-под кровати. — Вилами же они его пугали!

Только Аэрон помалкивал и улыбался дурак дураком, он явно не ожидал такого размаха.

— И че теперь будет? — спросил он. — Вы зачем это сделали? — Нам же теперь головы за это поотрывают.

Тут уж мы втроем на него накиннулись:

— Ты же сам просил! И вообще, ты старшекурсник, подбил нас на гадости, а мы, малолетки неопытные, согласились.

— Доверили-ись тебе! — пустила слезы Лейя. Аэрон только рот от такого нашего коварства. И тут по коридору пошел тарарам пуще прежнего. В отличие от Рогача и Злыдня, умчавшихся искать обидчиков еще куда-то, Калина оказался гораздо сообразительней:

— Где эта рыжая?.

— Почему именно я? — возмутилась я, представляя, как из каждой комнаты высовываются руки обиженных девах и тычут в сторону нашей двери.

— Нас предали! — заорала Алия, пытаясь придвинуть Лейину кровать к двери, а Лейя, похлопав глазами, наивно спросила:

— А может, нас нет дома?

Я закатила глаза от такой глупости и, повиснув на вампире, заорала:

— Зови на помощь!

— На помощь!!! — послушно рявкнул, шалея от происходящего, Аэрон.

— Ну все, теперь мы дома! — с расстройством хлопнула руками по бокам Лейя, прожигая вампира ненавидящим взглядом. — Предатель!

А я, застонав от чужой глупости и подбежав к окну, стала выпихивать Аэрона наружу:

— Друзей зови, бестолочь, сейчас нас бить будут!

В двери действительно колотили так, что штукатурка отстреливала от косяков кусками.

— Кто там? А мы спим, то есть нас нет дома! — верещала Лейя, пока красная от натуги Алия строила баррикаду. Вампир сопел, отчаянно цепляясь за подоконник и с ужасом глядя на землю внизу. — Дай хоть рубаху снять, идиотка!

— Да некогда нам! — пыхтела я, упираясь в его грудь сапогом, и победила-таки. С отчаянным воплем Аэрон рухнул вниз, а пробегающая мимо окна с охапкой вещей Алия укоризненно покачала головой:

— Ну это ты погорячилась, подруга, под рубахой у него крылья. Я ахнула и свесилась с подоконника, разглядывая распластанного внизу в сугробе вампира.

— Аэрошка, извини, я не знала!

— Ничего, — прохрипел он, с трудом поднимаясь на ноги.

— Странная какая-то у него походка, — заметила Лейя, — или я его разлюбила?

— Медленная, — согласилась Алия.

— Не успеет он друзей собрать, — заключили мы, слушая, как за нашими спинами трещит многострадальная дверь.

Петли лопнули, и Калина с подручными попытались ворваться к нам. Запутавшись в накиданном лаквиллкой барахле, они тут же повалились, образовав куча-малу, на которую мы, не сговариваясь, прыгнули сверху и начали с визгом отплясывать. А что? Нам терять уже было нечего.

Но на мою беду Калина, как настоящий полководец, стоял в стороне от всего этого бардака и, очень ловко выдержнув меня в коридор, с чувством впечатал в стену, заявив, что мне конец.

— Только не надо девушку обижать, — услышала я и осторожно открыла один глаз. Аэрон в компании кряжистых парней стоял позади

Калины, с удовольствием наматывая его длинную темную гриву на кулак.

Ты лапы-то свои убери! — рявкнули с другого конца коридора, и, открыв другой глаз, я увидела еще одну недобрую толпу и как-то сразу сообразила, что у каждого из вампиров есть в Школе своя маленькая армия.

— Да ладно вам, мальчики, — защебетала я, — подумаешь, разыграли друг друга! Никто же не пострадал, кроме моей двери.

Калина, однако, ободренный присутствием дружков, зло рявкнул на меня:

— А ты помалкивай, приبلуда! Пока я не решу, что с тобой делать.

Я со злостью, тоже заводясь, ударила его обеими руками в грудь, отталкивая от себя.

— Это кто здесь приبلуда, кровосос?! Я, между прочим, на демоницу учусь! Да мне вас всех вокруг пальца обвести — раз плюнуть! — Понизив голос, чтобы слышал один Калина, я прошипела: — Да у меня, если захочу, даже летавицы наденут на голову нижнее белье и будут изъясняться исключительно матом. Тебе с твоим скудным умишком такого не сотворить.

— А у тебя, значит, не скудный, — зло выплевывая слова, скалился вампир, не решаясь размазать меня по стенке при Аэроне, а остальные пытались расслышать нашу тихую ругань.

— Не провоцируй его, Верея, господин Калина любит только те споры, которые заранее выиграны. Он из богатеньких, но осторожных, — ехидно проговорил за спиной Калины Аэрон, подмигнув мне.

— Ну тогда пари, — соблазнительно улыбаясь, я вытянула висящий цепочке архон, — на какую-то сотню кладней. — У меня не было их сомнений, что в Школе мало кто устоит перед таким предложением. Так и оказалось — и минуты не прошло, как несостоявшаяся драка превратилась в спор, да с таким сказочным залогом, которому иной князь бы позавидовал.

Мы шипели и переругивались, уточняя ставки у нас в комнате, подальше от ушей летавиц.

— Но времени у тебя, — шипел, тыча пальцем мне в лоб, Калина, — до утра.

Мне ужасно хотелось откусить этот его палец, но я удержалась.

— Издеваешься? Да до утра я от скуки помру, мне хватит и четырех часов.

Алия со здоровенным оборотнем-медведем быстренько отсчитывали кладни, ссыпая золото в мешочки, звон наполнял нашу комнату, радуя сердце. Наконец мы выпихали взашей последнего посетителя и вздохнули облегченно.

— Так, — сказала Алия, деловито роясь в куче барахла у дверей, собираем самое необходимое, забираем деньги и мотаем!

Лейя, постанывая, закрутилась по комнате, сгребая в кучу свои пузырьки, притирания и помады. Я сидела на табурете с поджатыми губами, всем своим видом показывая, как я осуждаю трусливую натуру подруг.

Волнение на этаже постепенно улеглось. С трудом выпроводив с женского крыла всех парней, Аэрон заглянул к нам. Он прошагал по поверженной двери и обломкам вещей, как рыцарь по руинам любимой крепости, остановился и, с сочувствием полюбовавшись на меня минутку-другую, спросил:

— Ну как, придумала что-нибудь? Или в бега?

— Не дождетесь! — фыркнула я и протянула ему пять картофелин на веревочках. — Привяжешь у летавиц за окнами. — Аэрон с ужасом покосился на гостеприимно распахнутые створки окна и тяжело вздохнул.

Жила я сиротинушкой, без ласки и тепла,
И темной ночью лютою злодей убил меня... —

скулила Лейя, нервно расхаживая по комнате. Время от времени она выглядывала в коридор и делала нам знаки, что все спокойно. Но мы с Алией все равно с тревогой косились на выбитую дверь. Аэрон тем временем повесил на окна летавиц картофелины и, довольный, перелез через подоконник обратно в комнату, хлопая замерзшими крыльями.

— Времени у нас осталось три часа, — предупредил он. Я отмахнулась:

— Успеем! Ты лучше найди два рога.

Аэрон хмыкнул и вышел в коридор. Вернулся он через пять минут, тряся двумя коровьими рогами.

— Сейчас мы из тебя демона будем делать!

— Чего?!

— Садись. — Он сел на стул у зеркала, и я щедро зачерпнула приготовленной сажи. — Снимай рубаху, а то запачкаешься.

Аэрон, недовольно косясь на Лейю, которая с удовольствием следила за процессом, принялся стягивать рубаху. Алия кинула ее на спинку кровати. Я стала намазывать лицо Аэрона сажеей, стараясь покрыть его ровным слоем. Вампир мужественно молчал и ни о чем не спрашивал. Алия приладила ему на голову рога и сунула в руки скорлупу от ореха, объяснив, какой стороной нужно засовывать ее в рот и что с ней надо делать. Вампир тут же поджег одну сторону скорлупы и, зажав ее зубами, часто подышал, любуясь на себя в зеркало. Удовлетворенный произведенным эффектом, он выплюнул скорлупу и спросил:

— Я что, полуголый на морозе щеголять буду?

Я, еле сдерживая смех при виде его чумазой рогатой физиономии, вытащила из шкафа куртку Алии из длинного овечьего меха. Аэрон развернул крылья и поинтересовался:

— А это я куда дену?

Алия хохотнула:

— А мы ее тебе задом наперед наденем!

— Надеюсь, никто не увидит, как я в бабском шмотье по карнизам лазаю, — со вздохом сказал вампир. Чтобы он в этом виде никому до поры не попался на глаза, мы предложили Аэрому залезть в шкаф.

— Лишь бы никто не предупредил летаиц о готовящемся веселье.

— Побоятся! Я сразу же шею сверну, — пробурчал Аэрон, высовываясь из-за дверцы. — Да и не только я!

Мы задули свечи и приготовились к началу действия. Я высунулась из окна и, перегнувшись через подоконник, тихо подула в сторону висящих картофелин, те, подбодренные заклинанием, принялись барабанить по рамам.

Ждать пришлось недолго — за стеной завозились, зажгли свет, завозмущались. Мы тихонько захихикали. Вскоре по коридору прошлепали чьи-то ноги и кто-то постучал в наш косяк. Аэрон затих в шкафу.

— Кого еще там принесло? — сонным голосом спросила Алия. — Чего надо?

Я приподнялась и зажгла свечу, зевая и потирая глаза. Одна из летавиц топталась у выломанной двери:

— Девочки, к вам никто в окна не стучится?

Лейя захихикала:

— Кто может стучаться в окна на третьем этаже?

Летавица пожала плечами:

— Не знаю, но к нам стучат.

— А к мавкам не стучатся? — спросила я.

— Да нет, вся Школа спит, никого не добудишься!

Действительно, после всего, что случилось, Школа если и не спала, то странно затихла. С девицами-то все понятно — они просто попрятались по своим комнатам и теперь шепотом обсуждали произошедшее, а парни просто ожидали, что будет дальше, и соображали, как бы подольше не попадаться на глаза разобиженному Злыдню.

Я встала, потянулась и предложила Алие:

— Пойдем посмотрим.

Мы зашли в просторную комнату летавиц, где царил идеальный порядок. Все девицы — а их было много, они жили все вместе сидели на кроватях, нервно оглядываясь на окна. Я посмотрела на их волосы, аккуратно заплетенные на ночь в косы, на белоснежные, без единой складочки ночные сорочки и почувствовала себя пугалом на балу у короля, даже компрессы, которые они прикладывали к побитым о ступени попкам, сначала не заметила. В окна действительно стучали, причем не все время, а с перерывами: постучат, замолкнут, потом опять все сначала. Я выглянула в окно, пожала плечами и спросила:

— А вы случайно не гадали?

В ответ раздалось дружное «Нет». Да и в самом деле, не считать же гаданием попытку поднять на вилы легендарного черта!

— Ну тогда все в порядке, ложитесь и спите спокойно, — сказала я и сделала шаг к двери. Алия, тоже кинув взгляд на окна, повернула к выходу.

— А если бы гадали? — слышался за спиной голос какой-то из девиц. Алия крякнула и повернулась:

— О-о, тогда дела плохи, правда, Веря?

— Конечно, — с умным видом кивнула Я. — Если гадать втихую или обидеть Святке, то по его приказу может явиться безымень ^[6] и будет донимать всю оставшуюся жизнь.

— О-очень коротенькую, — поддержала меня Алия. — У меня в книге все подробно описано.

— Но вы же не гадали, так чего вам бояться! — воскликнула я.

— Алия, а дай нам почитать твою книгу, — попросила Делия.

— Не могу, она на лаквиллском языке, — ответила Алия, радостно улыбаясь.

— Спокойной ночи. — С этими словами я захлопнула дверь с другой стороны.

Подхихикивая, мы убежали в свою комнату. Из-за стены слышались голоса и испуганный писк. Я открыла дверцу шкафа.

— Твой выход, птичка. Заглянешь поочередно во все окна.

Аэрон самодовольно щелкнул клыками и полез к окну. Сначала в комнатах летавиц установилась потрясенная тишина, а затем Школу огласил дикий визг, способный поднять на ноги даже мертвого. Летавицы выскочили в коридор. Делия влетела к нам в комнату, визжа:

— Там безымень! Мохнатый, с огромной пастью и рогами! Алия, дай книгу! — завывала она.

Мы с Алией подскочили и, захватив настольную книгу вилколака, вышли в коридор и стали уговаривать летавиц вернуться в свою комнату и вместе поискать способ избавиться от напасти. В комнате все сели за стол, и Алия торжественно достала свою книгу. На ярко-красной обложке жирными черными буквами было начертано «Забой крупного рогатого скота», а снизу корявым почерком Алии, чернилами, для особо непонятливых выведено «Демонология». Книга действительно была на лаквиллском.

— Ну-с, опишите вашего безыменя, — голосом профессорши на зачете произнесла я.

Девыцы пооткрывали рты и, вопя от ужаса, ринулись к двери, тыкая пальцами в окно. Аэрон, видимо, по собственной инициативе пошел на второй заход. Огромная зубастая красная пасть с окровавленными клыками, жуткое мохнатое тело — вид у него действительно был еще тот. Вампир здорово напоминал большую, явно плотоядную бабочку, которая нахально ломилась в окна, стуча рогами. Проследив взглядом за сим ужасным явлением, я сказала:

— Ну-ка, Алия, посмотри, к какому виду относится данная пакость?

Алия нахмурила брови, глубокомысленно вздохнула, полистала книгу и ответила:

— К сожалению, это выхухолевидный.

— Какой кошмар! — Я сочувственно посмотрела на затихших летащиц.

— А что такое? — прошептала Делия, которая была самой старшей.

— Это самый опасный безымень, — пояснила я. — Сначала он заглядывает в окна, высматривая жертву, а потом ночью просачивается малейшую щель и заглатывает присмотренную добычу. Вы видели какая у него пасть?

В рядах летащиц началась паника.

— А как узнать, кто именно будет жертвой?

— Как правило, жертва не может никак заснуть, — объяснила я. Каждую ночь он будет приходить за новой.

Аэрон за окном появился вновь.

— Кажется, он пришел за мной! — пискнула какая-то из идеальных девиц и хлопнулась в обморок

Алия прикрылась книгой, чтобы никто не увидел ее улыбки.

— Алия, посмотри, как от него избавиться. — Я ткнула развеселившуюся подружку локтем. Алия полистала страницы и зашептал мне на ухо. Я, работая на зрителей, строила удивленные рожи, якобы выслушивая способы избавления от выхухолевидных демонов. Летащицы плотным кольцом обступили нас. — Алия, этот способ им не подойдет! — вскричала я, делая возмущенный вид. — Они же приличные девицы, готовящиеся стать идеальными женами, эта мы бы так смогли сделать!

— Другого способа нет! — отрезала Алия.

— Какой способ? — выдохнула толпа девиц.

Я поморщилась и объяснила:

— Нужно равно в три часа ночи, когда безымень придет за жертвой надеть на голову нижнее белье... — в толпе ахнули, — высунуться в окно и, сделав неприличный жест...

— Фигу? — перебил меня кто-то.

— Нет, не фигу, фигой его, не проймешь! — рывкнула Алия.

— Так вот, сделав неприличный жест, выругаться самыми крепкими словами. Записать вам их на бумажке? — осведомилась я.

Летавицы попятились. — Эта невозможно, не можем же мы... — пролепетала Делия.

— Мало того, — я виновато улыбнулась, — эта нужно показать во всех ваших пяти окнах.

— Нет, мы так делать не будем. Позор-то какой, на всю Школу.

— Ну Школа-то вся спит, а вашем демоне знаем только мы, — вкрадчиво проговорила Алия. — А впрочем, как хотите, впереди целая неделя гаданий, после нее безымень исчезнет. — Я поднялась со стула. — Алия, пойдём спать.

Мы прошли мимо летавиц и скрылись за дверью. Вернувшись в свою комнату, я сказала Аэруну, чтобы прошелся еще разок по карнизу, пасло чего, мы послушали писк и визг летавиц и стали Ждать результатов.

— Чертовски увлекательное занятие, они так визжат, ну точно поросята, — делился впечатлениями Аэрон, отмывая сажу с лица.

— Теперь вся надежда на их испуг. — Я открыла окно и снова подула на картофелины, клубни послушно перестали стучать по рамам. — Сколько времени? — Два часа, — ответила Алия.

— А если они уснут? — спросил Аэрон, вытираясь полотенцем.

— Ну после моих слов не уснут. Я им сказала, что, демон сожрет того, кто, не сможет уснуть, а это прекрасный способ заполучить бессонницу.

В комнатах у летавиц стояла тишина. Лейя бегала и подслушивала под дверями, пытаясь понять, решились девицы избавиться от демона или нет.

Когда время подошло к половине третьего, я опять заставила картофелины постукивать в окна. Без четверти три я, полная дурных

предчувствий, предложила одеться и выйти за Школу под окна летавиц. Аэрон умчался одеваться, я накинула шубейку и платок, подождала Алию и Лейю, и мы выскочили на мороз.

Под нашими окнами и окнами летавиц была построена снежная крепость, именно, оттуда мы и решили наблюдать. Как оказалась, не мы одни. Прощмыгнув за стену, мы застали там половину Школы. Те кто поумнее, оккупировали близлежащие деревья, некоторые выглядывали из-за угла. Я думаю, в темной Школе не осталось никого, кроме объектов розыгрыша.

Нас, как главных организаторов, безропотно пропустили вперед, и мы опасно выглядывали из-за стен крепости. Аэрон налетел сзади, попеняв, что, не дождался его. С присутствующим здесь же Калиной мы обменялись презрительными взглядами и затаили дыхание. Время неумолимо приближалось к трем. Алия да боли вцепилась мне в руки, Лейя поскуливала, Аэрон перестал дышать, а я просто примерзла к ледяной стене. Послышались чьи-то шаги, и на дорожке у Школы мы узрели кучку наших учителей во главе с директором, которые возвращались с праздника, посвященного неделе гаданий. Они оживленно переговаривались и смеялись.

На третьем этаже зажегся свет, распахнулось окно, и несколько девиц с горящими из прорезей трусиков глазами показали опешившим учителям неприличный жест с участием среднего пальца и послали на... Аэрон уткнулся мне в воротник шубы и застонал от смеха. Все ученики старались ни в коем случае себя не обнаружить, беззвучно гогоча в рукава и варежки. Я зажимала себе рот ладонью и тряслась от смеха как в лихорадке. Учителя задрали головы, и очень вовремя — распахнулась следующее окно, и опять те же личности с трусами на голове показали тот же жест и предложили пойти... уже в другое место. Аэрон съехал по стене на землю, рыдая от смеха, с разных сторон слышались еле сдерживаемые смешки, ученики никак не ожидали, что, действие будет повторяться несколько раз, с оккупированных деревьев сыпались снег и ветки. Когда распахнулось третье окно, один из учителей поскользнулся и упал. Ничего не видящие летавицы обозвали его... сопроводив слова жестом.

— Перепились, что ли?! — отчетливо донесся да нас вопрос директора, обращенный к коллегам. Кто-то из учителей, живо жестикулируя, стал объяснять, что, летавицы не могут напиться, они

примерные ученицы, скорее всего, учителя просто неправильно их поняли.

Раскрылось следующее окно, и летавицы полностью опровергли эти предположения. Ученики не стали больше сдерживать смех, захохотали, как гиены, еще больше напугав учителей, и, не дожидаясь еще одного выступления летавиц, прыснули в разные стороны. Аэрон схватил меня за руку, отрывая от стены, и побежал к входу в Школу, гогоча на бегу, как жеребец. Мы взлетели по лестнице к нам в комнату, продолжая хихикать.

— Можете мечтать, куда потратите ту кучу денег, которую выиграла. — Аэрон стянул свою куртку и встряхнул, сбивая снег.

Алия и Лейя мечтательно закатили глазки, но я остудила их пыл:

— А еще готовьте свои задницы к порке. Летавицы не будут скрывать, по чьей вине они так измывались над учителями.

— Ну это ерунда! — отмахнулся Аэрон. — Поругают, да и забудут.

— Про вас-то, может, и забудут, а вот меня как бы не вышибли из Школы. У меня нет обеспеченных родственников. Приспичило же учителям именно в это время вернуться!

— Не думал я, госпожа Верея, что вы являетесь любительницей злых шуток над своими сокурсниками, — громыхал Феофилакт Транквиллинович, вызвавший нас в свой кабинет на следующий день. Я шмыгнула носом и постаралась придать себе как можно более удрученный вид, пялясь на кадку с фикусом.

— Вам должно быть совестно за содеянное. Заставить испуганных девушек издеваться над учительским составом!

— Я не знала, что вы будете возвращаться в это время, — оправдывалась я, — а летавицы дразнили меня замухрышкой!

Феофилакт Транквиллинович одарил меня недовольным взглядом:

— Я бы посоветовал вам быть выше всех насмешек и не обращать на них внимания. Про ваши выходки мне сразу сообщили из того приюта, в котором вы находились до сего времени. Я думаю, ваши учителя и воспитатели были рады спихнуть эту обузу на наши плечи. Но учтите, что за подобные, мягко говоря, шалости я буду вас наказывать. Позовите-ка остальных, будьте добры.

Я выглянула из кабинета и махнула рукой уже получившим свою долю взбучки Алие и Аэрому.

— За ваше абсолютное невежество в области демонологии... — директор хлопнул по столу книгой, изъятой у Алии, — госпожа Верея и господин Аэрон вызубрят эту книгу от корки до корки. После каникул будьте готовы сделать доклад на эту тему и выступить перед Школой.

— Но она на лаквиллском! — попробовал возразить Аэрон.

— А госпожа Алиа будет вам переводить, — довольно усмехаясь, произнес директор. — Можете идти. Книгу не забудьте!

Мы вышли из кабинета директора убитые наповал.

— Я сойду с ума, пока вы будете ее учить, — помахивая пухлым томиком, проворчала Алиа.

— Да уж, веселые у нас будут каникулы, — вздохнула я.

— Да бросьте вы убиваться, выучим мы эту треклятую книгу! Зато как было весело! — Аэрому на все угрозы было начхать. Особенно после того, как директор, увидев Злыдня, опухшего от побоев и дышащего перегаром, укоризненно покачал головой и спросил:

— Ну как же так-то?

— Да вот как-то так, — развел лапами кочегар. Того, кому он поклялся на архоне, Злыдень так и не нашел, на счастье этого неизвестного. А выставленное угощение и уважение остальной части нечисти примирило с побоями, как-никак такого шороху навел, что аж за самого Святке приняли!

Ученики, радуясь относительно теплему зимнему деньку, устроили игру в снежки, не успели мы выйти из ворот Школы, как нас тут же обстреляли. Пришлось укрыться за крепостной стеной. Аэрон, рыкнув, умчался мстить обидчикам, попав первым же запущенным снежком Калине за шиворот, а мы отправились тратить выигранные деньги, которые просто жгли руки.

На рынке Лейя атаковала прилавок, где торговали лентами, гребнями и прочей девичьей радостью. Алиа уверенно потащила меня к лавке с острым режущим-колющим и принялась упоенно рыться во всем этом, не забывая охаивать каждую попадающую в ее руки вещь. Продавец хмуро наблюдал за ней, но предпочитал не

связываться с девицей, явно настроенной по-боевому. Пока она спорила и торговалась, я, пятясь задом, отошла от прилавка и отправилась на поиски того, что интересовало меня.

Мы встретились у выхода. Лейя развернула новый изумрудно-зеленый платок и потрясла мешком с накопленными лентами и гребнями, а затем, воровато оглянувшись, вытащила из мешка комплект шелкового женского белья. Я понимающе подняла вверх большой палец.

Алия, радостно скалясь, похвасталась курткой из щетинистого ящера и такими же рукавицами. Доказывая, что куртка пошита из матерого ящера, а не из только что вылупившейся молодежи, она почиркала ножом по подолу куртки и довольно крикнула, показывая неповрежденную кожу. Рукавицами из этого зверя можно было ловить ножи на лету, причем за лезвие, не рискуя при этом лишиться пальцев.

Я продемонстрировала новую короткую шубку и сапожки на меху. На оставшуюся мелочь мы закупили сладостей, тихо радуясь, что дома под матрасами лежат еще несколько туго набитых мешочков.

У Школы нас опять обстреляли снежками, и мы поторопились впорхнуть внутрь. Пока закипала вода для чая, мы вырядились обновки и, отгалкивая друг друга от зеркала, принялись любоваться собой, поэтому стук в дверь (утром плотник доставил новую дверь и приладил ее на положенное место, снабдив защелкой) застал нас, врасплох.

Бестолково суетясь и снимая наряды (хуже всех пришлось Лейе — она дефилировала по комнате в купленном нижнем белье), мы бросились открывать.

Аэрон заскочил в комнату, распространяя морозную свежесть, увидел беспорядочно набросанные вещи и пунцовую Лейю и замер, не решаясь снять куртку.

— Я не вовремя?

Я сгребла вещи в охапку и сунула в шкаф:

— Почему? Как раз вовремя, у нас только что чай закипел. Вампир тут же скинул куртку и протянул руки к печке. Лейя поставила на стол кружки, я вытащила накопленные сладости, и мы уселись за стол.

— Сходим сегодня к Никодиму? — спросил Аэрон.

Никодимом звали небольшого толстенького мужичка, который держал кабачок недалеко от Школы. Он совершенно спокойно относился к нечисти, которая часто заваливалась в кабак отмечать какое-либо событие.

Мы переглянулись, и Алия буркнула:

— С какой-такой радости?

— Отметить благополучный исход событий. — Аэрон вонзил свои клыки в пряник. Я покосилась на лежащую на тумбочке «Демонологию» и сказала:

— Мы все деньги уже промотали.

— При чем тут деньги?! — возмутился вампир. — Я приглашаю.

Он хмыкнул и добавил:

— Я и Калину пригласил, да еще раз по благодарил за доставленное душевное и материальное удовольствие.

Я фыркнула, представив рожу разъяренного недруга Аэрона. — Может, и пойдём, — сказала Алия. Лейя с радостным визгом выскочила из-за стола. Она все это время напряженно прислушивалась к нашему разговору, уж очень ей хотелось пойти в кабак.

— За вами зайти? — потянувшись за своей одеждой, спросил вампир.

— Не надо. — Я поставила кружку на стол. — Мы, если соберемся, придем.

Аэрон кивнул головой и вышел за дверь. Лейя принялась вертеться перед зеркалом, принимая соблазнительные позы и мурлыкая под нос:

— А я иду в кабак! В кабак, в кабак, а я иду в кабак.

— Вся извертелась. — Алия беззлобно шлепнула ее по заду.

Лейя потеряла отшлепанное место и вернулась к прерванному Алией занятию. Я вымыла посуду, села на подоконник и задумалась.

— Все решаешь: идти или нет? — спросила Алия, пристраиваясь рядом. — Пойдем, развлечемся. — Она хохотнула и доверительно прошептала мне на ухо: — Отцовские дружинники как-то раз меня пригласили в кабак и напоили, то есть напилась-то я сама, а потом всех их оттуда повыкидывала. Меня даже вышибалой работать приглашали. Так что не бойся, в обиду я вас не дам.

Я засмеялась:

— Ну хорошо, пойдём.

Ближе к вечеру дверь без стука распахнулась, пропуская Аэрона. Я недоуменно приподняла брови, вампир улыбнулся и стал что-то вытаскивать из-за пазухи. Алия отвлеклась от созерцания своих новых рукавиц и присвистнула, а Лейя вытаращила свои желто-карие глазищи.

— Это что? — спросила я.

— Я решил вас немного побаловать. — Аэрон протянул Лейе бусы из красных кораллов. Мавка завизжала от восторга и звучно чмокнула довольного вампира в щеку. Аэрон вытащил следующую вещь и протянул Алие. Это был наборный пояс. На его бляшках скалились волки, а по краям шел растительный орнамент. Алия смущенно засопела, но отказаться от подарка не смогла, улыбнулась, что делала довольно редко, и стала рассматривать орнамент. Я подтянула колени к груди и пробормотала:

— Не надо мне никаких подарков.

— Да-а? — разочарованно протянул Аэрон. — А я думал, ты обрадуешься шансу утереть обидчикам нос. — Заметив мой заинтересованный взгляд, он вытащил что-то глубокого синего цвета с вспыхивающими при свете масляной лампы искорками. Я спустила с подоконника ноги.

— Это что?

— Платье. Думаю, тебе будет как раз, хотя могу и ошибаться. Аэрон протянул мне сверток

— Выйди, — попросила я. Аэрон удивился, но я тут же объяснила: Я померить хочу.

Аэрон выскочил в коридор, а я стала переодеваться. Платье действительно оказалось впору, даже я не смогла бы выбрать точнее. При свете лампы на нем вспыхивали искорки, а днем, наверное, оно будет просто темно-синим. Золотистая оторочка шла по подолу и по вороту.

— К твоим волосам очень идет. — Лейя оглядела меня с ног до головы.

Алия крикнула вампиру, что можно заходить. Вампир удовлетворенно оглядел меня с ног до головы, поправил мне сзади ворот и произнес:

— Как видишь, я хороший знаток женской фигуры.

— Бабник! — фыркнула Алия.

— И хвастун, — добавила я. — Но все равно, спасибо. Мне ни разу не дарили подарки.

— Я жду вас у Никодима, — напомнил Аэрон перед уходом.

То, что у Никодима вовсю идет веселье, стало понятно еще за мостом, который был переброшен через речку, отделявшую село от территории Школы. Сначала мы встретили нашего однокурсника цверга. [7] Он одиноко стоял, обняв березку, и что-то рассматривал у себя под ногами, то и дело похихатывая.

— Что показывают? — бесстрашно спросила его Алия, ведь цверги славятся своим нелюдимым характером.

Цверг поднял на нас мутные глаза и произнес:

— Не толпитесь тут, а то всех чертей мне передадите!

Мы отпрянули и тоже стали рассматривать снег, пытаясь увидеть вышеозначенных личностей.

— И что они там делают? — после непродолжительного молчания спросила Алия.

— Дык, — снова хохотнул собеседник, — чертей своих...

Решив, что на такую гнусность нечего и смотреть, хотя Лейя была другого мнения, мы побежали дальше.

— Все-таки мужицкие мысли — это сплошная непристойность. Алия поправила платок, сзади раздался звук, который издает человек после бурной попойки. — Ну вот, — Алия поморщилась, — всех своих чертей утопил.

Лейя хихикнула, а меня передернуло.

Неподалеку от кабака резвилась группа учеников — человек десять. Двое упоенно мутузили друг друга, еще трое создавали снежный шедевр, который назывался «Ночь втроем». Скульптуры получились небольшие, но очень реалистичные, чувствовалась рука мастера. Снежной бабе на положенное место прицепили выдранный из шапки клочок меха, а мужикам сделали улыбки до ушей. Еще пятеро давали умные советы тем, кто дрался, и тем, кто занимался ваянием. Нам тут же предложили попозировать для нового снегового произведения «Трое на одного!». После того как мы с негодованием отвергли это предложение, нас обстреляли снежками. Мы спрятались

за «скульптурой», пережидая обстрел. Когда снежки стали свистеть все реже, Лейя выплыла из-за статуй и, приняв красивую позу, прошептала:

— Мальчики, а может, вы пропустите нас?

— Она, между прочим, волшебное слово знает, — сказала я.

— Какое? — заинтересовалась Алия.

— Пожалуйста.

Нечисть загоготала и, потирая руки, направилась в нашу сторону. Лейя пискнула и шмыгнула к нам. Алия стала подтягивать рукава своей овечьей куртки, я потянула ее за руку:

— погоди. — Выснулась из-за снежных скульптур и резко взмахнула руками. Снег взвился столбом, нечисть притормозила. Столб уплотнился, а затем рассыпался редкими снежинками. На его месте высилась снежная фигура в натуральный рост, в точности скопированная с Лейи. Та же вольная поза, та же невинная улыбочка. мех на снежной шубке топорщился иголочками.

— Ты чего сделала?! — зашептала Алия.

— Не знаю, вообще-то хотела снежный буран. — Я была удивлена не меньше.

Нападающие даже порядком протрезвели, оглядывая результаты моего творчества. Я посмотрела свысока на задир.

— А вам слабо!

Со мной спорить не стали. Лейя критически оглядела фигуру и расстроилась:

— Неужели я такая страшненькая?

— А-а-а, так это же рыжая, из-за которой вся попойка! — воскликнул узнавший меня парень, и я стала гадать: побьют или отпустят с миром? Ни то ни другое — кто-то заорал во всю глотку:

— А ну качать благодетельницу!!!

Это испугало меня еще больше, и я дала деру от толпы фанатов. Алия и Лейя пыхтели сзади, поражаясь моей прыти.

К нашему неудовольствию, парни радостно припустили за нами. До кабака мы домчались бегом, придерживая спадающие с голов платки. Парни тоже веселым скоком добрались вслед за нами. Мы влетели в кабак, закрыв двери перед носом у преследователей, растерянно посмотрели на творящееся там безобразие и почувствовали настойчивое желание выскочить обратно, прямо в руки погони.

На столе в центре кабака стоял стол, на столе стул, а на стуле восседал Аэрон. На голове у него топорщилась какая-то жестянка. Приглядевшись, я поняла, что это широкая железная кружка, дно у которой было разорвано, будто в нее стреляли ядрами. Железные края днища торчали неровными клочками в разные стороны и были призваны изображать корону. Кабатчик совершенно спокойно смотрел на все это и не возражал против такого веселья, видимо, ему пообещали щедро заплатить.

Пока мы, разинув рот, все это разглядывали, наши преследователи перешли к активным действиям, дернули дверь и вор вались в помещение. Нас подхватило толпой и понесло прямо к столу с веселящимся Аэроном. Вампир, увидев нас, радостно оскалится, подскочил, пнул в толпу свой стул и протянул руки мне и Алии. Его импровизированная корона съехала набок и грозила упасть. Мы с Алией уперлись было, не желая влезать на стол, но сзади так поддали, что мы и опомниться не успели, как оказались на столешнице. Вокруг ни одного трезвого взгляда.

— Ужас какой! — вырвалось у меня.

Аэрон наклонился к моему уху и доверительно прошептал:

— А ты выпей со мной и будешь относиться ко всему совсем по-другому! — и заревел на весь кабак: — Вина королеве розыгрыша! Он немножко подумал и добавил: — И корону!

Нам с Алией тут же сунули в руки по бокалу, а Аэрону протянули еще одну широкую жестяную кружку. Тот кулаком разорвал у нее дно и плюхнул мне на голову.

— Теперь мы пара хоть куда, — пробормотала я.

— И хоть кого! — хохотнул Аэрон, жестами показывая, дескать, пейте скорее.

После первого бокала мы стали не так нервно относиться к воплям пьяной нечисти, после второго — разрешили поставить на стол еще два стула для нас, любимых, а после третьего нас потянуло на песни и пляски. Лейя исполнила что-то типа медленного танца с элементами стриптиза, то есть сняла платок, шубку и показала обнаженную ножку до бедра, закинув эту самую ножку на ошарашенного кабатчика. Никодим после этого душевного потрясения выкатил бочку самого лучшего вина и провозгласил, что вино будет за

счет заведения, если мавка еще раз станцует. Лейя согласилась, влезла снова в шубу и платок и станцевала еще раз. Кабатчик крикнул, так как ожидал, что мавка продолжит раздеваться, и попробовал пойти на попятную, но нечисть загалдела и стала сыпать угрозами, намекая, что Никодим пытается нас обмануть, и ему с сожалением пришлось расстаться с бочкой.

Алия зорко следила за порядком, и драчунов, обольстительно улыбаясь, профессионально выкидывала наружу, а там, как я подозревала, складывала штабелями. Когда у бочки с вином сорвали крышку, потому что из специальной дырки вино выливалось, видите ли, слишком медленно, я предложила показать зеленого змия, который обретается в данном спиртном. Кабатчик принялся уверять, что вино совершенно стерильно, тогда хитрый Аэрон предложил Никодиму пари: если змий вылезет, то кабатчик добавляет к этой бочке еще одну, а если нет, то вампир заплатит за это вино. Никодим стал торговаться, и сговорились они только на бочку пива. Я, будучи изрядно навеселе, пошевелила пальчиками, и змий, отплевываясь и кроя всех присутствующих матерными словами, явил себя на краю бочки. Никодим в ужасе уставился на это появление, божась и обещая никогда не принимать алкогольных напитков у сомнительных поставщиков. У кого-то нервы оказались еще хлипче, и змий огрели деревянной кружкой. Тот с проклятьем рассыпался брызгами, но вино еще долго не решались попробовать, до того омерзителен был зеленый змий. Поэтому совместно решили распить сначала выигранную бочку пива, а потом, набравшись храбрости, прикончить и подозрительное вино.

Аэрон, радуясь так удачно выигранному пари, вскочил на стол и, топая подбитыми сапогами, заорал частушки:

А я мальчишка — хулиган,
У меня есть востра сабля.
Девок я в лесу ловлю,
Только вовсе их не граблю!

сопроводил последние слова недвусмысленным телодвижением продолжил:

А как маманя померла,
Так рыдало полсела.
А как из гроба она встала,
Так аж три села рыдало!

Лейя тоже залезла на стол и стала отплясывать чечетку, а Аэрон, тут же сориентировавшись, завел следующую, подхватив взвизгнувшую мавку:

А я с миленочкой гулял,
За кусты ее водил.
Не была б она русалкой, —

он шлепнул Лейю по заду,-

Не родился б крокодил!

Химка — химера со второго курса, посмотрев пьяненькими глазками на то, как отплясывают Аэрон с Лейей, щелкнула хвостом и сказала, решительно поставив ногу на стол: — Дайте я спою! В кабаке повисла тишина, все знали, что в родне у Химки была сирина, от которой химера унаследовала голос.

— Если эта стервозина взвояет, то очнемся только к завтрашнему вечеру, — пробормотала Алия мне в затылок и стала боком продвигаться к выходу. Аэрон, прекратив притоптывать, рявкнул:

— Так давайте же еще раз выпьем за здоровье того, кому мы обязаны этим весельем!

Химке поспешно сунули бокал с вином. Аэрон, не вставая со стула, отвесил сидящему в углу Калине земной поклон, умудрившись и со стула не упасть, и пиво не пролить.

Мрачный Калина скрипнул на весь кабак зубами и отвернулся, сделав морду ящиком, а верные клеветы заслонили благодетеля от грязных шуточек, встав неровным, но достаточно воинственно настроенным частоколом между ним и пьяными собратями-студентами.

Впрочем, собратьям было начхать на Калину, а для хорошей студенческой баталии требовалось допить бочонок до конца.

Но уязвленный вампир сам нарвался, брезгливо бросив:

— Шуты.

— Как этот песий выкидыш меня назвал? — взвилась Алия. Она среди груды выброшенных из кабака выкопала себе седого как лунь красавца-вовкуна и даже выпила с ним на брудершафт, а стало быть, практически созрела для драки. Тем более что и вовкун попался подходящий: с покатыми плечами и шрамом через все лицо. С таким биться спина к спине одно удовольствие.

Но Калину уже понесло по бездорожью. Встав в императорскую позу, он брезгливо бросил:

— А ты помолчала бы, тварь, не хватало мне еще лаяться с той, чьи предки были цепными псами моей семьи.

Толпа радостно загудела, и в кабаке разом сделалось просторней. Все лавки и столы вмиг были сметены к стенам, посреди зала остался только импровизированный престол Аэрона, с которого тот укоризненно попенял Калине:

— Не стыдно ль тебе, братец, говорить подобное даме?

— Братец?! — подскочил как ужаленный Калина. — Да ты мне такой же братец, как твои девки — сестрицы.

— Может, ты еще и старшинства моего не признаешь?

— Ха! — театрально вскинул руки Калина. — И кто это мне скажет о твоём, старшинстве?

— Мой кулак, — зарычала Алия и кинулась было в толпу сомкнувшихся вокруг Калины альвов, но Лейя, вовремя повиснув на ней, свалила будущую валькирию на пол, уговаривая не лезть в вампирские разборки.

— Вообще-то Аэрон должен принять вызов, — прогудел в ухо Алии вовкулак, путая северский с бандитской мовой. — У ихних родов с покону положено знать, кто кого гнобит. Тока Аэрошке плювати на покон, три годи вольно казакует. Но теперь уж, видать, заструлили голубу.

Я как Лейя со стола сигать не осмелилась, поэтому осталась возле Аэрона и видела, что драки ему не хочется, и будь его воля, он с радостью плюнул бы на дурака Калину и ушел допивать в другой кабак. Но, видимо, со слюной были какие-то проблемы.

— Ладно, — хлопнул он ладонью по колену, — будь по-твоему. По-хорошему расквасить бы тебе рожу за наглость надо, но я не вахлак какой-нибудь, поэтому тебе скажут.

— Кто? — презрительно хмыкнул Калина.

— Древние, — спокойно ответил Аэрон. — Как по обычаю нашему положено. Или тебе и они не указ?

— Да ты даже на опушку Заветного леса не рискнешь зайти, не особо уверенно сказал Калина.

— Я даже сувенир тебе из рощи принесу на память.

— А я пойду в свидетели, — ляпнула я, опасаясь, что Калина сейчас закочевряжится.

Оставшуюся часть ночи мы вплотную посвятили бочонку вина. Лейю начало мутить, и она то и дело выскакивала на улицу. Алия набралась до такой степени, что стоять могла только на четвереньках, да и то — опираясь задом на стену. Ее новообретенный дружок выпал в осадок гораздо раньше и пугал своим храпом мавок, которые облепили стойку. Закатывая глазки и как бы невзначай подсовывая гладкие белые колени Никодиму, мавки щебетали о прелестях жизни на речном дне, намекая кабатчику, что с удовольствием могли бы его туда прогулять. Никодим, усмехаясь в усы, вежливо отказывался.

Одновременно с последней каплей вина взвыла пьяная Химка, дорвавшаяся-таки до вожделенного места на столе. Нечисть, затыкая уши, устремилась из кабака в разные стороны. Химера осталась петь песни спящему вовкуну, который храпом поддерживал солистку.

Аэрон уже на улице неожиданно заметил, что передвигаться самостоятельно я и Алия уже не можем. Он кряхтя взвалил нас на плечи и, покачиваясь и напевая песню про молодого чертовски красивого жеребца, которого принудили тащить два мешка с навозом, потащил нас, утопая в глубоком снегу, к Школе. Лейя плелась следом, время от времени отставая и оглашая молчаливую округу неприятными звуками.

— Мамочка моя, роди меня обратно! — простонала Алия, ворочаясь на полу — до кровати доползти она так и не смогла. За окном был уже полдень, светило скупое зимнее солнце, я встречала новый день в обнимку с запотевшей банкой. Утешала меня только

мысль о том, что Лейе намного хуже, чем мне. Мавка встречала новый день в уборной. Школа мучилась жестоким похмельем. По коридору уныло шаркали чьи-то ноги, слышались обещания никогда больше так не напиваться и проклятия по адресу Аэрона, так коварно споившего прилежных учеников. Я прикладывала ледяную банку то к гудящей голове, то к сжимающемуся желудку, то отпивала из нее глоток. Алия переползла на мою кровать и тоже приложилась к банке:

— Что ж я маленькой не сдохла!

Позеленевшая Лейя появилась на пороге, усладив наши уши звуком хлопающей двери. Алия застонала и снова отпила из банки.

— Не надо хлопать дверью, — попросила я, — а то у меня голова лопнет. — Забрав банку у подруги, я приложила ее к своему лбу. Просьба моя не была услышана, дверь снова отворилась и с шумом захлопнулась, явив на пороге виновника наших страданий. Аэрон выглядел на удивление свеженьким и, похоже, от похмелья не мучился. В руках он держал кувшин, в котором что-то поплескивало. Лейя посмотрела на него жалким взглядом и с упреком сказала:

— Ты будто и не пил всю ночь.

— А, — отмахнулся Аэрон, — с утра крови хлебнул — и полегчало, вот и вам принес немного, авось поможет!

Лейя сменила цвет с зеленого на нежно-голубой и с топотом убежала по коридору в уборную.

— Чего это она?! — удивился вампир. — Совсем шуток не понимает?

— Мы тоже шутки сейчас не очень жалуем, — откликнулась я. — Что у тебя там? — Я ткнула банкой в сторону кувшина.

Аэрон подошел к столу, поставил кувшин и достал из шкафчика кружки. В них полилась какая-то красная жидкость, запахло пряностями.

— Это что? — подозрительно спросила Алия. — Я кровь пить не буду, а уж откуда ты ее взял, и знать не хочу!

Аэрон хохотнул и протянул кружки нам:

— Пейте. — Он посмотрел на наши брезгливые лица и пояснил: — Рассол там от помидор.

Лейя снова появилась на пороге и, увидев, как мы вместе с вампиром употребляем что-то красное, явно кровавое, хрюкнула и повторила забег в сторону нужника.

Через часик стало немного получше, во всяком случае, соображать мы со скрипом, но могли. Я наконец-то смогла расстаться с банкой.

— Аэрончик, просвети-ка нас, во что такое мы опять встряли? — спросила я, вспомнив о неприятном разговоре с Калиной. Вампир безмятежно махнул рукой, дескать, не стоит и беспокоиться.

— В Заветный лес нужно прогуляться.

Я отвернулась к окну и напрягла память.

— Что-то я не помню, чтобы мне рассказывали о Заветном лесе что-нибудь приятное.

— А я помню о нем кучу гадостей, — поддержала меня Алия.

Лейя, решившись отпить рассола, прогудела в кружку: — Говорят, там до сих пор живут духи Древних.

Аэрон с ногами залез на подоконник и молча рассматривал морозные узоры.

— А еще у Заветного леса есть Страж, — вспомнила Лейя, — он никого туда не пускает. Может, не пойдём? — жалобно добавила она. — На улице метель поднимается.

— Боюсь, придется, — сказала я, — а то Калина нас совсем заест. Аэрон обвел нас взглядом и проговорил:

— Алия и Лейя могут никуда не ходить, а вот тебе, — он ткнул пальцем в меня, — придется, за язык тебя никто не тянул, сама вызвалась в свидетели.

Я посмотрела на подруг, ища сочувствия, но искомого не обнаружила: Лейя, успокоенная тем, что может в такую пургу сидеть в Школе, допивала рассол, а Алия смотрела на меня даже со злорадством, мол, не стоило связываться с вампирюгой. Аэрон слез с подоконника и присел на корточки напротив меня и Алии.

— Предлагаю сначала все узнать о Заветном лесе и тех смельчаках, которые пытались туда проникнуть, — проговорил он. Как видно, его мозги таки одержали победу над похмельем.

Мы согласились и разбрелись по комнатам знакомых, договорившись обменяться информацией вечером у нас.

В комнату я вернулась первая, следом заскочила Алия с кастрюлькой горячей картошки и, обжигаясь и чертыхаясь, поставила ее на стол.

— От самой столовой бегу, все пальцы пообжигала.

Следом за ней появилась смеющаяся Лейя, а за Лейей, как всегда не постучав, появился Аэрон в довольно хмуром настроении. Я разложила дымящуюся картошку с мясом по тарелкам, и за ужином мы стали делиться добытыми сведениями. Первая высказалась Алия:

— За свою многовековую историю этот лес перекалечил уйму народа, посмевшего туда сунуться. — Алия сморщилась. — Были и смертельные случаи. Вам рассказывать конкретно о каждом?

— Не надо. — Я отложила ложку, чувствуя, что от кровавых подробностей мне снова будет дурно.

— Что касается Стража;- заговорил Аэрон, который аппетита не потерял и полез за добавкой, — то избежать встречи с ним еще никому не удавалось. Пытались даже пробраться в лес, зайдя одновременно с нескольких сторон. — Заметив, что мы трое с интересом ждем продолжения, вампир усмехнулся, сунул полную ложку картошки в рот и с набитым ртом прошамкал: — Каждый напоролся на Стража, причем одновременно и совершенно в разных частях леса. Кстати, — Аэрон ткнул ложкой в Алию, — именно тогда и начались смертельные случаи. Страж просто рассвирепел.

— Аэрон, а может, пообмахиваешь крыльями Калину? Ну чего тебе стоит? — попробовала вякнуть я и получила по лбу ложкой разгневанного вампира.

— Лордские замашки! — прокомментировала Алия. — Бить даму ложкой по лбу — это у них признак хорошего тона!

Аэрон не оценил юмора, и ложка опустилась на лоб будущей валькирии. Лейя проворно прикрыла лоб ладонью и невинно хлопала глазками. Началась драка ложками. Сначала вампир гонял нас вокруг кровати Алии, а когда Алия вооружилась половником мы его.

— Совсем не хочешь узнать, что узнала я? — тяжело дыша, спросила я у вампира, уворачиваясь от очередного щелчка по лбу. Тот кивнул и демонстративно положил ложку на стол. Я продолжила прерванную тему: — В лесу действительно живут духи Древних. И боюсь, что без помощи этого самого Стража нам там делать нечего. Или сожрут, или по незнанию пропадем. Духи Древних — это же не просто привидения, а магические существа, старые и любящие поразвлечься. А раз они древние, то и развлечения у них древние и варварские. Учитывая, что это духи древней нечисти. — Я замолчала.

Аэрон испустил тяжкий вздох. Все посмотрели на Лейю, ожидая ее доли ужастиков. Лейя чуть покраснела, став нежно-розового пороссячьего цвета, смущенно хихикнула и пискнула:

— А я забыла спросить про лес.

— Лейя! — взвизгнула потерявшая терпение Алия. — Ну как можно быть до такой степени безголовой!

Лейя из розовой стала пунцовой и, оправдываясь, сказала:

— Я успела только узнать, что на Стража магия и чары не действуют.

— Я пойду с вами, — к моей великой радости, приняла решение Алия. — Заветный лес находится внутри леса обычного, вдруг заплутаете.

— Я тоже, — сказала Лейя, тут же испугалась своих слов, но на попятную не пошла. — Я могу спеть для Стража или станцевать, вдруг ему понравится.

Аэрон покосился на мавку и задумчиво произнес:

— А пока Лейя отвлекает Стража, мы по-быстрому заскакиваем в лес, хватаем что-нибудь и — ноги!

— И закончится это все еще несколькими смертельными исходами — уже нашими, — заключила я. — Тут нужно что-то другое, чего еще не было ни разу за время существования Заветного леса. — Я отошла к окну.

Аэрон потянулся, почесал затылок:

— Как бы нам миновать Стража...

Я поскребла ногтем по стеклу:

— А может, лучше и не стараться его миновать, а, наоборот, идти с одной единственной целью — найти этого самого Стража?

Все посмотрели на меня как на душевнобольную.

— Зачем?! — удивленно спросил Аэрон.

Я продолжила свою мысль:

— Все пытаются его обмануть... А мы пойдем искать именно его. Найдем повод... — Я в возбуждении походила по комнате взад-вперед. — Да вот хотя бы бесовская неделя — чем не повод?

— Она рехнулась! — воскликнула Алия, но Аэрон словно ее не слышал.

— Страж, скорее всего, умеет читать мысли на расстоянии, поэтому возникает так вовремя и там, где нужно, — продолжала я. —

Ну и магией, конечно, владеет. Значит, всем участникам нужно будет внушить себе мысль, что нам ничего из Заветного леса и даром не надо!

— А самим провернуть все так, чтобы Страж сам дал нам что-нибудь, причем по доброй воле, не подозревая об этом. — Аэрон хлопнул в ладоши, напугав Лейю, и ухмыльнулся, видимо представляя, как мы дурачим Стража.

— Вот именно! Никому еще не приходила в голову мысль устроить развеселый праздник Стражу Заветного леса. — Я засмеялась.

— Это потому, что у тебя мозги немного набекрень, умные мысли стекают и перемешиваются с жуткой бредятиной, — просветила меня Алия.

Мы, перебивая друг друга, стали делиться своими соображениями.

На следующее утро Школа с недоумением взирала на нашу процессию. Впереди шла я, рядом трусила огромная черная волчица, сверкая желтыми глазищами, позади Аэрон тащил нагруженные санки, а на санях с узелком в руках гордо восседала Лейя, укутанная, как копешка. До леса добрались довольно быстро, несмотря на разыгравшуюся метель.

— Почему ты никого из друзей не взял? — спросила я вампира.

— А зачем? — фыркнул Аэрон. — Мне и с вами неплохо.

— Он просто не хочет, чтобы кто-нибудь делил с ним его славу, — ехидно заметила Алия, уворачиваясь от увесистого снежка Аэрона. Мы не в счет, мы же женщины! — Алия сделала широкий круг вокруг саней, ловко уворачиваясь от снежков, которыми швырялся в нее обиженный вампир. — Он же вампирюга, — заткнуть Алию в волчьей шкуре не было никакой возможности, — а у них свои законы. Друг друга в беде вытаскивать не будут, а вот топить и всячески высмеивать — это пожалуйста! — Алия сделала вид, что не понимает угроз вампира.

— Значит, он неправильный вампир, — вступилась я за Аэрона.

Тот впал в задумчивость — признать, что права я, значило расписаться в своей ущербности, возмутиться — означало согласиться с Алией. Наконец вампир пробурчал:

— Не забывайте, что почти все в Школе поставили на то, что наша затея с треском провалится.

— У нас опять появился шанс выиграть кучу денег! — Лейя взвизгнула от восторга и чуть не упала с саней, впрочем, ей все-равно пришлось их покинуть — мы вступили в лес. Снег был глубокий, полозья санок утопали в нем, и Аэрон намекнул мавке, что пора и честь знать, довольно и поклажи. Лейя с сожалением слезла с саней и пошла рядом с Аэроном, цепляясь за его руку. В лесу было тихо и сумрачно, мело не так сильно, на нижних еловых лапах лежал не потревоженный ветром снег. Идти было трудно, ноги проваливались в рыхлый снег выше колена, а то и по бедра. Сразу стало жарко, мы молча пыхтели, втайне завидуя не обремененной одеждой Алие. Лейя покраснела в своих многочисленных платках и кофтах. Я в сугробе потеряла валенок, и мы, ругаясь, с полчаса ковырялись в снегу, пока не отыскали.

— Лишь бы за день успеть обернуться, — сказал мне Аэрон.

Я кивнула и почесала варежкой нос, который просто зудел от садящихся на него снежинок. Алия прекратила радостные поскоки и целеустремленно двигалась вперед, морда ее от горячего дыхания покрылась инеем. Чем дальше мы продвигались в лес, тем темнее в нем становилось от многочисленных елей. Мы замолчали, только Аэрон крыл санки всякими нехорошими словами, когда те застревали в ветках кустарника.

Когда мной овладело жгучее желание бросить все и вернуться обратно, Алия остановилась и предупредила:

— За теми деревьями начинается Заветный лес. — Она кивнула на могучие ели, окаймляющие полосу совершенно чистого снежного пространства впереди. — Вот до этого места лес обычный, а дальше Заветный.

Мы посмотрели на вставшие частоколом ели и почувствовали себя крайне неудобно. Аэрон прищурил один глаз и спросил:

— Ну как, все убедили себя, что мы совершаем совершенно невинную прогулку? Или провести сеанс самовнушения? — Он прикрыл веки и загудел себе под нос: — Я спокоен, мои загребущие ручки не тянутся что-нибудь уворовать, мои завидующие глазки не зыркают по сторонам в поисках трофеев.

Лейя сдуру стала за ним повторять, я дернула ее за рукав и повертела пальцем у виска.

Алия повернула к нам голову, оскалилась и спросила:

— Ну что? Идем?

Здесь свободой дышит небо,
Здесь наполнен ветром воздух,
Здесь на Землю смотрит жадно
Мрак,
Безлунный и беззвездный.
Здесь обитель древних духов,
Что хранят обрывки знаний,
Песни о боях минувших и осколки заклинаний:
Тех, что сотрясали землю,
Тех, что пламя укрощали,
Тех, что в страстном исступленьи
Ветер в бурю превращали.
Никогда тропой заветной не ходи, ребенок нежный,
Не тревожь давно ушедших
Сон глубокий, безмятежный.
Ты — дитя иного мира,
Ты других богов создание.
Не ищи свободы Древних, не читай их заклинанья.

Аэрон повернулся ко мне и вопросительно приподнял бровь.

Я глубоко вдохнула и кивнула головой. Снежное пространство без каких-либо признаков растительности мы преодолели быстро. Немного притормозили, задирая головы и пытаясь рассмотреть верхушки хвойного частокола, и прошмыгнули между стволов.

В Заветном лесу было тихо и на удивление тепло. Метель осталась по ту сторону великанских елей. После пронизывающего ветра стало даже казаться, что здесь еще немного и начнет таять снег.

— Ну и где он? — спросил Аэрон и сдвинул капюшон котиковой куртки на затылок. — Может, сдох?

— Не дождетесь! — Ехидный старческий голос раздался, как показалось, из-за спин. Мы подпрыгнули от неожиданности и

обернулись. Пусто. Лейя стала вертеться на месте, мы тоже заозирались, силясь обнаружить источник звука. — Ну чего завер-р-ртелись, как воши на гр-р-ребешке! — пробрюзжал голос. — Покою от вас нет ни летом, ни зимой, семя бесово! Чего пр-рипер-р-рлись?

— Здравствуйте! — жизнерадостно выпалила Я. — А мы вас поздравить пришли!

— С бесовской неделей, — добавил Аэрон и попробовал изобразить широкую улыбку; получилось страшновато.

— Обнаглели! — с какой-то нехорошей радостью констатировал Страж. — Р-раньше даже вякнуть боялись, а нынче уже поздр-равлять начали, скор-р-ро бр-р-рататься полезут! Убр-р-рясь отседова!

С расшифровкой значения слова «убрясь» у нас проблемы не возникло. Мы обиженно насупились и поплелись обратно. Аэрон выпустил веревку санок из рук. Сзади прогрохотало:

— И что за хр-р-рень вы мне тут оставили?!

Мы обернулись.

— Дык... — начала Алия, но Страж ее оборвал:

— Пр-рошлый р-раз два шутника мне шутихи подложили.

Мы молча ожидали продолжения рассказа, но Страж многозначительно умолк. Лейя не выдержала и пискнула:

— И что?

— Фейер-р-рверк с кусками жар-р-реного мяса пр-редставила? — поинтересовался тот. — Так вот, гор-раздо, гор-раздо живописнее!

Лейя побледнела, а у Алии шерсть встала дыбом. — Там угощение, — храбро встряла я в разговор.

— Мясо в соусе из цикуты и пир-рожки с беленой? — хрипло рассмеявшись, спросил Страж. — Да кисель из вор-роньего глаза?

— Вовсе нет, — надулся Аэрон, — там мясо для шашлыков, вино, хлеб, ну и чай с душицей.

— Отр-равить р-решили? — не поверил все-таки Страж.

— Да мы можем вместе с вами откусать! — воскликнула я. Тем более что мы жутко проголодались, пока сюда тащились.

В воздухе захлопали крылья, и на сани опустился огромный черный ворон. Ворон лукаво скосил на нас лиловые глаза и клювом поддел край рогожи, которой были накрыты приготовленные угощения. Склонил голову на один бок и каркнул:

— Мясо и вино... Хор-рошо. Очень хор-рошо, — как будто разговаривал сам с собой. — Мясо, вино... Нечисть на десер-рт. Перед десер-ртом песни... Хор-рошо.

Лейя икнула и дрожащим голосом завела:

Как в окно моей светлицы
Черный ворон стучится.
Лапою в стекло скребет,
За собой гулять зовет:
«Мне в лесу холодно,
Мне в лесу голодно,
Одиноко без тебя,
Будешь мне теперь жена...»

Бр-ред сивой кобылы, — прокомментировал ворон, сверкнув лиловым глазом. Я прыснула в кулак, ворон покосился в мою сторону и прикрикнул: — Ну чего встали? Угощайте меня, мясо можно сыррым!

Мы наперегонки рванули к саням. Аэрон вытащил кастрюлю с мясом в маринаде. Страж сунул клюв в посудину и укоризненно спросил:

— В мар-ринаде?! Кр-рвопийцы, загубить такой пр-родукт!!! Он посмотрел на Алию, бегающую по поляне, и вновь перевел взгляд на Аэрона: — Р-разводи костер-р, пр-ридется жар-рить. Гадость!

С разведением костра нахлынули проблемы: не было ни дров, ни кремня. Ворон долго и с удовольствием честил нас всякими позорными словами, вещая Заветному лесу, какая нынче тупоголовая нечисть. Когда запас ругательств иссяк, ворон предложил Аэрому сопроводить его за дровами.

Вампир пожал плечами и согласился. Я, предвкушая самое интересное, стала во все глаза наблюдать за вороном. К моему недоумению, ворон с Аэроном не пошел, а остался с нами. Аэрон направился в глубь леса, а Страж как ни в чем не бывало выхаживал перед нами.

— Неужели он вампира одного отправил?! — спросила Алия. Я тоже в это не верила. Лейя хихикнула и сказала:

— Смотрите, Аэрон сам с собой разговаривает!

Я перевела взгляд на удаляющегося вампира. Тот действительно с кем-то беседовал, кивал, поворачивал голову к предполагаемому собеседнику. Я до боли в глазах всмотрелась и заметила темную тень рядом с вампиром. Страж хлопнул крыльями и потребовал:

— Ну чего уставились! Быстр-ро место для пр-р-раздника готовить!

Мы вскочили. Алия стала бегать по поляне, объяснив:

— Вытаптываю место для праздника, не в сугробах же сидеть! Лейя предложила сходить и наломать лапника от елей, чтобы можно было присесть, Страж согласился. Я стала разгружать санки. Постелила на снег рогожу и сверху выложила хлеб, лук, заварку, поставила неготовое еще мясо и две бутылки вина. Ворон, высоко поднимая лапы, ходил вокруг этого и сверкал лиловыми глазами. Я вытащила котелок и потопталась на месте:

— А где воду взять?

— Пока эта бесова волчица все не истоптала, то можно было здесь! — Ворон кинул недовольный взгляд на Алию, но та безмятежно выкусывала льдинки из шерсти на лапах. — Тепер-рь пр-ридется идти к источнику.

Страж повернулся ко мне спиной и решительно направился в лес. Я, не зная, следовать за ним или нет, постояла и заслужила гневный окрик ворона:

— Шевели ногами!

Я побежала за вороном, махая котелком.

Птица была мне выше колена, и меня терзала мысль: сможет он утащить меня в когтях и съесть или все-таки кишка тонка?

— Без тр-руда! — неожиданно каркнул ворон, отвечая на мой мысленный вопрос. Мы дошли до березок, и Страж неожиданно остановился, вспорхнул на ошетилившийся щепками пенек, скосил на меня лиловый глаз и каркнул: — Шикар-рно, пр-росто шикар-рно! На р-редкость удачный экспер-римент!

— Что?! — выпучила я глаза. — Я вас не понимаю.

— Чар-родейка? — спросил ворон.

— Нет, — совсем запутавшись, ответила я.

— Пр-равильно, — неизвестно за что похвалил меня Страж. — Слова — пыль, главное — дар-р. Др-рагоценный дар-р, пр-ричем дар-ром!

— Какой дар?!

— Дур-ра! — выразительно каркнул Страж. — Кар-рыч.

— Что?

— Ты — дур-ра, — с удовольствием повторил ворон, — а я — Кар-рыч!

— А-а, — протянула я, наконец вникнув в суть, — только я не дура, я — Веряя.

— Дер-рзишь? — поинтересовался Страж. Я никак не могла понять, что именно ему от меня надо, поэтому чувствовала себя крайне неуютно. А тот рассматривал меня как диковинку, даже облетел вокруг. А под конец завопил на весь лес: — Пр-роснитесь, р-рыжая вер-рнулась!

От неожиданности я выпустила котелок и начала нервно озираться. И откуда этот гад знает, что я рыжая, волосы-то под платком! И еще мне было чертовски интересно: откуда я вернулась, куда и с какой целью? И нервировал его вопль «проснитесь» — очень напоминает сюжет из какой-нибудь страшной сказочки про упырей, мертвецов и прочую гадость.

Подхватив котелок, я, продолжая затравленно озираться, оперлась рукой на березу и тут же с ужасом ее отдернула. Показалось, что под корой что-то шевелится, да и кора на ощупь была подозрительно теплой. Я уставилась на дерево ошалевшим взглядом. Ствол из белоснежного становился цвета слоновой кости, березка глубоко вздохнула, и вот уже стоит стройная нагая женщина, кутаясь в длинные изумрудные волосы. Женщина с деревянным скрипом потянулась и уперла руки в боки:

— Ну чего раскаркался? — низким голосом поинтересовалась она.

Я попятилась к Стражу и уперлась задом в пень, на котором сидел ворон.

— Р-рыжая вер-рнулась, — повторил Страж и перепрыгнул на мое плечо.

Я охнула и чуть не упала. Возникло ощущение, что на плечо привесили наши сани, причем вместе с Лейей. Ворон, не обращая внимания на мои страдания, переступил лапами с внушительными коготками и, оттолкнувшись, спрыгнул на снег. Дама приблизилась ко мне и, прищутив пронзительные зеленые глаза, стала рассматривать. Теперь голой почувствовала себя я. Попыталась даже прикрыться котелком. Бывшая береза стянула с меня платок, и волосы рассыпались по плечам. Ворон снова взлетел на пень за моей спиной и представил меня:

— Дур-ра, Вер-рея.

— Я не дура.

— Огр-рызаемся? — Черная голова с огромным острым клювом высунулась из-за моего плеча. Я прикусила язык

— Несовместимое объединилось?! — спросила береза.

— Ор-ригинальное соединение совершенно чуждого др-руг др-ругу! — похвалил Кар-рыч нецизвестно что. — Она помнит?

— Человеческая память кор-ротка...

У меня голова пошла кругом, я совершенно запуталась, пытаюсь поймать нить разговора.

— Мы идем за водой? — наконец нахально влезла я в разговор.

Ворон скосил на меня глаз, щелкнул клювом и пробрюзжал: — Невежливо встр-ревать в р-разговор-ры стар-рших.

Я послушно замолчала и потопталась на месте.

— К Анчутке? — спросила женщина с неудовольствием.

— К источнику, — уточнил ворон.

— Пусть явит свой дар.

— Какой дар?! — встревожилась я.

— Дур-ра, — убежденно каркнул Карыч, повертел головой и пояснил: — Чар-родейство!

— Использовать магию? — догадалась я, пошарила взглядом и наткнулась на пень. Положила на него руку. Пень вздрогнул, высоко взвихрился снег. Я отряхнула снежинки с шубки и отошла в сторону.

Женщина посмотрела на пень, сверху донизу осыпанный белыми полупрозрачными, ледяными, словно стеклянными, цветами. Страж был немного разочарован, видимо, ожидал чего-то более грандиозного и кровожадного. Женщина погладила цветы рукой и улыбнулась, от

этой улыбки лицо ее стало хищным. Ворон посмотрел на нее и каркнул:

— Одар-ри ее тоже. — Он повернулся ко мне: — Что попросишь?

— Что-нибудь... — пролепетала я.

Женщина подошла к ближайшей березе, ущипнула длинными когтями за кору и сорвала большой кусок бересты. Протянула мне. Я взяла его и чуть не выронила от омерзения — береста на ощупь напоминала кожу, причем живую, мягкую и теплую. Ворон зашагал вперед, я засемила за ним, сжимая котелок и бересту. Женщина посмотрела нам вслед, зевнула, вытянула руки вверх. Я моргнула глазами: на месте женщины высилась белоствольная березка.

— Кто это? — Я кивнула на березу.

— Р-русалка.

— ...?!

— Истинная р-русалка, — пояснил ворон, еще больше меня запутав.

Видимо, догадавшись, что я хочу еще о чем-то спросить, он приказал: — Не тр-реци! — Послушал мое обиженное сопение и посоветовал:

— Спр-роси у подр-руги.

Впереди показался небольшой просвет. Шагов через пятьдесят мы оказались на берегу водоема.

Круглой, совершенно правильной формы озерцо, к моему удивлению, не было покрыто даже тоненькой корочкой льда. От воды поднимался пар, как будто вода в озере была теплой. Я присела на корточки и осторожно потрогала пальцем воду — точно, теплая. Я выпрямилась и посмотрела в водную гладь. Вода совершенно черная, как будто вылили чернила, непрозрачная и неподвижная, я поднесла палец к глазам, чтобы убедиться, что не замарала его о воду.

— Ну чего стоишь, зови благодетеля! — хрипло каркнул за спиной Карыч.

— Какого благодетеля? — опять проявила я досадную тупость.

— Вот и спасай вас, людишек, добр-ра не помните! Анчутку покличь!

Я решила не обращать внимания на непонятные обидные слова Стража, отнеся их к начинающемуся старческому маразму вкупе со склерозом. Послушно крикнула:

— Анчутка! [8]

Над водой вздулся большой водяной пузырь, становясь все выше, как будто кто-то со дна нагнетал в него воздух. Я задрала голову, наблюдая за его ростом, пузырь дрогнул и отек струями воды обратно в озеро, явив нам... черта. Да-да, самого обыкновенного черта рогатого, красноглазого, хвостатого, с копытами на волосатых ногах. Я отступила на шаг назад. Черт преспокойно висел в морозном воздухе, красными глазами с черным вертикальным зрачком рассматривая меня. Таким взглядом смотрят на новую разновидность живого существа, выведенную опытным путем. Я ответила на взгляд черта не менее нахальным разглядыванием. Черт, вернее Анчутка, громко фыркнул, пустив из ноздрей струи горячего пара вперемешку с водой.

— Явилась, говоришь? — спросил у ворона. — Добровольно, без принуждения?

— Пр-рипер-рлась, — подтвердил Страж, — еще и др-рузей привела!

Черт снова фыркнул и, ловко перебирая копытами по водной глади, сошел к нам на берег:

— Друзей?!

— Мавка, вилколак и вампир-р, — подтвердил Страж. Анчутка покосился на меня, я же, не собираясь вникать в их бредовый разговор, спокойно набирала в котелок воду из источника, коим назывался этот водоем.

— И ты их пропустил?!

— На р-рыжую хотел посмотр-реть, — объяснил Карыч. — Они угощение пр-ринесли.

Черт поскреб когтями щетинистый подбородок и неожиданно обратился ко мне:

— Кто тебе посоветовал прийти к нам?

Я махнула котелком, рискуя вылить из него всю воду: — А мы Стража угощать пошли.

Черт поперхнулся и захохотал, ворон хрипло его поддержал, я молча наблюдала этот взрыв веселья.

— Врет и даже не смущается, как положено приличной девице! — вволю навеселившись, восхитился черт.

— Дур-ра, — с гордостью отрекомендовал меня Карыч и вдруг рывкнул: — Пр-равду!!!

Я все-таки выпустила котелок из рук, с сожалением посмотрела на вылившуюся воду и нехотя сказала:

— Ну-у, мы поспорили...

— Настоящая нечисть! — довольно хлопнул себя по волосатым ляжкам Анчутка. — Родители-то не подкачали — определили в подходящую Школу.

— Родители умерли... Давно, — перебила я его.

Черт прищурился, превратив глаза в две узкие красные щелочки.

— Когда?

— Тринадцать лет назад.

Анчутка взвился в воздух, тыкая в меня когтистым пальцем и вереща на всю округу:

— Она не знает!!!

Ворон взлетел к нему в воздух и, суетливо махая крыльями, тоже завозмущался:

— Совер-ршенная безалабер-рность! Умер-реть и оставить р-ребенка в неведении!

— В неведении чего?! — Я запрокинула голову и повертелась на месте, пытаюсь рассмотреть летунов, шея затекла, и голову пришлось опустить. Анчутка и ворон о чем-то страстно спорили, до меня долетали только обрывки фраз:

— Сейчас... невозможно... не готова... потом...

— Кошмар-р... не пр-редполагал...

— Эй, — не выдержала я, — я устала и замерзла! Карыч!

Споры прекратились, черт склонил набок голову и задумчиво произнес:

— Впрочем, какая разница. Школа поблизости, побегает, поучится.

— С ума сошли! — обнаглев вконец, заорала Я. — Мало мне учителей, так еще вы на мою голову навязались!

Анчутка завис надо мной и вцепился в мой подбородок когтями:

— Мы — твои единственные наставники!

— А Феофилакт Транквиллинович совсем другого мнения, — упорствовала я, пытаясь освободить лицо из когтей Анчутки. Черт разжал пальцы и хохотнул:

Вук Огнезмей!!! [9]

— Кто?!

— Потеплее станет — приходи.

— А нам запрещено ходить в Заветный лес.

— Ничего, директор отпустит!

— Отпустит! — каркнул Карыч. — Еще и пр-роводит!!!

— Вы что, знакомы?! — подозрительно поинтересовалась я.

— Шапочно, — ответил Анчутка, а Страж снова зашелся в хриплом смехе. Я фыркнула и опять зачерпнула котелком воду. Черт подошел ко мне, дернул за прядь волос, заглянул в лицо и вкрадчиво спросил: — Не жжет?

— Что?

— Водица не жжет? — повторил он свой вопрос.

— Нет. — Я провела ладонью по водной глади.

Черт удовлетворенно хрюкнул и прошептал на ухо, уколов щеку колючей щетиной:

— А ты загляни в зеркало.

Я перевела взгляд на свое отражение, скорчила сама себе рожу. Вгляделась попристальней, и тут мне стало плохо.

«... кричать уже не могла, не было воздуха. Платье намокло и тянуло на дно как гиря, руки устали до ломоты. Я захлебывалась водой, которая пахла тиной, рыбой и еще чем-то, в настоящий момент просто омерзительным. Воздуха не было ни капли, вода хлынула в нос, рот и сомкнулась над головой. Перед широко распахнутыми глазами проплыла безмятежная стайка рыбок. Я дернулась и покорно пошла на дно, с ужасом заметив, что по мою душу явился отнюдь не ангел, хотя мама говорила, что такие маленькие, хорошенькие девочки попадают сразу на небеса. Видимо, я сделала что-то очень гадкое, раз за мной явился красноглазый волосатый черт...»

Глаза раскрылись, вода полилась изо рта, носа и, кажется, даже из ушей. Я закашлялась, корчась на снегу у источника. С безумной

радостью отметила, что дышать могу, а во рту больше не пахнет тиной. Одежда была совершенно сухая, как и волосы. Котелок валялся рядом, к моей крайней досаде совершенно пустой.

Анчутка спокойно сидел на поваленном дереве и пускал пар из ноздрей, покачивая волосатой конечностью. Нахохлившийся Карыч размещался рядом и, похоже, даже дремал.

— Что это было?! — прошипел а я, забыв, что вообще-то духов Древних нужно опасаться.

— А что случилось? — выдохнув очередную струю пара, невинно спросил Анчутка.

— Я боюсь воды!!! — заорала я, вернее, попробовала заорать, но снова закашлялась.

Анчутка встал, потянулся, демонстративно зевнул, показывая, острые как бритва зубы.

— Зато теперь ты знаешь, почему боишься, — невозмутимо поведал он. — Приходи, когда станет теплее, еще попробуем что-нибудь. — Ни за что! — Я с упорством барана снова зачерпнула воды котелком.

— Как хочешь. — Анчутка подпрыгнул и завис в воздухе над источником. — Кстати, это тебе на память. — Он протянул мне кувшинку с ало-оранжевыми лепестками. Я машинально взяла, понюхала, чихнула — цветок пах пряностями с примесью серы. Анчутка взвизгнул и исчез под водой, я едва успела отпрыгнуть от брызг. Повертела цветок за стебелек, подняла со снега бересту и спросила Карыча:

— Воды набрали, идем обратно?

Карыч встряхнулся, щелкнул клювом и проворчал:

— Вечер-реет. Кар-раконжалы могут появиться. Доказывай потом, что ты не жер-ребец. — Ворон уверенно пошел впереди, а я с тревогой оглядывалась по сторонам. «А Аэрон-то думал вернуться к вечеру», с печалью подумала я. То, что караконжалы — это водяные демоны, я давно знала, как и то, что они просто обожают кататься верхом, и необязательно на лошади.

Из состояния глубокой задумчивости меня вывел сердитый кар Стража:

— Ну чего зыр-рите?

— Кому это вы? — Я обернулась на стволы деревьев.

— Амба.

— Кому амба? — не на шутку встревожилась я.

Ворон одарил меня взглядом, коим смотрят на неразумное дитя, смесь досады и умиления:

— Не амба, а амба, — поправил меня Страж, делая ударение на последний слог, — духи. Да не кр-рутись ты, все равно не увидишь. И, обращаясь уже не ко мне, а к невидимым амба, раскатисто каркнул:- Бр-р-рысь!

Я хмыкнула и снова, утопая в глубоком хрустящем снегу, пошла за Стражем, стараясь не разлить воду. Любопытство все-таки не давало покоя, и я, немного помучившись, спросила:

— А что делают эти амба?

— Одиноких путников убивают. — Страж заметил мой испуганный взгляд и успокоил: — На тебя не кинутся, не тр-русь.

Я тут же жутко возгордилась своей значимостью и в результате чуть не оставила нас без воды, запнувшись за ветку бузины. Ворон с готовностью прокомментировал:

— Дур-ра.

Возможно, мне показалось, но в голосе пернатого прозвучали умиленно-влюбленные нотки, поэтому я даже огрызаться не стала, чтобы понапрасну не сотрясать воздух.

На полянке радостно потрескивал костерок и упоительно пахло жареным мясом с луком. Алия выбежала меня встречать, лениво махнув пушистым хвостом. Лейя и Аэрон грели над костром руки. Лейя, увидев меня, просияла, а Аэрон набросился с упреками:

— Чего ты так долго? Мы замерзли, чая хочется. — Он наклонился и пожаловался мне на ухо: — А Карыч запугивает нас жуткими историями.

Я протянула котелок Аэрону, тот удивленно воззрился на воду: — Уже вскипела?! Где же ты кипяток-то нашла?

— Места надо знать, — отшутилась я, бросив взгляд на Карыча.

— А это что? — Лейя схватилась за бересту и, ойкнув, уронила на снег. — Какая гадость!

Аэрон тоже потрогал живую бересту, присвистнул и сунул мне в руки.

— Мерзостней ничего в жизни в руках не держал. — Он вытер руки о штаны. Алия даже нюхать отказалась, я сунула бересту в карман шубки, за пазуху ее убирать совсем не хотелось. Пока Карыч склонял голову то на один бок, то на другой, рассматривая готовящееся мясо, я вытащила из-за пазухи кувшинку.

— Ух ты!!! — пискнула Лейя, пытаясь выдрать ее из моих рук.

Алия громко чихнула:

— Пахнет какими-то специями и серой!

Вампир завладел кувшинкой, оттеснив настойчивую мавку, высоко поднял ее над головой и принялся рассматривать. Лейя, протестуяще покрикивая, прыгала рядом, стараясь дотянуться до цветка, но, столкнувшись с таким препятствием, как высокий Аэрон, терпела неудачи. Кувшинка в подступающих сумерках как будто светилась изнутри ровным алым светом.

— Жр-рать будем? — прервал нас Карыч. — Мясо готово!

Я потребовала цветок обратно, Аэрон с сожалением отдал его мне. Мы стали угощаться мясом, запивая его вином и с некоторым страхом поглядывая на Стража, который глотал куски мяса не жуя и демонстрировал чудеса ловкости, стоя на одной лапе, держа второй бутылку и заливая вино себе в глотку прямо из горлышка. Даже привычный к шумным, бесшабашным попойкам Аэрон поперхнулся и остекленело взирал на это представление. Чтобы немного отвлечь внимание друзей от голодного и терзаемого жаждой ворона, я кашлянула и произнесла:

— А я поэму про ворона вспомнила.

Ворон рыгнул, напугав сим звуком впечатлительную Лейю, и повелел, махнув когтистой лапой с зажатой в ней бутылку:

— Р-рассказывай.

Аэрон был выведен из замороженного состояния вином из посуды Стража. Я важно прокашлялась и завела:

Посреди океанских просторов,
Там, где буря, преграды не зная, гонит волны куда
пожелает,
Рев стоит сумасшедший и грохот, дикий посвист,
безумная песня.
Это буря в неистовой злобе разбивает огромные

волны о высокий утес неприступный,
Что стоит в одиночестве гордом среди хаоса дикой
стихии.
На вершине утеса прикован длинной цепью
огромнейший ворон,
Буря хлещет его, и о камни тело ворона с силою
бьется,
Но ни слова в ответ не услышит ветер,
Ворон с презреньем смеется.
Мертвый взгляд черных глаз его страшен,
Черным глянцем блестит оперенье,
И когтистые лапы опасней лап дракона,
И ворон не птица.
Черный демон, когда-то могучий,
Управлявший стихиями мира,
Нынче к камню прикованный цепью,
Обреченный на вечную муку.
Чертят молнии черное небо,
И тяжелые низкие тучи ветер с пеной прибоя
мешает.
В ожидании гордом и страшном демон зла на скале
восседает,
В ожиданьи заветного часа, когда цепь его в прах
превратится.

— Хор-рошая песня, — прослезился растроганный Страж, заглывая очередной кусок мяса. — Пр-равдивая и мр-рачная.

Лейя протянула мне кружку с горячим чаем. Сразу запахло душицей и мятой. Захмелевший Карыч предложил нам попрыгать через костер, и подружки согласились. Я отказалась, объяснив, что без восторга отношусь к экстремальным забавам, да и чая очень хочется. Аэрон тоже прыжки через огонь не жаловал, поэтому вместе со Стражем приступил к распитию следующей бутылочки вина.

Вино до такой степени взбодрило Стража, что он, отогнав от костра девчонок, заскакал на спотыкающихся лапах вокруг огня и, отчаянно фальшивя, заорал исключительно боевую песню. Слова этой

разудалой песни терялись в непрерывном карканье, поэтому мы смогли уловить только общий смысл выступления — «... кр-ровь, р-разр-рушение, стр-рах, смер-рть...» Я поперхнулась чаем, а Алия перестала жевать.

— Жутко кровожадный тип, — просипела она, косясь на беснующуюся птицу и судорожно пытаюсь заглотнуть застрявший в горле кусок

— Пр-рольются р-реки кр-рови! — заорал вошедший в раж Страж Заветного леса и широко махнул огромным крылом. Одно перо, с треньканьем спущенной тетивы, вылетело и устремилось в сторону Аэрона. Вампир взмахнул рукой и протянул нам зажатое между пальцами черное перо.

— В последнюю секунду поймал, у самого носа, — невозмутимо проговорил он и снова приложился к бутылке.

Лейя потрясенно хлопала глазами.

Карыч, закончив заглядывать себе под крыло, смущенно произнес:

— Сор-рвалось...

Аэрон повертел перо с острым, как стальное копьё, кончиком между пальцами и непринужденно согласился: — Бывает. Оставлю на память?

Ворон сделал вид глубокой задумчивости и важно каркнул:

— Р-разр-решаю.

Аэрон торопливо сунул перо под куртку, уколов-таки себе палец.

— Смер-ркается, — предупредил Карыч, — вам пор-ра. Не советую оставаться здесь на ночь. — Он подошел ко мне, склонил голову и, лукаво сверкнув лиловыми глазами, сказал: — Хотя ты можешь и пер-реночевать, тебя не тр-ронут, своя.

Чертенята любопытства ради сразу же принялись нашептывать в уши, дескать, давай останемся, посмотрим, что тут деецца при свете луны, а вдруг нам понравится! Но я решительно передала их Тяжелыми сапогами здравого смысла, произнесла:

— Ну уж нет! — и встала с елового лапника. — Как-нибудь в другой раз.

Пока друзья укладывали пустую посуду на сани, Карыч подозвал меня к себе и, чуть не оглушив, каркнул на ухо:

— Не забудь, станет теплее, пр-риходи.

Я клятвенно пообещала не забыть об этом.

Обычный лес встретил нас снежным бураном и темнотой, хотя от отсутствия света страдала только я. Трое моих попутчиков совершенно не заботились о таких пустяках. Пронизывающий ветер в мгновение ока лишил нас того тепла, которым мы запаслись в Заветном лесу. Ресницы покрылись таким слоем инея, что казалось, на них привесили по бревну. Снег резал лицо и грозил выбить глаза. Обжигающе морозный ветер не давал дышать, вкупе с сугробами это было просто ужасно. Десяток шагов мы делали примерно за час. Рогожу с санок унесло порывом ветра, и искать ее никто не пожелал. Алия захлебывалась ветром и упавшим голосом сообщила, что, похоже, мы заблудились, а по такой погоде она нас из леса навряд ли выведет. Лейя после этих слов плюхнулась в сугроб и заревела. Рев ее тут же был унесен порывом ветра со снегом, а слезы льдинками повисли на ресницах. Алия от холода щелкала зубами, а Аэрон, похлопав заиндевелыми ресницами, начал матом крыть Заветный лес, Калину и духов Древних. Я молчала, постукивая ногой об ногу.

Аэрон за шиворот поднял Лейю на ноги, мы снова двинулись вперед. Ветер словно в насмешку стал еще сильнее. Лейя всхлипывала, упав животом на санки. Я повисла на Аэроне, хотя понимала, что ему вполне хватает и Лейи, но, если я отпущу его рукав, упаду и больше не встану. Алия, ушедшая вперед, вынырнула из снежной круговерти.

— У меня для вас две новости — одна хорошая, а другая плохая.

— Давай хорошую, — прохрипел Аэрон.

— Я нашла довольно теплое место.

Лейя приподняла голову:

— А плохая?

— Это берлога медведя.

Лейя снова поникла. Мы пошли следом за волчицей и остановились около ничем не примечательного сугроба.

— Как вы думаете, если мы к нему вломимся... — нерешительно проговорил Аэрон.

— Типа, пустите погреться? — ехидно спросила я.

— Задерет, — уверенно сказала Алия.

— А если не вломимся, то замерзнем, — спокойно сказал Аэрон. — А так у нас будет хоть какой-то шанс.

— Нам хватит там всем места? — спросила ожившая Лейя.

— Сейчас посмотрим, — буркнула Алия и стала осторожно разгребать снег. Прodelав приличное отверстие, она сунула туда голову, потом обернулась к нам и сообщила, что, если потеснимся, то, может, и поместимся.

— Главное — не разбудить хозяина, — предупредил Аэрон.

— Многие медведи и не спят мертвецки всю зиму, а находятся в полудреме, — проворчала я.

— А если он в туалет захочет? — пискнула Лейя.

— Не захочет, медведи перед зимой наедаются каких-то трав и кореньев, которые создают у них там пробку, а весной, наоборот, едят слабительные травы, — пояснила Алия.

— Какая гадость. — Лейя наморщила нос.

— А может, Лейя ему песню споет? — спросила Я. — Лейя, твои песни на медведей действуют?

— Я не знаю, на них не практиковалась, чаще на мужиках. Лейя слезла с санок и на четвереньках поползла к отверстию. Здоровый какой! — обернулась она к нам, снова сунула голову внутрь и тихонько запела. Мы с надеждой смотрели на ее зад, который пытался в такт пению вилять из стороны в сторону.

Я окоченела вконец и отчаянно желала залезть Аэрону под куртку, чтобы хоть немного отогреться, и плевать мне было на то, что приличным девицам и в голову не приходит залезть мужчине под одежду. Да и какая я приличная! Алия, судя по всему, тоже была бы рада взлезть на вампира верхом, чтобы погреть лапы. Она распоролa о льдину подушечку на одной из них и поджимала ее.

Аэрон, заметив наши откровенные взгляды и догадавшись, что мы строим насчет него какие-то планы, смутился и стал привязывать сани к дереву.

— Правильно, — съязвила Алия, наблюдая за его действиями, а то вдруг кто-нибудь из сбрендивших зайцев решит покататься.

Вампир фыркнул и одарил ее испепеляющим взглядом. Лейя высунула голову из берлоги, сказала:

— Вроде бы спит, — и храбро полезла дальше.

Следом протиснулась Алия, а за ними я и Аэрон. Берлога действительно была тесновата, но восхитительно тепла. Я на всякий случай махнула руками, и уши медведя накрыли плотные наушники из

подозрительно знакомого материала. Аэрон возмущенно показал на капюшон своей дорогушей куртки, меховая опушка которого была как будто выгрызена. Я пожала плечами:

— Я не умею что-то создавать из воздуха.

В берлоге было темно и тихо, только косолапый хозяин сопел, ворчал и чмокал во сне. Глаза у друзей в темноте светились, и я чувствовала себя примерно как главное блюдо на вечеринке у упырей. Лейя из-за тесноты сидела у Аэрона на коленях. В прокопанное отверстие задувал холодный ветер, и Алия немного загребла его снегом. Пахло шерстью и еще чем-то неприятным, наверное, медведем. Я, прижавшись к боку Аэрона, спросила мавку:

— Лейя, а истинная русалка — это как?

— Это легенда, — прошептала мавка. Аэрон, судя по возне, устроился поудобнее, натянув на голову обгрызенный капюшон.

— Помочь? — обратился он к Алие, которая вылизывала пораненную лапу.

— Только сунься, упырюга!

Вампир довольно хрюкнул и замолчал, а Лейя зашептала:

— Давно, когда еще нечисти на земле не было, жила русалка дочь Ночи. Ночью она гуляла по земле, а с наступлением дня спешила в свое прохладное жилище на дне реки. Однажды русалка задержалась на земле дольше обычного, и ее заметил Хорс — сын Солнца. Русалочка полюбилась ему, а молодой бог понравился русалочке. Но его горячие объятия стали обжигать ее нежную кожу, Хорс не отпустил возлюбленную, и она превратилась в березку, а темные пятна на ее коре — это ожоги от поцелуев Хорса.

— Весь мужской род — гады, из-за прихоти угробить девушку! — проворчала Алия.

— Что, однако, не помешало этой парочке наплодить всяких мавок, нис, сирен и прочей водной нечисти! — сонным голосом съехидничал Аэрон, который, как я подозревала, на протяжении рассказа дремал.

— Почему ты про истинную спросила? — прошептала Лейя.

— Да так, — я спрятала зевок в варежку, — вспомнила что-то.

Спящий ли медведь насылал на нас сонные флюиды, или Лейина песня так подействовала, но постепенно, под завывание ветра, мы

погрузились в сон. Я привалилась к плечу Аэрона, и снилась мне зеленоволосая женщина из Заветного леса, которая бежала через сугробы от раскинувшего крылья пьяного Стража.

Сквозь полузасыпанное бураном отверстие пробивался свет. Я из-под ресниц оглядела друзей. Алия, свернувшись в клубочек, вздрагивала во сне. Лейя тихо посапывала на коленях Аэрона. Аэрон спал, надвинув капюшон на глаза. Я потянулась и, задев медвежьей шерстью, вздрогнула. Медведь все так же чмокал и сопел во сне. За стенами берлоги стояла тишина, видимо, вьюга утихла. Я хотела еще подремать, но глаза упорно не закрывались. От нечего делать я принялась водить пальцем по ворсу Аэроновой куртки. Голова вампира дрогнула, и он, широко зевнув и показав белые клыки, спросил, поправляя капюшон:

— Выспалась?

Я кивнула на выход из берлоги: — Домой пора, ветер улегся.

Аэрон бесцеремонно толкнул в бок Лейю и, пока она сонно хлопала глазами, подпихнул ногой Алию. Волчица оскалилась, а он невинно поинтересовался:

— Что, тоже не спится?

Снаружи заскрипел снег под чьими-то ногами, послышались голоса. Мы прислушались.

— Наверно, это из деревни, за дровами, — прошептала Алия.

— Санки сопрут! — расстроился Аэрон. Он причесал пятерней взлохмаченные светлые волосы и радостно потер руки: — Щас я их! — Снова натянул капюшон на глаза и с кровожадным мычанием пополз на четвереньках наружу. Испугавшись, что он разбудит косолапого, мы торопливо поползли следом.

Снаружи заохали. Аэрон внезапно замолчал, оборвав свое выступление. Я высунула голову в дыру и зажмурилась от яркого света и снежной белизны. Подслеповато щурясь, проползла вперед, уткнулась в чьи-то ноги в меховых сапогах, подняла голову и, ойкнув от ужаса, попятилась обратно, выбрав из двух зол меньшее.

— Госпожа Верея, — удовлетворенно протянул Феофилакт Транквиллинович, он же Вук Огнезмей, — рад видеть вас в добром здравии.

Лейя, не видя причины моего поспешного отступления, возмущенно боднула мой зад, я упала на живот. Феофилакт

Транквиллинович поднял меня за шиворот и, встряхнув, поставил на ноги.

Аэрон, отчаянно жестикулируя одной рукой, с виноватой миной что-то говорил высокому мужчине самой что ни на есть вампирской наружности, а другой обнимал и гладил по горностаевому капюшону невысокую женщину, уткнувшуюся ему в грудь. На мужчину, судя по всему, то, что говорил ему Аэрон, не производило должного впечатления, а только сердило еще сильнее. Я поняла, что это родители Аэрона — лорд Аквил и леди Диодора.

Около моего наставника в лице директора перебирал мохнатыми лапами наставник факультета Алии. Сама Алия, видимо почуяв преподавателя, выползать из берлоги не торопилась, предпочитая спящего медведя бодрствующему куратору. Наконец Вольф Вениаминович сунул свою лохматую голову с аршинными зубами в медвежью берлогу и проговорил:

— Госпожа Алия, вы желаете, чтобы вас вытащили отсюда как шкодливого щенка? Волчица, прижав уши и смущенно помахивая хвостом, выползла из убежища, косясь на наставника, у которого при виде ее сконфуженной морды шерсть на загривке встала дыбом от еле сдерживаемой ярости. Волчица в панике юркнула за мои ноги.

Я разглядывала родителей Аэрона и удивлялась: какой леший принес чету вампиров в лес? Урлак хоть и находился не так далеко от Школы — сутки полета на драконе или грифоне, но примчаться только из-за того, что чадо не ночевало в стенах Школы одну ночь? Это уже перебор! Что-то я не припомню таких пышных встреч после памятной пирушки у Никодима, хотя вернулись мы лишь под утро.

Встречи с нами, видимо, с нетерпением ждала вся Школа, иначе как объяснить огромное количество учеников, в основном старшеклассников, которые топтались вокруг нас, превращая заснеженный лес в подобие хорошо утрамбованной площадки для игр. Веселились волкодлаки, высоко взметая снег лапами, химеры кутались в крылья, темные альвы затеяли очередную свару.

Сияющий как начищенный пятак Калина восседал на наших санках. Я широко ему улыбнулась и помахала руками, намекая, как он будет обмахивать Аэрона крыльями. Калина ответил мне злым взглядом и провел ребром ладони себе по горлу. Я нахально показала

ему аккуратную фигу и на всякий случай отступила поближе к директору, который прогрохотал на весь лес:

— Объясните мне, господин Аэрон, чем вы занимались в этом сугробе с тремя девицами в течение трех дней?

Я раскрыла рот, Алия и Аэрон выглядели не менее потрясенными, у меня даже мелькнула мысль, уж не решил ли наставник нас разыграть в отместку за доставленные ему неудобства. Но рассудок сразу совместил сказанное директором с пышной встречей и согнанными на наши поиски учениками и учителями. В такую логическую цепочку без труда укладывались и родители Аэрона, срочно вызванные с той же целью. Была только одна проблема — вся эта логическая цепочка никак не укладывалась в голове. Не могли же мы проспать в берлоге целых три дня! Да и в Заветном лесу мы даже на ночь не остались. Или там время идет по-иному?

— Мы от бурана тут укрылись, — растерянно произнес Аэрон.

— Феофилакт Транквиллинович, — вступила Лейя, выжимая из глаз слезы, — мы не одни там были.

Я закатила глаза, понимая, что сейчас над нами будет потешаться вся Школа.

— И кто же составлял вам компанию? — с интересом спросил наставник, и Лейя, не обращая внимания на наши знаки, прорыдала:

— Ме-эдве-эдь!

Сзади прыснули, захохотали, захихикали на разные голоса, слышались восторженно-насмешливые реплики:

— Медведь рьяно защищал девичью честь...

— А может, медведь уже тоже того... не девушка?

Вампир соорудил равнодушное лицо, а я сделала вид, что поглощена разглядыванием снежинок на варежке.

— Мне сказали, что вы направились в Заветный лес, — продолжил директор, а Аэрон, отстранив мать, обвел многозначительным взглядом учеников, намекая на то, что проболтавшемся будет худо.

— Правилами Школы запрещается приближаться к Заветному лесу, вам это хорошо известно. Вы рисковали своей жизнью и жизнями трех младшекурсниц, которых потащили с собой в сомнительное

путешествие! — продолжал свои поучения наставник, вперив взгляд в вампира.

— Мы сами пошли. — Алия высунулась из-за моей ноги и получила оплеуху тяжелой когтистой лапой Вольфа Вениаминовича. Феофилакт Транквиллинович со вздохом проговорил:

— Меня удивляет только одно — когда вы успели так подружиться?

Я подавленно молчала. Ну в самом деле, не рассказывать же, что мы познакомились в женской уборной! Леди Диодора одарила меня пронзительным взглядом голубых глаз, не понимая, что такое ее сын нашел в рыжей оторве. Аэрон, нисколько не смущенный, продолжал оправдываться перед отцом. Алия громко зевнула под неодобрительным взглядом своего куратора, хотя зевок мог выдавать и волнение, как у собак, например. Лейя старалась за нас четверых, орошая снег горячими слезами, хватая за рукава Феофилакta Транквиллиновича и моля его не сообщать о ее проступке тетке.

— Нас радует только одно — до Заветного леса вы, к счастью, не дошли.

— Как это «не дошли»?! — удивленно спросил Аэрон. — Да мы как раз оттуда и возвращались, когда попали в буран.

Повисла тягучая тишина. Ученики стали сжимать кольцо вокруг нас. Отец Аэрона смотрел на сына со смесью гордости и ужаса, леди Диодора побледнела под стать своей шубе. В тишине четко выругался Калина.

— Страж сказал, что на ночь оставаться в Заветном лесу не стоит, поэтому пришлось возвращаться в темноте. Была метель, и мы заплутали, — спокойно рассказывал Аэрон про наши ночные приключения, мысленно злорадствуя над огорошенным Калиной. — Алия нашла медвежью берлогу, Лейя песней усыпила хозяина берлоги, а Верея, подстраховавшись, сделала ему наушники из моей куртки, мы переждали буран там, иначе замерзли бы.

Сейчас госпожу Диодору кондратий хватит, с тоской подумала я, глядя на опершуюся на руку мужа мать Аэрона. Интересно, из-за чего — ночевки в берлоге, Заветного леса или испорченной куртки?

— Страж вас пропустил, — не очень твердо произнес наставник, вонзив взгляд карих глаз в меня. Я кивнула и протянула ему бересту. Директор взял ее двумя пальцами, как брезгливая барышня. Аэрон

приобщил перо Карыча. Ученики стали вытягивать шеи и нахально тянуться из-за плеча директора к предметам. Феофилакт Транквиллинович сунул наши находки в карман и буркнул: — Об остальном поговорим в Школе. — Он схватил меня за локоть и решительно направился по протоптаным тропкам к выходу из леса.

Вольф Вениаминович исторг леденящий душу вой, созывая разбредшихся волкодлаков и оборотней. Стая пронеслась мимо нас, обдав снежной пылью. Алия вперед не побежала, а потрусилась рядом со мной. Лейя прекратила нытье тоже. Аэрон выдернул санки из-под Калины, с ослепительным оскалом ухмыльнувшись ему в лицо.

— Ты не понравилась родителям Аэрона, — торопливо растапливая печку, поделилась наблюдениями Лейя.

— А мне-то что! — Я понюхала старую заварку в чайнике и, сморщившись, выплеснула ее в помойное ведро. — Я к ним в невестки не набиваюсь!

Лорд Аквил и леди Диодора действительно были возмущены тем, что их красивый и высокородный сын предпочел мою компанию. Пока Феофилакт Транквиллинович честил нас и припоминал нам наши грехи в присутствии учительского комитета и не стесняясь родителей Аэрона, последние не сводили с меня недоумевающее брезгливого взгляда.

Помню, в Белые Столбы, где находился наш приют, как-то раз приехал цирк и на ярмарочной площади предусмотрительные циркачи устроили что-то вроде выставки необычных ползучих гадов. В ящиках со стеклянными стенками сидели всякие змеюки и большие мохнатые пауки.

Циркачи восточной наружности, посверкивая раскосыми глазами, предлагали их даже подержать в руках. Город тогда по случаю праздника урожая выделил некую часть денег на сиротский приют, то бишь на нас. Воспитатели не придумали ничего умнее, как сводить нас в этот гадюшник, дабы познакомить с фауной юга.

Так вот, мы смотрели на эти омерзительные существа с точно таким же нездоровым любопытством. Впрочем, это длилось недолго, ровно до того момента, как Венька тайком от циркачей, изловчившись, посадил мне в волосы выловленного большого лохматого паука. Я закатила грандиозную истерику, зайдясь в таком визге, что у ящиков

полопались стеклянные стенки и испуганная живность рванула в разные стороны, пугая своей резвостью и хищным видом воспитателей и детей. Торговцы потом месяц вылавливали этих тварей под своими прилавками. Что касается меня, то после произведенной звуковой волны я просто потеряла сознание и очнулась уже на уютной койке.

Алия замазывала глубокую царапину на ладони ровным слоем пахучей мази. Я вытащила из-за пазухи кувшинку, которую не показала директору, и поставила ее в бутылку с водой. Цветок тут же расправил лепестки и наполнил комнату ароматами специй. От запаха жутко захотелось есть. Алия нырнула в мешок с картошкой и с кислым видом вытащила два мелких клубня.

— Мало, — недовольно проговорила Я, — придется прогуляться по этажу.

— Тянем жребий, — буркнула Алия. Ни одна из нас не любит стучаться в комнаты к соседкам и жалобно выпрашивать что-нибудь. Девица нацарапала на бумажке крестик, добавила еще две бумажки и сунула их в варежку. Первой в варежку руку запустила Лейя и радостно запищала — крестик ей не выпал. Потом полезла я.

— У-у, гадство! — Я со злостью смотрела на корявый крест. Алия с улыбочкой распахнула передо мной дверь. Пришлось тащиться по коридору и, заглядывая в комнаты, гундосить:

— Девочки, дайте одну картофелину, на суп не хватает.

Кто-то обещал запустить картофелиной в нахальную рыжую морду, которая еще с прошлого месяца не вернула взятую взаймы кружку крупы. Некоторые, сжалившись, давали все-таки клубень, я запиховала его в карман и тащилась дальше, теша себя мыслью, что картошку зажали те, кто поставил на Калину и теперь жалеет проигранные деньги.

У комнаты химер я притормозила, решив не рисковать, сделала шаг дальше, но дверь комнаты распахнулась и Химка, ухмыляясь, втянула меня внутрь.

— Слушай, рыжая, — она упорно не хотела звать меня по имени, — если ты расколешься, как вы одурачили Стража Заветного леса, то я дам тебе целый мешок картошки.

«Ага, — хмуро подумала я, косясь на ее когтистые ручки и не менее когтистые ножки, — а Карыча потом спасай от заворота кишок

от обжорства!» Хотя дело было не в этом. Просто после долгого отчитывания и напоминаний всех наших проступков Теофилакт Транквиллинович, отпустив учителей и намекнув родителям Аэрона, что хочет поговорить с нами наедине, чем немало их обидел, потребовал сначала, чтобы мы подробно описали ему способ проникновения в лес, а затем попросил в приказном порядке, намекая на отчисление из Школы, забыть об этом способе и никому никогда про него не рассказывать. Мы после слов об отчислении прониклись пониманием и клятвенно обещали впасть в амнезию.

Я посмотрела на Химку и двух ее подруг — Минку и Рыску, которую за глаза все звали просто Крыской, отчасти за ее длинный голый хвост. Желудок предпочел мешок картошки; разразившись урчанием, а разум намекал, что если меня отчислят, то картошки я поем еще ох как не скоро!

— Хорошо, — согласилась я. Химка подбодрила меня улыбкой. Только вы никому не говорите. — Я прижала палец к губам. — Существует легенда, что в Заветный лес могут войти только трое рыжеволосая, беловолосая и зеленоволосая. Как олицетворение трех времен года. Я — рыжая, Аэрон — светлый, а Лейя способна поменять цвет волос на зеленый.

— А Алия? — прищурилась Химка.

— А Алия сошла за собаку, — нахально соврала я. — Страж принял ее за наше домашнее животное.

Химка почесала голову, щелкнула своими пятью хвостами и спросила:

— И все?!

— Нет, ну почему же все? — Отсутствием воображения я не страдала. — Перед тем как войти в лес, нужно исполнить ритуальный танец и прочесть заклинание, а еще повесить на шею стухшую куриную лапку.

— Тухлятину?! — Рыска вскочила с кровати и, почесывая чешуйчатые бока, обвила меня своим гадким розовым хвостом. — А зачем?

Мне некстати вспомнились ходящие по Школе слухи, что химеры — сплошь лесбиянки. Я покрылась мурашками и двумя пальчиками стала оттягивать от тела хвост Крыски.

— Стухшая куриная лапка духов Древних отпугивает, — пояснила я. Уж меня-то эта вонь точно бы отпугнула!

Крыска расслабила хвост, и я с облегчением выдохнула.

— Танец ритуальный покажи! — потребовала Мина.

— А его Аэрон знает, он танцевал, — злорадно сказала я. — Только он будет отпираться! Просил никому не выдавать.

— А заклятие? — Химка вытащила мешок картошки. Я произнесла по слогам длинное и заковыристое ругательство одного из гоблинов, которого имела счастье лицезреть в Мирене. Мина накарябала его на бумаге, и мне позволено было удалиться с вождленным мешком.

Протащив мешок до половины коридора, я присела на него отдохнуть и тихо захихикала. Потом представила, что меня ждет, когда химер после зажигательного представления вышвырнут из леса, и прикусила язык. Хотела бы я посмотреть на Карыча во время этого выступления. Потянув мешок, я снова хихикнула. Был бы способ — обязательно предупредила бы Анчутку, пусть бы повеселился.

У Али и Лейи глаза на лоб полезли, когда я ввалилась в комнату с целым мешком.

— Как это ты... — Лейя протянула руку.

— Подайте обиженной и обездоленной, — пропела я, трясая рукой.

— Неубедительно, — отрезала Алия. Пришлось рассказывать.

— Тебя за твой язык повесят прямо на нем! — со смехом сказала Алия, принимаясь за чистку картошки.

Вечером нас разбудил громовой стук в дверь, явно ногами. Аэрон чуть не снес открывшую ему Алию. Захлопнул дверь и задвинул щеколду. Сверкнул злыми зелеными глазами и подозрительно сладким голосом поинтересовался:

— Веря, какой такой ритуальный танец я должен выплясывать перед химерами?

Я малодушно полезла под стол. Вампир приподнял скатерть и рывкнул, тряхнув светлой головой:

— Шуточки шутим?!

Я попробовала по-тараканьи переползти из-под стола под кровать, но Аэрон вытащил меня за ногу и принялся трясти как грушу. В

процессе тряски я попробовала сначала попросить прощения, кладая зубами, потом изобразить обморок, а под конец дать Аэроу в глаз. От моего кулака он отдернул голову, прошипел, как огромный злоющий котик:

— Шутница! — и выпустил меня.

Я оправила платье, при гладила волосы и проворчала:

— Подумаешь, мог бы и станцевать.

Аэрон прищурился, а я попятилась за стол. Алия с удовольствием за этим наблюдала, весь ее вид выражал только одно: «я же предупреждала». Лейя оглядывала вампира с ног до головы, строя планы совращения.

— У вас пахнет чем-то вкусным, — заметил Аэрон, потянув носом.

— Картошкой жареной, — пискнула Лейя и, вильнув бедрами, полезла в печь и вытащила сковороду. — Хочешь?

— Хочу. — Вампир нацепил на вилку картофельный кружочек и повернулся ко мне: — Ну?

— И-го-го! — с готовностью откликнулась я, посмотрела на его сердитую физию и попросила: — Изобрази Химке что-нибудь посложнее. Я ей сказала, что мы попали в Заветный лес при помощи твоего ритуального танца.

Аэрон проглотил кусок картошки и хмыкнул:

— Только родители уехали, как эти три ненормальные химеры Ворвались ко мне в комнату и стали сначала умолять, а когда я сказал, что не понимаю, о чем они, принялись трясти за грудки, ссылаясь на тебя. Ну я их повыкидывал, и к вам. — Он сморщил нос. — Вся комната в перьях, черт их дери!

— Родители сильно пытали? — посочувствовала я.

— Угу. — Аэрон полез за чаем. — Все допытывались, применял ли я чары на тебе.

— И...

Аэрон наполнил стакан и спокойно ответил:

— Конечно да! Только они на тебя не действуют.

— А если бы подействовали? — теперь уже рассердилась я.

— Да ты бы у меня как шелковая ходила! — заухмылялся вампир.

— Надо было химерам еще что-нибудь наплести! — с досадой воскликнула я. — Танец — это слишком мало для такого мерзкого

типа, как ты!

— Попробуй, — сказал Аэрон.

Вампирьи чары — это страшная штука, говорят, что после их применения молодые девицы сами кидаются кровопийцам на шею, предлагая себя в безвозмездное пользование, чего последним и надо. Я нахмурилась и даже потерла шею ладонью, заметила ехидный взгляд Аэрона и поспешно опустила руку.

В дверь начали скрестись, вампир вздрогнул и положил вилку на стол.

— Аэрон, выходи! — завывала за дверью Химка, послышались щелканья хвостов.

— Выходи, подлый трус, — попробовала я вторить ей, но Аэрон взбешенно зыркнул, и я заткнулась.

— И с чего бы такая страсть! — съязвила Алия.

Аэрон поднялся и пошел к двери, показав нам внушительный кулак.

Вернулся он через час, с таким видом, будто набрал полный рот воды и боится ее расплескать. Молча закрыл дверь, отошел от нее подальше и свалился на мою кровать, корчась от смеха. Мы собрались около него, как врачебный консилиум над умалишенным, горя желанием непременно узнать подробности, но вампир гоготал так, что тряслись стены, а при виде наших умоляющих глаз зашелся в новом приступе веселья. Лейя, испугавшись, что у Аэрона началась истерика, как у нервной барышни, принесла ему стакан воды, но вампир проигнорировал сей предмет. Успокоившись, Аэрон так нам ничего и не рассказал, объявив, что подобную мерзость и неприличие он просто не сможет воспроизвести повторно. Мы повздохали, а подлый вампирюга язвительно намекнул, что это нам наказание за то, что так его подставили. Мы смирились и провели вечер за картами, отчаянно мухлюя и стараясь оставить друг друга в дураках.

Следующий день был расписан буквально по часам. Утро отводилось на уборку комнаты. После вчерашней игры в карты в ней царил жуткий беспорядок, так как Аэрон, которого заставляли хлопать крыльями и орать по-петушиному, Алия, выгавкавшая собачий вальс, и Лейя, изобразившая большую голодную рыбу, ждущую червяка, не товарищески отнеслись к моему предложению пойти на шиш, когда я,

продувшись, отказалась показать им овцу под столом. То есть потом-то они меня под стол загнали, но желание запустить в ухмыляющиеся рожи партнеров по игре подушкой, а то и чем потяжелее, не покидало нас весь вечер.

День отводился на приведение себя в порядок. Ну а вечером торжественная часть: праздник в честь окончания бесовской недели, вручение нам выигранных денег и обмахивание Аэрона крыльями Калины публично. Ради такого события старшекурсники даже упросили учителей доверить им актовый зал. Учителя кинулись за советом к директору, и тот мудро рассудил, что ученики пусть лучше надираются в стенах Школы, зато потом не надо будет никого искать по буеракам, выслушивая претензии жителей близлежащих сел и деревень.

Лейя разложила перед собой косметику, ленты и заколки. Решительно заглянула в зеркало и с видом воина, бросающегося в атаку, схватилась за кисть для макияжа. Я и Алия со смешками наблюдали за ее приготовлениями. Мы пока ограничились обеспечением соответствующего наряда. Алия вытащила черные в обтяжку штаны, расшитые по бокам бисером, сапожки с небольшими заклепочками на отворотах и длинную серую рубашку с такими же бисерными вышивками по рукавам и подолу, надела даренный Аэроном пояс и с чувством выполненного долга уселась на кровати, заточивая нож и звеня серебряными пластинками в шевелюре. У меня выбирать было не из чего, поэтому я втиснулась в платье, которым одарил меня Аэрон, и с тоской воззрилась на сапоги. Лейя накрасила один глаз и сурово уставилась им на мои ноги:

— Тебе нужны туфли.

— Где я их найду?

Алия фыркнула, туфель у ней отродясь не водилось. Лейя поставила свою босую ногу рядом с моей и вздохнула:

— Мои, наверно, великоваты будут. — Она хитро прищурилась. А мы стельку потолще положим! — и начала рыться в своем сундуке с азартом собаки, выкапывающей кость.

— Вот! — триумфально потрясла она черными туфельками с широкими лентами, которые должны обвиваться вокруг лодыжки. Я прикинула размер каблуков и пробормотала:

— Лучше я босиком пойду. — Но Лейя уже не слушала, натягивая обувку на мои ноги. Цокнула языком, увидев, что туфли великоваты. Без церемоний вытащила из моих сапог стельки и положила внутрь, приказав:

— Засовывай ноги! — затянула ленты и довольно улыбнулась.

— Первый раз вижу туфли с меховыми стельками, — фыркнула Алия.

Я сделала несколько шагов. Каблуки оказались на редкость устойчивыми, так что ноги не подворачивались.

Лейя принялась измываться над другим глазом. Я походила по комнате туда-сюда, чтобы привыкнуть к обуви. Лейя, вплетая в волосы изумрудную ленту, пообещала:

— Сейчас я возьмусь за твои волосы.

— Нет!!! — Я в ужасе схватилась за голову.

Безжалостнее парикмахера, чем Лейя, представить просто невозможно. Прически у нее, конечно, получались что надо, но какие муки нужно было ради этого перенести! Однако Лейя была неумолима и усадила меня перед зеркалом. Я жмурилась и подвывала, пока она терзала мою встрепанную шевелюру. Алия перестала точить нож и, ухмыляясь, слушала мои стенания. В результате получилось очень даже неплохо.

— Аккуратно уложенный сноп, — резюмировала Алия. Лейя гневно спросила:

— А до этого что было?!

— Неаккуратный сноп, — фыркнула подруга.

Я, радуясь, что мои волосы еще при мне, отвалилась от зеркала. Моя прическа никогда аккуратностью и не отличалась! Лейя, недовольно пыхтя, застегнула платье пронзительно-зеленого цвета и повертелась перед зеркалом, оглаживая ткань на бедрах. Я попробовала повторить за ней эти движения, но чуть не упала с каблуков. Алия захохотала и, сунув нож за сапог, спросила:

— Идем?

Мы стали спускаться по лестнице. Перила уже были обвиты гирляндами, а на стенах размещены фонарики с короткими свечками внутри.

— Девочки, — я, вдруг спохватившись, остановилась, — а как справляют последний день бесовской недели?

Алия поправила пояс и сказала:

— Сначала будем плакать, что официальный разгул нечисти прекращается.

— Боюсь, я не смогу выжать по этому поводу ни слезинки, — забеспокоилась я.

— А ты просто подывай, это как представление, — с усмешкой сказала подруга. Мы обе посмотрели на мавку, зная, что уж ей-то никакого труда не составит маленько поплакать. Алия, спускаясь вниз, продолжила рассказ дальше:

— Потом принесем жертву...

— Чью?! — Я покрылась мурашками.

— А, — Алия легкомысленно махнула рукой, — любую. В том году крысу приволокли. Большую такую, противную. Я как раз с отцом о месте в Школе договариваться приезжала, ну и попала на этот кошмар. Эта крыса потом, живя под лестницей, половину Школы перекусила, отрываясь за доставленные унижения. Пока Феофилакт Транквиллинович не избавился от нее при помощи крысиного яда.

— Так крыса осталась жива? А ты говоришь, «жертва».

— Веряя, это как игра. Никому неохота проводить обряды Древних, они всем уже надоели, но традицию надо соблюдать. Вот и будем делать вид, что верны заветам предков.

Я успокоилась, и мы спустились на первый этаж, прошли по вестибюлю, неярко освещенному высокими толстыми черными свечами, и направились по коридору к актовому залу. Мимоходом глянули в зеркала, все трое удовлетворенно хмыкнули и пошли на гул голосов и вкусные запахи.

— Рыжая! — Химка была настроена благодушно. Она сидела на подоконнике, болтая когтистой голой ногой. — Кого бы ты хотела видеть в роли жертвы?

— Феофилакта Транквиллиновича, — не задумываясь, ляпнула я и прикусила язык.

По коридору приближался упомянутый объект, одетый во что-то напоминающее черную рясу с красно-золотой окантовкой. Прозрачные стекла очков он сменил на темные. Торчащие черные волосы и короткая борода придавали ему вид настоящего беса, залезшего в

сутану священника. Директор был занят беседой с Аэроном, который был во всем черном, отчего рассыпавшиеся по плечам светлые волосы казались еще светлее, словно выгорели на солнце. Аэрон выхватил меня взглядом из толпы и, ткнув пальцем в моем направлении, громко произнес:

— Вон она!

У меня сразу появилось желание сбежать, уж больно пакостный вид был у этой парочки. Я, сделав вид, что не заметила их повышенного интереса к своей персоне, попробовала затеряться в толпе, но наставник ухватил меня повыше локтя и потащил в полутемный вестибюль. Аэрон, стуча серебряными набойками на сапогах, со злорадной ухмылкой пошел следом. За его плечами покачивались расправленные крылья, и он напоминал ангела смерти.

— Госпожа Верея, — проникновенно начал наставник, когда на пару с вампиром они заволокли меня в гущу экзотических растений в зимнем саду, — у нас к вам маленькое, но очень ответственное поручение.

После этих слов ножки мои чувствительно задрожали. Ох, не понравился мне его вкрадчивый тон!

— Вам предоставляется возможность изобразить жертву на праздничном обряде.

Я вздрогнула и попятилась, но уткнулась в Аэрона, который перекрыл выход из зимнего сада.

— А почему именно мне выпала такая честь? — возмутилась я, пытаюсь удержать зубы от веселой чечетки.

— Госпожа Верея, — голосом, которым врач успокаивает смертельно больного пациента, проговорил Феофилакт Транквиллинович, — вы же в некотором смысле, не совсем нечисть, а значит, идеально подходите на эту роль и придадите ей, так сказать, правдоподобия.

Меня прошиб холодный пот, роль беззащитной жертвы меня совершенно не привлекала.

— И что мне нужно будет делать? — понимая, что наставник все равно добьется своего, спросила я. Феофилакт Транквиллинович посмотрел на меня поверх очков и весело закончил:

— Ничего, просто ведите себя естественно.

Аэрон хохотнул и хлопнул в восторге крыльями.

— Феофилакт Транквилинович! — позвали из коридора, и показалась встревоженная летавица Делия. — К вам из Конклава магов, дожидаются у вас в кабинете.

Я застыла, а наставник быстрым шагом удалился за Делией.

— Ненавижу магов, — пробормотала я, забыв про Аэрона. — Интересно, что им тут нужно?

— Может, просто с праздником поздравить или ингредиенты для заговоров взять, — подал голос Аэрон, напомнив о своем присутствии. — Да и не толпа их там, а всего один.

— А ты откуда знаешь?

— Директор его ждал.

Чувство тревоги меня не покидало, но предстоящая роль пока волновала сильнее.

— Аэрон, я тебя убью! — простонала я, прожигая вампира взглядом; тот независимо поправил широкий рукав черной рубахи и, ослепив блеском клыков, возразил:

— Ну сегодня убивать буду я. — Он посмотрел на мою опешившую физию и пояснил: — Жертву приносить буду я, как самый достойный, а Калина будет обмахивать крыльями.

После этих слов я завыла и даже от избытка чувств промаршировала из одного конца зимнего сада в другой. Аэрон краем глаза наблюдал за моими мучениями, делая вид, что занят разглядыванием своих ногтей.

— Быстро выкладывай, что из себя представляет этот обряд.

— Ну, — Аэрон, опершись плечом о косяк, не торопясь начал повествование, — сначала вытащат алтарь, кстати, как раз по твоему росточку...

Я фыркнула и уперла руки в боки.

— Потом тебя на него положат, я возьму большой нож... Я выпучила глаза на ухмыляющегося вампира.

— И всажу его тебе прямо в сердце, чтобы в следующий раз не заставляла отвлекать химер!

— Аэрон, прекрати! — Я затопала ногами и сжала кулаки, шокированная открывающейся перспективой. — Что будет на самом деле?

Вампир в ответ радостно осклабился и сообщил:

— На месте узнаешь!

Я сколько угодно могла его умолять и угрожать, Аэрон только улыбался, как сытый кот, и демонстрировал свои белые зубы. В конце концов я поднырнула под его рукой и, шипя и плюясь от злости, пошла к актовому залу.

— К нам маг прибыл! — радостно сообщила Лейя. — Может, фейерверки покажет или наколдует что-нибудь. Веряя, ты чего побледнела?

— Где маг?! — Я как ужаленная завертелась на месте.

— Не знаю, может, у директора в кабинете?

— Ты его видела?

— Нет. — Лейя засмеялась и состроила глазки стоящему неподалеку цвергу. — Алия видела, она там! — Лейя махнула рукой в сторону открытых двери зала. Я нырнула в полутемное помещение, освещенное свечами. У дальней стены стояли накрытые столы, а на середине толпились ученики, гудя, как потревоженное осиное гнездо. Я поискала глазами Алию и, заметив в толпе серый рукав ее рубахи, решительно направилась в ту сторону.

— Алия. — Я потянула девицу за рукав, отрывая ее от разговора с седым волкодлаком об эльфийских мечах.

— Чего тебе? — не очень радостно поприветствовала она меня.

— Ты мага видела?

— Ага. — Алия вгрызлась в яблоко, утащенное со стола.

— Какой он?

— Большой, черный, с панцирем на спине, — тут же выдала подруга, повергнув меня в шок. Захохотала и запустила огрызком яблока в своего недавнего собеседника.

— Алия! — Я живо представила большую черную черепаху.

— Высокий, в черном плаще, а на спину щит переброшен. На боку сабля с большим зеленым камнем, а еще на ней гравировочки и клейма разные... — Алия закатила глаза, и мне пришлось снова дернуть ее за руку.

— Алия, мне не нужно его вооружение, лицо опиши!

— А я его со спины видела, — спокойно ответила подруга, — поэтому и говорю: высокий, в черном плаще, в капюшоне по самые глаза, а на спине щит, потом плащ немного распахнулся, и я увидела ножны.

Я выругалась, а Алия зажмурилась и изобразила глубокую задумчивость. Я замерла, вглядываясь в лицо подружки, а она заорала:

— А! Вспомнила! Еще белая рубаха!

— Дура! — в сердцах рявкнула я. Алия обиделась и, обозвав меня неблагодарным поросенком, вырвала свою руку и ушла продолжать прерванный разговор.

Я присела на лавку и поболтала ногой, но надолго меня не хватило. Я вышла из зала и стала потихоньку подниматься на второй этаж, где находился кабинет директора, кляня постукивающие каблукки. Говорят, что на свете есть три вида людей: одни цепенеют перед лицом опасности, другие драпают, и только я испытывала болезненное желание всякий раз заглядывать опасности в глаза. Наверное, для того, чтобы ткнуть в них пальцем.

Воровато оглядываясь, я дошла до дверей кабинета и сразу услышала голоса, доносившиеся из-за неплотно прикрытых створок. Стараясь не дышать, я подошла поближе и, затаив дыхание, прислушалась.

— Это крайне суровые меры! — послышался голос моего наставника. — Я не позволю Конклаву магов прибегнуть к этому.

Второй голос говорил тихо, и разобрать что-то было невозможно.

— Я понимаю, что вы независимый представитель и вправе принимать решение самостоятельно, но настаиваю на том, что ваши сведения неверны.

Снова негромкий твердый голос и возмущенный басок директора:

— Да Конклав магов просто не знает, с чем имеет дело!

В кабинете раздался шорох, видимо, маг поудобнее разместился в кресле.

— Тогда... — прозвучало довольно громко, и снова голос стих, долетая до моих ушей неразборчивыми фразами.

— Я не вправе вам мешать или отказывать, — досадливо произнес директор, — и, должен сказать, согласен с вашим решением, только требую, чтобы ученики ничего о вашем присутствии не знали.

— Меня это устраивает, — четко произнес голос. Я прильнула к створке, и тут чертовы туфли, которые были все-таки великоваты, запнулись каблуками за край дорожки. Я, как курица крыльями, взмахнула руками и задела дверь, которая с готовностью испустила препротивнейший скрип, который, как мне показалось, эхом отдался

по всем коридорам Школы. Я метнулась в угол и притаилась за кадкой с пальмой, надеясь тоже сойти за представительницу флоры. В кабинете послышались шаги, Феофилакт Транквиллинович выглянул за дверь и сразу увидел меня, вжавшуюся в угол и прикидывающуюся пальмой. Секунды три мы пялились друг на друга — я с ужасом и раскаянием, а он с упреком и злорадством. Потом директор хлопнул дверью и сообщил собеседнику:

— Сквозняк.

Сквозняк в моем лице тем временем постыдно улепетывал вниз по лестнице, рискуя сломать себе шею.

— Черт, черт, черт! — бормотала я, расхаживая по женской уборной.

— Это заклинание такое? — спросила с усмешкой следившая за мной Алия. Лейя поправляла у зеркала макияж.

— Мне нужно увидеть этого мага, чтобы знать его в лицо. — Я остановилась.

— У тебя какой-то нездоровый интерес к магу, — сказала Алия.

— Мне очень нужно! — взмолилась я.

— Ладно, найдем и рассмотрим. — Алия тряхнула косичками. — Праздник начинается, пошли.

Я, оттого что моя голова забита совсем другим, совершенно забыла о маленьком, но ответственном поручении.

Когда мы пришли в зал, там уже вовсю шел плач по кончившейся бесовской неделе. Ученики старательно выли. Алия и Лейя охотно подключились, а я, зажимая уши руками, стала протискиваться между раскачивающимися учениками в поисках мага.

Феофилакт Транквиллинович находился в центре зала вместе с учителями, но мага с ними не было.

— Закончилась бесовская неделя, и нечисти придется снова затаиться! — зычно выкрикнул директор.

— Не показываться людям! — подхватил кто-то в толпе.

— Не вводить их в искушение! — поддержал женский голос.

— Пить в кабаках только ночью! — баском вторил третий, директор напрягся, а учителя заозирались.

— Заниматься любовью только под одеялом! — зазвучал не менее нахальный голос, а вой стал превращаться в хихиканье.

— Так принесем же жертву Великому Архону, чтобы и дальше не оставлял нас своей милостью! — спасая положение, поспешно перешел Феофилакт Транквиллинович к следующей части праздника. Я, вспомнив о разговоре в зимнем саду, вжала голову в плечи и бочком стала двигаться к дверям. Старшекурсники с грохотом вытащили какую-то жутко тяжелую и корявую конструкцию. Вся Школа с ужасом на нее воззрилась. Алтарь был покрыт таким количеством пыли и паутины, что казалось, его не использовали ни разу со времени изготовления. Я посмотрела на то, в каких антисанитарных условиях должна принять смерть, и прибавила скорости. Алтарь поспешно протерли чистой тряпкой, хотя солиднее смотреться он не стал. Я взялась за ручку двери, и тут в толпе мелькнул край черного плаща. Я, забыв о «жертве», рванула обратно.

— Какую же жертву принесем на алтаре? — спросил директор.

Кто-то хлопнул на алтарь жирного таракана, раскормленного, видимо, специально для этого дела.

— Нет, — пропел наставник мерзким голосом и щелчком сшиб тварь, нечаянно попав в кучку учителей. Послышались сдавленные визги. — А принесем мы невинную девицу!

Мавки в восторге запищали:

— Чур, меня!

«Невинная девица» тем временем уверенно приближалась к высокому незнакомцу в черном плаще. Когда меня схватили за талию в каких-то двух шагах от цели, я просто взбесилась. А незнакомец между тем стал удаляться. Я попыталась вывернуться из схвативших меня рук, я рычала, отбивалась, ляглась и даже пробовала кусаться. Встреча с магом катастрофически откладывалась на потом. Феофилакт Транквиллинович потрясенно взирал на меня, видимо, «ведите себя естественно» не предполагало такого бурного сопротивления. Еле-еле скрутив непокорную «невинную девицу», меня приволокли к алтарю и попробовали уложить, но я упорно вскакивала и плотоядно озиралась по сторонам. «Аккуратный сноп» снова превратился в неаккуратный.

— Почетная честь принесения жертвы оказывается тому, чье старшинство признали Древние, — прогудел наставник, надавив мне на лоб ладонью и принуждая лежать смирно. Я обиделась, сложила руки на груди, как покойница, и замерла, спустив одну ногу с алтаря и довольно вальяжно ею покачивая. Наставница летавиц вернула ее на

положенное место и погрозила мне пальцем. Двери в зал открыли под удар гонга, вошел Аэрон с длинным зазубренным и явно нуждающимся в заточке ножом. Он эффектно прошел к алтарю, я показала ему язык и прошипела:

— Позер!

Аэрон улыбнулся отнюдь не ласковой улыбкой и высоко поднял двумя руками нож. Я снизу вверх посмотрела на лезвие и подумала, что от такого тупого предмета моя смерть будет долгой и мучительной.

Внезапно мне вспомнились подслушанные слова директора, и я заледенела. А если они действительно решили таким образом от меня избавиться? И духи ублажены, и жертва принесена, и я, по приказу Конклава магов, отправлена на тот свет? Перевела взгляд на директора, но наткнулась на темные стекла очков.

Хмурый, потемневший Калина встал сзади Аэрона и, морщась от унижения, погнал крыльями волну воздуха. Волосы у Аэрона разлетелись, а нервы у меня сдали, и я, взыв:

— Спасите, люди добрые! — попробовала сигануть с алтаря. Аэрон от моего вопля вздрогнул, впрочем, не он один. Лезвие ножа дрогнуло, я панике резко разжала пальцы рук. Нож в руках у вампира разлетелся на мелкие кусочки. Один из них уколол меня в ухо. Аэрон тарасился на рукоять ножа в своих руках. Калина тупо продолжал обмахивать нас крыльями. Директор стянул с носа очки и взглядом василиска, которому наступили на хвост, вперился мне в глаза. Учителя и ученики вытряхивали из волос кусочки ритуального орудия убийства.

Наконец наставник вышел из ступора и, мазнув меня рукой по уху, показал собравшимся кровь на своих пальцах:

— Жертва принесена!

Аэрон с облегчением выдохнул и отбросил рукоять в сторону, Калина сложил крылья. Нечисть радостно взывала. Алтарь уволокли и всех пригласили за столы. Феофилакт Транквиллинович обошелся не обещающими ничего хорошего словами:

— Ну, госпожа Веря...

А Аэрон галантно сопровождал меня к столу, пообещав устроить взбучку за чуть не сорванное представление. Я истерически хихикнула и присоединилась к Алии и Лейе. Последняя сокрушалась, что не ее

взяли на роль «жертвы». Мага за столом не было. Я лениво поела яблочный пирог и заскучала. После того как ученики и учителя наелись и порядком напились, было предложено начать танцы. Эта часть праздника была особо шумной и веселой. Отплясав с Аэроном два или три танца, я наступила на развязавшуюся ленту от туфли и чуть не упала носом вниз. Присела, завязывая атласную полоску ткани. По лицу мазнул чей-то черный плащ. Я лениво подняла голову, увидела широкие белые рукава рубахи; лицо терялось во мраке, да и в зале было не ахти как светло. Я снова уткнулась глазами в туфлю, и тут до меня дошло, кого я видела! Я подскочила, ежась от запоздалого страха, но мага уже след простыл.

— Алия, он здесь! — крикнула я, вцепившись в руку подруги.

— Кто? — Алия вышла из круга танцующих.

— Маг.

Девушка подтащила к себе Лейю, лихо отплясывавшую с каким-то лешим. Мы вышли в зимний сад.

— Предлагаю поохотиться на него. — Захмелевшая Алия потеряла руки. — Поймаем, рассмотрим, заодно расспросим, какого рожна ему тут нужно!

— Зачаруем, обворожим, соблазним, — довольно пропела Лейя.

— С ума сошли! — возмутилась я. — С тебя, Алия, он снимет шкуру, Лейины волосы пригодятся для каких-нибудь мерзких заклинаний, а меня...

— А тебя... — потребовала продолжения Лейя.

— Какая разница! Достанется всем! У-у, — я крутанулась на каблуках, — мне бы только его личико увидеть!

— Зачем тебе? — спросила Алия, срывая листик с декоративного клена. Я не ответила, про себя подумав, что врагов нужно знать в лицо.

— Договариваемся так: кто его первым увидит, тот хорошенько рассмотрит и запомнит до мельчайших подробностей, — решила я.

Девчонки кивнули, и мы пошли из сада. Не знаю, показалось мне или нет, но густые заросли гортензии в конце сада издали нечто вроде ехидного смешка. Я остановилась, посмотрела в ту сторону, но в саду царил тишина. Я развернулась и въехала носом в грудь Аэрона.

— Ну и что за представление ты разыграла перед всеми? — прошипел он, увлекая меня обратно в сад. Алия и Лейя, потоптавшись, отправились обратно, праздновать.

— Ты сам меня не предупредил, что делать.

— Твоя роль — это невинная овечка, лежишь и не рыпаешься! — сердито сказал Аэрон, а я тут же вспомнила, как вчера продулась в карты и бляяла из-под стола. Вампир посмотрел в мои сузившиеся глаза и понял, что переборщил. — Ладно, — примирительно произнес он и вытащил из кармана черной кожаной безрукавки грушу. — Хочешь?

Я взяла плод у него из рук и с удовольствием откусила.

— В принципе все вышло очень даже ничего. — Аэрон хохотнул. Хотелось бы мне посмотреть на рожу Калины!

— Я видела, уверяю, ничего интересного. Ты мне лучше скажи, что ты собирался делать ножом?

— Воткнуть его у тебя над головой, там же специальное отверстие, не заметила? Жертвы-то давно уже не приносятся, это как игра.

Я перестала жевать, повертела в руках огрызок и мстительно запулила им в подозрительные кустики.

— Пойдем. — Аэрон потянул меня за руку. — Там директор частушки поет.

Я нехотя пошла, хотя желание прогуляться до зарослей гортензии было просто непереносимым. Единственное, что меня сдерживало — это страх обнаружить там того, кого я и подозревала, и посмотреть ему в глаза.

То, что маг совершенно не желает, чтобы его как следует рассмотрели, стало ясно в течение ближайшего же часа. То ли этот паршивец действительно подслушивал наши разговоры в зимнем саду, то ли сам так решил, но он специально появлялся в поле нашего зрения, а когда мы рьяно кидались к нему, растворялся в толпе или бесконечных коридорах.

Мой страх сменился бешенством, я уже совершенно не боялась к нему прикоснуться, напротив, если бы он на меня вдруг кинулся, я бы с довольным рычанием вцепилась в него нисколько не слабее и наконец-то стянула бы этот дурацкий капюшон. Мы были доведены до состояния тихой, еле сдерживаемой ярости. Праздник нас уже не радовал, пьяные приятели и учителя раздражали, накрытые столы

вызывали тошноту. Аэрон вовсю веселился, распушил хвост и клеился к какой-то вампирше. Мы его ехидно благословили.

— Так больше продолжаться не может! — прокричала Алия мне на ухо, пытаясь перекрыть гудеж. — Нужно выработать какую-то тактику или я просто кого-нибудь убью!

— А я помогу тебе в разделке трупа, — сказала я.

— Нужно загнать этого гада туда, откуда выхода нет, или где-нибудь подкараулить!

— Например, у мужского туалета! — внесла предложение Лейя.

— Ну уж нет! — одновременно с Алией отрезали мы, представив сие действо.

Случай подвернулся сам собой. Лейя побежала в жилое крыло за бусами из кораллов, которыми хотела похвастаться перед однокурсницами, я осталась в зале. Алия поспорила с вовкуном, что лучше попадает в цель снежками, и убежала на крыльцо доказывать это. Я, захватив со стола пирожок, отправилась встречать Алию в вестибюле и там-то и обнаружила предмет нашей ненависти. Пока я с пирожком в зубах двигалась ему навстречу, из жилого крыла с бусами и напевая песню «напилась я пьяна...» выскочила Лейя, а из наружной двери шагнула раскрасневшаяся от мороза Алия. Мы стали сжимать круг, и магу ничего не оставалось, как завернуть в учебное крыло, издав при этом язвительное фырканье.

— Ему еще и смешно! — заорала Алия. Мы как голодные кошки, узревшие жирную мышь, побежали за ним. Стуча каблуками, ворвались на второй этаж.

— Я посмотрю его здесь, а вы идите выше, — сказала Алия.

Мы поднялись еще выше, Лейя заверила меня, что проверит каждый закуток Я поднялась на четвертый этаж. Каблуки предательски стучали, и я сняла туфли, взяв их в руки. На этаже было темно и тихо. Я повыше подняла прихваченную внизу свечку. Аудитории были закрыты, коридор пуст. Лестница уходила вверх, превращаясь в винтовую и уводя в башню, на которой в учебное время зажигался маяк для гриф-почты. Я с опаской подняла голову, прижала покрепче туфли и, вздохнув, стала подниматься. Голова начала кружиться от лестничных витков.

— Сумасшедшая лестница, — проворчала я. — Только на заднице по ней съезжать.

Наконец площадка! Затаив дыхание, я крадучись двинулась вперед. Сзади послышалось шумное дыхание. Я резко обернулась: встав на дыбы, надо мной нависло ужасное существо, напоминавшее коровий скелет. Секунду я смотрела в красные глаза, а потом, испустив невнятный хрюк, ткнула свечой прямо ему в глаз. Существо взвыло и исчезло.

— Морок. — Я нервно хихикнула. — Значит, маг здесь. — В животе сразу стало неудобно и холодно. — «А может, ну его, этого мага», испуганно подумала я, пятась к лестнице. Когда я повернулась с твердым намерением уйти, на верхней ступеньке выросла темная фигура, свеча потухла, и темнота насмешливо спросила:

— Нашла?

— А-а-а!!! — ответила я, вспугнув голубей под крышей башни.

Выронив свечку и поудобнее схватив туплю уже двумя руками, со всей силы ткнула каблуками в стоящего передо мной. Судя по звуку и оханью — достигла цели! Он попытался ухватить меня, я, дернувшись, наступила на свечку и, завывая почище Химки, рухнула прямо к нему в объятия. Такого счастья маг не ожидал и, потеряв равновесие, повалился на спину. Я была абсолютно права, когда предположила, что по этой лестнице очень хорошо съезжать вниз! Щит с готовностью взял на себя роль санок, я — ездока, а маг барахтающейся, теплой и мягкой подстилки для моего зада. Он, правда, пытался притормозить, хватаясь за стены, но это мало помогало.

— К-как-ког-гот-теб-бен-над-до?! — попробовала начать я допрос, чувствуя себя хозяйкой положения. Но зубы норовили откусить язык, и допрос с пристрастием не состоялся. Витки лестницы придали нам удивительную скорость, выехав на ступени учебного крыла, щит посчитал их еще одной отличной горкой.

Плащ мага задрался, я, отметив, что стало светлее, начала в нем рыться, как насильник в нижних юбках жертвы. Маг, догадавшись о моих намерениях, перестал барахтаться и сотрясать воздух ругательствами, а усиленно стал в плащ зарываться. Мы с грохотом и воем пролетели мимо подруг. Алия гаркнула вслед:

— Веря, держи его, я уже иду!!!

Щит вышел на финишную прямую — в вестибюль. Я добралась до накопителя мага в виде глаза дракона с вертикальным зрачком, довольно заурчала, щит, рассыпая искры по каменному полу, нес нас прямо в актовый зал. Мы влетели туда под восторженные вопли, которые тут же сменились потрясенной тишиной. Маг что-то выкрикнул и сделал движение рукой. Хлопнуло. Плащ взметнулся мне на голову. Стало как-то пусто и очень неуютно. Когда ткань сползла с головы, я сидела внутри щита, по-турецки скрестив ноги и сжимая в каждой руке по туфле. Маг исчез, оставив меня одну расхлебывать неприятности.

— Ты специально отправилась на поиски мага, чтобы на нем прокатиться? — спросила Алия.

— Алия, прекрати. — Я поморщилась. Каждый встреченный ученик считал своим долгом задать мне вопрос:

— Веряя, где это ты научилась так ловко объезжать магов?

До такого вопроса снизошел даже Феофилакт Транквиллинович, когда отчитывал меня в своем кабинете, пряча усмешку и стараясь выглядеть серьезно.

— А зачем тебе тогда понадобился маг?

— Я просто их терпеть не могу.

— Мы все их не жалуем, так и стараются использовать нечисть в своих заклинаниях! Но чтобы запрыгнуть сверху и пересчитать его хребтом ступени! Это слишком жестоко. — Подруга еле сдерживала смех.

Аэрон, как всегда не соизволив постучать, ворвался в комнату, пряча руки за спину. Потребовал приготовить большую миску и торжественно ссыпал в нее деньги из мешочка, который, собственно, и Прятал. Мы с восторгом уставились на высокую кучку.

— Это мы столько же выиграли?! — Алия в восхищении хлопнула себя по ляжкам.

— Ага, почти вся Школа ставила против нас! — Аэрон уселся На стол, мотнул туда-сюда ногой, посмотрел на меня, ехидно улыбнулся и открыл было рот, но я его опередила:

— Я нигде не училась объезжать магов. И вообще, — я уперла руки в боки, — этот вопрос уже потерял новизну, меня пытала почти вся Школа!

Аэрон захлопнул рот, явственно щелкнув зубами, и произнес:

— А я уж испугался, что ты — телепатка! — и без перехода добавил: — Как распорядимся свалившимся на нас богатством?

— Я слышала, что в Веже ярмарка началась. — Я посмотрела на друзей. — Может, сходим?

Друзья, к моему огромному удивлению, энтузиазма не проявили, как-то сникли, нахмурились. Вампир повертел монетку в пальцах и, вернув ее в миску, произнес:

— Была охота изображать праздничное пугало! Нет, я лучше к Никодиму.

Алия со вздохом сказала:

— Попозже сходим, только в сам Веж не пойдем, на окраине Вежиц прогуляемся.

— Вы чего?! — опешила я, сраженная наповал их безразличием к такому событию, как ярмарка с ее каруселями, лавками, забитыми всяким барахлом и диковинками.

— Она не знает, — не без зависти посмотрев на меня, вякнула Лейя.

— Ты была в Веже? — спросил Аэрон.

— Была, с наставником за новыми книгами ходили, а что?

— Все понятно. Ты же не нечисть! — Вампир буркнул под нос какое-то ругательство. — Бирку тебе выдавали?

— Какую бирку? — Я завертела головой, не понимая смысла разговора.

— Стража у ворот Вежа выдает нечисти бирки, которые крепятся на одежду. Люди издалека видят, что мы из Школы.

— Мало того, — негодуяще продолжила Алия, — на ней подробненько указывается, к какому виду нечисти мы относимся! Представляешь, идешь по городу, а на груди бирочка: волк-оборотень. Люди шарахаются в стороны, лавки закрываются при твоём приближении, а еще обязательно найдется какой-нибудь герой, желающий избавить человечество от твоего присутствия!

— И попробуй его тронь! — вставил Аэрон. — Тут же сообщат в муниципалитет города, а потом и в Школу, что нечисть озверела на людей кидается!

— Чувствуешь себя как голая, — печально произнесла Лейя.

— Кто выдумал такую гадость?

— Власти города, якобы для нашей же защиты! — Алия сердито швырнула в мишень нож, попав в самую середину.

— А как они узнают, что входящий в ворота — нечисть?

— Стража у ворот держит черный архон и требует, чтобы входящий, положив на него руку, просто сказал, что он не нечисть.

У меня всплыла в памяти эта забавная процедура, мне было даже весело, когда, предъявив какую-то закопченную железяку, стражник спросил, не нечисть ли я. При этом подозрительно косился на наставника, которому сделать такое же заявление не предложили и никакой бирки не выдали. Видимо, знали его в лицо. Я безропотно положила руку на эту дрянь и с чистой совестью поклялась, что к нечисти не имею никакого отношения.

— Подумаешь, — фыркнула я, — могли бы и соврать, дескать, не нечисть мы.

— И лишились бы руки! — рявкнул Аэрон. — Черный архон таких шуточек не спускает!

Я приуныла.

— Если хочешь, можешь сходить одна, — сказала Алия. Я представила себя, одиноко блуждающую по городу.

— Нет, одна я не пойду.

— Тогда вечером завалимся к Никодиму, — подвел итог Аэрон, спрыгнул со стола и, уже открыв двери, брезгливо потянул носом. У вас на этаже что-то сдохло! Вонь просто ужасная.

Я вспомнила про куриные лапки и хихикнула.

Алия продолжала метать нож в мишень, я посмотрела, как она попадает прямо в яблочко, и полезла на подоконник. Уселась поудобнее и бессмысленно уставилась за стекло. Содержательный разговор не давал мне покоя. Я принялась водить пальцем по стеклу, выписывая завитушки. Лейя мурлыкала какую-то песенку и вышивала зеленую широкооротую лягушку на своей наволочке.

— Химка оккупировала уборную, — сообщила она, не отрываясь от своего занятия. — Вина накушалась. А ей говорили — не запивай молоком! Сидит теперь, шипит от злости и крыльями машет, того и гляди, взлетит вместе с нужником.

Палец остановился на полпути к подоконнику.

— Животом мается, говоришь?

— С места встать не может! — хихикнула Лейя и чмокнула лягушку в вышитое гладью брюшко.

— Девочки; а на ярмарку мы все-таки сходим! И без всяких дурацких бирочек! — заорала я, спрыгивая с подоконника. Алия от неожиданности промахнулась, и мы уставились на вибрирующую рукоять ножа, торчащего из стены.

Трое недовольных сидели у горшка с углями, время от времени кидая безразлично-угрюмые взгляды на будку, в махоньком окошке Которой то и дело показывался то один, то другой глаз десятника городской стражи.

— И че зырит? — зевал бородатый детина, лениво перекладывая топор на длинном древке с одного плеча на другое.

— А смотрит, чтоб ты в кабак не сбег.

— Да ну его в пим дырявый. Перебрали чуток, а вони, словно мы городскую казну пропили. — Детина снова зевнул.

— А неча было сотнику морду бить. — Его напарник был тощ и высок. Тулуп на нем висел колоколом, и снизу отчаянно поддувало.

— Да я на морду евонную наступил нечаянно. Он же под столом лежал. Ни петь, ни свистеть не мог, а разорался, как баба на сносях!

Тоший с завистью посмотрел на тулуп напарника, тесно облепивший большое тело: вот кому действительно тепло. Он с досадой сплюнул в снег и проронил:

— Вот, леший его дери, ноги мерзнут.

— А я говорил, унты не надевай. Валенки зимой — самое то.

— Ноги у меня болят после валенок

— Ха, так ты не казенные носи. Мне в Цапельках во какие скатали. Мя-го-нькие.

— Для сугреву бы чего, — топая ногами, с тоской проговорил товарищ, косясь на десятника в окошке. — Никакого проку с сегодняшней смены. — Он кивнул на ведро с бирками. — Бесово отродье пущать не велено.

Детина тоже вздохнул: если бы не приехавшие в Веж жрецы да маги, которых задержал буран, глядишь, нечисть за бирки денежку бы дала. Половину в казну города, половину в карман.

— Специально с Потапом сменой поменялся, думал, нечисть на ярмарку ринется. Дык жрецы Хорса припожаловали. Смена псу под

хвост! — Тощий похлопал себя по бокам, пытаюсь согреться.

— Кажись, идет кто, — вяло произнес детина, ткнув бердышом в одинокую фигурку, приближающуюся от Вежиц.

— Мелка больно. Побирушка, не иначе.

Когда фигура подошла ближе, стало понятно, что это невысокая девчонка в каких-то лохмотьях, с сажей на носу и круглыми испуганными глазами.

— Куды прешь? — рявкнул тощий.

Девчонка присела от страха, крепко сжимая объемистый мешок. Язык у нее, похоже, отнялся от испуга, и она только хлопала огромными глазищами, которые на солнце стали бирюзового цвета.

— Чего несешь? — Здоровый протянул руку к мешку.

Девчонка с неожиданной силой потянула ношу на себя. Некоторое время они молча вырывали мешок друг у друга. Стражник победил и запустил руки в мешок. Побирушка громко всхлипнула и стала размазывать сажу с носа по всему лицу. Тощий присвистнул, принимая из рук напарника две большие оплетенные бутылки отличного виноградного вина. Здоровый, отбросив пустой мешок, схватил девчонку за шиворот, потрянул и потребовал:

— Где стащила?

Та еще сильнее засопела, а потом неожиданно больно пнула его в голень. Стражник от нежданной боли выпустил девчонку, и она с проворством мыши увернулась от тощего и дала деру обратно в Вежицы.

— Вот паршивка! — выругался здоровый, потирая ушибленную ногу. — Воровка, леший ее дери!

Тощий разглядывал бутылки и прищелкивал языком. Глядишь, не такая уж и пропащая смена! Одну бутылку пришлось отдать десятнику, зато вторая чудесно согрела тело и душу.

Я с подхихикиванием заскочила в кабак Никодима. Похлопала глазами, стоя на пороге, привыкая к полумраку, выхватила взглядом друзей за столиком в дальнем углу и уверенно туда направилась. Аэрон при моем приближении вздрогнул и пробормотал:

— Я тебя не узнал.

— Богатой буду! — заулыбалась я. Алия протянула мне платок, Лейя зеркало. Я глянула на свое отражение и, испугавшись чуть не до

икоты, стала поспешно вытираться платком, делая вид, что не замечаю с нетерпением ерзающих друзей. Стянула старую куртку, платок, надела шубку и шаль.

— Веря! — заголосила, потеряв терпение, Алия. — Рассказывай!!!

— Чего рассказывать-то? Вино у них. Через полчаса пойдём в Веж, стражники как раз созреют.

Аэрон кивнул кабатчику, тот поставил перед нами кружки с вином. Мы стукнули деревянными боками кружек и выпили за успешно завершившуюся первую часть плана.

В это время на довольно приличном постоялом дворе в Веже, который заняли жрецы Хорса, среди монахов-рыцарей шел следующий разговор.

— Жаль, что учеников бесовской Школы нынче в город не пускают! Ужо мы бы порезвились! — с сожалением промолвил один ИХ них, отпивая из кружки пиво и рукавом утирая пену с усов; Все монахи были как на подбор — сильные, ладные, горячие, готовые во славу Хорса сразиться со всем миром.

— После того старого оборотня никакой нечисти не встречали! — Монах шлепнул по крепкому заду разносчицу и загоготал, когда та поспешила удалиться на безопасное расстояние.

— Власти перестраховались, — продолжал первый, — защищают это бесово отродье!

— Чертов буран! — выругался третий. — Давно бы в Чаронице были! Теперь киснем тут... — Он покосился в сторону соседнего столика, где гордо восседали молчаливые жрецы. — И чего их охранять? — перешел он на трагический шепот. — Двое магов нечисть и близко не подпускают. В какой-то деревеньке озверевший упырь кинулся, так даже на сто шагов не подпустили, сожгли начисто! Даже позабавиться не дали. — Рыцарь поспешно закрыл рот, заметив присоединившиеся к жрецам две фигуры в плащах-балахонах. — Легки на помине!

— Тоже ведь нечисты, а считаются белыми! — поддержал его усатый, поправляя тяжелый меч.

Во второй половине дня у ворот Вежа трое недовольных внезапно поняли, что пить ворованное вино — нехорошо. Первым муки совести испытал десятник. Схватившись за живот, он атаковал нужник, решив навеки в нем поселиться. Вторым нехорошее брожение вина в животе почувствовал тощий и, так как нужник был оккупирован десятником, который место дислокации менять не собирался ни за какие коврижки, всюю кроя матом и мелкую воровку, и погоду, и промерзшие унты, затаился в кустах под стеной. Здоровяк проводил его взглядом и, повернувшись к воротам, заметил четверку приближающихся путников, которые со смехом перекидывались снежками и не особо спешили. Покосившись на сотрясающиеся от отборного мата кусты, детина, притоптывая от нетерпения ногами, ждал, пока пройдут эти четверо. Те не торопились. Три молоденькие девицы и парень хохотали и, видимо, решили собрать на свою одежду весь снег.

«Ну!!» — мысленно возопил стражник, прислушиваясь к утробному рычанию своего чрева.

Молодежь его мысленных воплей не услышала, остановилась и стала шумно, перекрикивая друг друга, обсуждать, стоит ли идти в Веж или лучше еще повеселиться в снегу. Спор сопровождался взрывами хохота и запуливаниями снежками друг в друга. Живот издал очередной угрожающий звук, здоровяк напрягся.

— Да ну его, этот Веж! — громко воскликнула рыжая девица, махнув рукой. — Лучше в Вежицах с горок покатаемся!

Совість стражника после этих успокаивающих слов решительно пригрозила, что готова выплеснуться наружу. Детина попятился во внутренний двор, там заметался, как петух, которому хозяин, махнув тесаком, намекнул на суп. В нужнике страдал десятник, и здоровяк, вспомнив, что дом бабки Анины всего через дорогу, быстро посеменил в ту сторону, время от времени останавливаясь и судорожно сжимаясь.

— Пошли. — Я оглянулась на брошенные без присмотра ворота.

Мы, как тени, скользнули в них. Я наткнулась взглядом на ведро с бирками и недолго думая ссыпала половину себе в мешок. Тряхнула, послушала перезвякивание и, ухмыльнувшись, бросилась догонять друзей.

— Как их не укачивает?! — Я задрала голову, наблюдая за Аэроном и Лейей на качелях. Лейя разалелась и заливисто хохотала. Алия тоже посмотрела на эту пару, фыркнула и протянула мне горсть чищенных орехов. Я отвернулась от качелей и стала их жевать.

— Пойдем в комнату смеха, — предложила, — там целый лабиринт!

— С кривыми зеркалами?

— Ага! Интересно, Аэрон в них отражается?

— Чушь какая! — хмыкнула Алия. — Отражается как миленький!

По ярмарочным рядам мы уже прошли и закупили всякой ерунды, начиная от предметов гардероба и заканчивая такими безделушками, как, например, лягушка из нефрита. Деньги, как зачарованные, все не кончались и отчаянно жгли руки.

Я и Алия ссыпали кучку монет в ладонь продавца и нырнули в лабиринт. Пока хохотали над своими отражениями, как-то незаметно потерялись.

— Алия! — заорала я, когда вдоволь насмотрелась на себя в разных ракурсах, а выход никак не находился.

Завернув за зеркальную стену и наткнувшись на здорового темноволосого парня, который проводил меня взглядом мутно-карих глаз, я пробежала дальше по зеркальному коридору.

— Надо выбираться, леший меня дернул сюда прийти, — пробормотала я и вдруг отчетливо услышала, что за мной кто-то идет.

Я остановилась, в лабиринте царил тишина. Сразу стало как-то неуютно, даже страшно. Сделала пару шагов назад, спиной почувствовала чей-то взгляд и обернулась. Давешний встреченный мною парень нехорошим взглядом меня рассматривал.

— А ты ладненькая! Мой любимый размер! — сказал он.

Я попятилась, а он наступал:

— Говорят, рыжие девки — горячие! — Парень вытянул огромную ручищу и сцапал меня за рукав. Я молча вцепилась в наглую длань зубами. — О-о-о! — заорал мутноглазый.

— О-о-о! — вторило эхо, отскакивая от зеркал.

— Сучка!!! — крикнул парень.

Руку он разжал, и я, как испугнутый заяц, бросилась бежать. Сзади тяжело загрохотали сапожищи. Я заметалась в бесконечных развилках зеркальных коридоров и, ко всему прочему, в одном из

отражений вдруг увидела мелькнувшую рукоять сабли с зеленым камнем. Не знаю, чего я испугалась больше — остаться здесь с мутноглазым детиной или тут же, но с магом, — однако я испустила такой вопль, что ему позавидовала бы сама баньши. Крик отразился от зеркал и здорово меня взбодрил. Выпучив глаза и непрерывно Вопя, я вырвалась на свободу, чуть не сшибла ожидающих меня друзей и, схватив Алию за руку, пустилась в ближайший переулок. Там остановилась, тяжело дыша.

— Что с тобой?! — Алия выдернула свою руку и потерла красный отпечаток моих пальцев. — Черта там увидела?

— Хуже. — Я закашлялась. — Там был маг, тот же самый. Хотя... — Я задумалась. — Может, у меня паранойя?

— Почему ты решила, что это он? — спросила Лейя, прибежавшая с нами.

— Сабля его... по-моему.

Аэрон, который не пожелал бегать, вышел из-за дома, спокойно насвистывая.

— Ну и кто там на тебя напал? Отражение?

— Нет. — Я насупилась, веселое настроение было изгажено. — Может, домой? Темнеет.

— Давайте перекусим чего-нибудь и возвращаемся обратно, предложил вампир. — Я неподалеку кабачок видел.

Кабак действительно обнаружился. Мы открыли двери, и нас обдало такой волной вкусных запахов, что потекли слюнки. Кабатчик сразу оценил дорогую куртку Аэрона и проводил нас к столу. Чуть позже была подана Лейе жареная рыба, Алия возжелала дичь, сославшись на то, что она все-таки хищник, Аэрон потребовал пирожков с мясом, капустой и рыбой, пампушечек со сметаной и квасу. Я ничего заказывать не стала: во-первых, аппетит после пережитого пропал, а во-вторых, я всегда могу присоединиться хоть к подругам, хоть к Аэрону, не дадут же они мне умереть от голода. Когда трапеза подходила к концу, Алия произнесла:

— Ну денек был что надо!

Ох, поторопилась она это сказать. Не успел отзвучать ее голос, как в кабак вошел давешний парень из зеркального лабиринта. Я поперхнулась, столкнувшись с ним взглядом, а этот скот нахально

ухмыльнулся и показал мне неприличный жест. Я сощурила глаза, а здоровяк заржал и расположился у стойки.

— Что там? — спросил Аэрон, оглядываясь. Он и Лейя сидели спиной к входящим и не заметили причину моего дурного настроения. Я не ответила, а повернулась к Алии и тихонько рассказала ей о том, что случилось. Алиа помрачнела и принялась сверлить вошедшего взглядом.

Аэрон расслабился, отчасти от восхищенных вздохов прислуги, представленной молодками и девицами, которые ошивались поблизости от столика, стараясь как бы ненароком мазнуть парня то бедром, а то и оголенным плечиком. Вампир уже хотел расплыться в довольной улыбке, но вовремя вспомнил о клыках и улыбнулся, не разжимая губ, заслужив еще один дружный вздох восторга. Алиа повернулась и горячо зашептала мне в ухо, я ухмыльнулась. Аэрон отложил пампушку и напряженно уставился на нас. Мы игнорировали его взгляд.

Когда тарелки опустели и мы стали собираться, Алиа смущенно сказала, что желает посетить уборную. Я предложила Лейе и Аэрону идти вперед.

— Мы вас догоним, — пообещала я. Тип у стойки выпил три кружки рябинового вина и скучал. Завидев, что я осталась в одиночестве, он приободрился и снова препоганенько заулыбался. Я покосилась на темноту за окнами и торопливо вышла во двор. Постояла на крыльце и пошла вдоль тихой улочки. Парень расплатился с кабатчиком, через некоторое время послышались его торопливые шаги и шумное дыхание. Я сделала вид, что наслаждаюсь прогулкой и совершенно не замечаю нагоняющего меня детину. Подождав, пока дыхание приблизилось вплотную, резко развернулась и двумя разведенными пальцами ткнула ему в глаза.

Тип взвыл, схватившись за свои очи. Я коленом ударила туда, куда он в данный момент не ожидал. Парень хрюкнул и согнулся. От стены ближайшего дома отделилась тень и, звеня серебряными пластинками на непокрытых косицах, добавила ногой в бок, свалив его на землю. Мы для порядка его еще попинали.

— Козел! — высказалась я. Из-за угла выскочили Аэрон с Лейей.

— С ума сошли!!! — заорал вампир. — Какого черта вы тут кого-то мочите?!

Я поморщилась и прояснила ситуацию. Аэрон присел на корточки около поверженного и спросил:

— Жив хоть?

Он наклонился, заглядывая в лицо, детина открыл глаза и, вытаращившись при виде клыкастой усмешки, зашелся в бабьем визге:
— Упырь!!!

Аэрон подскочил:

— Тикаем отсюда!

Дважды нас просить не пришлось, мы сорвались с места и тут же наткнулись на человек десять вооруженных мужиков в каких-то белых тряпках.

— Вляпались! — констатировал Аэрон, когда мужики взяли нас в кольцо. — По самое не хочу!

— Кто это? — Я затравленно озиралась на оголенные мечи.

— Рыцари-монахи, — просветила меня Алия. — Сейчас нас изгонять будут.

— Как это?

— Порежут на кусочки, и все! — с готовностью объяснил Аэрон, кивая на мечи. — Мы же здесь вне закона, без бирок! Откуда только взялись, сволочи?!

Лейя дрожащим голосом попросила: — Уши заткните.

— Чего?! — изумилась я, но друзья послушно зажали уши руками, я испуганно сделала то же.

И тут Лейя завизжала!

В окнах полопались стекла, а рыцарей раскидало в разные стороны, чуть не размазав по стенам. Пользуясь передышкой, мы сиганули в разные стороны: я и Алия — в одну, а Лейя с Аэроном в другую. Не добежав до конца улицы, мы услышали брань и бряцание оружия, повернули обратно и налетели на пятящихся Аэрона и Лейю.

— Вы вовремя, — буркнул вампир, — мы как раз вас ждали!

Я посмотрела на приближающихся рыцарей-монахов. Плодятся они, что ли, было десять, стало двадцать!

— Пусть Лейя еще повизжит! — предложила я.

— А с этими ты что будешь делать? — язвительно поинтересовался

Аэрон, ткнув мне за спину. Я прыжком развернулась, и вот тут-то мне стало по-настоящему плохо! За спинами рыцарей маячили две фигуры в характерной одежде — длинные балахонистые плащи с широкими рукавами, красная окантовка.

— У-у-у... — безнадежно провыла я. — Ненавижу магов!

— Сейчас они нас распылят! — оптимистично проговорил Аэрон, доставая из-за сапога нож и обнажая в оскале клыки.

Я сняла с плеча мешок, решив, что буду хотя бы им отмахиваться. Хотя холщовый мешок С тряпьем, пусть даже и содержащий две-три тяжелые вещицы, против меча был просто смешон.

Один из монахов вырвался вперед, задорно потрясая своей железякой, мы шарахнулись назад. Аэрон проскользнул под лезвием и пнул нетерпеливого ногой, свалив его вместе с рядом стоящими рыцарями на землю. Еще один слабонервный бросился с нашей стороны. Я огрела его по голове мешком, а Алия успела полоснуть ножом по руке. Монах, выпустив меч, попятился. Лейя из середины швырнула камень, подобранный с мостовой. Рыцари, посчитав это знаком к началу действий по изгнанию нечисти, довольно зарычали и стали сжимать кольцо. Лейя снова выскочила из середины, как черт из табакерки, и, едва мы успели заткнуть уши, взвизгнула. Кольцо на время распалось. Среди магов началось неспешное шевеление, я напряглась. Вот зачем им широкие рукава и низко надвинутые на глаза капюшоны! — вдруг поняла я. — Чтобы не было видно, какое заклинание произносится, и произносится ли оно вообще. Рыцари расступились, словно повинувшись мысленной команде освободить место для магической атаки.

— Упс! — громко произнесла Алия. Лейя с писком присела в середине. Аэрон зло выругался и метнул нож, достав одного из рыцарей в горло, он знал, что с магами эти штучки не пройдут.

Маги, выписывая в воздухе какие-то закорючки, ткали большой сине-красный огненный шар. Шар, обрастая всполохами огня, стал стремительно к нам приближаться. Красочно представив нашу мучительную кончину, я взвизгнула и вытянула руки ладонями вперед в направлении сгустка магического огня. Между нами и приближающейся смертью моргнул лиловым щит защиты. Магическое творение ударилось в него и срикошетило, с неменьшей скоростью возвращаясь обратно к магам. Последние поспешно залегли на землю.

Потрескивающий разрядами шар пронесся над их головами, подпалив капюшоны плащей, и, взлетев вверх, ударил в крышу рядом стоящего дома, щедро осыпав лежащих черепицей и каменной крошкой. В окне дома в ужасе завизжал бабий голос. Среди рыцарей пронесся негодующе-восхищенный возглас:

— Магичка!

— На службе у нечисти!

— Сжечь ведьму!

— Поздравляю! — Аэрон повернулся ко мне с кривой ухмылкой. — Тебе удалось не на шутку их разозлить. Теперь они тебя ненавидят куда больше, чем нас!

Взбешенные знакомством с грязной мостовой, маги, путаясь в своих балахонах, поднялись на ноги. Вновь забормотали, на первый взгляд беспорядочно махая руками. В нашу сторону понеслась зеленая искорка.

— Это еще что за хрень?! — Алия втянула голову в плечи.

Над головами с треском раскрылась искрящаяся зеленым магическая сеть.

— Живьем хотят взять! — заорал сообразивший Аэрон.

Сразу представился веселый костерок и я в его середине, доказывающая, что не нечисть и не ведьма, а так, просто мимо проходила. Мы присели, закрывая головы руками и... провалились сквозь землю. Во всяком случае, именно так мне показалось. Мы ухнули вниз, а сердце так и осталось на улочке Вежа. От сильного толчка нас раскидало в стороны.

— Ну Веря! — восторженно воскликнул Аэрон. — Я и не знал, что ты такое умеешь!

Я открыла один глаз. Мы лежали в мягком снегу на окраине Вежиц. Рядом виднелся мост, за ним Школа. Мешки с накупленным барахлом валялись в радиусе шагов ста. Алия с кряхтением поднялась и стала отряхивать снег со штанов, бормоча:

— Я уж думала, нам конец пришел!

Лейя зашлась в плаче запоздалого испуга. Я посидела в сугробе и принялась из него выкарабкиваться. Аэрон протянул руку и выдернул меня из снега, как дед репку.

— Чего тянула? — спросил вампир.

Я пожалала плечами и потянулась за мешком. Мы успокоили Лейю и пошли к Школе. По дороге решили свои похождения держать в строгом секрете. Пожелав спокойных снов вампиру, мы поднялись к себе. Напили Лейю чаем с мелиссой и валерианой и сами залезли под одеяла. Сил на то, чтобы разбирать мешки с покупками, уже не было. Алия, беспокойно повозившись, прошептала:

— Веря, а правда, почему ты сразу не перенесла нас в безопасное место?

Я помолчала, решая, говорить подруге правду или нет. Потом вздохнула и произнесла:

— Потому что... Это не я сделала.

Алия потрясенно замолчала. А я, погружаясь в дрему, снова вспомнила темную тень на противоположной от магов стороне улицы и тихий щелчок, словно кто-то щелкнул пальцами.

Только я окунулась в сновидения, как в дверь забарабанили. Я в испуге подскочила и, нашарив халат, побежала открывать, готовясь к худшему. А именно к тому, что до директора дошли слухи о нашей прогулке. Распахнула дверь.

На пороге действительно стоял Феофилакт Транквиллинович с наставником Аэрона. Увидев меня, директор облегченно выдохнул и потребовал зажечь свет. Я, торопясь и чертыхаясь, зажгла свечу. Алия, закутавшись в одеяло, испуганно хлопала глазами. Директор осмотрел комнату, задержал взгляд на спящей Лейе и удовлетворенно произнес:

— Все трое здесь.

— Да я вам сразу говорил, Феофилакт Транквиллинович, что мы весь вечер дулись в карты! — Аэрон, мятый со сна, кутаясь в плед вместо рубахи, появился в дверном проеме.

— Что-то случилось? — невинно поинтересовалась я. Получилось не очень, как-то жалко и неубедительно. Наставник покрутил в руках флакон Лейиных духов, взятый с зеркала.

— Недоразумение! — с досадой проговорил он. — Вы, госпожа Веря и госпожа Алия, были сегодня в Веже?

— Нет. — Я даже посмотрела ему в глаза честно-пречестно.

— В Веж на этой неделе нечисти запрещено ходить, постановление муниципалитета города и лично мое распоряжение!

— Почему такая дискриминация? — поинтересовался Аэрон.

— Я объяснял всем ученикам, что в Веже находятся жрецы Хорса с магами и рыцарями-монахами. Буран застиг их в окрестностях города, и им пришлось задержаться. Где вы были, когда я зачитывал приказ?! — Директор обвел нас взглядом, потом спохватился: — Ну конечно, вы же в это время в Заветный лес отправились!

Я переглянулась с Аэроном, а директор продолжал:

— Минут десять назад из города поступило сообщение, что несколько наших учеников, пренебрегая строжайшим запретом, нелегально проникли в Веж и час назад напали на прохожего. Находящиеся там по случаю маги и рыцари уничтожили нечисть, потеряв, однако, и несколько своих людей.

— А мы тут при чем?! — удивленно спросил Аэрон и очень натурально зевнул.

— Господин Аэрон, описание нечисти до боли напомнило нам вашу компанию, — вступил в разговор наставник Аэрона, мило улыбаясь и показывая длинные клыки. — Правда, количество нечисти исчисляется десятками, но люди склонны все преувеличивать.

— Беловолосые упыри с окровавленными зубами, страшные огненные ведьмы и визжащие мавки всколыхнули в нас вполне обоснованные подозрения. — Феофилакт Транквиллинович как бы между прочим осмотрел комнату, а я порадовалась, что все накопленное лежит себе спокойно в мешках и не бросается в глаза.

— Даже если это были мы, то за час от Вежа добраться бы не успели, — проглотив комок в горле, как можно спокойнее сказала я.

— Поэтому и пошли вас проверять. — Наставник поставил флакон на место. — Теперь мы видим, что ошибались. Спокойной ночи. — Феофилакт Транквиллинович шагнул было за порог, но увидел слабо светящуюся кувшинку на столе. Он повернулся ко мне.

— Это подарок

— Хороший подарок, — хмыкнул Феофилакт Транквиллинович, — береги его.

Я кивнула. Аэрон помахал рукой и, кутаясь в плед, пошлепал к себе. Я закрыла дверь и села на кровать, пытаюсь унять трясущиеся руки.

— Действительно, вляпались! — Алия передернула плечами. Кто же знал про приказ директора?!

— Вот и получается, что только мы не знали! Да узнай наставник, что это были мы, враз бы из Школы вылетели!

— Вот это точно!

Я нервно хихикнула. Алия зашевелилась под одеялом:

— Чего хохочешь?

— Не выдал.

— Кто?!

— Этот чертов маг! — Я натянула одеяло на голову. — Это он нас вытащил и наставнику про наши подвиги не сообщил. — Я помолчала и добавила: — Несмотря на то что я так лихо на нем проехала!

По Школе плыл мерзкий запах тухлятины. Аэрон, решивший позавтракать с нами и притащивший по такому случаю пирог со сливами, щедро политый сливками, с неудовольствием довел до нашего сведения, что этот аромат с пугающей быстротой распространился и по их этажу тоже.

Одновременно с отвратным амбре девчонки, а вслед за ними и мужская нечисть заметили, что огромным спросом пользуется луковая шелуха. Теперь к нестерпимому запаху тления добавился еще и свежий аромат вареного лука.

Во второй половине дня к Феофилакту Транквиллиновичу, занятому важной беседой с представителем Конклава магов (наставник пытался сгладить его первое впечатление от Школы, с которой он имел удовольствие познакомиться во время праздника), ворвалась прачка. Пылая праведным гневом, она с порога заявила, что не собирается нести ответственность за чистоту и белизну постельного и прочего белья, так как какая-то нахальная нечисть изъела весь отбеливатель, весь мешок, выданный на месяц. Маг приподнял бровь, а наставник смущенно пообещал прачке найти виновного, мысленно досадуя, что та выбрала столь неподходящий момент.

Когда рассерженная работница удалилась, а разговор продолжился и Феофилакт Транквиллинович несколько расслабился, отодвигая историю с моющим средством на второй план, в дверь тихонько постучали. Сморкаясь в платок, в приоткрытую щель проскользнула учительница ботаники. С надрывом в голосе и беспрестанно утыкаясь в платок, она поведала, что в зимнем саду, который она холила и лелеяла, произошло кощунство. Все длиннолистные растения

обезглавлены, а головы, то есть верхушки, исчезли. Вандалы не пощадили даже длинные декоративные лианы, вырвав их с корнем.

Феофилакт Транквиллинович стал наливаясь нездоровой краснотой, поняв, что измышляется очередная пакостная выходка. Ботаничка, издав несколько горестных всхлипов, хотела было упасть в обморок, но была приведена в чувство магом, который, судя по насмешливым глазам, просто получал удовольствие от более чем идиотской ситуации.

Директор укрепился в мысли, что у мага складывается, а возможно, уже и сложилось превратное мнение о нем как о плохом руководителе. Это расстроило его донельзя, и он, уже не стараясь спасти положение, дал выход бешенству, а именно, подхватив полуобморочную ботаничку и велев позвать прачку, отправился самолично устраивать шмон в студенческих комнатах. По доброте душевной наставник даже предложил магу в этом поучаствовать. Тот отказался.

В результате проведенного рейда было найдено меньше половины мешка отбеливателя, макушки растений и целая куча протухших куриных лап, которые и испускали сбивавшие с ног ароматы. К немалому удивлению наставника, треть учеников сменила натуральный цвет волос на разные оттенки рыжего, вторая треть стала подозрительно светловолосой. Директор посмотрел на остатки отбеливателя и призадумался. Ученики, у которых были найдены останки изувеченных растений, запирались не стали, но с упорством баранов, доведя Феофилакta Транквиллиновича до грани нервного срыва, объясняли, что изничтожили ни в чем не повинную флору с единственной целью — напялить ее себе на голову. Для ботанички это оказалось слишком, и она таки упала в обморок.

Наставник не на шутку встревожился и, приказав избавиться от кучи тухлятины, испускающей удушающие миазмы, вернулся в свой кабинет и первым делом поинтересовался у ожидающего его там мага, не известна ли ему какая-нибудь болезнь, которая может массово поражать мозги? Маг, успевший задремать, недоуменно воззрился на полупустой мешок с отбеливателем и кучу длинных сочно-зеленых листьев, пожал плечами и как-то уж совсем несерьезно хохотнул.

Директор сложил изъятые предметы на стол и, походив по кабинету взад-вперед, вдруг остановился, потемнел лицом и

изменившимся голосом сообщил, что, кажется, знает название вируса, вызвавшего эпидемию помешательства. Учительница ботаники, только что очнувшаяся, снова появилась на пороге кабинета. Не в силах побороть эмоции, Феофилакт Транквиллинович рывкнул прямо ей в лицо:

— А позовите-ка мне госпожу Верею да господина Аэрона! Госпожу Алию и Лейю тоже прихватите!

Нервная учительница кулем осела на пол. Маг, подхватив свой плащ, дал понять, что не желает участвовать в убийстве четверки пакостников, и наставник проникновенно успокоил его, заверив, что прекрасно управится с этим богоугодным делом и сам, причем с огромным удовольствием. Вдвоем они без труда перетащили сухое тело учительницы на диванчик. Феофилакт Транквиллинович уговорился с магом о встрече в учебное время, то бишь завтра, и тот, даже не пытаясь скрыть ухмылки, ушел. Сознание того, что репутация заведения, да и его директора в глазах мага упала ниже плинтуса, разъярило Феофилакта Транквиллиновича до невозможности, так что хотелось просто поубивать виновников. Прикрыв ботаничку с головой пледом, чтобы раньше времени не пугать студентов, наставник горящим взором уставился на дверь в ожидании момента, когда те появятся.

Вук Огнезмей в ярости был страшен. Алия тяжело вздохнула за моим плечом. Лейя билась в слезливой истерике. Аэрон просто стоял соляным столбом, видимо, подобная выволочка для него была внове. Я жалко моргала и пыталась прикрыться руками, зная, что с буйнопомешанными опасно спорить, и ждала, пока Феофилакт Транквиллинович облегчит свою душу, а я смогу высказаться. Лейя попыталась в раскаянии упасть на колени и ненароком стянула плед с диванчика. Плед сполз на пол, явив миру костистую училку, вытянувшуюся и явно мертвую. Тут зарыдали и завывали уже мы все! От ужаса. Уж если Вук Огнезмей решил за просто так схарчить учителя, то с нами он поступит куда хуже!

С нами поступили действительно намного хуже — отправили чистить снег вокруг Школы.

— Из-за каких-то куриных лапок! — с досадой воскликнула я, вяло тыкая лопатой в ближайший сугроб. Мне вспомнился сливовый пирог. — А ведь так хорошо начиналось утро!

Утро второго учебного полугодия началось с опоздания.

Я проснулась оттого, что наш комендант общежития, он же кладовщик и «звонарь», бежал по коридору, ругаясь как сапожник, падал, взвывивал коровьим боталом, что у него было вместо уместного, но жутко не любимого нечистью серебряного колокольчика, снова вскакивал и бежал дальше, производя не столько звон, сколько лошадиное ржание и гомерический хохот.

— Доброе утро, Ждан Савич, — поклонилась по дороге коменданту Лейя и заморской королевишной всплыла в комнату, уже вся причесанная, напомаженная и раскрашенная, как лубочная картинка.

Алия, грызшая баранки, запивая их чаем, бросила это занятие и высунула голову в дверь, с трудом удерживая смех. Я тоже сорвалась с кровати и, шмякнувшись сверху на Алию, загородившую собою проем, услышала, как она по-лаквиллски пообещала мне бесов в ребра.

— Доброе утро, Ждан Савич, — не удержались мы с подругой от маленькой, сладенькой мести.

Ждан Савич, он же бес Рогач, обернувшись, злобно погрозил всем кулаком, от чего головы в дверях, а их было не меньше сорока, разразились дружным смехом.

Комендант подхватил огромные, не по размеру, штаны, обернул хвостом увязанные в пару сапоги и вприпрыжку помчался дальше. Ботало висело на шее и, прижатое сапогами, почти не звякало, но Школа и без того уже проснулась. Пыхтели самовары, принесенные с кухни, в умывальне слышался довольный визг, по коридору шлепали босые пятки бледных и вялых любителей ночных гуляний и бодрый перестук каблучков жизнерадостных жаворонков.

Мы втроем переглянулись и фыркнули.

Свое прозвище — Ждан Савич, Рогач заработал в Веже, обхаживая хозяйку постоянного двора, что стоял на дальнем купеческом конце, Акулину Порфирьевну, женщину вдовую и хваткую во всех смыслах.

Он нарочно подгадывал время так, чтобы заявиться к своей милой, выдавая себя за купца, в тот день, когда прибывал большой обоз с востока или такой, путь которых пролегал через опасные

урочища, а потому несколько обозов сбивались в большие, не боящиеся разбойного люда товарищества, так что едущие на них купцы зачастую не успевали как следует перезнакомиться и узнать друг друга.

Являлся он, румян, свеж и могуч, обычно с каким-нибудь важным подарком, долго, солидно и со знанием дела расхваливал прелести хозяйки и шумно завидовал вежевцам, имеющим возможность любоваться ее красотой ежедневно, ну и клял нелегкую купеческую долю, которая через день-два погонит его снова в дорогу, через неведомые страны и государства, возможно, на верную погибель от рук злодеев и лихоимцев.

Акулина Порфирьевна таяла от его речей, как шкварки на сковородке, и до утра, не отрывая глаз от постояльца, вела с ним душевные беседы под самоварчик, пирожки и блиночки с икоркой, млела и текла белой сметаной, мурлыкала и ластилась, как кошка, увидевшая здорового зеленоглазого котичку. И по глупой бабской доверчивости не выспрашивала, отчего это гость сидит у нее весь день, ничем не торгуя, а только хлебает чай да хвалит ее домовитость, представляя, что только ради нее Ждан Савич и заглядывает в Веж.

Сколько бы ходил Рогач к вдове и чем бы все закончилось, неведомо, но на его беду случилось так, что он явился к Акулине на постой раньше, чем прибыл златоградский купеческий обоз. Бросил вожжи подбежавшей дворне, радостно облобызал хозяйку, подхватил ее на руки и под одобрительный гул гостивших на подворье постояльцев барином важно поднялся на крыльцо.

А златоградцы на свою беду встретились по пути с чертячьим свадебным поездом.

Погода была дрянь, мело, и вроде бы не раз уже бывавшие в этих краях купцы вдруг начинали то и дело сбиваться с торного пути, плутая в трех соснах и выворачивая на никому не ведомые тропы. Устали и замерзли так; что под конец готовы были ночевать Хоть в чистом поле.

И тут внезапно на них с веселым свистом, песнями и бубенцами вылетела свадьба. Гнедые лоснящиеся кони неслись по целине, едва касаясь снега, взлетали на ухабах переполненные расписные возки, а

румяные возницы залихватски щелкали кнутами, горяча красавцев-скакунов.

Увидев свадебный поезд, купцы едва не на колени встали, прося показать им дорогу к Вежу. Жених с невестою и дружки их расхохотались, говоря, что никакого им сегодня Вежа не видать, а если не уважат их, то и ночевать торговым людишкам под стылými зимними звездами.

Купцы кобениться не стали, и чарки поднесенные выпили, и коней поворотили, пустившись следом за веселой свадьбой. Хотя потом сто раз покаялись, что не рискнули помериться силушкой с морозом.

До полуночи, до нестерпимого блеска вставшей в зенит луны скакала свадьба по перелескам, лугам и чащобам, то останавливаясь и бурно угощаясь нескончаемыми припасами, то пускаясь в пляску под бубенцы, гуделки и гусли. Если бы купцы и захотели, то теперь-то уж и вовсе не нашли б дороги. Но им в хмельном веселии давно уж стало не до Вежа. Они и сами горячили коней, пускаясь в запуски, не замечая, что и кони устали и еле бредут, и у пирующих сельчан веселье льется уже через край, становясь все необузданнее и опаснее.

Вот тяжелый купеческий воз вырвался вперед, обогнав расписную повозку жениха. Жених обиделся и закричал, что это нечестно и что его гнедой с утра весь в мыле, а купеческие не спеша тащились по наезженному тракту. Вот если бы ему коняшку посвежее, так никому б тогда его не обскакать.

И все черти разом пересели на новых коняшек — на купцов.

Тут, как говорится, и пелена с глаз спала, да поздно было. Ох и летели новые кони по полям! Лучше прежних. Купцы в упряжи выли и стонали, да только один сумел вспомнить молитву вседержителю Хорсу.

Рассыпалась в прах узда, пропала свадьба, а в двух шагах, буквально рукой подать оказалась застава Вежа. Тут-то и выяснилось, что один златоградский торговый гость уж второй день как в городе.

Рогача на постоялом дворе могли бы обложить и развеять прахом по всем правилам, но уж больно жалко выглядели купцы. Пока опытные да рассудительные бегали за старшим жрецом, молодые да горячие нашли где-то молодого колдуна и ворвались с ним к Акулине.

Дальнейшее каждый рассказывал по-своему. Сходились в одном — гонял всю вежицкую стражу Рогач долго и самозабвенно, и вокруг магистратуры, и в дальних концах, пока подоспевший на выручку жрецам директор Школы не уговорил его простить дуракам свое разоблачение.

Обиженный на весь мир бес потом месяц не выходил из кладовой и год не покидал заведения, пока однажды на заднем дворе Школы сторож не изловил пунцовую от стыда вдову с румяной горкой блинов.

— А здрав ли Ждан Савич? — пролепетала Акулина Порфирьевна. Бес выскочил во двор, словно его из катапульты запустили, сгреб Акулину и пропал вместе с ней на неделю.

Счастье он себе, может, и вернул, но и прозвище заработал.

— Так, так, так, — сощурилась Алия, сдувая парок над блюдцем. Значит, не всем было запрещено гулять в городе, есть, значит, нечисть, которой и Верховный жрец не указ.

Лейя присела на край стульчика, тщательно огладив юбку, чтобы, упаси бог, не помять, и, макнув сушку в чай, пояснила:

— Ему сам вежицкий голова бумаги выправил, что никакой он не бес, а самый что ни на есть купец второй гильдии.

— А то никто не знает.

— А то никто не помнит, как он стражу по городу гонял.

— Ой, да ничего вы не понимаете, — закатила глазки Лейя. — Это вам понарасказали всяких глупостей, а вы и верите. Голову-то со стражей вокруг магистрата как раз Акулина и гоняла. И того героя, что предлагал ее сжечь как ведьму, до сих пор в обители богини Любавы травницы за счет кроткой вдовы от учиненных ее рукоприкладством болезней пользуют. Может, и выходят, Любава богиня добрая, не то что Акулина Порфирьевна.

По этажам разнесся дребезжащий звон коровьего ботала.

— На уроки, бестолочи и бездельники! — кричал Ждан Савич. Бездельниц это тоже касается. И бестолковиц тоже.

— Вот и кончилось счастье, — вздохнула я горестно. — Идем?

— Ага. — Алия нырнула под стол и выволокла оттуда тюк с «железом». Мы с Лейей ели ноги успели отдернуть, когда из свертка вывалился корявый моргенштерн и, тюкнувшись в пол, раскрошил половицу. — О, черт, ну ладно, девочки, я побежала. Мне Вульфыч велел с утра со всем арсеналом в гимнастический зал подойти.

И действительно убежала. Мы с ее тюком смогли бы только ползти, натужно стеною.

— Ну и я пойду. — Лейя лебедушкой поплыла вслед за Алией. Я полюбовалась на красоту зимнего дня за окном и, собрав в кулак всю волю, тоже потопала на занятия, правда, с трудом представляя, как они теперь будут проходить. Нет же никого — ни учителей, ни учеников.

Класс демонографии и демонологии пустовал. Я плюхнулась на скамью и начала неспешно выкладывать из стола все необходимое. Книги и дорогушную, хрусткую, как льдинка, белую, словно первый снег, бумагу, уже обрезанную и приготовленную, страшно подумать, для черновиков взяла из учительского бюро. Там же добыла склянку с чернилами, отлила немного в свой письменный прибор. Выложила тетрадки и разобралась с последними записями. Все, что мы прошли накануне бесовской недели, не то чтобы покрылось дымкой тумана, а просто напрочь выветрилось из головы.

Тщательно обрезанная и прошитая суровыми черными нитками тетрадь пугала, словно незнакомец темной ночью. Какая-то безумица моей рукою написала в ней полную галиматью, озаглавленную как «Сравнительный анализ развития верований в северских княжествах времен правления Иласия и Кору». Неизвестная ругалась политеизмом, заимствованиями и диффузией. Мне ее бурный тон не нравился, и я решила, что лучше немного поглазеть на стены, чем забивать голову тем, что без запинки даже выговорить невозможно.

И было чем любоваться. Вокруг кипела битва. Раскинув крылья, огнеглавый Пых кидался грудью на зеленого уродца Кишивакану. Змей Апос, вздымая океанскую волну, грозил Уэку. А чернильночерный, с красным зевом Туломос бился, словно эпилептик, круша земную твердь. Его противник потерялся где-то за тучами песка и пыли, но языки огня проснувшихся вулканов уже изверглись и сплелись в замысловатые зловещие узоры, грозящие большой бедой всему живому.

Но моей любимой фреской была центральная, над кафедрой. На ней два безымянных демона рубились на пылающих мечях. Тот, что слева, походил на Анжело, а правый был словно его альбинос-близнец, только красивей и холодней снегурочки. Родство их было очевидно, и я не представляла, что могло толкнуть крылатых на дикое

смертоубийство. А в том, что парней не удержать, я не сомневалась. Они и на картине-то выглядели так, что страшно было голос повысить из опасения вякнуть что-нибудь под руку.

— А вы заметили, что только эти двое олицетворяют Тьму и Свет как величины, равные во всем? — Я вздрогнула и уставилась на высокого, наглухо застегнутого в черное парня. Он стоял вполборота к фреске, небрежно облокотившись на кафедру. Яркие, словно напитанные солнцем волосы стекали по плечам, глаза казались просто окнами в бездонную немыслимую синь небес. Такой убил бы Лейю одним лишь появлением в аудитории, а мне вдруг стало неуютно под его взглядом, будто голой на мороз выгнали.

— Здрости, — пискнула я.

— Добрый день, — улыбнулся незнакомец, чуть качнув головой в намеке на поклон. — Я ваш новый учитель на сегодня. Можете называть меня Князь или Сиятельный, как вам удобней, госпожа Веря.

Я нервно закивала головой, как лошадь на параде. И учитель поощрил меня типичной для нечисти улыбкой, от которой без всякого повода накатывает жуть. Специальная такая улыбочка с мгновенным замораживающим эффектом.

— Прекрасно. Итак, вернемся к работе мастера Рогацио дель Сано из солнечного Туа, увы, ныне погребенного под красными песками великой пустыни.

— А вы разве не демон? — осмелилась я влезть с вопросом.

— Иногда. — Учитель с явной неохотой оторвался от созерцания великой битвы. — Но не сегодня.

Мне стало неуютно под его бесстрастным взглядом. Но я не могла остановиться, словно черти толкали и дергали за язык.

— А разве у вас не заварушка?

Он тряхнул головой, словно услышал нечто по-настоящему смешное, но насмешливый свой взгляд адресовал куда-то мне за левое плечо. Месяц назад вот так вот позади и чуть левее любил садиться Анжело, в пустом же классе такой взгляд производил странное впечатление. Вот только с сумасшедшими я в одной аудитории не сидела!

— Насчет, как вы изволили сказать, заварушки я могу вас успокоить. Последний бастион вот-вот падет, и воинство уже не

нуждается архистратигах. Так что я не дезертир.

— А с кем вы воевали? — опять не удержалась я, окончательно развеселив учителя. Мне даже показалось, что ледяная синева в его глазах оттаяла немножко и вместо безбрежного равнодушия мелькнул азартный огонек интереса.

— А вот на этот вопрос, госпожа Верей, вам и надлежит искать ответ как будущему историографу и культурологу. Равно как и на другие щекотливые вопросы: где, с кем, за что. При этом, я надеюсь, вы будете счастливей мастера Рогацио.

— Да? А что с ним?

— Сошел с ума. Рогацио в Туа считали еретиком. Он отрицал многобожие, считая, что весь мир есть эманация Единого. Увлекся с колдовством и даже разработал эликсир, при помощи которого надеялся увидеть божество.

— И что?

— За золотой браслет он был отравлен собственным учеником Анхело. Медленным мерзейшим ядом. Умирая, он тем не менее желал знать правду, принял эликсир и прожил еще век, увы, уже безумцем.

— Ага. — Я посмотрела на стены. — Значит, это все...

— То, что он начал видеть. Низшие и низменные проявления творца.

— А на самом деле...

Князь потупился, как Аэрон, строящий из себя невинность.

— Никто не знает правды. Ну разве что ваш друг Анжело. Кстати, большой любитель травить учителей цикутой.

Я рот разинула. А Сиятельный, быстро приложив палец к губам, сказал:

— Но это мы обсудим через год. Демонологию не одолеть с наскока. А уж на углубленное познание предмета порою не хватает целой жизни.

— Нет, подождите. Вы что же, хотите сказать, что Анжело отравил этого вашего Рогацио за какой-то там браслет?!

— Вообще-то я собирался милою беседой отвлечь вас от возможных грустных мыслей и, намекнув на обладание запредельным знанием, возбудить в вас интерес к предмету. А маэстро приплел просто потому, что вы тарасились на эту проклятую фреску словно замороженная.

— А Анжело приплели, чтобы у меня глаза от удивленья лопнули?
— А вам никогда не говорили, что в общении со старшими подросткам и девицам подобает скромная учтивость?

— Ха, да вы меня просто огорошили!

— Тогда при готовьтесь к зачету! — вспыхнул преподаватель.

Я опешила:

— Какому зачету?

— Сравнительное мифотворчество, легенда об охотнике Сацке.

— Но у нас же демонография сейчас, а мифотворчество преподает Аринка.

— Жизнь — это не расписание уроков, — отрезал Светлейший, и по тому, как заледенели его глаза, я поняла, что снова разонравилась Князю. Ишь ты, привык командовать!

Я демонстративно фыркнула и шлепнула книгу на парту. Что у насам с этим Сацке? Вилколакская легенда. Очень мило.

«... невезуч был охотник Сацке. Много хотел, редко получал желаемое. Часто просил у богов то одно, то другое, ни разу не был услышан...»

Звонок на обед был как манна небесная. В столовую я не спустилась, стекла киселем, переплюхивая себя со ступеньки на ступеньку. Хорошо еще, что вниз. Вползла на лавку за «нашим» столом и угрюмо посмотрела в бесконечнейшую даль, туда, где окошко раздачи исходило облаками жаркого, наполненного ароматом специй пара.

— Отрыжка песья, — рывкнула над ухом Алия, швыряя на стол расписной веселенький поднос, на котором грудой громоздились миски.

— Можно я твою свеклу съем? — простонала я, сглатывая слюну.

— Ешь. Что?! Ты ж терпеть ее не можешь!

— Я до раздачи не дойду, — заныла я, стараясь, чтобы вышло как можно жалостней. — Меня учитель новый доконал, словно с цепи сорвался.

— И тебя? — вскочила Алия, от души врезав по столу. Я едва поспела подхватить кувшин. Квас возмущенно зашипел. — Там Лейя рыдает, тут ты стонешь, Вульфыч как собака, озверел совсем.

— А что случилось? — сразу подобралась я.

Алия всплеснула руками, как декламаторша на сцене нашей Школы во время веселых шутовских представлений. Только вместо заливчатской басни или на крайний случай матерных стишат выдала былину о неравной битве богатырки Алии Всеславишны с чудищем-оборотнем Вольфом Вениаминовичем.

— Нет, ты представляешь, — неистовствовала рассказчица Алия батьковна, — он нам полгода преподавал заср... В общем, пацифизм. Ни одного приема. Чтобы, как это? Не нагнетать расовый национализм. А тут ускоренная боевая трансформация в условиях полного окружения. Ты представляешь?

Я не представляла. Зато видела, что ее драконья куртка свисает на спине веселенькими, как флажки на шпильях рыцарского замка, лоскутами. И все лицо в мелких порезах, будто подругу в толченом стекле физиономией возили.

— А что Лейя? — спросила я, готовясь к худшему. Воображение рисовало, как Вульфыч рвет мавку на жабок

— Она неуд по сравнительному мифотворчеству схлопотала, отмахнулась Алия.

— погоди. Разве с утра не гармонические чары должны быть? Она же вся покрасилась еще для этого своего учителя, Флейты.

— Не было Флейты, — услышали мы с Алией жалостливый голосок Мавки. Обернулись.

Аэрон практически держал на весу болотную красавицу. Цветные от краски слезы слились в ручьи и причудливо избороздили ее опухшую мордашку.

— Чисто кикимора, — вздохнула Алия и, достав платочек, тщательно втолканый в узенький кармашек штанов, принялась размазывать «красоту» Лейи по всему лицу, не забывая с чувством плевать на вышитого посреди платка волчонка.

А мне достаточно было лишь взглянуть на хмурого вампира, как робкий звоночек тревоги превратился в жуткий пожарный набат.

— Только не говори, что и тебя донимали сказкой об охотнике.

Аэрон кивнул.

— Та-ак. — Я почувствовала, что мне становится по-настоящему страшно. — Это неспроста.

— Я сначала думал, что нас попросту желают проучить. Но как-то уж однообразно все.

— Да Феофилакт Транквиллинович отсутствием фантазии ведь не страдает. Если б он хотел повеселиться, то учебной бы не донимал.

— Значит, что? — Мы с вампиром устали друг на друга.

Северская легенда была проста как медный грош. Один охотник полез в ловчую яму за мертвым волком и сорвался сам. И вот лежит он надетый на острый кол и молит бога о спасении.

— Самое дорогое отдам, — говорит. — Клянусь.

— Чем же ты можешь поклясться, коль и так умираешь? — удивился Белбог.

— Да хоть волчьей шкурой, — стонет охотник. — Только спаси.

Спас его бог. Пошли они вдвоем домой к охотнику. Сацке, или как там его, идет и размышляет, чем с богом расплачиваться. Дом от предков достался, жалко. Жена красавица, еле уговорил выйти замуж, отдавать богу такую обидно. Собака помощница, без нее совсем плохо.

А тут видит, стоит на пороге его жена, а в руках держит ребенка. Его ребенка, охотника Сацке. Бог на ребенка показывает.

— Ах, вот ты чего захотел?! — закричал на бога охотник. — Ничего ты не получишь, кроме волчьей шкуры. Уходи.

И начал гнать бога прочь, швырять в него палками. Раз наклонился, другой, а в третий не смог разогнуться. Зарычал, завыл, закрутился на месте и превратился в волка сам.

Долго он бегал по лесам, пока сын не подрос.

Узнал он от матери правду, построил алтарь в лесу и принес сам себя в жертву Белбогу.

Только дети охотника до сих пор полжизни волками бегают. Чтобы помнили о могуществе Белого. И поделом, нечего нарушать клятвы. А дети сына Сацке стали жрецами, и сила бога дана им, и длань его над ними и благословение.

Демоны же эту легенду рассказывают так.

Свалился охотник в яму и давай молить богов о спасении. Услышал Чернобог, что клянется Сацке самым дорогим, и спас его. А как пришли они к дому, как увидел охотник жену с ребенком, так и обмер. Только в лесу не выживают трусливые. Обернулся Сацке волком и зарычал на бога.

— Уходи, ничего не получишь. И бог ушел.

Как говаривал Анжело — «без комментариев».

Мы с Аэроном с сомнением посмотрели на Лейю.

— А скажи-ка нам, подруга, за что тебе неуд вlepили? — поинтересовался Аэрон у борющейся с опухлостью лица Лейи.

— Я написала, что нельзя нарушать клятвы, об этом обе легенды.

— Выходит, можно? — переглянулись мы с Аэроном.

— Ой, не нравится мне это, — призналась я, чувствуя, как от нехороших предчувствий пальцы на ногах немеют.

И тут, словно перед летней грозой, в столовой стало неуютно тихо.

Алия пихнула меня в бок, Аэрон мягко повернул мордашкой к дверям и захлопнул рот ладонью, когда я собралась вопить.

В дверях стоял, опершись на рогатый черный посох, со свитой и стражей, сам Верховный жрец.

— Я, кажется, все поняла, — промямлила я, когда сумела проглотить испуг. От того, что он скатился в живот, а не торчал ежом в горле, легче мне не сделалось.

— Я тоже, — сурово кивнул вампир, неосознанно шаря на поясе в поисках ножа, но все время промазывал.

Теперь уж мне пришлось его хватать за плечо. Мы все четверо уставились в ужасе друг на друга.

— Только не паниковать, — потребовала я, таща Алию из-под стола. Там брякало и сыпалось из тюка оружие. Вдвоем с Аэроном мы едва сумели выкрутить из ее побелевших пальцев клевец в виде волчьей морды.

— Я все беру на себя, — заявила я. Но даже вампиру пришлось напрячься, чтобы услышать мой задушенный писк.

— Что?

— Не сбивай меня с мысли, а то нам всем хана.

— Да нам и так бздец, — шумно задышала Алия, судорожно сжимая-разжимая кулаки.

— Поднимите меня, — попросила я, с трудом выплевывая сухие, как репы, слова.

— Подыми-ите мне ве-эки, — пробасила за спиной, борясь с истерикой, Лейя. Я ее чуть не придушила, но меня оттащили. — Все, ты уже встала, что дальше?

Ой, лучше бы мне этого не говорили.

Ног я не чувствовала, но каким то чудом умудрилась сделать шаг, не упав и не рассыпавшись на мелкие осколочки. Хотя могла, так все во мне сжалось, напряглось и скукожилось от страха.

— Госпожа Верея, — услышала я далекий, словно из глухого омута, голос Феофилакта Транквиллиновича.

Лица преподавателей плыли мимо мутными пятнами, неразличимые и одинаковые, как у утопленников. Я сделала им знак отстать, вяло махнула рукой, не отрываясь от лица Верховного.

Дед был суров и холоден, как истукан в Белполе. Я видела там одного из камня, тоже в капюшоне и с клюкой.

— Здравствуйте, мне кажется, переговоры между Храмом и Школой Архона зашли в тупик? Дирекция отрицает участие учеников, Храм возражает, Орден требует крови? — Я чувствовала, как предательски начинают дрожать ноги. — Мне известно, что вы воспитанник Духовной Златоградской обители. Во всяком случае, так говорят, а значит, вы человек, не чуждый философии и... Может, устроим диспут?

Даже я поняла, как жалко и путано все прозвучало. Но, к моему огромному удивлению, позади старика возникло кресло. Я тоже кулем осела на подставленную лавку. Глянула на свои руки и поняла, что как-то успела отобрать у Алии ее платок с волчонком. Зверушка выглядела жалкой и обиженной. Я поспешно расправила платок на колене. Опомнилась, свернула, развернула. Поняла, что сейчас расплачусь, но твердая рука Феофилакта Транквиллиновича потрепала меня по плечу. Я дернулась, но директор мне поощрительно подмигнул, мол, «смелее, раз взялась».

И я начала:

— Я сирота, но так случилось, что иногда вокруг меня, со мной вдруг происходит что-то, что не случается и не случится никогда с другими. Иногда падают с неба лягушки, иногда дуют сильные ветра или происходят землетрясения. Такое случается с каждым, но со мной слишком часто. Достаточно часто, чтобы стать частью Школы, ее ученицей.

Понимаете, я никогда не думала о навьих детях как о своей семье, потому что я человек, дочь ивы, как говорят в Школе, и всю жизнь надеялась ей быть.

Думаю, что поначалу ко мне немного применяли чары, иначе я бы ни за что не вошла в один класс с демоном, не улеглась бы в одной комнате с лаквиллским вилколаком, мавкой... а про вампира я и вовсе молчу, или про рогатую лягушку, тетку Лейи.

— Вы отвлекаетесь.

— Да, извините. Я просто хотела сказать, что мне здесь очень все понравилось, у меня появились друзья. Но если б ради меня в Школе изменили порядки или случилось нечто необычное, то я б этого не узнала, потому что я не знаю, точнее, не знала, как все было раньше.

Только от вампира я, например, узнала, что факультет культурологии и историографии попросту не существовал до моего приезда.

Что демон в Школе был огромной редкостью. А тут вдруг полста душ, и все на новый факультет. А ведь демон — дух. Могучий, даже всесильный в чем-то, но, увы, паразит. Только человеку доверено богами преобразовывать наш мир. Даже демонографию мы начинаем изучать, вы не поверите, с географии и с отношений между божьей тварью и Творцом. Увы, в этом свете мы выглядим непривлекательно: глупы, лживы, завистливы, трусливы. Все, что оторвалось от земли, возвысилось, становится легендой. Половину этих легенд сочинила, как ни странно, нечисть.

— Но какое это, простите, имеет отношение к проблеме? — вякнул кто-то из-за спины старика.

— О, самое прямое. Как говорил мой друг Анжело, глорий этого мунди без сомнения транзит. Древнее колдовство уходит, и можно либо ждать, пока труп старого мира сам разложится и станет удобрением для нового миропорядка, либо все ускорить. Ведь демоны и рождены для битвы. Там, где они, неизбежен рагнарек. А вокруг меня их было слишком много. Настолько много, что однажды дочь лаквиллского воеводы, наследник Урлака и дочь водяного оказались лицом к лицу с разъяренными рыцарями.

Демон, между прочим, — дух данного мгновения. Его задача подтолкнуть. И счастье, что один из них толкнул неведомого мага нас спасти. Но камень порождает камнепад, и вот вы в Школе. Учителя нам тонко намекнули, как выкарабкаться из петли. Вы тоже ведь наверняка учили в обители легенду о Сацке. Чернобог ведь ничего не требовал от охотника. Ему было безразлично даже, сдержит ли он

клятву вообще. Он шел с ним ради интереса — как поступит человек. И охотник сам выбрал себе кару. Не думаю, что Чернобогу хватило бы сил на чудо превращения живого человека в волка. Но силы веры Сацке хватило. Я думаю, что сила веры моих друзей в Архон не меньше. Поэтому мы не станем клясться, что не были в тот день в городе. Но хватит ли силы вашей веры, чтобы начать последний бой за право обладания этим миром? Подумайте об этом.

Старик задумался, мне даже показалось, что вздохнул безмерно тяжело и мучительно.

— Признаться, никогда не думал я о вере как о готовности начать войну. Но я подумую. Благодарю вас за беседу. — Голос старика оказался неожиданно глубок. Он легко поднялся и, благословив, покинул Школу. Свита старика кидала на меня удивленные взгляды, словно не веря тому, что всем известный разборчивостью жрец, отказывающийся иногда в беседе князю, снизошел до рыжей замухрышки.

Друзья, бледные, смотрели им вслед, радуясь тому, что живы, что я жива и что нас, кажется, не будут рвать на кусочки или волочить к костру. Феофилакт Транквиллинович, тоже весьма довольный, стоял рядом и как мальчишка перекатывался с пятки на носок, с пятки на носок.

— Ну-с, госпожа Верея, думаю, что культурологию за полугодие вы сдали на отлично, да. А по демонографии, извините, неуд, да-с, неуд. — И он рассмеялся, самодовольно потирая руки.

— За что? — взвыли мы хором.

— За поверхностный подход к теме, недостаточную вдумчивость, за клевету на сокурсников, наконец, да-с, — раздулся павлином директор. — Демон, конечно, дух данного мгновения, но полста штук для одной госпожи Вереи — это, простите, мания величества. Хотя за мужество и самопожертвование, с которым вы бросились защищать Школу и нас, навьих тварей, примите мою благодарность.

И директор шутовски раскланялся со всей нашей четверкой.

— Право, мне даже немного жаль, что жрец заехал к нам всего лишь пригласить меня на праздник летнего солнцестояния в столицу. Право, очень жаль.

И, расхохотавшись прямо в наши вытянувшиеся лица, он пошел, насвистывая, из столовой.

— Но как же легенда? Зачем?

— Извините, детки, но вы польстили мне как экзекутору. Фантазия моя убога, и вообще я ретроград. О, кажется, вам на занятия пора.

Рогач стоял в дверях и нудно бил в коровье ботало. Мимо нас, сдерживая смешки, просачивалась толпа учеников Великой Школы Архона. И мы чувствовали себя словно оплеванными. Дальше на этажах смешки уже переходили в ржание. На щеках Алии выступили два красных пятна, Лейя просто хлопала глазами, вообще ничего не понимая, и только Аэрон кривил физиономию, стараясь не смеяться. Я не сдержалась и прыснула в кулак

— Вот песий сблевыш, — хлопнула себя по ляжке Алия с досады, так вляпались, самопродавцы. — И тоже от души расхохоталась.

Весна давно уже вступила в свои права. Пора подснежников и веселых капелей прошла, уступив место огромным лужам и ярким желтым солнышкам мать-и-мачехи.

Аэрона мы почти месяц не видели, только один раз вампир заскочил и сунул мне в руки поникший букетик ветреницы, который к вечеру почил, несмотря на то что мы поставили его в воду. Факультет Аэрона готовился к практике, и учителя терзали их бесконечными зачетами и экзаменами, торопясь выставить оценки за год. К тому же легко увлекающийся вампир нашел себе очередную пассию и оставшиеся свободные минутки проводил в ее обществе, коротко кивая нам при редких встречах.

Нам тоже грозили практикой и просто душили проверками знаний и умений. Лейя, готовясь к экзамену по вокальному совершенствованию, оставила нас на два дня без стекол, а перед зачетом по гармоническим чарам пришлось прорываться в комнату через толпы поклонников. Алия разогнала этот табун, радостно возопив, что экзамен по боевой трансформации сдаст прямо здесь и сейчас.

К слову сказать, Алия каждый день радовала нас новым синяком или ссадиной. Приходила поздно, голодная как волк, уничтожала все съестное и проваливалась в сон.

Мой наставник с целью безопасности перенес уроки практической магии на свежий воздух, в близлежащий лесок, и теперь

имел возможность каждый день созерцать широкую просеку, состоящую из обугленных или срезанных, как ножом, деревьев и вздыбленной земли. Животные и птички при моем приближении предусмотрительно удалялись без оглядки с этого места. По практической магии у меня был твердый неуд. Заклинания я знала, пассы выполняла правильно, но в результате выходило черт-те что!

Аэрон уехал на практику раньше нас на неделю. Куда их послали и с какой целью, осталось для нас тайной за семью печатями. Аэрон на все наши вопросы отвечал категорическим отказом распространять сведения, кинув только, что через год мы сами все узнаем.

Алия отправлялась на сборы и укладывала свой мешок. Лейя жаловалась, что их факультет направляют в «Синюю чашу», к никсам.

— Они такие чопорные и надменные, — вздыхала мавка, — будут преподавать нам этикет и умение вести себя в высшем обществе. Станут задирать нос и намекать, какие мы темные и невежественные.

Я, недовольная разлукой, смотрела на их сборы и тосковала. Я оставалась одна. Вчера Феофилакт Транквиллинович после очередного занятия в лесочке, задумчиво глядя на воронку шагов двадцати в диаметре, «обрадовал» меня, сказав, что весь год лелеял надежду отправить меня на практику в Академию магов. И, не замечая моих расширившихся от ужаса глаз, сообщил, что теперь видит — маги просто не перенесут моего магического таланта, а оплачивать им лечение и восстановление Академии Школе Архона просто слабо. Поэтому практикой моей будет собирание мифов и легенд о Заветном лесе по близлежащим деревенькам.

Я обрадованно закивала головой, пообещав, что раз в три дня обязательно буду появляться в Школе, так как материал буду собирать в гордом одиночестве и наставник будет волноваться.

Мифы и легенды о Заветном лесе пришлось собирать не только на посиделках у старушек и девиц, но и в кабаках, причем в последнем Случае делились намного охотнее и эмоциональнее. К концу третьей недели я не только собрала толстенькую стопку исписанных листов (многие пришлось выкинуть из-за крайне неразборчивого почерка писавшей), хранивших следы условий, в которых были добыты, но и значительно пополнила словарный запас и могла запросто различить

восемь сортов самогона. Пару раз я с замиранием сердца замечала знакомую темную личность, но ссылалась на алкогольные пары.

Наставник, видя мое рвение в сборе сведений и по достоинству оценив энтузиазм, хлопнул по столу ладонью и попросил в приказном порядке закончить практику и перейти к систематизации информации и окультуриванию языка мифов, с нажимом уточнив, что заниматься этим нужно в стенах Школы.

Вот тут-то и началось самое тоскливое. Все жительницы этажа проходили практику, поэтому этаж пустовал. Сидеть одной в полной тишине было просто выше моих сил. К тому же многие из собранных мифов были откровенно страшные. К концу второго дня я даже уборной опасалась. К концу третьего дня, вспомнив, как Алия в минуты тоски взывала, я вышла в темный коридор и выдала вдохновенный вой. Лучше бы я этого не делала, в ответ немедленно кто-то так же тоскливо провыл. Остаток вечера и половину ночи я провела за закрытой на все замки дверью, со сковородой в руках.

Алия и Лейя должны были приехать лишь через четыре дня.

Я посидела за столом, шурша записями, и взгляд остановился на кувшинке. А почему бы и нет? — спросила я себя. Мне ведь сказали — приходи, когда станет потеплее. Я решительно отправилась в учебное крыло, в кабинет директора. Коротко постучала и, услышав разрешение войти, зашла. Директор совсем не по-директорски сидел на краю стола, черные волосы его были всклокочены, а очки возлежали на носу мраморного льва, придавая последнему очень строгий вид.

— Здравствуйте, госпожа Верея. — Феофилакт Транквиллинович соскочил со стола, водрузил очки на свой нос и уставился на меня поверх стекол. Я сразу стала подозревать, что очки Вук Огнезмей носит для придания себе степенного вида. Пробормотав приветствие, я приступила к главному:

— Я хочу попросить разрешения сходить в Заветный лес.

Директор потер подбородок, покачался с носка на пятку и спросил:

— Почему у вас появилось такое желание?

— Ну-у, — я потеряла рукав платья, — меня же приглашали. И хочу сопоставить мифы с правдой.

Наставник расхохотался:

— А вы уверены, что вас пригласили не для того, чтобы совершить какой-нибудь древний кровавый обряд?

Мне такое как-то даже в голову не приходило. Я призадумалась, а Вук Огнезмей продолжал:

— К тому же Древние навряд ли расположены делиться с вами правдивыми событиями, скорей всего вы получите еще такое же количество мифов, только на другой лад.

— Тогда я сравню рассказанное Древними с рассказами людей. Тоже получится очень интересно.

Феофилакт Транквиллинович склонил голову набок и с пониманием спросил:

— Тоска?

— Ага. — Я поморщилась.

— Только подумайте! — восхитился наставник, обращаясь почему-то к портьеру, отгораживавшей личные апартаменты от кабинета. Я тоже вперила туда свой взгляд. — У нее тоска! — Феофилакт Транквиллинович всплеснул руками. — Зато я, к вашему сведению, впервые за последние полгода просто отдыхаю, телом и душой. Удивляюсь, как это мне раньше не пришла такая чудесная мысль разделить вашу дружную компанию?

Я вонзила взор в портьеру, ожидая от нее ответа и решая — есть за ней кто-нибудь, и если да, то почему он прячется.

— Хорошо, госпожа Верея, я разрешаю вам сходить в Заветный лес. Дольше трех дней там не задерживаться! — вывел меня из размышлений голос наставника. — Свое цветочное чудо возьмите с собой. — Заметив мой удивленный взгляд, пояснил: — Она выведет вас на нужную дорогу. Не понимаю, как, имея такого надежного проводника, вы в прошлый раз заплутали?

Я выскочила из кабинета и бегом побежала в свою комнату, чтобы успеть собраться и выйти уже сегодня утром.

Кувшинка действительно оказалась замечательным гидом. Стоило лишь немного уклониться в сторону, как она красноречиво намекала, что собирается немедленно сдохнуть — никла и теряла цвет.

— Почему заплутали в прошлый раз? — сказала я кувшинке. Да потому, что ты, дорогая, преспокойно лежала у меня за пазухой! До Заветного леса я добралась в середине дня. Прошмыгнула между

частоколом елей и остановилась. Постояла на месте, покрутилась и заорала:

— Карыч, ты где?! Я тебе мяса принесла. — Помолчала и добавила вполголоса: — Баранины.

— Мясо, мясо... — зашептало со всех сторон, и из-за древесных стволов потянулись костлявые конечности. Я взвизгнула и обхватила мешок двумя руками, не желая делиться угощением, приготовленным для Карыча, с кем-то еще.

— Только суньтесь! — пригрозила я, стараясь не дрожать коленками. — Карыч, если ты сейчас же не появишься, то я все угощение отдам амба, чтоб они подавились!

— Чего ор-решь? — послышалось недовольное карканье. — Трресни их по гр-рабкам, амба и отстанут. — Карыч как ни в чем не бывало сидел на вершине ели и сверкал лиловыми глазами.

Я размахнулась мешком и шмякнула им по нахальным, противным ручищам. Конечности с недовольным ворчанием исчезли. — Ну чего пр-рипер-рлась?

— В гости, да спросить кое-что надо.

Ворон слетел на землю и подошел ко мне:

— Угощай.

Я вытащила из мешка стеклянную банку, набитую мясом, и протянула ворону.

— Сыр-рое! — удовлетворенно каркнул Страж, закидывая в клюв кусок- Пр-релесь.

— Спасибо, — буркнула я.

— Не ты пр-релесь, а бар-ранина, — тут же парировал Карыч. С мясом он расправился за секунды и, с сожалением посмотрев на пустую банку, произнес: — Спр-рашивай.

Я засунула пустую банку в мешок и произнесла: — Мне Анчутка нужен.

— Иди к озер-ру.

— Одна?! — ужаснулась я, выронив мешок.

— А тебе нужен пр-ровожатый?

— Я боюсь, — честно призналась я, снова хватаясь за мешок.

Ворон удивленно каркнул:

— Чего бояться?! Амба бей по рукам, дойдешь до р-русалки, можешь пр-рисоединиться и хор-роводы поводить, а там до озер-ра кр-

рылом подать. Встр-ретишь кар-роканджалов — сунь в морду ихнюю железо, они и отстанут.

Пришлось идти одной. Кувшинка снова взбодрилась и уверенно горела алым цветом. Несколько раз стучала по загребущим ручонкам амба, которые не столько меня пугали, сколько вызывали досаду.

Еще издалека услышала веселые песни и поняла, что дошла до русалочьего хоровода.

— Новенькая, новенькая! — закричали радостные голоса, и вокруг меня закружились в хороводе полунагие девицы. Я опустила мешок на землю и с интересом стала их разглядывать, чтобы потом описать в своей работе их внешний вид. Попробовала даже, перегнувшись через сцепленные руки, осмотреть их спины, так как один из опрошенных на полном серьезе утверждал, что со спины они чисто утопленницы — сине-зеленые и разлагающиеся. Русалки щебетали о своей вольной жизни, о бесконечном веселье. Я же, не обращая внимания на их песни и пляски вокруг моей персоны, вытащила из мешка карандаш и лист бумаги, села на пенек и стала описывать на листке внешний вид русалок и слова из напеваемых ими песен. Водяные девы разобиделись на меня за серьезность, и хоровод распался.

— Березина! — возмущенными голосками стали выкликать они.

— Ваши чары на нее не действуют, — послышался знакомый голос.

Я повернула голову и увидела знакомую зеленоглазую женщину. Русалки почтительно расступились, пропуская ее ко мне.

— Она часть нас, — продолжала та, снисходительно посматривая на меня. — Пришла все-таки?

— Ага, — я, не отрываясь от листка, кивнула, — курсовую пишу, сравниваю реальное и выдуманное. Спиной повернитесь, пожалуйста. — И, когда удивленная Березина повернулась, гордо записала: обычная спина, обнаженная и вполне симпатичная, без следов чешуи.

Русалки хихикнули, услышав мои комментарии. Березина сузила глаза, а я спохватилась:

— Ой, я же вам небольшой подарок принесла! — и зашебуршилась в мешке. Любопытные русалки обступили меня,

вытягивая шеи и со смешками щипая друг друга. В глазах Березины мелькнуло удивление, смешанное с интересом. Я вытащила небольшую медово-желтую русалочку из камня медовика, которую мы купили еще в Веже на ярмарке, вместе с кучей других безделушек. Младшие русалки восторженно запищали, а Березина, взяв подарок в руки, ухмыльнулась и сказала:

— Более глупого изображения в жизни не видела.

— А вы скажите тогда, какие вы на самом деле? Истинные русалки.

Березина фыркнула, откинула зеленые пряди со лба и предложила:

— Вставай с нами в хоровод, будешь задавать вопросы, а я — отвечать.

Я с сожалением отложила карандаш и бумагу, сняла кожаную курточку и взялась за прохладные руки русалок. Березина самодовольно улыбнулась, и хоровод закружился.

Угнаться в хороводе за Березиной не было никакой возможности, только я успевала задать ей вопрос, как она с наиподлейшей улыбочкой переходила к следующему движению и исчезала в рядах танцующих. Я устала ее вылавливать, в глазах рябила зелень. Со смущением заметила, что, пока была устремлена к одной цели, противные русалки успели стянуть с меня и платок и выплели ленту из косицы. Того и гляди — полуголая плясать буду. Наконец, завидев насмешливые зеленые глаза, я схватила Березину за руку и вцепилась как клещ. Березина недоуменно приподняла брови, а я засыпала ее вопросами:

— Вы мужиков под воду тоже заманиваете? На ветках ивы качаетесь или больше любите березы? А если предпочитаете березы, то как определяете — русалка она или нет? У вас есть тяга к гребням, особенно костяным и белого цвета? Правда, что вас можно исключить из рядов нечисти и вернуть к людям, если надеть на шею крест? Что вы делаете для того, чтобы труп утопленника долгое время не поддавался разложению? Вы можете превращаться в сорок? Сможете ли защекотать человека, если он совсем не боится щекотки?

Под градом моих вопросов Березина перестала танцевать и остановилась. Хоровод закружился уже вокруг нас. Я требовательно потрясла ошеломленную русалку за руку, торопя с ответом.

— Где ты набралась подобных глупостей? — наконец спросила она.

Я отмахнулась:

— Ой, лучше вам не знать!

— Мужиков под воду мы не заманиваем. Сами прыгают, как увидят обнаженную девушку, так и лезут. А что касается ивы, иди-ка, сама покачайся на ее ветках! Березой становлюсь только я, так как я — истинная! Прочие мои дети не обладают этим умением. Мы не относимся к людям, поэтому не можем вернуться к их обществу, как бы этого ни хотели. Хотя ничто не мешает русалкам выйти замуж за человека, при условии, что он будет мириться с ее потребностями. С трупами утопленников мы ничего не делаем, наоборот, если бы умели, то предпочли бы, чтобы они разлагались как можно быстрее и не портили нам воду. Есть, конечно, среди водяных и наделенные умениями некромантов, которые превращают утопленников в слуг, но вид и запах у этих слуг... сама понимаешь. В сорок мы не превращаемся, а щекотать никого и не пробовали. Вот залюбить до смерти... Достаточно ответов?

— Пока да. — Я торопливо черкала по листу бумаги. — Но мне бы еще какие-нибудь ваши легенды.

— В другой раз. Ты меня и так утомила своими глупыми вопросами. — Березина шагнула в хоровод и тут же исчезла из вида. Я вздохнула, сунула бумагу в мешок и, собрав свои раскиданные вещи, попрощалась с русалками и направилась к Анчутке.

Озерная гладь была ровна и безмятежна. Я с опаской посмотрела в воду. Неожиданно что-то навалилось на плечи, и я услышала гадкий смешок:

— Покатаемся?

— Ага, держи карман шире! — прошипела я и, не глядя, ткнула за плечо гвоздем, специально зажатый в кулаке. Сзади заорали и кулем упали на землю. Я развернулась и уставилась на небольшого красного бесенка, который держался двумя руками за глаз и препротивно пищал.

— А нечего девушкам на шею прыгать! — Я нагнулась к раненому. — Показывай свой глаз!

Бесенок убрал руки и принялся ныть:

— Покалечила, ведьма проклятая! Заявилась в мой лес и железякой тыкать начала!

— Сейчас я у Анчутки спрошу, кому этот лес принадлежит. Уж он-то тебе мигом объяснит, кто хозяин! — пригрозила я, заметив, что глаз у беса на месте и целый. Бес попробовал сбежать, но я ухватила его за хвост и потребовала: — За причиненный мне испуг тебе придется ответить мне на пару вопросиков.

— Каких еще вопросиков? — принялся извиваться черт.

— О, совсем простеньких. — Я обмотала хвост черта вокруг небольшого деревца, завязала аккуратным бантиком, вооружилась листом бумаги и вытащила из-за уха карандаш. — Ну-с, приступим, как любит говорить перед зачетом Бук Огнезмей, — произнесла я и вперила взгляд в беса. Тот перестал дергаться и, скуля от страха, съежился. — Скажите, кароконджо, почему вы любите разъезжать верхом именно на людях? Связано ли это с сексуальным влечением? — Я помахала карандашом перед самым носом беса. Тот скосил на карандаш глаза, сменил цвет на малиновый и в ужасе затряс головой, уши дрожали, и было чертовски смешно. — Хорошо, — смилостивилась я, заметив замешательство рогатого, — сформулируем вопрос по-другому. Относите ли вы к людям как к лошадям или получаете удовольствие от чувства превосходства над ними? А может, вас устраивает, что люди ходят на двух ногах, а на четырех вас просто укачивает? Или вас не устраивает запах конского пота? Впрочем, наверное, вы боитесь лошадей, я их тоже боюсь. А люди все-таки чистенькие и вполне разумные! А еще...

Тут бес не выдержал, дико заорал, дернулся со всей силы и убежал, подвывая и кроя матом ненормальных ведьм, что привязываются с идиотскими вопросами, от которых хочется на себя копыта наложить. Я с сожалением посмотрела на клочок из кисточки его хвоста, заткнула карандаш за ухо и убрала бумагу в мешок.

— Теперь тебя будут бояться, — услышала я хриплый смешок, и Анчутка возник на камне возле озера. — Молодец, рыжая. Ну обнимемся? Давно не виделись!

Я открыла рот, обниматься с чертом я не настраивалась. Анчутка громко фыркнул, выдав облако пара, и вкрадчиво продолжил:

— Можем и поцеловаться.

— Фу! — вырвалось у меня, а черт захохотал, дрыгая копытами.

— Ну с чем пожаловала? Зачем вопросами всех пытаешь?

— У меня курсовая по мифам и легендам о Заветном лесе. Вот и собираю все интересное. Я вам вина принесла, хотите?

— Давай! Вчера на свадьбе у ведьмы гуляли, с похмелья мучаюсь. Я протянула черту бутыль. Пока он большими глотками пил вино, я снова вытащила карандаш и бумагу. Анчутка, увидев меня в полной боевой готовности, отставил в сторону бутыль и, рыгнув огнем, сказал:

— Ну спрашивай.

— Мне в Цапельках мужик рассказывал, что вы молодой оборачивались. Это правда?

Анчутка захохотал, показывая острые зубы:

— До сих пор помнит?! Решил печник на спор в моей банке помыться, да еще поздно вечером! Ты бы видела, как этот храбрец через всю деревню нагишом бежал! Собаки выли!

— А почему он так бежал? — Я оторвалась от корябания по бумаге карандашом.

— Я и позабавиться не успел! Веник только, который он из кипятка вытащил, сосульками обвешал. А этот богатырь деру дал! Я тогда от злости, что парень так быстро сломался, всю одежду ему в ключья порвал.

— А потом у него родные стали умирать один за другим. — Я подняла голову.

— Ну это уж не я! — Анчутка возмущенно топнул копытом. — Потом я отыскал дом этого смельчака, ну и поприкидывался голой молодой. Ох они меня ловили! — Анчутка снова залился смехом. — Хочешь, покажу? — Не дожидаясь ответа, он повернулся вокруг себя. Я выронила карандаш и во все глаза уставилась на голую дородную тетку, которая, весело потряхивая задом, обежала меня вокруг, залиvisto хохоча.

— С полмесяца развлекался, — баском Анчутки поведала бабища, садясь рядом, — а потом этот болван баню свою по бревнышку раскатал, сжег и место солью посыпал. От меня избавлялся, ну я его пожалел, все-таки целый месяц меня веселил!

Я подняла карандаш, сунула его за ухо и спросила: — А в бесовскую неделю вы чем занимаетесь?

— Баб за задницы щупаю, — преспокойно ответил Анчутка, принимая свой облик. — Навыдумывали всяких гаданий, вот я и

стараюсь. Задерут подол да сунут свой зад в погреб, верят, дурищи, что если мохнатой лапой погладит их подполяник, ^[10]то замуж за богатого выйдут. Сама-то так не делала?

Я отрицательно затрясла головой.

— Что еще хотела узнать?

— Как появился Заветный лес?

Анчутка присвистнул:

— Эк, ты замахнулась! Раньше озеро это звалось Студенец. Все хвори снимало. Люди это место считали священным. Даже рыбу ловить здесь запрещалось. А потом одна ревнивая и завидующая бабенка отравила озеро, чтобы соперницу со свету сжить. Чудесная сила Студенца пропала, и это место облюбовала нечисть. Люди стали считать эти места нечистыми и опасными. У вас вообще есть склонность все чудесное и полезное превращать в помойку из-за каких-нибудь мелочей, а потом ссылаться на наши происки.

— Так озеро отравлено?! — Я с сомнением посмотрела на черта.

— Конечно.

— Но мы же пользовались его водой!

— Ты же с моего согласия ей пользовалась. Вода эта хранит чудесные свойства, но пользоваться ей нужно умеючи.

Я постучала карандашом по ладони, расправила на коленях листы бумаги. Анчутка прищурил глаза и проговорил:

— Ты ведь не за вопросами по курсовой пришла. Чего стесняешься, давай, выкладывай.

— Я это... Вспомнить хочу... Ну все сначала... — Я запуталась в словах и не знала, куда девать руки.

— Так я и знал. Не боишься?

— Конечно, боюсь, — призналась я, — но еще сильнее узнать хочется.

— Тогда ты знаешь, что нужно сделать. — Анчутка уставился мне в глаза. — Посмотри в зеркало.

«... Мы с Венькой сидим на крутом берегу речки, ветер лохматит волосы, мы болтаем босыми ногами. Я время от времени отщипываю от его булки с маком и, жмурясь от удовольствия, кладу себе в рот кусочки. Венька всего на год старше меня, но кажется взрослым и рассудительным.

Вчера мы поссорились из-за дохлой крысы, которой кидались друг в друга. Я нечаянно утопила ее в бочке с водой, и Венька за это надергал меня за косу и пребольно щелкнул в лоб. Я рассвирепела и кинулась на него с кулаками. Мы повалились в придорожную пыль и долго пыхтели и тузили друг друга кулаками, пока бабка Акулина не растащила нас в разные стороны.

Сегодня утром Венька пришел под окошко и предложил отдать половину булки, если я перестану дуться.

— Твоя бабка Акулина — ведьма, — вдруг говорит Венька, мамка сказала, ее сожгут.

Я хочу негодуяще закричать, что никакая она не ведьма, просто знает травки, которыми лечат. Но в последний момент язык произносит совсем другое:

— Если моя бабка — ведьма, то она сама твою мамку сожжет!

Венька вспыхивает и, широко разевая рот, верещит:

— А твоя мамка была падшей женщиной!

Слово «падшая» я не понимаю, поэтому ору в ответ:

— Твоя мамка тоже падшая! Сама вчера видела, как она с ведром воды у колодца навернулась!

Венька захлопывает рот, слово «падшая» неизвестно и ему. Немного помолчав, он говорит:

— Маманька говорит, что твоя мамаша путалась с каким-то магом.

Мне сразу представляется, как моя покойная матушка путается под ногами у непонятого, большого существа.

— А кто такой маг? — Я морщу лоб.

— Это колдун, — серьезно объясняет Венька.

— А он еще одну булку наколдовать может? — Я с сожалением облизываю пальцы.

— Целых вот столько! — восклицает Венька и протягивает мне две растопыренные руки.

Я с уважением смотрю на его пальцы и мечтаю, чтобы в нашу деревню зашел какой-нибудь добрый маг.

— Дымом пахнет, — замечает Венька и поворачивает голову в сторону деревни. — Верька, смотри! — кричит он, тыкая пальцем туда, где поднимается столб черного дыма.

Я поднимаюсь на ноги и, открыв рот, смотрю.

— Мамка! — вдруг вскрикивает Венька и, сверкая голыми пятками, бежит к деревне. Я несколько секунд смотрю ему вслед, а потом бегу за ним.

Деревня пылает, какие-то мужики разбойного вида гонят ревущую скотину. Слышатся истошные крики женщин, впрочем, они быстро замолкают. Венька бежит вдоль улицы, а я в растерянности топчусь на месте, глядя на догорающий дом бабки Акулины. Тут я вижу, как дружок мой, с вытаращенными глазами и раскрытым в немом крике ртом, бежит навстречу. Что-то тоненько тренькает, и Венька валится на дорогу, как-то неудобно подвернув ногу и уставившись мне в глаза. Я пячусь и всхлипываю:

— Ты чего?!

Венька молчит и не шевелится, я перевожу взгляд на стрелу, торчащую у него из-под лопатки, и начинаю дико визжать. Из-за соседского дома выскакивает бородатый мужик с луком в руках. Я тут же представляю, как падаю так же, как Венька, и смотрю стеклянным взглядом. Издав пронзительный писк и петляя как заяц, бегу прочь из мертвой деревни. Возле уха тренькнула стрела, я наadden еще и выбегаю на берег реки. В спину как толкнули, я кубарем качусь с берега прямо в омут, которого опасались все в деревне. Что-то больно жалит в шею...

— Кажись, утопла, — слышу голос над сомкнувшейся водой.

— Жаль, можно было некроманту продать.

— Хозяйка сказала живых не оставлять. Дружина где-то рядом. Хочешь, чтобы нас всех повязали?

Когда голоса смолкают, пытаюсь всплыть...»

Я, утирая выступившие слезы, отплеываюсь от воды. Анчутка молча приканчивает остатки вина.

— Почему я это все забыла? — поворачиваюсь я к нему.

— Маг, которому мы отдали тебя на воспитание, естественно, поставил тебе блок. — Анчутка откинул бутылку в сторону. — Они с женой хотели, чтобы ты верила, что им родная. Еще смотреть будешь? Я опять наклонилась над водой.

«... - Это будет интересно. — Кто-то навис надо мной, перевернул на живот, и теперь я могла только слышать и смотреть на пыльный пол.

— Она не выживет, — грустно произнес женский смутно знакомый голос.

— Она и так не выживет. — Похоже, говорил Анчутка. — А если мы все-таки проведем обряд, то у нее появится шанс, а мы...

— Пр-оведем экспер-римент! — каркает Карыч. — Несовместимое не может соединиться.

— Березина, тебе капли крови жалко? — вкрадчиво спрашивает Анчутка.

— Мне жалко расходовать ее попусту.

— Какая рыженькая. — Кто-то проводит рукой по моим волосам, этот голос мне незнаком. — Все собрались?

Чьи-то шаги и очень знакомый голос возмущенно:

— Анчутка, ты снова нас втягиваешь неизвестно во что! Горгония, прекрати шептать на моранском, говори на общепринятом. Стрелы нужно вытащить.

— Нельзя. Только после обряда, иначе кровью изойдет. Кого еще нет? — Анчуткины копыта появляются в поле зрения.

— Индрика ждем, — звенит нежный женский голосок.

— Что вы собираетесь делать с ней потом? — спрашивает тот, кто возмущался, я силюсь припомнить его, но не могу. — Сила может проявиться лишь спустя какое-то время.

— Отдадим на воспитание знакомому магу, а когда сила проявится, ты забереешь ее в свою Школу.

— Как я сразу не догадался! — саркастически произносит собеседник.

Слышится какой-то шум, пахнет влажной землей, и голос Березины облегченно говорит:

— Индрик пришел, можно начинать.

В голове все мутится. Глаза я все-таки закрываю, но легче не становится, кажется, будто меня крутит и вертит в разные стороны, начинает мутить. Какая-то песня не песня, просто набор звуков и неспешные движения надо мной.

— Одновременно, — произносит Анчутка. Что-то сильно дергает за спину, разливается жгучая боль, я распахиваю глаза и совершенно точно понимаю, что перестаяю быть.

— Она не выживет, — уверенно говорит Березина.

— Начали, — спокойно произносит Анчутка, и предыдущая боль мне кажется не такой существенной по сравнению с наступившей. Во рту появляется привкус крови и березового сока, тело охватывает нестерпимым жаром, который сменяется столь же нестерпимым холодом. Я дико взвизгиваю и теряю сознание, успев услышать.

— Все...».

— Идем. — Анчутка поманил меня пальцем.

— Куда? — Я медленно начинаю соображать, но черт не ждет, пока я соберу мысли в кучку. Пришлось сделать усилие, чтобы встать на ноги, во рту поселился запах крови и березового сока. Я подняла свой мешок и пошла вслед за Анчуткой.

— Твой дар действительно проявился не сразу. — Анчутка отодвинул ветки бузины. — И еще у него оказался странный побочный эффект. — Черт оглянулся на меня и усмехнулся: — Ты наверняка знаешь какой. Где ты была столько лет?

Я молчу. Анчутка остановился, подозрительно посмотрел мне в глаза, я отвела взгляд в сторону, не желая беседовать на эту тему.

Тогда черт вцепился мне в волосы и повернул лицом к себе. С секунду потрясенно помолчал, а потом хмыкнул:

— Второсортный чародеишка! А я-то ломал рогатую голову, как он достиг таких высот!

— Я не хочу об этом говорить.

— Ты выжила только потому, что в твоей родне действительно был маг. Возможно, со временем ты и попала бы в Академию магических наук. Стала бы травницей или какой-нибудь не очень одаренной чародейкой. Но волей событий ты получила совсем другой дар. Хотя родство с магом подложило тебе свинью в виде побочного эффекта. — Анчутка раздвинул заросли собачьей розы, совершенно не обращая внимания на колкие ветки. — Пришли.

Я зачарованно уставилась на высокий замок, вырубленный прямо в скале. Руинами его назвать язык не поворачивался. Прекрасно сохранившееся и величественно возвышающееся творение просто лишало дара речи.

— Когда этот лес считался священным, здесь было капище волхвов и ведунов. Когда место стало считаться нечистым, капище забросили. — Оно совсем не похоже на капище. — Я поспешно

выпуталась из кустов и направилась к замку. Потрогала известняковые стены и задрала голову.

— Как здорово! Это ведь бирюза, да? — Я провела ладонью по голубым узорам. — Удивительно, что все осталось в целости и ничего не разворовали. — Поймала ухмыляющийся взгляд Анчутки и поправилась: — Ах, ну да, у вас поворуешь I

Анчутка хохотнул, повернулся, и молодой человек в шикарном плаще подал мне вполне человеческую руку:

— Прошу.

Я схватилась за руку и шагнула в проем. Внутри было темно, но Анчутка повел рукой и вспыхнули факелы. Помещение окружали колонны, на которых затейливо вились растительные орнаменты до самого верха. Посередине на четырех небольших столбиках покоился огромный пыльный камень.

— Алтарь? — Я с содроганием его вспомнила, подошла, оставляя следы в пыли, и провела пальцем по поверхности. Под рукой остался ярко-синий цвет с золотыми крапинками.

— Лазурит. — Молодой человек легко запрыгнул на алтарь и выдал вдохновенную чечетку. Пыль взлетела вверх, я закашлялась.

— Здесь никто не живет?

— Нет. Мы привыкли жить в своей стихии, а человечьи дома и Храмы — гадость. Вот если ты пожелаешь, то можешь тут остаться. Анчутка неуловимо переместился за мое плечо, склоняясь к уху. Я покачала головой:

— Не знаю, может... если только на каникулы... А зачем вы вообще все это затеяли?

Анчутка, приняв свой вид, снова взгромоздился на алтарь, лег на бок, опершись на руку, и пожаловался:

— Скука.

— Что?! — Как-то неприятно было сознавать, что меня спасли, чтобы избавиться от скуки.

— Мы бессмертны. Люди сейчас поклоняются чужим богам, про нас забывают. Из Заветного леса выходить не очень-то и хочется. Березина и совсем не покидает его, Индрик тоже. Вук Огнезмей держит Школу, ему вы скучать не даете. Недавно жаловался на проделки рыжей бестии по имени Верея. Не знаешь такую? —

Анчутка сел и поболтал ногами, смешливо на меня поглядывая. — Может, ты нас взвеселишь? Поднадоело жить как на кладбище.

— Как это? — Я села рядом, задумчиво оглядела колонны. Анчутка вздохнул, прыгнул с алтаря и спросил:

— Кстати, как у тебя с обучением?

— Фигово. — Я собрала волосы в хвост и завязала лентой. — Ничего не получается с этими заклинаниями.

— Ну давай.

— Что давай?

— Покажи что-нибудь. — Анчутка развел руками. Я слезла с алтаря, отошла от него подальше. Анчутка сверкнул красными глазами и, ткнув в направлении камня, предложил: — Пыль с него убери, что ли.

Я сморщила лоб, вспоминая слова заклинания, сделала сметающее движение рукой и произнесла слова. Алтарь сорвался со столбиков и взлетел в воздух, мы шарахнулись к выходу. Перевернувшись, камень шмякнулся на место, вверх той стороной, которая была раньше внизу.

Анчутка подошел к алтарю, щелкнул по его краю и с сомнением проговорил:

— Пыли нет, но ты выбрала странный способ для избавления от нее.

— Я не выбирала! — с досадой крикнула я. — Оно само так сделалось.

— Ты пользуешься словами заклинаний, а они тебе совсем ни к чему. Твой дар совсем другого рода, не такой, как у чародеек. Тебе, — он снова возник за плечом, — стоит лишь подумать.

— Видимо, этого я и не умею, — недовольно пробурчала я, порядком развеселив собеседника. — Ой, — вдруг вспомнилось мне, — а сколько времени прошло?

— Смотря где. — Анчутка одним взглядом потушил факелы.

— Там. — Я неопределенно махнула рукой, немного побаиваясь оставаться с чертом в темноте.

— Два дня и половина. — Анчутка взял меня за руку и повел к выходу.

— Анчутка, мне обратно пора! Если не приду вовремя, меня Вук Огнезмий... порвет!

Анчутка захохотал:

— Останься на ночь, а я тебя потом мигом домчу до места. Ты еще Горгонию не видела и Коровью Смерть, да и Индрик днем ни за что не выйдет из своих пещер.

— Ну не знаю. — Я замялась, пытаюсь потактичней намекнуть ему, что просто испугана именами остальных Древних. Анчутка приподнял бровь и произнес:

— Ночь уже наступила.

И сразу после его слов на лес упала тьма и тишина. Я пискнула и присела, испугавшись, что меня сейчас этой тьмой задавит. Анчутка хмыкнул и, гордо задрав хвост, пошел впереди, я за ним.

— Ужас какой! — бормотала я себе под нос, глядя на мохнатую спину черта. — Раз — и все провалились в сон! Мне такой неожиданной ночи и даром не надо! А вдруг я в это время ванну принимаю? Плюх — и утопла в лохани! Уснула. Несчастный случай.

Анчутка вволю веселился над моими словами.

— Пришли, — радостно возвестил он. Я осмотрела небольшую поляну. Гладкие ошкуренные бревна лежали около толстого пня. Срезанная верхушка последнего, видимо, служила столешницей. Присаживайся, — предложил черт. — Сейчас остальные подойдут. Он пристально посмотрел на пень, и тот старательно накрылся скатертью, а из скатерти проворно полезли блюда с кушаньями. Вскоре места на пне не осталось, я стала составлять угощение на землю, а потом взмолилась:

— Ну довольно, тут на целую дружину хватит!

Ночные гуляния удались на славу. Коровья Смерть ^[11]оказалась совсем не страшной, женщина в возрасте с добрыми глазами, и голос ее я узнала, это она меня по голове гладила, рыженькой называла.

Чары Горгони ^[12]на меня не действовали, я с облегчением поняла, что в камень обращаться совсем необязательно. Узнав, что Горгония знает все языки, решила обязательно понаведываться почаще, поучить некоторые, особенно моранский — язык магов. Мало ли, вдруг пригодится.

Индрик ^[13]пожаловал уже глубокой ночью и оказался черным, как чернила, конем с двумя рогами на лбу и когтями вместо копыт, наверно, ими хорошо землю рыть. Пожаловался, что из-за этих-то рогов скоро ни одного сородича не останется. Единороги тоже остались в малых количествах из-за чудесных свойств рога, а у него рог не один, а целых два! К тому же люди пользуются тягой этих существ к невинным девицам и без труда их отлавливают.

Всю ночь Индрик жарко дышал мне в ухо и подсовывал свою голову, как бы невзначай касаясь руки рогами. Я со смущением заметила, что эти прикосновения доставляют ему какое-то нездоровое удовольствие, и, поймав ухмыляющийся взгляд Анчутки, стала прятать руки под куртку.

Страж, приняв достаточное количество спиртного «на грудь», снова исполнил свой дикий танец под жуткие каркающие завывания. Я, воспользовавшись тем, что Индрик занялся чем-то хрустящим зеленым на широком блюде, под села к Коровьей Смерти, вытащила карандаш, измяту бумагу и поинтересовалась:

— А правда, что вы мор на коров насылаете?

Коровья Смерть подавилась куском и закашлялась, я сочувственно похлопала ее по спине.

— Я не насылаю мор на скотину. Я просто ее ем, — спокойно ответила мне она. — Не могу без свежей говядины, понимаешь. Я слышала, что у тебя в друзьях мавка, вилколак и вампир, они наверняка тебе все объяснили.

— Что объяснили? — с нехорошими предчувствиями спросила я. Коровья Смерть посмотрела на меня материнским взглядом и мягко спросила:

— Сколько мавке и вилколаку? Они совершеннолетние?

— В следующем году, — не понимая, куда она клонит, ответила я.

— А-а, тогда понятно... — Коровья Смерть покачала головой с коровьими рогами. — Ну тогда возьмем, к примеру, вампира. Он ведь тоже раз в год выходит на охоту. Иначе ему смерть, так он устроен.

— На какую охоту? — зашептала я, от потрясения у меня отнялся голос, а про карандаш и бумагу я и вовсе забыла. Собеседница повернулась ко мне и поближе склонила голову:

— Раз в год вампир обязан выпить кровь, человеческую, живую, теплую. Без нее ему не прожить.

— А кровь животных ему не подойдет? — спросила я, с ужасом понимая, что теперь буду Аэрона видеть в кошмарных снах.

— Он же человекообразный, — засмеялась Коровья Смерть, — не хочет же он целый год мычать, если утолит свою жажду бычьей кровью. Какая ты шутница.

— Ничего себе шуточки! — Мой голос со страху дал петуха, и я поспешно зашептала: — Его что, в город выпускают на людей охотиться? — Мурашки облепили спину и стали пробираться к затылку.

— Не знаю. Ты спроси у Вука, он точно знает место. Это происходит во время практики.

— Высасывание крови в естественных условиях, бр-р! — Я поежилась.

— Перед тем как приходит срок, вампир становится вялым и раздражительным, замечала?

Я вспомнила Аэрона перед отъездом. Ну недоволен был точно, а вот вялый? Да он целый час меня гонял вокруг кровати за то, что ткнула его в ляжку осиновой зубочисткой, проверяя реакцию, и даже не запыхался. Может, Коровья Смерть просто дурачит меня? Вот если бы это рассказал мне Анчутка, я бы точно не поверила, а тут серьезная женщина. Я помотала головой и, подняв с земли упавший лист бумаги, произнесла:

— Так что вы сказали насчет коров? — И уставилась на ее руки. Руки как руки, никакими не граблями.

— Раз в месяц я хожу на охоту. Самая веселая и легкая охота осенью.

— Почему?

— Люди выдумали обряд, который меня «отгоняет». Называется он опахиванием деревни. Женщины впрягают самую старшую в соху и шествуют вокруг деревни, при этом производят жуткий шум — меня пугают. Пока они три раза проводят сохой межу, я преспокойно вхожу в хлев, выбираю самую упитанную корову и...

— А мужики?

— Ха! Мужикам во время этого обряда положено дома запертыми сидеть. Собаки на привязи. Красота! Я, бывает, так разойдусь! Пока

они три раза деревню обойдут. Ведь все было бы намного проще, если бы в условленное время просто выводили за околицу коровушку мне на растерзание. Так нет, жалко. А сами кидаются во время обряда на первого встречного, стараясь забить до смерти. Сама видела, как ребенка не пожалели.

— Зачем? — Я отложила карандаш.

— Считается, что кто встретится во время этого обряда, тот и есть Коровья Смерть.

— Действительно глупость, — согласилась я.

Когда небо стало светлеть, Анчутка шепнул мне на ухо:

— Тебе домой пора, хотя... — он состроил проказливую морду, можешь Вука Огнезмия дожидаться. Сам за тобой пожалует, правда, за последствия не ручаюсь.

Я подскочила, подхватила мешок, скомканно попрощалась с присутствующими, мужественно погладила Индрика по рогам и повернулась к черту:

— Ты обещал меня вмиг домчать.

Тот блеснул красными глазами и похлопал себя по шее:

— Устраивайся поудобнее.

— Чего?! — Я попяtilась. — Приличные девушки не садятся мужчине на шею.

— Не так давно я навевывался в Школу Вевдм и Чаровниц, — черт поскреб подбородок, — дак там просто отбоя не было от приличных девиц, желавших оседлать мою мускулистую шею. — Он захохотал, любуясь моим непреклонным видом. — Ладно, садись на спину, для тебя сделаю исключение.

Это предложение меня тоже не привело в восторг, я оглянулась на провожающих, но сочувствия не дождалась, наоборот, Древние смотрели на меня с ожиданием и широко улыбались. Я горестно вздохнула, подошла сзади к ухмыляющемуся черту и, послав все... далеко, подпрыгнула и обхватила его за шею. Анчутка радостно заржал, стукнул копытом и пустился бежать вокруг поляны, подгоняемый хохотом, улюлюканьями и гогоча аки мерин.

— А-а-а! — взвыла я у него над ухом. — Издеваешься, да?!

— Держись крепче, мешок с соломой! — предупредил меня Анчутка, подпрыгнул в воздух, взвизгнул, и сердце мое провалилось в пятки, а руки сжались на шее черта, рискуя его задушить. Вниз я и не

смотрела, бьющим в лицо ветром захлебнулась, попробовала заорать от ужаса и не услышала своего голоса, крик остался где-то сзади.

Глаза открыла, лишь когда впереди показалось что-то огромное и белоснежное. Не сразу догадалась, что это стена Школы. Окно, предусмотрительно распахнувшееся при нашем приближении, не заметила, показалось, что прошли прямо сквозь стену. Анчутка притормозил посреди комнаты. Встряхнулся, пытаясь от меня избавиться, но мои пальцы так быстро разжиматься не желали.

— Так и будешь висеть пищащим балластом? — спросил он, повернув голову. Только сейчас я осознала, что непрерывно произвожу какой-то сиплый жалобный писк. Еле-еле расцепила руки и упала пятой точкой на пол. Анчутка повернулся ко мне уже в виде моего наставника и совершенно его голосом произнес: — Посадка прошла благополучно. Кстати, госпожа Верея, напомните мне, где находятся мои личные апартаменты? Появилось желание побеседовать с самим собой. Ну госпожа Верея, хватит глупо хлопать глазами! — Он протянул руку и поднял меня с пола, а потом залился Анчуткиным хохотом: — Давай, рыжая, на каникулы приходи да придумай нам какое-нибудь развлечение. Можем жертвы поприносить на алтаре, как насчет кандидатур твоих друзей? Они так забавно будут верещать!

— Нет. — Кажется, столбняк у меня прошел. — Но я что-нибудь постараюсь придумать.

Анчутка оправил директорскую мантию и, махнув рукой, вышел за дверь. Я выглянула и услышала, как на лестнице он кому-то из учеников дает указание голосом Феофилакта Транквиллиновича:

— Любезный, зайдите сегодня ко мне часа в три ночи с докладом о репродуктивной системе русалок.

Я хихикнула и закрыла дверь. И только тут поняла, что общежитие ожило. По коридору шаркают чьи-то ноги, кто-то ругается, пахнет жареной картошкой и еще чем-то жилым. Я радостно засмеялась, поняв, что, возможно, завтра вернутся друзья и тоскливому одиночеству придет конец, а напился Аэрон крови или нет, меня не особо волнует, я рада видеть даже этого кровопийцу.

— Верея, просыпайся, засонища! — Лейя скакала по моей кровати, подол платья взвивался вверх, являя стройные ножки, и

опадал. Я дернула ее за эти самые ножки, и мавка со смехом рухнула на зад. Кровать протестующее заскрипела. Мы обнялись и звучно чмокнули друг друга в щеки.

— Как я соскучилась! — пожаловалась я. — А Алия еще не вернулась?

— Нет. Ой, Веря, ужасней практики ничего на свете нет. Эти противные, сушеные никсы вконец нас достали. Представляешь, они утверждают, что прикасаться к мужчинам неприлично, что в воду затаскивать нужно лишь при помощи песен и танцев. Вот дуры корявые! Если не касаться мужиков, не пощекотать, не потрогать, на кой тогда они нужны, хоть моченые, хоть немоченые! Целыми днями учили, как вести себя за столом, как вести себя в обществе, только что как на мужник правильно садиться не показывали. Волосы заплетать заставляли. И даже грозили розгами. Нет, ты подумай только — мавку пороть розгами! Гадины! Одна радость — напелась до тошноты! А ты чем занималась?

— А, — я махнула рукой, — легенды собирала.

— Тоска, — прокомментировала Лейя.

— Вот и я про это же. — Я подпихнула мавку с постели и накинула на кровать одеяло. Тут мне вспомнились слова Коровьей Смерти, и я непринужденно проговорила: — Надеюсь, ты никого не утопила?

— Ты что! Нам это пока запрещено. — Мавка моего вздоха облегчения не заметила.

Только мы успели приготовить поесть, разложили Лейины вещи по местам, как дверь распахнулась и на пороге возникла широко улыбающаяся Алия. Шаги ее сопровождались бряцанием железа. Я и Лейя бросились обниматься.

— Ты как? — спросила я, оглядывая подругу.

— Как нас гоняли, в кошмарах не приснится! Никаких сапог не напасешься. — Алия показала сапог с отставшей подметкой. — Кстати, — она подняла голову, продолжая выкладывать вещи из мешка, — я Аэрона видела! В один прекрасный день Вульфыч сообщил, что будет тренировка, приближенная к реальному бою, и выпустил нас против... Аэронова факультета, представляешь? Мы, первокурсники, против этих монстров!

— Как Аэрон? Он тебе вялым не показался? — Все-таки донимал меня этот вопрос.

— Вялый?! — заорала Алия. — Да он злющий как гадюка был, в пять минут скрутил меня в бараний рог, да еще по лбу так шарахнул, что до конца практики ходила с фингалами под обоими глазами! Вялый! Разогнали нас как щенков! — Она погрозила мне рукой с зажатой в ней курткой. — Никогда не пытайся одолеть вампирюгу силой! Бей сразу заклинанием. Я думала, он шкуру с меня на полном серьезе спустит!

— Каким образом факультет Аэрона оказался с вами?

— Только на один день. Перед распределением.

— А-а-а.

— Хватит о практике, давайте лучше чай пить, — взмолилась Лейя.

Вечером все поделились своими впечатлениями, я рассказала, как собирала легенды о Заветном лесе и чуть не спилась, Лейя изобразила никс, Алия описала кровавые разборки. Про прогулку в Заветный лес рассказывать я не стала, не захотела, и все.

— Давайте в парке прогуляемся, — предложила Лейя, вдыхая свежий весенний воздух. Мы согласились. Спустились вниз и вышли на улицу. Сумерки заполнили все аллеи. Мы со смешками нашли уединенное местечко в ветвях черемухи, которая просто одуряюще пахла.

— Скоро каникулы, как проведем? — спросила я, наклоняя к носу цветущую ветку. — Алия, ты домой поедешь?

— Не знаю. — Подруга присела на скамейку. — Может, неделки на две.

— А меня тетка приглашает. — Лейя, уцепившись за ветки, полезла на дерево, села поудобнее на ветку и принялась болтать ногами. Соблазняет эльфийскими послами, так что я поеду в середине лета. Вы же помните, я нагадала, что выйду замуж за красавца эльфа. Может, моя судьба будет именно там.

Алия посмотрела на меня и смущенно произнесла:

— Ты опять одна останешься. Хочешь, поехали со мной!

Я представила себя в дружной стае вилколаков, изъясняющихся на лаквиллском, и помотала головой.

— Нет. Я останусь здесь.

— Веря, а ты мага больше не видела? — неожиданно спросила Лейя. Я вздрогнула.

— Нет, да я его и не искала. У меня вот такой вопрос. Через неделю будет королевская ночь, последняя ночь перед летними каникулами. Мне бы хотелось проверить что-нибудь грандиозное!

Лейя восторженно запищала и захлопала в ладоши. Алия хмыкнула:

— Что, после Вежа уже отошла?

— Кстати о Веже... У меня полмешка вежецких биров с того раза осталось!

Глаза у Алии загорелись:

— Надо пустить их в дело.

— Девочки, нас кто-то подслушивает, — пискнула Лейя, ткнув пальцем за деревья.

— Поймаем и морду начистим. — Алия рывком кинулась в ту сторону, мы за ней. За деревьями что-то мелькнуло, но когда мы выскочили и обнаружили того, кто подслушивал, то залились смехом — за деревьями стояла статуя грифона.

— Я была уверена, что оно шевелится, — обиженно проговорила Лейя. Теперь нам стало казаться, что весь парк заполнен прислушивающимися ушами, стало неуютно и зябко.

— Может, в комнату пойдём? — жалобно попросила Лейя. — А то мне кажется, будто в парке мы не одни.

Мы резво побежали к Школе. Разговор о проделках в последнюю ночь был забыт. Поужинав, девчонки дружно стали зевать. Алия ссылалась на то, что привыкла спать по режиму, Лейя вторила ей, говоря, что проклятые никсы что-то нарушили в ее организме и к вечеру глаза просто слипаются. Я пожелала подругам спокойной ночи и легла тоже. Честно потарасилась в темноту, а потом услышала стук камушка в стекло. Послышалось? Стук повторился. Я, накинув халат, высунулась из окна, долго всматривалась в темноту. Наконец под окном заметила светловолосую голову.

— Аэрон?!

— Давай, выходи. — Он махнул в сторону парка.

Кричать из окна, что я последнее время его просто-напросто побаиваюсь, я не стала. Пометавшись в темноте по комнате, я на

ощупь натянула сапоги, оказавшиеся Алииными, с оторвавшейся подметкой, натянула платье, удивляясь, почему оно мне стало тесновато, и набросила на плечи платок, найденный опять же на ощупь. Порылась у Алии в сундуке, выудила что-то небольшое, но острое, сунула в карман. Стараясь не грохотать сапогами, которые были на два размера велики, скатилась по лестнице. Постояла на крыльце, кутаясь в платок Аэрон вынырнул из темноты, несколько секунд тарасился на меня, а потом захохотал, согнувшись и держась за живот.

— Ты чего? — насупилась я. — Для этого позвал?

Вместо ответа вампир схватил меня за руку и подвел к факелу над главным входом. Я посмотрела на ноги: из растоптанного сапога жизнерадостно торчал палец, платье оказалось Лейиным с глубоким декольте, из него выглядывала ночная рубашка, из кармана, проткнув его насквозь, воинственно торчало шило, да ко всему прочему я куталась в скатерть со стола, приготовленную для стирки.

Я чертыхнулась.

— Ну и чего веселишься! Сам бы попробовал одеваться в полной темноте да с двумя спящими соседками по комнате! погоди, я сейчас переоденусь, — я стянула скатерть, — а то холодно.

Аэрон снял куртку и сунул мне со словами:

— Второго твоего появления я просто не перенесу — лопну от смеха.

Мы пошли в глубь парка и устроились на скамейке.

— Ты почему так поздно?

— А я только что приехал. Смотрю — в окне света нет, вот и бросил камушек, решил — если кто-нибудь не спит, то выглянет.

— Как практика? — беззаботно спросила я.

— Нормально, — таким же беспечным тоном ответил он. — Алиа на меня сильно обиделась?

— Ну мечтает спустить с тебя шкуру. Зачем ты ее так жестоко?

— А она думает, что другие сюсюкаться с ней будут? — усмехнулся вампир. — Им же сказали — «бой, приближенный к реальному». Значит, в полную силу. Им и так облегчили задачу — их факультет был с оружием, это мы были с голыми руками. Ей еще повезло, что это я был, она-то со всей своей прытью к Калине

устремилась, мстительница, мать ее, еле перехватил. Вот и пришлось в лоб от души заехать, чтобы уже к другим не полезла.

— Как это?

Вампир криво улыбнулся:

— Она глазки закатила и сознание потеряла, а я порадовался, что к Калине она уже по-любому не успеет.

— Ой, она тебе этого не простит! — Я посмотрела на оторванную подметку. — Аэрон, а ты где практику проходил?

— В Златограде, с дипломатической миссией, а что? — спокойно объяснил Аэрон. Я повозила ногой по земле и все-таки спросила:

— А ты кровь пьешь?

— Естественно, — оскалил клыки вампир. — Вот и тебя позвал, чтобы по-тихому закусать до смерти. — И полез к шее.

Лучше бы он этого не говорил и не лез с таким плотоядным выражением на лице! Я сразу вспомнила разговор в Заветном лесу и про шило в кармане, а еще слова Алии о заклинаниях. Пырнула шилом Аэрона в руку, ужасом вывернулась из его объятий и щелкнула пальцами.

— ...! — Аэрон чудом успел пригнуться, и огненный шар врезался в статую, которую мы с подругами обнаружили в парке. — С ума сошла?! — Он перевел дикий взгляд на меня. — Я же пошутил! Вампир облизнул проколотую руку. Я нервно хихикнула и выбросила злополучное шило подальше, чтобы не лезло под руку. — Только не говори, что ты тоже шутишь. — Аэрон посмотрел на меня, прищурившись: — Ты ничего у меня не хочешь спросить?

Я оглянулась на шило, лежащее в траве и, глядя ему в глаза, отчеканила:

— Раз в год ты должен пить кровь, это происходит во время практики. Я хотела спросить, где она проходит? Не спрашивай, откуда я это узнала. Могу только сказать, что не в Школе.

— Так я и знал! — с досадой воскликнул Аэрон. — Как только увидел это чертово шило, сразу решил, что ты охоту на вампиров замышляешь!

— Не увиливай от ответа.

— А я и не увиливаю! — Аэрон зло фыркнул. — Просто не хочу говорить об этом. Не сегодня.

— А когда? — с упорством экзекутора потребовала я и скрестила руки на груди, всей позой показывая, что не отстану от бедного вампира.

— Давай завтра. В это же время, на этом же месте?

— Чтобы по-тихому меня здесь прикопать?

— А вот и посмотрим, хватит ли у тебя смелости, — сказал Аэрон и внезапно сменил разговор: — Смотри, что у меня есть. — Он потянулся к своей куртке, которая была у меня на плечах, и вытащил из кармана... кувшинку, ну в точности как из Заветного леса, только выточенную из сердолика. — Как увидел в Златограде, сразу взял.

— Спасибо, прямо один к одному, — восхитилась я. — А мы про последнюю ночь думали. Может, что-нибудь провернем? У меня полмешка бирок лежит. Кстати, у тебя в комнате, — вспомнила я. — Устроим себе праздник?

Аэрон засмеялся:

— Опять на приключения подбиваешь? Можешь смело записывать меня в добровольцы.

Мы направились к Школе, постояли на крыльце, я отдала Аэрону его куртку и забрала у него нашу скатерть. Студенты спали, приученные к строгому режиму во время практики, поэтому в коридоре мы, ни с кем не столкнувшись, попрощались и пошли спать.

Девчонкам я не стала говорить о поздней встрече с Аэроном, да он и сам об этом не обмолвился, когда заявился утром.

Хитрый вампирюга сделал вид, что видит меня впервые после практики. Выразил бурную радость от встречи и от души потискал счастливо подвизгивающую Лейю. Щедро предложил насупившейся при его появлении Алие выйти в парк и показать прием, который закончился столь бесславным закатыванием глаз и шишкой на лбу. Подруга тут же оделась и сказала, что готова размазать подлеца по стволам парковых деревьев.

Мы с Лейей изъявили желание посмотреть на вывернутую наизнанку Алию и быстренько накинули куртки. Вампир захохотал, а дева одарила нас самым свирепым взглядом из своего огромного запаса.

Мы устроились на той же самой черемухе, которая после ночного запуливания огнем порядком облетела. Алия, пыхтя, как закипающий

чайник, стянула куртку. Аэрон делал вид, что ко всей этой возне не имеет ни малейшего отношения. Насвистывал себе под нос незатейливый мотивчик, опершись плечом о дерево и скрестив ноги.

— Алия, а ты в волка перекинешься? — спросила Лейя, подпрыгивая от нетерпения на ветке. Я вцепилась в ствол черемухи, так как ветка стала подозрительно похрустывать.

— Нет, — пробурчала Алия в ответ, — он мне в лоб заехал, когда я не волчицей была! Нам перекидываться в тот раз запретили. Была бы я волком, фи́га два бы он такое провернул!

Аэрон перестал насвистывать и предложил:

— Раздевайся и перекидывайся! Мне не жалко. У меня как раз нечем кровать застилать, а волчья шкура будет смотреться замечательно.

Алия, взрыкнув, без предупреждения кинулась на вампира. Бедная черемуха! Наверняка от таких душевных потрясений ягоды у нее так и не появятся! Или будут горькие, сморщенные и синюшного цвета. Я боялась лишь одного — что свалюсь с этой проклятой ветки и меня стопчут, а еще хуже — примут за противника!

Лейя визжала от восторга, повествуя всему парку, какой Аэрон красивый, сильный и вообще не мужик, а загляденье! Алия от ее воплей впала в бешенство. Друзья рычали, орали, хохотали (ну, это Аэрон). Земля под черемухой стала на удивление рыхлой благодаря носу подруги, который с усердием вспахивал ее раз за разом.

— Действительно как щенка, — пробормотала я, поджимая ноги и глядя, как Аэрон с усмешкой уворачивается от крепкого кулака Алии и заставляет ее опять поцеловаться с землей. Рубаха лаквиллки покрылась веселенькими пятнами разных оттенков зеленого и коричневого, ворот оторвался вместе со шнуровкой, а вампир будто только что вышел, даже волосы не растрепались!

Дружеская потасовка кончилась тем, что Аэрон сделал Алии подсечку и, когда девица хряснулась на спину, довольный уселся на нее, прижимая руки подруги к земле.

— У вас такая многообещающая поза! — промурлыкала Лейя, растянувшись змеюкой на ветке и закатив от удовольствия глазки. Алия вспыхнула, как маков цвет, а Аэрон, подняв глаза на мавку, спросил:

— Что?

И вот тут-то Алия со всей злости ударила его лбом прямо по носу. Аэрон охнул и откинул голову назад, схватившись пальцами за нос и роясь по карманам в поисках платка.

— Тебе никто не говорил, что твои неожиданные комментарии можно использовать в качестве стратегического оружия? — прогундосил вампир, обращаясь к Лейе.

— Слезь с меня! — прошипела Алия, украдкой ощупывая свой лоб.

Аэрон, придерживая платок у носа, встал с подруги и лег на скамейку.

— Может, подорожник? — Лейя спрыгнула с ветки.

— Ага! — радостно поддержала я ее. — В каждую ноздрю по листику. — Я подошла к Аэрону и озабоченно уставилась на его нос. — Странно.

— Что? — напрягся вампир.

— Кровь не голубая, — глубокомысленно изрекла я.

— Сейчас кровь перестанет идти и я вам всем шеи намылю! — Горячо пообещал Аэрон, что и сделал, через минуту отбросив платок и со зверским видом гоняя нас по парку.

С писком улепетывая, я выскочила к статуе грифона и, резко притормозив, остановилась. Сзади тут же обхватили и щелкнули по затылку. Я лягнула Аэрона ногой и крикнула:

— Да погоди ты! Смотри! — Я ткнула пальцем в грифона.

— Ну и что? — Аэрон поставил меня на землю.

— Он целый! — Я повернулась к вампиру. — А вчера вечером я разнесла его на мелкие кусочки! Забыл, что ли? Когда в тебя со страху шар бросила!

— Может, они сами собираются после разрушения? — хмыкнул он. Я присела около статуи и провела рукой по ее бокам. Поверхность была шероховатой.

— Нет, ее кто-то собрал.

— И склеил клейстером? — насмешливо спросил Аэрон, вспрыгивая на статую.

— Не клейстером, а магией, — проворчала я.

Лейя и Алия подошли к нам. Мавка объявила, что считает себя трофеем Аэрона и вампир может располагать ею как пожелает. Аэрон оскалился и заявил, что желает, чтобы трофей его немедленно

накормил, иначе Лейя может лишиться подруг, которые вполне сойдут за небольшой перекус. Алия, застегивая куртку, чтобы спрятать грязную и разодранную рубашу, буркнула, что она в этом случае все клыки вампиру поотшибает, а я поежилась, чем еще больше развеселила Аэрона.

В комнате Лейя, раз уж пообещала, стала суетиться с едой. Вытащила из печки еще теплую рисовую кашу и разложила ее по тарелкам. Аэрон пришел чуть позже, потряхивая моим мешком с бирками. Я высыпала бирки на кровать и углубилась в чтение записей на них.

— «Волк-оборотень», «Упырь»... Это ты, Аэрон?

— Точно. — Аэрон сел с тарелкой рядом со мной.

— О! — Я выудила из кучи еще одну. — «Дикая баба», это кто?

— Летавица. — Аэрон повертел бирку в руках.

— Почему «дикая»?

— Так ведь они тоже упырицы! — фыркнул Аэрон, а я немедленно покрылась мурашками. Подумать только! Какая жуть меня окружает! Я отложила бирки в сторону и принялась за кашу, прикидывая, как распорядиться ими. Аэрон доел кашу и оповестил, что идет к себе, ему якобы положен дневной сон. На пороге вампир остановился, тряхнул головой и, ткнув в меня указательным пальцем, произнес:

— Да, совсем забыл! Феофилакт Транквиллинович велел тебе закончить отчет по твоей теме к концу недели. — И он с чувством выполненного долга хлопнул дверью.

Когда за окнами стемнело, а Алия и Лейя сонно сопели под одеялами, я отправилась на встречу с вампирюгой, заранее живописуя, как меня будет потряхивать от страха. Покосилась на сундук Алии, но тут же отбросила мысль набрать как можно больше колющего, режущего и разрывающего на части. Одна из самых нахальных Верей в моей голове уперла руки в боки и хвастливо воскликнула:

— Да мы этого вампира! Голыми руками!

Уже за дверью я вспомнила, как Аэрон валял Алию, и мне захотелось вернуться обратно, но стало стыдно.

Я остановилась под многострадальной черемухой.

— Ну и где этот вампирюга? — я повертелась на месте. — Вот будет смешно, если он вытащил меня сюда, а сам спокойно спит в своей постельке!

— Аэрон! — громким шепотом позвала я, опасаясь кричать в полный голос, а вдруг он услышит!

— Чего шипишь? — послышался насмешливый голос.

Наверху что-то зашелестело, и вампир мягко спрыгнул на землю.

Облетевшие лепестки черемухи закружились вокруг нас. Я посмотрела, откуда он сиганул, и меня снова обдало ужасом. Прыгнув с такой высоты, я бы сломала ручки, ножки и шею вместе с глупой головушкой. Додумалась! Сама себя на заклятие приготовила! Жаль, шею не помыла! А вдруг он на практике не смог жертву поймать! Мало ли, резвая жертва оказалась! Теперь с помощью моей крови вампир восстановит баланс жизненных сил.

— Верея, у тебя руки дрожат, — вкрадчиво проговорил Аэрон. Я спрятала руки за спину и буркнула:

— Замерзла.

— А я уж думал, что ты меня боишься, — с насмешкой проговорил вампир.

— Вот еще! Да я тебя... — И вдруг оказалось, что передо мной никого нет. Я похлопала глазами, поозиралась. — Ты где?! — Руки, чтобы не выдавали, спрятала в карманы. — Ты меня до инфаркта хочешь довести? А пока я издаю предсмертные хрипы, будешь кровь дегустировать?

Сзади ехидно фыркнули. Аэрон как ни в чем не бывало сидел на скамейке и ухмылялся.

— Да у тебя от вредности перед смертью кровь наверняка свернется прямо в жилах. Я погибну в жутких мучениях. — Вампир соскочил со скамейки и потянул меня за руку в глубь парка.

— Мы куда?

— Не хочешь же ты принять смерть прямо под стенами Школы.

Я покорно пошла за ним. Наконец Аэрон остановился на невысоком холме. Вокруг живописно возвышались какие-то камни. Полная луна освещала вершину холма. Аэрон уселся на ближайший валун.

— Ты же слепуха в темноте! А здесь деревья не загораживают лунный свет. Я тебе расскажу про практику, но сначала ты Расскажи

мне, какое отношение имеешь к Заветному лесу и откуда почерпнула сведения о вампирах?

— При чем тут Заветный лес?

— Я давно хотел тебя про него спросить. Слишком радушно тебя там принимают. Если б не твое присутствие, навряд ли наша прогулка туда закончилась бы столь счастливо. Мне вообще непонятно, что ты делаешь в нашей Школе? Почему ты не в Академии магов или чаровниц? А еще перед твоим прибытием в Школе царила жуткая суматоха. Мы поэтому и высыпали на улицу посмотреть, кого так ждут. А оказалась какая-то рыжая замухрышка. О тебе еще с месяц ходили по Школе жуткие истории.

— А через месяц? — Я вздернула нос.

— А через месяц все решили, что ты просто практический материал, и стали пробовать на тебе чары и наговоры. Но не преуспели. — Аэрон поудобнее устроился на камне. — Ты честно мне, я — тебе.

Я посмотрела на луну, взлезла рядом с ним, пожалала плечами. А почему бы и нет? И рассказала про Заветный лес, про Вука Огнезмия, про Древних, утаив только самое главное, что не собиралась рассказывать никому. Аэрон, с честью справившись с потрясением, покачал головой:

— Насчет практики все верно. — Он соскочил с камня и потянулся. — Раз в год мне нужна кровь. Так же, как и Лейе в следующем году придется манить кого-нибудь в воду, а Алия наверняка проведет месяц в тайге на охоте. Обратней женского пола в Школе мало, а на старших курсах и совсем нет.

— Почему?

Аэрон засмеялся:

— А они после практики в академический отпуск уходят.

— Ну Алии это не грозит, — отмахнулась я, поймала пристальный взгляд Аэрона и осеклась. — Ты что-то хочешь сказать?

— Хочу, — оскалился вампир. — Я не знаю ни одной валькирии оборотня, хотя каждая из поступающих на этот факультет в Школе мечтает именно об этом. Но после месяца практики их целиком поглощают, так сказать, иные заботы. Цикл развития у них такой.

— Бедная Алия, — вздохнула я и схватила Аэрона за рукав. — Не смей ей ничего говорить!

— И не собираюсь. — Аэрон пожал плечами. — Поэтому и разговариваю с тобой наедине.

— Где проходит... — Я попыталась подобрать подходящее слово, но на ум приходило только заклятие, убийство и прочая гадость. Вампир, оценив мои усилия быть тактичной, усмехнулся и объяснил:

— В основном выбирают родители. Только в этом году мы с маман прокололись.

— Что?! — И сразу озноб по спине — значит, жертву он не получил?

— Начиная с совершеннолетия, каждый должен добывать жертвы сам, условливается только территория охоты, редко какая-то конкретная личность. — Посмотрев на меня, Аэрон оперся ногой на камень, на котором я сидела, и пояснил: — Ну, например, преступник или головорез какой.

— А тебе нравится... Ну... Вкус... — Я окончательно смешалась.

— Терпеть не могу, — тихо ответил Аэрон. — С детства ненавижу присказку «ложечку — за папу, ложечку — за маму...», и вливают эту мерзость.

— Но ты же вампир!

— Я — вампир, но не кровопийца. — Он наклонился ко мне. — Ты тоже что-то любишь, а что-то нет. Это... как рыбий жир. Только если раньше, в детстве, тебе его вливали, то теперь ты должен найти эту дрянь самостоятельно, и неважно, что тебя от нее воротит!

— А если не пить? — Я попробовала отодвинуться подальше.

Аэрон выпрямился и выкрикнул с досадой:

— Пробовал, чуть не сдох! — Он пнул камень с такой силой, что по валуну пошли трещины, потом постоял задумчиво и махнул рукой. — Ладно, чего уж там, ты ведь у нас мифы собираешь, так вот тебе еще один. Мы — вампиры, не дети Всетворца, нас его старшенький сотворил. Чернобог. Не знаю, что он там о себе навоображал, но, как мне кажется, получилось уродство. Без крови истинных людей мы не можем, а напившись... — Луна светила Аэрону в лицо, и оттого он казался бледным и печальным, каким я его еще никогда не видела. — Если вампир не пьет кровь, он сходит с ума и превращается в упыря. А если выпьет больше двух раз в год, все равно обезумеет и опять же станет упырем, только очень могучим. Когда мой отец основал Урлак, ему пришлось биться с сюзереном. Говорят, он

трижды пил перед этим, но выкарабкался. А я и одного раза себя заставить не могу. Мы же в Северске замок строили, все друзья были мальчишки, когда мне первый раз сказали, что надо, я неделю из-под кровати не вылезал, выл. Матушка спасла, принесла, напоила. Так и пошло из года в год. Мать выручала. А в последний раз отец за этим делом и застал! Так что на следующей практике мне мало не покажется! И ты молчи, что я сам кровь не пью.

— А что? Никто про это не знает?

— Теперь только ты, я и родители. Смотри, проговоришься... — Аэрон наклонился к самому моему лицу, мазнув светлыми волосами по щеке, — практики дожидаться не стану.

— А если проговоришься ты, — я уперлась ему в грудь пальцем, то до практики и не доживешь!

Уже когда мы возвращались обратно, меня словно черти за язык дернули:

— А бывает, что вампир упускает жертву? Ну не смог, чудеса ловкости показывала?

Аэрон, будто этого и ждал, отпустил мою руку и насмешливо произнес:

— А ты попробуй. — Он шагнул назад и растворился в темноте.

— Вот черт! — жалобно выругалась я, борясь с желанием взвить в голос и попросить пощады. Прятаться от прекрасно видящего в темноте вампира было бессмысленно.

По шее мазнули губы и в ухо ехидно прошептали:

— Ты уже труп. Повторим?

Я наугад дрыгнула ногой. Безрезультатно.

Следующие десять минут парк оглашался моими поросычьими визгами и злодейским хохотом Аэрона.

— Мерзавец! — закричала я, в очередной раз хватаясь за шею обнаглевший вампир несильно сжал кожу зубами. — погоди! Попадешься ты мне при свете дня! У-у-у! — Если б знать, где он, я испепелила бы его взглядом. Нужно срочно менять тактику! А то разойдется и взаправду укусит! Успокоил, дескать, не кровопийца и вкус крови не нравится, а ведет себя как настоящий упырь! А родители, может, меня в жертву выбрали в отместку за доставленные беспокойства.

Напряженно прислушавшись, я услышала шорох и резко присела. Вампир кубарем перелетел через меня.

— Ха! — Я хлопнула в ладоши и вдохновенно потопала ногами, празднуя маленькую победу, хотя и понимала, что в следующий раз на такой трюк он не купится. Значит, нужно еще что-то сногшибательное.

Сногшибательное...

Услышав приближающиеся шаги, я вся подобралась и с восторженным воплем:

— Ура! — распахнула горячие объятия и бросилась вампиру на шею, крепко обхватив руками и ногами. Мы в обнимку рухнули на землю, и даже ощущение, что меня раздавили как таракана, не омрачило радости победы. — Будешь знать, как подкрадываться к невинным девицам!

— Да?! — изумленно воскликнул поверженный, и у меня не только волосы, но и короткий ворс на курточке встал дыбом. Я с убийственной ясностью поняла, что это вовсе не Аэрон!

— Ой, мамочки! — просипела я, извиваясь и выползая из-под незнакомца. Тот, чертыхаясь, тоже закопошился, стараясь побыстрее оставить мое расплющенное тело. — А-а-а! — закричала я так громко, что, наверное, все деревья осыпались. Встав на четвереньки, я проворно двинулась прочь, не забывая придавать себе ускорение пронзительными вскриками, пока не уткнулась в ноги хохочущего Аэрона. — Это ты виноват! — накинулась я на него.

— Видела бы ты его рожу! — Вампир хохотал, откидывая голову назад. — Он до конца жизни тебя в кошмарах видеть будет!

— Кто?

— А ты его не узнала? — Аэрон пожал плечами. — Это же тот самый маг, на котором ты каталась!

— Ой! — Я присела и оглянулась.

— Не трусь. — Аэрон похлопал меня по плечу. — Он теперь к тебе без отряда вооруженных телохранителей и близко не сунется!

Я ткнула его в бок:

— Выводи меня к Школе. Ночь уже.

Аэрон взял меня за руку и, пробормотав что-то о слепой калекке, уверенно зашагал к Школе. Около Школы я вцепилась в его рукав и потрясенно спросила:

- Так ты этого мага знаешь в лицо?
- Конечно, я с ним беседовал пару раз.
- О чем?
- Об Урлаке, — ответил вампир и втокнул меня в двери Школы.

Казалось, комната треснет, не выдержав такого наплыва гостей. Я так и ждала каменного крошева и гула обрушивающихся плит.

Набившихся в наши апартаменты представителей нечисти было столько (Аэрон почему-то собрал их всех у нас), что мне волей-неволей пришлось устроиться рядом с вампиром, который ввиду отсутствия другого места сидел с ногами на столе.

Все это сборище происходило ночью, в полной темноте. На мое несмелое предложение зажечь хотя бы свечку остальные ответили категорическим отказом. Глаза им, видите ли, режет! Да и потом, как они заявили, учителя забеспокоятся, увидев освещенные окна. Пришлось учиться ориентироваться в темноте.

Я навалилась на Аэрона и слушала, как он шепотом объясняет задачи каждого. Голос его звучал уверенно и спокойно, будто он не готовил грандиозную пакость, а раздавал указания по поводу приборки в своей комнате. Настоящий правитель!

Вчера вечером, когда побледнели воспоминания о сдаче обещанного доклада наставнику, когда позабылся его серьезный взгляд и сухое поздравление с итоговой «отлично» по мифотворчеству и «неудом» по магической специализации, мы тесной компанией отмечали конец учебного года. Праздник был украшен двумя бутылками замечательного вишневого вина, которое принес Аэрон, и нашими закусками. Три веточки мимозы красовались в вазе и придавали столу торжественный вид.

Будучи уже немного навеселе, мы набросали на салфетке генеральный план предстоящих гуляний. Текст дополняли непристойные рисунки, вышедшие из-под пера Аэрона, и гроздь сердечек, нарисованные Лейей.

Вот с этого-то замызанного и покрытого винными разводами лоскута Аэрон и зачитывал указания, делая вид, что прекрасно понимает корявый почерк писавшего.

— Так, факультет мавок. Вам я уже все объяснил, ваш выход первый, да понахальнее на них наступайте... Впрочем, — вампир

усмехнулся, — кому это Я говорю. Медведи будут?

— Будут, — ответили баском из темноты и хохотнули.

— В городе сами сориентируетесь. Но учтите, времени у вас до захода солнца. Потом срочно в Школу, иначе гулянка начнется без вас. Да, — напомнил он, — бирки надевать только в самом Веже.

Вчера я, стукая биркой о бирку на манер кастаньет, поинтересовалась у Аэрона:

— Я только одного не пойму. Ну выдали вам бирку у ворот города. Что вам мешает ее снять и выкинуть, отойдя от ворот?

Аэрон ослепительно улыбнулся, заработав этой улыбкой сладкий чмок от Лейи, и пояснил:

— На бирках заклятие, которое действует лишь внутри городских стен. Бирку не снять. Она расстегнется только за городом.

Раздача бирок закончилась одновременно с указаниями и уточнениями Аэрона. Еще немного пообсуждав намечающиеся события, мы отправили всех гостей восвояси и довольно переглянулись.

Вчера выяснилось, что наша компания оказалась на редкость злопамятной. Каждый из нас непременно хотел досадить вежицким властям.

Сегодня мы были уверены, что месть состоится и будет долгой и сладкой. От этого нам стало так весело, что мы с девчонками беззвучно похлопали в ладоши и на цыпочках станцевали под насмешливым взглядом вампира.

— Мы просто посмотрим, убедимся, что все идет как надо, и вернемся. — Аэрон уставился в окно и почти не смотрел на то, как мы натягивали одежду. — Ты уверена, что справишься с дверью Феофилакта Транквиллиновича? — все-таки повернулся он к нам. Мы дружно взвизгнули, Алия запустила первым попавшим под руку предметом. Аэрон посмотрел на торчащую из оконной обналочки рукоять ножа и со вздохом снова отвернулся.

— С дверью проблем не будет, — пропыхтела я, пытаюсь дотянуться до застежки платья на спине. — Я знаю заклинание, которым он ее закрывает, произнесу его наоборот. — Я сунулась было с застежкой к Алие, но та была всецело занята тем, что напяливала на

свои крепкие ножки узкие штанины. К Лейе подходить не имело смысла — она уже час как оккупировала зеркало. Я плюнула на приличия, подошла к вампиру, повернулась спиной и буркнула:

— Застегни.

Аэрон, опасаясь очередного звукового шквала, с закрытыми глазами повернулся, нащупал застежку и, мазнув по спине прохладными пальцами, застегнул.

Лейя отлипла от зеркала, широко махнув подолом цыганской юбки, которую шила все утро из платков. Взбила свои каштановые волосы, звякнув браслетами, и широко улыбнулась ярко-красным ртом:

— Ну как? — и тряхнула грудью.

— Блеск! — Я прыгала на одной ноге, путаясь в платье и натягивая сапог.

— Последнее движение повтори-ка! — попросил Аэрон, весело скалясь. Лейя тут же выполнила просьбу, прогнувшись назад и трясая той частью тела, которая так понравилась вампиру.

— Срам один! — рявкнула Алия и дернула разошедшуюся мавку за руку. — Давай беги к своим, заждались, поди!

Лейя выскользнула за дверь. Я нащупала в кармане несколько незаполненных бирочек, которые мы оставили на всякий случай. Алия взвалила на плечо свой баул с железом, мы с Аэроном в голос заорали:

— Оставь его здесь!

Алия надулась, сбросив лямку мешка с плеча.

— Мы не на войну идем, а только посмотреть. — Я бросила прощальный взгляд на кувшинку и пошла за вышедшими из комнаты друзьями.

Около моста мы встретились с развеселым цыганским табором.

Табор состоял из мавок, нескольких стригонов ^[14] и двух медведей. Телеге, на которой Никодиму доставляли вино, был придан вид цыганской кибитки, из которой торчали личики кикиморок и лешего, Вполне сходивших за чумазных цыганских детей.

— Вы с нами? — закричали мавки.

— Нет. — Аэрон потянул нас к мосту. — Мы будем ждать вашего выступления там, у стен.

На другой стороне моста уже собрались остальные ученики, пожелавшие поучаствовать в веселье. Гомонящей толпой мы отправились к Вежицам. Когда уже совсем подходили к окраинам по небольшому перелеску, на дороге, ведущей в Веж, слышался звон колокольчика.

— Кто это едет? — спросила Алия.

— Златоградские купцы, их день, — пояснил кто-то из ребят.

— Забавно было бы и их бирками одарить, — пробормотала я, а Аэрон прищурился и подтолкнул меня в спину:

— Ну беги.

— Чего?! — не поняла я, а вампир снял свою кожаную безрукавку, широко расправил крылья и объяснил:

— Ты убегаешь, я догоняю, купцы спасают, и ты в обозе. А там вешай свои бирки.

Остальная нечисть заушмылялась, выглядывая из-за кустов и деревьев по бокам дороги. Я взъерошила волосы и с диким воплем выскочила на дорогу. Аэрон вывалился следом, злодейски хохоча. Я со всех ног пустилась навстречу обозу, визжа, как праздничная шутиха.

— А-а-а! Упырь! — верещала я, кидаясь чуть не под копыта лошадей, впряженных в первую обозную телегу. Оглянулась на Аэрона, и волосы уж совсем натурально встали дыбом. Не хотела бы я встретиться с ним ночью в темном переулке!

Кони дико заржали и, как самые глазастые и умные, собрались сбежать, но им не дали. Обоз встал. Купец замахнулся на меня плетью, однако же, увидев Аэрона, сам чуть не рванул по дороге, как та кобыла.

— Ну-кась, отойди-ка, пигалица! — Один из наемников, охраняющих купеческий обоз, отгеснил меня себе за спину. Остальные охранники спрыгнули с первой телеги, на которой ехали, расслабившись ввиду близости Вежа, и оцетинились копьями и мечами. Аэрон оскалил клыки и расправил крылья, на его лице играла кривая ухмылка, от которой кровь в жилах стыла. Охрана купеческая стала с опаской наступать, читая молитву Хор су и грозя оружием. Аэрон ощерился, попятился, а потом с воем вломился в чахлый перелесок и затерялся среди деревьев и кустов.

Меня посадили на телегу, сунули в руки фляжку с крепким вином и сочувственно похлопали по спине.

— Я в-в Веж, к-к тет-тке, — простучала я зубами по горлышку, пивнула, закашлялась и, немного поразмыслив, изобразила обморок, дабы пресечь расспросы.

— Спеклась девка! — участливо произнес один из купцов. — Школа эта бесовская...

— Да уж. Я и то чуть в штаны не наделал... — прогудело над головой, и все заржали. Я приоткрыла один глаз и сама чуть не наделала: У доброго дядечки охранника была такая разбойничья, страхолюдная рожа, что, боюсь, его и на каторгу взяли бы с большой опаской. Значит, будет он у меня «Дрожжником». Я потихоньку вынула одну бирочку и свинцовым карандашиком быстренько подписала одну именную для спасителя. Хорошему человеку не жалко.

Вежицкие ворота мы миновали без труда. Я, приоткрыв глаза, не без злорадства узрела знакомых стражей, порадовалась, что наш приезд пришелся на их смену, как-никак знакомые! Мне подсунули под руку черный архон, я с возмущением, срывающимся голосом оповестила, что я не нечисть, хотя минут двадцать назад вполне могла ею стать. Если бы не самоотверженные, мужественные обозники, которые одним своим видом насмерть напугали целую стаю злобно щелкающих клыками упырей, раскидав последних по перелеску. Мои спасители от таких хвалебных речей приосанились, расправили плечи и, возлюбив меня еще сильнее, предложили довести аж до постоянного двора.

По счастливому стечению обстоятельств, привезли они меня к известной Акулине Порфирьевне. Я мысленно ухмыльнулась, зная, что вдова не станет заострять внимание на бирках, примет всех с одинаковым радушием.

Пока лобызалась со стражниками, на каждом оставила подарочек. У кого — на поясе, у кого — на вороте, стараясь, чтобы бирки не сразу кидались в глаза.

Радостно гудящая толпа «Босоркунов», «Врыколаков», «Упырей» и «Оборотней» под предводительством «Дрожжника» принялась распрягать лошадей. Напоследок я обнялась еще с купцом, доставившим ткани на продажу, ввергнув того в немалое удивление. После горячих объятий на вороте приглянувшегося мне купца осталась

бирка, повествующая, что он не кто иной, как «Змей Огненный», уж очень смазлив и самоуверен был купец.

Возвращаясь к воротам, одарила биркой «Ночница» злую старуху, которая погнала меня от колодца, махая ведрами. А еще такой чести удостоился невысокий старый мерин, которого я переименовала в «Единорога».

У ворот уже шло планируемое накануне веселье. Цыганский табор штурмовал стражников со всей мощью своего горячего темперамента.

Цыганки гадали, причем не только по ладони, но и по пяткам, усадив стражей на травку и сбившись вокруг, так что закрывали им вид на распахнутые створки ворот.

Перед десятником выплясывала пара медведей под руководством двух медвежатников. Веселье все ширилось, приобретая характер лесного пожара.

Цыганки принялись петь песни и трясти округлостями, браслетами и юбками.

Один из медведей вдруг навалился на десятника. Медвежатники кинулись его оттаскивать.

Все утонуло в круговерти песен, ярких цветов и бесшабашного веселья. Чумазые цыганята прыгали вокруг стражей и трясли их за полы, требуя денежку.

А в ворота, не замечаемые ошалевшими от всего этого стражами, проскальзывали неуловимые, как тени, ученики Школы Архона.

Я улыбнулась Лейе, та махнула мне рукой. Алия и Аэрон следили за происходящим из зарослей набирающей цвет сирени. Я нырнула в гущу веток.

— Возвращаемся? — спросила Аэрона.

— Сейчас. — Вампир не сводил глаз с ворот. Вот последний ученик скрылся за тяжелыми створками. Табор, еще немного повеселившись, с гомоном направился мимо Вежа, по дороге к Белым Столбам, оставив троих одуревших и оглушенных стражей в несколько расхристанном состоянии.

— Теперь можно идти. — Аэрон встал, потянулся, откинул с лица волосы и протянул руку Алии, помогая встать.

— Ну ты и драпала! — восхищенно поведал мне он по дороге в Школу. — Одно наслаждение гнать такую резвую девку.

— Я это заметила, — буркнула я, припомнив его хищный оскал.

— Даже у меня появилось желание немного тебя погонять, — добавила Алия.

— Говорят, сегодня в Веж прибыл целый обоз упырей! — шептала, делясь последними сплетнями, бабка Агафья своей соседке, стоя у забора.

— Да ты шо?! — закатила глаза собеседница. — Вот страсть-то! И чаго эти упыри?

— У Акулины остановились. Ей-то бояться нечего, ейный ухажер сам нечистый! Мне внучок рассказывал, он Акулине от булочника хлеб приносил. Сам упырей видел. А главный у них «Змий Огненный»! — Бабка со значением потрясла сухим пальцем.

— Ой, надоть Нюрке сказать! — засутилась соседка. — Она женщина вдовая, кабы чаго не вышло!

Тут мимо беседующих важно проплыла нелюбимая за злой нрав Кузминишна.

— Слышь-ка, Кузминишна! — гаркнула Авдотья. — К нам в Веж упырей навезли, цельной воз!

Кузминишна обернулась, одарив соседок змеиным взглядом, и прошипела:

— Все сплетничаете, карги старые? — и пошла дальше, не замечая, что старухи примолкли.

— Чой это у нее на кофте-то? — спросила Авдотья.

— Бесова бирка, «Ночница» она. — Агафья похлопала белесыми ресницами.

— То-то я заметила, как Варька внучка ко мне принесет, так он, сердешный, всю-то ноченьку ревет да барагозит. Ночница, видать, к нему приходит. Наконец-то вывели на чистую воду змеюку подкодную! — Агафья показала вслед уходящей кулак.

— Что ж это деется-то? — Авдотья уперла руки в боки. — Весь Веж поганая нечисть заполонила! Добрым людям и жить негде!

Одновременно с этим мельник, получив от булочника деньги за доставку муки, обнаружил у кормушки вместо своего старого мерина

жуткую зверюгу по имени единорог. Побледневший мельник отказывался находить общие черты между своим конем и этим страшилищем.

— Кыш, кыш! Нежить проклятушая! — со слезами отчаяния махала полотенцем молоденькая стряпуха из корчмы на рыжеухую кошку, на груди которой радовала глаз бирка с надписью «Оборотень». Точно такая же кошка, только без бирки, ластилась к ногам хозяйки, жмурясь и посверкивая зелеными глазами. Рыжеухая обиженно мяукнула и ушла в щель забора.

Позже, когда в корчме принялись за игру в карты, оставшаяся кошка вспрыгнула на плечо одного играющего и, щекоча ухо усами, предложила свою помощь в получении выигрыша за половину. Парень вовремя задушил рвущийся из горла крик ужаса, нащупал за поясом нож и... согласился. Тут удача и нужные карты так и поперли к нему в руки!

Вурдалаки, оборотни, упыри, водяники и водяницы оккупировали Веж. Добропорядочные горожане закрылись по домам и кабакам. Обнаглевшая нечисть стучал ась в окна и двери под видом родственников и завсегдатаев, нецензурно выражалась и требовала, чтобы ее немедленно допустили до человеческого общества. Ко всему прочему, скотина и домашняя живность тоже взбесилась.

Из подпола выходили огромные нахальные крысаки и танцевали польку-еньку на глазах изумленных хозяев, игриво взмахивая подолами словно специально сшитых юбочонок.

Верные дворовые Тузики и Жучки вдруг стали проникновенными голосами доводить до сведения хозяев, чем занимаются во время отсутствия их вторые половины, живописали подробности и похабно ухмылялись.

Не менее наглые жеребцы предлагали встречным молодкам заняться любовными утехами прямо в стойле.

Город медленно, но верно сходил с ума.

Наконец перед самым заходом солнца власти города приняли решение вызвать наставников бесовской Школы, дабы те помогли разобраться с проблемой.

— Аэрон, вставай! — потрясла я за плечо вампира, который разметался по моей кровати, погруженный в спокойный сон. Аэрон открыл Глаза, мгновенно просыпаясь, вскочил и одернул одежду. Я с неудовольствием покосилась на смятое одеяло и скинутую на пол подушку.

— Наши все здесь? — спросил Аэрон у Алии, которая отслеживала возвращение навеселившейся нечисти в окно.

— Вернулись. Никто не хочет пропустить попойку.

— Директор и учителя срочно вызваны в Веж. — Я обернулась к вампиру и улыбнулась. — Нечисть успокаивать.

— Только нечистью там уже и не пахнет! — сказала Алиа, открывая дверь. Аэрон ухватил меня за руку, зная, что в темноте я как оглохшая летучая мышь. В коридоре столкнулись с Лейей; она все еще была в цыганском обличье и весело что-то напевала.

— Ребята уже емкости приготовили, — сообщила она.

— Значит, дело за нами. — Аэрон повернулся к Лейе: — На стреме постоишь?

— А то! — ответила она.

Мы сбежали вниз и перешли в учебное крыло. Остановились перед внушительной директорской дверью.

— Ну, взломщица, вперед! — Аэрон подпихнул меня в спину. Я зажмурилась, сосредоточилась и выдохнула обратное заклинание, приложив руки к створкам. Пахнуло горелым, послышался щелчок.

— Все? — спросил Аэрон и потянул дверь на себя. Та со знакомым скрипом, показавшимся в тишине просто оглушающим, отворилась. Мы с опаской шагнули в кабинет.

— Только давайте сделаем все побыстрее, — сказала я. — Нужно будет вернуть его до прихода учителей. Иначе Феофилакту Транквиллиновичу не придется долго гадать, кто совершил столь дерзкий налет. В Школе только я владею магией, а не чарами.

— Не трусь, все успеем, — успокоил меня вампир. — Алиа, чего ждешь? Давай раздевайся, я жду!

— Отвернись, — Алиа тряхнула косицами, — а то сам встанешь на четыре кости и будешь вынюхивать эту дрянь!

В кабинете пахло корицей, высокие окна были забраны тяжелыми портьерами. Алиа сунула мне в руки одежду. По полу простучали коготки, Аэрон пошел следом за вилколаком.

Я осталась посреди тьмы и тишины. Из личных апартаментов наставника послышалась возня, тихий возглас, и все стихло. Я прислушалась к шагам Лейи за дверью. Судя по стукотку каблучков, девица танцевала и вообще недурно проводила время в своей компании. Я вспомнила, что тех, кто стоит на стреме, порют, как правило, сильнее, и даже немного успокоилась. По правде говоря, заниматься воровством мне не нравилось.

— Ну, — прошептали неожиданно над ухом, — готовь шею.

Я подпрыгнула, Аэрон двигался совершенно беззвучно, даже воздух не шелохнулся!

— Дурак! — Я махнула в его сторону тряпками Алии. Вампир хохотнул, радуясь, что застал меня врасплох.

Алия шоркнулась о мои ноги боком: — Мы его нашли, сматываемся.

Мы выскочили за двери к напевающей мавке и покинули учебное крыло Школы.

— Точно он? — спросила я, когда вернулись в комнату. Аэрон сорвал крышку с небольшого бочонка, и я наклонилась над отверстием.

Из воды, заполнявшей емкость, высунулась мордочка с грустными-прегрустными глазами.

— Привет, — пропела я, а Алия приветственно провыла.

— Ты хорошо танцуешь, — немного удивленно сказал Аэрон, снимая меня со стойки раздачи, где на правах короля и королевы бала мы вынуждены были исполнить нечто медленное и лиричное под нестройное, с сексуальными придыханиями, пение пьяненьких мавок

Наше место тут же было занято Лейей, которая принялась исполнять что-то энергичное, сопровождаемое бурной тряской теми частями тела, которые приличным девушкам полагается прятать. Впрочем, мавка и про оборону не забывала, от души опуская внушительный половник на руки и головы тянущейся к ней мужской нечисти.

На потолке переливался зеркальный шар, щедро пожертвованный напившимися домовыми. Музыкальные инструменты были сперты из музыкального зала. Веселье набирало обороты. Столовая с кряхтением переживала разгул пьяной нечисти, которая опустошала бочонки с

такой же скоростью, с какой они наполнялись. Польку-еньку мы уже протанцевали, причем на школьных лестницах. К счастью, обошлось без жертв. На память остались лишь синяки и ссадины.

Алия, закатывая рукава, заплетающимся языком оповестила нас, что ее пригласили кой-кому подправить физиономию и она дала согласие. Оставила мне свой бокал и, тряхнув косичками, решительным шагом отправилась наружу. Я проводила взглядом подругу, которая еле вписалась в широкий дверной проем, и перевела глаза на Аэрона. Он, попивая из бокала, с видимым удовольствием следил за выступлением Лейи.

— А интересно, что сейчас происходит в Веже? — внезапно пришло в мне в голову, о чем я и оповестила Аэрона. Тот, в отличие от меня, здравый смысл еще не растерял и напрягся:

— Ты это к чему? — Он сунул мне в руки полный бокал вина, надеясь на то, что после него я уже не то что до Вежа — до кровати не дойду. Поняв это, я хихикнула и сделала глоток. — погоди, я еще принесу. — То, что я еще стояла на ногах, видимо, дружка нервировало, он мечтал напоить меня до полного бесчувствия. Я ухватилась за стенку, отцепляясь от плеча Аэрона. Лишь только он отошел, на его место припожаловал один из лембоев, ^[15]который, смущаясь, предложил мне посмотреть его... мемуары.

— Что?! — хохотнула я, расплескав вино. Лембой вытащил заткнутый под ремень свиток и протянул мне.

— Если хочешь ночью спокойно спать, то не стоит его разворачивать, — посоветовал возникший рядом Аэрон, забирая у меня пустой бокал и всовывая в руки полный. Я не стала бороться с любопытством и развернула, да так и замерла, пялясь на жуткие сцены умерщвления бледных молоденьких девиц. Сцены были очень реалистично нарисованы, у художника, несомненно, присутствовал талант.

— Эт-то что?! — выдохнула я, делая большой глоток из бокала.

— А это его мемуары, — с усмешкой сказал Аэрон, высвобождая свиток из моих пальцев. — Писать ему лень, а рисовать нравится. Иди давай, — вампир вручил свиток лембою, — биограф недоделанный! — Тот отошел.

— Он не биограф, — я глотнула из бокала, отгоняя рисованный ужас, — он — маньяк-извращенец!

Лейя, покрасневшая, со сверкающими глазами схватилась за бокал Аэрона и жадно отпила.

— Фу, как жарко! — Она отбросила в сторону половник.

Алия появилась почти одновременно с ней. На скуле наливался синяк, видимо, физиономии правила не только она. Алия вырвала у меня бокал и одним глотком осушила.

— У-у... — протянул Аэрон, видя такую жажду. — Пойду-ка я еще принесу.

— Девочки, — если Аэрон решил, что я выкинула бредовые мысли из пьяной головушки, то очень ошибался, — как вы смотрите на то, чтобы прогуляться до Вежа, посмотреть на суматоху, затеянную нами?

Алия и Лейя, отставив бокалы, дружно рявкнули, что вполне созрели для подвига.

— Змия только нужно забрать, — напомнила Алия, — а то потом не найдем, кто-нибудь обязательно утащит.

Мы прошли к бочкам и, не обращая внимания на протесты, посадили змия в небольшой бочонок, крышку от которого не нашли.

— На небе тучка солнышко затмила! — завывала дурным голосом лаквилка, мы вразной присоединились к ней:

— На небе тучка солнышко затмила, запорошила снегом скотный двор, у нас вчерась свинья опоросилась, а мы с тобой в разлуке до сих пор!

Змей в бочонке тоскливо прорыдал. Наверное, его укачивает. Не мог же он так возмутительно относиться к нашему чудесному пению! Правда, песню эту мы пели всю дорогу до Вежа, благо данное произведение, повествующее о страдающей в разлуке девушке и не менее мучающейся свинье, было практически бесконечным.

— Опаньки! — отвлеклась от песнопений Алия. — А в воротах-то никого нету! — Она возмущенно ткнула пальцем в том направлении. У распахнутых настежь вежецких ворот одиноко пригорюнилась ржавая алебарда.

Алия ухватила за древко, попробовала ткнуть оружием в воображаемого противника, промазала и пырнула острым концом

алебарды в створку. Алебарда застряла, я бросилась на выручку подруге, вместе мы повисли на древке, как две мыши в наводнение. Лейя, булькая бочонком, давала ценные советы по извлечению оружия из дерева, но нам в данный момент нужны были не советы, а хоть немножко сил и еще твердые, неподгибающиеся ножи. Алебарда под тяжестью наших тел все-таки затрещала и, оставив металлическую часть в древесине ворот, сломалась. Мы с чувством выполненного долга крикнули, поднялись с земли и гордо прошли внутрь городских стен.

— А где праздник?! — разочарованно протянула Алия, оглядываясь по сторонам. Город был тих.

— А теперь идем тихо, как мышки, — предложила я, подруги сразу скукожились и на полусогнутых стали красться вдоль стен. Сзади они выглядели так смешно, что из меня полезло «хи-хи-хи». Алия обернулась и погрозила кулаком, я тоже изобразила «мышку», и гуськом, напоминая вышедших на охоту ночных упырей, мы стали продвигаться к середине города, рассчитывая обнаружить там обещанное веселье.

Веселья мы не нашли, зато наткнулись на Феофилакта Транквиллиновича, который стоял на ступенях муниципалитета города Веж и разговаривал с одним из представителей властей. Лейя сдуру рванулась было к нему с радостным взвизгом, но мы ухватили ее за платье, заставляя прижаться к стене.

— Школа не несет ответственности за происходящее в городе, твердо проговорил Феофилакт Транквиллинович.

Мы прижались к стене, понимая, что зря сюда пришли. Прав был Аэрон, праздновали бы дальше в Школе. Ладошками я зажимала Лейе рот — у мавки началась непрерывная икота.

— В городе не обнаружен ни один ученик нашей Школы. А каким образом бирки оказались на вашей живности и людях, я и знать не хочу. Спрашивайте стражей.

— Стража утверждает, что часть бирок пропала еще в прошлый раз, после дерзкой выходки четырех ваших учеников.

— Хотите сказать, что весь этот бедлам устроили они?! — Голос наставника просто сочился сарказмом. — Власти города должны быть нам безмерно благодарны за то, что мы помогли в решении вашей

проблемы. И выразить огромную признательность магу, благодаря которому вам не пришлось каждое животное и человека таскать за стены города, чтобы снять бирки. Вы знаете, что я изначально был против навешивания ярлыков ученикам нашей Школы, но власти настояли на этом распоряжении. Пусть теперь пожинают плоды своих необдуманных решений.

Мы мысленно поаплодировали директору и стали по стеночке пятиться назад. После слов о маге желание задержаться здесь подольше пошло на убыль.

— Пошли отсюда, — прошептала я, направляясь к воротам, подруги засеменили следом за мной. Лейя держала бочонок в руках, сюсюкая со змием.

Ворота никак не появлялись. Я остановилась, оглядывая неприветливые улочки.

— У меня очень нехорошее ощущение... — начала я.

— Мы заблудились! — восторженно воскликнула мавка. — Ой! А здесь мы уже были! — Лейя запрыгала на месте, тыча пальчиком в темное заведение, в котором я опознала тот самый кабачок, после которого мы вляпались прошлый раз в неприятную историю.

— Надо вспомнить, как мы от него к выходу из города пробирались. — Алия принялась глубокомысленно морщить лоб, потом гаркнула: — Туда!!!

Мы резво побежали в указанную сторону.

— Потом туда. — Алия указала на темный переулок, мы вприпрыжку галопировали в том направлении, остановились посреди переулка, выжидающе глядя на подругу. — Ну все, тут нас чуть не чпокнули! — хлопнув себя по ляжкам, хохотнула лаквиллка. Я со стоном села на мостовую, ноги уже не держали.

— Меня мутит, — вякнула вдруг Лейя и поспешно склонилась над сточной канавой.

— Нет! — в один голос закричали мы с Алией, но было поздно.

Хмельная мавка наклонилась вместе с бочонком.

— Песья отрыжка! — взревела Алия, наклоняясь над стоком. — Упустили!

— Я нечаянно! — залилась слезами Лейя, я только рукой махнула:

— Прав был Аэрон, не надо было сюда ходить! — Спиртное выветривалось из головы с поразительной скоростью, выталкиваемое

страхом расплаты. Я окинула взглядом канаву: длинная.

— Я иду в конец стока, а вы к началу, и погоним его друг на друга, — вынесла решение Алия. — Может, не успел далеко уплыть.

Пришлось лезть в сточные воды, которые стремительно приобретали запах ядерного самогона, — змий старался вовсю.

— Лови его! — Алия плюхнулась животом в канаву, мы с Лейей, растопырив под водой руки, пошли ей навстречу, отталкивая картофельную кожуру и прочие специи помойки.

— Есть! — взвизгнула мавка, вытаскивая за хвост змия и засовывая его в бочку.

— Фу! — выдохнула я, выжимая платье.

От ароматов, исходящих от одежды, мутило. Алия вытирала лицо рукавом и сыпала проклятиями, оплакивая свою рубаху и сапоги.

— Ванны принимаете?! — послышался мужской басок, и рядом с нами материализовался высокий детина. С неудовольствием я узнала в нем знакомого еще с прошлого посещения города.

— Какая встреча! — пропела я, наступая на него.

Парень вылупил на меня глаза, узнал и тихонечко так завыл. Алия перестала браниться и, похоже, тоже его вспомнила.

— А-а, так это тот песий выродок, который нам в тот раз такое смачное гуляние испортил?! — закатывая мокрые рукава, поинтересовалась она у меня. — Сейчас мы тебя мордой в канаву помакаем, чтобы лапы свои кобелиные не распускал!

Лейя сузила глаза и, выставив бочонок перед собой, медленно стала приближаться.

Алия, утробно взрыкнув, прыгнула на парня и вцепилась ему зубами в плечо. Детина посмотрел на болтающуюся на нем девицу с недоумением матерого волка, на которого бросился лязгающий зубами заяц, и нерешительно вякнул, пытаясь отодрать лаквиллку. Лейя аккуратно поставила бочонок на мостовую и, сжав кулачки, принялась вокруг него скакать, махая кулаками перед его носом и пыхтя, как еж. Парень стал отступать вместе с вцепившейся ему в плечо Алией. Я посчитала момент удобным, испустила боевой клич, вспрыгнула ему сзади на спину и вцепилась в волосы. Детина заорал, завертелся, я и Лейя с удовольствием ему подпели, Алия выгрызла в рубахе дыру и добралась до тела.

— Дуры полоумные! — орал на всю улицу истязаемый. Что с нами делать, он, видимо, не знал, поэтому попытался одновременно оторвать вгрызшуюся Алию, стряхнуть меня и не попасть под кулачок Лейи. Крутясь, как ветряная мельница, он рухнул вместе с нами прямо в канаву.

— Жри дерьмо! — орала Алия, сидя верхом на лежащем и отплевывающемся детине, я и Лейя тоже громко скандировали эту фразу, сопровождая каждый вопль маканием головы жертвы в сточные воды.

— Нюхай ромашки, кушай какашки, и все будет хо-ро-шо! выкрикивала только что придуманную песенку Лейя.

— А-а-а! — голосил здоровяк, не желая никоим образом макаться в малосимпатичные помои.

— Ишь, харю-то наел, — почему-то обиделась я и, решительно поменяв тактику по уничтожению врага, принялась отплясывать на нем дикий танец поскакун.

Этого гад не ожидал, а может, гвоздь из подошвы вылез, но стоило мне его как следует припечатать, как он тут же рухнул, изобразив волнение на реке Сивуха. Я оскользнулась на его крутых плечах и ухнула в канаву.

— Лови их! — закричала Лейя. Алия по простоте душевной ухватила меня за волосы, и я увидела небо в алмазах. Даже слезы брызнули от излишка чувств.

Пока я отмахивалась от подруг, пока карабкалась по детине на берег, рядом с нами образовался спитого вида старичок из тех, которым делать нечего. Глазки у него были живые и масляные, как у хорька в курятнике.

— От веселимся! От я понимаю! — обрадовался он и недоуменно повел носом. Знакомый запах будоражил кровь, вот только удивляло место, хотя чего в жизни не бывает, если невтерпеж.

— Вали отсюда, дед, — нехорошо так, неуважительно послала деда Алия, нисколько, впрочем, его не смутив.

— У-у-ф! — вынырнуло из пучин наше чудовище. Мы все втроем повисли на его плечах. Но парень точно озверел и начал биться, оглашая жутким ревом переулков.

— Э-эх! — вопил он, а сообразительная Лейя подставляла «хорошо». И понеслось:

— Ох, хорошо! Ух, хорошо! Ъх, и все равно хорошо!

— А чегой-то? — заинтересовался дед.

— Нечисть! — успел выкрикнуть поганец и ушел с головой в помои, пуская пузыри и со страшным хлюпом всасывая жижу.

— Нечисть воду в самогон превратила, — нашлась я. — Он сам пить не решался, вот и попросил нас помакать.

— Ага! — затрясла патлами Лейя, разевая в искренней дурацкой улыбке рот. — Стремно, говорит, мне, добру молодцу, лакать из канавы аки свинье. Но удержу нету, говорит, помру, если не выпью.

— А мы че? — внесла свою лепту отдувающаяся Алия. — Мы всегда знакомцам помогаем. — И так налегла, что вражина чуть не потонул совсем.

— А чего ж стесняться-то, ежели... — Дедок робко макнул пальчик в канаву. Лизнул с видом главного князьего кухаря, оценивающего сомнительные постряпушки, и вдруг, охнув, пал, как в живот пнутый, на четвереньки и начал судорожно, по-собачьи лакать из канавы. Спихватился, подскочив, крутнулся, словно шилом ткнутый, и что-то радостно и невозможно громко для его тщедушного сухого тела закричал.

— А драпать все ж таки придется. — Алия с видом победителя пнула парня в бок, потом не удержалась и попрыгала на нем немного. Детина послушно похрюкал. Лейе понравилось, и она тоже чуть попрыгала. И только я, как самая умная, заметила, что он так и лежит, болезный, головой в канаве.

— Захлебнется еще, станет упырем, — посочувствовала я горожанам, вытягивая его за ногу. Детина отбивался, что-то неразборчиво мычал и упорно стремился обратно в канаву.

Стоило нам отойти шагов на двадцать, как у канавы стало жутко людно. Расхристанное мужичье с различной тарой, как замороженное, стояло, глядя то на невменяемого нашего врага, то на азартно пьющего из канализации дедка. Над улицей неслось «Эх, хорошо! Ух, хорошо! Ъх, и все равно хорошо!»

Феофилакт Транквилинович брезгливо взирал на радостно галдящих жителей Вежа, которые с упоением осушали сток для помоев.

— Отгребай отбросы! — слышались деловитые указания, хотя самые сообразительные кожуру и остатки подгнивших овощей тоже не оставляли без внимания, собирали в пригоршни и отжимали над заранее приготовленной тарой.

Маг выбрался из этой сутолоки, усмехнулся, взлохматив пятерней угольно-черные волосы, и изрек:

— Это не магия.

Вениамин Вульфович вынырнул из-за угла вместе со страшного вида мужиком, повел носом и полувопросил:

— Самогон?

— Он самый.

— Чего это они?! — выпучил глаза спутник Вульфыча, услышав, как скребут по камню ведра.

— Это один из обозников, — представил его Вульфыч. — Я попросил его вам лично рассказать об упыре.

— Об упыре?! — встрепенулся директор. Он оглянулся на канаву и предложил, искривив презрительно губы: — Отойдем в сторону.

Они свернули на соседнюю улицу, остановились и уставились на обозника. Тот, несколько смущенный таким неподдельным вниманием, забормотал:

— Ну в Вежицах... Когда уже подъезжали... Выскочила ну чисто под копыта пацанка. Ревет, дяденьки, помогите, ну, мы ее в телегу посадили, а там за ней упырь бежит, крыльями машет. Страшный, ужась! Патлы белые и к нам приглядывается, где бы ухватить половчее. Ну струхнули мы, молитву Хорсу прочитали, он и сгинул. Девчонку до Вежа подбросили, а потом вся эта волокита с бирками началась...

— Девочка куда направлялась? — спросил маг.

— К тетке. Только где она, эта тетка, живет, не ведаю, пацанка-то всю дорогу в отключке пролежала, напугалась шибко.

— Вы не могли бы вспомнить, как выглядела девочка? — спросил Феофилакт Транквиллинович.

— Да я уже и не помню, рыженькая, невысокая, по грудь мне будет... — Обозник почесал затылок.

— За то, что согласились с нами побеседовать, спасибо, — проговорил наставник. — Не смеем больше задерживать.

Обозник попрощался и тяжелыми шагами отправился вдоль улицы.

— Ну что я могу сказать? — развел руками наставник. — Практика закончилась, и эти четверо снова вместе. Я не сомневаюсь, что этой девочкой была госпожа Верея, а гнал ее господин Аэрон. Бирки у них, скорее всего, остались после прошлого посещения этого города. Видимо, они решили-таки отомстить городским властям.

— Но ждать ради этого почти полгода?! — с сомнением покачал головой Вульфыч. — Я боюсь, что вся эта история с бирками имеет еще какой-то смысл.

— А зеленый змей все еще у вас? — неожиданно спросил маг, обращаясь к директору.

— Он в моем кабинете. Доступ туда для учеников Школы закрыт.

— А для госпожи Вереи? — прищурил один глаз маг.

— Нет... Она не посмеет... — Феофилакт Транквиллинович нахмурился, скрипнул зубами и тихо произнес: — Убью!

— Может, это лишь наши домыслы? — неуверенно проговорил Вульфыч, но наставник уже скрылся за облаком огненных брызг и взмыл в ночное небо.

— Я учителей телепортирую, — провожая взглядом удаляющийся огненный болид, сказал маг.

— Наш малыш замарался. — Лейя щекотала змея, а тот старался спрятаться от назойливой, испытывающей прилив материнских чувств мавки на самом дне бочонка. — Надо его помыть.

К слову сказать, Лейя уговаривала привести змеюку в надлежащий вид всю дорогу.

— Нельзя же вернуть его директору в таком непотребном виде!

— Лейя всплеснула рукой, вторая конечность всецело была занята бочонком со змием.

— Ну вымой его! — в сердцах рывкнула Алия. — Макни вон в речку!

— Может, не надо? — робко высказала свое мнение я, но мавка уже вприпрыжку бежала к речке, жижка из бочонка выплескивалась наружу, змей от негромких стонов перешел на ультразвук. Мавка остановилась на берегу, сунула руку в спиртовую гадость, вытащила упирающегося змия, погрозила ему пальчиком и сунула в волны реки.

Через минуту, за которую мы успели приблизиться к реке, Лейя приглушенно пискнула и выдернула руку из воды.

— Он меня укусил! — с недоумением пролепетала она.

— Где змеюка? — шепотом поинтересовалась Я. — Где этот чертов змий? — Моему рыку мог бы позавидовать медведь, проснувшийся среди зимы и обнаруживший, что жрать практически нечего. Лейя попятилась в воду.

— Упустила, жабовна?! — Алия, подскочив к мавке, стала трясти ее за плечи. — Да... нас... за то, что всех речных... в лягух заспиртованных!

Я запуталась в ее возвышенных высказываниях, а Лейя стала бледно-зелененькой, вырвалась из скрюченных в судороге пальцев лаквиллки, присела на корточки, опустила руку в воду и нерешительно позвала:

— Кыс-кысь-кысь, иди сюда, змеюшечка!

— Как же, променяет он целую реку на бочонок с помоями!

Я представила самогонную речку, валяющихся на бережку заспиртованных рыб и русалок и нас, приколоченных на воротах Школы, мертвеньких и с надписями на груди «Враги народа». Алия, видимо, тоже отсутствием воображения не страдала, потому что как-то дико посмотрела на воду, обмакнула в реку палец, облизала и повелела мавке:

— Лезь в... иди к этому... змия нам!

— Лезь в воду, иди на поклон к водяному, проси, нет, требуй вернуть змия или... Ну сама придумаешь! — перевела я Лейе. — Или... — Я выразительно потрянула руками, а Алия не спеша стала закатывать рукава.

Мавка пискнула и буквально выскочила из одежды.

— Лишь бы не окоченела, водица уж больно холодная, — попереживала я за подругу.

— Ничего, если змия вернет, то растереть и напоить будет чем!

— Алия села на пробивающуюся травку.

От тоски мы провыли очередной куплет про незамужнюю девку и беременную свинью.

Лейя вышла из речных волн как божество этой речушки, вся в нитках жемчуга, с ракушечными бусами, одной рукой она держала за

хвосты несколько огромных лещей, а другой сжимала большую раковину с бьющимся в истерике змием, стоны и плач которого разносились далеко окрест.

— Вот это я понимаю! — радостно закричала Алия. — Хорошая из тебя получилась засланка!

Лейя, клацая зубами, натягивала одежду, слово «засланка» ей не очень понравилось, но спорить мавка не стала. Я вывалила змия из раковины в бочонок со свежей водой и подозрительно покосилась на Лейю:

— С чего это они тебя так одарили? Лейя загадочно улыбнулась:

— Подход нашла.

Теперь, когда змий снова был у нас, веселое настроение вернулось, и на мосту мы станцевали танец, сами себе подпевая и не забывая взбадриваться из бочонка. В самый разгар пляски в небесах пронеслось что-то яркое и сверкающее. Лейя, задрав голову вверх и опершись на хлипкие перильца, скороговоркой зашептала:

— Звездочка, звездочка, пошли мне богатого жениха!

— А мне меч покруче! — Алия попробовала вспрыгнуть на перила, дабы падающая звезда смогла ее получше расслышать, но перила не вынесли веса ее крепкого тела и лаквиллка чуть не полетела в воду.

— А мне помощи не вылететь из этой Школы. — Я попрыгала на месте, тряся рыбинами.

К тому времени как мы подошли к Школе, рыба благополучно сдохла.

Аэрон встретил нас на крыльце.

— Вы где были? — прошипел он и, оглядев нас, с недоумением воззрился на безвольно висящих лещей. — Рыбачили, что ли?

— Мы в Веж ходили, — сказала Лейя, повиснув у него на шее и обдав винными парами. Аэрон с минуту переваривал услышанное, потом повернулся ко мне: — Куда еще влезли?

Вместо ответа мы запели.

— Со вьюном я хожу, с золотым я хожу, я не знаю, куда вьюн положить. Положу я вьюн на правое плечо, а со правого на лево положу... — вели мы вокруг него хоровод, используя вместо вьюна все ту же не вынесшую истязаний рыбу. Вампир смотрел на нас, смотрел, а потом захохотал, встряхивая волосами:

— Ох, дуры, мать вашу! Змия идите возвращайте, пока учителя не вернулись.

Мы, сделав еще круг, вошли в Школу. В столовой царила тишина, зато из жилого крыла доносились звуки бесшабашного веселья.

— Руку правую вперед, — командовала Лейя, напевая песню, я и Алия беспрекословно выполняли, махая рыбой во все стороны. Вытанцовывали мы уже около кабинета директора. — А потом ее назад, а потом опять вперед и немного потрясти!

Я, кляня себя за то, что не оставила дверь в кабинет открытой, снова приложил а руки, на время отрываясь от танца, открыла створку.

— Ногу левую вперед, — продолжала Лейя, мы вытянули ноги в темный проем, — а потом ее назад, а потом опять вперед и немного Потрясти... — Мы, сделав шаг в кабинет, послушно выставили ноги вперед и, смеясь, подрыгали ими.

— Ухо левое вперед, а потом его назад, а потом опять вперед и немного потрясти, — донеслось из глубины помещения.

Все крутнулось как на карусели. Я ухватилась за окаменевшую Алию, а шмякнувшись на пол Лейя попыталась встать, цепляясь за подол моего платья, но упорно продолжая петь.

— Попу двигаем вперед, а потом ее назад, а потом опять вперед и немного потрясти.

Ее пение нарушил странный скрип, будто по директорскому полированному столу за хвост тащили упирающегося толстомордого котяру.

Я выглянула из подмышки Алии и поняла, как это люди каменеют заживо.

Обычно карие и исполненные терпеливой мудрости глаза директора багрово полыхали, левый глаз нервно дергался, а лицо наливалось яростным свекольным цветом.

На столе стоял пустой бочонок змия, раскрытый тайный ход зиял, как оскверненная могила, и как-то сразу же стало ясно, что если бы не стружка, которую директор тонким слоем медленно, с каким-то непонятным и болезненным наслаждением снимал со стола когтями, нам всем не поздоровилось бы.

— Фио... фифила-акт, — радостно вывела начало новой песни Лейя, не понимая, видимо, что перед ней не плод воображения. И,

словно перетянутые струны, наш директор лопнул.

— ВО-ОН!!! — Вздогнули от ужаса испуганные стены.

Мы с Алией стояли, и нам было проще. Я сиганула так, что, вылетев из кабинета, грохнулась о стену и от удара снова полетела в кабинет, сбив Лейю, зажимающую в тощем кулачке испуганного змия. Наверно, мавка так пыталась откупиться от страшного дракона, в которого вдруг превратился наш директор, во всяком случае, я сразу поняла, что значит Огнезмей.

Ядреный самогон, в который превратилась речная водичка, плеснул на жарко пылающего Вука. В кабинете полыхнуло синим. Нас швырнуло на пол, обдавая жаром, а я замороженно смотрела, как маленький, безобидно-трепетный и почти любимый змееныш выскальзывает из пальцев мавки и, распластав зеленые крылышки, влетает в облако огня.

— Он же из спирта! — заорала Алия, хватая нас за шкурки и одним рывком выбрасывая с этажа.

На этот раз бабахнуло так сильно, что с треском вылетели окна, посрывало двери и стены дали трещину на всю длину.

— Вот и тетка Акулина так же папкиного кокнула, — тяжело дыша, проговорила Алия, поднимаясь.

На полу белым снегом лежала штукатурка, и медленно, печально падала, кружилась сажа. По всей Школе стояла странная пугающая тишина.

Набравшись смелости, мы заглянули-таки в кабинет.

Среди руин стоял с закрытыми глазами покрытый сажеею директор и казался древней статуей, олицетворяющей не то горе, не то смирение, не то императора Кассу-детоубийцу.

Через два дня, вытянувшись в струнку, во всяком случае я, мы стояли перед учительским и воспитательским составом и с замиранием сердца ждали приговора.

Единственная причина, по которой нас не разорвали в клочья, в порошок не стерли и не развеяли по ветру сразу, заключалась, видимо, в том, что наш директор надеялся на показательную казнь. Но сразу не сумел набрать и дюжины не пьяных в стельку зрителей.

Выстроив наутро перед собою похмельных, опухших, трясущихся и синюшных школяров, он, грозно сведя брови, показал нам всем

кулак, сказал: «Ужо я вам!» — и велел готовиться.

Два дня мы провели как в навье царстве, метаясь между ужасом отчаяния и желанием покончить с жизнью. Зеленая от пережитого мавка свила себе гнездо в уборной и если не блевала, то горько плакала и пела жалостливые песни. Я тише мыши просидела за кроватью все это время, не поддаваясь на уговоры Алии набить архивным золотом карманы и бежать куда глаза глядят. Время от времени к нам в комнату врвался Аэрон, вопя как полоумный и вырывая волосы на голове: «Зачем вы мужика топили в нужнике?!», «Как вы полгорода спойли?!», «Кто водяного за бороду таскал, грозя заспиртовать, как лягву?!», «Какого фига вы крушили кабинет директора?!», «Вам жить спокойно надоело, да?» Под конец он пришел весь расхристаный, бледный и помятый и заявил с порога, что совет Школы отстоял нас, дурищ.

— Никаких пыток, только чик, и все, — сказал он.

Лейя с деревянным стуком брякнулась на пол, Алия схватилась за голову и зарыдала басом. Вампир попятился, захлопнул дверь и лишь оттуда вякнул, что это шутка. Драку с последующим топтанием дружка ногами прекратил Вениамин Вульфович. С каким-то изуверским наслаждением выкрутив уши мне и Алие, он повел нас на Школьный двор, где дожидались ученики и преподаватели Школы Архона полным составом.

Суть короткой, но пламенной речи Феофилакты Транквиллиновича сводилась к тому, какие мы недисциплинированные и как ему тяжело работать с такими несознательными личностями, как мы. Все учителя и воспитатели были полностью с ним согласны и с удовольствием напомнили нам все наши прегрешения за прошедший год. Лейя на каждое обвинение отзывалась бурными рыданиями и теперь, когда основной резерв слез был исчерпан, тихо поскуливала, шмыгая распухшим красным носом.

— Ну что ж, коллеги, я думаю, мы можем приступить к объявлению наказания за проступки.

Все согласно закивали головами. Лейя снова зашла в рыданиях, я делала вид, что мне абсолютно все равно, Алия жевала жвачку.

— Наступают летние каникулы, — начал Феофилакт Транквиллинович. — И нам бы хотелось, чтобы вы провели их с

пользой. Вам оказана честь стать хранительницами покоя Упырского кладбища.

Лейя перестала рыдать и попробовала упасть на колени, но мы ее поддержали под локотки. Тогда противная мавка обвисла, как мешок с соломой, и нам пришлось поднапрячься, чтобы не упасть вместе с ней. Со стороны казалось, что от суровости приговора мы сбились в кучку и еле держимся на ногах от ужаса. Учителя были довольны эффектом.

— Нынешний хранитель кладбища уже десять лет не был в отпуске. Мы думаем, что троим ничем не обремененным девушкам, здоровым и энергичным, не составит труда поддерживать порядок в означенном месте. Поэтому один месяц вы проведете в Малых Упырях. К тому же кладбище нужно охранять только ночью, а днем вы будете совершенно свободны. Так что, как вы видите, это довольно мягкое наказание. У вас, Алия, будет прекрасная возможность поупражняться в боевых приемах, Веря сможет поработать над совершенствованием магических способностей, а Лейя поучится усмирять желания плоти.

— Подумаешь, один месяц на кладбище. Да насколько я знаю, кладбище самое спокойное место, — оптимистично заявила Алия, собирая вещи.

— Девочки, — хриплым голосом сообщила Лейя — я открою вам секрет...

Мы выжидающе уставились на нее.

— Я до смерти боюсь покойников, — убитым голосом оповестила мавка и снова ударилась в слезы.

Мы с Алией изумленно переглянулись.

— Но, Лейя, а как же утопленники, из нас троих ты должна быть самой спокойной на этот счет.

— Утопленники — это совсем другое дело, — сказала Лейя. — А вот покойников Я ужасно боюсь!

— Лейя, покойники будут спокойно лежать в своих могилках, ты даже не увидишь их. А кладбище мы будем охранять от вандалов или от некромантов.

Но все наши увещевания не произвели на Лейю никакого эффекта. Она продолжала жаловаться и сидя на телеге, на которой нас согласился подбросить до кладбища мужик из деревни. Пегая кобылка

неспешно перебирала ногами по заросшей травой дороге. Судя по сочному цвету травы в неглубоких колеях, пользовались этой дорогой крайне редко.

— Ну и зачем вы на Упырское кладбище подались? — спросил черноволосый мужик; под носом у него угрожающе топорщились черные усы с тонкими ниточками седины, взгляд цепкий, проникающий, казалось, в самую душу. — Там уж, почитай, лет десять никого не хоронят.

— Мы временно хранительницами назначены, — неохотно ответила Алия.

— Ой, — весело хохотнул мужик, хлопнув себя по ляжкам. — Нечисть нечисть едет охранять!

— С чего это вы взяли, что мы нечисть? — поинтересовалась я, не понравилась мне его осведомленность.

— Ну к тебе это не относится, — криво усмехнулся мужик. А эти, — он дернул плечом в сторону подруг, — та, которая позеленее, стало быть, мавка будет, а вторая, ишь, как носом ведет да глазами зыркает, оборотень поди.

Алия, схватившись за нос рукой, про гундосила:

— Не оборотень, а вилколак. — Но в принципе она осталась невозмутимой, а вот Лейя тут же подскочила и тонким голосом взвизгнула:

— И никакая я не зеленая! Это естественный оттенок! В ответ мужик снова хохотнул:

— Я и говорю — нечисть нечисть едет охранять!

— Какую нечисть? — Я с тревогой посмотрела по сторонам и поежилась.

— Дык говорю же, десять лет уже никого не хоронят на этом кладбище, а и раньше-то хоронили по большому счету все злодеев да колдунов всяких. Почитай, всегда дурной славой кладбище это пользовалось.

После этих слов мне и семечки лузгать расхотелось. Ну учителя! Садисты! Воображение так и рисовало картинку: три жалкие хранительницы в серединке, а по кругу кладбищенская нежить с салфетками за воротом, азартно ширкающая ножами по вилкам.

— Предлагаю сбежать, — прошептала Алия, пододвинувшись поближе ко мне.

— Сбежишь тут. — Я многозначительно показала глазами на небо, где в вышине темной точкой кружил сокол. — Тут же доложат, выловят и привезут, только уже на всю Школу и деревню ославят. — И обращаясь уже к мужику: — Зачем же тогда нужны хранители?

— Ну ты смешная, рыжая, а вдруг умруны в деревню соберутся? Вы их за оградку-то и не пустите, — со смехом проговорил мужик, и у меня зародилось подозрение, что он просто нас запугивает, хотя глаза у него были честные-честные.

После таких разговоров установилась гробовая тишина, мы трое усиленно представляли, как не пускаем мертвецов за кладбищенскую ограду. Лейя позеленела еще больше и тоскливо заскулила.

— У нас в деревне хорошо относятся к хранителю, вы днем-то приходите за молоком, за сметанкой, завсегда угостим и с собой дадим, — продолжал веселый селянин.

— Да, у нас работа трудная, молоко за вредность обязательно нужно выдавать, — сказала я. Ну вот, а я-то думала, что после алхимиуса меня уже ничем не напугать.

— Если живы останемся, — оптимистично добавила Алия. Лейя ничего не сказала, только замолчала и неприлично громко икнула.

Вид кладбища, вопреки ожиданиям, не навевал мысли о мучительной кончине. Свежекрашенная оградка радовала глаз, ворота были гостеприимно распахнуты, не хватало только надписи «Добро пожаловать вперед ногами!». Алия присвистнула, оглядывая разнокалиберные статуи у могил; встречались даже трехметровые каменные монстры. Может, безутешные родственники надеялись, что такие тяжеленные памятники благополучно придавят усопшего и не позволят ему выползти обратно?

Хранитель, маленький, старенький и подозрительно пахнувший перегаром, первым делом повел нас знакомить с «достопримечательностями».

— Вот две могилки, — указал он на каменные плиты с памятниками в виде мужчины и женщины.

— А мужик ничего, симпатичный, — заметила Лейя, тыкая пальцем в статую мужчины, изображенного в довольно-таки

вызывающей позе. Голова каменного жизнерадостного бородача была покрыта птичьим пометом.

— Тс-с-с! — Хранитель почему-то испуганно оглянулся, мы вместе с ним, моментально вспотев при мысли, что нежить уже полезла.

— Это князь и княгиня. Князь-то еще тот был бабник, все при жизни мечтал от княгини избавиться, она у него дюже ревнива была. Ну и стал подсыпать ей в питье какой-то порошок, да на беду свою не знал, что она ему в еду тоже что-то добавляет. В один день и того — померли. Причем в мучениях и проклиная друг друга.

— Кошмар. Не ходите, девки, замуж, ничего хорошего, утром встанешь... — завела мрачную песенку Алия. Я шикнула на нее, зная, какими непотребностями песня заканчивается.

Хранитель дробно засмеялся и перешел к следующей могиле с небольшой статушкой в виде непонятно кого, что-то протягивающего в руке каждому подходящему к месту упокоения.

— Ну здесь колдун, все пытался из дерьма золото делать, вот в дерьме его и утопили обманутые. А это могила младенца. — Славный ангелочек сидел пригорюнившись на каменном столбике.

— Что же делает невинный младенец среди злодеев и колдунов? удивилась я.

— Невинный, как же! Не успел родиться, как всю мать высосал, насмерть.

Меня от таких рассказов замутило, но хранитель Упырского кладбища, видимо, соскучился по собеседникам и останавливаться не собирался.

— Смотрите, тут пустышка! — радостно крикнула Лейя, показывая детскую соску.

— Положь на место! — рявкнул хранитель неожиданно громко, после чего обвел всех троих взглядом, от которого у нас волосы зашевелились на затылке, и пояснил: — Если соска куда пропадет, он такой вой поднимет, что чертям тошно станет. А недавно повадилась какая-то дрянь ее утаскивать, замучился.

Алия, выразительно глядя на меня, покрутила пальцем у виска и щелкнула себя по шее, намекая на запах спиртного.

— Здесь похоронен какой-то маг или колдун. — Хранитель показал на роскошное надгробие и затейливо украшенную плиту. —

Самый спокойный среди всех, — голосом няньки, хвастающейся ребенком, добавил он. — Никаких проблем. Ни разу меня не побеспокоил.

— Может, ему неприятно общаться с местным обществом. — Я провела рукой по каменной кромке, испытывая какое-то странное чувство.

— Ну здесь некромант, вызвал какого-то духа, а тому не понравилось, сгрыз беднягу, одни ноги остались, их и захоронили. — Хранитель махнул рукой в сторону следующего ряда. — А вот следующий — проповедник, монах Хорса.

— Кто?! — в голос удивились мы. Хранитель с улыбкой повторил:

— Проповедник, ведь нужен кто-то и мертвым, чтобы укорять их в грехах.

— Правильно, нечего расслабляться! — развеселилась Алия. — Думают, умерли, и все, а тут такой облом!

— Здесь лежит повешенный, — кратко пояснил хранитель, указывая на деревянный крест, и перешел на следующий ряд. Мы с некоторым недоумением взирали на земляной холм, в который уходило что-то вроде деревянного копыя.

— Ну чего уставились? — недовольно спросил хранитель. Упырь здесь лежит, поэтому и кол. Хотя толку от него никакого, Так с колом и вылезит.

Лейя, с ужасом глядя на кол, начала пятиться и, споткнувшись, уселась прямо на могильную плиту.

— Экие вы слабонервные, — с укоризной покачал головой сторож. — Прямо к графу на могилку уселась. Граф этот столько жен поменял, жуть. Все искал идеальную. Не нашел.

— За что же его тогда сюда определили? Всю жизнь мучился.

— А после его смерти вскрыли подвал в его доме, а там все его жены в мертвом виде, все двадцать штук.

— Сколько?! Где же он их брал?

— Богатый был и обаятельный, к старости только страшный стал да бородищу отпустил какого-то бесовского цвета. — Мне тут же показалось, что из-под могильной плиты торчит какой-то синий клочок волос, я нагнулась и с облегчением поняла, что ошиблась — просто мох.

— А почему тут лошадиный череп висит? — Лейя показывала на следующую могилу, крест на которой венчал лошадиный череп с веревочкой, поддерживавшей нижнюю челюсть.

— А это уж вы у хозяйки спросите, еле-еле уговорили на конский, она все человеческий требовала. Людоедка, что с нее возьмешь. Рядом с ней атаман разбойников лежит, уж больно азартный мужчина был! А браги по бочке за один присест выпивал.

— Ну что ж, — развел руками Хранитель, когда ножки нас уже не несли и мы доковыляли до сторожевой избушки. — Все, что находится под моей опекой, я вам показал. С требованиями ухода и при смотра за этим местом вы, наверное, ознакомлены?

— С какими требованиями? — с нехорошим предчувствием осведомила я.

Хранитель испустил тяжкий вздох:

— Все приходится делать самому. Заходите в избу. Располагайтесь здесь как вам удобнее. В горнице есть кровать и диван, места хватит. Печь топить умеете. Удобства на улице. — Он махнул рукой в сторону окна, мы с тоской проследили за направлением. — Если надо помыться, то к Геронтию в деревню сходите, его дом крайний. Баня у него добрая.

— Что за Геронтий? — спросила я.

— А тот, что вас привез. Если будут какие вопросы, обращайтесь к нему, поможет.

Мы расселись за столом. Хранитель с кряхтением полез искать охранный свиток.

— Ничего, уютно, — довольно сказала Лейя, заприметив зеркало.

— Пахнет только чем-то, — поморщил ась я.

— Настойкой на чернике, — не поворачиваясь ко мне, сообщила Алия.

— Вот он, — отвлек нас хранитель, разворачивая пожелтевший от времени свиток. — Читайте, а то у меня к старости глаза ослабли.

Я начала вслух зачитывать:

«Сим документом подтверждаем, что Авенир Авивович является хранителем кладбища Малых и Больших Упырей.

Взаимоотношения хранителя и охраняемых должны строиться на основе сотрудничества, уважения личности, приоритетов общечеловеческих ценностей».

— Я обвела всех потрясенным взглядом и продолжила:

«Хранитель имеет право:

1. Выбирать, разрабатывать и применять методики охраны, а также охранные пособия и материалы (в том числе и авторские).
2. Защищать профессиональную честь.
3. Повышать квалификацию, профессиональное мастерство, участвовать в научно-экспериментальной работе, распространять опыт работы.

Хранитель обязан:

1. Соблюдать правила внутреннего распорядка, исполнять обязанности, согласно должностной инструкции.
2. Охранять и защищать подопечных от всех форм физического и психического насилия.
3. Сотрудничать с родственниками подопечных.
4. Хранитель несет ответственность за физическое и психическое здоровье каждого опекаемого».

— Это эти-то умруны и есть подопечные? — истерически хохотнула Алия. — И мы обязаны охранять их психическое и физическое здоровье?

Лейя сжалась в комок и сдавленно пискнула: — Значит, их нельзя трогать?

Я же была настолько шокирована текстом и открывшимися перспективами, что только беззвучно открывала и закрывала рот.

— Вы уверены, что это писал не умалишенный? — подала голос Лейя, оглядываясь на хранителя, который спокойно собирал рюкзачок.

— Это даже не галиматья, это бред сумасшедшего! — продолжала веселиться Алия.

— Кладбище у нас необычное, можно сказать, музейное. Раньше здесь от магов и колдунов и не продохнуть было, все что-то изучали, пояснил хранитель. — Ну стало быть, с правами и обязанностями я вас познакомил. — Сторож кладбища поднял свой рюкзак. — Проверяющий к вам приставлен.

Мы пропустили эти его слова мимо ушей, помахали ему вслед свитком, а когда телега отъехала от ворот, со всех ног бросились в дом и заперлись на все замки.

— Ну почему нас сразу не отчислили! Ну подумаешь — порвал бы меня отец, дак хоть он, а не какой-нибудь шальной упырь! Алия нервно ходила от окна к окну.

— Я хочу к Аэроу! — заныла Лейя.

— Вот он-то в отличие от нас чувствовал бы себя здесь как дома, — сказала я, когда у меня прорезался наконец дар речи. — Девочки, представьте, что делается в Больших Упырях, если в Малых такое безобразие!

— Я не хочу никого напрягать, но мне очень надо по-маленькому, прошептала Лейя. Мы посмотрели на нее как на врага народа. Лейя тут же сделала большие глаза и возмущенно выкрикнула: — Я все равно не смогу терпеть целый месяц, да и из дома выйти так и так придется.

— Хорошо, — сказала я. — Хватит бояться. Если постоянно будем трястись, то какие мы, к черту, хранительницы! Сейчас проводим Лейю в туалет и подумаем о сегодняшней ночи.

Алия и Лейя, тесно прижавшись одна к другой, как табуреточка с четырьмя ножками, отбыли в указанном направлении. Я села на стул, чтобы не дрожали колени. Когда подруги вернулись, я была уже в порядке, во всяком случае, ноги и руки не тряслись.

— В общем, так, — зловещим тоном сказала я, — вред покойникам наносить строго запрещено, поэтому срочно разоружаемся. — И добавила со сладкой улыбочкой: — Алия, это относится конкретно к тебе. Засовывай свой бряцающий мешок в сундук, ключи — мне.

— А мои тренировки?! — возмутилась Алия. — Да я тут всякую форму потеряю!

— Ничего, — успокоила я ее, — поучишься быстро бегать и показывать чудеса ловкости. Дипломатии, в конце концов.

— Ха! — Алия стала складывать в открытый зев сундука свой небольшой арсенал.

— Алия, не забудь выплести пластинки из кос, а то в азарте мотнешь головой и хлестнешь по противнику, а нас потом тут же и похоронят.

Алия надулась, как хомяк с полными защечными мешками, но медленно начала расплетать свои косы. Оставив ее за этим занятием, я повернулась к Лейе:

— Лейя, насчет тебя... Не смей пользоваться своим голосом, отчеканила я.

Лейя сморщилась, как от уксуса, и приготовилась зареветь.

— Я имею в виду — не ори в полную силу, иначе ошметки наших подопечных мы будем собирать по соседнему лесу. А это противно.

— А что же мне с охраняемыми делать? — недоуменно спросила Лейя.

— Ну... Ты можешь спеть им колыбельную или заманить песней в гостеприимно вырытую могилку и вообще, у тебя огромные возможности, — ободрила я подругу.

— А ты не вздумай пользоваться своей магией, — довольно ослабилась Алия. — Увижу вытянутые ручки и сразу по ним тебя и нащелкаю! — Глядя на ее лицо, можно было подумать, что она только того и ждет.

Алия протянула мне ключи от сундука, я посмотрела на нее и чуть не подавилась от смеха:

— Алия, ты со своими кудрями похожа на свихнувшуюся болонку.

— Веря, прекрати хохотать! — взвизгнула Алия, пытаясь пригладить волосы. — Пес бы побрал этих упырей вместе с их ненормальным кладбищем! На ночь нужно закрыть ворота, чтобы покойники не разбрелись.

— Тогда закроем ворота, а сами запремся в доме, — согласилась я.

— Может, не будем закрывать ворота? — с надеждой посмотрела на нас Лейя. — Пускай они уходят, к утру, может, вернуться?

— А если не вернуться? — Алия нависла над мавкой. — Представляешь нас, таскающих покойников и возвращающих их в могилы?

— Чур, я в этом не участвую, — содрогнувшись, буркнула я, отгоняя тут же подкинутую воображением картинку.

Лейя, побледнев, покачала головой и обреченно сказала:

— Закрываем ворота и все покойники остаются с нами на всю ночь.

— У меня идея! — воскликнула Алия. — Помните, я сказала, что пахнет настойкой на чернике? Так вот, по запаху я ее запросто найду! Мы ее употребим по назначению, и на покойников нам будет наплевать.

— Более дикой идеи я не слышала — вокруг дома мертвецы, а в доме мертвецки пьяные хранители. Оригинальное решение, — со смехом сказала я.

С приближением ночи эта идея стала казаться уже не такой дикой, даже очень разумной.

— Алия, ищи! — первой не выдержала Лейя, наплевав на то, что от спиртного ее мутит. — Эту ночь продержимся, а там уже привыкнем.

Бросив нам одежду, Алия встряхнулась, и вот уже перед нами огромная черная волчица.

Она оскалила острые белые зубы, опустив нос к полу, быстро пробежалась по комнате и остановилась посередине.

— Ну чего стоите? — спросила волчица. — Под половиком крышка погреба, а в погребе сами знаете что.

Я сдернула половик и, схватившись за кольцо в крышке, потянула его вверх. Из темного отверстия потянуло холодом.

— Алия, ты уверена, что нас там не ждет никаких сюрпризов?

— Абсолютно! — ответила Алия, заглянув в черноту.

— Ты бы хоть оделась! — фыркнула я, глядя на Алию, которая снова обернулась человеком.

Та стала молча натягивать штаны и рубаху. Я свесилась в черную дыру и констатировала:

— Хоть глаз выколи!

Алия, подумав, предложила:

— Пусть Лейя спускается, она в темноте хорошо видит.

— А почему мавки видят в темноте? — задала я давно волнующий меня вопрос и перевела взгляд на Лейю.

— Ну мы же ночью выходим, — Лейя похлопала глазами, — а ночью без хорошего зрения мужика не найдешь. — И стала ногой нащупывать ступеньки. Через некоторое время из погреба раздался радостный взвизг и ликующий голос Лейи: — Нашла, целая большая бутылка, а там еще, еще и еще!

— Нам хватит одной! — крикнула я. Довольная Лейя с двумя емкостями появилась в проеме. Мы с Алией не без усилий водрузили их на стол. Лаквиллка отвинтила крышку и осторожно понюхала:

— Самое то! — с удовольствием произнесла она, любовно осматривая запотевшие стеклянные стенки. Мы с Лейей тоже

попробовали сунуть туда нос, но Алия прикрыла отверстие крышкой и велела:

— Стаканы несите.

Когда в первой бутылки настойки оставалось совсем на доньшке, на небе появились первые звездочки. Настойка в нас уже не влезала, а, наоборот, усиленно просилась наружу.

— Мне плохо, — простонала Лейя, слегка зеленея лицом.

— А мне хорошо, — в тон ей ответила захмелевшая Алия. — Повторим?

Лейя дернулась и убежала, судя по топоту, к помойному ведру.

Я лежала на кровати и наблюдала за медленно кружащимся потолком. Что-то нужно было сделать. Но вот что именно, я совершенно не помнила.

— Алия, я что-то должна сделать, ты не помнишь что? — решила я спросить подругу.

— Выпить! — уверенно подсказала та.

— Ворота закрыть, — вякнула мавка от ведра.

— Какие ворота? Зачем их закрывать?

— Чтобы сюда не пришли враги и не выпили всю нашу настойку, — просветила нас лаквиллка. — Пошли закрывать, хватит валяться. Эх! Мне бы что-нибудь, чтобы от вражины отбиваться! — посетовала она, шаря взглядом по столу.

— Давай закроем их завтра... — попыталась я отвертеться, но Алия принялась дергать меня за рукав. От этих рывков мне стало нехорошо. — Еще немного, и я присоединюсь к Лейе, — промямлила я, поднимаясь на ноги. Потолок и пол устроили веселую карусель, но на негнущихся ногах, держась друг за друга, мы сумели дойти до двери и выпасть наружу. Лейя осталась в домике.

Огромная луна плыла над Упырским кладбищем, стояла тишина, даже сверчки молчали.

— Какая красота! — восхитилась я и уселась на землю. Алия подняла глаза на луну, долго смотрела, потом спросила:

— Где?

— Везде. — Я от избытка чувств широко развела руки, желая обнять все это дивное место и прижать к груди.

— Ворота где? — спросила стоявшая как-то боком Алия.

— Дались они тебе, эти ворота. — Я, кряхтя, попыталась встать, но потерпела неудачу. Алия ухватила меня за шиворот и вернула в вертикальное положение. Странное дело — днем расстояние до ворот составляло каких-то десять шагов, а ночью увеличилось на добрую сотню. Наконец мы кое-как, на четвереньках добрались до места, а там нас ждал сюрприз.

— Они не закрываются, — мрачно оповестила меня Алия, дергая за створки. Прилагая нечеловеческие усилия, мы поднялись на ноги и стали изо всех сил тянуть за прутья.

— Ни-икто за-амуж не бере-от! — подала голос из домика Лейя. — Де-евушку про-осту-ую! — горячо поддержали мы ее, со стороны сильно смахивая на девиц, исполняющих неприличные танцы в кабаках. Лаквиллка, видя безрезультатность наших попыток, приняла решение.

— Дабы обеспечить нашу безопасность, — важно начала она, подняв вверх указательный палец и слегка кренясь на сторону, — я остаюсь здесь и никого сюда не пропускаю, только по пропускам и с биркой! А ты, — указующий перст уперся в меня, — иди в дом, забери у Лейи нашу настойку и тащи ее сюда.

— Лейю или настойку?

— Обеих, — сказала Алия и села на землю.

Я отправилась в обратный путь, попутно удивляясь людности кладбища. За то время, что мы провели в избе, сюда понабежали просто толпы народа.

— И чего вам не спится по ночам? — спросила я с крыльца, но мне не ответили. Дверь в избу была раскрыта, я вползла на порог и заглянула в комнату. Лейя выплыла из-за шторы, отгораживающей умывальник от кухни, и жарко зашептала:

— Ну как он тебе? — многозначительно подмигивая и кивая в сторону горницы.

— Кто? — Я вытаращилась на мужика, который допивал настойку. — Лейя, мне кажется, что с ним что-то не так... — протянула я, трясая головой и пытаюсь заставить глаза смотреть как надо, а не в разные стороны.

— На безрыбье и рак рыба! — с обидой сказала мавка.

— Он же все выпил!

— Он же мужик, а где ты видела мужиков, которые не допивают выпивку?

— Именно тогда, когда нам так страшно! — Я возмущенно взмахнула руками и, с трудом удержав равновесие, снова уцепилась за косяк.

— А вам страшно?! — удивилась Лейя, потом посмотрела на своего гостя и гордо добавила: — А вот мне с мужчиной нисколько!

— Ладно, охраняй погреб, а я к Алие за дальнейшими распоряжениями. — Я помахала пальцем перед носом мавки и вывалилась на улицу. Там присела передохнуть на крылечке и решила посетить уединенное местечко. Шатаясь, я дошла до будочки в конце дорожки, рванула на себя дверь и замерла на пороге.

В нужнике кто-то копался в дырке. Вонючка стояла еще та, да и посетитель был по уши в дерьме.

— Ты что, золото там, что ли, ищешь? — спросила я и получила утвердительный кивок. — Извините. — Я закрыла дверь и, возмущенная тем, что приличной девушке и в туалет не сходить, пошла жаловаться Алие.

Но до Алии быстро добраться мне не удалось, оказалось, что на Упырском кладбище ночами так же людно, как на ярмарке в Веже! Народ сновал между могил, как перед прилавками торговцев. Удручала только молчаливость, ну так это и понятно — на кладбище ведь пришли, здесь шуметь не полагается. Размышляя таким образом, я налетела на какого-то бледного юношу с толстой палкой под мышкой.

— Здравствуйте! — заулыбалась я во весь рот. — Чудесная ночь, не правда ли? Луна, сверчки, просто романтика. — Я попробовала опереться на палку и тут заметила, что парень держит ее вовсе не под мышкой.

— Бедненький, — запричитала я, — как же тебя угораздило-то?

Я схватилась за конец палки и стала тянуть ее на себя. Юноша взвыл дурным голосом, я сразу выпустила кол из рук и, не удержавшись, села на землю.

— Чего ж ты так орешь-то? Я же тебе помочь хочу. Да и Алиа искала что-нибудь, чтобы от врагов отбиваться. — Я оценивающе осмотрела палку и, еле-еле поднявшись, снова ухватила ее. Пойдем к Алие, вытащим, — сказала я и поволокла сопротивляющегося нового знакомого к воротам. — Вы вообще тут

поосторожней прогуливайтесь, — наставляла я его по дороге. — Говорят, — я сделала страшные глаза, — здесь покойники из могил встают. Ужас, правда?

Раза два он пытался сбежать, но я была настойчива и непреклонна и до подруги его все-таки дотащила.

— Не пойму, в чем подвох? — бормотала Алия. Подозрительно сощурившись и привстав на цыпочки, она покачивалась перед каким-то господином с длинной бородой, намотав эту самую бороду на крепкий кулачок. Подруга заметила меня и стала, размахивая руками, объяснять суть проблемы, господина мотало вслед за зажатой Алией бородой. — Вот ты скажи, Веря, ведь все должны пытаться войти сюда, так?

— Так, — подтвердила я.

— Вот! — радостно вскрикнула подруга. — А этот хорек намекает, что ему надо выйти!

Я подвела к подруге своего найденыша.

— Говорят, что это малопосещаемое место, а тут просто толпы народа! И народ-то какой-то невоспитанный! Настойку всю выпил новый Лейин ухажер, сортиром пользоваться не умеют! — Я понизила голос до шепота. — А еще непотребствами всякими занимаются, видела парочку, просто душили друг друга в объятиях! И это все на кладбище!

— Стало быть, для этого и нужен хранитель! — обрадовалась Алия, выпуская бороду господина. — А то все пугали — покойники, покойники! Да покойники — самые спокойные люди! Правда? — обратилась она к спине улепетывающего бородача.

— Я тебе тут копьё нашла, — похвасталась я, — только вот какая загвоздка, оно в этом милом парне застряло. — Я хлопнула бледного юношу по плечу.

Алия потеряла руки, поцокала языком, оценивая размеры копья, и сказала:

— Ну-с, будем вытаскивать!

Парень вздрогнул, попытался бежать, но мы ухватились за копьё и стали тянуть на себя, пытаясь оттолкнуться от груди незнакомца ногами. Тот извивался, как стрекоза на булавке. Внезапно тишину кладбища разорвал жуткий вой. От неожиданности мы выпустили кол,

чем парень не замедлил воспользоваться и сбежал, оставив нас в одиночестве.

Пробуждение было ужасным. Потолок навалился на виски, все тело болело, будто его всю ночь пинали, во рту поселился запах гнилого болотца. Стараясь ни в коем случае не делать резких движений, я приподнялась и огляделась. Алия с мокрым полотенцем на голове сидела, вытянув ноги, в кресле и хмуро смотрела на меня:

— Очухалась?

Я поворочила глазами, почесала нос и, игнорируя ее вопрос, попросила:

— Пить. — В руки мне тут же ткнулся холодный стакан. Я залпом выпила и снова легла, прислушиваясь, как вода стекает в желудок. — Сколько времени? — спросила я.

— Шесть утра, — бодро ответила Лейя, которая выглядела вполне свеженькой.

— Завидую тебе.

— Не завидуй, — отозвалась Алия, с трудом поднимаясь на ноги. — Она всю ночь у ведра провела, вот и протрезвела раньше.

Лейя фыркнула, выхватила у меня стакан и убежала на кухню.

— Верея, вставай, — приказала Алия. — Нужно осмотреть кладбище и привести все в порядок, а то вдруг проверяющий придет.

Я встала на мелко поддрагивающие ножки и заковыляла к двери, силясь вспомнить, чем же все вчера закончилось.

На кладбище было тихо и на первый взгляд вроде бы все в порядке. У могилы упыря мы остановились, рассматривая отпечатки грязных пальцев на древесине кола.

— Бедный упырь, он нас теперь за версту обходить будет, — сказала я и обернулась к Алие. Лейя с уважением посмотрела на нас. Мы тем временем двинулись дальше. — Здесь кто-то рылся! — Я ткнула пальцем в следующую могилу. — Какая-то тварь хотела утащить младенца!

— Не ори! — Алия схватилась за виски. — Это ты сама и рылась. Забыла, что ли?

Я опешила, а память услужливо подсунула картинку: я остервенело разрываю руками могилу и разгневанно кричу:

— Если ты сейчас же не замолчишь, я достану тебя и нашлепаю по маленькой розовой попе!

Я молча стала приводить могилу в порядок, Алия и Лейя помогали.

— Несчастный ребеночек испугался и замолчал. — Лейя укоризненно покачала головой. — У него всего-навсего снова стянули соску.

— Новую купим, — буркнула Алия, поднимаясь и отряхивая колени. Мы покружились на месте, осматривая другие могилы, но не обнаружили больше никаких следов бурно проведенной ночи и направились к распахнутым воротам.

— Интересно, почему ворота не закрываются? — спросила я. Алия пожала плечами, а Лейя тут же подбежала и толкнула створки, те с легкостью поддались, ворота с негромким скрипом закрылись.

— Мы тянули не в ту сторону, — мрачно подтвердила мои опасения Алия.

— Это от нас нужно охранять кладбище, — сказала я.

— Зато ночь прошла, а мы живы и даже не боялись, — радостно закончила Лейя.

Когда мы возвращались к дому, Лейя бросила взгляд на будку в конце дорожки и попросила:

— Девочки, поаккуратнее в туалете, мне утром пришлось его отмывать. А это противно.

— Хорошо, — сказала я, решив не говорить впечатлительной Лейе о покойнике, который ночами ищет золото в нужниках.

— А еще, пока вы упырей гоняли, — продолжила Лейя, — приходил под окна какой-то старик, я, говорит, жрец Хорса, буду тебя, нечисть, изгонять. — Мавка хихикнула.

— А ты?

— А че я? — Лейя захлопала глазками. — Мужу, который в гостях сидел, говорю, милый, прогони его, он мне мучиться с похмелья мешает.

— И что дальше?

— Откуда же я знаю! Больше я их обоих не видела. Да и надоел он мне, ни ласкового слова девушке сказать, ни песню спеть.

За соской пришлось идти в деревню. Лейя с радостью согласилась прогуляться и теперь выплясывала впереди нас на пыльной дороге. Я и

Алия, мучимые головной болью, с завистью смотрели на беззаботные мавкины подскоки.

Деревня Малые Упыри действительно была небольшой, три десятка аккуратных домиков. У самого крайнего стояла знакомая пегая кобыла, запряженная в телегу. Вскоре показался и хозяин лошади. Он увидел нас и, усмехаясь в усы, подошел:

— Ну каково быть хранительницами?

— Жить можно, — отозвалась я, дергая Лейю, которая вознамерилась погладить лошадь по боку.

— Я на хутор собрался, брат у меня там, могу прокатить туда и обратно. У брата пасека, он вас медом угостит.

Лейя радостно закинула ногу на телегу, но Алия стянула ее за платье обратно:

— Нет, у нас дела.

— Эй, Пелагея! — зычно гаркнул мужик, я от неожиданности присела, а Алия снова схватилась за голову. — Принеси-ка хранительницам чего-нибудь съестного! Ну и какие у вас дела? — поинтересовался он, поудобнее устраиваясь на телеге.

— Нам соску надо, — простодушно ответила Лейя. Алия ткнула ее в спину и украдкой показала кулак. Мужик нахмурился и спросил:

— Что, опять стащили?

— Ага, — кивнули мы, понимая, что хитрить нечего.

Пелагея вынесла нам кувшин молока, чашку сметаны, да еще и пирожков с капустой.

— Идите-ка к Осипу в лавку, у него там всякого барахла полно, может, и соска есть. Да только не вздумайте ему сказать, что для чертова младенца, — посоветовал мужик и объяснил, как пройти к лавке, а затем, понизив голос, произнес: — А настойка на чернике слишком сильна для таких молоденьких девушек. — И стегнул кобылу.

— От нас, наверное, пахнет невкусно, — пригорюнилась Лейя. Хотя перед тем как идти в деревню, мы с час плескались под умывальником, пытаясь привести себя в человеческий вид.

— Нормально от нас пахнет, — отмахнулась Алия. — Просто мужик выпивку чует, прям как собака! Особенно дармовую.

Мы постояли, глядя ему вслед, а затем вгрызлись в пироги и отправились искать лавку, пиная друг другу камушек.

В лавке действительно было много барахла, но вот с соской нас ждала неудача.

— Нет у меня пустышки, — сказал продавец, с интересом поглядывая на Лейю, которая рылась в выставленном товаре, хмыкая себе под нос. — Но, может, у тетки Матрены есть. У ней что ни год — по ребенку прибывает.

— А где эта тетка Матрена? — спросила Алия, пытаясь оттеснить к двери раскрасневшуюся Лейю, набравшую кучу ленточек, бус и ярких гребешков.

— Она жена старосты, самый большой дом у них.

Лейя с разочарованным вздохом оставила себе только зеленые бусики, расплатилась, и мы вытолкали ее на улицу.

— Скорей всего, этот дом, — махнула я недоеденным пирожком в сторону добротной большой избы.

Тетка Матрена развешивала на веревке во дворе постиранные детские вещи. Увидев нас, заулыбалась и, вытирая руки о фартук, вперевалочку двинулась к нам.

— Что понадобилось хранительницам? — поинтересовалась она, утирая со лба пот. — Мужа нет дома, только к вечеру будет, но я ему передам, что нужно.

— Да мы, собственно, к вам, — заговорила я. — Нам подсказали, что у вас, возможно, найдется детская соска.

— Конечно, найдется. — Матрена обвела нас взглядом. — Только вам-то зачем?

— Рыбку ловить... — брякнула я первое пришедшее на ум. Брови у тетки полезли на лоб, впрочем, не только у тетки, подруги тоже сильно заинтересовались. Я похлопала глазками и прощепетала: — Мы тоже сначала удивлялись, но когда попробовали... В общем, ух, как хорошо на нее рыба клюет!

Алия засопела, пытаясь руками показать, какую рыбку мы на детскую пустышку поймали. Матрена попыталась представить процесс ловли, судя по морщинам на ее лбу.

За нашим неуклюжим враньем с крыльца наблюдал рыжий подросток. Он нахально показал мне язык, и я тоже в долгу не осталась. Тетка Матрена наконец оправилась от потрясения и, бормоча

под нос, что никогда ничего подобного не слышала, обернулась и крикнула:

— Миколка, ну-ка принеси соску, ту, которая старая! Мальчишка заскочил в избу и вернулся с уже не новой пустышкой.

Зыркнул на нас исподлобья и протянул соску мне.

— Старшенький это у меня. — Тетка попыталась ухватить сынка за растрепанные лохмы, но тот увернулся. — Познакомься хоть с хранительницами.

— Угу, — буркнул подросток, глядя на нас голубыми глазищами, потом вырвался из материнских рук и выскочил за ворота.

— Нелюдимый он у меня, — пожаловалась Матрена. — Вы приходите, если что понадобится. — Она развернулась и пошла к веревкам, разговаривая сама с собой: — Ишь ты, чего удумали — на соску рыбу ловить.

Я сидела с соломинкой в зубах и наслаждалась одуряющим ароматом сирени, Лейя пыталась грациозно пройти по бревнышку рядом. Алия с задумчивым видом жевала пирожок.

— Чертову младенцу соску понесли! — донеслось из кустов.

Я выплюнула соломинку и подскочила. Лейя замерла на одной ноге. Алия нырнула в кусты, но никого там не обнаружила. Мы не спеша двинулись по улице.

— Ведьма... — отчетливо прозвучало с забора, я обернулась. На заборе, ухмыляясь, сидел рыжий сынок тетки Матрены. Алия невозмутимо подняла с земли камушек и засветила им парнишке прямо в лоб. Тот с вскриком сверзился на землю по ту сторону забора. Я подошла и, привалившись к нагретым солнцем доскам, сладко так пропела:

— Я не ведьма, просто нечисть. Будешь дерзить — пожалеешь.

— Сама пожалеешь, — с ненавистью выдохнул мальчишка в ответ.

День прошел в хлопотах по хозяйству. К вечеру мы так умотались, что думать о бессонной ночи не хотелось.

Мы засветло закрыли ворота и дверь нужника и теперь сидели на крылечке, доедая пирожки Пелагеи. Лейя расчесывала гребнем свои каштановые с зеленоватым отливом волосы, Алия чертила палочкой на

земле план кладбища, а я предавалась ничегонеделанию, закинула вверх голову и любовалась звездами, время от времени зевая.

Мавка вдруг ойкнула и перестала чесать волосы.

— Там что-то шевелится. — Она вытянула руку с гребнем, показывая на что-то в глубине кладбища.

— Там и должно шевелиться, — не отрываясь от своего занятия, сказала Алия. — Ночь наступает, покойники проснулись. — А-а, — успокоенно протянула Лейя.

— Нет, там точно кто-то есть, — забеспокоилась уже я.

— Ой, да что там может быть! — отмахнулась Алия. — Ворота закрыты. — Она подняла голову, принюхалась. — Уж точно не человек. Ну что, идем спать? — спросила она, зевая.

Одна я никак не могла успокоиться, даже привстала со ступеньки. Лейя положила гребень на крыльцо и поднялась.

— Давайте я сбегая и посмотрю, — предложила она и, не дожидаясь ответа, легко побежала по дорожке между могил. Алия посмотрела ей вслед и хмыкнула:

— Охота ей ноги топтать.

Не успела она договорить, как Лейя показалась в конце дорожки. Она с подвываниями подбежала к нам и взлетела на крыльцо.

— Знаете, — проговорила она, задыхаясь, — там, между могил, большое такое, — Лейя развела руки в стороны, — шевелится, фыркает и дышит.

Мы с Алией вскочили на ноги.

— Какое оно, это большое? — спросила я, делая робкий шаг вперед.

— А я почему знаю? — ответила мавка. — Я не рассматривала.

— Вот не было печали! — рассердилась Алия. — Думала, спать завалимся. Принес же пес кого-то! Что делать-то будем?

— Что-что... Ловить и выгонять — вот что, — расстроено сказала я. Спать хотелось все сильнее. — Где оно, говоришь?

— Между могилой графа и людоедки, — сообщила Лейя. — Лежит на земле, может, спит?

Мы крадучись, на полусогнутых направились к ночному посетителю.

— Может, это какое-нибудь животное из деревни? — шепотом спросила я у Алии. — Корова или свинья.

— Тогда я бы почувствовала. — Алия помотала головой. — Знаешь, чем ближе мы подходим, тем больше на что-то магическое похоже, пес бы его побрал!

Я совсем приуныла: если магическое, то возни надолго, да и страшно, вдруг какой-нибудь маг? Мы осторожно выглянули из-за каменной плиты. «Это» было черным и всхрапывало.

— Ну и чего вы на меня уставились? — прошептала Алия. — Я тоже не знаю, что это! К тому же плохо видно из-за этого чертова надгробья! — Лаквиллка стала судорожно нашаривать на земле камень. — Предлагаю прыгнуть на него сверху. Мы захватим его врасплох, он испугается и не будет сопротивляться. Мы его быстро выгоним, и все, спать.

Я еще сомневалась в успехе этой затеи, но подружки уже вскочили на надгробную плиту и нетерпеливо дернули меня за рукав.

Заорав от страха, мы сделали так, как предложила Алия, то есть упали сверху на это существо, пытаюсь вцепиться в него покрепче.

Существо с диким ржанием взмыло вверх. Лейя не удержалась на спине чудовища и слетела на землю. Конь черной масти встал на дыбы, я ухватилась за Алию, а Алия вцепилась в гриву. Лейя вскочила на ноги, ее отбросило к деревянному кресту на могиле людоедки. Конский череп не удержался на конце креста и наделся ей на голову. Лейя что-то крикнула нам, но я ничего не разобрала.

— Что она сказала? — прокричала я на ухо Алии.

— Это двоедушник ^[16] — заорала Алия в ответ. — Держись!

Даже в страшном сне мне не могла привидеться дикая скачка на двоедушнике. Я как кошка вцепилась в Алию и тихо подвывала, пока конь поддавал задом. Алия визжала, Лейя с конским черепом на голове бестолково металась возле беснующейся скотины, стараясь не подходить слишком близко.

— Алия! Я не умею ездить на лошади! — завопила я.

— А ты и не на лошади! Ты на двоедушнике! — крикнула подруга. — Нужно уводить его с кладбища, а то он нам все могилы истопчет!

— Как это сделать? — Я с трудом представляла эту процедуру, поражаясь, что Алия даже в таком положении продолжает заботиться о порядке на кладбище. Я на это гиблое дело уже давно махнула рукой.

— Укуси его!

— Что?!

— Развернись ко мне спиной, нагнись и укуси. Эта скотина испугается и рванет с кладбища.

— Ни за что!

— Веря, это единственный выход в нашем положении!

— Это не выход, а самоубийство!

Двоедушник начал новую серию безумных скачков. Мы заткнулись, и, пока от резких прыжков у нас щелкали челюсти, я пыталась вспомнить, что мне известно о двоедушниках.

— Лейя! — заорала я. — Сейчас же беги к хутору на отшибе! Скорей всего двоедушник там, больше нигде. Он будет очень крепко спать, как мертвый!

— Может, в деревне? — крикнула, оборачиваясь, Алия, которая, впрочем, не забывала бить коня между ушей, отчего последний только зверился еще больше, пытаясь укусить ее за ногу, но лаквиллка ножки проворно поджимала.

— Нет, тогда бы все про него знали! Это же деревня!

— Что мне с ним делать? — завопила Лейя.

— Переверни его ногами на место головы! Беги-и-и!

Лейя рванула в сторону ограды, протиснулась между прутьями, погрозила кулаком коню и растворилась в темноте.

Черный жеребец продолжал буйствовать, пытаясь сбросить нас со спины. Завывая как сирена, припомнив всех известных мне богов и помолившись им, как могла, я начала разворачиваться на крупе коня. Развернувшись, легла на живот, сжимая бока животного ногами, судорожно схватилась за основание хвоста, наклонила голову, с ужасом глядя на бьющие по воздуху копыта, и вцепилась в ляжку двоедушника зубами.

Дальнейшие события превзошли все мои ожидания и, похоже, ожидания Алии, потому что она загнула такое ругательство, что с деревьев листья посыпались. Чертова скотина взвыла, встав на дыбы. Я, испугавшись, что скачусь по спине коня, вцепилась в многострадальный зад зверюги еще и ногтями, поддав ему под бока пятками сапог. В ответ на конское ржание взвыл дурным голосом чертов младенец. Словно подстегнутый этим воем, двоедушник

перемахнул одним огромным скачком через ограду и рванул в чащу леса.

— Держись! — прокричала Алия, отплевываясь от листьев — ветки деревьев хлестали ее по лицу.

— Держусь, — безнадежно пробормотала я. В отличие от Алии, ветки хлестали меня не по лицу. Казалось, будто мне устроили грандиозную порку. Деревья мелькали и растворялись в темноте, а у нас впереди маячила перспектива прокататься так всю ночь, если Лейя не найдет двоедушника.

Проклятый жеребец уже три раза пробежал через весь лес, когда под животом у меня неожиданно образовалась пустота и на полной скорости я в виде лягушки грохнулась на землю, проклиная двоедушника и Упырское беспокойное кладбище. Алия, взвизгнув, влетела в муравьиную кучу и, возмущенно отплевываясь, вытряхивала потревоженных насекомых. Я с трудом поднялась на ноги.

— У меня ноги так колесом и останутся, — со стоном проговорила я, отряхиваясь и осматривая ссадины на коленях.

— Что произошло? — спросила Алия, на щеке у нее набухла красным полоса от хлестнувшей ее ветки.

— Лейя разбудила двоедушника. Надо выбираться из леса, — сказала я, оглядываясь по сторонам и стараясь не думать о том, кто может водиться в этом лесу.

— Лови. — Алия кинула мне свою одежду и встряхнулась. Я поспешно подхватила охапку белья и пошла следом за черной волчицей. — На хутор или на кладбище? — повернулась ко мне волчица, сверкнув желтыми глазами.

— На хутор, к Лейе, — решила я.

Черный зверь потрусил вперед. Минут через тридцать мы вышли к хутору. У кромки леса Алия приняла свой обычный вид и, ежась от ночной прохлады, оделась. Мы прошли мимо пасеки и приблизились к большому двухэтажному дому.

На крыльце что-то белело, как выяснилось — конский череп с могилы людоедки. Мы толкнули дверь, вошли в избу и замерли, прислушиваясь. Со второго этажа доносились какие-то звуки, мы побежали вверх по широкой лестнице. Лейя, бледная, похожая на

привидение в своем светлом платье, с растрепанными волосами, встретила нас наверху.

— По-моему, он умирает, — округлив глаза, сообщила она. Мы отстранили ее и вошли в темную комнату. Я тут же на что-то наткнулась в темноте и прошептала Лейе:

— Почему огонь не зажгла?

— Как-то не подумала, — ответила Лейя, и я запоздало вспомнила, что она прекрасно видит в темноте. Наконец Алия зажгла лучину, и в ее свете мы смогли рассмотреть двоедушника.

Встрепанные смоляные волосы, молодой, хотя старше нас, очень даже ничего, если бы не бледность и гримаса боли на лице.

— Что с ним? — спросила Алия.

— Мы его разбудили. Недели две будет болеть, а затем снова будет готов к подвигам. — Я поморщилась, вспоминая скачку.

Парень открыл глаза с расширенными от боли зрачками и потрясенно проговорил мне прямо в лицо:

— Ты укусила меня за задницу!

Я отпрянула и почувствовала настоящее желание почистить зубы. Лейя хихикнула и погрозила ему пальчиком.

— Зря мы не поехали медом угощаться, познакомились бы не при таких обстоятельствах, — вспомнив предложение Геронтия, сказала я.

— Так это... — Алия вытаращила глаза, — брат того, с усами?

— Он самый. И хуторок на отшибе, чтобы слухи не поползли.

— Мавка, вилколак и ведьма, ну и компания! — попробовал усмехнуться двоедушник, но новый приступ боли скрутил его, и он забился на огромной кровати.

— Лейя, спой ему, — попросила я мавку. — пусть поспит, да подольше!

Лейю дважды просить не нужно. Глаза двоедушника протестующе расширились, но по дому уже понесся нежный напев. Мы с Алией, зажимая уши и пригнувшись, словно бежали против ветра, выскочили из комнаты.

— Что будем делать дальше? — спросила Алия, садясь на стол в просторной кухне.

— Есть хочу, — сообщила я, заглядывая в шкафчики и доставая хлеб и мед. — Эта дикая скачка разбудила во мне просто зверский голод!

— Ты правда не умеешь ездить на лошади? — с недоверием спросила Алия.

— Правда. — Я намазала хлеб медом и, зажмурившись от удовольствия, откусила.

— Почему? — Алия, облизнувшись, последовала моему примеру.

— Не знаю. — Я пожала плечами. — Почему-то я их боюсь.

В проеме показалась довольная Лейя. — Как двоедушник? — спросила я.

Лейя улыбнулась, сунула палец в мед, облизнула его и ответила: — Спит. Как дома побывала! Трудно держать свой дар взаперти.

— Сколько будет спать? — поинтересовалась я.

— Ну ты просила подольше... — протянула Лейя. — Ночь и половину дня.

— В самый раз! — Я довольно улыбнулась. — Все успеем сделать.

— Что именно? — с подозрением уставилась на меня Алия.

— Прибраться на кладбище, — я стала загибать пальцы на руке, — сходить в деревню, сообщить усатому, что его братцу плохо, а еще найти пустышку младенцу, он опять верещал.

— А я Миколку видела, — засмеялась Лейя. — Когда за ограду протиснулась, на него и налетела. Он почему-то побледнел, а потом как заорет, руками замахал, точно ветряная мельница, и нарезал в сторону деревни.

— Ха! Ты же так в черепе и побежала, — захохотала Алия.

Скрыть следы ночных скачек было ой как нелегко! Глубокие вмятины от копыт на дорожках и могилах мы заглаживали, ползая на коленях и вовсю перемывая кости двоедушнику. Лейя вернула череп на могилу людоедки. Когда рассвело, мы оглядели территорию, отданную нам под опеку, и остались довольны. Позавтракали остатками сметаны и уже подкисшим молоком (вчера не догадались спустить его в погреб) и отправились в деревню.

Деревня еще только просыпалась, на траве блестели капельки росы. Мы подошли к забору, окружающему дом хозяина пегой кобылы, сунули головы в калитку и тотчас были облаяны двумя сидевшими на привязи здоровенными кобелями.

Мятое со сна лицо хозяина показалось в окне, а затем и он сам вышел к калитке, на ходу подвязывая штаны.

— Что-то вы сегодня рано, — приветствовал нас он.

— А мы от брата вашего... — встряла Лейя.

— Мы его разбудили, — коротко закончила я.

Мужик сначала не понял, пристально посмотрел на нас, а потом охнул и засуетился:

— Вы вот что, подождите на улице, Пелагея у меня не знает, что он... — Хозяин бросил встревоженный взгляд на дом. Мы вышли за ворота. Спустя некоторое время мужик вывел свою пегую кобылу.

— Он спит, — сказала я, — и будет спать еще долго. — Я многозначительно кивнула на Лейю, та потупилась и стала ковырять землю носком сапога. Мужик крикнул, по лицу было видно, что он немного успокоился.

— Мы предупредить пришли, вдруг у него там скотина какая, он раньше полудня не очнется, да и работник из него ближайшее время сами понимаете...

Мужик, кивнув, зашептал: — Я только прошу...

— Да никому мы не скажем! — прервала его Алия.

Он облегченно выдохнул, взобрался на телегу и вопросительно посмотрел на нас.

— Не-е, мы туда не поедem! — с чувством отказалась я. — Если вдруг что-то нужно будет, сами приходите.

Сначала мы купили сыра и творога, а еще пышных слоеных булочек с повидлом. Пекарь, узнав, что перед ним хранительницы, от доброты душевной щедро насыпал нам полные карманы орехов для обсыпки булочек. Весело их жуя, мы подошли к воротам дома старосты. Миколка, увидев нас, решил было сигануть через забор, но Алия бросила на него многообещающий взгляд, и парень передумал.

— Чего пришли? — недовольно спросил он.

— Мать дома?

— Нету ее, к тетке вчерась уехала.

— Слушай, а у вас есть еще соска? — спросила я.

— Рыбу ловить? — с ухмылкой спросил он. — Только задаром я ее вам не дам. Так вы каждый день будете сюда шататься да соски таскать.

— Вот щенок! — воскликнула Алия, хлопая себя по бокам. — И сколько же ты хочешь?

— Кладень.

— Паршивец! А не слишком дорого? — Алия сурово сдвинула брови. — Пупок не развяжется от такого богатства?

— Хорошо, треть кладня, — уступил маленький вымогатель.

— Неси соску.

Подросток убежал в дом и вернулся с пустышкой, похожей на потерянную как две капли воды. Я повертела соску в руках, пока Алия расплачивалась с Миколкой.

— Очень знакомая пустышка... — пробормотала я.

Вернувшись на свой боевой пост, мы повалились спать и, если бы не настойчивый стук в дверь, вероятно, проспали бы до самого вечера. Еле разодрав глаза и собрав себя в кучку, я шатаясь дошла до двери и распахнула ее. За дверью стоял брат двоедушника. Он посмотрел на мою сонную физиономию, смутился, потоптался на месте и произнес:

— Я это... за вами приехал, ну... чтобы вам ноги зря не топтать. Я растолкала сонных девиц, и мы, позевывая, полезли в телегу. — Он не проснулся, да? — догадалась я.

Мужик отрицательно помотал головой. Я выразительно посмотрела на Лейю, но та сделала вид, что не слышала моего вопроса. Алию укачало, и она тихо посапывала в углу телеги. Стояла духота, двигаться решительно не хотелось. На пасеке гудели пчелы.

Мы вывалились из телеги и не спеша поднялись на второй этаж.

Комната при свете дня приняла совсем другой вид, не зловещий, как ночью при свете лучины.

Двоедушник действительно еще спал, закинув руки за голову.

Мы с Алией склонились над ним, как два упыря над жертвой. Лейя протиснулась между нами и, соорудив умильную рожицу, пропищала:

— Какой хорошенький!

— Все они хорошенькие, Когда спят, — пробурчала Алия, и мы, недовольно сморщившись, вытеснили мавку обратно за спины.

— Лейя, когда он должен был проснуться? — спросила я.

— Да часа два назад. Я все правильно рассчитала. Учла и то, что он нечисть, и болевые последствия... — принялась перечислять мавка.

Мы с Алией переглянулись, я встретила не на шутку встревоженный взгляд брата двоедушника.

— Будем будить, — со вздохом сказала я, наклонилась и потрясла двоедушника за плечо: — Эй, вставай! — Никакого эффекта. Алия хмыкнула и, не предупреждая, отвесила спящему звонкую оплеуху. Он дернулся, распахнул глаза цвета серебра, ошеломленно обозрел наши физиономии. Алия подняла руки, пошевелила пальцами, прогудев:

— Ночной кошмар продолжается!

— У-у-у, — простонал в ответ двоедушник и закатил глаза. — Я-то надеялся, что мне все это приснилось.

— После такой веселой скачки? — удивилась я.

— Ох, и не напоминай! — скривился парень. — У меня и так все болит. — Он осторожно сел на кровати, поморщился.

— У него все болит! — возмутилась я. — А ты вообще в курсе, что чуть нас не угробил?

— Угробишь вас! Я уже думал, что, когда очнусь, ты так и будешь висеть на моей заднице! — Тут он заметил своего братца и замолчал. Братец, видимо, не предполагал, что двоедушника можно оседлать и покататься на нем, поэтому лицо его выражало безмерное удивление. Решив оставить их наедине, мы с Алией стали пятиться, по пути прихватив менее понятливую Лейю. Спустились вниз и вышли на улицу.

— Интересно, что двоедушнику понадобилось на кладбище? — спросила я. — Ведь не просто так он туда пришел, явно с какой-то целью.

— Да он просто спал! — сказала Лейя.

— Или притворялся, что спит... — Я задумалась. — Когда увидел, что его заметили, решил за обыкновенную заблудившуюся скотинку сойти.

Алия нахмурилась:

— Когда закрывали ворота, я могу поклясться, что кладбище было пустым.

— Правильно, он дождался темноты и перемахнул через ограду, да на его беду Лейя прекрасно видит в темноте, — закончила я.

— К кому же он приходил? К покойникам? — спросила Алия.

— А вот этого мы пока не знаем. Во время скачки он основательно потоптал практически все могилы. Когда мы на него

прыгнули, он испугался, видимо, не ожидал этого. Мог бы воспользоваться силой ветра, как все двоедушники, но почему-то этого не сделал...

— Что же ему нужно было? — Алия задумчиво посмотрела на окна второго этажа.

— Узнаем.

— На могиле атамана уже второй раз нахожу букетик цветов, сказала Алия, закрывая на ночь ворота. Лейя покраснела, мы тактично сделали вид, что не заметили ее замешательства.

— Остается надеяться, что сегодняшняя ночь пройдет спокойно, — тихо проговорила я.

Мы положили соску у могилы младенца. Девочки убежали вперед, а я задержалась, вытряхивая камушек из сапога.

— Верелея... — слышалось со стороны ограды, словно донесло легким ветерком. Я вздрогнула и медленно разогнулась, повертелась на месте, но никого не увидела. Тряхнув головой, я побежала догонять подруг, оглядываясь через каждые два шага.

Половину ночи мы честно работали, вернее, играли в карты, но сон все-таки сморил нас, и проснулись мы лишь под утро, подскочив, как ошпаренные, от крика младенца.

— Это уже не смешно! — возмутилась Алия. Лейя выскочила на крыльцо, постояла и вернулась, выразительно разведя руки в стороны. — Вот зараза! — выругалась Алия. — Какая сволочь таскает пустышки?

Надрывный вой неся над Упырским кладбищем до самого рассвета. Мы все это время костерили на все лады ночного вора.

А с рассветом к нам пожаловал дядька Геронтий.

— Я от Веляя возвращаюсь, — объяснил он. — Полегчало ему, вот, велел вам передать. — Геронтий выставил на стол банку меда. — За то, что вы его... — Мужик замялся.

— На тот свет не отправили? Хотя знака архона у него нет? — ехидно спросила я. — При помощи Лейиной песни?

— Ну вы могли и...

— Не будить его, — жестко договорила я. — И избавиться от нечисти навсегда. Но мы сами нечисть.

— Он сказал, что даже видел смерть, только почему-то конскую, неуверенно добавил Геронтий и очень удивился, когда мы расхохотались.

— Так ты так в черепе к нему и ввалилась?! — утирая слезы, спросила Алия. — А я-то думала, что ты его на пороге сняла!

— Я его сняла после того, как он сказал, что умирает, — виноватым тоном проговорила Лейя.

— Я к себе в деревню еду, — сказал Геронтий, оглядывая нас. — Могу подвезти, если что нужно.

— Я поеду, — сказала Алия, — у нас опять дела. Мужик вытарашил глаза:

— Опять украли?!

Мы вздохнули. Геронтий хмыкнул и пошел к телеге, а Алия, натягивая сапоги, пощелкала языком, смакуя имя:

— Велий, неплохо, ему подходит.

Пока Алия искала в деревне новую пустышку, Лейя предложила сходить на речку. Я была особо не в восторге от ее предложения (панически боюсь воды), но перспектива весь день просидеть в душном доме тоже не прельщала, поэтому я покорно пошла с мавкой.

День стоял жаркий, в траве весело стрекотали кузнечики. Я сняла сапоги и размахивала ими в такт шагам. Лейя радостно скакала по высокой траве и даже соорудила себе веночек. Цветы и трава торчали из него в разные стороны.

— Ты похожа на испуганного ежа! — засмеялась я. Лейя нисколько этим не расстроилась, напротив, решила меня тоже превратить в подобие ходячего вороньего гнезда, что и сделала с большим удовольствием. Теперь мы прекрасно дополняли друг друга.

Речка была небольшая, но глубокая. Лейя, не заботясь о том, видит ли ее кто-нибудь кроме меня, разделась, с визгом кинулась в воду и нырнула, сверкнув голым задом. Я подошла к воде, потрогала ее пальцами ног и, придерживая повыше платье, немного походила по мелководью туда-сюда, тихонько ахая, когда под ноги попадался острый камешек. Скоро это занятие мне надоело, и я растянулась на травке, сквозь торчащие из венка травинки любуюсь безмятежным голубым небом. Солнце пригрело, я разомлела, да и заснула под звонкие взвизги Лейи.

Проснулась я оттого, что мне на лицо лилась вода. Со сна мне показалось, что она течет просто нескончаемым потоком. Я в ужасе замахала руками, затем, приоткрыв один глаз, рывкнула прямо в лицо смеющемуся Велию:

— Я боюсь воды! — и взмахнула руками. Из речной воды поднялся большой водяной пузырь. Долетев до нас, он лопнул прямо над головой ошарашенного Велия, окатив попутно и меня веером брызг. — Здорово! — восхитилась Лейя, стоя по пояс в воде. — Веря, давай еще один!

— Обойдетесь. Прикройся хоть, бесстыдница, — проворчала я, выжимая подол промокшего платья. — Откуда ты взялся? — повернулась я к Велию.

— Увидел, как вы через луг к речке шли, вот и пошел за вами, пояснил он, развешивая мокрую рубаху на кустике. Лейя, пользуясь тем, что он отвернулся, шмыгнула в кусты. Вот оттуда вытянулась ее рука и стала нащупывать лежащее на песке платье. Я, пока наблюдала за ее конечностью, забыла, о чем хотела спросить Велия. Платье поползло в кусты, я перевела взгляд на двоедушника и смутилась, заметив, что он пялится в вырез моего платья.

— Ты не пользуешься накопителем, — сказал он. Я покраснела, сообразив, что поняла его взгляд неправильно.

Лейя выскочила из кустов и подошла к нам, глядя на Велия из-под длинных ресниц.

— Где третью потеряли? — спросил Велий, не обращая внимания на Лейю.

— В деревню поехала, — пояснила я, снимая венок с головы. Лейя достала гребешок, села на траву и стала расчесывать свои длинные волосы, что-то напевая. Я подняла с земли камушек и бросила в воду.

— Как вы попали в хранильницы? — спросил Велий, бросая свой камушек вслед за моим. Лейя засмеялась:

— Нас отправили за...

— Отличную учебу, — подхватила я, сообразив, что мавка сейчас выболтает все обстоятельства нашего здесь появления.

— Не знал, что за отличную учебу отправляют сюда, — с сомнением сказал двоедушник.

— Нас уговаривал весь коллектив учителей, — скромно добавила я.

Велий хмыкнул и послал еще один камушек в воду.

— А ты как оказалась в этой Школе, ведь ты не магическое существо? На магов и ведьм обучают в других заведениях, а в этом лишь развивают собственные таланты? — вдруг спросил он, поворачиваясь ко мне.

— Как это не магическое? — удивилась я. — Я — летавица.

С секунду он смотрел на меня, точно хотел убедиться, что я действительно в это верю, а потом захохотал, схватившись за живот.

— Ой! Не могу! Летавица! — слышалось между приступами смеха. — Рыжая, конопатая! От смеха умру!

Я нахохлилась как воробей и уселась на траву рядом с Лейей, которая недоуменно наблюдала этот взрыв веселья. Вдоволь насмеявшись, Велий сел рядом с Лейей и сказал:

— Ты такая же летавица, как я... — он помахал руками, подбирая сравнение, — леший. Я видел летавицу и знаю, что это такое.

Я с досадой швырнула в него веночек и стала натягивать сапог.

— Странно, что ты вообще можешь пользоваться магией. Да еще без накопителя, — продолжил свои рассуждения Велий.

— А вот это уже не твое дело, — огрызнулась я.

— Да мне просто стало интересно. — Велий откинулся на спину, сунул в зубы травинку и прикрыл глаза. Солнце искорками вспыхивало в угольно-черных волосах. Весь его вид говорил, нет, просто вопил о том, как ему хорошо. Чтобы хоть маленько подгадать ему настроение, я предложила:

— Хочешь, Лейя тебе споет песенку?

Лейя перестала расчесывать волосы и вопросительно посмотрела на меня, а Велий приоткрыл один глаз и возмущенно проговорил:

— Ты даже представить себе не можешь, каким униженным себя чувствуешь после ее голосовых изощрений.

— И вовсе я не изощрялась, — надула губки Лейя, а Велий продолжал, снова прикрыв глаза:

— Чары мавок на меня не действуют, а вот песни... Хотя, должен признаться, оправился я намного быстрее.

Я встала и отряхнула платье от травинки. Велий приоткрыл глаза, скосил их в мою сторону, но вставать не стал.

— Лейя, пора возвращаться, Алия уже, наверно, вернулась. Мавка, вздохнув, оторвалась от созерцания молодого мужского тела и легко поднялась на ноги.

— Я, может, навещу вас ночью, — бросил нам вслед Велий. Я вопросительно приподняла бровь, а он усмехнулся и пояснил: — Не бойся, я еще дней десять не смогу раздвоить душу. Так что изменений во внешности не предвидится.

Лейя широко улыбнулась:

— Мы будем очень рады, если ты придешь.

Я развернулась к этой сладкой парочке спиной и решительно зашагала прочь, не попрощавшись.

К тому времени как я и Лейя пришли, Алия уже вернулась и была вне себя от бешенства.

— Нет, представьте, этот щенок продал мне пустышку за половину кладня! — завопила она, едва мы появились на пороге. — Полкладня за какую-то соску! — Она гневно потрясла пустышкой.

— Какой щенок?

— Миколка, — Догадалась Лейя, выхватывая пустышку из рук Алии и протягивая ее мне. Я села на кровать и повертела соску в руках:

— И где они берут одинаковые соски?

— Знать не хочу! — бушевала Алия — Поймаю мерзавца, который крадет соски, руки-ноги повыдергиваю!

Я положила причины бешенства на подоконник, Алия, немного остывая, сказала:

— Там Геронтий еды послал, картошки вареной, да масла, да сметаны. Я со злости полгоршка съела. Все еще горячее, так что налетайте. Да, а где вы были?

— На речке, — пояснила я, снимая с горшка салфетку. — Лейя решила искупаться.

— А ты, как всегда, только ножки помочила? — зная мою боязнь воды, насмешливо спросила Алия. Я пожала плечами и, зачерпнув ложку сметаны, добавила ее в картошку.

— Мы Велия видели, — с улыбкой сообщила мавка. — Такой красивый, просто жуть!

— Прицепился как репей, прохода нет, — фыркнула я.

— Может, ему Лейя понравилась, — с улыбкой сказала Алия.

— Он говорит, что мои чары на него не действуют, — со слезами в голосе пожаловалась подруга.

— Выходит, — задумчиво проговорила Алия, — ему...

— Нужно попасть на кладбище, а не заручившись нашей дружбой, это сомнительно, — прервала я ее.

Алия и Лейя переглянулись, одна хищно сузила глаза, а вторая обдумывала, какие преимущества ей это сулит. Будущая валькирия приняла решение первой:

— Даже близко к ограде не подпущу.

— Поздно, — проговорила я с набитым ртом. — Он сегодня ночью будет здесь. Просить разрешения ему и в голову не пришло.

Лейя выскочила из-за стола и, схватив гребень, принялась вертеться перед зеркалом, а я со вздохом пошла мыть посуду.

Вечер подкрался незаметно. Лейя всю готовилась к встрече с Велием, передела платье, вплела в волосы цветы, за которыми не поленилась сбегать на соседний луг. Алия, заразившись ее возбуждением, состряпала что-то отдаленно похожее на печенье и страшно гордилась своим подвигом, а я с некоторым злорадством надеялась, что двоедушник все-таки не придет.

Наконец над кладбищем поплыла огромная, такая бывает только здесь, луна. Велий не пришел, Лейя приуныла, Алия поглощала своюстряпню и вслух мечтала о том, как вернется в Школу и намылит шею всем своим обидчикам. Кладбище наполнялось жизнью, если можно так сказать, хотя после первой ночи нашего вступления на пост покойники упорно обходили нашу троицу десятой дорогой, не желая связываться со слишком активными хранительницами. Дождавшись окончательной темноты, я стала натягивать сапоги.

— Ты куда? — спросила Алия.

— В туалет.

— Смотри, дверь закрой, а то опять залезут в нужник, — напомнила Лейя.

— Хорошо.

Я вышла за дверь, спустилась по ступенькам крыльца и осторожно направилась к воротам. Выйдя на улицу, я двинулась вдоль ограды, стараясь производить как можно меньше шума. В ярко

освещенных окнах избы был виден силуэт Лейи, которая пригорюнившись сидела у стола. Чем дальше я шла, тем темнее становилось, двигаться пришлось медленнее. Проклятое платье путалось в высокой траве, я шипела от злости и, пока дошла до места, довела себя до состояния тихой ярости.

Прижавшись к ограде и бросив взгляд на могилы, я остановилась, поняв, что на месте, присела на корточки, а затем вообще легла в траву. Ждать пришлось долго, а может, это мне просто показалось. Трава щекотала шею, сверчки стрекотали изо всех сил, и я несколько расслабилась, но тихое шуршание быстро привело меня в чувство. Я прижалась к земле, с удовлетворением разглядывая тощую спину воришки, который протиснулся между прутьями ограды и исчез в темноте. Уговаривая себя еще немного потерпеть, я в азарте все-таки подползла ближе к ограде и, когда ничего не подозревающий вор, озираясь, вылез обратно, с утробным ревом прыгнула ему на спину. Вор тонко заверещал и повалился в траву, а я уселась ему на спину и принялась тузить кулаками.

— Маленький гаденыш! Я тебе покажу, как красть соски; а затем продавать их по баснословной цене!

Девчонки, услышав наши вопли, выскочили из дома. В подтверждение свершившейся кражи взвыл младенец, я с утроенной силой принялась измываться над жертвой, но чья-то рука за шиворот отцепила меня от подростка, хотя я успела еще поддать ему ногой.

— Оставь его. — Велий держал меня за шиворот как напроказившую кошку, осознание этого меня взбодрило еще больше, но подросли подруги.

— Что случилось? — хлопая ресницами, спросила Лейя. Велий, не ответил и меня не отпустил. Алия в отличие от мавки сразу все поняла и рванулась к Миколке, горя праведным гневом, но двоедушник и ее придержал за шиворот. С нами двумя в руках он был похож на удачливого рыбака, который хвалится уловом. Миколка сидел на земле и, размазывая грязь по щекам, сверкал на нас глазами.

— Все, успокойтесь! — рявкнул Велий, и его рык возымел действие, во всяком случае, дрыгать ногами мы с Алией перестали и только возмущенно сопели. Велий медленно разжал пальцы, мы стали усиленно отряхиваться, я от травы, приставшей к подолу платья, а

Алия от прикосновений двоедушника. Мягкосердечная Лейя помогла встать Миколке.

— Пошли в дом, — даже не предложил, а скомандовал двоедушник.

Я хотела возмутиться — с чего вдруг он нам приказывает, но вспомнила его крепкие пальцы и, подавив возмущение в зародыше, развернулась и первой зашагала через траву.

В доме, усадив нас всех за стол (Лейя принялась хлопотать с чаем), Велий снова взял власть в свои руки:

— А теперь объясните, что произошло.

Мы все наперебой стали изливать свое возмущение, присоединилась даже Лейя с горячим чайником, в словесном азарте она махала им перед лицом отшатывающегося Велия. Двоедушник от гама схватился за голову, взъерошив свои черные волосы, потом, положив руки ладонями на стол и наклонившись к столешнице, негромко, но четко попросил:

— По очереди. — И, упреждая выступление нашего хора на бис, назначил солистку, коей оказалась я.

— Этот... — обвинительным тоном начала я, но запнулась в поисках слова, способного выразить всю гамму чувств по отношению к Миколке.

— Гаденыш... — ласково подсказала Алия.

— Да, — продолжила я, — таскал, вернее, подло воровал соски у бедного несчастного младенца, которого потеря пустышки ввергает в пучину отчаяния и воя, а его вой в свою очередь ввергает в отчаяние нас, — на одном дыхании выпалила я. Все с интересом слушали мою речь, а Алия произнесла ехидно:

— Твоя манера изъясняться в сложной ситуации всегда меня восхищала.

Я хотела закрыть рот, но меня уже понесло:

— Мало того, на доставленном нам беспокойстве он решил не останавливаться и продавал украденный предмет, каждый день повышая цену. Ввиду нанесенного нам морального и материального ущерба, — тут Велий покраснел, напыжился, и я стала подозревать, что двоедушник с трудом сдерживает смех, — я требую возмещения материального ущерба, а именно две трети кладня, и морального в виде наказания для воришки.

— Какое же наказание вы предлагаете? — с трудом удерживая серьезное выражение лица, поинтересовался Велий.

— Съесть, — рывкнула Алия. Миколка побледнел.

— Защекотать, — вклинилась Лейя. Подросток втянул голову в плечи.

— Выдрать, — сказала я, а Миколка подскочил над лавкой, но был усажен обратно.

— Хорошо, мы учтем ваши пожелания, но давайте выслушаем доводы и другой стороны. — Велий с усмешкой повернулся к Миколке. Миколка покраснел и забормотал:

— А чего они... ничего не делают... только...

— Поразборчивее, ответчик, — обратился к мальчишке Велий.

— Да они не хранительницы, а мучительницы самые настоящие. Эта, — он ткнул пальцем в Лейю, — вообще перед покойниками задом вертела! Эта, — палец уперся в Алию, — дергала покойного графа за бороду и настаивала на том, чтобы он ее сбрил, а сама еле на ногах держалась. А эта, — мальчишка перешел к моей скромной персоне, таскала за собой по кладбищу упыря как какую-то собачонку на поводке, растащила в разные стороны князя и княгиню, да еще пинков им надавала, вереща, что не позволит заниматься непотребствами на вверенном ей кладбище. А младенца очень даже хотела сама из могилки вытащить, — выкладывал подросток подробности первой ночи обескураженному Велию, — а на следующий раз вообще какого-то жеребца привели и давай на нем без седла по могилам галопировать, а третья череп на себя напялила, меня чуть в гроб не вогнала. — Глядя на несколько смущенного Велия, мальчишка закончил свою обличительную речь словами: — Ну какие они хранительницы! Никакого покоя на кладбище.

Над столом повисла напряженная тишина.

— Мы больше не пьем, — пискнула, оправдываясь, Лейя.

— А соски ты воровать начал еще при прежнем хранителе, — заметила я. Миколка поерзал на лавке и буркнул:

— Дык он напьется и спит, совсем ночью за кладбищем не смотрит.

— Поэтому ты взбадривал его криками младенца, да?

— Я соску утром всегда возвращал на место, — сказал Миколка.

— Итак, суд выносит решение, — напомнил о себе Велий. — Ответчик возместит материальный ущерб и понесет наказание в виде повинности каждую ночь вместе с хранительницами следить за порядком на кладбище.

Миколку, похоже, такое решение вполне устраивало, Лейя обрадовалась перспективе проводить ночь не только в нашем обществе, я тешила себя надеждой, что хоть следующую ночь смогу спокойно поспать, только Алия пробурчала что-то о маловозрастных нахлебниках, на что Миколка не обратил внимания, целиком погруженный в мечты о вступлении на пост помощника хранительниц. Видимо, быть хранителем Упырского кладбища — его заветная мечта.

Остаток ночи прошел в относительно спокойной и дружеской обстановке. Лейя напоила всех чаем, Алия предложила свою стряпню. Велий откусил кусочек печенья, изменился в лице и, с явным трудом проглотив, положил недоеденную половинку обратно, я с усмешкой за этим наблюдала, прихлебывая чай из кружки. Миколке печенье пришлось по вкусу, и Алия с недовольным видом убрала вазочку от него подальше.

Когда рассвело, Миколка и Велий собрались восвояси, Миколка позевывая, а Велий свеженький, как будто всю ночь безмятежно спал. Я вышла босиком на крыльцо, ежась от утренней прохлады, обзрела кладбище, с довольным выражением развернулась на пятках и в полутемных сенцах столкнулась с Велием. От неожиданности я вздрогнула, а двоедушник улыбнулся, улыбка у него была что надо! Искренняя и обаятельная, жаль, я ее не оценила.

— Не знал, что у вас ночами так весело, а то давно бы напросился в гости.

— Зачем ты был на кладбище? Что-то искал? — в лоб спросила я.

— Почему ты учишься в Школе для нечисти и я не вижу твоего накопителя? — вопросом на вопрос ответил помрачневший Велий.

— Ясно, — понимающе кивнула я и прошествовала в горницу, бросив: — До свидания.

Так мирненько мы и расстались.

Полдня мы проспали, а когда проснулись, поняли, что В такую жаркую и знойную погоду в избе можно только угорать. Поэтому,

поспорив, решили пойти на речку, в такой зной даже я согласилась немного поплескаться в прохладной воде.

На облюбованном нами месте нас ждало глубокое разочарование — именно сегодня этот замечательный пляжик подвергся набегу рыбаков. Несколько мужиков с удочками в руках тихо перешептывались друг с другом и напряженно смотрели в воду на поплавки.

Мы затаились в кустах.

— Ишь как шепчут, — недовольно прошипела Алия, — боятся рыбу вспугнуть.

— Если мы с визгом бросимся в воду, нас побьют, — уверенно сказала я, отмахиваясь от приставучего овода. — Смотрите, какого красавца они уже заполучили. — Я ткнула пальцем в небольшое ведерко, стоявшее у одного из рыбаков. Из ведерка явно маловатых размеров для такого трофея высывалась голова большущей рыбины.

— Рыбки хочу, — тихонько заскулила Лейя, я тоже облизнулась, а Алия возмущенно зашептала:

— Ну зачем им столько рыбы?

Лейя, сверкнув глазами, предложила:

— А давайте ее утащим.

— Лейя, это же воровство! — вытаращила я глаза. — Нас побьют еще раз.

Мы устали из кустов на вождленную рыбину, как голодные кошки. Через некоторое время Алия возбужденно заворчалась:

— Девочки, у меня план. — Она горячо зашептала — у нее были готовы сразу несколько планов грабежа.

Мужики шепотом обсуждали погоду и на что лучше всего клюет. Один из них, тот, который мог похвастаться самым большим уловом, выразил желание выловить что-то побольше предыдущего и развел руки, демонстрируя размеры предполагаемой добычи, и тут, к его ужасу, желание начало сбываться. Сначала из воды высунулся рыбий хвост, покрытый крупной перламутровой чешуей, игриво изогнулся, а затем нырнул обратно, обдав разинувших рты рыбаков брызгами речной воды. Пока потрясенные рыбаки оценивали размеры добычи, из воды появилась довольная девичья мордашка, девица, хихикнув, подплыла к большому камню и ловко на него уселась, явив на всеобщее обозрение голое тело и знакомый рыбакам рыбий хвост.

Болтая упомянутой частью тела в воде, девка вытащила большой костяной гребень и, лукаво поглядывая на мужиков, стала расчесывать свои изумрудные волосы, время от времени бессовестно подхихкивая.

Пока Лейя отвлекала внимание, мы с Алией на четвереньках выползли из кустов и, воровато озираясь, потянули к себе рыбу из ведра. Рыбина была еще живая и принялась отчаянно сопротивляться, извиваясь и разевая рот с внушительными загнутыми зубками. Лейя, заметив нашу судорожную борьбу с рыбиной, поняла, что еще мгновение — и мужики застанут незадачливых воровок прямо на месте преступления, пошла на крайнюю меру, а именно откинула назад волосы и потрясла грудью на манер цыганок. Над рекой повисла тишина, комары замолчали, а рыбаки подались вперед. Мы с Алией силовым воздействием таки уговорили рыбину сдаться и, быстро перебирая конечностями, уползли в кусты, где и вздохнули с облегчением. Лейя издала еще один довольный смешок и поведала замороженно плящимся на нее мужикам:

— Щас спою!

В рядах слушателей началась паника, они побросали удочки, зажали уши руками и бестолково заметались по берегу. Лейя, гордо осмотрев берег, прокричала напоследок:

— А нечего на голых девушек пялиться, кобели! — и скользнула под воду.

— Чего вы так долго возились? — ворчала мавка, втискиваясь в платье.

— Рыба слишком скользкая была, — оправдывалась я. Алиа с рыбой в руках сияла как начищенный пятак. Лейя вернула себе свой каштановый цвет волос, хвост потеряла еще где-то в речке.

— Ну что мужики про меня говорили? — весело осведомилась она.

— Сказали, что нечисть совсем обнаглела, среди бела дня из воды лезет. До сих пор тебя с сачком ловят, — сообщила Алиа, раздвинув ветки куста. — Эх их разобрало!

С речки возвращаться мы решили не лугом, а через лес. Алиа захотела земляники. Ягод мы набрали, но в процессе сбора все их съели. По лесу мы побродили порядочно, ноги уже слегка заплетались.

Заметив удобный пенек, я не глядя села на него, и в ту же секунду зад пронзила острая боль. Я подскочила и заметила, как в траве скрылся кончик хвоста какого-то ползучего гада. С мгновение я недоуменно хлопала глазами, а затем огласила лес истошными воплями. Алия и Лейя с дикими глазами прибежали на мои стенания.

— Ты чего орешь? — спросила Алия.

— Меня укусила змея, — охрипшим от ужаса голосом сообщила я.

— Куда?

— Туда! — заорала я во всю мощь легких и затопала ногами. Лейя забегала вокруг меня, пытаюсь осмотреть пострадавшую часть тела. Алия нахмурилась и глубокомысленно заключила:

— Да... туда и жгут не наложишь.

Я со злостью посмотрела на нее:

— Издеваешься?

— Нет, просто констатирую факт, — с завидным спокойствием сказала Алия. — Как так получилось, что она тяпнула тебя в такое интересное место?

— Я на пенек села, а там она. — Я со страхом прислушивалась, как яд через кровь разносится по организму. — О-о-о, мне плохо! — взвыла я. Память услужливо напомнила, что от змеиных укусов вроде бы чернеют и распухают.

— Приложи подорожник, — сказала Лейя, размахивая ворованной рыбиной.

— А может, ее к Геронтию или Велию доставить, может, они знают, что делать? — задумалась вслух Алия.

— Да ни за что! — оживая, взвизгнула я, представляя, как буду демонстрировать свой голый зад. — Лучше я помру здесь, в лесу в компании двух кретинок!

— Про кого это она? — От беспокойства мавка стала плохо соображать.

— Можно еще укус разрезать и выдавить яд, — Продолжала вспоминать Алия. От перечисления вариантов моего спасения мне становилось все хуже и хуже. Ножки стали подрагивать, я опустилась на тот же самый пенек и почувствовала, как меня укусили снова. Я, вскрикнув, вскочила и заозиралась. Змей не было. Алия и Лейя молча наблюдали за моими телодвижениями. Я присела у пенька и провела

ладонью по его поверхности. С самого края торчали две тоненькие щепочки, острые как иголки. У меня вырвался нервный смешок

— Ты чего? — подозрительно спросила Алия.

Я снова хихикнула, понимая, что быть мне битой не рыбаками, так подружками.

— Тут щепочки, — пояснила я. — Это они меня укололи, а не змея. Лейя засмеялась, хлопая рыбиной по коленям, а Алия выдала длинный список нецензурных слов, поминая мою родню до седьмого колена, и добавила:

— Когда будешь пристраивать свою задницу в следующий раз, посмотри, куда садишься!

Миколка ждал нас на крыльце. Увидев его, Лейя радостно заулыбалась, тряся рыбиной. Подросток принес сметану, каравай хлеба, сыр и пирожки с яйцом и луком.

— Маманя послала, — пояснил он. Увидев все это богатство, мы поняли, как сильно проголодались.

Вскоре рыба весело скворчала на сковороде, щедро политая сметаной. По дому плыл одуряющий аромат готовящегося блюда. На улице темнело.

Миколка ерзал на лавке, не зная, чем себя занять. Лейя посмотрела него и предложила:

— А давайте во что-нибудь поиграем!

— Во что? — загорелась я, сидеть без дела не хотелось и мне.

— Ну не знаю... — протянула она. — Может, в салочки?

— С ума сошла? — вмешалась Алия. — Мы же не малые дети!

Но Лейя ее уже не слышала, они с Миколкой бегали друг за другом вокруг стола, без спроса включив в игру и меня. Алия посмотрела на нашу возню, послушала взвизги и сказала:

— Хорошо, только там. — Она показала на могилы за окошком. Если Алия думала, что мы откажемся от своей затеи, то ее постигло разочарование, потому что мы, быстро прикинув, какие возможности перед нами открываются, выбежали на улицу.

Игра задалась. Лейя смеялась и взвизгивала так, как это умеют только мавки, мы носились по кладбищу, перепрыгивая через могилы и пытаясь спрятаться за надгробиями. Пару раз я в азарте налетела на

восставших покойников, которые шарахнулись от меня, как от чумной, я вежливо извинилась и даже присела в подобии реверанса, а затем побежала дальше, салкой была Лейя, которая на нашу беду прекрасно ориентировалась в темноте. Выскочив на дорожку и оглянувшись, я увидела мавку, которая меня нагоняла, поддернула платье повыше, чтобы не мешало бежать, и на полном ходу налетела на выходца из могилы, чуть не свалив его на землю. Лейя этим воспользовалась и, стукнув меня по плечу, радостно крикнула:

— Салка!

Я посмотрела, как она, легко перепрыгивая через могилы, удаляется, сделала реверансик, не глядя на покойника, и, буркнув:

— Извиняйте, — рванула было за ней, но была схвачена за рукав.

Я удивленно развернулась и увидела смеющиеся серые глаза Велия:

— Я, как всегда, в самый разгар веселья. Какое развлечение на сегодня?

— В салочки играем, — сказала я, поспешно опуская подол платья.

— И кто салка? — поинтересовался он.

— Ты! — Я хлопнула его по плечу и помчалась прочь, только ветер засвистел в ушах.

Я спряталась за могильной плитой самого спокойного покойника и пыталась отдышаться, слушая, как Велий гоняет Лейю и Миколку. Спустя мгновение ко мне присоединилась Алия, она села рядом на корточки и прошептала:

— Слушай, мне еще никогда не было так страшно играть в салки. Он же гонится, как за добычей, честное слово. — Алия вздрогнула. Мы затихли, надеясь, что нас не найдут, и прислушиваясь к шагам по дорожке между могил. И вот когда я уже поверила, что нас не обнаружили и шаги стали удаляться, Алия громко чихнула. Я подскочила и тут же получила хлопок по плечу. Велий, стоя на каменной плите, удовлетворенно объявил:

— Салка!

Алия снова чихнула, я возмущенно повернулась к ней и вдруг поняла, что с подружкой что-то не так. Алия терла нос и продолжала беспрерывно чихать.

— Алия, ты чего? — испугалась я.

— Может, простыла? — сказал Велий.

Алия затрясла головой и, зажимая пальцами нос, прогундосила:

— Запах, ничего не могу сделать. — Она снова чихнула. — Пахнет чем-то отвратительным, но незнакомым.

Я нервно заозиралась, втягивая носом воздух, но никакого запаха не почувствовала.

— Может, тебе что-то в нос попало? — Алия сверкнула на меня глазами и помотала головой. Подбежали раскрасневшиеся Миколка и Лейя. Лейя наклонилась к Алие:

— Тебе плохо?

— Уже лучше, — прогнусавила Алия. — Сюда что-то приближается из леса, большое.

— Странно, — встревожился Велий. — В нашем лесу самое большое животное это волки, да и те редко встречаются в последнее время.

— Это не волк, — чихнув, сказала Алия.

— Черт. — Велий вытащил из-за голенища нож. Я кинула взгляд на рукоять ножа и мысленно присвистнула. «Мало кто из простолудинов может позволить себе такой ножичек», — подумала я, вслух же сказала другое:

— У нас есть оружие в доме, в сундуке, вот ключ, можешь взять лук и стрелы. — Я достала из кармана ключ и бросила его двоедушнику. Велий убежал к дому, а мы с чихающей Алией стали медленно пятиться от ограды, и тут Миколка заверещал:

— Смотрите, трава...

Мы посмотрели, куда он показывает трясущимся пальцем, и меня бросило в холодный пот. Трава за оградой вяла, желтела и рассыпалась на глазах. Лейя завизжала:

— Это... это...

Из-за деревьев показалось что-то огромное.

— Василиск, — упавшим голосом произнесла Алия и снова чихнула. Лейя, проблеяв что-то невнятное, со всех ног бросилась к дому. Миколка, взвизгнув, спрятался за статуей князя. Мы с Алией с замиранием сердца наблюдали за выступающим из темноты огромным змеем.

— Похоже, наше кладбище превращается в парк отдыха с миленькими статуями хранительниц и их опекаемых, — выдавила я

и нервно хихикнула.

У Алии после моих слов не выдержали нервы, и она, дико вскрикнув, Пустилась наутек, на ходу трансформируясь. Я проводила взглядом убегающую волчицу в рубахе и штанах и снова захихикала, после чего принялась икать от страха. На крыльцо выскочил Велий с луком в руках. Посмотрев за ограду, он выронил его из рук и закричал мне:

— Ложись, дура!

Я продолжала стоять столбом, не в силах даже пошевелиться. Стояла и по-идиотски рассматривала буро-зеленые, плотно прилегающие одна у другой чешуйки на теле василиска. Огромную голову с глазами, пока прикрытыми пленочками, венчал гребень в виде диадемы. За считанные мгновения в моей голове пролетела уйма мыслей, я ухватилась за одну, которая показалась мне сейчас самой важной: в какой позе и с каким выражением лица будет моя статуя. Мне очень не хотелось закаменеть с каким-нибудь глупым видом. Я торопливо стала перебирать возможные варианты и в последнюю секунду, перед тем как василиск заметил меня, мысленно посетовав на то, что у меня нет зеркала, надо бы посмотреться и придать себе благообразный вид, зажмурилась и... Закаменела.

— Жива? — произнес кто-то над ухом. «Ура, слышу!» — обрадовалась я и попробовала открыть глаза.

— Ура, вижу! — уже вслух поделилась я открытием. Пошевелила скрюченными пальчиками и чуть не зашлась в восторге.

— Надеюсь, твой рассудок не пострадал, — неуверенно проговорил Велий, заглядывая мне в глаза.

— Я тоже надеюсь, что не осталась заикой.

— Как ты его! — восхищенно сказал Миколка, глядя в сторону.

— Кого? — тупо переспросила я, посмотрела туда же и вздрогнула от неожиданности. Василиск навис над оградой, пронизывая нас взглядом.

— Что-то с ним не так, — сказала я, с подозрением глядя на змея.

— Конечно, не так, — отозвался Велий. — Он окаменел.

Подожли с виноватыми физиономиями Алия и Лейя.

— Знаешь, я сама не думала, что сбегу, бросив тебя, — сказала Алия, а Лейя потупилась.

— А почему он окаменел? — не обращая внимания на подруг, продолжала я выспрашивать у Велия.

— А вот это надо у тебя спросить. Чтобы применить заклинание такой силы, нужно, во-первых, много знать и практиковать, во-вторых, быть по крайней мере мастером первой ступени, а в-третьих, иметь накопитель огромной мощности. Ничего этого у тебя нет.

Я, потрясенная, молчала, а Миколка уже всюю обследовал статую, глядя ее по каменным бокам и пытаясь потрогать гребень.

— Ты такие страшные рожи ему корчила! — поделился наблюдениями Миколка. — Просто жуть.

Все выжидательно посмотрели на меня.

— Ну-у, — смущенно протянула я, чертя на земле линии носком сапога, — я просто не могла решить, с каким же выражением лица стоит принять смерть, мне чертовски не хватало зеркала. — Велий захохотал, хлопая себя ладонями по коленям. — Не понимаю, что здесь смешного! — вскипела я.

— Ты понимаешь, что спаслась только благодаря тому, что думала о зеркале? — успокаиваясь, спросил двоедушник. — Единственное, чем можно одолеть василиска, это показать ему зеркало. Видимо, думая о нем, ты как-то вызвала подходящее для этого заклинание.

— Ничего я не вызывала, я от страха чуть не рехнулась, — проворчала я, но меня уже никто не слушал, всем хотелось потрогать новую каменную статую и посидеть у ней на спине. Одна я не полезла на василиска, а пошла к дому.

Там я зачерпнула воды из бочки и долго и жадно пила, а затем повалилась на кровать. Мне до сих пор как-то не верилось, что весь этот ужас произошел на самом деле. Внезапно захотелось спать, я отвернулась к стенке и уютно свернулась в клубочек.

Утро встретило прохладой и мелким дождичком. Я сладко зевнула и потянулась, отметив, что меня укрыли одеялом и даже стянули сапоги. Девчонки спали напротив, на небольшом диванчике, в кресле, поджав ноги, посапывал Миколка, а нога в сапоге Велия свешивалась с печки. Я встала и на цыпочках пошла в туалет, вздрагивая от прохладных капелек дождя. Возвращаясь обратно, бросила взгляд на окаменевшего василиска и передернулась:

— Какая мерзость.

Постояв на крыльце, я все-таки решила подойти к змею поближе, дошла до ограды и погладила влажные каменные бока. С трудом взобралась по мокрой спине и, держась за гребень, встала на голове у змея, выпрямившись во весь рост. Раскинула руки в стороны и, закинув голову вверх, поведала хмурому небу:

— Я великая повелительница змей!

Снизу послышался какой-то невнятный всхлип, я скосила глаза и увидела внизу тихо хихикающего Велия, который смотрел на мое представление.

— Кажется, головой ты все-таки повредила.

Я ойкнула, поскользнулась на мокрой поверхности и визжа скатилась по спине змея на пятой точке. Упав на колени, я встряхнулась, как собака, и, ворча:

— Крадется, как тать полночный, помечтать в одиночестве не дает, — стала отряхивать платье.

— Да я не за тобой шел, — помогая мне отряхнуться, сказал двоедушник, — я Геронтию ворота открывать пошел, а тут ты со своим заявлением.

Я повернулась в сторону ворот и удостоверилась, что действительно приехал Геронтий и тоже, раскрыв рот, смотрит на меня.

— Ну это уже свинство. — Я сердито топнула ногой. — Нельзя ни на минуту остаться одной, обязательно кто-нибудь застанет за чем-нибудь неподобающим.

— А ты не занимайся неподобающими вещами, — посоветовал Велий, открывая ворота Геронтию и помогая ему ввести кобылу с телегой.

Геронтий объяснил, что приехал проведать нас и привез кое-какой еды. Он обошел вокруг каменного василиска, восхищенно цокая языком. Я пригласила его позавтракать. Девчонки сонно выползли из-под одеяла. Лейя принялась хлопотать на кухне, а Алия заправила постель. За завтраком с остатками вчерашнего сыра и рыбы Геронтий объявил, что по деревне ползут любопытные слухи, будто из речки, которая протекает рядом, среди бела дня вылезла русалка. Наглая нечисть утопила пять рыбаков, а остальные еле откупились от злодейки огромной рыбиной. Я после этого рассказа поперхнулась чаем, а красная как рак Лейя воскликнула:

— Неправда! — Мы с Алией что было сил пнули мавку под столом.

Лейя захлопнула рот и вгрызлась в сыр.

— Вот и я думаю — брехня все это, — согласился с ней Геронтий.

Миколка подозрительно покосился на Лейю, но ничего не сказал.

— Да-а-а, беспокойное место стало, — задумчиво протянул Велий, выразительно глядя на остатки рыбыны.

После завтрака Геронтий и Велий ушли секретничать на крыльцо, а Миколка побежал угощать сахаром кобылу мужика.

— Веряя, я вот все думаю о прошедшей ночи... — завела старую песню Алия.

Я махнула рукой:

— Алия, прекрати виниться, если бы ты не убежала, окаменела бы. Наверяд ли меняхватило бы на нас обеих. Просто замечательно, что я стояла одна. Но вот что меня по-настоящему напрягает, так это то, что мы еще ни разу не видели проверяющего.

— Ну и что? — безразлично поинтересовалась Алия. — Может, он просто не показывается.

— Алия, ты бы его почувяла. По правилам он должен приходить каждое утро, а в идеале вообще ночь с нами находиться. Это мне Аэрон перед отъездом сказал, чтобы не беспокоилась.

— Вот еще! — воскликнула Алия. — Да у нас все веселье ночью-то и начинается!

Лейя мечтательно улыбалась — наверняка представляет себе проверяющего, который непременно окажется лицом противоположного пола.

— Школа несет за нас ответственность, и не только за нас, но и за охраняемое кладбище, поэтому они должны были приставить к нам инспектора, который бы за нами приглядывал и не давал нам делать глупости.

— А может, они нам доверяют, — очнувшись, проговорила Лейя.

— Держи карман шире, — фыркнула Алия. — Те, кому доверяют, кладбища не охраняют.

Скрипнула дверь, и мы резко поменяли тему разговора. Вернулись Велий и Геронтий.

— Погода сегодня отвратительная, — заметила Лейя. — Чем займемся?

— Дома будем сидеть, — с кислой миной сказала я. Алия вздохнула и посмотрела в окно.

Геронтий попрощался, и мы пошли его провожать до ворот. Миколка забрался в телегу и счастливо улыбался: ехать намного лучше, чем идти пешком, пусть даже и недалеко.

— Я на три дня уеду, — тихо сказал Велий. — Надеюсь, в мое отсутствие вы ничего не натворите.

Мы с Алией посмотрели на него с негодованием, но промолчали.

— Нашелся присмотрщик, тоже мне, — прошептала Алия мне на ухо. Лейя поникла, с грустью глядя на Велия, но тот только усмехнулся. Мы постояли у ворот, провожая глазами удаляющуюся телегу, Лейя даже выудила откуда-то платочек и махала вслед с видом горькой вдовушки.

Когда телега скрылась за поворотом, Алия, повернувшись ко мне, спросила:

— Ты действительно решила весь день сидеть дома? Я повертела пальцем у виска:

— Щас! Я хочу проверить, откуда выползла эта змеюка. — Я ткнула пальцем в василиска. Алия в восторге подпрыгнула на месте, а Лейя радостно потерла ручки. Сидение дома никак не входило и в их планы.

Готовясь к предстоящему походу, мы с Лейей сменили платья на удобные штаны и рубахи, поглядели в окно на нудный дождь и добавили длинные кожаные безрукавки с капюшонами, подвязались Поясами и с удовлетворением посмотрелись в зеркало. Алия вытащила из сундука лук со стрелами и охотничий нож, который и принялась со зверским видом точить, сидя на крыльце. Я положила в заплечный мешок сыру, вяленого мяса, соль и несколько вареных картофелин (благо Геронтий все это доставил еще утром). Вернувшись в избу, Алия сунула в мешок моток веревки и огниво. Лейя раздобыла аж три зеркальца и выдала каждой по одному, наставительно приговаривая:

— Василискидохнут от зеркала.

Лейино толкование того, что говорил Велий, меня рассмешило. Мы вышли за ворота и оглянулись.

— Надеюсь, к ночи вернемся, — сказала Алия.

Идти по следу василиска не представляло труда, пожухлая трава и облетевшие листья с деревьев показывали направление. В лесу было тихо и влажно. С ветки на ветку, изредка перекликаясь, перелетали птицы, и тогда на нас обрушивался водопад воды. Алия встряхивалась, Лейя взвизгивала, а я поглубже натягивала капюшон. Алия пару раз пыталась подстрелить какую-то живность, но совершенно не кровожадная Лейя тут же принималась упрашивать ее пощадить зверушек, и Алия с сожалением опускала лук дождь прекращаться не собиравшись, хотя мы уже вымокли до нитки, мокрые волосы прилипали к лицу. Лейя, затравленно оглядываясь на темные стволы деревьев, начала тихо поскуливать. Я, послушав ее жалобы, тоже стала задумываться: может, сидение дома не такое уж и скучное занятие?

Внезапно лес кончился, мы оказались на краю глубокого оврага.

Я с опаской посмотрела вниз:

— Глубокий. — Я оглянулась на подруг. — Спускаемся?

— Спуститься всегда можно, хоть на жопе. Лучше подумайте, как обратно взбираться будем, — охладила мой пыл Алия, вытаскивая веревку из заплечного мешка. Выбрав дерево понадежней, мы обмотали вокруг него веревку и, скользя по глине, спустились в овраг. Внизу оказалось еще мерзостней. От дождя земля и глина превратились в кашу. На сапоги налипло, наверное, по пуду. Лейя, шагая, высоко поднимала ноги и была похожа на мокрую курицу, я выглядела наверняка не лучше.

— Веря, это твоя идея — пойти посмотреть, откуда вылез василиск, — обвиняющим тоном проговорила Лейя.

— А ты эту идею с радостью поддержала, — напомнила я ей.

— Тише вы! — прикрикнула на нас Алия, всматриваясь во что-то сквозь пелену дождя. — Там что-то чернеет.

Лейя пискнула, вытащила зеркальце и, вытянув его перед собой, стала вертеться на месте. Алия, хмуро понаблюдав за ее суетливыми движениями, пояснила:

— Лейя, не кто-то, а что-то.

— Очень похоже на дыру или лаз, — сказала я, приглядевшись. — Наверно, из этой норы василиск и вылез.

Мы с Алией тоже достали на всякий случай свои зеркальца (дурной пример заразителен) и все трое сгрудились у входа в огромную нору, прислушиваясь. В норе стояла гробовая тишина.

— Ну все, — дрожащим голосом сказала Лейя, — мы посмотрели, откуда приполз василиск, пора домой.

— Неужели тебе неинтересно, что там внутри? — удивилась я.

— Мне страшно.

— Девочки, там темно, — сказала Алия. — Нужен факел.

Пришлось возвращаться к веревке, забираться с ее помощью наверх и искать подходящие палки для факелов. Лейя от нытья перешла к бурчанию, она совсем не горела желанием лезть в сомнительную дыру, да и факел ей не требовался.

Алия пожертвовала для факелов сухой рубахой, и мы наконец ступили в широкий лаз.

— Эй! Есть тут кто? — звучно выкрикнула Алия. — Выходи, по башке дам!

— Так он тебе и вышел после таких слов, — сказала я.

— Все хорошо, никаких василисков тут нет, сухая теплая пещерка. — У Лейи, похоже, началась тихая истерика.

Мы тесной компанией продвигались в глубь тоннеля. Никаких ледящих душу каменных изваяний заметно не было, зато под ногами похрустывали косточки, судя по виду, мелких животных.

— Интересно, как он на них охотился? С закрытыми глазами, что ли? — озадаченно произнесла Алия, присев на корточки перед черепом то ли белки, то ли крысы. Тоннель тянулся вглубь и неожиданно раздвоился. Мы затоптались на месте, не зная, какой из двух выбрать.

— Давайте сходим сначала в один, а потом во второй, — предложила Алия.

— Так мы весь день проходим, — поморщилась Я. — Нужно разделиться.

Лейя была решительно против, но Алия согласно кивнула.

— Вы с Лейей идите направо, а я налево.

Алия хотела возразить, но, подумав, промолчала.

Я шагнула в левый проход, держа факел перед собой и втайне завидуя Лейе с ее зрением. Звук шагов отражался от стен. Я на всякий случай достала зеркальце из кармана и сжала до боли пальцами. В тоннеле пахло плесенью. Факел чадил и не давал достаточно света, я с трудом удерживалась, чтобы не шарaxаться от собственной тени.

Останки мелкой живности совсем перестали встречаться, и это меня почему-то насторожило. Проход начал расширяться, и я вышла в небольшую пещеру.

Поводив факелом по сторонам, я с безмерным удивлением заметила признаки человеческого жилья — стол, рядом с ним что-то вроде кресла с полуистлевшей бархатной накидкой. Я провела рукой по столешнице и брезгливо потрясла ею: все было покрыто толстым слоем пыли. Поближе и краю стола стопкой лежали толстенные книги. Я подошла к ним и осветила факелом. Поверх стопки лежал бархатный мешочек, я взяла его, заглянула, обнаружив кристаллы горного хрусталя. Сунула руку в мешок, пробежалась пальцами по граням. Света факела не хватало, чтобы как следует их рассмотреть, поэтому я положила мешочек на стол и занялась книгами, прихватила парочку, сдув с них пыль, и, расчихавшись, сунула за пазуху. Хотела взять еще, но поняла, что не донесу. Обозрела лежанку, отдаленно смахивавшую на кровать, развернулась в другую сторону, и мое сердце ухнуло в пятки, а из груди вырвался невнятный сип. В неровном свете факела передо мной стоял какой-то разгневанный старикашка с кривоватым посохом с руке.

Мне понадобилась целая минута, чтобы сообразить — старичок каменный. Нетрудно было догадаться, кто в этом виноват. Я облегченно выдохнула. «Этот василиск скульптором подрабатывать может», — подумала я. Уже повернувшись к выходу, я краем глаза заметила отблеск света на посохе, подошла поближе к статуе и сняла с кончика посоха полуистершийся шнурок с крупным каплеобразным камнем. Прозрачная капля блестела и переливалась, я полюбовалась игрой света, затем сняла ее со шнурка и положила в карман.

Путь обратно показался мне намного короче. Девчонки уже ждали меня у развилки.

— Что нашла? — спросила Алия, Лейя радостно пританцовывала рядом с ней, видимо, ей не терпелось рассказать о своих открытиях.

Я отвела край безрукавки и показала корешки книг. Алия удивленно подняла брови: — Он еще и читал?!

Я хихикнула.

— Да нет, василиск не читал. Хозяин этих книг остался в пещерке, только затруднительно читать, ежели ты каменный. — Тут я

спохватилась, что мешочек с хрусталем так и остался на столе. Идти обратно ужасно не хотелось, я вздохнула и выбросила его из головы.

— Ну тогда ладно, — сказала с облегчением Алия.

— А у вас что?

— Вот выйдем на свет и покажем. — Алия предупреждающе посмотрела на Лейю, та недовольно сморщилась. Я была заинтригована, и мы поспешили наружу. Погода не стала лучше, но воздух показался после подземелья просто одуряюще свежим и приятным. С минуту мы просто дышали, а затем Алия произнесла:

— Ты знаешь, к нам приползал не василиск, а Василиса.

Я закрыла рот, прекратив ловить языком капельки дождя, и повернулась к подругам, недоуменно хлопая глазами. Алия, не дожидаясь моих вопросов, забрала у Лейи сверток каких-то тряпок и торжественно его развернула, явив на свет крупное зеленое в черных пятнах яйцо.

— ...! — сорвалось у меня с языка.

— Вот именно, — подтвердила довольная Алия.

Лейя, подпрыгнув от восторга и обдав меня и Алию брызгами из-под сапог, закатила глаза и мечтательно проворковала:

— Мы его высидим, и у нас будет настоящий василиск!

Я живо представила, как мы его высиживаем, и ужаснулась, а Алия, фыркая, словно большая злая кошка, заявила:

— Ну уж нет, в роли курицы вы меня не увидите!

Лейя была безжалостно вырвана из страны грез, где она важно прогуливалась с василиском на поводочке.

— И что мы с ним сделаем? — с состраданием глядя на яйцо, спросила Лейя.

— Яичницу! — рявкнула лаквиллка. Лейя бросила на меня взгляд, полный тоски. Алия замотала яйцо в тряпки и сунула его в заплечный мешок, предварительно достав из него мясо, сыр и хлеб.

— Жуйте. — Она сунула еду нам в руки. Я послушно стала жевать мясо. Алия решительно зашагала вдоль оврага, я и Лейя потрусили за ней. При помощи веревки мы выкарабкались наверх.

— Насколько я знаю, — проговорила я, — василиск вылупляется из снесенного петухом яйца, которое высидела жаба.

Лейя ликующе заверещала, обращаясь к Алие:

— Вот видишь, нам не нужно его высиживать самим, нужно просто поймать жабу. — Она принялась алчно оглядываться по сторонам в поисках жаб. Пока Лейя наводила ужас на лесных обитателей резкими скачками из стороны в сторону и заглядыванием под кусты, лаквиллка, откусив кусок сыра, тихо спросила:

— Василиски бывают ручные?

— Не знаю, не слышала про такое.

— Я знаешь почему спросила? — Алия проводила взглядом Лейю, которая залезла в кусты и, не обращая внимания на лившиеся с листьев потоки воды, увлеченно продолжала поиски.

— Почему? — Я поглубже натянула капюшон и поправила книги под безрукавкой.

— Там, в правом тоннеле, мы нашли длинную цепь и расстегнутый ошейник навроде собачьего. А еще большую миску.

Я задумалась. Картина вырисовывалась просто фантастическая.

— Алия, но тогда получается, что василиск принадлежал тому каменному старикашке? — сказала я, отшатываясь от чего-то мокрого и зеленого, которым Лейя тыкала мне прямо в лицо с улыбкой идиотки.

— Это лягушка, а не жаба, — охладила пыл подруги Алия и, обращаясь ко мне, добавила: — Так оно и выходит.

Лейя, выпустив лягушку из рук прямо нам под ноги, побежала на поиски нужного земноводного. Мавка в отличие от нас сразу решила, что маленький василиск должен появиться на свет, и теперь искала подходящую маму.

— Может, Лейя и права. — Алия посмотрела мне в глаза, и я поняла, что подруга с радостью внесет василиска в категорию личного вооружения. — Ведь мелкие животные, которых он поедал, в камень не превращались.

— Так мы можем все с ног на голову поставить, — возмутилась я. — И василиск-то просто погулять вышел, и я, злыдня такая, надругалась над бедной змеюкой.

— Неужели ты не хочешь попробовать приручить настоящего василиска?

— Очень хочу, — призналась я, — но мне становится как-то неуютно, когда вспоминаю, во что превратился его хозяин.

К дому мы добрались уже к вечеру. Ввалившись в комнату, стянули мокрые, грязные сапоги и первым делом затопили печь. Яйцо Алия сунула в корзину и поставила на печку, подстелив толстое одеяло.

— А то еще сварится, — объяснила она, а у меня родилась надежда, что яйцо благополучно стухнет.

Миколка прибежал ближе к ночи. Мы ничего о своих находках рассказывать не стали, равно как и о походе по следам василиска. Всю ночь мы проспали как убитые. Миколка возмущенно бурчал себе под нос, но будить нас не решился, хотя всю ночь честно простоял на страже у окна и уснул прямо в кресле перед рассветом.

Утром Лейя первым делом залезла на печку, сунула свой любопытный нос в корзину и с кислой миной слезла на пол. По ее лицу я к своему облегчению поняла, что в эту ночь мир не пополнился еще одним василиском. За завтраком Лейя загадочно поглядывала на Миколку, в нетерпении ерзая на лавке. Подросток от ее взглядов смущался, сопел, краснел. Мы с Алией смотрели на эти переглядки, Алия хмурилась, а я невинно улыбалась. Позавтракав, Лейя вытянула вконец смущенного подростка на крыльцо и, оживленно жестикулируя, принялась о чем-то горячо просить. Я, наблюдая из-за шторки, заметила, как паренек сначала покраснел, потом побледнел и отпрыгнул от нее. Лейя уперла руки в боки, не сводя с мальчишки выжидательного взгляда. Миколка с задумчивым видом постоял, а потом неуверенно кивнул головой. Лейя звонко засмеялась и чмокнула вконец засмущавшегося подростка в щеку. Тот пошел к воротам, пылая ушами и почесывая рыжий вихрастый затылок.

Когда Лейя вошла в горницу, мы ее уже ждали, и наши выразительные взгляды ничего хорошего ей не сулили.

— Чего?! — напустив на себя вид полной кретинки, поинтересовалась Лейя.

— Я тебе дам «чего», — передразнила ее Алия, показывая крепкий кулак — Зачем к мальчишке привязалась?

— А к кому же еще?

— Вот нахалка! — негодуя, повернулась ко мне Алия. — Велий ее вниманием не удостоил, дак она на пацана переключилась!

Я согласно кивнула головой, а Лейя заверещала:

— Так и стал бы Велий мне жаб ловить!

Алия захлопнула рот, а меня озарило, о чем Лейя просила Миколку.

— Так ты его за лягушками отправила?

— Конечно, а вы о чем подумали?

Алия смущенно кашлянула и молча отошла к столу. А я с интересом спросила мавку:

— И как же ты объяснила Миколке свой внезапный интерес к жабам?

Лейя похлопала глазами и с ангельской улыбочкой поведала:

— Я сказала, что мы страсть как по жареным лягушкам истосковались.

Алия хрюкнула, а я возмущенно подпрыгнула.

— Ну ты даешь! Как в сказке — чем дальше, тем страшнее. Мы для него как монстры: покойникам покою не даем, василисков в камень превращаем, а теперь еще и лягушек трямкаем. Не хотела бы я после всего этого встретиться с нами один на один в чистом поле!

Ближе к полудню к нам стали приходить гости, вернее, не к нам, а к каменному василиску. И мы догадывались, кого за это нужно благодарить. Сначала прибежала ватага босоногих мальчишек и часа два резвилась на каменной спине змея, затем из деревни стали приходить, а кто и приезжать верхом или на телеге, жители постарше. Каждый посетитель считал своим долгом чем-нибудь нас угостить, и к концу дня у нас скопилось такое количество провизии, что ее хватило бы на то, чтобы безбедно прожить здесь целый год. Радостная Лейя ставила все это в погреб и была похожа на суетливую, но очень довольную мышь. Алия мрачно наблюдала за экскурсиями в окно, а я с облегчением вздыхала каждый раз, когда в подношениях не обнаруживалось лягушек. Видимо, слухи о наших гастрономических пристрастиях еще не распространились.

К вечеру прибыл на телеге староста, повосхищался окаменевшим змеем, поинтересовался, все ли у нас в порядке, и отбыл, оставив Миколку. Миколка протянул Лейе узелок, в котором что-то копошилось. Лейя, счастливо взверещав, унеслась в дом, а парень передернулся.

— Пойдем в дом, — пригласила я его. — Есть хочешь? Миколка позеленел и проблеял:

— Да я дома того, поел. Спасибочки.

Я засмеялась:

— Не бойся, лягушками кормить не будем, — и злорадно добавила: — Это Лейя у нас их любит.

Миколка ожил и побежал в дом, ну а я следом за ним. На печи слышалась возня и возмущенные вскрики. Пока мы с Алией стягивали сапоги, Миколка схватился руками за край печи и, подтянувшись, изумленно уставился на происходящее. Лейя сажала жабу в корзинку и сердито прикрикивала:

— Сиди, пучеглазая! — Увидев круглые, как пуговицы, глаза Миколки, она пожаловалась: — Все время соскальзывает!

Подросток тихо слез с печки и повернулся к нам, беззвучно открывая рот.

— Понимаешь, Миколка... — начала Алия, но я ее перебила:

— Лейина подружка, ну, та, которая в речке, — я чувствовала, что несу чушь, но не могла остановиться, — отдала нам яйцо, русалки несут яйца, ты не знал?

Лейя высунулась из-за шторы на печке и в ярости раскрыла рот, но Алия состроила ей зверскую рожу, и мавка задвинулась обратно.

— Ну так вот. Русалка попросила присмотреть за яйцом, но его же кто-то должен высиживать, вот Лейя и решила, что жаба очень даже подойдет. — Она ведь такая же мокрая и скользкая, как и мамаша.

Миколка перевел взгляд с меня на Алию, которая изобразила на лице широкую улыбку. В особенностях физиологии русалок паренек был не силен, поэтому поверил на слово, к тому же яйцо было большое и странной окраски. Миколка посопел и предложил:

— Дак давайте я вам курицу принесу, она это яйцо враз высидит!

— Неси! — разрешила Алия, а я схватила рванувшегося к двери подростка за рубаху и добавила: — Завтра.

Лейя слезла с печки, брезгливо держа жабу за заднюю лапку, и, выйдя на крыльцо, выкинула ее на улицу. Видимо, жаба не оправдала мавкиных надежд в роли заботливой мамаша.

Ночью спать не ложились. Алия и Лейя играли в дурачка, втянув в игру и Миколку, а я листала найденные книги, ровным счетом ничего в

них не понимая, — они были на моранском языке, языке магов. Я этого языка не знала и поэтому могла только тупо созерцать эти закорючки. Нужно завтра сходить и забрать остальные книги, решила я, вспомнив толстую стопку пыльных фолиантов в пещере. Пока подруги азартно покрикивали, я ушла на кухню и вытащила из кармана сохнувшей на веревке рубахи камень. Постояла, любуясь идеальной формой капли. Очень похож на накопитель. Я задумалась. Велий все нервы вымотал с этим накопителем. А вот надену этот камень и скажу, что это и есть накопитель. Я довольно улыбнулась этой мысли и, немного полюбовавшись на мерцающие искорки, спрятала камень в карман платья.

На следующее утро, проводив Миколку, мы с Алией решили вернуться в пещеру, забрать оставшиеся книги, да я пожелала сама посмотреть на цепь и ошейник для василиска. Лейю мы оставили дома ждать Миколку с обещанной курицей. Погода была жаркая, я перелезла в штаны, мы взяли с собой поесть и заготовки для факелов.

Дошли до оврага намного быстрее, чем в прошлый раз, может быть, из-за того, что не шел дождь, а может, оттого, что с нами не было Лейи. Снова спустились по веревке, заботливо приготовленной Алией. Прошли вдоль оврага и остановились в недоумении: нора исчезла. Лаз был полностью завален камнями и землей, создавалось такое ощущение, будто в нем что-то взорвали.

— Вовремя мы убрались оттуда, — пробормотала Алия. Я пожалала плечами, сожалея, что в прошлый раз не осмотрела все получше. Пришлось нам несолоно хлебавши возвращаться домой.

Дома царило радостное оживление — Миколка принес курицу.

Курица была черная с малиновым гребешком, она важно ходила по кухне, высоко поднимая ноги. Лейя, сложив ручки на груди, умиленно на нее смотрела. Алия пробормотала:

— Ну сейчас весь пол загадит.

Миколка схватил наседку и вопросительно посмотрел на меня.

Я вздохнула и разрешила:

— Сажай ее в корзину.

Процесс усаживания квочки детально комментировался Лейей, мы с усмешкой ее слушали.

Пока Лейя предавалась заботам о яйце, Миколка слез с печки и подошел ко мне.

— Верея, мне нужно с тобой поговорить. — Посмотрев на Алию, он смущенно добавил: — С глазу на глаз.

Алия фыркнула, вогнав паренька в краску, а я удивленно подняла брови, но согласилась выйти на крыльцо. Сев на нагретые солнцем ступеньки, спросила:

— Ну и в чем проблема?

Миколка оглянулся на дверь, будто искал поддержки у нее, и неуверенно заговорил:

— У меня тетка Фима есть в Больших Упырях. Мамка к ней ездила недавно. Приехала домой вся расстроенная и говорит, что Фимка заболела, вся иссохла, ничего не ест. Мамка плачет, а вечером, когда всю малышню спать уложила, отцу шептала, что соседи болтают, будто к Фимке по ночам огненный змей прилетает.

— И что ты от меня хочешь? — стараясь казаться равнодушной, спросила я, глядя на макушки леса. О чем мальчишка меня попросит, я уже догадалась.

— Тетка Фима хорошая, она такие вкусные мятные пряники стряпает, — всхлипнул подросток. Втянув голову в плечи, он прошептал: — Ты же с василиском справилась, а тут проще, наверное.

— Ты что же, решил, что я на змеях специализируюсь? — возмутилась я, но, посмотрев на его несчастное лицо, смягчилась: — Тетка-то чья сестра, мать?

Миколка кивнул головой:

— Младшая.

— А муж?

— Умер в прошлом году, зимой под лед в речке провалился.

Я поковыряла палочкой в щели между досками крыльца и зашла в дом. Миколка за мной с ожиданием в глазах. Алия делала вид, что ее совсем не интересует, о чем мы там шушукались. Я подошла к печке и, дернув Лейю за ногу, торчащую из-за шторы, объявила:

— Сегодня ночью ты дежуришь с Миколкой.

Лейя высунула из-за шторы недовольное личико:

— С какой это радости?

— Нас очень просят посетить Большие Упыри. Лейя, я потом тебе все объясню, хорошо?

Миколка заулыбался, хлопая белесыми ресницами. Лейя окинула его оценивающим взглядом, Миколка прошмыгнул в горницу. Алия, приподняв одну бровь, спросила:

— Что на этот раз?

— По дороге скажу. — Я достала из своего мешка черный плащ с капюшоном и главное — архон. Алия, посмотрев на мои приготовления, порылась в своем мешке и извлекла длинную черную куртку с капюшоном. Кивнув на сундук, подруга спросила:

— Оружие?

— Можешь взять нож.

Миколка вертел архон в руках, разглядывая золотого змея, держащего в пасти луну. Я бесцеремонно выхватила предмет из его рук.

— Пошли к твоей матери.

Лейя слезла с печки и спросила:

— Когда вас ждать?

— Не раньше утра.

Пока добирались до деревни, я ввела Алию в курс дела.

— А ты не боишься сама попасть под чары змея? — заволновалась она.

— Алия, на меня чары не действуют, ты это знаешь.

— Но змея-то ты еще ни разу не видела, а говорят, его чары самые сильные. — Алия наклонилась ко мне и прошептала на ухо: — В плане соблазнения.

Я засмеялась и тихо сказала ей на ухо:

— Тогда в твою задачу входит защита моей девичьей чести. Миколка стал подозрительно на нас поглядывать, и шептаться о сценах моего совращения мы перестали.

Тетка Матрена, когда мы поведали о цели своего визита, первым делом отвесила любопытному сынку звонкую оплеуху, а уже потом пригласила нас в избу.

Пообщавшись с матерью Миколки, мы узнали следующее. Сестрица ее живет одна, мужа схоронила год назад, а детей, в отличие от плодовиной старшей сестры, завести не успела. По мужу сильно тосковала, а где-то полгода назад вдруг перестала жаловаться на одиночество, приделась на какие-то деньги, прикупила корову и

прочей скотины. Матрена сначала обрадовалась, что сестра нашла себе мужичка побогаче да и живет себе припеваючи, но вскоре Фима стала болеть, оживая только к ночи, и худеть день ото дня. Матрена, испугавшись, стала расспрашивать сестру о причине ее хвори, но сестра сказала, что чувствует себя хорошо, что все у ней в порядке. Тогда Матрена побежала по соседям и вот там-то и узнала, что никакого мужика у ее сестры нет, а ночами в избе горит свет и за окнами голос мужской слышится, а особо наблюдательные заметили светящийся след над ее домом. Матрена стала уговаривать Фиму съездить к колдунье в город, но Фима ответила резким отказом, и сестры в первый раз поругались.

— Мне Миколка рассказывал про василиска, дак, может, вы и этого душегубца изведете? — с надеждой спросила нас Матрена. — По гроб жизни буду вам благодарна, да и денег заплачу. — Баба залилась слезами.

— Есть одно средство, — заговорила я, — но вы сказали, что Фима и слышать об освобождении из-под чар не хочет, а на него нужно добровольно пойти.

Матрена помотала головой и всхлипнула.

— А Фима пустит нас переночевать, если мы попросимся?

— Наверяд ли. — Матрена с сомнением посмотрела на нас. — Разве что только одну, да если с Миколкой отправлю и отвезете ей угощение от меня.

— Хорошо, нам это подходит.

Матрена засуетилась, вытаскивая из погреба банки с соленьями да вареньями.

— Миколка, запряги-ка кобылу, отвезешь хранительниц к тетке, да Фимке передай банки, скажи, мать велела угостить.

Пока Матрена собирала Миколку в дорогу и давала ему наставления, мы с удовольствием согласились поесть перед дорогой.

Выехали уже к вечеру, лошадка бодро шагала по проторенной дороге, Миколка держал в руках вожжи.

— И как ты хочешь избавиться от змея? — спросила Алия.

— Ну если тетка добровольно от него откреститься не хочет, можно попытаться показать ей его истинное обличье.

Алия выпучила глаза.

— Да эта скотина даже под страхом смерти этого не сделает!

— Вот мы и попробуем довести его до такого состояния, когда легче предстать перед избранницей в натуральном виде, чем терпеть издевательства.

Алия с откровенным ужасом посмотрела на меня.

— Алия, извини, но тебе придется поизобразить из себя хорошую умненькую собачку. — Я подмигнула ей. — Ты же слышала, тетка пустит только одну.

— А зачем ты тогда архон взяла?

— А это на тот случай, если она и одну пускать не захочет, сама понимаешь, женщина ждет любовника, а тут такое бесплатное приложение в виде дамы с собачкой.

Миколка оглянулся и спросил:

— А архон волшебный?

— Почему ты так решил?

— Ну если он вам поможет в дом войти без разрешения.

Я усмехнулась:

— Архон — это просто знак нашей Школы, но по негласному соглашению между людьми и нечистью, как вы называете существ, обладающих магией, показавший этот знак может получить помощь от человека, со своей стороны обязуясь оказать услугу ему. Вредить человеку в этом случае запрещается категорически, поэтому, если кто-то когда-нибудь покажет тебе такой знак, смело ему доверяй, его услуга может быть очень стоящей. Кстати, огненный змей тоже заключил с ней соглашение: в обмен на ее благосклонность он ее содержит, подарками осыпает.

— Да еще и в постели ублажает, — напомнила Алия, совсем забыв о возрасте собеседника.

Миколка, помедлив, спросил:

— А если человек первым просит нечисть об услуге?

— Тогда про него говорят, что он продал душу дьяволу. Нечисть за свою услугу всегда просит высокую цену.

— А если сделка между нечистью и нечистью?

— А вот этого практически не бывает, потому что обе стороны будут пытаться обмануть друг друга.

— А почему тогда я никогда про архон этот не слышал?

— Потому, что мало кто из нечисти добровольно захочет стать чьим-то должником, — вставила Алия.

— А ты? — Миколка посмотрел на меня, но я засмеялась:

— Я ничем не буду ей обязана. Я тут же окажу услугу — освобожу ее от огненного змея.

Миколка поморщился:

— Это очень похоже на обман.

— Может, и похоже, но на то мы и нечисть.

Вдалеке показались крыши домов.

— Отвернись, — сказала я Миколке. Тот недоуменно пожал плечами, но просьбу выполнил. Алия сняла одежду и через мгновение радостно щелкнула огромными зубищами, укладываясь клубочком в телеге. Миколка, услышав этот звук, повернулся и в страхе попробовал соскочить с телеги, но я его ухватила за рубаху, рывкнув:

— Сидеть! — и, глядя в расширенные глаза, пояснила: — Это Алия. Скажешь кому-нибудь — прибью. И учти, ты сам в это влез, за язык тебя никто не тянул.

Алия зевнула, продемонстрировав алый язык, и добавила, повергнув мальчишку в шоковое состояние:

— Не успеет прибить Веря, съем я.

Деревня Большие Упыри немногим отличалась от Малых. Те же аккуратные небольшие избы, такая же одуряюще пахнувшая сирень, над которой вьются пчелы и шмели. Те же босоногие дети, играющие в пыли у дороги и любопытными взглядами провожающие нашу телегу.

— Приехали, — сказал Миколка, натягивая вожжи. Кобылка покорно остановилась у дома с резными перильцами на крыльце. Я слезла с телеги, а Алия одним большим прыжком приземлилась рядом. Я машинально погладила ее по голове, и волчица возмущенно клацнула зубами в дюйме от моих пальцев. Я отдернула руку и пробормотала:

— Извини, забылась.

Миколка, снимая банки с телеги, оглянулся на нас и сказал:

— Я бы ни за что вас в дом не пустил. Жуть своим видом наводите. Я вздохнула, мысленно с ним соглашаясь. Дуэт из нас получился еще тот: невысокая рыжая девчонка, закутанная в черный плащ, а при ней черный зверь величиной с теленка, сверкающий

желтыми глазами. Непонятно, кто из нас хозяин, а кто домашний любимец.

На окошке дома качнулась занавеска, послышался звук отпираемой двери, и на крыльце появилась Фима, кутаясь в платок.

— Миколка?! — удивилась она.

— Мамка послала гостинцев, — заулыбался подросток.

Я, опершись о телегу, разглядывала сестру тетки Матрены. У Фимы были такой голубизны глаза, что казалось, будто они прозрачные. Цвета спелой пшеницы волосы заплетены в косу и уложены венком на голове.

— Красивая женщина, — тихо сказала я Алие. — Вполне могла и нормального мужика найти, а не змеюку.

Миколка тем временем кивнул на нас и сказал, заглядывая в глаза тетке:

— Мамка просила приютить на ночь.

Фима еще плотнее закуталась в платок и покачала головой, мол, не могу. Миколка оглянулся на нас и зачастил:

— Мамка очень просила, ты ведь одна живешь, вечером веселее будет, поболтаете.

Фима с сомнением оглядела меня и мою «собачку». Алиа вывалила язык и несколько раз махнула хвостом туда-сюда. Фима вздрогнула, глядя на это проявление дружелюбия у огромной псины, и неуверенно кивнула. Миколка счастливо улыбнулся и приглашающе помахал рукой. Я отлепилась от телеги и подошла к крыльцу, пытаясь придать лицу как можно более глупое выражение.

— Здравствуйте, тетенька, — звонко приветствовала я Фиму. Миколка с недоумением воззрился на мою поглупевшую физию, но вертевшийся на языке вопрос проглотил. Фима осмотрела меня с ног до головы, но ничего подозрительного не обнаружила.

— Ладно, Миколка, ты поезжай, поздно уже. Матери привет передавай. Я уж сама девочку в дом провожу, так уж и быть, переночует.

Миколка, довольный, что ничего не сорвалось, забрался в телегу и отбыл восвояси. Подождав, пока телега скроется, Фима повернулась ко мне и произнесла то, чего я от нее и ждала:

— Пойди-ка, поищи ночевку в другом месте.

Я скуксилась и принялась скулить:

— Ну тетенька, ведь вы обещали...

— Я пообещала, чтобы племянника успокоить.

Я порылась в складках плаща и вытащила архон, нечаянно уронила его в дорожную пыль, подняла, подула, сдувая мелкий сор. Фима смотрела на мою возню и уходит в дом пока не торопилась.

— Тетенька, а если я вам какую-нибудь услугу окажу? — спросила я, показывая архон. Фима задумалась. Пускать меня в дом на ночь ей не хотелось, но и упускать такой шанс — заполучить нечисть в долги — она тоже не желала. Я долго ждать ответа была не настроена, поэтому шмыгнула носом и стала засовывать архон в карман со словами:

— Ладно, тогда пойду к соседям, может, они помогут. — Я развернулась к Фиме спиной, будто собираюсь уйти. Фима ухватила меня за плечо и прошептала:

— погоди, я согласна.

Я вытащила архон и посмотрела на ровный красный свет луны в пасти змея. Договор заключен.

Фима стала подниматься по крыльцу в избу, я засемила за ней, на ходу подвывая:

— Тетенька, тетенька, а как же моя собачка?

Фима остановилась, не донеся ногу до лесенки, и удивленно повернулась ко мне:

— А что с собакой? Поспит на улице, я ее в дом не пущу.

Я оглянулась по сторонам и проскулила:

— Она боится спать на улице.

Фимка тупо посмотрела на огромное черное чудовище, именуемое «собачкой», и рассмеялась:

— Ничего с твоей собачкой не делается, никто ее не утащит. — Она открыла дверь в сенки, продолжая хмыкать себе под нос — собака боится спать на дворе, это ж надо такое придумать.

Я подмигнула Алие и зашла следом за хозяйкой в дом. Просторные сени заканчивались еще одной лестницей, под которой находился, как я поняла, туалет. Поднявшись по лестнице, мы прошли мимо летней кухни и веранды. Фима открыла еще одну дверь, теперь уже в избу. В просторной кухне находилась внушительная печь. Из кухни вели две двери: одна в горницу, а другая в опочивальню.

Отметив особенности планировки, я вслед за Фимой прошла в горницу.

— Спать будешь здесь. — Она показала на диван у стены. — Я буду в опочивальне, смотри, спать мне не мешай.

— Тетенька, я как мышка, я не помешаю.

Фима усмехнулась. На дворе уже начало темнеть. Я, сняв платье и оставшись в одной ночной рубашке, в кои-то веки мною надетой, легла на жесткий диван и укрылась своим плащом. У спела даже немного подремать, когда на дворе негромко твякнули. Я раскрыла глаза и прислушалась. На кухне что-то зашумело, зашебуршилось.

Я на цыпочках прокралась к двери и приложилась к ней ухом. На кухне слышался мужской басок и тихий шепот Фимы. Кажется, она шептала что-то о соколе ясном да о друге сердечном. Я, не испытывая ни малейших угрызений совести, продолжала подслушивать. Услышав, что в ответ Фимке шепчет этот поганец, чуть не выдала себя незапланированным смешком.

Змей Огненный — это воплощение идеального мужчины как в плане внешности, так и душевных качеств. К каждой женщине подход у этого паршивца строго индивидуальный. Фимка, по-видимому, в детстве много сказок слушала и осталась под большим впечатлением от них, вот и звал ее обольстителем то лебедью белой, то голубкой сизокрылой. Наконец льстец заметил мои сапоги и спросил у своей звездочки ясной, мол, что за незваные, негаданные гости к ней припожаловали. Фима зашептала, из ее шепота я поняла только, что я совсем еще мала и к тому же дурочка. Поняв, что при упоминании архона змей напрягся, я нырнула на диван под плащ и постаралась придать лицу безмятежное выражение.

Дверь чуть слышно скрипнула, змей, видимо, заглянул в горницу, но ничего угрожающего в спящей глупой дурехе, которая за одну ночевку разбрасывается обещаниями на архоне, не увидел. Я выдохнула и полежала еще, ожидая, когда голубки уединятся в спальне. Сначала Фима его угощала, а этот гад отказывался (знала бы она, какую прорву еды он может проглотить, давно бы задумалась о рентабельности данного объекта). Затем, перемежая речь тихими подхихикиваниями, парочка удалилась в спальню. Я подождала еще минут десять и, нарочно громко шлепая босыми ногами, поплелась к

двери их комнаты. Потопталась, а потом тихо поскреблась в дверь и пропищала:

— Тетенька, а тетенька, где у вас туалет?

В спальне царила гробовая тишина, потом послышался возмущенный шепот, и Фима, растрепанная и недовольная, в ночной рубаше и платке, наброшенном на плечи, появилась передо мной. Я поставила ноги крестиком и состряпала вымученное выражение на лице. Фимка оглядела меня, несчастную, с головы до ног, и повела к туалету, напоследок сказав:

— Я тебя просила мне не мешать спать.

Я часто закивала головой и юркнула за дверь нужника, повозилась там, пока не утихли шаги на лестнице, и выскочила во двор. Из самого темного угла двора ко мне бросился сгусток тени.

— Прилетел?

— В спальне уединились. — Я хихикнула. — Слышала бы ты, что они там бормочут.

— Чем трубу забьем? — Алия подняла голову, осматривая крышу, я последовала ее примеру.

— Я на летней кухне видела мешок с картошкой.

— Тащи его сюда.

Я со всеми предосторожностями выволокла тяжелый мешок во двор. Алия сунула в него морду, оценивая наши возможности в поднятии тяжестей, и вынесла решение:

— Высыпай половину, не хочу надорваться из-за какого-то змея. Мы высыпали половину картошки прямо на землю. Алия, оглянувшись по сторонам, перекинулась в человека, и мы начали восхождение на крышу. Самое трудное было взобраться на козырек крыльца и затащить туда мешок с картошкой, это требовало физических усилий, да еще и сделать все нужно было без шума. Наконец эта задача была выполнена, и до трубы Алия добралась без приключений.

Пока Алия, стоя нагишом, держала над отверстием печной трубы мешок, примостив его на углу кладки, я вернулась в дом, и, запнувшись за порог, пролетела вперед лбом через всю кухню и врезалась в стопку посуды. Раздался жуткий грохот, который прекрасно заглушил падение мешка с картошкой в трубу. На этот раз Фима вылетела из комнаты, как пробка из бутылки.

— Что случилось?! — заорала она, нависая надо мной, как скала. Я, съезжившись, сгребала черепки в кучку.

— Тетенька, — проскулила я, — я за порог запнулась, я все уберу. Фимка стала помогать, костеря меня на чем свет стоит. Змей не показывался, предпочитая оставаться в спальне. После того как на кухне был наведен порядок, мы снова разбрелись по комнатам. Я дала влюбленным полчаса для восстановления нарушенного душевного равновесия, потом подошла к окну, отодвинула шторку и тихо постучала согнутым пальцем по стеклу. Алия подбежала к окну с той стороны, я ей кивнула. Волчица скрылась за углом дома, а я улеглась на диван.

Минуты через две во дворе поднялся жуткий гвалт: орали перепуганные куры, протяжно мычали коровы, даже свиньи визжали в унисон прочей живности.

Фима ворвалась в горницу, зажгла лучину и, с трудом меня растолкав, начала орать, что моя собака гоняет кур во дворе, выгнав их из курятника. Я охнула, округлив глаза, и, простонав привычное «тетенька» босиком выскочила во двор «успокаивать собаку». Обиженная Алия была мною привязана к крыльцу, и, пока Фима загоняла в курятник кур и закрывала их там, я проскользнула в дом и открыла дверь в спальню.

Нащупывая руками стены, я двинулась вперед и в полной темноте наткнулась на чье-то голое тело, пискнула, хотела отдернуть руки, но была за них схвачена. Зажглась лучина, и я наконец-то увидела виновника нашей бессонной ночи. Наверно, Фимке нравились такие большие светловолосые, усатые мужики, но явно не мой тип. Я посмотрела в сузившиеся глаза змея и сипло прошептала:

— Дяденька, я тетеньке хочу платок вынести, а то на улице холодно.

Змей молчал, видимо, прикидывал степень моей опасности для него, в раздумье даже попытался изменить свой облик, чтобы соответствовать моему идеалу мужчины, во всяком случае, усы у него пропали. Рук моих он не отпускал, погружившись в свои мысли, так что Фима застала нас в очень интересном положении. Он лежит на кровати, а я стою, согнувшись над ним, и держу руки у него на груди. Фимка, посмотрев на мой зад, уперла руки в боки и встала в проеме.

Змей, заметив свою избранницу, отпустил мои руки и снова обзавелся усами.

— Тетенька, — заголосила я, бросаясь к Фиме, — я вам платок вынести хотела. — Я потрясла упомянутой вещью. Потом наклонилась к закипающей Фиме и нарочито громко прошептала ей на ухо: — А у вашего дяденьки есть хвост.

Змей сел в кровати, натягивая одеяло до подбородка. Я посмотрела на него и мысленно захихикала: ну чисто смущенная девица, а не мужик.

— А еще у него копыта на ногах, он мне показал, — закончила я свои откровения. Фима закипела, как котел на огне, видимо, демонстрация копыт была расценена ею как особо интимное действие.

— Ничего я ей не показывал! — взревел змей.

— Да-а, — плаксиво протянула я, — а откуда я тогда про это знаю!

Фима запыхтела, как напуганный еж, и гордо удалилась на кухню, я поскаками за ней. Женщина зачерпнула воды из бочки, попила и заорала на меня:

— Иди спать!

Я подпрыгнула от неожиданности и шмыгнула в горницу. Закрыла дверь и, довольно улыбаясь, подошла к окну и помахала Алии. Примерно с час змей успокаивал и заговаривал ласковыми речами ревнивую женщину, наконец они затихли. Почти одновременно подошло время сольного выступления Алии, и тишину деревни разорвал надрывный вой. Я захохотала в подушку, а волчица вкладывала все старание в берущие за душу завывания.

Сначала в спальне потрясенно внимали этому крику души, потом затопали, заругались, призывая проклятия на мою и собачью головы. Я выскочила из комнаты и, всхлипывая, стала извиняться и объяснять, что я предупреждала, моя собачка боится спать во дворе. В конце концов Фима разрешила впустить собаку в дом.

Алия, виляя хвостом, вбежала в горницу и чинно улеглась на диван.

— Надеюсь, остаток ночи я проведу спокойно? — проворчала Фима.

Я испуганно кивнула. Фима удалилась в спальню, а я повернулась к Алии:

— Что дальше делать будем?

— Не знаю. — Подруга, уже в привычном обличье, закуталась в мой плащ. — Это же ты у нас мастер по всякого рода каверзам.

Я немножко подумала, на цыпочках прокралась на кухню и, выглянув из-за печки, посмотрела на дверь спальни. Алия высунула из-за моего плеча свою восторженную голову.

— Свет не потушили, — сказала я и заглянула в бочку с водой. Меньше половины. — Тихо ступая, я дошла до двери, приложилась глазом к узкой щелке, удостоверилась, что пламя лучины попадает в поле зрения, долго примеривалась, приседая и наклоняясь, стараясь не обращать внимания на жаркие шепотки в опочивальне.

Алия с огромным интересом за мной наблюдала. Наконец, надеясь, что не промахнусь, я подула в направлении лучины, помогая руками струе воздуха, не разлетевшись в стороны, достичь цели. Пламя, повинаясь магии, послушно перелетело с лучины на занавеску. Я отскочила от двери, увлекая за собой Алию, и метнулась в комнату. С минуту в любовном гнездышке царил тишина, но вскоре дом наполнился взвизгами. Я подскочила, выбежала на кухню и, поднатужившись, подняла бочку с водой, ворвалась в спальню и вылила воду на занавеску, окатив заодно кровать и сидевшего на ней разъяренного змея.

— Тетенька, — затараторила я, — я так испугалась, что горим, у меня дядька так сторел, жуть как огня боюсь.

Фима тупо внимала моим речам, стоя посередине опочивальни с ковшом воды в руках. Ее остекленевшие глаза с тоской смотрели на мокрое ложе и любимого мужчину, с которого стекали струйки воды, а усы горестно обвисли. Змея начала колотить дрожь.

— Тетенька, у вас дяденька замерз, надо его чаем горячим напоить, — зашептала я. — Только воды нет, я ее всю вылила.

Фима покосилась на меня, а потом, смирившись с судьбой, пославшей ей такие напасти этой ночью, молча взяла ведро и пошла к колодцу, забыв даже обуться. Алия отправилась за ней, я на пальцах показала, сколько мне требуется минут. Как только дверь за ними закрылась, я с мерзопакостной улыбкой повернулась к змею, который, брезгливо тряся ногами, выпутывался из мокрого одеяла.

— Дяденька, я забыла вам сказать, — начала я тонким голосом, — вам звезды предсказывают на сегодня разочарование в личной жизни. Меня в Школе Архона гадать научили.

Змей замер, а потом, в бешенстве вытаращив на меня глаза, прошипел:

— Ах ты... рыжая зараза...

Я радостно закивала, не дожидаясь продолжения фразы. Змей затрясся еще сильнее, пытаясь сдержать свою ярость. Торопливо натянул рубаху, мокрые штаны, схватил со стула кафтан и бросился к печке. Я не препятствовала, наблюдая за вихрем сверкающих огненных брызг, в которые он превратился, перед тем как скрыться в зеве печи.

Я просто закрыла заслонку и для верности привалилась к ней плечом. В дымоходе послышались шум и сдавленные проклятия. Я широко улыбнулась и привалилась к заслонке еще сильнее. С той стороны что-то начало колотиться. Меня подбрасывало от ударов, но я стойко терпела минуты две. Затем отскочила в сторону и с удовольствием посмотрела, как змей весь в саже выкатывается обратно.

— Ты забыл сказать «до свидания», — нагло напомнила я ему, на всякий случай отпрыгивая за стол. Змей изрыгнул очередное проклятие и бросился на меня. Некоторое время мы молча бегали вокруг стола, он со зверским выражением на измазанном копотью лице, я с клоунской улыбкой.

Услышав шум во дворе и понимая, что Фима вернется с секунды на секунду, я припечатала сластолюбца словами:

— Всегда было интересно, как тебя любят женщины с таким смешным прыщиком? — я издевательски показала мизинец. Змей остолбенел, а потом вдруг начал пухнуть прямо на глазах. Я с некоторым испугом попятилась к двери, которая открылась, пропуская волчицу и Фиму с ведром воды. Женщина с тихим ужасом наблюдала за преобразованием своего любимого. Огромная горбатая спина, большие лапы с когтями и перепонками между ними, шарообразная голова раззявила зубастую пасть, и из нее вырвался яростный рев.

— Фима, похоже, он не хочет чая, — сказала я, — он хочет нашей крови, причем сию минуту.

Завизжав, я бросилась в сенки, змей, мотнув головой, попробовал прорваться туда же, но застрял в проеме, не рассчитав своих нынешних габаритов. Его хвост в гневе бил по стенам, разнеся в щепки стол и стулья и добив посуду, на которую в самом начале покушалась я.

Фима плакала, ее тошнило. Алия подсовывала ей таз всякий раз, как женщина судорожно сжималась. Я сидела на полу напротив змея и ждала, когда он успокоится и примет внешность посимпатичней. Змей прожигал меня глазами и пытался добраться пусть даже с дверными косяками на спине.

— Ну чего ты нервничаешь, — уговаривала его я, — найдешь другую вдовушку, снова заживешь припеваючи. — Фима при этих словах икнула и уткнулась в таз. — А про размеры не бери в голову. — Змей щелкнул хвостом по стене. — Я наобум сказала, ну сам подумай, где я могла его у тебя увидеть?

— Ты зачем его уговариваешь? — прошептала Алия мне на ухо.

— Чтобы у бедной скотинки из-за меня не развился комплекс неполноценности, при его работе это очень важно, — со смехом ответила я. Змей моргнул желтыми глазами и даже вздохнул, видимо успокаиваясь. Примерно минут через десять его окутало золотистое сияние, и он опять превратился в огненный вихрь, вихрь прошелся по кухне и ввинтился в печь.

— Там картошка! — запоздало вскрикнула я, из дымохода снова послышались ругательства, мы дружно втянули головы в плечи, затем что-то зашумело, и наступила тишина, прерываемая только Фимкиным иканием.

— От это мужик! — гордо возвестила Алия. — Головой мешок картошки выбить из трубы, это тоже уметь надо!

Остаток ночи мы прибирались. Фимка была в ужасе от того, что стало с ее домом. О змее мы старались не говорить, у бедной молодухи начинались желудочные спазмы.

Утром за нами приехал любопытный Миколка вместе с матерью, сообщил, что на кладбище все спокойно, и поинтересовался, как дела у нас. Алия кинула ему печеную картофелину и сказала:

— Представляешь, за секунды приготовилась. Можешь по всему огороду собирать.

Миколка непонимающе глядел на клубень.

— По дороге расскажем, — улыбнулась я.

Фима плакала, уткнувшись лицом в плечо Матрены, я подошла к женщинам и, вытащив архон, сказала:

— Услуга оказана. — Луна в пасти змея приобрела золотой цвет, я продемонстрировала ее Фиме. Фимка снова залилась слезами. Я сунула архон в карман и кивнула Миколке, мол, поехали. Миколка пообещал матери к вечеру за ней приехать, и мы отбыли домой.

Обратную дорогу до дома мы с Алией проспали.

Радостная Лейя встречала нас на пороге. Как только мы слезли с телеги, она с визгом бросилась обниматься, будто мы не виделись несколько лет. Стол уже был накрыт, от нас требовался только подробный рассказ. Миколка жаждал магических сражений, а Лейя доскональных описаний змея.

Мы с Алией чувствовали себя такими усталыми, что описали ночные события лишь в общих чертах, быстренько умылись и повалились спать.

Вторая половина дня была посвящена ожиданию Велия, во всяком случае, у Лейи. Она что-то стряпала, выгладила нарядное платье, мы же и не подумали готовиться. Помогли мавке вымыть полы, и на этом наш вклад во встречу двоедушника оказался исчерпан. Мы с Алией сходили на речку, где вдосталь наплескались. Лейя с нами не пошла, объяснив это очень просто: вдруг Велий придет днем, а никого дома нет.

Вечер Лейя встретила во всеоружии — волосы расчесаны несколько раз, платье облегает фигуру там, где надо, на личике приветливая улыбка, на столе всякая стряпня.

— Надо было ее змею порекомендовать, — прошептала мне Алия. — Вот была бы парочка!

Я кивнула. Мне вспомнилось, как змей экспериментировал с усами.

— А что, каждый день можно новый облик любимому придавать, — прошептала я.

Лейя на наши смешки не обращала внимания, бегая от окна к окну.

Я же вспомнила про камень в кармане платья. Порылась в своих вещах, вытащила кожаный шнурочек, вдела его в дырочку в верхушке сверкающей капли и завязала на шее. Повертелась перед зеркалом. Камень переливался, меняя цвет в зависимости от угла зрения. Лейя завистливо посмотрела и вздохнула, а Алия прищурилась:

— Где взяла?

— У василиска в норе. На посохе старика болтался, я и взяла, ему уже все равно. Только не вздумай Велию сказать.

Лейя ждала напрасно — Велий не пришел ни вечером, ни ночью.

Мы с Алией спокойно уснули, оставив мавку горевать в одиночестве. Миколка тоже не пришел, видимо хватало проблем дома.

За ночь погода изменилась, вместо удушающей жары наступила благодатная прохлада. Я еле разлепила глаза. Алия весело фыркала у умывальника, Лейя, уставшая от ожидания, тихо посапывала на диване. Я попробовала встать и с удивлением отметила, что меня покачивает из стороны в сторону, будто накануне перепила. Я потрясла головой, но это самочувствия не изменило, видимо, сказывались бессонные ночи.

День тянулся медленно, наверно, от безделья, даже есть не хотелось, хотя Лейя, дожидаясь двоедушника, напекла всяких вкусностей. Алия на улице упражнялась с палкой и страдала от отсутствия достойного противника. Лейя перерыла свои вещи и стала что-то перешивать. Я сначала пораскладывала пасьянсы, а потом просто бездумно валялась на диване, время от времени впадая в дрему.

К вечеру мое состояние стало меня тревожить. Ничего не хотелось делать, голова кружилась, сил не хватало даже на то, чтобы выйти на крыльцо, немного подташнивало. Алия обеспокоенно спросила:

— А змей не мог от злости что-нибудь тебе наколдовать?

Я покачала головой:

— У него нет такой способности, да и к чему это? По своей природе он не злопамятен, вообще долго помнить о чем-либо он не может. Тут что-то другое, что-то знакомое... — И тут меня прошиб холодный пот, потому что я вспомнила, что может вызвать такое состояние. Схватившись за спинку кровати, я с трудом поднялась на ноги и под испуганными взглядами подруг стала медленно, по

стеночке пробираться к выходу. Алия и Лейя перехватили меня уже на пороге:

— Ты куда?! — Алия схватила меня за руку. — Ты вся горишь.

— Алия, быстрее оббегни все кладбище, увидишь кого-нибудь, хватай, разрешаю даже порвать эту сволочь. Это может быть только маг.

Алия с ужасом и недоверием посмотрела на меня, а я съехала по косяку на порог:

— Если мы его не остановим, похороните меня здесь, под березкой, ладно?

Алия проворно скинула одежду и рванула за порог, Лейя помогла мне встать, и мы выползли на крыльцо. В сумерках кладбище выглядело совершенно безобидным, ни шума, ни движения. Лейя окинула взглядом территорию и, посадив меня на ступеньку, сказала:

— Я тоже пойду посмотрю, я в темноте хорошо вижу.

Я оперлась спиной о стену дома. Мавка сбежала с крылечка и растворилась в темноте. Я сидела, и сил у меня хватало лишь на то, чтобы ругать себя за то, что за несколько лет спокойной жизни пела забыть об ЭТОМ и вовремя не сообразила, что происходит. Алия вернулась и встревоженно сказала:

— Веря, я никого не нашла, ты уверена, что это то, что ты думаешь?

Я в ответ лишь простонала. Алия надела рубаху и стояла на крыльце, стараясь держать нос по ветру. Лейя вынырнула из темноты и сокрушенно развела руками. В глазах начали плясать разноцветные искорки, слабость нахлынула с новой силой.

За кладбищенскими воротами кто-то показался, Алия, сбросив рубаху, с негромким рычанием огромными скачками помчалась в ту сторону. Послышался удивленный вскрик и тонкие взвизги. Лейя спрыгнула с крылечка и со всех ног побежала туда. Я, цепляясь за косяк, ухитрилась встать. Алия вернулась, недовольно ворча на ходу:

— Ошибочка вышла, свои пришли. — Она заскочила в сенки, чтобы переодеться. — Там Миколка и двоедушник. Принес же черт их в это самое время, — пробормотала она, появляясь на пороге. Я поняла, что последняя надежда погасла, вздохнула и, кажется, на несколько минут отключилась, так как открыла глаза только в доме на диване, оглядывая склонившиеся надо мной четыре головы. Алия

облегченно выдохнула, Лейя всхлипывала, Миколка с ужасом смотрел на меня, а Велий хмурился.

— Чего уставились? — попробовала возмутиться я, но получилось неубедительно, как мяуканье котенка. Все как по команде отшатнулись, кроме Велю, взгляд которого остановился на моей шее, глаза сузились, и он вдруг рявкнул:

— Где взяла?!

Я непонимающе посмотрела на него, а он схватился за камень на моей шее и, рассматривая, повертел его из стороны в сторону.

— Где взяла? — повторил он, пытаясь без спросу развязать шнурок.

— Нашла. — Сил даже на разговоры не хватало, а нахальный двоедушник, видимо, отчаявшись развязать шнурок, со всей силы рванул его двумя руками. Мне показалось, что вместе с камнем с меня сорвали и голову.

— Бот дура, — проворчал Велий. — Ты хоть знаешь, что себе на шею навесила?

— Понятия не имею, — ответила я, потирая шею. — Что такое навесила на шею?

— Очухаешься, скажу. Ну ни на минуту нельзя оставить вас одних обязательно во что-нибудь вляпаетесь. — Он встал с кровати и отошел к лучине, рассматривая камень. Я же неожиданно для себя и подруг почти мгновенно уснула.

Проснулась я к утру. Слабости больше не было, чувствовала себя на удивление отдохнувшей. Все тело колото тонкими иголками, как бывает, когда отлежишь руку. С кухни слышались Лейи смешки, возмущенное порывивание Алии и довольный голос Велю.

Я встала, с удовлетворением отмечая, что самочувствие вернулось в норму. Подошла к зеркалу и расчесала волосы, торчавшие в раз стороны. Положила расческу на тумбочку и вышла к друзьям. Четыре пары глаз в ожидании уставились на меня.

— Чего? — засмуцалась я. — Все нормально, я есть хочу.

Лейя подскочила и налила мне в кружку чая. Я плюхнулась на стул и схватилась за булочку, буркнув:

— И нечего на меня глазеть, как на привидение. — Мои слова возымели действие, компания снова взялась за карты. Мне стало как-

то неудобно есть в одиночестве под взглядами подруг, и я, прихватив еще две булочки, ушла на крылечко, села на нижнюю ступеньку, задумчиво глядя на небо, приступила к трапезе.

Дверь хлопнула, я даже оглядываться не стала, предполагая, кто именно потянулся следом за мной. Велий сел рядом со мной на ступеньку и без зазрения совести вытащил одну булку из моих пальцев, надкусил ее и спросил:

— Ты как?

— Хорошо. Так что я навесила себе на шею?

— Лейя говорит, ты искала мага, когда тебе стало плохо. Почему?

— У меня был бред, — кляня болтушку мавку, выдавила я.

— А-а-а, — недоверчиво протянул двоедушник и откинулся на ступеньку, продолжая жевать булку. Мы помолчали.

— Ты повесила себе на шею глот — поглотитель магической энергии, — нарушил тишину Велий. — Откуда он у тебя?

— Нашла, — повторила я, быстренько придумывая обстоятельства находки. — Так это от него мне стало так плохо?

— Если глот наденет какое-нибудь магическое существо, он отнимет у него только часть способностей, ну, например, у Алии — способность чувствовать запахи, у Лейи — ее чары соблазнения, но чувствовать себя они будут хорошо. А у тебя все очень странно... — Он замолчал, вытащил из моих рук кружку и отхлебнул чаю. — Такое может произойти, если глот поместить рядом с накопителем.

— И что тогда произойдет? — спросила я, забирая свою кружку у Велия.

— Глот высосет всю энергию из накопителя. Но в твоём случае энергии оказалось слишком даже для такого мощного камня, еще немного, и он просто взорвался бы, уничтожив выбросом магии и избушку, и непутевых хранительниц, которые вешают себе на шею первый попавшийся предмет, — сказал Велий, отбирая у меня кружку.

Я помолчала, прикидывая размеры катастрофы, и проговорила:

— Звучит впечатляюще. — Я куснула булочку и, поняв, что наелась, протянула ее Велию: — Хочешь?

— Я не ем обкусанные булочки. — Он отстранил мою руку.

— Зато недопитый чай очень даже пьешь, — съехидничала я, кивая кружку в его руке. Велий усмехнулся, но кружку не вернул.

— Так где, ты говоришь, нашла глот?

— Я не говорила, где я его нашла, — сказала я. — А нашла я его в лесу около кладбища.

— Почему-то я тебе не верю, — проворчал Велий. — Странная ты, постоянно что-то скрываешь. Как ларец с потайными отделениями — кажется, уже все выяснил, понял, но что-то происходит, и приходится искать ответ сначала.

Я встала на ноги и, одернув платье, собралась идти в дом, но наглый двоедушник развалился на ступенях, не давая пройти, поставил кружку на верхнюю ступеньку и подозрительно сладким голосом предложил:

— Хочешь, что-то расскажу?

— Давай, — чувствуя, что ничего приятного для себя не услышу, все-таки согласилась я. Ногой отодвинула ногу двоедушника со ступеньки и села с краешку.

— Я слышал это еще в детстве, мать рассказывала. Чародей такой был, имя у него было то ли Касьян, то ли Ксанфий, не помню. Жена у него настоящая летавица была, красивая, говорят, но речь не о ней, а об их дочке. Ребенок необычный был, говорят, сама вместо накопителя могла энергию собирать, причем беспрельдно.

Я сидела с прямой спиной и напряженно всматривалась в темноту, будто среди покойников силилась увидеть знакомого. Велий вздохнул и продолжил:

— Знаешь, что удивительно?

— Что?

— Энергию-то она накапливала, а магией пользоваться не умела совсем...

Я фыркнула:

— Ну и дура!

— Ты злая... Чародей прятал ее от знакомых магов, сама понимаешь — такой накопитель мог многих охотников привлечь.

— Ты говоришь о ней как о вещи, — раздраженно перебила я Велия.

— А маги и относились к ней как к вещи, очень дорогой вещи, надо сказать, — сказал двоедушник. — Настолько дорогой, что маги решились на кражу, убив при этом ее родителей. Сожгли их, запечатав в замке заклятием. Мне странно только одно — почему ее отец не воспользовался возможностями дочери? Почему не смог справиться с

горсткой, по правде говоря, средних магов? — Двоедушник заглянул мне в глаза, я безмятежно встретила его взгляд, с трудом перебарывая желание подскочить, затопать ногами и вообще сделать что-то ужасное, лишь бы он заткнулся и не продолжал дальше. — Говорят, имея такой накопитель, Черный Лорд Лонгин с несколькими магами и поработил южные земли.

«Выбеленные солнцем волосы, кривая ухмылка, протянутая рука, от которой наваливается слабость, и черные колодцы глаз...»

— Только через несколько лет Лорд бесследно пропал, а его ближайшие соратники погибли при странных обстоятельствах.

«Никогда никому не позволю! Страх на дне черных колодцев, потянувшаяся рука, и, спустя мгновение фейерверк серого пепла на крыше самой высокой башни Лонгинского замка. Чтоб ты...»

— Что произошло, никто не знает, но мне всегда казалось, что просто дочь чародея научилась пользоваться своей силой и отомстила обидчикам.

— Для этого она была еще слишком мала, — напомнила я.

— Да, давно это было, лет с десятков тому назад. — Велий зевнул, словно сказку мне на ночь рассказывал. — А знаешь, сейчас бы она была твоей ровесницей, — невинным тоном закончил он.

Я посмотрела в его насмешливые серые глаза и вскипела: — И зачем ты мне все это рассказал?

— С целью расширения твоего кругозора, дурочка.

Я подскочила в ярости, щеки горели как от пощечин, но тут на пороге появилась Алия со словами:

— Вы чего тут так долго? — Алия нахмурилась, увидев, что со мной что-то не то, на мгновение задержала взгляд на моих напряженных растопыренных пальцах. — Вы что, ссоритесь?

— Нет. — Велий, видимо, даже не предполагал, что Алия спасла его от распыления на месте. — Я спросил ее, что делает курица у вас на печке, а Верея почему-то разозлилась.

Я от неожиданности открыла рот. Алия вновь подозрительно посмотрела на меня и ответила:

— Нам скучно без живности.

— А мыши и тараканы в счет не идут, — буркнула я, взяла кружку со ступеньки и прошла мимо Велия, гордо задрав веснушчатый нос. —

А звали ее Верелея, — в спину мне бросил двоедушник, заставив меня вздрогнуть.

— Кого? — тупо спросила Алия.

— Крысу ручную, — С готовностью подсказала я, выглядывая из-за двери и сверля взглядом Велия.

— Кошмар, — буркнула ничего не понимающая Алия и тоже зашла в дом.

— Чего вы так долго, я по тебе уже соскучилась, — проворковала Лейя, когда Велий появился в комнате.

— Лейя, не забывай, твои чары на него не действуют, — сказала Алия.

Велий снял сапоги, вошел за мной в горницу и протянул на ладони глот.

— Думала, не верну? — Он сунул камень мне в руку. — На шею только не вешай.

Я положила камень в карман, радуясь, что Велий не видит спрятанных в сундуке книг. Миколка широко зевнул.

— Можете спать ложиться, я уже выпалась, посмотрю за порядком, — сказала я. Все стали расползаться по диванам и кроватям. Лейя после недолгих споров с Велием полезла на печку. Я посидела у окна, слушая дружное посапывание, вытащила глот из кармана, полюбовалась на искорки в камне и, подбросив его на ладони, довольно улыбнулась, смекнув, на кого мне его повесить.

Умопившись на гребне каменного василиска и свесив босые ноги вниз, я рассматривала сквозь глот небо, Алия, лежа на спине змея, бросала камушки в верхушку сосны, а Лейя плела очередной растрепанный, похожий на воронье гнездо веноч.

— Велий утром пытался курицу с яйца василиска снять, — хихикнув, сообщила Лейя. — Думал, я сплю.

Я свесилась вниз:

— А ты?

— А я схватила его за руку и предложила лечь рядом.

Алия хохотнула, видимо, представив себе растерянного двоедушника.

— А он? — продолжала допытываться я.

— А он даже глазом не моргнул, — вздохнула Лейя, — спрыгнул с печи и ушел на диван.

— Оставив девушку в одиночестве.

— Лишь бы вылупившийся василиск нас в камень не превратил, — встревожилась Алия.

— Не превратит, — довольно сказала я, любуясь камнем. — У нас для него глот есть.

— Ты хочешь глот ему повесить? — спросила Алия.

— Ну да! Глот скорее всего и висел на шее у мамыши нашего найденыша, а хозяин, потрясая в гнев своем посохом, нечаянно его сорвал. Случайность — и прекрасно сработанная каменная статуя. — Почему же этот старик так разозлился? — спросила Алия.

— Боюсь, этого мы никогда не узнаем.

— Там кто-то к воротам идет, — сказала Лейя и, водрузив венок на голову, поднялась на ноги. Я убрала глот в карман и стала спускаться по спине змея. Алия швырнула последний камушек и с недовольным побряхтыванием тоже слезла.

Легкая на подъем мавка побежала к воротам и вскоре до нас донесся ее восторженный визг:

— Девочки, смотрите, кто к нам приехал!

Заинтригованные, мы с Алией побежали к воротам и увидели, что мавка повисла на шее у... Аэрона.

— Упс... — произнесла Алия.

— Как ты здесь оказался? — удивилась я.

— Вас сослали, и мне стало чертовски скучно, — со смехом пояснил вампир, пытаясь отодрать мавку от своей шеи. — Вот и решил навестить, а то тоска смертная — никто ничего не взрывает, никто никого не бьет, не соблазняет. Кстати, очень качественная статуя. — Он махнул рукой в сторону василиска.

— Веря всегда качественно выполняет взятое на себя обязательство, — сказала Алия. Аэрон еще внимательней присмотрелся к василиску, присвистнул и покачал головой.

— Значит, совсем недавно это еще и ползало?! Впечатляет.

Я шаркнула ножкой и присела в реверансе:

— Всегда к вашим услугам. А ну, чего мы тут стоим? Пошли в дом.

Пока Лейя угощала гостя и рассказывала ему о событиях последних дней, я вымыла ноги и присела к столу.

— Как ты нас нашел?

— Сначала до деревни добрался вместе с почтальоном на грифе, а потом пешком до кладбища.

— У них что, еще и гриф-почта есть? — заинтересовалась я.

— Выходит, что есть. — Аэрон хрустнул соленым огурчиком.

— Аэрон, а кому пришла почта?

— Да я почему знаю?! Самый последний дом у леса, хозяин такой усатый.

— Геронтий. — Я кивнула Алие, остановившейся на пороге.

— Только почта не ему была, а его брату, — продолжал Аэрон, не замечая нашего молчания и тревожного выражения на лицах. — Слушайте, а ваши покойники правда по кладбищу ночами ходят? — заговорил он о другом.

— Правда, — рассеянно ответила я, думая только о странном двоедушнике, которому была зачем-то отправлена дорогушая гриф-почта. Обыкновенному жителю ничем не примечательной деревеньки? К тому же он много знает о магах, имеет представление о нашей Школе, извел меня вопросами о накопителе...

— Жуть, — сказал Аэрон и отложил в сторону булку с изюмом. — И как вы за ними смотрите?

— Ну-у, — глубокомысленно начала я, — устраиваем им экскурсии кладбищу, песни поем...

— У костра, — вставила Алиа.

— Танцы танцуем, — продолжила я, с удовольствием глядя на вытянувшуюся физиономию красавчика. — Один раз даже в салочки играли, но активным спортом все-таки заниматься им вредно, то а часть тела отпадет, то другая.

Вампира, кажется, затошнило, во всяком случае, тарелку он отодвинул. Лейя умоляюще смотрела на нас, боялась, что гость сбежит обратно домой, я же надеялась, что сегодня ночью Аэрон будет петь серенады на кладбище, и просто таяла от сладкого предвкушения.

— Что новенького в Школе? — спросила я.

— Да пока вас нет, стоит себе на прежнем месте.

— Слушай, Аэрон, а ты случайно не знаешь, кто у нас проверяющий? — спросила я о том, что меня волновало.

— Нет, — покачал головой вампир, хотя я что-то такое заметила в его глазах. — А что, он до сих пор не представился?

— Смешно сказать, но мы его еще ни разу не видели.

— Странно.

— Аэрончик, а ты к нам надолго? — вклинилась в разговор Лейя, кладя руки гостю на плечи.

— Пока не надоест, — с улыбкой ответил вампир. Алия огорченно вздохнула:

— Рассказывай, что новенького в Школе?

— Да все по-старому. — Аэрон попытался снять мавкины руки с плеч. — У учителя по искусству перевоплощения во время практического занятия кто-то украл двенадцатый нож. В ярости оборотень чуть половину Школы не разорвал, целых два дня все сидели по комнатам, нос боялись высунуть. Даже учителя по коридорам ходили только стайками.

— Нож нашли? — спросила Алия.

— Нет, пришлось мага вызывать из Академии. У мавок обнаружили мужика в одичалом состоянии. Оказывается, они еще зимой любителя подледного лова выловили и прятали в подвале Школы.

Алия укоризненно посмотрела на Лейю, мавка показала ей язык.

— Лешие в сговоре с какой-то кикиморой вырастили новое полурастение-полуживотное, которое имеет привычку кусать всех за пятки и издавать непотребные звуки, и запустили его в класс к летавицам, а там в это время проходил внеплановый сбор комитета учителей.

Я хихикнула, представив, как учителя с визгом лезут на столы.

— А что делает у вас курица на печке? — спросил вдруг Аэрон, поднимаясь на цыпочки.

— Яйцо высиживает.

— Вы решили заняться птицеводством? — ехидно поинтересовался он и, не услышав ответа, сел на диван и удовлетворенно огляделся. — А у вас хорошо, уютно.

— Аэрон, ты знаешь моранский язык? — спросила я, садясь рядом.

— Язык магов? Нет. — Он удивленно поднял бровь. — Зачем тебе?

Я, вздохнув, полезла в сундук и выложила на стол толстые книги.

— Вот.

Аэрон взял одну, полистал.

— Где взяла?

— Нашла.

— Я не знаю языка магов, но при Школе есть ставка мага, так сказать, инспектора по расследованию необычных ситуаций.

— Никогда его не видела, — удивилась я.

— Говорят, мастер третьей ступени. Он наверняка разберется в этих записях. Обратись к нему, думаю, он заинтересуется этими книгами.

«Да уж, а заодно и мной. Нет уж, благодарю покорно, ненавижу магов», — подумала я, а вслух сказала:

— Хорошо, разберусь в Школе. — Я положила книги обратно в сундук. — Только никому больше не говори про них.

— Кому?

— Да есть тут... — неопределенно проговорила Алия.

Любопытный вампир никак не мог дождаться вечера, все выглядывал в окно, выскакивал на крыльцо и выпытывал у нас подробности жизни и смерти наших охраняемых.

С наступлением сумерек прибежал Миколка и очень удивился, обнаружив у нас гостя, а когда в свете свечи Аэрон блеснул клыками, подросток со страху полез прятаться на печь. Долгими увещеваниями и заверениями в полной безопасности мы уговорили его спуститься и присоединиться к нашему обществу.

Аэрон с огромным интересом наблюдал за появлением мертвецов, желая рассмотреть их получше, бегал за ними по кладбищу и окончательно их запугал, мы же откровенно зевали. После полуночи все переместились за ограду, на каменного василиска. Разожгли небольшой костерок и стали вспоминать страшные истории. Миколка слушал и все ближе придвигался к костру. Больше всего ужасиков знал, конечно же, Аэрон. Сначала вампир рассказал сказку про жуткого умрунка, которого старый вампир и старая вампирка сделали из костной муки своих жертв и замесили на своей крови. Готового умрунка положили на подоконник обсохнуть, но этот паршивец укатился в лес и перебил там кучу зверья, становясь все толще и

краснее от крови, пока в конце концов не лопнул. До сих пор охотники и грибники находят от него ошметки.

Затем последовала история про злобных злыдней, которые поселились в пустом горшке и творили всякие пакости, пока на горшок случайно не сел какой-то мужик и не раздавил их. Подробно описывались предсмертные корчи злых тварей, и так как вампир не страдал отсутствием артистизма, получалось очень эмоционально и страшно. Нервно оглядываясь, Миколка поинтересовался у Аэрона:

— А крылья у тебя есть?

— Есть, конечно, что я, не вампир, что ли? — обиделся тот и, встретив горящий взгляд Миколки, влез по каменной спине василиска и, гордо встав на голове змея, торжественно стянул через голову рубаху и на фоне убывающей луны развернул кожистые крылья.

— Ух ты! — воскликнул подросток. Я усмехнулась, ковыряясь палочкой в костре, уж что-что, а впечатление вампир произвести умел. Аэрон, возвышаясь над нами, хорошо поставленным голосом продекламировал:

Темный лес, полночный мрак,
Бродит хмурый вурдалак.
Воем воет — стынет кровь.
Мучает его любовь, мучает его разлука,
Где же ты, Загрызка...

И без предисловий начал рассказ о ревнивом вампире Укусе и его молодой жене Загрызке. Рассказывалось это все в основном для Миколки, мы эту историю уже знали. Лейя вызвалась изображать Загрызку, а мы с Алией легли в траву и наблюдали за представлением снизу. Миколка с искренним ужасом таращился на мавку, которая обвисла на руках у вампира, изображая задушенную и проткнутую колом жертву. Вампир в приступе вдохновения скалил клыки и еще шире расправлял крылья.

И тут я почувствовала чье-то присутствие. Алия лежала на животе и болтала ногами, я приподнялась с травы и посмотрела на ворота.

— Велий пришел, — на всякий случай оповестила я друзей. Аэрон от неожиданности вздрогнул, а Лейя стала «оживать».

— Это Аэрон, он старшекурсник и наш друг, — сказала я, тыкая пальцем в вампира, который, натягивая рубаху, помогал Лейе спуститься вниз. Лейя радостно запрыгала по траве:

— Мы показывали Укуса и Загрызку.

— А я уж было подумал, что на вас напал вампир, — озадачил нас Велий и, заметив наше недоумение, пояснил: — Смотрю — два трупа уже в траве валяются, Миколка со страху чуть в костер не лезет, а вампир над третьей жертвой глумится. — На вампира Велий смотрел странно напряженным взглядом, словно ожидал от него какого-то подвоха.

Аэрон обиженно засопел:

— Я не глумился, а показывал финал истории.

— Ваша компания растет как на дрожжах, — недовольно проворчал Велий, садясь на корточки у костра. — Больше гостей не ждете?

— Мы и этого-то не ждали! — фыркнула Алия.

— А мне понравились страшные истории, я бы еще послушал, — признался Миколка.

— Ночью спать не будешь, — одернула его Алия.

— А я и так не сплю, — засмеялся паренек.

Алия стала палкой выгребать из костра печеную картошку, а мы подхватывали горячие клубни, обжигая пальцы. Миколка во все глаза смотрел, как Аэрон ест картофель. Вампир, заметив это, насмешливо спросил, смутив подростка:

— А ты думал, я одну кровь пью?

Миколка принялся за еду, но по нему было видно, что именно так он и думал.

Затоптав угасающий костер, мы пошли к дому. Девчонки и Велий с Миколкой зашли в дом, а Аэрона я, потянув за руку, остановила на крыльце и потребовала:

— Ну-ка выкладывай, зачем явился?

Аэрон вздумал было уверять, что просто по нас соскучился, но я честно предупредила:

— Начнешь выворачиваться — помогать ни за что не буду.

Аэрон со вздохом сел на крылечко.

— У нас в графстве стали пропадать вампиры, да и не только они, — сказал он. — Другой нечисти тоже достаётся.

— А люди? — спросила я. В Урлаке проживали и много человеческих семей.

— В том-то и дело: люди пропадают, но лишь на несколько дней, а затем возвращаются и несут какой-то бред. Как будто сказок наслушались. Родители провели расследование, но только ещё больше запутались. Обнаружилась аномалия около самой границы графства, Попадая туда, нечисть просто исчезает, и все.

— Мага вызывали?

— Был один, но не смог попасть на зачарованное место. Два дня бродил по поляне, но никакой аномалии не обнаружил.

— Странно.

— Более того, если раньше аномалия занимала небольшую поляну в роще, то теперь всю рощу.

— А родители?

— Сначала пытались своими силами найти выход, но после того как исчез небольшой воинский отряд вместе с главной ведьмой, запретили подданным даже приближаться к этому месту.

— Вот и хорошо.

— Да чего же хорошего! Именно в этой роще растёт единственный в мире цветущий папоротник

Я выпучила на него глаза, а Аэрон ухмыльнулся и пояснил:

— Вообще-то это тайна, но если ты поможешь...

— А я ещё не согласилась, — сказала я, чувствуя, что мне предлагают ввязаться в очередную переделку. — Пошлите туда не вампиров, а людей.

— Думаешь, ты одна такая умная? — съязвил Аэрон. — Посылали уже, они возвращаются и несут ахинею про Бабу-ягу, Кощея и тому подобное.

— А мне-то ты что предлагаешь?

— У меня в этой роще три дня назад брат пропал, — грустно сказал Аэрон. — Я сам хотел на поиски отправиться, да родители не отпускают. И тут я вспомнил про тебя. Ты человек, значит, должна вернуться обратно...

— Очень мне нравится это самое «должна вернуться», — пробурчала я.

— Но ведь чары на тебя не действуют, значит, ты сможешь разобраться, в чем там дело.

Я задумалась.

— Да ты не бойся, — продолжал Аэрон. — Я с тобой пойду, мне одному как-то страшновато, а с тобой, да после того как ты разгромила кабинет директора...

— А с чего ты взял, что я захочу помочь? Я совсем не желаю пускаться в сомнительные путешествия.

— Тогда я дам обещание на архоне: услуга за услугу. Я рассмеялась:

— Аэрон, за дурочку-то меня не держи! Предлагаешь найти брата, а сам сомневаешься в моих умственных способностях.

Аэрон с отчаянием посмотрел на меня и отвернулся. Я перестала веселиться.

— Ну хорошо, я соглашусь рискнуть жизнью, которая мне очень дорога, но в обмен ты или твои родители выполнят одно мое желание. Обещаю, ничего сверхъестественного. Согласен?

Аэрон попробовал взглядом прожечь во мне дыру, но потерпел поражение и покорно кивнул. Я вытащила архон из кармана, надела на шею и сказала:

— Услуга в обмен на желание.

Луна в пасти крылатого змея приобрела лиловый цвет, теперь, пока я не выполню свое обещание, а Аэрон не исполнит мое желание, архон снять будет нельзя. Аэрон со вздохом посмотрел на свой архон, оттянув его за цепочку.

— У меня только одна проблема — я, понимаешь ли, здесь в ссылке, боюсь, мое отсутствие заметят и меня накажут, а мне этого очень не хочется.

Аэрон ухмыльнулся:

— Этот вопрос давно согласован с дирекцией Школы. Временно ты освобождаешься от должности хранительницы. У тебя есть право освободить от нее еще одну из вас. Оставшаяся будет охранять кладбище одна или с добровольным помощником.

— Ах ты, вампирюга, ты с самого начала знал, что я соглашусь, и все подготовил! — закричала я, бросаясь с кулаками на усмехающегося вампира.

— Ну подготовил-то, допустим, не я, а родители. Кого берешь с собой? — Аэрон схватил меня за руки.

— Алию.

— Правильно. Лейя слишком безголова.

— Меня беспокоит только одно — Алия тоже нечисть.

— Но ты будешь не одна, а со мной, — гордо сказал вампир.

— Только не надо строить из себя героя. Учти, ты тоже нечисть. — Я поднялась на ноги, вампир тоже встал. — Пойдем готовить Алию к предстоящему походу. Не думаю, что она будет в восторге.

В доме было тихо, Лейя мыла посуду, Алия и Велий играли в крестики-нолики, а Миколка дремал на печке. Когда мы зашли в дом, Лейя обиженно пискнула:

— Хотели остаться наедине, так бы и сказали.

Алиа и Велий одарили нас одинаково презрительными взглядами.

Я ответила им тем же, а Аэрон, желая позлить Лейю, бросил на меня пламенный взор, за что получил осязаемый тычок под ребра. Я стала рыться в вещах, выбирая, в чем отправиться в Урлак. Велий отложил мелок в сторону и, поймав архон, выпавший из выреза платья и качающийся на цепочке, посмотрел на луну в пасти змея и хмыкнул:

— Услуга в обмен на желание?

Я выдернула знак из его руки и молча кивнула, Алиа подскочила со стула и хмурясь произнесла:

— Так и знала, что он не просто так сюда прибыл.

Аэрон радостно оскалился. Я посмотрела на Алию:

— Собирайся, завтра к вечеру в Урлак поедem.

— Да ни за что! — уперлась подруга. — Сама к кровопийцам я не поеду.

Аэрон обиделся:

— Никакие мы не кровопийцы, в Урлаке людей больше живет, чем в Малых и Больших Упырях вместе взятых.

— А что за срочность такая? И вообще, нас не отпустят.

— Уже отпустили. — Аэрон достал из своего мешка пергамент, запечатанный печатью Школы, и протянул Алие. Она сломала печать, прочитала текст.

— А почему я не еду? — обиделась Лейя.

— Лейя, Школа разрешила мне взять с собой только одного из нас. А кладбище без присмотра ведь не оставишь, да и у нас здесь еще одно дельце. — Я украдкой кивнула на курицу. Лейя кивнула в ответ, немного успокоенная. — Миколка будет с тобой и Велий тоже.

— Я еду с вами, — неожиданно заявил двоедушник.

— Ничего подобного! — воскликнула я. — Это невозможно, ты не имеешь отношения к Школе.

— Ошибаешься, — Велий сузил глаза, — я ваш проверяющий.

В комнате повисла тишина.

— Мне предписано отправляться с вами, так как Школа несет ответственность за вас перед родителями.

— За меня Школе ответственность не перед кем нести, — выдавила я.

— Ну ты совсем другое дело. — Велий вытащил из-за пазухи пергамент и сунул мне в руки. — Можешь ознакомиться.

Половина слов в нем была на моранском языке, но суть была прописана и на общепринятом. Очень мне не понравилась эта суть, выходило, что Велий должен сопровождать нас везде и не выпускать из виду, прямо как особо опасных преступников.

— Значит, ты знаешь моранский язык? — спросила я, памятуя о книгах в сундуке и радуясь, что Аэрон промолчал о них.

— Значит, знаю.

Алия с недовольным выражением стала укладывать вещи.

— Почему ты сразу не сказал, что ты проверяющий? — раздраженно поинтересовалась она.

— А зачем? — отозвался двоедушник. — Ты получила ответ на свой вопрос: что я делал на кладбище? — повернулся он ко мне.

— Получила, — буркнула я. — Ты подлый.

— Почему это? — прищурился Велий. — Если ты насчет ваших проказ, то не волнуйтесь, в отчетах они не фигурируют, по отчетам вы идеальные хранительницы.

— Надеюсь, директор не плачет от умиления, — язвительно сказала я, хотя надо признать, его слова об отчетах меня успокоили. Лейя подавленно молчала, вспоминая, сколько раз она вешалась Великому на шею. Аэрон молчал, чему-то улыбаясь краешками губ, один только Миколка ровным счетом ничего не знал и спокойно спал. Алия собирала свой мешок

К вечеру следующего дня мы были готовы. Аэрон еще утром предупредил, что родители обещали прислать за нами небольшого дракона. Увидев этого «небольшого» дракончика, я чуть не передумала ехать в Урлак, боялась, что эта тварь решит сделать по дороге привал и схарчит нас за милую душу. Дракон был нежно-зеленого цвета, с огромными крыльями и внушительными зубами. Он весело фыркал, отчего ближайšie березки пригибались к самой земле. Аэрон пошлепал дракона по боку и даже позволил ему облизать себе руки. Велий тоже никакого беспокойства не проявил, спокойно залез на спину зверюге и приглашающе похлопал рядом с собой. Алия никогда не показывала своих страхов окружающим, поэтому лишь вздохнула и полезла следом за Велием. Я же, не имея комплексов, как Алия, вволю повозмушалась, предлагая идти пешком. Мне почему-то казалось, что дракон на обед присматривает именно меня. Аэрон уверял, что животное — убежденный вегетарианец, но на дракона пришлось затаскивать меня чуть ли не волоком. Когда дракон поднялся в воздух, я сделала открытие, а именно, что меня укачивает на этом летающем шкафе. Ввиду этого всю дорогу я сидела молча, цепляясь за Алию и стараясь дышать как можно глубже. Довольный ощущениями полета Аэрон продекламировал очередной отрывок из трагедии про Укуса и Загрызку:

Где же ты, Загрызка?
Мука душу темную гнетет,
Он не ест, не спит, не пьет,
Он все думает о ней
Ветреной любви своей.
«Без тебя мне одиноко, сердце может
лишь страдать,
Где же ты, Загрызка?...»

Велий чуть слышно хрюкнул, видимо, додумав фразу, а мне было слишком дурно, чтобы по достоинству оценить стихи.

Замок Аэрона был выдержан в лучших традициях ужастиков — огромный, мрачный, на вершине горы. Хотя интерьер понравился мне

больше, несмотря на дурноту после полета. Светлые залы, широкие лестницы, позолота. И не подумаешь, что тут живут вампиры, скорей уж летний дворец какой-нибудь княжны, которая целыми днями только и занимается тем, что бренчит на арфе да строит глазки молодым кавалерам.

Аэрон представил нас своим родственникам, хотя мы уже были знакомы после шалостей в стенах Школы. Те приняли нас приветливо и стать почетными донорами не предлагали. Утром мы решили отправиться на аномальное место.

До печально известной рощи нас сопровождали всем двором. Родители всю дорогу уговаривали Аэрона отказаться от своей затеи и отделаться малой кровью, то есть нами, выдавливая скупые улыбочки мне и Алии.

— Вампирюги самые натуральные, — прошептала мне на ухо Алиа.

Возле рощи провожающие оставили нас в покое.

— Держаться всем вместе, никуда не расходиться, — приказал Велий, будто мы дети малые. — И еще, Верей, я боюсь, что твоя магия в этом месте действовать не будет. Это место ее глушит, я чувствую. — Спасибо, успокоил.

Я повернулась к Аэрону:

— Слушай, а чем кончается трагедия про Загрызку? Аэрон с готовностью продолжил:

Где же ты, Загрызка,
Тать, может быть, тебя похитил
И теперь тебя пытает, кол осиновый вбивает
В грудь прекрасную твою.
Или трупом бросил в грязь.
Где же ты, Загрызка?...

Под эту душещипательную декламацию мы и вступили в рощу.

Аэрон неожиданно замолчал.

— Ничего аномального я пока не вижу. Может, деревья чуть покряжистей да почаще. — В ответ тишина. Я оглянулась на друзей, но никого рядом не оказалось. Я заорала, стараясь не впасть в панику:

— Эй! Это не смешно! — Молчание, не слышно даже птичьих голосов. Я повертелась на месте, нервно озираясь, сделала пару шагов вперед. — Это явно никакая не березовая роща. Я окинула взглядом непроходимый бурелом. С кряхтением и бранью стала продираться к просвету между деревьями, надеясь выйти хотя бы на тропинку и костеря вампиров, которые непролазные дебри называют рощей. До вожделенного просвета осталась пара шагов, и я, увидев, куда именно Вышла, тихо присвистнула. Посреди поляны высился большой, в два этажа дом, обнесенный частоколом. — Странно, Аэрон не говорил, что здесь кто-то живет, — пробормотала я. — Что ж, это облегчает задачу — хозяин наверняка знает, что здесь происходит.

Я пошла вдоль забора, отыскивала ворота и осторожно их отворила. Во дворе было тихо. Крадучись я подошла к дому и постучалась в дверь:

— Эй, хозяйева... — В ответ молчание. Я осторожно приоткрыла дверь и вошла. Обойдя весь дом и не обнаружив хозяев, я приуныла, села на лавку у стола. Что-то мешало мне как следует подумать, что дальше делать, какое-то ощущение нереальности и чего-то знакомого. Бездумно посидев с полчаса, я решила сварить картошки, а то от переживаний заурчало в животе, да и хозяйева на сытый желудок разговорчивее станут.

Картошка сварилась, я поела, помыла за собой посуду. Чугунок поставила в теплую печь, чтобы картошка не остыла, и тут услышала стук копыт.

Я выглянула в окно, слегка отодвинув занавеску, и обмерла: в ворота въезжали семь всадников, здоровых мужиков. Я вжалась в стену.

— Полный абзац! — Меня замутило от страха. Я еще раз выглянула из-за занавески. Точно семь и все как один похожи на вампиров. Бряцало оружие, всхрапывали кони. Я заметалась по кухне как мышь, ища какую-нибудь щель, в которую можно забиться. Надо же так влипнуть! «Тебе ничего не грозит, ты же человек», — передразнила я Аэрона. Вот тебе и «не грозит»! Человеческая девушка одна в лесу с семерыми вампирами. Сердце ухнуло в пятки и настойчиво стучало оттуда, требуя спрятаться еще глубже. Я заметила щель под печью, в которую, если втянуть живот, вполне

можно было втиснуться, что и сделала, со страху скользнув туда как намазанная маслом.

Тяжелые шаги на лестнице. Я перестала дышать. Вампиры ввалились в горницу, выложили на стол несколько уток, видимо, добытых на охоте, и, фыркая, стали умываться у умывальника. Один из них сунулся к печке и весело воскликнул (у меня волосы дыбом от его искренней радости встали):

— У нас гости! Кто-то нас поджидал, печь затопил да картошки наварил.

Я тихо заскулила и стукнула себя ладонью по лбу, кляня за глупость. Остальные мужики тоже весело заулыбались, а я попыталась сделать под печкой подкоп и уйти в землю, но не преуспела. Зато дальнейшие слова меня насторожили, и я, постепенно оправляясь от ужаса, стала кое о чем догадываться, моля богов, чтобы все оказалось именно так, как я надеюсь. Вампиры, вместо того чтобы перевернуть весь дом в поисках незваного гостя, принялись гадать, кто к ним заявился, и всячески зазывать:

— Если старый человек — будь нам батюшкой или матушкой, если молодец — будь нам братом названным, если юная девица — будь нам милая сестрица... — и обескураженно воззрились на выползающую с кряхтением из-под печки, всю в саже и пыли красну девицу.

— Так уж и быть, сестрицей буду, — буркнула я, пытаюсь снять налипшую на платье паутину. Братья-вампиры заулыбались, особенно после того, как я умылась и стала не такой страшной, как показалось вначале, а заплетя косу, так и вообще красавицей, неважно, что рыжей.

В разговорах пролетел день. Братья показали мне мою комнату, и я, сидя на кровати и прислушиваясь к готовящимся спать вампирам, попыталась собрать мысли в кучку.

Итак, судя по всему, эти семеро — из того отряда, который сгинул тут вместе с ведьмой. О прежней жизни вампиры ничего не помнят, равно как и о том, что они — вампиры. Сказку эту про спящую царевну и семь братьев рассказывали мне еще в приюте, и она мне почему-то нравилась. Распорядок дня у братьев полностью соответствовал рассказанному — с утра на охоту за серыми утками, вечером домой. Интересно, на сколько дней я здесь застряну и приедет

ли меня спасти прекрасный царевич? И будет ли он вампиром или все-таки для меня расстараятся и найдут нормального, человеческого? Я одернула себя, прогоняя романтические фантазии. Завтра же дам деру, друзья наверняка тоже во что-нибудь вляпались, а я обещала Аэрону, что помогу. Я покосилась на архон на шее, на лиловое сияние луны и легла спать.

Утром, проводив названных братьев на охоту, я собрала свои пожитки и отправилась в путь. Как бы не так! По двору могла ходить сколько угодно, а вот за ворота ни шагу сделать не могла, что-то толкало обратно. Весь день я экспериментировала: пробовала перелезть через забор, выломать доску, сделать подкоп — никакого толку. Я взвыла, с ненавистью глядя за частокол. Получалось, что придется ждать конца сказки, и тут я обмерла, вспомнив, что гостеприимный дом я покину вперед ногами, в гробу, в белых тапочках.

Я в отчаянии завывала, распугав кур во дворе. Хотела обрушить проклятый забор, взмахнула руками, но добилась лишь оглушительного хлопка, совершенно бесполезного. Делать было нечего, я потащила свой мешок обратно в дом. Интересно, а если не есть яблоки? Стоило только об этом подумать, как до смерти захотелось спелого сочного яблока. Отказаться было просто невозможно...

На следующее утро ко мне в светелку пришли все семь братьев и стали каждый предлагать себя в мужья. Я, мысленно порадовавшись, что в сказке время летит быстро, стало быть, и смерть моя не за горами, швырнула в них подушку и заявила, что жених у меня есть, ишь, женихаться им приспичило! Отправив братьев на охоту и помахав им вслед платочком, я тоскливо посмотрела за частокол и стала догадываться, отчего померла царевна в сказке — от тоски, каждый день одно и то же. Надо будет попробовать выскользнуть в ворота, когда братья вернутся.

Днем в калитку что-то поскреблось, и я с замиранием сердца поняла, что это, скорее всего, яблочко прибыло. План у меня был уже разработан: делаю вид, что откусываю, притворяюсь мертвой, братья вынесут меня из дому, и я свободна как птица. Я пошла к калитке, готовясь встретиться со старой ведьмой, но тут меня ждало очередное потрясение.

Никакой ведьмы не было, а стоял, привалившись к калитке, Лорд Лонгин собственной персоной, как будто не было вихря серого пепла на крыше башни, стоял и грыз красное, сочное яблоко:

— А ты стала совсем взрослой, моя девочка, — саркастически улыбаясь, проговорил он и отбросил огрызок в сторону.

— Я никогда не была твоей девочкой, — сквозь зубы процедила я, пятясь во двор. Мне не верилось, что все это происходит на самом деле.

Он ничуть не изменился, остался таким же, каким я его запомнила много лет назад. Тот же черный плащ, те же черные глаза и пшеничные волосы, даже не постарел. Лонгин ухватил меня за платье и, подтянув к себе, прошипел:

— Я скучал по тебе.

— Пусти, гад! — И тут меня с головой накрыла темнота.

Первым вернулся слух. Где-то капала вода. Что-то нависло надо мной. Почувствовав чье-то прикосновение к лицу, я распахнула глаза и в ужасе замолотила руками и ногами. Кто-то охнул, меня схватили за запястья и прижали, похоже, к подушке, а в ухо зашептали:

— Тише ты, это я, успокойся, говорю.

Я всхлипнула и расслабилась, узнав голос. Велий отпустил меня, и уже я обхватила его за шею, сквозь плач жалуясь, как мне было плохо и страшно. На середине рассказа замолчала и отцепилась от двоедушника, изумленно осматриваясь. Мы находились в какой-то пещере. Велий потирал ушибленную мной скулу. Я шмыгнула носом и перевела взгляд на свое ложе.

— Я так и знала! В гробу, в белых тапках!

— Как ты меня нашел? — спросила я, скидывая с ног ненавистные белоснежные туфельки.

— Я, в отличие от вас, безголовых, подготовился к приключению получше, — сказал Велий, вытаскивая мои сапоги и мешок. — А нашел тебя по глоту, ты же его до сих пор в кармане таскаешь.

— Откуда ты знаешь?

— А я сам глот надел, — он отогнул ворот своей рубахи и показал висевший у него на шее камешек, — поэтому и в сказку не попал. Глот не дает нечисти сойти с ума от своих же выдумок.

Я повертела свой глот в руках.

— Подождал, пока ты яблочко укусишь... — продолжал Велий.

— Да не кусала я никакого яблока, что я, сказок не знаю, что ли! — взвилась я. — И не было яблока, там был... — Я осеклась.

— Кто? — пытливо спросил Велий. Я молчала. Велий вздохнул и продолжил свой рассказ: — Я попробовал тебя сразу же вытащить, благо ты у ворот свалилась, но не смог — что-то не пускало. Пришлось ждать, пока твои «братья» тебя упакуют в этот стеклянный ящик и вынесут сами. Ну а дожидаться влюбленного принца уже не стал, сам разбудил.

Я перестала рыться в мешке, подозрительно посмотрела на него и покраснела. Уж как будили спящую царевну, я хорошо помнила.

— Где Алия и Аэрон?

— Не знаю. — Велий поднялся и закинул свой мешок на спину. — Ты готова?

— Интересно, кем бы ты был в здешней сказке? Сивкой-Буркой?

— Не смешно, — сухо сказал Велий и пошел к выходу, я поплелась за ним. — Нам нужно попасть в середину рощи, но без Аэрона это будет трудно.

— Зачем нам именно туда?

— Все началось оттуда, значит, аномалию нужно искать там.

— Ты знаешь, вампиры даже не помнят, что они вампиры. Я, похоже, догадываюсь, почему аномалия так разрослась.

Велий остановился, и я влетела в его спину носом.

— Почему? — повернулся он ко мне.

— Потому что каждый, кто попадает в это место, приносит с собой новые сказки, пополняя арсенал аномалии, — объяснила я, потирая нос, и тут до меня дошел весь смысл того, что я сама только что сказала. — Аэрон... — простонала я.

— Ты чего? — с тревогой спросил Велий, заглядывая мне в глаза.

— Ты даже не представляешь, сколько кошмарных сказок он знает.

Велий вздрогнул и выругался, а я продолжала, нагоняя на себя ужас:

— И у всех страшный конец.

— Тогда нужно побыстрее с этим заканчивать, — сказал двоедушник. — Ищем Алию и Аэрона, вешаем им на шею глот. Один

твой, пояснил он, — а еще один у меня есть в кармане, я же говорю, что подготовился. Хотя глот я брал для тебя, думал, мало ли как поведет себя твоя магия в этом месте.

— Поэтому натолкал глотов полные карманы, чтобы в случае чего свалить меня наповал, — проворчала я. — И где только взял их столько.

Велий развернулся и снова уверенно зашагал к выходу. Я засемила за ним, пытаюсь приноровиться к его широким шагам, но все время сбиваясь на бег. У выхода двоедушник остановился, жмурясь от света, я подошла к нему и чуть не ослепла: после темной пещеры солнечный свет резал глаза. Мы постояли, щурясь, а затем стали спускаться по каменистому склону.

— И откуда в роще горы, — ворчала я, оскальзываясь и падая прямо на Велия, который еле удержался на ногах. — Кстати, все забываю спросить, кто в твое отсутствие следит за хозяйством.

— Ты уже прекрасно поняла, что хутор не мой, я временно там проживал, на время вашей работы, на которую вас отправили «за хорошую учебу», — передразнил меня Велий, помогая мне удержаться на ногах.

— Но в Школе я тебя ни разу не видела! — возмущенно проговорила я, отдергивая от него руки, как от ядовитой змеи. — Чем ты вообще там занимаешься?

— Я часто бываю в разъездах по заданию Школы, — уклончиво пояснил Велий, продолжая спуск.

Оказавшись у подножия небольшой горы, двоедушник предупредил:

— На Алию глот нужно повесить, когда она будет в человеческом облике, с этим могут быть проблемы.

— Почему именно в человеческом?

— Потому что глот заберет способность перекинуться обратно.

— Действительно как в сказке — чем дальше, тем страшней.

— Иди сюда. — Велий присмотрел поваленный ствол и уселся на него. — Ты есть хочешь? — Он залез в мешок и вытащил большое красное яблоко.

— Только не яблоко. Есть что-нибудь другое? — Я взяла у ухмыляющегося двоедушника булку с маком.

— Давай вспоминать, какие сказки с участием волка мы знаем. — Велий надкусил яблоко и, заметив мой внимательный взгляд, спросил: — Чего так смотришь?

— Вспомнила кое-что... — ответила я, отгоняя видение кусающего яблоко Лонгина. — Я знаю сказку про волка и семеро козлят, про трех поросят, про Красную Шапочку...

— Стоп. Остановимся поподробней именно на шапке. — Довольно сверкнул глазами Велий. — Я знаю сказку про Ивана-царевича и Серого Волка.

— И что нам это даст? — Я вытащила флягу с водой.

— Мы соединим две сказки в одну. Красной Шапкой приманим волка, а Иваном-царевичем будем действовать дальше.

Я поперхнулась водой, когда Велий залез в мой мешок и стал вытаскивать и осматривать одну за другой вещи. Я сердито вырвала у него свое барахло.

— Зря роешься, у меня красного ничего нет. Велий задумался.

— Ладно, — сказал он наконец. — Значит, тебе придется захотеть стать Красной Шапкой, а место сработает вместо костюмера. Давай поднимайся, хватит жевать. — Он принялся меня тормошить. — Сейчас ты станешь Красной Шапкой, к тебе выйдет волк...

— Велий, а если Алия не единственный волк в этом месте? Финал этой сказки меня тоже как-то не устраивает.

— Я буду рядом, — сказал двоедушник. — Мы схватим волка и, не дав ему очнуться и понять, что сказка пошла наперекосяк, заведем другую историю, уже про Серого Волка. Ты, конечно, не Елена Прекрасная, но авось сойдет.

— Спасибо за комплимент.

— Ну давай, вживайся в образ. — Велий забрал у меня мешок и подтолкнул к тропинке.

Я, чувствуя себя полной дурой, промаршировала сначала в одну сторону тропинки, затем в другую. Велий высунулся из куста и, скорчив кислую мину, помотал головой:

— Веря, не халтурь. Ты должна просто изнывать от желания поиграть в Красную Шапочку.

Я сначала со злостью, а потом безнадежно стала ходить туда-сюда, под конец увлеклась собиранием ягод и тут-то и почувствовала, что что-то произошло. Опустила глаза вниз и обнаружила какие-то

дурацкие деревянные башмаки на ногах, полосатые гольфы выше колен и чертовски короткое красное платьишко с белым передничком. Схватила за голову и нащупала две косы с красными ленточками и красную шапочку. Хотела было заглянуть под подол, чтобы удостовериться в присутствии белых панталончиков с кружевами на штанинах, как рисуют в книжках про Красную Шапочку, но вспомнила о сидящем в кустах Велии, раздумала и попыталась натянуть пышную юбку платья пониже. Двоедушник, давясь хохотом, раздвинул густые ветки и спросил:

— В какой книжке ты видела такую картинку, что она так запала тебе в душу?

Я покраснела — картинку я видела у того же самого Аэрона в книжке с неприличными сказками. Кто же виноват, что наряд Красной Шапочки после того дня ассоциировался у меня именно с этим образом. Я радовалась только тому, что картинки в книжке рассмотрела, а вот сказки почитать постеснялась.

В смущении я замахнулась на ухмыляющегося Велия корзинкой с пирожками, и тот мгновенно нырнул в кусты. Я постояла на месте, размахивая корзинкой, и уже собралась двигаться по тропинке, когда сзади раздалось деликатное покашливание.

Я обернулась и с облегчением увидела большую черную волчицу.

Волчица стояла у дерева на задних лапах, оперевшись передними о ствол.

— Куда идешь, девочка? — поинтересовалась она, облизнувшись.

— Алия, я так рада, что это ты! — В спину прилетел огрызок яблока, и я поправилась: — Иду к своей бабушке, несу горшочек масла и пирожки.

Алия встала на все четыре лапы и, кружа вокруг меня, сладким голосом поинтересовалась:

— А где живет твоя дорогая бабушка?

— Вот уж никогда бы не подумала, что ты такая коварная, — пробурчала я себе под нос, а вслух ответила: — На опушке леса.

— Очень хорошо, — сказала Алия. — Тогда ты иди по этой дорожке, она самая короткая. — Волчица показала лапой на непроходимый бурелом и, не дожидаясь ответа, побежала в другую сторону.

Велий выскочил из кустов и схватил меня за руку.

— Теперь шевели ногами, мы должны срезать путь и перехватить ее по дороге, — на бегу пояснил он. Я не успевала переставлять ноги, проклятые башмаки не гнулись, шапка моя осталась на каком-то кусте, пирожки в корзинке превратились неизвестно во что. Наконец Велий остановился, я оперлась руками на колени, пытаюсь отдышаться. Никогда я не была охотницей до таких забегов. Велий бросил на меня насмешливый взгляд: — Красиво стоишь.

— Отстань, — вяло огрызнулась я, разгибаясь, а двоедушник добил меня словами:

— Готовься превратиться в Елену Прекрасную.

— С ума сошел?! — заорала я. — Я не могу так быстро, мне нужно хоть немного времени.

Велий покрутил головой, высматривая волка: — Ну минуты три у тебя есть.

— Очень щедро, — проворчала я, пятась в кусты и пытаюсь вспомнить, во что могла быть одета Елена Прекрасная. В голову почему-то лезли всякие глупости, Велий топтался у куста, все это не замедлило отразиться на моем внешнем виде. Чертыхаясь, я вылезла из куста с грацией медведя в малиннике. Велий обернулся, растерянно моргнул и зашелся в хохоте:

— Из каких потаенных уголков памяти ты умудряешься выкопать такие сногшибательные образы?

— В следующий раз сам будешь экспериментировать!

Велий сразу умолк, видимо напуганный моим предложением, и серьезно пояснил:

— В этом месте что-то менять можешь только ты, меня сдерживает глот.

— Тогда нечего хохотать!

— Тише, Алия бежит, — одернул меня двоедушник. Волчица выскочила на тропинку, порядком меня напугав. Увидев нас, она резко затормозила. Велий приобнял меня за плечи и, напустив на лицо грусть-печаль, проговорил:

— Ну что, Серый Волк, едем к царю Кусману, Елену Прекрасную на чудо-коня менять?

Алия опешила и в раздумье открыла зубастую пасть, видимо, настраиваясь на новые приключения. Я поправила съехавший набок кокошник.

— А что ты, Иван-царевич, такой невеселый? — поинтересовалась волчица, я с облегчением поняла, что она включилась в новую сказку. — Да жаль расставаться с такой красотой, — с нескрываемой издевкой пожаловался Великий. Я фыркнула и демонстративно сдула со лба рыжую прядь, выбившуюся из-под дурацкого кокошника.

— Да?! — удивилась Алия, на мгновение став прежней. — Хорошо. Спрячь тогда Елену в лесной избушке, а я превращусь в царевну еще краше этой. — Великий тихо хохотнул и закашлялся, пытаюсь скрыть смех. — Ты отведешь меня к царю Кусману, — продолжила волчица.

Лесная избушка действительно обнаружилась неподалеку, и мы вошли внутрь. Алия перевернулась через голову и стала самой собой, в таком же наряде, как у меня. Подруга посмотрела на свои руки, выглядывающие из прорезей длинных рукавов, поправила кокошник и удовлетворенно хмыкнула. Великий стоял к нам спиной, плечи его тряслись, похоже, двоедушник смеялся навзрыд. Я подошла к Алие, вытащила из кармана глот и повесила на шею подруги со словами:

— Это чтобы царь Кусман не заподозрил обмана. Алия на миг замерла, а потом закричала:

— Какой такой Кусман?! Что мы здесь делаем? Какого черта ты, Веря, нацепила на себя это дурацкое шмотье? — Она посмотрела на себя и замолчала, беззвучно открывая рот.

— Она пришла в себя, — констатировала я, сдирая с себя осточертевший неудобный кокошник. Стены избушки становились все прозрачней, и в конце концов мы оказались на небольшой полянке.

— Дай мешок! — Я сдернула с плеча Велия свой мешок, каждую минуту ожидая, что платья испарятся, как избушка. Кинула Алие свои запасные штаны и рубаху. — Переодевайся. — И повернулась к Великому: — Отвернись!

Вовремя подсуетилась, надо сказать — наряд Алие уже сползал с нее клочьями и растворялся туманом. Я же радовалась только тому, что на мне осталось платье, в котором я была еще до Красной Шапочки.

— Алия, я надеюсь, ты никем за это время не пообедала?

— Съесть не успела. Только трех поросят погоняла да с Красной Шапочкой пообщалась. — Она прищурилась: — Ею, я как вспоминаю,

была ты?

Я вздохнула и кивнула головой, потом сказала Велию, сидящему на корточках к нам спиной:

— Можешь поворачиваться.

Он повернулся, глаза его лукаво блестели.

— Ну что, Елены Прекрасные, идем искать принца вашей мечты?

— Про кого это он?! — не поняла Алия.

— Про Аэрона, — пояснила Я. — Ты не знаешь, где он?

Алия помотала головой:

— Он даже про Загрызку не закончил...

Я похлопала глазами и выдохнула:

— Я знаю, кем стал Аэрон.

Велий прищурился:

— Ты думаешь о том, о чем и я?

— Да, и это мне совсем не нравится.

Алия переступила с ноги на ногу:

— Кем он стал?

Мы с Велием в один голос сказали:

— Вампиром Укусом.

— Что-то мне не хочется его искать, — проговорила Алия и оглянулась, как будто опасаясь, что Укус сам нас найдет.

— Вечереет. — Велий посмотрел на темнеющее небо. — Нужно о ночлеге подумать.

— Может, придумать какую-нибудь избушку из сказки? — предложила я.

— Ну уж нет, — отказался Велий, — в сказочные избушки постоянно кто-нибудь ломится. А меня нервируют медведи, Бабы-яги и прочая сказочная живность.

Мы расположились под огромной елью (откуда ели в березовой роще?), запалили небольшой костерок под густыми еловыми лапами и стали ужинать. Самой голодной оказалась Алия.

— Два дня не ела, — пожаловалась она. — Мешок где-то потеряла, одежды нет.

Спать улеглись прямо под деревом, расстелив мой плащ и укрывшись плащом Велия. Я уютно устроилась в середине между Алией и двоедушником, — Алия наотрез отказалась спать рядом с

мужчиной, — полежала, прислушалась к сонному посапыванию подруги и незаметно уснула, пригревшись под боком у Велия.

Солнечный луч пощекотал нос, я чихнула, проснулась и столкнулась взглядом с насмешливыми серыми глазами. Велий улыбался и крутил между пальцами травинку с пушистой метелкой.

— Неудивительно, что тебя занесло в сказку со спящей красавицей, ты удивительная засоня.

Я чихнула еще раз и, потягиваясь, беззлобно проворчала: — Обязательно нужно было нос травой щекотать?

Алия пробовала из котелка какое-то варево.

— Всю ночь проворчалась, — пожаловалась она, — все казалось, умрунок появится.

— У нас вода кончилась, — сказал Велий и потряс флягой. — Нужно речку найти. По-моему, она должна быть недалеко. Жаль, карта у Аэрона осталась.

Я свернула плащи и затолкала их в мешки. Алия позвала завтракать, и мы с удовольствием поели. Потом, затоптав костер, отправились на поиски речки.

Где-то в середине дня таковая обнаружилась. Неширокая, с небольшим водопадиком, чистая и, главное, неглубокая, она весело журчала. Велий набрал воды во флягу. Мы с Алией решили искупаться, не обращая внимания на двоедушника, разделись, оставшись в коротких майках и плавках, и залезли под тугие струи водопада. Велий послушал наши довольные вскрики и тоже стал раздеваться. Плавал он, как рыба, и мы с некоторой завистью проводили его взглядом.

— Для него эта речка мелковата, — заметила Алия.

— Зато для меня в самый раз, — продолжила я, а Алия фыркнула:

— Да ты и в тарелке с супом боишься утонуть!

— Значит, плескаться в речке, где воды по пояс, для меня уже самый настоящий подвиг, — только и успела я похвастаться, как тут же зашлась визгом — вылетевший из воды Велий одним движением толкнул нас за струи водопада к каменной стене и сам тоже прижался к стене спиной. Алия открыла было рот, прикрывая руками намокшую, льнущую к груди майку, но двоедушник прошептал:

— Молчать. — И кивнул в направлении леса. Сквозь завесу воды мы увидели, как оттуда с ведром в руке вышел мужик и направился к реке. Мы молча наблюдали за ним, надеясь, что он нас не увидит за водяной завесой. Ведро бултыхнулось в воду. Разбойного вида мужик без усилий выдернул его и вразвалку пошел обратно.

— Вампир, — шепотом пояснил двоедушник.

Когда мужик отошел достаточно далеко, мы выскочили из воды и наперегонки бросились к одежде.

— Хорошо, что я ее в кусты спрятал. А то остались бы без нее, — сказал Велий, втискиваясь в штаны. Одежда никак не хотела налезать на мокрое тело. На ходу натягивая сапоги, мы побежали вслед за вампиром.

— Может, Аэрон тоже там? — спросила я на бегу, держась за руку Алии. Наконец между деревьями мы увидели спину разбойника, замедлили бег и, прячась за деревьями, стали тихо продвигаться следом за мужиком. Вампир, насвистывая какой-то мотив, шел не торопясь, вода плескала из ведра. Наконец показалась какая-то покосившаяся хибара.

— Похоже на жилище разбойников, — сказал Велий. — Может, Аэрон среди них?

— С его амбициями он может быть только их атаманом, — заметила я.

Около дома суетилось еще два вампира — один колот дрова, а другой укладывал их в поленницу.

— Что-то больно тихо, — произнесла Алия.

— Скорей всего остальные члены шайки заняты разбоем, — предположил Велий. — Придется ждать. Предлагаю залезть вон в те кусты и подождать, пока придет вся шайка.

Ждать было неинтересно и утомительно. Пользуясь передышкой, я спросила Велия:

— А ты знаешь продолжение трагедии про Загрызку?

— Конечно. Столько лет по Школе гуляет, стыдно не знать. — Двоедушник поудобнее устроился в ветвях и с выражением начал декламировать:

Князь воеет, словно волк в ночи:

— Ты откликнись, не молчи,

Не играйся со мной, девка,
Я ж ревную, я ж люблю.
Если тотчас не вернешься
Сам замучу и убью,
Сам одену тебя в саван,
Сам украшу серебром...
Сейчас гуляешь и смеешься,
Так наплачешься потом!

— Как всегда, ужасный конец, — подытожила я.

К вечеру послышался стук копыт, мы поглубже зарылись в ветки. В опасной близости от кустов, которые мы облюбовали, промчалась галопом дюжина лошадей, до нас долетели комья земли из-под копыт. Я попыталась рассмотреть главаря разбойников, но все произошло так быстро, что успела заметить только светлые волосы.

— Узнала кого-нибудь? — спросила Алия, я помотала головой. — А я заметила только огромный тесак с правого бока.

Я подумала и переспросила:

— Точно с правого?

Алия кивнула. Я повернулась к Велию:

— Это Аэрон, он скорей всего единственный из вампиров — левша.

— Интересно, в какую он сказку играет? — озабоченно спросила Алия.

— У него все сказки на один лад — про разбойников да вампиров, так что какая разница, главное — суметь в нее влиться.

Велий, повертев в руках листочек с куста, проговорил:

— Есть у меня одна идея, да вам, боюсь, она не понравится.

— Если ты про Загрызку, то идея действительно неудачна, — сразу догадалась я. — Он убьет Загрызку, не дав ей и слова сказать, я уж не говорю о том, чтобы успеть надеть на него глот.

— А если нам проиграть не конец, а начало? — озадачил нас двоедушник.

— Как князь Укус познакомился с Загрыжкой? — мучась нехорошими предчувствиями, спросила Алия.

— По рассказам Аэрона, он выкупил ее у какого-то разбойника, припомнила я.

— Вот именно. И укусив ее в полночь, превратил в вампиршу, — досказал Велий.

— Ты на что намекаешь?!

— До полуночи у нас в запасе полтора часа, — спокойно пояснил Велий.

— Я не буду Загрызкой! — завопила Алия и, треща ветками, поползла от нас подальше в кусты.

— Укус выкупил Загрызку, прельстившись ее танцем, — продолжал запугивать нас Велий, невозмутимый до тошноты. — Кто из вас может прельстить танцем вампира?

Алия подползла поближе и радостно сообщила:

— Я не смогу.

И тут я поняла, что роль Загрызки уверенно переходит ко мне. Об умении Алии танцевать по Школе ходили легенды. Однажды дева переплясала полуденницу, в недобрый час заставшую Алию на пшеничном поле. Полуденница предложила девице поплясать. Говорили, что того, кто перепляшет полуденницу, та одарит богатым приданым.

На беду полуденницы, Алия легко согласилась и поднялась на ноги. Дальнейшее действие повергло плясунью сначала в шок, а затем в безудержный смех. Алия танцевала хуже даже, чем дрессированный медведь, а ее коронным номером было медленное, задумчивое покачивание задом из стороны в сторону. Полуденница от смеха не могла даже встать на ноги, не то что плясать. Пришлось бедной любительнице плясок дарить довольной Алии шикарные бусы из сапфиров, обработанных в виде небольших человеческих черепов. Алия долгое время не снимала с шеи это дорогое украшение.

Велий перевел насмешливый взгляд на меня, и я просипела:

— Ну я немножко могу...

Сказав так, я сильно покривила душой. Лорд Лонгин был темпераментным мужчиной и наложниц менял часто. Мне же общаться было разрешено только с ними, поэтому я могла сколько угодно рассматривать их наряды и любоваться необычными южными танцами. Благодаря безграничному терпению и настойчивости именно этих, таких же как я бесправных обительниц Черного замка я

научилась танцевать еще в детстве. Таких танцев здесь и не знали, а уж вампиры тем более. Лейя, продолжив мое обучение, научила вкладывать в танец чувство и немного чар, так что с танцами у меня как раз было все в порядке, но одно дело танцевать в своей комнате с подругой и совсем другое — на глазах у целого скопища вампиров и Велия. Тем более что почти все танцы миренских наложниц отличались чувственностью и страстностью.

— Как я понимаю, Загрызкой будешь ты, — уточнил Велий. — Ну что ж, это и к лучшему — у тебя хоть проблем с костюмом не будет.

Примерно полчаса из отмеренного нам времени ушло у нас на сооружение разбойничьего вида Велию и Алии. Наконец Алия нашими усилиями была превращена в некое бесполое существо.

— Будешь мальчиком для битья, — объявил Велий. У двоедушника угрожающе топорщились черные усищи сделанные из локона Алии, без спросу отхваченного острым ножом Велия. Два передних зуба он зачернил при помощи головешки, голову повязал платком на манер пиратов. Вид у Велия был впечатляющий. Когда друзья были готовы, я сказала:

— Минуточку, — и попятилась в глубь кустов. Там я сосредоточенно припомнила все до мелочей и со вздохом осмотрела себя. Короткая полупрозрачная кофточка, оставляющая открытым живот, из такой же ткани широкие штаны с разрезами по бедрам, множество браслетов на руках, они тихо звенели при каждом движении рук. На ногах очень удобные, мягкие, расшитые серебром туфельки с приподнятым носами. Я, прикрывая ладонями пупок, в котором переливалась бусина (и угораздило же вспомнить именно Наильку!), полезла к лжеразбойникам. Невозмутимо оглядев все мое откровенное одеяние, Велий поморщился, перевел взгляд на волосы, заплетенные по-миренски в косички:

— Рыжий цвет как-то...

— Я не могу изменить ничего в себе, кроме костюма, сказала я.

— Ну ладно, может, и сойдет, — продолжал Велий, критически осматривая меня. Он кивнул на бусину: — Умеешь ты оживить костюм интересными деталями.

Алия с интересом пощупала тонкую ткань и спросила:

— И где ты такое видела? Чертовски красиво и неприлично.

Я промолчала. Велий вытащил из мешка моток веревки и, сузив глаза, потребовал:

— Руки.

Я тем же тоном ответила:

— Глот дай сюда.

Велий вытащил из кармана камень на шнурке. Я засунула шнурок за резинку штанов и, пряча руки за спину, спросила:

— Зачем вязать мне руки?

— А где ты видела невольницу, свободно расхаживающую по лесу? — удивленно приподнял брови двоедушник. — Руки, — повторил он.

Я, немного помявшись, протянула руки, но предупредила:

— Завяжешь слишком туго, обижусь.

Велий хмыкнул, ничуть не напуганный угрозой, и на совесть закрутил веревку вокруг запястий. Алия поправила шапку и спросила:

— Идем?

Мы вывалились из кустов и направились к разбойничьей хибаре. Только тут до меня дошло, что мне придется делать, и я, запоздало испугавшись, остановилась и хотела уже пойти на попятную, но Велий нетерпеливо дернул за веревку и я поплелась дальше.

В избушке вовсю шло веселье, аж стены дрожали. Алия поправила шапку на голове, бормоча под нос:

— Ох, чувствую, нас загрызут.

Из открытых окон доносились слова разухабистой песни, и по голосу мы сразу определили его обладателя — Аэрон.

Я родился, когда собаки были
И бледная светилась луна.
Меня не показали милой маме,
Сказали ей, что мертвеньким был я.
А я, хоть и вампир, зато красивый,
И млеют девки с вида моего.
И я ношу колечко золотое
И кожаное модное манто.
И каждая собака мене рада,
И я гуляю с ночи до зари.

А если и напьюся чьей-то крови,
Дак люди еще хуже — упыри.

— Стойте, — я вспомнила об одной немаловажной детали, — а если разбойники начнут меня лапать, увидев в таком откровенном наряде? Я этого терпеть не стану — провалю все дело, и веревка не поможет!

Велий стянул свой плащ и накинул на меня, нахлобучив капюшон на голову. Мы подошли к двери — Велий уверенным шагом, а мы с Алией — еле передвигая ноги. Велий протянул руку к двери, и тут вдруг она распахнулась, явив нам зверскую вампирью рожу.

— О! — радостно зарычал Велий. — Анох, сколько лет, сколько зим! Как поживает князь Укус?

Вампир задумался, а мы напряженно ждали ответа. Наконец разбойник расплылся в широкой зубастой улыбке и заорал в ответ:

— Лихо! Давненько тебя не видели, думали, ты дни коротаешь в тюремных казематах. Как оказался в наших краях?

— Да вот, — двоедушник дернул за веревку, — невольницу на рынок веду, у купца Еремея выкрал, хочу продать какому-нибудь богатею.

— А это кто? — спросил вампир, кивая на Алию.

— А это? Прибился ко мне мелкий карманник. — Велий беззлобно отвесил Алие легкий подзатыльник, рискуя нажать врага в ее лице. — Вот и таскается за мной.

— Заходи. — Вампир вошел в избу вперед нас, наверно, докладывать атаману.

Мы зашли следом. Огромная, не по размерам избы горница была освещена светом свечей. Посередине большой стол, на столе в блюдах золотых и серебряных, явно дорогих, разная еда, бокалы из тонкого стекла наполнены темно-красным вином (или не вином?). По бокам стола лавки, а на лавках штук пятнадцать разбойников. Во главе черный стул с резной спинкой, а на стуле, как на троне, восседает сам князь Укус.

— Действительно как княжеская резиденция, — шепнула я Алие. — Ну Аэрон и размахнулся!

Сам Аэрон сидел в богатом кожаном плаще, обзавелся круглой серьгой в ухе и тонким шрамом на щеке. Глаза зеленого цвета подозрительно сощурились, увидев нашу троицу.

Князь кивком подозвал к себе Велия и стал вполголоса что-то у него выспрашивать. Велий спокойно отвечал и, похоже, развеял подозрения. Князь кивнул на Алию, Велий пальцем поманил ее. Алия подошла к Укусу, тот внимательно рассмотрел ее и, хлопнув по плечу Велия, пригласил их за стол. Я скромненько стояла в уголке и пошевелилась, лишь когда Велий привязал веревку к крюку в стене. Я залезла с ногами на лавку у стены и, обхватив колени руками, замерла, прислушиваясь к разговорам разбойников. Те рассказывали какие-то байки, Велий с удовольствием включился в беседу. Алия вздрагивала от громкого смеха, нервничала, от волнения ей кусок в горло не лез. Веселье разгоралось, голоса становились все громче, смех все чаще, сам князь Укус решил спеть очередную песню, разбойники с радостью его поддержали. Аэрон заревел:

Я был еще совсем малыш,
— Да, малыш! Эх, малыш! —

поддержали его дружным ревом остальные члены разбойничьей шайки.

Когда вдруг съел на мельнице собаку.
Сначала было сладко, стало горько
Потом,
Когда по-детски искренне я плакал.
Он был хороший пес,
— Эх, Дружок! Ах, Дружок!

снова включились вампиры.

И зря нас никогда не обижал.
Когда игрался, тыкал в бок.
— Носом в бок!
А я его без жалости сожрал.

И я решил из дома в лес убежать.
— Убежать!
Чтоб больше никого не обижать.
— Не сожрать!
Чтоб не увидеть близких никогда,
Чтоб не явилась к ним беда.
А в том лесу разбойный дикий люд.
— Дикий люд!
Похуже упырей, только кровь не пьют.
— Нет, не пьют!
Как удалось выжить малышу,
Об этом я сейчас не расскажу.
Но пролетели те деньки,
— Эх, деньки!
У малыша длиннее стали клыки,
— Эх, клыки!
Он много чего пробовал на вкус,
Теперь в лесу хозяин — князь Укус!
— Эх, Укус!

— А что, Лихо, пусть твоя невольница нам станцует! — предложил пришедший в хорошее расположение духа Укус. Я, надеявшаяся до последнего, что обо мне благополучно забудут, напряглась. Подошло время сольного выступления.

Велий вылез из-за стола, подошел ко мне, отвязал веревку, заговорщицки подмигнул и сорвал с меня плащ. Разбойники заулюлюкали, а двоедушник, легко меня подняв, поставил на стол. Кто-то из вампиров попробовал ухватить меня за ногу, но я сердито наступила на его руку ногой, придавив ее расшитым башмаком.

— Пляши, — приказал Аэрон. Мысленно посылая на его вампирскую голову проклятия, я подняла руки, демонстрируя запястья, связанные веревкой.

— Иди сюда, — приказал князь. Я по столу направилась к нему, попутно спихивая блюда с яствами, освобождая место для танца. Аэрон вытащил из-за голенища нож и перерезал веревки. Я потеряла запястья. Князь повелительно махнул рукой с ножом: — Танцуй.

Я отбежала на середину стола и, подмигнув Алии, стала напевать мотив миренской песни, вспоминая движения и надеясь, что аномалия поможет мне не хуже музыкантов. Все сработало как надо, избу заполнил стук барабанов, к ним подключились другие инструменты.

Проклята душа танцовщицы,
Ей с собой не совладать,
Сколько музыка будет длиться
Столько будет она танцевать.

Музыка пьянила, я без труда вспоминала, казалось, позабытые движения, совсем как в детстве, когда очередная наложница танцевала перед великим Лонгином, а я, заглядывая в щелку приоткрытой двери (Лонгин никогда не скрывал, чем занимается), повторяла движения, стараясь, чтобы жесты и движения тела совпадали, как в зеркале. Бусина сверкала и переливалась, притягивая взгляды к животу и бедрам, браслеты звенели.

Сумасшедшие звенят браслеты,
И как птица кричит душа.
Проклята душа,
Она танцем опьянена.

Я, бросив взгляд на Алию, поняла, что несколько увлеклась процессом. Девица, открыв рот, стягивала шапку, рискуя разоблачить себя. Велий, сидевший рядом с ней, выглядел не лучше. Я пожелала ему подавиться своими накладными усами, хоть и понимала, что двоедушник был вовсе не готов к откровенным движениям миренского танца наложниц, если он вообще надеялся, что я смогу прилично станцевать.

На Аэрона можно было и не смотреть. Будучи большим любителем женщин, причем отнюдь не в гастрономическом смысле, а теперь еще и изображая влюбленного вампира, он просто пожирал меня глазами, пока глазами, поправила себя я. Вспомнив о цели своего выступления, я мягко перекатилась по столу, выдернула шнурок с плотом из-под резинки и, легко коснувшись атамана, надела на него

глот и закончила танец. Если глот и подействовал на вампира, то это было совсем незаметно, даже выражение глаз не изменилось. Аэрон медленно поставил бокал с вином на стол, — весь танец он так и сидел с ним в руке, не донеся его до рта, — и хрипло спросил Велия:

— Почему ты хотел ее продать?

— Я раздумал ее продавать, — неожиданно ответил двоедушник.

Я с удивлением уставилась на него. Алия, выйдя из ступора, надела шапку и ткнула забывшего роль Велия, двоедушник отмахнулся от нее. Аэрон стал подниматься из-за стола. Я топталась на середине столешницы, бросая тоскливые взгляды в окно на черное небо — близилась полночь. Разбойники окружили нас плотным кольцом, с интересом прислушиваясь к торгующимся.

— Я дам золота столько, сколько она весит, — сказал Аэрон. Велий отрицательно покачал головой и стал демонстративно собираться. Я шагнула было со стола в его сторону, но Аэрон перехватил меня и, схватив за руку, сказал, глядя в глаза двоедушнику:

— Два веса.

Велий молчал, Алия закусил губу и дергала за рубаху вредного двоедушника, который почему-то ни за что не хотел со мной расставаться.

— Три веса, — последовало предложение. — Четыре веса.

Велий усмехнулся и сказал:

— Так и быть, князь, уступлю за пять.

Разбойная братия тихо охнула, но не возражала. Алия выдохнула, я заметно расслабилась, и тут Велий поверг меня в смущение, которое стало перерастать в еле сдерживаемый гнев.

— Только пусть она станцует еще раз. Для меня.

Аэрон перевел взгляд зеленых глаз на меня и согласился. Разбойники радостно взревели, видимо, тоже были страстными поклонниками танцев, а Алия беспомощно развела руками.

— Я тебя убью, — пообещала я, бросая свирепый взгляд на двоедушника, топнула ногой и прошипела, обращаясь уже к Аэрону, который снова водрузил меня на стол. — Аэрон, прекрати это немедленно!

— Какой Аэрон? — прищурился вампир, и в мое сердце стала медленно вползать змея сомнений, я вдруг стала подозревать, что глот на проклятого вампирюгу не подействовал.

Пришлось начинать следующий танец, от накатывающего волнами гнева было трудно двигаться плавно, и я попробовала повторить уловку одной из наложниц, которая настолько ненавидела лорда Лонгина, что в танце попыталась его убить, пустив носком ноги золотое блюдо прямо в голову лорду. Я тогда тоже с надеждой смотрела, как блюдо, раскручиваясь со свистом, летит прямо в шею Лонгина, и мечтала только об одном — чтобы острыми краями оно срезало голову как кочан капусты. Лонгин отвел блюдо в сторону при помощи магии, а непокорную наложницу зверски выпорол сам лично на заднем дворе замка.

Я приглядела две подходящие небольшие круглые толстостенные посудыны, рассчитывая пусть не снести головы вампиру и двоедушнику, решившим с моей помощью потешить свое мужское самолюбие, так хотя бы оглушить попаданием прямо в лоб. В танце подобралась к предполагаемым снарядам поближе и запустила их в полет. Велий с легкостью отвел блюдо ладонью в сторону, придав ему другую траекторию, а Аэрон вообще поймал рукой и, смяв, бросил в угол. Чуть утолив жажду мести, я уже спокойней закончила танец. Велий удовлетворенно улыбнулся и сказал Аэрону:

— Она твоя. Где я могу получить золото?

Меня от его равнодушной деловитости снова начало потряхивать, я чувствовала — еще немного, и я вцеплюсь ему прямо в фальшивые усищи. Аэрон отдал указания насчет золота, телеги и коня. Я слезла со стола и стояла на полу, зябко переступая ногами. Что-то будет дальше... Велий ушел во двор, Алия увязалась за ним. Аэрон развернулся ко мне и, радостно скалясь, произнес:

— Я хочу, чтобы ты была всегда со мной.

— И чего ты от меня хочешь? — спросила я, затравленно оглядываясь.

— Если я укушу тебя ровно в полночь, то ты станешь равной мне.

— Я просто счастлива, — буркнула я. Аэрон довольно заулыбался.

— Нет, знаешь, я не хочу, — пошла я на попятный, глядя на его плотоядно облизывавшуюся физиономию. Велий куда-то запропастился, а вместе с ним и Алия. Хороши друзья, оставили наедине с неменяемым вампиром. То, что глот на Аэрона не

подействовал, я уже давно поняла, как и то, что, если Велий и Алия не вытащат меня отсюда — быть мне упырицей под стать Аэрому.

Аэрон тем временем схватил меня за руку мертвой хваткой и потащил к своему черному стулу. Громко объявил разбойникам, что наконец нашел себе спутницу жизни и намерен жениться немедленно. После этих многообещающих слов и пламенных взглядов нервы у меня окончательно сдали, я подпрыгнула, как испуганная коза, вырвала руку у счастливого князя и ввинтилась под стол. Аэрон полез следом и получил по лбу расшитой туфлей.

— Веря, ну и дура же ты, — прошипел он, хватаясь за лоб.

— Ага, мы, кажется, в трезвом уме и здоровой памяти, — обрадовалась я, и мне захотелось вдруг заплакать от обиды на Велия и Аэрона, которые специально заставили меня танцевать еще раз.

Под стол стали заглядывать любопытные разбойники, Аэрон на них шикнул, и они убрались обратно.

— Я должен укусить тебя ровно в полночь, — продолжал вампир, подползая поближе и получая второй туфлей. — Если я этого не сделаю, история будет не закончена, да и разбойники, боюсь, не поймут. — Он невинно похлопал своими зелеными глазками.

— Хорошо, сделаешь вид, что кусаешь. — Я забрала у Аэрона туфли и натянула их на ноги.

— Все не так просто, — уклончиво прошептал князь Укус.

— Что еще? — напряглась я. Ох, не понравился мне его виноватый вид!

— Ну вообще-то в месте укуса должна выступить кровь.

Я подскочила, забыв, что нахожусь под столом, стукнулась головой о столешницу и зашептала:

— Так и знала, что ты давно хочешь напиться моей крови! — Я попыталась отползти подальше от кровопийцы. Аэрон ухватил меня за ногу. — Пусти! — Я дрыгнула конечностью.

— Да не буду я тебя кусать! — шепотом проговорил вампир. — Я только маленько надрежу кожу на шее, выступит кровь, и все. Веря, не надо смотреть на меня, как на чудовище! — Если он надеялся своей улыбкой добиться согласия, то ошибался, я не из тех девиц, которые млеют, когда светловолосый красавец проходит по коридору Школы.

— Благодарю покорно, вдруг ты увлечешься, и я и пикнуть не успею, как ты выпьешь всю мою кровь до капельки. Отцепись!

Аэрон поморщился:

— Ты из меня прямо какого-то упыря делаешь.

— В точку! И я до ужаса боюсь щекотки на шее.

— Веря, до полуночи осталось совсем немного, если ты будешь упрямиться, я сорву с шеи вот этот камушек. — От уговоров Аэрон перешел к угрозам и показал глот. — Так что выбирай — или доверяешься мне или становишься женой вампира Укуса. — И он улыбнулся мне теперь уже улыбочкой нечисти, той самой, от которой мне стало страшно, когда он меня к обозу златоградскому гнал.

— За что мне это?! — шепотом спросила я, закатывая глаза. Аэрон удовлетворенно кивнул, понимая, что шантажом он своего таки добился. Приспичило его доиграть эту сказку до конца!

— Только с уговором, — сказала я и, глядя в вытянувшееся лицо Аэрона, фыркнула: — Должна же я тоже хоть какую-то выгоду получить. — И зашептала ему на ухо. Аэрон расплылся в понимающей улыбке.

Из-под стола он выволок меня за руку, я упиралась и трясла головой, не соглашаясь с уготованной мне участью. Разбойники улыбались так широко, что я при желании могла бы пересчитать у них все зубы. Князь Укус торжественно объявил, что сию минуту берет меня замуж, я принялась отнекиваться.

— Полночь, — тихо сказал Аэрон и смачно меня поцеловал. Я никак не могла решить, какую сторону шеи подставить надоедливому вампиру, поэтому на поцелуй отреагировала как бревно, даже возмутиться не догадалась, все решая: правая сторона или левая, а может задняя часть его тоже устроит, там не так щекотно. Аэрон, утомленный моими метаниями, со стоном нетерпения схватил меня за волосы, не без усилий наклоняя мою голову, я же изо всех сил боролась с истерическим хихиканьем — чертовски боюсь, когда мне щекочут шею. Честно говоря, я не почувствовала, как вампир клыком проколол мне кожу, я все еще пыталась не захохотать. Поняла это, только когда Аэрон, довольно скалясь, прошептал: — Умирай, дурища.

Я с готовностью обвисла, радуясь, что комедия подошла к концу.

Аэрон подхватил меня на руки и вынес за дверь, а глупые разбойники даже не догадались спросить, куда это он меня поволок, почему не в опочивальню. Захлопнув ногой дверь, Аэрон не

оглядываясь понес меня в знакомые кусты. Двоедушник и Алия были уже там. Сквозь ресницы я с удовольствием посмотрела на побледневшего Велия, когда он увидел меня окровавленную и облизывающегося вампира. Аэрон положил меня на землю и смущенно проговорил:

— Извини, не удержался. Алия медленно попятилась.

Велий кинулся ко мне, наклонился, похлопал по щекам и перевел сумасшедший взгляд на Аэрона:

— Что ты сказал?! Не удержался?! — Лицо двоедушника стало жестким, глаза потемнели. Рука его потянулась к глоту на шее, стало понятно, что сейчас произойдет что-то очень нехорошее, даже страшное. Я открыла глаза и, не давая опомниться Велию, толкнула его в грудь и уселась верхом, колотя кулаками и визжа:

— Танцевать! Для тебя?! Убью!

Позади раздался треск ветвей, я обернулась и увидела, как Алия падает без сознания.

— Ну что, всем отомстила за унижения? — спросил довольный Аэрон, вытирая кровь с губ.

Велий захохотал:

— Алия решила, что ты уже стала упырем и кинулась за порцией крови!

Я слезла с веселящегося двоедушника, подползла к подруге и похлопала ее по щекам — никакого толка. Тут я вспомнила, как Алия будила двоедушника после Лейиных песен, и отвесила ей пощечину, сидящий на земле Велий поморщился, видимо, вспоминая ощущения.

Алия вздрогнула, увидела меня и заорала, махая руками. Всей компанией мы принялись уверять, что я не вампирша, что это была просто неудачная шутка. Лаквиллка потрясла головой и неожиданно заплакала, жалуясь, что в этом ненормальном месте она сойдет с ума. Я бестолково пыталась ее утешить, бросая злые взгляды в сторону Велия и намекая, что во всем виноват он. Наконец мы успокоили Алию и выбрались из кустов, посчитав, что на ночь тут оставаться не стоит.

На ночевку остановились на небольшой полянке. Аэрон вытащил карту, и мы, развернув ее при свете костра, попытались сообразить, как далеко находимся от цели. Выходило, что до центра роши полдня пути.

Алия зевала и принялась укладываться первой. А я все еще вспоминала унижения, пережитые по вине Велия и Аэрона.

— Мне надоело тут шататься! — стоя посреди поляны, пожаловалась я. — Хочу спать на кровати! — Сзади раздался какой-то шорох, я не обратила на него внимания, продолжая перечислять, чего еще хочу: — Хочу сменить одежду на чистую и хочу наконец принять ванну! — Велий и Аэрон молча смотрели куда-то мне за спину. — Ну чего еще там? Только не говорите, что умрунок пожаловал!

Аэрон хрюкнул, я устало обернулась. На поляне стояла огромная кровать под балдахин, ванна, наполненная водой с душистой пеной, огромный шкаф с раскрытыми дверцами и бесконечными вешалками с одеждой, а вокруг всего этого великолепия катался какой-то ком бордового цвета. Я даже не удивилась, видимо, резерв этого чувства был использован полностью. Я лишь вяло махнула рукой и повелела:

— Убрать все это!

Поляна опустела. И тут до меня стало доходить, что я сделала. Велий хмыкнул, а Аэрон возмущенно набросился на меня:

— Просили тебя все это убрать?! Нельзя было избавиться только от умрунка? Хоть бы кровать оставила!

Я попятилась:

— Как это я?!

— Ты единственная, кто может здесь что-то менять, — сказал Велий. — Если ты чего-то страстно желаешь, твои желания исполняются, в пределах этого места, естественно. И это очень странно.

— Веря, ну наколдуй чего-нибудь! — восторженно подпрыгнул Аэрон.

— Я спать хочу, — сказала я, решив не потакать желаниям вампира.

Снова появилась знакомая кровать. Я демонстративно полезла на середину и повалилась на простыни. Велий переложил Алию на край кровати. Аэрон тоже полез спать.

Дождавшись, когда все уснут, и послушав некоторое время дружное сопение, я ворча вылезла из-под рук Велия и Аэрона, которые они во сне сложили на меня. Опять я оказалась в середине. Я слезла с кровати, вышла на середину поляны, задумалась и, когда желания оформились, зажмурилась. Утром меня обнаружили спящей в

огромном золотом кресле, которое стояло на хрустальном мосту, в обнимку с жар-птицей и в шикарном костюме пиратки.

— Похоже, ты всю ночь экспериментировала, а нас не пригласила! — укоризненно произнес Аэрон, трясая меня за плечо. Я продрала глаза, зевнула, выпустила птицу в небо и, полюбовавшись ее полетом, сказала:

— А знаете, мне здесь очень нравится.

Велий понимающе хмыкнул. Алия потрогала спинку кресла. Я встала и спросила:

— Ну что, идем?

Алия уселась в кресло и приняла величественную позу, я засмеялась и щелкнула ногтем по перилам моста, поляну огласил мелодичный звон.

— Чистый хрусталь, — удивленно протянул вампир. — Жаль, испарится, как только ты о нем забудешь.

Я сбежала по мосту на траву и крикнула замешкавшимся друзьям:

— Спускайтесь, а то сейчас все исчезнет!

Мы позавтракали остатками мяса и хлебом. Собрали мешки и отправились в путь. Велий всю дорогу был какой-то хмурый, на вопросы отвечал невпопад, а вот Аэрон напротив — весел и энергичен. Вампир во все горло орал веселую песенку:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять.
А чего не прогуляться по весне?
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Кто засранцу лук доверил,
Странно мне.
Думал зайчик о любви,
Что достали снегири,
И вообще уже капель,
И апрель!
Вдруг какой-то идиот
Взял стрелу и зайца — хлоп!
И улегся наш косой

Вместо койки прямо в гроб!

— У тебя все песни на один лад, — поморщилась Алия. Вампир довольно улыбнулся.

— Ты чего такой хмурый? — спросила я Велия.

— Не нравится мне все это, — с неохотой ответил тот. — Очень похоже на камень сновидений.

— Ты думаешь, он в этой роще? Откуда?! — удивился Аэрон.

— Что за камень сновидений? — спросила я, дергая Аэрона за рукав.

— Это такой артефакт, их во всем мире всего три. Один у эльфов на юге, другой у Конклава магов, а третий был у мага Арабаса. Пятнадцать лет назад Арабас исчез. Конклав магов объявил розыск, но до сих пор не нашел, — пояснил вместо Аэрона Велий.

— Почему его разыскивают? — допытывалась я.

— Он был отступником, примкнул к Черному Лорду.

— Я не хочу искать этот камень. — Я остановилась.

— Ты чего?! — Аэрон пожал плечами. — Подумаешь, какой-то маг! Уже поди старикашка.

— Ненавижу магов. — Я недовольно поплелась дальше по тропинке.

— Что они тебе сделали? — спросил Аэрон.

— Ты так и не сказал, что именно может камень сновидений, — перевела я разговор на другое, подальше от опасной темы.

— Он насыляет мороки, причем вполне осязаемые. Магические существа в его присутствии сходят с ума, так как он меняет магию, глушит, подавляет ее. Мало того, являясь по сути чем-то вполне разумным, он сам выбирает хозяина. Если бы я был уверен, что мы имеем дело именно с этим камнем, я бы подумал, что он выбрал тебя, — Велий повернулся ко мне, — хотя непонятно, как он сделал этот выбор. Для того чтобы выбрать, предполагаемый хозяин должен хоть раз подержать его в руках. — Он пытливо уставился на меня, будто решил взглядом в мысли проникнуть.

— Не держала я его в руках, я даже не знаю, как он выглядит! — воскликнула я. — Он большой?

— Похож на кристаллы горного хрусталя, постоянно меняющие цвет.

Я неожиданно вспомнила бархатный мешочек в пещере, где нашла глот, и мне стало холодно. В то, что каменный старикашка ожил, верилось с огромным трудом, но как тогда вышло, что камень сновидений здесь? И я его действительно держала в руках, не доставая из мешочка, просто пробежалась пальцами по граням, а потом отвлеклась и забыла на столе. Велий как-то подозрительно наблюдал за мной, даже Аэрон стал что-то подозревать. Я встряхнулась и, невинно посмотрев прямо в глаза двоедушнику, сказала:

— Никогда такого не видела и тем более не держала в руках.

Алия с облегчением выдохнула:

— А может, это не камень сновидений? Или у эльфов украли?

— Скорее это действительно не камень, чем я поверю в то, что у этих гордецов что-то выкрали! Они живут только за счет этого камня, думаешь, откуда у них такие замечательные леса, полные чудес?! — фыркнул Аэрон. — Сплошные мороки!

В полдень Аэрон, идущий впереди нас, остановился и объявил:

— Мы на месте, эта поляна как раз в центре рощи.

— Почему ты так уверен? — спросила я, а вампир прошептал мне на ухо:

— Именно здесь растет цветущий папоротник

— Да?! — Я посмотрела вокруг, но папоротника не увидела.

Велий заметил, как мы с вампиром шушукаемся, но ничего не сказал. Аэрон заспорил с Алией, с какого места начинать искать камень, вырывая друг у друга карту, двоедушник присоединился к словесным баталиям, а я, приподняв подол платья и напряженно всматриваясь в траву, отправилась на поиски цветущего папоротника, справедливо рассудив, что камень сновидений я уже видела, а вот цветущий папоротник вампиры навряд ли мне когда-нибудь покажут. Вот сейчас сама найду и рассмотрю, а то и урву веточку, спрячу, потом при ее помощи найду клад и куплю...

Что именно я куплю, додумать я не успела, меня грубо прервали.

Кто-то грубо схватил сзади за волосы и приставил к горлу нож. Я скосила глаза на широкое лезвие и, даже не испугавшись, негодуя заорала на всю поляну:

— Я не заказывала такую сказку!

— Дернешься — убью! — хрипло предупредил обладатель внушительного ножа. Я замерла, по достоинству оценив остроту лезвия.

— А ну отпусти ее,...! — крикнула Алия, повернувшись на мой вопль. Аэрон, сидевший на корточках с картой в руках, стал медленно подниматься, нехорошо сузив зеленые глаза, а Велий потянулся к поясу за ножом.

Державший меня, видимо заметив этот жест, коротко рыкнул, и из кустов вышел пяток каких-то звероподобных клыкастых личностей, обвешанных оружием подобно праздничным деревьям. Еще пятеро стояли с туго натянутыми луками. Меня прошиб холодный пот, я поняла, что, похоже, все очень серьезно.

— Попробуешь воспользоваться мороками камня сновидений, и твои друзья станут похожи на ежей, — ласково посоветовали мне на ухо. — Думаю, тебе это не понравится. Вампир и вилколак по достоинству оценят наконечники из эпской стали.

Я вспомнила, как называются эти звероподобные существа эпсы. Они преданы хозяину до самой его смерти. Сильны и туповаты, но подчиняются беспрекословно. Я трепыхнулась, рискуя лишиться головы, и только тут заметила на руке державшего у моего горла нож браслет с накопителем.

— А-а-а, — завела я старую песню, от которой державший меня вздрогнул, — ненавижу магов!

— Глоты на землю! — рывкнул маг, обращаясь к Аэрону и Алии.

Те переглянулись, не решаясь снять камни. Я услышала, как натягиваются луки, и закричала:

— Да снимайте же!

Алия первая сорвала глот, и волчица, покрутившись на месте, скрылась в лесу. Аэрон немного помедлил и зло рванул камень с шеи, тут же повернулся, непонимающим взглядом окинул поляну и зашагал прочь. Двоедушник потянулся к своему глоту, но его предостерегли:

— Даже не думай! — Обратив ко мне лицо с короткой бородкой, маг пояснил: — Если он его снимет, камень сновидений выкинет его за пределы рощи. Твой дружок — маг, а камень сновидений их не жалует, только с глотами. Ты не знала?! — заметив мое потрясенное лицо,

удивился он. — Неужели он ни разу не воспользовался твоими способностями?!

У меня сразу появилась куча вопросов, даже к эпсам нашлась парочка, а еще была обида, такая, что огнем жгло грудь и хотелось или зареветь, или просто убить, причем конкретного человека, мага.

Велий опустил руку:

— Отпусти ее, Изот, — тихо сказал он.

Маг хрипло захохотал:

— Ну уж нет! Я ради того, чтобы заполучить такую ценность, — рука сильнее сжала мои волосы, — очень много сделал. Как ты расправилась с Черным Лордом?

— Пусть это будет для тебя сюрпризом, — с широкой улыбкой сказала я. Изот нахмурился, Велий шагнул к нам, но эпсы снова натянули луки.

— Стоять, — приказал Изот. Наверно, стоять и произносить длинные речи, держа меня, было не очень удобно, поэтому Изот отшвырнул меня за спину, к эпсам, проворчав: — Чтоб ни волоса с головы не упало.

Сразу захотелось немедленно полысеть ему назло. Я немного подергалась в отнюдь не дружеских объятиях, ухитрилась пнуть камушек с земли, метя в Изота, не попала, опечалилась и на время замерла, пока эпсы ловко вязали мне руки. Изот засунул нож за пояс и спокойно продолжил:

— Арабас здорово перетрусил, когда стали исчезать сторонники Лонгина. Спрятался в подземелье и даже василиска приручил при помощи магии. Боялся, что она его найдет. — Маг кивнул в мою сторону.

— Я его и не знала даже, — буркнула я из-за спины мага.

— Тем не менее он был ужасно напуган. Я нашел его совершенно случайно, старик рассказал мне про дочь некоего мага, которую Лорд повсюду таскал за собой, называя талисманом удачи. Я и не думал, что этот ребенок и есть исчезнувший артефакт, но, по крупицам собирая информацию, убеждался в обратном. Арабас не помнил ее особые приметы, только цвет волос. Я десять лет искал ее в приютах и школах. — Изот потрепал меня по щеке, я отдернула голову. Маг усмехнулся и продолжил: — И был чертовски удивлен, обнаружив в Школе, которая находится под опекой Конклава магов.

— Ну что ж мне так везет-то?! — спросила я у эпсо, те засопели, но промолчали. — Понятия не имела, что Школа под опекой Конклава.

— Ты тоже ее искал, и наши пути, можно сказать, шли в одном направлении. — Изот хмыкнул. — Только цель у тебя была иная. Маг сделал паузу, а я напряглась, чувствуя, что дальнейшее повествование мне не понравится. — Ты жаждал уничтожить артефакт, при помощи которого Черный Лонгин уничтожил твоих родных. Я вздрогнула и вскинула на Велия глаза, но тот отвернулся. Изот хохотнул: — Жаль, я не видел твоей рожи, когда ты узнал, что накопитель живой. Ты сам не смог ее убить или Конклав не позволил?

— Не слушай его, — попросил меня Велий.

Изот повернулся ко мне и, посмотрев на застывшее лицо, с удовольствием продолжил:

— Пока я искал, как бы заполучить это рыжее сокровище, Конклав магов приставил к девчонке своего лучшего квестора. Молодого, перспективного, такого, которому Конклав доверял полностью. Я-то уже выстроил целый план, решив вскружить девчонке голову, чтобы она добровольно стала мне помогать.

— Терпеть не могу бородатых, — охладила я его пыл. Что ж за день-то такой — все непременно хотят заполучить меня или в жены, или в союзницы. Может, мне умереть от счастья? Изот посмотрел на меня и непроизвольно схватился за бородку. Велий воспользовался замешательством и сделал еще один маленький шаг в нашу сторону. Маг снова повернулся к нему:

— Я, конечно, не сомневаюсь в мудрости Конклава магов. Ты ненамного ее старше, вполне можешь стать ее другом, хотя, возможно, сам планируешь стать ей больше чем другом?

Я негодуяще фыркнула, мечтая вырваться и выцарапать глаза и Изоту, и Велию. И почему мнением самой девушки они не интересуются? Изот оглянулся и, усмехаясь, послал мне воздушный поцелуй, я передернулась.

— Пришлось срочно придумывать другой план, уже не такой приятный, как первый. Действовать нужно было быстро, так как молодые девушки такие ветреные, да под действием чар...

— На меня чары не действуют, — засмеялась я. — Неужели не мог догадаться?! Я же в Школе для магических существ.

— Тут я вспомнил про камень сновидений у Арабаса. Я опять навестил старика, но нашел только его каменную статую, василиск избавился от глота, и старому маразматику пришел конец. Но до меня там уже кто-то побывал, пропал глот василиска. Кстати, один к одному такой же, — Изот покачал глотом, снятым с Алии. Велий посмотрел на меня так, что будь я ледышкой, осталась бы только лужица. — Зато камень сновидений лежал в своем мешочке на столе.

Я готова была со злости добровольно повыдергать у себя все волосы, но эпс держал крепко и я только зашипела:

— Какая же я дура! Забыть его на столе, испугавшись каменного старикашки, идиотка! Значит, это ты завалил подземелье?

— Нет, это был я. — Велий, прищурившись, посмотрел на меня. Когда вы успели там побывать? Вы же никуда не собирались! — заорал он.

— Мы просто не сказали, что хотим прогуляться.

— Но Геронтий сказал, что вы проведете весь день дома!

— Мало ли что сказал Геронтий, откуда он мог знать?

— Геронтий — телепат! — Велий даже подпрыгнул на месте. — Он сказал, что вы никуда не пойдете. Я понимаю, в голове у Лейи ветер свищет, но ты и Алиа ответили именно так!

— Значит, мы просто верим в то, что говорим! — Я надулась, вспомнив, что разговаривать с обманщиком не стоит.

Изот переводил взгляд с меня на взбешенного Велю и, похоже, веселился. А тот, под шумок делая еще один шаг к нам, возмущенно кричал на всю рощу:

— Говорит одно, думает о другом, а делает третье, я такой непоследовательной особы еще не встречал!

Изот, желая, видимо, быть единственным оратором в роще, рыкнул:

— А ну заткнитесь!

Мы замолчали. Изот сказал:

— Как только камень попал ко мне в руки, мне осталось только положить его где-нибудь не очень далеко, там, куда Верелея обязательно сунет свой конопатый нос. Я вспомнил про ее дружка вампира и определил камень в эту рощу в Урлаке, зная, что вампир обязательно притащит свою рыжую подружку сюда, она ведь все-таки человек, камень на нее не будет действовать, как на нечисть. В зоне

действия камня Верелея не сможет пользоваться магией и будет беззащитна, ты тоже не сможешь ее защитить, так как без глота сюда попасть не сможешь, камень сновидений не пускает магов. Я, конечно, не ожидал, что камень выбрал ее хозяином и она сможет контролировать мороки камня. Я планировал выхватить ее прямо из сказки, но ты меня опередил. Пришлось ждать другого подходящего момента.

— Значит, это ты был Лонгином? — уточнила я.

— Да нет же, это твой дружок маг.

Я даже не могла передать всю гамму чувств, которые испытала, сил хватило только крикнуть Велию:

— Ну ты и скотина!

На что тот спокойно поинтересовался:

— Почему это?

— Напугать меня Лонгином!

— Я не пугал, только накинул черный плащ, а твое воображение само все доделало!

— Ты... ты... ты воспользовался мной!

— Мне нужно было вытащить тебя как можно быстрее, а силу я тебе вернул, когда будил, иначе ты бы не очнулась, камень не дает тебе пользоваться магической энергией, и пополнять ее ты тоже не можешь. — Он снова обратился к Изоту, который был забыт в перепалке: — Стоит ей покинуть только это место, и она снова сможет пользоваться магией. Не боишься, что тебя постигнет та же участь, что и Черного Лорда?

Изот усмехнулся:

— О-о! Я к этому подготовился. Она будет опоена и очнется лишь у самой Мораны, а там у меня готов замечательный плащ, сшит тамошними магами, прямо для твоей подружки.

Посмотрев на окаменевшее лицо Велия, я решила пока не радоваться обновке. Изот кивнул эпсам, и двое из них шагнули с поляны под сень деревьев. Изот скривил губы в усмешке и произнес:

— Извини, Вел, но кони ждут. Хотелось бы поболтать подольше, но... Я бы не хотел, чтобы Конклав магов узнал слишком рано о пропаже Верелея, поэтому решил не оставлять свидетелей.

— А как же камень сновидений?

— Придется им пожертвовать ради девчонки. Оставлю в роще, а Конклав пусть думает, что вы до сих пор здесь бродите. — Изот повернулся ко мне и вздрогнул, встретив мой взгляд, не обещавший ничего хорошего.

— Не смей его убивать, — сказала я.

Изот что-то хотел ответить, но тут из леса вышли эпсы, держа в лапах что-то напоминающее конские копыта.

— Что это? — спросил Изот, вертя копыта в руках.

— Хозяин, лошадей волки съели... — понуро проговорил один из эпсов.

— Все десять? — поднял брови Изот. Я переглянулась с Велием и стала с интересом прислушиваться к разговору. — Нет, только одну, остальных угнали.

— Кто угнал? — Изот в гневе швырнул копыта в эпсов.

— Может, разбойники?

Я счастливо рассмеялась, Изот с недоумением воззрился на меня.

— Очень хочется пешочком пройтись, — скромно пояснила я.

— Уходим. — Изот оглянулся на лес. — Пешими идти дальше, но ничего не поделаешь. — Он бросил на меня вопросительный взгляд, я с намеком кивнула на Велия, который стоял уже в какой-то паре шагов. Изот выругался и приказал:

— Этого с собой, да глаз с него не спускать, к девчонке не подпускать!

Сама идти я отказалась, заявив, что у меня ножки устали, и демонстративно уселась на траву. Один из эпсов взвалил меня на плечо, я устроилась поудобнее, вытащила цветок ромашки, сорванный еще когда сидела на земле, и принялась гадать на Изота, мрачно шагавшего рядом, громко комментируя процесс:

— Любит, не любит, обнимет, поцелует, замуж возьмет, к черту пошлет. — Посмотрела на Велия, которого тащили в конце нашей процессии, и показала ему язык, намекая на то, как мне хорошо ехать, а ему плохо идти.

Изота мое гадание заметно нервировало, он стал прислушиваться к комментариям, наверно, ему тоже был интересен финал. Я особо не торопилась, делая многозначительные паузы после каждого высказывания:

— Золотом одарит, по щеке ударит, на кровать положит... — Изот споткнулся, я хихикнула и закончила: — Ничего не сможет!

Маг вырвал из моих рук стебелек и забросил его подальше.

Из глубины леса послышалось конское ржание, я, уже успев задремать под мерное укачивание, встрепенулась.

Посередине выбранной нами тропки стоял огромный валун, а на камне сидел в своем кожаном плаще князь Укус и лениво ковырялся в зубах палочкой.

— Верни мне Загрызку, — проникновенно обратился князь к Изоту, когда наш небольшой отряд остановился. Мне неудобно было наблюдать за действием, болтаясь на плече у эпса задней частью вперед.

Я принялась брыкаться и требовать, чтобы меня спустили на землю и дали посмотреть на возлюбленного супруга. Изот был немного обескуражен тем, что за время моего блуждания по роще я успела выскочить замуж, но поставить меня на землю все-таки разрешил, так как мои вопли действовали ему на нервы. Я принялась закатывать глазки перед мужем., показывая, как мне без него тяжело и тоскливо, и помимо воли сменив наряд на тот, в котором танцевала. Связанный Велий развлекался, глядя, как я ломаю комедию. Аэрон спрыгнул с валуна и протянул ко мне руки, я радостно рванулась к нему в объятия, но была схвачена эпсами. Вампир нахмурился:

— Верни мою жену.

Изот, посмотрев на сверкающую бусину у меня на голом животе, скривился и приказал:

— Вампира прикончить.

Испугаться за друга я не успела — взметнулся с шелестом плащ, и Аэрон исчез со словами:

— Ты пожалеешь о своем решении, здесь хозяин — я.

— Какое раздутое самомнение, — проворчал Изот, силясь между стволами деревьев разглядеть князя, эпсы с оружием наготове, порыкивая, оглядывались, но Укус как растворился в воздухе. Я огорченно вздохнула и вернула себе свое платье, не желая радовать Изота видом полуголого тела:

— Я есть хочу, и ребра болят от лежания на плече твоего зверя. Изот с неудовольствием согласился сделать короткий привал.

Обвешанные оружием эпсы принялись суетиться, вытаскивая еду, хотя глаз ни с меня, ни с Велия не спускали.

Пока Изот давал указания своему зверинцу, я с интересом разглядывала камень, на котором недавно сидел Аэрон, обнаружила какие-то покрытые мхом письмена. Кивнув на них двум эпсам, которые следовали за мной по пятам, повелительно потребовала очистить буквы. Эпсы вопросительно посмотрели на Изота, тот кивнул головой, подозрительно сощурившись, но я невинно развела руками, показывая, что я не пользовалась мороками камня сновидений, а слова появились сами по себе. Когда надпись была очищена, я стала вслух читать написанное, читала вслух ради Велия, которого к камню не пустили, привязав к дереву. Изот стоял рядом, задумчиво схватившись за свою козлиную бородку.

Ну здравствуй, милый человек,
Иди лесной тропой.
Уж тешут гроб, и скоро в нем
Ты обретешь покой.

Стрелка рядышком красноречиво показывала направление, в котором нужно двигаться, чтобы обрести такую участь. Я бросила взгляд в том направлении и поморщилась:

— Что-то мне не хочется туда идти. — Потом начала читать дальше:

Мы золото пропили все
И всех коней сожрали.
Спеши к нам, милый человек,
Тебя мы долго ждали.

Я посмотрела на выбитую рядом стрелку и пожала плечами, не решив еще, хочу я идти этой тропкой или нет. Изот прервал мои размышления, начав читать следующее предостережение:

Бывает — в жизни не везет.
Ограбят и убьют,

Сожрут коней,
Пропьют добро,
На тризне не споют.
Но это, право, не беда,
Ты больше потеряешь,
Коль этой темною тропой
По лесу пошагаешь.

Маг помрачнел, посмотрел на меня, пытающуюся выдраться из объятий эпов и залезть на камень, помолчал и рыкнул что-то эпсам. Те приволокли его мешок. На камень мне залезть не разрешили. Изот вытащил из мешка какую-то склянку с прозрачной жидкостью, кинув взгляд на решительное лицо мага. Мне стало как-то не по себе, а когда он направился с этой подозрительной склянкой в мою сторону, я совсем струхнула — не люблю эксперименты над собой.

— С ума сошел! — в испуге заорала я, пробуя пятиться. — Я не буду пить эту гадость!

Мои вопли на Изота не произвели никакого впечатления, он протянул мне свою склянку и ласково поинтересовался:

— Сама выпьешь или влить?

Я поозиралась на молчаливых эпов, не нашла сочувствия и сказала:

— Ни за что!

— Держите ее! — сверкнул глазами Изот. Я принялась выворачиваться из лап эпов как уж и устроила небольшую куча-малу. Рот я захлопнула, и влить свое зелье Изоту никак не удавалось. Маг взмок, эпсы рычали, я раскраснелась. Наконец, порядком устав, я, рискуя глотнуть жидкость, сказала:

— Хорошо, — Изот и эпсы замерли, — я выпью эту дрянь! Но сначала хочу попрощаться с Велием.

Велий выпучил глаза, не ожидая такого от меня.

— Ну, прощайся, — разрешил маг. Я скромно потупила глазки и произнесла:

— Я его поцеловать хочу, а твои звери меня не пускают. Изот захохотал:

— Ты очень любвеобильная особа, замужем за одним, целуешь другого, а остаешься с третьим!

— Тебе-то что? Такпустишь или нет?

Изот с сомнением посмотрел на Велия и расщедрился:

— Ну ладно, только быстро.

Эпсы меня выпустили, и я поползла к Велию, так как сил на то, чтобы встать на ноги после веселой свалки, уже не было. Тот вжался в ствол дерева и ошарашено следил за моим передвижением.

— Ты что задумала? — прошипел он, когда я подползла поближе. — Я не хочу с тобой целоваться, даже перед смертью.

— Расслабься и получай удовольствие. — Нахально проговорила я, оглянувшись на Изота, прислушивающегося к нашему разговору, и прошептала так тихо, чтобы услышал лишь Велий: — Больно надо, я бы сама тебя прибила, да Изот мешает, наклонись, идиот, и сделай вид, что тебе приятно, — потом добавила погромче: — Все-таки молодая девушка сама решила тебя поцеловать.

Я не успела встать на ноги, как несколько остывший после свалки Изот вдруг резко поменял свое решение, заорав на весь лес:

— Стой, не прикасайся к нему! Хватайте ее!

Я подскочила, потянувшись к Велию, эпсы навалились на меня сзади, но я успела сделать то, что задумала — взмахнула руками и с писком вцепилась в шнурок на шее Велия.

— Живи, лицемер.

Велий распахнул глаза и исчез, оставив в моих руках глот с оборванным шнурком и веревку на стволе дерева. Я посмотрела на веревку, привязанную к дереву, и, протянув руку к Изоту, сказала:

— Давай твое зелье, теперь я могу спать спокойно.

Изот медленно подошел ко мне и отвесил тяжелую затрещину.

— Зачем ты это сделала?! — зарычал он.

Я смахнула с лица волосы, сощурившись, с ненавистью посмотрела на него в упор и сказала:

— Даже Лонгин не позволял себе меня бить. Я ведь могу обидеться.

— Я не Лонгин, а чародея ты спасла зря, от него такого благородства не дождешься. Пей.

Я хлебнула совершенно безвкусную жидкость.

— На что ты намекаешь?

— Я хотел от него избавиться, чтобы обеспечить твою безопасность. У него четкие указания на твой счет, в случае непредвиденных обстоятельств он должен тебя уничтожить, дабы предотвратить появление второго Лонгина.

Я, мрачняя, глотнула еще раз из склянки.

— Интересно, как бы он это сделал?

Изот захохотал, забирая у меня пустую бутылочку:

— Какая ты все-таки еще глупая. Забрал бы у тебя, как ты говоришь, силу, вот как. В этом месте пополнять ее ты не можешь. — Я бы умерла? — От догадки у меня даже голос сел. — Но он ведь уже забирал, когда под Лонгина косил.

— Он ее тебе вернул, а в этом случае просто не вернул бы. Поэтому я и не разрешал тебе к нему приближаться, но тебе приспичило тащить его с собой. — Изот сплюнул и забросил склянку в траву.

Я похлопала глазами, обдумывая услышанное, и незаметно для себя уснула.

Очнулась я уже под вечер и с удивлением воззрилась на знакомый камень:

— Мы что, так здесь и будем жить? — схватившись руками за голову, в которой стучалась боль, спросила я.

Изот зло посмотрел на меня и нехотя ответил: — Уже пятый раз к этому булыжнику выходим.

— А по какой тропке ходили? — борясь с дурнотой, поинтересовалась я.

— Да ни по какой! — заорал мне прямо в лицо маг. — Я хотел обойти этот чертов камень, но каждый раз приходим к этому месту!

— Мне плохо. Меня тошнит, — сообщила я и поползла в кусты.

Изот схватился за голову и уже немного спокойней сказал мне вслед:

— Это от зелья. Благодаря ему ты пока не сможешь пользоваться камнем сновидений, а плохое самочувствие — это побочный эффект.

— Все маги — гады и сволочи, — вынесла я свой вердикт, вываливаясь из кустов. — Напоят отравой, а ты потом мучайся.

Эпсы готовились к ночевке, расстилали плащи, запалили костер.

Мне наконец-то дали поесть, хотя я с трудом смогла впихнуть в себя лишь немного хлеба с сыром. Спать не хотелось — выпалась, пока Изот ходил кругами. Маг дал эпсам строжайшие указания насчет присмотра за мной ночью и повалился спать. От скуки я попыталась создать умрунка, но ничего не получилось. Предусмотрительные эпсы обвязали вокруг моих ног веревку, но в моем нынешнем состоянии я не то что бежать, даже ползти могла с трудом.

Ближе к полуночи я решила устроиться под сосной, поспорила с эпсами, которые никак не могли понять, почему я хочу лечь спать в одиночестве, они-то спали как волчья стая зимой, — тесной кучкой. Когда упрямые звери все-таки расстелили мне плащ на облюбованном месте, сон уже прошел и глаза упорно не закрывались.

Я принялась таращиться на звезды и в ветвях сосны вдруг увидела чей-то темный силуэт. Я моргнула, решив, что это еще один побочный эффект выпитого снотворного. Морок не пропал, напротив, он оформился во вполне узнаваемый объект, а именно в князя Укуса собственной персоной. Я усилием воли заставила себя не завизжать сначала от неожиданности, а потом от радости. Князь улыбался, демонстрируя свои белые клыки, вальяжно развалившись на ветке. Я глазами показала на свои связанные ноги и пожалала плечами, дескать, обняла бы, да не могу. Эпсы, заметив мое оживленное лицо, стали тревожно принюхиваться и задирать морды, рассматривая ветви сосны. Укус слился со стволом дерева, успев на прощанье махнуть мне рукой в сторону чахлах кустиков неподалеку.

Я полежала еще немного, подождала, пока эпсы успокоятся, и смущенно попросилась в кусты. Эпсы разрешили. Я пошла в указанную князем сторону. Вторглась в ветви, поскандалив с эпсами насчет полного уединения. Князь Укус появился там почти сразу. Пока он, довольно скалясь, пытался меня облапить, я торопливо повесила ему на шею глот, оставшийся от Велія. Аэрон похлопал глазами, приходя в себя, и, услышав шумное дыхание эпсов за ветвями, вздрогнул и присел, оглядываясь на ненадежные ветки. Я шепотом, а большую часть жестами попыталась ввести его в курс заварушки. Эпсы стали волноваться из-за моего долгого отсутствия, пришлось выкнуть из кустов, что у меня живот разболелся от зелья, пришедший в себя Аэрон тут же выдал неприличный звук, я одарила его

испепеляющим взглядом, но вампир только невинно похлопал глазками и зашептал мне в ухо:

— Завтра постарайся уговорить Изота идти прямо.

— Почему именно прямо?

— Я с разбойниками буду вас там ждать.

— А если Изот не согласится?

— А ты постарайся...

На том и расстались.

Изот проснулся еще до рассвета, к моему пробуждению временный лагерь был уже свернут, пока я зевала и терла глаза, мне сунули в руки шаньгу с картошкой и фляжку. Я вяло откусила и стала зевать, прислушиваясь к разговорам. Изот, судя по всему, принял решение идти по третьей тропе. Я осторожно спросила, почему. Изот, судя по всему, проснулся в плохом настроении и вместо ответа лишь свирепо посмотрел на меня. Я, размахивая шаньгой, принялась убеждать его, что лучше встретиться с кучкой разбойников, чем идти куда-то в страшное и неизвестное место.

— Ты когда-нибудь вообще видела вампира в бою? — спросил Изот.

— Нет.

— Вот и не лезь с советами! Я лучше пойду в неизвестность, чем потеряю половину своего отряда. Учитывая, что пропавшие вампиры почти все были хорошо обученными воинами.

Я поняла, что мага мне не переубедить, мысленно помахала ручкой Аэрому и, доев шаньгу, глотнула из фляжки. Горло обожгло, я закашлялась и протянула фляжку Изоту:

— Это что?

— Коньяк

— Ты что, решил меня сподить?

— Выбирай — или коньяк, или вчерашнее зелье.

Я задумалась. Зелье пить приятнее, а коньяк противнее. С другой стороны, от зелья я усну, а с коньяком еще некоторое время, возможно, смогу контролировать события или хотя бы буду знать, что происходит. Я забрала фляжку. Последствия приема зелья и коньяка примерно одинаковы, хотя во втором случае они будут дольше длиться. Я снова сунула фляжку в руки мага. Тот, ухмыляясь, наблюдал за мной. От

спиртного я становлюсь такой буйной и неуправляемой, что наверняка доставлю Изоту не одну неприятную минуту. Этот аргумент перевесил все остальные, я решительно забрала фляжку у Изота и храбро сделала большой глоток. Маг одобрительно крякнул и объявил эпсам о начале движения. Мне завязали на талии веревку, один из эпсов взял другой конец в лапы, и мы двинулись в лес.

Я потихоньку высосала всю фляжку, с удовлетворением прислушиваясь к разрушающему действию алкоголя на мои мозги. Изот бодро шагал впереди, а я еле плелась, повиснув на эпсе. Все вокруг казались таким милыми и приветливыми, я пыталась поцеловать угрюмого эпса в нос и сплясать.

— Это что еще за дрянь?! — услышала я вопль Изота, и наш отряд остановился. Я вытянула шею, пытаюсь разглядеть упомянутую дрянь. Дорогу преграждала медленно расползающаяся белая душистая масса. Я умиленно сложила ручки на груди и воскликнула:

— Какая красота! — пошатнулась, и миляга эпс поддержал меня под локотки. Изот повернулся ко мне, я закатила глазки и сообщила: — я так давно хотела каши и непременно с персиками.

Изот открыл рот, а я смело шагнула в теплое белое, пахнущее персиками варево и, ткнув пальцем, попробовала кашу. — Замечательно, совсем как в детстве.

— Это твоя работа? — заорал Изот.

— Почему это моя? — немного пошатываясь, возразила я. — Это горшочек. Ты меня голодом моришь, так хоть он меня накормит. Я радостно махнула эпсам: — Налетайте, всем хватит. — Не удержалась в скользкой массе и хлопнулась на зад. Изот со свирепым выражением подтянул повыше сапоги и пошел ко мне. Я сидела в каше как пай-девочка, обхватив колени руками и блаженно прикрыв глаза: — Как хорошо, тепло...

Изот схватил меня за руки и потащил, сердито косясь на эпсов, которые вняли моему совету и, довольно порыкивая, пробовали кашу. Маг выволок меня на землю, махнул эпсам, и те стали вылезать из каши. Белая масса между тем расползалась, приближаясь к нам. Изот посмотрел на меня, измазанную и довольную, и хмуро потребовал прекратить безобразие. Я махнула рукой, обдав его липкими брызгами, и решительно заявила, что тогда нужно забрать горшочек. Маг посмотрел на кашу, которая уже хлюпала под его сапогами, и повелел

немедленно забрать «этот чертов горшок». Я отправилась к горшочку, который стоял на пеньке, два эпса двинулись за мной. Большую часть пути я проделала на четвереньках, окончательно потеряв вид разумного существа, так как каша была скользкая и почему-то качалась, как палуба корабля во время шторма.

— Горшочек, не вари, — повелела я, погрозив пальцем, и обхватила горшочек двумя руками. Тот послушно перестал изрыгать варево.

Мы продолжили путь дальше. Я, с горшком в руках, грязная и липкая, то и дело падала, а потому собрала на себя пыль и сухую траву с тропки и окончательно превратилась в настоящее огородное пугало. Эпсы пытались взвалить меня на плечи, но я соскальзывала. Пока Изот крыл меня и горшок разными поносными словами, я экспериментировала с варевом, добившись того, что горшочек стал гнать замечательную сливовую брагу. После этого идти стало веселее.

Двое идущих рядом со мной эпсов стали свидетелями благополучно завершившегося эксперимента, и я разрешила им попробовать. Конвоиры отпили и закусили остатками каши с моего платья. Когда рассерженный маг обратил на нас внимание, я уже объяснилась в любви эпсам и они вместе со мной пытались сплясать польку-еньку. Изот ошарашено посмотрел на нас, заорал во все горло и, выдернув меня из теплой компании, закинул себе на плечо. Горшочек из моих рук ему забрать не удалось.

Я на некоторое время затихла, глядя на проплывающую внизу землю. Скоро молча висеть мне наскучило, и я затянула печальную песню про серенького козлика. Мои бывшие конвоиры с энтузиазмом поддерживали мои берущие за душу завывания. Изот встряхнул меня, но я, клацнув зубами, стала петь дальше.

Я как раз добралась до особо грустного куплета, где козлика по частям ели голодные волки, когда перед нашим небольшим отрядом пролетел огненный столб и раздался злодейский смех. Изот от неожиданности уронил меня на землю, эпсы повыхватывали оружие. Я сделала большой глоток из горшочка, с кряхтеньем встала, вытащила у ближайшего эпса что-то похожее на большой нож или маленький меч, взмахнула им, едва не потеряв равновесие, и заорала:

— Выходи, змеюка!

Изот с усилием вытащил из моих пальцев рукоять оружия и удивленно спросил:

— Почему «змеюка»?

— Так это же Змей Горыныч, — объяснила я, не выпуская горшочек из другой руки. Изот застонал, схватился за голову, я помотала у него перед носом горшочком и предложила: — Может, выпьем и плюнем на этого гада?

Изот сердито оттолкнул мою руку. Я, решительно растолкав эпсов, пошла вперед, запнулась за корень и растянулась на земле, пропустив над головой очередную струю пламени. Кто-то из эпсов принял огненный удар на себя и с воем, дребезжа своим мечом, катался по земле, остальные испуганно жались к стволам. Изот чертыхался, он успел упасть на землю и держал меня за ногу, не давая двигаться дальше. Я плеснула ему в лицо брагой и выдернула ногу из его рук, пока он тряс головой.

Сначала в поле моего зрения появились огромные ноги с когтями, почему-то в количестве шести штук. В районе самых задних от меня конечностей мотался длинный шипастый хвост. По мере того как я вставала на ноги, мне удалось рассмотреть огромное брюхо и три Длинные шеи, уходившие, как мне показалось, прямо в небеса. С рассматриванием самих голов возникли проблемы — задирая голову, я почему-то теряла равновесие. В конце концов я все-таки упала, не выпустив горшочка из рук. Брага плеснула мне в лицо, я утерлась рукавом истерзанного, напоминающего половую тряпку платья и громко икнула, выражая восхищение таким большим, упитанным Змеем.

Головы наклонились, склоняясь то на один бок, то на другой и с любопытством рассматривая меня, втянули воздух ноздрями каждая размером с мою голову, сморщили носы и дыхнули дымом. Я закашлялась и замахала свободной рукой, разгоняя дымовую завесу. Изот что-то сдавленно просипел мне сзади, я отмахнулась и снова поднялась на ноги, пытаюсь в качестве опоры использовать ухо одной из голов Змея. Змей Горыныч протестующе фыркнул и, плюнув огнем еще в одного эпса, басом спросил:

— Ты кто?

— Девушка.

Головы переглянулись и захохотали, давась дымом.

— Деввица?! Такое чучело?!

Я, разозлившись, топнула ногой:

— Подумаешь, замаралась маленько! Сам-то тоже не красавец! Эпсы даже шевелиться перестали, ожидая, что за такие крамольные речи меня, самое малое, поджарят.

— Мы — не красавец, мы — Змей Горыныч, — важно заявила правая голова. Змей переступил лапами и выпятил брюхо. Я попробовала повторить его движения и так же важно выпятила живот:

— А мы — красна девица. — Тут меня вдруг одолела икота и я отпила из горшочка.

— А что мы делаем с девицами? — громким шепотом поинтересовалась у товарок средняя голова. Левая, хитро подмигивая, прошептала что-то ей в ухо. Средняя покраснела и задумчиво оглядела меня с ног до головы.

— Дуры! — рявкнула правая, видимо, самая серьезная. — Мы их похищаем!

— Да-а-а... — недоверчиво протянула средняя. — Ну ладно, я тебя похищаю. — Змей шагнул ко мне. Я посмотрела на его шесть лап: — Слушай, а ты в ногах не путаешься? Ты с какой начинаешь идти?

Змей заглянул себе под брюхо, задумался, махнул хвостом, начисто срезав несколько сосенок, и уселся на зад.

— А с какой ноги мы шагаем? — громким шепотом спросила средняя голова. Две другие молчали.

Я протянула Змею горшочек:

— Давай выпьем?

Змей заглянул в горшочек, принялся:

— Ой, нет, от слив меня пучит, — пожаловалась средняя голова. Я поднесла горшочек ко рту и дала ему новые указания.

— А от яблок у меня прыщики, — сообщила левая. Я ругнулась, подумала и снова пошептала.

— И вообще от браги их так развозит, что мне приходится их на себе домой волочь! — недовольно проговорила правая голова. Я попробовала представить этот процесс, но не получилось. А Змей тем временем продолжал:

— Пойдем лучше к Бабе-яге, у ней медовуха на весь лес знаменита! — Он посмотрел на эпсов и Изота и добавил: — А кто с нами не пойдет медовуху пить — изжарю!

Змей поднялся на ноги, потянулся, изрыгая клубы дыма и пламени, развернул перепончатые крылья, потоптался. Правая голова наклонилась ко мне и сочувственно произнесла:

— Жаль вы летать не умеете, а то вмиг бы на месте были. Если хочешь, залазь на спину.

Я прикинула высоту предлагаемого средства транспорта и сказала:

— Я не смогу туда залезть. Слишком высоко.

Змей подхватил меня лапой и усадил на спину.

— А вы пешочком, да смотрите не отставайте, — приказал он отряду.

Я захихикала:

— Куда ж они без меня-то денутся, пойдут как миленькие.

— Ты у них царевна, что ли? — спросила левая голова.

— Ага, королевна.

— А что мы делаем с королевнами? — зашептала средняя голова.

— Заткнись! — рявкнули две остальные.

Змей Горыныч вошел в лес, сметая своей широкой грудью все на своем пути. Позади него тянулась широкая просека.

От неторопливого шага Змея меня начало мутить, и я, борясь с дурнотой, то и дело прикладывалась к горшочку.

Избушка у Бабы-яги и вправду оказалась на курьих ножках. Две огромные ножищи высывались из днища домика и рыли землю когтями. Хозяйка встречала нас на пороге:

— О, у нас сегодня гости? Будут мне на студень кости!

Я немного заволновалась и спросила у правой головы Змея:

— Слушай, а Баба-яга нас на закуску к медовухе не пустит?

— С ума сошла?! — удивился Змей. — Какая закуска?! Медовуху без закуски пьют!

— Знаешь, мне сразу полегчало. — Я похлопала собеседника по предполагаемому плечу. Змей ссадил меня на землю и принялся обмениваться любезностями с Бабой-ягой. Изот, уставший и пообтрепавшийся, посмотрел на горшочек в моей руке, на меня, принялся и прошипел:

— Будь проклят тот час, когда я решил тебя напоить.

Баба-яга оказалась не такой старой, как я ее себе представляла.

Закончив с приветствиями, она радушно пригласила всех в избушку. Мы набились туда, как тараканы за печку к нерадивой хозяйке. Баба-яга осмотрела меня, поморщилась и, обращаясь к Змею, у которого влезли только головы, сказала:

— Что-то ты нынче подкачал, какую-то неказистенькую выбрал. Я не стала на пожилого человека обижаться. Баба-яга тем временем вытащила из-под печи огромную бутылку, расставила кружки по количеству гостей, не забыв и про змея Горыныча, и разлила медовуху. Избушку наполнил запах меда. Змей облизнулся, эпсы нерешительно поглядывали на Изота, но тот лишь махнул рукой, смирившись с напастью. Яга крякнула и вылила содержимое своей кружки в рот. Изот и Змей выпили вслед за бабкой, затем выпили эпсы, бабуса расторопно разлила по новой, и спаивание гостей пошло по полной программе.

Змей своими головами надежно перекрыл двери и держал все и всех под контролем. У меня от перепоя стали появляться пробелы в сознании, происходящее в избушке запоминалось с трудом. Эпсы затагнули какую-то унылую песню, Изот и Яга спорили о том, как лучше садиться на лопату. Змей создавал атмосферу загадочности, напуская в избушку дыма. После первой бутылки медовухи Изот подсел ко мне и, криво улыбаясь, произнес:

— Мы все равно отсюда выберемся. Тебе лучше даже не представлять, что я с тобой сделаю, когда мы покинем это чертово место!

— А мне как раз очень хочется представить, — сказала я.

— Я тебя высеку!

— А я тебя... — Я повертелась на стуле и, увидев сковороду, схватилась за нее. — А я тебя сковородой. — И чпокнула его упомянутым предметом по голове. По избушке пошел чугунный гул. Изот к моему неудовольствию не потерял сознания, а, наоборот, пришел в крайне дурное расположение духа. Он со всего маха отвесил мне затрещину, я взвизгнула и вцепилась ему в его бородавку, намереваясь ее выдрать. Изот взвыл и схватил меня за волосы. Я отцепилась от растительности и разбила свой горшочек о его голову, душистая брага потекла по лицу, Изот выпустил мои многострадальные волосы (и чего они ему так приглянулись?) и принялся утираться полотенцем, любезно предложенным Бабой-ягой.

Я воспользовалась передышкой и отправилась в уборную. Змей сначала не хотел меня пропускать, минут десять пришлось взывать к его совести, прежде чем я смогла все-таки прорваться к выходу. Воздух снаружи показался таким свежим и вкусным, что я зажмурилась. Надышавшись вволю и совсем не желая возвращаться в задымленную и вонючую атмосферу домика, я решила устроиться здесь.

Пока я ходила вокруг избушки, на глаза мне попала ступа Бабы-яги. Я залезла в нее, чтобы полетать, но то ли ступа подчинялась только своей хозяйке, то ли слово нужно было заветное, но взлететь я не смогла. Змей, высунув из домика одну из голов, с любопытством наблюдал за моими передвижениями. Я, решив порадовать змеюку, перевернула ступу кверху дном, взобралась на нее, стянула сапоги и, притоптывая босыми ногами и махая сапогами, дурным голосом завела частушку:

Я в сапог насяла
И в другой насяла,
И стою люблююся
Во что же я обуюся! Ух!!!

Продолжить мне не дали.

Какой-то идиот зажал мне рот ладонью и потащил. Я дрыгала ногами и размахивала сапогами, силясь достать обидчика, но на подмогу первому напавшему присоединился еще кто-то и совместными усилиями я была утянута за деревья. Змей Горыныч попытался мне помочь, но, как и предупреждала правая голова, две другие были мертвецки пьяны (пил-то в отличие от нас Змей не кружками, а бутылками). Змей пустил нам вслед струю пламени, но обидчика не достал, зато достал мой сапог. Я кинула дымящимся сапогом в глупую змеюку и, не имея возможности высказаться, показала жестами все, что я думаю о его мыслительных способностях.

За деревьями ржали испуганные кони и, судя по всему, находилась прорва народу. Я перестала дрыгаться, прислушиваясь к разговорам. Наконец меня поставили на землю и отпустили. Я развернулась и увидела Аэрона, о котором за время попойки благополучно забыла, и к

моему безмерному удивлению — Велия, который вытирал руки о траву, видимо замаравшись о мое платье.

— За время моего отсутствия ты несколько изменилась, — буркнул он.

Я швырнула в него сапогом и с возмущением закричала Аэруну:

— Я — петь, а ты меня со ступы тащить!

Аэрон, морщась, посмотрел на Велия:

— Пьяна в стельку. Твой Изот полный кретин — напоить Верею, надо же до такого додуматься!

Разбойники глупо тарасились на меня, наверное, не узнали свою знакомую Загрызку.

— Грузи ее на лошадь и уходим, — сказал Велий, запрыгивая на каурого жеребца.

— Я не умею ездить на лошади! — заверещала я, пятясь. Аэрон слушать мои причитания не стал, проворчав:

— Тебе и не надо ездить, просто виси, — заскочил на лошадь, ухватил меня под мышки и поднял. Дальше я ничего не помню, потому что отключилась.

Пробуждение было не из приятных. Откуда-то сверху лилась студеная вода, я, захлебываясь, замахала руками, закашлялась. Меня тут же вытянули из воды. Я глубоко вдохнула и хотела завизжать, но получилось лишь слабое шипение. Глаза открывать не хотелось вовсе. Успокоившись, что вода больше на меня не льется, я опять расслабилась и, похоже, задремала прямо стоя. Меня опять сунули под струю. Я принялась отмахиваться с криком:

— Я боюсь воды!

— Ну, Верея, давай же, просыпайся! — произнес знакомый голос.

— Да ни за что! — воспротивилась я.

— Тогда мы тебя утопим! — пригрозил другой голос.

— А-а-а! — заорала я, напуганная до смерти, и открыла глаза.

Аэрон, вытянув руку, держал меня под знакомым водопадом, а Велий спокойно сидел на берегу, наблюдая за этими издевательствами. Я одарила обоих зверским взглядом и, пользуясь тем, что Аэрон обернулся к Велию, со всей силы рванула его руку к себе. Вампир от неожиданности оскользнулся и упал в реку. Я удовлетворенно фыркнула и вышла на берег. Аэрон, чертыхаясь, копошился в воде, а я с грустью осмотрела то, во что превратилось мое платье.

— Сейчас ты хоть чистая, — ехидно проговорил Велий.

— А с тобой я вообще разговаривать не хочу!

Велий нахмурился и со злостью бросил камушек в воду, чуть не попав в выжимающего рубаху Аэрона.

— Ты все это время подло лгал! Ты же знал, как я отношусь к магам, я никогда этого не скрывала!

Велий хмыкнул, встал на ноги и подошел к костру:

— Вот именно, не скрывала. Представляю, что было бы, скажи я сразу, кто я такой! А уж если бы ты узнала, что я еще и в Конклав магов вхожу, думаю, участь Лонгина показалась бы мне даже завидной.

У меня на языке вертелись разные слова, но я сдержалась. Аэрон, натягивая влажную рубашку, подошел к нам, бросил взгляд на мою недовольную физиономию и спросил:

— Я что-то пропустил?

Я посмотрела в его честные зеленые глаза, и тут меня осенило:

— Ты знал! Ты его знал! Аэрон попятился, бормоча:

— С чего ты взяла?

— Это ты мне про школьного мага рассказывал! Ты же его видел в лицо! — вспоминала я, наступая на вампира. — И на кладбище я еще удивилась — чего это Аэрон не возмущается тем, что кто-то незнакомый идет с нами. Возмущалась только я да Алия! Ты его знал! Ты просто-напросто был с ним знаком! — Я набрала полную горсть камней и швырнула в воду. Камни со свистом пролетели над головой пригнувшегося Аэрона.

— Верелея, прекрати возмущаться, — послышался за моей спиной спокойный голос Велия. Я развернулась к нему:

— Не смей называть меня этим именем!

— Лови! — Велий кинул мне горячую печеную картофелину. Пока я перебрасывала картофелину из одной руки в другую, Аэрон обошел меня по широкому кругу и присоединился к магу.

— Как тебе удалось спить целый отряд эпсов во главе с Изотом? — поинтересовался Велий.

— Они сами были не прочь, — пробурчала я. — Лучше скажи, как ты здесь оказался.

Велий отогнул ворот рубахи. Я увидела что-то вроде ожерелья из круглых, словно отполированных пластинок.

— Что это?

— Чешуя дракона, — пояснил маг. — Она тоже действует как глот, только слабее, вот и пришлось соорудить такие бусы. После того как ты сорвала с меня глот, я успел навеститься к родителям Аэрона, и они разрешили маленько пощипать дракона. Обрато я добирался уже на нем, поэтому так быстро.

— Где же твой дракон?

— Он не может долго находиться под действием камня.

— Ты прямо как девица в этих бусах, — подколола я Велия. — А как ты нас нашел? — спросила я Аэрона.

Тот хмыкнул, откусывая от картофелины:

— Я за тобой от самой каши иду! Сразу понял, что Изот не согласился идти по прямой тропке. Кстати, где твой горшок? Очень он мне приглянулся.

— Я его разбила об голову этого подлюки. Сковорода не помогла, пришлось горшком шарахнуть.

— Вот уж повеселилась, — сказал Велий.

— А где твои разбойники? — обратилась я к Аэроу.

— Разбойничают, — пожал плечами Аэрон. — Позову — прибегут.

— А коней где взяли?

— У Изота увели, правда, одну лошадь Алия успела съесть. Ужасно кровожадная волчица! — Аэрон повертел в руках меч, позаимствованный, видимо, вместе с лошадьми.

Я, жуя картофелину, подошла к костру, только сейчас заметив, как я замерзла и устала.

— А мешки мы все потеряли? — спросила я Велия, тот кивнул. — Плохо. — Я присела, протягивая руки к костру.

— Чего ты расстроилась? — удивился Аэрон. — Попроси у камня сновидений.

Я с радостью вспомнила, что я могу уже не сдерживать мороки камня, и через мгновение уже обнималась со знакомым горшочком. Аэрон засмеялся и потянул меня за рукав:

— Нравится мне твой размах!

— Каши хотите? — спросила Я. — С земляникой?

Мы поели, и Велий, посмотрев на поднимающееся все выше солнце, сказал:

— Пора.

— Куда мы сейчас? — спросила я. Платье, вернее, то, что от него осталось, я сменила на более практичные черные в обтяжку штаны, добавила к ним невысокие черные сапожки и черную же шелковую рубашку с поясом. Аэрон полностью одобрил это преобразование и с ухмылкой потянулся к моим коленкам. Я щелкнула его по носу лентой, которой намеревалась собрать волосы в хвост. Вампир утер выступившие от щелчка слезы и о моих коленях временно забыл.

— За камнем сновидений, — ответил Велий, молча наблюдая за нашей возней. Маг отвязал лошадей от дерева и приглашающее похлопал по седлу. Я нахмурила брови:

— Я не умею ездить на лошади. Я их боюсь.

— Почему?

— Ну... они большие и кусаются...

— Помнится, на кладбище ты довольно прилично гарцевала, да еще и акробатические трюки выделывала, — сказал Велий.

— Ну, скорее всего, гарцевала я на мороке, — проворчала я.

— Да нет! — засмеялся несколько не смущенный маг. — До леса вы точно ехали на мне, до сих пор как вспомню — бока болят.

Велий помог мне взобраться в седло и засмеялся, глядя, как я судорожно вцепилась в гриву. Я бросила на него возмущенный взгляд. Велий подал поводья и объяснил:

— Если нужно повернуть влево, потяни влево, если вправо, то вправо.

— Ага, — выдавила я, тщетно пытаюсь вспомнить, где у меня левая, а где правая рука.

— Ты, главное, не свались с нее, — сквозь смех проговорил Аэрон, я показала ему кулак

Половину дороги я самозабвенно ныла, так что под конец самой стало противно. Я жаловалась, что седло штука ненадежная, что я уже себе весь зад отбила, что я решительно не хочу остаться с кривыми ногами. Аэрон и Велий откровенно потешались надо мной.

Когда показалась знакомая поляна, я от счастья чуть не расплакалась. Мы спешили, то есть Велий с Аэроном легко спрыгнули, а я сползла по лошадиному боку.

На поляне царила тишина. Я шагнула вперед, но Велий придержал меня за рубаху:

— Подожди, больно тихо.

Я нерешительно остановилась у края поляны, прислушиваясь, и тут тишину нарушил взвизг собаки. Я от неожиданности подпрыгнула и тут же услышала голос Изота:

— Ты вернулась! А у меня для тебя сюрприз! — Снова раздался полузадушенный взвизг, и я, еще не видя ни Изота, ни животное, которое он мучает, догадалась и мгновенно покрылась холодным потом:

— Алия!

— Я выловил твоего вилколака! — подтверждая мои опасения, крикнул Изот и вышел из-под деревьев на другом краю поляны. Эпсы, которых осталось штук семь, выволокли на веревке сопротивляющуюся волчицу с завязанной пастью.

— Хочешь, я отрежу у нее хвост или уши? — заорал Изот. — Или, может, мне с нее живьем снять шкуру?

— Не ходи к этому психу, — сказал Аэрон. Он сунул в рот два пальца и пронзительно свистнул. — Сейчас разбойники появятся, мы его скрутим.

Я с тоской посмотрела на Изота, который ножом отмахнул клоч шерсти со спины волка и пустил его по ветру.

— Они не успеют, да и Изот успеет заколоть мою подругу, всхлипнув, сказала я. Какая-то мысль вертелась в голове, но я никак не могла на ней сосредоточиться.

— Иди-ка сюда, — позвал меня Велий.

И тут мне вспомнилось, что говорил Изот насчет указаний Конклава магов.

— Не прикасайся ко мне! — закричала я, пятась, выхватила меч у Аэрона и, держа его двумя руками на уровне глаз между собой и Велием, стала продвигаться на поляну, косясь на вампира, который тем временем подобрался поближе. — Не смей приближаться! — Я приподняла брови, из земли взметнулись толстые стебли, обхватили ноги Аэрона и Велия, свалив их на землю. Я отбросила меч в сторону и, пока вампир с магом пытались с проклятиями подняться, быстрым шагом двинулась к Изоту.

Изот, криво ухмыляясь, пошел ко мне, волоча за собой волчицу и не выпуская нож.

— Отпусти ее. — Я остановилась в пяти шагах.

— Чтобы она меня? — засмеялся Изот.

— Прикажи ей перекинуться в человека и надень глот на шею.

— Умная девочка. Иди сюда, и я сделаю, как ты сказала.

Я вздохнула и шагнула к нему. Изот больно обхватил меня за шею, выпустил волчицу и проговорил:

— Ну-ка, серый волк, перекинься в девицу.

Волчица встряхнулась, и вот уже на ее месте стояла Алия в каком-то дурацком платье. Изот хохотнул и, сняв со своей шеи мой глот, протянул его одному из эпсов:

— Надень-ка ей на шею.

Алия очнулась, вздрогнула и, вспомнив, что одежда сейчас исчезнет, шмыгнула за деревья.

— На другой стороне Велий и Аэрон, попроси у них рубаху! — крикнула я ей вслед и выразительно покачала головой, предупреждая подругу, чтобы не делала глупостей. Изот довольно оскалился, и тут на другом краю поляны с криками и улюлюканьем появились разбойники.

Изот кивнул эпсам, те повыхватывали мечи, ножи и бросились к ним. Изот потянул за веревку, которой обвязал меня за шею, и я, зашипев от боли, вдруг поймала ту мысль, которая от меня ускользала. На шее у Изота висели два глота: его собственный и глот Аэрона. Я схватилась за них обеими руками. Изот попытался разжать мои пальцы, потом схватился за шнурки, на которых они висели, не давая мне их порвать. Как раз на это я и надеялась, откуда Изоту было знать, что я вовсе и не собиралась срывать глоты.

«Такое может произойти, если глот поместить рядом с накопителем... Он просто взорвался бы...»

Лязгало железо, слышалась брань, я надеялась только на то, что моих сил хватит на два глота. Изот непонимающе посмотрел на меня и, заметив, что я побледнела, видимо, заподозрил что-то неладное, но никак не мог понять, в чем подвох, а когда понял, просто не поверил, потому что продолжал сжимать шнурки, не пытаясь разогнуть мои пальцы. Я обернулась, заметила среди разбойников Аэрона и Велия — значит, освободились. Перед глазами поплыло, я еще сильнее вцепилась в глоты, до крови прикусив губу.

Дальнейшее помню очень смутно. Вопили разбойники, Велий и Аэрон пытались прорваться через эпсов к нам, Алия в рубахе Аэрона полезла в драку, подхватив оброненный кем-то меч, и ее боевые вопли разносились по всей поляне. Изот не мигая смотрел мне в глаза и пытался выдернуть камни, а я надеялась только на то, что пальцы от слабости не разожмутся. Все стало погружаться в темноту, дышать становилось все труднее. Кажется, руки я все-таки разжала, окончательно задохнувшись.

Мутило так, что жить расхотелось окончательно. Кто-то плакал, нагоняя тоску и дурноту. Я закашлялась, в груди жгло, как будто вдохнула жгучего перца.

— Алия, хватит выть! — слышался чей-то сердитый окрик, кажется Велия. — Живая она. Ну, Верелея, черт тебя дери, давай, открывай глаза. — По щекам похлопали, я застонала и попробовала отмахнуться рукой. И чего пристали! Хоть бы умереть спокойно дали! По щеке шлепнули еще раз, покрепче. Я открыла глаза, возмущенная бесчувственностью окружающих. Оглядела мутным взглядом Велия, голого по пояс Аэрона, плачущую Алию и произнесла, обращаясь к подруге:

— У тебя рубаха задралась. — Алия подскочила, одергивая подол.

Аэрон спросил:

— Ты как?

— Лучше бы померла! — Я приподнялась, ухватившись за руку Велия, запоздало уставилась на свои руки и облегченно выдохнула на месте. — Думала, оторвало! — Я посмотрела на себя, и дурнота подступила к самому горлу: штаны и рубашка были заляпаны кровью. Повернула голову в сторону, но Аэрон закрыл мне глаза ладонями:

— Не смотри туда, а то еще хуже будет.

— Аэрон нашел твой мешок в кустах, так что переоденешься, — сказал Велий.

Аэрон, с беспокойством оглянувшись на меня, пошел за мешком.

Алия, всхлипнув в последний раз, зачем-то погладила меня по волосам и смутилась.

— Я... — Меня снова затошнило.

— Да, — сказал Велий. — Удивительно, как тебяхватило на два камня.

— И после этого я еще разговариваю, — судорожно сглотнув, проговорила я.

— Вообще-то я едва успел. Ты уже не дышала, — серьезно произнес Велий и, поймав мой вопросительный взгляд, пояснил: — Я воспользовался глотом Алии. Освободил из него энергию, которую он у тебя забрал на кладбище, и вернул тебе. Правда, ее маловато, ты здорово поизрасходовалась. Поэтому тебе так плохо.

Аэрон вернулся с моим мешком и стал рыться в нем. Сморщив нос, он выбросил в кусты что-то заплесневелое, наверно, остатки провизии, и, наконец, вытащил короткие штаны и рубашку. Я трясущимися руками стала переодеваться. Велий отвел глаза, а вампир брякнул:

— Чем ты его шарахнула? Голову начисто снесло!

Я бросила на него дикий взгляд, схватилась за живот и убежала в кусты. Алиа отвесила Аэрону звонкую оплеуху и побежала за мной. Меня выворачивало наизнанку.

— Очень плохо? — спросила подруга.

— Не то слово. Где разбойники?

— На краю поляны в карты с эпсами режутся да раны друг другу перевязывают.

Я даже разогнулась.

— Как это?

— Ну, после того как ты... — Алиа неопределенно помахала руками. — Они побросали оружие и объявили тебя своей хозяйкой. Велий сказал, что после смерти прежнего хозяина они служат победителю.

Я выпучила глаза, представляя, как поселяю в свою комнату еще и эпсов и они ретиво защищают меня от нападков учителей и сокурсников.

— Ужас! — сказала я, Алиа радостно кивнула. Успокоив свой желудок, я с помощью подруги натянула штаны и, опираясь на ее плечо, вышла из кустов.

— Ты на привидение похожа, бледная и шатаешься, — сделал комплимент Аэрон. Велий покачал головой и сказал:

— Без тебя мы не можем найти камень сновидений, уже пять раз всю поляну обыскали.

— Чего его искать-то?! — Я отлепилась от Алии и, сделав несколько неуверенных шагов, подняла из травы искрящиеся кристаллы. — Вот он!

— Что и следовало доказать, — буркнул Велий и протянул мне черный бархатный мешочек. — Положи его сюда.

Я послушно опустила камень в мешочек. Все вокруг стало расплываться, а потом резко дернулось. Что-то толкнуло меня в грудь, словно сильный порыв ветра, я охнула. В тело впились тысячи иголок, Я захлебнулась свежим воздухом и упала, держа мешочек перед собой двумя руками. Аэрон подскочил ко мне, помогая встать. Я протянула мешочек Велию и, прислушиваясь к себе, произнесла:

— Кажется, мне стало лучше.

Он хмыкнул, засовывая камень в карман, и объяснил:

— Камень перестал глушить твою способность черпать магию. Я похлопала глазами и зевнула.

— Жутко хочу спать.

Дремучий сказочный лес стал светлой березовой рощей. Вампиры, сидевшие на краю поляны, вздрогнули и, смущенно переглядываясь, подошли к Аэруну и поклонились:

— Господин...

Аэрон важно кивнул своей светлой головой:

— Сколько еще находилось в роще?

— Травница Ания, еще семеро наших и ваш кузен, господин. Может, еще кто, про других не знаем.

Я повернулась к Аэруну:

— Так значит, брат двоюродный?

— Конечно, — ответил тот. — Я единственный ребенок у родителей.

Я чуть не задохнулась от возмущения, а Аэрон отошел с вампирами и стал отдавать какие-то распоряжения.

— Чего ты хочешь от вампирюги, — сказала Алиа и презрительно сплюнула.

— Ничего, он мне желание должен. — И тут я сообразила, чего я хочу. Подошли эпсы, опустились на одно колено и склонили головы. Я тупо посмотрела на них, потом на Велия, серые глаза которого лучились весельем, должно быть, его забавляла эта ситуация.

— Что мне с ними делать?!

— Ну, скажи, что согласна быть их хозяйкой. — Велий закинул мой мешок на плечо. — Пусть сопровождают тебя.

— Хорошо, я согласна, поступаю в мое распоряжение, — сказала я. Эпсы поднялись с колен и засопели, переступая с ноги на ногу. — В Школе ты произведешь фурор, — насмешливо произнес Велий, и я живо представила вытянувшиеся лица учеников. К нам подошел Аэрон:

— Ну что, поехали домой? Остальные сами выберутся из рощи. Лошадей маловато, но ничего, эпсы бегают быстро, а Веря и Алия сядут с нами.

Алия взобралась в седло позади Аэрона, из них получилась отменная пара: он в штанах без рубахи, а она в его рубахе, но без штанов. Кто-то из эпсов посадил меня к Великому, я обхватила его сзади, навалилась на него грудью, поудобней устраивая голову у него на спине, и уснула, проснувшись только у замка Аэрона.

— Камень сновидений теперь принадлежит вам, так как найден на вашей территории, а прежний хозяин камня мертв. — Велий протянул мешочек правителям Урлака. Леди Диодора взяла мешочек двумя пальчиками и передала мужу — лорду Аквилу.

— Мы благодарны вам за вашу помощь в решении проблемы. Лорд Аквил обвел взглядом нашу троицу. Велий, усталый, в рубахе с разорванным рукавом и свежим порезом на щеке, я в неприлично коротких штанах, оставляющих открытыми колени, и с босыми ногами, с невымытым лицом и волосами и Алия, не менее грязная, но зато в рубахе сына, без всякого намека на штаны. Хорошо хоть Аэрон высокий и его рубаха закрывала ее ноги почти до колен.

— Мы, как и обещали, щедро вознаградим вас за ваши усилия. Аэрон, не проникшись торжественностью момента, присел на подлокотник кресла правителя, хлопнул крыльями и подмигнул. Леди Диодора укоризненно посмотрела на свое невоспитанное чадо.

— И приглашаем вас на праздничный ужин сегодня вечером, закончил лорд Аквил.

Тут я, наконец-то улучив момент, сказала:

— Лорд Аквил и леди Диодора, ваш сын должен мне желание на архоне. Если вы его выполните, я не буду настаивать на материальном

вознаграждении за мои услуги.

Вампиры переглянулись и заметно напряглись, Аэрон же нисколько не взволновался, напротив, одарил меня широченной улыбкой. Мне это почему-то не понравилось.

— Хорошо, скажите, чего вы желаете, — сказал лорд Аквил.

— Я хочу, чтобы камень сновидений перешел в мою собственность.

Кого совсем не удивили мои слова, это Велия, который прошептал мне в ухо:

— Интересно, что ты будешь делать с камнем да с десятком эпсов? Аэрон неизвестно чему радовался, а Алиа посмотрела с обидой, к камню сновидений она относилась с опаской. Чета вампиров глубоко задумалась. Леди Диодора нервно покусывала клыками губы. — Камень все равно вам без надобности, — поторопила я их. — Вряд ли вы захотите когда-нибудь им воспользоваться.

— Мам, давайте, думайте побыстрее, жжется ведь! — Аэрон оттягивал от шеи архон. — Отдайте вы ей этот камень!

— Хорошо, — вздохнул лорд Аквил, — получите его перед отъездом. Я довольно заулыбалась:

— Желание выполнено.

Аэрон отпустил архон, спросил у родителей:

— Аудиенция закончена? — и, не дожидаясь ответа, поволок меня и Алию к двери.

— А вампиры неплохо устроились! — сказала Алиа, когда мы погрузились в теплую пенную воду огромной ванны. Я согласно кивнула головой и плеснула подруге в лицо водой. Минут пять мы самозабвенно брызгались.

— Мне кажется, Аэрон чего-то недоговаривает, сказала я, когда водная баталия закончилась. — Мне это не нравится.

— Думаешь, он что-то задумал? — посерьезнела подруга.

— Боюсь, не только задумал, но уже и осуществил, только мы об этом еще не знаем. Уж больно у него довольный вид. Первый раз видела нечисть, которая рада была выполнить желание, не юлила и не пробовала обмануть или отговорить.

Алиа нахмурилась:

— Он еще и родителей торопил. А может, ты ему просто нравишься?

— Ага, жить без меня не может! — Я сморщила нос. — Тут что-то другое.

— Я вот думаю, в чем на ужин идти? — Алия хмыкнула. — Не в рубахе же Аэрона!

Я махнула рукой:

— Насчет этого не беспокойся, уж про это Аэрон не забудет.

— Знаток женской фигуры! — вспомнила Алия, и мы засмеялись.

К вечеру действительно появился довольный Аэрон и принес одежду.

— у маман взял, — объяснил он.

Алия в первый раз на моей памяти надела платье. Надела и принялась недовольно ворчать, хотя сиреневый цвет ей шел необыкновенно. В платье она смотрелась необычно и красиво.

— Здорово! — Я обошла ее кругом, любуясь. Аэрон сидел на окне и безмятежно смотрел в парк, где готовились столы для гостей. Ужин решили накрыть на свежем воздухе. Вампир отвлекся от созерцания суесящихся вампиров и спросил, обращаясь ко мне:

— А ты так в халате и пойдешь?

Я приподняла край белоснежного в серебристых лилиях платья и смущенно сказала:

— Я не могу это надеть, слишком шикарно. Да и белый цвет как-то... Может, есть что-нибудь другое?

— Какая разница, какой цвет? — воскликнул Аэрон. — Учти, другого нет, если не хочешь, можешь идти в своих коротких штанишках. В этом платье моя мать в первый раз давала прием по случаю своего совершеннолетия.

— Просто в белом... Я ж не замуж выходить собралась! — Я посмотрела на Аэрона, но тот пожал плечами и спокойно объяснил: — у нас невесты в красном.

Мне после этих слов стало значительно легче, и я согласилась надеть на себя эту роскошь.

На лестнице мы встретили Велия. Тот отвесил нам шутовской поклон, мы ответили шутовым реверансом.

— Ты прямо как на свадьбу, — заметил Велий.

— А у вампиров невеста в красном, а не в белом, — сказала я.

Велий удивленно приподнял бровь, глядя на Аэрона, но вампир лишь молча только дернул плечом. У меня снова появилось нехорошее предчувствие, я потянула Алию за руку.

— Аэрон, мы пройдемся по парку.

— Не боишься заблудиться? Парк большой, — сказал Велий.

— Да я ее в пять минут найду, — проговорил Аэрон, а Велий подозрительно прищурил глаза и сказал вампиру:

— Отойдем к окну, хочу тебя кое о чем спросить.

В парке было шумно, слышался смех. Вампиры, с которыми мы сталкивались по дороге, с интересом оглядывали нас.

— Присматриваются, где поудобней впиться, — проворчала Алия.

Я потянула ее в глубь парка и, когда мы удалились от замка на приличное расстояние, сказала:

— Не могу отделаться от ощущения, что Аэрон готовит какую-то гадость и именно мне. Велий тоже что-то подозревает, и это меня уже начало пугать.

— Может, тебе все просто кажется? Ведь столько всего случилось...

Я присела на лавочку под кустом сирени.

— Может, и так. Как вспомню, снова дурно становится.

Алия потопталась передо мной и нерешительно спросила:

— А Изот не догадался, что ты задумала?

— Догадался, просто не поверил, что я это смогу, — ответила я.

Послышались шаги и веселый голос Аэрона:

— Я же говорил, что найду, где бы она ни находилась!

Я посмотрела на Велия, но не заметила признаков беспокойства на его лице, наоборот, маг был явно чему-то рад. Я осторожно выдохнула. Наверное, я в самом деле стала чересчур подозрительной. Аэрон подал руку, я встала, и мы отправились на званный ужин.

Леди Диодора с удивлением посмотрела на мое платье, возможно, поразились, что оно мне впору, но ничего не сказала, а я не стала, как собиралась, ее благодарить за наряд. Аэрон усадил меня рядом с собой, Алия и Велий сели напротив нас. Фонарики на деревьях освещали парк мягким светом. И я подумала, что фонарики повешены ради меня и Велия, вампиры и Алия прекрасно обошлись бы и без них.

Аэрон шепнул мне на ухо, показывая своего кузена, ради которого я сунулась в заварушку. Кузен оказался высоким, худым, с короткими темными волосами. Я сразу решила, что он скорее всего был Кощеем Бессмертным.

Сначала, как положено, провозглашали тосты в честь нас, любимых. Говорили, какие мы бесстрашные и умные, спасли бедных вампиров от ужасной напасти. Пели дифирамбы в честь Аэрона и выражали надежду, что он станет достойным правителем.

Аэрон улыбался, демонстрируя полный рот зубов, а когда гости выпили, поели и расслабились, взял слово и сообщил обескураженным родителям, советникам и министрам, что за время блуждания по заколдованной роще он не только нашел спутницу жизни, но даже обручился с ней в присутствии кучи свидетелей. Я медленно отложила вилку, до последнего не веря своим ушам, с трудом проглотила застрявший в горле кусок и посмотрела на Аэрона. Его зеленые глаза смеялись, он явно не чувствовал никаких угрызений совести. Леди Диодора впала в ступор, лишь хлопала глазами. Меня в роли невестки она никак не представляла. Видеть рядом со своим сыном ту, из-за которой он получает выговоры и предупреждения в Школе, было выше ее сил. Аэрон же сообщил, что я не только владею магическим даром, но с сегодняшнего дня являюсь еще и владелицей камня сновидений. Эти слова повергли в шок всех гостей. Перспектива заполучить в правительницы магичку с камнем сновидений их пугала.

Лорд Аквил потемнел лицом и, буравя сына мрачным взглядом, проговорил, что Аэрон просто находился под воздействием камня сновидений, однако сын сослался на Велия, дескать, тот является квестором Конклава магов и, как незаинтересованная сторона, подтвердит, что камень на него уже не действовал, а бывшие разбойники подтвердят, что моя кровь была испита и что я для Аэрона даже танцевала, причем недурно танцевала, надо сказать. К тому же родители и сомневающиеся могут получить информацию у директора учебного заведения, что Аэрон практически не расстается со мной в Школе и, можно сказать, живет у нас в комнате.

Велий к моему негодованию полностью подтвердил сказанное Аэроном, упомянув и про Школу, чем вверг меня в тоску. Мало того, маг явно радовался возможности сдать меня в другие руки. Почувствовав себя в роли бездомной дворняжки, я с криком

подскочила, перевернув бокал с вином. По белой скатерти стало расплываться красное пятно. Мгновение я следила за ним, потом повернулась к «жениху».

Аэрон попятился, объяснив гостям, что это у меня от восторга, а я рывкнула на весь парк. С деревьев разом облетели все листья и засыпали столы. Вампир, поняв, что дело пахнет жареным, подпрыгнул и с истерическим смешком рванул в глубь парка. Разъяренная «невеста», подхватив подол платья, побежала следом, костеря ненаглядного такими словами, что у почтенных гостей волосы встали дыбом.

Аэрон, продолжая гоготать, влез на раскидистое дерево и, примостившись на ветке, призывал меня успокоиться и все объяснить. Если он думал, что я буду прыгать вниз, как собака при охоте на белку, то ошибался! Я в бешенстве просто взлетела по стволу и уверенно приближалась к нему. Вампиры столпились внизу и с ужасом смотрели, как я лезу в шикарном белом платье убивать будущего правителя Урлака.

— Ах ты, зубастая сволочь! — Я протянула руку, но Аэрон увернулся и переполз на соседнюю ветку. — Я тебе все зубы повыдергиваю! Нет, не повыдергиваю, а буду медленно расшатывать! — мстительно шипела я. — Ну и дура же я, сразу, еще в роще не догадалась, к чему ты клонишь! Ну, гад!

— Дорогая, — сладко улыбался вампирюга, — не надо так нервничать, ты еще успеешь заключить меня в объятия!

Велий внизу просто умирал со смеху. До Аэрона я так и не добралась, крылатая скотина спланировала вниз на своих долбанных крыльях! Я опустила глаза и вдруг осознала, что очень высоко залезла. Земля с веселящимися внизу вампирами поплыла, я обхватила ветку руками и ногами и упавшим голосом сообщила:

— Ну все, снимайте меня сами или я останусь тут жить!

Мои слова потонули в новом взрыве смеха Велия, который просто сел на землю.

— Какая же он скотина! Ненавижу! — ревела я, уткнувшись в подол платья. Алия ходила вокруг кровати, на которой я предавалась тоске и унынию, и теребила в руках платок.

— Чего ты хочешь от вампира, — сказала Алия.

Я подняла на нее опухшие от слез глаза:

— Да я не про него!

Алия остановилась и перестала мучить платок:

— Про Велия, что ли?

Я снова уткнулась в подол.

— Нет, ну какой гад! Так меня подставить! Строил из себя... а сам, сам... Предал! Ненавижу магов! Я ему доверяла, думала, что он предупредит об опасности.

Алия отбросила платок в сторону и присела у кровати на корточки.

— Они ведь заранее сговорились, еще до ужина! — продолжала убиваться я. Кто-то робко постучал в дверь.

— Пошли вон! — заорала я, до смерти напугав Алию, которая не ожидала резкого перехода от рыданий к воплям. Люстра с жалобным звоном рухнула на пол, брызнув в разные стороны осколками и свечками. За дверью охнули и с топотом унеслись прочь. Я утерла слезы:

— Ну Аэрон! Получишь ты невесту со всеми вытекающими последствиями.

Алия поднялась на ноги:

— Слушай, давай спать, а утром заломаем вампира и вытрясем из него правду. А то и сделаем тебя безутешной вдовушкой. — Алия потянулась и зевнула. — Как бы то ни было, ты всего лишь невеста, а не жена. Помолвку ведь можно и расторгнуть.

— Ага, — пискнула я, — только через год! Нас же просветили насчет вампирьих законов.

Алия присела на край кровати:

— Не забивай себе голову.

— Интересно, что бы ты сделала на моем месте?

— Вбила бы кол в нахала, — не колеблясь, ответила подруга. — Я пошла спать, чего и тебе желаю.

Повертевшись без сна на широкой кровати, я встала, на ощупь нашла платье и только собралась залезть на подоконник, как услышала шорох за дверью комнаты. Я нащупала на столике что-то плоское и явно железное, на цыпочках прокралась к двери и, занеся над головой найденный предмет, затаилась.

Дверь тихо приоткрылась, в образовавшуюся щель просунулась голова, и, различив длинные светлые волосы, я опустила на нее железяку.

— Явился, злыдень!

— Уй! — зашипел ушибленный, хватаясь за затылок.

— Супружеский долг выполнять пришел? — Я второй раз опустила вещь, впоследствии оказавшуюся серебряным подносом, на голову Аэрона. — Так рано, я еще тебе не жена!

Вампир затолкнул меня в комнату и, забрав у меня поднос, вышвырнул его в окно.

— Я поговорить пришел, — осторожно ощупывая голову, пояснил он.

— Неужели?! — Я отвесила ему оплеуху. Аэрон прикрыл дверь и, схватив меня за руки, чтобы я не ударила его еще раз, зашептал:

— Извини, я не знал, что ты так бурно реагируешь.

— Прости, что не умерла от счастья! — взвизгнула я. Аэрон приложил палец к губам:

— Тсс, все спят, — и потащил меня подальше от двери. — Мои предки нашли мне невесту, она наследница графства, которое граничит с Урлаком. Помолвка должна была состояться месяц назад, но началась эта заварушка с папоротниковой рощей.

— Без тебя тебя женили? — спросила я, высвобождая свои руки.

— Ну да, что-то в этом роде. — Аэрон взъерошил свои волосы пятерней. — Помолвку перенесли, я вздохнул с облегчением.

— Что, такая страшная?

Аэрон изумленно посмотрел на меня:

— Кто? Лорелея? Да нет, симпатичная, фигура там... — Аэрон изобразил что-то в воздухе руками, спохватился и продолжил: — Только она совсем мне не нравится! — Заметив сомнение на моем лице, он пояснил: — Она телепатка! Представляешь меня в роли ее мужа?!

Я фыркнула.

— А родители решили, что будет недурно присоединить графство к Урлаку. Когда в роще мне выпал шанс поменять одну невесту на другую, я с радостью им воспользовался, — без тени смущения рассказывал вампир, — тем более что после твоего зажигательного танца почти влюбился.

— Ты не спросил моего согласия! — возмутилась я.

— А ты бы добровольно согласилась, чтобы я тебя укусил? — прищурил глаза Аэрон.

Я поежилась.

— Я боялся только одного — что ты воспользуешься желанием на архоне для разрыва помолвки. Поэтому, когда ты о нем заикнулась, еще не догадываясь о том, что я тебе приготовил, я сделал все, чтобы добиться своего поскорее.

Я вспомнила его широченную улыбку.

— Вот гад! — взорвалась я, кидаясь с кулаками на вампира. Аэрон без всяких усилий сгреб меня в охапку и прошептал на ухо:

— Подумай лучше о выгодах, которые сулит тебе твое нынешнее положение.

Я перестала трепыхаться.

— Во-первых, никто в Школе не посмеет тебя и пальцем тронуть, начал перечислять нахальный представитель нечисти, — во-вторых, столь нелюбимый тобой за что-то Конклав магов тоже не посмеет причинить вред будущей правительнице Урлака. Потерпишь всего год, а потом мы расторгнем помолвку, дескать, поторопились, проверили наши чувства и поняли — не пара. — Аэрон опустил меня на пол. — Хотя отец и так обо всем догадался. Но против закона не пойдет.

Я смущенно засопела:

— А о чем вы с Велием говорили? Перед ужином. Аэрон сел на стол и довольно оскалился:

— А он догадался о моих планах еще в роще, когда Алия в обморок хлопнулась. Вот и потребовал объяснений.

— И...

— И сказал, что теперь приглядывать за тобой станет намного легче. — Аэрон хохотнул.

— Почему? — буркнула я, раздосадованная такой циничностью мага.

— Потому что я чувствую тебя, дурочка. — Вампир спрыгнул со стола и щелкнул меня по носу. — Я ведь выпил твоей крови и, если ты попадешь в беду, сразу пойму это и найду, хоть из-под земли достану! Кстати, с твоим умением влипать в разные неприятные истории это еще один плюс!

— Надеюсь, твоей женой я не стану, — проворчала я.

— Только если сама этого захочешь. Попробуешь моей крови при свидетелях и тогда...

Я скривилась:

— Фу!

Аэрон усмехнулся.

— Хорошо. Но учти, если в течение этого года хоть кто-нибудь в Школе нарекнет мне, что ты наставляешь своей «невесте», — я ткнула себя в грудь пальцем, — рога, я выращу их у тебя на голове, причем в буквальном смысле! И обещаю, что рога будут высшего качества — длинные и развесистые! Я не желаю, чтобы за моей спиной шли шепотки о том, что мой «жених» изменяет мне направо и налево.

Аэрон задумался:

— Может, мне евнухом стать? — произнес он с задумчивым видом. Я еле вытолкала вампира за дверь, он в порыве чувств хотел непременно меня облобызать, напоследок заявив, облизнувшись:

— У тебя кровь очень интересная на вкус, с пузырьками, как игристое вино.

— Избавь меня от вкусовых подробностей! — Я сморщила нос и закрыла дверь.

После разговора с Аэроном я спокойно уснула и можно сказать, что мой сон был безмятежен.

Но под утро меня как будто толкнули в бок. Я села на кровати, пытаюсь вспомнить, какая мысль потревожила меня. В голове сразу образовалась пустота. Я поерзала, сидя в постели, встала, осторожно обошла изувеченную люстру, попила воды. Тревога не уходила, а вот ее причина никак не вспоминалась. Я снова вернулась на кровать.

Интересно, сколько дней мы здесь? От нечего делать я принялась считать, дни закончились одновременно с пальцами. Лейя, наверное, уже соскучилась. Стоп, Лейя... Лейя! Яйцо! Василиск!! А глот я в кармане с собой уволокла! Меня как окатили ледяной водой. Натянув платье, я выскочила за дверь. В замке все спали, тишина и покой, как в склепе. Вспомнив, что у вампиров очень крепкий сон, я стала решительно врывать в комнаты. За первой дверью на мое счастье спала Алиа. Я подскочила к кровати и сдернула с подруги одеяло. Алиа подскочила и заорала, еще не разобравшись, кто ее будит, но готовая немедленно начать военные действия:

— А вот я тебя колом! — Тут она увидела мою встрепанную голову и, выдохнув, снова откинулась на спину. — Как ты меня напугала!

— Алия, нам нужно срочно домой!

Подруга зевнула:

— До сих пор дуешься на Аэрона?

— Ты тоже про курицу на печке забыла?

— Какую курицу? — начала Алия, замолчала, выпучила глаза, судорожно нащупала платье и стала в него втискиваться. Я в нетерпении прыгала вокруг нее.

На следующем этапе мы напоминали двух очень вежливых бандитов. Сначала мы тихонько стучали в дверь и, если никто не отвечал, крались к спящему. Убедившись, что голова не светловолосая, так же на цыпочках крались обратно. В очередной раз постучав согнутым пальцем и не получив ответа, мы в предутренних сумерках вошли в комнату. Алия ворчала мне в спину:

— Ни одна дверь не запирается, безобразие! Заходи кто хочешь, кусай кого хочешь!

— Тише ты! — Я остановилась, услышав в спальне легкий шорох.

Алия притихла. Мы сделали пару шагов, и тут на нас из-за стены кто-то кинулся. Мне показалось, что сломали все ребра, а Алия заорала:

— Караул, кусают!

Нас тут же отпустили, я перевела дыхание и воззрилась на встрепанного Велия:

— С ума сошел?!

— Это вы с ума сошли, — парировал он, поддергивая наспех надетые штаны, — без спросу вламываться!

— Мы постучали, — буркнула Алия.

— Да вашего хилого стука даже мышь бы не испугалась, я уж молчу про спящих вампиров! — насмешливо произнес Велий.

— Но ты же услышал!

— Меня профессия обязывает. Кстати, легко отделались, — Велий потянулся за рубахой, — я мог и заклинанием воспользоваться. Чего вам не спится?

— Нам нужен Аэрон, — не желая открывать причину так подло подставившему меня магу, пояснила я.

Велий нехорошо усмехнулся:

— Что, не терпится заключить новоявленного «жениха» в горячие объятия?

Тут мое терпение лопнуло и меня понесло:

— Да ты... ты... Ты сам меня сдал этому кровопийце! Мог бы хоть предупредить о готовящейся подлости! Нет, молчал и усмехался, радуясь предстоящей подставе! Ах, ах, я — двоедушник! Какой кошмар — вы меня разбудили! А сам на мороке заставил нас по лесу кататься, а я лошадей и так боюсь! — Я набрала побольше воздуха в грудь для продолжения концерта. Окна в комнате распахнулись, вокруг меня стал образовываться небольшой вихрь. Алия и Велий попятнулись, но я, не обращая на это внимания, продолжала бушевать. — Знал, что я ненавижу магов, а сам им и оказался, мало того, еще и в Конклав магов входишь! Чертову прорву лет искал меня, чтобы по-тихому кокнуть! Строил из себя друга, а сам двоедушничал и мстительно хихикал за спиной! Вот дрянь! — Я сжала кулаки, находясь в самом центре смерча, который сносил все в комнате. Да пошел ты... да ты... да чтоб у тебя... — Для того чтобы произнести все известные мне ругательства, понадобилось некоторое время. От моих воплей и производимого смерчем грохота вампиры все-таки проснулись и столпились у дверей, потрясенно помалкивая. Я посмотрела на Алию, с ужасом выглядывающую из-за спинки кровати, потом на Велия, спокойно сидящего на постели и зашнуровывающего сапоги.

— Ты ради этого меня так рано подняла? — невозмутимо спросил он. Вихрь опал, усыпав комнату обломками люстры и кресел. — А теперь выкинь эту штуку подальше в парк, — произнес он, напряженно глядя на мои руки. Я посмотрела туда же. Между моими ладонями крутился шипящий разрядами лилово-синий шар. Я повела руками в сторону окна, шар сорвался, вылетел, пролетел метров двести и врезался в дуб. Загрохотало, взметнулось облако земли и песка. Дуб щепочками осел на землю. Вампиры вытягивали шеи из-за двери, пытаюсь рассмотреть результат моих усилий. — Успокоилась? вздохнул Велий. — А теперь еще раз. Так зачем тебе нужен Аэрон?

Я фыркнула, схватила Алию за руку и выскочила вместе с ней из комнаты, вампиры почтительно расступились.

— Комнаты Аэрона и его родителей в другом крыле! — крикнул вслед Велий.

Я не стала больше искать Аэрона по комнатам, тем более что за нами валила толпа возбужденных криками и проявлениями магии вампиров, а просто спустилась вниз и закричала на весь замок:

— Аэрон, черт тебя дерь, ты мне нужен, срочно!

Минуты через две на лестнице появился искомый объект. Он обвел меня и еще не отошедшую от недавнего представления Алию диким взглядом и спросил:

— Что случилось?

Я состряпала умильную улыбку и пискнула:

— По тебе соскучилась. — Полюбовалась на вытянувшееся лицо «жениха» и рявкнула:

— Где твой дракон? Нам нужно домой!

— К чему такая срочность? — зевая, спросил Аэрон. — Может, чуть попозже?

— Аэрон, нельзя попозже, уже и так, наверно, поздно!

Велий, одетый и со своим мешком за плечами, сбежал вниз по лестнице.

— Лучше сделай, как она просит, убережешь замок от разрушения, — посоветовал он вампиру.

Аэрон еще раз оглядел нас и своих подданных, застывших в нерешительности, и кивнул головой:

— Я сейчас.

— Камень сновидений захвати, мне обещали его отдать перед отъездом, — напомнила я. — А эпсов отправишь в Школу, пусть пока у Феофилакта Транквиллиновича болит голова об их размещении.

Мы вышли на улицу.

— Какой нас ждет сюрприз на этот раз? — спросил Велий. Я не ответила, а Алиа объяснила:

— Василиск.

Велий крикнул и спустил мешок на землю:

— И ради каменного василиска вы всех перебудили?! Алиа торопливо произнесла:

— Новорожденный.

Велий посмотрел на нее и помотал головой:

— Не понял.

— Мы у Арабаса нашли еще и яйцо василиска. Попросили Миколку, он принес курицу, и она высиживает яйцо, — сказала я магу. — Через сколько дней вылупятся василиски?

— Понятия не имею, — растерянно проговорил Велий. — Почему вы сразу мне этого не сказали? — закричал он и схватился за голову. А я-то, дурак, думал, курица — это ваша очередная блажь! Надо было сразу из вас душу вытрясти!

Аэрон выскочил на лестницу и спустился к нам. Вслед за ним появились лорд Аквил и леди Диодора в несколько растрепанном со сна виде.

— Веди дракона, — сказал Велий Аэрону и поздоровался с его родителями. Я тоже что-то такое пролепетала.

— Уже покидаете нас? — спросила леди Диодора, а лорд Аквил понимающе улыбался.

— Да, срочное дело, — пояснил Велий и, крепко схватив меня за руку, потащил следом за Аэроном.

— Что еще вы принесли из пещеры? — спросил он тихо.

Я не хотела ничего говорить, но Велий так меня тряхнул за плечи, что язык мой сам выдал секреты:

— Две толстые книги.

— Ну конечно, — кивнул головой маг. — А я искал две первые части, в которых находятся все шифры! — Он показал мне кулак и пробормотал: — Знаешь, мне просто нестерпимо хочется тебя прибить.

Знакомый дракон домчал нас до места, и я, еще не приземлившись, скатилась по его боку и побежала к воротам кладбища.

— Лейя!

Ворота были распахнуты, на кладбище царили тишь и спокойствие.

— Вот черт! — слышался сзади голос Велия.

В дом мы ворвались вместе, пробежали через полутемные сени, схватились за ручку двери и рванули ее на себя. К своему облегчению статуи Лейи и Миколки мы не обнаружили, зато с некоторым недоумением уставились на большое зеркало, которое перекочевало из горницы на кухню и стояло напротив печки.

Я боком протиснулась между ним и печью, с замиранием сердца сняла знакомую корзину.

— Осторожнее, — прошептал Велий, пытаясь протиснуться следом. Алия и Аэрон возникли в дверном проеме.

— Ну что там? — спросил Аэрон.

Я опустила корзину и храбро заглянула внутрь. Пусто. Я протянула пустую корзину Велию.

— Может, яйцо все-таки стухло? — с надеждой спросила Алия.

Я пожала плечами.

— Тогда зачем здесь зеркало? — Велий зашвырнул корзину на печь. — Наверняка проверять способности василиска.

— Может, василиски рождаются слепыми, и Лейя решила подстраховаться, неизвестно ведь, когда он откроет глаза, — сказала я.

— В любом случае нужно ждать вашу подругу. — Велий, стянув сапоги, прошел в горницу, мы последовали его примеру, только Аэрон убежал к дракону, сказав, что прикажет ему вернуться за ним завтра, из чего я поняла, что нахал решил заночевать здесь.

Алия заглянула в кухонные шкафчики и достала варенье и печенье. Затем заглянула в печь и вытащила еще горячий чайник и горшок с кашей. Я помогла ей накрыть на стол и, пока все усаживались, пошла снять платье матери Аэрона. Спрятавшись за перегородкой, я стянула платье через голову и влезла в свое, пусть не такое шикарное, зато привычное и удобное. Расчесала волосы и заплела косицу. Лента упала на пол, я наклонилась поднять ее и тут краем глаза заметила какое-то движение под кроватью.

Я так и застыла, не смея разогнуться. Из-под кровати на меня не мигая смотрели чьи-то желтые глазищи. Я присела на корточки. Под кроватью сидело что-то вострепанное, хотя нет, я разглядела, что это торчат в разные стороны рожки гребешка. Я опустилась на колени.

— Привет. — И полезла под кровать, стараясь не дышать, чтобы не испугать маленького василиска. Мордочка у малыша была премиленькая, а когда он угрожающе раскрыл пасть, я захихикала: клыки были чуть длиннее остальных зубов, и растрепанный василиск здорово смахивал на вампира.

На кухне перестала стучать посуда, видимо, друзья заинтересовались, что я высматриваю под кроватью. Я протянула руку, желая потрогать малыша. Тот испуганно моргнул желтыми глазищами

и тяпнул меня за палец. Я ойкнула и ударилась головой о днище кровати, но руки не убрала. Василиск переступил лапками, стукнув коготками по полу, и вдруг слизнул выступившую на пальце капельку крови длинным раздвоенным язычком.

— Сплошные кровопийцы, — усмехнулась я и почесала его кончиками пальцев под челюстью. Шельмец закрыл глазки и даже попробовал мурлыкнуть.

— У тебя и крылышки есть?! — удивилась я. — Что-то не припомню их у твоей мамы.

— Верелея... — осторожно позвал меня Велий, друзья, видимо, решили, что от волнений я тронулась рассудком. — У тебя все в порядке?

— Не смей называть меня этим именем, — привычно огрызнулась я. Чувствуя, что они столпились сзади меня, я сгребла успокоившегося и разомлевшего от ласки василиска и выползла из-под кровати. — Правда он лапушка?

Те отшатнулись, а василиск пискнул, вцепился в меня коготками, расправил маленькие крылышки и зашипел, закатывая глазки и показывая смешные вампирьи зубки.

— О том, что он мог превратить тебя в камень, ты, конечно, не подумала? — поинтересовался Велий.

— Даже в мыслях не было! — ответила я.

Велий протянул к василиску руку, тот с готовностью укусил его за палец. Маг так же, как я, ойкнул, а василиск слизнул кровь с пальца.

— Он так знакомится! — догадалась я.

Василиск моргнул желтыми глазами с вертикальными зрачками и зашипел на Алию и Аэрона. Я потребовала, чтобы они тоже дали себя укусить, но оба стали отнекиваться, не решаясь знакомиться с василиском таким образом. Аэрон заявил, что змеюка может со слюной занести какую-нибудь смертельную болезнь.

В конце концов Алия нерешительно дотронулась до любителя покусаться и получила свою порцию болезненных ощущений. Аэрона василиск кусать отказался, видимо, пить кровь тех, кто тоже ее пьет, ему было противно, и он решил положиться на зрительную память.

Пока мы рассматривали его крылышки, гладили гребешок и пробовали пощекотать шею, по крылечку простучали сапоги и со счастливым визгом в дом ворвалась Лейя. Василиск заурчал и

бросился к своей хозяйке, но мавка ураганом вилась вокруг нас, чмокала меня и Алию в щеки, висла на шее у Аэрона и Велия, напрочь забыв, что он наш проверяющий. Миколка подхватил василиска на руки, чтобы мы его случайно не затоптали и, растянув рот в лягушачьей улыбке, смотрел на это бурное проявление восторга.

— Васька укусил курицу за лапу, и та наотрез отказалась быть его мамашей! — хихикая, рассказывала Лейя. — Она так орала, прям вылитый петух!

После объятий и поцелуев Лейя рассказала, как прожила эти дни без нас, а потом потребовала полного отчета о наших приключениях. Велий поднялся, натянул сапоги и в ответ на наши недоуменные взгляды сказал:

— Пока вы рассказываете, я на хутор схожу, вещи заберу, к Геронтию прогуляюсь, сообщение в Школу отправлю. К вечеру вернусь. — Он посмотрел на меня: — Книги приготовь, будь добра. — И вышел за дверь.

— Так вы помолвлены?! — Лейя всплеснула руками, а я одарила Аэрона злым взглядом.

— Представляешь, гадость какая!

По лицу мавки нельзя было сказать, что она считает это гадостью, скорее ей это понравилось, так что сочувствовала мне только Алия. Я протянула Аэрону платье его матери:

— Леди Диодору поблагодари за наряд. Аэрон пожал плечами:

— А это не ее платье, я тебе его купил, а про мать выдумал.

— Что?! — Ничего больше сказать я не успела — вампир выскочил за дверь, пояснив: — Я в уборную!

Я посмотрела на подруг. Алия была возмущена, Лейя с довольным видом поглаживала василиска. Я скосила глаза на Ваську:

— Да, кстати... — Я вытащила из мешка глот и завязала шнурок с камнем на Васькиной шее. Потом выглянула в окно. — Может, на речку сходим? Искупнемся? Аэрона дома оставим с Миколкой. Чем больше я смотрю на этого вампирюгу, тем больше мне хочется его убить.

— Васька расстроится. — Лейя чмокнула василиска в мордочку.

— А мы его с собой возьмем.

— Рыбаков пугать! — хохотнула Алия.

Собрались мы быстро, объявили озадаченному нашим поспешным уходом вампиру, что устали от мужского общества и хотим устроить развеселый девичник на берегу речки, поэтому его с собой не зовем. — Сиди дома и жди Велия. — Алия погрозила пальцем, я подхватила Ваську, и мы направились к речке.

Лейя брызгалась и повизгивала, Алия лежала в воде на спине. Я сидела на берегу и наивно надеялась загореть. Пустая надежда. Говорят, что веснушки — это поцелуи солнца, которые любвеобильное светило раздает своим любимчикам. Так вот, вдоволь нацеловав меня в нос и щеки, солнце, видимо, порядком устало от вида моей персоны и пребывает в этом состоянии до сих пор. Загар не желает ложиться на мое тело, даже у Аэрона таких проблем не возникает. Вампир, которому надлежит ходить бледным, наводя ужас своим нездоровым видом, с легкостью покрывался ровным золотистым цветом, не прилагая никаких усилий. Если бы люди целенаправленно искали среди нашей компании вампиров, лежать бы мне с колом в сердце. Обидно.

— Веря! — зычно гаркнула Алия, подплывая к берегу. Васька испуганно подпрыгнул у меня на коленях, перестав блаженно щуриться. Я потеряла оцарапанную василиском руку и погладила Ваську по спине. — Я только не поняла, — Алия попрыгала, вытряхивая воду из ушей, — Изоту-то чего от тебя надо было?

— Вечером скажу, — буркнула я, понимая, что откровенного разговора не избежать. Алия села рядом и потрепала Ваську по загривку, василиск лениво щелкнул зубами, ему не нравилось, когда его трогали холодными мокрыми руками. Воды василиск, как выяснилось, боялся и предпочитал, сидя у меня на коленях, ловить комаров.

— Есть хочется... — тоскливо сказала Алия. — Может, домой пойдем?

— Давай лучше Лейю попросим рыбки поймать, обмажем рыбу глиной и в костер, — предложила я. Откровенный разговор меня несколько не привлекал, хотелось его оттянуть. Стоило только представить, как все с любопытством будут смотреть на меня, особенно Велий, как в животе что-то екало, и всякое желание что-либо

рассказывать пропадало напрочь, тем более я была уверена, что маг потребует поведать все до мельчайших подробностей.

Долго уговаривать мавку не пришлось, через несколько минут она вытащила пару рыбин. Мы с Алией развели костерок и вскоре уже ели.

Когда день плавно перетек в вечер, а Лейя заявила, что от вида воды ее уже мутит, мы пошли домой. Васька взобрался к мавке на плечо и воображал себя хищником, вышедшим на охоту. Грозно щелкал зубами и расправил крылья, блистая глотом на шее.

Чем ближе к кладбищу мы подходили, тем медленнее шли мои ноги. Алия и Лейя стали меня поторапливать, не понимая, что со мной такое.

В доме было светло, под потолком переливался магический шар, освещая все ровным светом. Лейя восторженно завизжала и вбежала в горницу.

— Точно — маг, — сказала Алия, очевидно, до последнего момента все еще сомневавшаяся в этом. Она сняла сапоги и вошла в горницу. Я замешкалась в сенях, преувеличенно аккуратно ставя сапоги в уголок, пока Аэрон не крикнул:

— Веряя, ты там заночевать решила, что ли?

Я фыркнула, шагнула в горницу и застыла. Первое, что я увидела, был хитро прищуренный драконий глаз накопителя у Велия на шее. Второе — черный плащ небрежно брошенный на спинку стула.

— А я думала, что хуже быть уже не может, — пробормотала я.

— Как видишь, может, — тихо сказала Алия, глядя на стоявшего у окна Велия, невозмутимого, как всегда.

— Выходит... это его мы... — Лейя умолкла, тыкая пальцем в мага.

Я стремительно прокрутила в голове события последнего времени и нашла виновного.

— Ты знал! — закричала я, подбегая к Аэрону. — Я повернулась к подругам: — Этот сукин сын знал мага в лицо! Еще с бесовской недели! И не обмолвился ни словом! — Я готова была свернуть вампиру шею, Аэрон на всякий случай подошел поближе к открытому окну. И тут заговорил Велий:

— Ну и сказал бы он вам, что бы изменилось? В рошу ты все равно бы отправилась, а мне в любом случае пришлось бы вас

сопровождать. Только в этом случае ты бы мне не доверяла и проблем стало бы раза в два больше.

Я разжала кулаки, погрозив Аэрому сразу двумя напоследок, и полезла под стол.

— Ты чего?! — удивился Велий.

— Книжки доставать, — пробурчала я, открывая под столом сундук и гремя железом Алии. — Вот они. — Я плюхнула на стол два тома. Велий открыл одну, просмотрел, удовлетворенно хмыкнул. — Доволен?

— Вполне. — Маг сел на диван. — А теперь давай колись.

Я вздохнула, обвела взглядом друзей, но сочувствия не обнаружила, наоборот, если бы я вдруг вздумала упрямиться, они, наверно, с радостью взялись бы пособить магу в пытках, чтобы выбить из меня показания. Хорошо хоть Миколки не было, убежал домой. Я залезла с ногами в кресло, демонстративно отвернулась к окну и начала рассказывать:

— Родителей я не помню, смутно только бабку Акулину, как мне кажется, она знахаркой была. Деревню, где жила, тоже не помню, да и сожгли ее, кто сжег — не знаю, может, разбойничья шайка? Всех убили, а я, раненая, добежала до речки и упала в воду. Анчутка спас, просто так, его развеселило, что я ему под водой от страха в рога вцепилась и попробовала за нос укусить.

Велий фыркнул. Я покосилась на него, но маг снова был серьезен.

Я отвернулась и продолжила:

— Анчутка один из Древних, которым принадлежит Заветный лес.

— Так я и знала. Страж все на тебя косился, чему-то радовался! — воскликнула Алиа, посмотрела на Аэрона и, увидев его несколько не удивленную физию, обиженно спросила меня: — Ты вампирюге рассказала, да?

— Древние заскучали и согласились по просьбе Анчутки кое-что для меня, вернее, для себя сделать. — Я махнула рукой. — Короче, я выжила.

— Кровью поделились? — спросил Велий, я кивнула.

— Им интересно было, что получится, если слить воедино человека и древнюю нечисть. Ну и... — Я немного помолчала, потом заговорила снова: — Только они не знали, что до моего рождения мать

с магом каким-то связалась, я и выжила-то только благодаря этому, но... Лучше бы уж померла! У Анчутки какой-то маг знакомый был, Древний ему на воспитание меня и отдал, договорившись, что когда дар проявит себя, тот меня на обучение в Заветный лес отвезет. Ксанфий, мага так звали, память мне заблокировал, я о детстве только с помощью Студенца и узнала. А когда дар проявился, выяснилось, что у силы есть побочный эффект. Про него у Велия спросите, он знает.

— Способность действовать вместо накопителя, только по мощности равного ему не найти, предела накапливаемой магической энергии практически нет, — с готовностью объяснил маг.

— Ну, маг, когда это обнаружил, в Заветный лес меня, естественно, не повез, сообразив, что, если я буду при нем, у него будут неограниченные возможности. Я толком и не помню ничего, спала все время. Из дома не уходить, с приходившими в гости магами не общаться, за руку держаться только папину. Кошмар. Магией-то сама я пользоваться не могла, да и не проявлялся этот дар. В один прекрасный день я вылезла из окна замка, спустилась по плющу и отправилась на ярмарку в город, дворня рассказывала, там карусели и вообще здорово! А на ярмарке наткнулась на Лонгина, который из кабака выходил; тот сразу все понял, схватил меня, но тут и Ксанфий подоспел, он обнаружил мое отсутствие. Как они орали друг на друга! Лонгин предложил приемному отцу вдвоем властвовать, а отец упирался, хотел один. В общем, они так и не договорились. Мы уехали на следующий день. Только Лонгин все равно нашел. Может, Ксанфий и отбил бы, да Лонгин не один был, еще с десятков магов с ним было. А я заболела, простыла во время переезда.

— Отступники? — полувопросил Велий.

— Ну а потом все как в дурном сне, полжизни в забытьи, а вторая половина и того хуже. Черный Лонгин завоевал весь юг страны, мы жили в Мирене, общалась я только с наложницами, там и танцевать научилась. Грамоте и этикету меня выучили, а вот магических навыков у меня так и не было, а эта скотина Лонгин таскал меня повсюду за собой. Когда он заговорил о новом походе в северные районы страны, я испугалась. Только привыкла к месту, где живу, и опять все сначала, смотреть на все эти ужасы! Я уже тогда ненавидела магов всей душой, а Лонгина так вообще. Эта сволочь строила грандиозные планы насчет моей персоны, намекая, что с нетерпением ожидает, когда же я наконец

подрасту. Я стала огрызаться и всячески выражать свое неудовольствие при виде его физиономии. Пороть меня он боялся, вдруг что-нибудь повредит, риск-то какой, тогда он поменял тактику, стоило мне с кем-нибудь подружиться, как он начинал за мои выходки наказывать этого человека прямо у меня на глазах, препогано ухмыляясь. Наильку чуть не до смерти запорол за то, что я вылила на него стакан молока! Скотина! — Я с недоумением посмотрела на скатерть, которую стянула со стола и превратила в лоскутья, отбросила в сторону и обхватила руками колени. Он выпивал со своими соратниками и делился планами на будущее, дверь в зал Лонгин никогда не запирали... Послушала я про эти планы, и волосы дыбом встали. Кстати, от вашего Конклава магов мокрого пятна и то бы не осталось! — Я посмотрела на Велия. — Я влетела в залу и закричала, что лучше руки на себя наложу, чем буду ему помогать, и неожиданно швырнула в это сборище магическим шаром, а пока маги отходили от шока, выскочила и побежала по коридору, охранник пытался меня перехватить, да я махнула рукой и он... — Я нервно хихикнула. — В общем, он вылетел наружу, пробив в стене огромную дырищу. Лонгин от потрясения первым отошел и следом за мной выскочил. Я по винтовой лестнице как белка взлетела, потом в окно и на крышу башни Черного замка вылезла, Лонгин за мной. Там я схватилась за шпиль и смотрела, как он приближается. Маг желал выяснить, кто научил меня заклинаниям, да таким сильным, сказал, что если не скажу, то заперет до смерти дочку кухарки, которая меня баловала всякими вкусностями. А как я ему скажу, если меня никто не учил! Ясное дело, запорол бы! А сам рукой тянется, ну, я и схватила его за эту самую руку и со злости прямо в лицо и отчеканила, дескать, чтоб ты сгорел, проклятый! А он в пепел... — Я замолчала. В доме стояла тишина, Лейя вцепилась в Аэрона и с ужасом смотрела на меня, боюсь, мавке сегодня будут сниться кошмары, причем с моим участием. Алия, хмурясь, водила пальцем по лезвию ножа. Аэрон просто молчал, он-то рассчитывал небось на историю про Заветный лес, а тут... Даже губу прикусил, кровопийца. Велий смотрел прямо в глаза, а потом спросил:

— Что ты сделала со сторонниками Лонгина?

— Кинулась ночью и кровь повысасывала! — выпалила я, заметила совсем уж чумной взгляд Лейи и, встав с кресла, отошла к

окну. — Когда Лонгин пропал, они чуть не перегрызлись за право быть следующим моим господином. Половина друг друга изничтожила, а те, кто выжил, стали меня преследовать. Из замка я убежала. Магов боялась до икоты, даром пользоваться не умела, да и до сих пор не умею. А эти... они же хуже упырей, упырям кровь нужна для жизни, а этим для власти, которой ни один из них недостоин! В общем, как только они тянули ко мне свои руки, их постигала участь Лонгина. Больше мне такого ни разу не удавалось, скорее всего это получалось само собой, от злости. Меня на окраине Белых Столбов нашел крестьянин, решил, что это падающая звезда и он найдет клад. Отдал меня в приют, а дальше ты знаешь.

— Ты и Лонгин... — Алия помолчала. — Вот уж никогда бы не подумала.

— Теперь ты знаешь, что от меня нужно было Изоту и почему я терпеть не могу магов!

— Ну, после такого я бы тоже к ним любовью не пылал! — подал голос Аэрон. Все уставились на Велия, у того на лице не дрогнул ни один мускул.

— Я ни разу не воспользовался способностями Верелеи, — сказал он спокойно.

Возмущаться по поводу имени, как я поняла, было бессмысленно. Велий обладал упрямством рогатого парнокопытного.

— Хотя понял, что у тебя есть такая способность, еще в Белых Столбах, когда ты башни разрушила. Я по просьбе Конклава магов несколько лет занимался поисками некоего накопителя, артефакта Черного Лонгина. Потом плюнул на это гиблое дело, решив, что вещь сгинула вместе с хозяином. Год назад в Конклав магов поступило сообщение из приюта о паранормальных способностях одной из живущих там сирот. Причем способностях огромной силы и у женщины, чего среди магов практически не встречается. Я сам привез распоряжение отправить тебя в Академию магов и чародеев.

— Погоди, — подскочил а я, — но меня ведь отправили в Школу Архона.

Велий усмехнулся:

— Распоряжение я привез, ничего особенного в тебе не заметил, а когда уже собрался обратно, ты башни и разрушила. Лишь только

прикоснулся к тебе, так все и понял, чуть с коня не свалился! Изменил приказ и отправил в Школу Архона, где магов нет.

— А потом решал, кокнуть меня или нет? — Я скрестила руки на груди.

— Кто тебе эту чушь сказал?! — очень искренне удивился Велий.

— Никто. — Я насупилась. — Сама слышала ваш разговор с Феофилактом Транквиллиновичем.

Велий с минуту соображал, а потом расхохотался. Я терпеливо ждала, пока он навеселится.

— Да я предлагал, чтобы твоим обучением занимался маг, но твой наставник отказался наотрез. Я же не знал, что ты и в Заветном лесу побывала и дар твой оттуда. Тогда я принял решение лично за тобой присматривать, и тут началось!

— Что началось? — Лейя отлипла от Аэрона, а вампир заухмылялся.

— Вы объявили на меня охоту. Сначала мне было чертовски смешно, когда вы в зимнем саду строили планы моей поимки, такие смелые планы, а смотрю — у Верелеи колени дрожат! — Я возмущенно открыла рот, Велий словно не заметил. — Решил вам подыграть. Очень мне понравилось, как вы злитесь.

— Вот песий сын! — воскликнула Алия.

— А когда Верелея меня в почтовую башню загнала, как-то сразу вспомнил про исчезнувшего Лонгина и его подельников, немного струхнул, а ну как она маньячка, специализирующаяся на магах и ноги у нее не от страха дрожат, а от предвкушения расправы. И тут девка на меня и кинулась!

— Да не кинулась я, а на свечку наступила и упала! — с досадой заорала я.

— Ага, а кто с рычанием в плаще рылся? — прищурился маг, я залилась краской и пропищала:

— Я рассмотреть хотела, чтобы встреч избегать.

Аэрон хохотал, эти подробности ему были неизвестны.

— Потом вы в Веже в заварушку влипли, я выручил. Один раз услышал истошные вопли про упырей в парке, визжала как поросенок. Я даже толком одеться не успел, выскочил, думал, кто-то из учеников все-таки тобой соблазнился, а вместо этого ты кинулась на меня, на

землю повалила да еще угрожала! Тогда я уже был точно уверен, что имею дело с больным человеком.

Аэрон, невнятно что-то бормоча, сполз по стене на пол. Алия с трудом сохраняла серьезное выражение лица.

— Ну, и в заключение ваш прыжок на меня уже здесь. Я понял, что живьем шкуру спустят, а после укуса в чувствительное место от страха чуть не помер.

Алия стала свекольного цвета, я налила стакан воды и залпом выпила, Лейя и Аэрон соревновались, кто громче засмеется.

За окнами разлилась чернильная темнота. Выходцы из могил медленно передвигались по кладбищу. Любвеобильный князь снова душил свою ревнивую жену, я посмотрела, как у нее выкатываются глаза, и задернула занавеску.

— Может, поедим? — предложила я. Васька поддержал меня нетерпеливым рычанием и заковылял на кухню. Велий проводил его взглядом и спросил Лейю:

— Чем ты его кормишь?

— Что сами едим, то и он ест. — Мавка потянулась к шкафчику за заваркой, печеньем и пирожками. — Кашей, пирожками, печенье любит, капусту, картошку, — принялась перечислять она, не замечая, как от этих подробностей лицо у мага делается все глупее. — А что?

Велий взерошил свои черные волосы и, покосившись на Ваську, который с удовольствием хрумкал моей баранкой, сказал:

— Вообще-то василиски — хищники, а у вас все шиворот-навыворот. Во-первых, для того чтобы василиск служил своей хозяйке, приносил ей золото, выполнял желания... — все уставились на урчащего над баранкой Ваську, Лейя не донесла руку с вазочкой варенья до стола, — нужно было до появления василиска носить яйцо под мышкой. Вы посадили его высиживать курицу.

Я хихикнула, Алия захохотала, представив Лейю с зажатым под мышкой яйцом, а мавка задумчиво макала палец в варенье и облизывала.

— Во-вторых, ему нужно мясо, первый раз слышу о василиске-вегетарианце!

— Он рыбу ел на реке, — сказала я. Велий отмахнулся.

— В-третьих, где он будет у вас жить? В комнате? Василиски вырастают большими, он сейчас-то величиной с матерого котяру.

— Ему всего неделя! — Лейя сунула василиску кусок пирога.

— В-четвертых, — Велий продолжал нас пугать, Аэрон ухмылялся и сочувственно смотрел на Ваську, — Василиск, да еще ручной, это же такое мощное оружие в злых руках! Вам очень хочется, чтобы за Васькой началась охота?

— Аэрон, спустись в погреб, достань молоко, творог и сметану, вякнула Лейя.

— Не начнется, я его в Заветный лес сведу, там его никто не тронет. Он же тоже в некотором роде Древний. Думаю, там против не будут.

Велий подумал и согласился.

Уже светало, когда все решили, что пора спать, и заспорили, кто где ляжет, выбор был небогат. Я с удовольствием поучаствовала в баталии на подушках, повизжала, отвоевывая место на кровати и настаивая на спокойном сне в одиночестве, а потом неожиданно поняла, что спать не хочу вовсе. Кровать поступила в мое полное распоряжение, но сон не шел. Я все же улеглась, поверочалась, подождала, пока все уснут, и на цыпочках вышла на крыльцо. Постояла, подошла к каменному василиску, взобралась в середину гребня, поплотнее укуталась в платок и стала наблюдать рассвет.

— Не спится?

Я свесилась вниз, там стоял Велий.

— Слезай, — сказал он. Я со вздохом спустилась вниз, ворча:

— Только устроилась поудобнее. Тебе-то чего не спится?

Велий усмехнулся и поставил ногу на каменную спину змея.

— Анчутка давал тебе какие-нибудь советы, как пользоваться магией?

Я почесала нос и нехотя произнесла:

— Ну, сказал, что мне стоит лишь подумать.

— Подумай.

Я посмотрела ему в глаза, задержала взгляд на накопителе, зажмурилась.

Ледяной шквал обрушился на нас, осыпавшись снежинками на волосы и надгробные памятники, от холода у меня застучали зубы.

Впрочем, через мгновение снег растаял, превратившись в капельки на волосах и переливающуюся росу на траве и листьях.

— Что это было?! — Велий потряс головой. — И о чем ты думала?

— Сначала о том, куда дену камень сновидений, потом — рады будут Ваське Древние или нет, потом — сунуть ли в Заветный лес еще и эпсов или оставить их в нашей комнате, хотя тогда придется потесниться, а Алия навряд ли согласится находиться в их обществе днем и ночью. Потом...

— Да, твои мысли скачут как перепуганные лягухи, с одного на другое! На чем же ты остановилась?

— Душно. Наверно, перед грозой.

Тут же тяжело гроыхнуло, сверкнула молния. Велий схватился за голову:

— Древние доверили дар полной кретинке!

— Сам кретин! — Взорвалась я. Опять бабахнуло, сверкнуло, запахло озоном.

— Хорошо, давай по-другому, — сменил песню маг, покосившись на небо. — Я буду на тебе пробовать какое-нибудь заклинание, а ты защищайся.

— Мне это не нравится, выдумашь гадость, а я потом расхлебывай. Давай лучше я начинаю, а ты защищайся!

Велий вздохнул, покачал головой, поднял на меня взгляд и спокойно произнес:

— Спи.

Я открыла глаза, посмотрела в серые смеющиеся глаза и запротестовала:

— Ты меня не предупредил!

— Предупреждаю. Спи.

Опять похлопывание по щекам, и я начинаю закипать, как котелок с водой над костром, маг веселится вовсю.

После пятого «спи» я готова была сойтись с ним в рукопашной.

Велий снова прищурил глаза, открыл рот, я прикрикнула на него, он закрыл глаза и повалился на спину.

— Ха! — Я сама себе поаплодировала, раскланялась перед воображаемыми зрителями и наклонилась, чтобы Велия разбудить.

— А может, не будить? — пробормотала я, разглядывая мага, распростертого на спине змея. — Вон он какой хорошенький и смиренный, когда спит! — Рассмотрела накопитель, повертев его в ладони, вздохнула и потрепала Велия за нос: — Вставай.

— Мм... — промычал тот, с трудом сел, потряс головой. — Так нечестно! Ты о чем думала? — закричал он, подскакивая.

— Фигу тебе показала. — Я попятилась.

— Не фигу, а кулаком промеж глаз! — Велий пощупал свой лоб.

— Не кулаком, — поправила я его, — а фигой мысленно. Ты меня просто взбесил!

— Это нечестно.

— Важен результат. Ты же уснул! — Я развернулась к нему спиной и пошла к дому. А этот... нехороший человек небрежно так кинул в спину:

— Спи.

Проснулась я уже в полдень на отвоеванной ночью кровати, в обнимку с довольным Васькой.

— Ну ты и засоня! — воскликнула Лейя, вытаскивая из печи картошку в сметане.

— А где Велий и Аэрон? — Я окинула взглядом горницу.

— На речке, шеи друг другу сворачивают, — сказала Алия, вплетая в косичку серебряную пластинку. — Перетряхнули мой сундук, охаяли все мое оружие, выбрали Аэрону меч и, пригрозив жуткими расправами, если мы пойдем следом, смылись.

— Аэрон же вроде домой собирался. — Я залезла в сковороду за картошкой и получила по рукам от Лейи:

— Вместе поедим.

— Вот так всегда! — возмутилась я. — Стоит появиться мужикам в доме, и все! В неположенное время не поест, в общую посуду не лезть!

— Аэрона сейчас домой пряниками не заманишь! — Алия тоже попыталась сунуться к картошке, но мавка была начеку. — Отправил дракона обратно, заявив, что через четыре дня мы вернемся в Школу, а он — домой.

— Нахал! — подвела я итог, Алия согласно кивнула. — Я бы сейчас на речку сходила... — завела я невинным голоском.

— Мы с тобой! — тут же вскинулись подруги и бросились к сапогам. Васька разразился тоскливыми стонами и побежал за нами, я сжалась и, подхватив его на руки, выскочила за подругами.

— Здорово! — Алия порывалась выскочить, считая, что ее-то там как раз и не хватает. Я потянула ее за шиворот обратно.

— Тише ты, а то услышат!

Наблюдаемое очень напоминало фреску, которая так нравилась мне в Школе. Аэрона в белой рубаше и со светлыми волосами вполне можно было принять за представителя сил добра, ну а Велий в черной рубаше, черноволосый, соответственно сил зла.

Песок летел в разные стороны.

Лейя, жарко дыша мне в ухо, прошептала: — Какие же они сильные и красивые.

Я фыркнула, удерживая Ваську, рвущегося в бой.

Велий играючи теснил вампира к воде, не давая ему вырваться за некую невидимую, но непреодолимую границу. Я видела, как под рубашкой Аэрона временами надувался горб, когда в горячке боя он хотел взлететь и припечатать колдуна наскоком сверху; Велий всякий раз покупался, скидывая свою расписанную заклинаниями и рунами саблю над головой так молниеносно, словно от этого не раз и не два зависела его жизнь и теперь маг ничего не мог поделать с собственными руками, соображавшими быстрее головы.

— А сейчас начнется самое пикантное! — прошептала я, заметив, что Аэрон и Велий стягивают мокрые от пота рубахи. Мы с Алией смущенно стали отползать назад, а Лейя с горящими глазами подалась вперед. Васька, возмущенный тем, что его придавило мавкиным телом, заорал, заставив вампира и мага вздрогнуть и оглянуться на кусты бузины, в которых мы и заседали. Василиск кубарем выкатился и пища побежал жаловаться Великому на наше жестокое с ним обращение.

— Тикаем отсюда! — первой сообразила Алия, выламываясь из кустов и проворно удаляясь в сторону лесочка.

— Зачем?! Они же еще не разделись! — искренне недоумевала мавка, я схватила ее за руку и потащила за собой. Вовремя, вслед нам со свистом полетели водяные шары и проклятия Аэрона вперемежку с хохотом и улюлюканьями.

Я, правда, остановилась на пригорке и помахала руками, соорудив водяной шар размером с теленка, который величаво поднялся из речки и окатил водой обоих мужчин. Те нисколько не расстроились, все равно собирались лезть в воду, а вот мы после обстрела речной водой вполне сходили за русалок

— Васька — предатель! — пыхтела Алия, выдирая из мокрых волос веточки. — Такой вид испортил.

— Мужики тоже за девками в бане подсматривают! — Лейя не желала считать, что занималась чем-то неприличным.

— Надеюсь, Велий Ваську до дома донесет, — пробормотала я, останавливаясь и вытряхивая из сапога речной песок

— Хорошо хоть нас крапивой по задам не отходили! — оптимистично заметила Алия.

Аэрон и Велий вернулись позже с еще не высохшими волосами.

Васька при виде еды радостно заверещал. Мы приготовились к упрекам, но Аэрон молчал, а Велий ограничился вопросом:

— И не стыдно?

Нам действительно стало стыдно, даже Лейе.

— Куда ты денешь камень сновидений? — спросила Алия, покусывая травинку.

За обедом мы сопели, краснели и молча каялись, виновато поглядывая на парней, а Аэрон и Велий, видимо, сговорившись на обратной дороге, словно нас не замечали. Я подхватила сытого Ваську и заявила, что отправляюсь развивать в василиске хищника и для Начала натравлю его на насекомых. Алия предложила мне быть доброй, василисколюбивой дрессировщицей, а сама взяла на себя роль злой василисконенавистницы, заверив, что так, дескать, обучение пойдет легче. Лейя вызвалась стать Васькиной утешительницей после совершенных им кровопролитий и насекомоумерщвлений. Нам язвительно пожелали доброго пути.

Я посмотрела на Ваську, флегматично жующего хвост от ящерицы, которую с позором упустил, и легла на траву.

— Я его в Заветный лес унесу, Древние скучают, вот я их и повеселю.

Алия легла рядом, головой к голове:

— А эпсов?

Лейя привалилась с другой стороны.

— Оставь парочку у нас, пусть они в комнате прибирают. Все какая-то польза.

— Ну уж нет! — Макушка Алии шаркнулась о мою. — Не хватало только посторонних мужиков в комнате.

— Мужики... — Мавка задумалась. Мы лежали звездочкой на лугу, головой к голове, двигаться не хотелось, трава шелестела, жужжали пчелы, собирая нектар с клевера, Васька бегал с писком за бабочками, пробовал за пчелами — не понравилось. Настроение, умиротворенное и ленивое, соответствовало деньку.

— Скоро в Школу возвращаться. — Я вздохнула. — Вы по домам разъедетесь, а мне опять кто-нибудь в пустой Школе подвывать будет. Раньше хоть Анжело повсюду за мной таскался.

Алия потянулась за другой травинкой.

— Поехали со мной, я же тебе предлагала.

— Нет, я лучше в Заветном лесу остаток лета проведу, с камнем поэкспериментирую.

— Или Древние с тобой, — буркнула недовольная отказом Алия. Васька взобрался ко мне на живот, зевнул, показав вампирьи клыки, и смежил веки, греясь на солнце. Я провела ладонью по его спинке и тоже прикрыла глаза. Алия вскоре стала посапывать, видимо, задремав, Лейя выводила нехитрую мелодию, плавно взмахивая руками над головой. Васька открыл один глаз и уставился им на ее конечности, решая, стоит или нет вступить с ними в бой. Повалявшись еще с часик, мы решили идти домой, растолкали ворчащую Алию и, свистнув василиску, отправились обратно.

Сохнувшие рубахи трепало ветерком на веревке, натянутой между двумя памятниками, кладбище сразу приняла домашний, уютный вид. Лейя первая взлетела по ступенькам, мы услышали ее восторженный писк, и мавка появилась на крыльце, потрясая чем-то разбрызгивающим золотые брызги. Васька развернул крылья, зашипел и спрятался за наши ноги.

— Что это? — Мавка так трясла предметом, что невозможно было разобрать, что это такое. Лейя наконец положила неизвестную вещь на крыльцо и сказала: — Знаешь, Верей, у меня в жизни не было таких красивых сандалий!

я присмотрелась: действительно — сандалии, все из кожаных полосочек, с кожаными шнуровками, которые должны обвиваться вокруг ноги, украшены переливающимися камушками и золотыми наконечниками на шнурках.

— Кому это? — спросила Алия, возлюбив эту обувь с первого взгляда.

— Мне, — уверенно сказала мавка.

— И кто же тебе их подарил? — поинтересовалась я.

— А я откуда знаю? Дома никого нет, а сандалики стоят себе на тумбочке!

— Почему же ты решила, что это тебе? — Алия прищурила глаза и протянула руку к предмету разговора.

— Так это же мой размер! — Лейя скинула сапожок и сунула ногу в кожаное чудо. Мы с Алией посмотрели на ее несколько выставившиеся за пределы подошвы пальцы и захихикали. Лейя тут же принялась уверять, что фасон этой обуви так и рассчитан, пальцы должны дышать! Я забрала у мавки одну босоножку и примеряла.

— Великоват. — Обувка была что надо, легкая, как раз на лето. Обидно, хотя... Алия сразу поняла, о чем я думаю, и, скривив губы в ухмылке, пропела:

— Только не говори, что ты в них хочешь меховые стельки вложить!

— Нужно дождаться Аэрона и Велия, они нам скажут, кому это предназначается.

— Да ясно же, что мне! — взвизгнула мавка, вырывая босоножку из рук Алии. — Тебе они велики, значит, мне как раз!

Алия босоножку не отдала, стала примерять. Ремешки протестующее закрипели, но дева, не смущаясь жабым взглядом мавки, уверенно произнесла:

— Ничего, растянутся! — впихнула свою ступню и полюбовалась на торчащие наружу пальцы. — Вот, как для меня сделаны!

От смеха меня немедленно потянуло в будочку в конце дорожки, я выдавила, что сейчас вернусь, и, держась за живот, побежала к нужнику.

Когда я вернулась, в доме царила подозрительная тишина. Я заскочила в горницу, опасаясь, что подружки изничтожили друг друга в борьбе за право обладания дивной обувью. Подруги были живы,

Молчаливы и хмуры. Сидели на полу, а между ними лежало нечто напоминающее мочало, дорогое мочало, кожаное, с вкраплениями камней.

— Разодрали такую красивую обувку! — с досадой произнесла я, опускаясь на пол рядом с ними и поднимая остатки сандалий.

— Мы их зашьем! — жизнерадостно взвизгнула Лейя, вскочила и заметалась по комнате в поисках ниток и иголки. — Или склеим. — Алия полезла в свой сундук

— Стойте. — Я вздохнула. — Дайте, я попробую.

— Ты уверена? — Алия перестала выкидывать из сундука свое железо.

Я кивнула, прикрикнула на подруг, чтобы они не мельтешили и не отвлекали, сосредоточилась, вызывая из памяти подробности внешнего вида изувеченной обуви, и разжала пальцы.

— Есть! — крикнула мавка, схватила одну босоножку, внимательно осмотрела и произнесла: — Только шнурки не с той стороны стали!

— Наплевать, скажем, так было! — Алия хлопнула в ладоши, а я в порыве вдохновения предложила: — Хотите, я их размножу?

— Как это? — Лейя открыла рот.

— Ну из одной пары сделаю три. — Я кивнула с видом знатока, будто каждый день клепаю туфли из пустоты.

— Давай! — обрадовалась Алия. Я махнула руками. Хлопнуло.

Мы сидели посреди пола, обвешанные кожаными шнурками и ремешками. Сандалии осели на нас, как бусы на праздничном дереве, жаль только, в разобранном виде.

— Это называется «размножила»? — сквозь слезы проговорила Лейя, снимая с головы шнурок с золотым кончиком. Васька недовольно ворчал под печкой.

— Предлагаю сделать вид, что нас не было дома и что с обувкой случилось, понятия не имеем! — Алия стала поспешно собирать ошметки от обуви и складывать на тумбочку. — Скажем, что Васька после охоты озверел и кинулся.

Я с сомнением посмотрела на высунувшуюся из-под печки морду василиска.

— Пошли отсюда. — Алия положила последний лоскуток на тумбочку, мы с Лейей подскочили и бросились вон. Васька вылезать

отказался наотрез. Уже выбегая в ворота, столкнулись с Геронтием.

— На ярмарку? — спросил тот, передавая нам молоко и творог.

— На какую ярмарку? — Я машинально принимала продукты.

— А Велий вам не сказал? — удивился дядька. — У нас купцы в Больших Упырях остановились, задарма все распродают. Вел с вашим вампиром туда и отправились. Я вампиру босалетки принес, Пелагее купил, а ей малы, так вампир для матери взял, говорит, как раз будут.

Лейя охнула, а Алия нервно хохотнула. Я молча отнесла продукты в дом и попросила Геронтия подвезти нас до Больших Упырей. Геронтий наши мысли, видимо, прочитал, потому что проворчал:

— Ох, девки! Сожрет вас вампир ваш, ей-богу сожрет!

— А почему купцы вдруг почтили своим присутствием Большие Упыри? — спросила я у Геронтия, трясясь в телеге. Пегая лошадка неторопливо переставляла ноги, изредка щипая растущую на обочине травку.

— Да там какая-то неприятная история. — Геронтий стегнул кобылку, потом посмотрел на меня: — Только не вздумай сунуть туда свой нос, рыжая.

Больше из мужика я никаких сведений выжать не смогла, а желание узнать просто жгло, даже веснушки на носу зачесались.

Поэтому, как только мы наконец прибыли в Большие Упыри, я не стала толкаться между рядами торгующих, а, покрепче схватив за руки раскрывшую рот и поплывшую, как масло на солнце, мавку и рвущуюся в лавку бронника Алию, решительно поволокла их в корчму, в которой остановился купеческий обоз.

Не дойдя шагов сто до дверей, я увидела выходящих из корчмы Велия и Аэрона с каким-то купцом. Я заметалась туда-сюда, таща за собой подружек, и поспешно присела за ближайшим возом.

Аэрон окинул взглядом улицу и что-то тихо сказал Велию, маг кивнул и они вместе с купцом, который, размахивая руками, что-то говорил, пошли на задний двор.

Я высунулась из-за воза и встретила взглядом со злобными красными глазками молодого племенного хряка-производителя, который коротал время до свершения купли-продажи, развлекаясь обгрызанием борта телеги и хрюканьем. Ноги у скотины были связаны, хотя я бы еще надела и намордник на пятак. Я вздрогнула и

попятилась, Лейя тихо запищала, а Алия хищно оскалилась прямо в морду зверю, облизнулась и прорычала:

— Яки смачна свинина!

Хряк сипло хрюкнул, а потом, почуяв оборотня, завизжал неожиданно тонким фальцетом и забился. Телега заскрипела и заходила ходуном. Мы ухватили Алию за рубаху, поволокли подальше от описавшегося то ли от страха, то ли от злости хряка. Хозяин скотины тоже не торопился к нему подходить, смирившись с уроном, нанесенным средству передвижения.

— А вот, народ честной, налетай, обновы заморские покупай! Утирая пьяную слезу, вдруг завопил над самым ухом какой-то хлипкий мужичонка, махая полуразмотанным куском парчи. — Добро отдаю за так, за чарку и медный пятак!

— Кому обновы, налетай. Задарма забирай, — уныло вторил ему сгорбившийся на соседней телеге детина, чуть не по земле волозя шитым золотом халатом в «петухах».

— Эй, девки, — ухватили меня за платье, — купите тонкую заморскую кольчугу с золотыми сиринами?

— Зачем нам? — дернулась я, напоровшись на мутный взгляд купца со всеми признаками недельного запоя на лице. — Че мы с ней в деревне делать будем?

Вопрос поверг купца в задумчивость. Он бессмысленно тарачился на нас, не видя, а потом вдруг разрыдался и запустил кольчугой с золотыми сиринами в галдящую толпу.

— Какая-то похоронная ярмарка, — заметила Алия, грустно следя за коротким полетом дорогушей даже на взгляд стальной рубашки. Если они эдак с утра торгуют, то к вечеру, думаю, проторгуются.

— Ну к вечеру вряд ли. — Беззаботная мавка нагло, как собственную, откинула рогожу с чужого воза и, запустив туда обе загребущие ручищи заявила: — Добра у них много. — Насилу отволокли. Но с фактом спорить не стали, товара у купцов было столько, что продай мы сейчас Большие и Малые Упыри со всем добром и скотом десять раз подряд, то и на малую часть обоза денег не набрали бы. А сельчане меж тем так бойко рылись в возах, торговались и били по рукам скупцами, словно каждый из них был самое малое Великим князем Северским, а то и вовсе императором Златоградским.

Только обозники как-то не очень радовались именитым покупателям. Их мотало, как ковыль в поле, и, если двое могли держать третьего, уже было хорошо. Радостью их глаза вспыхивали лишь на краткий миг, при виде бутылей с противным мутным самогоном, на который они кидались так жадно, словно помирали с пересухи.

От такой ярмарки мне стало как-то не по себе и я бросилась на поиски пронырливого Велия и Аэрона, уж наверняка прознавших, что вокруг творится. А творилось точно что-то невозможное, это даже Лейя поняла, прямо на глазах у купца вытащившая из корзины диковинный заморский, алый, как пожар, неведомый мне фрукт и вместо плюхи получившая два еще, за так

— Как его звали? — услышала я сквозь многоголосый гомон голос Велия. Ага, значит, дар Анчутки и так работает! и я завертела головой, прикидывая, как половчее нам проскользнуть к амбару, за которым прятался с практически трезвым пожилым обозником наш маг. Купец был солиден, как боярин, и печален, словно семью схоронил.

— Звали его Маргобаном, да будет трижды проклято это имя. Если ты не поможешь нам, то надеяться не на что, — пророкотал он и поник головой.

Я замерла и стала прислушиваться. Рядом застыла, наострив уши, Алия. и даже Лейл вытянула острый носик в сторону амбара, хоть и непонятно, что она могла учуять носом, кроме перегара, которым дышали вокруг нас пьяные купцы.

— Мы тут не одни, — вдруг сказал Аэрон, прикрывая рот ладонью. — Чую свою «невестушку» с ее любимой лягушкой и собачонкой.

— Ах ты! — Задохнувшаяся гневом Алия сорвалась с места, и мы в два счета угодили в лапы провокаторов, уже поджидавших нас за углом. Купца там не было и в помине. Кнутом и пряником нас дотащили до телеги Геронтия, загнали в нее и отвезли домой.

— Ну хоть чуточку расскажите, — канючила я, с ненавистью глядя на ухмыляющихся конвоиров. Просить и клокотать от гнева одновременно не получалось, а получалось только выдумывать всякие гнусности на голову Велия, от которых он с королевской небрежностью отмахивался, как кормилец наш Милослав Ясеневи́ч от

комаров на охоте. Доставалось больше соседям, правда, уголья в штаны и его проняли, и он, потеряв припеченное место, укоризненно прошипел-таки:

— Какая ж ты, убил бы за твое козье упрямство.

— Да упырь их гонит, — не выдержал Аэрон.

— И что? — спросила Алия.

— А то — не наше это дело, — отрезал Велий. — Вы тут за личные подвиги каторжаните? Вот и потерпите, всего четыре денька осталось.

— Ну правда, чего вам стоит? — поддержал его Аэрон, еще не догадываясь, какой сюрприз его ждет в избе, а то бы не уговаривал потерпеть, а сознательно измывался бы всю дорогу. А Геронтий ничего не говорил, зато смотрел на нас с интересом, явно сожалея, что довез нас до Больших Упырей. Дернул же его черт за язык, понесла же нелегкая.

А я вдруг озлилась. Значит, не вляпываться? Ну-ну.

— И родился у царя Кику от наложницы из Черной Земли сын, названный ею Маргобаном, что значит... А черт знает, что это значит. По-моему, Великий. Или Знатный? В общем, отцу он не понравился и тот его с глаз долой отправил к материнной тетке.

Тетка эта, надо сказать, отлично врачевала, но, говорят, могла и дивный яд сварить, поскольку ее бабка была ведьмой. Вот к этой-то столетней ведьме Маргобан и угодил в воспитанники. Мальчонка был головастый и схватывал все на лету. В пятнадцать лет уже был некромант и чернокнижник, каких поискать. А в двадцать стал единственным наследником престарелого отца, все братья его перемерли в одночасье от неведомых болезней. И таков был страх людей перед Маргобаном, что никто не смел упрекнуть его как братоубийцу. А тому уж мало было царства. Мне ли, говорит, царствовать над кучкой жалких скотоводов, когда великую силу могу обрести и стать могущественнейшим? А бабка подначивала: истинно, истинно говоришь.

Он и помешался на власти. Знаю, говорит, как всех демонов мира заточить в свою книгу. Будут они мне тогда рабы, а я император Вселенной.

Рассказчик замер, глядя перед собой, очевидно, представлял, каково это — править Вселенной, и я покосилась на Алию, изготовившуюся поощрить человека тумаком.

Никто не знает, чего стоило мне павою проплыть до нашего кладбищенского домика и перед носом Велия захлопнуть дверь, велев ему не появляться до утра. Мол, там посмотрим, как нам дальше жить. А саму прямо трясло. Не знаю, что больше меня злило — то, что мне не дали куда не надо сунуть нос или что считали, будто я с этим смирюсь.

В упыря, который гонит, не давая торговать, сотню ко всему привычных мужиков, я не поверила, а потому заслала первым делом своего лазутчика, Миколку. Тот через час вернулся, да не один, а с молодым купцом, который через лес, через забор, на четвереньках кое-как до нас добрался мимо Геронтия, настороженно застывшего у ворот, словно и впрямь охранником нанялся при особо буйных каторжанах.

Одет молодой был дорого, но грязно. Любой из камушков его халата стоил половину Школы Архона, но многие уж были срезаны, и если не пропиты, то уж наверняка проедены. Правой рукой он прижимал к груди черный, не шибко привлекательный сундучок из тех, в которые удобно всякие иголки-нитки класть, а левой постоянно норовил схватиться за кинжал, вызвавший у Алии как у профессионала лишь брезгливую усмешку.

— Эй, уважаемый, не спи. — Подруга ткнула гостя в бок.

— А?

— Еще спроси, кто тут, — хмыкнула Алия. — Про чернокнижника недорассказал.

Купец поправил дурацкую малиновую шапочку и заговорил снова:

— Маргобан, да сожрут его печень собаки, рассорился со своей бабкой из-за книги и убил ее. Но ведьма пообещала, что не успокоится, пока с ним не расправится. И Маргобан пустился в бега, надеясь, что вдали от родных мест она не сможет много сделать. Но он ошибся, и недавно его задрали волки. Мы, признаться, возблагодарили небо. Но радовались лишь до следующей ночи. Пока он не явился к нам и не потребовал обратно свою книгу. А мы, вот чем хочешь поклянись, в глаза ее не видели. С той ночи он убивает в ночь по человеку и сбивает нас с дороги. До сих пор не знаю, каким чудом мы сумели выйти к вашему селенью, где сразу и колдун, и ведьма есть.

И тут купца вдруг проняло, он затрясся как припадочный, начал хлюпать носом и рыться в поясе, который был ему вместо кошелька.

— Вот, вот все, что есть! Отдам, не жалко, и еще приплачу, если жив останусь, забирайте! — Трясущимися руками он всучил мне и ларец, и ключ, вцепился в мои ноги и даже попытался целовать, но Алия мгновенно прекратила безобразия, с одного удара выбив из него дух.

— Ты чего? — испуганно отпрыгнула я от бесчувственного тела.

— Извини, давно попробовать хотела. — Подруга потеряла ушибленную ладонь. — А с ним нормально все, к утру очухается, думаю. — А что в ларце? — заинтересовалась бесчувственная к чужим страданиям мавка. Перешагнув через купца, она ловко вскрыла сундучок и ахнула. Словно солнце полыхнуло.

— Камни, — просипела я изумленно. И правда, какие камни? Да это сокровища несметные!

— А чернокнижники эти не такие уж и могучие ребята, — замороженно глядя на игру огней, сказала Алия. — У нас дома одного овинник вилами на раз запорол.

— А потом? — спросила я, не в силах оторвать взгляд от зачаровывающего сияния.

— Жилы ему подколенные подрезали и лицом вниз в могилу положили, чтобы не вставал. Папа и положил. Землей присыпал и пошел с дружками допивать в дом. Еще и попенял, что из-за такой ерунды побеспокоили.

Я посмотрела на купца, перевела взгляд на Алию с Лейей и захлопнула крышку ларца прямо перед их носами. Лейя обиженно пискнула.

— Не страшнее упыря этот чернокнижник, — продолжала бухтеть Алия. — Мы ему жилы подрежем, лицом вниз положим, а для верности еще голову отсечем и кол осиновый в сердце вобьем.

Мавка позеленела от подробностей, но не дрогнула, благо сундучок рядом стоял и грел душу.

— Ладно. — Я кивнула головой. — Если Велий откажется связываться с этой нежитью, дескать, больно мелка добыча, то свяжемся мы. Может, добрым словом вспомнят.

— Так и вижу — памятник нам троим с начертанными на нем словами: «Милым девушкам от благодарных упырей», —

саркастически проговорила Алия.

— Главное, чтоб не посмертно, — сказала я. — На сегодняшний вечер у нас одна забота — выпытать у мага, хочет ли он прибить чернокнижника лично.

— А ночью идем на охоту за нежитью! — подхватила Алия, потирая руки.

— А ночью копаем могилу, я в дальнем конце кладбища хорошее местечко в лопухах присмотрела, никто и не заметит. — Я сунула сундучок под мышку.

— А могилу-то зачем? — Лейя вытаращила глаза.

— А мы туда упыря, тьфу ты, чернокнижника положим, ну, или то, что от него останется!

— Мордой вниз, — напомнила Алия.

В доме нас ожидал злющий Аэрон. Потрясая кожаными лоскутьями, ласково спросил, кто совал свою ножищу в обувь явно не по размеру, и уставился на ноги Алии. Алия тут же заявила, что обувь была ей впору, на что Лейя возразила, что ничего подобного, на ее ножке она смотрелась как на королеве. Я деликатно промолчала и правильно сделала, потому что Аэрон, выявив виноватых, уже гонял их по избе, хлеща подошвами от почившей обуви.

— Вы купцам-то поможете? — спросила я за обедом Аэрона, тот бросил на меня хмурый взгляд, сунул в рот шаньгу с картошкой и спросил:

— Зашем? Сами справяша. — Прожевал и добавил: — Подумаешь, упыря какого-то ловить. Вел им сказал, что нужно сделать.

— А упырь только за обозниками гоняется, сюда не придет? — спросила мавка, изобразив испуг.

— Чего ему тут делать-то? — фыркнул Аэрон. — Спите себе спокойно. Мы у Геронтия сегодня заночуем. — Вампир стал складывать в корзинку шаньги, чтобы взять с собой. — А к утру ты, глядишь, уже и остынешь. — Аэрон натянул сапоги, сделал нам ручкой и вышел за дверь.

Мы с усмешкой проводили его взглядом, высунувшись в окно, а потом развили бурную деятельность. Сундучок с камнями я припрятала под крыльцом. Миколка, прибежавший после ухода

Аэрона, был накормлен и отправлен обратно в деревню за вилами с суровым приказом — ни в коем случае не попадаться с этими самыми вилами на, глаза Велию, Аэрому иди Геронтию, иначе... Алия провела ребром ладони себе по горлу. Лопаты мы нашли в подполе и отправились готовить могилку нежити.

— Может, легче его к кому-нибудь из покойных подселить. — Алия утерла пот со лба. — Он бы за ним присмотрел.

— А вдруг характерами не сойдутся? — Я с трудом выпрямилась, опершись о рукоятку лопаты. Копание могилы оказалось делом очень нелегким. День клонился к вечеру, а могила была недостаточно глубока, мало того, крива и коротка.

Мерили мы по Алие, сначала она сопротивлялась, а потом решила рассматривать эту при мерку как лишний повод передохнуть. Мавка стонала, тюкала лопатой по довольно рыхлой земельке и закатывала глазки, намекая на то, что мы должны ее освободить от этой не девичьей работы. Но когда мы предложили освободить ее тогда и от части награды, мавка тут же подскочила и стала вгрызаться лопатой в землю с энтузиазмом крота.

— Боюсь, как бы наши умные парни не подослали к нам соглядатая. — Я сдула со лба челку. — Того же Геронтия, например.

— И что тогда делать будем? — Алия перестала копать.

— А помните, когда в Заветный лес ходили, что себе внушали? Так вот точно так же внушим, что собираемся спать.

Геронтий действительно появился ближе к вечеру, да не один, а с Велием, посмотрела я на мага, вспомнила нашу ночную тренировку у каменного василиска и как-то сразу поняла, что у него на уме. Могилка была уже готова, мы умылись, вилы спрятали в подполе, Васька был накормлен, Миколка отправлен домой.

Я, сматывая веревку, которая днем была натянута между памятников, прохладно поинтересовалась у Велия, чего ему надо от трех невинных девиц? Геронтий крикнул в кулак, а маг, нимало не смущенный таким приемом, заявил, что ему надо, чтобы мы спали сегодняшней ночью, а не шатались по Большим и Малым упырям, наводя страх на жителей своим видом. Девчонки выскочили на крыльцо, заметив пришедших. Я попятилась от наступающего мага, тот прищурил глаза. Я прошипела сквозь зубы:

— Не смей.

Велий уверил меня, что еще как посмеет, даже с огромным удовольствием, и приказал:

— Спи.

Я обмякла и поспешно выдохнула пойманное заклинание в сторону, расслабилась, красочно выпустив из бессильной руки моток веревки, а из головы мысли, все до единой. Геронтий удовлетворенно хмыкнул:

— Спит как ребенок.

Девчонки, видя такое дело, взвизгнули и бросились в дом. Я же постаралась сделать все возможное, чтобы нести меня «спящую» Велию было как можно неудобнее.

— Я пошел к Аэруну, — сказал маг Геронтию, — а ты покарауль их, мало ли... — Покосился на меня, обнявшуюся с подушкой.

— Посижу на крыльце, — согласился Геронтий. — Пелагею предупредил, волноваться не будет.

Они распрощались, Геронтий пошел закрывать ворота. Я открыла глаза, прошмыгнула к кухонному окну. Дядька Геронтий вернулся и основательно устроился на крыльце с нашими ватрушками и кувшином молока.

Я прокралась в горницу и потрясла Алию. Дева была настигнута заклинанием около своего сундука и до сих пор хранила на лице выражение безграничной обиды. Я зажала ей рот ладонью, когда подруга, едва разлепив глаза, приготовилась драться.

— Тихо. Геронтий на крыльце. Даже думай потише, а то вернется Велий и придумает что-нибудь еще хуже.

Алия перестала трепыхаться и села на диване, куда ее снес, сомлевшую, Геронтий. Мавка спала прямо в кресле, в котором пыталась спрятаться от Велия.

— Лейя, вставай.

Лейя открыла глазки и всхлипнула: — Он что, усыпил, да? За что?

— Не за что, а для чего, — прошептала я, снимая платье и натягивая штаны, мавка тоже полезла за штанами. — Хотел убедиться, что мы не пойдем охотиться на этого упыря, тьфу ты, чернокнижника. Никогда бы не подумала, что он такой черствый — не помочь людям, нуждающимся в его помощи!

— И Аэрон тоже хорош! — поддакнула Алия. — Спелся с этим... просто друзья не разлей вода! Не было бы этого мага, он бы с нами пошел.

Алия выудила из своего сундука огромный тесак, пояснив: — Жилы перерезать.

Мне подумалось, этим монстром хорошо ножки напрочь оттяпывать, но промолчала. Мы вытащили из погреба вилы и вылезли в окно. Геронтий насвистывал песенку. Мы прошли к ограде, протиснулись через знакомую дырку и побежали в сторону Больших Упырей, путаясь вилами в кустарнике и траве.

— Где эта скотина появится? — спросила Алия, ерзая в траве. Ей не терпелось начать военные действия.

— Не знаю, но рваться будет к обозам. — Я махнула рукой в сторону купеческих возов. У купцов было тихо и темно, ни костерка, ни караульных. — То ли так на нас надеются, то ли упились от страха. — Алия, а вилами как бить? — Лейя вертела вилы и так и сяк... — Черенком по голове или железными зубьями?

— Дура, их втыкать надо, да поглубже! — досадливо отмахнулась Алия. Лейя умолкла. Алия поправила тесак на поясе и пожаловалась: — Уж побыстрее бы появлялся! Ждать сил нет!

И тут оно появилось. Словно в страшной сказке, «то не ветры буйные подули, то не гром гремит, едет чудо-юдо на вороном коне!».

— Ой! — вякнула Лейя и села на зад. — Ой-ей-ей-ей! — Мавка замахала руками и просипела: — Спасите!

— И это упырь?! — Я вжалась в землю, чувствуя, что зеленею, словно молодая трава.

— Наш как-то по-другому выглядел! — Алия озадаченно проводила взглядом черное чудовище верхом на вороном коне. — Даже не знаю, у кого из них жилы подрезать!

— А мордой которой в могилу класть? — Я потыкала вилами вслед удаляющемуся чернокнижнику. — У него же две морды, спереди и сзади! Как ни положи, все вверх рожей окажется, а конь в могилу и не влезет, надо было две копать!

— А черт с ним! — Алия решительно схватилась за вилы. — Вилы воткнем, а там разберемся, чего с ним делать!

К нашему с Лейей ужасу, Алия выпрямилась во весь свой рост и заорала:

— Эй ты, подлюка! А книжечка-то тю-тю, у нас!

Чудовище резко затормозило, не доезжая до обозов, и развернулось в нашу сторону. Мы выставили вилы, Лейя не той стороной.

— Мне кажется, оно нас стопчет, — заныла я, глядя на приближающийся кошмар.

— Не стопчет, щас мы его на вилы наденем! — беззаботно проговорила Алия. — Вы его потом держите, а я буду жилы резать!

Лейя завыла, конь чернокнижника прорычал в ответ, показав длиннющие клыки.

— Ой, сбываются мои самые страшные кошмары, лошадь, да еще с такими зубами! — заорала я, мы дружно вскинули вилы и ткнули ими в приблизившегося чернокнижника. Ужас, летящий на крыльях ночи, взвыл, подняв солидный такой ветерок, от которого нас раскидало в стороны, вилы остались во всаднике и коне.

— Ну все! — азартно крикнула Алия, нащупывая свой тесак на поясе. — Сейчас он со своей скотины свалится!

Я потрясла головой, приходя в себя после полета к дереву. Лейя, растерянно глядя на крутящегося между нами чернокнижника, запищала:

— Алия, он вилы выдернул! А-а-а! У нас ни одних, а у него целых трое!

— По одним на каждую, — пробормотала я и заорала во все горло: — Бежим!

— А вилы? — тупо переспросила Алия, не желая мириться с тем, что ее оружие оказалось бесполезным, лишь разозлило чудище. Вилы просвистели снарядами над головами.

— Книгу! — проскрежетало нам вслед, когда мы порскнули в разные стороны.

— Дуры! — понеслось сзади, я оглянулась и заметила бегущих от купеческого обоза Велия и Аэрона. Их вид не сулил нам ничего хорошего. Я заметалась между деревьев и столкнулась с испуганной Алией.

— Если нас не прибьет чудо-юдо, то дружки потопчут точно.

Ай! — Мы присели, уворачиваясь от свистнувшего над головами черного меча, умрун тоже времени даром не терял.

По заду коня расплескался магическим огнем шар, красноглазая скотина заорала, поднимаясь на дыбы, мы с Алией расползлись в разные стороны, спасаясь от копыт. Чернокнижник что-то выкрикнул и махнул мечом. Взвилась пыль, Аэрона с Велием швырнуло обратно, к обозам. Схлопнулась серебристая магическая сеть, до этого остававшаяся невидимой, и парни застряли в ней. Только тут до меня дошло, что они вовсе не отказались помогать купцам, просто не хотели, чтобы мы в это вступали. Ловушку для умруна приготовили — и тут мы, гордые, смелые, с вилами в руках, ну точно — ДУРЫ!

Чернокнижник захохотал, довольный маленькой победой, а мы с Алией со всех ног пустились бежать, приговаривая на бегу:

— Никакой это не упырь! Это... это... наша смерть, вот что! Позади послышался стук копыт, мы окинули лихорадочным взглядом деревья и, не сговариваясь, как белки, взлетели по гладкому стволу сосны, перепугавшись до смерти чего-то темного на верхней ветке, по счастью оказавшемуся Лейей, проливающей горячие слезы от страха и сочувствия к Великому и Аэрому.

— Как ты думаешь, — Алиа посмотрела на озверело мечущееся мертвие у подножия дерева, — они живы?

— Смотри на что была направлена сеть. — От нашей глупости хотелось выть во весь голос. — Если на поимку, то живы, если на убийство, то... Ой, какие же мы идиотки! — Я вытерла слезу. — Еще зависит от силы мага.

— Ага, значит, не жильцы, — сказала Алиа и зарыдала. — Такие хорошие, такие молодые...

Нежить с интересом прислушалась к нашим стонам и, ободренная смятением в стане врага, стала подгрызать ствол дерева, конь помогал. Мы захлопнули рты и уставились вниз.

Первой очнулась от столбняка Алиа, завозилась, вытаскивая свой тесак

— Пока эта сволочь подгрызает ствол, — сказала она, — я начну рубить верхушку, вверху сосна тоньше, я ее быстро смахну. Макушка свалится на умруна. Хлоп! Умрун без сознания! Мы спрыгиваем с дерева и подрезаем у него жилы!

— Далась тебе эти жилы! И план твой бредовый! И друзей кокнули! И сейчас нас самих кокнут! — продолжала я предаваться пессимизму, вцепившись в ствол дерева. Внизу трещало, скрипело,

летела в разные стороны щепы. Я взглянула на небо и удивленно произнесла:

— Ой, девочки, кажется, сегодня нас не кокнут! День занимается. Умрун, словно услышав мои слова, тоже поднял голову, завыл жалобно, еще немного погрыз древесину, выплюнул щепки, вскочил на своего дьявольского коня и, пролаяв:

— Книгу! — исчез среди деревьев.

Телегу мы попросили, нет, потребовали у купцов, которые от великой радости, что умрун теперь будет преследовать нас, а не их, безропотно ее нам дали, предлагая и навсегда взять себе. Алия хмуро наблюдала, как Велия и Аэрона, бледных, безмолвных и оттого еще более страшных, укладывают в телегу. Оба были живы, но как их вернуть в сознание, я не представляла.

— Жаль, мы этой сволочи так жилы и не подрезали! — сокрушалась Алия по дороге домой.

Геронтий подремывал себе на крылечке, откинувшись на стену и взбадривая храпом кладбище. Услышав скрип тележных колес, продрал глаза и уставился на нас так, словно во время молитвы в храме появился сам Нечистый.

— Помоги, — буркнула я, открывая ворота. Геронтий подошел к телеге и помрачнел, как грозовая туча:

— Говорил ведь ему, стукни чем посильнее, нет ведь, пожалел. Надо было поленом по голове, оно надежней было бы! — с досадой изрек он, удивив нас своим жестокосердием. Покачал головой и, приказав нам держать за ноги, поволок в дом сначала Велия, потом Аэрона. — Что вы за девки такие, что даже вампира до полуумертвления довели!

Лейя немедленно исторгла реки слез, напуганная этим словом. — Лучше попробуй их мысли прочесть! — Я нагнулась над Аэроном. — Ловушку Велия сооружал, заклинания я не знаю, поэтому и снять его не могу. — Я не стала говорить Геронтию, что даже знай я нужное заклятие, у меня навряд ли что-нибудь получилось бы.

Геронтий вздохнул, наклонился над магом, зажмурился, покряхтел, потом выпучил глаза и произнес:

— Дуры.

— Чего?! — подступила к нему Алия. — Кто это дуры?

— Это не я, а он так думает, — пояснил телепат. — Кроме разных ругательств ничего в его голове нет, перечислить все?

— Не надо! — сказала я. — А у вампира?

Геронтий снова начал жмуриться, хмуриться, а потом заухмылялся и спросил:

— Сцены вашего убиения подробно описывать или так, общими словами?

Лейя перестала выть и отошла подальше. К слову сказать, положили мы Велия и Аэрона пока на пол, на матрасы, Лейя еще и подушки под головы сунула. Васька бегал вокруг нас и жалобно пищал, а потом влез ко мне на плечо. Геронтий посмотрел на василиска и спросил:

— На следующую ночь опять явится? — С телепатами одно хорошо, не надо им все пересказывать. — Я о помощи Конклав магов попрошу.

— Нет! — сказала Я. — Сами заварили кашу, сами и расхлебывать будем, а о помощи попросим, когда совсем тяжело станет. Не вздумай сообщать в Школу.

Геронтий пожал плечами и пошел к двери:

— Вечером заеду, вы уж постарайтесь этих-то в чувство привести, а то вам ночью тяжело будет!

Лейя проводила Геронтия до ворот, вернулась и сразу развила бурную деятельность. Для начала она заявила, что негоже мужиков держать ногами к выходу, так только покойников кладут. Мы, пыхтя, стали разворачивать тяжелых парней ногами к окнам, только отдышались, как мавка снова ожила и глубокомысленно изрекла, что теперь если маг и вампир все-таки помрут, то сами станут умрунами, так как дорогу в дом запомнят, покойников поэтому вперед головой и не выносят. Пришлось положить их поперек горницы. Лейя предложила их еще и раздеть, дескать, не будут же они в одежде спать, но терпение у меня и Алии лопнуло и мы отказались.

Пока мы с Алией утоляли голод печеньем с молоком да кормили Ваську, который ползал по бесчувственным и заглядывал им в лица, Лейя ломала голову, как их оживить, и как только у нее появлялась какая-нибудь идея, тут же бросалась ее осуществлять. К моменту, когда мы вернулись из кухни, друзья были: похлопаны по щекам, сбрызнуты

водой, пощекочены за пятки, пуганы резкими звуками, им попробовали зажать нос и сунули под него отвратительно пахнущую тряпку. В общем, были испытаны все прелести мавкиного врачевания.

Лишь только мы появились в дверном проеме, Лейя трагическим голосом сообщила, что осталось последнее, самое действенное средство — сила любви. Мы с Алией испуганно попятились, но мавка стала нас уверять, что если получится, то друзья оживут, а если нет, то все равно никто про это не узнает, Лейя втянула нас в горницу и предложила:

— Выбирайте, кого целовать будете!

— Да я лучше у них жилы перережу! — взревела Алия, не желая идти на такой подвиг. — Пусть Верейя своего вампира целует, как-никак «жених», чай, не чужой!

— Почему это я?! — сипло спросила я шепотом, голос от волнения сел. — Целуй сама!

— Да я лучше с умруном еще раз о книге побеседую! — сказала, краснея, Алия.

— Какие вы, — горько воскликнула Лейя, — бессердечные! Они нас спасать побежали, а вы о своей девичьей чести печетесь! Что, от вас убудет, что ли?

— А ну как они очнутся да и застанут нас за этим занятием?!

— Так мы этого и добиваемся! — воскликнула мавка. Алия, что-то бормоча, рванулась вон, но мы ухватили ее за пояс штанов.

— Думаешь, я жажду осыпать их поцелуями? — прошипела я на ухо лаквиллке, подпिनывая ее коленом под зад.

— Пусть Верейя целует первая! — заупрямилась подруга, застряв раскорякой в дверном проеме.

— Ах так! — На смену смущению пришла злость. Я бухнулась на колени, будто собралась молиться, подползла к вампиру и звучно его чмокнула, переползла на другую сторону и не менее страстно поцеловала мага.

— Ну что, убедились? Как были поленьями, так и остались!

— Не любишь ты их. — Лейя бросила опешившую от быстрой смены событий Алию и тоже опустилась на колени. — Дай я поцелую. — Она неторопливо наклонилась.

— Освободите место профессионалам! — пробормотала я, поднимаясь и отходя к столу.

Мавкины лобызания тоже оказались недостаточно любвеобильными и магическую сеть не проняли. Лейя расстроилась и даже всплакнула. Алия, поняв, что остается только она, одернула рубаху, крикнула, промаршировала до вампира и мага и деловито прижалась губами сначала ко лбу мага, а потом вампира.

— Как покойнико-ов! — снова ударилась в слезы Лейя.

— Зато искренне, — пробурчала лаквилка.

Прибежавший Миколка застал нашу троицу в состоянии морального краха. Пришлось мальчишке отпаивать нас чаем.

— У нас в деревне бабка жила, — сказал Миколка, сунув стакан в руки мавке, — она духов умела вызывать. Свечку зажжет, блюдцем перевернутым поводит, пошепчет: «Дух, поднимись, дух, появись», и этот самый дух начинает куролесить, посуду в воздух поднимать.

— Где эта бабка?! — я отставила кружку.

— Померла уж. — Миколка обмакнул в чай баранку. — А духи чего только не делали, даже письма писали!

— Письмена писали... — эхом откликнулась я, отложила недогрызенную сушку и вернулась в горницу.

Там я залезла на стол, встала на колени, вонзила взгляд в мага и принялась водить руками, взывая:

— Дух, поднимись, дух, появись!

От моего истошного визга, по-моему, затряслись стены и могильные холмики за окном. Алия влетела в горницу, как раз успев к началу представления: я, стоя на столе, вжалась в стенной проем между окнами и визжала так, что с потолка сыпалась труха. А к столу приближался, шипя как змеюка, полупрозрачный Велий.

— Так бы тебя и убил, глупая рыжая кретинка!

— Все-таки умрун! — радостно закричала Алия, выдергивая из-за пояса тесак и кидаясь с ним на вызванного духа. Визг мавки стал достойным продолжением моего.

— Еще одна идиотка! — с досадой проговорил маг. — Алия, убери эту железяку, а то еще поранишься!

Подруга махнула тесаком, который легко прошел насквозь туда сюда. Алию это не обескуражило, яростно сверкнув глазами на лежащее на полу тело, она прорычала:

— Ага! Я тогда у лежащего жилы перережу!

— Стой! Я не умрун! — закричал Велий.

Алия остановилась, а мавка закрыла рот. Стало тихо, слышались лишь мои всхлипывания и Миколкино тяжелое дыхание, Васька предпочитал спрятаться под печкой.

— Мы в ловушке, — пояснил Велий. — Как уж Верелее удалось меня вызвать — понятия не имею! Какого черта вы поперлись к обозам, да еще с вилами, на чернокнижника! — снова заорал он, в гнев пробегав по горнице прямо сквозь мебель. Я вздрогнула и начала икать.

— Нам заплатили, — проговорила Алия, — вот мы и решили, плевое дело, на вилы надеть, жилы подколенные перерезать, мордой в могилку, и готово!

— Мы и могилку вырыли! — похвасталась Лейя, не замечая, что Велию от наших слов явно поплохело, он сипло спросил:

— Это вы хотели с чернокнижником провернуть?! — Он посмотрел на меня, сидящую на столе и непрерывно икающую, и хлопнул себя по лбу, рука прошла насквозь. — И откуда вы такие взялись, ведь спокойней Упырей места не найти, но стоило появиться вашей троице, полезли василиски и чернокнижники! Я специально советовал отправить вас именно сюда! Эй! — Велий помахал рукой перед моим лицом. — Тяжелый случай. Верелея, прекрати изображать икающий памятник! Тебе еще нас из сети вытаскивать.

Я молчала, мне и одного-то мага хватало по уши, а теперь они еще и страшно раздвоились!

— Ладно. — Поняв, что ничего путного от меня ему не добиться, Велий подошел поближе и повернулся к подругам: — Я сейчас в нее войду и сам нас выручу.

— Я тебе войду! — взвизгнула я, моментально приходя в себя. Ты у меня сейчас выйдешь!

— Ну наконец-то! — обрадовался Велий. — Слушай внимательно, сначала произнесешь... хотя нет, ты же словами не пользуешься. Он задумался, уйдя сквозь стену горницы наружу. — Ага, придумал! Он появился из другой. Миколка стал бочком продвигаться обратно на кухню. — Представь себе открытую книгу, представила? — Велий дождался моего утвердительного кивка. Это развернутая сеть. Теперь представь, что книга закрылась. Это закрытая ловушка. Так вот, тебе нужно ее раскрыть обратно. Ну сообразила? —

Я часто-часто покивала. — Только учти, как только ты ее развернешь, она снова станет рабочей. Тебе нужно будет ее развеять, сможешь? Я бы сказал тебе заклинание, да что толку!

Призрачный маг отправился к своему телу и уселся прямо на него. Теперь из груди лежащего мага торчало второе туловище и давало указания:

— Как только скажу, сразу начинай.

Теперь икать и пятиться стала Лейя, уж очень жутко Велий выглядел. Он между тем улегся поудобней, высунул у себя из живота руку, махнул ею и повелел:

— Давай.

Я принялась мучиться, представляя книгу, потом плюнула на книгу, стала представлять кладбищенские ворота, потом вспомнила сиротливую могилку, приготовленную умертвию...

Велий высунулся из себя и разъяренно взревел:

— Опять думаешь не о том, о чем надо?!

Я испуганно вскинула руки, представила огромную книгу, которую воображение превратило в серебристые ставни, схватилась за створки руками и с любопытством выглянула, распахнув.

Поперек горницы проблеснула серебристая магическая сеть.

— Стойте! — крикнула я подругам; оказавшимся с другой ее стороны, и подула на сеть, та стала отодвигаться к кухне. — Черт! Как же ее развеять-то? Не подходите сюда! А то она на вас схлопнется! — и тут меня осенило: — А не буду я ее развеивать! Мы ее схлопнем, и все!

Я спрыгнула со стола и стала нахально рыться в вещах Велия, достала бусы из чешуи дракона и бросила в сеть, та проглотила добычу, сверкнув серебристыми нитями.

— Зачем ты их швырнула? — спросила Алия, с опаской входя в горницу.

— В них присутствует магия, на которую рассчитана сеть. Велий, когда в себя придет, сам от сети избавится. А пока пусть полежит себе в углу.

— Как они? — Мавка подбежала к магу и вампиру. — О, вроде бы порозовели! А когда очнутся?

— А я почему знаю! Будем ждать. Сеть-то мы сняли, а эта штука скорее всего была настроена не только удерживать, но и

парализовывать. А когда действие этого заклинания кончится, можно только гадать.

Друзья в сознание не приходили, нет, вид у них стал более здоровым, казалось, они просто глубоко спят, но пробудиться было невозможно. Геронтий заехал ближе к вечеру, почувствовал, снова намекнул, что можно попросить помощи у Конклава магов или переслать сообщение в Школу, но мы опять твердо отказались.

— Вечер наступает, — хмуро проговорила Алия, — скоро этот упырь появится.

— Нужно срочно что-то придумать. — Я походила по комнате.

— Надо просто дерево потолще найти, чтобы упырь до утра его грыз! — пискнула Лейя. Алия снова взялась за приготовления, полезла в свой сундук, нырнув в него так, что наружу торчал один зад, слышался лязг и бурчание лаквиллки:

— Этот маловат, этот кривоват, этот недостаточно грозный... Мавка, послушав Алию, стала демонстративно распеваться, тренируясь на чашках, которые, лопаясь, стреляли осколками. Я посмотрела на подруг, фыркнула и, надев сапоги, ушла в ближайший лесок, подняла в воздух пару деревьев, посмотрела на небольшую воронку в земле и посчитала тренировку законченной.

Ближе к ночи Алия, обвешанная оружием, как дура цацками, пыхла, прыгая у ворот, разминая ноги. Я спросила:

— Ноги разминаешь, бежать готовишься?

Девушка обиделась. Лейя влила себе в рот сырое яйцо, пояснив, что для голоса, и мы приготовились к встрече.

Тишина казалась звенящей. Покойники выходить не торопились, зря Алия боялась, что они будут под ногами мешаться, когда она мертвые будет в бараний рог сворачивать. Прошла, казалось, целая вечность, пока не послышался наконец какой-то странный шум.

— Как крылья, — прошептала Алия. — Птицы, что ли?

— Какие птицы ночью? — Я задрала голову вверх и вздрогнула: по небу плыла огромная черная туча. Мне захотелось срочно зарыться в землю. Алия со скрежетом достала из под ближайшего надгробия спрятанный заранее громадный бердыш с таким широким лезвием, что на нем можно было яичницу на дюжину человек пожарить. Хекнув,

Алия подняла его над головой, мы с Лейей пригнулись, не зная, в какую сторону ее сейчас потащит эта железяка.

— Только появится, так голову ему и оттяпаю! — с гордостью сообщила дева, стараясь держать свой бердыш лезвием вверх. Туча стала кружить над нашими головами, и только когда она разразилась хриплым карканьем, мы поняли, что это...

— Вороны! — заорала Лейя, прикрывая голову. — Сейчас они нам все обкакают!

В эту минуту из леса вылетела волчья стая и стелющимся серым платком стала приближаться к воротам.

— Вот песий выродок! — выругалась Алия. — Как же он волков-то на это дело подбил?!

В середине стаи на дьявольском коне скакал чернокнижник, время от времени выкрикивая:

— Книгу!

— Что с живностью-то делать будем? — запаниковала я, глядя на приближающуюся стаю. Алия истерически хихикнула:

— А это и не живность! Этот упырь всех сдохших волков из окрестных лесов поднял!

— От чего сдохших? — Я попятилась. — Если от бешенства, то меня это тоже не устраивает!

— А вороны тоже неживые? — пропищала Лейя. — Значит, помета не будет?

— Да плюнь ты на свою прическу, парни все равно этого не оценят! — прикрикнула я на мавку. — Ой! — Волки стали протискиваться между прутьями. Выглядели они мерзопакостно: шкура висит клочьями, видны даже червяки, деловито копошащиеся в полуразложившейся плоти.

— Ай! — присоединилась ко мне Лейя. — Это хуже помета!

— А я еще знаю про трупный яд, — некстати вспомнила я. Алия одарила меня диким взглядом и, пытаюсь поднять наш боевой дух, гаркнула:

— Ну все! Дальше отступать негоже, за нами... — Она осеклась, упершись спиной в стену дома. — Хотя можно пятиться еще до нужника, — неуверенно добавила она, глядя, как ворота распахиваются и мертвые врывается на кладбище.

— Я не хочу отстаивать потом и кровью какой-то нужник. — Я взмахнула руками, и волков отнесло обратно к воротам. Чернокнижник даже не затормозил! Махнул своей черной железякой, мы с воплем присели, меч оставил глубокую щель в бревнах и начисто срезал верхнюю устрашающую часть корявой железяки Алии, хотя девица не растерялась и со всей силы шарахнула древком чернокнижнику по лбу. Тот попытался использовать меч вместо косы, а нас вместо пшеницы. Я успела хлопнуться на землю, надеясь, что со своего чертова скакуна он так низко не нагнется, и ящерицей поползла прочь. Лейя затянула вой, и волков, которые обрадовались тому, что мы встали на четвереньки и поползли им навстречу, разнесло в клочья.

Алия что-то кричала, пытаясь стряхнуть с себя ошметки от шкуры, гнилого мяса и кишок. Сзади застучали копыта, злорадно захохотали.

Наверное, он так и гонял бы нас вокруг дома до самого утра, но вороны, которым надоело смотреть на это безобразие, пошли в решительное наступление. Стали входить в штопор и пытаться пронзить нашу троицу своими острыми клювами. Стало страшно. Мавка вскрикнула, зажимая глубокую царапину на руке, меня ударило в плечо, и левая рука как отнялась. Алия выругалась.

— Надо бежать отсюда! — проговорила она, задыхаясь. — Давайте на василиска, он каменный, подгрызть его нельзя, а от воронья уж как-нибудь!

— Сейчас. — Я поморщилась и махнула одной рукой. Половина каркающей тучи взорвалась и осела на нас перьями. — Теперь бежим!

Мы собрали последние силы и со всех ног побежали к оgrade.

— Черт! — От слабости взбираться по василиску было тяжело, чернокнижник ширкал по каменному монстру, пытаясь оттяпать нам ноги.

Оставшаяся часть воронья медленно кружила над головами, истязая наши уши хриплым карканьем. Лейя распугивала ее своим истощенным плачем. Я пыталась разглядеть свое раненое плечо. Рука до сих пор не желала повиноваться.

— Вот черт! — выдохнула я, осмотрев наконец рану.

— Сейчас туда попадет трупный яд, умрун будет доволен! — редела Лейя, зажимая свою царапину. Я ей с чувством подпевала. Алия

перестала запускать стрелы в воронье и чернокнижника, повернулась к нам и, хлопнув себя по ляжкам, захохотала, что никак не вязалось с нашим плачевным положением:

— Ну вылитые баньши! Воете, все в кровище и перьях! Да подавись ты! — Она перегнулась через каменный гребень и швырнула бесполезным луком в чернокнижника. Стрелы у нее кончились, а от проклятого умру на они и вовсе отскакивали. Мы с Лейей перестали стонать и уставились друг на друга. Сначала тихо хихикнули, а потом зашлись в диком смехе. Видимо, к нам пришла тихая старушка истерика.

— Ха-ха! — рыдала я от смеха, держась за живот. — Теперь наше кладбище и вправду Упырское, луна, потроха на памятниках. Вороны тучей кружат! Ой, не могу! И три хранительницы на василиске, все в крови! А внизу упырь в расцвете сил и здоровья! На упырском коне!

Отхохотавшись и почувствовав себя намного лучше, мы обнялись и завели песню:

— Ты пишешь мне, что ты по горло занят,
что некогда носки прополоскать!
А мы вчерась свинью нашу Маланью водили в гости
к хряку, чтоб е...!

После столь оптимистичной песни умертвие ну просто озверело! Завыло! И попробовало вскарабкаться по василиску к нам. Мы поднатужились и столкнули его колчаном. Колчан развалился мелкой щепой, а Алия, ткнув этими щепками чернокнижника, отправила его вниз.

— Нечего мужикам на девичнике делать, пошляк! — проговорила я в спину катящегося кубарем умертвия. Противник вскочил в седло своего верного скакуна и попробовал достать нас с другой стороны. Огляделся, увидел кол, торчащий из могилы, схватил его в надежде им достать нас и сбить с головы змея.

Кол вылез из земли вместе с его владельцем. Чернокнижник досадливо рывкнул, выдернул деревяшку из тела упыря и метнул в нас. Мы пискнули и присели. Кол размером с доброе копьё свистнул над головами и застрял в каменном гребне. Чернокнижник взвыл, а упырь

обиделся. Раззявил зубастый рот и впился коню в ляжку. Скакун встал на дыбы.

— Мочи вражину! — подбодрила упыря Алия и швырнула кол обратно нашему заступнику. Конь лягнул задними ногами, и упыря отбросило шагов на сто.

Рядом с умертвием возникла бледная княгиня и ласково так погрозила пальчиком: ишь ты, шалунишка! Чернокнижник флиртовать не умел, поэтому ткнул в нее мечом. Княгиня недоуменно посмотрела на острие меча, распоровшего любимый саван на груди и натянувший его сзади, личико ее перекосила злобная гримаса. И эта хиленькая с виду бабенка, с неожиданной прытью снявшись с лезвия, прыгнула да еще как! Живому ни за что так не прыгнуть! И вцепилась в остатки волос Маргобана.

— Молодец, баба! Так их, козлов похотливых!!! — взревела Алия, тоже желающая в бой, но мы попридержали ее за рубаху.

На помощь озверевшей княгине поспешил ее муженек, сверкая ржавым мечом и яростно вращая глазами. Отметив появление и других покойников, настроенных решительно против нового умруна, мы воспряли духом.

— Как же они нас любят! — умилилась мавка.

— Ставлю на коренных жителей этого кладбища! — прыгала в азарте Алия. — Сейчас они этого упыря, тьфу ты, чернокнижника пинками погонят!

— Алия, а если чернокнижник их по кусочкам разнесет? — воскликнула я. — Мы же их охранять должны!

Алия замолчала, посмотрела вниз и серьезно проговорила:

— Тогда один выход, понимаете, о чем я?

Я и Лейя кивнули. Мы взялись за руки, глянули на мечущегося внизу Маргобана и сделали то, что уже привыкли делать — прыгнули прямо на врага.

— А потом мы его били, чернокнижник выскочил за ворота на своем коне, а мы у него на шее. Жаль, у Алии ничего из оружия не осталось, а то бы мы до его жил все-таки добрались! А потом он что-то сделал, и нас с него ветром сдуло. Алию и меня прямо в кусты собачьей розы, полдня колючки вытаскивали. А Верею головой об

дерево — бац! Мы ее еле до дома доволокли. А упырь сбежал, утро началось.

— Лейя, прекрати бормотать, — простонала я, придерживая холодное полотенце на затылке, где налилась огромная шишка. — Он все равно ничего не слышит.

Мавка, сидя по-турецки на полу рядом с Велием, подняла на меня заплаканные глаза:

— А вдруг слышит? Велий, спаси нас, а? Эта тварюга ночью опять заявится и поубивает нас. Ты же должен нас защища-ать! Тебя от Школы направили-и, ты же ма-аг!

Алия хлопнула дверью и вошла в горницу:

— Я там упырю кол обратно в могилу воткнула. Я кивнула.

— Ну что, идем место искать?

Я поднялась на ноги, отложила полотенце в сторону. Лейя трясла поочередно за грудки то Велия, то Аэрона:

— Ну очнитесь же!

— Лейя, ты идешь? — спросила я. Мавка утерла слезы:

— Иду.

— Думаю, здесь самое то будет. — Алия стояла на знакомом лугу. Деревьев нет, все как на ладони! И его хорошо будет видно...

— И нас, — вздохнула я. — Что с магом и вампиром делать будем?

Алия и Лейя недоуменно воззрились на меня.

— Если нас Маргобан прихлопнет, то за книгой пойдет на кладбище, а там двое спящих, бери их тепленькими, — пояснила я.

Лейя опять зарыдала, ей не хотелось быть прихлопнутой.

— Может, к Геронтию? — спросила Алия.

— Ага, чтобы умертвие потом и за ним гонялось! — скривилась я. — Давай лучше их в приготовленную могилку положим. Не станет же чернокнижник по могилам шарить!

— На кладбище надо бы прибраться. — Алия пнула ногой камешек.

— Извини, но сейчас я на такие подвиги неспособна, — устало отмахнулась я. — Рука болит, да и голова тоже. Если выживем, завтра над этим подумаем.

— Что сейчас делать будем? — спросила Лейя.

— Домой пойдем и спать ложимся. Ваську накормим. Вечером парней к могиле оттащим, а умертвие ждать здесь будем, пусть оно здесь все крушит.

Так мы и сделали, только сначала свернули к речке и смыли с себя всю ночную грязь.

— Тяжеленные какие! — возмущалась Алия, опуская Велия рядом с могилой, вырытой нами для чернокнижника. Васька ковылял за нами следом, жалобно попискивая. Аэрон уже был опущен на дно, и теперь мы терзались думкой, как бы их поудобнее расположить внутри.

— Положим их на бок, тогда войдут, — предложила Алия. — Если мы их положим друг на друга, могут обидеться.

— А на бок как, лицом к лицу или спинами? — Лейя заглянула в могилу. По ее настоянию на дно были уложены матрац и подушки.

— Спиной к спине. — Алия спустилась в могилу и повернула Аэрона на бок.

Днем пришлось удлинять яму.

— Впервые жалею, что наши дружки такие высокие, — жаловалась я, ковыряя лопатой землю.

Теперь яма была как раз.

— Давай мага. — Алия вылезла наружу.

— Знаешь, его накопитель был зеленого цвета, — пропыхтела я, — а теперь желтый.

— Нормально. — Алия осмотрела могилу сверху и крикнула Лейе: — Где простыня?

Мавка подала кусок льняного полотна, тонкого и хорошо пропускающего воздух. Мы натянули его, закрыв отверстие, придавили камнями и колышками, а сверху припорошили землей, оставив кусочек незаваленным. Алия немного отошла и удовлетворенно крикнула:

— Хорошо! Издалека ни за что не скажешь, что там что-то есть! Лейя снова зарыдала, будто и впрямь похоронила друзей.

Мы поужинали, Алия снова вооружилась тем, что смогла собрать по кладбищу. Мы заперли дом и пошли на приглянувшийся луг. Васька выл и плакал за дверью, прямо сердце кровью обливалось! — Одно

успокаивает, умрунов никаких на этом лугу нет. Кроме насекомых. Лейя, хватит ныть! Я постараюсь его близко не подпускать.

Голова ныла так, что казалось, треснет.

— Я больше не могу удерживать щит! — вскрикнула я. — На счет три падаем на землю.

Чернокнижник разверз свою пасть, вызвав шквальный ветер, но нам пока удавалось его удерживать. Врага мы встретили на середине пустоши, а потом нас ветром отнесло ближе к краю, чего нам совсем не хотелось.

— Три! — Мы упали плашмя, ветер свистел над головами. — Давай, Лейя!

Мавка завела песню, Маргобана стало относить назад. Конь упирался копытами, но все-таки скользил.

— Алия, кидай что-нибудь!

Алия метнула парочку ножей и выругалась, глядя, как они отскакивают от противника. Лейя замолчала. Я выбросила руку вперед. Земля под умертвием стала шевелиться и вспучиваться кочками. Конь затанцевал, стараясь удержать равновесие. Чернокнижник снова рыкнул, меня отбросило, да так неудачно, прямо на больное плечо.

Я ойкнула, из глаз брызнули слезы. Алия схватила меня за здоровую руку и помогла встать на ноги:

— Верея, что делать?

— погоди, я сейчас. — Стараясь не тревожить раненую руку, я махнула здоровой.

Чернокнижника выбило из седла.

— Есть! — Алия выхватила из-за пояса свой тесак. — Сейчас мы его разделаем!

— Алия, стой! — Я ухватила ее за руку, но она вырвалась и скачками помчалась к Маргобану.

— Стой же ты! — Я побежала следом. — Он просто упал! Сейчас встанет!

Лейя, увидев, что чернокнижник поднимается с земли, снова запела, из-за чего колдун никак не мог взобраться в седло.

Маргобан, разъяренный, вытянул перед собой скрюченные руки и стал нараспев что-то произносить. Слова оставались в воздухе

искрящимися красными письменами.

— Не нравится мне это. — Я добралась до Алии и ухватила ее за рубаху. — Алия, стой, заклинания, которые оставляют после себя такой след, очень сильные.

Алия обернулась, Лейя прекратила петь. Повисла тишина, прерываемая только шипящим шепотом заклинателя.

Земля задрожала, мы шарахнулись обратно.

— Что это? — вскрикнула лаквиллка, хватаясь за меня.

— Не знаю, но нам это точно не понравится.

Земля еще раз дрогнула и затихла.

— И это все? — пискнула Лейя.

— Не думаю. — Я затравленно оглянулась.

И тут... Из земли полезло что-то, лязгали доспехи и мечи, рычали и трясли головами кони, вытряхивая землю из истлевших грив.

— Ай! Кто это?! Откуда они?! — в ужасе закричала мавка.

— А ты говоришь, только насекомые, — сказала Алия. Мы стали отступать, а воинство скелетов все прибывало, вгоняя нас в панику.

— Да это ж раз плюнуть! — вдруг радостно заорала дочь лаквиллского воеводы. — Я у батьки в книжке такое видела! Берешь камень... — Алия нагнулась и подняла каменюку размером с ее голову. Я с интересом следила за ее действиями. — И кидаешь в середину. — Алия с некоторым усилием швырнула камень. — Вот и все! — весело сказала подруга, отряхивая грязь с ладоней. — Теперь они примут камень за врага или передерутся!

Ни то ни другое. Воинство лишь замерло на мгновение, а потом...

В нас полетели камни, грязь, дерн, а кому было лень или неудобно наклоняться со спин своих коней, просто швырнул в нас кое-что из оружия.

— Как-то в книге по-другому было! — уныло проговорила Алия. Мне опять не повезло, камнем попало прямо по шишке, я взвизгнула и кубарем полетела в траву, красочно представляя себя растерзанной и растоптанной. С трудом поднялась на колени, потрясла головой. В глазах все двоилось. Чернокнижник счастливо хохотал. В нашу сторону снова полетели камни.

— Стоп! — Я вытянула руку, камни зависли в воздухе. Сообразительная Алия вздернула меня на ноги и за пояс, спиной вперед, потянула за собой.

— Быстрее, — попросила я, — я не смогу долго.

Алия прибавила ходу. Не успели мы укрыться за деревом, как камни забарабанили по стволу.

— Нехило покойнички швыряются! — Лаквиллка осторожно высунулась и вытащила из древесины нож, богато украшенный камнями и с золотыми насечками. — Классная цацка, если выживу, мой будет!

— Все-таки к лесу они нас угнали, — сказала я. Выглянула из-за дерева, пытаюсь рассмотреть среди покачивающихся покойничков чернокнижника: — Интересно, откуда взялось это чертово войско?

Сзади кто-то тяжело привалился ко мне и спокойно пояснил, мазнув черными волосами по щеке:

— Это Проклятый легион. Вон первый лорд Урлака в золоте, на белом иноходце. — Палец показал на гору грязи и костей. — А вы как думали, откуда упыри название взяли?

Я, еще не веря своим ушам, медленно повернула голову и потрясенно выдохнула в лицо Велию:

— Вы же в могиле!

Алия закашлялась, а мавка повисла на Аэрене и ревела, то ли от ужаса, то ли от радости.

— Ага, мы заметили, что в могиле, чуть и в самом деле не околели! — засмеялся Велий, а я только сейчас поняла, как устала, и ноги дрожат, и в голове все кругом идет, и вообще, хорошо, когда мужики рядом, пусть теперь у них головы трещат от думок о нашем спасении. Посмотрела на прищуренный глаз дракона и спросила:

— А почему он желтый?

— А он разряжен, — беззаботно ответил маг. — Всю энергию для скорейшего нашего воскрешения отдал. Иначе бы мы еще недельку провалялись.

— Ага... — протянула я. Выходило — оттого, что нас стало больше, практически ничего не менялось.

— Зато у нас есть секретное оружие. — Аэрон вытащил из-за пазухи довольного встречей Ваську, пощекотал ему живот, выступил из-за деревьев навстречу войску чернокнижника, вытянул руку с василиском вперед и сорвал с него глот. Васька подавился своим визгом и обвел пустошь взглядом желтых глаз. Алия начала

неудержимо чихать, а Велий посоветовал Аэруну покрепче держать василиска за гребень и не давать ему вертеть головой.

Что-то затрещало, и вражье воинство подернулось серой дымкой.

— Оказывается, Васька — жуткая зверюга! — прошептала Алия мне на ухо. Мы вышли из-за деревьев поближе к Аэруну.

— Что это с ними?! — Мавка удивленно потыкала пальчиком в каменные изваяния. Велий торопливо завязывал глот на шее василиска. Васька заплакал, зло укусил вампира за палец и полез к Велию.

Аэрон облизал палец, засмеялся и пнул ближайшую статую, та с шелестом осыпалась.

— И как мы раньше до этого не додумались? — досадливо воскликнула я.

— А мы не ищем легких путей! — гордо произнесла Алия, засовывая новообретенный нож за пояс.

— Мы уже заметили. — Велий повернулся к нам. — Одни ваши вилы чего стоят! — Пробормотав что-то себе под нос, он запустил огненный шар в ближайших к нам окаменевших воинов, те стали осыпаться. — И чего вас понесло на эту пустошь?!

— Решили, что тут безопасней.

Маг послал еще один раскаленный шар.

— У тебя же накопитель пуст, — напомнила я, глядя, как рассыпается каменное войско.

— Я — маг в пятом поколении и такую ерунду могу делать и без дополнительной подпитки.

— Нам бы такую ерунду, — с завистью проговорила Алия.

— Это просто, — сказал Велий, ища глазами Маргобана.

Вдруг над ночным лугом пронесся шелест, Проклятый легион оживал. Лейя подхватила на руки Ваську, Аэрон мотнул головой:

— Что это?!

— Это очень, очень плохо. — Маг попятился, увлекая нас за собой. — Я сразу подумал, уж если этот Маргобан сумел всех демонов в книгу заключить, то василиск ему, что камень на пути реки, смочит, да и все!

Чернокнижник показался среди оживающего легиона вампиров с широченной улыбкой на обеих рожах, скрипучим голосом повторяя:

— Книгу! Книгу!

— А может, правда лучше отдать? — спросил Аэрон, неуверенно отступая.

— Да мы бы радостью, только нет ее у нас! — закричала Алия. — Ложись!

Велий махнул рукой, и стрелы, выпущенные в нас, ушли по дуге вверх, свистнув над головами.

— Готовьтесь драпать до самого утра, — сказал он.

— Опять?! — заревела Лейя. — Я не могу больше драпать!

— Мы третью ночь только тем и занимаемся, что драпаем! — Я ойкнула и свела глаза к лезвию, зависшему в трех пальцах от носа. Мамочки! — Алия хапнула нож и сунула за пояс.

— Знаю, что третью. Мне Лейя все подробно рассказала. Скорее всего, и четвертую придется.

Велий толкнул меня за дерево и сам прижался к стволу. Через мгновение Алия вытаскивала из древесины копьё. Лейя поднялась с земли, куда ее спешно повалил Аэрон, и защебетала:

— Я же говорила, что он слышит!

Я посмотрела на Велия, решая: бегать по ночам от настырного умертвия или разрешить...?

— Ладно. — Я дернула за рукав мага, который снова что-то бормотал. — Я разрешаю.

— Чего?! — Маг сбился, Аэрон метнул копьё, попал в первого правителя Урлака и очень обрадовался.

— А то ты не понял!

— Я предпочитаю драпать, — буркнул Велий.

— И завтра? — язвительно поинтересовалась я. — Накопитель-то где зарядишь?

— Без тебя справлюсь! — заупрямился маг, я разозлилась:

— Тебя что, еще и уговаривать нужно?! А ты ломаться будешь как девица?!

Велий сверкнул глазами и протянул руку:

— Ну давай!

Я коснулась его пальцев.

Потянуло совсем немного. «Ишь какой стеснительный! — ехидно подумала я. — Деликатничает». И тут потянуло так, что ножки задрожали, а Велий что-то произнес, сопроводив слова жестом. От

краев пустоши к середине пошла волна горячего воздуха. Попадающая в эту волну нежить сминалась, как тонкие кусочки пергамента, ярко вспыхивала.

Велий с каким-то полубезумным выражением на лице повернулся ко мне:

— Я даже не успел до конца произнести, а оно уже развернулось!
Я независимо вздернула нос.

— Нехило... — произнес Аэрон, подруги молчали.

Волна сошла в середине, на шипящем от бессилия чернокнижнике. Там она ослепительно сверкнула и ушла столбом пламени в ночное небо.

— Что это было? — ошеломлен но спросил, ни к кому не обращаясь, маг.

— Я забыла предупредить — сила самого слабенького заклинания с моей помощью увеличивается десятикратно. Вел, — я потрясла мага за руку, который смотрел на меня стеклянными глазами, — оно сейчас откатом на нас пойдет!

Велий вздрогнул и что-то произнес.

Из меня как будто все кости выдернули, а шишка на затылке активизировалась и стала показывать в гудящей голове разноцветные звезды.

— Вот черт!

Кажется, Велий успел меня подхватить. Вокруг пустоши выросли прозрачные щиты. Волна ударилась в них и снова пошла к центру, и снова от него, и снова, как круги на воде. Пока все, включая Велия и Ваську, высунувшего голову из шиворота мавки, с ужасом на это взирали, я, приоткрыв глаза, посмотрела на желтый драконий глаз прямо перед своим носом. А почему бы и нет, мелькнула беззаботная мысль, хуже-то все равно не будет, а так доеду до дома на ком-нибудь из парней, можно сказать, с комфортом! Благо руки мага меня держали, а сам он смотрел, как его заклинание бьется о стены его щитов.

Сначала драконий глаз стал салатовым, а затем стал приобретать глубокий изумрудный цвет. А потом Велий что-то проговорил, и я, как и планировала, доехала с комфортом.

Какой-то гул не давал как следует уснуть; только я задремывала, как что-то грохотало и сон испуганно отлетал прочь. Я приоткрыла глаза. В комнате царит полумрак. На кухне стучит посуда, приглушенно переговариваются. Опять грохнуло, горница озарилась.

— А-а, да это гроза. — Я пошевелила рукой, прислушалась к разговорам.

— Часа вполне хватит, чтобы смыть все с памятников, — говорил Велий. — Могилу нашу... вашу... ну, в общем, мы с Аэроном ее закопали. — Он тихо хохотнул. — Это ж надо было догадаться уложить нас туда.

— Это все Веря, — тут же выдала меня мавка. Стало тихо, потом Аэрон произнес:

— Что за жуть ты на чернокнижника наслал?

— Обыкновенное заклинание, среднего уровня. Я просто не знал, что все так обернется. Рассчитано было только на войско, с чернокнижником я хотел на второй заход разобраться. Верелея о чем-то меня предупреждала, но уже поздно было, да и не ожидал я такой мощи. — Велий помолчал и добавил: — Теперь я понимаю Лонгина. Такая сила...

Я села на кровати и осторожно прикоснулась к затылку. Шишка ответила тупой болью. Рану на плече закрывала повязка. Попробовала шевельнуть левой рукой: почти не болит, а главное — двигается.

— Счастье, что вы нас из ловушки вытащили. — Аэрон шумно чего-то отхлебнул, наверное, чая.

— А-а, — заговорила Лейя, — мы чего только не делали: и щекотали, и водой брызгали, и целовали...

Послышался звук, который издают два поперхнувшихся человека.

Потом шипение Алии:

— Молчала бы лучше!

— Эх, жалко, я в отключке валялся, а то тебе, Алия, обязательно на поцелуй бы ответил! — По голосу Аэрона сразу можно было догадаться, что он улыбается.

Дальше шум, пыхтение, рычание Алии, хохоток Аэрона и голос Велія:

— Сейчас всю кухню разворотите.

Снова тишина и робкий вопрос Лейи:

— А тебе понравилось... ну, когда Верея... ну, предложила...
Лейя умолкла.

Я, уже спустив одну ногу с кровати, замерла.

— Сам не знаю... С одной стороны, такие возможности и сила, а с другой... Вряд ли когда-нибудь захочу снова такое испытать. — Маг замолчал, а я почему-то обиделась, ну прямо чуть не до слез!

— Это то же самое, наверное, что выпить крови у друга — с одной стороны, вроде бы сам предложил, а с другой... — проговорил Аэрон.

— Точно, — сказал Велий. — Чувствую себя как упырь какой-то!

— Два сапога — пара! — слабо вякнула я, встав на пороге. — Покормите меня? И сколько я спала? — Я стащила кусок пирога со стола и, набив полный рот, потянула у Аэрона из рук стакан с чаем. — Ты не против? Чего уставились? Сколько спала?

— Недолго, — Алия кашлянула, — сейчас вечер.

— Велий грозу вызвал, чтобы нам памятники не мыть, — с улыбкой сказала Лейя. Васька полез на руки, намекая, что тоже не прочь подкрепиться пирогом.

— Как твоя голова? — спросил Велий.

Я махнула рукой:

— Нормально. Завтра в Школу?

— Ага. Хранитель возвращается. — Алия улыбнулась.

Я осмотрела порванное платье и вздохнула:

— Я всю свою одежду за месяц порешила. Придется новую покупать.

— А деньги? — спросила Алия.

— А про каменья забыла?

— Какие каменья? — забеспокоился Велий.

— Ну мы ведь не за так согласились чернокнижника на вилы надеть, а за очень даже неплохое вознаграждение. Аэрон повернулся к Велию и, кивая на нас, с усмешкой проговорил:

— Эти трое из любой передряги умудряются выйти с трофеями.

Алия зарумянилась и поправила ножи на своем поясе.

— За каких-то полгода мы учащихя Школы на очень приличные деньги развели, — продолжал Аэрон.

— Я в курсе. — Велий посмотрел на меня: — Тащи свои каменья.

— Стой! — тонким голосом прокричала Лейя. — Они сейчас все себе заберут!

— За кого вы нас принимаете? — не очень натурально улыбнулся Велий, а хитрый Аэрон поддакнул:

— Нам просто интересно. — Глядя в его по-кошачьи наглые глаза, я поняла, что начинается тот самый, в былинах воспетый и сто раз в байках описанный спор, после которого от огромных банд и шаек оставались рожки да ножки.

Лейя визжала и плевалась, обзывая Аэрона и Велия нахлебниками, которые, свалив всю грязную работу на худенькие плечи трех хрупких девиц, решили слизать все сливки.

Аэрон возмущенно взывал к справедливости, намекая, что лежать беспомощным и терпеть грязные домогательства трех распутных женщин было очень нелегко! Велий с удовольствием ему вторил.

Алия после таких заявлений решительно заявила, то созрела для вампироубийства, и вытащила свои острые трофеи из-за пояса, обещая отрезать те места, которые, по мнению парней, подверглись домогательствам. Я повисла на ней, не давая разгромить кухню.

Лейя продолжала отстаивать ларец, истошно крича и все увеличивая долю «нахлебников».

Велий веселился, специально доводя нас своими претензиями на драгоценности до невменяемого состояния, и жмурился от удовольствия, когда мы поддавались на провокации.

В конце концов договорились честно все поделить поровну.

Я еще раз посочувствовала своему единственному оставшемуся живых платью и сказала, что завтра же куплю в Веже новые. Велий приподнял черную бровь, уставился на меня своими серыми насмешливыми глазами и вкрадчиво поинтересовался, не знакома ли я случайно с одной девицей в Школе Архона, которой строго настрого запрещено даже приближаться к многострадальному городу?

Я нахально ответила, что такую дурищу, которая будет терпеть произвол и тиранство своих наставников, знать не знаю. Маг прищурился, а я проворно нырнула в сени. Вышла на улицу, постояла, принимая холодный душ дождевых капель, и полезла под крыльцо.

— Вот он. — Я поставила ларец на стол. — А вот каменья. — Я откинула крышку.

— Ха! Какие цацки!! — заорал Аэрон и запустил руки в ларец.

Велий изменился в лице, будто я не сундучок, полный драгоценностей, на стол поставила, а разложила самое малое Анчутку и предложила препарировать.

Я недоуменно воззрилась на него, а маг выдавил:

— Это она и есть.

— Что?

— Книга Маргобана, — тихо пояснил Велий.

— Ты как себя чувствуешь? — Я потянулась рукой к его лбу. — Голова не болит?

Маг досадливо тряхнул волосами, уворачиваясь от моей ладони:

— В этих камнях заключены демоны.

Аэрон выдернул руки из ларца так поспешно, будто его там укусили:

— Ну у тебя и шуточки.

— Я не шучу. — Велий выбрал один из камешков, ярко-красный переливающийся. — Смотри, — и легко раздавил его в ладони. Осколки брызнули из-под пальцев, хотя на коже не осталось ни царапины. Что-то ухнуло, захохотало, метнулась черная тень, а кусочки камня превратились в брызги красной водички.

Пока мы тарасились на такое диво, мавка, догадавшаяся, что последует дальше, подскочила к столу, захлопнула ларец, нагнулась над ним и растопырила руки, как квочка над цыпленком:

— Не дам! Я их своими ручками и ножками заработала, а вы их давить! — Она заплакала, а меня точно кольнуло, я вспомнила зубастого Анжело.

— Вел, а... он говорил про всех демонов?

— Там весь твой класс, если ты это имеешь в виду. Начиная с учителя Рагуила. Мы их уже полгода ищем. — На его лице застыло вопросительное выражение: дескать, ну и что теперь?

Я вспомнила, как парни выручали меня на зачетах, вечно бубнящего за левым плечом Анжело.

— Лейя, давай их выпустим, а? Они же там плачут. — Я попробовала представить плачущего демона, не получилось. — А они тебя за твое благодество так любить будут!

Лейя продолжала предаваться отчаянию, но от ларца отлипла. Весь вечер мы сосредоточенно давили и разбивали камни под горячие

мавкины завывания, которая бурно изливала душу Ваське, сидя на печи.

После того как последний камень брызнул в руке Аэрона, я выскочила на крыльцо и закричала в наступающую ночь:

— Анжело! С тебя причитается!

— Услышал? — На крыльцо вышел Велий, осмотрел мокрые памятники, махнул рукой, произнес пару слов. Дождь тут же прекратился.

— Надеюсь, — уныло пробормотала я. — Ты сеть свою не забудь.

— Какую сеть?

— Из которой мы вас выгнали.

— Где она? — подпрыгнул Велий. — Ты ее не развеяла?!

— Я ее схлопнула. Она твое ожерелье из чешуи дракона держит. Ты его сунь себе в мешок. Потом, когда понадобится, развернешь. В то каждый раз тратить силы на заклинание...

Велий странно на меня посмотрел, хмыкнул, а потом, захохотал, привалившись к косяку.

— Ну ты даешь! — проговорил он сквозь смех. — Еще никто не додумывался носить сеть с собой как... книжку! — Он снова расхохотался, трясая головой. — Захотел — развернул, захотел — свернул! У тебя очень оригинальный подход к магии. Я бы сказал, практичный!

Я сначала обиженно насупилась, но Велий так заразительно хохотал, что мне тоже стало весело, рот сам собой растянулся в улыбке:

— Ты, если что, обращай ко мне, я еще что-нибудь придумаю! Лейя в обнимку с пустым ларцом выросла на пороге и замогильным голосом оповестила:

— Ну все, жизнь потеряла смысл. — И села на мокрую ступеньку.

Аэрона отправили домой рано утром, а потом стали собираться сами. Миколка сопел на кухне и делал вид, что вовсе не расстроен нашим отъездом. Сундук, который сюда был доставлен полным, теперь опустел так, что просвечивало дно. Одна Алия не осталась внакладе, с самого утра поглаживала два ножа, добытые в битве с мертвецом.

— Я тут подумал, — небрежно проронил Велий, повертев в руках драконьи бусы и бросив их в свой мешок, — попрошу-ка я в Школе еще одну ставку.

— Какую? — Я отложила в сторону расческу.

— Твоего наставника по магическому искусству.

— Нет! Ни за что! Даже думать об этом не смей!

Маг наблюдал за мной, ухмыляясь.

— Да я тебя... тебя... — Я запнулась, придумывая для него мучения одно страшней другого и не зная, какую из изуверских картинок описать словами.

— Ты что, против? — Велий сделал удивленную мину. — А я уже запрос отправил.

Я надула губы, хотя на самом деле мне почему-то стало приятно.

— Я, конечно, все время находиться рядом не смогу, но чтобы выпороть раз в месяц нерадивую ученицу, обязательно время найду, — сказал Велий.

— Веря, переходи ко мне на факультет, — вмешалась Алия, оставив в покое свои ножи. — Вульфыч по-любому человеколюбивее будет!

Телега скрипела, птички заливались, солнышко припекало, и пока мы добрались до постоянного двора, от которого до Веж еще было трюхать и трюхать, мне приснился чудесный сон. Будто в благодарность за спасение демоны устроили в Веже настоящий ирий. Текла через него теперь молочная река в кисельных берегах, в небесах заливались сирины, по радугам, как по мостам, скакали кони, Гомункул стал добрым молодцем, мавка вышла замуж за красавца эльфа, Алия сделалась грозной валькирией, а я просто королевной и души во мне люди не чаяли, так и носили на руках. Часа три носили. А потом у телеги колесо лопнуло.

Книга 2. Особо одаренная особа

Моим
подругам Лене и
Алене

С самого утра северный холодный ветер собирался с силами, тужился, пыжился и раздувал щеки, пока не вывел из себя русалку-березу. Невтерпеж ей стало смотреть на его посиневшую от натуги ряху, сняла она с левого ушка сережку — листик и швырнула ветру под ноги. И тотчас поменялся Заветный лес. Пожухла трава, прозрачнее стали кроны, словно седина на постаревшем человеке, выступили пятна золота и кармина. Осень шагнула в него полноправной хозяйкой. Кончилось лето.

Пока ветер вытряхивал из своего линялого сине-серого плаща промозглую сырость да тяжелые, словно из грязной ваты сваленные тучи, чтобы гнать их стадами в мир людской, Древний Страж леса Карыч спрыгнул с замшелого, покрытого поганками пня и, не потягиваясь, заявил:

— Все, Верелеюшка, пора тебе к людям идти.

— Чего это? — опешила я, даже забыв от удивления биться с медведем за корчагу меда.

Косолапый рванул мед на себя и, не встретив сопротивления, кубарем полетел в овраг, разливая вожделенную добычу прямо на пузо. Мать-Пчела, увидев эдакое святотатство, зажужжала, и я, поспешно юркнув под вороново крыло, выразила радостную готовность отправляться в путь:

— Надо так надо. Тем более что медом поэзии со мной никто делиться не собирается...

— Да горький он, — скривился Карыч, но, услышав басовитый гул рассерженной Матушки, тотчас поправился: — Но крр-райне полезный.

— А я про что? Мне без меда на факультете культурологии просто делать нечего. Мало того что всякие легенды заставляют собирать, шляться за ними леший знает где, так еще требуют ли-те-ра-тур-ной обработки. — Я постаралась как можно противнее изобразить

директора, но получилось неубедительно. Карыч хмыкнул, и мы заковыляли к опушке, прощаясь по дороге со всеми, кто решил проводить меня до границы земель человеческих.

Медведь в овраге громко урчал, вылизывая свое брюхо. Я так и видела, как он обсасывает волосья, размачивая слюной волшебный Матушкин подарок. Внезапно рев его изменился и вместо невнятного рыка и пыхтения над лесом понесся густой бас сказителя.

«... и жила в Заветном лесу ведьма Верелея. А и страшна была та ведьма: нос крючком, глаза совиные, по всему телу и лицу волосатые бородавки и чирьи...»

— Ах ты, комок меха! — вспылила я, но Карыч решительно воткнул коготь в подол моего длинного лесного плаща и не дал мне кинуться обратно в драку, мотивируя это тем, что каждый художник имеет право на свободу самовыражения.

Уходить из леса совсем не хотелось, потому что здесь, как нигде, я чувствовала себя дома. То и дело с моего языка срывались «дядьки», «тетки», и один раз Карыч чуть меня не заклевал за то, что назвала его «дедом».

— Дед Карыч! — только и успела сказать я, а он потом три дня возмущался на весь лес, брызгая слюной и перьями, вдалбливая мне, что никакой он не дед, а птица в самом расцвете сил и здоровья! И еще неделю тихо бухтел, что таких внучек прямо в гнезде давить надо, не забывая всякий раз добавлять: «Ишь, нашла деда!»

Однако ж Анчутку он с того времени иначе как «рогатым дядькой» не называл. Да и Березину с той поры все чаще величали тетушкой. Только ей, в отличие от Карыча, это нравилось. И она тайком от крылатого деспота одаривала меня сережками, бусиками и прочей женской чепухой, которую прятала в корзинке под медовые ковриги, испеченные матерью Топтыгина, с которым, как и с Матушкой-Пчелой, я познакомилась с наступлением лета.

У мохнатого семейства оказались свои, и довольно немалые, владения в Заветном лесу. Настасья Петровна, хлопотливая и говорливая медведица, уверяла, что без ее заботы все Древние давно бы одичали и с голодухи померли. У нее была хорошо обустроенная Михайло Потапычем летняя кухня и огромная пасека, где королевствовала Матушка-Пчела, а мы с Топтыгиным воровали мед.

Мне было забавно наблюдать, как Настасья Петровна пытается выкармливать кашей Карыча, а тот хрипло каркает и плюется, уверяя, что траву он ни в каком виде не ест, ни в сыром, ни в вареном. И что если над ним сию секунду не прекратят издеваться, то он немедля добудет себе медвежатины. На что Настасья Петровна без тени страха или смущения, а даже с какой-то материнской добротой щелкала по клюву липовой ложкой. И грозный Древний Страж обиженно умолкал, забывая про мясо и покорно кушая травку вместе со мной и Топтыгиным. И, я вам скажу, это была по-настоящему королевская еда, не Шедшая ни в какое сравнение со школьной, а уж тем более приютской. Потому что здесь, в Древнем лесу, все было необычное, духмяное, наваристое и сочное. Жаль только, что Топтыжка, он же Топтыгин, как медведь гордо себя величал, важно упирая короткие лапы в бока, все чаще зевал, поглядывая на медвежью избушку, хоть осень наступила в Заветном лесу только сейчас.

У самых елей, отделявших Заветный лес от леса обыкновенного, Березина протянула мне корзинку, полную лесных даров и всяческих подарочков. Я грустно сделала ручкой провожающим, и Заветный лес ответил мне прощальным гуканьем, воем и ревом, от которых у случайного человека легко могла случиться медвежья болезнь или пожизненное заикание.

— Вуку передай привет и успокоительный сбор из корзинки, да над первокурсниками не шибко изгаляйся, — напутствовал меня Карыч.

— Первокурсники! — подпрыгнула я, вспомнив прошлый год. Алия и Лейя уже там! Наверно, творят всякие гадости и глумятся над испуганной и оторванной от родного дома нечистью. Веселятся там без меня и даже не вспоминают о соскучившейся по ним подружке.

Я со всех ног припустила в сторону Вежа, предвкушая встречу с приятелями. Кстати, как там мой «женишок»? Рот расплылся в наиподлейшей улыбке от предвкушения веселья. В том, что Аэрон давно забыл все мои страшные угрозы, я ни капли не сомневалась. За два летних месяца смазливый и самовлюбленный вампир наверняка уже наделал достаточно дел для хорошей над ним расправы! А в том, что он давно забыл о нашей помолвке, я ничуть не сомневалась.

Школа встретила меня разноголосым гамом, бестолковой суетой и воплями:

— О! Рыжуха заявила!

— О, заявила. Фу-ты ну-ты.

— Привет, Веря!

И брезгливое:

— Здравсти. — Это Калина и скучковавшиеся вокруг него летащицы. Я задрала нос и павою проплыла мимо них, благо одета была не хуже стараниями спасенного мною Анжело, Рагуила и прочих демонов. Теперь красовались на мне и бисером шитые сапожки, и умопомрачительный летник, нагло вытребованный у проклинавших меня и того, кто сунул злосчастные камни в мои ручки, демонов. Березина сама лично расшила жемчугом и серебром рукава и подол узорами в виде листьев и трав. Платье, выглядывавшее из-под летника, не уступало ему в красоте и роскоши. Так что летащицы позеленели от зависти. Гордая, вся из себя, я дошагала до нашей комнаты, распахнула дверь и не узнала нашего жилища.

На стенах, на полу и кроватях лежали ковры, тоненькие, толстые, ворсистые. Стены были увешаны оружием и щитами со звериными мордами. Казенная мебель исчезла, а ее место заняла явно привезенная из царских палат. Я попятилась, пискнула:

— Извините, не туда попала, — выскользнула за дверь и тупо уставилась на номерок. Это что же, какой-то нахальный первокурсник занял нашу уютную комнату? Разозлившись на такое самоуправство, я с грохотом отворила дверь и заорала: — Это произвол! — намереваясь повыкидывать вещички непрошеного жильца вон. Ухватила со стены саблю, но тут взгляд зацепился за надпись на клинке «Воеводе Лаквиллскому Всеславу Крутояровичу за беспримерную храбрость». Тут на меня сзади с визгом кинулись и повисли, целуя в ухо. А от порога я услышала насмешливый голос Али:

— Ты с ней поосторожней, подруга! Она сейчас тебя за свой царский летник саблей рубать будет. Ишь, разоделась как королевишна!

Мы бросились обниматься и, перебивая друг друга, делиться новостями и радоваться встрече. Лейя навезла два сундука обнов, норвила выпотрошить сундуки и показать каждую обнову в отдельности, а Алия рассказывала, как пряталась по всей

Белокаменной Крепости от батьки, которому донесли-таки о ее подвигах в Школе. За пьянство он ее выпорол (я еще раз порадовалась, что не поехала вместе с ней, а то бы попала под горячую руку), а за прочее произвел в чин богатырки, загрузил целый обоз барахла и самолично доставил его в Веж, даже саблю именную пожаловал.

— Ой, каким гусем он тут ходил, пока твоих эпсов не увидел!

— И че? — спросила Лейя.

— Да ниче! Папа-то у меня орел, а вот бояре с лица сбледнули, махом домой убрались. А навстречу им лорды вампирские попались, так они так живо коней погонять начали, все за сабельки хватались да меня благословляли. Я аж прослезилась.

Мы похихикали, живо представляя все это, и тут я вспомнила по главное — про первокурсников.

— Как наши новенькие? — поинтересовалась я. — Привыкают?

— У-у! — заголосили обе подружки. — Мелкие, подлые, нахальные!

Лейя сузила глазки, став похожей на крота, и зашипела:

— Захожу в столовую, никого не трогаю, симпатишного такого таракашечку кидаю в миску новенькой, а этот тараканище — бац! — всплывает у меня, за время всплытия, разъевшись ну просто как боров! Ну, я его обратно, швырк! А он опять у меня! И вообще, полная миска этой противной живности, плевков, шелухи от семечек. Я, конечно, взгрустнула, ну, и от избытка чувств надела эту миску на голову подлой мелюзге! И знаешь, кого наказали?

— Тебя? — Я сделала изумленный вид.

— А то ж! — поддакнула Алия.

А с Алией получилось уж совсем нехорошо. Девушка шла и просто от хорошего настроения и, желая выказать свое благорасположение, отвесила плюху недостаточно расторопному шуликуну, ^[17]и надо же такому было случиться, что поганец оказался не один. Навалились толпой, как собаки на медведя, повалили девушку на пол и отвесили столько плюх, что в глазах потемнело. Хуже всего, что когда на шум из кабинета вышел Феофилакт Транквиллинович, никого, кроме Алии, тузившей одинокого малорослого шуликуну, в коридоре не было, и досталось...

— Тебе? — опять не поверила я. — Нет, с этим надо что-то делать.

— Давайте устроим им темную! — радостно завопила мавка. — Ночью кирпичиком по голове шмяк!

— Мелко и недостойно, — возразила я, а в голове, отдохнувшей от измышления всяких пакостей, сразу зашевелились свежие мыслишки. — Говоришь, нагленькие, богатынькие? Кстати, что по этому поводу думает пресветлая голова моего сиятельного лорда Аэрона?

— Их сиятельное упырство на днях наведывались на женскую половину, — сообщила, ухмыляясь, Алия.

— Надеюсь, поплакаться у двери моей комнаты о своем одиночестве? — с надеждой спросила я, снимая летник.

— Как же! Новым девкам плакался о своей возмутительной свободе и нахально строил глазки.

— И снял колечко, — с удовольствием наябедничала мавка.

— Ах, колечко снял! Мы будем мстить ужасной мстостью.

Алия, фыркнув, призналась:

— Я поинтересовалась: у него растут рога или это просто перхоть?

— А он?

— Сверкнул глазами и попросил не мешать ему развлекаться, пока не приехала благоверная.

— Ага, он меня уже и благоверной называет?! — Почему-то именно это слово взбесило меня окончательно. — Ну, тогда пощады не будет!

Я вытащила из нового секретера листы тонкой дорогой бумаги, лебединое перо и, хмыкнув:

— Ну мы прям князья, — задумалась. — Нет, мелко. Царевешны!

— И нацарапала: «План превращения богатых в бедных, униженных в возвеличенных, а неверных в козлов!»

— Ме-э-э! — с чувством проблеяла Лейя.

— Кстати, — я обернулась к мавке, — как там твои эльфы, которых тебе тетка сватала?

— Ме-э-э, — повторила Лейя.

— Понятно. — Я отложила перо и потянулась к корзинке.

— У тебя там яда нет? — счастливо вскрикнула Лейя. — Отравим неверного вампирюгу!

— Водичка из козьего копытца.

— Ой, а мне дашь капельку, я тоже кого-нибудь в козленочка, — защебетала Лейя, протягивая ручки к корзинке.

— Нет, мы идем давать Аэрому шанс не стать козлом. — Я стала вытаскивать из корзинки подарки Березины. Лейя взвывала восторженно и, выхватывая девичьи украшения из рук, завертелась у зеркала. — Будем потрясать его воображение неземной красотой и статью.

— Потрясать лучше кулаками! — хмуро поправила меня Алия, забирая у Лейи одну из сверкающих цапок и примеряя на себя. — Это на мужиков намного быстрее действует.

— Так то на мужиков, а это вампир! А ты другом сердечным случайно не обзавелась? Такое знание мужской породы обнаруживаешь!

— Сами же говорите ме-э да ме-э! — с усмешкой проговорила подруга.

Труды наши пропали даром. Нет, вампир был рад нас видеть и красоту оценил, но раскаяния у него не было ни в одном глазу. А на прямой вопрос о колечке выпучил свои нахальные зеленые глаза и возмущенно воскликнул:

— В такую жару?!

Я вытянула свою руку и прошипела:

— Я же хожу, потею! — Колечко сверкнуло розовым камушком, но упырь даже не посочувствовал моим мучениям.

— А-а, девице прилюдно изменяют! — завелась Лейя, заставив замереть и прислушаться всю нечисть на этаже. — Порочат ее невес... невесто... тьфу ты! Короче, честь! Веря, кусай его, я подержу, он по обряду станет тебе мужем, и ты забьешь его на законных основаниях! А мы подтвердим, что ты действовала в состоянии аффекта!

Аэрон нашим выступлением ничуть не смутился и спокойно предложил отметить встречу, вытащив бутылку дорожущего золотоградского вина:

— Специально для девиц, не крепкое.

Мы прекратили бузить и согласились, и отметили. Алия, хоть и была порота отцом за распивание горячительных напитков, отнекиваться не стала.

На запах назревающего веселья вскоре слетелись дружки Аэрона и подружки, которые до самой полуночи, пока мы не изволили пойти почивать, бросали на меня заинтригованные взгляды: точно невеста или очередной розыгрыш? Я, прощаясь с дружкой, специально выставила колечко напоказ и мило облобызала вампирюгу, успокаивая себя, что час расплаты не за горами.

— И как ты его не придушила! — поднимаясь по лестнице, проворчала Алия, я улыбалась, смакуя предстоящее веселье.

Утро расправы над блудливым вампиром выдалось безоблачным и по-осеннему прозрачным. Вломиться к Аэрому на правах невесты, нагрузить его корзинками с провизией и заставить топтать в Заветный лес, не вызывая подозрений, труда не составило. Гораздо труднее было отбиться от этого показушника, решившего тискать и целовать меня на глазах у всей Школы.

Алия строила мне в окно страшные рожи, дескать, крепись, потом рассчитаешься, а Лейя показала большой палец непонятно кому.

В расслабившемся, тихом лесу мы с вампиром производили больше всего шума, соревнуясь в количестве собранных за лето матерных частушек. Мне их в кабаках напели аж на четыре толстенные тетради! Аэрон предлагал издать их и заработать денег, а я поражалась его жадности:

— Да у вас в Урлаке подвалы ломаются!

— Потому что мы не разбазариваем, а копим! — поучительно поднял палец вверх собеседник.

— И это мой жених! Скупердяй и скопидом! — пожаловалась я деревьям.

— Радоваться должна, дурочка, на золоте будешь есть! — щелкнул меня по носу Аэрон.

— Вот только давай без матримониальных фантазий!

— Ты где таких умных слов нахваталась?! — засмеялся вампир.

— Да там же, в кабаках. И вообще, нечего хохотать, тащи корзину!

В корзине лежала парная говядина для Карыча и заморские лакомства для Топтыгина: халва и дорогущий шоколад. Когда Анжело назвал цену этого удовольствия, я поняла, что Топтыгину не рассчитаться за них даже собственной шкурой. Ну да ладно, я в

отличие от «жениха» не жадная, да и расплачивается за это все равно Аэрон. Которому, кстати, не обломилось ни кусочка.

На границе леса вампирюга заробел, лицо стало задумчивым, но, заметив мой снисходительный взгляд няньки, выгуливающей несмышленища, он решительно шагнул навстречу своим большим неприятностям.

Первым нам попался Карыч. Страж до того привык к моим частым визитам, что давно не выскакивал навстречу, великодушно позволяя искать его по всему Заветному лесу, получая от этого какое-то садистское воронье удовольствие. Этот день он посвятил воспитанию молодежи.

На невысокой скале визжал, цепляясь копиями за камни, Васька, а Карыч долбил его клювом в хвост:

— Кр-рылья р-распр-равь, дур-рень, свер-рзишься!

На что василиск еще плотнее припадал к скале и мотал головой, намекая, что погода сегодня нелетная. За два прошедших месяца василиск отъелся на харчах Настасьи Петровны, заматерел и вытянулся до того, что я ему в пуп дышала, но до сих пор лез на ручки, урчал и терся как кот. Карыч смотрелся на нем, как блоха на волкодаве, но неизменно повергал василиска в благоговейный трепет. Вот и сейчас, как ни велико было его желание остаться на скале, он таки шмякнулся вниз, косо растопорщив крылья.

— Гр-реби, дур-рень! — каркал ему вслед учитель. Васька рухнул в заросли черемухи, начисто уничтожив последние, и, радостно подскакивая всеми четырьмя лапами, побежал к нам.

Аэрон, видя такое дело, попятился и с тревогой спросил:

— Чего это он?

— Обниматься лезет.

— Это точно Васька? Здесь нет других представителей этого семейства?

— Да ты не рад? — обиделась я на такое отношение к василиску и потребовала: — Васька, голос!

С тех пор как от его рева стали пригибаться деревья, это была любимая Васькина команда. Лес дрогнул, и Аэрона отнесло шага на три от неожиданности, даже корзину выронил.

— Какая встр-реча, давно не виделись! — язвительно приветствовал меня со скалы Карыч. — Целое утр-ро в одиночестве

пр-ровел! Надеюсь, из Школы попер-рли?

— Нет, я по делу, — подмигнула я Карычу, кося глазом на Аэрона, которого жизнерадостно бодал Васька. — Тебе понравится.

— Ага, — щелкнул клювом сообразительный ворон. — Гулять будете?

— Достопримечательности показывать. — Я со значением покивала головой.

— Др-ружка будете р-развлекать? — склонил голову набок Карыч.

— И вы можете поучаствовать, — еще более многозначительно произнесла я.

— Все?! — не поверил Карыч.

— Абсолютно.

Карыч заметно взвеселился и стал раскланиваться:

— Ну, тогда не буду мешать. Василий, к ноге! — и, тяжело взмахивая крыльями, полетел к Студенцу. Васька, не разбирая дороги, помчался за ним, оставляя за собой широкую просеку.

— А мясо? — махнул корзинкой Аэрон.

— Настасье Петровне отдадим, — успокоила я его.

Вампир заметил, мол, он завидует мне, что я стала своей в Заветном лесу, на что я не без ехидства ответила, что и он тоже скоро станет здесь своим в доску! Он просиял, не поняв намека.

И мы отправились в путешествие. Аэрон шел по Заветному лесу как ребенок: охал, ахал, удивлялся, везде лез, поражаясь безлюдности, а под конец вообще спросил, живет ли еще кто в лесу кроме Карыча, василиска и медведей. Я честно ответила, что живет, просто у них сегодня вечеринка, на которую, возможно, попадем и мы.

К капищу я его подводила с чувством легкой грусти. Хоть и жаль «женишка», но быть посмешищем Школы еще хуже. Под действием камня сновидений и без того красивое место изменилось сказочно. В нем все словно напиталось светом, скалы обернулись башнями замка, которые уходили ввысь, сверкая радужными витражами, хлопая огненно-рыжими знаменами. Деревья с густо-медовыми стволами были такими необхватными, что, казалось, сам ветер дул оттого, что они качаются. Плиты дорожки, ведущей к капищу, были столь тонко и искусно изрезаны ажуром листьев и зверей, что даже мне было боязно

топтать их ногами. А Урлакский лорд и вовсе обалдел, когда услышал, что это просто моя скромная резиденция... на лето.

— Прошу вас, мой лорд. — Я присела в реверансе.

— Только после вас, дорогая, — столь же ехидно отвечив, заподозривший неладное Аэрон.

— Вы окажете мне честь... — уже не скрывая ухмылки, пропела я.

— Я этой чести недостоин, — оскалился дружок

— Ну и дурак! — Я задрала нос и шагнула внутрь.

Надо сказать, что камень сновидений в Заветном лесу под присмотром Древних стал смирным и послушным. Это был уже совсем не тот дикий зверь, который предстал перед Аэроном при первой встрече. Теперь, общаясь с Древними, он стал коварнее и изобретательнее.

Признаться, я опасалась, что меня вместе с камнем попрут из леса, но новая игрушка так понравилась обитателям, что они чуть не передрались за право быть его хозяином. Древних постигло, однако, разочарование — выяснилось, что хозяйкой камень выбрал меня и предавать не собирался. До самой моей смерти. Тут-то я чуть и не умерла от страха, поймав на себе полные задумчивости взгляды амба, кароконжалов и прочей мелкой нечисти. С перепугу устроила им незабываемый первый сеанс волшебных сновидений. Были там и огнедышащие змеи, и Маргобан со своими мертвецами, и паук алхимикус, которого испугались больше всех.

Березина от души веселилась, то с визгом прячась от врагов, а то круша несметные полчища во главе армии русалок, пока не вмешался Карыч с криком:

— Да кто ж так пугает! Вот как надо пугать! — Он произвел на свет нечто такое, отчего Заветный лес опустел дня на три.

К счастью, я предусмотрительно хлопнулась в обморок и его тварей не видала. Больше пользоваться мороками камня его не пускали, из-за чего ворон обижался безмерно. Сегодня для него был особый день! Собственно, в этом и заключалась моя маленькая месть: привести Аэрона к камню и разрешить Древним над ним покуражиться вволю, чтобы парень стал вести себя по-человечески, то есть по-вампируски, а не по-свински. Я мышкой проскользнула мимо замерших в предвкушении забавы Древних, собравшихся вокруг

камня, и спряталась за спину Анчутки, нашептывая ему на ухо, за что собираюсь наказать вампира. Острое вампирье чутье подсказало шедшему за мной Аэрому, что дело нечисто, он дернулся, но сбежать не успел.

Древние вампира сразу пугать не стали, а, напротив, напустили на себя благообразный вид, став солидными дядечками и тетечками, радостно встречающими «жениха» ненаглядной Верелеюшки. Только Карыч остался ворон вороном. Прыгал вокруг Аэрона, хлопывая его крыльями и заглядывая в глаза — поддался ли камню, угодил ли в мороки? Угодил, никуда не делся!

— Ну, «женишок», сейчас мы на тебя такие кошмары напустим, век не забудешь. Будешь знать, как без спросу женихаться.

Аэрона взяли под белы ручки и повели к пиршественному столу, в лицо почтительно улыбаясь, а за спиной перемигиваясь и скаля зубы. Аэрон чувствовал спиной эти ухмылки, но стоило ему повернуться, как он наткнулся на невинные улыбки. Вампир ежился, как от холода.

— Веря, а ты уверена, что с Древними все в порядке? — шепнул он мне на ухо.

— А что такое?! Они же мне как родные! — Я попыталась улыбнуться ему самой что ни на есть дружелюбной улыбкой, но, наверно, получилось не очень, потому что он стал с подозрением коситься и на меня

— Да-да, я вижу. — Тут он вздрогнул и спросил: — А что у тебя с руками?

— Что у меня с руками? — Я похлопала глазами, пряча руки за спину. Уж я-то отлично знала, что ему примерещились куриные лапки.

Гости за столом тоже изгалялись как могли: то копыто выставят, то смущенная краса-девица одним глотком целого гуся заглотит, то потянет откуда-то нехорошим трупным душком. Солнышко за окнами стремительно покатило к горизонту.

— Может, домой пойдём? — ткнул меня локтем Аэрон, которому Заветный лес решительно разонравился.

— Что ты такое говоришь! Родственников моих обижаешь, как бы они зла не затаили! — Я вышла из-за стола, смущенно пояснив, что иду туда, куда даже император в одиночку ходит. А обернувшись на

пороге, погрозила пальчиком Древним: — Вы уж не обижайте моего нареченного.

В ответ так жутко захохотали, что даже я вздрогнула, а Аэрон позеленел, показав мне пальцами бегущего человечка: дескать, возвращайся поскорее. Ну что ж, хотеть не вредно. Древние только и ждали моего ухода, чтобы разойтись уже по-настоящему.

Чем выше карабкалась по небосклону луна, тем разнузданнее становился пир, вино лилось рекой, личины медленно сползали, обнажая такие жуткие хари, что даже мне, подглядывающей в щелочку, стало страшно. Аэрон сидел тише мыши, боясь нечаянным звуком привлечь к себе внимание, а перед самым его лицом прыгал распоясавшийся Карыч, размахивая обгрызенным коровьим мослом и вопя свое любимое:

— Сейчас пр-рольются р-реки кр-рови! И Аэрон догадывался, чьей.

— Зря мы разрешили Верее так часто сюда приходить, — тихо пожаловалась Анчутке Березина, заставив Аэрона наострить ушки. — От человека-то в ней одно обличье осталось.

— От ревности это, — успокаивал ее Анчутка. — Впустила в душу демонов, вот ее всю внутри и выели. Как бы еретницей [\[18\]](#) не стала.

— Об этом не беспокойся, я ей заговор подсказала, как от жениховой неверности избавиться. Как только начнет он ей изменять, так демоны в него поползут. Чем чаще, тем дыра будет больше.

— Парень видный, демоны его быстро сгрызут, и месяца не пройдет. Главное, чтобы Верее в Студенце сегодня искупалась.

— Так она туда и пошла уже, — засмеялась Березина.

Аэрон, который до этого сидел, боясь пошевелиться, вскочил и заорал на весь замок:

— Верее!

Карыч вцепился в него кривыми когтями, хрипя:

— Дер-ржи его! Он Вер-рее в Студенце купаться не даст!

И Древние всем скопом кинулись на бедного вампира, а рожи-то у них, рожи, а когти-то у них, когти какие! Он дико закричал, замахаясь давешним мослом, кинулся в окно и под дикий хохот рухнул вниз в дожде осколков.

И тотчас не стало ни замка, ни волшебных деревьев, лишь болотная гниль да жуткие голубые огонечки, которые кружились в полуразрушенной косо́й избенке. Ноги в тумане, а над головой воронье ходит кругами. Гнилой лес ломаными ветками тянется, злое зверье за корягами хоронится, слюной капает и шипит:

— Мясо, мясо.

А воронье вторит: — Кровь, кровь!

Аэрон зыркнул по сторонам да и припустил по тропке, припадая к земле, собакой вынюхивая след Вереи.

— Ну, невестушка, — бормочет, — найду я тебя, ужо поговорим! Ему б рубаху сорвать, да боится, что воронье крылья порвет, ему б с тропинки свернуть, бежать напрямую, да зверье клыкастое из кустов щерится. Гонят вампира по тропе, поганками и грязью вслед кидаются, хохочут злыдни. Аэрон бодрит себя, тоже кулаки им кажет:

— Не скушаете вы ясна сокола, подавитесь, твари!

Воронье со смеху на землю падает, кароконжалы по земле катаются да еще пуще улюлюкают. А страшный царь воронов вопит во всю глотку:

— Молодец на обед! Конь на ужин!

— Какой конь?! — удивился Аэрон, глянул вниз, а и в самом деле — скачет он на богатырском коне. Шкура гнилая на нем ключьями висит, ребра желтые выпирают, друг о друга трутся, грохочут, зеленым огнем глаза горят. Скрипит конь волчьими зубами:

— Не отпущу, пока крови своей не дашь напиться! Богатырь-рь! Тут уж Аэрон и перетрусил, крутнулся через голову, грохнулся оземь, глядь — и пропало все.

Лес как лес, деревья как деревья, луна в озере отражается, к озеру тропинка, по ней Верея спешит. Подскочил Аэрон, потирая руки, и за нареченной побежал, пока она в Студенец не окунулась. Бежит, сил не жалея, бормочет: «На одном дыханье догоню!» — а не становится Верея ближе, словно тропка прокляту́щая длиннее делается. Вампир уж сипит, взопрел, рубаху на груди порвал, а невестушка все так же далека, идет по тропинке, приплясывает со светляками ночными. Тут он не выдержал, распахнул крылья и быстрее стрелы к ней слетел. Ухватил за руку, только рот раскрыл с упреками, да так и задохнулся — мертвячка перед ним, и не он уже, а она его за руку держит, да так крепко, что и не вырвешься! Скалит черные зубы и скрипит:

— Вот и «женишок» мой. А запыхался-то как! — и ну к нему ластиться. Потемнело у Аэрона в глазах, попятился он:

— Попутала ты меня с кем-то, красавица.

— Как это попутала, а колечко кто мне на пальчик надевал? — и тычет ему в лицо фамильным перстнем, да не Вереиным, а его собственным, на большой палец надетым. Хоть и жарко в нем летом, а ношу, — мило так протянула покойница, а вампир зубами скрипнул да затопотал ногами:

— Где ты, подлюка рыжая?! Шутки шутить изволишь?! Мертвячка заплакала, пустив слезу из пустых глазниц:

— Не любишь ты меня, женишок. Вот скажу дядьке ворону, заклюет он тебя!

И снова — ночь, луна, воронье и зверье.

И началось. Сколько он потом ни тужился, так до конца все и не вспомнил. Только гоняла его Древняя нечисть по всему лесу, то в прятки играли, то в салки, а уж сколько раз он у Вереи прощенья вымаливал да заместо лошади по лесу возил, и не сосчитать! Лишь под утро еле-еле добрал до пасеки Михайло Потапыча и там, в холм травяной уткнувшись, уснул мертвым сном. Но и во сне ему еще рыжая злыдня являлась, укоризненно спрашивала:

— Будешь мне еще изменять прилюдно?

Пока не бухнулся он ей в ноги и не принялся умолять, чтобы оставила она его в покое и не мешала умирать.

Каково же было его удивление, когда проснулся он наутро в Вереиной летней резиденции, на широкой кровати, под парчовым балдахинном. Свеженький как огурчик и без единого следа бурно Проведенной ночи. Солнце светило в витражные окна, на которых бодались единороги, и цветные зайчики скакали по кровати. А напротив стоит злыдня рыжая с блюдом серебряным, а на блюде чарка вина и коврига медовая да яблочко наливное. Ухмыляясь, кланяется и речь говорит:

— Хорошо ли тебе спалось, жених мой любимый? — А эпсы с алебардами, в золотых кафтанах, с алыми кушаками клыки скалят и рычат:

— Славу лорду Урлакскому!

— Издеваются, — пожаловался «жених» неизвестно кому — Ишь, хари-то за лето наели!

— Да кто ж над тобой издеваться-то позволит?! — приподняла я бровки. Аэрон запустил в меня подушкой:

— Ну ты и стервь! Изжогу я заполучил, а не невесту! И кто на тебе жениться-то отважится!

Я взяла с подносика цветочек, понюхала его, закатила глазки: — Ох, и не знаю. Девкой, наверно, так и помру!

Аэрон фыркнул, выпил вино, мы подрались подушками, и я повела его по замку, заодно и камень сновидений показала. Аэрон боязливо потыкал его пальцем и сказал:

— И этот тоже харю наел. Я же его помню! С полкулака мне был, а теперь с целый, да какая-то перетяжка посередине появилась.

Пока мы тарасились на камень, от леса послышался залиvistый свист Анчутки и гнусавый голос Индрика:

— Ну сколько вас ждать?! Тут мясо стынет, вино киснет, квас выдыхается!

Я схватила за руку сопротивляющегося Аэрона и под мерзкий хохот Карыча поволокла его знакомить с Древними по новой. Так мы и пировали. Я ластилась то к Анчутке, то к Горгони, жалуясь, какая у нас наглая и невоспитанная вновь поступившая нечисть, на что Карыч радостно каркал:

— Пер-ревоспитаем!

— Перевоспитаем, — эхом вторил ему конь Индрик, придвигаясь ко мне поближе.

— Только не как со мной, — попросил Аэрон. — Дети все ж.

— А то мы не понимаем! — тоном знатока сказал Карыч. — Все будет гор-раздо, гор-раздо стр-рашнее!!!

На том и порешили. До границы леса я доехала на Ваське, а недовольный Индрик довез Аэрона. Карыч из поднебесья каркал:

— Будет пожива, будет пожива! — А на прощание добавил, по братски похлопывая Аэрона по плечу: — Ты уж смотр-ри, Вер-рею не обижай, а то мне до Вежи долететь — р-раз плюнуть!

— Обидишь ее, как же! Да она и без родичей-то всех в страхе держала, а теперь так вообще... — безнадежно махнул рукой Аэрон.

Березина прильнула к нему всем своим нагим телом и томно поцеловала в щечку. Вампир смутился, стрельнул в мою сторону глазками, покраснел и, рывкнув:

— Да ну вас всех! — бодро зашагал в сторону Вежа.

— Анжело! Ну Анжело! — Я вертелась юлой, пытаюсь заглянуть в глаза демону. — Ты же обещал! И вообще, ты до конца жизни мой должник!

— Твоей или моей? — уточнил демон, вновь возникая за левым плечом. — Если твоей, то мы можем это устроить! — Он забубнил мне в ухо: — Никогда не посягай на личные вещи наставников твоих, уважай учителя и не огорчай своим поведением...

— Ну Анжело! — последний раз проскулила я. Демон ухмыльнулся, разжал кулак, явив что-то смятое, как носовой платок, причем уже использованный.

— Что это?!

Демон тряхнул рукой, и замызганный кусок ткани превратился в струящуюся черную с красной каймой учительскую мантию.

— О! Анжело! — восторженно заверещала я, схватив ее и прыгая по комнате. Потом натянула мантию, повертелась перед зеркалом, заметила небольшую монограмму на рукаве:

— Офелия Марковна. Ты спер мантию ботанички?!

— Не спер, а взял на время. Она все равно вернется лишь через три дня, к началу учебы.

Я снова уставилась в зеркало. Мантия висела не так свободно, как на Кощеихе, даже, можно сказать, подчеркивала достоинства фигуры. Анжело протянул очки, я нацепила их на нос, отметив, что лицо мое от этого стало ужас каким стервозным.

Дверь хлопнула, впуская Алию и Лейю.

— Ну у тебя и видуха! — хмыкнула первая, а вторая потрясла темным париком.

Я выпуталась из мантии и замахала руками на Анжело:

— Все, кыш, кыш, мне переодеться надо.

— Дай я! — Лейя развернула меня к себе, усадила на стульчик, сунула в руки мешочек с косметикой и, глубоко вдохнув, словно собиралась броситься в воду, закатала рукава.

— Ну вот, готово! — Мавка нахлобучила мне на голову парик и развернула лицом к зеркалу. Оттуда на меня глянула ну чистая злыдня. Волосы собраны в пучок, бровки тонкие и брезгливо приподняты, подведенные глазки недобро сузились, а алые губы кривятся в насмешке.

— Ну вылитая упырица! — захохотала Алия и протянула мне очки, которые только довершили сходство со злобной нечистью.

Подоткнув подол, Любша, наша школьная поломойка, плюхнула тряпку в ведро и принялась за работу, напевая для души:

А синее море ярится, и бьется о скалы прибой.
Вернися домой, дорогая дочурка,
Вернися к папаше домой.
Зачем тебе люди и суша?
Ты дочка морского царя.
Вернися домой, дорогая дочурка,
Вернись, умоляю тебя!

Мы выглянули из-за угла, но Рогач сказал:

— Цыть! — и задвинул наши головы обратно.

И вовремя — дверь в кабинет директора открылась. Феофилакт Транквиллинович замер на пороге, Любша улыбнулась ему в свои тридцать два зуба и споро стала ликвидировать лужу в коридоре:

— С праздничком вас!

Наставник самодовольно улыбнулся, кивнул, поздоровался с Рогачом, важно вплывшим в коридор из-за угла. По случаю праздничка кладовщик избавился от своего фартука и нацепил кафтан, а сморкался только в розовый батистовый платочек, вышитый Акулиной Порфирьевной.

— Все ты в трудах, Любша, только все одно затопчут.

— Ой, да лишь бы не подожгли! — отмахнулась Любша. — Надьсь опять эту рыжу шутоломку видала, шушукались, опять яку пакость задумали.

Рогач подпрыгнул, нервно оглядываясь, словно опасался, что мы уже близко, а в глазах Феофилакста Транквиллиновича появилась задумчивая грусть:

— И давно они шушукались?

— Дак надьсь! — Директор и кладовщик озадаченно переглянулись, пытаясь представить эту единицу времени, а Любша их

успокоила: — Да навряд ли попалят! Над молодыми будут шутковати, а че — положено!

— Не-э, эти не будут, — веско сказал Рогач. — Эти как положено не умеют, им дай над учителями по куражиться да Школе пакость учинить! Может, запереть их где?

В глазах директора загорелся интерес, Алия, высунувшись из-за угла, состроила Рогачу страшную рожу и повертела пальцем у виска, шипя:

— Спятил?! А вдруг и правда запрут!

Любша с ласковой улыбкой сделала полшага в сторону, прикрыв своим круглым телом девицу от зоркого директорского ока, а для верности еще и тряхнула тряпкой, обдав Алию грязными брызгами. Лаквиллка отпрыгнула к нам за угол. Лейя глянула на ее рябую от грязи физиономию и зажала ладошкой рот, а я сунула грязнуде платок

Лаквиллка, отплевываясь, подошла к нам. Надо сказать, что наше предложение домовые и дворовые встретили не то что с восторгом, а и с облегчением. Рогач даже заявил, что так хотя б стены школьные уцелеют, а мелкой нечисти не жалко, еще нарожают! В общем, они согласились помочь нам на некоторое время избавить первокурсников от присутствия учителей. А уж сманить за это время молодую нечисть в лес было нашей заботой. Тут нам, как говорится, и карты в руки, и ворота настезь!

Глухие перешептывания, смешки и таинственные перебежки из комнаты в комнату на глазах у директора мы начали еще за два дня до вручения архонов новоприбывшим, заранее распаляя нехорошие предчувствия наставника по поводу предстоящего праздника. А Любша с Рогачом и вовсе ранили его сердце стрелой сомнений, уж не станет ли грядущий праздник и вправду незабываемым. С каждым часом мы его уверенность в этом подогревали, всячески демонстрируя признаки зреющего заговора.

В актовй зал он вошел напружиненный, как кот, и злой как черт. Вместо приветствия заявил:

— Ну и где эта четверка?

— Ищут, — заверил его Вульфыч, как-то сразу догадавшись, о ком идет речь. — Трoих учителей уж послали.

— И что?

— И все, — пожал плечами Вульфыч. Директор обвел глазами поредевшие ряды педагогов, и тут демоны, которые мне до самой смерти должны, разноголосно завопили:

— Речь! Речь! — сопровождая выкрики овациями. Школа их поддержала, и Феофилакту Транквиллиновичу ничего не оставалось, как взойти на кафедру.

Прочистив горло и обозрев зал, он торжественно начал:

— В этот радостный день вы не просто становитесь учениками Школы Архона, вы перестаете быть представителями различных, разобщенных и зачастую недружелюбных друг другу кланов. Вы становитесь членами великого братства. Братства Архона.

— А лаквиллка пыталась кайлом дыру в архив пробить из сада и потихоньку сокровища тырить, — сказал вроде как истопнику Злыдню приглашенный на правах подвального Гомункул. Директор крикнул и потерял нить выступления.

— Да они вчерась мне снова змия выпарить предлагали... — флегматично отозвался истопник.

— И что?

— Послал их к дворовому.

— А где, кстати, дворовой? — спросил с кафедры директор, выискивая глазами Гуляя.

— Дык они с господином Аэроном в котельной, — безмятежно ответил Рогач. — Или в подвале? В общем, где-то там. — Он упер палец в пол.

Феофилакт Транквиллинович с ужасом уставился в пол, глаза его забегали, а сердце сжалось предчувствием катастрофы. Однако многолетний опыт взял свое, и, радушно улыбнувшись новоявленным членам братства Архона, он объявил:

— А сейчас старшекурсники помогут мне вручить вам ваши знаки архона. — Надо заметить, что это была его самая короткая речь на празднике вручения архонов за всю историю Школы. Старшекурсники, не ожидавшие такой быстрой развязки, оробели, а учителя по слову директора метнулись вон из зала с целью найти, схватить и не отпускать. Что было немислимо, учитывая, что сопровождали их в этих поисках Рогач, Гомункул и Злыдень.

— Страшная штука — репутация! — ухмыльнулась Алия, а Аэрон отдал мне проспоренный кладень и нагло пнул дверь

директорского кабинета. И тотчас разбуженное пинком новое заклинание Феофилакта Транквиллиновича от нечистой на руку нечисти, навешанное на дверь, завопило гнусным голосом:

— Отойди!

Я, не сдержавшись, пульнула в него совсем малюсенькой молнией и присела от страха, когда оно резко сменило тональность и заорало визгливым фальцетом:

— Караул! Грабют! Душегубцы! У-уби-ива-аю-ут!!!

Бросив архоны, директор со всех ног и крыльев кинулся к кабинету, а мы поспешили в актовый зал. Я, поджав губы и задрвав подбородок, громко цокая каблуками, вошла и одним ударом указки по кафедре прекратила шум, гвалт и безобразие.

— Та-ак. Мы уже и две минуты посидеть спокойно не можем? — рывкнула я в тишине, пока ученики, выкатив глаза, рассматривали новую фурию. — Закрыли рты, улыбаемся и слушаем меня.

В считанные минуты раздача архонов была завершена и классы вслед за мной покинули Школу, отправившись на поклонение Древним в Заветный лес, куда погнала их новая учительница. А чтобы стадо не разбредалось, я приставила к ним охрану из демонов. На зубастых парней никто не смел огрызаться, все шли как шелковые.

Взмокший и злой Феофилакт Транквиллинович спустился в актовый зал, так и не сумев уговорить открыться собственные двери. Тогда он решил закончить праздник и очень удивился, не обнаружив первокурсников.

— Та-ак, — произнес он. И от этого зловещего слова заледенели стены.

Древние веселились без малого сутки. Не знаю, что в это время творилось в Школе, но я, например, порядочно устала. Разморенные и удовлетворенные, мы сидели на полянке напротив капища, болтали о том, о сем, а в основном слушали восторженные вопли Лей и про ужасы, что творят Древние с мелюзгой. Она не удержалась, сунула-таки свой нос в капище и теперь в красках описывала, как там все страшно интересно. Васька из шкуры выпадал, радуясь мамкиному приходу, и даже взлетел с ней от большого чувства, позабавив нас Лейиными визгами.

— Во всяком случае, полеты вверх ему удаются, — глубокомысленно заметила Алия, наблюдая, как Васька падает в его любимые кусты черемухи с визжащей мавкой на плечах.

— Надеюсь, все понимают, что за такие подвиги нас могут выпнуть из Школы? — в который уже раз лениво поинтересовался Аэрон. — Погоди, — уточнила я, — ты же говорил, пороть будут!

— Так это было вчера... — философски произнес вампир.

— Страдания за идею облагораживают душу, — сочла необходимым заметить Алия.

— Тебе хорошо, — я перевернулась на спину, глядя в небо, — у тебя уже опыт есть.

Подруга засопела, но ничего не успела ответить, потому что лес загудел, кусты затрещали, вокруг заухало, заахало, захохотало и к нашим ногам выпал из капища очередной ученик. Я встрепенулась, приосанилась, стряхивая пожухлые травинки с платья. Это чучело гороховое все в слезах и соплях кинулось целовать мои ножки с воплем:

— Тетеньки, пощадите!

— А мне, а мне! — заверещала смахивавшая на кикимору Лейя, вываливаясь из черемуховых кустов, была тут же обцелована до самых колен, мечтательно закатила глазки, разомлела и простила шуликуна, повелев: — Ступай.

— Эх! Легко отделался, — расстроилась Алия. И следующего вывалившегося взяла в оборот сама. Обобрала дочиста, да еще заставила поклясться, что старших будет слушаться и трепетать перед ними. И только после этого разрешила облобызать ручку.

— А ведь кладней пятьсот уже вытрясли, — прикинул Аэрон. — Нет, не будут нас гнать из Школы, нас в острог посадят.

— В женский или мужской? — тут же заинтересовалась Лейя.

— В строгий, — укоризненно сказали мы в один голос.

В лесу вновь захохотало, и вампир, расцветая улыбкой, проговорил:

— Ну теперь моя очередь.

— Сейчас порты снимет для целования! — толкнула меня в бок Алия.

Аэрон хотел было возмутиться, но прилетевший Карыч объявил:

— Последнего принимай!

Последний выскочил, увидел Карыча и так же резво ломанулся обратно. Старый разбойник самодовольно заклекотал, а Аэрон ухватил беглеца за шкуру.

— Понр-равилось! — констатировал ворон и, уже обращаясь к нам, с умилением сказал: — Ох, и пор-роть вас будут. Сам Вук Огнезмей собственной р-ручкой и огр-ромным др-рыном!

— Ну спасибо тебе, дед Карыч, — отвесила я ворону земной поклон, а Алия гоготнула, не к месту добавив:

— Дед — на кол вздет! — и, поняв, что сболтнула лишнее, с воем рванула прочь. Следом за ней устремились взбешенный Карыч и радостный Васька, решивший, что играют в салки.

В общем, новый учебный год мы встретили под домашним арестом. Комната, класс, столовая, баня и злой коридорный, сторожащий нас день и ночь за дверями. Никаких сборищ, вечеринок, посиделок и, упасите боги, пьянок. Правда, разрешили Аэрону как «законному жениху» гостить у нас, а то он грозился удавиться с тоски, но эта была единственная уступка Феофилакту Транквиллиновича нашей компании.

Зато в обмен мы получили почитание, граничившее с богопочитанием. Во всяком случае, младшекурсники убирались с нашего пути так быстро, словно разгадали секрет демонов, позволявший им растворяться летучим дымом. Калина начал верховодить, возглавляя еженедельные попойки у Никодима, но без нас даже пьянки стали нудными и чопорными, словно приемы у Златоградского императора, так что на них вскоре и ходить-то перестали, к радости господина Вука.

Велий явился в Школу через неделю после нашей выходки. И я неожиданно поймала себя на мысли, что... соскучилась. Конечно, одернула себя, мол, по кому скучать-то? По магу?! По ехидному, не упускающему случая меня поддеть магу?! Бред!

От знакомого нам двоедушника у него остались только насмешливые серые глаза да улыбка, все такая же искренняя и обаятельная. Даже волосы лежали как-то не так, добавляя благородства его облику.

Ну, мы тоже приоделись, а в нашей преобразившейся комнате можно было и послов императорских принимать, не говоря уж о

заезжих магах.

Мы приготовились к язвительным упрекам и возмущенным отчитываниям, но Велий только закатил глаза, и его глубокомысленное молчание сказало нам больше, чем если б он два часа нудел, объясняя нам, кто мы есть.

Наслушавшись стенаний Аэрона, он испросил-таки для нас права выгуливаться в парке под его присмотром. Как ни удивительно, ему доверили эту опасную обязанность. И надо было видеть, с каким лицом он выводил нашу четверку в парк мимо учеников, будто и впрямь ведет очень опасных преступников, которые в любой момент могут кинуться и растерзать всякого. Хотя и в этом были свои плюсы — пустые коридоры, например. Воспользовавшись случаем, Анжело тотчас пошутил, выдав Велию на каждого из нас по строгому ошейнику, наморднику и поводку, нарисовал карикатуру и вообще всячески поизгалялся, хотя демоны и сами получили неслабый нагоняй.

Например, Рагуила и вовсе уволили, заменив красавчиком Князем, для которого опальный демон писал теперь конспекты и в которого сразу и безоговорочно втюрилась Лейя, с порога заявившая, что тому, кто на него глаз положит, она тут же все глазки и повыцарапает. Она пристала с расспросами к Аэрону, но мой «нареченный», как оказалось, мало знал о Сиятельном и лишь посоветовал поосторожней быть с этим зверем неизвестной породы.

Так с легкой руки мавки наша компания пополнилась еще одним странным типом, который нас выгуливал по очереди с Велием, правда, не часто и все больше помалкивал, слушая во время прогулок неумолчное щебетание Лейи. Однако то, что это он назвал нас узниками дурости, я знала наверняка. После прогулок с Сиятельным мавка стала пропадать вечерами и своим любимым учителем Флейтой восхищалась по привычке. Алия как-то вечером, когда Лейя снова отсутствовала, посетовала, что мавка, похоже, втюрилась по уши в этого надменного красавца.

Задавая себе долгими бессонными ночами вопрос, несчастлива ли я в заточении, я с удивлением обнаруживала, что нет. Несмотря на все злоключения, мы были героями, которых любила если не большая, то уж лучшая половина Школы Архона наверняка, а уж смирение, с каким наша четверка несла наказание, едва ли не умиляло директора.

— Еще немного, — шутил заглядывавший на чаек Гомункул, — и вас начнут в пример ставить как идеальных учеников.

То, что мы не сдали его как одного из организаторов «гулянья в лес», да и не только его, значительно увеличило количество наших должников. Так что теперь не только демоны плакались, исполняя наши капризы. Алия так и вовсе заявила, что мы вторые люди в Школе после Феофилакта Транквиллиновича. На что Велий только хмыкал, советуя нам не увлекаться фантазиями, и тогда нас, может быть, освободят из-под ареста к бесовской неделе. Так и вышло.

Алия, робея, стояла перед открытыми воротами, мы с Аэроном устроили снежное побоище, а Лейя прыгала, пытаясь проглотить самую высокую снежинку, изображая сказочную рыбу кита. Мы ждали Велия, а он как всегда чем-то был по горло занят.

— Еще бы, — бухтела Алия, — это ж не он взаперти сидел. А вилоклакам, между прочим, для здоровья простор нужен. — Однако сделать шаг не решалась, опасаясь, что директор подглядывает за ней из кабинета.

Глупости, конечно, но даже Аэрон косился на окна. Я была облеплена снегом уже с ног до головы, а в него не попала ни разу.

Алия зажмурилась и с криком:

— Да неужто я не богатырка! — занесла ногу над границей и тут же завизжала, потому что ей на спину шмякнулся Гомункул, визжа:

— Ни-зя-а!

С перепуга Алию подбросило на месте, и она праздничной шутихой понеслась по парку, крутясь и не зная, как отцепить восторженно визжащего крысеныша. Коняшка получилась славная, необыкновенной прыти и резвости. Когда маг пришел, мы все уже порядком взмокли и раскраснелись. Даже Аэрон, которому коварная мавка подставила подножку, был нами на славу вывалян в снегу, Алия вообще предлагала закатать его в комья, чтобы получился снежный мужик, но мы не сумели договориться, куда ему всовывать морковь, и вампир удрал от нас.

Так что Велий в своем шикарном кожаном плаще нам был точно не пара. Он и шапку с опушкой из черной лисы как-то так умудрился надеть, что всем было видно: вот с какими неучами выпало возиться солидному и занятому человеку.

— Только без глупостей, — предупредил он и тут же получил заряд снежной картечи во все места, даже Гомункул не удержался, стряхнув на него с дерева целый сугроб.

— Эх, мне бы с вами погулять, — тоскливо вздохнул подвальный, мечтательно глядя на недосягаемые крыши Вежиц. — Да городской голова отказался мне пачпорт выдать. Говорит, крысам пачпорта не положены.

— Ты о чем? — заинтересовалась я, пытаюсь не скулить от отвращения, потому что по спине неспешно полз засунутый мстительным Велием снег.

Вот почему, интересно, кидались все, а расплачиваюсь я одна? А маг вдруг расхохотался, словно вспомнив что-то интересное, и «женишок» мой тоже хмыкнул. Вечно у них так: прячут от нас всякие секреты, словно заговорщики. Я тут же прицепилась к ним репьем и вытянула историю о жуткой битве городского головы с навьим князем Феофилактом Транквиллиновичем.

Дело состояло в том, что после давешней истории с ведром пропавших бирок городской совет испытывал ужасный зуд и тягу к законотворчеству. Им не давал покоя факт разгуливания по городу ужасных тварей. С какими только предложениями люди не таскались в Школу, яро отвергая разумный совет директора плюнуть на все и ерундой не заниматься, поскольку любое клеймение нечисти даст ученикам лишь новый повод поглумиться над беззащитным Вежем. И кто знает, что они придумают на этот раз.

Вот тогда городского голову и посетило откровение: пометить надо всех, только метки должны быть разные.

Рассказав об этом, Велий вынул из-за пазухи уложенный в серебряную трубочку пергамент и, торжественно развернув, зачитал: — Пачпорт выдан господину Великому, магу, члену Конклава магов, проживающему в гостевом доме Конклава, что находится в торговой слободе... и так далее, и так далее.

— Это чтоб покойничков легче было опознавать? — заинтересовалась Алия. — У нас в Белокаменной один купец из Златограда помер, так при нем такая же бумажонка была.

— И это дочь воеводы! — укорил ее Велий. — По паспорту входящий в Веж селянин платит въездного налога один медяк,

иногородний купец за прописку и оформлениe документа — кладень серебром, а нечисть — три кладня золотом.

Мы раскрыли рты, а Алия присвистнула:

— ...! Пся им в бок!

А Лейя добавила:

— И жабку!

Маг расхохотался, довольный произведенным эффектом, а я принялась судорожно подсчитывать, во сколько нашей компании обойдется прогулка по городу. И, хотя цифра каждый раз получалась разная, я молча сняла шляпу перед гением вежицкого головы. Зная, как нечисть жадна до денег, я теперь была уверена, что он избавил город от набегов учеников Школы Архона раз и навсегда.

— Погоди, — встрепенулась я, — а сколько ж городские власти дерут с магов?

Велий посмотрел на меня, как на несмышленища, и, прибавив в голос учительской гнусавости, пояснил:

— Жрецам Хорса, равно как и служителям Конклава магов великого, подати не платить, поелику зело полезно от нечисти.

— Ага... — И тут мне открылась истина, можно сказать, громом поразила. — А как Конклав магов от нечисти способствует, если сами же маги Школе Архона покровители?

Тут уж все уставились на меня как на блаженную, а мавка даже изволила заявить, лениво растягивая слова:

— Знала я, Веряя, что ты в облаках витаешь, но чтобы так высоко...

А я захлопала глазами, попятившись:

— Чего?

— Ты че, «невеста», не догоняешь? — Аэрон хыкнул по-разбойничьи, растопырив пальцы, как тогда, когда был разбойным князюшкой Укусом. — Не въезжаешь в глобальную геополитику?

Икоту я подавила, но смеха друзей не дождалась, и, судя по их лицам, они-то въезжали. Первая о моем состоянии догадалась Алия и стала быстро загибать пальцы:

— Нечисти двенадцать племен, сорок два рода, полторы сотни кланов и все промежду собой воюют. Водяные Морскому царю ругу платят, цвергов смертным боем бьют, им вообще нет житья нигде,

кроме Школы, Урлаков вампирских аж целых пять штук, и все беженцы из Урлака Кровавого Первого.

— Короче, война у нас, подруга, — пояснил Аэрон, — и только ту нечисть жалеют маги, у которой договор со Школой. Оттого и шлют Феофилакту Транквиллиновичу своих детей кланы, надеясь хоть кого-то сберечь.

— Лучших шлют, — поддакнула Лейя.

— Ты еще скажи умнейших, — ехидно добавила Алия.

— И что? — расстроилась я, поняв, что ничегошеньки не знала о жизни.

— А ничего. — Аэрон обнял меня. — Пойдем городских трясти, нам этот город до смерти должен.

— Нам теперь все должны! — радостно заявила Алия.

— А война? — пискнула я.

— Да черт с ней, уже две тысячи лет война, — отмахнулись приятели и тут же дали наказ: — Ты, главное, к незнакомой нечисти не приставай. — И, подхватив под руки, поволокли в Веж.

Парни у нас были здоровые, так что до ворот Вежа доперли махом. Около самых ворот я вспомнила и заупрямилась:

— У нас же золота нет!

— У нас и паспортов нету! — пожалала плечами Алия.

Велий хлопнул себя по лбу:

— А про самое интересное-то не рассказал!

— Ой, не нравится мне это, — пробормотала я, но Велий подпихнул меня к воротам, уверяя, что как раз мне это понравится.

Надо сказать, что бесовская неделя началась с чудесной погоды, не выл тоскливо и печально ветер, не вгоняли в дрожь полчища рваных облаков, и злая стужа обошла Веж стороной. Умиленный таким делом Аэрон даже песню сочинил:

Снег пушистый, легкий, белый,
Словно теплый саван, лег.
Из могилки вылез к людям
Белозубый упырек...

Одним словом, было красиво и празднично, девки ходили нарядные, мужики пьяные, купцы довольные. И даже стража, что охраняла городские ворота, благодушествовала. А чего, ей при таких налогах любая нечисть как родная. Заприметив двух знакомых дядечек, я бочком-бочком, смущенно посеменила к ним, розовея щечками и прикрываясь платочком. Дядечки, завидев девицу, заухмылялись, стали друг друга локотками подталкивать и негромко спорить, чья очередь «налоги» взимать.

Я подплыла поближе, да как улыбнусь:

— Здрасти, дядечки! — Чуть щеки не надсадила.

Тот, что потощее, вздрогнул, а корпулентный вдруг выщерился во все зубы:

— Госпожа ведь... — и тут получил в ребра от напарника, — госпожа дем... — Опять тычок в бок. Совсем уж недовольно он обернулся к толкавшему и задумчиво спросил: — Упырица, что ль? — умудряясь косить одним глазом на него, а другим на меня.

Еле удержалась, чтобы не щелкнуть пальцами, оставив его этакой раскорякой навсегда, но возникший за спиной Велий, мягко приобняв меня и шлепнув по шаловливым ручкам, с улыбкой объяснил стражам, что с этой нечисти хватит и «госпожи ученицы».

— С праздничком вас! — поклонились ему в пояс оба стража. — А вы все в заботах, в заботах.

— Да уж, как говорится, и в дождь, и в зной, и в непогоду, — тут же начал прибедняться Велий, но был прерван вылезшей из-под его руки Лейей, которая затараторила:

— Дяденьки, а мы в город хотим, а денег нету, пустите за так. — Она похлопала глазками.

Дяденьки открыли рты, а я поняла, что мавка перегнула палку.

Да за двенадцать кладней золотом стражи любую нечисть в капусту порубают! И каково же было мое удивление, когда дяденьки молодецки взяли «На караул» и, выпучив глаза, слаженно рявкнули:

— Добро пожаловать в город, госпожи упырские нечисти! Хорошо, что меня Велий придерживал, а то бы хлопнулась в сугроб.

— Дяденьки, — осторожно завела я, — а вы не перепили?

— Никак нет, милсдарыня ведьма! — бодро отрапортовал толстый, тощий пнул его и задушенно прошипел:

— Демоница.

— Ученица, — давясь от смеха, навел их на умную мысль Велий.

— Так точно, — согласились стражи, а тот, что помощнее, доверительно мне объяснил:

— Вашими стараниями с того года в рот не берем и на дух не переносим.

— А нас стращали, пачпорта нужны, деньги, — влезла правильная Алия.

— Никак нет! — Длинный сияя, как начищенная бляха, полез за пазуху. — Касаемо вас у нас специальный документ есть. — Он извлек толстую пачку шуршащей бумаги. Это уж потом Алия сообразила, на какой такой случай страж держал при себе столько наших портретов, а в тот день ошалело уставились на опознавательные грамотки.

— Ученица Верeya: волос рыжий, глаз бирюзовый, носик вздернутый, росту небольшого, характер упрямый, козий, — смакуя, начал зачитывать Аэрон, выхватив листочки у стража.

— У меня что, курносый нос?! — трагическим шепотом поинтересовалась я у Лейи.

— Значит, насчет козьего характера ты не возражаешь, — тут же подпустил шпильку Велий.

Мы вцепились в Аэрона, желая завладеть грамотками, дабы самолично ознакомиться с написанным. Вампир не менее страстно вцепился в бумажки, и быть бы драке, да толстый предложил нам свои экземпляры.

— Ученица Алия: волос черен, глаз серый, нос обычный, росту среднего, нрав буйный, неуправляемый.

— А с чего это у меня все среднее и серое?! — заорала лаквиллская богатырка, а Лейя от смеха съехала по стене. В руках ее была грамотка Аэрона, там был только его портрет и надпись «вампир», как будто этим все сказано!

Город праздновал и не знал, что стоит и стоять будет еще долго благодаря неизвестному писарю, который поленился описать моего «жениха». Вампирских портретиков мы нахватили по три штуки. И до самой магистратуры склоняли и так и эдак причины столь краткого описания, пока озверевший Аэрон не начал гонять нас по улицам, а мы уж не стеснялись и орали во все горло:

— Упырь! Упырь Аэрон в Веже! Спасайтесь, люди добрые! Только успевали хлопать ставни и двери на нашем пути. Взвеселившаяся Алия даже робко поскреблась в пару трактиров и лавок, умоляя:

— Впустите меня, люди добрые.

— А кто ты, девица? — вопрошали из-за закрытых дверей.

— Алия, дочь лаквиллского воеводы, у меня и пачпорт есть.

И она подсовывала под двери жалованную ей грамоту. А так как портретами пестрел весь город вплоть до позорного столба, в лавках и кабаках стали срочно возводить баррикады. Пока все это безобразие не прекратил Велий, спросив:

— А собственно, куда мы направляемся?

— Гуляем, — неопределенно поводила руками Лейя.

— В магистрат, — прервала ее я. — Пусть нам тоже паспорта выдадут, а то... — я обернулась к Алие, — даже под дверь нечего сунуть.

— Не надо в магистрат, — поперхнулся Велий. — Пошли лучше на ярмарку, на качелях покачаемся.

Но я уперлась всеми четырьмя ногами, полностью соответствуя описанному характеру: идем за паспортами, и все!

— Чур, я первая! — пискнула Лейя и припустила со всех ног.

Поймать двум парням трех девиц не представлялось возможным. Я взвизгнула:

— Лови ее! — Аэрон и Велий тут же купились и, выпустив меня, кинулись за мавкой, а я нырнула в переулок и, злорадно хохоча, чему научилась у Маргобана, дала деру. — А наобещал-то поди Феофилакту Транквиллиновичу! Понаобещал-то! — хихикнула я, имея в виду мага.

Боголеп Беримирович — городской голова, пил ароматный, на меду и травах, чай с пышками в обществе супруги своей — Марфы Савишны.

— А и красивы ж вы, Марфа Савишна, а и белы, как вареное яичко, — ворковал городской голова.

— Не говорили б вы всяких глупостей, Боголеп Беримирович, позевывая, отвечала Марфа, а супруг, прищутив глаз и вытянув ручку, чтобы ущипнуть ее за налитой бочок, произнес:

— Умностей я уже на год наговорился, а нынче у нас праздник.

— Ну не здесь же! — спохватилась Марфа, отбиваясь от шаловливых рук супруга. Хоть здание магистратуры и опустело почти, никого в нем не осталось, кроме истопника, сторожа и полomoйки, а все не дома за закрытыми дверями.

Тут мы и ворвались, нарушив идиллию. Первой, радуя глаз задорным румянцем, прямо к столу головы выскочила Алия с негодующим криком:

— Ну и где наши пачпорта?

Голова подавился пышкой и сумел выдавить лишь:

— Ме-э-э...

— Как это нет?! — взорвалась Алия. — Всеи Школе дали, а нам нет?!

— А вы, собственно, по какому вопросу?! — начала наливатьcя гневом Марфа Савишна.

Двери сорвало, и в залу ввалился ком визжащей нечисти. Уж не знаю, каким чудом Лейя задрала одежду на Аэроне, но крылья выпростались и растопорщились совершенно по-вампирии. Велий поскользнулся и влетел под юбки Марфы Савишны, кляня нас на чем свет стоит. И только я не растерялась и как приличная девушка поздравила всех с праздничком.

— Вы уж извините нас, что отвлекаем, но тут пару месяцев назад неувязочка вышла. — Я тактично постучала городского голову по спине, помогая проглотить пышку. — Но нам в Школе пачпорта не выдали. — Мы под арестом были! — счастливым голоском возвестила Лейя из-под рубахи Аэрона, с упоением лицезрея столь живо извивающееся вампирье тело.

— За хорошее поведение, — поспешила уточнить Алия.

Тут-то голова нас и узнал, открыл рот, но произнести ничего не успел, так как отмерла супруга.

— Вон! — рявкнула Марфа Савишна, топоча ногами.

Велий, краснее рака, вылетел из-под ее юбок, да и нас отнесло к дверям. Только Лейя, укоризненно покачав головой, сказала:

— Зря вы так, тетенька, я сглазливая, — и погрозила пальчиком разом замолчавшей бабе.

— О чем я думал?! На что надеялся?! — возмутился Велий, пинал свою шапку и сетовал на то, что разоделся как дурак.

Аэрон не возмущался, он, привыкший к нашим «прогулкам», только скалился да понакупил нам всяких сладостей. Велий понял, почему Аэрон не негодует, когда увидел заинтересованный взгляд Лейи, сосущей сахарного петушка, и наши с Алией довольные ухмылки.

— Скомороха нашли, да? — Печатая шаг, он пошел кататься на горках.

Ни разу не видела, чтобы с горок катались с таким выражением лица.

Вечером мы таки умаслили разобиженного мага, не знаю, что его умилило больше: кривой курник Алии, песни Лейи или мое предложение сыграть в карты на желание. Глаза мага вспыхнули, а Аэрона подернулись масляной пленочкой, только в том приюте, где меня воспитывали, дураков не держали, а уж я по картам была и вовсе ушлой. Вволю навывшись, наплясавшись, намахавшись крыльями, они запросили у нас пощады. Мы великодушно их пощадили. К тому же карты сыпались у нас изо всех рукавов и карманов.

— Взял бы ты нас с собой со злобной нечистью бороться, — захмелевшая Алия обернулась к Великому, — а то в Школе тоска!

Лейя повыла, раскинувшись на коврах, изображая тоску лаквиллки.

— Не так надо. — Алия была совершенно серьезна, задрала вверх голову и выдала вдохновенный вой.

От наших дверей кто-то шархнул, а идея Алии воспитывать постороннюю нечисть запала мне в душу.

Я сразу вспомнила Огненного Змея, от которого мы избавили Фимку в Больших Упырях, и, задумчиво накручивая прядь волос на палец, произнесла:

— Если нечисть брать некрупную...

— Даже не думайте об этом! — протрезвел Велий.

— А че тут думать! — вскинулась Алия. — Надо вставать и идти! — Аэрон с Велием ее аккуратно закатали в ковер и еще сами сели сверху, для надежности.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещал Велий.

— Клянись, — прохрипела из ковра Алия.

И что ему еще оставалось делать? Не мог же он сидеть с нами целыми сутками!

Через неделю мы сидели в кабинете директора под пронзительными взглядами Феофилакта Транквиллиновича и Велия. Причем Аэрон делал вид, что он вообще не с нами, а маг рассматривал меня как зверушку неизвестной породы.

— Признаюсь, госпожа Верея, — стуча коготками по столешнице, произнес Феофилакт Транквиллинович. Стол уже отполировали, но воспоминания пробудили целую стаю мурашек на спине, и теперь они бегали неприкаянными, заставляя меня вздрагивать. — Когда речь идет о вас, я вообще перестаю чему-либо удивляться, но, может, вы нам поведаете, как вам удалось навести порчу на главу муниципалитета, если на нем и его жене не найдено даже следов магии? — И он проникновенно посмотрел мне в глаза.

Лейя рыдала, демонстрируя недюжинный актерский талант, а я за нее отбрехивалась, уверяя в полной своей непричастности к тому, что Боголеп Беримирович пухнет, а Марфа Савишна худеет с того дня, как мы явились за паспортами.

— Ну хорошо, — сменил кнут на пряник директор. — Вы, кажется, выразили желание сотрудничать с Конклавом магов...

— А то! — подобралась Алия.

— Я?! — изумленно подняла я бровки. — С магами?! Да ни за что!

— В таком случае вы должны понимать, что кому попало мы это не доверим, — сказал как отрубил Феофилакт Транквиллинович. — Чтоб завтра же с головой все было в порядке!

— Да с ним и так все в порядке. — Я пожала плечами. — Мы с одеждой их пошутковали. Ушивали да расшивали, вот и все.

Феофилакт Транквиллинович хрюкнул, поджал губы, будто почувствовал себя оскорбленным, а Велий захохотал и испортил воспитательный процесс. Самодовольный Анжело, поджидавший нас под дверями, спросил:

— Ну теперь-то мы в расчете?

— В каком расчете?! — возмутилась я. — Ты мне до конца жизни должен!

— И мне! — взвизгнула Лейя.

— И мне! — напомнила Алия.

— И мне, — ухмыльнулся Аэрон.

— И мне, — хохотнул Велий, прикрывая двери кабинета.

— Я каждую ночь мотался к этому голове и его супружнице! — негодуя, произнес Анжело.

— А я шишку на голове заработала, да еще плечо поранила, плюс моральный ущерб! и вообще, я за тебя жизни своей не жалела, а ты малюсенькой услугой в глаза тычешь! Какой ты мелочный, оказывается!

Анжело опешил, впервые не найдя слов для достойного ответа, а мы гордо прошли мимо.

Вечером в дверь нашей комнаты поскреблись. Алия, продолжая баловаться своим ножичком, недовольно проворчала:

— Надо внизу маленькую дверку сделать, как для домашних животных. Специально для малорослых гостей. — Она скосила глаз на дверь и, укол палец, зашипела и запрыгала, тряся рукой. — Вот черт!

Мы с Лейей лениво проследили за ее прыжками. После того как мавка решительно потребовала научить ее миренским танцам и мучила всю первую половину дня, доводя до бешенства бесконечными повторениями, двигаться не хотелось ни мне, ни ей. Нас хватило только на то, чтобы развалиться на ковре и грызть яблоко. Одно на двоих.

— И не надоело ему, — проворчала я, когда снова принялись царапать. Алия перестала бегать по комнате и, сунув палец в рот, распахнула дверь.

— Привет! — взмахнул лапкой крысеныш и деловито пробежал прямо по мне и мавке, мазнув по ногам розовым гладким хвостом. Мы с визгом подскочили, бросив недоеденное яблоко. Крыс яблоко ухватил, впился в него зубами и, жуя, повелел Алие: — Там вещички мои втащи.

— Щас я тебя вытащу! — рывкнула оскорбленная его наглостью лаквиллка. Тут пробежавший мимо Рогач споткнулся о гору тетрадей в коридоре и раскричался:

— Госпожа Алия, это ваша макулатура, да? Чего она тут валяется, а? Сейчас мы с Феофилактом Транквиллиновичем будем проверять готовность Школы ко второму полугодю. И почему это на женской

половине всегда бардак?! — Он пнул стопку тетрадей и понесся дальше по этажу, вереща: — Чьи это тряпки, а? Убрать немедленно! Чем это так воняет, а?! Это не парфюмерия, это ядовитые газы! Кто дверь царапал, а? Это ж не дверь, а лохмотья!

Алия, не дожидаясь, пока на этаже появится директор, быстро втащила тетради в комнату и стала швырять их по одной в Гомункула, норовя прибить крыса корешком. Одна из тетрадей, запущенных в Гомункула, упала мне на колени, раскрывшись на середине:

— О! Твой красавчик! — Я повернулась к Лейе, тыкая рисунком ей в лицо. — Экий гарный хлопец!

Лейя вытаращилась на рисунок и потянула ручки:

— Дай его мне!

Я, признаться, усомнилась, что это Князь. Нет, лицо точно было его, но вот одежда... Как у императора на парадном портрете. Страшенный литой доспех топорщился шипами, зазубринами и длинными иглами. На шее золотая цепь в палец толщиной с огромным камнем, а с левого плеча небрежно струится королевская мантия.

— Гомункул, это ты у Сиятельного спер? — Не дожидаясь ответа, я понимающе покачала головой. — А я-то думаю, и чего у нашего Сиятельного во время контрольных такой одухотворенный вид? А он автопортреты клепает, пока мы над вопросами корпим! Попросить, чтобы и меня изобразил, что ли? Тоже как-нибудь по-царски.

— У него просто мания величия, — фыркнула Алия.

— Вот дурехи! — Крыс забрал у нас тетрадки и объяснил: — Это конспекты Рагуила, которые он пишет Князю.

— Тогда у Рагуила какая-то нездоровая страсть к Князю. — Я отодвинулась подальше от напряженившейся Лейи. А крыс сложил тетрадки в стопочку, покрутил пальцем у виска:

— Это исторические очерки, дурынды. Сиятельный ведет лекции, не читая заранее конспектов... — Он многозначительно замолчал.

— А-а... — До меня стало доходить.

Лейя закрутилась на стуле, требуя:

— Дайте мне, дайте мне почитать!

Гомункул спрятал тетрадь за спину:

— Зачем читать, сами писать будем! Победителю приз. — Он выдрал листок с рисунком и помахал перед собой. — Портрет Князя с личным автографом.

Я схватила ложку и застучала по трубе отопления. Перестук пошел по всей Школе.

Когда лорд Аэрон почтил нас своим присутствием, крыс уже сидел в очках и с пером, а мы, перебивая друг друга, лезли в демиурги. Гомункул взял на себя роль бога мудрости, Алия топила историю в крови пожаров и разрушений, Лейя сладким голоском воспевала любовь, а я, как Верховная богиня, подводила итог, заканчивая каждый опус словами «и все умерли». Аэрон сразу все понял и закричал:

— Дайте мне!

«Было у Творца мира два сына — Белбог и Чернобог. И вот решил Белбог сотворить людей, а Чернобог сказал, что у него получится не хуже...»

— Аэрон пошевелил губами, вчитываясь в текст, потом захохотал:
— И эту фигню вам преподают?

— Готовы выслушать ваши предложения, — сказал Гомункул, поправляя очки и покусывая перо. Вампир мечтательно закатил свои зеленые глазки, явно испытывая приступ вдохновения, и повелел:

— Пиши!

Теперь я по крайней мере знала, как он выглядит, когда выдумывает свои дурацкие стишата.

« Жили два брата — Белбог и Чернобог. Зачаты оба были по пьянке и в детстве головой их часто роняли. Старшенького один раз лошадь лягнула, а младшенького бык боднул, так что детишек у них никак быть не могло, а желание божеский свой род продолжить велико было, просто огромно. То примутся из чурки человечка вырезать, то из глины болванчика замесят да жизнь в него вдохнут. Немало их наплодилось — людьми называются. И вот повадились эти болванчики Творцу под окнами петь, молитвы возносить да жертвенным дымом провоняли ему всю хату. Взял Великий в руки косу и давай их словно пшеницу косить, а остаточки водой смыл. Те, кто по лесам разбежался, всякую жуть потом стали сочинять про Морану с косой да великий потоп. Только враки все это! А творец понял, что пора детишек женить, а то сам уже видеть их не мог,

боялся прибить от досады. Вызвал он их, поглядел и всплакнул по-отечески.

— Ох, и страшенькими же вы уродились! — Чернобог-то разноруким да разноногим получился, а Белбог кривым — только один глаз у него, и тот горит нестерпимо. Высказал он детишкам волю свою отцовскую и велел к свадьбе готовиться.

Чернобог братцу позавидовал, решил подшутить. Наварил каши гороховой, квасу на редьке да черносливу вареного. Накормил от души братца, а утром спешно поднял, на бричку погрузил и погнал коня что есть духу, не дав даже оправиться.

Белбог чует, что ему до ветра надо, а Чернобог не останавливается, знай погоняет братца, уговаривая потерпеть то до бугорка, то до ложбинки, пока тот прямо в бричке не обгадился. Так что к невесте они подкатили все в цветах, лентах и известно в чем.

Как ни страшна, ни глупа была невестушка (выбирали-то под стать жениху), а за засранца выходить отказалась.

— Уж лучше мне с тем черненьким кривоzubым жить, чем серуновою женою называться.

Раздулся Чернобог, ходит гоголем, теперь уж старшой на него обиделся. Ночью в избе, где их спать положили, все свечи в ведре утопил, лавку напротив дверей поставил, чтобы в темноте выхода не найти, и сам на нее лег. Захотел Чернобог по нужде, глядь, а выхода нет.

«А исхитрюсь», — думает. Приметил щель между печным боком и стеной и навалил туда, а чтобы на брата подумали, решил тому штаны запачкать, только Белбог не спал, ухватил Чернобога за шиворот и давай головой ну знаете во что макать. Так их утром невеста и нашла. Пинками из села выгнала. Тем они с тех пор и живут: режут чурбанчиков да лепят болванчиков, забодалась уже приличная нечисть с их человечеством!»

— Тут и сказке конец, — объявил Гомункул.

Анжело, прибежавший вместе с Аэроном, схватил вампира за руку и, подняв ее кверху, торжественно объявил:

— Победителем объявляется Аэрон Урлакский.

— И получает приз, — тут же подхватила я, — портрет Князя Сиятельного, выполненный копытом бывшего педагога Рагуила с личным автографом автора! — И протянула листочек опешившему Аэроу. Мавка зарыдала и стала вымаливать рисунок у вампира:

— Ну, Аэрончик, ну хочешь, я станцую?

— Хочу, — согласился Аэрон.

Лейя выдала ему наш сегодняшний урок. Вампир с ухмылкой заметил, что очень знакомые движения и неплохо было бы станцевать и мне. Я возмущенно закричала, и мы втроем навалились на Аэрона под радостный писк крыса. Листочек с рисунком был смят вместе с вампиром, порвался и потерял привлекательность. Лейя зарыдала:

— Бедная я бедная! Несчастливая я несчастная! Совсем мне не везет!

А Гомункул возмущенно всплеснул лапками:

— Тебе не везет? Да это мне не везет! Я, между прочим, должен был появиться на белый свет добрым молодцем красоты неописуемой.

Анжело хрюкнул, мы перестали барахтаться на коврах.

— Ручищи — во! Ножищи — во! Плечищи — во! — продолжал свою речь крыс, подпрыгивая и разводя в стороны короткие лапки. Потом грустно признался: — А ингредиентов хватило лишь на крысу. Ну и кто после этого невезучий?

Лейя немножко подумала, возведя глазки к потолку, и вынесла решение:

— Я.

Крысак замер, раскрыв рот, а парни загоготали.

— А в самом деле, почему алхимикус тебя крысой сделал? — спросила я.

— Я же говорю, ингредиентов не хватило. Он, правда, потом обещал переделать, но в эксперименты ударился.

— И что?

— Вот и бегают от этого экспериментатора по архиву, а мне этого не хочется.

Я вспомнила паука и поежилась.

— А какие ингредиенты нужны?

— Ну, я уже и не вспомню, в книге все написано. — Он поскреб коготками макушку, припоминая название. — «Преобразование веществ

и элементов», автор Пертикус Вторус. Только книгу взяли почитать, и все... с концами.

— Как портретик, — проныла невезучая Лейя.

— А кто взял почитать? — спросила я, делая вид, что не замечаю подозрительного взгляда Аэрона.

Но тут задребезжало ботало Рогача и противный голос объявил:

— Так, девицы, комнаты к осмотру, юбки оправить, женишков повыгнать!

Анжело растворился дымком, а крыс заметался с ворованными тетрадами, пока прямо из пустоты когтистая лапа демона не ухватила его за шкуру и не уволокла в неизвестность. Аэруну пришлось выйти через дверь, тут же в щель сунулся пятак кладовщика, который с осуждением глянул на кичливую роскошь и проскрипел:

— Ну, у вас-то претензий быть не может.

— Как это не может! — запищала мавка. — А печь? Дым в комнату, тяги никакой! И отопление! У нас центральное отопление или трубу из ледника вывели?

— Ага, — обрадованный Рогач вытащил тетрадочку, — так значит, это в вашу трубу кикиморы ворованные потрошки скинули, да!

— Какие потрошки?! — басовито возмутилась Алия.

— Куриные, — сообщил ей Рогач и, топоча копытами, побежал по коридору, выкрикивая:

— Феофилакт Транквиллинович, я же говорил, что они потроха в трубу скинули, да! А вы говорите, ни у кого не дымит, ни у кого не дымит, да!

Лейя уставилась на печь, как на чудовище:

— У нас там потрошки?

Сообразительная Алия выскочила в коридор и заорала:

— И че? Сейчас чистить будут?

Ее голос потонул в буре скандала. У кого-то нашли зелье для черного приворота. Три девицы-первокурсницы рыдали в голос, клянясь, что это не их. Директор молча нависал над ними, а Рогач брызгал слюной и топал ногами. Я растерянно оглянулась: Лейя стояла у печки, на ее лице был написан ужас пополам с брезгливостью.

Сделать, что ли, доброе дело? А что? Мне всегда удавались заклинания ветра. Главное, чтобы отсюда дуло, а туда тянуло! Подмигнув Лейе, я открыла заслонку и представила, как ветер одним

ударом выбивает потрошки наружу. Во всяком случае, ветряную мельницу на Луговищах я запустила в небо именно таким макаром. Лейя неуверенно проговорила:

— А может, не надо?

Но я уже махнула руками, представив мельницу на Луговищах, в тот же миг тело сделалось на удивление легким и меня даже приподняло над полом. Комнатка начала крениться, мебель поехала в угол. В коридоре кто-то сдавленно вякнул. Я уцепилась за подоконник и совершенно случайно глянула вниз. Весь мир был передо мной как на ладони, маленький, словно игрушечный Веж под ногами, река причудливо изгибалась белой свадебной лентой, обручальным колечком темнел Заветный лес. В голову закралось подозрение, что мы где-то очень-очень высоко, парим над миром, как птица, задумавшая сделать вираж и завалившаяся на одно крыло. Я обернулась и уперлась взглядом в цепляющегося за косяк Феофилакта Транквиллиновича.

— Госпожа Верея, — на удивление мирным голосом проговорил он, — не соизволите ли вы прекратить это безобразие?

— Ага, — согласилась я, и мы ухнули вниз. Хорошо, что под нами было версты три и директор успел сказать:

— Вверх!

И я сделала «вверх». Частые звездочки замелькали в окне, мир укутался косматым облаком, а в прорехах речки гляделись, словно тонкие ниточки.

— Вниз, — плаксиво попросили из коридора, и я расслабилась, решив: а пусть оно все будет как будет, и зажмурилась от страха.

Школа завалилась на другой бок и ухнула сквозь облака с нарастающим противным гулом. Я заледенела у окна, но вида зимнего парка с озерцами и беседками, стремительно мчавшегося мне навстречу, не выдержала и снова повернула Школу в небо.

Когда меня припечатало к полу, я поняла, что делаю что-то не так. Ужаснулась, представив руины вместо Школы, и завела песню отчаяния:

— Ы-ы-ы-ы!

Мне вторило многоголосое эхо. Даже те, кто ничего не соображал, понимали, что происходит что-то жуткое. И только Феофилакт Транквиллинович проявил себя героем, просипев от ставшего ему родным косяка:

— Может, не стоит в эту пору убиваться? Представьте парк, собака Жужа на крыльце, Гуляй кормит ее сосисками. Идет по коридору крыс, почесывая пузо, и вы с подружками ему навстречу, одеты для гуляния в кабаке у Никодима.

— Вы все с ума сошли?! — пищала Лейя, обнимаясь с печкой.

Алия лежала на своей кровати с именной отцовской саблей в руках и гудела:

— Похороните меня так, под высокою березой, только батьке скажите, пусть на тризне сильно не убивается. Все-таки померла богатыркою, с оружием в руках.

Школа содрогнулась и под скрежет камня встала там, где и была.

В трубе ухнуло, и в облаке сажи Лейе на подол вывалились ворованные кикиморами потрошки.

— Мы больше не будем! — донесся истошный вопль из коридора трех пойманных на черном привороте девиц. Взмахнув крыльями, мимо нашей комнаты пролетела в уборную Химка, и там ее благополучно вывернуло, да и не только ее. Рогач, пошатываясь, как капитан в бурю, и размахивая тетрадь, явился перед директором и спросил:

— Продолжим обход, да?

Наставник икнул, схватился за голову и хохотал до тех пор, пока чумазая Лейя не подала ему стакан воды. Разглядев мавку, директор совсем скис, но ушел на собственных, хоть и подрагивающих, ногах, а я порадовалась, что в данную минуту он ничего не может мне сказать. Наставник раскланялся с растерянным Аэроном, который заглянул в нашу комнату и был бледен, как мукомол в конце рабочего дня. Алия, простившаяся с жизнью, смотрела на всех безучастно, Лейя и Аэрон пытались что-то сказать друг другу, но только сипели. Вот тут к нам и ворвался необыкновенно живой в этом царстве обмороков и призраков Велий и как настоящий друг сразу кинулся ко мне. Только зря он спросил:

— Что это было?!

— П-печку п-почистила, — выдохнула я и зашла в истерику, давась смехом и ужасом пережитого. — От п-потрошков.

На последние три дня каникул мы перебрались на постоянный двор Акулины Порфирьевны, куда нас пригласил Рогач, опасавшийся, как

бы Калина и прочая не любившая нас братия не расправилась с нами. К жилому крылу Школы, которое летало туда-сюда, аки птаха, ни у кого доверия не было. Сколько Феофилакт Транквиллинович вкупе с Велием ни уверяли, что здание абсолютно безопасно, все его пять этажей обезлюдели, и только поэтажные, коридорные и подкроватные грустно поскуливали, заглядывая с крылечка в двери, но не решаясь туда заходить.

После такой встряски доверия к Школе было примерно столько же, сколько к песочному замку. Директор Школы ходил по пустым этажам одинокий и грустный, как забытое хозяевами привидение, и подсчитывал, в какую сумму ему обойдется постройка нового, не летавшего крыла. Я через Велия передала наставнику успокоительный сбор, позабытый с осени, и тонко намекнула, что давно пора было расширяться. А директор через мага передал пожелание пойти вон и не появляться три дня.

Поселившись у Акулины Порфирьевны, мы невольно оказались отрезанными от жизни, как ни любезна была наша хозяйка, а выходить лишний раз из комнаты мы не решались. Стоило скрипнуть нашей двери, как пустел не только трактир при гостинице, но и четыре ближайшие улицы.

Утешали только паспорта, которые городской голова принес нам в тот же день, как только мы изъявили желание жить на постоялом дворе.

— Ну и чем это лучше домашнего ареста? — грустно спросила Алия, остановившись перед очередной закрывшейся лавкой. Я тихонько поскребла пальчиками и повыла, изображая волка. Но это было весело только первые сто раз, теперь никто даже не улыбнулся.

— Ну что мне сделать? — чуть не рыдая, спросила я. — Вот пойду сейчас и раскатаю Школу по камушку, тогда меня накажут, а вы будете мне сочувствовать.

— Молчи уж, трубочистка, — хмыкнула Алия, пихнув меня в бок. Мы обнялись И завели страданья:

А как парни нашей Школы
Захотели молока,
Им сказали: под корову,

Они сели под быка!

И тут с другого конца улицы нам ответили:

Милка лаптем щи хлебала,
Из калоши чай пила.
Косы граблями чесала,
В лампу теста налила!

Лейя радостно взвизгнула, и понеслось:

Наши парни в лес ходили,
Там из лужи напились.
В животе у Аэрона
Три лягушки завелись!

К тому времени, как мы сошлись, на нас глазела уже вся улица, и Лейя, сорвав с головы платочек, заныла:

— Поможите, люди добрые, чем сможете, сами мы не местные! А кушать так хочется, что аж переночевать негде!

— Ну и зачем ты про кушать ляпнула? — спросил, прищурив глаз, Аэрон под перестук оконных ставен.

Кто-то швырнул в меня сохлым цветочком в горшке, я с сомнением приняла это подаяние и спросила мавку:

— Кушать будешь, травоядное? Не будешь? — Я повертела в руках горшок и бросила его обратно, про кричав: — Спасибо огромное, но она сено не ест! Вот если у вас есть что-то посочнее...

Лейя стала дергать меня за рукав. Двери распахнулись, оттуда вылетел здоровенный кобелина, при вязанный к бешено гавкающему хозяину. Зверь был умный и связываться с улыбающимся вампиром не хотел, зато сморчок, который тянул его за собой, видно, ум потерял из-за попорченной ставни. Ему мы обрадовались, как родному, но Велий повеселиться не дал.

Мы его всю дорогу костерили занудой, брюзгой и педагогом.

Последнее обидело его больше всего, маг насупился и принялся на весь Веж доводить до нашего сведения, что мы тупоголовые малолетки.

— Да когда ж вы наиграетесь, когда ж вы повзрослеете то?

Мы единодушно возразили, что мы уже о-го-го какие взрослые, это в том году мы из кабака у Никодима не вылазили, веселились до упаду, а в этом уже засохли и, кроме воды, ничего не пьем. Такие благоразумные стали, что самим противно. Вот сейчас пойдём и специально доброе дело кому-нибудь сделаем! И заорали на всю улицу:

— А кому за так доброе дело сделать?

Алия рвалась помочь именно голове Боголепу Беримировичу, Лейя пискнула, что немедленно предложит помощь и поддержку Сиятельному, а я вспомнила про Гомункула, но промолчала, испугавшись, что Велий опять под домашний арест посадит.

До самого вечера мы терпели навязчивое присутствие мага и вампира. Давно стало ясно, что дурное влияние Велия на Аэрона огромно. Вампир держался так, будто на пару с магом решил своей опекой отравить нам все существование. Но стоило ребятам закрыть за собой двери, как я тут же заявила, что знаю, кому доброе дело нужно ну просто позарез. Алия поинтересовалась: а какое наказание нам светит за это доброе дело? Лейя пискнула, что за добрые дела никаких наказаний, кроме благодарности, не бывает.

Я рассказала подругам, что надумала, размышляя о судьбе крыса и способах помочь ему. Проспорив не меньше часа, мы пришли к выводу, что придется идти в архив и искать карточки, на которых алхимикус записывал имена посетителей и книги, которые выдавал.

— Только я этого не переживу, — честно предупредила я, и меня передернуло. — Этот паук...

Алия при упоминании о пауке вздрогнула.

— Зато крыс станет добрым молодцем, — твердым голосом сказала Лейя, — а мы героинями и избавительницами.

— И еще один будет нашим должником до конца жизни... А что? — Я посмотрела на подруг. — Если он действительно «ручищи — во, ножищи — во», то такой молодец не помешает. Решено, идем в архив. Только ручки мне держите.

Не откладывая дела в долгий ящик, пользуясь тем, что парни спят, мы накинули шубки, взяли в руки сапожки, тихонько прикрыли дверь, чтобы, не ровен час, кто-нибудь из приятелей не услышал, что мы уходим, и на цыпочках сбежали вниз, немало удивив Акулину Порфирьевну, куда это мы наострились босиком.

— Мы это... — завела я. Алия, натягивая сапог, нахально перебила меня:

— Мы нечисть, и нам надо!

— Да! — Я накинула платок и подпихнула Лейю к выходу.

Снежок хрустел под ногами, а луна заговорщицки подмигивала, дескать, полностью одобряю вашу глупость.

— Надеюсь, паук тоже спит, — мечтательно проговорила я и тут же представила: ночь, архив, паук и мы, вернее, подружки и я, совершенно ничего не видящая в темноте. Вот я иду, тяну вперед руки и натываюсь прямо на... брр!

— Ну чего встала? — Алия недовольно потянула меня за руку.

— Факел надо, — просипела я. Нарисованная мною картинка пугала своей реальностью.

— Зачем? — удивилась Лейя.

— А вы представьте: ночь, архив, тишина и алхимикус.

— Ой... А факел зачем? — удивилась Лейя.

— Да чтоб ему в морду ткнуть, если на нас пойдет! — сообразила Алия.

— Я же не вижу в темноте! Как я карточки буду искать?

— Мы сами найдем, — пообещала Алия.

— Тогда зачем вам я? — В моей душе вспыхнула надежда. — Давайте, вы спуститесь, а я на стреме постою.

— Ага, а вдруг он не спит по ночам! — заверещала Лейя. — Кто нас защищать будет?

Я остановилась у моста, поколупала снег на хлипких перилах и вспомнила:

— Слушайте, у нас же есть демон, который нам до конца жизни должен!

— Не надо! — вдруг завизжала мавка.

— Ты чего? — удивилась я.

— Я его один раз позвала ночью. — Лейя покраснела. — Он... в общем, ночью от него никакого толку!

— У нас в комнате бутылка вина стоит! — вспомнила Алия. — Осталась после последнего раза, когда в карты играли.

— И что?

— Первую ночь на кладбище помните? — оскалилась Алия. — Выпьем, и что нам тогда какой-то алхимикус! А то вправду уже засохли!

Вновь почувствовав себя «тупоголовыми малолетками», мы прошмыгнули обратно в нашу комнату, в темноте и тишине выпили вино, вырывая друг у друга бутылку, взбодрились и, уже в боевом настроении, отправились навстречу подвигу.

— Я где-то здесь в тот раз оставила свой ножичек, — сообщила Алия, поскальзываясь на ступеньке и хватаясь за мой подол. — Щас спрошу у алхимикуса, куда он его заныкал?

— А у меня тут бусики! — пискнула Лейя.

Я, запнувшись обо что-то, упала и поползла на четвереньках, шепча себе под нос:

— Книжечки, книжечки.

— Где же моя цацка-то?! — гремела где-то сбоку Алия, пиная кучи монет. — Ведь так я и знала — сопрут!

— Ой, — моя рука уткнулась во что-то твердое и волосатое, — ай! — я поспешно отдернула руку, сообразив, что придуманный мною кошмар начал страшно сбываться. — Мама!

Алия замолчала, а мавка пискнула, послышался звук падения. Я быстро поползла назад, крича:

— Он здесь! Я его нашупала!

— Ой! — тут же подтвердила мои слова лаквиллская богатырка. — А-а-а, он меня за зад ухватил! Подлец! — Монеты из-под ее ног брызнули в разные стороны и зазвенели вокруг меня. Я попробовала зарыться в архивные сокровища, но подруги, топоча и нарезая вокруг круги, очень мешали.

— Где ты, скотина похотливая?! — орала Алия, а мавка пищала почти на ультразвуке:

— Где он?! Где он?!

— Я здесь! — взвыл гнусавый голосок, ввергнув нас в новую волну ужаса, во всяком случае, я, развив немалую скорость на

четвереньках, крушила лбом все, что попадалось на пути. На голову наделся какой-то котел, и теперь погром я совершала, не боясь сотрясения мозга, хотя догадывалась, что трясти там уже давно нечего. Меня ухватили за подол, я рванулась изо всех сил, вошла в стену, и сознание погасло.

Очнулась я на лестнице под визжание крыса:

— Идиотки, кретинки, микроцефалки!

— Попрошу не выражаться при дамах, — бубнила Алия. — Мы тебе помочь хотели!

— По второму разу архив откапывать? — взвизгнул крыс. — У меня еще с того раза мозоли не сошли, вот! — Он вытянул свои гладенькие розовые лапки.

Что-то гулко ударило по голове:

— Ну-с, госпожа Верея, в валькирию играем, да?! — Крыс затоптал ногами. — Ритуальную чашу вместо шлема надеваем? А в ней, между прочим, еще кровь жертв не просохла!

Я поспешно, избавилась от чаши, принятой мною за котел, а Гомункул стал тыкать пальчиком в книгу, которую я прижимала к себе, сердито попискивая:

— А это щит, да? Какого лешего вам не спится, приключений ищем, да?! Брысь отсюда!

Лейя икнула, а я вспомнила, зачем мы пришли:

— Эй, Гомункул, а вытащи-ка нам карточки твоего хозяина, где он про книги записывал. — Крыс недовольно повел усами, я пригрозила: — А то мы снова туда полезем.

Гомункул подскочил и метнулся за дверь. Пока мы приводили себя в порядок, он принес карточки, сыпал их к нашим ногам и, повторив:

— Брысь отседова, — выпроводил нас из архива.

— Вино какое-то слабое, — пожаловалась Алия, — а то бы я ему показала, как приличных девушек за зады лапать!

— Это я, — мяукнула Лейя, а когда мы остановились и уставились на нее, пояснила: — Это я упала и за ее зад ухватилась.

— А что это за книжечка? — Алия ткнула пальцем в добытую книгу, когда мы вышли к реке.

— Волшебные сказки для самых-самых, — прочитала я.

— Это для кого?! — Алия дернула у меня книгу. — Для нас, что ли?

— А самые-самые, это как? — наморщила лобик Лейя.

— Это мы! — самодовольно проворковала Алия.

Я отобрала книгу у лаквиллки, раскрыла на середине, рассмотрела рисунок огромного коняги непонятной масти.

— Вот это лошадица! — выдохнула восхищенно Алия. — Нам бы такую — до Вежа добраться.

Лейя выхватила книгу и нараспев зачитала:

— «И свистнул Иван молодецким посвистом, крикнул богатырским покриком: «Сивка- Бурка, вещей каурка, встань передо мной, как лист перед травой!»».

Я наклонилась к подруге и прочитала приписку маленькими буквами:

— «Топнул ногой да тихонечко прибавил слово заветное: «Пожалуйста»».

Что-то гроыхнуло, Лейя уронила книгу, мы присели. Земля затряслась, воздух содрогнулся, бежит лютый зверь-конь — и бур, и сер, и космат, грива до земли свисает. От топота копыт земля содрогается, от горячего дыхания снег тает. Остановился рядом с нами и по-человечьи молвит:

— Где богатырь, вызвавший меня после тысячелетнего сна? Конь повел красным, как огонь, глазом и буркнул: — Немые, что ли?

Тут уж мы с Лейей, не сговариваясь, шмыг за спину Алии и в подругу пальцами тычем:

— Она вызывала! Богатырка лаквиллская!

Конь дыхнул жаром и, склонив голову набок, стал с неподдельным интересом осматривать девицу, которая попыталась принять важную позу.

— Щас он ее схарчит, — прошептала мне на ухо Лейя и икнула. — А потом за нас примется.

— Авось подавится. — Я лихорадочно перебирала способы бегства.

— Ну я вызывала! — Алия наконец обрела дар речи.

— Неужто война великая идет, что все добры молодцы кончились, девки в богатырки подались? — усомнился конь. — Или опять

матриархат? Иль вы амазонки, девы горячие и до славных битв охочие?

— Нам в Веж надо, — пробормотала Лейя, высовываясь из-за плеча Алии. Та задвинула ее обратно и не к месту добавила:

— У меня и сабля именная есть, только я ее дома забыла.

Конь подавился фырканьем, упал на спину и, дрыгая ногами, стал кататься по снегу.

— Богатырского коня для увеселительной прогулки! Девыцы пустоголовые! — Он поднялся на ноги и рывкнул: — А ну подавайте мне добрых молодцев!

— Может, он их ест? — Алиа попятилась, я подняла со снега книгу, зажала ее под мышкой и, обращаясь к коню, сказала:

— Будут тебе добры молодцы, целых две штуки, любого выбирай. Только до Вежа доведи, они там нас дожидаются.

Конь злобно прищурился:

— Кто вам, дурехам пустоголовым, тайну великую выдал, слово заветное?

— Да никто нам ее не выдавал. — Я надула губы. — Да его каждая собака знает, в книгах пишут. — Я сунула развернутую книгу в нос коню. — Кто ж знал, что ты на каждый окрик являться будешь?

Конь разъярился, глаза налились кровью, из ноздрей дым повалил:

— Да его ж только от отца сыну, да и то перед самой смертью выдавали?!

— Передавали-то с глазу на глаз, а, вызывая в чистом поле, орали во всю мощь, там же ясно сказано. — Я уткнулась в книгу. — «Свистни молодецким посвистом, крикни молодецким покриком...», вот они и старались друг дружку переорать, а вдруг не дозовутся.

Конь в раздумье замер, а я, пока он не пришел в себя, предложила сделку:

— Давай, ты нас до Вежа, а мы тебе эту страничку в личное пользование!

— Где этот Веж? — Сивка-Бурка успокоился, я поняла, что он готов принять мое условие.

— А вон он! — Лейя махнула рукой на темнеющие вдаль башни.

Конь фыркнул:

— А ножками слабо дойти? Можно ли ради такой малости богатырского коня вызывать?

— Ножки устали, — заныла Лейя, а Алия принялась деловито охлопывать новое средство передвижения, конь недовольно косил на нее глазом.

— А тебе лень?

— Ладно, садитесь. — Ох, не понравился мне его тон, нет ли тут подвоха?

Посмотрел, как мы, пища и оскальзываясь, пытаемся влезть ему на спину, фыркнул и лег на снег. Мы уселись ему на спину, вцепившись друг в друга.

— Веса в вас, как в пере, — недовольно проворчал конь, поднимаясь. — Срам один с такой несерьезной поклажей в поход пускаться.

Алия успокаивающе похлопала его по шее. Конь всхрапнул, дрогнул боками и ка-ак скакнет! Небо крутнулось, звезды прыгнули прямо на нас, по глазам резануло ярким дневным светом.

— И-и-и! — завизжала Лейя, ее басом поддержала Алия, я высунулась из середины и окаменела: песок, много-много воды, деревья какие-то нездешние, голые, высокие, с пучками листьев на макушке, а к нам, высоко вскидывая ноги, бегут какие-то черные-пречерные, как сажей вымазанные люди, машут острыми пиками и кричат что-то непонятное!

— А-а-ай! Это не Веж! — закричала я, поняв, что попали мы самое меньшее — в пекло, а бегущие — это черти нас жарить собрались.

— А сабельку я дома забыла! — с тоской простонала Алия.

А Лейя тыкала пальцами в разные стороны и верещала:

— Да это ж мужики! Голые! Голые черные мужики!

Нервы у меня не выдержали, и я, стиснув ногами бока Сивки, прокричала:

— А ну вывози нас отседова, мерин сказочный!

Опять крутнулось небо. Я с изумлением таращилась на огромный зал и толпу полуголых женщин. Одни ели заморские фрукты, другие брэнчали на каких-то инструментах, третьи танцевали. В воздухе стоял густой запах благовоний, воскурений, а мы оказались посреди небольшого пруда с рыбками.

— Где это мы? — пискнула Лейя, ухватывая кисть каких-то ягод. Вроде бы виноград.

— Мы в Мирене, в гареме какого-то богатого самца! — У меня даже голос сел. — Сейчас нас и кокнут за то, что посмели сюда вломиться!

Конь тем временем стал строить глазки полуголым барышням и, красуясь, бить по воде копытом. Барышни создали оглушительную звуковую волну, тяжелые двери распахнулись, явив рожи евнухов.

— Эх! Сабельку-то я дома забыла! — сокрушалась Алия. Сивка прыгнул, обдав всех брызгами и рыбешкой из пруда.

Визг, крики, песни — и мы на вершине Лысой горы, а вокруг ведьмы на метлах и полуобморочных мужиках, высокий костер и кто-то черный и страшный по ту сторону огня с молодой ведьмачкой.

— Эх, сабелька-то... — Алия не успевает договорить — прыжок...

— Ай! У меня глазки лопнули! — взверещала Лейя, я тоже решила, что лишилась зрения, только потом поняла, что просто снова наступила ночь.

— Вон Веж, — сказала Алия, я посмотрела вперед — действительно Веж, такой же далекий, только с другой стороны.

— Спасибочки, мы дальше уж ножками. — Лейя попыталась слезть с конской спины.

— Нет! — заупрямились мы с Алией, ухватив мавку за шиворот. Пусть он нас доставит куда надобно!

— Не могу я так близко! — подал голос конь. — Что я, как барышня семенить должен?

— А мы тебе ножки свяжем, — ласково предложила Алия.

— Я сейчас эту страничку из книжки по ветру пущу, — пригрозила я, — и все-все станут тебя по каждому пустяку вызывать. Да ты к концу недели не только семенить научишься, на копыта не встанешь!

Конь обиженно заржал, пофыркал, пытаясь запугать нас своим грозным видом, а потом покорно произнес:

— Так и быть, держитесь!

Перед самым Вежем конь устал семенить и прыгнул! Гром загремел, звезды осыпались, ворота у постоянного двора снесло напрочь. Вozy купеческие опрокинуло, крыши соломенные с сараев сорвало, заорала перепуганная скотина, тех, кто по нужде вышел, наземь бросило. Вывалил перепуганный люд на улицу. Одни кричат:

— Пожар!

— Грабют! — вторят им другие, а третьи вопят так, что земля дрожит. А самые сообразительные колья похватали и визжат: — Бей нечисть!

А нечисть сидит на богатырском коне ни жива ни мертва и смотрит, как народ из окон вылазит, забор на колья разбирает.

— Эх, сабельку я дома оставила... — вздыхает Алия.

Только богатырскому битюгу все нипочем, небрежно оттер здоровенного детину с дороги, вальяжно к крылечку прошествовал, дернул спиной, будто мух стряхнул, мы горохом на крыльцо и посыпались, а Сивка страничку у меня из руки и схрумкал. Бросил вокруг недоуменный взгляд, поинтересовался сразу у всех:

— И чего вам не спится? — почесал бок о стену дома, отчего тот весь затрясся, пристально заглянул в глаза каждому и, обращаясь к нам, проговорил:

— Ну, девки, до свидания. Народ здесь умный, обижать не будет. Он повернул голову в сторону «народа». — Да? А я на днях еще загляну. — Оттолкнулся копытами и исчез, только поземка на его месте заklubилась.

— И из каких-таких капиталов, милсдарыни ученицы, вы собираетесь оплачивать ущерб, да? — протянул Рогач, он же Ждан Савич, Потягивая чай из кружки и откусывая баранку.

Даже подняться в комнату нам не дали. Акулина Порфирьевна вынесла наши вещички во двор, а следом выскочили дружки, схватили нас за шкирки и поволокли к ближайшему возу. Глаза Аэрона восторженно горели, он как ребенок допытывался у нас, не забывая встряхивать за шиворот:

— Это Сивка-Бурка, да? Вы на нем катались, да? Без меня, да? Зато Велий, напротив, был как уголья в печи и бормотал себе под нос, что с нас нельзя ни на минуту глаз спускать и спать надо с нами, да еще за ногу привязывать. Оттащив нас подальше от любопытных глаз, встал поперек дороги, упер руки в боки, как коршун над падалью, и заорал:

— Ну и кто это был?! Только не врите, что Сивка-Бурка!

— А че тогда врать? — опешила Лейя.

— Скажем, что это Конек-горбунок, — предложила я, — а мы вроде как его горбы.

Велий зарычал, снег зашевелился, будто под ним поползли змеи, а мы завизжали от страха и прокричали, что готовы рассказать всю правду, больно уж вид у мага был решительный. Я успела подмигнуть подругам, а те не дуры — поняли правильно.

— Ну-у, — начала первой богатырка, — идем мы, значит, гуляем. Погодка теплая, снежок валит, вдруг земля задрожала, звезды упали, глядь, а это Сивка-Бурка бежит. — Она покосилась на мага, который смотрел на нее с недоверием. — Ну мы и говорим: о, привет, Сивка-Бурка, до Вежа не подкинешь? А он: о чем разговор, залазьте! — Алия махнула рукой и замолчала, не выдумав продолжения.

— Ты сама-то веришь в то, что городишь? — спросил маг.

— А то!

Велий, поняв, что от нее большего не добиться, впился взглядом в Лейю:

— И где же это вы гуляли среди ночи?

Лейя смутилась, захихикала, махнула варежкой на мага, покраснела и опять махнула, а я восхитилась — и как у нее так получается? Ничего не сказала, а маг уже себя дураком почувствовал. Шумно задышал, выгоняя через ноздри пар не хуже Сивки-Бурки, и рявкнул:

— За дурака меня держите?! Еще скажите, что за женихами отправились! В Веж! Где ваши физии на каждом заборе красуются!

— Зачем?! — округлила глаза Лейя. — Просто показалось нам среди ночи, что кто-то зовет нас, да так ласково: мол, девицы-красавицы, выйдите на крылечко, взглядом ласковым одарите, гриву шелковую расчешите. Выскочили мы на крыльцо, а там... — Лейя закатила глаза, а Аэрон, давясь смехом, стал съезжать по забору на землю. — В общем, там Сивка-Бурка. Алия ему и говорит: «О! Сивка-Бурка!». А он ей: «О! Алия!» — Мавка умолкла. Велий ничего не сказал, только заброшенная баня снялась с места и щепой разлетелась в стороны. Мы от уважения даже присели; силен мужик.

— Ну, — Велий повернулся ко мне, — я слушаю.

Я ему, конечно, не нанималась, но надо так надо.

— Захотелось нам выпить, — начала я. Брови у мага от неожиданного поворота событий полезли кверху, а Аэрон издал клеткот,

закидывая голову, как аист на болоте. — Вспомнили мы, что в Школе у нас заныкана бутылочка вина, сходили, выпили, — я демонстративно дыхнула на Велия, — а на обратной дороге глядь...

— Сивка-Бурка, — закончил догадливый маг.

— Ага, и говорит: а хотите, девицы-красавицы, я вас покатаю? — Я вперилась в глаза мага: — Вот ты разве отказался бы? Ну мы говорим, давай! Ох, он нас покатал! — Я повернулась к мавке: — Лейя, дай им винограду, хватит втихую одной лопать! Ну а потом подбросил до Вежа. Очень мы ему по сердцу пришлись.

Я развернулась, и мы с подругами потопали к Школе, оставив мага тарашиться нам вслед. Очень ему не понравилось присутствие винограда, он мял его в руках и с тоскливым отчаянием понимал, что мы действительно где-то были. Шагов на двадцать успели мы отойти, прежде чем он закричал:

— Что вы еще натворили и где?

— Переживает, — обрадовалась Алия.

— Интересно, за кого? — встrepенулась мавка.

— За Сивку- Бурку, — буркнула я, стараясь затолкнуть книгу с волшебными сказками поглубже за пазуху.

Не успели мы даже дойти до нашей комнаты, а предатели-дружки уже заложили нас Феофилакту Транквиллиновичу. Пришлось и ему рассказывать историю знакомства с Сивкой-Буркой, терпение у директора оказалось просто змиево, после всех наших охов и ахов он даже не хлопнул по столу ладонью и не отправил нас на конюшню для порки, а, пораздував щеки, проговорил:

— Странная какая-то история. Вы не находите?

— А уж мы-то как удивились! — Вид у нас был такой невинный, что директору ничего не оставалось, как нас отпустить.

Выйдя за двери кабинета, мы столкнулись нос к носу со сдавшими нас парнями. Благообразно сложили ручки, отвесили земной поклон и сладкими голосами пропели:

— Здравствуйте, господин наставник, и вам здрасти, господин Аэрон. — И снова обратились к Великому: — Что же вы нас, сиротинушек, безвинно обидели, наябедничали?

Алия ткнула меня в бок и громко прошептала:

— Негоже так наставнику говорить, долг его святой — за порядком следить и нас, малоумных, наставлять, а где сам не справится, совета у старших испрашивать.

Дружки, не ожидавшие от нас такого, озадаченно застыли, словно кони богатырские, которым велели возы с навозом возить, а Лейя, отвесив еще один поклон, пропела сладенько:

— Мы в столовую идем, а после в комнату вернемся, обещаем по дороге ни с кем не разговаривать и ни на ком не кататься.

У Велия взгляд стал колючим, он развернулся и молча пошел прочь, а Аэрона мы и сами пинками погнал и, только я успела на ухо вампиру шепнуть:

— Угадай, кто у хана Миренского в гареме нынче гостил? — и рассмеялась, глядя, как он зеленеет от зависти. Нам-то что, кроме винограда ничем не поживились, а уж Аэрон-то разгулялся бы!

— Зря ты так, — укорила меня Лейя. — Он теперь плакать будет.

— Да пусть хоть стены грызет, лишь бы нам не мешал. — И я вприпрыжку побежала в комнату, где лежали карточки.

Оставшееся до учебы время мы провели, запершись в комнате и сортируя добытые у Гомункула карточки.

Бумага была серой и рыхлой, чернила на ней расплылись, а со временем еще и выцвели, попортившись от воды, чая и жирных пятен, словно ими активно пользовались вместо салфеток и подстаканников.

Мы с Алией разбирали записи, а мавка записывала в тетрадочку. Адреса и должники размножались словно тараканы, вдобавок половина невозвращенных книг, как назло, оказалась как раз о превращениях.

— Я уже забыла название Гомункуловой книжонки, — призналась я.

— Превращения элементарных веществ? — Лейя раскрыла журнал. — Элементарные превращения веществ? Вещества элементарных превращений?

— По-моему, там что-то про животных было, — сказала Алия.

— Превращение в животных. Приращение животных. Укращение животных. Украшение животных, — тут же затараторила мавка. — Сокращение животных.

— Там еще было про элементы. — Я потерла лоб в надежде добыть таким образом ценную мысль.

— Алименты. — Тут же обрадовалась подружка, начав водить пальчиком по строчкам, а я поняла, что ни за что не вспомню название, сколько бы оно ни вертелось на языке. И решила зайти с другой стороны.

— А кто автор, не помните?

— Симус, — уверенно заявила Алия.

— Примус, — возразила Лейя.

— Вторус.

— Короче, нужен крыс, — объявила я.

Добраться до Гомункулуса оказалось нелегко. В архив спускаться мне совсем не хотелось, а в гости крыс заходить пока и не думал. Я отложила записки сумасшедшего и сосредоточилась на начале учебы. Тем более что уроки по практической магии обещали стать долгими и тягостными, так как вести их теперь должен был разобиженный Велий.

Мы сошлись, как дуэлянты на белом снегу притихшего парка.

Я чинно сложила ручки на меховой оторочке короткой шубки и, чуть склонив голову, пропела:

— Здравствуйте, господин наставник.

Маг в точности повторил мое движение и с такой же ехидцей ответил:

— Здравствуйте, госпожа Верелея. На какой теме вы остановились в прошлый раз?

На нем не было учительской мантии, не было плаща мага, была простенькая кожаная курточка, прикинулся скромной овечкой, но я не желала примирения и с ходу заявила:

— В прошлый раз вы нас учили баньки на щепочки разносить.

Велий досадливо взлохматил волосы.

— Ну извини, с кем не бывает.

Я задрала нос и смотрела в сторону, делая вид, что просто вышла прогуляться. Мой отсутствующий вид магу не понравился.

— Ну и чего ты дуешься? — спросил он. — Из-за пустяков.

— Я пришла на за-ня-тие, — проговорила я по складам, не соглашаясь на задушевную беседу.

Он хлопнул в ладоши:

— Хорошо. Если ты так горишь желанием позаниматься, пожалуйста. — Постоял, сложив руки на груди и оценивающе глядя на меня. — Защита от лешего.

— Хорошо, господин наставник, — я смиренно поклонилась.

— Хорошо, госпожа ученица, — сказал Велий и пропал, будто его и не было на этой тропинке. Между ним и мной было шагов шесть чистого снега и цепочка следов, показывающая, откуда он пришел, но ее тут же замела налетевшая поземка.

— Леший бы побрал такого наставника, — с чувством выразилась я, оглядываясь и решая, что означает его исчезновение — конец урока или все-таки начало? Пока я раздумывала, в лоб мне ударила шишка.

Ага, значит, начало! Я подняла шишку, сжала ее в ладони и повертелась на месте в поисках нахальной черноволосой цели. Сзади провели по плечу ладонью, я крутнулась на месте — никого.

— Никакими чарами лешие не обладают, просто отводят глаза, менторским тоном заговорил Велий. Голос то приближался, то отдалялся, как будто маг ходил вокруг меня. Стоило мне скосить глаза в сторону, как в затылок несильно толкнули пальцами: — Не отвлекайся.

— Рукоприкладством занимаешься? — прошипел а я, начиная закипать. В ответ в лицо полетела снежная крупа, а Велий продолжал гундеть:

— Вопрос — зачем это тебе? Отвечаю — эти чары используют моровые девы, ведьмы, бесы, самые опасные и распространенные виды домашней нечисти. Ничего страшного, если мимо тебя пробежит незамеченный домовый, и совсем другое, если тебя незаметно мазнет саваном чума, лихорадка.

— На меня саваны не действуют, то же самое, что пытаться заразить чумой Анчутку, — насмешливо сказала я. — Если только этим самым саваном задушить?

— Эгоистка ты, Верелея, думаешь только о себе. — Снег продолжал хрустеть вокруг. — А если повадится в село ходить?

— Как поставил вопрос, так и ответила, вопрос был насчет меня, а не человечества в целом. — Вертеться на месте я не стала и просто стояла столбом, чувствуя, как маг ерошит мне волосы и сыплет снег за шиворот. Сбоку прилетела очередная шишка.

— Вредная ты, Верелея, проучить бы тебя за козье упрямство. — Шишки полетели просто градом, вдобавок ко всему Велий стал дергать за шубку, заставляя меня вертеться на месте. — Да тебя щипками до смерти доведут!

Озверела — это не то слово, чтобы описать мое состояние. Мне хотелось рвать и метать, причем определенного человека, но, вместо того чтобы с рыком кинуться на его поиски, я постаралась успокоить себя мыслью, что час расплаты все равно придет. Потом совершенно отчетливо представила защитный щит.

Обстрел шишками закончился, я удовлетворенно кивнула головой, прикрыла глаза, стараясь не обращать внимания на снежки, Которые кидал в меня Велий, и из-под ресниц заметила смутный силуэт, причем совсем рядом, в моем защитном круге. Я широко открыла глаза, негодуя взвизгнула и отправила шишку, ожидавшуюся своего звездного часа в кулаке, прямо в лоб наглецу, едва сдерживаясь, чтобы не броситься на него с кулаками.

Зато подняла нешуточную метель прямо внутри щитов. Может, он и выкрикивал угрозы, я не слышала. В конце концов щиты не выдержали разгула стихии и лопнули, метель осыпалась снегом. Мы остались друг против друга, напряженные и злые.

— Я могу идти, господин наставник? — просипела я.

— Урок окончен, госпожа Верелея, — глухо проговорил Велий. Я развернулась и, отряхивая шубку, пошла в Школу, чувствуя, как маг сверлит меня взглядом.

В комнате сидела не менее злая Алия, листала найденную в архиве книгу и грызла соленые сухарики.

— Меня Вульфич одним ударом в нокаут отправил, — буркнула она, сверкнув свежим фингалом. — Вот, сию, сказочками утешаюсь. А как у тебя с магом?

— Скажем так: задушевной беседы не получилось.

— А тебе не кажется, что ты слишком на него рассердилась? На Аэрона ты бы так не дулась.

Я молча села рядом с Алией, заглянула в книгу. На картинке был изображен матерый волчище.

— Красавец!

— И не говори. — Алия зарделась. — А как ты думаешь: его вызвать, как Сивку-Бурку, можно?

— Надо попробовать. — Я вытащила книгу из рук Алии. — Как здесь написано? «Если захочешь меня позвать, выйди на перекрестье дорог и кликни...» Вот черт! Дальше неразборчиво... — Я, морщась, попыталась прочесть текст, но буквы невозможно было различить.

— Жаль, — расстроилась Алия.

Загремело ботало Рогача, в комнату вбежала Лейя.

— Пошли на обед! Что это вы смотрите? — Она тоже присел а на край кровати. — Ух ты, какой классный волчище! Давайте вызовем!

— Тут буковки размылись. — Алия кивнула на книгу.

— Да это же начало гармонических чар, обыкновенный приворот на животное, надо просто держать его образ в голове, тут и слова-то не обязательны, можно простенькие стишки.

Я стишков про волков не знала, зато знала колыбельную. Поэтому представила этого самого волчищу и запела: *«Баю-баюшки-баю, не ложися на краю, придет серенький волчок и ухватит за бочок, и утащит во лесок, под ракитовый кусток!»*

Подруги смотрели на меня как на умалишенную, Алия повертела пальцем у виска и открыла рот, чтобы описать мой вид, но откуда-то издали донесся волчий вой.

Парк наполнился криками, которые становились все громче, все ближе, захлопали двери, по этажам пошел истошный визг. Дверь распахнулась, стукнувшись о стену, и в комнату ворвалось что-то огромное, серое и лохматое, оказавшееся волком величиной с годовалого быка. Зверь кляцнул зубами в опасной близости от наших голов, прыгнув, завалил на кровать и, не дав мне зытись в крике, заговорил сам:

— Привет, девица, зачем вызывала? — Голос был низкий, завораживающий, и я не нашлась что ответить, а зверь стрельнул по комнате хитрыми желтыми глазищами, умудрившись подмигнуть сразу обеим подружкам, развернул уши в сторону распахнутой двери, сказал: — Шумно тут у вас, как насчет прогуляться? — и, не дожидаясь ответа, ухватил меня зубищами за бок, закинул на спину, молнией пробежал по комнате, вышиб лапами раму, и уже в воздухе я поняла, отчего вдохнуть не могу — Алия сжала мои ребра изо всех

сил, сидя позади меня, и где-то совсем вдалеке, относимый ветром метался Лейин писк:

— Я соскальзываю с хвоста! Держите меня!

Мне было совсем не до этого, прямо на меня летел заснеженный парк, я зажмурилась в ожидании удара, после которого нас найдут под нашими окнами в расплюсненном состоянии, но подо мной прокатилась волна мышц и мы снова взлетели.

Волк махнул хвостом, и Лейя оказалась позади Алии, правда, задом наперед. После четвертого скока я поняла, что не убьюсь, упав со спины волка, а Алия даже стала выкрикивать что-то вроде:

— У-ух!!!

В общем, скакали мы недолго, но очутились в глухом лесу около заледеневшей речки, под ракитовым кустом, куда не задумываясь сбросил нас волк. Стоя по пояс в глубоком сугробе, в одних платьях, мы завопили:

— Здесь же холодно! Волк оскалился:

— И утащит во лесок, под ракитовый кусток!

— Но не раздетыми же!

Волк захохотал, толкнул меня в грудь, я завизжала, замахала руками и провалилась в снег. Тонуть я уже тонула и теперь поняла, что замороженная вода в виде снега несколько не лучше, и сразу догадалась, что волчище меня решил попросту тут прикопать потихому. Каково же было мое удивление, когда в зад подтолкнули лапой и недовольно проворчали:

— Ну шевелись давай, долго тут сидеть будешь?

Я поползла вперед к теплу и свету. Узкий лаз в снегу сначала превратился в звериную нору, а потом и вовсе в пещеру со стенами, выложенными самоцветами, с коврами под ногами, с золоченой мебелью и серебряной посудой, а главное, с растопленным камином.

— Ну чего рты раззявили, давайте грейтесь, — прогудел сзади волк. Мы сели у камина и вытянули руки к огню, таращась вокруг. А Лейя спросила о том, что мучило нас всех:

— Дяденька, а вы кто?

Волк зашелся низким и страшным хохотом, от которого, наверно, медведидохнут. Мы съежились, а волчище проговорил:

— Только не говорите, что испугались, я же этот, sereneкий волчок. Не верите?

Мы осмотрели еще раз эти лапищи, головищу, хвостище и неверяще покачали головами.

— Скорее серенький бычок, — вырвалось у меня. Волк довольно расхотался, положил лапу на огромную кровать, укрытую медвежьей шкурой, и произнес:

— Давненько я к людям не выходил, уж и забыл, какие вы мелковатые. Правда, Иван поболее вашего росточка был.

— Дяденька, а у вас покушать нету? А то у нас сейчас обед в Школе.

Волк разулыбался, перевернулся через голову и оборотился молодцем красоты неопикуемой. Глянула я на Алию и поняла — пропала девка, а еще поняла, что книжку надо подальше спрятать от влюбленной подруги. Молодец между тем кинул на стол скатерку, она сама развернулась, мы моргнули глазами, а на скатерти чего только не стоит!

— Ананасы в шампанском не желаете? — спросил бывший волк, посмотрел на наши лица и вздохнул: — Ну и дремучие же вы, девки, даже что такое ананасы не знаете!

— Мы не знаем, что такое шампанское! — с обидой сказала Алия.

Молодец хохотнул, подсел к смутившейся деве и, склонившись к ней, проникновенно сказал:

— Вот ананас. — Он взял с блюда желтый кружок. — А это шампанское. — Молодец налил в бокал какой-то шипучий напиток, а затем плюхнул в него кружочек ананаса. — Получились ананасы в шампанском.

Алия отпила глоток и как-то глупо хихикнула, зарумянилась, а Лейя стала меня в бок локтем тыкать и жестами показывать, мол, ты видишь, куда дело-то идет? Я видела и то, какими глазами волк смотрел на Алию, и то, что девица поплыла, как масло на сковороде.

— Тоже мне валькирия, — пробормотала я. — Стоило увидеть симпатичного мужика, и все... — А в книжке про вас все-все правда? — громко спросила я, прерывая хихиканье Лейи и воркование парочки.

Волк хитро прищурился, глядя то на меня с Лейей, то на Алию; после таких взглядов на Акулину Порфирьевну Рогач обычно выставлял нас с постоялого двора, приговаривая:

— И чего это вы, девицы, в четырех стенах сидите, шли бы, погуляли часок-другой.

А нахальная Лейя еще и медяк на пряник умудрялась выклянчить у жадного до денег кладовщика. Вот и сейчас я почувствовала, что меня с мавкой хотят выставить за порог, но то ли душа у серого была шире, чем у кладовщика, то ли не был он уверен, что богатырка не кинется вслед за нами, но он встал, поправил кушак, приосанился, покосился на Алию и, проказливо хмыкнув, сказал:

— А вот сейчас сами и проверите.

Перевернулся через голову, став снова огромным волчищей, и не успели мы крикнуть «Нет!», как все трое оказались на его спине, только теперь первой сидела Алия и ласково трепала его за ушки. Лейя высунулась у меня из-за плеча, затрясла головой, как припадочная, кивая на Алию: мол, у подружки последнее соображение отшибло.

Помчался волк не к выходу, а в глубь пещеры, которая раздавалась вширь и в высоту, пока не оборвалась просторным выходом. Мы взвизгнули, потому что внизу была пропасть, а еще лето, солнце и океан — безбрежная синь резанула по сердцу. Нас с Лейей возмущало только восторженное уханье Алии, когда Серый Волк принялся прыгать со скалы на скалу.

— Разухалась, как филин, — проворчала Лейя мне на ухо, я ткнула ее локтем в ребра, мол, помолчи, а то как бы этот серый ухарь не скинул нас со спины.

Так мы и скакали на волке, строя друг другу страшные глаза.

Только Алия блаженной дурочкой запрокидывала голову, подставляя ветру лицо, да покрепче сжимала ногами бока волка.

— Где это мы? — спросила я, и волк пояснил, что это тридевятое царство, тридесятое государство. Тут глаза Алии загорелись алчным блеском, и она спросила:

— А не тут ли конь златогривый у царя Афрона?

— А то ж! — хохотнул Серый Волк, стрелой метнулся вниз, мелькнули поля, леса, реки, городки.

И встали мы прямо посреди стольного града в царском тереме, только на заднем дворе. Все золоченое, разукрашенное, народ бежал богато одетый, даже конюх с вилами — в парчовых одеждах.

— Ну, — толкнул Алию Серый Волк, — иди.

Лаквиллка растерялась:

— Куда?!

— Да на конюшню же! — сделал круглые глаза Серый Волк. — Сейчас у царя пир, конем он начнет хвастаться только вечером, чтобы показать, как грива золотом горит.

— И что?! — все еще не понимая, но делая робкие шаги к конюшне, спросила Алия.

— А мы к тому времени его уже вернем, — подмигнув, ответил Серый Волк. Алия со всех ног рванула к конюшне, а я вспомнила и заорала ей вслед:

— Только ты уздечку не трогай! — Но было уже поздно. На конюшне заржали, колокола забили, стража закричала:

— Воры!

Мы с Лейей завизжали, а из конюшни на златогривом красавце вылетела Алия. Конь крутанулся по двору, присел на задние ноги и вдруг скакнул в небо, а следом за ним и мы на Сером Волке. Было жутко и весело, будто снова выбрался на свободу камень сновидений.

Вернулись мы чуть ли не за полночь, веселые, сытые и пьяные.

Трудней всего было проволочь коня сквозь нору и оторвать Алию от волка, пьяненькая богатырка оказалась на удивление цепкой, а волк на редкость коварным, все гундел ей что-то на ухо, наверняка всякие глупости.

Я предлагала пробраться в свою комнату тихонечко, как мышки, но от ржания проклятого коня с деревьев сыпался снег, Лейя безудержно хихикала, рассказывая, какие глаза были у Велия и Аэрона, когда мы на Сером Волке пролетали мимо них. Я шикала на мавку, на судорожно всхлипывающую Алию, на коня, на трепыхавшуюся за пазухой жар-птицу, все порывавшуюся заорать дурным голосом. И потому как-то не заметила делегацию, встречавшую нас на крыльце.

Лейя, задрав голову, запрыгала как полоумная, размахивая руками над головой. Молодильные яблоки, которые она держала, прижав к груди, рассыпались по снегу. Я присела и, придерживая одной рукой жар-птицу, другой стала сгребать яблоки, кроя мавку нехорошими словами. Конечно, ей в змеином плащике, который она выпросила у волка, кроме плясок на морозе, ничего и не оставалось, зато я в своей

новой длинной, с большим капюшоном лисьей шубке чувствовала себя очень уверенно и комфортно.

Я на миг подняла глаза — посмотреть, кому там мавка так радостно машет, и увидела Велия и Аэрона в окне нашей комнаты. Аэрон делал руками какие-то загадочные знаки, я еще подумала — вот дурак, пляшет вместе с мавкой! А Велий бился головой о раму. Я сразу решила, что ремонтировал окно не ветренный Аэрон, а этот вот положительный мужчина, ишь, бьется, переживает.

Когда среди ночи раздался чей-то противный скрипучий голосок, я даже вздрогнула.

— И как, извините, все это понимать?

— Опа! Замели, ноги делаем! — всполошилась Алия, вспомнив, что конь-то ворованный. Мы подхватились бежать, но тут нас приморозил к месту суровый окрик директора:

— Стоять!

И мы встали, даже конь, потому что Феофилакт Транквиллинович — это не царь, у такого коня не скрадут. Я решила пойти на хитрость, улыбнулась во весь рот и ласково так проворковала:

— Здравствуйте, Феофилакт Транквиллинович!

— Будто утром не виделись, — буркнула Алия, я на нее шикнула и попробовала даже поклониться суровому директору, но земля ушла из-под ног и я уткнулась головой в живот Велию.

— Упс! А вы уже здесь! — удивилась я.

— Где вас черти носили, мы всей Школой с обеда вас ищем! — проворчал Велий.

— В тридевятom царстве, в тридесятom государстве, — пояснила я. — Хочешь яблочко?

Он закатил глаза, прижав меня к груди, и пробормотал в макушку:

— Я убью тебя когда-нибудь за твои выходки. Когда Аэрон сказал, что не чувствует тебя в мире живых... — Капюшон упал у меня с головы, а жаркое дыхание мага прогрело, казалось, до самого сердца. Я смущенно пропыхтела, пытаюсь его оттолкнуть:

— Да отойди ты, птичку задавишь!

— Какую птичку?! — изумился маг, и тут я вытащила квохчущую жар-птицу из-за пазухи...

Всех желающих кабинет директора вместить не смог, поэтому те, кто не сумел туда протиснуться, заглядывали из коридора. Двери закрыть не рискнули, опасаясь школьного бунта. В клетке дремала, сунув голову под крыло, замученная жар-птица, словно всполохи на углях, по ней пробегали волны холодного огня. Феофилакт Транквиллинович прожигал взглядом молодильные яблочки, лежащие на блюде. Ночью мы на все лады уговаривали его их отведать, уверяли, что принесли специально для любимого наставника, чтобы он помолодел и душой, и телом. Яблоки кушать он не решился, хотя сбросить сотенку-другую лет хотелось.

С утра мы проклинали коварного Серого Волка, голова раскалывалась, сладенькие фрукты заморские в шипучей водичке оказались хуже Никодимова самогона с пивом.

— Пожил сладенько, поживи гаденько, — бормотала Алия, сидя в обнимку с ледяной банкой.

— И ведь не пили же мы! — уверяла я Велия, который смотрел на мои мучения со странным выражением на лице — этакая смесь сочувствия и злорадства. — Вина капли в рот не брали, это волчище нас какими-то ананасами в шампанском накормил, тьфу ты, напоил.

Завистливый вампир скрипел зубами и сочувствовать нам не желал, возмущенный тем, что я не только наш священный союз порушила, но и дружеские отношения растоптала, друзья не едят в одиночку ананасы в шампанском и не шляются по тридевятым царствам!

— И что бы ты там делал? — фыркнула Алия, отрываясь от банки. — На Царь-девицу тарачился бы? Ну подумаешь, глаз не отвести! Я волка разом отучила на нее зыркать, как дала ему промеж ушей! А красотку мы втроем за косы оттаскали, чтоб знала, как чужих мужиков уводить!

— Это была чисто девичья вечеринка, — добавила я.

И вот теперь мы втроем сидели в кабинете, а директор ждал от нас объяснений, каким образом нас занесло в тридешатое государство. Толпа жадно внимала. Первой начала Алия:

— Ну-у, идем мы, значит, гуляем. Погода теплая, снежок валит, глядь, а навстречу нам Серый Волк. Ну мы и говорим: «О! Привет, Серый Волк! До Школы не подкинешь?» А он: «О чем разговор, залазьте!» — Алия махнула рукой и замолчала. Толпа замерла, скрипя

мозгами. Аэрон уткнулся в ладони и, судя по тому, как подрагивали его плечи, рыдал. Велий, еще не до конца веря, что мы по второму разу заведем старую песню о Сивке-Бурке, тарасился на нас.

— Это все?! — поинтересовался директор и, когда Алия нервно кивнула, повернулся к Лейе: — И где же это вы гуляли в одних платьях посреди зимы?

А я подумала, до чего же все мужики одинаковы, пока одну и ту же историю по три раза не услышат, не поверят.

— Послышалось нам перед обедом, что кто-то зовет нас, да так ласково. Дескать, девицы-красавицы, выйдите на крылечко, — залилась соловьем Лейя, — шерстку мою причешите, по спине погладьте! Мы выскочили, а там...

— Серый Волк, — прорычал Феофилакт Транквиллинович, видимо узнав песню.

— Ага. Ну мы его погладили, а Алия говорит: «О! Серый Волк!». А он ей: «О! Алия!». — Мавка умолкла.

Велий не выдержал и присоединился в рыданиях к Аэрону. Толпа в коридоре ахнула и, судя по шуму начинающейся драки, разделилась надвое — на тех, кто поверил нашему рассказу, и тех, кто с чего-то решил, что мы брешем. Одним шлепком ладони по столу директор прекратил всякие безобразия. Я поняла, что надо спасать положение, и пошла на откровенность:

— Захотелось Серому Волку выпить. — Я бросила испепеляющий взгляд на Велия, который всхлипнул, уткнувшись лицом в ладони, и продолжила: — Заходит он к нам в комнату и говорит: а давайте, девки, по чуть-чуть? Мы, конечно, ни в какую, потому что девицы скромные, честные, благовоспитанные, а он говорит: а если не за так? И давай пихать нам в руки молодильные яблочки, дескать, директору вашему для поправки здоровья. Алия говорит: «Ну, если только ради Феофилакта Транквиллиновича...»

Алия состроила мне зверскую рожу и украдкой показала кулак.

— А Лейя говорит: «И нам подари что-нибудь!» — Мавка выпучила на меня глаза. — Ну волк шубки и приволок.

— Выходит, вы, госпожа Верея, напились бескорыстно, из чистой любви к искусству? — констатировал Феофилакт Транквиллинович.

— Нет, я выпила для храбрости, чтоб для Школы коня златогривого укр... приобрести и жар-птицу. — Я похлопала

ресничками, глядя на директора честными-пречестными глазами. Тот понял, что правды от нас не дождется, и выставил за дверь.

Стоило мне подумать, что буря пронеслась, как дружки нас подхватили под ручки, мигом доставили в комнату, с самым зловещим видом задвинули щеколду и потребовали:

— Ну а теперь рассказывайте правду.

Аэрон плюхнулся на мою кровать, и я заметила, что из-под одеяла торчит корешок книжки с волшебными сказками.

— А с чего это вдруг мы должны перед вами отчитываться? — набросилась я на парней. — Мы вас еще за тот раз не простили!

— Простили и даже в любви клялись! Ночью, — сказал Велий.

Аэрон хохотал.

— Кому? Тебе? — возмущенно закричала я. — Я, между прочим, девица помолвленная, у меня и жених есть! — Мне никак не удавалось вспомнить, что было после того, как нас ночью доставили до комнаты. Подруги молчали, как воды в рот набравши, пришлось мне самой придумывать, как выкрутиться и вытурить парней из комнаты.

Я стала косить глазом в сторону Велия и заговорщицки подмигивать. Мое косоглазие было наконец замечено. Похмыкивая и всячески выражая заранее свое недоверие ко всему, что я собираюсь сказать или сделать, он нехотя согласился выйти со мной в парк.

В парке, усевшись на скамейку и пригласив его присесть рядом, я доверительно прошептала:

— Повадились ходить к Алие Серый Волк.

— погоди, — поймал меня за руку Велий, — хочешь, я расскажу тебе сказку про белого бычка?

— Нет.

— Все говорят, нет. А хочешь, я расскажу сказку про белого бычка?

Я замолчала, он ущипнул меня за бок и снова спросил:

— Все молчат, а хочешь, я расскажу тебе сказку про белого бычка? Не знаю, чем бы закончился наш разговор, но загремело ботало Рогача, я облегченно выдохнула, показала магу язык и, приподняв подол длинной шубки, побежала на уроки.

По графику у нас стояла демонология, и пропускать такое веселье я не собиралась.

Ворвавшись в класс, где за партами сидели мои вечные должники, я с порога радостно заорала:

— Ребята, представьте, какое у меня сегодня заветное желание? Демоны застонали, а Анжело подсказал:

— Не быть разорванной демонами.

— Неправда, — разочаровала я его. — Хочу, чтобы вы отчетливо дрожали. Ну правда, чего вам стоит?

Проклиная себя за уступчивость, Анжело подрожал крылышками, изображая смертельный ужас. Я ему послала воздушный поцелуй, а остальным попеняла, пообещав, что они еще пожалеют об этом, потому что не стоит злить жуткую чародейку Верюю, поскольку чародейка Верюя имеет власть даже над демонами.

— Спорим, Сиятельный не устоит против моих чар? Сейчас такую фигню начнет нести, что обхохочетесь!

Демоны задумались, когда я, проявляя необыкновенную щедрость, поставила на кон их вечную кабалу против серенады под окном. Предложение было соблазнительным, но демонов пугала легкость, с какой я соглашалась отказаться от власти над ними. Скорей всего, они бы отказались, если бы Анжело не ударил со мной по рукам, очень завлекательно заорав:

— А-а, давай! — шепнув мне на ухо: — Теперь ты моя должница.

— Оставь свои надежды, — широко улыбаясь, сквозь зубы процедила я.

— Тогда я сейчас правду расскажу, — не отпускал мою руку демон.

— Ладно, буду освобождать тебя на каникулы.

И тут вошел Сиятельный. У него были странные отношения с демонами: слушали они его всегда внимательно, но с таким выражением, словно ждали от него какой-нибудь глупости, так что неизвестно было, кто кого и чему учил. Они его выдержке или он их демонологии.

Выглядел он как всегда безупречно, словно на него работал целый штат цирюльников, прачек, портных и парфюмеров. Сиятельный поздоровался, аккуратно водрузил на кафедру тетради и приступил к лекции:

— Сегодня мы познакомимся с мифологией Полесья. — Князь перелистнул первую страницу. — Три верховных божества, коими

являются Громовержец, Навий царь и Лесовик. И богиня плодородия Жива.

Демоны сидели тихо как никогда в ожидании обещанных мною фокусов. Сиятельный тоже бросал подозрительные взгляды на аудиторию.

— Вот один из типичных мифов Полесья, — сказал Сиятельный, почему-то сверля меня взглядом. В классе стояла полная тишина, вздумай здесь летать муха, шелест ее крыльев показался бы оглушительным. — Ладно, — кивнул головой Князь и принялся зачитывать миф с конспекта:

— *«Посватались как-то Громовержец и Навий царь к Живе. Оба сильные, богаты, удачливы, не может Жива между ними выбрать. Трудно ей, девушке неопытной, решить такой вопрос самостоятельно. Решила она спросить у кого-нибудь совета, идет по дороге, а навстречу ей лисица-пройдоха.*

— *Что ты, Жива, такая грустная? — спрашивает лиса у девицы.*

— *Да вот, посватались ко мне два жениха, не знаю, как выбрать, — пожаловалась богиня. Лисица смекнула свою выгоду и говорит:*

— *Пойдем, провожу тебя к дядьке Лесовику, он мудрый, он поможет.*

А сама показала тропинку, и напрямки к Лесовику.

— *Что ты мне дашь, — спрашивает, — если приведу девицу пригожую?*

— *Зачем мне девица? — усмехнулся Лесовик.*

— *А это уж сам решай, а я хочу себе красивую шубку.*

Дал ей шубку Лесовик, Живу встретил, в избу свою провел, выслушал ее беду и говорит:

— *Помочь тут несложно, будем гадать на червях. Ты на кровать ложись и вслух говори: Громовержец, Навий царь, а я буду червя подносить, на каком имени тебе похорошеет, за того и замуж выйдешь.*

Удивилась Жива, но погадала. Вышло ей идти замуж за Громовержца...»

Сиятельный задумался, перелистнул несколько страниц, но подмены не заметил — почерк у Гомункула был неотличим от

Рагуилова. Демоны сидели с каменными мордами, а я вспомнила Лейину сказочку.

— «Поблагодарила Жива Лесовика за гадание, а он ей для пущей уверенности еще раз предложил погадать, и надо ж было такому случиться, что второе гадание показало на Навьего царя. Три дня они гадали, и все получалось по-разному, то на одного, то на другого.

— Что же делать-то теперь? — приуныла девица, а Лесовик плечами пожал и говорит:

— Да выходи ты за обоих, а детишек будешь от меня рожать. На том и порешили...»

— Что за чушь?! — выпучил глаза Сиятельный.

Весь класс уставился на меня, а Анжело сделал вид, что он тут ни при чем, просто мимо проходил, хрюкнул и спросил:

— Ну и кто это сделал? — спросил Князь, вперяясь взглядом почему-то в меня.

Я невинно похлопала глазками, а демоны тут же меня сдали, демонстративно отодвинувшись и слаженно кивнув головами в мою сторону, будто специально репетировали. Я задохнулась от возмущения, готовясь отпираться и спорить, но Сиятельный лишь усмехнулся, бегло пробежал глазами тетрадки и восхитился моим трудолюбием:

— Вы все конспекты испоганили?! Честное слово, я бы не усидел! Не могла же я сказать, что мы вшестером трудились!

— Но, я думаю, вам будет нетрудно восстановить все конспекты к следующему занятию. — И он улыбнулся так искренне и дружески, что я просто не смогла ему отказать.

Демоны злорадно оскалились, оказалось, у них и спор был на то, каким образом вздует меня Сиятельный. Стоило мне увидеть кочующие из рук в руки кладни, как я взревела медведем:

— Вы мне все должны до конца жизни!

В ответ на это класс засвистел и в меня полетела мятая бумага, а демоны намекнули, что сегодня они договаривались лишь на серенаду. И тут же, обнявшись, завыли на всю Школу: «Наша милка так, страшна, что боятся медведи, у нее суровый взгляд, просто так, не подходи!»

— Ну не буду вам мешать. — Сиятельный сделал всем ручкой и удалился из кабинета, оставив меня разбираться с взбунтовавшимися

кабальниками.

Итак, мне пришлось идти в архив.

Я не помнила, вырывал крыс страницы из конспектов или вымарывал, но надеялась, что он хотя бы их помнит.

Подойдя к ведущей в архив лестнице, я задумалась: стоит ли идти туда одной, без подруг? Стало как-то не по себе, я уже хотела повернуть обратно, как вдруг услышала голоса снизу из подвала, причем голоса знакомые.

Один голос принадлежал Гомункулу, а вот второй мне совсем не понравился, я заметалась и с трудом впихнула себя в чулан Любши — узкий пенальчик, заваленный ведрами, вениками, метлами. Затихла там, стараясь даже не дышать. Сама не знаю, зачем я это сделала, может, потому что в архиве, кроме пакостей, у меня ничего не получалось? И мне всегда казалось, что сейчас начнут кричать:

— Стоять! Не шевелиться!

Я лихорадочно стала перебирать в уме все свои проступки за последний месяц. И, решив, что ничего предосудительного не совершала, уж совсем было собралась выйти и поздороваться, как вдруг вспомнила про книжку с волшебными сказками для самых-самых. Наверное, крыс заметил пропажу добра и теперь просит Велия, чтобы тот его вернул обратно, вырвав из наших загребущих ручек.

«Ну уж нет», — сказала я себе и припала ухом к двери. Дверь чуланчика оказалась на удивление качественной, дубовой, непонятно даже, зачем чулану такая дверь?

Судя по тому, что мне удалось расслышать, Велий отчитывал Гомункула за бардак в архиве, а крыс оправдывался, и согласно ему выходило, что до нашего появления в Школе порядок был идеальный. Словно это не он триста лет из бесценных документов гнезда вил! Я разрывалась между двумя желаниями: послушать до конца и выскочить и накостылять по шее крысаку. Но тут в разговоре стали мелькать словечки: Сивка-Бурка, Серый Волк, карточки.

Уши у меня, как тогда в Больших Упырях, зашевелились и заострились, я отпрянула от двери, с ужасом схватилась за них и облегченно выдохнула: уши как уши. Но зато, пока я их щупала, спорщики разошлись. Я осторожно высунула из чулана нос и на цыпочках побежала в свою комнату, прятать книгу.

Открыла дверь, думая о том, где ее спрятать. И правда — где? В комнате — ненадежно, ушлые дружки вмиг отыщут. Унести в Заветный лес? Далеко. Единственное укромное место в Школе — это тот же самый архив. А это значит — отдать в лапы Гомункулу такую ценную книжку. С которой мы только начали знакомиться!

Занятая такими проблемами, я распахнула дверь, точно зная, что в комнате никого нет — все на занятиях. Тем неожиданней был удар подушкой. Меня вынесло в коридор, я услышала, как хлопнуло окно, и на весь этаж заорала:

— Воры!

На лесных разбойников разные люди реагируют по-разному, но приютские кидаются на них сами. Я не стала размышлять, стоит ли, не стоит драться, а ухватила подушку за угол и, размахивая ею, ворвалась в комнату с криком:

— Мочи гада!

За накрытым столом сидела пунцовая Алия с распущенными волосами, на голове шлем и бармица прямо поверх платья.

— Ты что? — пискнула богатырка, прячась за кувшин, а я потеряла дар речи и застыла посреди комнаты с подушкой в руке. Потихоньку в душу стали закрадываться смутные подозрения. Не знаю уж, что меня насторожило больше: платье, которые Алия на дух не переносила, или знакомые ананасы в шампанском?

Подруга под моим взглядом съежилась и покраснела еще больше.

На ветру хлопнула ставня неплотно прикрытого окна, и все мои сомнения окончательно развеялись.

— На валькирию готовимся, да?! — начала я наступать на подругу.

— А что? — затянула Алия. — Иду я, и вдруг Серый Волк, я ему: привет, Серый Волк, а он: привет, Алия.

— А потом передел тебя в платьице и косицы расплел? — догадалась я.

— Сама и переделалась, — насупившись проговорила Алия. Я не нашлась, что на это сказать. Упала на стул, оглядела настольное изобилие, радостно хлопнула в ладошки:

— Значит, скатерть-самобранка нам останется вроде отступных за тебя. — Я освободила скатерть от яств, свернула ее аккуратно и, заявив, что завистливому вампиру знать правду ни к чему, да и Велию

не стоит, а вечером устроим пир, мы теперь не жадные, угостим дружков, засунула ее в шкаф. Тут, пританцовывая, в комнату вбежала Лейя. Радостно взвизгнула при виде ананасов, мы нащелкали ее по загребущим ручкам и объяснили, что вся гулянка будет вечером. А после того как намекнули, откуда такое добро, едва удержали в комнате.

Мавка хотела во что бы то ни стало растрезвонить по всей Школе, что Алия влюбилась и жених у ней не абы кто, а сам Серый Волк! С которым лаквиллка нарожает много сереньких волчат. Я металась между восторженной мавкой, не давая ей выбежать из комнаты, и озверевшей Алией, которая обещала свернуть жабовне шею немедленно.

— Хватит! — заорала я в конце концов, и подруг разбросало в разные углы комнаты, после чего они присмирели. Но вместо того чтобы затаить друг на друга обиду, молча улыбались: Алия — мечтательно, а мавка как сумасшедшая. Надеюсь, когда мне придет пора влюбиться, я не буду выглядеть такой идиоткой.

Лейя, которую просто распирало желание поделиться хотя бы едой, принялась стучать ложкой по трубе, срочно вызывая Аэрона и перебравшегося в комнату к вампиру Велия, которому надоело мотаться из города в Школу и обратно. А я вспомнила про книгу, задвинула щеколду, сделала страшные глаза и сообщила, что Велий, падкий до чужих тайн, расспрашивал про нас Гомункула. Лейя пискнула:

— Надо спрятать книгу! — вытащила ее из-под моей перины и заметалась по комнате. Сначала она сунула ее за ковер на стене, сказав: — Все, тут не найдут.

Я хмыкнула, вышла за дверь, постучалась. Лейя спросила:

— Кто там?

— Аэрон, — ответила я басом. Лейя раскрыла дверь:

— Проходите.

Я вошла, оперлась рукой на ковер и ехидно спросила:

— А что это у вас под ковром пучится?

Лейя вздохнула:

— Найдут, — вытащила книгу и сунула себе под покрывало. Сцена была проиграна заново, только нахальный Аэрон в моем лице завалился на мавкину кровать и невинно поинтересовался:

— А что это у вас так жестко? Не книжку ли вы прячете?

Лейя негодуяюще взвизгнула и снова забегала с книжкой по комнате. Куда только мавка ни прятала книгу: и за печь, и за гардину, и к люстре привязывала, обвалив все свечи, но ушлые Аэрон и Велий всюду ее находили, так что под конец даже я их возненавидела, а Алия обреченно предложила обоим дружков прикопать по-тихому и не мучиться. Когда раздался стук в дверь, мы уже забыли, что сами же звали ребят в гости.

— Кто там? — рявкнула я.

— Мы, — как-то неуверенно ответили из-за дверей.

— Да идите вы к лешему! И так всю комнату перевернули! — заорала доведенная до бешенства Алия.

И тут мы, глянув друг на друга, сообразили, что за дверью стоят настоящие Аэрон и Велий. Я тихонько отворила дверь, высунула в щелочку нос и, пискнув:

— Подождите минуточку, — захлопнула дверь.

Как мы мечемся по комнате, было слышно, наверно, на весь этаж. Я и Лейя не знали, куда все-таки сунуть книгу, а Алия спешно переодевалась. В конце концов мы затолкали книгу на дно сундука, а Лейя пообещала, что не встанет с него, даже если загорится Школа.

Входили в нашу комнату парни с такой же осторожностью, с какой входят богатыри в пещеру разбушевавшегося дракона.

— Мы ничего не прячем, — возвестила сидящая на сундуке Лейя, я подпрыгнула и голосом радушной хозяйки пропела:

— Все прятанное уже на столе, — и скорчила мавке зверскую рожу. Может, у гостей и зародилось какое-то подозрение, но одного взгляда на накрытый стол хватило, чтобы из их голов вышибло вообще все мысли. Сами-то мы, увлеченные личными переживаниями, не обращали на это изобилие внимания, но мужчин оно потрясло.

То ли скатерть-самобранка по-другому не умела, то ли Серый решил произвести на Алию впечатление, но из того, что громоздилось на столе, я смогла с уверенностью опознать немного, но вида не подала.

— Ну кто тут жить не мог без ананасов? — небрежно махнула я рукой. — Налетай!

Как-то они неправильно поняли мое предложение, потому что вцепились в меня четырьмя руками и принялись трясти как молодую яблоньку по осени, выпытывая: что это значит? Откуда мы это взяли? И во что мы снова вляпались? Тут бы мне и быть разорванной дружками, но Лейя, не поднимая зада от сундука, всех обрадовала:

— А к Алие Серый Волк женихается!

Алия снова расцвела алым цветом, а я хмыкнула в лицо магу и задрала нос, дескать, не верил мне, сказки про белых бычков рассказывал! Он и Лейе не поверил бы, да уж очень сильно засопела лаквиллка, грозно предупредив:

— Только попробуйте засмейтесь! Отцовской саблей всех порубаю. — Она подумала и добавила: — В капусту!

Велий и Аэрон замерли, переваривая новость, маг, как всегда, думал дольше, подозрительно прищутив серые глаза, а компанейский Аэрон заорал, что это здорово, чмокнул Алию в щечку и громогласно потребовал:

— Подайте мне ананасы!

Велий вяло махнул рукой, попытался объяснить, что Серого Волка не существует, но я сказала, что тогда ему и накрытый стол мерещится. — Вот и стой на пороге, а мы будем радоваться жизни! — И я демонстративно ухватила вишню из вазы.

Кроме вишни в этой вазе (кстати, за эту вазочку любая принцесса бы удавилась) чего только не лежало! И желтенькое, и зелененькое, и красненькое всех оттенков, жаль, я названий не знала. Аэрон, дорвавшись до заморских вин, налил себе чего-то в кубок и возгласил:

— Тост! За нового четвероногого друга!

Вспомнив, какое коварное это заморское вино, мы заявили, что пить не будем. Велий расплылся в широченной улыбке, а Аэрон полез во все кувшинчики, судочки и прочие сосуды. Нюхнул из чайничка с узким носиком и сказал:

— О! Это вам понравится! Сладкое.

Мы согласились, подружки мои чокнулись с вампиром и магом и смело отпили, а я смотрела, что дальше будет, вспомнив, что такую штуку я уже пила в Мирене. Мавка сделала маленький глоточек и, закатив глаза, поцокала языком. Алия по-богатырски опрокинула бокал себе в рот и замерла, не в силах проглотить эту приторно сладкую

гадость. Я хихикнула, а Велий поспешно протянул Алие бокал со своим вином, велел прополоскать рот.

— Это шербет, — сообщила я, — страшная сладкая гадость, даже в детстве мне не нравилась!

— А мне нравится, — почему-то обиделась Лейя. Мы взглянули на стол другими глазами.

— А ведь так и травануться можно, — высказал умную мысль Аэрон. А рассудительный, как преподаватель, Велий предложил:

— Давайте скажем, кто что знает.

Я присоединилась:

— На щелбаны, кто больше назовет.

— Чур, я первая! — взвизгнула Лейя и ткнула пальцем в ягоду: — Вишня! Вишня!

Алия завопила:

— Ананас!

Аэрон, гордо расправив плечи, провозгласил:

— Шампанское!

Велий хмыкнул, попросил разрешения назвать все вина разом, стал засовывать свой нос во все емкости и объявлять:

— Это красное виноградное, белое полусухое, сидр яблочный...

— И нас называют пьяницами?! Да я и половины не знаю! Зато наставник... — Я ткнула пальцем в вазу: — Яблоко.

И понеслось. Знакомые всем продукты закончились очень быстро, теперь приходилось еще и доказывать, что ты действительно знаешь то, во что тычешь пальцем.

Аэрон внес предложение повысить ставки. Выигравший получал по одному желанию от каждого. И все согласились. Я так и видела в коварно прищуренных глазках их нехитрые мыслишки. Каждый мнил, что знает больше всех, и я в том числе. «Уж я-то с папаней на пирах сиживала», — бодрила себя дочь лаквиллского воеводы. «Да мы на дипломатических приемах такое кушали, чего вы и в глаза не видели!» — говорил про себя Аэрон. «Дети, — покровительственно улыбался Велий. — Да я в таких местах бывал, что вам и не снилось, а уж что кушал, и в страшном сне не приснится». «Шиш вам», — думала я. А Лейя не думала ни о чем, но ей очень хотелось получить от каждого по желанию. Мы начали.

— Лобстер! — объявила Лейя, приподнимая что-то огромное с членистыми ножками. — Вкус у него, как... у лобстера.

Все захохотали и предложили отведать ей самой. Мавка расковыряла членистоногому клешню, отщипнула кусочек мяса, спросила:

— Хотите?

Хотели все, кроме меня. Велий подлил Аэру вина и солидно так произнес:

— Его едят с белым вином.

И они за считанные минуты умяли бедного рака-переростка.

— Прямо волки какие-то, — сказала Алия и объявила: — Оранже! Деловито очистив шкурку, она разломала фрукт на дольки. Я съела одну и поморщилась:

— Кисловат.

— Помидор. — Аэрон катал по столу что-то красное, похожее на мягкое печеное яблоко. — Его нужно есть с солью, а еще лучше давить сок, от похмелья хорошо помогает. — Он нам подмигнул.

— А можно я назову все соусы, — опять выпендрился Велий и принялся тыкать в судочки.

— А я сварю вам кофе! — обрадовала я присутствующих, ухватила турку и направилась к печке.

Компания с интересом следила за моими действиями. Когда чудесный запах поплыл по комнате, Аэрон и Алия задергали носами, но первой пить заставили меня. Я вылила коричневую жидкость в кружку, добавила молоко и сахар, с удовольствием отхлебнула... К сожалению, только этот глоток мне и достался, кружку тут же вырвали из рук, и напиток исчез.

Аэрон предложил повысить ставки — по очереди угадывать то, что играющий берет в руки. Проигравшие поют песни.

— А то что-то у нас тут скучно, — пояснил захмелевший вампир.

— Щас я вас развеселю! — пообещала Лейя и взяла со стола какую-то странную круглую штуку. — Ну, — она обвела нас ехидным взглядом, — какую песенку петь будем?

Пришлось петь песенку про тоскующую русалку. Мавка расчувствовалась и разрешила нам отпробовать икры морского ежа. Дрянь страшная.

— И зачем это люди едят? — озадачилась я. Лейя закатила глаза и в двух словах объяснила, что это похлеще любовного зелья и за последствия она не отвечает. А когда мы кинулись на нее с кулаками, глубокомысленно заметила:

— Ух, как вы взбодрились!

Я посмотрела на парней, они покраснели, и Аэрон не выдержал, заорал:

— А ну хватит таращиться!

Алия нервно схватилась двумя руками за зеленый шар. Мы уставились на него, не узнавая. Лаквиллка пыхтела, сопела, и мы, поняв, что, если не споем, она раскричится, запели песню про волчью жизнь. После этой песни расстроенный Аэрон убито поинтересовался:

— Ну и что это?

— Сама не знаю, — ответила Алия, тараща глаза. На мгновение мы просто онемели от такой наглости, а потом я закричала:

— Это орех! Такие штуки висели на тех смешных деревьях, когда мы с Сивкой-Буркой к черным голым мужикам ездили! Ну еще до гарема и Лысой горы! — Над столом повисло молчание, Аэрон и Велий буравили меня взглядом, я сообразила, что ляпнула лишнее. И тут под нашими окнами грянул слаженный хор демонов:

Сладкогласный соловей,
С нашей песней песню слей!
Баю, баю, баю-бай!
Козни, чары вражьих ков,
Не смущайте светлых снов.
Спи, царица, отдыхай.
Доброй ночи, баю-бай!

Велий вскочил, тыча пальцем в окно, и тут под дверью козлетоном заверещал Анжело:

Вы не смейте делать худо,
Долгоножки-пауки!
Все улитки, прочь отсюда!

Сгиньте, черные жуки!

и вновь под окошком грянуло:

Сладкогласный соловей,
С нашей песней песню слей!

Лейя, разевая рот, как рыба, съехала под стол, Алия выронила свой зеленый фрукт, и тот со стуком покатился по полу. Аэрон завистливо втянул слюну и сделал ручкой в окошко, а Велий возмутился:

— Безобразие! Они нам всем должны, а поют только ей! — Он почему-то ни на миг не усомнился в том, что царица — это я. Я оттерла Велия и Аэрона от окна и, махнув платочком демонам, выказала им свое благорасположение. Демоны начали раскланиваться и кривляться, а летавицы стали долбить нам в стену с криками:

— Опять Вереины мужики нам спать не дают!

— Да когда же это прекратится?

— Ведь уже помолвлена!

— Тут кое-кто спать пытается!

— О, какие у вас соседки осведомленные! — сказал Аэрон. — Мне концерты закатывала, в Заветный лес водила, а сама...

— Я чиста перед «женихом», — заявила я.

Мы сграбастали все волчье угощение и ушли пировать к Аэрону.

Утром звонок Рогача застал нас в мужском крыле. Алия со стоном приподняла голову, поводила мутным взглядом туда-сюда и помянула лешего. У меня под правой рукой завозилась Лейя, под утро мы втроем завалились спать на Аэроновой кровати.

— Охохонюшки! Как же я объелась! — пожаловалась мавка.

Я попробовала открыть глаза, поднять руки, но тело шевелиться решительно не хотело, и я поняла, что нет никакой разницы — есть на ночь или пить на ночь, утром все одно жить не хочется. Велий с Аэроном завозились на соседней кровати. Как они ни настаивали на

том, чтобы спать вповалку, мы отказались, гордо заявив, что совесть мы, может, и потеряли, но стыд — никогда!

Я открыла один глаз, любуясь вампиром — он наконец-то выглядел по-человечески: мятый, зеленый и больной.

— Сбылась мечта идиота? — спросила я его. — Накушался ананасов с шампанским?

— У меня ручки дрожат, у меня ножки дрожат, у меня головушка болит! — пожаловался Аэрон.

— Зато как ты вчера отплясывал, — проворчала Алия. — И на ногах, и на руках.

— Да, нельзя столько пить, — подал голос проснувшийся Велий. Под вашим дурным влиянием я превращаюсь черт знает в кого. — Как ни странно, поднялся он легко, но на втором шаге мага повело в сторону, и я хмыкнула:

— Выпендрейчик. Может, прогуляем сегодня второй урок?

Вставать я не торопилась, наоборот, обняла покрепче подушку, наслаждаясь тем, что на кровати осталась одна.

— А это вообще какой звонок? Первый, когда просыпаться, или второй, когда на уроки идти? — спросила Алия.

Услышав это, Велий подхватился, подскочил к шкафу, выхватил из него плащ и, закричав, что у него сегодня занятия, неизвестно куда бы умчался, если бы я не вякнула, что его занятия лежат прямо перед ним на кровати.

— В каком смысле? — растерялся Велий и начал шарить по мне таким оценивающим взглядом, что я стала поспешно зарываться под одеяло, бурча:

— Уроки у нас сегодня.

— Ах да, уроки... — Велий пододвинул поближе стул, закатил глаза и нудно затынул: — Тема сегодняшнего занятия — защита твоего магического резерва.

— О-ох, — протянула я.

Аэрон, заметив, что маг чувствует себя не лучше нас, похлопал его по плечу. Алия и Лейя захихикали и стали продвигаться к двери, Лейя, обернувшись, делала мне какие-то знаки. Я сладко зевнула и выразила желание поспать, пока наставник будет мне давать урок. Но Аэрон заявил, что должен немедленно заняться своим туалетом и не

собирается делать это в присутствии посторонних. Пришлось выметаться. Велий сонно бросил мне вслед, что занятие будет в парке.

Погода была ясная, легкий морозец окутал ветки инеем, солнышко искрилось на нем, пуская тысячи крошечных зайчиков. Осторожно ступая по хрусткому снегу, я направилась на облюбованную нами с Велием тропинку и усмехнулась, увидев его с большой кружкой в руках. Он шел, чуть сутулясь, прихлебывая на ходу.

— И чем опохмеляются маги? — спросила я. Он усмехнулся и открыл страшный секрет:

— Кружка крепкого чая и пол кружки сидра.

Я решила это запомнить. Хлопком отправив кружку обратно на кухню, порозовевший и оживившийся маг начал урок. Выглядело это примерно так. Я канючила:

— Может, не надо, может, не стоит, может, не сегодня?

А Велий с такими же интонациями отвечал:

— Надо, иначе мне таскаться с тобой придется до конца жизни, и вообще, если ты хочешь подарок, то должна немедленно оставить всякие глупости.

Подарок я хотела. И мы убили еще не меньше получаса на выяснение, понравится ли мне его подарок. В процессе было вытоптано полпарка, перелопачена гора снега, мы с наставником промокли насквозь, в результате мне пришлось отогреваться под его плащом. Тут-то этот коварный тип и начал урок, прошептав на ухо:

— Представь, что ты попала в лапы враждебно настроенного мага...

Я пискнула и попробовала вырваться из его рук.

— И тут он начинает использовать тебя как накопитель, и...

Не дав Велию договорить, я пнула его в коленку, резко присела, увлекая мага вниз, и помогла ему красиво шлепнуться в сугроб. Полежав немного, он задумчиво проговорил, что вовсе не это имел в виду, а еще, дескать, моя сила, как горное озеро, если вода найдет щелочку, то мгновенно устремится вниз, я должна научиться строить плотину на пути этой неистовой стихии. Я ехидно поинтересовалась:

— Я что, бобр?

Тогда Велий попросил, чтобы я помогла ему выбраться из сугроба, но стоило мне ухватить его за руку, как я почувствовала, что во мне появилась та самая чертова дырочка, которую он так красочно расписал. Брешь не больше, чем от укола иглой, но до чего мерзкое ощущение! Я возмущенно заверещала, а он, ухмыляясь, приподнял бровь:

— Представь, что ты не хочешь, чтобы это продолжалось.

— А ты уверен, что я этого хочу?! — заорала я.

На какой-то миг я даже была близка к истерике, дурацкая идея с плотиной и бобрами вертелась у меня в голове. Я никак не могла рассчитать, сколько нужно бобров, чтобы закрыть эту дырку, и сколько им, беднягам, понадобится времени, чтобы свалить деревья и приволочь к нужному месту, а уж сколько нужно самих деревьев... В конце концов я разозлилась на мага и его бестолково суесящихся бобров. Не хочу быть горным озером! Хочу быть морем-окияном, из него ничего не проливается, только втекает! Велий широко открыл глаза, как-то скис и побледнел.

— Эй! — Я похлопала его по щекам, он беззвучно пошевелил губами. — Что? — Я наклонилась поближе и услышала слабое:

— Отпусти руку, дурища.

И тут я поняла, что за странное чувство в груди, выдернула руку и стала вытирать ее о снег.

— Мерзко, правда? — Велий кряхтя поднялся на ноги, а я уперлась взглядом в его накопитель. Он был БЕЛЫЙ!

Я ойкнула, поняв, что это все из-за меня.

— Фигня! — Маг махнул рукой и упал без чувств в ставший родным сугроб.

— Вот тебе и море-окиян, — пробормотала я и в панике закричала: - Люди-и, нелюди-и, да помогите же кто-нибудь! Я наставника убила!

Первокурсники с ужасом прилипли к стеклам, глядя на нас.

— Анжело! — завопила я.

И, увидев, как он несется ко мне, а за ним остальные демоны, я без сил опустила на снег.

— Все-таки сгрызла! — удовлетворенно произнес Анжело, остановившись над магом.

— Я не хоте-ела!

— Ладно, не реви, — сказал Анжело. — Если обещаешь освободить нас от вечной кабалы, я верну его из мертвых.

Слезы у меня тут же просохли.

— Еще чего! — ответила я. — Давай я освобожу только тебя. Ты воскрешаешь, ты и получаешь награду.

— Слушай, подруга, тебе не стыдно?! Торгуешься над неостывшим телом!

— А если остынет?

— Тогда только мертвяк получится, — авторитетно заявил Анжело.

Демоны устроили консилиум над телом мага, приподнимая ему веки, дую в уши, многозначительно кивая друг другу и всем видом показывая, что Велий не жилец.

Примерно так же они дурили Рогача, доказывая ему, что в бочке с вином завелась пузырчатая уксусная муха, отчего вино стало непригодным к употреблению, а на доньшке даже ядовитым. Я потыкала Велия пальцем. Оказалось, он вовсе и не мертвый, так, немножко в обмороке, и все.

— Да я ж ничего не делала такого, от чего помирают! — взвизгнула я. — Сейчас мы все исправим!

Я схватила бессильную руку Велия и, негодуя на мага с его плотинами и бобрами, представила себя горным озером и подняла все шлюзы. Последнее, что я увидела, была кривая улыбочка Анжело.

Очнулась я уже в своей комнате, за окном был поздний вечер, Лейя хлопотала у печи. Велий и Аэрон резались в карты, сидя за нашим столом. Алия, заметив мое шевеление, с ходу заявила:

— Нет, вы только гляньте, она все-таки прогуляла второй урок! Я изобразила прекрасную умирающую принцессу и слабым голоском попросила пить.

В ответ мои друзья дружно засмеялись:

— Кощей проснулся! Не давай ему, Алия, воды, а то напьется, порвет цепи и утащит тебя, превратит в лягушку!

— А где сострадание к умирающей?! — возмутилась я.

— Какое тебе сострадание, упырица! — заржали в ответ. — Сначала пыталась сгрызть учителя на глазах у всей Школы, а когда

поняла, что слабо — надула так, чтобы разорвало! — Аэрон тряс светлой головой и хохотал.

— А о том, как ты торговалась с демонами за мою жизнь, уже легенды ходят! — вторил ему Велий, к счастью живой и здоровый, нахальный и ехидный. — У-у, скупердяйка!

— А меня скопидомом называла! — пожаловался Аэрон.

— Ага, теперь мне всю жизнь об этом напоминать будут! — Я вскочила и сердито уставилась на Велия. — Да ты сам меня со своими бобрами запутал! То строй ему плотину, то ломай! Да у них зубы казенные, что ли! И вообще, ты мне подарок обещал! А еще я тебе внепланово накопитель подзарядила! Бесплатно!

— А кто мое здоровье подорвал на корню? — жизнерадостно осведомился Велий. Я помолчала, переваривая сказанное, и опять потребовала:

— Между прочим, ты обещал мне подарок! Ну и где он?

— Чур, мне тоже дашь поносить! — пискнула от печи Лейя.

— Ага, — вмешалась Алия. — На всех поделим и съедим.

— Вообще-то я вас на прогулку хотел позвать, — смущенно сказал Велий.

— Ну дак чего сидим? — воскликнула лаквиллка.

Лейя отложила ложку, которой что-то мешала в кастрюле, и сообщила, что до утра она совершенно свободна. Аэрон загоготал.

— Чего смешного?! — уставились мы на вампира, тот объяснил, что это будет не просто прогулка, а прогулка с мордобоем, да еще с возможностью подзаработать.

Мы так и не поняли: пугал он нас или хотел соблазнить, чтобы мы сорвались с места прямо сейчас, но Велий замахал руками и сказал:

— Сначала нужно получить разрешение у Феофилакты Транквиллиновича. Если он согласится отдать вас под мою ответственность.

— Хочешь, мы сделаем что-нибудь такое, чтобы он сам тебе предложил забрать нас куда угодно? — невинным тоном поинтересовалась я.

Велий крикнул и замотал головой. Глаз дракона задорно переливался всеми оттенками глубокого изумруда, заряжать его не потребуется ближайшие года два. Да, переборщила я со своим горным озером.

Маг поспешно объяснил, что ничего ТАКОГО творить не надо. Договоренность с Феофилактом Транквиллиновичем уже есть, они только боялись, как бы меня не поймал какой-нибудь Лонгин. Но сегодняшнее занятие доказало, что защитить себя я смогу. Тут Велий кашлянул, опустил взгляд на свой накопитель и покачал головой. Я заулыбалась и горделиво напыжилась, а Велий перешел к сути дела:

— Еще месяц назад в Змиевых Засаках, что на дальних границах Златоградья, погиб миренский посол.

— Миренский?! — удивилась я.

— Не знаю, какой черт его понес туда охотиться на зубров, — Велий пожал плечами, — но умер он от чумы. Дело обычное для южанина, но после этого княжий воевода Буян обнаружил в тех же Засаках три вымерших села, и вот это уже не на шутку встревожило великого князя. Воевода был тотчас снаряжен в Конклав магов, а те предложили мне разобраться, уж не моровая ли дева посетила порубежье. — Велий спокойно налил себе квасу в кружку, словно не замечая, что мы изнываем от нетерпения, и стал не спеша пить.

— Ну давай дальше! — прорычала Алия.

— Вот я и подумал, чем прочесывать эту местность целых полгода нудно, проще впятером разобраться с этим делом за месяц. Тем более что чары моровой девы на нас не действуют. — Маг хитро прищурился и потянулся к персику — остатку вчерашней роскоши. Лейя, проводив взглядом бархатный фрукт, вякнула, что чары-то, может, и не действуют, но эту чуму она все равно боится. Алия оскалила зубы и стала изображать нападающую на мавку моровую злыдню. Начался визг, писк и бестолковая беготня мавки по комнате с попытками спрятаться под кроватью.

Велий попытался призвать подружек к порядку, а Алия подмигнула мне:

— Он будет у нас десятником, а мы у него на побегушках. А по субботам, в банный день, он будет нас пороть!

Велий буркнул, что к этой обязанности он бы с удовольствием приступил прямо с сегодняшнего дня и даже уже наметил первую жертву, а я вступилась за мага, сказав, что дело, наверно, серьезное и надо обсудить способы поимки этой злобной девицы.

Первым делом выяснилось, что командовать полками Велий не умеет, привык работать в одиночку. Во-вторых, он почему-то думал,

что мы будем или брести вместе с ним, или прибегать к нему на ночевку.

У меня сразу закралось подозрение, что маг либо за нас боится, либо ему просто скучно.

Возмутившись его дилетантским подходом к такому серьезному делу, мы заявили, что не собираемся потратить свои лучшие годы жизни на поиски этой лихоманки, и предложили ловить ее, разделившись. Кто быстрее поймает, тому остальные должны желание. Велий, конечно, ожидал, что с нами будет весело, но что до такой степени!

Оробев перед нашим напором и, как мне показалось, уже жалея, что решил взять нас с собой, он стал просить, чтобы мы ни в коем случае не пытались справиться с моровой девой сами, дескать, наша задача — обнаружить ее и сообщить ему. Мы, перемигнувшись, согласились.

На подготовку у нас было два дня, однако в тот же вечер Сиятельный выловил меня в школьном коридоре и осведомился, где это пропадает госпожа Верея и когда я сделаю милость и принесу ему восстановленные конспекты? Я, вопя от горя, бросилась за помощью к Велию и вкратце ему обо всем рассказала. Маг посмеялся и сказал, чтобы я выбросила из головы всю эту чушь и просто сообщила Сиятельному, что в конспектах шла речь о борьбе эльфов за янтарный престол.

Феофилакт Транквиллинович свое разрешение на наш поход все таки дал, а вот Велий вдруг чего-то испугался и стал требовать от нас страшной клятвы, что не станем заниматься самодеятельностью, а потом вообще выразил надежду, что мы передумаем и будем бродить вместе с ним. Но мы стояли на своем, желая ловить чумную злыдню по отдельности.

Тогда Велий стал терзаться проблемой связи. И вот тут-то и выяснилось, что думать сидя, стоя или лежа маг не умел совершенно. Велий ходил взад-вперед по выделенной нам аудитории, бормоча себе под нос:

— Значит, вы не хотите быть под моим присмотром? Это ничего, это не страшно, мы найдем выход.

Он влез на подоконник, ненадолго замер, глядя в окно, взъерошил волосы, снова спрыгнул, и ходьба, сопровождаемая стуком подбитых сапог, продолжилась.

Алия глубокомысленно заметила, что у богатырей бывает то же самое — пока не погонит их дракон по чисту полю, пыхая в зад огнем, они дураки дураками, ни слова сказать красной девице, ни песню спеть, и ничего от них, кроме «ну-у», не добьешься. А как только навалится на них вражья рать, так быстро начинают соображать, что диву даешься.

У Велия обнаружился этот же симптом. Это на уроках он был такой спокойный и рассудительный, а стоило нам отказаться волочиться за ним хвостом, как удержать его на стуле стало большой проблемой. Аэрон, развалившись на учительском столе, только кривил губы в ухмылке, наблюдая за передвижениями мага.

— Он меня пугает, — бурчала Алия, следя за Велием.

— Меня уже тошнит, — пожаловалась Лейя. — Пусть он перестанет ходить туда-сюда.

— Я знаю! — Маг остановился. — Мы будем общаться телепатически. Ваши мысли будут прямиком попадать в мою голову, а мои звучать в вашей.

— Все? — пискнула Лейя и зарумянилась.

— Что «Все»? — спросил Велий, обернувшись к смущенной мавке, а Аэрон со смехом пояснил:

— Девицы их возраста либо вообще мыслей не имеют, либо мысли их такие, что ты и уважать их перестанешь!

Маг улыбнулся, а мы вознегодовали.

— Чего?! Сам-то самый умный, что ли? — прошипела я, а Алия поинтересовалась:

— Никто не будет против, если я его зубы на ожерелье пушу?

Лейя загадочно молчала и цвела, как роза в саду, всем своим видом подтверждая слова вампира.

Аэрон на всякий случай слез со стола, чтобы, если мы на него все-таки кинемся, успеть дать деру. Нет, он, конечно, мог и меня, и Алию в бараний рог скрутить, но предпочитал спасаться бегством.

— Вы не забыли, что мы собрались по делу, а не просто уроки прогуливать? — спросил Велий. — Почему я должен за всех отдуваться? Будете дурака валять, уеду один. — И он демонстративно

уселся на освобожденный Аэроном стол, приподнял бровь, дескать, жду ваших предложений.

— Зачем за нами вообще присматривать — заговорила я, но мои слова остались без внимания — даже взглядом не удостоил.

— Ты же маг, — пожал плечами Аэрон, — сам к нам являйся!

— Что за глупость! Куда я буду являться? Откуда я буду знать, где вы?

— Ты же такой умный, ты обязательно придумаешь! — подлизалась я к Великому. — Вот Аэрон, например, меня чует на расстоянии.

— Чует. — Маг ткнул в меня пальцем. — Вот именно, чует.

Ох, не понравился мне его взгляд! Я толкнула вампира в бок:

— Он сейчас предложит покусать нас всех!

— В Урлаке запрещено многоженство, — возразил Аэрон, на всякий случай отодвигаясь от нас подальше.

— Да что вы о всякой ерунде! — Великий хлопнул ладонью по кафедре и уставился на меня трезвым взглядом совершенно здорового человека. — Верелея, ты помнишь, как сеть на драконьих бусах схлопнула?

— Ну, — буркнула я неуверенно.

— Вот и будем делать сказочную штуку — «волчий нос». Вы пробовали когда-нибудь делать волшебные вещи, не болванчика, которого дарит жрец Хорса, не сомнительные корешки, которые выдают простак за чудодейственное снадобье, а по-настоящему волшебные вещи?

Я сразу вспомнила про книжку волшебных сказок Да, были и раньше люди вроде меня — придумали и скатерть-самобранку, и сапоги-скороходы, и много чего еще. Я вспомнила про блюдечко с наливным яблочком и закричала:

— Зеркальце, в котором весь мир можно увидеть, — вот что нужно! Все замолчали, уставившись на меня, а Великий сказал:

— Вот оно, решение, — и добавил: — Можешь ведь, когда хочешь!

— А если я в это время в баньке парюсь? — прищурилась Алия, тоже сообразившая, о чем идет речь.

— Мелочи это, — отмахнулся маг, — главное — начать, остальное... это остальное. — И потер руки.

Таким образом, мы обзавелись: зеркалами-приглядками, ушками-ракушками и колечками-ябедниками, которые докладывали, что за нами в данный момент присматривают. Дважды заходил Теофилакт Транквиллинович, чтобы унять наши вопли. Лейя до хрипоты придиралась к зеркальцам, требуя то такое, то эдакое, доводила до нашего сведения, на берегу какого моря лежали ее ракушки и почему с ними надо обращаться очень осторожно! Намекала, что колечки выданы нам во временное пользование и вернутся обратно к хозяйке, то есть к ней.

Парни багровели и сквозь зубы уговаривали мавку. Аэрон сказал, что тоже отдал свой недешевый перстень Велию, и ничего, не плачет. Все это продолжалось до тех Пор, пока Алиа не заявила, что ей, как будущей валькирии, не пристало возиться с зеркалами, кольцами и ракушками, что смотреться ей пристало только в лезвие меча, а кольца нужны лишь те, что для стрельбы из лука. После слов лаквиллки нас просто выволокли на улицу и вываляли в сугробах, и напрасно я доказывала, что молчала и ничем не выказывала своего недовольства.

— Как мы доберемся до места? — спросила я о том, что меня волновало, пока повариха наполняла горшок душистой кашей. Вдоволь навалявшись в снегу, мы заскочили в столовую, потому что Аэрон заявил, что, если его не накормят немедленно, он сам кого-нибудь съест. Велий встряхнул головой, капли от стаявшего снега брызнули в стороны:

— До порубежья — на драконах. Конклав магов выделит парочку. А между деревеньками сами решайте. Деньги на расходы нам выделены. — Он посмотрел на меня и прибавил, догадавшись, о чем я думаю: — Пешком не пушу! Поселки и хутора довольно далеко друг от друга, да и мало ли, волки, разбойники, мародеры. Вдруг придется бегством спасаться. — По достоинству оценил выражение моего лица и буркнул: — Хотя от такой особы любые разбойники разбегутся.

Лейя взяла горшок из рук молоденькой поварихи, которая просто расцвела при виде Велия, а когда маг ей улыбнулся в ответ, зарделась еще пуще и добавила несколько булочек. Я одарила ее хмурым взглядом и, подтолкнув мавку к выходу, потопала следом.

Аэрон и Алиа ждали в коридоре. Вампир сунулся было к каше, но получил по рукам от Лейи.

— Мы с Аэроном в Чаронице купим лошадей. И вам советуем, — продолжал Велий, поднимаясь в жилое крыло.

Алия загадочно молчала и улыбалась. Я сразу догадалась, на чем, вернее, на ком подруга собралась разъезжать.

В комнате, разложив кашу по тарелкам и сев за стол, я продолжала ломать голову над проблемой передвижения. Лейя щебетала Аэруну, что мечтает о небольшом длинноухом ослике, саночках и кнутике, которым этого ослика будет удобно стегать, если он вдруг заупрямится. Вампир посмеивался, Алия тоже ухмылялась, а я молча ела кашу и думала, как ограничить свое общение со столь страшным животным, как лошадь. Ведь если я ее куплю, за ней еще и ухаживать придется, а я и подходить-то боюсь! И вот ведь странно — Сивку-Бурку и Индрика не боюсь ни капли! Может, потому что они разговаривают? И вообще — разумные?

— Мне нужно еще одно зеркало, — сказала я. — Такое же волшебное.

— Зачем это? — Велий прищурился, отодвигая пустую тарелку.

— Затем, что я его унесу в Заветный лес. И, если решу из одной деревни перебраться в другую, вызову кого-нибудь оттуда.

— Кого? — продолжал допытываться маг.

— Хоть Ваську, хоть Индрика, хоть Карыча. Страж похвалялся, что утащит меня безо всякого труда, вот пусть и выполняет обещание. — Я обернулась к вампиру: — Аэрон, сможешь мне отнести зеркало к Древним?

«Женишок» задумался, вспоминая, очевидно, прошлый визит и решая, как бы мне потактичней намекнуть, что он и тем разом сыт по уши.

— Я схожу. — Велий налил в кружку чая. — Давно хотел на Древних посмотреть, а то Аэрон так красочно их расписал, аж завидно.

— Ты только в ее летнюю резиденцию не суйся, — напутствовал его вампир. — В прошлый раз ее родственнички так меня уделали!

— Глот не забудь, — сказала я, вставая из-за стола и вытаскивая старую шубку.

В лесу было тихо, как бывает только зимой. Снег лежал роскошными шапками на ветвях елей.

— Надеюсь, успеем к вечеру, — сказала я, — а там заночуем. Велий перекинул котомку с «волшебным зеркалом» на другое плечо. Вес у нее был изрядный, мало того что мы решили придерживаться традиций и в качестве зеркала выбрали огромное серебряное блюдо (жадный Аэрон полдня плакался, что мы разорили родительский сервиз), так я не удержалась и положила в мешок всяких деликатесов, включая знаменитые своим похмельем ананасы в шампанском. Как уж я, тайком от ребят, разворачивала скатерть прямо в шкафу, лучше и не вспоминать.

Велий, приподняв увесистый мешок, хмыкнул, глубокомысленно заметил, что одно серебряное блюдо столько весить не может, и сунул туда нос, а потом допрашивал с пристрастием, откуда все это добро. Моему объяснению, что, мол, если в полночь три раза хрюкнуть и повернуться вокруг себя, то котомка наполнится всякими вкусностями, он не поверил. Но большего из меня выбить не удалось.

И вот теперь мы шли в Заветный лес. По дороге Велий рассказывал истории из своей жизни. Если им верить, то он с раннего детства был жутко могучим, непобедимым и практически всесильным магом, еще и на ножках-то стоять не мог, а уже крошил нежить налево и направо.

— А ты Аэроновой щеткой зубы не чистил? — спросила я.

— А что такое?

Я с тревогой осмотрела лицо мага и серьезно сказала:

— По-моему, ты заразился.

— Чем это? — забеспокоился маг, почему-то охлопывая себя по карманам. Зелья у него там, что ли?

— У Аэрона неизлечимая болезнь. Только я и не предполагала, что она так заразна! — Я отошла от Велия шагов на пять. — Знаешь как она называется? Неумеренное восхваление своих достоинств, бахвальство по-научному. — Сказав это, я припустила со всех ног.

К моему удивлению, Велий оказался здоровый лось, гнал меня по сугробам и даже не запыхался. Если бы не граница из елей, то и догнал бы, а судя по угрозам, сделал бы много страшного. Я нырнула под мохнатые лапы исполинских елей, а маг замешкался.

— Чего, струсил, герой? — задорно выкрикнула я. Велий как-то неуверенно переступил с ноги на ногу и признался:

— Понимаешь, вообще-то Древняя нечисть не любит магов.

— Почему?

— Ну-у, — протянул Велий, взлохмачивая шевелюру, — у нас научные школы разные.

— Не бойсь, — покровительственно произнесла я, — не захотят же Древние свою любимую племянницу... или внучку, или дочку? задумалась я, — ай, да какая разница! — в общем, родственницу оставить без провожатого.

Велий набрался духу и шагнул за стволы.

Погода в Заветном лесу стояла пасмурная, солнце мутным пятнышком опускалось к горизонту. Карыча мы нашли на скале. Ворон сидел нахохлившись, молчаливый и недовольный. Рядом почтительно молчал Васька. Скосив на нас полуприкрытый пленочкой глаз, василиск издал тоскливый вой.

— Да, бр-рат Васька, гр-рустно, — согласился Карыч.

— По ком поминки справляем? — жизнерадостно спросила я, подбежала к ворону и чмокнула его в лоб. Васька, воспользовавшись тем, что я сама подошла, бросился обниматься, повалил в снег и навалился сверху, пытаясь зализать до смерти.

— Фу! Васька! Мерзость какая! — визжала я, не в силах от него отбиться. — Прекрати немедленно!

Карыч покосился на нашу возню и каркнул:

— Р-ренегат.

Васька замер, а я тут же вскочила и уперла руки в боки:

— Карыч, ты что, поганок накушался?

Страж ткнул крылом в сторону Велия:

— И зачем ты это пр-ритащила?

— Оно, между прочим, вам камень сновидений добыло, — возмутилась я. — И зовут его не это, а Велий.

Карыч хмыкнул и спланировал со скалы прямо к магу, постаравшись мазнуть перьями по лицу. Васька радостно гукнул, но тут же сжался под суровым взглядом Стража. А ворон начал ходить вокруг Велия, бурча:

— Чар-родей, значит? Великий р-разумом, значит? Умники неблагодар-рные!

— Я благодарный и не умник, — сказал Велий.

— А от Вер-реи тебе чего надо? — допытывался ворон.

— Карыч! — влезла я в разговор. — Чего ты привязался? Друзья мы с ним.

Карыч впился взглядом в мага, склонив голову набок Маг, подтверждая мои слова, закивал, но старый склочник велел:

— Не вр-рать, смотр-реть в глаза!

— Карыч! — возмущенно одернула я его. — Я ему тут подарки принесла, а он склоки устраивает! К моему «женишку» ты так не привязывался!

— Дур-ра, — вспомнил мое прозвище страж и, тяжело взмахнув крыльями, поднялся над Заветным лесом, повелев с заоблачных высот: — Васька, подар-рки пр-рихвати!

Василиск потерянно заверещал, всем своим видом показывая, что не желает с нами расставаться.

— Ты мне еще подер-рзи! — рявкнул с высоты Карыч.

— Ах так! — закричала я, запустив руку в котомку, вытащила первое попавшееся и, раскрыв василиску пасть, засунула туда подарочек Ваське понравилось, он сглотнул, не жуя, и понял, что началось веселье. Скормить огромный тюк вкусовостей этой орысине казалось минутным делом, воспитанный мавкой василиск был практически всеяден. Слизнув с ладони горсть засахаренных фруктов, он радостно потянулся к кувшину с вином, но тут же взвизгнул, потому что рассерженный Карыч тюкнул его в темя, заорав:

— Мал еще! А ты, дур-ра, смотр-ри, что р-ребенку даешь! Васька закрутился испуганным щенком, но тут появилась Березина и недовольно поинтересовалась:

— Чего это Карыч разбушевался?

Мы с вороном оторвались от мешка, который тянули друг к другу, и увидели, что все обитатели Заветного леса собрались на поляне и с интересом рассматривают меня, негодующего Карыча и Велия. Васька прогарцевал по кругу, ухая и гукая, рассказывая, какую я ему дала вкусную штуку и какой гнусный и жадный Карыч.

— Здравсти, — поздоровался со всеми Велий.

Березина чуть изогнула бровь и, колыхнув грудью, довольно усмехнулась, заметив, как покраснел маг. Анчутка, многозначительно помолчав, сделал почему-то Велию козу. Вдалеке дрогнула земля, я услышала возмущенный рев Индрика:

— Где этот?! Гоните его в шею!

— Ну вот и сбылось одно из ваших заветных желаний, молодой человек, — проговорила, появившись словно из ниоткуда, Горгония.

А Коровья Смерть, положив ему руку на плечо, молча улыбнулась.

Я выпустила из рук мешок, злорадно отметив, как Карыч, не ожидавший этого, катится в сугроб, и решила закатить грандиозный скандал, начав его словами:

— Я что, не домой пришла?! Что за представление?! — Речь планировалась надолго, в конце я хотела притопнуть и объявить, что сейчас все здесь разнесу, но Древние — это вам не Феофилакт Транквиллинович, хоть он и Вук Огнезмей. Не успела я сказать и двух слов, как оказалась в своей летней резиденции в компании Березины, Горгонии и Коровьей Смерти.

— У-у, а это у нас что?! Подарки! — обрадовалась Горгония. Березина вытащила гранат и, закатив глаза, пожаловалась:

— Как я соскучилась по югу! Помнится, последний раз зернышко граната мне предлагал попробовать один бог Эреба. Но я отказалась.

— Эй! А где Велий?! — взвизгнула я. Коровья Смерть, улыбнувшись, запустила обе руки в мою котомку и успокоила, сказав, что у них сейчас мужской разговор, в который мне лучше не вступать.

— Какая прелесть! — Она вытащила блюдо и, повертев его в руках, поинтересовалась: — А что это?

— Это волшебное зеркало, — буркнула я, занятая только думами о серьезном мужском разговоре, вернее, о том, что останется после него от Велия, и останется ли вообще. — Мне ваша помощь нужна. — И рассказала про поход в Змиевы Засеки.

— И кого р-решила оседлать? — послышался голос Карыча.

Я резко развернулась и облегченно выдохнула, Велий стоял живой и невредимый. Судя по довольно топочущему Ваське и по Анчутке, который колыхался за правым плечом Велия, старый черт решил взять мага под свое покровительство, правда, за стенами капища возмущенно трубил Индрик, требуя гнать Велия в шею, но я как-то сразу поняла, что самое страшное позади.

— Здрости. — Опять поздоровался маг, а Горгония ухмыльнулась:

— Удивительно вежливый молодой человек.

— И вот это мои родственники, — печально объяснила я Велию, — во всей своей красе.

— И многообразии, — добавил маг.

— А что мы стоим? — подхватила Березина. — Фрукты киснут.

Стол организовался за считанные минуты, Карыч фырчал в сторону Велия, но вкусоности уплетал. Васька бурно изливал магу свои горести, тыкая когтем в ворона. Березина угощала Индрика, а единорог демонстративно не замечал мага. Я пыталась выведать у Велия, чего добивались от него Карыч, Анчутка и Индрик, но он отмахивался, каждый раз ловко переводя разговор на другое. Я пожаловалась на полгода ареста за небольшое веселье с первокурсниками. Древние заухмылялись, так как все принимали участие в издевательствах над учениками. Рассказала я, как покатила Вука Огнезмия прямо в Школе, а еще про наведение порчи на Веж без применения магии, ну и, конечно, похвасталась, что иду искать моровую деву.

— Только у меня проблема с транспортом, — призналась я. Индрик от возмущения чуть не выпал из-за стола.

— Какие проблемы, ты только свистни — я тут как тут! — заголосил он.

— Свистелка у нее не отр-росла еще! — буркнул Карыч и пообещал, что сам отвезет меня куда надо и когда надо.

— А вы это действительно можете? — поинтересовался Велий. Я это... В том смысле, что габариты у вас неподходящие.

В ответ на это Карыч вспрыгнул на стол и заявил, что он и покрупней меня богатырей в Ирий утаскивал. А сколько он магов в Навь спровадил! И перьев не хватит, чтобы подсчитать.

— Только жить в человечьем лесу я не собир-раюсь. Надо придумать, как тебе меня вызывать.

— И меня! — заорал Индрик. Васька захлопал крыльями, подняв нешуточный вихрь, — показывал, что тоже желает катать меня. Гордая собой, я выложила на стол серебряный перстенок с прозрачным камушком.

— Бот как станет камушек ярко светиться, — сказала я, чувствуя себя сказочной феей, — значит, я вас зову.

— А как почернеет серебро, значит, спешить уже не стоит, — добавил Велий. Колечко пошло по рукам. Женщины ахали, а мужчины хмыкали.

— Ну а где меня найти, — продолжила я, украдкой показав Велию кулак, — вам покажет волшебное зеркальце. Ну например. — Я коснулась блюда рукой и сказала: — Зеркальце из серебра, покажи мне Алию!

Древние с интересом склонились над блюдом, дно его стало темным и бездонным, словно заглядываешь в колодец. Первое мгновение в нем не было видно ничего, а потом я пискнула и стала оттирать Древних от блюда, не давая насладиться видом целующейся с добрым молодцем лаквиллки.

— Сдается мне, что это Серый Волк, — сузил свои красные глаза Анчутка. А пиршественный зал наполнился воплями Алин: — Веря, я тебе уши оторву!

Я поспешно пробормотала:

— Зеркальце, спасибо.

— Какое интересное зеркальце, — пропели в один голос Древние, а я повернулась к Велию:

— Я же тебе говорила — повадился к Алие Серый Волк.

— Давно его не видела, — нервно постукивая пальчиками по столу, сказала Березина.

— Да уж давненько, — согласилась Горгония.

— Сейчас он с Алией! — сказала я.

— Целуется, — закончила мою мысль Коровья Смерть и подмигнула, а я, решив отвлечь их от влюбленной парочки, закричала:

— Я же вам еще не показала, как действует зеркальце! — Снова коснулась пальцами резного ободка и отбарабанила: — Зеркальце из серебра, покажи мне Лейю.

Ох, лучше бы я этого не говорила! Из бездонного колодца вынырнула картинка: Лейя и Сиятельный, держащиеся за руки. Я поперхнулась, а Велий захохотал:

— Аэрона мы вам показывать не будем, принцип действия и так понятен.

— Они что, только моего ухода и дожидались? — прошипела я, возмущенная пустоголовостью подружек, а ракушка в моей руке разверещалась голосом мавки:

— Это не то, что вы подумали! Все совершенно невинно!

— Мне очень понравилось зеркало, — со смехом сказал Анчутка. — Но не забудь, Веря, что меня тебе достаточно только

помянуть. Хотя я не уверен, что ты захочешь на мне проехаться снова.

Я согласно закивала головой: кататься на Анчутке себе дороже.

— Жаль только, зер-ркальце маловато, вот, помню, было у меня одно... — Ворон закатил глаза. — Хотя чего ожидать от чар-родея.

— Дед Карыч! — Я укоризненно покачала головой.

Ворон встопорщил перья, но, прежде чем он успел раскричаться, Анчутка хлопнул в ладоши и по залу прошел серебряный звон, скрипнули, открываясь, двери, которых до этого я не замечала, мы с Велием замерли, не веря своим глазам. Перед нами открылся зеркальный зад. Карыч хитро глянул на мага и, делано зевая, потянулся:

— Вот оно мое богатство! Жаль только, р-разр-рядились все. Кто бы починил.

Я переглянулась с Велием. Конечно, его накопитель я могу подзаряжать бесконечно, хоть и с перерывами на сон, но одно дело маленькое зеркальце, в которое надо запихнуть заклинание, и совсем другое — целая комната зеркал! Здесь же заклинания нужно не сворачивать, а разворачивать. Бот разворачиванием я еще не занималась. А как их разворачивают? Заклинания Велия мне представлялись в виде клубка ниток или комка бумаги. Если бумагу развернуть, а клубок раскатать? Хватит на все зеркала? Воображаемая бумага тут же треснула, а нитки запутались еще сильнее, пришлось выкинуть. Мне нужно что-то растягивающееся... Тянушка? Патока или смола? А если все это смешать? И обмазать зеркала? Гадость. Нет, лучше разбить зеркала на кусочки, запихать в каждый заклинание и склеить... На не очень мелкие кусочки... Такие довольно крупные кусочки... Нет! Этого клеенного зеркала они будут бояться! Тогда... И тут до меня дошло. У меня за спиной ахнули, а я, открыв глаза и увидев, что все на меня тарашатся: Велий потрясенно, а Древние с гордостью, ойкнула.

— Знай наших, чар-родейчик! Вот так-то! — прокаркал Страж. Зеркала сияли, словно в них гляделась полная луна.

— Ты что сделала?! — ткнул меня пальцем в бок Велий.

Я непонимающе на него посмотрела.

— Хорошо, тогда о чем ты сейчас подумала? — продолжал допытываться маг.

— О сладостях, бумаге, клубках ниток, в общем, как растянуть твоё заклинание на всю комнату.

— И?... — не унимался маг.

— Я буквы увеличила, и все.

Велий смотрел на меня непонимающе, а я с досадой громко объяснила:

— Я прочитала его крупными буквами!

Древние захихикали, захохотали, а маг так и не поверил мне, стоял с обиженным видом, решив, что я над ним издеваюсь в угоду дядьям и теткам. Я махнула на него рукой и, чувствуя молчаливую поддержку Древних, повелела:

— Зеркальце на стене, покажи мне Феофилакту Транквиллиновича!

Сияние зеркал пропало, а я пискнула и нырнула за спину Велия, который снова произнес свое:

— Здрасти.

Потому что между нами и Вуком Огнезмием не было совершенно никакого зеркала, каким-то образом из капища открылся путь сразу в его кабинет.

— Ну здравствуйте. — Феофилакт Транквиллинович отложил перо и уставился на нашу компанию. — Я предполагал, что рано или поздно это случится, но, надеюсь, вы помните, как такие игрушки привели к гибели тридевятого королевства?

— Во-первых, не мы эти игрушки подарили людям, а во-вторых, давай не будем при девочке, — сказала Горгония.

— Пр-рощевайте, — растопырил крылья Карыч, — пр-ростите, что потр-ревожили.

Словно туман встал между нами, а в следующий миг зеркала снова сияли.

— Что теперь делать? — жалобно спросила я.

— Спать ложиться, — спокойно проговорила Коровья Смерть. — Ночь наступила.

— Как это ночь?! — удивился Велий. — Солнце же за окнами! Он посмотрел на витражи, а солнце именно в этот миг и ухнуло за горизонт, словно сорвалось. Навалилась темнота. Эпсы вошли с факелами и начали деловито зажигать свечи на канделябрах, которых обнаружилось огромное количество.

— Не обращай внимания, здесь всегда так, — сказала я Велию, чувствуя, как простенькое платье превращается в вечернее. — Ох, шалун! — погрозила я пальцем камню сновидений.

В этот раз платьем я переплюнула всех остальных. Как Березина ни старалась, шикарней моего — с открытыми плечами, все словно из переливающейся змеиной кожи, она придумать не смогла. Велий с интересом смотрел на преобразование зала. Ему, знакомому с причудливой фантазией камня, было забавно смотреть на игрища Древних.

По желанию Древние разделились в шелка и бархат, в полуосвященном зале загадочно мерцали драгоценности на Березине и Горгонии. Коровья Смерть предпочитала медные украшения. Я посмотрела на себя в зеркало, оценила и смелый покрой узкого платья, и тонкие, словно из змеиной кожи, перчатки выше локтя. Волосы сами заплелись во множество косичек, чередующихся с прядками, завитыми спиральками. Косички были перевиты нитками жемчуга.

— Сильно же он по мне соскучился! — сказала я Велию, имея в виду камень сновидений. — Просто в ударе.

— Я тоже, — каким-то странно напряженным голосом сказал маг, а я почему-то смутилась. — Ты просто очаровательна.

Индрик решительно пресек комплименты мага, оттерев его от меня, и, положив голову мне на плечо, стал нудить в ухо, дескать, знаем мы, что у этих молодых мужчин в голове, попортят девку, а Индрику потом страдай. И проникновенно поинтересовался, нет ли у меня планов насчет того, чтобы дать обет безбрачия?

Анчутка громко захохотал, услышав его вопрос, а я вывернулась из-под морды единорога и громко спросила Велия: не желает ли он посмотреть верхние этажи замка? Маг, естественно, желал.

— Иначе Индрик не отвяжется, — объяснила я причину своего бегства Велию, когда мы поднялись по лестнице наверх. — Только я не знаю, что будет наверху. Камень сновидений сам выбирает, что показать. А учитывая, что он соскучился...

Открыв первую дверь, мы вышли на широкий, с резными перилами балкон, внизу разливалось красно-оранжевое поле жидкого огня, посередине высилась красная гора, а на ее вершине, в середине большой воронки спал огромный, черный с синим отливом на

блестящей крупной чешуе дракон, нервно подгребая лапами под себя искрящиеся драгоценные камни.

— Здорово! — восхитился Велий, без страха опираясь на кажущиеся ненадежными перильца. Я подошла и встала рядом, огненные Всполохи переливались на змеиной коже платья и на лице Велия.

Дракон встрепенулся, открыл глаза, повел мордой и выдал длиннющую струю пламени. Мы уважительно замерли, зверь развернул огромные кожистые крылья, взвился над кратером, прищунив изумрудные глаза.

— Ты видела?! — закричал Велий. — Видела?!

— Что? — Я была несколько напугана представлением.

— Его глаза.

Я опять посмотрела на дракона, который, выдав еще одну струю пламени, стал медленно приближаться к нам по широкой дуге.

— Это мой накопитель, — пояснил Велий.

Я покосилась на огромную зверюгу и предложила:

— Пойдем отсюда.

— Ты боишься? Своего же камня?! — прищурился Велий, а я обиделась:

— Кто?! Я?! — подошла ближе к перилам, поставила ногу на ажурное переплетение и, несмотря на длинное платье, легко поднялась на верхнюю планку. Встала на узкой полоске металла лицом к магу, раскинула руки в стороны и усмехнулась.

— Смотри! — сказала я, собираясь красочно упасть вниз, прекрасно зная, что камень сновидений предоставит мне или мягкую перинку, или пушистое облачко.

Но Велий схватил меня в охапку, выдохнув:

— С ума сошла?! — и так и держал, не торопясь выпускать, даже побледнел.

— Это же мой камень, — тихо сказала я в лицо магу, оно было совсем близко. — Он мне умереть в расцвете лет не даст. — Про то, что я такие подвиги уже совершала, экспериментируя с камнем, впечатлительному дружку я говорить не стала.

Велий не отвечал, как-то странно глядя на меня, от его взгляда по телу забегали мурашки и стало жарко.

— Дальше смотреть пойдем? — пискнула я, не зная, хочу ли, чтобы он меня выпустил, или нет.

Маг моргнул, что-то пробормотал и поставил меня на пол. Ноги были как ватные, просто удивительно, как они еще двигались.

Следующий зал меня напугал гораздо сильнее. В нем громоздились кучи пыльных доспехов, валялись мечи, от которых у лаквиллки случился бы приступ жадности, висели гирлянды ножей от огромных тесаков и до миниатюрных ножичков, помещающихся в женской ладошке. Велия я вытащила оттуда уже с трудом, потому что маг стал рыться во всем этом, то и дело удивленно восклицая и спрашивая почему-то у меня:

— Где он это видел?! Это же!.. — и сыпал ничего не значившими для меня именами и датами, сетуя, что я хреновый культуролог.

— И почему мужики сходят с ума от вида этих груд железа? — спросила я, закрывая дверь, и потянулась к ручке двери напротив. — Ты же маг, должен больше полагаться на свои магические способности, а не на оружие.

— Одно другому не мешает, — улыбнулся Велий. В глаза ударил яркий свет свечей, и язвительный голос Карыча произнес:

— Давненько не виделись! А мы вас ждем, ждем. Ночей не спим, недоедаем!

Знакомый зал стал совершенно неузнаваемым, пол как будто покрылся водой, так что и ступить было страшно, казалось, ухнешь на глубину. Мелькали спинки ярких рыбок, колыхались зеленые водоросли. Я нерешительно остановилась на пороге, не решаясь сделать шаг. Велий подал руку, и я все-таки вошла. Во всю высоту стен тянулись витражные окна, от обстановки остался лишь камень алтаря, на котором переливались кристаллы камня сновидений. На стенах горели свечи в серебряных подсвечниках. В потолок уходили резные колонны из белого мрамора. Играла негромкая музыка. Анчутка встряхнулся, приняв вид чертовски симпатичного молодого человека, церемонно поклонился и спросил:

— Можно пригласить вас, барышня, на танец?

Я серьезно присела в ответном реверансе и протянула ему руку:

— Почему бы и нет. — И легко заскользила по водной глади, заметив краем глаза, как Велий берет за руку довольную Березину.

Брызги от ног взвились вверх, но не осыпались дождем, а так и повисли, переливаясь брильянтами в свете свечей, я еще добавила пару водяных смерчков и, довольная, расплылась в улыбке, так что вопрос Анчутки застал меня врасплох:

— Что у тебя с ним? — Анчутка крутанул меня в танце и показал в улыбке ровные острые зубы.

— С кем? — опешила я, сбиваясь с шага.

— С магом, — пояснил черт и крутанул меня так, что зал размылся пятном.

— Он мой наставник! — ответила я, кося одним глазом на Березину, которая навалилась всем своим гибким телом на Велия, нахально строила глазки и вообще вела себя так, будто и нет на ней никакого платья! Анчутка повернул мое лицо к себе, требуя продолжения разговора.

— И чему же он тебя учит? — с иронией спросил он.

— Защищаться от таких, как он... — Звонкое хихиканье Березины мешало беседовать. — В смысле, магов.

Анчутка, похоже, удивился: — И как успехи?

Я засмеялась:

— Ну уж от него-то защититься смогу! — и рассказала черту о последнем уроке.

Анчутка окинул Велия задумчиво-оценивающим взглядом и заметно расслабился, судя по некоторым вольностям, которые он себе позволял в танце, например закидывая на себя мою ножку и заставляя прогибаться назад. Прочих танцующих мы разогнали брызгами из под ног и внезапно появляющимися фонтанами в разных местах зала, капли которых после недолгих моих споров с упрямым Анчуткой стали падать вниз лепестками роз (черт настаивал на хлопьях пепла). Мы штормом прошлись по кругу, оставляя за собой шлейф лепестков и взвизгов отпрянувших к колоннам Древних.

— Приятно было потанцевать, чертовски давно этого не делал. Последний раз в тридесятм государстве, на свадьбе у первого царя Ивана. Мы там с лягушкой-царевной покуролесили немного. — Анчутка мечтательно закатил глаза.

— Это когда лебеди по озеру поплыли? — догадалась я, вспомнив сказку.

— Ну лебедями-то они стали после вмешательства Василисы! Сначала-то такие замечательные птичьи скелетики вылетели, да лягушка затревожилась, что гости перепугаются. Вот перья им и отрастила.

— А она правда лягушкой была? — не отставала я от него.

— Ну лягушкой не лягушкой... Только заприметила парня, а тот не смотрел на нее совсем, все о сказочной принцессе мечтал. — Анчутка остановился, поцеловал мне ручку. — Вот мы ему сказку и устроили! Видела бы ты меня в роли Кощея! Враз влюбилась бы! Анчутка снова встряхнулся, принимая свой истинный вид, и обратился к остальным: — Ну чего рты раскрыли? Пошли спать. Верее выпасться надо перед охотой. — И он потопал из зала, и брызги из-под его копыт взлетали хлопьями пепла. Березина томно, как только умела она одна, потянулась поцеловать на прощание Велю, стрельнув своими хитрыми зелеными глазками в мою сторону. Горгония прошептала:

— Спокойной ночи.

Индрик потерялся мордой о мою щеку, предложив переночевать вместе со мной.

— А то мало ли что! — Он повел глазом на мага.

Я со смехом отказалась, уверив его, что мне ничего не грозит. Коровья Смерть погладила меня по волосам, и мы остались одни.

Я почувствовала, что ноги меня уже не держат от усталости, а камень сновидений предусмотрительно вырастил огромную белоснежную кувшинку, которая величаво подплыла ко мне сзади, приглашающе ткнувшись лепестками под колени. Я не стала отказываться и удобно села в середине цветка, поджав ноги:

— Ну как, тебе понравилось у меня в гостях?

— Скажем, это было незабываемо, — с усмешкой ответил Велый.

Эпсы стали гасить свечи, оставив лишь несколько, зал погрузился в полутьму, луна заглядывала в витражные окна, еще один из эпсов принес два бокала вина на серебряном подносе, я взяла один, а маг другой. Велый провел рукой по мраморной колонне, повернулся к камню сновидений и произнес:

— Такое чувство, что твой камень стал больше.

— Аэрон тоже так сказал, — беззаботно откликнулась я, откидываясь на лепестки за спиной. — Хотя мне кажется, что он

просто расслабился в спокойной обстановке. — Я пригубила вино. — Спать идем? Только я не знаю, где будут наши спальни и в каком виде. Поставила бокал на пол, а Велий приподнял бровь и неожиданно предложил:

— Станцуем?

— Сейчас?! — растерялась я.

— А что? — Он поставил свой бокал на алтарь и протянул руку. — Когда еще выпадет такой случай, да в такой красоте.

Я нерешительно протянула руку. Капли, которые так и висели в воздухе, взорвались фейерверком золотых и серебряных блесков, я от неожиданности взвизгнула, а маг рассмеялся.

Его рука, лежащая на талии, казалось, прожигает платье, блески не торопились падать на воду, а кружили вокруг нас как серебряно-золотой снегопад, луна приблизилась к окнам настолько, что в зале стало светло как днем, только свет был серебристым. Вода под ногами сменила цвет на темно-синий, а рыбки чудовищно увеличились в размерах, став сущими монстрами, которые скользили в темной глубине. Пару раз из воды поднималась голова морского змея. Смерч из блесков наконец опал, превратившись в искры на воде. Я, немало удивленная фантазиями своего камня сновидений, старалась не сбиться с шага и никак не решалась почему-то посмотреть Велию в глаза, а когда, все-таки решившись, посмотрела...

Первым, чем меня: встретила Школа, были гневные вопли подружек Алия щурила глаза, требуя, чтобы я никогда не подглядывала за ней, и не смела об увиденном рассказывать, и вообще не совала свой нос куда не следует. А Лейя, наоборот, пыталась заглянуть мне в душу своими честными-пречестными глазами, уверяя, что все не так, как мы думаем. Им было невдомек, что сегодня я вообще ни о чем не думала. Я все еще была там, в Заветном лесу, на капище, Посреди огромного зала с водой, где нахальный маг меня поцеловал.

— Эй! — трясла меня Алия. — Ты спишь, что ли?

— Если б вы, девочки, знали, какой он! Я нашла... — заливалась Лейя, закатывая глазки и комкая в руках платок. — Такой романтичный! Такой красивый! Такой...

Комната медленно кружилась перед глазами, а у меня захватывало дух. И, когда подруги выдохлись и молча уставились на меня, я уже

совершенно точно знала, что пропала. Обвела их взглядом и сказала, грозя им пальцем:

— А по углам, как вы, я тискаться не буду! И вообще, девушку еще надо завоевать.

После чего Лейя бухнулась на грудь Алии, рыдая и тыкая в меня пальцем:

— Злая она, злая.

А Алиа дико вращала глазами и орала:

— Ты на что намекаешь?! Я тебе сейчас все космы повыдергаю за такие намеки.

Я фыркнула и полезла за своим мешком, чтобы уложить нужные в дороге вещи. Заглянувший к нам Аэрон тут же попал под горячую руку Алии, которая кинулась к нему с расспросами, где его черти носят и сколько можно дожидаться проклятущего дракона, а Лейя гирей повисла на его шее, обильно оросив плащ вампира слезами, что-то бормоча ему на ухо и тыча в меня пальцем.

— Ябеда, — проворчала я.

— Нет, вы только посмотрите! Ведь только вошла, а как девок взбодрила! — уважительно посмотрел на меня вампир. Тут за его спиной кашлянули, и словно свет пролился в нашу комнатушку на порог ступил Сиятельный. Я хихикнула, а у Лейи сразу просохли слезки, мавка разулыбалась, разом забыв о вампире.

— В нашем полку прибыло! — радостно заявил Аэрон. — Князь Сиятельный выразил желание принять участие в охоте на моровую деву.

— Догадываюсь, какая муха ему про это нажужжала, — пробормотала я своему мешку, пытаюсь впихнуть в него лисью шубку.

Лейя кинула на меня сердитый взгляд, а я поразились способности мавки одновременно улыбаться Сиятельному и обещать мне взглядом расправу. Быть бы нам в ссоре, если бы прямодушная лаквиллка не загоготала. Лейя сначала покраснела, как любимый Аэроном помидор, а потом хихикнула.

— Ну мы и дуры! — сказала Алиа, легко вскинула на плечо неподъемный баул и, потеснив стоящего в дверях Аэрона, потопала вниз, на ходу интересуясь, не пожадничал ли Конклав магов, выделив каких-нибудь хилых драконов, потому как такой дракон ее поклажи не вынесет — пупок развяжется. Я накинула старую шубку и, подхватив

свой мешок, так же громко высказалась на тот счет, что я в попутчиках не нуждаюсь, кто ко мне хвостом прилипнет — пожалееет.

Мы с Алией то и дело со значением поглядывали на Сиятельного, пытаясь вогнать его в краску. Он был прекрасен, снисходителен и совершенен, как скульптуры маэстро Рогацио, более того, обнял мавку, а та, дурочка, чуть не умерла от счастья.

Мы хохотали над блаженным видом Лейи, пока не вышли во двор, где фыркали драконы. Мавка тут же была отомщена, потому что я сразу стала избегать взгляда мага и делать вид, что чертовски поглощена своим барахлом. Даже сгоряча не сразу заметила, что драконы по случаю зимы в овечьих попонках, а когда заметила, то захохотала, а драконы смотрели на меня обиженно, по-гусиному поджигая лапы. Я накинулась на Велия:

— Почему милые зверушки не в пинетках? — и сразу стала их любимицей. Велий явно ожидал чего-то другого.

Утром я не знала, как с ним разговаривать и как смотреть в глаза, не краснея. Пометалась по спальне, уговаривая себя не впадать в панику и держаться как ни в чем не бывало, была даже мысль постыдно сбежать через зеркала, да испугалась, что Древние тогда что-нибудь заподозрят и магу придется несладко. В результате мы молча прошагали плечом к плечу из зеркальной комнаты прямо в кабинет к Феофилакту Транквиллиновичу, где я пискнула:

— Здрассти, — и, выскочив за дверь, со всех ног побежала в жилое крыло.

Феофилакт Транквиллинович, выйдя во двор, окинул взглядом нашу компанию и выразил надежду, что Велий сумеет удержать нас в рамках приличия и законности.

— А кто в ваше отсутствие будет вести уроки? — ехидно поинтересовалась я у Сиятельного. — Тем более что ваши конспекты утеряны?

— Вы знаете, госпожа Верея, — изобразил учтивую улыбку Князь, — на мой взгляд, без вашего ярчайшего присутствия уроки демонографии в принципе теряют всякий смысл. Но, поскольку остальные ученики на время вашего отсутствия отказались взять академический отпуск, лекции будет вести господин Рагуил.

Я подняла голову и увидела, что из окна высовывается весь наш класс во главе с господином Рагуилом. По команде Анжело демоны

развернули крылья и изобразили священный трепет.

— Как они меня все-таки любят! — умилилась я, а мавка возмутилась:

— И где справедливость?

Демоны в ответ скорчили ей рожи.

— У, злыдни неблагодарные! — погрозила им кулаком Алия, а я, пританцовывая, посылала воздушные поцелуйчики, пока Аэрон не сгреб меня за шкуру и не поволок на дракона.

Только вскарабкавшись на летуна, я поняла, как маги любят комфорт. Это урлакские вампиры летали, сидя на жестком хребте и сжимая бока зверя ногами. У драконов же, выделенных Конклавом магов, к попонкам были пришиты еще и подушечки и постромки. Мы с Аэроном понимающе переглянулись и сделали такие лица, какие бывают у прожженных пиратов, решивших прокатиться на неповоротливом купеческом корабле.

Дракон разбежался, оттолкнулся, я уцепилась за вампира.

— Теперь я все время буду летающую школу вспоминать! — крикнула Алия, Аэрон хрюкнул, а я заинтересовалась, защищены драконы от моего воздействия или нет? И вообще, а ну как мы сейчас сверзимся с такой высоты! Раньше, чем я успела это додумать, наш дракон издал трубный рев и камнем ухнул вниз, часто и бестолково махая крыльями.

— ...! — выразился Аэрон.

— Папаня! — заорала басом лаквиллская богатырка, а я вцепилась в Аэрона изо всех сил и зажмурилась.

— Птички не падают, птички не падают! — кричала я. Тут нас швырнуло вверх и всех потащило к хвосту.

— ...! — опять выкрикнул Аэрон, а Алия поддержала его басом:

— Маманя!

А я — сиротинушка изо всех сил заголосила:

— Анчутка!

Стало тесно.

— А-а-а! — заверещал старый черт.

— Ой! — не своим голосом крикнула лаквиллка, обнаружив перед собой волосатую спину Анчутки.

— У-у-у! — прогудел дракон, входя в штопор.

— Крыльями маши, дурак! — взвизгнул Анчутка. Аэрон поддержал его своими воплями:

— Маши, маши!

И мы все вместе стали кричать:

— Маши крыльями!

Дракон испуганно втянул голову и стал нервно махать крыльями, как гусь на перелете.

— Пе-ерышки! — услышала я зачарованный голос Алии, когда дракон выровнялся в полете. Я приоткрыла один глаз и глянула на драконьи крылья, удивленно всхлипнула, поняв, что зверь стал бел как лебедь.

— Племяшка, ты смерти моей хочешь? — спросил меня Анчутка. — Или взбодрить решила?

— Я... я... я... — начала я, заикаясь.

— Прав был Карыч, — трагически заключил черт. — Дура ты, Верeya. Кто ж драконам породу меняет прямо во время полета?

— А-а, так это она виновата?! — дрогнул спиной Аэрон, и весь путь до Засек друг и подружка пытались меня прибить. Алиа, злобно шипя, метила кулаком мне в ухо, но то ли Анчутка меня защищал, то ли Алию мотало, однако лаквиллка каждый раз попадала по черту.

Так что под стены Чароницы мы свалились огромным визжащим комом. Стряхнув нас со спины, дракон начал бегать кругами перед воротами городка, время от времени биясь головой об опорные столбы и пуская струи пламени над нашими головами. Одним словом, лебедь из него получился довольно страшенький. Хотя до городка он домчал нас вдвое быстрее своего кожистого друга, который маленькой черной точечкой маячил в небе. Я отмахивалась мешком от наскაკивающей на меня Алии, радуясь, что от злости богатырка позабыла все свои приемы. Аэрон косился на разминающего свою спину Анчутку, не забывая подзуживать Алию:

— Врежь ей, врежь ей! — сипел клокочущим чайничком «женишок», понимая, что сам на меня руку поднять не сможет.

— Дядька Анчутка, ну угомони же ты их! — взмолилась я.

— Ну-ка угомонились! — откликнулся дядька, потирая спину.

Прищурился, глядя на подлетающего на драконе Велия, и глубококомысленно изрек:

— Сдается мне, Верeya, что лучше бы ты на Индрике скакала!

Я так ярко представила Индрика в перьях, что в ужасе зажмурилась, надеясь, что в зачарованном лесу с единорогом ничего не случится.

Мой очаровательный пер истый дракончик заметался, не зная, где спрятать свой позор, и обиженно затрубил. Его собрат замер, присев на хвост и растопырив крылья.

— И что я теперь в ведомости напишу? — убито поинтересовался Велий, спрыгивая со спины дракона. — Что в процессе эксплуатации дракон сменил... Что я напишу?! Как я Конклаву магов в глаза смотреть буду?!

— Зато летает быстрее, — робко пискнула я и попятилась от разгневанного мага в пустую будочку охранника. И тут мерзлые комья земли и снег брызнули фонтаном, я не успела взвизгнуть, как из земли вымахнул, укрыв полмира крыльями, белоснежный конь. И восторженно завопил голосом Индрика:

— Я летаю!

Анчутка повалился в снег. Индрик прогарцевал мимо меня, испуганно сжавшейся в будочке, красуясь и высоко вскидывая копыта.

— Ну как я тебе? Красавец?

— Ага, — выдавила я. Куда там белу лебедю! По коню шли серебряные искры, грива свешивалась до земли, а рог просто пылал золотом. Ему, в отличие от дракона, крылья явно нравились. Индрик, привалившись боком к стене будки, игриво произнес:

— Я сразу догадался, что очень тебе нравлюсь, как насчет прогуляться?

Я отрицательно затрясла головой, и тут Анчутка взвился из своего сугроба:

— Убери свой рог от племянницы, жеребец! Никто не паникует! скомандовал он. — Драконы молчат, маг занимается своим делом. И вообще, в этом городе есть бургомистр или нет?! Черт-те что творится под стенами, и ни одного человека! — Он ткнул пальцем в показавшуюся не вовремя над стеной голову и потребовал:

— Вот ты! Да, ты, в рогатом шлеме! Иди сюда. Голова пропала, и за стеной послышался зычный бас:

— Черти! Черти!

— Ага, — понял свою ошибку Анчутка, — ну, я думаю, вас встретят. — Он сурово взглянул на Индрика и скомандовал: — Ты со

мной. — И погрозил мне пальцем: — А ты, Верейя, давай больше без глупостей!

И растаял, велел мне не скучать. Индрик вздохнул, гордо взмахнул крылами, взвился в воздух и исчез. Велий прислушивался к звукам за стеной и попенял мне:

— Я хотел по-тихому войти, купить лошадей и поехать дальше.

Но о твоём присутствии почему-то всегда узнают заранее. У меня такое чувство, что тобой, Верейя, скоро детей начнут пугать.

— Че детей! — откликнулся Аэрон. — Ею уже вампиров пугают!

— Да кого ею только не пугают, — покачал головой Сиятельный.

— У меня такое ощущение, что класс демонологии и демонографии был открыт лишь только для того, чтобы продемонстрировать вас миру, госпожа Верейя.

Я была благодарна подружкам, молча принявшим мою сторону. И не успела придумать ничего умного, чтобы ответить, потому что из ворот вывалила толпа с вилами и кольями. Велию пришлось пустить в ход все свое красноречие, доказывая, что он из Конклава магов и только что собственноручно развеял целое полчище чертей, в доказательство чего был предъявлен бургомистру пороссячий хвост. А я вспомнила нашумевшую историю с боровом вежицкого головы и неизвестной нечистью, безобразившей в свинарнике Марфы Савишны. И у меня зародились смутные подозрения относительно Велия и Аэрона, которые как-то больно легко переживали последние недели нашего ареста.

Утром следующего дня наш обоз из Чароницы двигался к небольшому городку с многообещающим названием Погост. Чароницкий бургомистр был так рад нашему отъезду, что нашу первую попытку рассориться по поводу транспорта пресек в корне. Алия, имея в виду, что будет кататься на Сером Волке, категорически отказывалась выбирать себе коня, уговаривая нас идти себе потихонечку, оставив ей только список деревень, которые она должна посетить. Лейя ни мычала и ни телилась, то пускаясь в смутные мечтания об ослике и саночках, то уверяя всех, что будет сидеть вместе с Сиятельным. А я сразу твердо сказала, что никого мне не надо, намекая, что транспорта у меня — завались! И Велий, упорно набивающийся в попутчики, мне не нужен.

Послушав наши споры, бургомистр крикнул городского тысячника и велел ему готовить шесть саней с возницами и шесть коней про запас, сказав возить нас куда угодно и сколько угодно, не задавать вопросов, а случись горю — доставить в Чароницу наши хладные тела. Все вспомнили, что явились не на прогулку, и посерьезнели.

Утро выдалось пасмурное и нерадостное. Велий маячил возле моих саней, черный мохноногий конь не спеша рысил, с подозрением втягивая воздух, то ли чуял в Алие волка, то ли в Аэроме — упыря. Я удивлялась спокойствию Аэроновой лошадки, которая радовалась дороге, не заботясь о том, кто ее оседлал.

От Погоста, если верить карте бургомистра, расходились четыре дороги, там мы и должны были разъехаться, договорившись связываться с Велием утром, отправляясь в дорогу, и вечером, останавливаясь на постой.

Мне предстояло ехать по Миренскому тракту до Большой Заставы, там, если мне не повезет и я не встречу моровую деву, мне предстояло развернуться и тем же путем ехать назад, выясняя, не шла ли она за мною по пятам. Одним словом — скука, которую я собиралась развеять поисками книги для Гомункула, о чем не сказала никому. А чего говорить? О друзьях самим помнить надо! А то закрутили тут любовь и обо всем забыли!

Велий нервничал все больше, не зная, к чему прицепиться, чтобы я не ехала одна. Судя по лихорадочному блеску глаз, он готов был и Аэроме сунуть мне в попутчики, и Лейю оторвать от Сиятельного. Но я всем своим видом показывала, что глупостей не потерплю. Конечно, весело бы было покуролесить нам втроем, в чисто девичьей Компании, но раз компании не получалось, я предпочитала развлекаться одна.

До Погоста мы добрались довольно быстро, здесь действительно была развилка. Я окинула взглядом уходящий в снежную даль тракт, по которому мне предстояло двигаться уже в одиночестве, сверилась с картой. Первым стояло село Куличики. Смешное название. Но Велию нужен был Погост, куда стекались новости со всех четырех трактов. Огромное село, на две трети состоящее из трактиров, гостиниц и постоялых дворов, наш маленький обоз даже не заметило.

В отличие от Чарониц народ здесь был привыкший ко всему необычному. Здесь бы не стали кидаться на чертей с вилами, а

любезно проводили бы к столу и предложили бы место у очага. Это не значит, что нечисть чувствовала себя здесь как дома, просто Змиевы Засеки всегда были пограничьем во всех смыслах. Жили здесь бок о бок на дальних хуторах и матерые ведьмы, и ведуны Хорса, и непримиримые рыцари-монахи, ушедшие от мира, чтобы основать в чащобах благочестивые скиты.

— Неудивительно, что моровая дева появилась здесь, — размышлял вслух Велий, сидя за столом.

Позади него на вертеле запекался для нас кабанчик, в горшочке поспевала каша, томилось молоко, одним словом, начало было более чем приятно. Если б Велий не решил ехать со мной. Это я поняла по выражению лица мага и по тому, как собирался Аэрон. Я не боялась, что на старом промысловом тракте, который из-за обилия брошенных шахт называли Навьим, Аэрона кто-нибудь скушает, меня пугало, что Велий помешает мне своей опекой в поисках книги, а еще больше я боялась остаться с ним наедине, с его серыми насмешливыми глазами и обаятельной улыбкой.

На мои протесты маг лишь сверкнул глазами и не стал ввязываться в спор, твердо заявив, что все решено. А когда я ехидно поинтересовалась, не собирается ли он и спать в моей комнате, чтобы и ночью приглядывать, невозмутимо пояснил, что если понадобится, то и в одной кровати, лишь бы я осталась живой и невредимой. Алия и Лейя уставились на нас круглыми глазами, а я стала закипать и срочно строить планы побега от навязчивого мага.

Мои вещи Велий запер в своей комнате, видимо, догадываясь, что я против его сопровождения, и заранее не оставляя мне шансов для побега. Хотя он упустил одну немаловажную вещь.

После ужина я начала зевать, прикрываясь ладошкой, и уверять всех, что спать не хочу, сама поражаясь тому, как фальшиво звучит мой голос. Велий, который с хозяином гостиного двора сверял карту и пытал того о трактах, на мои позевывания не обратил внимания, а Аэрон предложил проводить меня в комнату и посоветовал лечь спать. Я недовольно согласилась, делая вид, что мне не хочется покидать нашу теплую компанию. Когда мы подошли к лестнице, Велий крикнул, что подойдет минут через десять, а я тут же почувствовала себя преступницей, которую конвоиры сопровождают на костер. Демонстративно повалилась на кровать, зарываясь в одеяло и зевая

так, что сводило скулы, я с трудом ответила на пожелание спокойной ночи.

Чуть только дверь за Аэроном закрылась, я свесилась вниз:

— Эй, под кроватью! Привет тебе от Злыдня, Рогача и Гуляя из Школы Архона, — и катнула в темноту прихваченное яблочко. Что-то забегало, зашуршало, недовольный скрипучий голос поинтересовался:

— А сама-то ты кто?

— Я племянница Анчутки, — ответила я. Из-под кровати вылезло что-то лохматое и взъерошенное:

— Врешь.

— Да чтоб мне лопнуть! — сказала я, стукнув себя кулаком в грудь.

— Докажи.

— А то ты не видишь! — Я грозно свела брови. Домовой поумерил пыл, заглянув мне в глаза:

— Ну ладно, чего надо?

— Вещички мои в соседнем номере. Я пойду погуляю, а ты мне их в окошко выкинь. — Я вытащила из кармана золотую монетку.

— Ну, теперь вижу, что принцесса, — сказал домовый, выхватывая у меня из рук монету, и исчез. А я вскочила, свернула сдернутое с соседней кровати одеяло и сунула под одеяло на своей кровати.

— Ничего, за спящего человека сойдет. — Я тихонько вышла из Комнаты, услышала шаги и, прошмыгнув до черной лестницы, выбралась на задний двор. Там задрала голову вверх, подхватила свой мешок, скинутый домовым из окна Велиевой комнаты, боязливо позвала:

— Эй, Индрик! — и задумалась, а услышит ли он меня в такой дали? Со второго этажа донесся возмущенный вопль, распахнулось окно, и высунулась встрепанная голова мага:

— Верелея! Стоять!

— Щас! — неуважительно ответила я ему и показала кукиш.

Велий что-то прошипел сквозь зубы и разжал кулак, я присела.

Ловчая сеть сверкнула и упала на пробегающую мимо кошку, та мявкнула и упала на бок, уснула или сдохла, бедная.

Жеребец спустился с небес, подняв крыльями ветер, и приветственно заржал. Я под впечатлением от кошки птицей взлетела на спину Индрику, вцепилась ему в гриву и закричала:

— Мчи в Куличики!

Индрик взмыл, дух перехватило, я, покрепче ухватив мешок, прижалась к шее единорога, он довольно мурлыкнул, громко оповестив Меня и весь постоянный двор:

— Я покажу тебе море и танец русалок под полной луной!

— Каких русалок, мерин?! — Я ударила Индрика пятками по бокам и заставила повернуть на восток. Велий с проклятиями выскочил во двор и в гневе пнул забор, выбив из него доску.

— Упустил девку! Ротозей! — проржал магу Индик.

Я стукнула его промеж ушей, и единорог прекратил злорадствовать, надав и наслаждаясь чувством полета.

Когда внизу промелькнуло нужное село, а Индик стал снижаться, в кармане закричала голосом Алии ракушка:

— Веря, ты где?

— В Куличиках. — Я вытащила ракушку из кармана. — А что?

— Ты чего делаешь-то?! — возмутилась подруга. — Велий не в себе, нам всем попало, включая Сиятельного, он до сих пор в непонятках — обижаться ему на взбешенного мага или плюнуть и не обращать внимания. И вообще, — голос лаквиллки стал тише, — что у тебя с Велием?

— Ничего, — буркнула я, — а ты откуда разговариваешь?

— Из нужника, — пояснила девица.

— Скажи Велию, что я в Куличиках, со мной все в порядке, никто меня не съел.

— Ладно, скажу, — пробормотала лаквиллка. — Пока, а то в дверь уже долбят. — И зычно крикнула, видимо обращаясь к стучавшему: — Ну, чего ломишься, а?! Пива меньше пить надо! Приличной девушке уже и в сортире не задержаться!

Кое-как распрощавшись с назойливым Индиком — пришлось припугнуть его, что лишу крыльев и перьев, если не отстанет, — я отправилась к селу. Оно было не так велико, как Погост, если считать по дворам, зато расплзлось вдвое шире Чарониц, хорошо хоть постоянные дворы были сразу на обоих концах поселка, а то ходить и проситься переночевать можно было бы всю ночь. Я пересчитала деньги в кошеле, представила весь предстоящий путь и поняла, что первый раз в жизни путешествую как королева, могу позволить себе

все, везде и всегда — не надо выпрашивать у людей еду, тайком ночевать в стогах, опасаться, что в лесу загрызут волки. Теперь мне были страшны только трактирные воры.

Поэтому первое, что я сделала, это вынула из-за пояса бумажку с заклинанием от воров (ее подарил мне Гомункул, сказав, что ничего особенного делать не надо, только прочитать и прыснуть из скляночки на охраняемые вещи) и щедро опрыскала и себя, и мешок, зачитав:

— Кружит, кружит воробей с хлебной крошкой своей, улетает, прилетает, что поделать с ней, не знает. — Задумалась. — Глупость какая! Может, подшутил? Ай, хуже все равно не будет. — И потопала к селу.

Двор был широк, многолюден и гостеприимен. Комнату я сняла, но, провалявшись какое-то время, поняла, что спать не хочу совершенно, вдобавок колечко, связывавшее с Велием, непрерывно тускло светилось. Разложив на широкой кровати все свое добро: зеркальце, одежду, тетрадь с именами должников алхимикуса, я уселась с ногами на одеяло, нерешительно глядя на ракушку, пока та сама голосом Велия не хмыкнула:

— Я знаю, что ты думаешь обо мне. Бери ракушку, ослица!

Я вздохнула, понимая, что разговора не избежать, примирительным тоном проговорила в ракушку:

— Ну чего ты, никто меня не съест. И я никого не съем.

Велий облегченно выдохнул, он явно не надеялся, что я с ним заговорю.

— Я очень за тебя волнуюсь.

— Я с самого детства гуляю по трактам и все-таки дожила до такого возраста.

— Хорошо, будь по-твоему, — сказал Велий, — но предупреждаю: постоянно выходи на связь, чтобы я знал, куда ты направляешься, где остановилась, кто тебя окружает. И еще, Верелея, если с тобой что-нибудь все-таки случится, я выкопаю тебя из могилы и задушу собственными руками!

— Ты мне тоже очень нравишься.

— В каком смысле? — напрягся маг.

— Пошляк. — Довольная собой, я убрала ракушку в карман.

Теперь, когда у меня были развязаны руки, я могла с чистой совестью заниматься тем, чем пожелаю. Раскрыла свою тетрабочку с

должниками и поставила галочку напротив первого имени.

— Ан Аргыл Ойун. Медиум. Место проживания: Тутинка, — прочитала я. — Интересно, что это за Тутинка? Город, поселок, а может, вообще речка?

Название у книжки было странное, что-то вроде «Купитолосонасадереньги». Попробовала произнести это название вслух и чуть язык не сломала!

— Ладно, — решила я, — буду говорить: купи слона за деньги. Ан Аргыл Ойун поймет. Поеду на Сивке-Бурке, он лучше меня в географии разбирается.

Я сползла с кровати и, успокаивая себя мыслью, что раз в селе целых пять трактиров, то наверняка найдутся и люди, которые не спят, вышла на улицу. И оказалась права, в трактирах не спал никто.

Обзаведясь толстой тетрадью, я заявила, что готовлюсь к экзамену по культуре и мифотворчеству Змиевых Засек. И не успела глазом моргнуть, как стала своей у пьяной публики. Они гоготали над моими частушками, много и с чувством пели свои, угощали меня, вырывали из рук тетрадку, рисуя в ней никому не ведомые тропы и дороги до ближайших хуторов, заимок и охотничьих домиков, советовали, к кому обратиться по поводу ночевки и на кого сослаться. После чего тут же, делая страшные глаза, рассказывали, какие ужасные происшествия случились в тех местах, куда они меня отправляют, заканчивая все истории словами «больше их никто не видел».

Так что вернулась я уже под утро с гудящей головой, в меру пьяная, сытая и довольная, причем ничуть не потратившаяся. Уже засыпая, я успела тяпнуть ракушку и заплетающимся языком доложить:

— В Куличиках моровой девы нет. Пойду искать ее вокруг, только боюсь ноги стоптать, твои карты, оказывается, такие неподробные! — и провалилась в глубокий сон.

Проснувшись за полдень, все тело болело после вчерашнего веселья. Больше в Куличиках мне делать было нечего. Приказав себе:

— Вставай, Верей, топай дальше, — я закинула на плечи свой баул и спустилась вниз.

— Госпожа ученая, — разулыбался мне трактирщик. Конечно, пока вчера купцы меня угощали, они его, наверно, озолотили! — Тяжелая у вас работа, не щадите вы себя ради науки. — Он

сочувственно покачал головой и пододвинул ко мне стакан с квасом и медовый пряник. — За счет заведения, милости просим в следующий раз.

Я съела подношение и поинтересовалась, кто едет до лесопилки Федула. Оказалось, что пильщики, которые вчера так усиленно звали с собой, уже давно уехали.

— Хотя можешь попробовать поймать Степку-углежога, он сейчас у кузнеца Акима. — Трактирщик прислушался. — О! Беги-ка на дорогу, там его Лохматка скачет.

Я припустила на улицу, но в дверях застряла, потому что навстречу мне пер здоровенный детина. Этаким незаконный сын медведя с лицом дурачка. Поняв, что дальше не протиснется, он обиженно и удивленно воззрился на меня невинными фиалковыми глазами с коровьими ресницами. Я ему была где-то по пупок. Ему и дверной проем-то был низковат. Сообразив, что сейчас приму позорную смерть, раздавленная о дверной косяк, я задушенно засипела:

— Пусти!

Парень не сдвинулся с места, и тут трактирщик, заметив нас, закричал:

— Зоря, медведь чертов! А ну выпусти ученую девку на улицу, она за Степкой-углежом спешит!

Медведеобразный Зоря хекнул, вываливаясь на улицу, и я вывалилась вместе с ним. Покачнулась, но, увидев, что бурая лошадка углежога уже выворачивает за околицу, закричала, чтобы меня подождали. А Зоря так и стоял, обиженно таращась мне вслед, пока трактирщик не взял его за ручку, как маленького, и не завел в помещение.

— Это что за волот? — спросила я чумазого и пьяненького углежога.

— А-а-а, — осклабился он, — это Зорян у нас. Такая вот здоровенная орясина у Параськи уродилась, только головой слаб, ни черта не умеет, шляется круглый год по трактам, подковы людям на потеху гнет, а те его кормят. Может ведро хмельного выпить, опосля на руки встанет и не падает.

— А далеко до лесопилки? — поинтересовалась я, зарываясь в тетради. Такого умного слова, как масштаб, мои трактирные знакомцы

не знали, вся тетрадь пестрела словами «недалече», «рядышком», «туточки» и мелконькими уточнениями «упились со сватом», «полдня ползли, устали, а какой-то там Федул две седмицы добирался, насилу вышел».

Углежог почесал голову под шапкой и честно признался, что пешком и трезвый на лесопилку не ходил ни разу. Насчет расстояний, это надо у Лохматки спрашивать. Но на памяти углежога лошадь с ним разговаривала лишь один раз после трехдневного запоя. Сунув под голову мешок, я немного подремала, пока мы не добрались до лесопилки.

Заимка оказалась на удивление большой. Тут были и склады, и бараки работников, и большой хозяйский дом. Весной здесь, должно быть, очень грязно и мусорно. Мы проехали мимо штабелей бревен, и Степка, махнув рукой в сторону двора, пожелал всего хорошего. Я спрыгнула, оправила шубку и бодро зашагала к дому. Снег вперемешку с опилками скрипел как-то деревянно. Хозяин заимки, некий Дормидонт Степанович, стоял на крыльце, и я сразу поняла, что этому дяденьке лучше говорить правду, а то погонит в шею. Благо Грамотка от Конклава магов у меня была, хоть и припрятанная. Печать Конклава его впечатлила, а вот я не очень.

— И что такая пигалица будет с моровой девой делать?

— Да уж сделаю что-нибудь, — усмехнулась я. — Чума-то тоже не с сосну ростом, а целые города берет.

Дормидонт Степанович хмыкнул, но в дом пригласил и предложил отобедать. У слыхав, зачем я появилась на тракте, семейство Дормидонта разахалось, история о мертвых деревьях уже облетела все Засеки. Отобрав у меня тетрадь, хозяин тщательно ознакомился со всем тем, что у меня там было нарисовано, внеся исправления и отмечая разноцветными чернилами, куда идти не стоит, поскольку с хозяевами хуторов виделся недавно, куда сходить нужно обязательно, и те места, о которых ходит дурная слава и в одиночку соваться вообще не стоит.

Как ни спешила я отправиться в путь, но пришлось отдать долг гостыи, рассказывая свежие новости из далекого Вежа, показала шубку и пару сногшибательных платьев хозяйским дочкам и хозяйке, вызвав вздох зависти у оных и зубовный скрежет у Дормидонта Степановича.

Ох, и придется же ему раскошелиться по весне! Хотя бы потому, что платья мне достали демоны и расшила сама Березина, так что равных им все равно не найти. Дормидонт, как хозяин хваткий, сразу это сообразил и предложил купить мое добро у меня немедля, но я отказалась, намекая, что в деньгах не нуждаюсь, и поспешила откланяться.

Ближе всех из отмеченных Дормидонтом был хуторок Медовый, о бортниках которого давненько ничего не было слышно. Мне дали работника с санями и наказом вернуть его, если я решу ехать дальше. А я попросила, чтобы о моем визите особо не распространялись, не хотела, чтобы молва летела по тракту впереди меня. Так мы стояли и кланялись друг другу, я уже совершенно собрал ась идти, когда в дверях меня вдруг притиснул здоровенный мужик, я пискнула, подняла глаза и столкнулась с коровьим взглядом Зори. Судя по его виду, парень сюда бежал бегом.

— Ты чего это, Зорян? — удивился Дормидонт. — Никак в гости пожаловал?

Я с трудом вывалилась наружу, а хозяйка ласково взяла детину за руку и повела к столу. Зоря радостно, на манер Васьки загукал, а девки Дормидонтовы заулыбались.

— Ну и что, что дурак, — пробормотала я уже на улице, — зато какой здоровый!

И полезла в сани к работнику. На этот раз мой попутчик был неговорлив, и я опять задремала, только теперь под звон бубенца, успев напоследок подумать, что скоро стану уж совсем ночной тварью.

Хутор Медовый показался мне сначала совсем заброшенным.

Часть строений была обугленной, и я совсем уже решила, что никого не увижу, когда из-за дальнего сарая вылетел здоровенный кобель и поднял отчаянный лай. Скрипнула дверь, и на пороге появился лохматый старик со свечой в руках, в огромных валенках и полушубке, накинутом на одно плечо.

— Дед Сивко, это ты, что ль? — крикнул работник старику.

Дед подслеповато прищурился и, признав парня, велел заходить в дом. Оказалось, что по осени на пасеке случился большой пожар. Так что и дочка, и зять, и два внука Сивко сильно обгорели, их срочно

отправили в Чароницу, а как перемело дороги, то ли надсадившись, то ли от волнения дед и сам заболел и слег.

— Так что скажи Дормидонту, медка нынче не будет, — скрипел дед. Я отпустила работника, порылась в своем мешке и решительно взялась хозяйничать. Раскочегарила печь, показала деду свою бумагу и заявила, что его буду лечить. Дед покорился. Сделав вид, что завариваю корешки и шепчу заклинания, я изо всех сил стала представлять себе, каким крепеньким и бодрым был этот дед лет десять назад. Сейчас-то он, конечно, усох, но плечи у него были широкие, лицо костистое и мужественное, стариковские мутные глаза наверняка горели огнем, одним словом — орел был дедок, вот и все! Влив в Сивко сладенькую водичку, я велела ему лечь на печь и спать, не просыпаясь, до утра. Дед покорно влез, не забыв поинтересоваться:

— А ты, случаем, не ведьма, девка?

— Да вы что, дедушка! — возмутилась я и замахала на него руками:— Нечисть я, Березины племянница.

Дед крякнул и погрозил мне пальцем:

— Не шути, девка, со старыми богами. Вот прознает об этом леший, он тебе покажет племянницу, ишь ты, в наследницы к Древним лезет!

Я велела ему спать, а сама стала готовиться к встрече с Ан Аргылом Ойуном. Дали ж родители имечко! Медиум... Значит, не такой уж и могучий колдун. Где моя шикарная лисья шубка, пожалованная Серым Волком? Но сначала... Я вынула свой прибор для связи, села в уголке, потребовала, чтобы зеркальце показало мне Велия, и отшатнулась, увидев разгневанного мага.

— И кто обещал мне с утра доложиться? — тут же накинулся он на меня.

— Я спала до полудня. Вчера лишь под утро пришла, — оправдывалась я.

— И где ты сейчас?

— На хуторе Медовом.

Велий порылся в картах и заявил:

— Врешь, нет такого.

Я стала тыкать тетрадкой прямо в зеркальце, через полчаса препирательств маг одобрил мой маршрут, но пообещал, что, если я

еще раз пропущу сеанс связи, он лично отправится ко мне и будет таскаться со мной до конца этой затеи.

Лицо Аэрона влезло в зеркальце и ехидно поинтересовалось:

— Ну и как там моя «невестушка»? Не спилась?

Я фыркнула и оборвала связь. Некогда мне было трепаться, меня ждал Сивка-Бурка и великие дела!

Богатырский конь явился на мой зов немедленно и, хотя опять устроил концерт, что вызвал его не могучий, охочий до драки богатырь, но морда у коня была довольная. Когда я вскарабкалась ему на спину, спросил:

— Ну и куда на этот раз подвезти?

— В Тутинку.

Конь удивленно всхрапнул и произнес:

— Ну, хоть разбежаться успею!

Оттолкнулся копытами, и у меня перехватило дыхание.

Страшен и велик был шаман Ан Аргыл Ойун, говорящий с духами. Мог мертвого поднять, умершего три года назад, болезни лечить, предсказывать день появления солнца и повелевать страшными абасами, которые питаются душами людей и животных. Так говорил о себе Ан Аргыл Ойун, приходя в стойбища и требуя отдать ему долю едой, животными и женщинами. Ужасен он был своим видом. Железными лапами мог надвое разломить копье в руках Воина, железными рогами прободать шатер. Зло звенели колокольцы на его одежде, задолго предупреждая о его приближении. Боялись люди Ан Аргыл Ойуна, заранее выставляя богатый откуп на пороги юрт. Не боялся черный шаман даже Юрюнга Айы Тойона — Творца Вселенной, не раз прилюдно вызывая его на бой. Но Создатель Вселенной не торопился отзываться на его вызовы. Однако все имеет свой предел, даже терпение Великого Творца! Утомили его беспрестанные жалобы людей на произвол, творимый черным шаманом.

Любил долгую зиму проводить Ан Аргыл Ойун в селении Тутинка, имел большую юрту, жирных наглых жен, которые не уважали никого и били даже молодого вождя. И вот случилось однажды вождю в злополучный час оказаться на пути черного шамана и его старшей, самой страшной и самой зловредной жены. Не успел он

вовремя отскочить с их дороги, жена ударила вождя в ухо, а Ан Аргыл Ойун еще и пнул, унизив его достоинство. Взыграла обиженная гордость в молодом вожде, вскинул он горестно руки и закричал:

— Доколе детям Юрюнга Айы Тойона терпеть ненавистного черного шамана?! — И услышал его Великий Творец. Видно, не настолько велик был Ан Аргыл Ойун, как о себе говорил, потому что послал Творец свою младшую дочь Верлею.

Прекрасна была младшая дочь Юрюнга Айы Тойона, одета была в дорогие меха, источавшие жар и свет. Волосы ее были цвета огня, а глаза синие, как летнее небо. Спустилась Верлея, дочь Юрюнга Айы Тойона, на огромном небесном звере. Увидела Ан Аргыл Ойуна и, ткнув в него пальцем, громовым голосом произнесла страшное заклятие:

— Купи слона за деньги.

Испугался Ан Аргыл Ойун, заверещал на языке абасов, но непреклонна была Верлея, схватила его за малахай, топала огненными сапогами, трясла черного шамана и все грозней кричала:

— Купи слона за деньги, старый хрыч!

Завизжали жены Ан Аргыл Ойуна и вынесли из своего большого дома все богатство шамана, несправедно отобранное им у людей. Но Верлея взяла лишь кожи со словами, при помощи которых вызывал шаман злых духов абасов, тем самым лишив его силы. Вскочила на небесного зверя и снова умчалась в жилище Юрюнга Айы Тойона.

Встал молодой вождь и теперь уже сам пнул поверженного Ан Аргыл Ойуна, указал на него перстом и произнес страшное заклятие, от которого завизжал шаман страшным голосом:

— Купи слона за деньги, старый хрыч!

Жуткое это заклятие стали передавать люди из поколения в поколение, и ни разу не подвело оно их.

Едва я распрощалась с Сивкой-Буркой, как поняла, что в доме старого пасечника творится что-то ужасное. Дедок спал, хотя Великий из всех сил пытался дозваться меня через ракушку и так кричал, что бедная подпрыгивала на столе. Я бросила кожаный свиток на кровать, быстро скинула одежду, замоталась в одеяло и сонным голосом спросила:

— Ну чего надо?

Из зеркальца на меня глянули две озверелые морды, лишь немного смахивающие на лица дружков.

— Ты где была?! — прорычали они в один голос.

— Вот вам нате! — Возмутилась я. — Разбудили посреди ночи, орут, вам что, делать нечего?

— Врет, — уверенно сказал Аэрон, — я же точно знаю, что врет! Не было ее там! За сотни, нет, за тысячи верст находилась! Да я ее чувствовал-то совсем чуть-чуть! Как на другом краю света!

— Ага! — рывкнула я. — Вот, прям не переобуваясь, сбегала на край света и вернулась!

Аэрон задумался, а Велий произнес:

— Верелея, ты нас не дури.

— Я не поняла, чем вы недовольны? — надулась я. — Я обещала на связь вовремя выходить?

— Ну, — неуверенно кивнул головой Велий.

— Ну, так до связи! — Я сделала зеркальце непрозрачным, а ракушку временно неговорящей. Только перстенок на пальце подсказывал, что дружки за мной бесстыдно наблюдают, а рассмотреть добычу хотелось до зуда в руках.

Я еще раз, покосившись на колечко, зевнула и стала поправлять приготовленную кровать. Одеяло с плеч медленно поползло вниз, я, делая вид, что не замечаю посверкивания камня, выпрямилась и потянулась, подняв руки кверху. Одеяло упало к ногам, камень на кольце потух. Я довольно потерла руки, подтянула одеяло обратно, села на кровати и развернула сверток

— Не то! — через некоторое время удрученно произнесла я, тарашась на пляшущих человечков. — И стоило этому старикашке так упираться из-за ерунды? И мне ругаться с Велием.

Список был довольно длинным, а маг нетерпеливым. Ладно, будем упираться, пока Велий окончательно не взбесится. С этой мыслью ила из мешка ночнушку, надела ее и уснула.

Утро началось истошным воплем и частой дробью ударов, сопровождающихся надрывными криками;

— Внученька родная, не погуби дурака старого, что не признал тебя, не поверил!

Я разлепила один глаз и тут же подскочила на кровати, потому что дед Сивко изо всех сил молотился головой о половицы и бородой подметал нечистый пол. Я вжалась в стену и осторожно поинтересовалась:

— Эй, дедуля, что с вами?

Дедуля не по-стариковски ловко вскочил ко мне на кровать и принялся осыпать мне ножки поцелуями, намазывая их при этом медом из баночки и шепча что-то. Я с холодком в животе вспомнила, что что-то похожее делают жрецы Хорса с курами перед тем, как их резать на жертвеннике. Завизжала, как те же куры, и понеслась от него по комнате вскачь, а он за мной, вопя:

— Внученька родная, не обижай, прими жертву.

— Жертву! — заорала я, прибавляя ходу.

Не зря за меня волновался Великий, действительно сумасшедших полно! Единственное, чему я удивлялась, так это тому, откуда в еще вчера немощем теле старика столько прыти, он умудрялся не отставать от меня, орошая все вокруг медом из своей плошки. Выскочив на улицу и запершись в нужнике, я провизжала:

— Уйди, дедуля, иначе я за себя не ручаюсь, — и сорвалась на тонкий фальцет: — Сейчас все здесь разнесу-у-у!

— Разноси, внученька! — счастливо закричал дед в ответ, а я неверяще уставилась на него в щелку и увидела, как он опять, задрвав задницу кверху, долбит головой промерзшие доски.

— Деда, а с тобой все нормально? — испуганно проблеяла я.

— Ой, нормально со мной, внученька, — ответил Сивко.

— А может, тебе нехорошо? — снова спросила я.

— Ой, как мне хорошо!

— А чего ты тогда за мной гоняешься?! — зарыдала я.

— Как же? А жертву принести? — удивился дед, а я перешла на ультразвук:

— Не надо меня в жертву! Я молодая еще, жить хочу!

Сивко перестал бить поклоны, выпучил глаза и пробормотал:

— Заступница, как же тебя можно в жертву-то?! Это ж я на тебя молюсь!

— Чего это?! — испугалась я еще больше.

— Так ведь ты же Березины племянница, избавительница моя от хвори и болезни! Да я ж твоей заботой теперь... — Он заметался по

двору, не зная, что сделать, ухватил саманный кирпич и, хекнув, разломил его о собственную грудь, а я поняла, что из нужника никогда не выйду, так и найдет меня здесь Велий замерзшую и в одной короткой рубашке.

— Дедушка Сивко, мне на Макарьев хутор надо, я хочу людям добрые дела делать!

— Дела, — закричал дед Сивко, — да я тебя до Макарьева на себе домчу!

— Я умру на таком скакуне! — завизжала я.

— Избавительница! — завыл в ответ дедок, я тарасилась на него сквозь щель, чувствуя, как ноги, обильно смазанные медом, начинают леденеть.

И тут откуда-то сверху на двор упал огромный серый волчище.

Кобель, который до этого радостно носился кругами вокруг спятившего хозяина, юркнул в свою будку и там затаился. А я заорала во всю глотку:

— Алия! Вытащи меня отсюда!

Серый Волк грянулся оземь и, поднявшись уже добрым молодцем, укоризненно глянул на Сивко:

— Чего ж ты, старый пень, творишь-то? Она ж сейчас от страха окочурится!

— А чей-то? — Сивко упал на зад, сжимая плоску перед собой.

А я выскочила из нужника и вцепилась в Алию:

— Я думала, он меня сейчас как куру в меду запечет!

— А неча ему было молодость возвращать не подумав! — рявкнула подруга. — Хорошо хоть Велий с Аэроном тебя в нужнике узрели да меня на подмогу отправили.

— Вот гадство! — буркнула я и посмотрела на Сивко по-иному.

Дед сиял, как начищенный кладень, и пожирал меня благодарными глазами.

— Ты это... — я погрозила ему пальцем, — не говори никому.

— Все исполню! — Дед снова ткнулся лбом в землю.

Убраться сразу с пасеки не удалось. Пока я отмывалась, Серый проголодался и заявил, что будет завтракать. Хорошо хоть снесь у них с Алией была с собою. Я осторожно высунулась из бани, теперь зная, почему боги из Ирия носа не кажут — страшно им. Серый травил

байки, а изрядно помолодевший дед так улыбался, что я боялась — у него рот порвется.

— Ну загостились я у вас, — пропела я с порога, — пора и честь знать.

И стала быстренько кидать шмотки в мешок. Однако стоило мне метнуться к дверям, как я застряла, прижатая к косяку. И даже не удивилась, подняв глаза и разглядев взмыленного Зорю. Мы встретились глазами, и что-то в выражении лица дурачка мне не понравилось.

— А вот еще один мой почитатель. — Я ткнула в Зорю пальцем. — Второй день за мной гоняется, об косяк раздавить хочет.

— Ты пошто девицу пугаешь? — нехорошим голосом спросила Алия, наступая на дурачка, но тот только испуганно загукал.

Плюнув на него, я подхватила вещички и отправилась в лес, Подальше от людских глаз. Пока Серый Волк перекидывался обратно, Успела много хорошего сказать Велию и Аэрому, которые лишь гоготали в ответ как мерины, объясняя, что только так меня можно отучить делать глупости.

До Макарьевого хутора мы домчались махом. На хуторе все было в порядке, никаких признаков чумы не имелось. Перекусив с радушными хозяевами, я отправилась дальше пешком, решив на ходу отойти от тряски. Этот день был не в пример вчерашнему — хоть и морозен, зато ярок. Тропинка петляла влево, вправо, огибала взгорочки и лесные чащи, было такое ощущение, что ее прокладывала углежогова Лохматка, которой было абсолютно безразлично, как идти, куда идти, лишь бы к вечеру быть на месте: в тепле и у кормушки.

Изрядно подмерзнув, я решила, что погорячилась, отправившись пешком. А Индрика вызывать уже не имело смысла — по моим расчетам, до хутора Дальний было рукой подать, если не петлять как пьяная змея. Надо немного срезать путь, подумала я и смело углубилась в лес. Наст трещал под моими ногами, но держал мой вес. Я так осмелела, что даже решила читать на ходу тетрадку. Вскорости выяснилось, что совсем недалеко и по дороге живет один из архивных должников, зовут его Маргобин, а по профессии он некромант. Ой, как мне не понравилось его имя! Ой, как мне не понравилась его

профессия! И я бы малодушно плюнула на него, но книга, которую он задолжал, как назло, называлась «Волшебные превращения».

— Ох, до чего же мерзкие люди эти чернокнижники! — пожаловалась я спящему лесу и только тут поняла, что иду по заснеженному оврагу. Ни вправо, ни влево вылезти из него было невозможно, пришлось скрепя сердце шагать по этой виляющей тропе. Вот этот-то овраг и стал для меня ловушкой. Его стенки были высоки, я вполне уже могла пройти мимо Дальнего. Тюк сразу стал непосильно тяжелым, а ножки слабыми.

Я совсем уже собралась делать при вал, махнуть на все и завалиться в снег, как вдруг увидела дымок. Побежала к нему и вскоре обнаружила землянку и хорошо утоптанную к ней тропинку. Я радостно туда ворвалась, надеясь если не на еду, то на тепло.

Землянка оказалась просторная, человек на тридцать, не меньше.

По стенам висели не только звериные шкуры, но и ковры, на которых красовались копыя, луки, мечи. Я подивилась, как богато живут нынче охотники. Сунулась в грубую, но добротную печь и с восторгом обнаружила там горшок тушеного мяса с капустой, а в большом ларе — хлеб. Сама себе удивляясь, я жадно накинулась на еду, сочувствуя ребятам, которые взвалили на себя такую обузу, как конь. Ведь как здорово — все бросить и завалиться спать! А коняшку расседлай, напои, накорми, обиходи, а ведь еще их и волки кушают. Так рассуждая, я расхаживала по землянке и чем дольше ходила, тем меньше мне нравились живущие в ней охотники.

Конечно, какой-нибудь женатый добытчик и мог сшить от нечего делать жене шубу, да не одну, но зачем же с собой золотое узорочье тащить да за печь прятать? Попересыпав из ладошки в ладошку драгоценные камни, я твердо решила здесь задержаться. Очень мне тут понравилось! То, что это хижина разбойной шайки, я уже сообразила, теперь соображала, что же мне с ними сделать. Алию для подмоги звать не стала, надеясь, что дяденьки сразу меня не зарежут, а потом мне авось повезет. Буду понаглей, пострашней, навру чего-нибудь, в крайнем случае — сбегу или Анчутку кликну. После благодарного деда мне ничего не страшно было. И, чувствуя себя невероятно смелой, я завалилась на их широкую кровать и уснула.

Разбудили меня, сдернув за ногу с кровати. Я больно приложилась затылком об пол и сразу же разозлилась:

— Кому здесь жить надоело?!

От меня отпрянул ражий мужик в овчинной шубе и косматой шапке, надвинутой по самые глаза. Я уцепилась за его бороду и страшненько так взрыкнула:

— А ну, кто нас тут не уважает?!

Меня как собачонку сгребли за шиворот и стукнули об стенку, к счастью укрытую ковром.

— Ой, звездочки, — детским голоском завела я.

— Девица! — загоготали разбойники. — Сама пришла! Вот радость-то! А чей-то у ней в мешке?

Кто-то из мужиков стал самозабвенно рыться в моем бауле, еще один попробовал залезть под подол, но я решила, что хорошенького понемножку. Резко щелкнула пальцами, и ближайших ко мне разбросало, я довольно ухмыльнулась и, махнув рукой, смела и того, который так нахально влез в мешок. Конечно, мужички схватились за свои кривые железяки, но я только расхохоталась, и то, что раньше висело в виде трофеев на стенах, со свистом отправилось в полет в направлении хозяев землянки. Разбойная братия охнула и постыдно бросилась в бега, но в мои планы не входило оставаться в одиночестве. Я недовольно рывкнула, и дверь напрочь заклинило, а пока мужики в нее долбились, подхватила выпавшие из мешка вещи, сунула их обратно, залезла на стол, удобно села в середине, сложив ноги по-турецки, и произнесла:

— Значит, так, времени у меня мало, каждому по отдельности объяснять не буду. — Я досадливо сморщила нос. — Да перестаньте вы в нее долбиться! Пока я не скажу, все равно не откроется.

Мужики стали нервно на меня оглядываться, я улыбнулась им той улыбочкой, которой научилась в Школе у нечисти, мгновенно замораживающей и лишаящей воли.

— Ведьма, — сказал с придыханием кто-то из разбойников.

— Нет. — Я покачала головой и, вспомнив охранников у вежицких ворот, поправила мужиков: — Демоница.

После такой поправки в разбойничьем стане послышались первые стоны ужаса. Я фыркнула и проникновенно заговорила снова:

— Я чего сюда зашла-то. — Посмотрела на перекошенные у кого от страха, а у кого от злости лица, оперлась руками на стол и

сообщила: — Дело у меня к вам. Мужички вы лихие, вам мою просьбу исполнить — раз плюнуть!

— А что нам за это будет? — отмер кто-то из них.

— Вот молодец! — похвалила я его. — Сразу перешел к сути!

Разбойники отлипли от двери и стали осторожно садиться ближе к столу.

— Книжечку мне надо у Маргобина добыть.

— Дык он это... — подал голос разбойник в тулупе и высокой меховой шапке, — колдун, мертвяков поднимает.

— Может, и поднимает, — безмятежно продолжила я, — только выто не за мертвяками отправитесь, а за книгой. Колдуну она ни к чему, а мне нужна позарез.

Один из головорезов, решив, что я увлеклась рассказом, попытался незаметно подойти сзади и оглушить чем-то тяжелым. Я, не поворачиваясь, махнула рукой, и поднятый надо мной бочонок опустился на голову ему самому. Глухой удар упавшего на пол тела и бульканье, судя по запаху, разлившегося вина. Остальных я обвела пронзительным взглядом и вкрадчиво поинтересовалась: есть ли еще подобные герои? Герои затаились. Я для устрашения еще потрясла стены землянки, пыхнула сажей из печки и продолжила:

— Книгу оставите мне в Большой Заставе, на имя Вереи. Чего вытарацились? А, об оплате? Ну-у... — Я неопределенно повела рукой. — Думаю, с вас достаточно и того, что вы никогда не будете писать против ветра, вы и так люди небедные.

Разбойники напряженно молчали, зло переглядываясь, а я, увидев тускло засветившееся колечко, вытащила из мешка зеркало и ракушку и как можно непринужденнее спросила:

— Ну и чего?

— Ты где? — спросил Велий, судя по обстановке, разговаривал он из комнаты в трактире.

— Рядом с Дальним. Чуть-чуть не дошла. — Тут я заметила краем глаза, как кто-то из разбойников встал, и рывкнула: — Сидеть! — со страху пустив трещину по потолку.

— Что у тебя там? — заволновался маг и прошипел, разглядев, видимо, окружающие меня рожи: — Во что ты вляпалась?

— Да ты что! — Я похлопала глазками. — Хорошие ребята, веселые и за меня горой! — Я посмотрела на разбойников: —

Улыбнитесь!

Разбойники стали натужно давить улыбки.

— Ну, ты видишь, что все хорошо? Все, пока. Как доберусь до Дальнего, свяжусь. — И я убрала ракушку, успев услышать возмущенный вопль Аэрона:

— Да она ж в разбойничьей шайке!

Кольцо продолжало светиться. Я встала на ноги, закинула мешок на спину и, сверху вниз глядя на мужиков, сказала:

— Ну что ж, мы обо всем договорились. И не думайте, что плата слишком мала, дня через два вы поймете — это то, что вам нужно.

Я спрыгнула со стола и, пройдя мимо расступившихся разбойников, щелчком открыла дверь. Если кто из них и лелеял надежду разобраться со мной в лесу, то был горько разочарован, потому что я, с неудовольствием покосившись на кольцо, поняла, что дружки не успокоятся, пока я не доберусь до хутора, и вызвала Индрика, который окончательно вверх разбойников в ужас и панику, вырвавшись прямо из-под снега. Я вскочила ему на спину, и мы взмыли в небо. Последнее, что я успела увидеть, это вываливающегося из бурелома к разбойничьей землянке огромного медведеобразного детину.

Хутор Дальний встретил нас темнотой и тишиной. Не светилось ни единого самого крошечного огонька.

— Тебе точно сюда надо было? — фыркнул Индрик, положив свою голову мне на плечо.

— Точно. — Я толкнула ворота, те со скрипом, медленно раскрылись. Ни залиvistого лая собак, ни признаков жизни в большом доме, к которому жались, как цыплята к квочке, домики поменьше. Есть тут кто живой? — осторожно позвала я. Порыв ледяного ветра хлопнул распахнутыми ставнями, я поежилась. Сразу стало страшно и очень неудобно.

Я, стараясь не скрипеть снегом, пошла вперед. Индрик, сложив крылья на спине и наострив ушки, за мной. Поднялась на высокое крыльцо, тихо отворила незапертую дверь и сунула голову внутрь. Сени были пусты, под низким потолком висели пучки сушеных трав, я открыла дверь в горницу и растерянно повертелась на месте.

Мебель зияла пустыми полками, снег из разбитого окна припорошивал разбросанные по полу тряпки и домашнюю утварь.

— Такое чувство, что хозяева покинули это место в большой спешке, — пробормотала я, оглядываясь на сунувшего в дверь голову Индрика. — Вон, даже такой хороший серебряный подносик оставили. — Веряя, пошли отсюда, — прогундел конь.

— Интересно, от кого они так драпали? — продолжала я, не обращая внимания на дядьку-единорога.

— Куда ты пошла?! — закричал тот, увидев, что я направляюсь к лестнице, ведущей на верхний этаж. Попробовал протиснуться в дверной проем, но застрял со своими крыльями, засопел, забился, с трудом выпал обратно.

— Ты иди пока во двор, — посоветовала я ему, — я наверху проверю и вернусь.

— Правда?! — недоверчиво спросил Индрик, я одарила его укоризненным взглядом и стала подниматься по скрипучей лестнице.

Наверху было еще темнее и страшнее. Я по очереди заглянула во все три комнаты. Такая же картина, как и внизу: разбросанные в спешке вещи, пустая мебель, тишина. На чердаке что-то стукнуло, зашуршало, я вздрогнула и стала на цыпочках красться наверх. У двери чердака притормозила, прислушалась к каким-то неприятным звукам и толкнула дверь. Лучше бы я послушалась Индрика!

Я даже достойно заорать не смогла, стояла и таращилась, как какая-то страшно волосатая и жутко зубастая тварь, похожая на огромную жабу, отрывает и заглатывает куски от чего-то смутно напоминающего бывшего дворового Бобика. Жуткий ночной кошмар рвал все это дело, стоя на задних лапах, на скрип двери существо повернуло ко мне свою страшную, всю в крови харю и удивленно рыгнуло.

— Здрати, — в ужасе проговорила я, — приятного аппетита. — Деревянно развернулась к опешившему монстру спиной и пропищала: — Ну, я пойду?

Зверюга подавилась, потом заревела, сверкая красными глазами.

— Веряя! Ты там долго? — заорал снизу Индрик, чем и отвлек ненадолго тварь от моей персоны. Во всяком случае, с чердака скатиться вниз по лестнице я успела.

Наверху завывало, заскребли по полу когти, и зубастое чудовище ринулось вслед за мной. Я по перилам съехала на первый этаж, оглянулась, оценила умение ночного кошмара бегать с одинаковой прытью как по полу, так и по стенам, и захлопнула тяжелую дверь сеней прямо перед его пастью. Раздался треск, вылетела доска, морда высунулась в щель, взбадривая своим ревом уцелевших тараканов. Я от души шарахнула по разверстой пасти первым попавшим под руку предметом, оказавшимся крышкой от кастрюли, сама не ожидая, что оказываю твари услугу, так как зубастая дрянь просто-напросто застряла в щели, а после моего удара оказалась хоть и побитой, но свободной и желала немедленно мной подзакусить.

Я завизжала так, что со стен попадали пучки зелени. Зверь даже притормозил, впечатленный моим вокальным талантом, что позволило мне вырваться на крыльцо и перемахнуть через перила. Индрик, красуясь, выскочил из-за угла дома, и я услышала недоуменное конское:

— Ты чего?!

И вот тут-то чудище во всей своей красе явило себя на крылечке.

Мой белоснежный крылатый красавец издал нежный поросячий взвизг и... зарылся в землю, брызнув комьями снега и земли на гадину. Тварь встряхнулась и повернула голову в мою сторону. Помнится, в приюте мы из рогатки расстреливали камушками горшки на заборе злющей бабки Ефросиньи. Так вот взгляд у твари был в точности как тогда у меня и моих дружков, прицеливающийся, с прищуром. Холодок пробежал по спине, когда я почувствовала себя в роли глиняного горшка, в который целится камушком озорник. Только в отличие от него у меня были ноги.

— Ай! — закричала я и бросилась бежать.

— Ты добралась до Дальнего? — спросила в кармане ракушка. — А то Аэрон...

— Туточки я! — взвизгнула я в ответ, протискиваясь в просвет между домами. Клыкастое уродство проехало по насту, завывало, развернулось и стало продираться за мной, цепляясь когтями за бревенчатые стены.

— Что у тебя там?! — испуганно закричал Велий.

— Конкурент, — пропыхтела я, вываливаясь из зазора между домами с другой стороны. — Прибыл раньше меня. Теперь злится! —

Я заскочила в пустую конюшню и заложила ворота изнутри брусом. Глухо ударило, заорало, полетели щепки.

— Это же рватень! — не своим голосом завопил Велий. — Верелея, беги оттуда! Вот черт!

— А я что делаю?! — Я запустила обгрызенным лошадиным мослом в преследователя, лезущего в пролом в воротах.

— Где твой Индрик? — Кольцо просто полыхало.

— Тоннели роет! — крикнула я в ответ, выбегая в заднюю дверь и подпирая ее поленом.

— Какие тоннели? — на два голоса заорала ракушка.

— Знамо дело — подземные! — Я скачками помчалась дальше, надеясь, что запертая дверь подальше удержит зверюгу.

— Он что, сбежал?! — подавился возмущением маг.

— Я надеюсь, что это был тактический ход! — доверительно поведала я, прячась за колодцем. — Сейчас он ка-ак выскочит!

Выскочил не Индрик, а все та же кошмарная дрянь, которая сделала огромный прыжок, пытаясь достать меня, но переоценила свои силы, не долетев всего несколько ладоней, ударила когтем по Руке, выбив ракушку в снег, и с обиженным воем рухнула в колодец.

— Вот и поговорили! — Подбирать ракушку времени не было. Я, отбежав к большому дому, затаилась.

Монстр, возмущенно визжа, вылез на бревенчатый сруб колодца, потряхнул мокрой шкурой и повел носом.

— Я ничем не пахну, я ничем не пахну, — забормотала я, стараясь не дышать.

Началась упоительная игра в кошки-мышки. Тварь наострила уши и медленно кралась вдоль стен, звеня льдинками в промерзшей шерсти. Я изобретательно пряталась. Длилось это довольно долго, я даже успела успокоиться и начать соображать, как бы мне избавиться от столь рьяного поклонника. Жаль, ракушка осталась в снегу! Уж Велий-то бы мне подсказал.

«Кошке» надоело бродить кругами, и она, зло взвывая, приняла решение охотиться с крыш. Взлезла по стене дома и, усевшись на конек, обвела красными глазами двор и постройки. Я не ожидала такого коварства и была замечена в считанные мгновения. Не оказалась поблизости высокого крыльца с выломанной доской, быть бы мне поздним ужином. Мое проворство саму меня привело в изумление, но

сунувшуюся следом тварь я встретила ударом мешка и взмахом руки, после которого ее откинуло, но ненадолго. Пасть снова защелкала зубами в неприятной близости.

— Ой! А слюни-то развесила! — Я поморщилась и попробовала утереть слюнявую морду клоком сена.

Зубастая дрянь закашлялась, возмущенная моей наглостью. Я посмотрела на полыхающее колечко и покачала головой:

— Толку мне от ваших приглядываний! Вот если бы что-нибудь упало и раздавило эту тварюгу!

И боги меня услышали, потому что на зверюгу откуда-то обрушилось бревно такой толщины, что, казалось, таких деревьев и не существует.

Монстр захрипел, дрыгнул конечностями и вроде бы сдох. Бревно скатилось с расплющенной твари, та зашевелилась, а я уж совсем пала духом, но сообразила, что это просто кто-то поволок зверя за хвост в сторону от дыры. Снег закрипел под ногами, и в щель заглянули фиалковые глаза. Зоря совершенно нормальным голосом и с удивительно поумневшим лицом спросил:

— Живая?

Я вжалась в угол и поняла, что останусь жить здесь, как какая-нибудь Мурка, потому что лишний раз уверилась, что Зоря — маньяк, специализирующийся на раздавливаниях, если не собственным весом, то увесистым бревном.

— Ну ты чего испужалась-то? — улыбаясь, спросил Зоря.

Я стукнулась об лесенку, пытаюсь выскочить из-под крыльца.

— Иди сюда. Кысь-кысь-кысь, — позвал меня Зоря.

— Ты почему не гукаешь?

— Что ж я, на голову больной, гукать? — удивился Зоря.

— А мне в Куличиках сказали, — потирая шишку, заметила я, — что тебя маленьким с моста на камешки уронили головою.

— Да ну?! — изумился Зоря.

— Баранку гну! — окрысилась я и махнула на него мешком. — Вали отсюда и кошатину свою забирай!

— Ты чего дерешься?! — Зоря схватился за ушибленный нос, потом просунул в дыру свою здоровенную ручищу и стал водить ею, пытаюсь меня нашарить. Я совсем примерилась куснуть его за руку, как Зоря вдруг заорал и стал молотить ладонью по снегу.

— Ой, мама, еще и припадочный! — Я начала в ужасе скрести доски крыльца. Рука исчезла, словно Зорю кто-то выдернул за ногу, и его начали топтать и пинать, визжа по-жеребьячи:

— Я тебе дам девок лапать!

Потом в дыру сунулась Индриковая морда, я рванулась ему навстречу, злая как собака и сунула ему кулаки в ноздри.

— Ты што твоишь?! — закричал единорог, трясая головой, но мне было слишком страшно последний час, чтобы я его так просто отпустила. Меня полночи пугали и гоняли, и мне срочно нужно было снять напряжение, поэтому я вцепилась в нос коню еще и зубами, визжа на весь хутор:

— Предатель!

— Я не пьедатель, я испуался! — орал он в ответ, припадая на задние ноги и пятясь от меня. Я краем глаза заметила Зорю, испуганно жмущегося к забору, и, бросив Индрика, накинулась на детину:

— Что, сидишь? Часу своего дожидаясь, изувер? Ну давай, дави! Надоели вы мне все, с самого утра покоя нет!

Тут я вспомнила про кольцо.

— А вы, два лоботряса, чем занимались все это время? — закричала я. — Меня жрут, а вам Алию лень прислать?!

Зоря провалился внутрь своего тулупа, пуча на меня глаза.

— Слышь, конь, — горячо зашептал он, — а она, часом, не тронутая?

Укушенный Индрик всхлипнул:

— Дура она, ее и ворон так называет!

— А сам-то ты кто? — заинтересовался Зоря.

— Дядька я ее, — пояснил Индрик, потом понял, что разговаривает с тем, кто пытался меня лапать, злобно сощурил глаза и добавил: — Ии смерть твоя!

— Эй! Ты рожище-то убери, — завопил Зоря, — а то пообломаю! — и сжал кулачищи, готовясь к смертному бою.

— Цыц оба! — заорала я и замерла, прислушиваясь, откуда пищит Велий.

Ракушечку изрядно затоптали. Пока я очищала ее от снега, Велий и Аэрон на два голоса оправдывались, я их не слушала, однако для всех желающих внятно описывала тех, кто рядом со мной и где я бы их

видала после всего случившегося. Выдохлась, устало привалилась к колодцу и оценивающе посмотрела на Зорю:

— В общем, из живых врагов у меня лишь он остался, сейчас забью и спать лягу, — поведала я небу.

— Дай я его потопчу! — с готовностью сунулся вперед Индрик, но я остудила его пыл:

— Молчи уж, землекоп! Сколько подземных галерей ты тут прорыл? Мы, случаем, туда вместе с постройками не рухнем?

Индрика свело судорогой, словно коня настиг радикулит, и он вдруг всхлипнул. Я удивленно приподнялась, обняла его за шею и заглянула в большие лошадиные глаза:

— Ты чего это? Плачешь?

— Я ж из леса-то уж не одну тысячу лет не выходил. Только вышел — и тут оно! Даже взлететь не догадался!

Я погладила единорога по голове, и тут плачу Индрика стало вторить басистое нытье Зори:

— Не губите меня, госпожа ведьма, я и так за вами с самых Куличиков бегом бегу, уже все ноги до жопы стоптал! Скоро лошадачьи ржать начну!

— А чего ж ты бежишь-то за мной, душегубец? — Я вспомнила, как он пытался расплющить меня о косяки.

— Дык как деньги ваши проклятущие взял, так ноги сами и несут! — Зоря пустил скупую слезу по щеке и трясущимися лапищами протянул мне мой кошель, о котором я ни разу за дорогу и не вспомнила. Наверное, этот день меня все-таки доконал, потому что я начала так хохотать, что живот заболел. Индрик заискивающе подхихикивал, а Зоря не мог понять причину веселья, хотя честно пытался нас поддержать редкими гуканьями.

— Ты путешествовать любишь? — наконец выдавила я, обращаясь к вору-неудачнику. — Хотя какая разница, все равно придется. Кроме крыса, заклинание не снимет никто.

— Крыса — это еще один ваш дядя?

Я собралась было пуститься в объяснения, но махнула рукой, заявив, что желаю спать немедля, и поплелась на сеновал.

Разбудил меня богатырский храп Индрика. Я натянула себе на голову его крыло, но источник храпа помещался где-то в животе, на котором я лежала головой, я посвистела, почмокала, но конь даже ухом

не повел! Где-то в ногах поскуливал Зоря, подрагивая во сне конечностями. Несмотря на то что все тело у меня болело, а ноги просто отваливались, спать я с ними больше не могла. Выползла на свет и ужаснулась: при свете дня хутор выглядел просто кошмарно. Весь двор покрыт брызгами смерзшейся крови, на корню убивая желание идти в дом, искать там съестное или греть чай. Мерзкий рватень уже окоченел и выглядел расплющенной жабой. Я про таких в Школе никогда не слышала! Поизучав его с безопасного расстояния, я поняла, что обедать сегодня точно не буду.

И тут на двор влетел, вздымая снежную пыль, Велий на черном мохноногом коне. Судя по пене на морде скакуна, маг гнал бедную скотинку всю ночь. Едва он соскочил на землю, я набросилась на негодея, безжалостно относящегося к животным, и пока мы обихаживали скотину, с сеновала выползли Индрик и Зоря. Всхрапнув, единорог как бы невзначай вклинивался между нами, а Зоря взирал на нового визитера, всем своим видом выражая покорность судьбе.

— Еле отыскал тебя в этой глуши. Все тропы замело. — Велий тряхнул головой, сбивая с волос снежинки.

— Вообще-то ты запоздал с помощью, — сказала я, — но если хочешь, можешь попинать своего рватня. Вон он, у крыльца.

И Велий, конечно, пошел. В этом был он весь: сначала скачет сломя голову к девушке, а потом меняет ее на какую-то дохлую дрянь. Я с чувством ревности смотрела, какое пристальное внимание он уделяет этой дохлой жабе. Мои коготки бы он не пересчитывал! А уж в глаза зверюге заглядывает, словно ожидает признания в любви!

— Ты еще поцелуй ее, — проворчала я.

Когда Велий пошел обшаривать дома, я поплелась за ним, но очень быстро выскочила на улицу, хватая ртом воздух и радуясь, что ночью было темно, иначе я прекрасно померла бы и без рватня. Индрик сочувственно похлопал меня крылом. На крыльцо вышел Велий, выглядел он тоже не ахти. Сел на лестницу и заявил, что это действительно рватень, причем с таким упреком, будто я сама этого монстра сюда приволокла.

— Куда воевода местный смотрит? — буркнула я. Велий взвился, словно только этих слов от меня и ждал:

— Да их вообще в природе не существует! Где ты нашла это ископаемое? Из четырех трактов этот самый безопасный был, пока ты

тут не появилась! В общем, так — с этого дня идем вместе. Чую, что добром твое путешествие не кончится.

Я чуть не задохнулась от возмущения:

— Эй, я не просила попутчиков!

— Без попутчиков тебя просто сгрызут где-нибудь!

— Да мне и так двоих охламонов на себе волочить приходится, — стала жаловаться я, кивая на Зорю и Индрика, — а теперь еще и ты на шею сядешь!

Велий обиделся и, не зная, что сказать, прицепился к первому, кого увидел. Ткнул пальцем в Зорю:

— А это кто?

— Дурачок местный, — отмахнулась я.

— Я не дурачок! — взревел басом Зоря.

— А кто ж ты, если у ведьм деньги ворует? — снисходительно поинтересовалась я.

— А у вас на лбу это не написано!

Я отметила это уважительное «Вас», надулась от гордости, а орясина продолжал, тыча в меня пальцем:

— Вы вообще ученой девицей представились, когда в кабаке с купцами пировали.

— А что я должна была сказать — что ведьма, мол, не воруйте у меня ничего?! — стала я наступать на Зорю.

— Что происходит? — вклинился в наш разговор Велий. Пришлось рассказывать ему про подарок Гомункула. Велий с наскока попытался развеять чары, но не вышло.

— Тут зелье нужно, — признался он обиженно, — теперь этот дурень за нами таскаться будет повсюду. — И накинулся на меня, словно это я была виновата: — Верелея, ты ничего правильно сделать не можешь!

— Почему это «за нами»? Это мой вор, и на вашем тракте ему делать нечего.

Велий вздохнул тяжело и стал мне втолковывать, что после всего, что произошло, он вряд ли оставит меня одну. Ни за что он не оставит меня одну! А когда я попыталась спорить, так тряхнул за плечи, что у меня пропало всякое желание возражать дальше.

Я обиделась и замолчала. Велий сказал, что передаст сообщение обо всем в Конклав магов. Я, Индрик и Зоря смотрели, как он, косясь

на нас, подписывает бумагу. Мне почему-то казалось, что сейчас он сложит листок журавликом и тот полетит, трепыхая крыльями. Индрик, заглядывая через плечо мага, пытался понюхать бумагу, а Зоря просто расстраивался, что попал с этими чародеями как кур во щи. Бумага в руках Велия ярко пыхнула, а Индрик, шарахнувшись, накренил забор и возмущенно затрубил.

— Попалить тут все надо, — сказал угрюмый Зоря. — После этой зверюги все равно здесь никто жить не будет, а в пустых домах завсегда всякая нечисть заводится.

Велий согласно кивнул и вместе с Зорей пошел на сеновал за сеном. И пока они трусили его по домам и амбарам, я сообразила, что вовсе не обязана дожидаться мага. Если ему охота гоняться за летучим Индриком — на здоровье! Запрыгнула на спину коня и сделала магу ручкой, ожидая возмущенных воплей и проклятий. Но этот двоедушник, окинув меня равнодушным взглядом, неожиданно одобрил мою идею:

— Давай, давай. А то я уж боялся, что ты логово рватня искать полезешь. — И, как к равному, обратился к Зоре: — Поможешь мне? — Если ты потом меня к этой ведьме доставишь, — ответил Зоря, и оба задумчиво уставились на бревно, которым было раздавлено чудовище.

— Ну в таком случае не будем мешать! — радостно заржал, переступая ногами, Индрик, а я, крикнув дядьке:

— погоди! — съехала по его боку на землю. — Чего это ты моим вором распоряжаешься?

— Я, между прочим, не ваш, а мамкин! — подбоченился Зоря.

— Ну вы поворкуйте пока, — согласился Велий и взялся за огниво.

Вскоре хутор пылал. Мы с Зорей молча смотрели на безрадостное пламя. Индрик тихо фыркнул мне в ухо:

— Слышь, племяшка, мне это... С крыльями неудобно будет в лесу. Я это... в общем, боюсь. До сих пор.

— Ладно, — вяло отмахнулась я, — позову, когда надо будет. У меня теперь вон кто есть. — Я кивнула на Зорю: — Любого раздавит. И довезет, если понадобится.

Детина возмущенно засопел и замахнулся на меня здоровенным кулаком, но мой дядька повел себя геройски — лягнул его, и вор,

немного постояв в задумчивости, сел в сугроб, шумно дыша.

— Что ж ты делаешь-то, скотина?!

— А что? — сделал удивленную морду единорог. — Детишек не будет? Так это не травма!

— Ладно, морда лошадиная, я до тебя еще доберусь, — пробормотал Зоря, а Велий утешающе похлопал его по плечу:

— Береги нервы, друг, с этой девкой по-другому нельзя, сама доведет, сама же и сдачи сдаст!

— Ты поприседай, — ласково посоветовала я, — говорят, помогает. Зоря дернулся за мной, но догнать не смог, снег под ним проседал больше, чем подо мной. Индрик пожелал нам всего хорошего, пообещав, что присмотрит за конем Велия, но тому не понравилась крылатая нечисть, и, пока мы пробирались по сугробам в лес, он жалобным ржанием просил не бросать его одного на пепелище.

Искать следы рватня в лесу оказалось сущим наказанием. Мало того что пробираться пришлось по сплошному бурелому, так еще и рватень, как специально, скакал с дерева на дерево, пойдя разгляди следы его когтей! Но Велий с завидным упорством тащил нас вперед, невзирая на стоны и вопли протеста. Стоило мне открыть рот, как он тут же предлагал идти к Индрику, а Зоря с надеждой смотрел на меня: вдруг я соглашусь? А потом возмущенно говорил, что приличная девица должна быть румяна, глупа и домовита.

Я только усмехалась, а Велий хмыкал, при мне не решаясь поддержать Зорю, но явно с ним соглашаясь. К полудню мы добрались до заимки. Небольшая избушка была почти по самую крышу заметена снегом, разорена и пуста. Зоря деловито походил вокруг, попинал смерзшийся песчаный отвал и авторитетно заявил, что тут мужики золотишко добывали. Мы посмотрели на вывороченные двери заимки, на знакомые следы когтей, и я объявила, что пока не поедем с места не сдвинусь. Вор меня поддержал.

— Вообще-то я тоже всю ночь скакал и ничего не ел, — признался Велий. — Но не здесь же кушать?

— А я и не говорю, что в избе! — сказала я, а Зоря засуетился:

— Сейчас я костерок разложу! — и стал рьяно вытаптывать безопасную полянку. У запасливого Велия оказался в мешке котелок для чая и заварка, а я поделилась маковыми сухарями. Зорька честно

вывернул карманы, сказав, что уже второй день бегают за мной не жравши. И тут я вспомнила:

— Эй, богатырь, а чего это ты поумнел вдруг? В Куличиках-то гукал и пузыри пускал.

Зорян, посмурнев лицом, стал изучать зимнее небо, но от объяснений не уклонился:

— На дурачка ничего плохого не думают. Да и долю отдавать не надо. Откуда что берется — не спрашивают, кормят, поят.

— Спать укладывают, — поддакнула я.

— А хоть бы и так, — окрысился ворюга. — Мы люди простые, вертимся, как умеем.

— Пахать на тебе надо, — буркнула я, заметив по лицу Велия, что мою душеспасительную беседу он никак не одобряет. Не стал бы магом, тоже небось по трактам дурачка изображал бы, а то и ватагу собрал. Глянув украдкой на Велия, я попросила: - Надуй, пожалуйста, щеки.

Тот удивился, но надул.

— А теперь гукни. — Велий сделал губы трубочкой и уставился на меня. — Ну вот, вылитый Зоря.

— И давно ты ее терпишь? — спросил детина у мага.

Велий гордо промолчал, но его поняли и без слов. Я допила чай и спросила:

— Ну что, дальше идем?

Мы все трое покосились на избушку.

— Я так полагаю, они шахты пробили прямо в древние пещеры, — сказал Велий.

— И че теперь? — поинтересовался Зорян.

— А полезем, как дураки! — жизнерадостно поделилась я планами. — Там нам головы пооткусывают и косточки обсосут.

Зорян втянул голову в плечи, затравленно озираясь, а я участливо спросила:

— Ты первым полезешь или, как всегда, потом догонишь?

Зоря что-то буркнул и одарил меня ненавидящим взглядом. Изнутри избушка производила удручающее впечатление: в ней не было ничего, кроме колодца, ворота и веревки, уходящей в кромешную темноту. Велий пустил вниз небольшой сияющий шарик, и я поняла,

что падать не так уж и далеко. Мы с Зорей выжидательно посмотрели на мага.

— Да лезу я, лезу, — с обидой сказал Велий и, перебросив ногу, стал дергать веревку. По лицу Зори было видно, что ему страсть как охота побиться со мной об заклад на пару кладней, сверзится маг или нет. Велий, видимо что-то уловив в том, как мы поглядываем друг на друга, буркнул:

— Не дождетесь! — и ухнул вниз, заставив меня испуганно взвизгнуть. Я подскочила к колодцу, свесилась вниз и, страшась, не переломал ли маг себе ноги, прокричала:

— Ну как? Тебя уже едят?

— Черствая вы, — попенял мне Зоря. — Парнишка-то явно к вам неровно дышит.

— И как ты это определил?

— Дык если до сих пор не прибил...

— Ве-эли-ий! — закричала я.

— Что? — отозвался он.

— Под ноги смотри! Я к тебе спускаюсь!

Воздух был затхлый и сырой. Еще не успев ступить на землю, я уже поняла, что подземелья мне не нравятся.

— Здесь всегда так грязно?

— Да, грязно, сыро, мерзко и темно. А еще стены рушатся и потолок на голову оседает, — проговорил Зоря, протискиваясь в отверстие колодца.

Место, где старатели нечаянно пробили свод древней пещеры, мы нашли через каких-то три шага. Там тоже были крюки, веревки и жуткие пятна крови, посмотрев на которые, Велий неожиданно хлопнул себя по лбу и признался, что он впопыхах забыл про факелы. И предложил мне, как самой легкой, сделать людям доброе дело — слазить наверх и принести пару палок. Я, возмущенная такой наглостью, заявила, что я им не мальчик на побегушках! и вообще, Велий сам забыл, сам пусть и лезет, а я, так уж и быть, подожду его здесь. А Велий вдруг серьезно сказал:

— Верелея, это не шуточки. Не веди себя как ребенок. Ну-ка, Зорян, Подсади ее! — Увалень с готовностью растопырил лапищи, а я, удивившись, как быстро мерзкий маг успеваешь спеться с каждым встречным-поперечным, от вампира до вора, поднырнула под руку

Велия, надеясь укрыться у него за спиной от исполнительного Зоряна. Оступилась и с визгом полетела головой куда-то вниз. Главное, что обидно, если бы не проклятушая сумка, которая потащила меня в сторону, я бы удержалась. А так ухнула, как ведро воды. Быстро и безвозвратно. Стукнулась обо что-то мягкое, услышала, как хрупнуло в шее, и с ужасом прислушалась, не зовет ли меня сладким голосом птица Сирина.

Вместо Сирина ко мне кошкой спрыгнул Велий, ухватил меня под голову, пытаюсь поднять, следом за ним, как привязанный, нырнул светящийся шарик, а Зоря заревел, сотрясая стены пещеры:

— Вы на самом краю стоите, щас свалитесь!

Велий успел лишь помянуть лешего и тут же оступился, сам проваливаясь куда-то вниз и меня за собой увлекая. Зоря прыгнул следом, тряся развязанным кушаком, но спасатель из него получился аховый, узенький карниз под его весом треснул, и мы полетели дальше, уворачиваясь от камней. Второй раз я ударилась значительно сильнее и уже услышала Сирина, только пел он про свою мать Параську отвратительным, жутким басом.

— Ты жива? — спросил Велий. Он стоял на четвереньках и плевался попавшим в рот каменным крошечком.

— Еще не решила, — просипела я.

— Ну почему с тобой вечно что-то происходит? — Маг поднялся на ноги и стал вытряхивать пыль и землю из волос и одежды. — Я же всего-то и просил — подняться наверх! Теперь вообще неизвестно, как выбираться отсюда.

— А не надо было просить! — Я тоже вскочила на ноги.

— Значит, я должен был смотреть, как ты к рватню в нору лезешь?! — зарычал Велий, и мы сердито уставились друг на друга.

— Может, вы потом друг другу в любви объяснитесь? — взревел Зоря. — Я, между прочим, темноты боюсь, на меня от страха жуткий жор нападает, могу и до людоедства опуститься!

И тут к нам спикировал шарик Велия.

— Ай! — тоненько крикнул Зоря.

— Ой! — поддержала я его. Велий с перепугу дунул на шарик, и мы снова остались в темноте.

— Не, вы это видели?! — проблеял Зоря.

— Вообще-то неразумно в логове рватня сидеть без света, — неуверенно проговорил Велий.

— Ничего, — успокоила я его. — У подземных тварей глаза светятся, мы его и так увидим.

Смотреть на кошмарное логово жабы-переростка второй раз мне совершенно не хотелось.

— Ну и как мы отсюда без света выберемся? — продолжал брюзжать Велий. — Ты же в темноте не видишь.

— И очень хорошо! — Я вцепилась в его плащ. — Я и не хочу ничего видеть.

— А мы по стеночке! — внес предложение Зоря, хлопнул лапой по стене и снова заорал, поминая свою мать — Параську. Что лежало у стеночки, я помнила и потому закричала:

— Только ты меня теперь не трогай!

Зоря заметался из стороны в сторону, не зная, обо что оттереть ладошку.

— Ты о подошву сапога, — посоветовала я.

— Не могу, — сдавленно проговорил Зоря. — Я на что-то наступил!

— Кончайте балаган! — резко сказал Велий. — Закрывайте глаза, я свет зажгу.

Я закрылась рукавом шубки и тут почувствовала, что сзади за меня хватается Зорян.

— Ты что, не мужик, что ли?! — закричала я.

Зорька загукал. Я скрипнула зубами, смирившись с судьбой, тем более что Велий куда-то нас уверенно потащил.

Древние пещеры пугали своей обжитостью; стены, потолок и даже пол были густо изрезаны барельефами и украшены рисунками. Мы с Зорей только молча тарасились, а Велий охал и ахал, бросаясь то к толстым колоннам, то к прокопченному своду, уверяя, что это не дети забавлялись, это подлинные хроники мира от Сотворения и до Последней войны.

— В гробу я видал такие хроники, — проворчал, пиная древние кости, Зоря. Не нравились ему картинки, где многочисленные полчища рватней и прочих уродцев гоняли стада людей. Зато Велий чуть не захлебывался от восторга:

— Мы же стоим на пороге Подземного царства! — воскликнул он и вдруг нахмурился. — Дернул же тебя черт, Верелея, свалиться в эту пещеру!

— Так ты что, недоволен? — возмутилась я.

— Понимаешь, такие приключения не для одинокого квестора. — Велий грустно вздохнул. — Знаешь сколько магов пропадает без вести ежегодно? По-хорошему нужно было бы завалить этот колодец и вернуться сюда уже всем Конклавом. Дернул же меня леший потащить тебя за собой!

— Ты это, — Зоря дернул Велия за плащ, — ты ниточку-то свою не потерял?

Как только мы тронулись в путь, из рукава Велия стала вытягиваться тонкая серебряная паутинка, по которой он собирался в случае чего вернуться обратно. Мы оглянулись назад и чертыхнулись — паутинка летела свободно по воздуху, явно оборванная. Мы побежали назад и замерли перед совершенно не замеченной нами раньше развилкой. Велий покрутился на месте и тяжело вздохнул:

— Это же ворота в темное царство, здесь магией пропитаны сами стены, ниточку просто оттолкнуло.

— И что теперь? — осторожно поинтересовалась я.

— Выход надо искать! — подскочил Зорян. — А то я так жрать хочу, что аж глаза внутрь проваливаются!

— Надо было сразу наверх по колодцу карабкаться, а не бродить по подземельям. — Маг досадливо хлопнул по стене.

— Мы же не рватни, — попыталась утешить его я, — по стене вверх все равно бы не влезли.

— И все-таки это с самого начала была глупость! — Велий даже притопнул ногой. — Надо было оставить тебя с Индриком.

— Давай так, — взял на себя лидерство мой вор. — Действовать будем командой. Паниковать и трусить буду я, а думать о нашем спасении будете вы. — Он крутанулся на месте. — Мы куда шли? Туда? Вот туда и идем, только это... — Зоря пошевелил пальцами, словно искал что-то.

Я подняла ему с пола здоровенный мосол, детина крикнул и признался, что имел в виду факел:

— Но это тоже сгодится, — успокоил он меня, — на всякий случай.

— Сгодится, можешь не сомневаться, — уверил его Велий. — Чую, что вся дрянь, которая по Змиевым Засекам бродит, сочится отсюда.

И мы пошли. Поскольку факелов у нас не было, Велий начал делать магических светляков, которых я по одному замуровывала в камешки, поднимаемые с пола. Трусоватый Зорян набрал себе этих камешков два кармана. Теперь его тулуп загадочно светился. Я посоветовала Велию сделать еще одну сеть взамен потраченной на трактирную кошку, но маг покачал головой:

— Даже пытаться не буду, неужели ты не чувствуешь, что тут колдовать невозможно?

Я закрыла глаза и прислушалась к своим ощущениям. Получалось, что лучшего места для чародейства не найти, даже Заветный лес в подметки не годится, о чем я и сказала вслух.

— Только эта земля над головой... — Я посмотрела на потолок. Пол под ногами дрогнул, Велий дико взглянул на меня и пихнул в бок. — Ты чего творишь?! — закричала я и замахала на него руками.

— Решила похоронить нас тут? — рявкнул он в ответ.

— Че это было? — испуганно спросил Зоря, стоя на одной ноге.

Пришлось ему объяснить. Он испугался еще больше.

— Я... это... — начал он, я отмахнулась рукой:

— Знаю, жрать хочешь.

— Не-э, — затряс головой детина. — Я это, подумал, если вы такая могучая ведьма, так, может, рискнуть? Землю сроешь, лесенку положишь...

— Даже не думай, — прошипел Велий.

Земля дрогнула снова, после чего мне пришлось признаться, что дело может кончиться братской могилой.

— Тогда потопали, — поник головой Зоря, — а то...

— О еде ни слова, — предупредил Велий.

И мы потопали. Время под землей текло медленно и нудно.

Очень скоро мне стало казаться, что мы блуждаем здесь месяцы и годы. Извилистые ходы то поднимали нас вверх, то снова вели вниз, куда никому из нас не хотелось. Остановливаясь перед очередным проломом, через который надо было прыгать, Велий неизменно мрачнел лицом, а когда я заметила, что в пещерах по полу стелется зеленоватый туман, он и вовсе изо всех сил поволок нас обратно. То ли

дух убитого рватня так мстил нам, то ли мы были такие путешественники, которые плутают в трех соснах, но кончился наш путь у бескрайнего черного подземного озера.

На самом берегу стояли две громадные колонны, изрисованные сверху донизу пляшущими человечками. Мы без сил повалились на берегу.

— Хотите знать, что здесь написано? — сказал Велий, лежа на спине и глядя снизу вверх на колонны.

— Басня про ворону и лису, — сказала я, устроив голову у него на животе и вытянув уставшие ножки.

— Не, рецепт манника, — мечтательно проговорил Зоря.

— Почему манника?! — удивилась я. — Почему, например, не тушеной говядины?

— Я сладкое люблю, — протянул парень.

— От сладкого прыщи бывают! — наставительно сказала я.

— Там написано, — вмешался Велий, — что это ворота в Подземное царство.

Зоря закашлялся, а я, наоборот, взбодрилась:

— Значит, можно пойти, найти подземных жителей и попросить у них помощи.

Велий был так восхищен моей глупостью, что даже сел и, взяв меня за щеки, стал вертеть моей головой, объясняя:

— Вот на этой стеночке, если ты не заметила, веселые рватни пытаются есть дядю Индрика, а вот тут навьи духи погоняют вилами дядю Анчутку, а здесь ледяной коршун клюет деда Карыча, заметь, его клюют, а не он! Вон там, на потолке, — маг ткнул пальцем, видишь ту тетеньку с девятью змеиными головами? Это дочка Подземного царя, а таскает она за волосы тетю Горгонию, а вон и сам царь — девяносто змеиных голов, милое паучье тельце и скорпионий хвост. Ну как? Пойдешь к нему в гости?

— Паучье тельце? — Я затрясла головой, почему-то из всего перечисленного меня впечатлило только это. — Не пойду. А пляшущих человечков у меня и самой полно!

— В каком месте у тебя их «полно»? — фыркнул Велий, выпуская мои щеки, а я полезла в мешок, вытащила свиток и гордо развернула перед опешившим магом.

— Вот, моя настольная книга, — произнесла я, — называется «Купи слона за деньги».

Велий потрясенно взирал на свиток и прыгающих по нему человечков, а потом заорал:

— Ты специально ее сюда приволокла?!

— А что? — Я попятилась, оттаскивая от него «книжечку».

— Это же «Купитилоснасадереньги»! — рывкнул Велий и быстро закрыл себе рот ладонью, но было уже поздно. Свиток в моих руках закаменел, а человечки побагровели и начали светиться. Над озером что-то пронеслось, прозвучали неведомо кем произносимые слова, очень похожие на то бляение, которым пытался общаться со мной шаман.

— Что это?! — зарычал, тиская свой мосол, Зоря.

— Что? — как-то уж очень спокойно переспросил Велий. — Эта дура принесла священный текст, срывающий печати. Хотя вполне возможно, что и не дура... — Он так посмотрел на меня, что я сразу стала клясться:

— Я дура, дура я! Я не специально!

Озеро вскипело, затряслись стены, все наполнилось гулом, а с Потолка на нас полетели каменные сосульки. Над водой всплыли громадные змеиные головы. Велий заорал:

— Бежим!

Я едва успела схватить свою сумку, как маг дернул меня за шиворот, бормоча:

— Ну, Веряя, жив буду — руки повыдергаю!

Но тут пол под нами встал стеною, меня отшвырнуло обратно к озеру, и чуть не половина пещеры осела с грохотом и пылью, что-то стукнуло по голове, и я потеряла сознание.

У Зори этот год не задался с самого начала. С того дня, когда отец Лушки — купеческой дочери — застучал их на сеновале. И Зорян сильно подозревал, что виновата в этом старая Збычиха, которой он с друзьями дегтем измазал ворота. Видели они один раз, как от нее через трубу черт вылезал, ну и пошутили, чтоб все Куличики знали, что восьмидесятилетняя карга все еще мужиков привечает. Видать, прокляла. Хотя до сегодняшнего дня он еще надеялся, что, каждый раз

при встрече показывая Збычихе свой откормленный голый зад, он надежно избавился от любых ее колдовских про исков.

Сейчас, улепетывая со всех ног от дракона, Зоря понял, что надо было идти на требище и платить жрецу Хорса затребованные десять кладней. Увидав, как зеленый драконище раздувает щеки, Зоря испугался, что зверюга дыхнет в спину огнем и показывать Збычихе будет больше нечего. По счастью, вместо пламени из глотки трехглавого дракона вырвался только жуткий рев, от которого Зоря враз оглох на оба уха, а оглянувшись, еще и рватней увидел, у которых между ногами подпрыгивало что-то вроде зубастых крыс с собаку размером.

Помянув мать свою — Параську, Зоря припустил так, как не бегал даже тогда, когда его первый раз поймали с ворованной курицей. Тоннели, лазы, развилки мелькали так быстро, что, вздумай он выбраться назад, ни за что бы не вышел. Когда и дыхание кончилось, и в глазах стали мелькать черные мушки, он вдруг выскочил в огромную пещеру, словно надвое разрубленную глубокой пропастью, причем такой ширины, что если бы не тоненький каменный перешеек, не перелетел бы эту пропасть Зоря без крыльев. А так он утер мокрую рожу рукавом и, возблагодарив Всетворца, повернулся лицом к преследователям, потрясая мослом и радостно скалясь.

— Ну все, морды уродливые, щас я вас убивать буду!

Твари его угроз не поняли и хлынули по перешейку, как весенняя вода, прорвавшая плотину. Зоря покрепче уперся ногами в землю и, как мужик на покосе, стал наяривать мослом направо и налево. Дракон орал вдалеке, безнадежно опаздывая к битве, его бочкообразное тело не везде протискивалось. И прибежал он к месту побоища, когда последний рватень, отчаянно визжа, съезжал по стене вниз, цепляясь за камни когтями.

— Что, морда зеленая? — Вдохновленный легкой победой, Зоря поманил его пальцем. — Иди сюда, я тебя сейчас тоже приласкаю!

В ответ на это дракон вдруг встал, размял пальчики, повертел, как борец, шей, щелкнул своим когтем по зубам и проговорил в три голоса:

— Щас я тебе вырву сердце, расплющу печень и высосу глаза! Не будь я Кутахтахта!

— Чего ты кукарекнул?! — не поверил собственным ушам оробевший Зоря. Кроме Индрика, говорящих зверей ему видеть не приходилось, а таких решительных и подавно! Он оглянулся назад: позади него вдалеке вздымалась стена, дырявая, как заморский сыр. Зоря посмотрел на дракона, на стену и, набравшись духу, замахнулся дубинкой: — Ух, я тебя!

Дракон отпрянул, хотя расстояние между ними было и так немаленькое, а Зорян со всех ног припустил прочь.

— Стой! — заревела обманутая рептилия.

— Ага! Нашел дурака!

Вор, не оборачиваясь, показал фигу и, чувствуя себя победителем в гонке со смертью, хохоча, нырнул головой вперед в темноту лаза. Проскакал несколько шагов на манер рватня и ударился головой обо что-то хрупнувшее и ставшее на ощупь склизким и тягучим. С перепугу Зоря завизжал, решив, что рассадил голову и вытекают мозги. Суматошно ухватился за голову, но не нашел раны, на всякий случай повертел пальцами в ушах, понюхал, недоверчиво лизнул склизкие ладони и радостно заржал:

— Яишня! — вспомнил про маговы камушки, раздавил сразу штуки три и улыбнулся, как умиленный людоед, к которому в двери постучался одинокий путник. Маленькая пещерка была сверху донизу заполнена большими, с курицу величиной, яйцами.

— Эй, витязь, выходи! Биться будем! — донеслось снаружи. Зоря хохотнул, протыкая первое яйцо, и гнусно так пропел: — Ага, делать мне больше неча!

Дракон утробно взвыл и начал биться о стену, пытаясь просунуть одну из голов в лаз вслед за Зорей. Зоря с интересом наблюдал за ним, высасывая уже следующее яйцо. Когда зубам дракона до сапога Зори оставалось не больше пяди, сплюснутая со всех сторон каменными стенами голова противника задушенно просипела:

— Ну вот я и добрался до тебя.

— И что это тебе дало? — хмыкнул детина и ткнул мослом ему в глаз. Дракон зашипел, вздыбив чешую на затылке, и застрял окончательно, заскулил, заморгал уцелевшим глазом.

— Ладно, — смилостивился Зоря и стал, как давеча дракон над пропастью, разминать пальчики и крутить шеей. — А то меня упрашивают, а я вроде как в морду дать ленюсь. — Наклонившись, он

заглянул зверю в пасть. — А зубищи-то у тебя какие! Дашь потом поносить? — и беззлобно пнул его в нос. Две оставшиеся снаружи головы заголосили и попытались добраться до обидчика через соседние норы.

— Че это там шуршит? — заинтересовался Зорян и, заглянув в отнорок, посмотрел на врага даже сочувственно. — Вот, говорят, я дурак, — он поковырялся мослом в носу у ближайшей головы, — но чтобы сразу тремя башками застрять, это даже мне не по уму.

— Пощади меня, богатырь, — без особой надежды попросила голова, с которой Зоря был дольше всего знаком. — У меня есть два брата, они отомстят.

— Пощажу, пощажу, — отмахнулся Зорян, ища обходной путь на свободу. — Только хворостину щас найду.

— Зачем тебе хворостина? — насторожился дракон.

— А ты сам как думаешь? — подивился его наивности вор, вываливаясь наружу и любуясь огромным задом рептилии. — Ты только хвостом не дергай, а то обижусь и ноги оторву. — И сам себе позавидовал. — Ишь, как я хорошо устроился: и еда, и развлечение! — Поплевал на руки и принялся наяривать мослом по заду дракона.

К тому времени, как их нашел Велий, бежавший на драконий визг, Кутухтахта успел пообещать Зоре все сокровища Подземного царства и царевну в придачу.

Не знаю, сколько я провалялась без памяти, но очнулась оттого, что черное озеро с гулом уходило под землю. Сев и проверив наличие ручек, ножек и головы, я громко позвала друзей, но они откликаться не торопились, зато ревел зеленый драконище, застрявший меж двух колонн. Чудище явно за кем-то рвалось и злилось из-за непредвиденной задержки. Повалив-таки ворота в Подземное царство, дракон радостно затрубил и устремился в темноту, топча мелких кусачих тварей, что сновали у него под ногами.

Одна такая, размером с Гомункула, подбежала ко мне и заверещала, скаля желтые зубки.

— Кыш, кыш, — сказала я, не решаясь злить истеричку, еще вцепится, заразу занесет.

Осторожно подхватила мешок и свою волшебную книгу, которая после совершенной ею пакости снова стала мягкой и без труда

свернулась в рулон. Зубастик, увидев, что я собираюсь сделать ноги, заверещал еще яростнее и стал наскакивать, гоня меня к сырým камням, над которыми еще недавно плескалось озеро. С удивлением я обнаружила, что земля не ушла в пролом, а стекла по длиннойпредлинной каменной лестнице. Выбор у меня был невелик: или пойти посмотреть, кого там гоняет дракон, или сунуть нос, куда меня не просили. Богатыркой я себя не чувствовала, поэтому порылась в мешке, вытащила небольшой ножичек и нацарапала рядом с первой лесенкой стрелочку на камне, подписав: «Здесь была я».

Лестницы были скользкие, и спускалась я очень осторожно, боясь скатиться, пересчитав копчиком все ступеньки. Очень хотелось надеяться, что где-то там, вдалеке, взволнованный Велий, как следует попинав дракона, уже спешит ко мне. Спускаясь в полном одиночестве по бесконечно длинной лестнице, я поняла, как привыкла за время учебы в Школе всегда быть с друзьями. А сейчас я словно осиротела и чем дальше шла, тем острее чувствовала себя приютской девчонкой, которая стоит на пороге очередного дома призрения. И неизвестно, обидят ли меня там или я кого-нибудь обижу.

Вскоре мне почудилось, будто я слышу звуки незатейливого мотивчика, какой выводит козопас, перебравший браги. Во всяком случае, это походило на пастушескую песню, до того фальшивую, что мелодия казалась забавной. Я представила себе рыжего, конопатого паренька, которому делать абсолютно нечего. Тем сильнее потрясло то, что я увидела. Внизу, на самой последней ступеньке лестницы отдыхал, вольготно развалившись, желтый двухголовый дракон. Отбивая когтистой лапой такт, он одной головой дул в свирель, а другой мурлыкал:

— Жил-был у бабушки серенький козлик...

Я постояла, не решаясь спускаться дальше, а потом все-таки не выдержала, язык у меня всегда поспевал раньше головы:

— Фальшивишь.

Дракон лениво повернул голову, которая пела — вторая продолжала невозмутимо играть дальше, — и, цыкнув сквозь зубы, пробурчал:

— Как умеем.

— А умеем-то так фиго-овенько, — посочувствовала я.

Вторая голова дунула мимо трубочки и недовольно посмотрела на меня:

— А ты, вообще, кто такая?

— А ты кто такой? — спросила я.

— Я — Страж Врат.

— А-а-а, — закивала Я. — А кого тогда там бьют?

— Где?! — Дракон с шумом растопырил крылья.

Я ткнула пальцем вверх:

— Да там!

— Кто?! — Дракон еще страшней и яростней затряс крыльями, став очень похожим на Анжело, изображающего трепет.

— Жутко могучий богатырь Зоря, — сообщила я, чувствуя, что подложила парням огромную свинью.

Зверь дернул когтями лестницу, как бык, кидающийся на обидчика, и с утробным ревом ринулся наверх. Я подобрала брошенную свирель и крикнула ему вслед:

— Я пока посторожу!

Я искренне надеялась, что дракон, пока доберется до верха, запыхается и маг без труда с ним справится. В то, что Велия завалило камнями, верить я отказывалась категорически, не такой это тип. Посидев немного на лесенке, обтерла драконью свирель, выдала из нее несколько вдохновенных звуков и осмотрелась.

Выглядело Подземное царство именно так, как в сказках пишут: золотое небо, серебряные деревья и черный камень под ногами.

— И тут еще кто-то живет! — покачала я головой.

От людского мира отделяла его пропасть, на дне которой kloкотала огненная река. Через реку был переброшен узенький мосток, на другой стороне стояла кованая беседка. А в беседке возлежал одноголовый красный золотоглазый дракон.

— Одни драконы тут живут, что ли? — спросила я сама себя. Зверь на той стороне, словно услышав, поднял голову, уставился на меня и поманил пальцем с громадным, как коса, когтем:

— А поди-ка ты сюда, девица.

Пятиться не было никакого смысла, поэтому я, собрав всю свою решимость, потопала к беседке. На середине моста напоенный жаром ветер попытался задрать мне подол на голову, я взвизгнула, позабавив зубастую рептилию.

— Неприлично пальцем девиц подманивать, — упрекнула я дракона.

— Но ты ж подошла! — хмыкнул зверь, я закипела и стала стягивать шубку, так как в Подземном царстве было жарковато. — Ты кто такая? — спросил золотоглазый.

— А ты кто такой?

— Вообще-то я Страж Врат. — Дракон самодовольно почесал брюхо.

— А те два кто?! — махнула я рукой в направлении лестницы.

— Мои братья. — Дракон небрежно махнул лапой. — Отцу надо было куда-то пристроить оболтусов. У нас, у драконов, ведь как чем больше голов, тем глупее.

— А безголовые самые умные, да? — догадалась я. Дракон на миг задумался, потом уточнил:

— Это шутка?

Я кивнула и, подхватив вещички, жизнерадостно принялась прощаться:

— Ну пойду я, а то дела и все такое!

Однако дорогу перегородил хвост дракона, шлепнувшись передо мной, как толстое красное бревно. Сразу вспомнился раздавленный рватень.

— Ай-яй-яй, — покачал головой дракон и сообщил недовольно: — Должен я тебя, девица, съесть.

— С чего это вдруг? — Я попятилась, не зная, как выскочить из беседки.

— Работа у меня такая, — неохотно пояснил дракон, — всю семью за это кормят. Чтобы я, значит, непрошенных гостей ел.

— Вот просто так? Взял и съел? — возмутилась я.

— Почему просто так? — Дракон отвел глаза. — Найдем какой-нибудь повод. Ты в шахматы играешь? — Он выволок из-под лавки небольшой сундучок, а в сундучке том лежали золотая с серебром доска и такие же фигурки. Золотые драконы и серебряные люди-витязи.

— Ух, какие они у тебя интересные! — Я потянула сундучок к себе и приподняла, определяя вес. — А ты какими будешь играть золотыми или серебряными?

— Золотыми.

— Ишь ты, какой хитрый! — сказала я, вертя в руках фигурку золотого дракона. — Они у тебя небось заколдованные! Ты, наверно, ими всегда выигрываешь!

— Я умный, поэтому и выигрываю, — с обидой произнес дракон и придвинул ко мне своих дракончиков. — На, играй!

— Ну-у, — протянула я. — Ты это наверняка всем предлагаешь! У тебя серебряные заколдованы!

Дракон возмущенно зафыркал и, спрятав две фигурки за спиной, стал быстро перекидывать их из лапы в лапу:

— Нечего ерундой заниматься! Давай, говори, в какой руке твои?

— Правильно, нечего ерундой заниматься! — согласилась я, подняла сундучок и со всей силы тюкнула отвернувшегося дракона в темечко. Золотоглазый замер, тогда я взобралась на скамейку и шмякнула ему еще раз. Дракон завалился на бок, перегородив выход, я долго пыhtела, перебираясь через его лакированную тушу. Выйдя из беседки, нацарапала стрелочку, снабдив ее надписью: «Завалила дракона».

Велий нашел Зорю по драконьему реву. Когда камни обрушились ему на голову, он было перепугался, что все, кроме него, погибли, но потом, вспомнив, по чьей вине все это произошло, решил, что такое не гибнет и вообще не тонет и не горит, и стал искать ход к подземному озеру, протискиваясь сквозь лазы и разбирая завалы.

Увиденное запомнилось магу на всю жизнь: два огромных драконьих зада, промеж которых сидел взмыленный Зоря на гряде яичной скорлупы и орал песню:

— Жили у бабуси два веселых гуся... — и в такт лениво лупил подаренным Верелеей мослом по беззащитной филейной части драконов. Увидев Велия, детина подскочил и, облапив, долго кружил с криками, что уже не чаял и свидеться:

— Я-то уж думал, один пропадать тут буду с этими гусями. «Гуси» жалостливо завывали, Велий, уважительно обойдя их, спросил:

— Это что?!

— Говорят, Стражи, только брешут, наверно. Стражи они ведь о-го-го какие! Бот у купцов стражи, это да! Мне один раз так морду начистили, неделю одной кашей питался!

Велий покачал головой и пнул гору скорлупы.

— А кто все яйца рватней поел? Эти, что ли? — Он ткнул пальцем в драконий зад.

Зоря позеленел и шумно икнул.

— Чьи яйца?

Велий догадался, кто истребил всю кладку.

— Че-то мне нехорошо, — просипел Зоря и, просительно глядя на Велия, проговорил: — Пойдем отсюда, а?

— Верелею надо искать, — сказал Велий.

— Че ее искать-то? — Зоря, борясь с икотой, печально вздохнул. — Ножки сами вынесут. Далась тебе эта рыжая зараза!

И они пошли искать Верею.

С радостью обнаружили первый знак, оставленный ею на пути в Подземное царство. А у второго знака встретились с разъяренным красным драконом.

— Спрячься за камнем, будто ты хилый, вылезти не можешь, — велел Велий. — Стони, кричи, братиком меня кличь. Проси руку подать. — И пошел к беседке.

— Ты кто такой? — рявкнула рептилия, злобно щуря глаза.

— Странник, — ответил Велий.

— Сожру! — грозно рявкнул дракон.

И Велий его даже в чем-то понимал. Что еще может сказать бедная зверушка, если она уже пообщалась с Верелеей. Но все-таки покачал головой и заметил, что такому высокому и благородному зверю, как дракон, негоже кидаться на всякого встречного. И, увидев раскиданные по беседке шахматные фигурки, предложил:

— Давайте сыграем на желание. Если выиграте вы, то я сам брошусь в реку, а если выиграю я, то мой братишка вам поставит щелбан. Вон, слышите, стонет, через камушек перелезть не может?

Велий был уверен, что дракон согласится, и порядочно удивился, когда золотоглазый затопал ногами, скрежеща:

— Хватит! Наигрался уже! — и, ощерив пасть, стал наступать на Велия.

Зоря, увидев такой поворот дела, резво поднялся на ноги, вывернул из земли булыжник, недолго думая подбежал сзади и тюкнул дракона по темечку. Золотоглазый обиженно хрюкнул и завалился на бок.

— Неудивительно, что он так взъелся, — задумчиво произнес Велий, присев у второй стрелочки с надписью «Завалила дракона». Зоря только покрутил головой:

— Ну, рыжая. Слышь, Велий, топать надо, пока она всех не порешила.

А Велий задумался: что, если Верелея специально эту книгу сюда притащила, чтобы за обиженных дядюшек и тетушек отыграться? С нее станется.

Серебряный лес оказался сущим наказанием. Листики были еще туда-сюда, мягкие, но вот все сучки и веточки — жесткие, цеплючие, как проволока, даром что из серебра. Отбежав от беседки подальше, я сразу свернула в подлесок, а дальше побрела куда глаза глядят. Ни солнца, ни звезд, ни луны в Подземном царстве не наблюдалось, все золотое небо ровно светилось, и определить по нему, где север, где юг, было невозможно.

— Хоть бы указатели ставили, — пробормотала я.

Чаща становилась все непролазнее, а деревья все ниже и корявее.

На стволах выступала медная гниль, а под конец стали и вовсе появляться ели с железными стволами и бронзовыми иголками.

Бурелом, поняла я и хотела уже повернуть обратно, как вдруг из-за мрачной стены деревьев на меня пахнуло живым запахом цветов. Я, как собака, повела носом. Пахло жильем и хлевом, слышалось овечье бляенье.

Я радостно закричала:

— Люди! — побежала напрямую и застряла в колючих кустах, из которых еле вырвалась, расцарапанная и злая.

Белая овечка с надеждой заскакала и бросилась ко мне, ее счастье, что веревка оказалась короткой. Быстро обежав невеликое подворье, я выяснила, что хозяев дома нет, во всяком случае, живут тут явно не драконы. Я с облегчением взглянула на низенькую дверь ухоженной, но ветхой избушки, какие бывают у вдов, ведущих хозяйство в одиночку.

— Эй, тетенька! — Я осторожно заглянула внутрь. Избушка была без окон и топилась явно по-черному, поэтому в ней было темно хоть глаз выколи. — Эй! — еще раз позвала я, прислушиваясь, не храпит ли

кто в темноте. Может, спят хозяева, тут ведь не поймешь, день или ночь на дворе.

— И чего раскричалась? — буркнул из темноты мужской бас. — Видишь, нет никого.

— А вы кто?

— Дед Пихто! — ответили мне из темноты. Заскрипела кровать, будто мужчина перевернулся на другой бок, чтобы снова заснуть.

— Нет, погодите, — я вошла внутрь, — это даже невежливо, так разговаривать с гостями.

В темноте фыркнули, загорелись два больших желтых глаза, меня толкнули в грудь, я вывалилась из избушки, а перед моим носом черный, с порядочного кобеля кот захлопнул дверь и прошипел:

— Ходят тут всякие! Сказано — нет никого!

— Мамочки! Кто это? — спросила я у овечки.

— Ба-аюн ба-атюшка! — с готовностью оповестила меня овца. Хорошо, что я сидела на земле.

— А ты кто? — на всякий случай решила уточнить я.

— Овца она! Отстань от животного! — рявкнул кот.

Я глубокомысленно покивала головой и стала обживать во дворе. Здесь имелись глубокий замшелый колодец, кривая оградка, хлев, слишком большой для одной овечки, и одуряюще пахнувший и живой яблоневый сад. Вот под яблонями я и решила устроиться. Расстелила шубку, сунула под голову мешок и легла. Веточки колыхались над головой, и, замороженная их покачиванием, я задремала. Во сне мне хотелось есть и снилось, как цветы облетают, образуется завязь, которая превращается в наливные яблочки. Вот одно из них покраснело и шмякнулось мне прямо на живот. От удара я проснулась, но вскочить не смогла, потому что какая-то старуха поставила мне на грудь клюку и навалилась всем весом, рассматривая меня точно козьявку.

— Бабуля, вы меня проткнете! — пропищала я.

Бабуля была страшна, как тысячелетняя ведьма, крючковатый нос опускался к верхней губе, по лицу расползлись бородавки и, кажется, даже мох и поганки. Сама она была скрюченная и тощая, и если бы не огромный горб, то ее бы унес первый же порыв ветра. Кожа у старухи была желтая, и только глаза под густыми бровями горели, словно две

яркие звезды. Она наклонила голову, рассматривая меня и так и этак, а потом скрипнула, как старая дверь на ветру:

— Это откуда к нам такое чудо-юдо?

— Я — Веря.

Бабка наклонила голову к другому плечу и проговорила, тыча меня клюкой:

— Чую кровь старого ворона, чую кровь старого беса, — а потом резко наклонилась, чуть не выткнув носом глаз, и рыкнула: — Чую дух человеческий!

— Ай, не ешьте меня, бабушка! — заверещала я и выложила всю свою историю одним махом.

— Дура? — переспросила старуха. — Так и назвали?

— Ага! — покивала я.

— Хорошее имя, полноценное. Сами дурни и дуру воспитали.

— Чего это дурни? — обиделась я за родственников и отодвинула клюку со своего живота. — Они Древние, мудрые.

— Не знаю таких, — отрезала ведьма, возвращая клюку на место, а вот дурней, которые весь мир аж на три части разорвали, знаю.

— Как это? И вообще, кто вы такая? — Я снова сдвинула клюку в сторону. Бабка посмотрела на мою руку и треснула клюкой по голове:

— Ягайя я, но ты можешь называть бабушка Яга.

— Баба-яга, — повторила я за ней. Вот вляпалась так вляпалась, это тебе не драконы. — А вы в сказках всегда Иванам-дуракам помогаете, — завела я нараспев, заискивающе глядя на старуху. Та удивленно приподняла бровь, немножко подумала и призналась:

— Ну, помогаю. Дурак, он же человек чистый, не то что рогатый хитрожопец.

— Это вы о дядьке Анчутке? — переспросила я.

— О дядьке? — хмыкнула старуха.

Я снова покивала головой.

— Ну тогда добро пожаловать, родственница. Пойдешь на ужин? — Она хитро прищурилась.

Я не стала уточнять, в качестве кого меня приглашают, и обреченно согласилась. Доковыляв до дома Бабы-яги, мы стали долбиться в дверь, которую негостеприимный кот заложил засовом.

— Эй! Отпирай, гостей принимай! — радостно завопила я, стуча в двери ногой. Судя по шуму, кот свалился со скамейки.

— Как выпрыгну, как выскочу, полетят клочки по закоулочкам! — проорал он.

— Ты сильно-то не заговаривайся, Васька! — Бабка ткнула в дверь клюкой, засов сам собой отомкнулся, дверь распахнулась, стукнув kota в лоб, тот отлетел и тут же начал скандалить:

— Сколько просил не называть меня этим кошачьим именем.

Можно же назвать Баюном, Василием, Котофеем Котофеичем в крайнем случае!

— Вот, — Баба-яга подняла скрюченный палец, — тяжело женщине одной, даже скотина ерепениться начинает!

— Кто скотина? — спросил Васька, уже в сапогах, в кафтане и штанах, подпоясанный кушаком и в лихо заломленной набок шапке. Расправил усы и, важно подбоченясь, произнес: — А я вас с самого утра дожидаясь, уже и стол накрыл, избу прибрал, все в окно смотрю, весь извелся.

— Нет у тебя в избе окон, — хмыкнула Баба-яга.

— А я в щелочку дверную, — выкрутился кот.

— Вот в лоб и получил, — сказала я и спряталась за спину бабки.

Яга стукнула клюкой об пол, и в избушке стало светло. Внутри она оказалась чистой и опрятной и совсем не черной.

Стол и правда был накрыт, но исключительно по-кошачьи: творог, сметанка, сливки, молочко. Вытащив из-под стола ведро, Василий сунул туда лапу, вытащил на когте упирающуюся рыбину и проговорил:

— Я все сомневался, жарить ее или сырой съедим.

— А животик не прихватит, после молока — рыбу? — спросила я.

Котофеич злобно сузил глазки, но дерзить при бабке не стал, а может, и задумался над моими словами.

Сев за стол, я, как и положено приличной гостье, стала делиться новостями. Баба-яга удивленно охала, ахала, всплескивала руками, а в особенно интересных местах призывала в свидетели kota, уверяя, что такого быть не может. Закончив свой рассказ, я сильно пожалела, что на посиделках не присутствовали мои учителя, лично я сразу бы поставила себе отлично за год и по истории, и по культурологии, и по демографии.

— Вот и все, что произошло со времен Последней битвы, — сказала я и откинулась на спинку стула.

— М-м-да, не густо, — фыркнул Котофей, вылизывая лапы после рыбы.

— А что ты хочешь? — возразила бабушка. — Времени-то прошло с птичий чих.

— А у вас какие новости? — поинтересовалась я, засовывая в рот ложку творога.

— Да все как всегда — день да ночь, сутки прочь, — ответствовала старуха. — Как Грушка перелаялась со всеми, так и сидим под землей, как кроты какие-то. Только и веселья было, когда она папаню своего в Нижний мир запиховала. А так скучотища.

Я чуть не подавилась творогом. Куда еще ниже?

— А вы в каком находитесь? — откашлявшись, спросила я.

— Мы в Подземном царстве. — Яга похлопала меня по спине. — Здесь вон и люди, и деревья, и животные. А в Нижнем-то никто, кроме богов, жить не может.

А кот не упустил случая уколоть:

— А нам-то заливала: я такая-растакая, в моей Школе так и эдак...

А сама ничего и не знает.

— Молодая она, еще глупенькая, — заступилась за меня бабушка.

— А чего ж они такую глупую ключи воровать отправили? — съехидничал кот, а у меня сразу нос зачесался:

— Какие ключи?

— А то ты не знаешь! — сверкнул желтыми глазищами Васька.

— Отстань ты от девчонки, — отмахнулась от кота Баба-яга, — ничего она не знает.

— Ничего не знаю, — радостно согласилась я.

И мне рассказали.

Завещал Всетворец детям своим книгу заветную. В книге этой весь миропорядок описан, кроме одной единственной вещи — кто этой книге должен быть Хранителем. Вот из-за этого дети и передрались. Всетворец, конечно, разгневался, запер книгу в девять железных сундуков, оставил на острове Буяне. Остров подвесил между небом и землей, приставил при нем Стража.

Да только детишки так разошлись, что и Стража опоили, и ключи от сундуков выкрали, и остров неведомо куда закинули. Больше всех

Агриппинка со своим батюшкой отличились, пришлось им в Подземном царстве прятаться вместе с ворованными ключами.

— А Всетворец, это, стало быть, папа? — поспешила я уточнить.

И на согласный кивок старухи сразу возгордилась: если Карыч мне дед, то Всетворец, выходит, прадед? Быть мне королевной! Нет, мелко... Пусть лучше император Златоградский за меня своего сына сватает! А я сморщусь, вздерну нос и скажу: «Нам, правнучкам САМОГО, негоже идти замуж за какого-то императора!» Вот!

Кот Васька мурлыкал и хитро щурил глазищи, как будто догадывался о моих мыслях, усмехался в усы.

— Бабушка, а как книжка называлась? — просто из интереса спросила я.

— Превращение элементов природы. — Баба-яга поднялась из-за стола.

«Ой, какое название-то знакомое!» — подумала я, а вслух поинтересовалась:

— И где Агриппинка эта живет?

— Грушка-то? — переспросила бабуля.

— А вот там, вот там! — замахал лапами кот.

— Далековато, — согласилась Яга. — Надо пройти три царства: Медное, Серебряное и Золотое. В каждом правит по королеве, как они увидят тебя, обязательно захотят со свету сжить.

— Чего это?

— Да кикиморы они вредные!

Я подхватила свои вещички и стала прощаться, вспомнив, что следом, вероятно, уже мчатся Велий и Зоря, которые наведаться к родственнице ни за что не разрешат.

Направившись к воротам, я на полпути была остановлена блеянием овечки:

— Де-эвочка, возьми-и меня с собой, я тебе пригожусь.

— Чужое брать нельзя. — Я наставительно погрозила ей пальцем.

Овечка задумчиво поводила глазами и предложила:

— Тогда давай я буду не чужое, а твое!

— Да зачем ты мне вообще сдалась? — проворчала я.

Овечка посмотрела туда-сюда:

— Я тебя до Грушки доведу. Быстро-быстро.

— Ха! — Я представила себя верхом на овце. — Ха-ха-ха! Да все три царства со смеху помрут!

Овца опять впала в задумчивость, а потом упала на землю и стала биться об нее головой:

— Я на солнышко посмотреть хочу, на травушке поваляться!

Припадочных овец я еще не видела. Воровато оглянувшись на бабкин домик, я решила на преступление: отвязала веревку, предупредив:

— Учти, если меня поймут — я с тобой не знакома!

Овечка заговорщицки мне подмигнула, а я, чувствуя себя полной дурой, уселась ей на спину, намотав веревку на кулак. В голове мелькнула мысль, уж не проделывают ли это бабка, кот и овечка с каждым путником, попавшим в их дом. Сейчас как припустит овца вокруг дома, а я буду орать, чтобы меня сняли, пока бабка с котом, стоя на крыльце, вволю не нахохочутся. Несильно пнула овечку под бока:

— Ну лети!

Овечка стояла как вкопанная, потом повернула голову и сказала:

— Я не могу лететь, только бежать.

— Ну тогда беги!

Чертова овца припустила так, что ветер влетал в рот и вылетал через уши. Глухой лес и черная равнина мелькнули и пропали раньше, чем я набрала воздуха для следующего взвизга. Овечка снова встала, я перелетела через ее голову и стукнулась о медные ворота, которые отозвались глухим гулом. Чертыхнувшись, я задрала голову, оглядывая ворота. Они были врезаны в медную стену высотой в сто локтей. Створки распахнулись так быстро, словно меня уже ждали. Великаны ухватили меня и мою овцу:

— Кто такие?

— Мы проездом! — заголосила я в ужасе. — Купцы, шерсть продаем!

«Шерсть» закатила глаза и дрыгнула ножками. Великаны измерили овечку пядями и на полном серьезе заявили:

— За вес шерсти — золотой.

Я трясущимися руками вытащила золотую монету. Нас опустили на землю, и тут я увидела самое страшное в своей жизни — улыбающегося великана, желающего мне счастливого пути. Овечка

сглотнула, глядя на их желтые клыки, и, едва я успела сесть ей на спину, рванула так, что я и взвизгнуть не успела.

Второй раз я тюкнулась головой о серебряные ворота и стену в двести локтей высотой. Створки распахнулись так быстро, словно нас за ними ждали. Два великана вздернули нас над землей, и я быстро проверещала:

— Купцы, шерсть, золотой! — и сунула монету.

Третьи ворота оказались золотыми, и их мы тоже миновали со словами:

— Знаю, золотой.

Так что к дворцу Агриппинки я подъехала уже три раза ударенная и обобранная, ворча сквозь зубы:

— Ну, крыс, ты мне до конца жизни должен! — после чего поинтересовалась у овечки: — Как ты думаешь, она мне сразу ключи отдаст или кочевряжиться будет?

— Живьем в масле сварит, да и все.

Я укоризненно посмотрела на пессимистку:

— И кто ж тогда тебя к солнышку поведет, на травку-муравку?

Мы заспорили, как пробраться во дворец, как добыть ключи и как с ворованным вернуться к людям живыми и здоровыми. Овечка оказалась настолько ушлой особой, что я диву давалась: как это она раньше от Бабы-яги не сбежала, чтобы жить, подрабатывая разбоем на большой дороге?

По ее словам, ключей было девять штук — по числу голов. На каждой шее Грушки висело по одному ключику. У меня рождались сказочные планы: как опоить сестрицу зельем, как прикинуться торговкой, потерявшей ключик от волшебного ларца, или вообще развалить дворец по кирпичику. А может, сменять все ее богатство на все мое. Я была готова даже Анжело на год в аренду отдать. Но умная овечка на все мои предложения качала головой, так что, даже не видя Груньку, я ее уже сильно невзлюбила. Кончилось все тем, что из дворца нас заметили, выскочили и схватили. Привычная сказка про купцов с шерстью не прошла. Я маленько поупиралась, но все-таки была доставлена пред светлые очи Агриппины — царицы Подземного царства.

То ли у них всегда шел пир, то ли мне так повезло, но подали меня к столу. Овечку воткнули среди тарелок с салатом, а меня поближе к

царице, среди рыбы.

— Ты кто такая? — злобно вперила в меня восемнадцать глазок Агриппина, а я открыла рот. Росточком эта Груша была с небольшую собаку, моя овечка на ее фоне выглядела просто великаном. Прямо скажем — ящерица какая-то, а не царица! А шейки тощие, змеиные, только головы человечьи.

— Чего молчишь?! — взвизгнула царица. — Голос потеряла?

Я захохотала, ухватив ближайшую рыбину и размахивая, так что масло брызгало на царских гостей:

— Кто ж тебя так росточком-то обидел?!

Царевна от злости начала раздуваться, гости возмущенно зароптали, а я, увидев поднимающихся стражников, поняла, что мой смех сейчас мне боком выйдет, и заорала:

— Овечка, выручай!

Овечка сорвалась с места и стала бегать вокруг великанов, которые меня пытались схватить, боднуть их у нее не хватало веса, зато она так ловко подворачивалась им под ноги, что великаны спотыкались, падали и роняли друг друга.

Я заозиралась, метнула в гостей пару золотых мисок с салатом и, воспользовавшись тем, что потрясенная моей и овечьиной неучтивостью царевна замерла, ухватила большой золотой казан, выплеснула из него горячий суп прямо на самых рьяных защитников царской особы и накрыла этим самым казаном свою сестричку, сев для надежности сверху. Потом схватила валявшийся неподалеку золотой половник и звонко чпокнула им по казану. По залу пошел гул, а в казане заорала на девять голосов Грунька.

Великаны перестали суетиться, а гости лезть на стол. Я вытащила заряженные Велием камушки и объявила: так, мол, и так, я дюже могучая чародейка, правнучка Всетворца, и если все гости сейчас же не уберутся из зала, то оглохнет их королевишна на все свои восемнадцать ушей! Для убедительности я раздавила горсть камушков-светлячков. Безобидные огоньки вспорхнули надо мной, и все, кто был в зале, в ужасе попятнулись, а я добавила золотого звона и возмущенных воплей полоненной Грушки.

— А ну вели, чтобы все лишние из зала убрались! — приказала я царевне. — Я наедине разговаривать желаю!

Грунька под казаном перестала грязно ругаться и глухо попросила всех удалиться. Когда в зале стало тихо, слышался лишь перестук копыт моей подельницы, царица завела сладкую песню:

— Сестрица моя, что ж ты не сообщила, что приезжаешь? Я бы тебя встретила, накормила, напоила, в баньку бы сводила...

Я треснула половником по казану, прекращая ее излияния:

— Ты ври, да не завирайся.

Грунька попыталась когтями проскрести стол, но, на мое счастье, он оказался крепок. Тогда царица завела другую песню, начала плаксиво проситься наружу:

— Сестрица моя миленькая, сестрица моя младшенькая, выпусти отсюда хоть одну мою головушку! Я тут задыхаюсь! — не подозревая, что своей просьбой сразу решила мою проблему — как снять с нее ключики.

Я заухмылялась, а догадливая овечка закивала головой, пытаюсь копытцем мне показать, что выпустить надо лишь одну голову, и не больше. С величайшими предосторожностями я приподняла край казана, велев Груньке:

— Лезь.

Грушкина голова вынырнула оттуда и задышала часто-часто, будто я ее не под казаном держала, а в воде топила. Заприметив на ее шее цепочку с ключиком, я с проворством хищницы цапнула добычу, а чтобы голова не раскричалась, сунула ей в зубы варежку. Голова завращала в бешенстве глазами, а я подумала: все девять голов именуются Груньками или у каждой свое имя? Мои раздумья были прерваны мерзким голосом царицы, которая упрашивала выпустить еще одну голову. И пошло как по маслу!

Она высовывалась, я грабила, едва успевая совать в эти многочисленные рты запасные носочки и нижнее белье из мешка, услужливо поставленного овечкой на стол. Кончилось это как в истории с Кощеем, которого наконец-то напоили. Стоило высунуться девятой голове, как казан под моей ногой дрогнул, а я поняла, что Агриппинка раздувается, словно жаба на болоте. Нашла время продемонстрировать свое могущество!

— Щас ты увидишь, на что я способна! — пообещала одна из голов, выплевывая мой носок. Грушку стало пучить, пальчики превратились в солидные когти, а я некстати вспомнила, что план

отступления нами не продуман вообще. Спрыгнула со стола, вскочила на свою верную овечку и, взвизгнув:

— Бежим! — едва не упала со спины быстрого травоядного и довольно хихикнула, проносясь мимо обескураженных морд Агриппины.

Когда Грушка мелькнула перед моими глазами третий раз, я поняла, что что-то идет не так, как я планировала:

— Ты чего делаешь?! — дернула я овцу за ухо.

— Двери-то закрыты! — крикнула она, заходя на четвертый круг.

Царевна зашипела по-змеиному, а я заверещала:

— Вышибай эти чертовы двери!

Не знаю, что придало больше решимости моему скакуну: мой вопль или Грушкина огненная струя, подпалившая шерсть на хвосте овечки, но двери она открыла с некоторой помощью моего лба.

Как оказалось, гости и стражники за дверью тоже даром времени не теряли — заперли все выходы из дворца. Пришлось метаться по коридорам, лестницам, комнатам и подвалам. Грушка противно завывала вслед, швыряя молниями и плюясь огнем.

— Ну все, — сказала овечка, когда мы ворвались в сокровищницу. — Тут нас и пожарят.

— Почему это пожарят? — Я соскочила с овечки, закатала рукава и махнула руками снизу вверх. Золотые монеты, камень, слитки взмыли в воздух, гудя словно рассерженная мошкара. В дверь сунулись ухмыляющиеся морды Груньки, и я запулила в них всем этим богатством. Сестрица взвизгнула:

— Ах ты, гадина! — и развернула весь золотой поток на меня, мы с овцой упали на пол.

— Нашей золотой могиле будут завидовать императоры, — пробурчала я.

Но овца проявила редкое жизнелюбие, стала лягать меня в живот и блять:

— Врежь ей, врежь! Я и врезала.

Велий и Зоря подлетали к дворцу Агриппины с большой помпой аж на двух драконах. Зоря оседлал зеленого, Велий желтого, а Котофей, отчаянно ругаясь, погонял красного — одноголового, костеря

воровку Верею, укравшую у бабки любимую овечку. А драконы ябедничали на своих седоков, расписывая злодеяния Зори.

Так уж вышло, что к Бабе-яге они прибыли одновременно. Велий следуя за Зорей, а драконы — потому что с незапамятных времен была Баба-яга их начальницей — привратницей, назначенной на эту должность еще старым царем.

Котофей сначала набросился на прибывших драконов за то, что пропустили бандитку Верею, но бабуся живо прекратила склоку, велела лететь во дворец, пока не приключилось беды. Пролетая Золотое царство, Велий понял, что они опоздали: там, где, по словам Котофея, должен был стоять дворец, дымились руины.

— Вон она! — закричал Зоря, тыча пальцем в черные болота, вокруг которых толпилось несметное войско.

Девятиголовая Грунька оказалась отвратительно сильной, что бы я ни делала, она отвечала мне тем же, умудряясь наподдать то так, то эдак. И хотя хоромы я ей попортила, радость моя была недолгой, а уж когда на нас с овечкой навалилось все ее войско, так и вовсе впору стало маму звать, в крайнем случае Анчутку. Я и звала всех по очереди. Но в этой беспросветной глуши услышал меня только Велий. Я радостно заорала:

— Ура!

Драконы плюхнулись на землю, подавив особо буйных великанов.

Агриппина закричала, увидев Зоряна и Велия:

— А это еще кто такие?! Это не царство, а проходной двор какой-то!

— Вдарь ей! — потребовала я от мага. — Покажем ей, где раки зимуют!

Велий посмотрел на меня укоризненно:

— Верелея, я ведь тебе говорил, что не действует здесь моя магия.

И вообще в семейные ссоры я лезть не собираюсь.

Я покусала губы и спросила, косясь на наступающую сестрицу:

— И что теперь делать?

— Драпать надо, — высказал умную мысль Зоря и повернулся к драконам, собираясь влезть на одного из них, но гнусные рептилии отвернули свои морды к небу и сделали вид, что первый раз его видят.

— Вы по какому вопросу? — спросил красный.

— Предатели, — прошипел Котофей, — вот скажу Яге.

— А-а, так это сговор! — взвизгнула Груня. — Ну разберусь я с Ягой!

Вся наша компания припустила прочь от Груньки С ее армией, при этом каждый нашел что сказать друг другу или преследователям. Я пыталась еще чем-нибудь напакостить Груньке, Котофеич возмущался предательством драконов, Зоря обещал, что, если останется жив, чужого никогда не возьмет, а Велий, тащивший меня за руку, интересовался, как я ухитрилась так все повернуть, что он сам меня притащил в Подземное царство, да еще и заклятие добровольно прочитал. Я пыталась его уверить, что не настолько коварна, как он себе навоображал, и что все это чистая случайность. Вот тут все и кончилось.

Прямо перед нами раскинулось черное как деготь озеро с красными колоннами, на которых плясали знакомые человечки. Над ним висела напряженная тишина, прерываемая проклятиями девятиголовой Груньки.

— Тут нам и смерть сыскать, — расстроился Зоря, — а я мосол, как назло, выбросил.

Я же, наоборот, обрадовалась, кинула взгляд на Велия и, удостоверившись, что он на меня не смотрит, вытащила из мешка свиток, подмигнула овечке и, спрятав его за спину, ткнула Велия в бок:

— А «купи слона за деньги» точно все печати открывает?

— Да не купи слона за деньги, а Купитилоснадереньги, — поправил меня маг, недовольный моей забывчивостью. Свиток опять закаменел, человечки засветились, над озером пронесся вздох. Все понявший Велий глянул на меня так, что я поспешила встать за спину Зоре.

— Че это вы тут творите?! — заорала наконец-то догнавшая нас Агриппина.

— Папашу твоего вызываем! — злорадно оповестила я ее. — Щас он тебе задницу-то начешет!

Сестрица задохнулась от возмущения, Зоря радостно засмеялся, поняв, что ожидается подкрепление. Котофеич перестал в злобе когтить мох и с ужасом уставился за колонны, а Велий устало покачал головой и спросил меня:

— Надеюсь, ты помнишь, как этот самый царь выглядит? Мне очень не хочется, чтобы все это царство обвалил ось так же быстро,

как потолок школьного архива при вашей встрече с алхимиком.

Я вытаращила глаза, похватила воздух открытым ртом и, составив прекрасного конкурента ворованной овце, кинулась мимо Груньки и ее войска.

Выбрались мы наружу только благодаря Бабе-яге, потому что куда идти, мы знать не знали. И всю дорогу нас преследовали вопли Груньки, которую отец воспитывал. Ягайя нам кое-что порассказала из прошлого Подземного царя, и я даже стала сочувствовать сестрице, потому что нрав у папаши был суровый и ничего хорошего Грушку не ждало, особенно после того, как она и ключи упустила. Скажу одно — очень мне не хотелось быть поблизости, когда девяностоголовый царь заинтересуется, кто это такая Верейя. Хотя Баба-яга и уверяла, что дальше порога подземное семейство не пустит, недаром же она с давних времен привратница.

После трех дней в каменном мешке воздух показался сладким, жизнь прекрасной. Удручала только потеря шубки и овца, чуть не трясущая нас за грудки и горестно стенающая:

— Ну и где травка-муравка?

— А тебе солнышка ясного не хватает? — Я показала пальцем на мутный блин на небе. Овца близоруко шурилась, явно подозревая, что ее дурят. Мне пришлось вытащить свою шикарную шубу и надеть ее поверх старого рваного платья, посетовав:

— Все-таки во всех этих приключениях одежда просто вразнос идет. Придется новую покупать.

А Великий покосился на мою шубу, сузил свои серые глаза и спросил:

— Зачем ты эту шубу с собой поволокла? Ты же собиралась только по трактам ошиваться, а не императорский дворец посещать.

Я сделала вид, что не слышу, примерилась, где лучше пробиваться через бурелом, но успела только занести ногу над обледенелой корягой, чтобы перепрыгнуть, как была сбита огромной черной волчицей. Шальная зверюга радостно провыла и стала прыгать на мне, утрамбовывая в снег.

— Совсем ошалела! — замахала я руками. Из-под разлапистой ели раздался солидный хохоток и показалась вторая волчья морда, поувесистей.

— Здрасти, — сказал Велий, хватая в охапку побагровевшего Зорю. За время нашего поспешного бегства ворюга просто доконал меня рассказами про свой чудесный мосол: этому — на! Этому — хрясь! Увидев сразу двух волков, он ухватил овечку и от души размахнулся, собираясь метнуть вместо снаряда. Овца закатила глаза и обмякла.

— Спокойно! Все свои! — закричала я, барахтаясь в снегу. Серый не спеша прошел к моей кудрявой подружке и, галантно кашлянув, представился:

— Серый Волк.

— Овечка. Зоря, — представились мои новые попутчики.

— А я — Алия, вилколак, — сказала лаквиллка, тесня Серого от блондинки.

— Во у меня жизнь! — растерянно улыбнулся Зоря. — Только упырей не хватает!

— Упырь нас на ближайшем хуторе ждет, — оскалилась Алия.

— Надеюсь, мавку и Сиятельного вы не притащили? — спросил Велий. Алия ощерила все свои зубы и чуть не оттяпала полноги магу. — Ты чего?! — отпрыгнул от нее Велий.

— Я чего? А где вас черти целую неделю носили? Четыре тракта прочесали, Конклав магов на уши подняли!

— Тю-у! — Я наконец встала из сугроба. — Там, наверно, как в Заветном лесу время бежит.

— Где? — сунулся ко мне волк. Я махнула рукой:

— По дороге расскажу. Вам понравится.

Рассказывали мы без малого сутки, постоянный двор села Макеевка гудел как пчелиный улей. По всей округе только и шел разговор про то, как золотоискатели докопались до Подземного царства, а заезжий маг перебил прорву хлынувшей нечисти, среди которой рватни были самой мелкой и безобидной. А враз поумневший Зорян заливался соловьем в большом зале. Он рассказывал, что нашел заветный ключ родниковый, испив из которого, обрел такую силу и ум, что крошил врагов налево и направо.

— Этому — хрясь! Тому — на! — орал он. — Жалко, палицу свою волшебную потерял! — и пьяненько бил себя в грудь.

Народ восхищенно внимал, не подозревая, что над головой у них дрыхнет прорва нечисти. Безжалостные друзья вытрясли из нас все,

сколько мы ни упирались, крича, что устали и хотим спать. Потом Велий еще долго шептался с седобородым старичком, после чего заявил, что на ближайšie сто верст вокруг моровой девы и быть не может, пока нас искали, прочесали эти места словно гребнем.

Одна Лейя трещала без умолку, последнее, что я услышала, была жуткая история о том, как сорок разбойников взяли штурмом замок местного некроманта и оставили его рыдать над грудой втоптаннх в снег сокровищ, отобрав только какую-то грязную замызганную книгу.

— Дикари какие-то, — проворчала я и заснула.

На следующий день подруги свели меня в баню, мы всласть намылись, наплескались в пару ледяной водой и после того, как Лейя все-таки расчесала мои спутанные волосы гребнем, угостились у щедрой хозяйки. Мало того, на обратном пути к постоялому двору я приобрела у купцов меховую курточку и теплые штаны, убедившись на практике, что в платье убежать неудобно.

— А этот твой, силен, — похвалила Зоряна Алия, когда мы вернулись. Упившийся богатырь жутко ворочал налитыми кровью глазами, повторяя одно и то же:

— Этому — хрясь! Тому — на!

— Еще б не силен! — хмыкнула я. — Больше сотни рватневых яиц в одиночку скушал! — И, повернувшись к Зоре, посоветовала: — Шел бы ты спать.

Зоря вытаращился на меня, не узнавая, и медленно завалился на бок. Я и глазом моргнуть не успела, как кухонные девки уволокли богатыря и героя куда-то на хозяйскую половину.

— Ну это надолго, — единодушно решили мы. И отправились наверх к ребятам.

Те кое-как привели себя в порядок. Велий вытряс свой плащ и поплескался под умывальником. Теперь они нарезали колбаску. Велий вяло помахивал ножом, медленно отрезая ломти, и вид у него был ну как только что у Зори. Хвастался он, какой дюже могучий. Глаза Аэрона горели откровенной завистью, Серый мечтательно щурился, а Сиятельный недоверчиво переводил взгляд с Велия на остальных.

— Про что врем? — поинтересовалась я. — Мои заслуги себе приписываем?

— Нет, — возразил Велий, — решаем, чем тебя лучше пороть, плетью или розгами.

— Да ноги ей отрубить, и все! — хищно оскалился «женишок».

— Не-э, — покачал головой Велий. — Ноги — это слишком жестоко. Руки рубить будем.

— Вообще-то в таких случаях рекомендуется нос отрывать, — со знанием дела проговорил Серый Волк.

А Сиятельный многозначительно промолчал, но, судя по лицу, у него тоже имелись рекомендации. Я только собралась ответить умникам, как в комнату ворвалась кухарка:

— Там ваша овечка буйствует!

Я ахнула, вспомнив, что вчера определила кудрявую в хлев, и побежала по лестнице вниз.

— Кто здесь овца?! — неслось с улицы. — Да я вас сейчас всех потопчу! Да меня драконы боялись! И сам ты баран!

Я вылетела на улицу и едва успела спасти прижатого к поленнице трактирщика от расправы. Потоптать бы она его не потоптала, но порты точно б сгрызла!

— Ты чего буйнишь?! — Я ухватила овцу и стала оттаскивать от испуганного мужика.

— А чего они со мной, как с овцой! И эти в хлеву! Одни бараны!

— А ты думала, что здесь с тобой по-людски будут? — зашипела я ей на ухо.

Люди вывалили на улицу и смотрели на бесноватую скотину с подозрением.

— Вместе с Зорей из волшебного ключа попила, — объяснила я глазеющим на нас и поволокла кудрявую в комнату. Народ уважительно взирал на овечку-драконоборицу, и только трактирщик вякнул вслед:

— А она в комнатах гадить не будет?

— Сейчас ты у меня сам гадить будешь! — снова завелась овечка.

С трудом удалось запихать эту буйанку на второй этаж.

Обед нашими стараниями из мальчишеской попойки превратился в царский пир пополам с соревнованиями вралей. Даже Сиятельный под конец, смущаясь, выдавил из себя жутко правдоподобную историю про то, как спас прекрасную принцессу от трехголового змея.

— Ну и где он соврал? — задумалась Алия.

— Змей был не трехголовый, а двухголовый, — хихикнула я, откусывая от пирога.

— А принцесса — страшненькая, — добавила Лейя. Сиятельный покраснел, услышав наши шепотки, а я, потянувшись за следующим пирогом, спросила у мавки:

— Ну и как у тебя с ним?

Лейя закатила глаза, и я испугалась, что она упадет в обморок, не в силах описать свое нечеловеческое счастье. Хмыкнув, я повернулась к Алие:

— А у тебя?

У лавкилки забегали глаза, она покраснела.

— А че? Все нормально.

Чуткие уши Серого Волка дрогнули, поворачиваясь в нашу сторону, а на губах появилась такая покровительственная улыбка, что Алия не раздумывая шмякнула его по затылку полотенцем. Волк метнул в нее булкой с повидлом. Я радостно присоединилась, кинула огрызком пирога наугад, в кого попаду, и полезла под стол, зная, что сейчас начнется.

— У вас тут место есть? — отдернул скатерку Велий. Под столом я была не одна, рядом спала успокоившаяся овечка.

— Нету, самим тесно!

— А, ну извини. — Велий мазнул меня по носу сметаной. Я заорала, перепугав овцу, и полезла мстить, хотя подозревала, что это была провокация.

— Что толку было мыться и одеваться в чистое! — возмущалась я, стоя у раковины, но Алия ткнула меня в бок и кивнула на Сиятельного. Я глянула и зачарованно замерла, поняв, что Князь просто, как все, умываться не умеет, он совершал царское омовение, делая ручкой по волосам и личику так, что я бы умерла со стыда, и все это с чувством собственной значимости. Парни задумчиво молчали, понимая, что Князя за раз не исправишь.

— Может, он украденный сынок императора? — шепотом предположила я.

Алия хохотнула, а Лейя, посмотрев на нас с укоризной, подала Князю полотенце. Мне, как хозяйке овечки, пришлось отмывать и ее.

К вечеру, насмеявшись и отдохнув, мы договорились, что завтра с утра разъезжаемся по своим трактам. Когда наступил поздний вечер и мы остались в комнате вчетвером: я, Лейя, Алия и дремлющая овечка, я шепотом рассказала о том, где достала книгу с пляшущими человечками. Алия честно призналась, что про Гомункула даже не вспоминала, а Лейя смущенно потупилась.

— У меня еще несколько адресов. — Я помахала тетрадкой. — Только боюсь, что Велий помешает в поисках нужной книги.

— А ты попробуй уговорить его отпустить тебя одну. У тебя вон какой Зоря, да и овца-сороходка, — посоветовала Алия. — У Аэрона тракт самый беспокойный, пропадет вампирюга, а Велию за него ответ нести. Все-таки наследник урлакский, единственный.

И так уверенно она все это сказала, что я приободрилась и решила пойти к магу и этими же словами попросить его переключить свое внимание с меня на моего «жениха». Накинула на свою короткую ночнушку рыжую шубу, сунула босые ноги в сапоги и вышла за дверь.

Стоило мне только стукнуться к ребятам в дверь, как она тут же отворилась, словно маг ждал меня.

— Чего не спишь? — сурово спросил он. Я замялась, поняв, что нам и поговорить-то толком негде, стоим в коридоре, мимо народ снует, сейчас раскричимся, будут тарашиться. Девчонки в нашей комнате уже завалились на кровати, а у парней храпел, сотрясая стены, доставленный благодарными поварихами Зоря. Велий правильно понял мое невнятное мычание и, взяв за руку, кивнул: Пойдем.

У трактира был великолепный, просторный чердак. И мы, усевшись на тюки с чем-то пахучим под связками веников, невольно Прижались друг к другу — было прохладно.

— Я... ну, это... Все убедительные слова вылетели из головы. В общем, давай я одна дальше поеду.

Велий у меня под боком закаменел, глядя в темноту чердака.

— Нет? — спросила я.

— Нет, — сказал Велий.

— Почему? — спросила я, начиная закипать.

Велий закрыл глаза, как это иногда делал Феофилакт Транквиллинович, не желая осквернять стены Школы убийством учеников. Я вскочила с тюка, уперев руки в боки, и стала долго и вдохновенно кричать, что не такая уж и дура, как обо мне думают, и

худо-бедно дожила до своих лет, даже не изувечившись, что если и влипаю в какие истории, то без злого умысла, а исключительно по стечению обстоятельств. И мне не нужны ни конвоиры, ни охранники, а попутчиков у меня даже больше, чем хотелось бы. Чего не скажешь об Аэроне, которого бесстыдный Велий сначала увлек на самый опасный путь, а потом бросил!

Больше всего меня бесило, что в полутьме не видно его глаз, и я, сунувшись вперед, рывкнула:

— И вообще... — Собираясь продолжить вдохновенную тираду, я набрала побольше воздуха, и вдруг Велий подался ко мне навстречу, притянул к себе за щеки и впился мне в губы. Не знаю, от чего я задохнулась — от неожиданности или от возмущения, но времени на раздумья он мне не дал, настойчиво прижав к себе. И я, наконец разглядев его глаза, подумала «Колдун чертов!», со сладким ужасом понимая, что уже сама целую мага. А кончилось это тем, что я потеряла равновесие и мы в обнимку рухнули на тюки. Велий расхохотался, а я обиженно надула губы и ударила его в живот: — И чего смешного?! — Вскочить Велий мне не дал, и мы еще долго целовались, а над нами качались веники, и какая-то часть меня ехидно ухмылялась: — Как романтично!

Пока Велий не щелкнул меня в нос и не сказал, что на первом свидании смотрят только на любимого человека, а не по сторонам.

— А кто сказал, что у нас свидание? — удивилась я, делая вид, что собираюсь вырваться из лап цепкого мага, и покраснела. — На первое свидание не ходят в ночнушке и сапогах на босу ногу! Ну не смотри же ты на меня так!

— Как? — чуть приподняв бровь, спросил Велий, а я не смогла объяснить — без усмешки, слишком серьезно, не как обычно. И только выдавила:

— Так

После этого мы долго молчали, думая каждый о своем, пока я не спросила:

— А у нас свидание?

— Угу. — Маг притягивал меня к себе, а я изо всех сил уперлась в него руками, в который раз удивляясь: «Сильный, зараза».

— Нет, это получается, что я тебе нравлюсь?

Велий перестал меня тянуть к себе, но зато глянул так, что мне даже жутко стало, как серьезно он смотрел.

— Только не говори, что как увидел, так и понравилась. — Я уселась среди разбросанных тюков, чувствуя, как бешено стучит мое сердце. А маг, Велий, откинув прядь волос с моего лица, спокойно и уверенно кивнул:

— С первого мига, как ты княжий терем развалила.

— И чего ж ты молчал столько времени? — Я поджала ноги, ощущая, как к ним подбирается холод.

— Давай не будем о грустном, — сказал Велий, снова потянув меня за шубку. — Нам бы разобраться пока, кто с кем в дорогу отправится.

— Чур... я... с Зорей... и овечкой... — проговорила я между поцелуями.

— А если выпороть? — спросил, напирая, маг.

— А я, между прочим, правнучка Всетворца! — Я хлопнула его по шаловливым ручкам. — Вот пожалуйсь дедушке! — И выскользнула. — Свидание окончено! — И я убежала с чердака, радостная, как мавка, соблазнившая мужика.

Конечно, наутро мы никуда не разъехались. Хуже всего было то, что злопамятные Лейя с Алией сразу все поняли и полночи изображали из себя дур, вслух гадая, от кого это я такая радостная вернулась, перебирая по очереди всех мужиков на постоялом дворе, включая цепного кобеля. Не помогали ни битые подушками, ни сердитые окрики. Стоило мне решить, что они утомонились, как подруги трясли друг друга и злобно щурили глазки:

— А помнишь, как она нас?

— Я не буду тискаться по углам! — воспроизводила мои интонации Лейя, наставительно тряся пальчиком.

— Какие же вы, однако! — возмущалась я, сидя на постели, а Алия заступалась:

— Действительно, Лейя, она же не по углам, она же на чердаке! Я порычала, погрызла одеяло и заснула в бессильной злобе. Проснувшись я за полдень под дикий крик:

— Подпирайте лавкой, лавкой!

Трактирщик визжал по-бабьи:

— Я же топоры на улице оставил!

Алия орала:

— Откройте дверь, я их порубаю!

Дюжина голосов вопила:

— Вали ее, дверь закрывай!

Аэрон с достоинством урлакского лорда призывал всех к спокойствию, а Велий, сатанея, кричал:

— Сиятельный, да угомони же ты эту идиотку!

Идиоткой, судя по визгу, была Лейя, нарезающая круги по трактиру и опрокидывающая мебель.

— Всех поубиваю! — орал Зоря. — Где моя волшебная палица?

Я высунулась в окно и поняла причину волнений: вокруг трактира топотали кони, орали люди, сначала я перепугалась, решив, что на Макеевку напали разбойники. Больно уж все это походило на то, как грабили мое село. Те же рожи, те же сабли, тот же залихватский мат и свист. Но стоило одному из налетчиков увидеть меня в окне, как все разительно изменилось: бандиты попадали с коней в снег, стягивая шапки, я услышала их единодушный вздох облегчения:

— Вот она, демоница.

А самый кудлатый и большой, судя по всему, атаман, прослезился, утирая рожу рукавом:

— Хозяюшка, ну где ж ты столько пропадала? — плаксиво затянул он. — Еле отыскали.

Ветер дыхнул в мои окошки, и матерый сортирный запах проник в комнату. Тут я их и узнала. Кивнула и заметалась по комнате, вытаскивая из мешка одно из двух своих шикарных платьев ярко-алого цвета. В Подземном царстве, убегая, я оторвала веточку цветущей липы, теперь она превратилась в изумительную золотую брошь. Разодрала расческой свои волосы, досадуя, что платье немного помято. Задрала нос и с царственным видом покинула комнату.

Внизу, в общем зале кипели сумасшедшие страсти — одни строили баррикаду, другие ее разрушали, требуя подать им разбойников на золотом блюде! Весь людской водоворот почему-то крутился вокруг Велия. Я, чтобы привлечь к себе внимание, подобрала с пола потерянную кем-то тапку и запулила в мага. На меня сразу уставились десятки глаз, так что я смогла с королевским видом, независимо и достойно спустившись до середины лестницы,

остановиться, выставив вперед одну ножку, и, красиво опершись на перила, небрежно обронить:

— Ко мне сегодня разбойники должны были приехать. Никто не видел?

И испугалась — до того грозная наступила тишина, — быстро сделала пальчиками, и дверь открылась наружу вместе с баррикадой. Снаружи радостные, как дети у горы пряников, стояли на коленях разбойники, завывая на разные голоса:

— Госпожа демоница, пощадите!

В звенящей тишине я прошла к ним, атаман чуть ли не на пузе быстро-быстро приблизился к порогу, протягивая мне что-то завернутое в бархат и тряся мешочком, из которого слышался золотой звон.

— А это еще зачем? — спросила я, приподняв бровки.

— А как же? — весело разинул рот атаман. — Вы же дверку вышибли, потратились. Да и с народом гульнуть, отметить приобретение надобно! — И он полез целовать мне ножки.

— Но-но, не шали! — смущенно сказала я, переступая с ноги на ногу.

— Не-э! — заорало сорок глоток. — Мы больше не шалим!

— Ну тогда и писать против ветра не будете, — успокоила я их, и всю банду как ветром сдуло, только в конце улицы слышался конский топот и ржание. Все в той же тишине я повернула обратно, высыпала золотые из мешочка трактирщику в ладонь и произнесла:

— Это на новую дверь и пусть люди угостятся, напряжение снимут. Едва я успела запереть дверь комнаты, как в нее стали ломиться друзья, причем громче всех и страшнее орал почему-то мой «женишок».

— Чего вам?

— Открывай, рыжая, убивать будем! — ревел все тот же Аэрон, а Алия сладенько пела:

— Верея, открой, пожалуйста, поговорить надо.

— Хозяйка, мне их поскидывать или как? — пробубнил Зоря.

Послышался грохот, и я поняла, что моего вора самого выбросили на лестницу. Я приоткрыла дверь, меня тут же ухватили за шкурку, и я безвольно повисла в руках Велия.

— Ну и что это значит? — спросил он, за ним ворвались в комнату остальные, последней, цокая копытцами, появилась овечка.

— А это значит, что я могу вполне поехать одна по тракту! — ответила я.

— Скорей уж это значит, что тебя вообще на секунду нельзя одну оставлять! — выкрикнул маг, трясая меня. И мы уставились друг на друга, как кошка на собаку.

— Ну что, разобрались? — поинтересовался, появляясь на пороге, Зоря. — А то жрать охота!

— Да, действительно, — как-то сразу согласился Сиятельный и, предложив Лейе ручку, бесцеремонно вытолкнул Аэрона за порог. — Эй! Я ее жених! — возмущался вампир, но его никто не слушал, тем более что Серый Волк тоже хотел пообедать.

— Еще раз спрашиваю, что все это значит? — повторил маг, когда мы остались одни. Носком сапога он развернул бархат и прочитал название книги — «Волшебные превращения».

Обидно будет, если это именно та книга, которая нужна Гомункулу. Мы скосили глаза на первую страницу, где по-миренски красивыми буквами в завитках было написано: «Славно потрудившись на своем участке, вы собрали богатый урожай ягод, плодов и овощей. А также у вас богатый приплод скота и птицы. Эта книга предлагает большой выбор приготовления домашних блюд из свежих продуктов и заготовок...» По мере чтения наши лица вытягивались, а Велий даже перечитал введение два раза, после чего неверяще уставился на меня. Я зарделась и непринужденно пропела:

— А что? Я думаю о будущем! Я тоже хочу семью, садик, огородик, уток... — и смущенно заскребла носком сапога по полу. А Велий бессильно опустил руки и пробормотал, что, если бы от битья была хоть какая-то польза, он порол бы меня днем и ночью.

— Правды от тебя конечно же не добиться.

Я сделала самое честное лицо, какое только сумела. Маг безнадежно махнул рукой:

— Пойдем завтракать.

— А может, нам сюда принесут? — поинтересовалась я.

— Что, стыдно людям в глаза смотреть? — обрадовался Велий. Я задрала нос, фыркнула и хотела прошествовать мимо него, но он,

мягко обхватив за талию, усадил на кровать и положил на колени книжку: Читай, домохозяйка. — А сам позвонил в колокольчик

Востроносый мальчишка-половой тут же заглянул к нам в дверь, и Велий распорядился принести завтрак. Никогда у меня не было такого завтрака. Велий вел себя ну прямо как змей-искуситель, одновременно соблазняя и пытаясь вытянуть сведения. А я на его вкрадчивые вопросы невинно хлопала глазками и вообще имела вид целомудренной монашки, которой домогается сластолюбец.

Книга? Какая книга?! Ах, с пляшущими человечками? Так это мы с Индриком летали на северное сияние посмотреть. Встретили шамана. Я говорю, привет, шаман! А он: привет, Верейя, хочешь книжку почитать? Ну не могла же я обидеть человека!

Ключи? Какие ключи?! Ах, те девять? Так я сестрицу свою Грушку встретила, а она мне говорит, хочешь ключики заветные поносить? Ну не могла же я обидеть сестрицу! А то, что по ходу дела полцарства разрушили, так это дело семейное и магам нечего в него лезть.

Разбойники? Какие разбойники?! Ах, эти? Так мне Маргобин рецептик обещал потрясающе вкусного паштета дать. Самой-то все времени не было зайти, ну и попросила отзывчивых ребятушек книжечку принести. Они и постарались. Что? В этой книге нет паштетов?! Вот досада, ошибся некромант, придется опять разбойников просить, чтобы еще раз к нему съездили.

Велий потешался над моими ответами, смеясь, тряс головой и пытался зачитывать вслух некоторые рецептики из моей новой книги, полное название которой оказалось «Волшебные превращения продуктов».

Пару раз он выскакивал за дверь и возвращался с какими-нибудь вкусностями, ну, например, лед со сливками и соком, рассказывал всякие смешные истории и, конечно, много врал про себя, но так смешно и интересно, что я не стала напоминать про Аэронову болезнь. Кончилось тем, что незаметно настали сумерки. И тут я спохватилась, сообразив, что за это время нас никто не побеспокоил, выскочила из комнаты, пискнув, что я нечисть и мне надо, спустилась в большой зал, снова поднялась, пробежалась по комнатам и поняла, что во всем трактире нет никого из друзей, кроме пьяного Зори, который в центре

большой толпы покачивался, растопырив руки, как дуб-великан, и рассказывал:

— Этому — хрясь! Этому — на!

Я повисла на нем, тряся и требуя ответа:

— Куда все подевались? — хотя уже догадывалась, что произошло.

— Хозяйка! — обрадовался Зоря, представляя меня честной публике, и, махнув ручищей на двери, объяснил: — Уехали все, приветы передавали и велели не скучать!

— Что ж ты! — потрянула я его за рубаху. — Предупреждать же надо!

— Дак это, — Зоря скосился на немалую бочку пива, — господин Велий велел не беспокоить.

— Что?! — Я задохнулась от возмущения и негодования, отцепилась от Зори и злой кошкой кинулась наверх.

Увидев мое взбешенное лицо, Велий поспешно закрыл дверь.

— Открывай, подлец! — Я бабахнула в дверь, повторяя все утренние выражения Аэрона: — Убивать буду! — потом вспомнила, как уговаривала меня Алия, и пропела: — Велий, открой, поговорить надо.

— Кто там? — строил дурачка Велий.

— Ты зачем Зорю споил? — шипела я в щель, оглядываясь на снующую по коридору прислугу, которая с интересом прислушивалась к нашей беседе. Цокая копытами, из соседней комнаты выглянула овечка, сонно вытаращилась на меня, умудренно кивнула головой:

— Милуетесь? Ну-ну. — И, цапнув за подол пробегающую служанку, поинтересовалась, нальют ли постоялице молока.

Мне стало неудобно, я обиженно стукнула в дверь:

— Велий, ну открой уже.

— Да я и не закрывался. Она в другую сторону открывается, — сказал Велий. Я недоверчиво потянула дверь на себя, она действительно открылась.

— Какой ты! — Я постаралась сделать злую мину. — Двоедушник и есть!

А он улыбался, сидя на кровати, и смотрел, как кот на сметану.

Я погрозила пальцем:

— Даже не думай! — и, задрвав нос, ушла к овечке, которая довольно хлюпала молоком в миске.

Но права была Алия, которая до встречи с Серым Волком уверяла, что мужики — это сущие бестии, которым сунь в рот только палец — они всю руку оттяпают. Все равно кончилось тем, что мы полночи до одурения целовались, а потом так и уснули в обнимку на одной кровати у нас в комнате.

Утром я потихоньку выбралась из-под рук Велия, торопливо, стараясь не дышать, схватила свой мешок и выскользнула из комнаты.

Зоря мутными с похмелья глазами смотрел на серую предрассветную мглу, недовольно интересуясь: чего это мы в такую рань? Отоспавшаяся овечка радостно семенила по снежку, напевая: *«Травушка-муравушка, зелененькая!»*

А я цыкала на них, боясь разбудить Велия, который всенепреренно кинется в погоню. Мы не торопясь прошли вдоль просыпающейся Макеевки, и идти нам по Миренскому тракту было еще верст сто, а то и двести.

— Слышь, овца, а тебя вообще как зовут? — зевая, спросил Зоря.

— Сам ты баран! — ответила, на ходу хрупая белым снежком, овечка. — А имени у меня никакого нет, всю жизнь была овечка, ею надеюсь и помереть!

Зоря поводил глазами и спросил:

— А ты меня сможешь на себе довести?

— Если только положить тебя на бок да копытами под бока подпирать, — ехидно ответила овечка.

— Да, — пришел к выводу Зоря, — бесполезное ты в хозяйстве животное, ни молока с тебя, ни мяса. А по весне еще и стричь потребуется, чтобы не потела.

— Еще чего! — возмутилась овечка. — Меня вычесывать положено. Из вычесок нитку прясть, из нитки клубок мотать.

— Для чего это? — сразу встрепенулась я.

— Сказки читать надо. Куда клубочек покатится...

— Там и смерть Кощеева, — закончил Зоря.

Овечка фыркнула и заявила, что все богатыри — полудурки, а этот так и вовсе дурак Зоря обиделся и замолчал.

— Куда хочешь, туда и приведет, кого хочешь, того и найдешь, — продолжала овечка, а я решила срочно обзавестись гребешками.

Мы давно уже прошли околицу и теперь шагали среди высоких елей, покрытые инеем лапы медленно качались на ветру, будто танцевали. Овечке нравилось, мне тоже. Зоря топал и топал, как битюг, впряженный в телегу, равнодушный ко всему. Однако первым заметил странный костерок на обочине.

Летом там был чей-то покос, а теперь посреди полянки сложили шалашиком бревна и запалили их.

— Смотри-ка, хозяйка, — удивился Зоря, — вроде и Святки прошли, а эти все колядуют. А личины-то какие у них страховидные! — И, набрав побольше воздуха в грудь, он заорал: — Э-ге-гей! Люди добрые, не запозднились ли с праздничком?

От костра вдруг выскочила ну настоящая снегурочка, заплясала вокруг Зори:

— Подай блина, подай пирога, а не станешь давать — буду пугать! — и сорвала с себя шапку. Зоря взревел и шлепнулся на снег, потому что в лицо ему зашипели змеи.

— Тетка Горгония! — укоризненно проговорила я. — А я считала тебя очень серьезной!

— А что? — поинтересовалась та.

— К-кто это?! — спросил Зоря, тыкая пальцем в Горгонию.

— Во-первых, неприлично разговаривать с женщинами сидя, а во-вторых, тыкать в них пальцем.

Но я не дала своего великана в обиду, взяла его за шкурку и представила ему всех своих родственников. Последним прискакал Индрик, он пел и шел вприсядку вокруг костра, мешая грустным амба жарить мясо на палочке. И пока Зоря приходил в себя, я со всеми перецеловалась, переобнималась. Еле отбилась от Васьки, которого суровый Карыч накануне учил вытаскивать медведей из берлог, чтобы в суровые зимы не умереть от голода, если вдруг с ним, старым, что-нибудь случится и он не сумеет прокормить маленького. Овечка, к моему удивлению, оказалась жуткой кокеткой, и стоило ей заметить Индрика, как она стала ему тут же строить глазки. Крылатый по-мужицки всхрапнул и как-то так глянул, что я сразу поняла — мне от него и в поселке не отбиться будет, так и станет

таскаться за нами, пугая народ. Березина взяла меня за руки, усадила на бревнышко и потребовала:

— Ну, рассказывай!

Два раза меня упрашивать не пришлось, я честно рассказала о своих приключениях в Подземном царстве, даже ключики показала. Нечисть заворуженно смотрела на связку на цепочке.

— Вот этот был мой. — Анчутка ткнул в тот, у которого головка была в виде льва. Все закивали, Карыч тоже сунулся, встопорщив перья, а потом отвернулся.

— Что, забирать будете? — спросила я.

Но тетки и дядьки завозражали, дескать, они и одним разом сыты по уши, хотя и восхитились моей наглостью.

— Так этим змееголовым и надо!

— А что Яга? — поинтересовался Карыч. — Все такая же вредная?

— И краси-ивая! — проблеяла овечка и, несмотря на цыканья ворона, запрыгала вокруг него, напевая: — Тили-тили, тесто, жених и невеста!

А я сообразила, что не знаю еще одну интересную историю. Незаметно наша встреча перешла в пирушку. Древние, в кои-то веки выбравшись из Заветного леса, радовались как дети, откуда-то появилось и вино, и сласти, и уже начались разговоры про Златоград и Мирену, как вдруг деревья затрещали, зашатались и на поляну вышел похожий на кряжистый пень подручный местного лешего — Блудень.

— Тут какой-то колдунишка вокруг вас все рысит, я уж устал ему следы путать, так и норовит к вам, — проскрипел он.

— Черноволосый такой? Глазки серенькие? — поинтересовалась Я. — А-а, это к нам, к нам.

— Гнать его в шею! — спохватился Индрик и почему-то стал обнюхивать меня, шумно втягивая воздух. Я вспомнила, как пряталась от рватня, и сунула ему кулак в ноздрю. Пока он отфыркивался, на дороге появился мохноногий конь Велия.

Судя по выражению лица, маг был в бешенстве, но мои родственники так приветливо улыбались, что, оценив количество и качество клыков, он решил ограничиться только недовольным взглядом в мою сторону. Зато Зоря обрадовался ему как родному, потрясая кувшином, без слов намекнул, что его тут спаивает нечисть,

но он героически сопротивляется, и вообще неизвестно, зачем его сюда притащили, может, и кушать собираются. Велий спрыгнул с коня и, поздоровавшись со всеми, буркнул мне на ходу:

— Всю жизнь от меня бегать собираешься?

— Не обижайтесь на нее, — сказала, усаживая его рядом со мной на бревно, Березина, — но на этот раз, мне кажется, Веряя абсолютно права.

— И вам не стоит бросать своего крылатого друга, — влезла в разговор Горгония.

— А за Вереей мы сами присмотрим, — заверил Анчутка.

— Упр-равимся, — каркнул Карыч.

Велию сунули в руки мясо и вино.

— Успела уже всех уговорить, — проворчал маг, принимаясь за угощение. Васька стал яростно вылизывать уши Велия, под его напором Велий размяк, перестал хмуриться, успокоившись, что если уж за мной будет следить вся нечисть из Заветного леса, то мне вряд ли что-то грозит. Хотя я не думала, что буду гулять в такой большой компании. Велий поинтересовался:

— А вы сами моровую деву не чувствуете?

Анчутка отрицательно покачал головой.

— Значит, ее в самом деле какая-то ведьма укрывает, — вздохнул Велий. — Нет для человека врага хуже самого человека.

— Вот и я о том же! — встрял Индрик. — Говорю, оставьте вы их, сами друг друга перебьют, так нет, лезут, помогают, встречаются.

Все посмотрели на него осуждающе, конь смутился:

— А я чего? Я ничего, — и ускакал к овечке.

Попрощались мы, когда на небе уже мигали звездочки. Индрик и Зоря сорок раз успели поклясться Велию, что глаз с меня не спустят, только тогда он меня рискнул оставить одну и то полдороги вздыхал так, будто не чаял боле живой увидеть, а под конец чмокнул в губы, и у Индрика, видевшего это, чуть не остановилось сердце:

— Испортит девку! — подавился он и стал меня подпихивать к дороге, злобно зыркая на мага.

От Макеевки до села Раздольное пешком было три дня, а на Индрикe пять минут лету, только мы не знали, что делать с Зорей. Везти на себе двухметрового детину овечка наотрез отказалась,

объяснив, что такой богатырь не вяжется с ее образом хрупкой барышни, при этом хлопала ресничками и косилась в сторону Индрика. А летучий конь заявил, что он отродясь мужиков не возил и возить не собирается!

— Пусть он своим ходом догоняет! — предложил «добрый» Индрик, но тут уже Зоря взревел белугой, сгреб меня в охапку, чуть не раздавив, и зачистил, что ему поручили за мной присматривать и он от меня ни ногой. Я, беспомощно вися в его ручищах, позавидовала Алие, есть у ней Серый Волк, и никаких тебе лишних попутчиков! И как у меня получается все время находить себе каких-то провожатых, которые висят гирями на ногах и только задерживают. Вот если бы Зоря сам мог так бегать! И я опустила взгляд на его стоптанные сапоги.

И вдруг Зорян замер, словно прислушиваясь к чему-то в себе, а потом по-дурацки вскинул левую ногу, правую ногу, как будто собрался пойти вприсядку, побледнел и неожиданно скакнул кузнечиком на дюжину шагов. Я завизжала:

— Выпусти меня! — испугавшись, что детина так и упрыгает со мной в лапищах неизвестно куда. Парень с перепугу выпустил меня, едва успев жалобно пискнуть:

— Хозяйка! — и в тот же миг припустил по дороге, да так лихо, что в мгновение ока скрылся с глаз.

— Бесноватый! — обрадовался Индрик, а я, подхватившись, вскочила на коня и, шлепнув его промеж ушей, закричала:

— А ну за ним!

Единорог, махнув крылами, легко взвился над лесом и дорогой.

Сверху нам было видно, как Зоря семимильными шагами бежит к Раздольному наперегонки с овечкой, размахивая руками и вопя, что он тут ни при чем.

— Но-оги не-эсут! — металось меж стволами эхо. А встречные купцы осеняли себя защитными знаками, долго и пугливо вглядываясь в поднятую вором-бегуном поземку.

Лишь на околице поселка богатырь догадался, раскинув руки, свернуть с дороги на сенокос, где стояли еще не пущенные на прокорм скотине стога. Сено клубами взметнулось вверх, а он, вспахав носом целину, остановился, задрал ноги кверху. Овечка радостно прыгала

вокруг него, а великан кряхтел и ворочался в снегу, хватая широко открытым ртом морозный воздух.

— Ишь, скороход какой! — Индрик обнюхал исходящего паром Зорю. — А все прибеднялся, спрашивал: на ком поеду? На ком я поеду? Захребетник!

Чуть не рыдая, Зорян присел, ноги его предательски дрожали.

— Четыре села насквозь пролетел, даже глазом моргнуть не успел! Хорошо, овца сказала тормозить!

— Дурачо-ок! — веселилась всю овца, а я подозрительно уставилась на его сапоги, велела:

— А ну снимай! — и, почувствовав, как они дрожат у меня в руках, словно рвутся в дорогу, поняла, что загубила парню обувку.

— Как же я теперь босиком-то? — жалостливо спросил детинушка, когда я объяснила, откуда взялась такая прыть у его сапог.

— Надевай обратно, нам не жалко! — тут же предложил Индрик, но Зорька замотал головой, а потом вдруг просиял:

— Вы мне портянки из сапог выньте.

Я молча протянула ему сапоги, потому как душок шел от них такой, что глаза резало. Споро намотав тряпки на ноги и повесив сапоги на плечо, детина заулыбался, а выйдя на дорогу, еще и скакнул выше своего роста.

— Во как я сейчас могу!

Мы с овечкой с усмешкой переглянулись, после чего овечка произнесла:

— Про сапоги-скороходы я слыхала, а вот портянки-прыгуны первый раз вижу!

Зоря, хоть и шел на полусогнутых, важно надулся и, с уважением глядя на меня, произнес:

— А вы, хозяйка, ничего, с вами совсем человеком стать можно! Вот добуду еще себе меч-кладенец, отправлюсь в Княжев-Северский, стану первым воеводою.

— Сапоги сдашь по описи! — рявкнул Индрик, Зоря присел, но, судя по глазам, мечтать не прекратил.

Постоялый двор встретил нас привычным гулом и рассказами о чудесах, которые стали твориться последнее время на Засаках.

— Истинно, истинно говорю, — надрывался косматый старичок, грядет день последней битвы.

— Чума гуляет, — гудели по углам дровосеки и углежоги.

— А колдуны-то, колдуны, так и рыщут! — делали страшные глаза служанки-разносчицы.

— Из Урлака целую армию прислали, — делился секретом дородный купчина. — На старом промысловом тракте сам видал.

И тут на подворье заголосили, а я, едва добравшись до трактирщика, шлепнула себя по лбу и, обернувшись, сразу всем объявила:

— Там на дворе конь крылатый и овечка говорящая — мои, трогать не смей! — и, досадуя, что компания Индрика теперь дорого мне будет обходиться, выложила на прилавок золотой со словами: Дайте им то, что попросят. Только девиц туда не пускайте.

— Все будет сделано, как вы скажете, госпожа архиведьма! — чуть не в пол ткнулся головой трактирщик.

Я заказала нам с Зорей ужин и комнату, а заодно попросила, чтобы мне нарисовали карту с ближайшими хуторами, как рисовал на лесопилке Дормидонт. Очень скоро все Раздольное знало, что к ним заявилась из столицы инспекция с проверкой.

— А великана-то с ней видали, — шептались, перебегая от столика к столику, — сущий волот! Тайный богатырь из столицы, говорят!

— Это ж Зоря! — удивленно пучили глаза другие.

— А-а, Зоря — тайный богатырь?! А как дурачком прикидывался!

Я повелела «тайному богатырю» сидеть в комнате, опасаясь, что он опять напьется и запугает народ окончательно своими рассказами, но стоило мне с трактирщиком отвлечься, обсуждая, куда пойти в первую очередь, как Зоря тишком выскользнул, и над трактиром понеслось:

— Этому — на! Тому — хрясь!

Грозить кулаком было бесполезно, Зоря токовал, как глухарь.

Я махнула рукой и смирилась, решив, что завтра заставлю его бегать кругами вокруг Раздольного.

Разложив свои вещи на кровати, я открыла тетрадку, полюбовалась морозными узорами на окне и решила, что спать мне совсем не хочется, в крайнем случае — завтра подольше посплю. Следующим архивным должником был...

Молодой менестрель робко взял первый аккорд и, боясь запутаться в словах только что рожденной песни, начал:

Флейту возьми и песню сыграй про то, как богиня спасла наш край.
Черные альвы, волна за волной, шли в атаку на Холм Золотой.
Крепость стояла, из года в год ее защищал златокудрый народ.
Гибли герои, и вскоре Принц остался один у дальних границ.
Юный и гордый, на белом коне, ждал он врага на зеленом холме,
Плача о том, что крепость падет, ведь враг за волною волной идет.
И вот небеса он стал умолять, сказал, что все им готов отдать,
Лишь бы выстоял Холм Золотой и птицы пели в садах весной.
И небо услышало, в тишине спустилась богиня на белом коне.
Сказала: «Мне жизнь твоя не нужна. Лишь книга стихов и бокал вина.
А черные альвы теперь не страшны, я наложу печать на Холмы.
Отныне станет заветной страной зеленый дол и Холм Золотой.
Пусть не ведают зла войны стихами платящие дань Холмы!»

Юноша замолк, ожидая слов сурового наставника, а тот долго молчал, понимая, что лучшие стихи о небывалом событии сложат не раньше чем через тысячу лет. По-новому переосмыслив, почему бессмертная богиня вдруг снизошла к мольбам последнего принца и в чем была причина ее поступка. И конечно, менестрели будут врать, одни уверяя, что она так любила стихи барда Лионеля, что спасла его

страну. Другие, что она любила самого Лионеля и всю жизнь переживала из-за того, что не спасла самого Лионеля. Третьи скажут, что на самом деле она была влюблена в последнего принца, а стихи взяла просто так, для отвода глаз. Ну а четвертые и вовсе соврут, что она мучилась с похмелья, поэтому и попросила сначала выпить, а потом стихов. Об одном не смогут соврать менестрели: о том, что огневолосая зачаровала край, спасая его от войны. И стал он для всего эльфийского народа священным, потаенным.

Ухнув с заоблачных высот на постоянный двор, Индрик едва не переломал себе ноги, завалился в грязный, затоптанный снег и даже закатил глаза, намекая, что отдаст сейчас богам душу. Я еле успела соскочить с него. Овечка, увидев наше грандиозное падение, запрыгала вокруг единорога, тревожно бляя, и даже, как показалось мне, побледнела.

— Я выжат, как миренский лимон! — простонал Индрик, судорожно вытягивая крылья. Я дернула его за хвост, обозвав притворщиком, в ответ на что единорог вскочил на ноги и заявил, что сотворил небывалое или, во всяком случае, давно не виданное.

— Ой, невиданное! — захохотала я. — Купи слона за деньги наоборот прочитал!

А единорог совершенно как Велий поправил меня:

— Во-первых — Купитилоснасадереньги, а во-вторых, наложение печати отнимает много сил!

Услышав знакомое заклятие, я замерла в ожидании подземного гула и других знамений, но, по счастью, в Раздольном никаких подземных царств не имелось. Тогда я с легким сердцем заявила, что лично дважды срывала печати и никаких усилий это от меня не потребовало. Так что пусть конь не прибедряется.

— Меня качает! — стонал Индрик. — Я еле на ногах стою!

— Еще бы! — откликнулась я. — Столько эльфийского вина выпил! — И беззлобно толкнула дядьку в бок. Индрик качнулся, растопырив крылья, я оставила его на попечение овечки и поспешила в свою комнату.

Свежедобытая книга жгла руки, а еще я понимала, что ближайшую ночь не усну. Чертовы эльфы действительно оказались такими, какими описывают их в сказках и песнях. Не то чтобы Велий

мне теперь стал казаться неказистым, но вот Сиятельному Лейю туда возить точно не следует. Да и парней наших туда пускать тоже не стоит, потому что эльфийки ничуть не хуже. Хорошо, что я независтливая, а вот летавицы наверняка бы удавились.

Книга в моих руках светилась золотым огнем, такой добычи у меня еще не было. Древесный узор переплетался и в свете свечи, казалось, колебался под ветром. С замиранием сердца я раскрыла книгу на середине. И тупо уставилась на ту же самую золотую траву, деревья, птички, цветы и зверюшек, которые были нарисованы на всех страницах. Так что моим первым желанием было все измять, изорвать и изгрызть. Я взвыла, проклиная свою тупость. Даже баламут и балабол Аэрон знал не меньше пяти языков! Даже мавка знает три! А я, все лето проведя в Заветном лесу, не удосужилась выучить хотя бы один, к примеру, эльфийский!

— Тетка Горгония! — как волк на луну простонала я, утыкаясь в матрац. — Что ж я такая дура?

— Ты еще просто очень юна, — услышала я ее нежный голос, тонкие пальчики коснулись головы, — и это прекрасно.

Она улыбалась, и улыбались мне ее змеи-волосы, радостно высовывая языки. И это были единственные змеи, которых я не боялась.

Так неожиданно было ее появление, что я порывисто ее обняла и как ребенок попросила, чтобы она обучила меня всем-всем языкам, которые знает. Но тут прорезался Велий, заголосила ракушка в сумке, пришлось доставать серебряное зеркальце.

— Привет, — подмигнула я парням, — чего не спите?

— Ты сказала, что как только вернешься с прогулки с дядей, сразу нам доложишься.

— Докладываю, погуляли, вернулись.

Велий прищурился:

— Я почувствовал сильное изменение магического поля как раз там, где вы гуляли.

— А, — отмахнулась я, — подумаешь, изменение! Мы наложили печать на Золотой Холм, и все!

Велий замер, а Аэрон, наоборот, закричал, что это произвол, что Древняя нечисть распоясалась и пора бы собрать международную комиссию и отобрать дурного и доверчивого ребенка у толкающих его

на сомнительный путь родственничков. Тут через мое плечо ему улыбнулась Горгония и сделала пальчиками:

— Доброе утро, мальчики.

Аэрон захлопнул ладонью зеркало, а мы с тетей фыркнули, слушая, как ракушка передает какую-то невнятную возню.

Посчитав, что разговор на этом закончен, мы требовали с трактирщика ранний завтрак, и, пока не взошло солнце, я наслаждалась эльфийской поэзией. Оказывается, книжка называлась «Все волшебство мира», хотя, на мой взгляд, больше подходило ей название «Любовь-морковь». Тетушка со мной не соглашалась и так растрогалась, когда я ей на прощание подарила эту книгу, что пообещала в ближайшие каникулы обучить меня всем тонкостям эльфийского языка. А я, спохватившись, попросила отнести в Заветный лес и книгу кулинарных шедевров Маргобина, пусть Настасья Петровна порадует, когда проснется.

— Вот. — Радуюсь тому, что мешок стал полегче, я поставила в тетрадке галочку напротив очередного должника. — Значит, вечером мы заглянем к... — И легла спать.

Вокруг Раздольного всяческих выселок, хуторов и заимок оказалось без счету. Половина принадлежала охотникам и старателям, которые имели привычку кочевать из одного своего жилища в другое, и трудно было сказать, где именно следовало искать конкретных людей. Поэтому работы нашей компании выпало изрядно. Первое время нас забавлял Зоря, категорически не желавший снимать свои волшебные сапоги и его не пугало, что в густом ельнике негде разбежаться, поэтому к вечеру он уже подбил себе оба глаза и был рогат, как Анчутка, зато самодовольно потрясал мешком, в котором верещал и бился загнанный им лично заяц.

Несчастливая зверюшка так жалобно плакала, что даже бесчувственный Индрик в конце концов потребовал выпустить зверя на волю. Зоря пообещал и смылся за кусточек, а вернулся оттуда лишь через полчаса и попахивая брагой.

— Кому зайца отдал?

— Клюке, — ответил Зоря, — у него заимка в двух верстах.

Я вытащила карту и сделала отметочку. — Теперь беги к Бяшеку.

Зоря возмутился:

— Я что вам, Савраска? Туда-сюда носиться?!

А Индрик подо мной заржал:

— Нет, ты — сохатый!

Зоря обиделся и упирался до тех пор, пока я не пригрозила отобрать у него сапоги. Сапоги ему было жалче ног, поэтому он припустил. Овечка тоже предлагала свои услуги, но без нашей компании, в одиночку ее воспринимали как-то странно: запирались в домах, изнутри припирали двери сундуками, скамьями, а самой предлагали сгинуть немедленно. Кудрявая обижалась, пела под окнами жалостливые песни, терлась об углы домов и на все лады уверяла, что хорошая. Почему ей не верили, я не понимала. Одиноким Индрик вызывал в людях такую же бурю чувств. И на двор эту пару соглашались впускать только вместе со мной, именуя меня при этом почему-то госпожой ведьмой, сколько бы я ни тыкала им в лицо архоном.

— Я обыкновенная нечисть, — устало доказывала я, стоя у ворот очередного хуторка. Зверообразный мужчина стоял напротив, тиская вспотевшими от волнения ладонями рогатину. А матерый кобель тоскливо выл, задрал голову кверху и косясь на нас.

Я его убить готова была за это. Ведь всякий деревенский знает, что на хорошего человека собака ни лаять, ни выть не будет. Я признавать себя плохой не желала, но, как назло, запуталась в карте.

— Скажите, пожалуйста, — показывала я карту трактирщику, — до Собахи отсюда далеко?

Мужик шумно сглотнул слюну, и я поняла, что он меня даже не слышит. Двери приземистого домика скрипели, по чуть-чуть приоткрываясь, и тут же захлопывались. Там слышался ребячий визг и смачные шлепки полотенцем.

— С прискорбием хочу заметить, что раньше люди были менее пугливы, — не к месту вылезла овечка.

Мужчина отпрыгнул и стал целиться рогатиной нам в животы.

— Давайте полетаем, — сказала я, отступив.

Было понятно дорогу нам тут не укажут. Хотя сверху не всякую заимку было видно, в этом мы с Индриком убедились.

День и так был хмурый, а как стемнело, подул еще и ветерок, поднимая снежную пургу. Тут за нашими спинами от удара вздрогнула сосна, и весь в снегу, хромя, появился Зоря, поминая свою мать Параську и многочисленные ее горести.

— Слышите, хозяйка, нашел я вашу Собачиху! — и рухнул головой в сугроб. Уже оттуда буркнул: — Только ночевать нужно где-нибудь здесь.

Мы оглянулись на мужика и тяжело вздохнули.

Хутор Собачиха был сожжен, причем не по дурости, а умышленно.

Я обошла вокруг пожарища, и кулаки сжались сами собой. На деревьях вокруг пепелища виднелись свежие затесы и знаки Хорса.

— Рыцари-храмовники, однако. — Зоря потрогал уже затянувшийся смолой знак.

— Какого лешего они тут делают? — проворчала я, вспомнив, как в Веже нас обложила толпа фанатиков с мечами.

— Скит у них тут, — объяснил Зоря, — уж второй год как, но ведьму они первый раз пожгли.

— И последний, — пообещала я. — Это вам не Златоград и не Святой Шангир. Где этот их скит?

Зоря растерянно посмотрел вокруг, потом на меня:

— Я-то откуда знаю!

— Значит, будем искать, — сказал Индрик, решительно разминая крылья. Наш «тайный богатырь» не выразил желания искать храмовников, а стал предлагать компромиссные решения:

— А давайте я сбегаю до села, мужики им и так шеи намылят.

— Я им помывку устраивать не собираюсь, — отрезала я, — а собираюсь сделать так, чтоб и духу их тут не осталось.

— Да уж, дух-то у них еще тот! — заухмылялся Зоря и пояснил: — У них обет такой — никогда не стирать кожаных подштанников и то, что под ними, не мыть. — И смутился, сообразив, что все это расписывает девице. Я сморщила нос, а Индрик заржал:

— Через полгода все благополучно отпадает!

Овечка прыснула и, как ни странно, покраснела. А меня вдруг понесло, словно тесто на дрожжах, я распалилась и каким-то безошибочным чутьем угадывала дорогу.

И когда вылетела к скиту, едва не задыхалась от злости, поскольку, какую бы кару им я ни придумывала, все в моем воображении разбивалось о стену их твердокаменной уверенности в своей правоте. Вот я и злилась, понимая, что, как бы я ни поступила с

ними, они все равно будут считать себя потерпевшими безвинно. Так что под конец я просто решила сровнять их скит с землей и забыть.

Каково же было мое удивление, когда я увидела их жилище.

— Скит, — сказал Зоря.

И мы замерли перед деревянной крепостью, у которой одни стены были двадцати локтей в высоту, не меньше. Стояла она на широком лугу в недобром кольце черных елей.

На стенах и вбитых в мерзлую землю кольях торчали черепа, сиявшие недобрым мертвенным светом из глазниц. Я немедленно почувствовала себя полководцем, пришедшим изгонять из своих земель нечто чуждое и злое.

— Ну все, гады! Щас я вас убивать буду! — невольно повторила я Зорину фразу. И двинулась штурмовать крепостные ворота.

Мы, однако, не дошли до створок, обитых железом, с дюжину шагов. Черепа на кольях вдруг завывли, ярким светом плеснуло в глаза, и нас с Индриком безжалостно швырнуло к лесу, словно кто-то врезал многопудовым кулачищем.

— Чего тебе надо, нечисть? — донесся с надвратной башни насмешливый оклик, — Сия обитель защищена благодатью Хорса.

У меня помутилось в глазах и, прежде чем я успела что-то понять, снежная лавина океанской волной поднялась и ударила в крепость, как тараном. Зоря радостно взвыл:

— Так их! — И тут же с ревом кинулся наутек, заполошно оглядываясь назад на отразившийся от стен снежный вал. Нас с Индриком едва не переломало. Вырвавшись из сугроба, дикой разъяренной кошкой я кинулась бы с кулаками штурмовать проклятый скит, не ухвати меня сзади за шубу овечка.

— Уймись, Верея, — посоветовал мне спасшийся за елями богатырь, — смертному бога не превозмочь.

— Ну это мы еще посмотрим! — гаркнул выпроставшийся рядом со мной из снега Индрик. Не отводя злого взгляда от скита, он спросил: — Кто там тебе до самой смерти обязан?

— Анжело!

— Вот и у меня должников немерено.

Настоятеля скита Селивоя разбудил безбожный стук в дверь. На расправу настоятель был скор, на руку тяжел, и быть бы полоумно

колотившему в дверь поротым нещадно, если б он не орал радостное для слуха Селивоя:

— Война!

— Что там? — на всякий случай недовольно спросил настоятель, спешно опоясываясь мечом и вооружаясь посохом иерарха, освященным и благословленным Великим Жрецом Хорса.

— Нечисть за ведьму свою пришла мстить! — Посыльный вытянулся в струнку, пожирая настоятеля белыми от ужаса глазами.

— И много ее? — осведомился довольный настоятель.

— Жуть! Как много! — отрапортовал монах. — Лесу не видно!

Настоятель хищно оскалился:

— Это хорошо, что так много. И то, что так быстро собрались, хорошо. Будет сегодня великая битва во славу Хорса.

— Они пытались уже штурмовать.

И, пока настоятель широким шагом двигался к смотровой башне, быстро рассказал о том, что произошло.

Мне, как полководцу, конечно, следовало сидеть на Индрике, помавать ручкой и отдавать приказы, но меня разбирала жажда творить хоть что-нибудь. А крепость стояла как великан, которому плевать было на мои комариные наскоки. От этого я бесилась и бегала от Анжело к Индрику, не забывая поражаться, сколько нас высыпало под стены скита. Одних ведьм и демонов было без счету, а уж от лесных духов и нечисти рябило в глазах, и все они на поляну не помещались. Даже навки, которых я полагала зимой спящими, явились по зову Индрика. Лешие и блазни покинули свои берлоги, а на то, что стояло по левую сторону от Индрика, он нам с Зорей и вообще запретил смотреть категорически.

— Будет им война! — рычал оказавшийся на редкость кровожадным единорог. — Надоели хуже бельма на глазу! Хуже занозы в заднице!

— Чего вам надо, нечисть? — услышали мы опять от крепости.

Я присмотрелась: на башне в окружении мордovorотов стоял старик в длинном белом балахоне, но при мече.

— Мы хотим справедливости! — рявкнул, опередив всех, Анжело.

Индрик сверкнул на него багровыми глазами, но я толкнула единорога в бок, цыкнув, чтобы молчал.

— Какой справедливости ты, нечестивая тварь, желаешь от Хорса?

— В этом лесу все живут по покону! Никто никого не истребляет!

— Только не мы! — крикнул со стен настоятель.

— Ну тогда и не жалуйтесь.

— Что ты нам сделаешь, нечисть?

Анжело вынул из складок плаща коробочку и, открыв ее, дунул в сторону крепости. Зеленое облако, подхваченное ветром, накрыло стены, и там все расчихались.

— Отравить хочешь? — взревел, утираясь, настоятель.

— Ну что вы! — хмыкнул Анжело. — Это всего лишь пыльца из садов богини Любавы. В ком есть хоть крупица любви, останется человеком, остальные — сам знаешь — превратятся в свиней.

Глаза настоятеля сделались круглыми и словно стеклянными, воспользовавшись этим, навки и ведьмы, задвинув за спины мужиков, слезно затянули песню, покачивая юбками, как это делают цыганки или попрошайки:

Подайте любви нам немножечко, люди.

Подайте чуть-чуть, от вас не убудет.

Любовь, она в сердце живет, словно птица.

Чем больше отдашь — тем быстрее возвратится...

Зоря, стоявший ближе всех к Анжело и оттого нюхнувший первым, сорвал с головы шапку и, как плясун в кабаке, радостно проорал, скакнув козлом: «Ой, не буду горевать, буду до утра плясать!»

Я чуть не взвизгнула от удивления — так залихватски, да еще под музыку нечисть вдарила разгульную, пустившись в пляс.

Подайте любви нам, добрые люди,

Подайте немного, от вас не убудет,

Такой, чтоб душа, словно солнцем, согрелась,

Подайте такой, чтобы сразу хотелось!

Такой, чтобы сердце от счастья плясало!

Такой, чтобы сразу аж в небо бросало!

Такой, чтобы сразу валила всех с ног!

Чтоб каждый от счастья аж изнемог!

Меня подхватил хоровод, и мы вскачь понеслись вокруг крепости. Самое удивительное, что Анжело ухитрялся при этом наяривать на кобзе, во весь голос распевая:

Подайте нам немного счастья,
Любви взаимной и простой.
Подайте, чтобы каждый понял,
Что он немножко холостой!
Подайте сколько вам не жалко,
Не жмитесь, мы вернем назад.
Подайте ведьмам и русалкам,
Здесь ждут любовь, здесь все хотят!
Такой, чтобы к звездам душа улетала,
Такой, чтоб смеялась, такой, чтоб рыдала.
Такой, чтоб с разбега, с любимой на гору!
Такой, чтоб колбасила всех без разбору!

Я чувствовала, что визжу, как заправская ведьма, и неведомая сила отрывает меня все дальше от земли. Мы неслись вокруг крепости так быстро, что ветер не успевал за нами и обиженно гудел, силясь догнать. От этого вокруг скита закручивался вихрь, черепа срывало с кольев, сами кольца выворачивало из земли, и даже крепостные ворота начали предательски трещать. Монахи выли, цепляясь за стену, но буйный ветер всенепременно желал, чтобы они присоединились к нашей пляске. И я хохотала, слушая, как Индрик с Зорей на два голоса поют:

Подайте нам любви высшей пробы,
Чтоб играла, как вино.
Подайте нам любви до гроба,
Мы все хотим ее давно...
Такой, чтобы птицею сладко пела,
Такой, чтобы ярче, чем солнце, горела,
Такой любви, что всех сразу пленяет,

Любви нам, которая в сказках бывает!

Словно гнилой зуб, крепость вырвало из земли, и я лишь присвистнула, когда бревна птахами порскнули в небо.

— И-ех! — вякнул Зоря, падая в снег. Я сверху, а рядом хохочущий Индрик с овечкой.

Безумный хоровод над нами разорвался и, петляя в небе, словно пьяный змей, исчез, оставив меня разбираться с полудюжиной голых, испуганных и красных от смущения монахов. Прикрывались они кто чем мог, и Зоря, глянув, как один старательно прижимает к животу железный шолом, ржанул:

— Смотри там, не приморозь!

— Уже, — сипло откликнулся монах, и богатырь от смеха засучил ногами.

— М-да, немного же вас осталось, — сочувственно вздохнул Анжело.

Обиженный свинячий визг с небес стал послушникам последним приветом от настоятеля. Упавший с небес посох Индрик разломал копытом и велел уцелевшему голому воинству бегом двигать к ближайшему хутору. А мы отправились следом, причем Зоря и овечка всю дорогу мурлыкали: *«Такой, чтобы птицею сладко пела, такой, чтобы ярче, чем солнце, горела...»*

А из каждого куста им отвечали, да еще ветер в спину подталкивал.

— Нет, ты хоть понимаешь, что творишь?! — Охотничья заимка Кузьмы Рваного гудела от рева Велия так, что даже бревна подскакивали и метель ухитрялась просунуть свой белый язык в эти щели. — Ведь это же люди, ты понимаешь?! Люди! Ты совсем озверела со своими родичами!

Я подняла глаза и стала считать до десяти, невольно сочувствуя распяленным беличьим шкуркам под потолком. Потом вынула обе тетрадки и, ткнув их в зеркальце, заговорила:

— С сегодняшнего дня это особый вид нелюди. Вот, это у меня в демонологии и демонографии записано! — Я глянула поверх тетрадей — Велий смотрел на меня из зеркальца так, что будь его воля

протиснулся и удавил бы. А моя научно обоснованная статья вдруг вызвала в нем бурю. Он вдруг схватил зеркальце и швырнул его о стену где-то там, у себя, рывкнув:

— Дура!

— Кто дура? — обиделась я уже всерьез. — А сам ты знаешь кто? Ты... Ты...

— Не надсади мозги. — В зеркальце появился немного перекошенный Аэрон; хорошо, что серебряные зеркальца не разбиваются, а только гнутся. — Ваш оппонент временно недоступен.

— Чего это с ним? — засопела я сердитым ежом.

— Пошел подышать свежим морозным воздухом. У нас, кстати, чудесная погода, а у вас? — по-светски шаркнул ножкой Аэрон.

И я невольно купилась, пробормотав:

— Метель метет, не видно ни зги.

— Привет Полкану, — выглянул из-за моего плеча Кузьма. Мужичок он был щуплый, битый и даже, по его словам, каторжанин. Поэтому принял всю нашу компанию без страха, а трясущимся от холода монахам щедрою рукою выделил по дерюге:

— Держите, лишенцы.

Я задвинула Кузьму обратно за плечо, заявив, что мы разговариваем о глобальной геополитике.

— Так вот с точки зрения этой самой геополитики, — хмыкнул Аэрон, — скоро вас сожрут без масла и соли.

— Подавятся, — проворчал из своего угла Индрик, впершийся в заимку на правах моего дяди. — Мы уже протест в ваш Конклав накатали и в Северск, и в Златоград, и вообще вы еще Анчутку не знаете, это еще тот сутяга, да он вас всех по судам замотает. Душу из вас вынет за самоуправство, а то ишь, взяли моду...

— Ой, наивные вы, — покачал головой Аэрон.

— И чтобы без моего ведома ни шагу больше! — рывкнул откуда-то надышавшийся Велий. Я мстительно оборвала связь, успев напоследок вякнуть:

— Ага, даже в сортир отпрашиваться буду!

— По-моему, он расстроился, — заметила привалившаяся к теплему животу Индрика овечка.

Зоря почесал свою кудлатую голову и тоже внес вклад, глубокомысленно заметив, что Велий теперь тоже дров наломать

может, мужики, они сгоряча... ух! А я велела ему не лезть в умные разговоры, а заниматься своим богатырским воинством.

Как-то так вышло, что рыцари-монахи наотрез отказывались идти в Раздольное, а, узнав от Зори, что он тайный богатырь самого Великого Князя, выразили желание служить под его началом. Тем более что Аэрон, еще раз перемигнувшись со мной в зеркале, сообщил, что маг уже связался с Конклавом и вроде бы ему посоветовали замять это дело, уж больно взволновалась по всей стране нечисть. Даже Великий Жрец Хорса признал этот скит незаконным. И сколько я ни пыталась избавиться от довеска в двенадцать ртов, они только делали бараньи лица и многозначительно перемигивались с бывшим вором. Так что я в конце сдалась и махнула на все рукой, плюхнулась на своего дядю Индрика и заснула беспокойным сном, в котором мне снился грозящий пальцем Великий.

Вьюга редела и билась о стены заимки как медведь-шатун. От ее тоскливого бесконечного воя стыло сердце, холод растекался по всему телу. С трудом разодрав смерзшиеся ресницы, я обвела взглядом заимку. Метель властвовала здесь безраздельно. Хлопали распахнутые настежь двери, заледеневшая вода бугром выперла из кадки. Из рта облачком поднимался пар.

Подышав на бесчувственные пальцы, я неуклюжей деревянной куклой свалилась с бревенчатых нар, с удивлением отмечая, что не удивляюсь отсутствию своих друзей. Тоскливый вой вьюги выстудил всю душу, и в ней царили пустота и безразличие, как в покинутом доме.

Шуба задубела, я осторожно поразводила руками, опасаясь поломать одежду, выглянула на улицу.

На удивление, там не было и следа вьюги, а только звенящая морозная тишина, в которой пьяненько что-то бормотала привалившаяся к порогу птица Сирина. Я вдохнула морозный воздух и закашлялась — горло ободрало, словно песком. Сирина мерзко так захекала в такт моему кашлянью, и я сразу остро почувствовала, что за порогом лежит мертвая и холодная Навь. Попятилась в страхе и непременно сбежала бы, может быть, влезла бы обратно на нары, укрылась бы шубой и спала, спала, пока не очутилась бы опять в Яви.

Но тут высоко-высоко надо мной, ярко, до рези в глазах, полыхнуло огнем. Огромная, в полнеба Мать-птица пронеслась над елями, бесшумно и величественно, села на пепелище сожженного монахами хутора. Я не поверила собственным глазам — жалкая картинка из демонологии не передавала и наполовину всю красоту радужно переливающейся Матери-птицы. А в голове уже крутилась сказка о том, как Мать-птица каждый полдень откладывает в укромном месте Яйцо, чтобы в полночь из него мир вылупился заново. Я еще и подумать-то не успела, что делаю, а ноги уже несли меня через порог. И только Сирина простужено хрипела вслед:

— Не ходи, Верелея, беда будет.

Но я не слушала черную пророчицу, что мне ее карканье, когда рядом создательница всего. И я побежала по сугробам, высоко скидывая ноги. Иногда проваливалась по пояс, но что-то влекло меня вперед и вперед.

На сожженный хутор Собачиха я выскочила, когда Мать-птица, тяжело толкнувшись от земли, взмыла в холодное небо, оставив в черном теплом пепле ослепительно сияющее мировое яйцо.

— Беда будет, — сипела в спину Сирина. Но я уже не могла ни остановиться, ни оторвать глаз от своей бесценной находки.

Не помня себя, я подбежала к яйцу, большому, как миренская дыня, схватила его обеими руками и замерла, заворуженно глядя ничего прекрасней я в жизни не видала. Оно сияло всеми красками, и я смотрела на него, забыв обо всем, пока мои несчастные замерзшие руки не обожгло нестерпимым жаром, которого я в первое мгновение не почувствовала. От неожиданности и боли я вскрикнула, отталкивая яйцо, и в ужасе обмерла, поняв, что натворила.

Никогда я так не кричала, яростно и безнадежно, понимая, что все, поздно. Под пеплом лежал брошенный кем-то из рыцарей топор, и, ударившись об него, яйцо мира расколосось.

Страшная черная трещина пролегла по небосводу, и не было в открывшейся черноте ни звезд, ни луны, а только бездонная, ненасытная чернота. Мой дикий вопль отчаяния заглушил лающий смех Сирина, и под отголоски этого смеха я проснулась.

Зоря ржал, как мерин, игральные кости, подпрыгивая, летели по доске, азартный Кузьма в отчаянии бил шапкой об пол, когда выпадала

не та кость. Вору несказанно везло, он уже сидел на ворохе шкурок и, судя по выражению нахальной морды, собирался обобратить охотника до нитки. Индрик удивленно покосился на меня, широко разевающую рот, я ощупала руки и ноги и, отбросив со лба прядь, испытала дикое желание выскочить на улицу и удостовериться, что небо не треснуло — мир стоит и стоять будет.

— Кошмар приснился? — заинтересовалась моим бледным видом овечка.

— Ага, — рассеянно ответила я. — Сунула нос куда не надо.

— Бывает, — пробормотала, прижимаясь ко мне, четвероногая подружка.

Индрик, помахав крылом, сообщил, что пора отправляться в дорогу, а то моя многочисленная команда уже начала дуреть от безделья. Жадно припав к кувшину с квасом, я всем своим видом показывала, что готова двигаться, вот сейчас, через минуту, только приду в себя. Зоря немедленно был призван к порядку — кости отобраны, шкурки возвращены. Благодарный Кузьма принялся хлопотать с завтраком, уверяя, что кидаться на холод вот так, спросонья — это верный способ застудить все нутро и слечь. Я перекусила, мало-помалу успокаиваясь, но всякий раз, как скрипела дверь, судорожно оглядывалась через плечо, боясь увидеть морозную Навь.

— Что-то ты сегодня как мышь пуганая, — удивился Индрик, а я, пожившись, призналась, что мне тревожно.

— И мне тревожно, — проблеяла овечка, зыряка вокруг; ее копытца проваливались в снег, но ехать на плечах у Зори она категорически отказывалась.

Монахи под предводительством «тайного богатыря» на улице тоже как-то попритихли и пугливо жались к Индрику. Мне за каждой елкой мерещился пытливый взгляд Сирина, и крупные мурашки бегали по спине.

В испуганном молчании путешествие было тягостным и долгим. Мы шли и шли, все дальше углубляясь в темный лес, давно уж сбившись с дороги, ведомые только чутьем единорога. Но и он, вначале самоуверенный, через некоторое время подрастерял гонор, начав вертеть головой, очень ненатурально делая умную морду. И чем сильнее Индрик раздувал щеки, тем больше паники было в наших

глазах. И когда мы увязли в сугробах по грудь, со всех сторон навалилась темнота, а вдалеке завыли волки, мы поняли, что заблудились.

— Берлогу надо искать, — уверенно сказал Зоря, мечтательно закатывая глаза. — В берлоге хорошо — и тепло, и мясо.

Я затравленно огляделась вокруг — место выглядело так, что неудивительно было бы найти здесь и сто берлог сразу.

Нырнув с головой под ближайшую же корягу, я яростно принялась разгребать снег и в самом деле не удивилась, когда после очередного гребка руками провалилась в теплую и, как ни странно, светлую нору. Я и глазом моргнуть не успела, как приятели набились в обнаруженное мною убежище. Здесь пахло медом и корицей.

Настасья Петровна, увидев толпу нахлынувших гостей, забегала, засуетилась, а я поняла, что все медвежьи норы зимой соединяются в один городок, но не смогла как следует порадоваться встрече с гостеприимной медведицей, потому что вымоталась хуже собаки. Вяло махнув рукой ревущему от восторга Топтыжке, я тяжело опустилась на небольшой сундучок. Хлопотунья Настасья Петровна стянула с меня шубку и сунула в руки кружку горячего чая, а Михайло Потапыч постоял рядом, покачался на когтистых лапах и сказал:

— Не сидела бы ты на этом сундучке, Верелея, плохо это.

— А что там? — безучастно поинтересовалась я. Михайло Потапыч смущенно засопел, а Индрик, чрезмерно оживившись после такого удачного конца плутания, объявил мне с пафосом:

— А там, Верелея, смерть наша.

— Чья? — не поняла я от усталости.

— Наша, — махнул крылом Индрик, — всего Древнего народа.

Я так удивилась, что даже привстала и взглянула на сундучок. Был он черный, деревянный, простой и легкий. Так что совершенно не верилось, что в нем может таиться такая страшная штука. Я взялась за крышечку, словно желая приоткрыть ее на волосок, и вздрогнула от лающего смеха Сирина за спиной:

— Нельзя, Верелея, беда будет, — погрозила она мне птичьей лапой.

Я вздрогнула и отодвинула жуткий сундучок подальше. Но чем дольше мы сидели за столом, пели песни и ели пироги, тем яснее я понимала, что проклятушая птица как-то прицепилась ко мне во сне и

теперь не отвяжется, так и будет пугать на каждом шагу, пока не превратит в затравленную, всего боящуюся трусиху. Я еще раз глянула в самый дальний и темный угол берлоги, откуда на меня смотрел, качая головой, вестник Темного царства, и, показав Сирину язык, решительно приоткрыла крышку сундучка.

— И вот мы... — Хохочущий Индрик споткнулся на полуслове, всхрапнул, вперив в меня взгляд, и вдруг на глазах начал скукоживаться, перья его пожелтели, обнажились кости, мутные глаза запали внутрь черепа, и он рассыпался прахом. Взревела, опрокидывая стол, безумная медведица, захрипела овечка, заклекотал злобный Сирин. Волосы у меня на голове встали дыбом от ужаса, но отчаянный, протестующий крик мой был бессилен и бесполезен. Мертвые друзья меня уже не слышали. Последнее, что я увидела, — земля, зловеще и тихо осыпающаяся на меня сверху. Я поняла, что задохнусь, и изо всех сил рванулась к свету...

Лето в тот год выдалось жарким, и вода нестерпимо манила к себе. Я сидела на узком мосточке, свесив ноги и прижавшись головой к жердине. Деревня на том берегу полыхала, оттуда несясь хохот разбойников и предсмертные хрипы, слушать которые было невыносимо, поэтому я пела, позвякивая козым колокольчиком:

Колокольчик звенит:
Диги-дон, диги-дон.
Он поет о том, как прекрасен мой дом.
Голуба там вода,
Зелена трава,
Там растут цветы,
Там гуляю я.
Диги-дон, диги-дон,
Колокольчик звенит.
Он в волшебной стране
Мое сердце хранит.
Диги-дон, диги-дон,
Колокольчик поет —
Как его душа в моей песне живет.

Длинные зеленые водоросли, извиваясь, танцевали подо мною в быстрой воде, иногда под ногами проплывали лоскутья чужой одежды и бурые струйки, о происхождении которых я не желала задумываться. Я просто смотрела на текучую воду, смотрела до тех пор, пока не выплыло ко мне из зеленой глубины знакомое до обморочного страха лицо. Мое.

Берег был пуст, не летел, рассекая небесную синь, ворон, не спешил спасать меня рогатый Анчутка, не слышно было ржания Индрика и звонкого смеха Березины. Все было погублено мною безвозвратно. Всхлипнув, я соскользнула с мостков. Вода хлынула в нос, рот и горло...

— Не умирай! Слышишь, мать твою, Верелея!

Кто-то прыгал у меня на груди, а стоило мне собраться с силами, чтобы крикнуть, как этот некто припал к моим губам и с силой вдул в меня воздух. В глазах потемнело от негодования, я взмахнула руками и зашлась кашлем. Перед глазами стояла зеленая муть реки, я с трудом перевалилась на бок, чувствуя, что меня сейчас вывернет от запаха тины.

— Живая! Все! Живая!

Я потрясла головой, с трудом соображая, где я и что происходит. В углу кто-то жалко скулил:

— Это не я... Она сама.

И слышались смачные шлепки.

Первое, что я увидела, — развернутые на ползаимки крылья Индрика, и одного этого мне хватило, чтобы испытать огромное чувство счастья. Только потом я начала понемногу приходить в себя. Поняв, например, что Велий придерживает меня за талию, в углу скулит Зорино воинство, прижатое Аэроном, Кузьма ошалело трясет головой, а бедная овечка мечется от стены к стене, словно полоумная.

— Что? — сиплым, не своим голосом выдавила я. Велий меня по счастью понял сразу и, заглядывая мне в глаза, огорошил:

— Ты чуть не утонула.

— Как? — не поняла я, потрянула головой, пытаюсь сообразить, какое время года на дворе. За дверью неистовствовала вьюга, но я была сырая насквозь, хуже того, под ногтями был речной песок, а в волосах водоросли.

— Этот гад чуть тебя не угробил! — ревом ревел Индрик, пиная мелкую нечисть, в которой я с трудом узнала баечника. — А эти щенки его подначили! — Оставив плачущего сновидца, он пошел на Велия, злобно прижимая уши и щеря совсем не лошадиные клыки. Я едва успела повиснуть на его шее. Аэрон и Велий вжались в стену, Аэрон прятал глаза, а Велий едва не рыдал.

— Кто-нибудь объяснит мне, что происходит? — взмолилась я.

— Я расскажу, — проговорил, вылезая из-под кучи беличьих шкур, Анжело, и только тут я сообразила, кого гоняла по заимке овечка.

Если Велий чуть не рыдал, то Анжело выглядел так, что краше лишь в гроб кладут. Дрожащей рукой он вынул из складок мантии коробочку и, раскрыв, показал мне:

— Это сонный порошок. Действует на любую нечисть, даже Древнюю.

— Эти деятели, — не выдержав, вмешался Индрик, — решили проучить тебя. Ты представляешь?! Уговорили зубастого и этого усатого насрать тебе во сне пару воспитательных кошмаров и сами чуть не обгадились от страха.

— Мы не ожидали, что ты всерьез начнешь тонуть, — пробормотал, потупившись, Велий.

— Я не показывал ей про тонуть! — заныл из своего угла баечник. — Она сама, а я ей показывал только поучительные вещи. Чтобы не совала свой нос куда не следует, чтобы думала, куда лезет.

— Закрой рот, воспитатель, а то я тебе голову отгрызу! — подступилась к нему овечка.

А мне вдруг сделалось больно, горько и обидно. Я смотрела на Велия, а Велий на свои сапоги, и говорить мне с ним совершенно ни о чем не хотелось, потому что я поняла, что стоит мне только открыть рот, и я наговорю такого, чего мы друг другу никогда не простим. По счастью, Зоря что-то такое понял, вскочил, распахнул дверь, облапил обоих непрошенных гостей, выволок их на улицу, зыркнул на своих монахов и, решительно протопав к баечнику и сгребя его в горсть, сказал:

— Провожу их до тракта, заодно и монахов пристрою. А то наворотили дел... — Он махнул рукой. Анжело виновато сделал ручкой и истаял дымком. А я зарыдала, уткнувшись Индрику в шею.

— Оно, конечно, бывает, возьмут и обидят ни за что, ни про что, — сказал Кузьма. Он ткнул меня в бок и предложил: — Хочешь квасу?

Я замотала головой:

— Вода в меня больше не лезет.

Кузьма хмыкнул:

— А меня ведь тоже краешком зацепило. Такая жуть приснилась.

— И мне, — признался Индрик.

— И мне, — вставила овечка.

— Молодые они, — рассудительно произнес Кузьма. — Пообтешутся, простишь.

— Только не сегодня, — я покачал а головой, — и не завтра.

— Простишь, — широко улыбнулся бывший каторжанин. — Жизнь, она ведь такая, м-да, не всегда гладко, бывает и того, шероховато.

Пришлось задержаться у Кузьмы еще на день. Не знаю, чем и о чем думал Велий, но своего он добился. Желание куда-то лезть, что-то делать, вообще жить самоуверенный маг отбил у меня напрочь, я лежала, пялясь в прокопченный потолок, а друзья пытались меня расшевелить. Первой в облаках мороза с матюгами влетела Алия, сообщив, что ей все известно и она этим умникам головы поотрывала бы.

— Но Анжело-то, Анжело! — возмущалась лаквиллка. — Не поленился всю компанию на своем горбу приволочь, лишь бы людям пакость сделать!

Я с трудом выпихала подругу на ее тракт, заявив, что желаю переживать личную трагедию в одиночестве. Серый Волк, ободряюще подмигнув мне на прощание, растаял в серой мгле. После чего я еще полдня пыталась отбиться от мавки, жалостливо щебетавшей и расстраивавшейся оттого, что никак не может добраться до меня. Я вздыхала, куксилась и всячески предавалась отчаянию, пока Индрик от тоски не стал грызть бревна избушки и не велел Кузьме выпотрошить мой мешок.

— Вот. — Он шлепнул мне на колени тетрадь с именами архивных должников. — Лучшее средство от хандры — это дело. Не

хочешь Велию помогать, давай займемся этим твоим — как его там? — хобби.

— Ну как вы не понимаете?! — Я отбросила тетрадку. — Я его в порошок стереть готова!

— Ой, подумаешь, чуть не утопла! — закатил глаза Индрик. — Ну дак и не в первый раз!

— Да не из-за этого я злюсь! — Я вскочила на нарах, треснувшись головой о перекладину. — Ой! — Слезы хлынули водопадом, губы задрожали, и я в голос заревела, кинувшись к овечке. — Я не от этого злюсь! Просто он меня не любит! Он меня пугал, как дуру!

— Милочка, — проблеяла овечка, потершись головой о мое плечо, почему не любит? И почему «Как»?

— Хочешь сказать, что я дура? — проныла я, размазывая по щекам слезы, а Индрик предложил:

— Полетели к Карычу, спросим. И вообще, лучшее средство от хандры — надраться в доброй компании.

— Хорошо, — я утерла слезы, — только в Заветный лес я не поеду. Кто там у нас следующий должник? — И, сунув нос в тетрадку, поинтересовалась, далеко ли город Хрустальное Небо? Индрик присвистнул и сказал, что даже с его крыльями дня три пути.

— Ладно. Выберем средство передвижения посерьезнее.

Услышав это, Индрик от возмущения чуть из шкуры не выпрыгнул, по его мнению, ничего не могло быть серьезнее летающего коня.

— А Сивка-Бурка? — насмешливо спросила я.

Индрик заржал, глаза его побелели от гнева, ноздри раздулись.

— И что у тебя с этим битюгом? — спросил он, тряся гривой.

— Чисто деловое знакомство.

Овечка, заметив, что Индрик ревнует, привалилась бочком к стене заимки, закатила глазки и масляным голоском промурлыкала:

— Сивка- Бурка.

Имейся у Индрика руки, он бы схватился за сердце. Я, не теряя ни мгновения, свистнула, гикнула и со всех ног припустила к богатырскому коню, пока Индрик гонялся за хохочущей овечкой вокруг заимки. Кузьме, разинувшему рот, стоя на пороге заимки, крикнула:

— Если эта сволочь посмеет меня искать, передайте ему, что я ушла в запой! — надеясь, что хозяин заимки понял, что я имею в виду мага. Сивка-Бурка с интересом покосился на меня, а я стукнула пятками в его бока и повелела: — В Хрустальное Небо.

— Может, сразу в Ирий? — язвительно поинтересовался Сивка-Бурка и еще что-то хотел присовокупить, но тут ревнивый Индрик обратил на него внимание и, злобно замолотив воздух копытами, ринулся на врага.

— Кто это?! — попятился богатырский конь.

— Дядька мой — Индрик. Злится, — объяснила я коню.

Прежде чем единорог успел вцепиться в него зубами, Сивка-Бурка свечой взвился в небо.

— А почему с крыльями-то?! — продолжал удивляться конь, прыгая и оглядываясь назад. — Он же без крыльев был!

— А вы что, знакомы?

— Было дело. Девку у него я увел.

— Ну тогда чаще поглядывай в небо, — посоветовала я.

— Ну почему с крыльями-то?!

— Я что, виновата? Мне что же, этим всю жизнь в глаза тыкать будут? — досадливо проговорила я, а Сивка-Бурка задумался и скакал молча до самого Хрустального Неба.

Место это оказалось словно на самом краю земли. Сначала кончился материк и, словно хлебные крошки, оторванные от него, полетели нам навстречу сказочные зеленые, но совершенно безлюдные острова, на которых, развертывая крылья, обиженно ревели нам вслед странные звери-чудовища. Выпрыгивали из воды крылатые рыбы размером с замок, пытаясь ухватить нас за ноги. А когда кончились самые мелкие островки и ничего не осталось, кроме безмерной глади моря-океана, на горизонте я заметила легкое, полупрозрачное облачко.

— Вот это и есть Хрустальное Небо, — сказал Сивка-Бурка, задумчиво глядя вдаль с отвесной скалы.

— Допрыгнешь? — спросила я.

— Допрыгнуть-то не проблема, — как-то неуверенно ответил Сивка-Бурка. — Главное попасть. Пятачок-то малюсенький, чуть что не так — и привет семье! А я плавать не умею!

— Я тоже! — сообщила я и вцепилась в гриву коня. Совсем не то я разумела под словом «запой», да и тонуть по третьему разу, пусть даже и в соленой воде, это перебор.

И тут деревья вдалеке затрещали и пьяненький голосок хрипловато затянул:

А я пьяный, как свинья,
Нет денег у меня,
Крыши нет над головой,
Я всегда хожу бухой.
Я не знаю о тоске,
По утрам я пью sake,
А потом горланю песню на прибрежном
на песке:

Что я пьяный, как свинья,
Нет денег у меня,
Крыши нет над головой,
Я всегда хожу бухой.
Я не знаю о тоске,
По утрам я пью sake,
А потом горланю песню на прибрежном
на песке...

Певец почти дополз к нам по обрывистому склону, но тут из-под ноги у него вывернулся камень, и он, вскинув руки, кубарем полетел вниз, прямо на золотой песок пляжа.

— Эй! Ты кто? — Я легла на живот и свесила голову со скалы.

Мужик лежал на пляже, не подавая признаков жизни. Был он тощ, грязен и гол. Кожаный передничек на бедрах служил ему, судя по всему, и носовым платком, и обеденной салфеткой, правда, на ветках акации повис, зацепившись, еще и рваный халат, на котором сквозь грязь уныло просвечивало золотое шитье, но тяжело было назвать эту одежду роскошной.

Чувствуя, что плавлюсь под жарким солнцем, я стянула с себя куртку и теплую верхнюю рубашку, а когда мы с Сивкой-Буркой

спустились вниз, сняла и сапожки. Море было удивительно теплым и изумрудно-зеленым. Я забрела в воду по колено, и тут же стая разноцветных рыб накинулась на мои ноги, смешно разевая рты и словно целуя их. Стало щекотно, и я выскочила на берег. Мужик, не открывая глаз и не делая попыток подняться, снова завел песню про пьяную свинью. Сивка только нюхнул его, и коня сразу всего перекорежило.

— Запой на дом заказывали? Ну вот, пожалуйста!

— Уйди, — мужик шлепнул коня по морде, — плод моего больного воображения.

— Это не плод, — вступилась я за оскалившегося Сивку-Бурку, — это богатырский конь.

— А я, — мужику наконец удалось сесть, — С-с-с-но. Принц в изгнании. Очприятно.

— Тебя не с Хрустальных Небес изгнали? — поинтересовалась я.

— Оттуда. — Сно мотнулся всем телом и зарыдал, как это умеют пьяные, без всякого предупреждения. — Сестренка родимая выперла. Говорит, что я с-сопля! Ничего в жизни не сделал.

— А ты? — участливо спросила я.

— А я ей на стол нас-срал, а потом гонял гадину по всему дому, с-сбежала... заперлась.

— Герой, — покачал головой Сивка-Бурка.

— Я — принц С-с-нова. — Королевская особа гордо вскинула голову, но не рассчитала сил и снова завалилась на песок. Вдвоем с Сивкой-Буркой мы с горем пополам сумели приодеть и поднять на ноги изгнанника. Из его слов выходило, что родственники вышибли его из дому, построив на одном из островов хижину, в которую мы его и приволокли, и таскали каждый день ему по бочке саке, чтобы он не донимал их своими стенаниями. А архивного должника принцева папу мне теперь не сыскать вовеки, так как старичок скончался.

— Значит, «Волшебные превращения простой вещи» мне не достать, — вздохнула я, глядя на недоступный летучий остров. Сивка-Бурка тоже не горел желанием прыгать, а принц, задремавший было на плетеной циновке, вдруг подхватился и, шаря мутным взглядом по потолку, признался, что название ему знакомо:

— Щас выпью и вспомню. — И он стал вяло хлопать по бочке, пытаясь таким образом вышибить из нее пробку. Я смилостивилась

над пьяницей, налив ему и нюхнув сама. Не такая уж и гадость оказалось это sake...

— Ты мужик или кто? — требовательно бил копытом Сивка-Бурка, лакая из своей миски.

— Я — мужик, — кивал головой принц, — вот сейчас пойду... — и махал рукой в сторону летучего острова.

— Сдался он тебе! — Я, привалившись к косяку, пыталась затянуть песню про опоросившуюся свинью. — Сдались они все нам!

— Вот именно! — рявкнул, решительно и гордо вскидывая голову, Сивка-Бурка. Как оказалось, в пьяном состоянии он становился совершенно богатырским, готов был крушить и ломать, только свистни, и огорчался, что принц не мог уже ни петь, ни свистеть. Поэтому коню приходилось всячески разжигать его воинственный пыл.

— Сдался тебе этот остров! Садись на меня, поскачем наперегонки с ветром, сразимся с чудищем, завоюем себе царство лучше прежнего!

— Где чудище? — мутные глаза Сновы с трудом видели даже Сивку-Бурку, тем удивительнее было, что он держался и пытался поддерживать разговор.

— Да здесь чудищ как грязи! — распалялся Сивка-Бурка, а я задумалась — не всплакнут ли? Мои излияния о том, какой Велий подлец, решительно ни у кого не находили отклика, и я изливала свои горести золотой рыбке, которую пьяненький принц изловил для меня.

— Ну давай же, решайся уже на что-нибудь! — потребовала я, чувствуя, что уже и сама хочу сражений с чудищем.

— Найдем дракона, — тем временем расписывал Сивка-Бурка, спасем принцессу, завоюем царство...

— А дракона назовем Велием, — предложила я, — и голову ему — вжик!

— Для вас все что угодно, моя королева! — заявил пьяный, грязный, вонючий, но жутко учтивый принц.

Под циновками у него оказался на удивление хлипенький меч и заплечный мешок с нехитрым скарбом. С трудом взгромоздившись на прилегшего на бок Сивку, мы отправились на поиски дракона, поработившего людей и плодородные земли неведомого царства.

Сивка скакал как бог на душу положит, так что мы три раза возвращались к хижине, считая это злобными происками коварного дракона. Даже меня этот восьмиглавый Великий начал злить. В конце концов Сивка-Бурка взъярился, гикнул, крикнул и так скакнул в небо, что поднял нас выше облаков, а когда мы начали падать, я с веселым ужасом услышала богатырский храп богатырского коня.

— Сейчас мы разобьемся! — завизжала я. — А мне еще домой ехать!

— Никогда! — решительно заявил принц и махнул мечом, намереваясь слезть с коня и внизу поймать нас на руки.

Зелень неведомого острова ринулась на нас, словно тигрица из засады, я зажмурилась и припала к шее Сивки-Бурки.

— А потом, мой принц, вы обнажили свой сверкающий меч и отрубили дракону все восемь голов и дернули за все восемь хвостов. — Милая девушка в простом крестьянском платье сидела, держа голову принца на своих коленях, и гладила его отмытые и расчесанные волосы. В отстиранном халате принц выглядел на удивление приятным, хоть и тщедушным человеком. Он стонал, закатывал глаза, но при этом как все мужики требовал, чтобы ему рассказывали о его подвигах.

— Это дракон меня так побил?

— О, — девица закатывала глаза, делая восхищенное лицо, — вы сражались, как герой! В жизни не видела столь яростного мужества!

Сусаноо (оказалось, что его зовут именно так) недоверчиво покосился на меня, и я не устояла перед умоляющим взглядом крестьянки, кивнула, хотя отлично помнила, как он, пьяный, метался по лесу, ударяясь о деревья и мелкие валуны, требуя немедленного боя с чудищем.

Потом мы свалились на голову несчастной семье крестьян, которые сначала приняли меня за демоницу из-за цвета моих волос, а потом страстно били земные поклоны разбушевавшемуся принцу, узнав в нем одного из владельцев Хрустального Неба. Интерес девчонки был понятен — здесь на сто верст никого, но лично мне такой подарочек, как принц, казался сомнительным. Не люблю я пьяниц, к тому же первое, что потребовал очнувшийся герой, было sake.

— Нету sake, — буркнула я, — ты его дракону сплил.

— Зачем?! — искренне удивился небожитель.

— Ну как же, — ступила я на скользкий путь откровенного вранья, — у него восемь голов, а у тебя одна. Надо было уравнивать шансы. Вот ты его и напоил.

Сусаноо задумался на миг, могло ли случиться такое, что он сплил дракону целую бочку sake, но умная девица не дала развиться подозрениям, начав шумно восхищаться тем, что ее принц не только великий воин, но еще и хитроумный стратег.

— А теперь великая богиня судьбы покидает вас, — объявил выползший из кустов Сивка, вид у него был помятый и подрагивали ноги. — Как-то мне не очень хорошо, — признался он. — Давай, пророчествуй что-нибудь по-быстрому и поехали домой, я спать хочу!

Услышав такие речи, принц удивленно выпучил глаза, очевидно, до сих пор он не задумывался о том, кто мы такие, считая Хрустальное Небо центром мира, а земли под ним — безлюдной родиной чудовищ.

— Вот, Сусаноо, — не ударила я в грязь лицом, — отныне направляю я тебя на новый путь: будешь ты легендарным основателем великой империи, богатству и могуществу которой станут завидовать даже боги, а имя твое прославится в веках.

Услышав это, девица так радостно хлопнулась лбом о землю, что я испугалась за ее здоровье, а принцу, судя по глазам, срочно захотелось выпить. Но было поздно, судьба, это такая штука — предрекли — делай!

— И никакого sake, пока империю не построишь! — Вот тут я явно переборщила, поскольку девица, услышав это, чуть не умерла от счастья. Обмякла на руках героя-драконоборца, но это было уже не мое дело. Оседлав похмельного Сивку-Бурку, я отправилась в дорогу, напевая песенку принца и предчувствуя, что скоро в кабаках и трактирах Миренского тракта появится новый песенный хит.

А я пьяная свинья,
Нету денег у меня,
Крыши нет над головой,
Я хожу всегда бухой...

Путь от края земли оказался для похмельного Сивки нелегким, он тонко намекнул, что знает удивительное средство от головной боли и один подходящий для лечения трактир, прямехонько по дороге. Потом он показал мне еще один подходящий трактир, а после пятого я, пьяненькая, благополучно уснула у него на спине.

Последним более-менее связным воспоминанием была попытка уговорить златоградских стражей не мешать моей рыбке плавать в королевском фонтане. Засыпая, я, правда, опасалась, что свалюсь, но Сивка обещал, что доставит меня в лучшем виде, что богатырей, которые с него падали, вообще можно по пальцам пересчитать, и то сверзились исключительно спьяну. Я себя пьяной не чувствовала, поэтому смело доверилась другу, сказала:

— Но, коняшка, — и провалилась в сладкое забытие.

А очнувшись уже на заимке Кузьмы, на голове мокрая тряпка, в которую завернут колотый лед. Рядом сидел Зоря, уважительно придерживая меня за руку. Раздувшийся от гордости Индрик объяснял Кузьме:

— Мы, нечисть — люди слова, сказала — в запой, и на три дня! Я протянула руку, но с моих пересохших губ не сорвалось даже слабого стога. Зоря понял мой жест по-своему, вложив сверток тонкой бумаги, намотанный на деревянную палочку:

— Вот добытая вами книжечка, — ласково сказал он, разматывая свиток, — в целостности и сохранности. Госпожа Горгония даже перевод сделала. Теперь морские узлы как заправская пиратка вязать будете.

— Чего?! — Я попыталась приподняться, смутно вспомнив, что мешок Сусаноо действительно остался привязанным к седлу Сивки-Бурки. Зоря опять по-своему понял мой вопрос, и, набрав в грудь воздуха, начал громко декламировать:

— Название «Волшебные превращения простой вещи».

— Спасибо, хватит, — выдавила я, чувствуя, как от его радостного хрюка что-то хлюпает в голове.

Зоря послушно положил свиток на колени и сочувственно поинтересовался:

— Может, рассолу? Мне с похмелья рассол помогает.

Я грустно показала ручками, сколько мне надо рассола. Таким количеством можно было напоить караван в пустыне, но друзья не

стали жадничать. И где-то к полудню я стала отдаленно походить на человека.

Индрик ревниво выпрашивал, чем мы занимались с Сивкой-Буркой, и я, как могла, уверила его, что его давний обидчик всю дорогу оглядывался и пугливо дрожал. А овечка рассказала мне о робких попытках Аэрона узнать, как у меня обстоят дела, и долгих путаных извинениях Велія, которые он страстно просил мне передать.

— А я ему говорю, она ушла, — расписывала мне в красках овечка, — а он говорит, и куда? А я с царственной небрежностью — с Сивкой-Буркой, в запой! А он, перепугано, — как?! А я ему — насовсем, вернуться не обещала.

— А он? — спросила я.

— Впечатлился, — довольным тоном сообщила овечка. — И все три дня появится в зеркале, посмотрит так грустно, вздохнет.

Распрощавшись с гостеприимным Кузьмой, я решила сегодня во что бы то ни стало дойти до села Верстовое. Дышала бодрящим морозным воздухом и тоже вздыхала, глядя на не перестающее светиться колечко, но ни к ракушке, ни к зеркалу не притрагивалась.

Село Верстовое называлось так неспроста, оно и впрямь растянулось больше чем на версту. Деятельные купцы, которым Засеки были обязаны своей независимостью от князей, в былые времена организовали здесь маленькую крепостцу, от которой до Погоста и Большой Заставы расстояние было одинаково. Гарнизон крепостцы патрулировал тракт, чистя его от разбойников, которых здесь было что блох на шавке. Вокруг крепости очень скоро собралось столько народу, что по сути Верстовое уже могло считаться небольшим городком, и никаких малопосещаемых хуторов вокруг него не было. Верховодили здесь староста, малый воевода, купцы, и даже имелся жрец Хорса. Одним словом, все, как в родимом Веже, с той лишь разницей, что меня не гнали с порога поганой метлой, а встретили как дорогую гостью, хлебом-солью.

Увидев румяный каравай в руках жреца Хорса, Индрик с непривычки начал икать, сильно подозревая, что молодой голубоглазый предстоятель решил пожертвовать собой, но отравить кого-нибудь из Древних. Раскланявшись и расцеловавшись, я выступила с короткой речью, заверив, что как представитель Конклава

магов живота не пожалею, спасая народ и отечество. Зоря завороженно слушал, как я несую ахинею, лицо у него было как у детей, что смотрят балаганных артистов на ярмарке, в результате я запуталась, все скомкала и плюнула, решив, что умные люди меня и так поймут, а перед дураками можно и не распинаться.

На полпути к пиршественному столу малый воевода Руслан Васильевич, бережно попридержав меня за локоток и чуть смущаясь от собственной дерзости, но не в силах побороть любопытство, поинтересовался:

— А правда, что Зорян... э-э... тайный богатырь великокняжеский?

— Сказать по правде, не знаю, — честно призналась я, глядя на раздувшегося от важности Зорю. Когда он дурачком по тракту шастал, его, конечно, приглашали на кухню и к старосте, и к воеводе, но чтобы так, за ручки да на пир, впервые в жизни. Даже не представляю, что будет делать парень, когда все закончится?

Меня усадили на почетное место, ничуть не смутившись тем, что по правую руку от меня с глумливой мордой присел Индрик, а слева взобралась на лавку овечка. Больше того, стоило старосте произнести здравицу в честь прибывших гостей, как Индрик тут же цапнул своей когтистой лапой кубок и принялся кричать ответные здравицы хозяевам, швыряя в рот пироги, цыплят и рыбу.

Отговорившись юным возрастом и тем, что я девица красная, я не стала пить вино, от которого меня воротило, а цедила морс, пока не кончились речи и угощение. Вот тут-то я вспомнила, что имею дело с купцами, оказалось, что весь этот тарарам не просто так, а срочно понадобилась им влиятельная нечисть, которая смогла бы повлиять на разбушевавшегося банника или угомонить его.

— А еще у нас шалить начали, — чуть смущаясь, признался жрец Хорса, — сначала по мелочи, а недавно святые дары украли. — При слове «украли» сидевший рядом Зоря встрепенулся:

— Дорогие дары?

— Бесценные с точки зрения верующих. Ковчег с пером из крыла Хорса.

Индрик сдержался, не заржал, а Зоря был явно разочарован. Воевода вспылил и, врезав кулаком по столу, пожаловался:

— Подпруги порезали, у меня вестовой чуть шею не свернул, с коня упав. Сапоги к полу гвоздями прибили посреди казармы, в супе портянки вымочили. Явно нечисть балует. Знать бы только какая!

— А с банником у вас что? — спросила я.

— С банником — беда. Он у нас из коренных, из первых, едва ль не хозяином всей здешней нечисти считался, только банька его сгнила, и как решили мы ее сносить — озверел. Он и раньше-то был крут, так, бывало, отпарит, что света белого невзвидишь, а теперь к его бане вообще никто подойти не может, на десяти дворах вокруг всех кур попередавил, сарай порушил, люди боятся. Сделайте нам доброе дело, госпожа... гм... магичка. Поговорите со старым чертом, может, он хоть вас послушается.

— И как ты думаешь с ним побеседовать? — спросил Индрик, наблюдая издали за яростно визжащим и выворачивающим заборы черным кабаном.

— Не знаю... — протянула я, выглядывая из-за угла сарая. Овечка уже пробовала разговорить негодующую нечисть, и ее «милейший» и «Не смей трогать даму» испуганным эхом метал ось вдоль улочек села, как и клочья белой шерсти.

Сама миротворица стояла позади Индрика и сыпала проклятиями на голову грубого банника, который вдоволь погонял ее вокруг своей старой баньки.

— Ладно, — махнула я рукой, — возьмем его измором. — Поправила короткую меховую курточку и решительно направилась к черной зверюге.

— Здрасти. — Я остановилась в нескольких шагах от кабана и изобразила самую обаятельную из улыбок. — Погодка сегодня — просто сказка! — и уставилась в маленькие, налитые кровью глазки.

Кабанище удивленно всхрюкнул. Еще бы! За неделю к нему никто и близко не подошел.

— Убью! — Кабан наклонил голову, выставив клыки, и понесся навстречу.

Снег из-под его копыт комьями полетел назад. Я, как кошка, взобралась на уцелевший забор. Забор содрогнулся, доски затрещали.

Я присвистнула, свесившись вниз и разглядывая здоровенную дырищу. Кабан с той стороны пускал пар из ноздрей (или пятака?) и рыл раздвоенным копытом снег.

— Может, поговорим? — с сомнением предложила я ему, выглядывая из-за забора. Кабан упрямо мотнул головой и, подстегивая свою прыть злобным хрюканьем, снова побежал ко мне.

— Опа! — Забор снова затрясся, я улучила момент, когда щетинистая спина хряка промелькнула под ногами, и упала на нее, крепко обхватив конечностями.

Заходя на пятый круг вокруг села, банник выдохся. Остановился, тяжело дыша. Бока кабана широко раздувались и опадали в такт дыханию.

Я, успевшая во время забега по селу прогорланить всю песню про опоросившуюся свинью и при помнившая нехитрый мотивчик пьяного Сусаноо, тоже порядком устала, вернее, меня укачало. Все таки карусели я никогда не любила.

— Слазь. — Кабан вяло дернул спиной. — Поговорим.

Я мешком упала в снег, руки и ноги занемели от напряжения.

Свиная спина — это вам не конская, вся гладкая, круглая и надутая, того и гляди — соскользнешь!

— Поговорим, — согласилась я, глядя из сугроба на темнеющее небо. Кабан досадливо хрюкнул, возмущаясь моим отстраненным видом, и я, кряхтя, встала на четвереньки, уткнувшись лбом прямо в его влажный пятак.

— В бане моей, — предложил кабан и зыркнул узкими глазками по сторонам. Я тоже, не меняя позы, повела глазами на толпу селян, которые с интересом за нами наблюдали. Все село, наверно, собралось после того, как мы завлекающе проскакали по его улочкам. Помнится, вслед нам кричали, улюлюкали и даже пытались мне подпевать.

— В бане так в бане, — легко согласилась я, поднимаясь на ноги и отряхивая снег со штанов и меховой курточки. Кабан, похрюкивая, потрусил впереди меня, махая несерьезным свинячьим хвостом. А я подумала, может, мне за вредную работу начать требовать молоко? Где это видано, чтобы приличные девицы бились с кабанами?

Резиденция банника оказалась ветхой избушкой, вросшей в землю. Оно и понятно, не хоромы же было строить людям, только-только поселившимся в диком лесу. Вокруг бани снег был истоптан и разрыт, но человеческих следов я не заметила. Баня вообще стояла на диком, неумолимо зарастающем пустыре, на который давно никто не

совался из-за дурной славы обитателей. На пороге древней избушки стояла жена банника — обдериха, как насадка прикрывавшая когтистыми ручищами свой выводок. Глаза у нее были навывкате, налитые кровью, а детки-обмылки маленькие и страшненькие, все в маму с папой.

— Проходите, почувствуйте себя как дома! — прошипела она, и мне померещилось, что это вода на каменку раскаленную попала.

Очень мы в приюте любили пугать друг друга обдерихой, потом шагу боялись шагнуть в бане не по правилам, крайне удивляя своим примерным поведением воспитательниц — везде мы шалили, кроме бани. Бывало, наслушаешься ночью про глупую девку, которая позвала в гости живые кости, а потом, спасаясь от них, обдерихе в лапы угодила и ходила после этого по селу ошпаренной лысой зайкой, а назавтра банный день. Как после такого не робеть?

Я поздоровалась и чуть не на четвереньках вползла в черный от времени и гнили предбанник. Как ни удивительно, пахло сыростью, словно недавно баню как следует протопили и устроили в ней помывку.

— Чуешь банный дух? — сразу сунулся ко мне банник уже в образе костлявого старика с длинной нечесаной бородой. — Семь ден назад пришли люди и затопили баньку мою, уж семь лет как не топлennую. Дров не жалели, гниль выгоняли. Мы-то со старухой думали, что так и сгнием вместе со своей хороминой, а тут такое счастье вдруг привалило. Ошалели мы малость от неожиданного счастья да и потеряли бдительность. Сунулись после седьмого пара мыться, а тут все — и обмылочки лежат горкой, и водица слитая в тазиках, и венички попользованные на полках. Славно нам так стало, что и думать обо всем забыли, а как собираться стали, гляжу, а моей шапки-невидимки нету. Сперли, черти. Обвели старого дурня как...

Банник досадливо бухнул кулачком в стену, банька вздрогнула всеми своими древними бревнышками. Я даже присела от испуга, хоть и до этого стояла, согнувшись как старая карга.

— Ясно — кивнула я, — вы не волнуйтесь так. Найдем мы ваше сокровище. Тут семи пядей во лбу быть не нужно. Сегодня к ночи.

И полезла быстренько на свежий воздух, чувствуя, как подозрительный взгляд обдерихи буравит спину.

«Вот ведь, — думала я, — хоть и десятая вода на киселе, а тоже родственники. Нет, в глобальном смысле мы все — дети Всетворца, но соглашаются с этим почему-то лишь злыдни-старички да зубастые тетеньки. А Император Златоградский, например, не соглашается. А жаль, у меня вон и в Яви и в Нави такие связи, что обзавидуешься. Я еще только в Ирий не заглядывала, ну так какие мои годы!»

Так рассуждая, направилась я к дому старосты Верстового, где с нетерпением ждали меня. А добравшись, немедленно велела топить баню на постоялом дворе и согнать туда девиц покрасивей, лучше первых красавиц, сколько смогут вместиться, сластей им приготовить, вина, чтобы от страха и неизвестности не ныли, а веселились и пели. Одним словом, раскомандовалась, как лаквиллский воевода, чувствуя, что хоть и не Велию, но все равно какому-то парню нынче бока намнут.

— Тут все просто, — рассуждала я вполголоса, затаившись в предбаннике. Рядом в дубовой кадке прятался Зоря. Он страстно припал ухом к дырочке в бочке, но, как мне казалось, слушал не столько меня, сколько девичью визготню в парилке. Время от времени распаренные красотки выскакивали в облаках пара в предбанник остудиться, и тогда великан глухо ворчал, страдая оттого, что из дырочки видна только стена. Я показывала ему кулак и шипела как кошка.

Девушки подозрительно косились в наш угол, но меня, прикрытую шторочкой, в полутьме было не разглядеть, а отдернуть ее и рассмотреть, кто возится за их спинами, у селянок смелости не хватало. Достаточно было того, что им вдруг приказали мыться посреди недели, да еще угощали.

— Кроме парней-бестолочей никто на банникову шапку позариться не мог, — продолжала между тем рассуждать я.

— Ну почему, а вор? — сопел в бочке Зоря, надеясь проскрести новую дыру. — С такой шапкой можно о-го-го каких дел натворить.

— Ага, например, ковчег с бесценным пером украсть и в суп стражникам гадить, — хмыкнула я и замерла, прислушиваясь. У двери кто-то ходил.

Порог я как следует натерла мылом и выплеснула таз воды у дверей, а девицам велела не выходить из бани, пока угорать не станут.

Однако долго ждать не пришлось. Парень — это ведь такой зверь, которого в ловушку заманить, что чихнуть. Только намекни ему, где можно на голых девиц полюбоваться, побежит, не обуваясь.

Летом на речке так хоть рубаху не снимай — сопят за каждым кустом. А тут событие — массовый помыв красавиц.

Я напряглась лесной рысью в засаде и вперила жадный взгляд в приоткрывающуюся дверь. Как я и думала, за ней не оказалось никого. Случись кому увидеть, решили б, от ветра. Я приготовилась прыгнуть и, как только злодей в волшебной шапке переступил порог, закричала:

— Лови его!

Невидимка охнул, оскользнулся на мыльной воде и рухнул, сшибая лохани, скамейки, кувшины, ведра. Я прыгнула сверху, как недавно на кабана, и принялась шарить руками, не зная, где у пойманного низ, где верх. Зоря отбросил крышку бочки и кинулся ко мне на помощь. Но тут дверь в парилку распахнулась и его с визгом окатили кипятком. Мне тоже перепало, а пойманный заревел бугаем и, вскочив, вышиб дверь головой, потому что рук поднять не мог я сидела на его плечах цепко, как клещ, и не собиралась падать, отчасти из вредности, отчасти из страха. Потому что злодей оказался черным кудлатым детиной больше Зори размерами. Шапка свалилась, и теперь он летел с воплем по селу, а дети тыкали пальцами нам вслед, крича:

— Смотрите, ведьма на кузнецовом подмастерье катается! Кузнец ведьму возит!

Насладившись заслуженным отдыхом, наутро мы с помпой отправлялись в путь. Дети бежали вслед за Индриком, заполошные бабы пытались их загнать в дом, пряча от моего «дурного глаза», мужики кто кланялся в пояс, а кто осенял себя защитным знаком.

Только показательно поротый подмастерье улыбался нам радостно и искренне, как друзьям. У него в роду всяческих ведьм и нечисти оказалось больше, чем пальцев на руках и ногах. Вот и не удержался — спер шапку, решил попробовать, каково это нечистью быть? Дружков, которые ему помогали баньку топить и шапку воровать, он не выдал и потому теперь стоял, выгнувшись, как натянутый лук, и болезненно морщился, когда натянутые порты прикасались к поротому месту.

Когда начали разбираться, воевода сгоряча ему пригрозил, что будет ему, как вору, руки рубить. Но тут стал судорожно кашлять и делать круглые глаза жрец Хорса, трепетно прижимающий к груди возвращенный ковчег, намекая, что для подобной процедуры необходимо признать нечестивого банника полноценным гражданином села Верстового, а против этого жрец был категорически. Тут уж напустилась на него я, тыкая в глаза паспортом и знаком архона, и так разбушевалась в борьбе за равные права для всех обитателей Змиевых Засек, что староста села клятвенно мне пообещал выстроить потерпевшему баннику новую баню и выдать соответствующий документ на жительство.

— Ну и чего ты этим добилась? Кому ты, кроме банника, лучше сделала? — спросил Индрик. Он вышагивал, бодро потряхивая крыльями. — Ни тебе денежки в кармане, ни тебе спасибо на прощание.

— Ну не совсем же нас с пустыми руками выгнали! — возмутилась я, косясь на Зорю, а «тайный богатырь» покраснел.

Дело в том, что, когда дело дошло до расплаты, староста не нашел ничего лучшего, как набить наши сумки до отказа съестными припасами, справедливо полагая, что золота и прочего добра у нечисти в лесу сотни сундуков зарыты, а вот воевода, полночи ходивший вокруг Зоряна кругами и выпрашивающий, как бы между прочим, а каково там, в столице, под утро не выдержал.

Заявив, что срамно ему видеть, как такой могучий и жутко полезный для родины богатырь ходит в драном тулупе, щедрой рукой распахнул перед ним дверь оружейной, велел не стесняясь брать все, что понравится. Простодушный Зоря понял его буквально и вынес на себе половину воеводиных запасов, прихватил на конюшне кряжистого бурого коня, и теперь они вдвоем шли по тракту, покачиваясь, побряхтывая и позвякивая металлом. Поверх тулупа Зоря натянул панцирную броню с шипами, на голову огромный, словно казан, шолом, руки и ноги тоже облачил в железо, на плече булава, на боку меч, за спиной щит, не дай бог, с утоптанного тракта свернет, придется тогда его из сугроба с быками вытаскивать.

— И как? — поинтересовалась ехидно овечка у натужно лыбящегося детины. — Чувствуешь себя богатырем?

— А то, — просипел Зоря.

— То ли еще будет, — проблеяла овечка, крутя головой. — Раньше ты за одной Вереей бегал, а сейчас начнет тебя швырять по всему свету, сытый ты, выпавшийся — неважно.

— Чего это?! — удивился Зоря.

— А ты не знал? — приподнял бровь Индрик, решив подыграть овечке. — Стоит теперь кому-нибудь, хоть на краю света, кликнуть тебя по имени, и ноги сами понесут.

— Да, — вздохнула я, разглядывая румяный бок яблочка, — жизнь у тайных богатырей тяжелая. — И впилась зубами в мякоть фрукта.

Зоря задеревенел, прислушиваясь, не тянут ли его куда-нибудь ноги, не зовут ли далекие голоса, оступился и ухнул в придорожную канаву, присыпанную снегом. Посмотрев, как он бессильно бьется, пытаюсь выбраться на дорогу, я категорически велела продать половину барахла первому встречному купцу.

— Злые вы и бесчувственные! — рыдал Зоря, не желающий расставаться с милыми кольчужными рукавичками и неподъемными наколенниками. — Я, может, первый раз в жизни себя человеком почувствовал, а вы!

Купец с трудом смог вырвать из его могучих лапищ двуручный меч, но на шипастую палицу богатырь лег пузом, пригрозив, что скорей примерзнет к земле, чем отдаст последнее. Мы сжалились, тем более что грабеж богатыря обернулся для нас звонкой монетой, чему здорово помогла Алия, сначала нещадно хая через зеркальце все отнимаемое у Зори добро, а потом бессовестно его нахваливая при продаже.

Кончилось тем, что купец принялся нас слезно умолять продать ему такое полезное в торговле зеркальце, пришлось врать, что сидящая в нем зеркалица ночами бьет непонравившимся хозяевам морды. Алия для достоверности порычала и построила зверские рожи.

Запихивая добытые деньги в мешок, я с удивлением обнаружила, что позаимствовала у Сусаноо не только книгу, но и его блестящий меч.

— Бронзовый?! — удивилась Алия и умилилась: — Какая прелестная, но совершенно бесполезная вещичка!

Мне меч тоже показался прелестным, его можно было использовать как тросточку и как украшение, при этом он был

настолько тупой, что нечаянно порезаться им было невозможно. Я тут же для проверки потыкала и пошлепала им Зорю. Великан обиженно мычал и отмахивался от меня булавой, как от комара.

Шедшие нам навстречу обозы воспринимали это как борьбу прославленного богатыря с нечистью. Подбадривали Зорю, я и сама втайне надеялась, что до Велия к вечеру дойдут слухи, что богатырь Зорян таки пришиб рыжую на летающем коне. Вдоволь намахавшись воеводиным подарком и получив свою долю денег, бывший вор отмяк и даже развернул карту, планируя, куда нам топать.

— Вот хутор Погорельцы, а вот Гугнево, пройдем через них. А заночевать можно или в Кедровом, или у Афанасия-калачика.

Нам в общем-то уже было безразлично, куда идти, поэтому я повелела:

— К Калачику.

Индрик нырнул под мохнатые лапы елей, и мне пришлось спешиваться. День был не по-зимнему теплым, снег липким, настроение расслабленное, а обилие припасов провоцировало делать привалы каждый час, чем мы и занимались. С великим трудом, лишь к вечеру мы добрались до Погорельцев. Сытые, пьяные, довольные.

Вечером в моем зеркальце возник Аэрон, застенчивый, как дитя, позванное на взрослый пир, чтобы спеть песенку.

— Привет. — Он сделал мне ручкой.

— Ой, кого мы видим» — влезла овечка. — А где же твои дружки? Глазок своих бесстыжих не кажут?

— Ой, да все в делах они, все в делах, — в тон ей отозвался вампирюга. — А у вас как жизнь-здоровьице?

— Вашими молитвами, — буркнула я.

— Ага, стало быть, все еще не в духе? Дуемся?

Я фыркнула и оборвала связь.

Хозяева хутора огнищан-староверцев смотрели на Индрика со священным трепетом. Дети норовили ненароком то перо у него вырвать, то состричь клочок шерсти с овечки. Когда они стали с интересом поглядывать и на меня, я поняла, что пришло время добыть очередную архивную книгу.

— «Густав фон Птиц из Красного города», — прочитала я и, почесав голову, спросила у Индрика: — Где этот Красный город?

Дядя осуждающе уставился на меня и даже головой покачал:

— Чему вас только в Школе учат?

— Красный город — это богатейший квартал в столице. — Зоря вздохнул мечтательно, забыв на миг о том, что, став тайным богатырем, порвал с преступным прошлым.

— А у меня куча шикарных платьев без дела валяется, — сразу вспомнила я. Быстро выпотрошив сумку и обрядившись в лисью шубку, я чмокнула Индрика в нос; — Прости дядя, но крылатый конь в столице будет привлекать ненужное внимание, — и, прежде чем Индрик сообразил, в чем дело, выскочила на улицу, свистнула, гикнула и умчалась прочь на Сивке-Бурке.

В столице, учитывая разницу во времени, была полночь, но люди этого словно не замечали, падая с небес, я с удивлением увидела море огней, а когда мы приземлились посреди широкого бульвара, то услышала еще и смех с песнями. В снежной пыли мы лихо пронеслись по освещенной улице, уворачиваясь от несущихся навстречу упряжек. Немного подпортили гульбище, изрядно напугав толпу на площади, потому как погасили случайно десяток фонарей.

— Вот так тут всегда, — радостно сказал мне Сивка. — Хоть дракон трехглавый с небес упади, не заметят.

Я оглянулась: компания, которую мы пугнули, уже вовсю хохотала, забыв про нас, дамочки хлопали глазками, мужики поиндюшачьи раздувались. Вздумай я их топтать дядей Индриком, то и наутро обо мне бы вспомнили лишь потоптанные. Перейдя на рысь с видом завсегдатая, знатока и ценителя, Сивка решил прокатить меня по столице. И мне пришлось признать, что родной Княжев произвел-таки на меня впечатление. Если сияющие витрины не обманывали меня, то народа богаче северцев в природе не существовало, а Великий Князь мог скупить Мирену, Урлак и Златоград, просто ему девать их некуда было. Здесь все сияло золотом, серебром и драгоценными камнями. Даже самая захудалая лавчонка была отделана красным деревом, самый последний трактир был расписан так, что маэстро Рогацио умер бы от зависти, а храмы пугали своим величием, но даже они терялись на фоне ослепительного кремля.

— Ух ты! — в который раз восхитилась я. Там и здесь кипели балы. Сивка для моего удовольствия время от времени перемахивал через кованые чугунные ограды, чтобы я могла прильнуть к высокому

окну и завистливо полюбоваться зрелищем. В бальных залах было светло как днем, паркет блистал, пары кружились или лихо отплясывали, явно не собираясь завтра с утра трудиться или чесать голову, думая, как достать денежку.

«Да, — подумала я, — воску и масла здесь не жалеют!»

А уж ярмарка с шутихами и фейерверками, с ледяными фигурами в огнях и вовсе заставила с тоской вспомнить о подругах. Вот кого от ночных каруселей с огоньками не оторвать бы было, так это мавку! А жонглеры с огненными булавами? Да Алия не успокоилась бы, пока вся не пообжигалась! А лоточники, а карамельщики, а конфетчики, а мороженщики! Решено! На каникулы едем сюда втроем! И плевать на парней! Здесь новых найдем, вон их тут, как тараканов!

На меня действительно поглядывали, масляно шуря глазки и подкручивая усы, добры молодцы, половина из которых была, по словам Сивки, конокрадами, домушниками и ворами. А я вспоминала Зорю и многозначительно им улыбалась, заклинание Гомункула до сих пор еще работало. Даже мелькнула шальная мысль — привести из столицы с десятков красавцев.

— Да, скучновато здесь. — Сивка покивал головой. — Ну дак будний день он и есть будний, а вот в праздники... — Жеребец закатил глаза. Я поняла, что умру сейчас от зависти к столичным, и, сжав бока Сивки, велела двигаться в Красный город.

Вопреки моим ожиданиям, во всем районе оказалось только одно здание, сложенное из кирпича помидорного цвета. Солидные люди предпочитали обходиться мрамором. Фон Птиц не стал исключением, хоть и показался мне оригиналом, облицевав свой домище диким камнем. Злобные грифоны при входе грозили мне когтями, я состроила им жуткую гримасу, но испугать бронзовых было нелегко. Колотушка на дверях в форме бычьей головы гулко бухнула в гонг.

Надо сказать, что и в Красном веселье лилось рекой, гуляли все, кроме моего должника. Фон Птиц предавался здоровому сну. И мне пришлось изрядно попотеть, прежде чем на отчаянный звон из дверей особняка выглянул заспанный старикан.

— Вы — Густав фон Птиц? — спросила я.

Старик с волшебным светильником в руке с достоинством поправил съезжающий с плеча шитый золотом кафтан, оглядел меня с ног до головы.

— А вы, собственно, по какому вопросу?

Сразу стало ясно, что наглостью тут не возьмешь, здесь наглых пачками видали, но тут мне на помощь пришел Сивка-Бурка, с удовольствием почесывающийся о вытянутую вперед лапу грифона.

— Передай Густаву, что пришло время вернуть старый должок.

А я, чувствуя прилив вдохновения, добавила:

— Грядет расплаты страшный час!

— Зря ты это. — Богатырский конь вздрогнул.

И впрямь — раздался жуткий вой, а между мной и старикашкой выросла стена оранжевого огня, нас швырнуло наземь и понесло, кувырякая, словно сухие листья. Вслед полетели молнии, с сухим треском впивавшиеся в снег вокруг меня.

— Держись! — проорал Сивка, передо мной ничего, кроме его хвоста, не было, но уж в него-то я вцепилась так, что конь хрюкнул, но злого слова мне не сказал, а наподдал во всю свою лошадиную прыть. Так мы и летели в облаке огня и блеске молний. Сивка кричал встречным: — Поберегись!

А я визжала, разбрызгивая пухом снег. Следом неслись, залиvistо лая, собаки и свистели, грозя алебардами, постовые.

Остановились мы только на середине реки, в том месте, где Княжевка начинала задумчиво петлять, словно собираясь повернуть вспять.

— Что это было? — прохрипела я, со слезами глядя на шубейку, покрытую ледяными струпьями. Снег был везде: в сапогах, в волосах, за шиворотом. По дороге Сивка опрокинул два бака с отходами, и теперь от подола воняло рыбой. Богатырский конь задумчиво выкатил губу, глядя на веселящуюся на том берегу столицу, и задумчиво протянул:

— Слыхивал я про одного фон Птица, дак тот был великокняжеским архимагом, но это вряд ли он...

— Почему? — Я шмыгнула носом. — Вон как молнии метал!

— Ай, да обыкновенное заклятие, — отмахнулся Сивка. — Такие в половине знатных домов стоят. А У того фона есть грифоны, которые, даром что из бронзы, оживают и, пока злодея, покусившегося на хозяина, насмерть не заклюют, не отстанут! И нет никакого заклятия ни у мага, ни у нечисти, чтобы их остановить.

И тут мы уставились друг на друга, вспомнив, кому я строила рожи и об кого Сивка чесался. Стоило мне понадеяться, что, может, это не тот дядечка, как с неба послышался гневный клеткот. Сивка без раздумий ухватил меня зубами за шиворот и закинул себе на спину, рявкнув:

— Держись!

Я уцепилась за его шею, а он, с силой оттолкнувшись, взлетел к звездам. Но грифоны, словно дворовые псы, вцепились Сивке в бока, конь закричал, и мы рухнули вниз, я успела заметить внизу великокняжеский кремль:

— Миленький, хотя бы не на палаты падай, — взмолилась я, припав к Сивкиному уху. И зажмурилась, в красках представляя, что мне будет, если хотя бы маленькая золотинка с кремля осыпется. Сивка, из которого грифоны так и норовили вырвать клочок, что-то промычал, и мы проломили крышу надвратной башни.

— Хорошо упали, — всхрипнул Сивка, — терем княжий не порушили. — И завалился на бок, теряя сознание.

— Сивка, Сивка! — зарыдала я, слушая, как грифоны бронзовыми когтями разрывают потолочные балки над головой. — Что же делать то?

— Стражником оденься, — прохрипел конь. — Незаметно выйдешь из кремля и дуй к фон Птицу, пусть он обратно зверюг своих забирает, а то заклюют насмерть.

Тут под одним грифоном перекрытие рухнуло, и он упал вниз, погребая моего верного коня под грудой мусора.

— А-а-а! — заорала я, каким-то чудом вывалившись через дверь на крутую лестницу и кубарем катясь вниз. Не видно было ничего, я даже удивилась, как мы смогли в такой яркой столице отыскать такую беспросветную башню? Стоило мне начать метаться вниз, как я обнаружила на своем пути множество стеклянных стен, которые звенели и грозили разбиться.

— Да что ж это такое? — шипела я, пытаюсь выбраться из этого звенящего лабиринта. — Прямо Гомункулов архив до нашего погрома. — И тут я уперлась в кого-то, пощупала дрожащими пальчиками ткань, привстала на цыпочки и обнаружила шлем, правда, без шишечки, как у Зори, и догадалась, что у охранников Великого Князя форма висит на специальных чучелках, какие я видела у

портного в Веже. Вот и алебардочка имеется в правой руке, нашарила я в темноте оружие. Грифоны надо мной завывали, я услышала, как Сивка заорал:

— Беги, Верей! — и наподдал кому-то копытами, бронзовый звон наполнил разрушенную башню. Обозлившись на злобного архимага, который невинных людей травит бронзовой нежитью, я накинула форму стражника и, забыв всякую осторожность, выскочила на княжий двор.

— Где здесь ворота на Красный город? — рявкнула я первому встречному, мужик закатил глаза и упал, как бревно. Двор княжий был мощен булыжником, и мои каблучки звонко и злобно цокали о камень. Так что стража у ворот увидела меня издалека.

Я, испугавшись, что сейчас они меня схватят и, пока я буду объясняться, Сивку заключают, со всей суровостью, на которую была способна, заявила:

— Кто сейчас с моей дороги не уберется, будет жалеть об этом сильно, но недолго! — и очень удивилась, когда стража прыснула в разные стороны, словно тараканы. Я хмыкнула, поправила капюшон, положила алебарду на плечо и со всех ног помчалась к фон Птицу.

Густав фон Птиц, архимаг и глава Конклава магов, в ту ночь заработался допоздна. В последние дни накопившиеся дела все меньше оставляли ему времени просто посидеть с книгой у камина, разобрать личные документы, поработать с новыми перспективными заклетами, которых собралось уже немало, но все они были в черновиках. Поэтому на внезапный гул гонга он не сразу обратил внимание, услышал и забыл, пока не ворвался его старый друг и управляющий домом Мефодий.

— Ну все, Густав, допрыгался! — заявил с порога управляющий. Нечисть по твою душу явилась, сейчас в клочья рвать будет!

Архимаг с удивлением глянул в окно и не поверил своим глазам, увидев пляску молний, вслед за которыми со своих мест сорвались грифоны и устремились в небо, что само по себе говорило о нешуточности угрозы. Потеребив бороду, архимаг не очень уверенно спросил:

— За что?

— А то не за что? — при щурился управляющий.

Как человек разумный, фон Птиц понимал, что всякого политического деятеля есть за что, но не так же откровенно! Вдвоем они спустились по мраморной лестнице, вышли наружу и, замерев на крыльце, стали прислушиваться к давно уже ставшему привычным столичному шуму. Все было как всегда, ржали кони, смеялись люди, в соседнем доме музыканты лихо вдарили кадрили, вот только со стороны Кремля словно потянуло холодком, стали один за другим гаснуть фонари, тоскливо, как по покойнику, завывали псы, раздался Короткий женский вскрик, а следом визгливый мужской.

Фон Птиц, человек не робкого десятка, собрался с силами, твердо уверенный, что готов дать отпор любой напасти и... Застыл соляным столбом на пороге собственного дома. Решительно и целеустремленно к нему шагала, поигрывая косою, Смерть. Росточку она была невысокого, но очень страшная. Ветер раздувал полы плаща, и он трепетал вокруг нее, словно черные крылья. В безлунной ночи череп сиял особенно ярко, притягивая к себе внимание. Архимаг с ужасом чувствовал, что не в силах оторвать глаз от бездонных глазниц, в которых ему мерещился голодный блеск

— А пузо у ней шерстяное, — шептал побледневший и вцепившийся ему в руку Мефодий. Птиц посмотрел, куда тыкал управляющий, и почувствовал подступившую к горлу дурноту. Он почему-то представлял старуху-скелет в балахоне, но все оказалось еще ужаснее, а более всего наводил страх мерный цокот шагов.

— Густав фон Птиц? — осведомилась Смерть, остановившись перед крыльцом и опершись на косу. Если б не сила, которая исходила от нее, архимаг еще мог бы подумать, что это розыгрыш, но в эту ночь все было очень серьезно, поэтому он только кивнул.

— Вы-то мне и нужны, — заявила Смерть удивительно молодым голосом. — Птичек своих отзовите, — повелела она и махнула косою в направлении княжьего кремля. Архимаг беспрекословно повиновался и хлопнул ладонями. Полюбовавшись, как охранники застывают на своих местах, Смерть удовлетворенно кивнула.

— И еще одно дельце у меня к вам есть. — Она многозначительно замолчала.

— Может, пройдем в дом? — предложил привыкший к дипломатической учтивости, архимаг. — Стоит ли на ветру решать важные дела?

Но Смерть тактично отказалась, сказав, что визит ее будет кратким, дескать, дела. Архимагу стало нехорошо, он понял, что все кончится прямо тут, на грязном крыльце, а Мефодий начал кланяться и пятиться задом, слезливо шепнув:

— Прощай, дружище, в Ирии свидимся.

Архимаг попробовал вспомнить всю свою жизнь, но из-за бурности ее в голову лезли лишь отдельные клочки, а Смерть меж тем погрозила ему пальчиком:

— А вы уж десять лет как должник, не забыли?

— Помню, — обреченно кивнул головой Густав, вспомнив кровавый лед Корфагского озера и озверевших орков.

— Ну так давайте! — Смерть радостно протянула свою костистую длань, облаченную по случаю мороза в какую-то несерьезную, с вышивкой, варежку.

— Что давать? — опешил фон Птиц, замороженный этой варежкой, а более сообразительный Мефодий подхватился:

— Густав, черт старый, ты что-то ей пообещал?

— Не помню, — затряс головой архимаг.

— Что же вы, милейший? — укорила его Смерть. — Тут помню, а тут не помню. Я и обидеться могу. За книжечкой я.

Спустя минуту «Элементы сущности и превращения энергий» с величайшим почтением были переданы в личные Смертевы руки.

— Долгих лет жизни, — ухмыляясь, пожелала она и залихватски свистнула. Дрогнула земля, и в облаке пара появился страховитый конь. Он был бы красив, но кровь запеклась на боках, мешаясь со золото-серебряной шерстью, красные глаза смотрели недобро, весь он покачивался, словно недавно встал из могилы и неуверенно чувствовал с я на земле. Смерть, однако, не придав этому значения, заскочила на спину и, сжав ногами бока, приказала трогать, на прощание помахав косою над головами архимага и управляющего.

Долгое время два друга стояли, задумчиво глядя вслед ускакавшей гостье, пока зябко кутавшийся в кафтан Мефодий не заявил:

— Сколько живу, Густав, столько тебе удивляюсь. Даже Смерти от тебя ничего не надо, кроме атласа анатомии.

Проклятый шлем сыграл со мной злую шутку. То, что Сивка довольно серьезно ранен, я поняла, лишь когда он ни с того ни с сего

стал заваливаться на бок, как Индрик, решивший сделать крутой вираж. В лицо дохнуло жаром пустыни, я припала к шее коня, и ладони мои оскользнулись по крови. Сивку мотануло, словно пьяного, когда он оттолкнулся от незнакомой горы. Я успела заглянуть в бездонную пропасть под нашими ногами, и тут нас понесло спиной вперед, мы даже кувыркнулись в прыжке. Сивка лишь успел прохрипеть мне:

— Держись!

И мы ухнули вниз, подмяв под себя ели, какие-то кусты и пробив тоннель в сугробе.

— Госпожа, госпожа! — услышала я как сквозь вату. И, извинившись перед Сивкой-Буркой, использовала его, как трамплин. Прыгнула животом на снег и начала бешено молотить руками, как пловчиха, выгребаящая против течения.

Двое лесорубов, видевших мое падение, устремились мне на помощь, но, забредя в снег по пояс, вдруг повели себя в точности как столичная стража, то есть, ни слова не говоря, развернулись и бросились наутек. Их мохнатая лошадь обиженно взвизгнула, когда ее вытянули кнутом, но подчинилась.

— Вот гадство! — Я ударила кулаком по снегу, сползая обратно в нашу нору. — Сивка! Сивка! — Ухватив коня за уши, я пыталась заглянуть ему в глаза. — Не умирай! Здесь люди есть, я помощь позову. Сивка приоткрыл один мутный глаз и судорожно забился, словно смерть увидел, потом замер и прохрипел:

— Ну тебя, Веря, так и со страху умереть можно!

— Что, сильно грязная, да? — Я сняла шлем, увидела, что держу в руках, и, визжа, швырнула черепом в Сивку. Сивка тут же лягнул его обратно, и череп упал мне на колени инвентарным номером кверху. После цифр и букв скучным канцелярским почерком было написано «Маска смерти» и в скобочках — «кунсткамера Великого Князя».

— Ну это многое объясняет, — сказал Сивка. — У этой кунсткамеры было довольно забавное начало.

Прапрадед нынешнего Князя — Вадслав Янович увидел в одной деревне двухголового теленка и попросил своего алхимика замариновать его на память. А через год поймал на воровстве своего канцлера и решил, что моральные уроды ничуть не хуже. Говорят, что в его правление казнокрадства совсем не водилось.

Я поспешно закидала череп снегом, надеюсь, что это была не голова канцлера.

— Эй, есть кто живой? — услышала я снаружи крик и снова забарахталась в снегу. На этот раз снаружи были уже не лесорубы. По сердцу больно царапнуло — не любила я княжьих сынков, а этот, на белом коне, в шитой золотом епанче явно был княжич со сворой.

— Кто такие? — властно гаркнул он, а его люди, соскочив с коней, полезли к нам. Я вмиг была выдернута из сугроба, а перед Сивкой-Буркой они сробели. Княжич едва скользнул по мне безразличным взглядом, как меня разобрала злоба. Я содрала с себя потерявшую всякий вид шубу и процедила сквозь зубы:

— Благодарю за помощь, но было бы учтивей, если бы вы слезли со своего скакуна. Перед вами дама.

Надо отдать ему должное, с коня он слетел раньше, чем в вихре снега к нам выметнулся окровавленный и шатающийся, но все равно величественный Сивка-Бурка.

— Госпожа, я — принц Рокмир, наш Замок Теней будет рад принять столь очаровательную и благородную гостью. — И он припал губами к моей ручке. Не знаю, что меня больше поразило — его неслыханная учтивость или то, что моя сила рванула к нему, словно застоявшийся конь. Мы оба отскочили друг от друга, причем он так искренне и витиевато извинился, что я не успела испугаться как следует.

— Сударыня, поверьте, я не имел в виду ничего плохого, — сказал он, хлопая бирюзовыми, прямо как у меня, глазами.

— Поверьте, я умею защищаться от магов, — поспешила я успокоить его, приплясывая на месте. Платье на мне было, несомненно, роскошное, но жутко холодное на зимнем ветру. Увидев, как у меня краснеет нос и синеют губы, он спохватился, содрал с одного из своих людей тулупчик и, накидывая мне его на плечи, робко поинтересовался:

— Надеюсь, вы не откажетесь быть моей гостьей?

— Куда же я денусь? — буркнула я.

Мы отправились пешей процессией к серому замку, маячившему далеко на горе, так как садиться к кому-либо я отказалась. Я переживала за Сивку, но конь, показав глазами, что все не так уж страшно, просто его шатает от потери крови, деликатно наступил мне

на ногу, когда я попыталась с ним заговорить. Я сразу захлопнула рот, он старший, ему видней. К тому же все сказки Аэрона, как правило, начинались с того, как красавец-волшебник заманивал наивных дурочек в свой замок. А кончались они одинаково — все умирали в страшных муках, я имею в виду красавиц.

Очень не хотелось, чтобы Рокмир оказался главным героем одной из этих сказочек, тем более что молодой человек был не так уж и гадок для княжича или принца. У него была смешная привычка все время сдувать падающую на глаза смоляную прядь и краснеть, что говорило о неиспорченности натуры. В сочетании с решительной властностью и царской осанкой это делало его очень романтичным.

— Вы живете один? — потихоньку выводывала я.

— О нет! — Он засмеялся. — Иногда наш замок называют волчьей норой. За этими стенами ютится целый выводок принцев и принцесс, включая моих матушку и отца.

— Ты единственный маг в Замке Теней? — поинтересовалась я на всякий случай. Принц потупился, но, к его чести, врать не стал: — Видишь ли, Замок Теней выстроил мой отец, когда у него возник конфликт с Конклавом магов.

У меня чуть ножки не подкосились. Только второго Лонгина мне не хватало! Взглянув на мое лицо, Рокмир поспешно замахал руками:

— Отца нет дома. Но даже если б он и был, я уверяю, вам бы ничего не грозило в Замке Теней.

— Будем надеяться, — вздохнула я, и Сивка-Бурка повторил мой вздох.

Заиграли трубы, я удивленно задрала голову, рассматривая трубачей в красных кафтанах. Навстречу нам вывалила толпа, удивив меня как своей многочисленностью, так и радостными криками, словно Рокмир не на час уехал, а отсутствовал по крайней мере год.

— К сожалению, у нас здесь так заведено, — развел руками принц. — Матушка держит дворню в строгости.

Сама матушка не замедлила выйти навстречу своему сыну, и я мысленно присвистнула. Никогда я не видела такой жгучей красоты, Но, с другой стороны, именно так я и представляла себе настоящую ведьму. Черноглазая и черноволосая, она была высока и по-змеиному гибка. Алые губы сложились в жутко милую улыбочку, больше

жуткую, чем милую. Она влюбленным взглядом скользнула по сыну и впиалась глазами в меня, словно гвоздь мне в лоб вколотила.

— Познакомьтесь, это моя матушка, королева Лилит.

— Очень приятно, — солгала я, а королева молча показала мне все тридцать два зуба и повела рукой в сторону замка: — Прошу.

Я оглянулась, желая получить совет у Сивки-Бурки, и с удивлением обнаружила, что его едва не на руках несут в конюшню.

— Эй! — попробовала я возмутиться, увидев, какими масляно влюбленными глазками мужики таращатся на моего коня, но тут на меня саму, словно мухи на патоку, налетели служанки королевы и зажужжали:

— Вы так устали, грязны, разрешите вас проводить. — Они так уговаривали, что меня прямо укачивать начало с непривычки. Я и глазом моргнуть не успела, как оказалась заперта в комнату, раздета и усажена в бочку с горячей водой, а служанки все вились вокруг и не замолкали ни на секунду. При этом они так споро и слаженно гладили, чесали и умащивали меня, что я почувствовала себя куклой, попавшей в руки увлеченных игрой детей. В какое-то мгновение я была вынута из воды, высушена, причесана, одета, на помажена, набелена, надушена. И, когда посмотрелась в зеркало, завизжала от ужаса:

— Это не я!

— Это вы, — ласково успокоила меня главная служанка, цепляя к подарку королевы — жемчужно-голубому платью — кружевной воротничок. В общем, я никогда не завтракала с такой торжественностью.

Рокмир, как гостеприимный хозяин этого дома, встретил меня на пороге, подал руку и проводил в столовую, извиняясь по дороге, что не может принять столь очаровательную гостью как положено: в пиршественном зале, с изысканными яствами и прочей чепухой.

Столовая Замка Теней оказалась весьма скромной, чуть-чуть побольше актового зала Школы Архона. За лесом колонн я не смогла разглядеть стен, а потолком столовой служил стеклянный расписной купол. Мягкий солнечный свет падал косыми лучами, и создавалось полное впечатление, что ты гуляешь в зачарованном эльфийском лесу. Резчики по камню постарались, чтобы арки казались ветвями деревьев, а цветы на колоннах живыми, словно качающимися под ветром.

Музыканты на хорах вели незатейливую мелодию, которая эхом гуляла по залу, то удаляясь, то неожиданно приближаясь.

— А у вас здесь довольно мило, — призналась я, усаживаясь за длинный, как торговая баржа, стол и такой же изобильный. Если б я попробовала каждого лакомства по чуть-чуть, то, наверно, умерла бы от переедания. Королева Лилит улыбнулась мне, возразив своим грудным голосом:

— Прошу прощения за скромность стола. Завтракаем мы обычно без изысков.

Все чада королевы, включая Рокмира, заулыбались и закивали.

— Разрешите представить вам мою семью, — улыбаясь, проговорил принц. Он лишь сделал вид, что присаживается за стол, тут же встал, отобрал у слуги блюдо и, проявляя верх галантности, начал лично ухаживать за мной.

— Вот эта черноглазая хохотушка с зубами как у кролика — моя сестра Флора.

Сестра Рокмира возмутилась и швырнула в него накрахмаленную салфетку, от которой он с улыбкой увернулся. Зубки у двенадцатилетней принцессы были один к одному, как жемчужинки. Младшему брату принцу — Туру, было девять, а Магни и вовсе шесть. Но вели они себя так, словно были родственниками Сиятельного. Во всяком случае, самый младший ловко орудовал ножом и вилкой, нарезая блины с мармеладом на микроскопические кусочки, я даже позавидовала.

— Рокмир, ты совсем не даешь нашей гостье позавтракать, — укорила со своего конца стола королева Лилит и, встав, хлопнула в ладоши. К моему удивлению, молодые отпрыски, стоило матери подняться, тоже бросили еду и повскакивали со своих мест, демонстрируя даме уважение. Я о таком только в книжках читала, а королева даже кивком детей не удостоила, взяла из рук слуги изящный золотой кувшинчик, гордо прошествовала ко мне и с улыбкой наполнила один из бокалов кроваво-красным содержимым кувшина.

— Я вижу, вы совсем не пьете вино, и это похвально для столь юной девы. Вот сок граната. Попробуйте. Вам понравится.

Принц вытаращил глаза на свою матушку и с криком:

— Разрешите, я подам! — сунулся к бокалу так поспешно, что опрокинул его и разлил все содержимое на скатерть. К чести королевы,

она не отвесила подзатыльник сыну и не накричала, а, прикрыв глаза на секундочку, мягко его упрекнула:

— Ну какой же ты неаккуратный. — Взяв другой бокал, она наполнила его. Рокмир тут же подхватился и, желая искупить свой недавний промах, с улыбкой потянулся к новому бокалу.

Широкий кружевной манжет тут же шлепнулся в сок, одна петелька кружева зацепилась за изумрудный камень, украшающий бокал, и, стоило ему отдернуть руку, как все содержимое вылилось на пол.

— Не судьба! — радостно подвела я итог. — Напьюсь в другой раз.

Королевские детки тихо хихикали, глядя, как кормление гостя превращается в балаган. Слуги вокруг стояли с бесстрастной миной, и только королева-мать закаменела фарфоровым личиком, хмуро глядя на неуклюжего отпрыска.

— Рокмир, ты ведешь себя недостойно, — с едва ощутимой угрозой отчитала она сына. В ответ на что принц, твердо глядя в глаза матушки, возразил:

— Сожалею, что не дал вам, мама, напоить гостью именно ГРАНАТОВЫМ соком. Но я могу сходить за любым другим, если вы пожелаете.

В ответ на это королева не менее твердо посмотрела в глаза сыну и проговорила:

— Пока я хозяйка этого дома, мне и решать, каким соком поить гостей.

Мне стало интересно.

— Вы так спорите из-за этого сока, словно чем-то другим я могу попросту отравиться, — заметила я.

Мама и сын с задумчивой серьезностью посмотрели на меня, пока королева Лилит не пояснила:

— В своем замке мы привыкли давать гостям только лучшее. — И, повернувшись к сыну, непререкаемым тоном произнесла: — Тебе следует быть аккуратней. Надеюсь, второй кувшин ты не разольешь по дороге сюда.

— Можете быть спокойны, матушка. — Рокмир отвесил поклон и, развернувшись, пошел, чеканя шаг.

Я только диву давалась, думая про себя: «Ну и штучка эта Лилит. Не хотела бы я такую свекровь — живьем съест». Завтрак продолжился. Флора интересовалась, как там поживает большой мир, а я пыталась выведать, как называется королевство, в которое я угодила. Оказалось, никак, дальше стен замка королевство не распространялось и даже за право рубить дрова и охотиться в ближайшем лесу приходилось серьезно биться с окрестной нечистью.

— Как вы не боитесь жить в этих диких краях?! — ужаснулась я.

— Мой супруг, — гордо вздернув подбородок, сказала королева Лилит, — один из величайших магов этого мира, и единственная причина, по которой мы терпим соседство навьих тварей, это та легкость, с какой он подчиняет их себе в дни опасности, собирая из них дружину.

«Ух ты, — подумала я, — надо быстро делать ноги, пока хозяин не вернулся!» Тут появился Рокмир, чопорный и бесстрастный, как княжий стольник, подошел ко мне, с поклоном наполнил кубок и протянул. Я улыбнулась и отпила, чтобы сделать приятное маме принца. Лилит победно оскалилась, заставив меня все-таки усомниться, что все в порядке с этим соком, но тут комната вокруг меня крутнулась, принц подхватил меня на руки, последнее, что я услышала, — его взволнованный голос:

— Ах, кажется, нашей гостье стало плохо.

Я вынырнула из небытия с криком отчаяния. Не помню, что мне снилось, но это было что-то ужасное. Однако стоило открыть глаза, как крик умер не родившись. Меня окружали ребра, кости, позвонки... Было такое чувство, что меня сожрало чудовище. Я подскочила. Подо мной была кровать — небольшая, но со всеми удобствами: пуховая перинка, пуховая подушка, шитое золотом покрывальце, дорогуший миренский ковер на полу, около кровати столик с зеркалом, наполненный всяческими коробочками и пузырьками, от которых пахло дорогой парфюмерией. (Лейя позеленела бы от зависти.)

— Эй! — осторожно вякнула я, еще не понимая, что произошло, но уже подозревая, что меня опоили и затевают недоброе. — Есть тут кто живой? — Живых не было, стены из костей не отражали эха. — Эй, — не унималась я, — я сейчас разозлюсь и все здесь разнесу. — Моим угрозам не вняли. Тогда я закатала рукава, но из самых

миролюбивых намерений все-таки предупредила: — Пеняйте на себя, начинаю разносить. — Зажмурила глаза и изо всех сил захотела, чтобы стены для начала потряслись. Акция устрашения не получилась, нет, кровать зеркало задрожали, но вот стены плевали на мои желания. — Так, — уже всерьез обозлилась я, — а вы в курсе, что это не первый замок, который я с лица земли стираю? — спросила я и так ярко представила себе, как стены вокруг меня разлетаются щепочками, что в порыве забыла прикрыть голову руками. Дерево, стекло, ткань, все, что было в комнате, в единый миг было сметено неслыханной силы ураганом, изодрано, исковеркано и стерто в мельчайший порошок. — Уй! — завизжала я, пытаюсь закрыть лицо, чудом в последнюю секунду выставив щит. Теперь все это кружилось вокруг меня, дыхание перехватывало от невероятной смеси духов, в воздухе плавали цветные нити, и только костяные стены остались равнодушны к моему гневу. — Вот вы как? — кашляя и чихая, возмутилась я. — Ну тогда держитесь, щас вам мало не покажется. — И, набрав полную грудь воздуха, заорала во все горло: — Анчутка!

Часа через три я сидела злая и охрипшая, как столетняя ворона. Никто на мой зов не явился, в окружающем меня беспорядке я с трудом смогла расчистить себе пятачок, в центре которого и сидела, ожидая, что будет дальше. В голове бродили всякие жуткие мысли, самая страшная из которых была та, что меня здесь замуровали и никто не явится, пока я не иссохну до скелета. Мыслишка была гадкая, я всячески ее от себя отгоняла и даже обрадовалась, когда услышала шорох, словно из стены вытащили пробку.

— Кому тут делать нечего?! — сипло поинтересовалась я.

— Это я, принц Рокмир, — услышала я страстный шепот.

— Ну и чего тебе надо, гаденыш? — ласково поинтересовалась я.

Принц обиженно засопел:

— Отчего же сразу гаденыш? — обиделся он. — Я вас от смерти спас. Между прочим, матушка вас вообще отравить хотела.

— Ой, какая приятная семейка! — всплеснула я руками. — Сейчас еще папашка явится, начнет меня в дружину собирать.

— В каком смысле?! — не понял принц. — Ах да, я в ваших вещах архон видел... Это чей?

— На дороге нашла, — буркнула я. — Слышь, спаситель, ты когда меня из замка выводить будешь? На дворе-то уже поди ночь, матушка

уснула, не заметит.

Принц закашлялся, словно мухой подавился, а я сразу поняла, что благородство не самая его сильная черта. Сейчас начнет всякие гадости предлагать. Правильно я не люблю княжьих сынков — все они гады, как один. Скрепя сердце я предложила:

— Ладно, давай выкладывай свои требования.

— Какие требования? — вроде бы даже удивился подлый Рокмир.

— Ну не просто ж так ты меня в этом склепе маринуешь.

— Это не склеп, — сообщил принц. — Это комната для содержания магических созданий, сложенная из костей хтонического чудища. Ее мой папа специально спроектировал.

— Слушай, — рявкнула я, — давай ты мне лекцию позже прочитаешь, когда я приеду на руины вашего замка посмотреть, или ты хочешь сказать, что я так запала тебе в душу, что ты посадил меня тут, как в зверинце, и будешь приходить, чтобы полюбоваться?

Принц замолчал под напором моих обвинений, а потом растерянно признался, что как-то по-другому представлял себе наш разговор.

— Вы поймите, я же вам ничего дурного не предлагаю, просто там, в лесу, когда я почувствовал вашу неиссякаемую мощь...

— У-у-у! — завывала я по-волчьи. — Ненавижу магов, нет у вас ничего святого! Всяк норовит над бедной девушкой надругаться, воспользоваться ею. — После этого взрыва я захлопнула рот, огладила на себе платье и великодушно согласилась на все его предложения.

— Ладно, заходи, пользуйся, пока я добрая.

Принц за стенкой чуть не задохнулся от счастья, но головы, к сожалению, не потерял, заявив, что не может прямо сейчас открыть дверь в мою темницу, но желает в залог нашего сотрудничества получить малую толику моей силы, и я увидела, как из стены ползет его рука.

— Если для вас это, конечно, не составит труда, — слащавым голосом проговорил он, а я подумала: и как он мог мне понравиться хотя бы на короткое мгновение?

— Не составит, не составит, — пробурчала я и, распинывая щепки, в которые превратилась моя шикарная кровать, подошла к стене и изо всех сил уцепилась в протянутую мне руку, воображая себя морем-океаном, как я это проделала с Велием.

Сила принца Рокмира хлынула в меня потоком, да таким, что негодяй взвизгнул, а я злодейски захохотала, припомнив Маргобана, но принц все испортил, дернулся так сильно, что я не смогла удержать его руку. За стеной послышался шум падения, я радостно осведомилась:

— Эй, есть кто живой?

Мне никто не ответил. Я страстно припала к дырке, увидела тускло освещенное факелом подземелье, ряд клеток и верстак, похожий на кузнечный, с всякими щипчиками, крючками, коловоротами и кандалами. Недолго думая я высунула туда руку и проделала все свои утренние упражнения с землетрясениями, поджогами, погромами и метаниями молний. Проклятая костяная клетка не давала мне развернуться, но верстак и часть коридора разнесло в пух и прах, а потом я прочитала медленно приходящему в себя принцу лекцию о настоящем рыцарском поведении, что положено и чего не положено делать принцам, больше всего бесясь из-за того, что не вижу Рокмира и мне приходится стрелять молниями наугад. В полубреду он все-таки сообразил, что я могу либо заглянуть в дыру одним глазом, либо высунуть руку, и начал отползать в сторону. Я рычала тигрицей и требовала, чтобы он хоть сейчас был мужчиной и не смел ползать при даме, сыпя во все стороны ливнями огненных шаров. Иногда нас прерывали слуги, прибежавшие на шум побоища, их я бесцеремонно задуливаяла обратно в коридор. До тех пор, пока не появилась хозяйка замка.

— Ага! — весело воскликнула я, завидев Лилит. И тут же, высунув руку, пожелала дождь из лягушек и жаб, однако ожидаемого визга не услышала, сквозь кваканье прорезался взбешенный голос королевы:

— Это все, что ты можешь, мерзавка? Мне не страшно твое колдовство, я сама ведьма.

Я с удивлением вырвала из дыры руку, чтобы посмотреть на не поддающуюся моим чарам ведьму, и, взвизгнув, отскочила от стены, поскольку Лилит, подобрав валяющийся на полу прут, попробовала выткнуть мне глаз. Я ухватилась за железяку, и мы, сопя, стали бороться. Королева была сильнее, но зато я смогла сделать так, чтобы прут укусил ее за палец. Лилит разразилась площадной бранью, а я, не мешкая, обрушила на нее потоки огня, льда, камней и молний, которые, к моему удивлению, не причинили ей никакого вреда. Когда я

снова припала к дыре, то поняла почему — на ней гроздьями висели амулеты. Я захохотала:

— Ой, не могу!

Лилит потрясенно замерла.

— Ведьма, говоришь? Да ты только за счет своих цацек и держишься! Если бы не они, давно бы уже лягухой квакала рядом со своим сынком! — И я мстительно пульнула в сторону Рокмира, затаившегося за клетками.

— Не смей! — завизжала королева и стукнула железякой по стене, я еле успела отдернуть руку. Так мы и шипели друг на друга, как две гадюки, пока не подал голос принц. Вот тут уж королева совсем потеряла голову, разверещавшись, как базарная торговка, забыв обо всех приличиях. Принц был оскорблен, унижен, смешан с грязью, побит и бесцеремонно вытолкан из подвала, несмотря на все мои усилия помешать. После чего Лилит пообещала, что я в своей клетке с голоду помру, и погасила единственный факел. Хотя зачем, если стены моей темницы сами светились?

Оставшись в одиночестве, я поняла, что утомилась, а также то, что ближайшие три-четыре дня мне будет очень нелегко, потом станет легче. Через четыре дня, по словам Велия, люди умирают от жажды, отправляясь в светлый Ирий.

Протянула я, однако, намного дольше. Не сказать, что время летело стрелой, я поняла, насколько каторжанам, добывающим камень в карьерах, веселее, чем одиночному заключенному. Основных занятий, чтобы убить время, у меня было три. Первое — это долбить костяную стену при помощи инструментов, добытых через дырку из разгромленного подземелья. К сожалению, это были в основном палки и крючки, ни один из молотков в эту дыру не пролез, я скребла и царапала ненавистные стены, но толку было чуть.

Утомившись, я предавалась второму развлечению — сочиняла срамные частушки о Лилит, которые исполняла с чувством и до хрипоты. Третьим развлечением был принц, который бледной тенью время от времени появлялся на пороге каземата и начинал меня увещевать, кружа вокруг моего узилища, как собака вокруг кости. Я каждый раз боролась с собой, чтобы не прибить негодяя насмерть, и он, видимо чувствуя мою неприязнь, принимал всяческие меры

предосторожности. Увешался гроздьями амулетов, а главное — не появлялся на пороге без подарков. При нем всегда был бурдючок с водой и что-нибудь съестное.

Голода как такового я не испытывала, а вот жажда меня мучила по-настоящему. Еще живя в Мирене, я слышала жуткие истории про то как в пустыне умирают люди, и теперь чувствовала себя караванщиком. От принца я и узнала грустную историю семьи.

— В общем, так, — начал он, стоя за стеной. — Через год после того как я родился, мой отец отправился на север и там встретил девушку из простых, не нашего круга. Даже решил забросить все и остаться с ней. Матушка тогда сильно разозлилась. — Принц тяжело вздохнул, а я молчала, не понимая, к чему он клонит. — Она наняла наемных убийц.

— И неудивительно, — хмыкнула я, — такая-то гадюка.

— Она не гадюка, — возразил принц, — просто очень любит отца и иногда ее заносит. — Он вернулся к своей истории: — Эта женщина родила от отца девочку, которую отдали на воспитание тетке, и ребенок жил у нее до трех лет, пока атаман разбойников не решил, что может еще и на этом разжиться. Естественно, сказал об этом матушке и получил новый заказ.

— Как у вас все естественно, — съязвила я, припадая к шлангчику, воткнутому в стену. — Пришла в дом гостя, естественно, ее надо отравить! А как же иначе?

— Да нет же! — досадливо крикнул Рокмир. — Никто бы тебя не стал травить, если бы ты не была так на свою матушку похожа.

— Послушай, принц, какая разница, на кого я похожа?! Твоей-то матери что за дело?!

Рокмир, досадуя на мою недогадливость, стукнул по стене.

— Я же тебе объясняю — отец хотел от нас уйти...

— К крестьянке, — подхватила я.

— К твоей матери, на которую ты очень похожа! — рявкнул Рокмир. — И так все разжевал, куда уж больше?

Я подавилась бутербродом, закашлялась.

— А ты ничего не путаешь? Может, твоя матушка всех девиц без разбору травит? — И тут меня осенило: — А-а, я поняла, это новый способ уговаривания! Дескать, семейное предприятие «Отец, сын и дочь». Какой нас будет девиз? Поделим весь мир поровну?

— При чем тут это? — скривился незванный братик и начал запихивать мне в темницу золотую безделушку. — Это портрет твоей матери, который разбойнику давали.

Я вытерла руки о платье и раскрыла золотой медальон. С эмали на меня смотрела я. Только глаза были серые и прическа строже. Кулон не выглядел подделкой, но я на всякий случай еще решила пошутить:

— Пусть матушка за второе убийство требует деньги назад. Ее явно надули.

— Уже требовала. Вся банда второй день в замке, клянутся, что ты в речке утопла.

У меня и ножки подкосились.

— Утопла, — согласилась я и, привалившись к стене, посоветовала принцу топать отсюда побыстрее, пока я не стала братоубийцей.

— А как же?... — начал он робко.

— Вали отсюда! — рывкнула я и, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, бессильно шмякнула по стене. — Вот ведь гадство!

Первый приступ беспокойства случился у Велия, когда Верелея в очередной раз куда-то там поскакала. Они с Аэроном сидели на очередном мертвом хуторке, которые на старом промысловом тракте стали встречаться все чаще. Вампир уже раскочегарил печь, заварил чай и пообещал пожарить мясо на углях, как вдруг задумчиво повел головой из стороны в сторону, как прислушивающаяся собака, и уверенно заявил:

— Все, поскакала поскакунья твоя.

— Куда? — хмуро вздохнул Велий.

— Откуда ж я знаю? Вон зеркало, спроси, — буркнул Аэрон и зверски навис с ножом над куском мяса. Поужинав, легли спать.

Ночь была беззвучной, холодной и глухой, даже волки не выли, чувствуя близкое присутствие моровой девы. Наутро проснулись оба с больной головой. Давно не топленная печь нагнала в избу угара, во рту было кисло, на душе — погано. С трудом заглотив холодный чай, друзья отправились в дорогу. По примеру Вереи все группы теперь пользовались подробными картами, составленными местными старожилами, вот только на промысловом тракте больших сел не было.

Приходилось идти наугад, кидаясь из стороны в сторону, как медведь-шатун.

Бедные кони, которых большую часть времени заставляли бежать по целине, вынуждая грудью пробивать в снегу тропы, истощали. И хотя их старались кормить везде, где возможно, отборным овсом, радостными животные не выглядели. Похлопав своего каурого по шее, вампир решительно сказал:

— Доберемся до купеческого подворья и поменяем.

— Третий раз уж, — пробубнил Велий, — сколько можно?

Но вампир был непреклонен:

— Нечего из животных жилы тянуть, это тебе не люди. Ты чего такой смурной?

— Голова трещит, сил нет. И знобит чего-то.

— Угорел, — кивнул головой вампир и вдруг встал в стременах, напрягшись, как струна. — Слышишь?

Вдалеке выла, захлебываясь тоской, собака.

— Вот леший! — выругался Велий и погнал коня. Пробившись по глубокому снегу к хутору, они едва не загнали коней, но все равно опоздали. Живых там уже не было. И даже кобель, который их позвал, уже валялся издохшим.

— Да что ж это такое! — Аэрон обежал по кругу мертвый хутор и замер перед прогалом в елях.

— Смотри!

На снегу, едва заметный, отпечатался след босой ноги, словно кто-то невесомый летел над землей. Друзья посмотрели в том направлении. Если верить карте — там была пустота, белое пятно, ничто.

— Это моровой девы след? — неуверенно спросил Аэрон, Велий покачал головой:

— Дева следов не оставляет. Это след ведьмы, которая ее позвала.

— Зачем вы, люди, это вообще делаете?

— Откуда ж я знаю? — пожал плечами маг. — Это о нечисти можно говорить что-то определенное, а человеческая душа — потемки. Может, ее обидел кто в детстве, а может, с самого рождения такой тварью была. — Быстро черкнув на колене послание в Конклав, Велий подождал, пока пепел от вспыхнувшего донесения осядет на снег,

хмыкнул, глядя через плечо на получившуюся серую стрелку, которая уверенно указывала вслед ведьме.

— Ох, бедные коняшки, — посочувствовал Аэрон своему каурому, однако заупрямиться не дал, твердой рукой направив в погоню за моровой девой.

Погоня получилась мучительно медленной; там, где сумасшедшая ведьма просто летела, то ныряя под деревья, то перепрыгивая через них, им в буквальном смысле приходилось пробивать дорогу, да еще время от времени рыская из стороны в сторону в поисках потерянного следа. Аэрон клял зиму, из-за которой он не может развернуть крылья и полететь.

К вечеру, измученные и сами полумертвые, они добрались до охотничьей избышки, на пороге которой в одной рубашке сидела ведьма, расчесывая костяным гребнем длинные черные волосы. Велий выругался так грязно, как только умел. Человеческого в ведьме осталась разве что оболочка. Голубая кожа казалась полупрозрачной, глаза отражали блеск звезд, меж пальцев струился мертвенный синий свет.

Тяжело спрыгнув с коня, маг вынул свою саблю, исписанную рунами и заклят ми, и, тяжело вздохнув, покачал головой.

— Как же я в с, гадин, ненавижу. И чего ты добилась всем этим? — Он широко развел руки, словно пытаясь обнять мир, а ведьма тонко улыбнулась, проворковала:

— Я стала деве сестрой названной, я жизнью с ней поделилась, она со мной — дыханьем, теперь мы обе бессмертны, обе вечны.

Велий плюнул себе под ноги и, воткнув саблю в снег, стал чертить ею круг, словно не решаясь приблизиться к ведьме. Та встрепенулась и наострила уши, пытаясь вслушаться в речь мага. Но тот хоть и говорил громко, но так быстро, что слова сливались в единый непонятный сумбур. Ведьма напряглась, отложив свой гребень, а Велий, так и не вынув саблю из снега, побежал вокруг дома, успев крикнуть Аэрону:

— Если вскочит, держи ее, сколько можешь!

Ведьма и вампир посмотрели друг на друга, но молчали, пока Велий, пашущий саблей снег, не вынырнул с другой стороны.

— Что ты пашешь? — прищурившись, спросила ведьма.

— Я пашу борозду и хочу поставить тын от земли до неба, — рывкнул маг. — Запру загороду золотыми ключами и положу их под алтарь, чтобы никому не найти и никогда ими не отпирать.

Ведьма завизжала так, словно ее головней прижгли, и ринулась на Велия. Аэрон прыгнул на нее барсом и повалил в снег, но это было единственным, что ему удалось, потому что в следующий миг ведьма подскочила, ухватив вампира за шиворот, и так начала его трепать из стороны в сторону, словно тот был жалким кутенком. Видя такое, Велий припустил того пуще, крича во всю глотку:

— Беги!

Аэрон чудом вывернулся из полушубка и вывалился за пределы круга лишь за мгновение до того, как маг его замкнул.

Ведьму, бросившуюся следом, отшвырнуло назад, и над заснеженным лесом грянул грозовой раскат, словно вдруг посреди снежной зимы случилась летняя гроза.

— Что теперь? — спросил задыхающийся Аэрон, утирая пот.

— Теперь пойдем ее хозяйку ловить. — Устало опираясь на саблю, Велий кивнул в сторону темного леса.

— А эта? — показал на ведьму Аэрон.

— Эта? — Велий сунул заговоренную саблю обратно в ножны и, тяжело взобравшись на коня, махнул рукой: — С этой и без нас разберутся. Впрочем, если хочешь, — на, заруби.

Аэрона передернуло, он затряс головой, всем своим видом показывая, что такие подвиги не по нем.

— Ну тогда поехали. — Велий тронул коня, потом хлопнул себя по лбу и снова полез в сумку: — На, хоть рубаху сверху накинь теплую. А то потом еще перед Урлаком отвечать придется, что заморозил тебя по дороге.

Аэрон хохотнул и натянул на себя шерстяную рубаху, а потом вытащил из своего мешка шелковую, нарядную, надел сверху:

— Видал, какая у меня есть?

Велий улыбнулся:

— Запасливый ты, как бурундук, нет, как Верелея, у ней тоже сумка нарядами набита. Даже шуб две штуки было. Платьев нарядных тоже.

— А зачем это ей? — заинтересовался Аэрон. — Насколько я знаю свою «невесту», ничего просто так она с собой не возьмет.

— Вот и я думаю, зачем? — пожал плечами Велий. — Кстати, как она там? Вернулась или еще нет?

Аэрон задумчиво закрыл глаза, затем встрепенулся, крутанулся в седле туда-сюда, потряс головой, словно собираясь вытряхнуть воду из ушей, и разразился руганью:

— Вот ведь ведьма проклятущая! Так меня о землю шарахнула, что в голове звон стоит. Извини, друг, не чувствую ничего.

— Ничего, пройдет. — Велий разочарованно вздохнул. — Раз поблизости не чувствуешь, значит, она еще далеко.

И они поехали дальше, стараясь по пожухлой хвое, по наметенному снегу, по мертвящей тишине вдали найти след ушедшей моровой девы. Вслед им летели громовые раскаты и нечеловеческий вой плененной ведьмы.

К исходу третьего дня Индрик уже готов был бежать из Погорельцев, очень живо ему припомнилось, почему он скрывается в Заветном лесу и что это за штука — фанатичное поклонение. Да и за Верею он стал не на шутку волноваться. Переговорил со всеми через зеркальце, достал Зорю вопросами, не тянут ли того ноги куда-нибудь бежать?

— Бесчувственный ты, как истукан! — топотал единорог. — Во время ее запоя тебя же веревками вязали! А сейчас что?

— Да вроде бы отпустило, — разводил руками Зоря. — Не тянет никуда. Может, померла она?

— Померла, так на могилку бы тянуло, — успокоил его единорог и тут же велел: — Собирайся!

— Куда?!

— Велия проведем.

— Ты ж его терпеть не можешь, — ухмыльнулся Зоря.

— Я тебе поухмыляюсь! — не выдержал дядька Вереи. — Овечка, ты с нами?

— Еще неизвестно, кто тут с кем, — проблеяла та. — Я тоже удивляюсь, чего это маг пропал?

— Вот и я думаю, какие-то непорядки, — кивнул Индрик, но прежде чем они отправились, случилось еще одно. На подворье Погорельцев серой тенью мягко скакнул волк.

— Привет — Алия помахала всем ручкой, легко соскользнув с косматой спины волка. — Что-то я давненько своей подруги не видела и не разговаривала с ней.

— Мы тоже, — буркнул Зоря.

Алия уперла руки в боки, пристально оглядела компанию:

— Вы хотите мне сказать, что не знаете, где моя подруга?

— Мы уже три дня не знаем, где она, — сказал Зоря.

— Что?! — воскликнула Алия. — И вы сидите здесь и ничего не делаете?! Честное слово, — она обернулась к Серому Волку, — со мной она сохранней была!

— Да мы и так уже хотели... — виновато проговорил Зоря, оглядываясь на Индрика и овечку, мол, почему я должен тут за всех отдуваться.

— Хотели они! — вскипела Алия и топнула ногой. — Сидели тут и ляды точили! — И в две минуты устроила всем такой допрос, что взмок даже Индрик, а Зоря лаквиллку неимоверно зауважал.

— Во какая! — Он ткнул локтем в бок овечку. — Только что каленым железом не пытается!

— Еще не вечер, — сказал Серый Волк и деликатно зевнул, прикрывая лапой сахарно-белые клыки и косясь на Индрикову подружку. Овечка невнятно что-то проблеяла и полезла под брюхо единорога.

— Значит, так, — решительным тоном заговорила Алия. — Если она действительно поскакала к этому фон Птицу, как вы говорите, то мы сейчас поедem к Велию и пусть он выясняет, что это за столичный гусь.

— Велий к зеркальцу не подходит, — пожаловался Зоря.

— Значит, мы сами навестим. — Алия вскочила на Серого Волка и так сильно ударила его каблуками в бока, что тот всхрапнул и пожаловался:

— Вообще-то я былинный персонаж.

— И что, мне теперь умереть от почтения? — насупилась Алия.

— Да нет, я это к тому, что лет мне много. — Серый оттолкнулся от земли, услышав позади ехидное бление:

— Подкаблучник.

Безвестный хутор встретил их ревом побоища. Пятерку вновь прибывших вжали в землю и чуть не распылили серым пеплом.

— Кто такие? — орал ражий мужик, вжимая сапогом Зорю в снег.

— Мы к Велию, — просипел богатырь.

Разъяренная Алия билась в тисках спеленавшего ее заклятия, но Серый Волк ничем не мог ей помочь, на него самого недобро смотрели три колдуна с рогатыми посохами. Индрик и овечка стояли спина к спине, насколько это у них получалось, держа оборону. Единорог скалил клыки, пугая боевых магов своими обширными связями в Навьем царстве, а те никак не могли определить, к какому виду нечисти его отнести.

— Ребята, вы не знаете, с кем связываетесь! — гневно ржал Индрик, но «ребята» пугались его не больше, чем каменного истукана при дороге. Срочно вызванный Велий был черен от усталости и едва не падал, но его поддерживал замученный вампир.

— Индрик! — радостно помахал он рукой. — А мы уже управились!

— Бижу, — прошипел единорог, — весь Конклав, поди, тут.

— Ну-у, не весь, — протянул маг, — но четвертушка точно.

— А чего это они вас посохами бодают? — влез в разговор вампир.

Индрик прищурил глаза и разразился такой гневной речью, что потряс даже седобородых колдунов.

— Чего ж вы сразу не сказали? — Они уважительно спрятали посохи за спину. — А то к Велию, к Велию.

— А мы потому что к Велию, — рывкнул Зоря, поднимаясь из снега и с уважением глядя на силача, который его топтал. — Друг, у тебя перекусить не найдется? А то я когда нервничаю, на меня жор нападает.

— Терпи, паря. — Силач хлопнул его по плечу. — Здесь все на версту вокруг отравлено, так что кушать не рекомендуется.

— Ну дела... — вздохнул Зоря. — И хозяйка пропала, и пожрать нельзя.

— Какая хозяйка?

— Ну та, которая жена вон того вурдалака. — Зоря показал на Аэрона.

— Какая жена?! — запротестовал Аэрон. — Нет у меня жены!

Велий обвел всех хмурым взглядом и потребовал:

— Рассказывайте, что опять случилось? И где эта оторва?

Короткий рассказ Индрика он выслушал с отрешенностью человека, не спавшего трое суток, после чего вскарабкался на единорога и спросил:

— Ты за сколько до столицы доберешься?

— Ну к вечеру, — задумчиво тряхнул крыльями Индрик.

— Замечательно. — Велий покачнулся. По дороге я вздремну. — Он обернулся: — Передайте архимагу Густаву фон Птицу, что я его вечером навещу по очень серьезному делу.

До самого вечера встревоженный Индрик добросовестно махал крыльями, покрикивая на Серого Волка, который никак не хотел отставать, несмотря на двойную ношу. Замученный не меньше Велия Аэрон категорически отказался спать, пока неизвестно, что случилось с его любимой «невестой», поэтому бессовестно дрых, облапив Алию. И лаквиллке приходилось держать его, чтобы не ухнул вниз.

Овечка, выпросив у магов карту Северских земель, сказала, что запросто обставит Индрика и даже встретит его в Красном городе с пирогами. Зоря попенял ей, что вообще-то пропала хозяйка и не до глупостей, на что овечка фыркнула и умчалась, мгновенно растворившись в снежной дали.

— А вы, я полагаю, с нами останетесь, — оценивающе глядя на Зорю, сказал один из боевых магов. — У вас, говорят, какая-то проблема с хозяйкой. Мы могли бы попробовать вам помочь.

— Не надо меня пробовать. — Богатырь попятился. — Мне и с хозяйкой неплохо. — Он покрутился на месте. — Послушайте, а столица-то в каком направлении?

— Там, — показал пальцем маг, — примерно.

— Ага, — сказал Зоря. — Значит, солнце в спину, а луна в лицо. — Он подтянул свои сапоги-сороходы, отвесил всем присутствующим поклон и кинулся вслед за друзьями.

Фон Птицу, получившему сообщение по магической почте, не пришлось бросать дела в ожидании Велия, поскольку последние четыре дня он пребывал в странном состоянии — дела Конклава вдруг стали какими-то далекими и ненужными, даже сообщение об уничтожении моровой девы он воспринял без особого интереса.

Неожиданно для самого себя он погрузился в дела, которые годами откладывал: чтение книг, шлифовку заклятий, созерцание природы и составление духовного завещания потомкам.

Мефодий всячески ограждал его от рутины, не давал настырным курьерам даже шататься под окнами, выставив караулы в обоих концах улицы, и таким многозначительным молчанием встречал вопрос «Что происходит?», что даже Князь, до которого доходили странные слухи, велел не беспокоить архимага ни под каким предлогом.

Тем удивительнее было для фон Птица появление на пороге его кабинета смущенного Мефодия, который последние дни старательно изображал бесплотную тень.

— К тебе посетители, Густав.

Архимаг поднял на управляющего непонимающий взор и, повертев в руке перо, скривился:

— Извини, Мефодий, я сегодня не расположен принимать гостей.

— Простите, но и мы не расположены принимать отказ, — заявил Индрик, бесцеремонно оттирая Мефодия в сторону. Хотя кабинет у архимага был немаленький, всем сразу стало тесно, а учитывая, что вслед за Индриком втиснулись буквально все, включая багрового, взмокшего Зорю, то там стало просто невозможно тесно!

— Простите, чему обязан? — спросил архимаг, откладывая перо.

В жизни ему пришлось повидать немало, и он сразу понял, что столь колоритная компания не соберется по пустяшному поводу.

— Простите, что мы так врываемся к вам, — сказал Велий, устало опускаясь в кресло напротив фон Птица, а едва продравший глаза вампир беззастенчиво пристроился на краешке стола. — Но у нас очень важное дело, мы потеряли одну известную вам девушку, которая собиралась посетить вас четыре дня назад.

Архимаг как-то странно оцепенел, помолчал с минуту, потом неуверенно проговорил:

— Четыре дня назад у меня была одна-единственная встреча, и не с той особой, которую вы опекаете, господин Велий.

— А с кем? — спросила, вылезая из-под стола, овечка. Мефодий крякнул.

— Вы знаете, — задумчиво произнес фон Птиц, — нас посетила Смерть.

Гости выпучили глаза, маг смущенно пояснил:

— У меня возникло ощущение, что мы не поняли друг друга.

— Она долги собирала, — вставил Мефодий.

Велий, серьезно посмотрев на него, потом на мага, заметил:

— Но, как я вижу, вы оба живы.

— Чертовщина какая-то. — Архимаг потряс головой. — Она потребовала анатомический атлас... Зачем ей это?

— Книга! — хлопнул по столу Аэрон.

— И с ней был конь, да? — сунулся вперед Индрик.

— Был, — растерянно ответил фон Птиц.

Ничего, кроме всеобщей тревоги, визит к фон Птицу не дал. Пока сообразивший, в чем дело, фон Птиц организовывал через Конклав поиски Вереи, а Индрик отправился поднимать нечисть, Велий и Аэрон сидели на крыльце дома архимага.

— Как надо было напугать архимага, чтобы он потом четыре дня был никакой! Это глава-то Конклава! — восхищался Аэрон. — Может, и впрямь на ней жениться? Весь Урлак будет как шелковый, и я у ней под крылышком.

— Все тебе шуточки. Происходит что-то серьезное. Ты ее сейчас чувствуешь? — досадливо взмахнув рукой, спросил Велий.

— Нет, — тряхнул головой Аэрон. — Как отрезало.

Друзья посмотрели на Зорю, топчущегося около грифонов. Богатырь все пытался то соскрести с них чешуйку, то сунуть палец в нос.

— Эй, богатырь, а тебя ноги никуда не тянут?

— Да уж лучше б тянули! — Зоря бросил жалобный взгляд на Велия. — При хозяйке вона как здорово было, а нынче уже два раза на княжий двор позвали.

— Зачем?! — удивился Аэрон.

— Да уж явно не пряником угощать, — вздохнул вор. — Интересуются, что за тайный богатырь у нас на Засаках появился.

— Не трусь, я тебе в Урлаке политическое убежище дам.

— Ага, — Зоря попятился, — я уж лучше здесь покаторжаню.

Протянув долгую ночь в тоскливом ожидании, к утру все поняли, что дела плохи.

— Как сквозь землю провалилась, — расстроено сказал Анчутка, деликатно прихлебывая чай из кружки архимага. Фон Птиц отрешенно

колол щипчиками сахар, а Велий, на которого бодрящие зелья уже практически перестали действовать, задумчиво протянул:

— Сквозь землю... А ведь она недавно с Грунькой поцапалась.

— Пор-рву, пор-решу, пор-рушу! — рявкнул черный от злобы Карыч, заставив архимага вздрогнуть.

— Давайте не будем решать все сгоряча, — успокоительным тоном проговорил фон Птиц.

— Хладнокровно порешим всех, — поддержала его Алия, Серый Волк прижал ее лапой к дивану, досадуя, что ничем не может помочь.

— Господин архимаг, — протиснулся в дверь Мефодий, — спасите меня, там эта, которая... ну... — Из коридора донесся голос мавки:

— Нет, я хочу знать все! — Появившись тут же на пороге, она всплеснула руками. — А вы знаете, что его грифоны истребляли Сивку-Бурку? — Лейя обвиняюще ткнула пальцем в фон Птица.

— Угомонись, подруга, — обратилась к мавке Алия. — Все мы знаем и вообще к войне готовимся.

— Ну наконец-то. — Мавка кинулась на грудь Сиятельному. — Дорогой, ты же всех поубиваешь, кто мою подружку обидит, правда? — Ну если возникнет такая необходимость, то безусловно, — дипломатично ответил ей Князь.

— Ну теперь будет потеха! — просипела из-под лапы Серого Волка лаквиллка.

В моей темнице шел настоящий бой. Лилит гоняла отпрыска по подземелью, сыпля проклятиями и пытаясь взгреть Рокмира вырванным из его рук бурдюком. Принц резво уворачивался, стреляя голубыми молниями в летучих мышей Лилит.

— Не смей трогать моих крошек! — визжала королева, но неблагодарный сын упорно не хотел, чтобы ему выцарапывали глаза. Я демонически хохотала в своем узилище и, подбадривая дерущихся, орала:

— Ставлю на братца! — от чего Лилит ярилась еще больше.

— Мерзавка! — шипела королева, покрываясь зелеными пятнами.

— Приятно познакомиться! — жизнерадостно откликнулась я, пытаясь строить рожи в дырку.

— Ты околдовала моего сына! Ты мне всю жизнь испоганила!

— Сама начала, жаба! — зарычала я и, сунув руку в отверстие, попыталась ее подстрелить. Судя по вскрику Рокмира, в королеву я не попала. — Братик, ты живой?

— Он тебе не братик! — взвыла, подобно баньше, Лилит.

— Милая мачеха, не стоит так распалять себя, поберегите здоровье! — сладко пропела я в ответ. — У вас все-таки уже возраст, вон какие синячки под глазами!

На миг мне показалось, что королева сейчас ворвется ко мне, чтобы задушить голыми руками, но она меня разочаровала, всего лишь ринувшись к дырке в стене, как пустоголовый голубь. Утратив всякое величие, Лилит стала плевать в дырку; это было так противно, что я свернула из носка пробку и, не задумываясь, заткнула этот фонтан ругательств, крича:

— А в приюте нам за это еще и рот с мылом мыли!

Королева задохнулась от гнева и, понимая, что меня ей не достать, снова фурией набросилась на сына. Изрядно униженный, но непобежденный Рокмир стрелой метнулся прочь, пообещав еще вернуться ко мне.

— Что?! — завопила Лилит. — Никогда! Есть в этом замке каменщики? Замуруйте эту дверь, немедленно!

Скажу по правде, мне стало страшно, так страшно, что я закричала:

— Мы так не договаривались! — и жалобно заныла: — Милая мачеха, куда же вы? Я буду без вас скучать!

— Не бойтесь, — послышался заговорщицкий шепот. Из дырки не было видно, кто это, но я как-то сразу узнала Флору. — Здесь есть еще пара лазов, о которых мама не знает.

— Правда?! — обрадовалась я. — Вижу, не такие уж вы и плохие родственники.

Флора встала перед дыркой — в белом платье, с косичками, глядя на меня такими невинными глазками, что я сразу догадалась, каким образом ее маманя стала королевой. Ни один мужик не устоит перед таким ангелочком, пусть даже она и ведьма.

— Почему ты решила мне помочь? — спросила я.

— Ах, — она вперила в меня свои искренние глазки, — по-моему, моя матушка поступает с вами нехорошо, заточив в темницу.

— И ты меня сейчас выпустишь?!

— Если вы поклянетесь на архоне служить мне. — «Невинное дитя» помахало моим талисманом.

— Да уж, милое дитя, — пробормотала я и состроила зверскую рожу. — Давай топай отсюда! А то сейчас подпалю тебе попу!

Флора с очаровательной улыбкой присела в реверансе:

— Как вам будет угодно, сестрица. Я приду сюда через три дня со стаканом воды и архоном.

— Стой! — остановила я ее, холодея. Так или иначе надо выбираться из этой осточертевшей клетки. Я просунула руку в дыру. — Скажи, у меня колечко на пальце светится?

Флора подошла, наверно, рассматривала кольцо, а я приготовилась отдернуть руку, когда она попробует его стибрить.

— А оно магическое? — поинтересовалась Флора. Самой мне было ничего не видно, и это меня бесило.

— А сама-то ты как думаешь? — сердито отозвалась я.

Флора с минуту молчала, потом снова послышался ее голос:

— А если я вам скажу, вы поклянетесь мне на архоне?

Я зарычала и от избытка чувств сложила ей аккуратный кукиш, жалея, что у меня лапища не как у Зори, тогда получилось бы более наглядно и убедительно.

Змиевы Засеки не видали такой воинской армады со времен пришествия степных орд. Колонны нечисти текли по Миренскому тракту, а меж ними сновали курьеры Конклава магов. От Погоста до Куличиков проехать по дороге было невозможно. Воевода Чарониц согнал всех мужиков города на подмогу купцам, но навести порядок среди почуявшей свободу нечисти было практически невозможно. Если б не Анчутка и Карыч, руководившие армией, Змиевы Засеки, отвыкшие от больших войн, обезлюдели бы совсем.

Овечка, прискакав по утрамбованной сотнями ног, копыт и лап новой дороге до заимки, где открывался лаз в Подземное царство, сообщила, что нагрязнуть внезапно никак не выйдет. Вокруг заимки рватней немерено, и Грунька стоит во главе целой армии, а в глубинах, с основными силами, находится Подземный царь, который рвет и мечет, требуя обратно свои ключи.

— Что ж мы его тогда не запечатали! — досадливо хлопнул себя по лбу Велий.

— Драпали слишком быстро, — сказала овечка.

— В любом случае войны не избежать, — сурово проговорил Анчутка.

Аэрон, присутствовавший на совете на правах главнокомандующего армией Урлака, сидел, ковыряясь в ухе. Леди Диодора осторожно взяла любимое дитя за руку и положила ее на колени, укоризненно качая головой.

— Жужжит что-то, — признался Аэрон матери. — Что-то очень знакомое, словно... — Он на миг замер и вдруг вскочил, опрокидывая походный столик с картами местности, и, тыча пальцем в стену, закричал:

— Там она, там!

— Аэрон, — леди Диодора, краснея, бросила виноватый взгляд на сидящих за длинным столом, — ты ведешь себя неприлично.

— Мама! — обрадовано запрыгал вампир. — Велий, она там! Маг первым сообразил, в чем дело, и торопливо вырвал из кармана зеркальце.

— Немедленно покажи мне Верелею! — закричал он и вытаращил Глаза. — Вот дрянь! Я ее люблю, с ума схожу, а она издевается!

Все ринулись к зеркальцу, сшибаясь лбами, и потрясенно замерли, глядя на кукиш, который продемонстрировало им равнодушное серебро. Маги переглянулись между собой, а фон Птиц, как глава Конклава, осторожно поинтересовался у Велия:

— И что это может обозначать?

— Пор-роть ее буду! — рявкнул Карыч. — Тр-ри дня без пер-редыху!

Феофилакт Транквиллинович страдальчески закатил глаза; из всех присутствующих он единственный вот уже сутки ожидал от своей ученицы чего-то подобного. Слова «война» и «Веря» не вязались в его представлении друг с другом, а вот «Веря» и «пакость» — это было то самое. Не в силах сдержать удовлетворенную улыбку, он проговорил:

— Ну вот теперь вы меня, я думаю, понимаете.

Аэрон жаждал действия, поэтому, вылетев из шатра, закричал:

— Я знаю, где она! — тут же был подхвачен Индриком, стремительно взметнувшимся в небо. Следом за ним взмыла волна

крылатой нечисти и тяжелые урлакские драконы.

— Мама, — спустя часа три вскрикнул Магни на смотровой башне, — смотри, какие странные птички!

Лилит, решившая успокоить нервы прогулкой, взглянула, куда показывал отпрыск, и стала блее своей шубы. Не прошло и мгновения, как весь Замок Теней окутался аурой голубого огня, став неуязвимым для чужаков.

Переброска войск — всегда дело тяжелое. И воевода Чарониц был потрясен лихостью, с какой маги зашвырнули всю нечисть черте куда.

— Там же одни болота, — пробормотал он, хмуро глядя на карту.

— Ну туда им и дорога, — с облегчением вздохнул малый воевода Верстового.

— Этот-то наш, Зорян-богатырь, тоже с ними, — горделиво заметил староста и тут же пригорюнился: — Ободрали они нашего соколика. Только одна палица при нем, родимом, осталась, и только на него наша надежда.

Все трое посмотрели на наполненные чарки и, каждый подумав о своем, осушили за победу славного богатыря Зоряна Засечного.

А бедный Зоря шатался от шатра к шатру с палицей на плече, не зная, куда себя пристроить. Осадив странный замок, родичи Анчутки чего только ни делали, но никак не удавалось взять его приступом. Зоря сам пару раз поднимался по тропе на гору к замку и словно упирался в невидимую стену. Он тужился, сопел, упирался палицей, пытался грести и даже бежать сквозь невидимую стену в своих чудных сапогах, но чем сильнее напирал, тем шибче катился вниз. Испробовав все — от катапульты до могущественных заклятий и подкопа, Анчутка был вынужден признать — он не знает, что делать с этой каменной машиной. И вот теперь вся нечисть бесновалась в лесу, жажда битвы, а подлый враг, похитивший хозяйку, поплевывал на всех со своей горы, словно и не замечая их копошения, от чего нечисть стервенела еще больше. Даже привычный Индрик начал звериться, а к прочим родственникам Вереи богатырь и вовсе подходить боялся. Вот и ходил от шатра к шатру, стараясь держаться поблизости от Велия, который был хмур и бледен.

— Нет, вы не представляете, с чем мы имеем дело! — несло из-под расписного полога. — Ведь эта та самая «Волчья Нора» —

убежище Ландольфа!

— Самого Ландольфа?! — прокатилось удивленным вздохом по толпе магов, набившихся в шатер.

— Отступник не мог набрать такой силы! — прорезал гул чей-то зычный голос.

— Успокойтесь, господа. — Зоря узнал голос архимага. — Изменник Ландольф и в юности был одним из сильнейших магов, если помните, он претендовал на место главы Конклава.

— Мы помним, какую он устроил бойню! — перебил архимага все тот же зычный голос.

— Вот и не будем горячиться, — спокойно заключил фон Птиц. — Огромное счастье, что государи Заветного леса сегодня на нашей стороне, и несчастье, что госпожа Верея в руках этого амбициозного человека.

— Он нас в порошок сотрет и по ветру развеет, — проворчал Мефодий, таскавшийся повсюду за фон Птицем на правах ординарца.

— А вот это лишнее, Мефодий, — осадил его архимаг.

В шатре установилась такая тишина, что Зоря засапожным ножичком прорезал даже дырочку в шатре, чтобы убедиться, там ли все. А то у магов всякое бывает — раз, и испарились! Чья-то рука легла Зоре на плечо, он от неожиданности чуть не заорал.

— Ты чего? — удивленно спросил Аэрон.

— Да вот... — сконфузился богатырь, — подслушиваю, чего делать будут.

— Ай, да что они сделают! — отмахнулся Аэрон. — Сейчас ударят со всей дури, надеясь, что у Ландольфа силы кончатся, и всех делов!

До моей темницы доносились странные звуки, словно кто-то учился кузнечному делу, неравномерно бухая тяжелой кувалдой по наковальне, иногда промахивался, ронял инструмент и раздражался всякими нехорошими словами. Как я ни прикладывала ухо к дыре, суть происходящего от меня ускользала, слышно было лишь, как замок трясется во время особо сильных ударов. Через веревочку они там, что ли, скачут? Хуже всего было сидеть в неизвестности. Нет, мне, конечно, приходило в голову, что это, может быть, королева вконец разругалась со своим сыночком и они теперь ровняют замок с землей,

но весь мой печальный жизненный опыт говорил о том, что такое случается лишь в сказках и авантюрных романах. Мне отчаянно надоели безделье и одиночество, поэтому я орала в свою отдушину:

— Эй! Кому тут на архоне поклясться? Я созрела! — но к моим воплям стены каменного мешка оставались глухи. А стоять, высунув руку наружу в надежде, что меня почувствует Аэрон, я больше не могла — тело затекло, пальцы онемели, ноги просто отламывались.

Надежда покинула меня, и черное отчаяние улыбалось мне из черных углов каземата. Я показывала ему фиги, понимая, что вот так и сходят с ума.

Голубой огонек на веревочке, который метался во все стороны, словно светляк, пойманный деревенским проказником, только убедил меня в этом.

— Что тебе надо, призрак моего младшего братца? — замогильным голосом произнесла я.

Магии замер, широко распахнув глаза, и, слегка картавя и запинаясь, возразил:

— Я не призрак, я живой.

— Ну и чего тебе надо, живой?

Магии испуганно оглянулся, переминаясь с ноги на ногу, и неуверенно прошептал:

— Я хочу, чтобы вы ушли, а то из-за вас мама все время плачет и злые дяденьки в ворота стучатся. А папы нет, и защитить нас некому, а то бы он вас убил и дяденек тоже бы убил. Уходите.

Очень заинтересовавшись насчет злых дяденек, я припала к дырке глазом:

— Как же я уйду отсюда, добрый малыш? Твоя мама вон даже дверки замуровала!

— Я вам ход покажу, — плаксиво проговорил младшенький сынок Лилит, понимая, что встал на путь измены. Что-то заскрежетало за стеной, и вдруг прямо напротив меня между широкими ребрами чудища образовалась щель. Не веря своему счастью, я выбралась наружу и, не сдержавшись, поинтересовалась у ребенка:

— Сказки про Кощея читал?

Магии кивнул. Большеглазый, с дурацким светлячком на нитке, он был такой милый, что я погладила его по голове.

— Знаешь, как он смеется, когда его на волю выпускают? — спросила я и, не дожидаясь ответа, изобразила хохот Маргобана.

Великий черный маг Ландольф — хозяин Замка Теней, носитель многих ужасных тайн и сокровенных знаний — изо всех сил спешил домой, гонимый недобрыми предчувствиями. Обычно, уходя на поиски силы или чудесных вещей, он всегда оставлял десяток-другой могучих заклинаний, способных защитить семью от нападения небольшой армии и всего Конклава магов, мнивших себя по своей высокомерной глупости великими. В крайнем случае его сын Рокмир всегда мог магическим образом отыскать его в любой дали и глуши.

Но теперь, несмотря на отсутствие тревожных посланий, Ландольф чувствовал острую тревогу и потому спешил, проклиная свою привычку везде полагаться только на свои ноги. Ужасней всего было то, что бесконечные попытки докричаться до сына ни к чему не приводили, отчего волнение все усиливалось, а опасения крепили. Зная, что предчувствия, какими бы они ни казались поначалу пустыми, не раз спасали ему жизнь и что, возможно, каждая секунда промедления грозит опасностью его семье, Ландольф пошел на рискованный шаг: отдавшись на волю своей темной половины души, обернулся тем зверем, которого люди отчего-то называли черным волком. Хотя случалось, что и драконы, увидев его, в страхе улепетывали. День и ночь он скакал по горам и лесам, перепрыгивая мелкие озера за один скак, а моря за три.

И все равно опоздал. Проклятые маги Конклава нашли-таки его замок и осадили. Упав темной тенью на пути армии, идущей на штурм замка, он в гневе зарычал и стукнул лапой по земле, отчего все вокруг сотряслось и поднялась буря, опрокинувшая магов. Но тут со всех сторон налетела на него нечисть и стала рвать, клевать и терзать. Упав на спину, он принялся бить их лапами, а собравшись с силами, устроил им огненный дождь, от которого враги в ужасе разбежались.

— Пошли прочь! — зарычал он страшным голосом. — Не одолеть вам меня, не взять вам моего замка!

Но тут земля содрогнулась еще того пуще, и весь замок его рухнул, до единого камушка. Осталась лишь малая башенка, в которую набилась дворня и его семья. Не веря собственным глазам, Ландольф оглянулся, ибо не знал силы, способной сокрушить его заклятия. С

удивлением он обнаружил позади себя лишь рыжую девчонку, которая ходила вокруг башни, уперев руки в боки, и приговаривала:

— Щас я вам покажу козью морду!

Вас когда-нибудь держали взаперти? Пять дней? На хлебе и воде? В бездействии и неизвестности? Вот и не осуждайте меня! Да, я напугала ребенка. Да, потом мне было стыдно. Но в тот миг мною владело лишь одно желание — отомстить Лилит. Вспомнив все, что делали в такие мгновения сказочные Аэроновы злодеи, я ухватила Магни за шиворот и начала подниматься по узкому лазу, громко оповещая мачеху о том, что вот она я вся, злобная и мстительная, поднимаюсь. Я шипела, скрипела зубами и сыпала проклятиями.

— Вот я сейчас поднимусь! Вот я сейчас всем покажу!

Магии, обмирая от страха, вис у меня на руке, с плачем умоляя ничего плохого не делать. Я уговаривала его вести себя как мужчина, пойти и где-нибудь спрятаться, не мешать старшей сестре развлекаться.

— Не съем же я твою мать! — прокричала я ему, стряхивая его руку уже во дворе.

— Ее нельзя есть! Она ядовитая! — еще громче заревел Магни.

— Вот, — подняла я палец, — в самую точку! А, кстати, где моя лошадка? Сивка-Бурка? Красивый такой?

— Его напоили сонным зельем и на конюшне заперли, — выдал секрет мой младший братик.

— Хозяйственная ты наша, — процедила я. — Все в дом, все под себя гребет! Вот курица! — Я расправила плечи и осмотрела замок глазами дикого завоевателя-степняка, которому, кроме бескрайнего простора впереди и синего неба над головой, в общем-то ничего и не нужно.

— Нет, ну в самом деле... — Я размяла пальцы, глядя, как передо мной пытаются забаррикадировать дверь в небольшую башенку, на вершине которой кошкой шипела и плевалась Лилит. — Не грабить же я вас собираюсь. Что ж вы туда сундуки-то тащите?

Рокмир пытался мне кричать что-то в ответ, размахивая моим мешком, но за общим гвалтом его слышно не было. Заметив, куда юркнул напуганный мной Магни, я решительно тряхнула головой:

— Ладно, надеюсь, что никто, кроме замковых тараканов, не пострадает, — и, удивленно глянув на небо, с которого хлестал огненный дождь, подивилась причудам здешней погоды. Потом поднапрягла воображение, чтобы не разрушить лишнего, с мстительным удовольствием слыша, как зашлась белугой Лилит, и разнесла замок по камушку, крича во всю глотку, чтобы нагнать еще больше жути:

— Щас я вам покажу козью морду!

Планы у меня были обширные — поотрачивать всем обитателям бывшего замка рога на голове и свиные морды, но, случайно бросив взгляд на разрушенные ворота, я осеклась — на меня таращилась огромная черная зверюга с дракона величиной, с горящими огнем глазами и тремя рядами зубов.

— Голову оторву и ножки в узел позавязываю! — миролюбиво предупредила я, а зверушка, разинув пасть и прищурив пылающие огнем глазки, поинтересовалась:

— Любава?!

— Какая Любава?! — заорала я. — Мстява-разрушава!

Пока зверь озадаченно вертел головой, пытаюсь понять, что такое я сказала, на замковую дорогу вылетел Индрик с Велием на спине. Велий, крикнув:

— Беги, Верелея! — швырнул в зверя знакомые мне драконовые бусы. Сеть схлопнулась на черном, тот забился, и, прежде чем я что-либо успела сделать, Велий подхватил меня и унес прочь, как какую-нибудь глупую сказочную принцессу.

— Пусти! Пусти! — кричала я, пытаюсь вырваться из рук непрошеного спасителя.

— Держи ее, она, наверное, головой ударилась! — кричал Индрик.

— Сами вы головой ударенные! — орала я, колотя кулаками в грудь Велия. — Где ты был, подлец, когда был мне нужен? Дай я сама разберусь со своей семейкой!

Мимо нас проносились маги, спешащие положить беснующегося зверя на лопатки: Велиевы путы явно были ему что паутина для быка-трехлетки. Но, навалившись всем Конклавом, маги его все-таки спеленали.

— Жива, жива! — хохотал, не выпуская меня, Велий. Вокруг бесновались друзья и родственники. Визжала, подпрыгивая, мавка. Беззастенчиво используя Серого Волка как таран, пробивала ко мне дорогу Алия. Трубил, требуя пропустить к телу, Васька, на спине которого утирали слезы Горгония, Березина и Коровья Смерть. Карыч от избытка чувств тюкнул меня клювом в темя, овечка сунулась под колени, Зоря, не рассчитав разбега, ухнул на нас сверху, так что, счастливо избежав всех опасностей плена, я едва не погибла в объятиях родственников и друзей.

— Ох, и грязна же ты, подруга! — первым делом заявила Алия. Я попыталась возразить, что меня не розовыми маслами умащивали, только кто ж меня слушал? Они наперебой кричали, как им было плохо, как они за меня переживали, а на меня едва не шикали, когда я пыталась тоже высказаться, дескать, мы ей душу изливаем, а она со всякими глупостями. Спасибо теткам, сумевшим-таки меня вырвать из этого водоворота любви. О бане, конечно, речи не шло, но лохань с водой и отдельную палатку они мне предоставили, вышвырнув оттуда магов. Впрочем, те не очень-то и сопротивлялись, больше интересуясь гнусным семейством.

На горе еще шел вялый бой, Рокмир отстреливался молниями от наседающего Конклава, демонстрируя недюжинную мощь, но куда ему против всех-то. Радостная Алия, периодически врываясь в палатку, комментировала события:

— Сивку-Бурку нашли! Богатырский конь спит богатырским сном! Как еще конюшня от храпа не развалилась!

— Вы поосторожнее, там все-таки дети, а не только кикимора, моя мачеха.

— Ее мачеха! — донесся дружный вздох по ту сторону шелковой преграды.

— Эй! А ну брысь отсюда! — Я попыталась погрузиться в лохань по самую макушку. Алия выскочила наружу, я услышала звонкие шлепки и возмущенный разноголосый гвалт, а Лейя, жадно вцепившись в мою скользкую от мыла руку, повелела:

— Рассказывай!

Торопливо заканчивая помывку, пришлось рассказывать, косясь на шелковые стены, за которой стояла напряженная тишина. Охочая до таких историй мавка слушала меня с открытым ртом. Зная, что где-то

она прячет свой дневничок, я представляла себе, как сегодня ночью она будет торопливо вписывать туда мою историю, орошая страницы слезами умиления, и наверняка все жутко перевернет.

— Ты так и не поговорила с папой? — со слезами в голосе спросила Лейя, а тетки, расчесывающие мне мокрые волосы, замерли.

— Его дома не было. Да и желания у меня такого не возникало, хватило и его сыночка.

— А та черная собачка? — протянула мавка, а Алиа от порога хмыкнула:

— Ага.

— Какое счастье, что я похожа на маму! — вырвалось у меня.

Тетки тихонько захихикали, прикрывая ладошками рты.

— Чего? — недоуменно спросила я.

Алиа постучала пальцем по лбу:

— Если даже Велий может в коня обернуться, так неужто ты думаешь, что черный маг этого не умеет? Видела бы ты, какого шороха он тут навел — архимаги отдыхают!

— А я ему всяких гадостей пообещала... — пробормотала я, вытаращившись.

— Да, нехорошо ты с папой, — проблеяла овечка.

Тут нашу идиллию нарушил Серый Волк, который, бесцеремонно отодвинув Алию носом, сунулся в палатку и глянул так серьезно, что ни у кого не повернулся язык его выгнать. Зоря заговорщицки пробасил за стенкой палатки:

— Тут никого, все разбежались.

Серый, очень внимательно заглянув мне в глаза, плюхнулся на зад и поинтересовался:

— Помылась?

Я неуверенно кивнула.

— Тогда пойдем со мной.

— Куда это? — Я оглянулась на теток, те пожали плечами.

— Как подсказывает мне жизненный опыт, сейчас маги совершат одну маленькую, но серьезную гнусность.

Я подозрительно прищурилась:

— Какую это?

— Я уверен, что прямо сейчас Ландольф попытается «бежать» и погибнет, «нечаянно» прихватив с собой неосторожного молодого мага

по имени Велий, который случайно проговорился при всех о своих чувствах к тебе.

С мгновение я пыталась понять смысл его речей, в голове эхом метались слова: Велий, любовь, маги. Потом вспомнились Изот и его кумир — Лонгин, я, без раздумий вскочив на Серого, крикнула:

— Гони! — и с удивлением обнаружила, как разительно изменилось все снаружи. Тройным кольцом вокруг моей палатки стояла урлакская армия во главе с Аэроном и его матушкой, которая, хоть и не желала видеть меня невестой, но честь семьи берегла. Нечисть широкой волной охватила руины замка, с которых как-то нездорово щерились маги Конклава.

Одним волчьим скоком преодолев все эти преграды и мысленно поблагодарив тетку Березину, накинувшую в последний миг поверх моего нового легкого платья волчью душегрейку, я оказалась в кругу северских магов под предводительством знакомого дядечки — фон Птица, с которого и начались мои мытарства.

— Как же я ненавижу магов, — оповестила я их всех, спрыгивая с Серого.

— Только не преувеличивайте своих способностей, — посоветовал мне архимаг.

— Я и не преувеличиваю. Уж я бы два дня в замок долбиться не стала.

— И не забывайте, — промолвил, беззвучно появляясь у меня за спиной, Анчутка, важный, как городской голова, — что помимо нас, родственников Вереи, у вас еще имеется ма-аленькая проблема с армией легкомысленно брошенного в Змиевых Засаках Подземного царя, которого как-то надо уgomонять. — Он загадочно повел бровью.

Судя по вытянувшимся лицам, маги забыли о распечатанном королевстве напрочь. А я, привалившись к рогатому дядьке, поинтересовалась:

— А что, Грунька на поверхность соизволила вылезти?

— Если бы Грунька... — ответил Анчутка.

В общем, маги были смяты и растоптаны морально вмиг, а когда явившийся вслед за Анчуткой Теофилакт Транквиллинович еще и погрозил Архоном, пугая фон Птица неведомыми мне договорами и санкциями, я была допущена в уцелевшую башню, где сидело плененное «королевское» семейство.

Первый, о кого я споткнулась, был повязанный магической сетью Велий.

— Опять мне тебя вытаскивать, — проворчала я. — И это мужчина моей мечты.

Я еще хотела поязвить, но замолчала, встретившись взглядом с отцом.

— Здравствуй, папа, — засмушалась я. — Извини, я тут у тебя немного намусорила.

Он ухмылялся, словно и не сидел в кандалах, и мегера Лилит испуганно зыркала глазками туда-сюда, в его присутствии став шелковой. И немудрено, потому что именно такими, как мой папа, рисуют лютых разбойников царских кровей: черные волосы волной падали на плечи, а от бирюзовых глаз (ага! Глазки-то у меня и Рокмира, оказывается, папины!) попросту невозможно было оторваться. Честное слово, маму свою, которая увела его из семьи, я даже не осуждала, хотя, если моя мама понравилась такому мужчине, а я ее копия, то, значит, и я очень даже ничего! Словно прочитав мои мысли, он насмешливо качнул головой:

— Я ошибся, ты совершенно на мать не похожа.

— Я тоже рада, что у тебя зубы не в три ряда. — Я присела в реверансе. — Верелея.

— Дура, — проси пел за спиной Велий, и я, вспомнив о возлюбленном, поспешила распутать его, упрекнув:

— Вечно ты во что-нибудь вляпываешься.

— Я?! — удивился маг, а папаня с интересом за нами наблюдал.

Прочее семейство выглядело не блестяще. Рокмир, выдержавший целую битву, был прокопчен, оцарапан и обессилен, дети напуганы, Лилит, которую мне было не жалко, выглядывала из-за плеча мужа испуганно, как побитая собачонка. И я, проклиная себя за жалостливость, проворчала:

— Ладно, сейчас велю, чтобы вас освободили.

— Это в твоих силах?! — удивленно приподнял бровь отец, а я, пока не торопясь снимала с него заклятие, спокойно рассказала про Заветный лес, про Подземное царство, про помолвку с лордом Урлака, про свои обширные политические связи в тридевятом царстве, не переставая благодарить Лилит за такое чудесное устройство моей судьбы. Мачеха скулила, вжимаясь в стену, отец темнел лицом, хмуря

брови, а Рокмир тихо матерился на моранском языке, и только напряженный Велий у меня за спиной молча ожидал, когда папа схватит меня за руку, чтобы воспользоваться моей силой и покрошить всех в винегрет. Но ничего подобного не произошло. Отец постоял молча, рассматривая меня, как какую-то редкость, а потом попросил простить домогавшихся моей силы Рокмира и Флору, заявив, что сам он такими глупостями давно не занимается.

— С возрастом начинаешь больше ценить знания, чем грубую мощь, — вещал он, прогуливаясь по руинам. Снизу из-под горы на нас тарасилась тысячеглазая толпа нечисти, от башни настороженно следил Конклав, сзади безмолвным конвоем топали Велий, Зоря и Аэрон. Меня просто подмывало сделать какую-нибудь пакость, такое пристальное внимание просто провоцировало! А папа с ехидцей следил, как меня ломает.

И только где-то высоко в небе, равнодушные к магическим и политическим дрязгам, шумно выясняли отношения Индрик и Сивка-Бурка, сыпля на землю белые перья и золотую с серебром шерсть.

Наше возвращение в Школу было далеко не триумфальным, скорее походило на срочное подтягивание «хвостов» в конце учебного года. Я устала метаться от нечисти к магам, от магов к папе, от папы в Змиевы Засеки и всех уговаривать: не воевать друг с другом, не строить козни, не убивать. Народ попался на редкость склочный и тупой, всяк подозревал противников в неслыханном коварстве, при этом сам держа фигу в кармане.

Единственной радостью для меня стал визит демонов, принявшихся с ходу меня всячески ублажать и расхваливать. За то, что я доставила им такое удовольствие, подняв на уши полстраны, они, опьянев от переизбытка чувств, сами явились меня благодарить.

— Ты не думай, — масляно блестя глазками, размахивал руками Анжело, — что мы какие-то извращенцы, которые любят наблюдать за душевными терзаниями людей. (Именно так я и думала.) Если бы тебе грозила хоть малейшая опасность...

Я фыркала, не веря ни единому его слову, но тем не менее с радостью оглаживая наваленные грудой обновки и безделушки. Пьяненькие демоны тащили мне все, что под руку попадалось (или плохо лежало?). Например, седло в жемчугах я подарила Сивке-Бурке,

а царский жезл с огромным блестящим камнем Велий, выпучив глаза, посоветовал побыстрее закопать поглубже, пока его не хватился Златоградский Император.

Расчувствовавшись, я едва не отпустила зубастого лицемера вместе с его родней из кабалы, заявив, что теперь у меня в подручных аж два мага, один другого сильнее и тоже должны мне до конца жизни. Услышав такое, Велий в тот же день смылся куда-то «по очень важным делам», а папа так хохотал, что тряслись стены избышки, которую он выстроил вместо порушенного замка. Не скажу, что мы стали с ним как родные, но врагом он мне точно не был в отличие от Лилит, которая старалась мне на глаза не попадаться и отпрысков прятать.

— Ну вот, — вздохнула я, прощаясь с отцом, — теперь я могу говорить, что не круглая сирота или нечисть какая-нибудь, а дочка злодея с мировым именем.

Мое предложение наложить печать на те места, которые он облюбовал для жительства, отец отверг, заявив, что плевать он хотел на весь Конклав и вообще собирается переехать поближе к столице. Архимаг, слыша это, зеленел от злобы, но в моем присутствии держал язык за зубами.

Дольше всех пришлось призывать к порядку Груньку и ее отца, зная не желавших, что со времен Последней битвы порядки на земле сильно изменились и какой-нибудь жрец Хорса вполне в состоянии пустить всю их армию по ветру.

— Ну что, подруга, — переминаясь с ноги на ногу, поинтересовалась сменившая транспорт Алия. — Пора до дому?

Зоря, решивший для разнообразия поменять богатырство на должность возницы, горячил коней. Лейя; пристроившаяся в саночках, и овечка уже подавали знаки, что желают отправиться в дорогу. Велий и Сиятельный изображали при нас гайдуков, хмуро поглядывая вокруг и всем своим видом выражая сомнение в том, что мы сможем доехать до Школы без приключений.

— Никаких глупостей, — велела я, падая в санки.

— Угу, — согласилась Алия с таким видом, будто я сморозила неслыханную чушь. Лейя тут же махнула ручкой и закивала, как цирковая лошадь:

— Едем только прямо и ни на что не отвлекаемся.

Зоря только этого и ждал, громко щелкнул кнутом и рявкнул:

— Эх! Залетные!

— На что это он намекает? — возмутилась мавка.

— А что? Есть на что?! — проблеяла овечка. Алия и Лейя покраснели, а мы с четырехногой провокаторшей засмеялись.

— Ой, как интересно! — Я хихикнула и захопала в ладоши. — У нас будут волчата и маленькие Сиятельные! Хотя нет, Сиятельные не получатся, будут жабки в коронах!

Подруги, не сговариваясь, ущипнули меня за бока, больно ущипнули, даже сквозь меховую куртку. Зоря на облучке заржал. Его тоже полезли убивать, хотя я громко требовала не трогать моего вора.

— Сама ты развратница! — визжала Лейя. — И жених, и маг!

— И Анжело! — вставила пунцовая Алия.

— Я девушка невинная, целомудренная и благовоспитанная и вообще обещала Индрику дать обет безбрачия!

— А что же такая целомудренная делала в хижине с разбойниками? — тут же вставила Алия.

Овечка только радостно вертела головой и трясла ушами.

— Я их перевоспитывала! — задохнулась я возмущением, а подруги ехидно закивали:

— Верим, верим.

Так, препираясь, распевая песни и хохоча, мы двигались к родному Вежу. Конного пути нам было неделю, и мы собирались ее провести как можно веселее, категорически заявив, что не желаем переноситься мгновенно, поскольку заслужили отдых как от учебы, так и от навязчивых женихов и возлюбленных.

Первое село, которое мы осчастливили своим визитом, было Момино. Вываливаясь из саней посреди постоянного двора, Алия потянулась:

— Как хорошо ехать, ни о чем не задумываясь.

— Без всяких назойливых мужиков, — добавила Лейя, косясь на Сиятельного с Велием.

— А ведь это почти мои родные места, у меня тут почти полжизни прошло. — Я посмотрела вокруг, сообразив, что совсем рядом стоит городок Белполе. — Тут меня в первый раз в приют загребли.

— И долго он простоял? — влезла, интересуясь, овечка.

Видя, как Велий наострил уши, я состроила любопытному животному рожу, потому что тот приют простоял ровно семь дней. Однако я не собиралась крепить репутацию чудовища, которое идет по земле, оставляя за собой руины и пожарища, тем более что прожила я в Белполе потом еще целый год, пока местные крестьяне не явились с вилами, чтобы жечь меня как ведьму.

Тракт есть тракт и разгулом нечисти его не удивишь, да и кому еще гулять на тракте, как не нечисти и разбойникам? Купцы серьезный народ, они спешат по делам и, если б не необходимость дать отдых коням и людям, вообще бы нигде не останавливались. Всяческие курьеры и посыльные и вовсе как волки, живут исключительно ногами, им не до задержек. А всякий ремесленный люд, заработав честную копейку, скорее предпочтет посидеть дома, если, конечно, жена не последняя ведьма. Вот и выходит, что гуляют на тракте лишь бездельники, которым некуда девать время и деньги.

У нас как раз всего этого было в избытке, а торопиться некуда, поэтому мы подумывали закатить пир горой. Хозяин постоялого двора, предчувствуя нашу щедрость, накрыл стол не скупясь. Чего тут только не было — и жареные рябчики, и раки к пиву, и златоградское вино, а уж пирожков всяких, с разнообразными начинками: с мясом, с кашей, с печеню, с рыбой, с вареньем было столько и таких соблазнительных на вид что руки сами к ним тянулись.

Зоре стоило лишь хлебнуть темного пива, как он пропал и над постоялым двором опять понеслось:

— Этому — на! Этому — хрясь!

Сиятельный, всем напиткам предпочитавший златоградское вино, приятно тешил наше самолюбие тостами-комплиментами. Велий развлекал историями, то нагоняя жути, то смеша. Лейя и Алия наперебой рассказывали, чем они занимались, пока искали моровую деву, бесясь при виде моей ехидной улыбки. Лаквиллка так завралась, что стала утверждать, будто чуть ли не новое королевство основала, чем рассмешила даже мавку, которая поначалу ей в рот заглядывала и тарасила глаза. Так что мы до самой полуночи трещали как сороки, ссорились, мирились. И пели под неусыпный бубнеж Зори, расписывающего свои подвиги. Особую достоверность его рассказу придавало то, что за последний месяц он перевидел практически всех

столичных шишек и не смущаясь мог начать историю с таких слов: «... заезжает ко мне как-то раз фон Птиц, ну вы знаете, такой невысокий, худощавый, шрамик над глазом в виде серпика...» Поэтому, когда во дворе вдруг дико заржали кони и народ с ужасом рванул в дом с криками:

— Упырские драконы! — мы ничуть не удивились, увидев входящего на постоянный двор и сияющего, как золотой кладень, Аэрона.

— А вы думали, я вас брошу?! — радостно растопырив руки, заорал он от ворот. Хлопнул своего летуна по ляжке, велел лететь домой, зверь обиженно вякнул, намекая, что не собирается лететь посреди ночи. Вампир возмутился, но выложил три кладня, походя бросив хозяину постоянного двора:

— Пристройте куда-нибудь этого лентяя и бросьте ему девственницу, пусть поест!

Онемевшего хозяина успокоил покровительственно обнявший его Зоря:

— Да шутят они, свинью ему дай.

— Девственницу? — севшим голосом спросил тот, порадовав Аэрона.

— Ну ты чего? — ткнула я кулаком в бок плюхнувшегося рядом вампира. — Дома не сидится?

Благородный лорд уже набил полный рот пирогами и запил все это вином, поэтому в ответ только похлопал глазами, рисуя пальцем какие-то непонятные фигуры в воздухе.

— Чего, чего?! — вдруг напряглась лаквиллка. Вампир, проглотив, сказал с усмешкой:

— Да я третий день как на иголках, только и ждал; пока вы все в себя придете.

— С чего бы это такой нетерпеж? — спросила я. Аэрон отер салфеточкой руки и откинулся в кресле с таким видом, словно немедленно ждал подарка по случаю дня рождения.

— На какую-то гадость намекает, — догадалась мавка.

— Гадость не гадость, но желание вы мне проспорили! — оскалился вампир.

— Точно! — хлопнул себя по лбу Велий. — Мы же на желание спорили! — и хищно улыбнулся. Наш дружный вой испугал

постоялый двор и заставил поперхнуться Зоряна.

— Это нечестно! — кричала я.

— Дамы были заняты! — орала Алия.

— Вы нам специально подсунули не те тракты! — визжала Лейя.

— Это жульничество! — продолжала возмущаться я, взбешенная их самодовольными улыбочками. — И нечего так делать бровками! Ничего вы не получите!

Они переглянулись и в один голос заявили:

— Как бы не так! Получим, — и, пошушукавшись, обрадовали: — Желаем быть миренскими султанами на одни сутки.

— Ну конечно! — закричала Я. — Как же иначе!

— Все мужики одинаковы! — фыркнула Алия. — Фантазии ни на грош! Казалось бы — целое желание у тебя, нет, гарем им подавай!

Лейя закатила глаза и, поджимая губки, пропищала:

— Я и не сомневалась!

— Вы упали в наших глазах ниже некуда! — сказала я и фыркнула, потому что вампир с магом расхохотались мне в лицо.

— А ты-то чего молчишь? — набросилась Алия на Сиятельного. — Думаешь, тебе гарем изображать не придется?

— Будешь любимой женой! — радостно присоединилась я к ней.

Сиятельный удивленно вытаращился на гогочущих приятелей, а вампир, покрутив головой, пропел:

— А где Серый Волк? Я лично нуждаюсь в евнухе с опахалом.

— Правильно, надо позвать. — Великий выжидательно посмотрел на Алию:

— Скажи Серому, что его ждет нечто незабываемое.

— И как я могла до сих пор жить без вас! — подала голос из-под стола овечка.

Я заглянула под стол:

— Это еще что! Вот скоро лето будет, солнышко, травка, соловьи!

Кудрявая закатила глаза и весело дрыгнула ножками.

Стоило вампиру под причитания и недовольное ворчание подруг начать фантазировать, каким он видит завтрашний день, как во мне подняла голову длиннозубая змея коварства. Я забыла про еду и, ухватив Алию с Лейей за подолы, потащила их в нашу комнату. Возмущение за столом я пресекла на корню, сказав, что собираюсь обсудить репертуар завтрашнего дня (подруги разинули рты, а потом

стали и меня поносить всякими словами), но предупредила разомлевших от предвкушения завтрашнего веселья Велия и Аэрона, чтобы сильно губки-то не раскатывали. Парни успели сказать нам в спину, чего они желают, в ответ на что Алия выругалась, а Лейя завизжала и от возмущения даже пустила слезу, мол, она девушка честная и на такое не согласна. Впрочем, когда дверь закрылась, мавка сменила песню и признала, что танцы и кормление виноградом — не такая уж и гадость.

— Проклятье! Сиятельного тоже надо было с собой тащить! — Я рысью пробежалась по нашей комнатухе, собираясь с мыслями, и удержала за подол сунувшуюся было звать Князя мавку. — Ладно, пусть сидит там. Все равно он столько, сколько охламоны, не выпьет, а раньше полуночи он нам не понадобится.

— Ты что-то задумала, — сказала Алия.

— А то ж! — передразнила я ее лаквиллский говор. — Мне специальну архону дали, шобы клявсти до змирти. А без архоны слова — тьфу!

— Чего ты дразнишься! — обиделась Алия.

— Это она с тобой по-лаквиллски разговаривает! — догадалась мавка.

Алия с сомнением подняла черную бровь, твердо заявив, что полиглот я фиговый, но смысл моего заявления она поняла. — Пакость будем творить.

Я выхватила из своей сумки перо, чернильницу и тетрадь, разложила все это на прикроватном столике под взглядами заинтригованных подруг и быстро написала: «План пакости».

— Стратег, — хмыкнула над ухом Алия, я взвилась:

— Глупая! Знаешь, что я придумала? — Не в силах передать словами свою грандиозную идею, я протрубила, как дракон: — У-у-у! — и закатила глаза. — Да об этом, может быть, легенды складывать будут!

У подруг от такого обещания загорелись глаза, вытянулись носы и заострились уши.

— Слово мы не сдержать не можем. Если они хотят гарем — что же, они его получат, и не на сутки, а на целую неделю, если у нас денег и таланта хватит. Но это будет такой гарем, который они век помнить будут. Какая я все-таки умная!

Подруги нетерпеливо затеребили меня, требуя подробностей.

— Знаете, как тошнит, когда сладкого переешь? — Алия неуверенно протянула «Ну-у...», а Лейя радостно затрясла пустой головенкой. — Так я думаю, пусть их «счастливый день» повторяется снова и снова, пока они в слезах нас умолять не станут не делать гарема.

— Один и тот же день? — уточнила понятливая Алия.

— А у тебя сил хватит время вспять поворачивать? — встряла Лейя.

— У меня кладней хватит. Это важнее, — сказала я. — Тут главное — народ подобрать сговорчивый и понятливый.

— Без демонов нам это дело не провернуть, — покачала головой Алия.

— А кто сказал, что только хрупкие девушки должны такие праздники устраивать? Участвовать будут все! И твой четвероногий с Сиятельным, и Зоря, и овечка, даже поселковых найдем, которые согласятся! А скипетр златоградский придется все-таки откопать, сказала я, подумав. — Купцы нам дороже всего обойдутся. А без них не та достоверность будет. — Я макнула перо в чернильницу и заключила: — Значит, расписываем роли.

Утро началось с медного звона и отчаянной ругани прямо под дверью комнаты.

— Ты че прешь, глаза выпучив! — орала поломойка Глашка.

От ее пронзительного крика Велия подбросило на кровати и перекорежило. У купцова слуги голос оказался не лучше, а уважения к старшим ни на грош, и он, еще раз поддав ногой медный таз, завопил на весь постоялый двор:

— Да ты хоть знаешь, сколько прибор для умывания стоит, коровища?! Ты же его помяла! Смотри!

Глашка без раздумий шлепнула крикуна мокрой тряпкой, и поднялся такой ор, что даже Аэрон не выдержал, со стоном открыл глаза.

— Все, поспать не дадут! — Он сел, растирая лицо.

В комнате было свежо, Аэрон заметил щель в раме, в которую надуло снега. Серая мгла за окном и снежная круговерть застили мир. Он потянулся. Скандал за дверью неожиданно оборвался на высокой

ноте, и густой бас, объявив, что все здесь дети шайтана, вдруг начал выводить хвалебную миренскую песню, из которой Велий с трудом понимал лишь припев, звучавший в переводе как «ой, люли, люли». Аэрон тоже наострил уши и многозначительно подмигнул Велию, когда к ним в дверь деликатно постучались. Маг, соображавший спросонья хуже вампира, рявкнул:

— Кто там?

В отличие от Аэрона, который закутался в одеяло по самые уши и скалил зубы, он ничего радостного от жизни пока не ожидал.

— Не здесь ли предаются благостному сну великие султаны, чьи бедные наложницы пренебрежительно забыты и омывают лица слезами, ибо радость ушла из их дома, когда их покинули прекрасные Аэрон и Велий?

— Что за ерунда?! — удивленно пробормотал маг, а Аэрон, кинувшись к нему, быстро закрыл другу рот и сладким голосом пропел:

— Здесь, здесь два султана, которым, проснувшись, даже рук ополоснуть нечем.

— Вах! — заорали с той стороны двери и захлопали в ладоши, поторапливая с сильным миренским акцентом: — Девочки, шевелите попами!

Лей, зурна и барабаны подали голос, разом перенеся всех своей мелодией на далекий юг. Дверь широко распахнулась, и в комнату ввалился, часто кланяясь, голый по пояс, но зато в широченных малиновых шароварах, с золотым тюрбаном на голове и с изумительно кривой саблей в расписных ножнах на боку Зоря. Отсалютовав, детина рявкнул на робких евнухов, сопровождавших трех подобных утренней заре гурий, закутанных в тончайшие шелка и кисею. Волку было безразлично, добрым молодцем какой страны оборачиваться, а потому он был смугл, толстогуб и курчав, только с желтыми волчьими глазами ничего поделать не смог. Сиятельный был зализан и звенел при каждом шаге немислимым количеством тонких браслетов и золотых цепочечек.

Почтительно отдуваясь, они внесли огромный, исходящий паром золотой казан, а хихикающие гурии, миглом установив низенький палисандровый столик с полотенцами, халатами, благовониями и

маслами накинудись на «султанов», вызвав самодовольное урчание вампира и смущенную попытку убежать мага.

— О, услада моего сердца, отрада моих глаз, сладкая песня моих ушей, — пела Верелея, проворно избавляя зыркающего по сторонам Велия от брони одеяла и последней ненадежной преграды между приличным и неприличным — рубашки. — Посмотри, каких славных музыкантов пригласила твоя верная раба. Сама сваха миренского султана всю ночь шила мне наряд.

Аэрон, до которого дорвались Алия и Лейя, урчал от удовольствия точно кот. Губка с горячей водой смывала остатки сна, нежные пальчики втирали розовое масло в грудь, плечи и живот. Нежно и властно повалив Велия на спину, Верелея приняла из рук умирающего от почтения Волка смоченное в цветочном отваре полотенце, и, закатив глаза, Велий понял, что сейчас попросту умрет от счастья.

В общий зал они спустились разодетые в пух и прах, и если на Аэроне поверх короткого золотого халата и широкого, шитого жемчугом пояса была только леопардовая накидка, то магу от Верелеи достался парадный султанский доспех, набранный из чешуи дракона и ослепительно сиявший драгоценными камнями. Кстати, по словам крутившегося между музыкантами Анжело, он попросту валялся в миренской сокровищнице.

Народ на постоялом дворе ахнул. Купцы, спешно собирающиеся в дорогу, удивленно разинули рты. Мучимый похмельем углежог, Подняв на друзей мутный взгляд, жадно опустошил кружку и рухнул с лавки под ноги хозяину постоялого двора, который начал заполошно бить себя по ляжкам и кричать:

— Трофим, етит твою мать! Тебя ж за повитухой послали! — и, беспомощно оглядев зал, озабоченно произнес: — Как там Матрена-то одна?

Дородный купец Круль Яковлевич, оправив широкий пояс на своем животе, успокаивающе пророкотал:

— Не извольте переживать, Артемий Сидорович, мы заедем за повитухой, передадим про Матрену. Нам по пути. — И, поклонившись хозяину постоялого двора, не удержался, стрельнул глазом на раздетых по-миренски девиц. Хохотнул: — Ишь, молодежь! — и, тут же забыв про них, отправился к своему обозу, покрикивая на ходу: Ну что встали? Выводи со двора!

Понукаемые возницами лошадки бодро потрусили по улице, звеня колокольчиками.

— И нас троечки ждут, — басом проворковала султанская сваха.

Женщина она была столь необъятная, что невольно вызывала уважение. Велий замешкался, его тут же деликатно подтолкнули в спину:

— Чего встал? Давай на улицу, не здесь же гарем устраивать.

— А где? — замирающим от сладких предчувствий голосом спросил Аэрон.

— Мы терем у старосты откупили, — не удержавшись, шепнул ему на ухо Анжело, за что получил по шеям от «евнухов».

Велий ощущал себя как во сне, плыл, не чуя земли, улыбался, не чувствуя лица, и постоянно ожидал какого-то подвоха, понимая, что такого счастья просто не бывает. Но подвох все не наступал, и у мага складывалось стойкое ощущение, что друзья всерьез вознамерились сделать этот день незабываемым. А уж когда, недолго попетляв на тройке по улочкам, Зорян почтительно ввел их в «терем», он позавидовал самому себе.

Мало того что из терема был вытащен весь хозяйский скарб и заменен султанским, резные колонны позолочены, полы устланы дорожущими коврами, тропическая зелень радовала глаз, били прозрачными струями фонтанчики, так еще и за окном услужливый демон умудрился навести морок. Анжело тыкал пальцем в бескрайние пески и горбоносых верблюдов, которые с гордым и независимым видом шагали и шагали мимо их султанской резиденции. Царское место располагалось в резной беседке, увитой виноградом и полностью занятой невысоким диванчиком и низким столиком. Слева стояли кальяны, справа — как часть фонтана, радужно переливалась хрустальная клепсидра. Анжело ненавязчиво гундел на ухо, объясняя, откуда что позаимствовано, а указав на клепсидру, и вовсе закатил глаза:

— А в ней льются воды реки времени. Ах, если б знал король джиннов и ифритов, где его милая безделушка! — и тут же сурово предупредил: — Не смейте переворачивать ее до полуночи, а то этот день начнется заново.

Оба султана испуганно покосились на опасное украшение и клятвенно заверили, что они — ни за что! И вообще не стоит всякую

пакость тащить в дом.

Гурии и сваха взяли «султанов» за руки и, непрерывно воркуя, провели их в беседку, усадили, разожгли кальяны и разлили вино по бокалам, Велий с ужасом покосился на Сиятельного, когда мавка, урча кошкой, запустила обе руки в шевелюру радостно млеющего Аэрона. Но Князь и бровью не повел, ухватил павлинье опахало и с каменным лицом погнал ароматный дым из курильниц на отдыхающих. Задумавшись, Велий что есть силы ущипнул вампира за бок.

— Ты чего?

— Проверяю, не спим ли мы, — признался маг, косясь на Верелею с полным блюдом винограда.

— Да я уже наговор от баечника прочитал, — признался вампир. — Не спим. А то я поначалу испугался. — Он подозрительно покосился на Верелею, которую не так давно чуть не утопили во сне. Вполне разумно остерегаясь ответной гадости, «султаны» держали ухо остро.

Тем временем Алия, быстро расставив по кругу мечи в подставках остриями вверх, дала знак музыкантам и те сменили мелодию на более грозную и рокошующую. Танцевать лаквиллка не умела, но зато мечами владела безукоризненно. Две стальные молнии мелькали в ее руках, как живые, блестящее от масла тело по-змеиному изгибалось, а сталь вокруг нее свистела так грозно, что вампир и маг на миг забыли про подруг. Алия танцевала между мечами так самозабвенно, что, казалось, вовсе забыла о них, то перепрыгивая через опасное препятствие, то скользя меж лезвиями, которые, и это было видно сразу, были бритвенно остры.

Велию уже было плохо, а когда она добавила к стоящим еще двенадцать коротких ножей и завязала себе глаза, стало нехорошо и вампиру. Потушив часть свечей, Алия взяла в руки две огненные булавы, рассекавшие воздух с надрывным, душераздирающим воем, и начала прыгать с завязанными глазами так бесшабашно, что «султаны» поняли — не с их нервами смотреть на такие развлечения. Аэрон следил за Алией остановившимся взглядом и, заметив, как она, сбиваясь с ритма танца, с каждым прыжком все опасней приближается к мечам, на самом высоком прыжке не выдержал и закричал:

— Стой!

Алия оскользнулась, булава, вырвавшись из ее рук, огненным росчерком метнулась в беседку и, угодив в клепсидру, опрокинула ее.

— Что вы наделали, несчастные?! — заорал, хватаясь за голову, Анжело.

Оба «султана» вскочили на ноги и потому не заметили, как за их спинами Князь и Волк, чересчур резко дернув опахалами, осыпали их зеленой волшебной пылью. Неодолимый сон навалился на мага и вампира, и друзья мягко осели на полосатые диванные подушки.

— Уф! — выдохнула разгоряченная Алия. — Думала, не попаду в вашу дурацкую сидру!

— Ты же говорила, что слышишь, как она журчит, — возразила я.

— А ты сама попрыгай с завязанными глазами!

Замолчавшие музыканты выжидательно уставились на нас, зато султанская сваха взвыла басом:

— Вай! Злобные ифриты, отпустите несчастную Зубейду!

— Цыц! — показал все свои зубы Анжело и, погрозив свахе пальчиком, велел: — Кушай виноград, кушай шербет! Отдыхай, дура!

А я пообещала тетеньке, что через семь дней отпустим обязательно, еще и наградим, если деньги останутся.

— Только не забудьте завтра утром повторить все то же самое. Я посмотрела на вампира с магом. — Ну кто их поволочет обратно?

Утро началось с медного звона и отчаянной ругани прямо за дверью комнаты.

— Ты че прешь, глаза выпучив! — визжала поломойка Глашка. От ее пронзительного крика Велий подбросило в кровати и перекорежило. У купцова слуги голос оказался не лучше, а уважения к старшим ни на грош, и он, еще раз наподдав ногой медный таз, завопил на весь постоялый двор:

— Да ты хоть знаешь, сколько прибор для умывания стоит, коровища?! Ты же его помяла! Смотри!

Глашка без раздумий шлепнула крикуна мокрой тряпкой, и поднялся такой ор, что даже Аэрон не выдержал, со стоном открыв глаза:

— Все, поспать не дадут! — Он сел, растирая лицо.

В комнате было свежо, Аэрон заметил щель в раме, в которую надуло снега. Серая мгла за окном и снежная круговерть застили мир.

Аэрон потянулся и замер, недоверчиво осматривая комнату, встретился взглядом с Велием, свесившим ноги с кровати и тоже подозрительно вслушивающимся в скандал, который вдруг оборвался на высокой ноте. Густой бас, заявив, что все здесь дети шайтана, завел миренскую песню со знакомыми Велию «ай, люли, люли».

— Спорим, там сваха, — кивнул в сторону двери маг.

— Да не может быть, чтобы все по новой! Я в это не верю.

— Одинаковых снов не бывает. — Велий сощурился, прислушиваясь к требовательному стуку в дверь, а вампир захохотал и во весь голос рявкнул:

— Кто там?

— Не здесь ли предаются благостному сну великие султаны, чьи бедные наложницы пренебрежительно забыты и омывают лица слезами, ибо радость ушла из их дома, когда их покинули прекрасные Аэрон и Велий? — знакомо зарокотало за дверью, и Аэрон, всплеснув руками, закричал:

— Здесь, уважаемая! Вай, заходи, Ждем давно! Не томи, слушай.

— Вах! — заорали с той стороны двери и захлопали в ладоши, поторапливая с сильным миренским акцентом: — Девочки, шевелите попами!

Лей, зурна и барабаны подали голос, разом перенеся всех своей мелодией на далекий юг. Двери широко распахнулись, и в комнату, часто кланяясь, ввалился голый по пояс, но зато в широченных малиновых шароварах, с золотым тюрбаном на голове и с изумительно кривой саблей в расписных ножнах на боку Зоря. Отсалютовав, детина рявкнул на робких евнухов, сопровождавших трех подобных утренней заре гурий, закутанных в тончайшие шелка и кисею. Аэрон как дитя захлопал в ладоши:

— Я знаю, что сейчас будет!

Почтительно отдуваясь, Волк и Сиятельный внесли огромный, исходящий паром золотой казан, а хихикающие гурии, миглом установив низенький палисандровый столик, с полотенцами, халатами, благовониями и маслами накинулись на «султанов». Аэрон изобразил восторженный волчий вой, а я ткнула его кулачком в ребра:

— Не шалей! Знаешь, как нелегко было уговорить девчонок один раз устроить вам праздник! Думала, загрызут, — и, игриво подмигнув Велию, взялась за губку, многозначительно выжимая из нее струю

пенящегося розового масла. Веры в его глазах не было ни на грош, да и как это можно представить, чтобы время повернулось вспять из-за какой-то дурацкой капалки!

— О услада моего сердца, отрада моих глаз, сладкая песня моих ушей, — пела я, проворно избавляя недоверчиво зыркающего по сторонам Велия от рубашки. — Посмотри, каких славных музыкантов пригласила твоя верная раба. Сама сваха Миренского султана всю ночь шила мне наряд.

Аэрон рычал, наслаждаясь происходящим, и сам, вырвав из рук Алии леопардовую накидку, гордо опоясал ею свои чресла. Лейя хихикнула, а я показала ей из-под кровати кулак, жестами намекнув, что я с ней сделаю, если она нам все сорвет.

В общий зал они спустились раздетые в пух и прах, вызвав общий вздох восхищения. Купцы, спешно собирающиеся в дорогу, удивленно разинули рты. Мучимый похмельем углежог, подняв на друзей мутный взгляд, жадно опустошил кружку и рухнул с лавки под ноги хозяину постоялого двора, который начал заполошно бить себя по ляжкам и кричать:

— Трофим, етит твою мать! Тебя ж за повитухой послали! — Он беспомощно оглядел зал и озабоченно произнес: — Как там Матрена-то одна?

Дородный купец Круль Яковлевич, оправив широкий пояс на своем животе, успокаивающе пророкотал:

— Не извольте беспокоиться, Артемий Сидорович, мы заедем за повитухой, передадим про Матрену. Нам по пути. — Он поклонился хозяину постоялого двора и, не удержавшись, стрельнув глазом на раздетых по-миренски девиц. Хохотнул: — Ишь, молодежь! — и, тут же забыв про них, отправился к своему обозу, покрикивая на ходу: — Ну что встали? Выводи со двора!

Понукаемые возницами лошадки бодро потрусили по улице, звеня колокольчиками.

— И нас троечки ждут, — басом проворковала султанская сваха. Велий выскочил на крыльцо под метель и провожал взглядом обоз, пока он не скрылся с глаз.

— Вай, замерзнешь, султан! — тряся шубой, выскочила на порог сваха. Мы вывалили следом, а Анжело, повиснув на друзьях, страстно

зашептал им в уши, какой шикарный терем он откупил у старосты, и тут же схлопотал по шее от «евнухов».

В терем они входили слегка обалдевшие, растерянно покивали, когда Анжело, тыкая пальчиком, сообщал, из каких сокровищниц одолжил эти вещи, а указав на знакомую клепсидру, зловеще переливающуюся всеми цветами радуги, закатил глаза:

— А в ней льются воды реки времени. Ах, если б знал король джиннов и ифритов, где его милая безделушка! — и тут же сурово предупредил: — Не смейте переворачивать ее до полуночи, а то этот день начнется заново.

Велий первым делом сунулся именно к ней и отшатнулся, чувствуя неслыханную мощь, встретился с вопросительным взглядом Аэрона и недоуменно пожал плечами. Мавка, урча кошкой, ластилась к вампиру, а я с загадочным видом взялась за чашу с виноградом и изобразила сильную обиду, когда оба «султана» сорвались с места и стали вырывать из рук лаквиллки острые мечи.

— Эй! Вы чего?! — закричала Алия, выпадая из образа гурии.

— Не надо нам этих дикостей! — безапелляционно заявил вампир.

— Знаем мы эти танцы, — поддержал его Велий.

— А че делать-то?! — растерялась Алия, переводя взгляд с одного на другого.

— Меня виноградом кормить будешь, — сказал Велий.

— А Верея нам станцует, — с затаенной надеждой добавил Аэрон, и оба, опасаясь скандала, устали на меня.

— Слушаюсь и повинуюсь.

Я сложила ручки на груди, своей покорностью повергнув Велия в легкий шок, сделала знак музыкантам, и те сменили мелодию на более страстную и волнующую. Все было отрепетировано еще вчера. Зоря, согласившийся ради общего дела немного попозориться, встал у фонтана, пытаясь изобразить взглядом одолевавшую его похоть, и вид у него был страшный, как у быка, узревшего конкурента. Я старалась на него не смотреть из опасения расхохотаться и провалить всю затею.

Танец мой назывался «Покрывало» и был из тех, которыми миренские наложницы разжигали страсть даже в дряхлых стариках.

Начинался он с того, что верхнее шелковое покрывало, медленно струясь вдоль тела, стекало по рукам и бедрам на пол. После этого

ритм становился просто бешеным, да и сам танец страстностью не уступал вчерашнему, с той лишь разницей, что мои срывающиеся на пол одежды заставляли сердце стучать чаще и куда сильнее захватывали дух, а тело было практически не видно из-за покрывала, то змеей обвивавшего меня, то вздувавшегося цветной узорной стеной между мной и зрителями. И неважно, что я кружилась практически голышом, они все равно ничего не видели, и хотя это был старый как мир трюк, в исполнении опытной миренской наложницы он всегда срабатывал безотказно, будил воображение, не нарушая приличий. И пусть я лопну, если они видели руку выше локтя или ногу выше лодыжки, но навоображали наверняка леший знает что. Я боялась только одного — что Серый Волк и Сиятельный, глядевшие на меня остекленевшими глазами, забудут вовремя тряхнуть своими опахалами.

Когда оставалось уже отбросить лишь шелковое покрывало, малиновый, сопящий Зоря с нечеловеческим всхлипом заставил-таки себя завалить на бок клепсидру.

— Что ты наделал, несчастный! — осипшим голосом выдавил Анжело и вопросительно посмотрел на молчащих евнухов.

— Только не это! Не сейчас! — стукнул себя в отчаянии по лбу Велий. А Аэрон, протестующе крича, сам влетел лицом в осыпанные сонной пылью перья опахала.

— Ну вот! Чуть все не испортили! — накинулась Алия на Серого Волка, старательно обмахивавшего перьями опахала Велия. Мавка каталась по ковру, рыдая и суча ногами:

— Я тоже хочу так танцевать!

Музыканты выжидающе молчали. И только султанская сваха взвыла басом:

— Вай! Злобные ифриты, отпустите несчастную Зубейду.

— Все, бабушка, концерт окончен, — успокоила я ее, натягивая шаровары. — Кушай щербет, отдыхай! — и, посмотрев на спящих «султанов», повелела: — Выноси!

Утро началось с медного звона и отчаянной ругани под дверью комнаты.

— Ты че прешь, глаза выпучив! — визжала поломойка Глашка.

От ее пронзительного крика Велия подбросило на кровати и перекорежило. У купцова слуги голос оказался не лучше, а уважения к старшим ни на грош, он, еще раз наподдав ногой медный таз, завопил на весь постоялый двор:

— Да ты хоть знаешь, сколько прибор для умывания стоит, коровища?! Ты же его помяла! Смотри!

Глашка без раздумий шлепнула крикуна мокрой тряпкой, и поднялся такой ор, что даже Аэрон, не выдержав, со стоном открыл глаза:

— Этого не может быть! Я не верю!

Велий, сорвавшись с кровати, выпотрошил свою сумку и, вынув толстую кожаную тетрадь, стал быстро-быстро что-то вслух зачитывать.

— Ты чего? — покосился на него Аэрон.

— Если это марок, то мы его сейчас распознаем.

Анжело, прижавшийся ухом с той стороны двери, беззвучно захихикал:

— Как же, держи карман шире! Если уж ты клепсидру за настоящую принял...

Я оттащила его за шиворот, показывая, что пора браться за дело Зубейде, и схватила флакон с притираниями, но Алия замотала головой, шипя:

— Розовый, не синий! Розовый! Они сейчас такие подозрительные, что на ерунде можно влететь.

Зубейда растолкала всех дородным телом, обозвала нас детьми шайтана, деликатно постучала в дверь, воркуя басом:

— Не здесь ли предаются благостному сну великие султаны, чьи бедные наложницы пренебрежительно забыты и омывают лица слезами, ибо радость ушла из их дома, когда их покинули прекрасные Аэрон и Велий?

Услышав «Нет!», похожий на злобный лай, сваха растерялась, но Зоря решительно распахнул дверь и бухнулся на колени.

— Вах! — заорала опомнившаяся сваха и захлопала в ладоши, поторапливая нас: — Девочки, шевелите попами!

Лей, зурна и барабаны подали голос, разом перенеся всех своей мелодией на далекий юг. Мы козочками перепрыгнули через распластавшегося на полу вора, а Волк, видя, что им с Сиятельным не

перетащить тяжелый казан через богатыря, наподдал по обтянутому красными шароварами задку. Лейя прыснула, я ее пихнула локтем в бок, не рискнув строить ей рожи при Велии, подозрительно впившемся в нас глазами. Утренний туалет был похож на битву, Велий отбивался, а я сквозь зубы шипела, требуя не портить наш сюрприз идиотством. Аэрон тоже как-то не очень млеял, заворачиваясь в ягуаровую накидку, и едва не ринулся обратно в комнату, увидев в общем зале Круля Яковлевича.

Купцы, спешно собиравшиеся в дорогу, удивленно разинули рты.

Мучимый похмельем углежог, подняв на друзей мутный взгляд, жадно опустошил кружку и рухнул с лавки под ноги хозяину постоянного двора, который начал запыленно бить себя по ляжкам и кричать:

— Трофим, етит твою мать! Тебя ж за повитухой послали! — Он беспомощно оглядел зал и озабоченно пробормотал: — Как там Матрена-то одна?

Дородный купец Круль Яковлевич, оправив широкий пояс на своем животе, успокаивающе пророкотал:

— Не извольте беспокоиться, Артемий Сидорович, мы заедем за повитухой, передадим про Матрену. Нам по пути. — Он поклонился хозяину постоянного двора и, не удержавшись, стрельнув глазом на раздетых по-миренски девиц. Хохотнул: — Ишь, молодежь! — и, тут же забыв про них, отправился к своему обозу, покрикивая на ходу: — Ну что встали? Выводи со двора!

Понукаемые возницами лошадки бодро потрусили по улице, звеня колокольчиками.

— И нас троечки ждут, — проворковала султанская сваха.

Со стоном погрузившись, «султаны», не сговариваясь, врезали Анжело по шее, едва тот завел разговор про славный терем, выкупленный у старосты, Демон обиженно заявил, что тогда он не расскажет, каких диковинок туда понатащил.

— Хмарь-то какая! — Велий тоскливо посмотрел на небо. — Даже по звезда не определишь, какой день.

— Прекрасный день, о мой господин! — воскликнула Алия и бросилась ему на грудь.

— Сегодня сбудутся твои самые заветные мечты, — проворковала я ему на ухо, а мавка замурлыкала, ластясь к Аэрону. Тот недоверчиво

зыркнул на Сиятельного, но «евнух» в золоте был спокоен, будто его зельем опоили.

— Вот, — не сдержался-таки, прибыв в терем, Анжело и, раздуваясь от гордости, показал им бескрайние пески за окном и марширующих верблюдов, не замечая, что два дружка уперлись взглядом в ненавистную клепсидру.

— Ковры ручной работы! Столик резной слоновой кости! А деревья? Вах! Собственными ручками выкопал и перенес из султанского сада! Чувствуете этот аромат юга?

— Тошнит, — честно признался Велий, глядя на клепсидру.

— Ну не будь таким букой! — укорила я мага, запуская пальцы ему в волосы. — Мы так старались, я еле девчонок уговорила. Алия танец приготовила. Вам понравится. Я смотрела, аж жуть берет.

— Не надо! — вскинулся Аэрон.

— Тогда я сама вам станцюю! — Я хотела было подняться, но Велий поймал меня за руку, тряся головой:

— Не надо танцев! И уберите кто-нибудь этого олуха от фонтанов!

— Чего?! — обиделся Зоря, а я расстроилась:

— Зря, ты не знаешь, чего лишаешься.

— Не ссорьтесь! Мы же собирались веселиться, вот и давайте веселиться! — запрыгала мавка, чувствуя, что назревает скандал. — Не хотите танцев? Щас я вам спою! — Сделав знак музыкантам молчать, она завела песню.

Голос ее был звонок, как весенняя капель, в нем слышался шелест листы, пахло тающим снегом, а над головой словно распростерлась бездонная синь неба. Меня стало клонить в сон, сидевший рядом со мной Велий обмяк и с каким-то отрешенным равнодушием проводил взглядом выпавшее из рук Серого Волка опахало.

— Так я и знал, — обреченно произнес он, видя, как оно падает точнехонько на проклятую клепсидру. Теперь с порошком пришлось подсуетиться мне, я махнула платком и задержала дыхание, чтобы не вдохнуть самой.

— О, горе нам! — схватился за голову Анжело, Аэрон и Велий повалились друг на друга, а мы выскочили из беседки.

— Тьфу ты! Переложила порошка в платок, — сказала я, отмывая руки в фонтане.

Анжело хихикнул:

— А Велий уже знаки начал оставлять, в стене щепку выковырял.

— Ничего. Овечка с этим делом разберется, у ней глаз — алмаз, — успокоила его я. — Ну что? Берем, несем?

Утро началось с привычного медного звона и ругани.

— Я этого больше не выдержу! — проговорил, не открывая глаз, Аэрон. — Давай придушим Анжело подушкой и закопаем на заднем дворе.

Велий задумчиво помолчал, но, вспомнив про свои меточки, метнулся к стенам, заглянул под кровать, посмотрел у окна и разочарованно саданул кулаком в стену.

— Просто гадство какое-то! Надо было на Верелее какой-нибудь шрамик оставить. Шрамик не заростишь.

— Или Сиятельному поставить фингал под глазом, или зуб выбить, тоже вариант! — подскочил Аэрон, и оба с интересом уставились на дверь.

— О черт! — зашипел стоявший около меня под дверью Анжело. — Так и до рукоприкладства дойдет.

— Может, признаемся? — малодушно пропищала Лейя, но Алия ее одернула, косясь на Князя:

— Не суетись, не тебя же они бить будут!

— Засос тоже подойдет, — слышалось за дверью.

Я посмотрела на подруг:

— Слышали? Так что будьте начеку — только губы в трубочку, сразу ныряем в ноги.

— Слышал? — Волк толкнул Сиятельного. — Чуть губы в трубочку, сразу ногой под дых.

Князь, порядком подрастерявший за время общения с нами свой глянец, многообещающе оскалился, потирая кулаки, а я подтолкнула Зубейду, понимая, что сегодня без скандала уже не обойдется, придется чертову клепсидру опрокидывать самой, уворачиваясь от поцелуев.

— Чего надо? — рывкнули в ответ на робкий стук султанской свахи.

— Не здесь ли предаются благостному сну великие султаны, чьи бедные наложницы пренебрежительно забыты и омывают лица

слезами, ибо радость ушла из их дома, когда их покинули прекрасные Аэрон и Велий?

Утро началось с отчаянного мата Аэрона.

— Нет, я больше не выдержу! — Он с ревом забился на кровати.

Закутавшийся в одеяло Велий дотащился до выхода, косясь на проклятую щель в окне, из которой безжалостно дуло. Рывком распахнув дверь, он гаркнул во всю глотку:

— Входите уже!

Мы замерли, как мыши на пороге амбара.

— Вай, девочки, шевелите попами! — всплеснула руками Зубейда, делая круглые глаза музыкантам. Лей, зурна и барабаны подали голос, перенеся своей мелодией на далекий юг.

— Только не надо поп! — Аэрон зарылся в одеяло, отбиваясь от наших рук как капризное дитя. — Девочки, мы ничего не хотим, мы устали, дайте умереть!

— Глупенькие, мы вам такой сюрприз приготовили! — Я повисла на стонущем Велии.

— Ну в самом деле, ребята, мы же старались! — укоризненно бормотал Серый.

— Такой терем вам шикарный организовали! — закатил глаза Анжело, а Зоря, подтверждая его слова, поцокал языком и покачал головой, показывая, что просто пальчики оближешь, какой терем.

— От это мужики! — разорвалась Алия. — Вчера орали «гарем, гарем», а сегодня с похмелья маются, ничего им не надо!

— Пойдемте. Там опохмелитесь, — внес предложение Сиятельный. — Заодно посмотрите на удивительную клепсидру, которую Анжело позаимствовал у ифритов. Своего рода чудо.

— Трофим, етит твою мать! Тебя ж за повитухой послали! услышал Велий отчаянный вопль хозяина постоянного двора и вдруг заорал как полоумный:

— Как там Матрена-то одна? Неделю уже рожает!

— И нас троечки ждут, — басом проворковала султанская сваха, пуча на нас глаза.

— Не надо троечек, — взяв меня за руки, серьезно попросил Велий.

— Как это не надо? — обиженно надула я губки, а Алиа с мавкой подхватили:

— То им надо, то им не надо! Завтра опять надо будет! Мы вам скаженные, что ли? По десять раз одно и то же устраивать! Выиграли желание — получайте!

— Не хотим мы никакого желания! — завыл Аэрон.

Овечка сунула голову в двери, поинтересовалась:

— Ну чего вы копошитесь? Кони мерзнут! Вон какая круговерть за окном.

— Дак чего? Едем или не едем? — растерянно спросил Зоря.

— Нет, — отрезал Аэрон. — Я отказываюсь от своего желания, хочу весь день здесь сидеть, а в терем ваш и носа не показывать.

— Ты это всерьез? — недоверчиво спросил Волк.

— Могу на архоне поклясться! — Вампир выхватил свой знак архона и возгласил: — Клянусь за себя и мага Велия, что от желания отказываюсь и вы мне ничего не должны.

Поднявшись на цыпочки, я поцеловала его в лоб.

— Дурачок! — захихикала за дверями овца.

— Радуйтесь, — пробурчал Аэрон. — Вы даже не представляете, что бы вас ожидало сегодня!

И тут уж заржал весь трактир. Аэрон растерянно глянул на мага, а тот, хлопнувшись на кровать, рявкнул:

— Все-таки они нас сделали! — и кинулся на меня. Я взвизгнула:

— Бежим! — и, путаясь в шелке, бросилась прочь.

— Вай! Злобные ифриты, отпустите несчастную Зубейду! — белугой ревела султанская сваха, взирая на корчившуюся от смеха нечисть. А я белкой скакала по большому залу, ныряя под столы и перепрыгивая через стулья...

Снег летел из-под копыт, звенели колокольцы, мы летели по тракту на трех тройках, с веселым смехом обгоняя друг друга. Нанятые гудочки честно отработывали свои кладни, так что в селах нас принимали за свадьбу. Вампир, как только услышал, что ему предлагают до Школы ехать верхом, устроил форменный скандал, заявив, что его тошнит от одного вида седла, щедро развязал кошель и оплатил нам шикарный проезд до самого Вежа. Собственно, мы теперь

все веселились на его деньги, потому что в наших кошелях ветер гулял.

— Эх ты, транжира! — укорял меня «жених».

— В следующей же деревне пересядешь на другую тройку, — пригрозила я.

Поезд наш двигался крайне медленно, потому что, стрелой долетев от одного поселка до другого, мы могли застрять там на полдня и больше. А ярмарка в Белполе и вовсе задержала нас на два дня.

— Нет, ну клянусь! — рычал Велий.

— Врешь! — упиралась я, с удовольствием чувствуя, как он, горячась, сжимает меня в объятиях. — Да клянусь же!

— А я не верю! — продолжала я. — Ты не ревновал.

— Да еще б маленько — я б сам эту клепсидру опрокинул!

— Ты?! — Я засмеялась. — Да ты как рак глаза пучил и орал «только не сейчас»!

— Я не это имел в виду! — Велий горделиво вздернул подбородок.

В Лужицах я поволокла всех на знаменитую плотинку. Конечно, от старой мельницы уже и следа не осталось, да и речка была такая, что куры, глядя на нее, умирали со смеху, но тем не менее все с удовольствием послушали, как я устроила грандиозный потоп, едва не смыв два села, когда решила построить жабий домик.

— Все-таки все мужики одинаковы, — сказала Алия. — Нет чтобы расслабиться, ну и что, что один день повторяется бесконечно?

— Зато какой день! — поддержала подругу Лейя.

— Это ж надо было — все удовольствие самим себе испортить! — со смехом сказала я. — Нет, Велию непременно надо было до всего докопаться, а Аэрому довести начатое до конца. Не начни они бузить, вся наша затея с треском бы провалилась!

Аэрон, попавший в наши цепкие коготки, с тоской глядел на беззаботно гогочущих дружков, ему хотелось к ним, на волю, но оставалось лишь от досады рвать на себе волосы.

— Это свидетельствует о том, что мы лучше знаем мужскую породу, — важно проговорила Алия, мы захохотали еще пуще и захлопали в ладоши.

— Все, сейчас выброшусь! — крикнул, решившись, Аэрон. И до самого Плешанова, самодовольно хохоча, барахтался в наших объятиях, ловя завистливые взгляды парней. В Плешанове его вырвали из саней, и, пока мужчины выясняли, кому следующему счастье привалит прокатиться в нашем обществе, мы на своей тройке дали деру.

— Кобелей в сани не сядят! — прокричала я, оборачиваясь.

— Кобели рядом бегут! — поддакнула Алия.

Успенка ничем нас не порадовала, кроме огромного кладбища. Почтительно проезжая мимо бесконечного ряда памятников, Велий насмешливо поинтересовался:

— Ностальгия не одолевает?

Лейя, вспомнив Малое Упырское кладбище, предложила:

— Давайте летом Ваську на его родину свозим, маму ему покажем...

Велий поперхнулся и показал внушительный кулак. А я заявила, что мамой является сама Лейя и нечего травмировать ребенка.

Укладываясь ночевать в Опарине, мы вдруг сообразили, что вместо одной недели добираемся до Школы уже целых две.

— А чего вы переживаете, — сонным голосом пробормотала Алия. — С нами аж двое наставников.

— И оба мои, — добавила я.

— Вот тебе Феофилакт и устроит по возвращении экзамен, — проворчала подруга, засыпая.

— Ага. — С меня соскочил весь сон, я оторвала голову от подушки и села. — Ну по демонологии я выкручусь, расскажу про Лилит, та еще мегера. По мифотворчеству расскажу про Сусаноо — так рождаются мифы. А вот что делать с практической магией? — Я посмотрела на недоеденный пирожок на тарелке, но посреди ночи не решилась поднимать его над тарелкой даже на волосок, вдруг что-нибудь пойдет не так, жаль лишать людей крова.

Анино встретило нас разгулом настоящей свадьбы. То, что свадьба случилась не на Покров, не вызвало удивления, молодка была явно на сносях. Это болото засосало нас на три дня.

— Я сейчас спою вам замечательную песню! — объявила я, размахивая кубком с вином, на женской половине старостиного дома (все-таки лорд Урлака в гостях). И с чувством завела любимую песню принца-скандалиста: — А я пьяный, как свинья, нету денег у меня...

— От это я понимаю! — радостно воскликнула Алия. — Не песня, а сплошной мат!

— Какой мат? — возмутилась я и продолжила: — Я не знаю о тоске, целый день я пью sake, а потом горланю песню и валяюсь на песке.

Лейя, выхватив тетрадь, заметалась по светелке в поисках пера:

— Повтори еще раз! Я потом в кабаке кого-нибудь так обложу! Умрут от зависти!

Я обиделась на подруг, выскочила во двор и, прижав к стене всю теплую компанию, от Сиятельного до Зори, несмотря на их протесты, исполнила всю песню от начала до конца.

— Разве я плохо пою? — спросила я.

— Так это была песня! — фыркнул Велий. — Надеюсь, о любви?

А Волк, многозначительно потерев морду, сказал:

— Да, не хотел бы я жить в той сказочной и интересной стране, где даже о любви могут петь исключительно матом.

— Нет, правда, на каком языке? — поинтересовался Сиятельный.

— Издеваетесь, да? — догадалась Я. — Я кроме общепринятого никакого не знаю! — Я решила пойти и спеть эту песню жениху с невестой, но Аэрон крикнул мне вслед:

— Ластолайка!

— С чего это я остроухая?! Сам ты редкозубый!

Дружки захохотали, а Велий с ехидцей поинтересовался:

— Ты хоть понимаешь, что на эльфийском собачишься?

— Ага! Ты еще скажи, что я на моранском стишата слагаю! — вконец обиделась я и, махнув рукой, гордо поплыла к народу.

К Белым Столбам мы подъезжали измотанные дорогой. Я шепталась с овечкой:

— Слушай, это правда, что я из-за родства с Горгонией могу любой язык понимать?

— Вполне вероятное явление, — ответила та. — Раз в тебе ее кровь, значит, и талант.

— И теперь я могу подземные тоннели, как Индрик, рыть? А по весне на коровок брошусь?

— Ты, главное, голой, как Березина, не ходи, — хмыкнула ехидина, — а то и так говорят, что ты по пояс деревянная.

— Кто говорит? — взвилась я. — А ну-ка Зорян, наподдай! Щас мы одному магу из языка бантики завязывать будем!

Когда добрались до Белых Столбов, Велий облегченно вздохнул:

— Еще одна неделя, и нас снова бы в розыск объявили. А так недалеко совсем.

— Ну что, — поигрывая фамильным медальоном, спросил Аэрон, — наведемся к местным князьям в гости?

Других документов, удостоверяющих его лордство, кроме наглости на лице, Аэрон не имел, впрочем, особо и не забивал себе этим голову.

— Нет уж, — решительно заявила я, вспомнив о Прыще. — Что нам, постоянных дворов не хватает? Все-таки перекресток двух трактов.

— Та-ак. — Аэрон посмотрел вокруг. — Где тут самый дорогой, шикарный постоянный двор?

— Ну все! Понесло лорденка! — вздохнула Алия.

— Доверь такому наследство — за год промотает, — добавила овечка.

А я фыркнула:

— Это сейчас он такой щедрый, а дома — жмот и скупердяй!

— Давайте поносите меня, благодетеля, захребетники! — Аэрон одернул на себе куртку и, ведомый вампирьим чутьем, барином двинулся по центральной улице Белых Столбов. Три тройки, звеня колокольчиками, вынуждены были плестись за ним, приноравливаясь к его шагу. Воспользовавшись этим, Велий ухватил меня под ручку, и мы пошли по хрусткому снегу.

— Одного не пойму, — сказал Велий, — как вы меня надули с этой чертовой клепсидрой? Ведь от нее веяло магией! Да еще какой!

— И охота тебе в этом копать.

— Ну а все-таки?

— Воду мы освятили в Храме Хорса и смешали ее с тремя каплями крови: моей, овечьиной и Анжело.

— Хм-м, — задумчиво протянул Велий. — Вот уж не думал, что это такая гремучая смесь.

А я, заговорив про кровь, вдруг вспомнила фон Птица и задумалась совсем о другом.

— Этот твой фон Птиц такой, оказывается, кровожадный старикашка! Как ты думаешь, он моего папаню еще раз убить не попытается? А то Ландольф грозился перебраться поближе к столице...

— За Ландольфа не беспокойся, он на свете не первый год живет.

— А за тебя, — я повисла на руке Велия, — за тебя мне надо беспокоиться? Они вас обоих хотели бритвой по горлу чик — и в колодец!

Велий захохотал слишком, на мой взгляд, беспечно для такого серьезного вопроса, я попыталась ударить его кулаком в ребра, но в шубе он был просто неуязвим и еще повозюкал меня в сугробе, как маленькую шавку. Я даже обиделась, пригрозив, что, если на него нападут разбойники, нанятые Конклавом, я за него заступаться не стану.

— За меня уже дядьки твои заступились, — сказал Велий, скатывая снег в тугой комок.

— Зачем это? — вякнула я.

— Чтоб ты без жениха не осталась, — ответил Велий.

— Я про снежок, дурачина. — Я стала пятиться, раздумывая, стоит ли морозить пальчики, отстреливаясь, или лучше сразу дать деру. Хотя, может, заклинанием шарахнуть?

Аэрон, нарисовавшийся на пороге шикарной гостиницы, окинул помещение и хозяев надменным лордским взглядом, но едва он открыл рот, как снежный заряд впечатался ему в затылок и вампир рухнул на руки хозяев. В это время Алия и Лейя, забытые нами во время прогулки, с криком:

— Бей магов! — набросились на Велия, свалив его в сугроб. Нерешительный Зоря, понукаемый овечкой, тоже робко свалил снежок на полведра снега и, осмотревшись вокруг, остановил на мне оценивающий взгляд.

— Ты это... того... не шали... — неубедительно погрозила я ему пальцем, поняв, что мне такого счастья не пережить, но, на мое счастье, Сиятельный с Волком, обернувшись добрым лаквиллским

молодцем, пристроив на постоялом дворе коней, вывернули из-за ворот, мило на ходу беседуя, и тут же были сметены с ног снежным ядром Зори.

— Чего там? — высунулась на крыльцо служанка, лакей в малиновом кафтане с золотым галуном солидно так заявил:

— Нечисть, вишь, озорует. На постой к нам соизволили.

— А это не опасно? — сделала круглые глаза служанка.

— Не-э, — лениво отмахнулся лакей, — вишь, какие веселые, значить, уже слопали кого-то, теперь не обидют.

Служанку как ветром сдуло, а я подмигнула дядечке и как можно серьезней прокричала:

— Только на ночь выюшку не закрывайте, а то мы чертей в гости ждем!

Утром леший меня понес на торги в Белых Столбах, которые всегда славились далеко за пределами края, особенно конный рынок, на который барышники пригоняли племенных жеребцов со всего света. Прибыв по Миренскому тракту из южных степей, кони шли отсюда на Златоград и Княжев-Северский, а потому здесь всегда толпились конюшие как императора, так и Великого Князя. Конечно, были купцы, которые вели караваны и в Лаквилл, Сарсу, Урлак и Приморье, но самые яростные баталии все же вспыхивали между южанами и северянами. Они иногда торговались так, словно речь шла не о конях, а о государственном престиже, жизни и смерти и вообще о вещах далеких от коневодства.

Алию, конечно, сразу понесло на выгон, но я, зная этот город как свои пять пальцев, ухитрялась каждый раз провести их мимо. Мне нравились Белые Столбы, и, хотя я прожила здесь всего два года, они казались мне родными и близкими. Теперь, побывав там и сям и повидав две столицы — Златоград и Северск, — я с уверенностью могла сказать, что величественная, седая красота Белых Столбов мне больше всего по душе. Да что уж там кривить душой, половина моей резиденции в Заветном лесу была беззастенчиво скопирована с дворцов в Белых Столбах. Если кремль князя Милослава Ясеневича и уступал по размерам великокняжескому, то своей красотой уж точно его переплюнул. Да и как иначе, если когда-то Белые Столбы были столицей Северска.

— Вот, — я остановилась посреди крытого рынка Белых Столбов, наверное, единственного во всем Северске, — посмотрите, какое громадное здание, а кажется невесомым благодаря этим чудесным аркам и тонюсеньким, как свечи, столбам.

— Пойдемте уже коней смотреть, — бубнила равнодушная к моим чувствам Алия.

— Не-э, лошадки много ржут и какают, — возразила Лейя, которую тянуло в лавку ювелира.

Овечка же мечтательно закатила глаза и проблеяла:

— А мне нравятся, такие все душки, хоть и без мозгов.

Двоедушный Велий только похмыкивал, глядя на меня, всегда готовый присоединиться к большинству. И только Сиятельный с Зорей проливали бальзам на мою душу, поворачиваясь туда, куда я показывала пальцем.

— Нет, давайте в самом деле пойдем посмотрим на коняшек, — вмешался Серый Волк. Алия радостно заулыбалась, а Серый продолжил, облизнувшись: — Люблю резвую пищу.

Пришлось вздохнуть и смириться, но Велий получил очередной тычок в ребра за двуличность.

— А вот интересно, — сказал вдруг Зоря, обращаясь ко мне, — вы сами-то себя кем числите? Я, к примеру, родился на Засеках, значит — засечный. А вы хоть и в дебрях, но на границе со Златоградом, то есть получаете южанка.

— А кстати, маму твою звали Любава, это не та, которой храмы строят? — влез с комплиментом маг, за что получил еще один тычок под ребра. Зоря меж тем продолжал:

— Тетка вас прятала аж на самом севере, у границы с бирюками, как я понимаю.

— Кто такие бирюки?! — удивилась я, точно зная, что такого народа не существует.

Зоря покосился на Алию и честно признался, что бирюками на Засеках кличут все северное население, от диких мурсингов и нансей до лаквиллов. Алия пробиралась сквозь толпу, орудуя локтями, и не подозревала, что ее обозвали бирючихой. Овечка прижалась к ее ноге верным псом и даже порыкивала на особо неспешных горожан.

— А потом вы еще и в Мирене, и здесь везде побывали... — загибал пальцы Зоря. — Так вот мне интересно, каковской вы себя

числите?

— Она не из каковских, — влезла в разговор мавка, переливающая из ладошки в ладошку голубые бусики, мимоходом купленные Сиятельным, — она общественная. — Услышала хмыканье Велия, поняла, что это нехорошо прозвучало, и тут же поправилась: — Гулящая она!

— Спасибо тебе, подруга. — Я поклонилась в ноги Лейе, а маг заржал в голос.

Зоря замер, шевеля пальцами, но ему по должности смеяться было не положено — все-таки хозяйка, хоть и временная. От тихой смерти мага спас радостный присвист Алии, наконец-то вырвавшейся на широкий выгон.

— А мне другое интересно, — призадумался в свою очередь Сиятельный, — Алия, когда она волк, как их любит? Чтобы кататься или уже как кушать?

— Не знаю как Алия, а вот кое-кто, — Велий покосился на меня, — любит их кушать, одновременно катаясь.

Понятно, намекает на Упыри. Князь удивленно приподнял брови, ожидая продолжения истории, но я буркнула:

— Подумаешь, укусили один раз, из самообороны.

Мы собрались в очередной раз немного повздорить, но тут сквозь ряды пробежал мужик, вопя:

— Обратни!

— Сам ты оборотень! — возмущенно крикнула ему вслед овца. — Я чистокровная овца! — Она посмотрела вокруг, ища сочувствия у прохожих: — Всех дел-то, спросила, почем красавцев продают, а крику, крику!

Народ ее вежливо обтекал, а кое-кто уже и посмеивался над трусливым барышником:

— Подумаешь, нечисть на торги пришла! Первый раз, что ли?

У дощатого забора загона мы отвоевали себе почетное место и замерли, надолго забыв про бег времени. Кони были красивы и проходили перед нами один за другим, от тонконогих нервных бегунов до огромных, как гора, тяжеловозов с копытами как тележное колесо.

— Эх! Мне бы кладней два мешка! — ерошила волосы Алия.

Огромный черный красавец танцевал перед зрителями на задних ногах, злобно рубя воздух передними и косясь налитыми кровью

глазами.

— В Златоград уйдет, — уверенно сказал Сиятельный.

— А почему не в Княжев? — спросил Великий.

— На Севере тяжелой кавалерии нет. А этот просто создан для катафрактариев.

Торги начались от тысячи кладней. Как и предсказывал Сиятельный, уцепились за коня именно златоградцы. Северцам этот конь был не нужен, но они из принципа увеличивали цену на радость продавцу. Покупатели горячились, махали руками, брызгали слюной, разве что только за ножи не хватались. Но стоило цене подскочить до немислимых десяти тысяч, как по рядам прошел ропот.

— Чего там? — навалилась грудью на ограждение Алия.

Волк, у которого слух был не в пример другим, объяснил:

— Князь забирает его в уплату десятины с торгов.

— Сдурел?! — зафыркала лаквиллка. — Пусть деньгами берет!

Возмущение волной прокатилось по выгону, но это были крики бессилия. Князь имел право на свою долю — он ее взял. Конь ушел за первоначально названную цену. Алия выла и рычала, пытаясь погрызть рукав у Серого, а потом кинулась к воротам, куда уводили красавца, заставив и нас тащиться хвостом. Наперегонки с овечкой они спешили последний раз посмотреть вслед вожделенному коню и врезались в строй охранников князя. Образовалась свалка, в которой тут же наподдали и ей, и овечке тяжелыми копьями по спине. Серый, лишь на полшага отставший от Алии, живо выдернул ее за шиворот из кучи и так толкнул ближайшего усердного буяна в грудь, что вместе с ним повалил половину стражи. Кто-то крикнул:

— Воры!

И строй оцетинился копьями, целясь в основном Серому в живот.

— А-а-а! — заорала я, испугавшись, что сейчас начнется смертоубийство, и, упав животом на овцу, завопила: — Есть! Я ее поймала! Серый, держи! — пока волк хватал за морду испуганно верещащую овечку, я кинулась к страже, стараясь не замечать зло перекосившихся рож: — Ой, спасибо вам, дяденьки! Ах ты, негодяйка! — погрозила я пальцем овечке. Та удивленно выпучила глаза, не понимая, за что ей такое оскорбление, народ, взбаламученный неосторожным словом, захохотал надо мной, успокаиваясь, но тут охрана раздвинулась и до тошноты знакомый голос капризно спросил:

— Что происходит? Сотник, почему толпа мешает пройти?

В ответ понесся невнятный бубнеж сотника, я уже понадеялась сбежать под шумок, однако тут мне по плечу постучали свернутой нагайкой:

— Барышня, здесь конями торгуют, а не овцами.

Я закатила глаза: «Боже, он еще со мной и заигрывать пытается!» и повернулась к Прыщу. Конечно, это был он. Сынок Милослава Ясневича за Прошедший год еще больше вытянулся, как-то неприятно заматерел, разом превратившись из некрасивого недоросля в отвратного вида мужика. Какое-то время он смотрел на меня, не узнавая, кривил губы в ухмылке и вдруг дернул лицом и, зло сощуря глаза, качнулся вперед. Не знаю, что он собирался делать, но словно створки ворот между мной и им со шлись плечи Аэрона и Велия, разом прикрыв меня от опасности.

— О! Князь! — Аэрон панибратски хлопнул Прыща по плечу, заставив пошатнуться, и тут же сграбастал его руку и жизнерадостно затряс. — А я к вашему отцу собирался вечером зайти. Так сказать, с неофициальным визитом.

— Вы, собственно, кто? — растерянно покосился на его клыки княжич.

— Полноте, — развел руками Аэрон, не замечая, как подобралась охрана, в любой момент готовая кинуться на защиту княжьего отпрыска. — Я — Аквил Аллар, лорд Урлака. Разрешите представить вам мою невесту — Верелею. Страшная забавница. И мой друг квестор Конклава магов Велий.

Лицо у квестора Конклава было такое, словно он прямо сейчас собирался заколачивать гвозди в гроб княжича. Даже изумрудный накопитель, казалось, побагровел. Прыщ попятился, бормоча, что они уже шапочно знакомы. Тем более что за нашими спинами стеной встали друзья. Один глубокомысленно сощурившийся Зоря, молчаливо скрестивший руки на груди, стоил всей своры наследничка Милослава.

— Очень приятно. — Прыщ отступил на полшага с намеком на поклон. — Я знал, госпожа Верейя, что вы далеко пойдете. Хотя, право, лучше бы смотрелись в моем тереме.

Я даже зажмуриться от страха не успела, а князя мотнуло от смачного удара, люди ахнули, и, если б не Аэрон, успевший отдернуть Велия от Прыща, нас бы подняли на копыя. Счастье, что вампир так не

по-человечески быстро соображал. Сграбастав княжича за грудки, он звенящим от злости голосом, четко, чтобы слышали даже в дальних рядах, проговорил:

— Вы оскорбили мою невесту, князь! Я вызываю вас на поединок, завтра утром. Если вы не явитесь на ристалище, это будет оскорбление уже всему Урлаку. — С силой швырнув Прыща в объятия сотника, он круто развернулся на каблуках.

Серый и Сиятельный оттерли готового на глупости Велия от князя, показав нам глазами, что пора уносить ноги. Зоря почтительно пропустил меня вперед, не забыв смерить взглядом каждого охранника Прыща, и никто не посмел сунуться за нами. Шагов сто мы прошли молча и так решительно, что люди издалека уступали нам дорогу, пока Алия не сорвалась:

— Нет, чего мы ему голову сразу не оторвали?!

— Он — князь, — ответил Сиятельный.

— Скотина он, гад прыщавый! — Я затопала ногами, чувствуя, как слезы злости наворачиваются на глаза.

— Гад, — согласился волк, — а хуже всего — гад привилегированный.

— Сама знаю! — рявкнула я, потом посмотрела на Аэрона: — А у вас политических тренировок не начнется?

— Вряд ли. — Неунывающий вампир махнул рукой. — Морду я ему разобью, конечно, как следует, но в меру.

— Не пырнет он тебя? — спросила я.

Мавка и Алия тоже вопросительно уставились на Аэрона, он расхохотался:

— Он?! Да этот... Я удивлюсь, если он вообще меч удержать сумеет.

— Главное, чтоб теперь его отец за нас не взялся. Этот сумеет все, что захочет.

— Нет, — качнул головой Князь, который оставался до этого вроде как совершенно безразличным к тому, что произошло, — этот человек слишком подл, он наверняка попытается отомстить собственноручно. — Он пристально посмотрел на Велия, потом на Аэрона: — До поединка.

— Жить-то как весело, — проблеяла овечка, вертя головой. — И чего я от бабки раньше не смоталась?!

— А запечатано было, вот и не смоталась, — сказала я, чувствуя, как и саму потихоньку отпускает накатившая было волна гнева.

Не знаю, как слухи умудрились опередить нас, но в гостинице, когда мы пришли, уже все обо всем знали. Хозяин гостиницы, пряча глаза, указал нам на сложенные у крыльца вещи, бормоча извинения и оправдываясь тем, что не может идти против власти, пообещал нам только присмотреть за конями. Пришлось искать новое жилье. Почти за гроши мы нашли дом на окраине у полуслепой бабки, которая удивилась, с чего это такие важные господа на постоянный двор не едут, но от денег не отказалась. Вместо веселого гуляния по городу пришлось вечером устраивать посиделки.

— Счастливая ты, Верейя, из-за тебя мужики драться будут! завистливо проговорила Лейя.

Я даже ответить ничего не смогла, а Алия постучала ее по лбу:

— Чисто лягуха болотная! Ладно бы Велий с Аэроном дрались, полюбовались бы, а здесь только измараешься и никакого удовольствия.

Лейя надула губы и прицепилась к Сиятельному, донимая его вопросом: станет он за нее биться или нет?

— Не приставай к человеку, — посоветовала ей Алия, — а то он тебя обратно на болото вернет.

Велий сидел мрачный как туча, словно не замечая попыток растормошить его.

— Не-э, — бормотал Аэрон, рассматривая свой короткий фамильный меч, впервые за все время путешествия бережно извлеченный из сафьянового чехла, — пора мне с Вереей помолвку расторгать. А то «невеста» она моя, а морду за нее бьют какие-то посторонние мужики. Если так дальше пойдет, нас подозревать начнут леший знает в чем!

— Да ну тебя с твоими шутками, — махнул на него рукой маг, не отрывая взгляда от окна.

— Слышь, Аэрон, а что ты там плел насчет Аллара из Урлака? — спросила Алия.

Вампир вспыхнул до кончиков ушей и, стесняясь, пояснил:

— Это мое имя.

— А Аэрон?! — уставились мы на него.

— Это мое детское прозвище. Мама говорила, что я маленьким не весил ничего. Легенький был, чуть не летал, когда в воздух подбрасывали.

— На чем тебя подбрасывало? — не поняла слушающая вполуха мавка, а мы наконец засмеялись, будто камень с души свалился. К ночи Аэрон уже нас всех готов был поубивать своей фамильной железкой. Мы склоняли его новое имя и так и этак.

Все веселье наше прекратила бабка, авторитетно заявившая, что только нечисть по ночам не спит. Овечка ее уверила, что мы с нечистью ничего общего не имеем, и потребовала себе места на полатах, а волк с ухмылкой сказал, что с радостью ее подсадит, глядишь, к утру будет тушенная баранина. Мне, привыкшей по ночам шляться леший знает где, не спалось. Даже мавка, казалось бы ночная нечисть, дрыхла без задних ног, а я маялась, время от времени подтягивая ее назад на наши матрасы. Даже во сне она пыталась отползти поближе к мужикам, нюх у нее, что ли?

Поняв, что так лежать — только маяться, я натянула платье и запалила свечу, решив почитать на ночь, благо и книга, изъятая у фон Птица, у меня имелась. Вынув довольно тяжелый фолиант в черной коже, я водрузила его на стол, но, не успев открыть, услышала, как тоненько дребезжит стекло.

— Кто там? — Я сунулась со свечой к окну, сквозь мутное стекло ничего не было видно, но зато голос я узнала сразу. — Верька, это я, Лилька! Дверь открой!

— О! Ты откуда?! — удивилась я.

— Дак услышала, что ты в город приехала, да еще начудить успела! наших-то в Белых Столбах никого не осталось, думаю, дай зайду, побалакаем!

Я кивнула головой, хотя вряд ли она могла это видеть, и, стараясь никого не разбудить, пошла открывать двери. Оно даже и лучше, посидим на кухне, вспомним приют.

Я отодвинула щеколду и, поднимая свечу повыше, гостеприимно распахнула дверь. Раньше чем я успела что-нибудь рассмотреть, меня выдернули на улицу и стукнули по голове, да так ловко, что я тут же и свалилась кулем.

Не знаю, сколько прошло времени, но очнулась я от страшной, разламывающей голову боли, плохо мне было безмерно, вокруг стояла

тьма, я попыталась подняться, но лишь застонала, услышав как сквозь вату:

— О! Очнулась, кажись. — Открылась дверь, свет лампы больно резанул по глазам, и склонившаяся надо мной Лилька поинтересовалась:

— Пить хочешь? — Не дожидаясь ответа, она сунула мне в руку большую глиняную кружку. Я жадно накинулась на воду, села, собираясь спросить, что случилось, но, видимо, от удара комната пошла плясать вокруг меня колесом.

— Все. Теперь до утра бузить не будет. — Неизвестно кому сказала Лилька, забирая у меня кружку. — Тут сонного зелья — быка свалит.

Утро началось со злого мата и отчаянного грохота в ворота:

— Открывайте, вашу... — И дальше только мать-перемать.

— Кому там делать нечего? — промычала Алия. Все медленно просыпались, пытаясь сообразить, кто в такую рань — на дворе едва серело утро — ломится в ворота. Велий подскочил, как пружиной подброшенный, первый задав вопрос:

— Где Верелея?

Алия и Лейя бессмысленно хлопали глазами: спавшей между ними Верелеи не было. Подхватившийся волк быстро обежал дом и, конечно, никаких следов рыжей не обнаружил.

— Еще б она здесь была! — зло вогнав меч в ножны, буркнул Аэрон. — Они б тогда так нагло не ломились!

— И что теперь будем делать? — бессильно сжимая кулаки, спросила Алия.

— Думаю, ничего хорошего нас не ждет, — будничным тоном произнес Сиятельный.

— Да ладно, чего гадать. Пойдем узнаем, сейчас нам и так все скажут, — сказал лорд Урлака и шагнул за порог.

— Только ногами их сразу не пинайте, — попросил волк, а Зоря, отчего-то чувствовавший себя больше всех виноватым, заверил:

— Я их даже пальцем не трону, сразу дубиной все мозги вышибу, и все.

Засов на воротах не выдержал, вылетев вместе с гвоздями, бабка и овечка, разомлевшие на печи, одинаково шурились, через раз

спрашивая:

— Ась? Чегось?

Прыщ гарцевал на том самом коне во главе отряда в полсотни головорезов, один глаз у него был закрыт повязкой. Красиво спрыгнув на землю, он упер руки в боки и надменно уставился на вампира:

— Пришло время сразиться, упырь!

— А ты не очень разговорился? — с интересом спросил Аэрон, обнажая меч. — Когда слишком быстро говоришь, лишние зубы выпадают. Не знал?

— Но-но! — Прыщ отскочил, довольно ловко выхватив из ножен саблю, однако ж не ее вид остановил вампира, а самострелы, направленные в грудь. Как ты ни быстр, а от дюжины стрел не убежишь, да и друзья за спиной стоят. — Девка твоя у меня, чуть что, и ей конец!

— Велий, я не знаю, на что он рассчитывает, но честного поединка не получится, на мой взгляд, никак. — Прежде чем Прыщ успел выкрикнуть еще что-то угрожающее, маг взмахнул рукой, громко произнеся одно короткое злое заклятие. Тетивы попросту лопнули, а та пара стрел, что сорвалась-таки с ложа, была отброшена назад. Телохранители Прыща закричали, тряся отбитыми пальцами.

Зоря, ни слова не говоря, вывернул из забора кол и принялся крушить всех налево и направо. Алия, каким-то чудом скользнув под рукой волка, кинулась в гущу драки с другой стороны, и Серому с Сиятельным ничего не оставалось, как броситься ей на подмогу. Огромная серая тень молниеносно навела ужас на подручных княжонка, привыкших изгаляться над безответными. Сиятельный даже пару раз не успел взмахнуть своим великолепным эльфийским клинком, до этого как-то незаметно прятавшимся под плащом. Не обращая особо внимания на опешившего Прыща, Велий сошел с крыльца, спросил Аэрона:

— Где она, чувствуешь? Вампир только хмыкнул.

— Ну тогда пойдем. — Одним движением Аэрон вырвал из рук Прыща саблю, заехал ему кулаком с другой стороны, в неподбитый глаз. Княжич взвыл, пытаясь убежать, но Алия сбила его с ног, припечатав к земле:

— Куда? Ты ж к нам в гости хотел! Сейчас развлекаться будем!

Но всех удивила Лейя, с неожиданной злостью накинувшаяся на Прыща и наподдавшая по княжескому гузну.

— Милая, — скривился Сиятельный, — не надо, ты потом сапоги не отмоешь.

— А пускай он нам подругу возвращает! — сделала крысиную мордочку мавка.

— Да забирайте вы ее! — заверещал княжич.

Так они и двинулись по улице: Прыщ на четвереньках и две разъяренные фурии по бокам.

Верею нашли быстро. Испуганная Лилька попыталась было запереть дверь перед их носом, но Зорян, не раздумывая, вышиб ее вместе с косяками. Когда Велий увидел бесчувственное тело, лицо у него сделалось такое, что Прыщ заскулил от ужаса, и маг наверняка пришиб бы его, если б не Серый Волк, сказавший, что девушка просто спит. Посмотрев на бледную Верею, беспомощно разметавшуюся на кровати, Аэрон мудро изрек, что пора драпать.

Дурманный сон держал цепко, я несколько раз пыталась открыть глаза, поднять голову, но снова и снова проваливалась в черноту, слыша только, что меня везут, за меня переживают, меня стараются разбудить. Тем удивительнее было, когда я отчетливо и ясно услышала звонкий хлопок в ладоши и грозный приказ Велия:

— Просыпайся.

Меня подбросило, словно кто толкнул изнутри, и я подскочила на кровати, роняя на пол одеяло и спросонья не узнавая собственную комнату в Школе.

— Где я? — с перепугу ляпнула я, поняла, что сморозила глупость (в своей комнате, где же еще), и поправилась: — Как я? — имея в виду, как сюда попала, но магу только дай зацепиться за нечаянное слово, он сразу разулыбался:

— Судя по вопросам — безнадежна. Но я тебя и такую дурочку любить буду.

Я молча запустила в него подушкой.

— Как больная? — сунулся в дверь Аэрон. — О, уже деремся?

Вслед за ним в комнату ввалились все остальные. Алия и Лейя шумно радовались моему возвращению к людям и кинулись тискать. Я

поинтересовалась, когда похороны Прыща. Меня разочаровали, что не скоро.

— Зато мы на него клязу накатали! — счастливым голосом сообщила Лейя и, вынув испещренную кляксами бумажонку, объяснила: — Это черновик.

— В дневничок его спрячет, — хохотнула Алия и хлопнулась на свою кровать поперек волка.

Мавка отмахнулась от нее, как от комара, и, блестя глазами, принялась читать: «Я, лорд Урлака такой-то, прошу принять от меня жалобу и передать ее на усмотрение Князю Северскому, а жалуюсь на Прыща Милославовича...»

— Эй! Его ж на самом деле не Прыщ зовут!

— Ай, да знаем мы про это, — махнула рукой мавка, — поэтому и клязу переписывали, там вообще путаница в именах и фамилиях. Сурово взглянув на меня, она спросила: — Мне продолжать?

Я кивнула головой, подтягивая ноги к груди и кутаясь в одеяло.

Шумные гости расположились кто где хотел. Зоря, понукаемый овечкой, втащил огромную корзину снеди, а Сиятельный на манер часового встал у двери, скрестив руки на груди, и время от времени щелкал по носам любопытных, уже прознавших о нашем приезде и спешивших заглянуть.

— Вот, — мавка поискала глазами нужную строку в тексте, — «этот Прыщ со своей сожительницей — Лилькой бесфамильной, нигде не работающей, напали, причинили физические травмы и опоили зельем приемную дочь Древних и невесту лорда Урлака — Верелею бесфамильную». — Лейя подняла на меня глаза. — Вы родственницы, что ли?

— Близнецы, — буркнула я. — Злая судьба раскидала нас по свету, но я еще вернусь, чтоб задушить сестру в объятиях.

Лейя кивнула, удовлетворенная объяснением, и продолжила:

— «Незаконно пленив вышесказанную Верелею, сей князь пытался угрожать всяческими гнусностями, но был остановлен добрыми гражданами Вежа. В частности, магом Конклава — Велием Вересенем и Алией Всеславишной, находившимися там по делам Школы». Ну а дальше сопли по сковороде, какие мы обиженные и как в гневе страшны.

— Ну-у, — разочарованно протянула я, — а я думала, что вы ему голову оторвали.

— Хотелось нам мараться! — хмыкнула Алия.

— Энто дело политическое. — Зоря многозначительно поднял палец, засмушался и пробасил: — Давайте к столу. Обмоем, что ли.

— Кого обмоем? — не поняла я.

— Да меня же. — Овечка влезла на кровать и повертела головой. — Ничего не видишь?

— Покрасилась, что ли? — неуверенно спросила я.

— Нет, брови выщипала! — фыркнула четвероногая и выгнула грудь, подставляя под самый мой нос архон.

— Ух ты! — Я радостно всплеснула руками. — Тебя в Школу приняли?!

— Бери выше. — Овечка гордо продефилировала туда-сюда по моей кровати. — Я теперь новый комендант женского общежития.

— Конец общежитию, — оскалился волк.

— Ха! Не надейтесь. — Овца спрыгнула с моей кровати, носом выдвинула на середину комнаты лавку и, довольно ловко усевшись на нее, выступила с программной речью: — Вы у меня по одной половине ходить будете.

Мы захохотали, а овечка обиделась, прищурила глазки и самым мерзким голосом, на который только была способна, проскрипела, растягивая слова:

— А что это на женской половине, в комнате у незамужних девиц делает все это самцовое поголовье? Правила не для вас, да? К директору пойдем разбираться, да?

— Я ее наставник, — тут же ткнул в меня пальцем Велий.

— Я тоже, — добавил Сиятельный, беззаботно пожав плечами.

— А я вообще жених, имею право, — надменно вздернул подбородок Аэрон.

— Я околдованный, — сказал Зоря, нарезая ветчину толстыми ломтями.

И все выжидательно уставились на Серого Волка. Он обвел всех взглядом и ухмыльнулся:

— А я вообще персонаж легенд и мифов, присутствующий здесь в качестве проекции подсознательного на действительность и

визуализировавшийся в результате магических флюктуаций в стенах данного заведения.

Зорина ветчина шмякнулась на пол.

— Ты детей-то не пугай, умник, — проворчала овечка, неуклюже сползая со своего трона. — Как девок тискать, так самец, а как из комнаты выметаться, так визуализация. — И она уставилась на Зорю, сложив ножки крестиком: — А не нальет ли кто-нибудь даме немножко вермута?

Так что Феофилакт Транквиллинович застал нас в самый разгар веселья. Оглядев нашу компанию с порога, он заявил, что именно здесь и ожидал найти всех нас. За его спиной беззвучно подпрыгивал, улыбаясь во всю свою крысиную мордочку, Гомункул, лапами показывая, как он нам рад и как ему здесь все осточертело. По коридору усиленно забегал народ, пытаясь заглянуть к нам в комнату и разочаровываясь от того, что все мы живы-здоровы и никаких конечностей нам не поотрывало. Поздравив нас всех с успешным возвращением, директор велел завтра каждому написать отчет и, строго взглянув на овечку, предупредил:

— Прошу обратить внимание, одна из самых беспокойных комнат.

— Может, расселим? — тут же поинтересовалась предательница.

Глаза директора подернулись мечтательной дымкой, словно он представил себе тихие подземелья, тяжелые кандалы и три отдельные глухие камеры. И он тяжело вздохнул:

— Нет, пусть уж лучше они в одном месте, а не расползаются по всей Школе, как тараканы.

— Может, поужинаете с нами? — предложила овечка. Феофилакт Транквиллинович вздрогнул и, почему-то окинув взглядом меня с подругами, отказался:

— Нет, спасибо, я уже... — и покинул комнату.

— А чего это он на нас смотрел? — пугливо спросила мавка.

— Аж сердце захолонуло, — подтвердила Алия.

Велий приподнял брови:

— А вы разве не заметили, что учеников здесь домой не возвращают?

Мавка тонко запищала, прижимаясь к Сиятельному. Я заухмылялась:

— Меня не съест, я ему родственница.

А Серый Волк жизнерадостно проговорил:

— В каком-то смысле мы все братья и сестры, потому что дети Всетворца. — Он повращал глазками и задумчиво добавил: — Но не ходить же из-за этого голодным.

— Это, — Зоря, глядя то на меня, то на Лейю, погрозил пальцем, — вы не пугайте, а то я когда волнуюсь...

— Знаю, кушать хочешь, — закончила я за него.

— Нет, по маме скучаю и громко плачу.

— Кстати, Гомункул, — обратилась я к крысу, который, проводив директора до двери, скромно остался в нашей компании, — вот твой крестничек, попался на воровском заклинании.

— Ха! Я ж говорил, что заклинание работает железно! — Архивный уставился на попавшегося вора, оценивая размеры добычи. Зоря покраснел, засопел, переживая из-за того, что попался на заклинание какой-то крысы. Но проговорил почтительно:

— Мне бы это... назад. Освободиться.

Крыс разом поскуучнел и начал виновато прятать от меня глаза, что-то невразумительно бормоча.

— Чего-чего?!

— Извини, подруга, — развел лапами крыс, — нету у меня второй половины заклинания.

И в тот момент, когда я и Зоря в гневе готовы были на него кинуться, мерзко так, по-крысиному захихикал:

— Попалась!

Ловить его в комнате, заставленной мебелью, было бесполезно, только тешить его крысиную душонку. Поэтому я, посотрясав воздух бессмысленными угрозами, сдалась.

Ближе к полуночи мы спустились в подвал, где крыс, порядочно наиздевавшись над богатырем, наконец подарил ему свободу. Любопытная овечка, обегая архив, повстречала алхимикуса и добавила к общему беспорядку, царившему в Гомункуловом хозяйстве, пару разбитых витрин. Но больше всех меня потрясла книга, изъятая у фон Птица. Едва начав ее листать, я сразу обрадовалась, что не сделала этого ночью в Белых Столбах. И торжественно вручила ее Гомункулу, сказав, что вот, даже в дальних походах мы не забываем о друзьях, работающих на столь хлопотном месте. Пьяненький Гомункул прослезился, вычеркнул должника и зашвырнул книгу в груды таких

же, наваленных в углу. Проследив за ее бесславным полетом, я решила «купи слона за деньги» оставить себе.

Овечку мы еле отыскивали в хлеву, пришлось отпаивать ее вином.

Так что на следующий день, когда топочущий Рогач поинтересовался, кто это в Школе устраивает такие пьянки, мы молча и не сговариваясь показали на нового коменданта женского общежития.

Солнышко стало ближе к земле, дни стали теплее; конечно, до грандиозного таяния было еще ой как далеко, но уже само предчувствие скорого тепла, а там и летних каникул заставляло чаще улыбаться, чаще мечтательно смотреть в окно, реже слушать бубнеж наставников.

Лейя сидела около самого окна, высунув синий от чернил язычок, она радостно строчила один конспект за другим. Алия любовно полировала отцовскую саблю, напевая под нос:

— Чудесные школьные годы, радости полны деньки, с тетрадками и книжками бегут ученики.

Я лежала на кровати, безнадежно глядя на груды «справочной литературы», принесенной Гомункулом из архива по приказу Феофилакта Транквиллиновича. Я-то, наивная, думала, что за все мои подвиги мне гривну благодарственную повесят на шею, а мне для начала вломили неуд по демонологии, потом неуд по демонографии и неуд по культурологии. Феофилакт Транквиллинович, вызвав меня в кабинет, сидел, откинувшись в своем кресле, и благостно взирал на меня, отбивая пальчиками на подлокотнике легкий бравурный марш.

— Почитал я ваши отчеты, госпожа ученица, и обнаружил удивительное, просто сказочное пренебрежение предметом.

У меня и рот раскрылся.

— Вот, например, — продолжал наставник, — взять хотя бы историю с вашим «нечаянным» срыванием печатей. А вот конспект господина Анжело, кстати, начало этого года. — Он зачитал выдержку: — «Закрывающий печати был утрачен через триста лет после того, как был закрыт ход в Подземное царство... и далее подробное описание свитка. — Наставник подтолкнул мне пухлую тетрадь Анжело. Я с отвращением прочитала в ней полное описание моего свитка, и даже

зарисовочки старательный демон умудрился сделать. Хоть убейте, не могу припомнить этого занятия!

— Да, и, госпожа Верея, верните, пожалуйста, свиток. А то я страшусь даже представить, чем может закончиться его дальнейшее пребывание в ваших руках. К тому же это собственность Школы.

— А по культурологии за что неуд? — набралась я смелости спросить.

— Видите ли, госпожа Верея, — совсем уж добродушно взглянул на меня директор, — но и по культурологии вам давали описание семейства небезызвестного чародея Ландольфа. Пусть и в виде легенды, но тем не менее.

Я втянула голову в плечи, пискнула:

— И что теперь? — понимая, что расплата будет нелегкой.

— Посоветовавшись с коллективом ваших преподавателей, мы пришли к выводу, что вам просто необходимо, во-первых, провести переэкзаменовку по трем заваленным вами предметам, а во-вторых, ввести дополнительные занятия по обществоведению. Вы совершенно не разбираетесь в политической жизни и процессах, происходящих в Мире. — Директор машинально взял перо и начал им размахивать, как дирижер. — К тому же я слышал, что у вас появилась похвальная тяга к архивным книгам. Что ж, добавим еще книговедение. Вам будет приятно.

Я закатила глаза, едва малодушно не предложив просто выпороть.

Директор задумался, видимо решая, какой новостью меня еще порадовать, но, посмотрев на мою унылую физию, сжалился:

— Да вы не переживайте, госпожа Верея, мы же понимаем, что уход такого опытного педагога, как Рагуил, сыграл немаловажную роль. Поэтому даем вам на передачу двенадцати важных тем прошедшего года целый месяц. Но вы не затягивайте, потому что скоро начнутся декадные экзамены, да и курсовые работы по окончании учебного года не за горами.

Я чуть не завyla как собака.

Вот так и вышло, что теперь, пока подруги беззаботно веселились, я с тоской смотрела на кипу книг.

— Да ты не переживай так. Мы ж поможем, — успокоительным тоном проговорила Алиа.

— Ага, — я безнадежно качнула головой, — У доски за меня постоите. Сейчас они знаешь как в меня вцепятся! И Велий еще с этим книговедением...

— А что по книговедению? — спросила мавка.

Я показала ей длинный свиток:

— И это только ознакомительная литература.

По коридору, дзинькая колокольчиком, прошла овечка:

— Так, бездельницы, на уроки, на уроки. Обед кончился. — Она заглянула в нашу дверь. — Госпожи ученицы.

Алия покосилась на овечку:

— Кудрявая, иди матрасы пересчитывай.

Я, между прочим, — овечка отставила ножку в сторону, — комендант, а не завхоз и отвечаю за общий порядок, бездельниц вроде вас на уроки отправляю.

— Ой, ой, ой! Интересно, кто тебе кропал стишата в туалете. — Лейя закатила глазки и продекламовала:

Милые друзья, на пол с... нельзя,
Для этого есть яма,
Держите попу прямо!
Если вы не будете соблюдать правила этикета,
То администрация добьется закрытия туалета!

— Шедевр! — захлопала Алия в ладоши.

— Я, между прочим, из вас людей делаю!

— А надо нечисть! — вякнула Лейя.

— Хватит пререкаться с комендантом, а ну, живо на уроки! — Овечка впрыгнула в комнату, а мы мимо нее в коридор и заперли дверь, слушая, как она там долбится.

— Все! — радостно объявила Лейя. — Теперь, Алия, на утренней пробежке тебе смерть сыскать!

Надо сказать, что деятельная овца вытребовала себе у Феофилакта Транквиллиновича еще и должность педагога. Теперь она вдобавок к своим комендантским обязанностям тренировала по утрам вилколаков, вовкунов и прочих оборотней. Очень забавно было наблюдать, как злобная стая волков гонит по парку беззаботно гарцующую всего на

полшажка впереди них овечку. Обратни сходили с ума при виде ее наглого кудрявого зада. Но ни один не смог ее догнать.

Единственное, что их утешало после подобного унижения, так это занятия с Зорей, который попросился хотя бы до лета пожить при Школе. Вольф Вениаминович, выдав ему деревянную колотушку, велел гонять ею учеников, а так как Зоря их боялся, то гонял на совесть и на полном серьезе, но за все время еще ни в кого не попал.

Убежав от топчущей комендантши, я столкнулась с Велием.

— Ну, ты как? Готова к урокам? — осведомился он.

Я кивнула. Последнее время на меня стала накатывать сонливость, сменяющаяся приступами странного ясновидения. Например, я точно могла сказать без всякого кольца и зеркала, где Велий и чем он занимается, строчит ли заклинание или валяет дурака с Аэроном. Стоило мне признаться в этом, как дружки устроили мне скандал. Вампир заорал что немедленно расторгает помолвку, ибо он-то точно знает, как образуется подобная связь, и накинулся на меня:

— Признавай я, когда ты пила его кровь?!

А Велий заявил, что если девицы начинают тебя даже сквозь стены чувствовать, то совершенно точно пора драпать куда-нибудь за тридевять земель. На что я фыркнула и сказала, что я точно так же чувствую и Феофилакта Транквиллиновича. Тут уж они оба на меня накинулись, обзывая развратницей.

Так и полетели наши дни — днем занятия, вечером посиделки и жалобы на непосильный ученический труд. Единственным развлечением остались только прогулки в парке с Велием.

— Тема сегодняшнего занятия... — строил из себя учителя Велий, сознательно не обращая внимания на хруст моего снежка за спиной, но стоило мне его метнуть, как он развернулся, поймав снежок в невидимую ловушку, и договорил: — левитация.

Я хмыкнула и подбросила варежки, они словно по волнам поплыли к магу и шмякнули его в нос.

— Очень хорошо. — Велий сунул мои варежки в карман. — А теперь сделай так. — Он развел руки и поднялся над землей на локоть.

— Эй! — Я вспомнила, как летала вместе со Школой, и присела. — Давай не будем!

Маг соорудил скорбную гримасу и, подражая миренцам, сказал:

— Совсем не могу, слушай, дорогая. Личная просьба директора.

Я обреченно вздохнула, помолилась всем богам, которых знала, включая дядьев и теток, и велела рассказывать.

— Только не надо такого лица! — закричал сердито Велий, пряча усмешку. — Думаешь, я не боюсь? Хорошо, если просто об землю шмякнемся, а то ведь может еще и на кусочки разорвать.

— Ты специально внушаешь мне эти мысли? — Я похолодела — все, пропал урок, — Я теперь как только посмотрю на тебя, так сразу будут представляться эти... эти ошметки!

— Все, не паникуем, — со смехом сказал Велий, — просто летим.

На удивление хорошо полетали.

— Чего ж ты по Засакам-то не путешествовал? — укорила я его.

— Заклинание это очень энергоемкое, накопителя бы не хватило.

Я посмотрела на пожелтевший драконий глаз, взяла его в ладошку и вдруг поняла, что не могу его зарядить, сколько я себя ни представляла горным озером.

— Надо же, переклинило, — удивилась я. — Ну-ка возьми меня за руку.

Велий послушно выполнил просьбу. Но, сколько мы ни тужились, ничего не получилось. Я замахала руками, пытаюсь снова взлететь, но проще было сигануть с крыши Школы.

— Чего это? — жалобно спросила я.

— Откуда ж я знаю? Может, ты что-то съела?

— Ничего я не ела! — взвизгнула я чуть не плача и безнадежно взмахнула рукой. Старый школьный тополь покрылся ярко-оранжевыми апельсинами. — Ой! Мама! — Я замахала руками — апельсины, свиристя на разные голоса, разлетелись пестрой птичьей стаей. Метнувшись вдоль аллеи, не меньше сотни длинноклювых странных птиц ворвались в открытые окна кухни.

— Да, хорошо, что я этого раньше не видел, — пробормотал Велий. — С такой кашей в голове только левитацию осваивать. Хорошо, что сами сейчас не свиристим.

— Я не виновата! — заверещала я. Но тут на кухне поднялся гвалт, на крыльцо вылетел Рогач, держа бьющуюся птаху за лапки:

— Это что за вид? Их есть можно?

Приятного аппетита. — Я втянула голову в плечи.

Рогач поднес птицу поближе к глазам, и они внимательно посмотрели друг на друга, после чего длинный клюв вцепился в пятак кладовщика. Велий быстро закрыл мне глаза ладонью.

— Ты чего?! — крикнула я.

— Не хочу, чтобы ты эту птицу превратила в какую-нибудь крокодилу. Мне кладовщик дорог.

Я вспомнила, как сильно крокодила непохожа на маленькое, безобидное пернатое, и вздрогнула от визга Рогача.

— Уходим. — Велий толкнул меня в спину, а сзади несся вой беса:

— Ты кого ешь, зубатый, да?! Да я тебя сам съем, да! И косточки обсосу, и зубы пушу на бусы, да! Да ты знаешь, кто я! Нет, ты не знаешь, кто я!

Вечером Велий выдернул меня из комнаты в кабинет директора.

— Ты чего?! — шипела я, но маг упорно волок меня в учебное крыло. Я стала лихорадочно припоминать все пакости, совершенные мною за последнее время, и с облегчением поняла, что ругать меня пока не за что, поэтому стала вырываться из его рук

— Верелея! — шикнул на меня Велий и даже тихонько щелкнул в лоб. Я онемела от такой наглости, и проклятый маг, воспользовавшись этим, впихнул меня в кабинет директора.

— Феофилакт Транквиллинович, мы пришли.

— Да-да, заходите. — Директор подкрутил фитиль лампы и приглашающе показал на два свободных кресла. Велий аккуратно прикрыл дверь.

— Я ничего не делала, — начала я с порога, — и если вы меня в чем-то подозреваете, то это не я!

— Вот, — вздохнул Велий, — она или спит, или пребывает в состоянии гиперактивности. Равно как и ее способности. То она не может совершить элементарные вещи, а то легко делает невозможное. — И он, не стесняясь меня, рассказал про утренний урок.

— Ах вот по чьей вине пострадал Рогач! — улыбнулся директор. — А вы говорите что ничего не делали.

— Во время занятий птицы являлись учебным пособием, таким образом я защищала школьную собственность.

— Да не об этом совсем речь. — Велий незаметно наступил мне на ногу. — С ней вообще происходит что-то странное. Вот я и прошу вас, Феофилакт Транквиллинович, чтобы вы помогли разобраться в этом.

Директор надул щеки, потом сделал губы трубочкой и посмотрел в окно, а я подумала, что ему просто необходимо пенсне. Чтобы время от времени с умным видом его протирать. Можно еще добавить тросточку с золотой головой собаки, чтобы постукивать тихонечко об пол или о край стола.

— Вы знаете, господин Велий, мне кажется, ваши тревоги напрасны. Идет естественный процесс. Не забывайте, что этим летом Верея станет совершеннолетней и, хотя я сам не верю в мистику цифр, тем не менее не могу ничего поделать с происходящим. Советую вам просто переждать.

— И во что же я превращаюсь? — испуганно поинтересовалась я и посмотрела на свою руку, не растут ли между пальцами перепонки? А оба собеседника посмотрели на меня с любопытством, после чего Феофилакт Транквиллинович, задумчиво побарабанив пальцами по столу, признался:

— Не хотел вам говорить, госпожа Верея, но уже была одна особь, подобная вам.

Слово «особь» мне очень не понравилось, похоже, это существо плохо кончило. Я робко поинтересовалась:

— И кто это?

— Ну-у, вообще-то это девица Василиса, больше известная как Прекрасная. Или Премудрая? Я уже и не помню...

Я беззвучно начала разевать рот, представляя, как в ближайшее время превращусь в милую лягушечку, а Велий будет таскать мне комаров.

— Насколько я помню, для нее все закончилось хорошо.

И тут я вспомнила:

— Неправда! Анчутка сказал, что они разыграли эту сказку, чтобы Ивана женить.

— Да? Ну тогда тем более вам не о чем беспокоиться.

— Подожди меня за дверью, — попросил Велий, и я с радостью выскочила из кабинета, ответив на последний вопрос Феофилакста Транквиллиновича: «Преследует ли вас мысль о мировом господстве?»

решительным «Нет». Оказавшись в коридоре, я не стесняясь припала ухом к двери, но ничего интересного не услышала. Битый час они строили разные предположения о том, чем закончится мое преобразование, придя к выводу, что черт-те чем.

— Нет! Вы представляете! — разорялась я, бегая по комнате перед равнодушными до обидного подругами. — Я могу стать обыкновенной городской девахой! Или ведьмой среднего пошиба! И какого тогда я горбачусь?! Зачеты, экзамены, курсовые! Даже архон через месяц-два может оказаться для меня совершенно бесполезным!

— Да ладно тебе! — отмахнулась Лейя, кропая очередное любовное послание для Сиятельного. — Превратишься в жабу — возьму жить тебя к нам на озеро. Там комары знаешь какие! Во! — Она развела руки в стороны, а меня затошнило.

— Да ну, может, станешь какой-нибудь чудой-юдой, и всех делов! — хохотнула Алия.

— Ага, а потом приедет какой-нибудь богатырь Зоря и отсечет мне все мои бесчисленные головушки. Потом эти головы сдадут в кунсткамеру Великого Князя, и фон Птиц будет каждый день на них любоваться. — Мне захотелось плакать.

— А мы будем цветы твоему чучелку носить. Каждый день и обязательно живые, — утешила меня, оскалившись, Алия.

— Подруги, тоже мне, — проворчала я и плюхнулась на свою кровать. Повалаясь, но предаваться отчаянию в одиночестве было скучно. Тогда я накинула куртку и отправилась в парк.

В парке было пусто, но зато под знакомым тополем я нашла апельсин, по какой-то причине не ставший птичкой. Я очистила его и стала хрустеть немного заледеневшей мякотью. Не доев, швырнула его в сугроб и вызвала Сивку. Парк вздрогнул от ржания богатырского коня, я кинулась ему на шею:

— Привет, дружок! Давай покатаемся, а то меня обещают в жабу превратить!

Сивка, в отличие от подруг, не был равнодушным, и мы маленько покатались. Богатырского коня тянуло все больше в страны жаркие и экзотические, где режут, рассыпая вокруг тысячи радуг, величественные водопады, где странные розовые птицы ходят по мертвым озерам важные, как цесаревичи, где в мрачных и

вечнозеленых лесах рычат, выгибая спины, огромные пятнистые кошки. Мы скакали и скакали, из дня в ночь, из ночи в утро, то замирая восхищенно на вершине заснеженной горы, такой высокой, что там не хватало воздуха и начинала кружиться голова, то кидаясь навстречу изумрудным океанским волнам, бессильно бьющимся о маленький потерянный островок, в лагуне которого плавали разноцветные, как бабочки, рыбки.

Сивка гулял по отмели, выворачивая для меня из песка большие шипастые ракушки.

— Отдам их Лейе, — делилась я планами, — мавка умрет от счастья! Я примерила одну из них на голову, получился шлем. В небе чайки бились за жирную рыбину, которая упала, в конце концов, к моим ногам, бессильно открывая рот. Я решила сбросить ее обратно в воду, и, пока наклонялась, из широкого выреза платья выскользнула цепочка с Грунькиными ключиками. Надо сказать, что я теперь была как блудливая корова с колокольцами, чего только не висело на моей шее: и мамин портрет в медальоне, и архон, и ключики. Я позвела связкой и спросила Сивку:

— Слышишь, лохматый друг богатырей, а ты не знаешь, где остров Буян?

Сивка-Бурка брезгливо сплюнул не понравившуюся ему на вкус морскую траву и, прищурившись, глянул на заходящее багровое светило.

— А тебе зачем?

— Да я все архивных должников собираю. Помнишь, как к фон Птицу летали?

Сивка хохотнул, невольно передернув шкурой на заживших боках.

— Такое забудешь! С богатырями так не попадал! Опасная у тебя работа, ты завязывай со своими книгами. Давай лучше в богатырскую дружину подадимся, тихо, спокойно, чуду-юду зарубил, и ложись отдыхай. Ты ж девица, в конце концов!

— Размечтался! — прервала я его фантазии.

Сивка тоже фыркнул, всем своим видом показывая, что это он просто так меня воспитывать пытается. И тут же мотнул головой:

— Залазь. Покажу я тебе этот остров. Только путного там ничего нету.

И, с силой оттолкнувшись, в очередной раз взмыл в бездонное синее небо. Я, опомнившись, припала к его шее и зашептала на ухо:

— А ты точно туда скачешь? Ведь я слышала, что остров того, потаенный.

— Был, — хмыкнул Сивка, — пока мы с богатырем Горыней победу над каким-то хмырем не принялись отмечать. Упились до свинячьего визга, и, главное, потом просыпаюсь — мамочка моя, где это я?! Еле сбег! — Тут Сивка встал на все четыре ноги так, что меня аж через его голову перевернуло, хорошо, что он меня хоть за подол зубами поймать успел. Я завывала, забилась, молотя коня руками:

— С ума сошел?! Так ведь и убиться можно!

А Сивка как-то задумчиво смотрел на меня, флегматично жуя подол, потом опомнился, выплюнул ткань и пошел на меня в атаку, щуря глаза:

— Ты погоди, ты с кого книгу собралась вытряхивать? Там же, кроме Лиха одноглазого, никто и не живет!

Я вздернула нос:

— Какая разница, Лихо там или кто другой? Мы, работники архива, знаешь какие принципиальные? Почитал книжку — верни, другим тоже надо!

Но Сивка встал в позу, заявив, что еще слишком молод, он еще, дескать, не созрел для таких знакомств и вообще предлагает найти для таких заданий более отмороженного коня, вот, например, дядю Индрика, хотя даже такой олух, как мой родственник, и тот не поперется на остров Буян.

Через полчаса лести и посулов мы отправились в путь, обогнав солнце. Как и рассказывала Баба-яга, остров Буян и в самом деле оказался заброшенным моим дядькой Анчуткой на край света. Совсем нерадостный, тревожно бился черный океан о высокую скалу, словно не желая, чтобы мы скакали дальше.

— А где остров? — Я вертела головой, опасаясь увидеть далеко-далеко на горизонте еще одного братца Хрустального города. А Сивка, скосив на меня хитрый глаз, спросил:

— Хочешь, фокус покажу? — и, не дожидаясь ответа, скакнул со скалы прямо в океан на острые камни.

Я завизжала так, что в груди заныло от боли, а потом выпучила глаза. Мы стояли на узехоньком перешейке, которого до того видно не

было. Он тянулся далеко-далеко в океан, заканчиваясь тем самым островом Буяном. Черное воронье кружилось над мрачным лесом.

— Совсем не так я себе его представляла, — пробормотала я, вцепляясь в гриву Сивки. — Я думала, что он такой желтенький, веселенький, с шатром царь-девицы и лодочкой у берега. Сидит она, на гусельках наигрывает да песенки попевает, а вокруг лебеди, лебеди. А тут, вороны, вороны...

Сивка, переступив копытами, вдруг сделался деловит и серьезен, глянул на меня с таким видом, будто собрался хлопнуть себя по лбу от досады, прямо как Велий.

— Слышишь, Верея, я совсем забыл, мне еще в пару мест забежать нужно. Ты подожди меня на острове, а я тебя чуть попозже заберу.

Я задохнулась гневом:

— И это богатырский конь! Девицу бросает на поругание дикому Лиху! Да лучше б я Конька-Горбунка вызвала! Он хоть маленький, да бесстрашный! — Спрыгнув с испуганного коня, я потащила его под уздцы вперед, выслушивая нудные наставления:

— Ты это... Про Горбунка не заикайся, и вообще, сказкам не верь. Незнамо от кого родился, и характерец явно в папу. Хорошо, он Ивану в руки попался, а так-то его в кунсткамеру тащили. Честной девице с ним лучше не знаться.

— Шевели ногами, мерин, — шипела я, соленые брызги океана, долетавшие до меня, нервировали.

Белый известковый берег не принес успокоения.

— Ну хотя бы не елки. — Я посмотрела на мрачный лес, шелестевший мясистой зеленой листвой. Тропинка вела в лес, на самой опушке грудой громоздились кости. И мрачные вороны тюкали чей-то череп без всякой надежды добыть из него что-нибудь съестное.

Сивка мужественно молчал, всем своим видом показывая, что в любой миг готов сигануть отсюда за тридевять земель. Я на всякий случай намотала на руку узду покрепче, чтобы не остаться здесь один на один с неприятностями. Камушки под ногами противно скрипели, царапая сим звуком напряженные нервы. Я в ужасе ждала, что сейчас на меня выпрыгнет из чащи это самое хваленое Лихо. Тем удивительнее показалось, что мы прошли через лес, никого не встретив.

Остров был немал, и тропинка петляла по нему как придется, словно ее прокладывал пьяный бездельник, которому некуда спешить. Мы с конем переглядывались и, как учат сказки, никуда с этой тропинки не сворачивали. Так что, пройдя половину острова, вышли на плешивый холм, на вершине которого рос высоченный дуб. Я присвистнула, пытаюсь сосчитать, сколько меня надо, чтобы обхватить это чудовище, а Сивка же, задрав голову, прищурился, разглядывая что-то в ветвях, хмыкнул:

— Ты смотри, висит еще!

— Что висит? — Я тоже задрала голову.

— Да сундучище этот проклятый! Я, когда в прошлый раз отсюда драпал, так головой об него навернулся, что целый табун жеребят увидел.

У меня сразу зачесался нос и руки, я засуетилась, начала бестолково скрести по каменной коре дуба, понукая Сивку:

— Ну! Подсаживай же меня! Подсаживай!

Конь подтолкнул меня мордой, я повисла, распластавшись на стволе, правда, метра на два приблизившись к сундуку.

— Давай еще! — прохрипела я, боясь разжать пальцы, цепляющиеся неизвестно за что. Сивка послушно встал на задние ноги, подставляя под мои каблуки свой нежный нос. Я попробовала подпрыгнуть до ближайшей ветки, но с ужасом поняла, что заваливаюсь на спину, и завизжала. Бум! Шмяк! И я уже на земле.

В ближайших кустах кто-то хохотнул. Я присмотрелась, но оттуда вылезла, щелкая клювом, серая ворона.

— Не нравится мне здесь, — признался Сивка. Но я, решительно приподняв платье, снова пустилась на штурм проклятущего дуба.

После третьего падения конь предложил мне попытаться допрыгнуть до какой-нибудь другой ветки, а после того как я, наконец-то добравшись до ближайшего сохлого сучка, сорвалась вниз и едва не переломила ему хребет, заявил, что сейчас сам прыгать будет. И, сильно толкнувшись, угодил лбом прямо в дно сундука. Глухой колокольный звук прокатился по острову, а я едва успела убежать с того места, куда рухнул богатырский конь. В кустах опять хохотнули. Я обозлилась на проклятущих ворон и, схватив камень, запустила им в заросли.

— А-а-а! — заорали там, я услышала звук катящегося под откос тела и кинулась трясти Сивку:

— Вставай! Вставай, я, кажется, Лихо убила!

Конь поворачивал налитыми мутью глазами, и тут Лихо под холмом завылло, заставив Сивку дернуться и попытаться встать на ноги. Я не раздумывая вскочила в седло, но оно подо мной поехало набок, Сивка толкнулся от земли, а я, пискнув, закрыла голову руками, поняв, что сейчас мне навернут по ней копытами. Чертова подруга лопнула в самый неподходящий момент, хотя мне до сих пор казалось, что сбруя вообще является частью Сивки, ну вот как крылья у Индрика.

Неудачно оттолкнувшийся конь тоже запутался в упавшем седле и, вместо того чтобы красиво взмыться в небеса, пролетел требушетным ядром низко над землей и скрылся в лесу, вызвав дрожь деревьев и возмущение вороньей стаи.

— Хе-хе-хе! — донеслось из-под холма.

Я, испуганно зыркнув вокруг, ящерицей поползла в сторону коня, стараясь не поднимать попу выше окружающих камушков. Платье этому не способствовало, оно путалось в ногах, и я на все лады проклинала себя. Давно ведь понятно, что пора, как Алия, залезать в штаны! Холм подо мной стал как живой. Руки и ноги то и дело оскальзывались, камушки набивались в сапоги, и я текла с рекой щебенки куда-то вниз, в овраг, где белели знакомые кости.

— Веря! — визгливо орал откуда-то издалека Сивка. — Спаси меня!

— Давай сначала ты меня! — огрызалась я, понимая, что не могу встать. Ветки под руками ломались или хлестали по лицу колючками, ноги подворачивались, и время от времени я сама себе наступала на подол, раз за разом втыкаясь в землю лбом, будто решила прободать ее на манер дяди Индрика.

— Главное — не сдаваться, — успокаивала я себя, лежа на спине. — Подвернуть подол, поднять голову. Ай! — Шипя от злости, я отвела в сторону ветвь розового куста, которая чуть не выбила мне глаз. — И-и-и! — надсаживал мне сердце Сивка.

— Го-го! — закончила я, садясь. — Теперь тихонечко встаем. — Видок у меня был еще тот. Представьте себе деваху с задранной подолом, красную, сопящую, оставившую половину волос и одежды

на ветках кустов и собравшую в остатки своей прически окрестный мусор.

— Где ты, Лихо? — прорычала я.

— Ну здесь я. Чего надо? — флегматично осведомилась у меня за спиной. Уже догадавшись, что резкие движения здесь дорого стоят, я осторожно повернула голову, взвизгнула и ругнулась, отпихивая в сторону зеркало, которое Лиха поднесла к самому моему лицу.

— Я думала, ты — мужик, — только и смогла выдавить я, уставившись на высокую костистую тетку с глазом посередине лица.

Из всех моих знакомых и родственниц эта мне показалась самой бесцветной. Длинная рубаха из небеленого полотна болталась на ней как на вешалке, а нечесанные патлы скрывали почти все лицо. Бесцветный глаз с булавочным пятнышком зрачка неприятна буравил меня. Она покачивалась с ноги на ногу, зловеще шевеля пальцами. Я покосилась на ее нестриженные, ломаные ногти и, сделав реверанс, сказала:

— А мы ват тут к вам в гости зашли. А теперь нам пора, до свидания.

Споткнулась о корягу и пребольно села попой на острый камешек.

Лихо восторженно завывала, и я поняла, что она совершенно сумасшедшая. Тут, победив-таки коварные ловушки острова, ко мне вырвался, весь в репьях, Сивка, заполошно крича:

— Бежим! — но стоило Лихо уставиться на него своим белым безумным глазом, как все четыре ноги коня подвернулись, и он долетел да нас кубарем.

— Прибежали, — сказала я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

— Может, отпустишь нас? — без надежды спросила я. Тетенька безмолвствовала, все так же покачиваясь под порывами ветра.

— А я в прошлый раз понадеялся, что у меня белая горячка, — пробормотал Сивка, не пробуя даже подняться на ноги.

— И что делать будем? — спросила я, втихую пробуя на ней свой дар. Для начала хотелось чего-нибудь безобидного. Ну, например, чтобы она превратилась в пенек с поганками или чтобы между нами от земли до неба образовалась стена. Но ничего похожего не получалось.

— Веря, ты не колдуй, — опасливо проговорил Сивка. — Слышал я, что и магия здесь идет наперекосяк. — И он, сведя глаза в кучку, уставился на поганку у себя на носу. Я обиженно засопела, поскольку именно мой дар последнее время был самым весомым аргументом в спорах с неприятностями.

— Отползаем, — приказала я коню.

Сивка понятливо мотнул головой и поскреб ногами по земле, демонстрируя свое бессилие. Тогда я решила пятиться в одиночку. Тут же провалилась ногой в чью-то нору и застряла в ней намертво, наругалась всласть и пригрозила, что сейчас позову своих дядек и теток, тогда Лиху не поздоровится. Лихо прекратила раскачиваться, и в ее единственном глазу появился неприкрытый интерес.

— Чего? — насторожилась я, меня вообще угнетала эта ее молчаливость. Сивка-Бурка мотал головой, намекая, чтобы я не смела вызывать своих родственников, но в его шее что-то хрупнуло и конь замер, весь перекошенный. — Не надо звать? — недоверчиво спросила я.

— Благодарны они тебе точно не будут, — прохрипел конь и тихо застонал, потому что прикусил язык.

Я, глядя на его мучения, заскулила, решив давить на жалость:

— Тетенька, отпустите нас, пожалуйста, мы же хоть дальние, но родственницы.

Лихо задумчиво поморгала, а потом, благодушно кивнув головой, прошелестела:

— Если теток позовешь.

— Зачем? — насторожилась я.

— Скучно, — призналась Лихо, плотоядно облизнув губы.

— Э, нет, так дело не пойдет, — уперлась я. — Я не могу принимать такие скоропалительные решения. Давай посидим, обсудим, чайку попьем.

— Нету у меня чайку, — равнодушно пожала плечами Лихо, а я с тихим ужасом почувствовала, как в мой сапог вгрызлось что-то под землей.

— А что есть? — пискнула я.

Лихо неторопливо обвела свои владения взглядом. Ученые вороны тут же припали к земле, мрачный лес замер, и даже, как мне показалось, деревья стали прятаться друг за друга.

— Ничего здесь нет, — констатировала Лихо, — одна я.

— Да-а, скучно без общества. — Я задержалась, стараясь носком сапога оттолкнуть настырного грызуна.

— Может, вам привезти кого сюда? — подсуетился Сивка, вскакивая на ноги. — Дак мы сейчас прыг-скок! Гудошников, скоморохов доставим! — И замер под оценивающим взглядом.

Я, воспользовавшись моментом, напряглась и выдернула ногу из норы, спинывая с сапога в темноту провала что-то длиннозубое, мохнатое и урчащее.

Лихо тоже заинтересовалась, глянула в нору, и земляные стены с тихим шорохом осыпались. Мне стало жалко злодея, но зато меня посетили сразу две мысли. Сунув руку в мешок на поясе, я сначала похолодела от дурного предчувствия, а потом запрыгала на месте, радостно визжа, потому что мое волшебное зеркальце так и лежало там после похода в Засеки. Забыв обо всех своих горестях, я начала судорожно метаться в мыслях от Анчутки к Велию, от Велия к Аэрому и, наконец, остановилась на Алие.

— Алия, Алия! — Я махала как полоумная зеркальцем и ракушкой до тех пор, пока не увидела заспанное, возмущенное лицо лаквиллки.

— Ну и кому я сейчас уши оторву? — поинтересовалась будущая валькирия.

— Мне, — улыбнулась я во весь рот. И тут же сменила тему: — Скажи, подруга, у тебя нет на примете каких-нибудь государственных преступников или просто злодеев?

Алия целую минуту изводила меня молчанием, после чего изрекла куда-то в сторону:

— Слышь, Лейя, превращение уже началось. Мозги у ней уже лягушачьи.

Я зарычала, но прежде чем успела раскрыть рот, любопытная Лихо заглянула через плечо в зеркальце. Раздался визг, удар, и изображение померкло.

— Что это было?! — поинтересовалась жутко перекошенная Алия, когда я дозвалась ее во второй раз.

— У вас зеркальце погнулось или вы теперь всегда так выглядеть будете? — хихикнула я.

— Это у моей кровати лопнула ножка! Я упала, опрокинула стол, и на меня с него съехала посуда! А когда Лейя бросилась мне помогать, то наступила на мою руку, в которой я держала зеркальце! Так вот, что это была за страхолюдина?

— Лихо. — Я втянула голову в плечи. — И она хочет общаться.

— Беги! — заполошно завизжала Лейя.

— Уже бегала. — Я покосилась на одноглазую, упорно пытающуюся заглянуть в зеркало. И в двух словах объяснила, как я вляпалась. Кривые в зеркальце подружки погрустнели.

— Нет, злодеев я тебе, конечно найду, — заверила Алия, — в крайнем случае, папа у соседей займет. Что им каторжан жалко, что ли? Только как их к тебе забросить?

— А Буян далеко? — тут же влезла Лейя.

Я закатила глаза, мол, дальше некуда.

— Значит, этапом гнать не получится, — вздохнула лаквиллка. — Может, твои родственники помогут?

— Ни за что не говорите им, — зашептала я в ракушку. — И Велию не говорите, лучше попробуйте нанять драконов в Урлаке. Да, и спросите у Аэрона, может, и у него есть какие-нибудь ненужные вампиры?

Это и стало моей ошибкой. Не прошло и часа, как маг орал на меня, делая страшные рожи в зеркальце. Его лицо меня так пугало, что время от времени я показывала его Лиху.

— Не смей так делать! — орал Велий, появляясь снова и снова. — Идиотка, имбицилка!

— Может, просто дура? — слабо отбивалась я.

— Нет! Ты королева дур, хуже, ты их богиня!

Это было так обидно, что я снова показала Лиху его и без того помятую физиономию, пояснив:

— Вот, мой возлюбленный. Во всей красе.

На этот раз по ту сторону звенело, грохотало и проклинали меня не в пример дольше обычного. Зато в зеркальце Велий появился уже почти спокойный, хоть и бледный, и даже извинился.

— Я так за тебя переживаю.

— Понимаю.

— Ты там одна, с этим Лихом.

— Понимаю.

— И драконам на край света чуть не месяц лететь.

— Понимаю. — Я уже почти рычала.

— И... — не унимался Велий, я не выдержала и завизжала:

— Велий, мне и так страшно, делай же что-нибудь! Я в отличие от Сивки не могу целый месяц травку есть!

— А что, там больше ничего нет? — удивился маг. А я, как давеча Лихо, обвела остров тоскливым взглядом. Наученные вороны припали к земле, а деревья замерли.

— Нету тут ничего, — со вздохом сказала я, понимая, что не такая уж моя родственница и злодейка, просто неудачница по жизни.

— Ага. — Маг кивнул и исчез, пообещав, что он мухой.

— Мухе сюда долго лететь, — вздохнул Сивка.

Пока Велий бегал, утрясая мои дела, подружки тихо шептались со мной.

— Веряя, — заговорщицки тянула мавка, — а может, не мучиться? Отвези ее к Прыщу и спокойно возвращайтесь с Сивкой в Школу.

Конь протестующее заржал, объясняя, что живыми до Прыща мы точно не доедем, хряснемся где-нибудь вместе с Лихом и костей не соберем. А я прорыдала, что и сама хотела бы, да не могу людям такую пакость сделать, потому что дура совестливая.

— А что такого? — успокаивала меня Алия. — Подумаешь, Лихо с народом маленько пообщается. А Древние ее потом быстренько обратно закатают.

— Ага, они и в прошлый-то раз только вместе с куском земли смогли запулить ее на край света, а уж второй раз этот номер у них не пройдет.

Мы втроем тяжело вздохнули. Неожиданно в наш девичий разговор встрял Аэрон:

— Веряя, ты чего натворила, дура? Ты знаешь, что здесь творится? Нет, ты не знаешь, что здесь творится!

— А что? — встрепенулась я.

Вампир хмыкнул и тоже, видимо, посмотрел в зеркальце, потому что его полупрозрачная, как у привидения, физиономия легла поверх двух заинтересованно притихших подруг.

— Да здесь твои родственники рвут и мечут! Говорят, что ты с Лихом на какую-то святыню покушаешься. Волка взяли за шкуру, сейчас меня по всей Школе ищут, чтобы я тебя вынюхивал.

— А ты где?

— Я-то в архиве. А вот тебе с острова лучше драпать, потому что дядьки твои обещали тебе голову отвернуть вместе с ушами... или уши вместе с головой?

— Куда же я побегу?!

— Утопись, — посоветовал «женишок». — Легче будет.

Тут призрачными тенями замелькали в зеркальце чьи-то лапы, и ракушка заорала:

— Вот он, держи!

И я сделала ручкой дяде Анчутке:

— Привет.

— Привет, — улыбнулась из-за моего плеча Лихо.

Старый черт пропал, так и не успев пообещать мне ничего плохого.

— А может, не так уж и плохо на этом острове? — влез напряженно размышляющий Сивка. — Чего мы там, в большом мире, позабыли? А здесь нас точно никто не обидит.

— Если сами себя до смерти не заобижаем. — Я хмыкнула. — И вообще, стоило устраивать такой сыр-бор из-за того, что я к родственнице заехала! — Заявление было в высшей степени лицемерным, потому что я точно знала, из-за чего они так всполошились. Но все равно зарычала, когда тихо проклюнувшийся Велий вкрадчиво поинтересовался:

— Верелея, признайся, ведь ты это все еще в Засаках придумала?

Я рассердилась донельзя, вместо ответа показала ему в зеркало фигу и решительно рявкнула:

— Это стечение обстоятельств! Я не такая, как вы думаете!

— Ты гораздо хуже? — хихикнула мавка, не выпуская все это время зеркальце из рук.

— Веряя, мы тобой гордимся, — прогудела Алия. — Я только понять не могу, как ты все с рватнем-то провернула?

— Бездна коварства, — влез Анжело, восторженно сверкая глазами.

— И этот туда же, — проворчала я и тихо заскулила.

Вороны на дальнем конце взмыли тучей в небо, и Лихо напряглась, заинтересованно глядя вдаль.

— Это вампир на Сером Волке, — сказала я. — Иди, встречай дорогих гостей.

Два раза Лихо уговаривать не пришлось, она неторопливо двинулась навстречу долгожданным гостям.

— Только за деревья она зайдет, мы свечой в небо, и больше нас никто не увидит. Я такие места знаю, вовек нас там не сыскать! — Сивка заговорщицки подмигнул и удивленно вытаращился на меня, когда я со всех ног, стоило только Лиху скрыться за деревьями, метнулась к дубу, вскарабкалась на самый верх, как белка, и, сорвав с шеи цепочку с ключами, один за другим, как матерый вор, вскрыла все девять сундуков, ни разу ключиками не ошибившись.

— Лови! — заорала я, сигая с немислимой высоты на раскрывшего в удивлении пасть коня.

— Держи! — истошно завопили, выскакивая из леса, мои родственники.

— У-у-у! — иступленно выла Лихо.

— А-а-а! — кричал богатырский конь, свечой уходя в небо. — Вляпался же я с тобой!

Снаружи гремел гром и бесновалась буря.

— О, что сейчас будет! Что сейчас будет! — Сивка-Бурка метался от стены к стене. — Да чтоб я еще раз с бабой связался!

Ему не доставало рук, чтобы рвать из гривы волосы. А я, крысою забившись в самый дальний угол мрачной и сырой пещеры, зыркала вокруг. Зеркальце, ракушка, даже перстень были завалены грудой камней, и все равно там подозрительно шевелилось и пищало.

— Они нас найдут, они нас найдут! — все сильнее паниковал конь, шерсть у него была изрядно подпалена, оно и немудрено — бабахнули по нам вслед неслабым колдовским арсеналом. Если б не Лихо, нам бы точно конец, а так просто полострова осело в воду, и все.

Воровато косясь на четырехногого безумца, я осторожно, за краешек, подтянула к себе завернутую в холстину книгу. И разочарованно хмыкнула — простая деревянная обложка и пергаментные страницы, пожелтевшие от старости, увидишь такую на полке и мимо пройдешь. Я открыла одну страничку, потом вторую, потом третью и чуть в голос не захохотала. Красными чернилами очень уверенным, похожим на рагуиловский почерком там день за

днем описывалась история земель, стран и народов. Очень хороший учебник по истории. И стоило из-за этого так бесноваться! Я хохотнула, потом еще и уже не могла остановиться.

— Ты чего? — Сивка подозрительно замер на полуслове. — С ума сошла?

Я, зажимая рот ладонью и все равно пища, так что воздух выходил через уши, еле сумела выдавить:

— Мы сперли учебник по истории.

Сивка недоверчиво подошел и потребовал полистать, трясаясь от смеха, я все-таки сумела перевернуть несколько страниц перед его мордой. Сивка фыркнул и посмотрел на меня с отеческой лаской:

— Нет, все-таки Карыч был неправ, он тебе точно карму испортил, окрестив дурой. — Конь небрежно копытом захлопнул книгу. — Ты о чем думала, когда ее открывала?

— Ну... — я запнулась, — о том, что в этой книге все описано от сотворения мира.

— А теперь подумай о чем-нибудь другом, — попросил меня Сивка. — Ты вообще для чего эту книгу воровала?

— Я ее не воровала, а взяла посмотреть, — пробурчала я. Думала я о Велии, но не при Сивке же говорить. Поэтому я сказала: — Хотела узнать судьбу Гомункулуса, долго ли ему в крысином образе ходить.

Сивка всей своей мордой показал, что не верит мне ни на грош, но тем не менее шаркнул копытом, раскрывая передо мной фолиант.

И, о чудо! Ни о какой истории там ни слова не было, зато на полкниги вся жизнь крыса в картинках и с подробными комментариями! Крыс в фас, крыс в профиль, крыс, ворующий у Рогача морковь, крыс, пугающий нас в коридоре, самодовольный крыс с архоном и, наконец, крыс в натуральную величину, задумчиво морщащий лоб, стоя на ступенях архива, с комментарием: «И в миг сей сжалось тревожно сердце, словно от предчувствия, что кто-то из Великих держит судьбу твою в руках, решая...»

— И что? — уставилась я на Сивку, а тот загадочно подмигнул. — Что?! — взъерепенилась я.

— Пиши.

— Что пиши? Куда пиши? Туда?

— Туда, туда.

— А мне и не чем. — Я стала отодвигать книгу, уже догадываясь, почему чернила красные.

— Тогда какого мы ее крали?! — заорал конь. — А ну, быстро пиши! — И он прижал уши, недвусмысленно скалясь. Я взвизгнула, выхватила из кошелья на поясе иголку и, морщась от омерзения, ткнула ее в палец, вскрикнув от боли. Затем подняла с земли щепочку и, собравшись с духом, как на экзамене, начала быстро писать.

— Грянулся он оземь и стал писанным красавцем. Ручищи — во! Ножищи — во! Росту высокого, в общем, добрым молодцем. И другого — алхимикус знатным мужчиною обернулся, а не пауком сумасшедшим. — Все! — выдохнула я, и в тот же миг книга сама собой подпрыгнула над землей на локоть, окуталась золотым сиянием и снова шлепнулась мне на колени, раскрывшись. Я онемела от восторга, такой красавец на меня глянул с разворота: — Велий! — завизжала я истошно. — Я хочу про Велия! — Но не успела я врыться в страницы, как конь осторожно наступил мне на руку. — Ой! Не мешай! — закричала я, отталкивая его копыто, но приставала упорно наваливался на меня, многозначительно кашляя. — Да чего тебе?! — не выдержала я и осеклась.

Оказывается, уже и буря улеглась за это время, и ветер стих, и добрые родственники камень, которым мы вход заперли, отодвинули. И теперь в нашу пещеру заглядывала с неподдельным интересом здоровенная собака с золотыми глазами и ослепительно белыми крыльями.

— Здравсти, — выдавила я. — А мы книжечку читаем.

Собака понятливо кивнула головой и сделала движение, как бы говоря: а ну пойди сюда, голуба. Я попробовала помотать головой, мол, не могу, занята, придите попозже, но двуличный Сивка поддел меня носом и так подпихнул вперед, что я вылетела из пещеры раньше, чем успела возмутиться, а вылетев, зажмурилась. И неудивительно, не каждый день увидишь всех обитателей Ирия.

Громовик осуждающе смотрел мимо меня на оробевшего Сивку-Бурку, а в Любаве я что-то никакой любви не заметила, с такими глазами противникам космы выдирают. Богатыри-ветры оттерли всех обитателей Заветного леса от меня подальше, и только Хорс смотрел на меня без явной враждебности. Стоило ему выйти из тени на свет, и собачья личина сползла с него, так что ко мне он подошел видным

мужчиной. И, ни слова не говоря, забрал книгу, хотя я держалась за нее цепко. Перелистал ее, хмыкнул, показал что-то остальным и, глянув на меня с каким-то непонятным выражением, собрался было что-то сказать, но я так умоляюще на него смотрела, что злого слова не нашлось. Зато когда он нашел взглядом Карыча, ворон опасно прижался к земле, как ученые вороны на острове у Лихо. И уж ему было высказано все! Что нельзя ребенка называть душой; что если ребенка называть душой, то она и будет душой; что если у нее даже семь пядей во лбу, а кроме дуры она день за днем ничего не слышит, то в конце концов и творить будет одну дурь!

— Я не дура! — обиженно взвыла я, отвлекая небожителей и Древних от семейной склоки, и услышала в ответ обидный смех собравшихся.

Соленый океан остался позади, но его дыхание еще чувствовалось в порывах ветра, качавшего сосновый лес. Мы с Велием сидели на важно вышагивающем Индрике, а справа рысил Сивка-Бурка с Громовиком на спине, рассказывая о бурной своей молодости.

— И вот летим мы мирового змия на ум наставлять. Я ему... — Сивка покосился на седока, — и говорю: а ты молот свой дома не забыл? А он с похмелья такой весь мутный, какой, говорит, молот? Отламывает скалу и хрясь, хрясь змия по голове!

Косматый Громовик только молча диву давался, хмыкал в бороду, слушая такое свое жизнеописание. Аэрон, ехавший слева от нас на безразличном к присутствию богов драконе, таял от благоговения.

Тракт к острову Буяну был широк до чрезвычайности. Оказываются, соседствующие с Лихом королевства из года в год на нее войной ходили, подозревая в моей родственнице какое-то невиданное чудище великой силы, а стало быть, и огромных богатств.

— Ну ты, Верелея, даешь! — шептал мне на ухо Велий. — Первый раз видел, чтобы богов так честили в их же присутствии.

Я чувствовала, как у меня огнем горят уши, и понимала, что перегнула палку, но уж больно рассердил меня этот всеобщий смех! И я им в красках и телодвижениях показала все, что я, захоти только, могла бы с ними сделать, пока в моих руках находилась книга, если б такой доброй не была, если б родственников не любила, если б характер у меня не был золотой! И остановило меня лишь

многозначительное молчание как раз в тот миг, когда я собиралась изобразить муки и стоны умирающего Хорса.

После этого я все-таки была схвачена и не больно, но крайне обидно порота Карычем и Анчуткой. Самое обидное, что Березина в это время меня отчитывала, а Горгония и Коровья Смерть дергали за уши. И только Индрик трусливо прятал глаза в отличие от благородного Васьки, грозившего испепелить всех взглядом. Но василиску надели на голову мешок Сейчас он бежал где-то впереди и пугал местную живность.

В качестве наказания нас с Сивкой заставили отнести проклятую книгу обратно на остров к Лиху. Я всю дорогу пыталась все-таки открыть ее, чтобы хоть одним глазком прочесть что-нибудь про Велия, но Громовик каждый раз предупредительно кряхтел, улыбаясь в усы, а потом и просто откровенно потешался, когда мы с Сивкой лезли на дуб укладывать наследство Всетворца обратно в сундук Я не удержалась высказала-таки Лихо претензию:

— И что было притворяться одинокой и брошенной, если к тебе соседние королевства с войском наведывались?

Она невинно моргнула своим белым глазом, и я чуть не навернулась с Сивки. Так все и утряслось. Книгу оставили под присмотром стража, которому она даром не нужна, потому что все знали, что невезучая Лихо на дуб по доброй воле не полезет. А меня обещали пороть каждый день для профилактики, пока я не поумнею. Стоило Громовику покинуть нас, как прямо на дороге раскрылся вход в Заветный лес через те самые зеркала, которые я сотворила в капище, и облегченно вздохнувший вампир завел песню:

Капля по капле точится гора,
Минута за минутою, ну вот, и ночь прошла.
Шаг за шагом, в дороге целый день,
Зима на смену лету, и вот ты старый пень!
Голова твоя седа, полным-полно морщин,
Мутные глаза и зуб через один.
Ну как ты прожил жизнь, а ну-ка расскажи,
Людям откровения полезны для души.

Ножка за ножку гуляет старый черт,

Птички чирикают, солнышко печет,
Сядет на пригорке, поглядит вокруг,
А может вдруг случиться, что заедет старый друг:
Седая голова, полным-полно морщин,
Мутные глаза и зуб через один.
Ну как ты прожил жизнь, приятель, расскажи,
И нелюдям посплетничать полезно для души.
Хе-хей!

Я шмыгнула носом и сделала пальчиками всем, кто меня ждал.
Даже амба радостно потирали ручки.

— Пороть я не дамся, — предупредила я, вцепляясь в перья Индрика.

— Дашься, дашься, — сказал Анчутка.

— Это она еще Вука не видала, — объяснил рогатому Карыч. — Сама бы зад подставила, лишь бы мы его к ней не пускали.

— Что Вук, — подпустила яду Горгония, — вот Гомункул в гости рвется, ручищи — во! Ножищи — во! Подвальный!

Целый месяц после этого события в Школе царило затишье, какое всегда случается после сильной бури, когда людям становится не до склок и всех мучает только одна забота — как собрать уцелевшее. Я шмыгала из комнаты в класс и сразу же обратно в комнату, стараясь никому не попадаться на глаза и никого лишней раз не раздражать. По Школе ползли нервные шепотки. Правды о книге и острове Буяне никто, конечно, не знал, но все в один голос уверяли, что сотворила я нечто ужасное, просто из ряда вон! Настолько жуткое, что боги даже не смогли сразу придумать, как меня казнить, но обязательно сообразят и не сегодня завтра мне не поздоровится.

Все обитатели Школы были так увлечены слежкой за мной, что пропустили превращение Гомункула в добра молодца. А глянуть было на что!

Я собственным глазам не поверила, когда этот верзила возник на пороге нашей комнаты. Пригнулся, проходя в дверь, и все равно задел плечами косяки, сгреб меня в охапку одной рукой, а другой рукой замахнулся, чтобы шмякнуть сверху, постоял задумчиво, а потом разочарованно опустил на пол и вздохнул:

— Не могу маленьких обижать!

— Я же хотела как лучше! Ты же сам говорил: «Ручищи — во! Ножищи — во!»

— Как я жить-то теперь буду, идолица? — Он ударил себя в грудь. — Я ж в подвал не влезаю! У Рогача теперь и ложку серебряную не сопрешь! За версту меня видно. А еда? — Он порылся в карманах и вынул бутылку зеленого стекла, посмотрел ее на свет и осушил одним махом. — Вот! — Крыс осуждающе глянул на меня, утираясь рукавом. — А раньше мне этого на неделю хватало. А про то, как я тут голяком по этажам бегал, после того как с лестницы сверзился, и вспоминать тошно. Хорошо хоть люди добрые одели в обносочки.

«Обносочки» на Гомункуле колом стояли от золотого шитья, и даже на сапогах был рисунок, сделанный золотым витым шнуром. Поняв, что бывший крыс просто-напросто прибедняется, я состроила серьезное лицо:

— Ну извини, не думала, что все так выйдет. Хотя... — Я призадумалась, а потом заулыбалась: — Пойдем к Велию, уж из человека-то крысу он в два счета сделает!

Крыс замахал ручищами, поднимая в нашей комнатенке ветер, и поспешно пригрозил, что если я его превращу обратно в крысу, то он придет ночью и все жилки на пакостных ручках перегрызет, чтобы неповадно было. В общем, Крыс еще долго жаловался на злодейку судьбу, а нам с каждым словом становилась все понятнее причина его страданий, которая на самом деле была удивительно проста — опамятававшийся алхимикус заставил его работать, что для крысиной природы Гомункула было просто невыносимо. И теперь он, сбегая из подвала, жаловался ученикам на нелегкую участь. А то сидел на крылечке Школы, благо с каждым днем становилось все теплее, и фантазировал на пару с Зорей, как вернется из Ирия Сивка-Бурка, как сядут они на него да поскачут во чисто поле, как начнут рубить головы злым врагам и разбойникам, а люди их славить будут за это и кормить задарма.

Феофилакт Транквиллинович слушал эти речи и заранее бледнел, представляя, как один вор, а другой бездельник начинают людям добрые дела делать. А уж когда явившийся наконец в Школу Сивка, услышав такое предложение, сказал, что у него на примете есть даже одно царство, которое нужно срочно от злодеев освободить, загрузил

обоих богатырей работой так, что они взвыли и о всякой ерунде думать перестали. Хотя Алия клялась, что пару раз видела, как ночью тайком в парк прокрадывался богатырский конь и из Мирены стали долетать слухи, что пошаливают на тамошних дорогах два брата-великана, придумавших обижать местных разбойников. Да не просто так, а с выдумкой: дождутся, пока разбойники караван ограбят, и тут же за грабеж отомстят. А куда золото девается, неизвестно.

Самое обидное, что лично мне с Сивкой-Буркой общаться запрещали или только в присутствии кого-нибудь из наставников, объясняя это тем, что я на него дурно влияю.

Одно счастье, что теперь не только Древние, но и боги так сильно стали доверять поднявшему суматоху Велию, что напрямую назначили его моим надзирателем. И теперь мы все вечера напролет донимали друг друга разговорами. Он меня пристрастно экзаменовал с учебниками в руках по демонографии, культурологии и обществоведению, а я все больше напирала на велиологию.

— Итак, — морщил лоб, не отрывая взгляда от страниц, Велий, — когда родился Илиодор-царь?

— За тысячу семьсот восемьдесят один год до рождения Велия, — ответила я, посчитав в уме.

— Неуд вам, ученица Верелея. Царь Илиодор родился на три года позже.

— Что?! — подскочила я, едва не опрокидывая подсвечник. — Тебе только двадцать два года?!

— А ты сколько думала? — удивленно уставился на меня маг.

— Я думала, что ты старше.

— Вот спасибо. — Он поклонился мне до земли. — Только старым хрычом меня и не называли!

— Нет, правда? — не унималась я. — Такой весь правильный и рассудительный в двадцать два года?

— У меня была очень суровая жизнь, — скорчил скорбную физиономию Велий. Я зарычала, требуя, чтобы он прекратил придуряться.

— Нет, я всегда думала, что ты старше нас.

— Кого это «нас»? — приподнял черную бровь Велий.

— Ну нас. Алии, Аэрона, Сиятельного...

Велий захохотал так, что чуть не упал со стула.

— Неуд тебе, ученица Верелея, по демонологии неуд, по обществоведению неуд, по работе со школьным социумом и общественно полезному труду тоже неуд! — Он утер выступившие на глаза слезы и поправился: — Нет, по общественно полезному труду это я погорячился, ты ж Гомункулу помогла книжки собрать, не одни же разрушения от тебя.

— А за остальные-то предметы почему неуд?! — возмутилась я.

Велий посмотрел на меня как на ребенка:

— Знаешь, Верелея, я не устаю тебе удивляться. Допустим, учителей ты не слушаешь принципиально, с этим я уже смирился, домашние задания не выполняешь, это тоже можно понять, сам не делал, но ведь ты была в Урлаке, хуже того, ты — «невеста» их лорда!

— И что? — набычилась я. Велий покачал головой, словно сам не верил, что может объяснять невесте вампира такие вещи:

— Ты детей в замке видела? Вообще кого-нибудь младше Аэрона видела?

— Аэрон — единственный сын у родителей. — Тут я вспомнила обстоятельства своей помолвки. — Да мне и некогда было! И невеста я липовая!

— Даже если б ты была настоящая, — отмахнулся Велий, — тебе все равно бы не показали. До совершеннолетия им просто не разрешают покидать детскую половину дома, а совершеннолетие наступает в пятьдесят. Так что нашему другу лорду этим летом пятьдесят четвертый наступает. Хотя полжизни он и провел в полусне.

Я вытаращилась так, словно меня по затылку стукнули колотушкой, пролепетав только:

— Не может быть! Я — то думала, что он молодой кобель, а он старый развратник! — и тут же сообразила, что меня дурят. — Врешь! — закричала я, подпрыгивая со стула. — Аэрон сам мне рассказывал, что в детстве играл с чужими детьми! — и осеклась, вспомнив, что обещала не болтать об этом с посторонними.

— Ага, — прищурился Велий, — а я-то считал, что вампиры это держат в строгой тайне.

— Что держат в строгой тайне? — спросила я, изображая дурочку.

— То, что у Аэрона проблемы, Конклаву магов известно, и вообще, давай закончим об этом, у тебя экзамены на носу. Знаешь, что директор сказал? Велел экзаменаторам рвать тебя как старый лапоть.

— Он и так половину зачетов обещался сам принимать, — пожаловалась я.

— Тем более, — буркнул Велий и, снова вперившись в учебник, забубнил: — Теперь выкладывай мне родословную этого самого Илиодора.

— Погоди, — упорствовала я, — а Сиятельному тогда сколько?

— С Сиятельным вообще трудно, — отмахнулся Велий.

— В каком смысле? — заинтересовалась я.

— Давай про Илиодора! — хлопнул по столу Велий. — Итак, Илиодор — сын...

— А кстати, чей ты сын? — перебила я его. — Я ведь вообще не знаю, какого ты роду-племени.

Велий закатил глаза:

— Верелея, прекрати ты эти глупости.

Но я состроила умильную мордашку, и маг сдался:

— Хорошо. Вопрос за вопрос. Ты отвечаешь мне, я тебе. Итак, Илиодор...

Я вздохнула и выпалила одним духом:

— Илиодор — сын царя Кориона, это по официальной версии, а по неофициальной считался сыном Солнца и возглавлял одно из племен, вторгшихся в Поречье, а именно то, которое, вторгшись в наши пределы, повернуло на юг. Считается основателем Златоградской империи. Хотя, на мой взгляд, и до него там было неплохо. Итак, Велий... — Я вопросительно уставилась на собеседника.

— Вересень, — вздохнул «наставник». — Верелея, ну ничего интересного, в самом деле.

— Уговор, — прорычала я, жалея, что он не согласится дать клятву на архоне, а то ведь и соврать может.

— Ну хорошо, хорошо, — видя мой решительный настрой, сдался маг. — Я уроженец Северска, больше того, из Княжева.

— О! Столичный житель! А родился, случаем, не в кремле великокняжеском?

— В трехстах шагах от Красных ворот, — не моргнув глазом ответил Велий и расхохотался, глядя на мое лицо. — А ты думала, я от нищей жизни квестором заделался?

— Нет, я думала, что ты за папу с мамой всем мстишь, — брякнула я, не подумав, и тут же прикусила язык, увидев, как он

погрустнел. — Извини.

— Да ничего страшного. Вересени всегда были квесторами. В Конклаве тоже есть свои направления, так вот мой дядя Лунь Вересень возглавляет орден квесторов Конклава, и мать моя была чаровница, оттого они и оказались в Мирене.

— Так это не Лонгин на них напал, — догадалась я, а Велий тяжело вздохнул:

— Я же тебе говорил, что в нашем ордене смертность очень высокая. — И он, снова потянувшись к книжке, потребовал: — Давай теперь мне всю родословную Илиодоровичей, до сегодняшнего императора.

— Ты чего? — взвизгнула я. — Это же сколько имен! Да я до утра перечислять буду!

— А я не тороплюсь. — Маг делано зевнул, поудобнее располагаясь за столом. — Кстати, генеалогическое древо потомков Всетворца с тебя Феофилакт Транквиллинович будет спрашивать отдельно.

— Всех?! — не поверила я.

— Ага. А то ты постоянно находишь новых родственников, а потом тарачишься на них, как на диво заморское. У директора уже спрашивать начали, учит он тебя чему-нибудь или нет? Или вы на пару груши околачиваете.

Я, жалея саму себя, стала перечислять проклятых императоров. Спасла меня от этой пытки возмущившаяся Алия, которая, шваркнув дверью, с порога заявила:

— Вы имеете совесть? Ночь уж на дворе, а это, между прочим, наша комната!

— Да! — пискнула у нее из-за плеча Лейя. — Торчим всеми вечерами в мужском крыле! На нас уже коситься начинают.

— Ясно. — Велий побарабанил по столу пальцами. — У Аэрона припасы закончились.

— Еще бы! — Лаквиллка плюхнулась на свою кровать. — Там два этих проглоты так ложками стучат, что аж в ушах звон стоит.

— Кто тут проглоты? — возмутился с порога крыс, проталкивая свое красивое, но уж слишком могучее тело к нам в комнату.

— Мы крупные, нам питаться надо, — поддакнул бочком протискивающийся Зоря.

— О! Двое из ларца одинаковы с лица! — хлопнула себя по ляжкам Алия. — Только ржут и жрут! Чего вам надо?

Гомункул обиделся:

— А я, может, не к тебе зашел, а к Велию с Вереей. Привет, чем занимаемся?

— Ничем! — радостно воскликнула я, сметая со стола учебники.

— Э-э! Это мой! — Велий кинулся за неосторожно сброшенной мной книгой под кровать. — О! А что у вас тут скатерка делает? Хозяйки тоже мне! — Он вылез, отряхивая пыль с себя, книги и скатерти-самобранки. Мы с Алией подавились ответом и потянулись к скатерти. Что-то, наверно, было в наших глазах такое, от чего Велий попятился, кося одним глазом на нас, а другим на скатерть. Мавка позеленела и стала продвигаться к выходу, лепеча:

— Я не виновата, я ее на один раз взяла. Я ее забыла спрятать. В глазах Велия вспыхнул жаркий огонь любопытства, и, прежде чем я успела лечь животом на стол, он швырнул туда нашу скатерть.

— Ух ты! — выдохнул Зоря.

— И вы это скрывали?! — заорал Гомункул. — Друзья впроголодь живут, а они жируют!

— Так. — Велий, хищно улыбаясь, облокотился на стол. — И что у вас еще есть?

— Ничего! Это последнее! — завыли мы с Алией.

— А это откуда? — не унимался маг.

— Повадился к Алие ходить Серый Волк, — заревела мавка от двери.

— Вот только не надо мне этих историй! — прикрикнул на нее маг.

— Ух ты! Скатерть-самобранка! — взвизгнула, появляясь на пороге, овечка. — И мужчины в неурочное время! — Она взгромодила копыта на стол и, потянув носом, сладко пропела: — И вино в комнате несовершеннолетних.

— Это он! — хором воскликнули мы и показали на Велия.

— А я расследование провожу, — не моргнув глазом, сказал маг. — Вот, обнаружил неучтенный предмет.

— Не надо его учитывать! — закричали мы. — Пусть она останется у нас, и мы все вместе будем ею пользоваться!

— Ты же квестор, тебе она ох как понадобится! — уговаривала я Велия.

— То-то мы в Засаках только с нее и питались! — ехидно ухмыльнулся маг.

— Нет, ну до чего скарредные люди эта нечисть! — подхватил его обвинения крыс, присаживаясь к столу и накидываясь на яства. — Салатик будешь? — обратился он к овечке.

— Мы еще расследование не окончили, — заявила комендантша, но тем не менее ухватила со стола связку бананов. Поняв, что разграбление стола может плавно перейти в изъятие скатерки, я начала канючить:

— Нет, в самом деле, нам ее Серый Волк подарил, хоть у него спросите.

— Что у меня спросить? — донеслось с порога.

— О! — обрадовалась овечка, усиленно работая челюстями. — Налицо нарушение внутреннего распорядка.

Волк, чмокнув зардевшуюся Алию в щечку, улыбнулся всем остальным, а особенно овечке:

— Ты еще поговори мне тут, комок шерсти.

Комендантша фыркнула и оценивающе уставилась на апельсины, после чего перевела взгляд на Зорю и кокетливо похлопала глазками:

— Ну и кто очистит даме фрукты?

Богатырь поспешно кинулся удовлетворять ее прихоть, а стоявший все это время на пороге Аэрон потер руки:

— Я смотрю, у вас как всегда пир горой.

— Заходи, не стесняйся, — радушно пригласил его Гомункул, набираясь мужества перед решительным боем с трехэтажным тортом посреди стола. Судя по суровой складке меж его бровей у торта не было ни единого шанса.

Уроки пришлось отложить, тем более что слух о пире мгновенно разнесся по Школе. И вскоре в нашу комнату набилось столько народу, что я сбежала в комнату «жениха».

На следующий день, когда мы с Велием прогуливались по парку, топча просохшие дорожки, маг спросил:

— Знаешь, о чем я думал всю ночь?

— Даже не рискую предположить! — Я закатила глазки. — А когда предполагаю, вся краснею, вся краснею!

Он улыбнулся, всем своим видом показывая — он ни капельки не верит, что я такая, какую из себя строю, но оценил мои старания.

— Я тщательнейшим образом сопоставлял появление Сивки, Серого Волка, скатерку эту, яблочки молодильные, которые вы директору притащили, с твоей тягой ко всяким экзотическим книгам.

— Ой, какой ты все-таки умный! — восхитилась я — Не по годам. Он хмыкнул:

— А ты знаешь, что у алхимикуса все-таки был полный реестр хранилища и я в него сегодня утром заглянул.

Я с настороженным интересом вслушивалась, а этот злодей тянул, специально отвернувшись и любуясь просыпающейся природой.

— И что? — не выдержала я.

— Погодка сегодня просто изумительная.

— Ну и сам дурак, — буркнула я и тоже отвернулась.

— А вы воровки, — не остался в долгу Велий.

— Почему это? — вознегодовала я.

— Гомункул рассказал, как вы по второму разу архив крушили. И я даже знаю, где вы книжку прячете.

— Вот гад прожорливый! — выругалась я, а потом уперла руки в боки. — И где же она?

— Вот! — Велий выхватил книгу из-под куртки.

— Грабют! — заорала я, пытаюсь допрыгнуть до книжки. — Когда же ты успел ее стащить?

— Да сегодня же утром. — Велий смеялся, а я прыгала вокруг него как собачка. — Сказал Лейе, что у меня запонки в сундук упали.

— Какие запонки?! Ты же их не носишь! — Я затопала ногами. — Ну мавка! Ну дура!

— И что же здесь происходит? — Как черт из табакерки, на тропинку вынырнул Феофилакт Транквиллинович. Маг тут же сделал серьезное лицо и, развернувшись к директору, выглядел так, словно полтора часа читал лекцию и только сейчас на минуточку прервался, потому что в горле запершило.

— Добрый день, — поклонился он, — вот, изучаем полифункциональные заклинания.

Феофилакт Транквиллинович удивленно уставился на книгу, но Велий поспешил его успокоить:

— Это всего лишь наглядное пособие, если мы и сделаем что-нибудь, то не более двух-трех объединенных явлений.

— А не слишком сложно? — забеспокоился директор.

— Очень сложно, — тяжело вздохнул маг. — Возможности ученицы крайне ограничены, она одно-то упражнение с трудом выполняет, а уж объединить два в одном... — Велий закатил глаза, и сразу стало понятно, что для меня это практически подвиг.

— Не переусердствуйте, — встревожился Феофилакт Транквиллинович. — Может, побольше теории? — Он сурово посмотрел на меня: — Госпожа Верейя, вы задерживаете курсовую по Подземному царству.

— Вот только освою два явления одновременно и сразу сдам курсовую, — пробурчала я. — Как раз научусь писать и думать одновременно.

— Не дерзи директору. — Велий, ласково улыбаясь, наступил мне на ногу.

Я ткнула локтем ему в бок, дождалась, пока директор уйдет, и набросилась с кулаками:

— Ах, у меня мозгов не хватает, да? Двоедушник ты, вот кто! Поняв, что мои прыжки его только забавляют, я решила сдать ему зачет по магии прямо сейчас. — Рукава отращиваем до земли — раз, на спине их сращиваем — два, зашиваем капюшон — три!

— Верелея! Это не полифункциональное заклинание, а последовательное применение простых! — забился в коконе маг.

— Какая разница?! — Я подхватила выпавшую книгу и со всех ног побежала к Школе, потом вспомнила, что сейчас догоню директора, и заметалась по парку, слыша позади гневный рык Велия. Тем и развлеклись.

А стоило закончиться урокам, как все пошло по новой.

— Итак, расскажи мне основные мотивы мифов. Начиная с антропогонического.

Я страдальчески закатывала глаза.

— Пустите меня! — ломилась в двери мавка. — Ночь на дворе!

— А че у вас так скучно? — тянул, зыряка по углам, Гомункул.

— Нарушаем, — беззастенчиво садилась за стол овечка, готовясь вкушать яства.

— Давайте хоть сегодня без этого обойдемся! — возмутился Велий. — Человеку готовиться надо!

— А человека никто не держит! — посылал нас набравшийся у Гомункула наглости Зоря.

— Давай не будем сегодня про анропогани... в общем, про погань эту, — скулила я, шлепая по коридору. — У меня уже голова гудит.

— А что ты предлагаешь?

— Ну расскажи что-нибудь из жизни, порадуй девушку историями.

— Ладно, одну историю за один ответ.

У меня даже на скулеж сил не осталось, поэтому, толкнув дверь в Аэронову комнату, я плюхнулась на кровать и приветственно махнула рукой вампиру.

— Привет, «женишок», можно я у тебя на правах «невесты» помру?

— Я знал, что дружба с магами до добра не доводит, — встал на мою защиту Аэрон. — Велий, хватит измываться над ученицей. Хотя... — Он задумался, сощурился свои зеленые глаза, — с другой стороны, если она умрет от непосильного труда, то мне не нужно будет позориться и расторгать помолвку. Глядишь, еще год свободы ввиду траура обеспечен.

— Предатель, все вы, мужики, такие!

— Вот и развивай эту тему. Все мужики такие, потому что... — поощрительно улыбнулся Велий.

— Потому что произошли от жаб и змиев! — закончила я, утыкаясь носом в подушку. Приятели переглянулись, и в Аэроне все-таки заговорила совесть:

— А что, нормальный миф.

Велий не стал спорить:

— Ладно, с происхождением человека ты справишься. Теперь давай пример архетипов.

— Э-э, погоди, — сразу ожила Я, — сейчас твоя очередь историю рассказывать.

Но в дверь ворвалась радостная Лейя:

— Веря, а мы сейчас по книжке ковер-самолет вызывать будем!

Я подскочила, а Велий засмеялся:

— Ничего у вас не получится.

Я фыркнула — надо же, какая самоуверенность! — и, ухватив мавку за руку, сказала:

— А ну пойдём, разберёмся.

И мы решительно пошагали обратно в нашу комнату. Там вся компания вразнобой зачитывала текст вызова ковра.

— Лейя, — я повернулась к мавке, — это что за хор убогих? Кто здесь гармонические чары изучает? Синхронно же нужно произносить! Ну-ка, дай сюда. — Я забрала книгу у Алии. — Надо всем вместе и дружно.

Велий усмехался, при валившись к косяку, но стоило за окном появиться цветному, трепещущему на ветру полотнищу, как улыбка сползла с его лица. Он распахнул окно и недоверчиво пощупал ворсистый ковер.

— Этого не может быть. Это же книга для детей богов, — бормотал он растерянно, а мы снисходительно улыбались.

Мавка нетерпеливо рвалась вперед:

— Поехали же кататься!

Сиятельный аккуратно придерживал ее за талию, всем видом показывая, что он не рвется рухнуть вместе с подозрительной тряпкой с третьего этажа, но если девушке так уж приспичило, то он, как благородный рыцарь, конечно, не откажет, хоть и надеется, что найдется друг, который юркнет мимо них первым. Велий, наконец справившийся с потрясением, решительно повернулся к нам, и все отшатнулись от окошка.

— Так, а теперь быстро признаемся, кто вызывал Сивку-Бурку и Серого Волка! — рявкнул он так решительно, что мы тут же и признались:

— Мы все втроем.

— Точно втроем? — не унимался он, почему-то глядя на меня.

— Да что я вам, самая крайняя, что ли? — заголосила я, а волк, который точно знал, КТО его вызвал, молча играл бровками, не отрывая взгляда от все более розовеющей Алии. Может быть, Велий и дожал бы нас, но на этаж ворвался Рогач и с ходу завел:

— Будет в этой Школе порядок когда-нибудь или нет, а? Что за неучтенка за окном, а? Это чья тряпка, а? Где комендант, а?

— Окна моем, а! — проблеяла овечка, топоча копытцами по ковру.

— Будет в этой Школе когда-нибудь порядок?! — заорали одновременно химеры и летавицы.

— А? — подскочил Рогач.

На следующий день занятия с Велием были после обеда. Я молча блаженствовала, растекшись по парковой скамейке:

— Если б ты знал, как меня Кощеиха достала, — делилась я переживаниями. — Она меня как тряпку выжала, досуха. И в демонологию залезла зачем-то, и в демонографию.

— Я ж предупреждал, — со вздохом сказал Велий.

— А ты чего такой хмурый?

— Что за вопрос? Я за тебя переживаю. — Он подсел ко мне и приобнял за плечи.

— Ай, господин учитель, чего это мы делаем с ученицей? — живо заинтересовалась я.

— А что мы делаем? Сейчас обнимаем, потом целовать начнем, — нисколько не смущаясь, пообещал Велий.

Вообще-то скамейка была именно поцелуйная, к ней вела единственная дорожка, заканчивавшаяся тупиком у глухой стены, и все нежелательные гости были видны издалека. В другом конце парка имелась еще одна поцелуйная беседка, а в летнее время еще и несколько укромных зеленых ниш, надежно скрывавших влюбленных от любопытных глаз, но все их использовали по назначению обычно в ночное время, а чтоб вот так нахально и дерзко днем, это случалось только в разгар весны, вот как сейчас.

— Ишь, как вас распирает, господин наставник! — Я уперлась в грудь Велия руками. — А я, между прочим, чужая невеста.

— Хватит придуряться, — сказал Велий и сильнее притянул к себе,

Я было обмякла от его поцелуя, но тут заметила, что он уже и голову потерял, потянула его на себя, а потом коварно вильнула бедрами, сбросив мага со скамейки. Велий плюхнулся на землю и попытался, не вставая, ухватить меня за сапог, но я проворно поджала ноги и взвизгнула:

— Сюда идут.

— Кто? Где? — Велий вскочил и стал оглядываться вокруг с таким видом, словно ему помешали прочесть самую главную лекцию в его жизни.

— Какой ты двуличный все-таки! Только что глазищами так и сверкал.

Маг понял, что его провели, и успокоился.

— Между прочим, это тупик, — заметил он, — так что никуда ты от меня не денешься до конца урока. — И пошел на меня, растопырив руки. Я забегала вокруг скамейки. Да, занятия по магии гораздо увлекательней и интересней уроков Офелии Марковны.

Конечно, было огромное искушение пустить в ход свои чары, чтобы маг не воображал о себе чересчур, но еще соблазнительней было сдаться. Что я и сделала, почти натурально споткнувшись и упав в его объятия. Дыхание перехватило, и мы потеряли счет времени, опомнившись, лишь когда стало темнеть. Велий с неохотой оторвался от меня, а я, чувствуя, как припухли и горят губы, стала смущенно приводить себя в порядок.

— Все вы, парни одинаковы, — бурчала я притворно. — Как дорветесь, так чисто упыри!

— Что значит все? — навис надо мной Велий, похожий со своими растрепанными черными волосами на самого настоящего демона. — Их у тебя много было? Есть с чем сравнивать?

— Ой, самовар закипел! Какой ты красненький, щас порвет! — всплеснула я руками.

— Коза. — Велий обвиняюще ткнул меня пальцем. — Я — мужчина, а мужчина без ревности это... — Он закатил глаза, подбирая сравнение.

— Боров холощенный, — подсказала я.

— Не сбивай меня. — И сам ляпнул: — Это бык...

— Неженатый, — добавила я.

— Да ну тебя, Верелея.

— А ты мне давай лекцию про любовь прочитай, а я послушаю.

Он посмотрел на меня как на врагиню, мог бы — задушил.

— Нет, ну какая ты!..

— Красивая, — проворковала я.

— Вздорная. И целуешься как пацанка.

— Кто?! — взревела я.

— Дед Пихто, — ответил Велий, радуясь, что зацепил меня за живое. — Обслюнявила всего, аж с подбородка капает!

Мне ужасно захотелось его убить, поэтому я кинулась на мага с кулаками и в результате мы потеряли еще один час. Я вырывалась, трепыхалась, пыталась навернуть ему побольнее и еще больше кипятилась оттого, что ему все мои тумачи были как каменному истукану, и он явно получал удовольствие, глядя, как я бессильно зверюсь, когда он целует меня против воли в лобик, щечки, носик, губки.

Очень хотелось заорать: «На помощь!» — и посмотреть, будет ли он прятаться по кустам. Поняв, что мне попросту не вырваться, я обвисла в руках мага в надежде, что надолго его не хватит, и не зная, что бы ему пообиднее сказать. Про слюни? Глупо. Про то, что он старый хрыч? Неубедительно. В коленку пинать? Опасно, еще обидится и вздует.

— Ладно, ладно, — сдалась я, — умеешь целоваться, убедил. Бык неженатый. А где ты, собственно говоря, так научился? — Теперь уже я сама вцепилась в его кожаную куртку. — Отвечай, сколько девиц попортил?

— Я?! Да ты у меня первая! — Велий широко открыл невинные глаза. Может, кто другой и поверил бы, но только не я.

— Подозрительно знакомое выражение лица. Такое же было у Аэрона, когда он мне в верности клялся.

— Обещаю, — Велий торжественно тряхнул меня, — я тебе в верности клясться не буду.

Вот тут-то я уже не удержалась и цапнула его зубами за губу.

— Ай! — вскрикнул маг. — И что я теперь скажу учителям? Что губу в дверях прищемил?

— Ага, прищемил, когда сильно раскатывал! — подсказала я.

— Злая ты, — укорил меня Велий, слизывая кровь и опуская меня на землю. — За что только я тебя такую полюбил?

— А ты меня полюбил? — спросила я, глядя на Велия из-под ресниц.

— Нет, — засмутился Велий, — съесть хочу, да все стесняюсь.

— Нет, нет, я желаю подробностей! — Я запрыгала, а маг начал отбиваться, возмущенно крича:

— Сгинь, нечисть!

— Вел! — не унималась я, чувствуя, что добыча ускользает из рук. — Не будь гадом! Между прочим, признание в любви — самое значительное событие в жизни девушки. Ну кроме свадьбы, конечно. Так сделай все как полагается!

Он дернулся, словно я его по спине дубиной огрела, однако пробубнил:

— Самое важное событие для тебя на сегодня — это экзамены.

— Зануда! — взревела я, понимая, что большего мне от него не добиться.

— А ты, а ты... — Велий запнулся, — а ты марш в комнату, еще к завтрашнему зачету готовиться по естествознанию!

— Фиг тебе! — обиделась я. — А в нашу комнату сегодня не смей и носа казать, а то мы бей-дубинку из волшебной книжки вызовем! Уж она тебе бока-то намнет!

Велий споткнулся и посмотрел на меня так, словно внезапно вспомнил что-то важное.

— Сама будешь вызывать или с подругами?

— Не твое дело, — буркнула я. — Обидел девушку и вали!

— Ничего у тебя не выйдет. — Велий стал одергивать куртку и отряхиваться. — Лейя наверняка у Сиятельного пропадает, а Алию Вульфич еще вчера грозился забрать после уроков в Веж к кузнецу за оружием для экзаменов.

— Подумаешь, — фыркнула я. — Все равно не заходи, у меня день самостоятельных работ. — И прошла мимо, по-миренски соблазнительно покачивая бедрами. Пусть смотрит, какая красота мимо рук проплывает. Однако совсем «мимо рук» не получилось, пришлось с пискom убежать.

В комнате действительно никого не оказалось, было темно и необычно тихо. Я без энтузиазма похлебала холодных, сваренных Алией щей, в которых все ингредиенты выглядели так, словно их второпях порубали саблей, а потом, решив, что и так сойдет, просто бросили в соленую воду. На видном месте лежала записка: «У нас пикник, скатерть взяла с собой. Лейя». Я завистливо вздохнула, потому что вкусенького сразу захотелось и потому что пикник происходил, скорее всего, далеко за стенами Школы, им-то не запрещали ее покидать. Я посмотрела на гору книжек и сморщилась. Почему-то

книгу сказок, вырванную из загребуших рук Велия, читать хотелось, а естествознание — ни капельки. А может, устроить на сегодня выходной? Тихий, уютный вечерок в одиночестве?

Я, не глядя, быстро полистала волшебную книжку и, ткнув пальцем наугад, прочитала сказку. История была просто кошмарная: дядька с синей бородой убивал своих жен, а самая молодая из них расчленила его самого.

— Теперь и не усну. — Я посмотрела на темные окна, перевернула страницу, но мне снова не повезло, там волшебным мечом крошили несчастное чудище за полцарства и принцессу, мнение которой почему-то никого не интересовало. — Гадость какая. Та-ак, что у нас дальше? — Я углубилась в чтение. — Случился неурожайный год, и в семье дровосека нечего стало есть, а в семье было семь детей, и решил он отвести их в лес, чтобы не видеть, как они умирают с голоду. Ох, какой добрый папа! — Всплеснув руками, я села на кровать и перелистнула страницу. И напоролась на историю людоеда. — Так... Погода была прекрасная, принцесса была ужасная... Ну хотя бы смешная. Так, что у нас дальше? Ага, бабушку в печку. Молодец, сообразительный мальчик. А это у нас что? Бух в котел и там сварился. Правильно, нечего в кипятке купаться. — Я залилась смехом, хлопая рукой по подушке и повторяя: — Злые вы, уйду я от вас, сказала смерть. — Утерев невольную слезу, я перевернула лист: — Ну это совсем для детей. А это что? — и тут же узнала. — А, это про цветочек вяленький, нет, про такое мы не читаем. Так-так-так, это новенькое что-то. Подушка для шалуна. Ну-ка, прочитаем. — Я с чувством начала декламировать:

Это кто у нас шалит?
Ночку целую не спит?
Шалуну под ушко
Мягкую подушку.
Пусть приснится сказка
Добрая и ласковая.

Стоило мне договорить, как прямо на раскрытую книгу откуда-то сверху шлепнулась яркая шелковая подушечка-думка.

— Вот леший! — Я уставилась в удивлении на потолок.

— Вот леший! — рявкнуло эхо голосом Велия.

Я вздрогнула от неожиданности, когда маг вынырнул из-за спины как черт из печи.

— Чего пугаешь? — взвизгнула я, но Велий сурово, даже как-то обвиняюще посмотрев на меня и подушку, спросил:

— Это что?

— Подушка. — Я захлопала глазами. — А ты что, все это время за мной подсматривал?

— Просто в дверях стоял. — Велий нахмурил черные брови. — Ты ее вызвала.

— Кто? Я?! Нет! Это, наверное, Гуляй крышу ремонтировал, и у них упало.

— Верелея, — взъярился Велий, хватая подушку, — кому ты голову дуришь...

Я посмотрела, как он медленно заваливается на кровать, мутнея взглядом, и поспешно отползла в сторону. Велий лежал поперек кровати как бревно и явно не чувствовал никаких неудобств.

— Эй, — я испуганно потянула его за рукав, — ты умер, да? Сейчас же скажи, что ты не умер! — Прижавшись ухом к груди, я стала прислушиваться к дыханию, и тут дверь распахнулась настежь.

— Я знала, что она его угробит! — громко съязвила, стоя на пороге, Алия, а Серый Волк, груженный оружием лаквиллки, сделал мне ручкой.

— О, привет, ослик, — улыбнулась я. — Привет, Сиятельный.

Князь, как истинный кавалер, всегда провожал мавку до дверей, целовал ей ручки и говорил много-много красивых слов. За ним не надо было, как за магом, бегать по парку, чтобы выжать что-нибудь приятное для себя.

— А Велий что-то... устал, — пролепетала я, — и подушку не отдает. Помогите забрать, а?

— Ну и зачем ты это сделала? — набычилась Алия, глядя на беспробудно спящих на моей кровати парней. Сколько ни пихала она Серого в бок, тот только похрапывал.

— Так, нарушаем. — Не замедлила появиться на пороге комендантша и, глянув на идиллию на моей кровати, обрадовалась: —

О! Злостно нарушаем! Причем систематически. Пора докладывать и принимать меры. А это что за подушечка, хр-р-р...

— А что ты в нее зашила? — поинтересовалась мавка, склонившись над овечкой. — По действию похоже на дурман-траву, но что-то больно быстро действует. — Она задергала острым носиком. — А пахнет вкусно!

— Эй, не трогай ее! — Я бросилась к Лейе, чтобы оттащить от кровати, но поняла, что поздно, и махнула рукой: — Ладно, спи.

Алия прижала к себе свое железо и с ужасом смотрела на этот сонный курган:

— И что теперь? Будут спать сто лет? Пока принц на белом коне всех не перецелует?

— Не знаю, — призналась я. — Я ее боюсь.

— Давай шваброй в окно выкинем!

— Кто выкидывать будет? — Я попятилась, пряча руки за спину.

Алия запыхтела, как еж, но все же пошла открывать окно. Я подала ей швабру, и мы на пару с горем пополам — нет, не вытолкали думку в окно, а всего лишь запихали под мавкину кровать. И то хорошо.

— Пусть там лежит, — утирая трудовой пот, сказала Алия. — А Лейе скажем, чтобы под кроватью не мыть.

— А она там и не моет, — успокоила я подругу.

— Да и за ноги ее из-под кровати вытянуть легче, чем этих. — Лаквиллка кивнула на спящих.

Мы стали будить друзей. Они просыпались неохотно, а Лейя раскапризничалась.

— Мне такой сон снился! — отбрыкивалась она от нас. — Там такой... — Тут мавка заметила Сиятельного и захлопнула рот.

Овечка на подгибающихся копытах проплелась мимо нас, с трудом вписываясь в повороты.

— А что случилось? — непонимающе тряс головой Велий, заспанным он выглядел ну просто чертовски соблазнительно.

— Пить меньше надо, — укорила его Алия.

— Да, педагог, а какой пример показываете! — влезла хоть и сонная, но коварная мавка.

Велий собрался было протестовать, но мы не дали ему опомниться, а вытолкали за двери.

— Ну что? Спать? — спросила я.

— А никто мой гребень не видел? — Мавка обвела взглядом комнату и проворно полезла под кровать.

— Стой! — кинулись мы с Алией к Лейе и застыли на месте, тяжело вздыхая. — Ладно, давай, ты за левую ногу, а я за правую.

— Тянем-потянем, вытянуть не можем! — развеселилась лаквиллка. Мы, пыхтя, загрузили мавку на кровать, а я подумала, что надо думку завтра на естествознание взять, пусть Кощеихе снятся счастливые сны про успешно сданные зачеты.

— Давно не пороли, — хмыкнув, сказала Алия. — Сапоги будем с нее снимать?

— Мы не мародеры, пусть спит в сапогах. — Я махнула рукой, но мне стало жалко мавкины ножки, и мы стянули с нее обувку.

С утра Велий попытался изловить меня в умывальной, но я, пользуясь обилием сонных полуодетых девиц, подняла бурю, крикнув:

— Мужчина!

И пока маг отбивался от летящих в него мыльниц, гребней и полотенец, прошмыгнула в учебное крыло, поразив Кощеиху своим учебным рвением. В классе еще никого не было, кроме меня и Анжело, остальные подтянулись позже.

— Ты чего? — повернулась я к демону. — Вам же естествознание сдавать не надо.

Анжело посмотрел на меня как на врага:

— Директор сказал, что раз я староста курса, то должен подтягивать «хвосты» вместе с отстающими.

— Ну что ж, — обрадовалась я, — давай теперь мучайся со мной вместе. А то привыкли, понимаешь, жить за мой счет!

— Когда это мы за твой счет жили?! — взвился Анжело.

— А кто сказал, что демоны питаются эманациями катастроф?

— Что? Какая катастрофа? — Офелия Марковна вздрогнула и побледнела, мы поспешили успокоить нервную преподавательницу, объяснив, что просто повторяем материал.

— Ладно, рыжая, я тебе это припомню, — улыбаясь, пообещал староста. И действительно, сделал так, что я начала спотыкаться на всех ответах, с трудом дотянув до «удовлетворительно», и то с натяжкой.

— Неблагодарный, ты же мне до конца жизни должен, — прошипела я, делая страшные глаза, а демон в ответ только скалился.

Когда я пообещала пожаловаться директору, он показал мне раздвоенный язык

— Очень, очень посредственный ответ, — расстроено проговорила Офелия Марковна, а когда я плюхнулась на свое место, берегиня Фанька с Лейиноного курса шепнула мне:

— Там к директору твой дядька прибыл.

— Откуда ты знаешь?

— Я за журналом забегала.

Фанька была девчонка добрая и, считая себя внучкой Березины, с первых же дней стала относиться ко мне по-родственному, не участвуя в злых розыгрышах. Поэтому я сразу подняла руку, привлекая внимание Кощеихи, чтобы отпроситься, тем более что зачет уже был сдан. Она никого отпускать раньше времени не любила, однако смилостивилась, видимо решив, что лучше пусть я буду мешать другим учителям, чем вертеться и отвлекать учеников во время экзамена у нее.

— Идите уж, госпожа Верея.

Седой вовкулак с Алииноного потока проводил меня завистливым взглядом; все мы сегодня здесь собравшиеся были двоечники и должники, которых директор наконец решил взять в ежовые рукавицы. Я вообще заметила в конце этого года нездоровый педагогический зуд у наставников.

Шмыгая туда-сюда по учебному крылу, я никак не могла набраться смелости, чтобы вломиться к Феофилакту Транквиллиновичу, но, заметив целеустремленно шагающего Велия в конце коридора, заметалась и, поняв, что выбор у меня невелик, осторожно постучала пальчиком в дверь и, скромно улыбаясь, как примерная ученица, спросила:

— Феофилакт Транквиллинович, к вам можно?

— Легка на помине, — буркнул директор. — Вот, полюбуйся, пропускает уроки.

Анчутка, вальяжно развалившийся нога на ногу в кресле напротив Феофилакта Транквиллиновича, развернулся и с улыбкой оглядел меня с ног до головы:

— Привет, двоечница. Чего в лес носа не кажешь? Я обняла Анчутку и чмокнула его в нос.

— А кто меня обещал каждый день пороть?

— Некогда ей глупостями заниматься, у нее экзамен, — сказал директор.

— Да, ночь зубрю, утром сдаю, — со вздохом дополнила я.

— Учиться надо было вовремя, — проворчал директор.

— А вы нас сами отпустили, — напомнила я и прикусила язык, потому что наставник побагровел:

— Да, отпустил. И сам же пожалел об этом. Потому что не ожидал от вас такого... Такого невежества. — И он набросился на Анчутку: — А ты не улыбайся. Потворствуешь ее глупостям, а все могло закончиться далеко не так смешно.

Я втянула голову в плечи, не хватало только, чтобы из-за меня Древние переругались. Ладно если бы вместо директора был Карыч или Индрик, но перед Феофилактом Транквиллиновичем я робела.

— Ладно, не кипятись, — сказал, подняв лапы, старый черт и подмигнул мне: — А ты учись, от лишних знаний еще никто не умирал.

— Еще как умирали, — не смогла я сдержать свой язык. — Есть исторические примеры, могу привести.

— Вот, — развеселился Анчутка, — а ты говоришь, ничего не знает.

— Пороть ее надо! — не выдержал директор. — Чтобы не забивала голову непонятно чем.

— Ну вот, на вас не угодишь, — расстроилась я. — То учись, то не учись...

— Госпожа ученица! — Директор хлопнул ладонью по столу, а я вжалась в дверь:

— Можно идти?

— Идите, идите.

— Ну и я тогда откланяюсь. — Анчутка встал с кресла и, отвесив поклон, растворился в воздухе.

Меня сзади наподдало дверью, это вошел Велий:

— Феофилакт... э-э... — Он замер, глядя на тающий контур беса, на его лице отразилась досада. — Вот черт! Опоздал.

— Что-то случилось? — заинтересовался директор.

— Я слышал, что господин Анчутка был у вас, впрочем, нам все равно надо переговорить. Верелея, подожди за дверью.

— Как всегда, чуть что — за дверь, — пробурчала я.

— Да, — с нажимом сказал Феофилакт Транквиллинович, — и постарайтесь не подслушивать на этот раз, а то у вас стали появляться какие-то недостойные наклонности.

— Это у меня тяга к знаниям, — ворчала я, выходя за дверь. И ходила потом по коридору, клопоча как чайник, пока не дождалась Велия, чтобы на нем отыграться, благо около кабинета никого не было. Как только маг появился, я на него налетела, словно ураган.

— Эй, эй, ты чего?! — хохотал он, отбиваясь от града ударов и оскорблений, а я никак не могла уняться:

— Самодур, лицемер, преподаватель!

А он только похмыкивал, сграбастав меня в охапку, так что я не могла даже дернуться.

— Ну и что ты буянишь? — посмеивался он, пока я бессильно дергалась, как муха в паутине. — Я ей разрешение на прогулку в Заветный лес выпрашиваю, а она — поросенок неблагодарный.

— Да?! — замерла я. — И как? Разрешили?

— Почему нет? — удивился Велий. — Нервное расстройство от переутомления налицо.

— Сам ты нервный. — Я последний раз бухнула его в грудь. — А когда пойдем? И на сколько?

— Как все ученики, на выходные. Вот сдашь завтра генеалогию высших демонов, и вперед!

Я ойкнула, вспомнив про список в тысячу имен.

— Никаких «ой», ученица Верелея, если не сдашь — никакого леса. Так директор сказал. — Продолжая держать меня в руках, Велий уперся мне лбом в лоб.

Я обмякла и стала вспоминать что-то про конопляное семечко из книги сказок, специально для нерадивых учеников.

— Что задумалась? — напрягся маг.

— Ничего.

— Верелея, Феофилакт не шутит, если пообещал — пороть будет каждый день, это тебе не Анчутка.

— Да правда ничего! Посмотри на меня, разве эти глаза могут лгать?

Маг застонал, но выпустил меня, потому что, ругаясь на ходу с овечкой и Гомункулом, к нам направлялся Рогач.

— А я говорю, простыней выдано двадцать девять штук, да? — заорал он.

— Двадцать семь, — возражала овечка.

— Что я, дурной, простыни на портянки рвать? — оправдывался Гомункул. — Их кудрявая съела.

Вырваться на свободу из школьных стен оказалось великим счастьем; только в лесу, вдохнув полной грудью терпкий весенний воздух, я поняла, как одурела за прошедшие три недели от учительских истязаний. Велий шел с улыбкой, поглядывая на мои козьи скачки. Он уже держал в обеих руках по букетику цветов для Горгонии и Березины. Помня, что Коровья Смерть предпочитает цветочкам кусок свежей говядины, мы взяли скатерть-самобранку. Стоило нам переступить границу Заветного леса, как затрещали кусты и страшный бас заревел:

— Берегись, подлый враг, заламаю!

Но засаду Топтыгина испортил Васька, с визгом подмявший пару елей и бросившийся нас вылизывать. Юный медведь вылез из кустов, проклиная василиска, но обормоту Ваське укору мелкой живности были неинтересны, он топотал вокруг меня ножищами и норовил так меня поддеть носом, чтобы я взлетела к самым облакам, а потом поймать за шиворот, считая визг хозяйки признаком хорошего настроения.

— А ты, значит, Велий, — пробурчал, переминаясь с лапы на лапу, Топтыжка, не зная, как относиться к магу. Протягивать ему когтистую лапу медведь не решался, а обниматься по-родственному вроде как еще рано.

— А ты, значит, тот самый маленький миленький медвежонок, про которого мне Верелея рассказывала, — сказал Велий, наблюдая за моими полетами. Мосластый Топтыгин был на целую голову выше его, хотя мне сверху оба казались просто коротышками.

— Ребята! — визжала я, чувствуя, как сердце уходит в пятки, — спасите меня! Васька, фу! — орала я, а василиск подпрыгивал на месте, всем своим видом показывая, что вот сейчас не поймает, сейчас не поймает.

— А я-то думаю, кто это на весь лес р-разор-рался, — спикировал с небесных высот Карыч. Он с интересом уставился на меня: — Что, на пор-рку явилась? — Тут Васька перестал меня ловить зубами, а подставил шею, и я по его шее, по спине, по хвосту проехала прямо к лапам ворона, пересчитав задом все Васькины гребни. А василиск замер, ожидая одобрения.

— Дурачок. — Я почесала его за гребень.

— Сыночек дур-ры, — не удержался ворон.

— А Хорс не велел меня дурой называть, — напомнила я, и ворона передернуло от отвращения. Так он и шел всю дорогу плюясь и возмущаясь, даже к Велию цепляться не стал.

Вся нечисть гостевала в доме проснувшихся медведей. Дым столбом стоял над летней кухней Настасьи Петровны, жарившей огромных сковородах золотые безразмерные блины, которые Коровья Смерть, жмурясь от удовольствия, смазывала маслом. Березина, Горгонией заворачивали в блинчики начинку, однако с той же скоростью, с какой гора блинчиков росла на одной тарелке, на другой, тарелке она убывала. Анчутка и Индрик работали челюстями с устрашающей скоростью, не забывая швырять подачки неприкаянно шатающимся амба и кароконджалам, которых Настасья Петровна жаловала и махала на них полотенцем.

— Смотрите, люди хорошие, нечисть солнышко надкусывает! — закричала я еще издали.

Медведица удивленно вскинула на меня глаза и тут же забыв о своих постряпушках, кинулась обниматься, громко клича Михайло Потапыча и Мать-Пчелу. Мои дядьки были изгнаны из-за стола зато передо мной и несколько испуганным таким напором Велием было водружено огромное блюдо с блинами и десяток разных мисочек с вареньем, медом, икрой грибной и рыбной.

— А мы скатерть-самобранку принесли, думали, вы с голоду помираете, — робко проговорила я, чуть не до глубины души обидев радушную хозяйку. Медведица сначала долго возмущалась, то упирая лапы в бока, то вскидывая их вверх, отчего кароконджалы в испуге прижимались к земле, а потом посоветовала не питаться всякой магической гадостью.

— Еще неизвестно, из чего она эти свои вкусности делает, — ворчала медведица, ловко подкидывая блин на сковороде. —

Говоришь, каждый день питаетесь, а сама тощая. И парень твой какой-то заморенный. Там же одни магические добавки. Ну для цвету, аромату, чтоб не портилось. Где это видано, чтобы продукты так долго свежими оставались? Даже е смей ее тут разворачивать.

Мы с Велием, переглянувшись, спрятали скатерку подальше, а выгнанный из-за стола Индрик прогундел в ухо:

— На капище развернем.

— У нас еще ковер-самолет есть, — призналась я неожиданно. — Правда, его мавка оседлала. А еще в книжке есть про гусли-самогуды. Хотите, я вам в следующий раз принесу?

— Очень хотим, — обрадовалась нечисть, а Велий сказал вполголоса Анчутке:

— Я, кстати, об этой книжке с вами поговорить хотел.

Я это услышала и закивала головой:

— Да, да, поговорите с ним, пожалуйста, а то замучил своими расспросами, где взяли да как вызывать. Даже спереть пытался один раз.

Тетки, закончив со стряпней, уселись за стол. Настасья Петровна принесла из погреба запотевший кувшинчик медовухи и, хотя сама, как и все животные, спиртного не переносила и не пила, угощать любила. Тетки медовуху пригубили, а я сидела, не решаясь тоже протянуть руку.

— Кстати, — вдруг вспомнила Коровья Смерть, — а чего это ты, Горгония, про сюрприз помалкиваешь?

— Какой сюрприз? — завертелась я, но тетки блаженствовали, щурясь на солнышке, даже змеи Горгонии зевали.

Горгония отмахнулась:

— Дойдем до капища, там и увидит.

— Специально сказали, чтобы я как на иголках сидела?

Я принялась на весь лес жаловаться на свою нелегкую судьбу и родственников. Родственники скалились, им было хорошо, они радовались приходу весны, пробуждению леса, и мои стоны были для не более чем приятное дополнение к птичьим трелям.

— Хоть намекните, — забыв про блины, униженно попросила я, — где искать, я сама найду.

— Даже не верится, что когда-то и мы были такими, — с улыбкой сказала Березина.

— Вот Горгония точно была. — Коровья Смерть указала пальцем на младшенькую. — Помнишь, как она в сад к царю Салмонисиру лазала? — И они втроем захихикали.

Я обиделась, сказала, что сама найду обещанный сюрприз, и долго лазала по своей летней резиденции, но так как камень с радостью и готовностью подстраивался под мое настроение, то чего я только не нашла в этом бесконечном дворце! Пока у меня не кончились силы.

Так меня и обнаружили — около груды диковинок, из которых я никак не могла выбрать, что является мороком, а что все-таки настоящее.

— Нет, ну точно! Вылитая Горгония! — хохотала Коровья Смерть, а Березина поддакивала:

— Да, такое же глупое выражение лица.

— Зато теперь мы знаем, чьей крови в девочке больше, — поджала губы обиженная тетка, и все змеи зашипели на ее голове.

— Да-а, — печально вздохнула Березина, — намучается она с твоей кровушкой.

— Бедное дитя, — жалостливо произнесла Коровья Смерть.

— Посмеялись? — спросила я. — А теперь подскажите мне, что из этого, — Я кивнула на кучу, — сюрприз?

— Вообще-то он у тебя за спиной, на алтаре, — сказала русалка.

Я живо вскочила на ноги, оглянулась и восхищенно замерла, увидев два абсолютно одинаковых камня сновидений.

— Ух ты! Где взяли?

— Еще одну племянницу завели, — засмеялась Коровья Смерть.

— А честно?

— По-моему, ты забыла, что камни сновидений живые, — заметила Горгония.

— И что?

— У живых детки бывают. — Коровья Смерть хлопнула меня по макушке.

— Да?! — Я хотела расспросить тетушек подробнее, но прилетел Карыч и стал интересоваться: что тут за бабий щебет и ор? Я показала ему камни, а ворон потер крылом свою голову:

— Да-а, пр-роблема. По-хор-рошему, камням не надо вместе быть, а то они др-руг др-ругу мешаться начинают.

— И что? — насторожилась я.

— Вот и думай, — сказал Карыч. А Березина кивнула:

— Мы ему уже и мешочек сделали. — Русалка сунула новорожденный камень в ярко-малиновый бархатный мешочек и повесила мне на шею, жизнерадостно проговорив: — Вот.

— А куда я его дену? — испугалась я.

— Это уже не наши пр-роблемы, — отрезал ворон. — Не маленькая, спр-равишься. А то пр-ривыкла на шее у р-родственников.

— Вот вы какие. — Я, вздохнув, решила пойти, поискать сочувствия у Велия, они с Анчуткой как раз бродили вокруг капища.

Анчутка шагал, заложив руки за спину, было видно, что он рассуждает о чем-то крайне важном для мага, потому что Велий шел, упершись взглядом в тропинку, нервно ероша волосы и ничего не замечая. А самым удивительным было то, что Индрик, вышагивавший рядом, не пытался укусить, ни подножку подставить, ни гадость сказать. Я бросилась к магу, на ходу громко жалуясь:

— Вел, они мне новую обузу придумали. Насильно суют камень сновидений!

— Да, хорошо, — кивнул головой маг, а я встала как вкопанная.

— Что хорошо?

Велий, вынырнув наконец из своих размышлений, уставился на меня:

— Ты о чем?

— Камень мне дают. — Я показала ему мешочек на шнурке.

— Ну и забирай. — Он махнул рукой и зашагал по тропинке вслед за тактично отошедшим Анчуткой.

— Обана! Самоликвидировался! — воскликнула я обиженно, но тут прискакал Топтыгин верхом на василиске, и мы принялись дурачиться.

Мы возвращались домой, нагруженные провизией. Настасья Петровна заявила, что даст нам в дорогу небольшой кузовок, и Велий сдуру кивнул, не обращая внимания на мои страшные гримасы. В результате медведица загрузила до самого верха лыковый короб с меня ростом пирогами и блинами.

— Вот и неси его теперь, — мстительно прошипела я, а Настасья Петровна, услышав мой шепот, спохватилась:

— А я и забыла, что вас двое! — и, живо составив на столе с десяток кувшинов, завязала их в скатерть узелком и протянула мне. Посмотрев, как я скособочилась под такой тяжестью, Настасья Петровна взяла узел обратно и весело помахала лапой Индрику: — Иди-ка сюда, что скажу.

Ничего не подозревающий Индрик подскочил к нам, а она, похлопав коня по холке, мигом нагрузила его.

— Вот, дядя тебе поможет. — Индрик выпучил глаза, но было поздно, кувшины на его боках позвякивали, а Настасья Петровна настороженно следила, чтобы мой дядька не повредил хрупкий груз. Я радостно вздохнула, но в руки мне тут же сунули корчажку с медом. — Вот, — медведица удовлетворенно оглядела нашу троицу, — теперь хорошо. А скатерть свою пусти на портянки.

— Спасибо вам, — прохрипел Велий и на подрагивающих ногах пошел из леса. Ремни короба впились ему в плечи, и мне почему-то казалось, что сейчас он рухнет на спину и станет дергать лапками, как таракан, не в силах подняться. Видимо, Индрик думал так же, потому что смотрел на мага с превосходством и то и дело пытался гарцевать вокруг нас. Понятно, что магу было не до разговоров, а меня мучила серьезная проблема — куда девать неожиданный подарок?

Мешочек на шее раскачивался в такт моим шагам.

— Индрик, а ты бы что сделал с камнем?

— Достал бы его в Школе и наслаждался бы творящимся вокруг безумием, — откликнулся дядька. Я призадумалась.

— Боюсь, Феофилакт Транквиллинович этого не оценит.

— Зануда, — согласился со мной Индрик.

— Может, подарить его людям?

Индрик споткнулся:

— Каким людям? Каким людям?! Чтобы я от тебя таких слов, как «подарить», «отдать» не слышал! Твари они неблагодарные. Им и так все в открытый рот само падает. Драть с них надо три шкуры.

— А это идея! В том году Феофилакт Транквиллинович всю зиму торговал вином от зеленого змия. И до сих пор мне напоминает, какой я урон нанесла Школе, лишив ее этого приработка.

— Верелея, не придумывай глупостей, — прохрипел Велий. — Отдашь камень Конклаву магов, а уж они разберутся. Или Великому

Князю от нечисти преподнесешь, глядишь, он тебе дворянство пожалует.

Мы с Индриком насмешливо засмеялись и стали в подробностях объяснять, куда Конклаву губу закатывать, а Князю дворянство засунуть. Велий, и без того красный от натуги, побагровел и стал упрекать единорога:

— Вот учите ребенка всяким глупостям, она у вас и растет как не пойми что. А ведь вы — Древний, мудрое существо с огромным жизненным опытом. Зачем вы вбиваете в ее голову эту чушь?

Индрик благостно улыбался, поощряя взглядом Велия, дескать, давай, давай, я тебя очень внимательно слушаю, очень мне нравится это твое «Древний», «мудрый», можешь ведь, когда хочешь. И пока они спорили о том, какой мне быть и как меня воспитывать, я практически все придумала. Поэтому, добравшись до Школы, первым делом нашла нашу комендантшу, а уж та, вдохновившись, развила бурную деятельность, для начала вломившись в кабинет директора с воплем:

— Я согласная!

— На что? — уставился на нее поверх очков восседающий за столом Феофилакт Транквиллинович. Я втайне подозревала, что именно в этой позе, вперив взгляд в бесконечность, он и проводит все свое свободное время, поскольку ни разу за два года не застала его сонным или поливающим цветочки, или хотя бы поправляющим свою мантию перед зеркалом. Нет, он всегда фундаментально восседал за столом с таким выражением лица, словно заранее знал, кто стоит за дверью.

— Я согласная на все, — сказала овечка. — Но требую десять процентов от дохода плюс харчи, а еще вот у меня приблизительный набросочек.

Я несмело протянула директору листок, тот стал внимательно его читать:

— Шесть баечников, четыре блазня, охрана (Гомункул и Зоря), телепат, черный вежский архон, шатер ста шагов в длину, билеты, ель пушистая средняя, домик в локоть высотой резного хрусталя, орешки грецкие с начинкой из изумрудов... — Он оторвал глаза от списка. — Зачем это?

— Орешки? — спросила уже поставившая на стол копытца овечка и завопила на весь кабинет: — Зоря, подай сюда артиста!

Зоря робко приоткрыл дверь и протиснулся бочком, держа в вытянутой руке бельчонка, наряженного в сарафан и кокошник. Зверь заходился диким ором, бессильно молотя в воздухе лапками:

— Я не буду это носить, я не девка!

— Молчи, дурень, — уговаривал его богатырь, легонько встряхивая. — Где мы другую говорящую белку найдем?

— Не буду я позориться! Уйди, уйди, урод, руки убери! — продолжал истерику бельчонок.

— Ты опять? — прикрикнула на него овечка. Бельчонок сразу поник и прижал уши. А богатырь укоризненно произнес:

— Неблагодарный ты, для тебя вон дворец строить собираются, а ты бузишь.

Овечка не дала развить Зоре свою мысль, а, кивнув в сторону директора, повелела:

— А ну изобрази.

Бельчонок тяжело вздохнул и, ненавидяще глянув на директора, взмахнул платочком и заверещал тоненьким девичьим голоском: «Во саду ли, в огороде девица гуляла. Она ростом невеличка, беленькое личико. Хрум-хрум».

Директор дернулся, убирая руки со стола:

— Это вы в каком смысле?

— Это он орешки грызет, — радостно пояснила овечка и, закатывая глаза, продекламировала: — А орешки не простые, все скорлупки золотые, ядра — чистый изумруд... — Она с почтением посмотрела на бельчонка: — Слуги белку стерегут.

Бельчонок ударил себя лапкой в грудь и прорыдал:

— И зачем я рассказал вам эту сказку?!

— Гулять на женской половине уже большая ошибка, — матерински-наставительным тоном проговорила овечка, а Феофилакт Транквиллинович ткнул бельчонка в живот перстом:

— Вы ведь первокурсник, оборотень, — и, безошибочно вычленив главного виновника переполоха, обратился ко мне:

— Надеюсь, госпожа Верея, вы мне сейчас быстро и внятно объясните, что сие значит?

Я, словно ныряя с головой в холодную воду, вытащила бархатный мешочек и молча извлекла камень. Тот засветился и окутал все вокруг волшебной дымкой. Не давая ему разгуляться, я сунула камень обратно и затянула горловину мешочка.

Бельчонок покачивался, вздрагивая всем телом, а Зоря медленно хлопал фиалковыми глазами и улыбался своей детской улыбкой. Феофилакт Транквиллинович, чуть побледневший, промокнул платочком покрывшийся испариной лоб и долго собирался с мыслями. Мне почему-то показалось, что его речь начнется со слов «етит твою...», поэтому я затараторила первой:

— Поставим в Княжеве балаган. Ярмарки там сейчас, конечно, большой нет, но зато к осени слухи расползутся по всему Северску, деньги будем лопатой грести, народ повалит толпами, чтобы в живой сказке побывать. Нечисть пускать не будем. Четверть в княжескую казну, остальное Школе. — Я заговорщицки подмигнула: — Прибыль, большие деньги, понимаете.

Пока в голове директора крутились кладни, овца судорожно кивала головой, так что вместо ругани он даже погладил меня по голове, однако другой по-драконьи крепко вцепился в мой кошель.

— Там на мешочке петелька, вы мне сейчас голову оторвете, запищала я. Феофилакт Транквиллинович вздрогнул и, опомнившись, с сожалением разжал руку. Я сняла мешочек с шеи и бережно положила на требовательно раскрытую ладонь.

— Дарю на благо родной Школы.

— А мне что делать? — спросил забытый на столе артист.

— Репетируй, дружок, репетируй, — проворковал директор.

— Считаю, призвание нашел. — Овечка, улыбаясь бельчонку, подпихивала директору свою бумажку с требованием десяти процентов. По ухмылке наставника я сразу поняла, что быть скандалу, не отдаст он овце эти проценты. И задом, задом попятилась, памятуя, что и овца — тот еще дракон.

Как только дверь закрылась, Зоря победно потряс кулаками:

— Все, буду в золоте ходить, на князей порявкивать.

— Как я матери-то буду в глаза смотреть? — выл на его плече оборотень. — Что ж я с детства-то такой невезучий?

— Ничего, привыкнешь, — успокоила я его. Признаться, когда овечка сказала, что для привлечения народа к балагану нужна яркая

идея, я никак не ожидала такого размаха.

Оставив парней одного мечтать, а другого горевать, я отправилась к себе в комнату, где час назад покинула раздавленного непосильной ношей мага. Подруги обрадовались коробу больше, чем мне, так что, когда я появилась на пороге, стол уже был накрыт, Аэрон с удовольствием уплетал блинчики, макая их в мед, подруги помогали ему расправляться со снедью.

— Гомункула там не видела? — осторожно поинтересовалась Алия, а мавка укорила:

— Верея, зачем ты его таким прозорливым сделала?

— Действительно, — поддержала подруга, — маленьким он скромнее был.

— Маленькому меньше нужно было, — пояснил Аэрон, облизывая пальцы.

— Все вы, мужики, заодно, — махнула рукой Алия и повернулась ко мне: — Ты заметила, Верея, сколько мы в последнее время дармоедов кормим?

Велий, без сил валяющийся на кровати, с трудом оторвал голову от подушки и уставил на меня печальный взгляд:

— Верелея, почему мы через зеркала не пошли?

— Какие зеркала? — удивилась я, макая палец в варенье. — Весна на дворе, солнышко, птички. Прогуляться — одно удовольствие. Ты же меня от нервного истощения лечил. — Я немножко подумала. — Или ты сам в Заветный лес хотел сходить? Что задумал?

Велий молча откинулся на подушки.

— А о чем вы с Анчуткой разговаривали? — прицепилась я к магу. У меня возникло подозрение, уж не зреет ли какой заговор.

Велий захрапел, но получилось неубедительно.

— Во саду ли, в огороде девица гуляла... — слышалось в коридоре, дверь широко раскрылась, и на пороге, широко улыбаясь, нарисовались братья-богатыри с белкой на плече.

— Артистов заказывали?

Алия хмыкнула:

— Помяни черта...

— Оно и всплывет, — добавила мавка.

— Ругаемся, не любим, — сказал Гомункул, ничуть не смутившись.

Он поздоровался с парнями, сел за стол, по-хозяйски придвинул к себе блюдо с пирожками и кивком пригласил остальных артистов.

— А вам, между прочим, в Княжев велено собираться, — сказал Гомункул. — Судить будут.

— За что?! — придушенно спросил подавившийся пирожком Аэрон, а «спящий» Велий приоткрыл один глаз.

— Было б за что, прямо здесь бы казнили. Кто княжичу морду бил, а потом кляuzu писал? Вот.

Мы переглянулись:

— А как же уроки? Экзамены?

— Экзамены не волк, в лес не убегут, — выдал великую истину подвальный. — Да, чуть не забыл, Лейя, зайди к директору, там тебе от тетки письмо, гриф-почтой сегодня пришло. Тоже из Княжева.

— Ну, значит, судьба, — вздохнула я. — Все одно к одному.

— Может, в Княжеве хватит меня и Аэрона? — спросил Велий.

Мы все шумно начали возмущаться, а Гомункул пожал плечами:

— Это, ребята, уже не ко мне, а к директору. Мне велено передать, я передал. — Он цапнул стакан и, осушив его одним махом, весь перекривился. — Что за дрянь?

— А, извини, — сказала Алия, это у меня первые цветочки стояли, да сдохли, а воду я не вылила.

Гомункул крикнул и, пододвинув к себе кулебяку, обиженно буркнул:

— Предупреждать надо.

Сколько Велий ни упирался, а я уверена, что упирался он изо всех сил, мне отправляться в Княжев таки пришлось. Даже если б не это судилище, я все равно отправилась бы в столицу, хотя бы ради подруги Лейи.

Беззаботная мавка, упорхнув за своей почтой, обратно вернулась вся в слезах и соплях.

— Ты чего?! — удивленно спросила Алия.

— Меня замуж выдают, — ответила Лейя и заплакала, бессильно уронив руки. Мы все смотрели на нее, не очень понимая, о чем идет речь.

— Ну дак за будущую новобрачную! — поднял тост Гомункул. Мавка, взвизгнув, накинулась на сидящего великана и стала хлестать его письмом, да так отчаянно, что бывший крыс с перепугу едва не полез под стол.

— Дурак, дурак! — пищала она. — Меня не за Сиятельного выдают! Меня... меня... да где же это? — Она принялась теревить и без того уже порядком замызганный листок. Ничего путного из этого не выходило, она несколько раз его свернула и развернула, но нужное место никак не находилось.

— Дай сюда, — не выдержала Алия и выдернула из дрожащих рук Лейи измятый и потертый листок дорогой бумаги. — Убожище, — вздохнула лаквиллка, поняв, что даже половину послания теперь прочитать невозможно. Но хотя бы сообразила по гербовой печати на бумаге, где у письма начало. — Дорогая племянница, и так далее, и тому подобное... — шевелила губами Алия, быстро пробегая текст глазами, потом подняла брови: — Ишь ты, какая самовластная тетка! Я считаю, я решила, я убеждена, словно ты ей по гроб жизни обязана!

Мавка залилась в бессильных рыданиях, припав к моему плечу.

Парни молча переглядывались, тактичный Зоря с тоской поглядывал на дверь. Остаться — неудобно, а уйти сейчас — не товарищески. Побитый Гомункул сопел, сидя на полу, и пережевывал блин, всей своей физиономией выражая сочувствие.

— А-а! — радостно вскрикнула Алия, — «... меня сильно беспокоило твое письмо об этом безродном красавчике, и, понимая, как легко девушка твоего возраста может надеть глупостей, я решила наконец устроить твою судьбу. И вместе с этим письмом отправляю уведомление директору вашей Школы о прекращении оплаты за твое обучение в связи со скорым замужеством».

— Ну, Лейя, ну и бестолочь же ты! — подал голос Аэрон. — Права тетка — девушки твоего возраста просто до безобразия глупы! Надо было этой гримзе про Сиятельного писать?

— Но у меня было хорошее настроение. — Мавка забилась у меня на груди, я сочувственно гладила ее по спине.

— Это не когда ты в Засеки собиралась? — спросил Великий, до этого помалкивавший.

— Тогда-а, — затрясла головой опухшая от слез Лейя, став разом такой некрасивой, что я торопливо загородила ее собой. — Она

беспокоилась, не опасно ли мне одной ехать, вот я и написала, что со мной будет милый юноша.

— Ну а откуда она узнала, что он безродный? — хмуро спросила Алия.

— Я ее обрадовать хотела, что он такой же, как я, сирота и мы понимаем друг друга.

— Выходит, она действовала не торопясь, — рассудительно заметил Велий, а Аэрон кивнул:

— Папе достаточно было только узнать, — он многозначительно взглянул на меня, — как через неделю я уже знакомился с будущей невестой. А твоя тетка целых два месяца жениха искала.

— Основательная тетка, — откликнулся Гомункул. — Дело табак.

— А что такое табак? — спросила Лейя.

Бывший крыс кашлянул и буркнул:

— Маленькая еще, — и тут же пояснил: — Вообще-то им травят нечисть, но можно и тлю на огороде.

— Очень интересно, — заинтересовался Аэрон.

— Давайте о ядах поговорим в другой раз, — вмешалась я. — У подружки горе, охота вам болтать о всякой ерунде, идите-ка к себе.

— Да какие проблемы-то? — осмелев, влез в разговор Зоря. — Плюнь ты на эту тетку!

— Да-а, плюнуть, — всхлипнула Лейя. — А кто платить будет? И содержать?

Я всплеснула руками:

— Да неужто великое и богатое государство Урлак не сможет оплатить содержание одной маленькой и непрожорливой мавки?

— А почему Урлак?! — чуть не упал со стула Аэрон. — Почему не Конклав магов, не Лаквилл? Кто тут кичился, что она правнучка Всетворца! Почему бы Древним не оплатить содержание одной непрожорливой мавки?

— Ты что же, предлагаешь Теофилакту Транквиллиновичу самому оплатить содержание Лейи? — набросилась я на вампира, а мавка зашлась в крике:

— Прогони его! Он злой, он меня не любит!

— Вот, обидел девушку, — упрекнула я «жениха».

Аэрон надулся и отвернулся к окну:

— Я вообще не понимаю, к чему столько слез. Девушка замуж не хочет? Или хочет за другого? Так еще неизвестно, что по этому поводу думает Сиятельный. Его мнения на этот счет пока что никто не спрашивал.

Мавка разом замолчала, оторвалась от моего плеча и кинулась к зеркалу поправлять мордашку. Обернулась она уже в дверях, окинула нас всех взглядом и, бросив:

— Я сейчас, — скрылась в коридоре.

— Щас Сиятельному будет номер! — вскинулся крыс и кивнул на дверь: — Пойдем посмотрим, как Князю руки выкручивают. Я знаю там один симпатичный лаз, как раз в его комнату... — Тут Гомункул осекся, вспомнив, что у него уже не крысиные габариты, вздохнул и махнул рукой: — Ладно, под дверью подслушаем.

Аэрон тут же вскочил, а умный Велий не дернулся, даже глаз не открыл, но по лицу было видно, что, если б не я, он точно побежал бы посмотреть, как мавка будет делать Князю предложение руки и сердца.

— Какие вы низкие и бесчувственные! — вознегодовала я. — У человека горе — замуж выдают против воли, а вы только зубоскалите.

— Ой, да у девок всегда горе, — отмахнулся Гомункул, пытаясь обойти вставшую в дверях Алию, и сразу сбавил тон: — Нет парня — горе, замуж выдают — горе, вы ж по-другому не умеете.

— Щас у тебя будет горе, — с угрозой проговорила лаквиллка.

Они замерли друг против друга, однако драка не состоялась. Решительно толкнув дверь, на пороге появился Сиятельный, все с интересом уставились на него. Не сказать, чтобы он выглядел взволнованней обычного. Вежливо кивнув всем, Сиятельный попросил:

— Могу ли я взглянуть на это злополучное письмо? — Не без брезгливости он принял из рук Алии помятое и скомканное послание тетки, внимательно прочитал и воззрился на присутствующих:

— Я слышал, нам надлежит явиться на суд в Княжев?

— Ага.

— В таком случае, — он аккуратно сложил письмо и сунул в узкий кармашек на ремне, — если госпожа Лилия озабочена исключительно благополучием племянницы, я, без сомнения, развею ее опасения. Не такой уж я безродный, и у меня есть тому

доказательства. Хотя, конечно, в данный момент не смогу содержать семью на ту стипендию, что платит мне Школа.

— А я думала, что ты эльф, — брякнула Алия, — и тебя родичи содержат.

— Нет, — с достоинством ответил ей Князь. — Я найденыш. Мое содержание оплачивает Школа. — Сиятельный пожелал нам всем доброго вечера и вышел. Не успела за ним закрыться дверь, как Зоря донес до нас простую житейскую мудрость, что мавка просто создана для Сиятельного, его так прет от чувства собственной значительности, что ему просто необходима жена-дура.

Спустя два дня, отправив кучу писем в столицу, Урлак и Лаквилл, вся наша компания: свидетели, потерпевшие и обидчики Прыща уже стояли перед волшебными зеркалами в Заветном лесу. Аэрон, на которого один вид моей летней резиденции навевал задумчивость, вздрагивал от слишком резких звуков, зато подруги накинулись на меня чуть не с кулаками, упрекая в том, что я ни разу, ни разу не сводила их сюда.

— Вот, значит, как ты живешь! — визжала Лейя, а Алия, сунувшись в одну из дверей резиденции, чуть не убила меня на месте, и, как ни пыталась ей втолковать, что все увиденное ею оружие всего лишь морок, который исчезнет за границей Заветного леса, она не хотела и слушать. Я умоляюще посматривала на Карыча, пусть пугнет как-нибудь мавку, крутящуюся перед зеркалом. Платья на ней менялись с такой катастрофической быстротой, что даже у меня закружилась голова от этого мельтешения.

— Ты мне его подаришь? Подаришь? Вот это золотое?

— Дарю, — обреченно махала я рукой. — И тебе дарю, — рычала я Алие, с безумными глазами сжимавшей пламенеющий изогнутый меч.

Один Сиятельный не нарушал моего душевного спокойствия, просто стоял и экспериментировал с архитектурой, там и сям меняя башенки, украшая своими барельефами стены. Гомункул беззастенчиво пытался тырить все, что, по его мнению, плохо лежало, рискуя надорваться.

Овечка, заявив, что им все равно со дня на день балаган открывать, вызвалась быть представителем от Школы,

сопровождающим учеников, стребовав себе братьев-богатырей для солидности. Кстати, Зоря с самого начала не отходил от меня ни на шаг.

— Ну наигрались уж? — ехидно поинтересовалась овечка. — Может, тогда пойдёмте, госпожи ученицы? — Она подтолкнула Велия: — Давай, ты у нас княжевский, представляй, куда выйдем.

— Давай глянем на сокровищницу, — предложил Гомункул, — говорят, хорошее место.

— Лучше в арсенал, — сказала я, косясь на Алию с ее дурацким мечом. — Хотя я тоже одно хорошее место знаю, прямо рядом с кремлем.

Не успела я об этом и подумать, как зеркала отразили это самое место, и вся компания отшатнулась. Девчонки завизжали, а парни брезгливо поджали губы.

— Да, Верелея, никогда не знаешь, где тебя носит, — ехидно произнес Велий.

— Я там ночью была, ничего не видела, — с трудом выговорила я, борясь с тошнотой. Сквозь мутное стекло больших жбанов на меня тарасились разные уродцы, плавающие в крепком вине. — Зато теперь я знаю, что такое кунсткамера.

— Давайте ограничимся резиденцией фон Птица, — предложил Велий.

— Давно в кандалах не сидел? — осведомилась я.

Велий как-то странно глянул на меня, хлопнул себя по лбу, будто вспомнил о чем-то, и парадное крыльцо с грифонами растаяло.

— Нам действительно не стоит лезть со своими проблемами к магам, я вспомнил о другом варианте. — Он виновато улыбнулся. — Я совсем забыл, у меня же там дом есть, хотя я уже пять лет в нем не появлялся. Надеюсь, еще стоит. — Он посмотрел на меня и улыбнулся: — Хочется верить, что он выдержит твоё появление.

— А где бельчонок? Где бельчонок? — завертелась овечка.

— Вот оно — ваше, этот... артист, — с кривой усмешкой сказал Анчутка, а двигавшийся следом Васька раскрыл пасть и выплюнул слюнявый комок.

Оборотень выглядел настоящим чудищем из кунсткамеры с той лишь разницей, что он жалостно стонал:

— Не пугайте меня. Я осенью уже платил за эту экскурсию ей. — Он показал на меня.

— Чего врешь-то? — Я совершенно не помнила среди первокурсников никакого бельчонка.

— Я последним был!

— А-а, это котор-рого два дня по лесу ловили? — разулыбался Карыч. — Шустрый какой!

Оборотень закатил глаза и потерял сознание.

— Все, хватит с баловством, — притопнула овечка. — Выносите тело. Богатыри, за мной. — И она смело шагнула в зеркало. — Привет всем, — сказала овечка мирно обедающей челяди. — Нечисть на дом заказывали?

Люди в ужасе уставились на говорящую овцу, по бокам которой стояли жуткие громилы, царские одежды которых медленно таяли, отчего казалось, что они меняют личину, приспособляясь к человеческому образу. Но все бы обошлось, не влезь Аэрон со своим воспитанием.

— Здрасти, — с улыбкой сказал он, обнажая клыки. И ведь ничего плохого не хотел.

— Ну вот, здесь я и жил до двенадцати лет. — Комната была не так уж и велика, и ничего от детской в ней уже не осталось. Огромная карта Северска на стене, шкаф до потолка, набитый книгами, большая кровать, над столом модель корабля.

— Сам делал? — спросила я, проводя пальцем по борту модели.

— А что? — смутился маг.

— Корявенький.

— Мне тогда было лет семь, — виновато пояснил Велий.

— Велий, там эти твои слуги, по-моему, собрались забаррикадироваться в кладовой, — сообщила Алия.

Больше всего лаквиллку возмутила потеря меча. До такой степени, что она сначала даже не хотела со мной разговаривать, но потихоньку стала отходить. Велий вздохнул: никуда идти ему не хотелось, он и имена-то этих людей с трудом мог вспомнить, хоть и считался их работодателем. Да и управляющий не сразу узнал своего хозяина, так что магу пришлось изрядно попотеть, доказывая, что он именно Велий. Я ожидала от столичных жителей более спокойного

отношения к нечисти, так ведь нет, стоило их оставить один на один с вампиром и овечкой, как начали творить всякие глупости. Судя по тяжелому вздоху, Велий думал так же. Алия окинула комнату взглядом и многозначительно улыбнулась.

— Чего улыбаешься? — насупилась я.

— Гомункула и Зорю он в людской поселил, меня и парней с Лейей — в гостевые комнаты, а тебе так предлагает свою бывшую спальню.

Дом мага оказался немаленький, три этажа и действительно в трехстах шагах от Кремля. Садик был невелик, но и это в центре столицы было роскошью. Быстро прошвырнувшийся по улицам Зоря, вернувшись после прогулки, сел, сложил руки на коленях и заметил, что соседние дома охраняют такие страшные мордовороты, что на них и смотреть-то жутко, значит, и люди там живут соответствующие, не чета нам.

— Надо было эпсов с собой взять, — со вздохом сказал богатырь.

Эпсы произвели на него неизгладимое впечатление, хотя, казалось бы, и драконов видел, и с рватнями общался.

— А то будут тут нос задирасть.

Я, хмыкнув, заметила:

— С нами не позадираешь, один Аэрон чего стоит.

— Господин Аэрон это да, это сила, — согласился Зоря, косясь на вампира, — Только эпсы бы все равно не помешали. — Очень впечатлила засечного богатыря моя личная охрана.

Собравшись в гостиной у камина, мы с интересом смотрели на управляющего, а управляющий с несчастным видом на нас.

— Хиддим Потакша — управляющий этим домом, прошу любить и жаловать, — представил его Велий. — Сколько себя помню, он всегда ухаживал за этим домом.

Хиддим, лысеющий чернявый миренец, робко улыбнулся нам.

— Пока мы будем в Княжеве, на нем будет лежать нелегкая обязанность следить за тем, чтобы вам было удобно. И еще, — Велий повернулся к управляющему, — у моих друзей юмор как у нечисти, поэтому не обращай внимания на их шутки. — Грозно посмотрев на нас, он прибавил: — А вы не смейте пугать прислугу.

Мы сделали вид, что оскорблены, а Велий сказал, что завтра нас ждет муторный день. Все замахали на него руками, очень нечисти надо

думать про завтра, когда на дворе еще только сегодня. На мага сразу посыпались предложения: сходить в кабак, прогуляться на ярмарку, просто пошататься по улице. Лейя, визжа, требовала напроситься к кому-нибудь в гости, я сглупила, рассказав, какие в столице устраивают балы, и теперь мавка горела этой идеей. Лейя плакала, билась, пока Аэрон не охладил ее пыл, сказав, что завтра мы и напросимся к ее тетке, надо только маленечко подождать.

Конец спорам положила овечка, процокавшая на середину комнаты и заявившая, что она на правах самой старой, мудрой и главной ведет всех на ярмарку, чтобы присмотреть место под балаган. Мы запротестовали, не хотелось склочничать, изображать упырей и запугивать ярмарочное начальство. Но спорить с овечкой было ненамного приятней, чем с Феофилактом Транквиллиновичем, с той лишь разницей, что на овечку я могла хотя бы прикрикнуть, напомнив, что это я ее вывела на травку-муравку к людям, так что она моя должница до самой смерти. В ответ на это наглое четвероногое захохотало мне в лицо и потребовало не пререкаться с комендантом женского общежития и казначеем Школы. Мы сдались и, к радости Велиевой прислуги, покинули дом до самого вечера.

— Я вас развлеку — вы мне еще благодарны будете! — пообещала овечка, а мы забеспокоились: не тот был у овечки нрав, чтобы нам понравились ее развлечения.

— Помяни мое слово, — шепнула мне Алия на ухо, — будут гоняться за нами мужики с дрекольем.

— Ладно, если мужики, а не жрецы Хорса, — со вздохом ответила я и обратилась к овечке: — Слушай, давай обойдемся без скандалов.

— Какие скандалы?! — удивленно вытаращилась овечка, чтобы тут же рывкнуть на зазевавшегося кучера: — Куда прешь, раззява? Не видишь — девушки гуляют?!

Кучер в ужасе дернул вожжами, и за нашими спинами образовалась куча-мала из-за сцепившихся колесами экипажей.

Вечером, усталые, но довольные, мы едва дотащились до своих комнат. Я рухнула на кровать, задавленная грудой коробок. Не знаю, зачем я столько накупила, но Лейя так верещала, купцы так приветливо улыбались, а ребята были так щедры, что я сдалась. К тому же прижимистая овечка неожиданно сэкономила для себя немалую

кучу денег, договорившись с хозяином нового крытого рынка, что поставит свой балаган прямо в центре его зала, будет привлекать массу зевак и не возьмет с него за это ни копейки. Бывалый купец так и не смог понять: где здесь подвох? А когда бельчонок еще и исполнил перед ним свой коронный номер, пообещал содержать артиста за собственный счет. Особенно его умилило финальное «хрум-хрум». Оборотень, наверно, пуд орехов сгрыз, исполняя свой номер на бис снова и снова, и теперь бедный первокурсник маялся животом.

В дверь осторожно постучали, в щель просунулась голова Потакши.

— Госпожа спустится к ужину?

— Нет, — простонала я, — госпожа хочет спать.

— Может, ванну? — предложил настырный управляющий.

Идея с ванной меня заинтересовала не в пример больше. Я кивнула, представляя, что вот сейчас поднимусь, пойду с девчонками в баню, расслабленно полежу в горячем пару. Не успела я разгрести коробки и встать, как в комнату, пятясь задом, вошел детина, волоча огромную бадью. Следом за ним протиснулись девушки, на полу была расстелена огромная кожа, на нее водружена емкость, которую в мгновение ока наполнили горячей водой и огородили шелковыми ширмами.

— Прошу, — немного робея, пригласила одна из служанок, когда мужчины удалились.

Я сразу почему-то засмушалась:

— Может, вы оставите меня одну, я и сама справлюсь.

Девушки не стали спорить, но я успела услышать шепоток:

— Я же говорила, что у нее чешуя на боках...

— Не-э, у нее хвост, она же ведьма.

— Придется мне, бедной, ложиться спать, кровушки не попив, — проговорила я им вслед.

Дверь так резко хлопнула, что ушам стало больно. Я разделась и залезла в воду. Блаженное тепло окутало тело, я застонала:

— Мои бедные ножки, — и поняла, что не смогу вылезти, сразу навалилась сонливость. Захотелось расслабиться, замереть и ничего не делать. Веки стали тяжелыми, и сама собой навалилась дрема. Я пыталась с ней бороться, но силы были неравны.

— Вода, нельзя спать в воде, — пробормотала я, а в ушах уже играла какая-то музыка, как это бывает у засыпающих. И к моему голосу примешивались десятки других.

— Вода, вода, — бормотал молодой маг, а старик скрипуче вторил:

— Управление водной стихией не есть ваше призвание, господин Вонифатий.

— Дайте ж мне серебряной воды! — орал еще один. — Раствор уже вскипает!

— Воды, воде, воду... проклятье! На каком же языке это заклинание?

Я вздрогнула, не понимая, где я, и, содрогаясь от озноба, быстро выскочила из лохани, заливая пол водой и не видя, где полотенце, хотя столик со всем необходимым дважды возникал передо мной. В голове стоял многоголосый ор. Неистовый старик орал по-морански, перекрикивая всех. Я затрясла головой, пытаюсь вытряхнуть все это, и разноголосица утихла.

— Надо спать, — решила я и, закутавшись в теплый халат, пошлепала к уже расстеленной служанками постели, там даже грелка лежала, но сил умиляться не было. Я закрыла глаза и сразу же словно ухнула в черный бездонный колодец, на дне которого отплясывали безумный танец целые полчища магов.

— Вугу, вугу, вугу! — орал, притоптывая на одной ноге, шаман, которого я лишила срывающей печати книги.

— Эфир есть всепроникающая субстанция, наполняющая все мироздание и присутствующая в каждой вещи, — вещал фон Птиц, простирая над миром руки. — Сами вспышки молний есть не что иное, как столкновение наполненных эфирных масс, находящихся в непрерывном движении и определяющих своим движением распределение магической энергии на земле.

— Уйди! — замахала я руками. — Достал со своим эфиром, дайте отдохнуть от учебы!

Маги исчезли, но зато те самые зловещие массы навалились на меня; зло потрескивая фиолетовыми разрядами молний и беззвучно колыхаясь сине-зеленым маревом, они начали кружить, то приближаясь, то отступая, с каждым разом все плотнее сжимая кольцо. В конце концов я не выдержала и заорала:

— Велий! — С этим криком и проснулась. — Все, — сказала я себе, с минуту посидела на кровати и поняла, что если не приму решительных мер, то кошмары не оставят меня до утра. Удивительно, но лохань и ширму уже убрали, даже воду затерли. Я встала с кровати, опять приятно удивившись ненавязчивой заботе — ноги сами собой воткнулись в мягкие меховые тапочки, на спинке висел большой теплый платок, а возле правой ноги почти незаметно, но так, чтобы не искать, — ручка ночной вазы. Я фыркнула и пошлепала будить Велия.

Маг еще не спал, а сидел в отцовском кабинете, разбирая какие-то бумаги. То ли он не ждал меня, то ли, наоборот, слишком долго фантазировал, что я приду к нему, но он уставился на меня такими глазами, что я не удержалась и съехидничала:

— У тебя такой вид, словно ты аптекарского шаровылупина наелся.

Он вздрогнул.

— Какого шаровылупина?

— От которого шары вылупливаются, — буркнула я. И, придвинув стул, пожаловалась: — Не спится честной девушке в твоём доме. Стоит закрыть глаза, как являются полчища магов и зудят и зудят, особенно этот фон Птиц, просто достал с лекциями.

— Какими лекциями? — не понял Велий.

— Об эфирных массах, которые пронизывают все пространство. — Я на миг задумалась, прислушиваясь к фон Птицу в своей голове, и поправилась: — О! А сейчас начал о связи алхимии и магии рассуждать! И чего ему не спится? И этот недоучка с водой просто бесит, сколько можно бормотать одно и то же, если все равно ничего не получается! Хорошо хоть у магистра Фария реторта взорвалась, теперь сидит и мне не мешает. Хотя сам дурак, набрал ассистентов бездарей, а еще на что-то надеялся!

Велий сначала отодвинулся от меня, как от сумасшедшей, но, услышав о Фарии, заинтересовался:

— И где его дом?

— Откуда же я знаю! Лаборатория на том конце города, за мостом, почти на окраине, рядом с кузницей ведуна. Тоже тот еще жук, дурит клиента, выдавая пьяные бредни за колдовской обряд. Столько козьего помета сжег на алтаре, что аж в носу свербит!

— Ты и запахи чувствуешь? — удивился Велий.

— Если б только запахи. — Я тяжело вздохнула. — Знаешь, сколько неудачников сейчас блюет по подворотням? А еще студенты Академии магов называются! Хорошо хоть шаманы с их мухоморами далеко на севере. А то б вообще каюк! Слушай, у тебя есть что-нибудь от страшных глюков?

— Боюсь, это не глюки, — с каким-то болезненным интересом посмотрел на меня Велий. — Школа экранирована от всякого рода магических нападков, а здесь ты беззащитна, поэтому и начала чувствовать кроме меня и директора всех магов без разбора.

— И что, ничего нельзя сделать?

— Отчего ж? Топор — прекрасное решение любой проблемы!

Я зарычала, но Велий вытащил из стола пузырек с бурой, отвратительно воняющей жижей и, накапав в стакан с вином, протянул мне:

— Пей и спи. Не хватало еще, чтобы у тебя завтра личико было бледным, как у упырицы.

Я, морщась, выпила лекарство и, вяло поблагодарив, ушлепала обратно. Но стоило мне закрыть глаза, как в ушах зазвучала настырная молитва того самого неудачливого ученика, который пытался заморозить воду:

— Боги — Всетворцы, если вы есть и не сильно злитесь на мага Вонифатия, помогите мне, в конце концов! Куда я пойду, если меня вышибут из чертовой Академии? Навоз с вилами кидать, да?

— А почему бы и нет? — хмыкнула я. — Что за чистоплюйство? И недолго думая взяла все в свои руки. — Во-первых! — рывкнула я, глядя глазами Вонифатия на старикашку-педагога. — С такими емкостями мы не работаем! — Стакан полетел со стола. — Где тут помойное ведро? — Из-под рабочего стола клокоча полился серо-зеленый поток вперемешку с кухонным мусором.

— Привет, — повинувшись моему взмаху руки, улыбнулся всем мусорный человек, поправляя прическу из луковой шелухи. — Станцуем? — И он пустился в пляс, разбрызгивая вокруг себя грязный дождь и мерзко почавкивая подошвами. — Бот так, вот так, я танцую краковяк! Я и боком, и вприсядку, все сначала, по порядку!

Глаза учителя вылезли из орбит, но стоило мне ухватить его за руки, чтобы вместе с Вонифатием и человеком пуститься галопом вокруг стола, как он завопил:

— Включите защиту от демонов!

Я почувствовала удар, словно Алия шлепнула меня подушкой, и провалилась в мирный сон без всяких сновидений.

Утром меня еле растолкали. Велий за завтраком все пытался заглянуть мне в глаза и расспросить, как самочувствие, но времени не было, поэтому я только отмахнулась, буркнув, что днем у меня и своих мыслей хватает, чтобы еще и к чужим прислушиваться. Все бурно радовались прибытию Серого Волка, Алия визжала, повиснув у него на шее, словно они год не виделись. Слуги переглядывались, пытаюсь определить, к какому виду нечисти относится красивый парень с ранней сединой на висках и странными желтыми глазами.

Часа через два прискакал гонец из кремля, сказал, что нас готовы принять. Мы с помпой вышли из Велиевого дома, у крыльца которого уже стояли три золотые кареты.

— Не слишком ли? — удивилась я, но Аэрон объяснил, что послам Урлака, Лаквилла и представителям нечисти негоже толкаться локтями в одном экипаже. Одет он был в традиционный вампирский костюм, не скрывающий крылья.

Алия, проклиная все на свете, заявила, что ни за что не наденет платье, как бы того ни требовал папа в своих письмах, пришлось срочно искать ей легкую лаковую броню, чтобы придать хоть сколько-нибудь торжественности, а вот с овечкой и богатырями не было никаких проблем, кудрявая даже копытца вызолотила.

Меня же отдали на растерзание мавке, сопроводив наказом, чтобы я выглядела скромно, но ослепительно красиво. Что ж, пришлось смириться, натянуть приготовленное нежно-голубое, расшитое жемчугом платье, застегнуть на шее и запястьях украшения все из того же жемчуга и отдаться на милость подруге. Сонливость меня покинула только в тот миг, когда Лейя запустила гребень в мои волосы, заплетая замысловатую косу и вплетая в нее жемчуг. Все остальное время, то ли из-за бессонной ночи, то ли благодаря зелью Велия, я оставалась в полудреме, равнодушно глянула на незнакомую рыжеволосую красавицу в зеркале, безучастно выслушала комплименты по поводу моего внешнего преображения и позволила отвезти себя в кремль.

От судилища в памяти осталось на удивление мало. Скопище людей гудело как пчелиный рой и затихло при нашем появлении. Мы

приветствовали Великого Князя — дебелого, уже немолодого мужчину с властным взглядом, после чего секретарь из жрецов Хорса начал зачитывать суть тяжбы. Папочка Прыща, вначале решительно настроенный содрать с нас три шкуры за оскорбление, видимо, помнил башни, которые я разрушила, покидая его загородный дом, и чем дальше слушал о титулах и званиях пострадавшей стороны, тем больше суровел. А когда всем стало понятно, что я прямая наследница всей северской нечисти, с которой Северскому Великому Князю ссориться не с руки, без разговоров заехал сыночку по роже и, пав на колени, потребовал самой суровой кары для себя и всего рода. После чего было много охов, ахов, всплескивания руками и взаимных уверений в почтении. Правда, покидая кремль, я с удивлением обнаружила на физиономии Прыща два фингала, видимо, покинув большой зал, папа очень сурово объяснил наследнику, с кем не стоит ссориться и о чем не стоит умалчивать.

— Ну что теперь? К Лейиной тетке? — спросил Аэрон, равнодушно полируя брильянтовое кольцо о рукав. Я, закутавшись в соболий палантин, прикорнула на плече «жениха».

— Ты чего сегодня такая? — удивился вампир.

— Красивая? — спросила я.

— Сонная, как сова-сплюшка.

Велий махнул рукой:

— Пусть дремлет, ей это полезно.

— Он меня опоил, — ткнула я в него пальцем и снова задремала.

— Что ж теперь будет? Боги небесной горы, помогите мне! — надсаживался навязчивый Вонифатий, тряся прутья клетки. А огромный, мрачного вида детина бубнил, буравя его неприятным взглядом: — Странно, но следов присутствия демона нет.

Злополучное ведро грязи и мусора стояло посреди лаборатории, и с полдюжины магов глядели на него, заложив руки за спину, пока один из них не ткнул веточкой в жижу и не заметил:

— Обыкновенные помои.

— Ты себе-то в глаз потычь, а! — тут же возмутился мой мусорный человек, вылезая из ведра, и с довольной улыбкой обнял ручищами сразу всех. — Ну что, господа маги, станцуем? — Не успели они возмутиться, как их ноги против собственной воли

пустились в пляс. Вонифатий отшатнулся от клетки, видя, как его почтенные учителя вприскокку пустились вокруг ведра, старчески дребезжащими голосами выводя:

— И так и сяк, мы танцуем краковяк!

— Мама! — завопил Вонифатий. — Я не хочу быть магом, лучше уж и вправду навоз кидать! — И пополз в угол клетки, стараясь забиться под дерюгу.

Я почувствовала сквозь сон, как меня трясут за плечи и, успев погрозить незадачливому ученику:

— Давно бы так, — проснулась, хихикая.

Подворье, на которое мы заехали, было широким и Многолюдным. Лейина тетка стояла на крыльце, встречая нас. Ее супруг, высокий, беловолосый, обнимал красавицу Лилию, не торопясь спуститься нам навстречу. Собственно, и дворня не сияла радостью на лицах, им достаточно было бы и одной мавки, без довеска в виде друзей в золоченых каретах.

— Мы рады вам, — чопорно поклонился нам хозяин дома. Аэрон ответил ему не менее учтивым поклоном. Сиятельный сделал неуловимое движение телом, отчего всем показалось, что он поклонился, хотя и на волос не склонил головы. Типичный эльфийский поклон. Волк оскалился, приветливо помахав рукой, мы с девочками, переглянувшись, сделали реверанс. Эльф неодобрительно покосился на Алию в броне и штанах и пригласил нас в дом.

Лилия поплыла в дом впереди нас, я услышала завистливый вздох парней, который, впрочем, они попытались скрыть — все-таки тетка у Лейи была просто потрясающе красива. Алия не раздумывая ткнула Серого Волка в бок, а я попалась как раз в тот миг, когда шпыняла одновременно Велю и Аэрона.

Стервозная Лилия понимающе подняла бровь, и я ее сразу невзлюбила.

— Разрешите представить вам — Милий из рода Серых лучников, — сразу взял быка за рога хозяин дома, стоило нам войти в трапезную. Назначенный мавке в женихи эльф любезно встречал нас, безошибочно найдя среди вошедших нареченную.

— Полукровка, — громко прошептал Серый, хозяйева передернулись.

Милию кровь бросилась в Лицо, Аэрон одернул волка:

— Ты что? Это ж у них смертельное оскорбление.

— Действительно, Серый, — упрекнул волка маг. — У молодого человека и так жизнь нелегкая, а ты еще в глаза тычешь его происхождением. У эльфов с этим сурово — видишь, даже хозяин не нашел другого способа возвысить его, как выдать за племянницу жены.

— А ведь девочку наверняка планировали продать подороже, — сказал тихо Аэрон, лениво оглядывая зал.

Хозяева оцепенели, скрежеща зубами, но прежде, чем Лилия успела вспылить, ее супруг прорычал:

— Подите вон, господа. Мы не желаем выслушивать оскорбления в собственном доме.

— Да что вы, мы и не собирались вас оскорблять, — вступил в разговор Сиятельный, — просто пытаемся понять, по какой такой причине вы согласились на столь недостойную для вашей племянницы партию?

Будь Милий чистым эльфом, он, может быть, и сдержался бы, но примесь человеческой крови сыграла с ним плохую шутку, он в гневе бросился на Сиятельного, чего не стоит делать, если перед тобой маг, вампир и Древний. Сиятельный даже бровью не повел, когда кулак полукровки мелькнул перед самым его лицом. Милий отлетел под стол, сшибая резные стулья. Слуги вбежали в зал, послышался недвусмысленный скрип натягиваемых луков. Мы с подругами стояли тесной кучкой, очень завидуя оставшимся на улице Зоре и Гомункулу, овечка спряталась за нашими юбками.

— Сдается мне, что они это заранее отрепетировали, — догадалась Алия.

— Вот зараза, теперь стой и думай, чем дело кончится, — расстроилась я.

— Я боюсь, — пропищала Лейя.

— Нас не тронут, успокойся, — сказала я, косясь на наконечники стрел. — Во всяком случае, тебя.

Сиятельный тем временем, изобразив бездну скорби на лице, сочувственно покивал:

— Очень жаль, что ваш протеже столь мало походит на эльфа. Но я надеюсь, что в будущем вы сможете из него сделать что-то стоящее.

Лучше б он дал хозяину дома по физиономии, потому что и эльф уже не удержался, заскрипел зубами.

— Не тебе, безродному щенку, об этом рассуждать.

— Я не безродный, — спокойно возразил Сиятельный, — и тому есть доказательства.

— Например, империя, ждущая своего правителя, — вставил Серый Волк. Об этом явно уговора не было, потому что Сиятельный запнулся, а волк, оскалившись, окончательно взял разговор в свои руки (или лапы?). — Школьный псевдоним нашего друга — Сиятельный, как ваше прозвище среди людей — Остролист, что не мешает ему оставаться Иваном Ивановым, владыкой тридевятого царства, древнейшего среди земных. Впрочем, — он сделал вид, будто только что вспомнил, — вы этого помнить не можете, вашего маленького клана тогда еще не существовало.

Мы все уставились на потрясенного Сиятельного, включая мавку.

Серый же тем временем, развернув всю нашу компанию к выходу, спокойно закончил:

— Мы, собственно, и заехали-то сказать, что безмерно благодарны вам за все, что вы сделали для своей племянницы, и сообщить, что заботы о своей невесте наш друг берет на себя. Всего хорошего.

Мы, потрясенные, покинули дом и расселись по каретам. Каждый старался подсесть к Серому Волку. В результате мы все набились в одну, беззастенчиво усевшись на колени к парням.

— Ну и что это значит? — пристали мы к Серому Волку.

— Только то, что я сказал, — с улыбкой ответил он, но нас унять было не так-то просто.

— Кому ты заливаешь?

— Ему не тысяча лет!

— Да кто тебе поверит!

Сиятельный, кашлянув, стал уверять волка, что тот ошибается.

— Ошибся я только в одном — когда Хрустальный ларец с золотым яйцом потерял! — сказал волк. — Матушка-то твоя не совсем человеком была.

Сиятельный побледнел и пробормотал:

— Я действительно вылупился из золотого яйца, но об этом никто не знает.

— Я знаю, — сказал волк и со смехом повернулся к нам: — Да что вы так на меня уставились? Вы же были в тридевятном царстве, сами же яблоки воровали у Афронта, который родился сразу после Великой битвы. Неужто не заметили, что там время просто стоит?

— А нам не до времени было.

— Мы пьяные были, ты же нас споил тогда, — вякнула мавка, а волк покачал головой:

— Нет, женщины никогда не перестанут меня удивлять.

... Поняла тогда Василиса, что не сможет жить без своего Ивана, и, велев верному слуге — Серому Волку заботиться о нерожденном еще сыне, отдала ему золотое яйцо. А сама взяла Иванов меч и выехала в чисто поле на врага. Страшной и неравной была та битва, но по последнему, предсмертному слову ее легла на земли тридевятого царства печать, и скрылось оно от глаз людских до той поры, пока не повзрослеет и не войдет в силу ее сын, чтобы отомстить врагам за смерть родителей.

— Ванечка... — обливалась слезами на плече Сиятельного Лейя, а сам Князь морщился, слыша это имя, хотя в глазах тоже стояли слезы.

— Я поклялся ждать хоть тысячу лет, — продолжал Серый Волк, но раз не росло яйцо, то и время стояло в царстве. Тогда я рискнул вынести его к людям, и надо ж такому случиться — стоило мне только выйти из норы, как налетела невиданная буря, ветром вырвало у меня хрустальный ларец и унесло. Сколько я ни бегал по окрестным лесам, высунув язык, так и не смог найти, даже и в голову не пришло, что тебя подобрал Вук Огнезмей.

— Ух ты! — шумно восхищалась Алия.

— А кем была Василиса? — Сунулась в разговор Лейя, но волк покачал головой:

— Этого даже Древние не знают. Колдунья, чаровница, эльфийка...

— Жаба, — подсказала я.

Все осуждающе посмотрели на меня.

— Да ладно вам, — отмахнулась я. — Лебединой девой она была, мне Анчутка рассказывал. Я тебе потом все подробненько расскажу, как твоего папу охмурили, — сказала я Сиятельному.

Тот испуганно вздрогнул. Слуги почтительно внимали, с восторгом глядя на того самого Ивана из сказки. Я была уверена, что уже сегодня, еще до полуночи удивительная новость облетит весь Княжев и в кремле вознесут благодарение богам за то, что не допустили ссоры с еще одним императором, хотя жаль, было бы об этом раньше известно Прыщу бы голову отрубили, причем сам папа бы и рубил.

За столом радостно гомонили, строя планы на будущее. Сиятельный робко уточнял размеры своего наследства, а Аэрон радостно трепал его по плечу, называя Ванькой и предлагая Лейе сменить имя на Маньку. Лейя захлебывалась восторгом, в сотый раз выкрикивая, что ведь она себе нагадала красивого и богатого, а ей не верили, и приставала к Алие:

— Ну вот что ты в тот раз в зеркале увидела?

Алия надувала губы, и всем сразу становилось понятно, что ничего, кроме мельтешащей в зеркале мавки, ей не привиделось.

— Я еще сомневался поначалу, — откровенничал уже порядком захмелевший волк, — волосы эти до плеч, манеры, но когда в Засаках мы отмывались, а Верея ляпнула девчонкам, что он украденный сынок императора, задумался, а уж как сказали, что Лейку замуж выдают, — и захихикал, утыкаясь в плечо Велія, — взял Вука за горло и всю правду вытряс. И про ларец, и про скорлупки, которые он на монетки пустил.

А до меня вдруг дошло, и я подпрыгнула:

— А чего ж мы стоим? Поехали Ивану его царство возвращать. Там же люди исстрадались давно...

На лице Сиятельного мелькнул испуг, который он мужественно подавил, твердо сказав:

— Ну если это так надо...

— Надо, — поддержала меня Алия.

— Конечно, надо! — заверещала Лейя.

Я толкнула ее в бок:

— Вы только посмотрите на нее — уже горностаевую мантию примеряет.

Возникла суতোлка — мы порывались вскочить, а дружки усадили нас обратно, объясняя, что такие дела с кондачка не делаются, еще неизвестно, в каком месте проявится государство Сиятельного. Ведь

недаром говорят, что за тридевять земель. Значит, точно где-то у черта на рогах.

— В любом случае, — сказала овечка, кладя голову Князю на колени, — под молодильные яблочки тебе какой угодно кредит дадут. Хочешь, я по совместительству буду казначеем и у тебя?

Сиятельный посмотрел в ее честные-пречестные глаза и не смог отказать.

Когда мы же начали засыпать прямо за столом, самый трезвый из нас — Велий сказал, что пора заканчивать с разгулом. Мы дружно замахали руками и выразили решительное несогласие, пьяная Алия кричала, что это за сказка, если в конце нет пира горой? И вообще она желает танцевать с императором. Мы ее поддержали, намекнув, что тоже не прочь этим заняться, а Велий, если ему невмочь, пусть идет и спит. Но этот бирюк не пожелал отдать нам дом на разграбление и сидел, затыкая уши, когда Зоря и Гомункул взяли в руки свирели, а мы принялись под их нестройный гуд отплясывать, причем Сиятельный даже в этой какофонии умудрялся уловить какой-то ритм и был со своей Лейей самой красивой парой. Алия, например, просто висела на волке, объясняясь ему в любви. У нас с Аэроном тоже получалось неплохо, но мне почему-то все время казалось, что мы танцуем разные танцы. Закончилось тем, что я все-таки наступила на подол своего платья и рухнула в объятия Велия, как-то неожиданно обнаружив себя уже перед дверью своей спальни.

— Все, давай спи, — сказал маг, подталкивая меня к двери.

— А поцеловать? — закапризничала я. Он чмокнул меня в нос, я надулась: — Это что такое, а? Обслюнявил, как собака! Чмокнул, и все? Иди гуляй? А где ласковые слова, чувства? Ты мне, между прочим, ни разу даже в любви не признался. — Я уперла руки в боки, чувствуя, как коридор плавно покачивается. — Ну говори, ты меня любишь?

— Да люблю, люблю. — Велий попытался втолкнуть меня в комнату.

— Нет, это надо говорить на коленях, — уперлась я и почувствовала, как слезы обиды застыт взор. — Ты меня не любишь, — на манер Лейи затянула я, — ты мне даже цвето-очков ни разу не дари-ил.

Велий негодуяще закатил глаза, схватил меня в охапку, а я удивилась знакомому ощущению — видимо, так меня сюда несли, но даже когда он меня бросил на кровать, я все не унималась:

— Ты не романтичный, из тебя доброго слова клещами не вытащишь! Маг!

Стоило мне закрыть глаза, как меня тут же начали расталкивать:

— Вставай, вставай, засоня! В карете доспишь!

— Я не хочу! — вяло отбивалась я, вцепляясь в подушку. Но какое там! Меня выволокли из-под теплого одеяла и сунули ногами в тапки. Хорошо, что я легла не раздеваясь.

— Что за спешка? — раздирая рот зевком, спрашивала Алия, хоть и одетая по-дорожному, не до конца проснувшаяся.

— Из дворца делегация, — сделал страшные глаза Аэрон, — приглашают царя Ивана в гости к Великому Князю. Там весь двор у Велия знать истоптала.

— Послать их всех! — махнула я рукой, не открывая глаз. Мавка, высунувшись из своей комнаты, поинтересовалась:

— Где знать? В каком окошке? — и пошлепала к окну махать им ручкой. Серый Волк едва успел ее отдернуть:

— Ты что? Мы уже уехали, мы вчера еще уехали, нет нас дома.

— А-а, так мы уже едем? — догадалась я. — Тогда я посплю, вы не против? — Я хотела было опуститься на пол, но меня встряхнули как куклу. — А, что? Уже Веж? — Но вокруг были все те же лица. — Какой жуткий кошмар!

— С этой все ясно, — донесся до меня, как сквозь вату, голос Велия, я почувствовала, как он меня поднимает на руки, и обрадовалась.

— Нет, мне не очень нравится столица, — сонно бормотала я. — Вчера не спала, сегодня опять спать не дают. — Потянуло холодом, я открыла глаза. Мы стояли у потайной двери. Лейя весело скалилась, лежа на плече Сиятельного, и даже Алия, увидев, что ее подруги путешествуют с комфортом, взобралась на спину Серого Волка, хотя сна у ней не было ни в одном глазу.

— Разграбив город и похитив женщин, завоеватели укрылись в темных норах, — заключила я, окончательно засыпая.

Проснулась я от одуряющего запаха черемухи. Она стояла охапками в огромных вазах, и стоило мне открыть глаза, как заводная шкатулка тренькнула крышечкой и зазвенела нехитрой мелодией. «Я безумно тебя люблю» — было написано на расписной открытке.

— Вот. — Блаженно жмурясь, я откинулась на подушку. — Может же, когда хочет. — И тут же подскочила, испугавшись, что это сон.

«Это не сон», — прочла я на открытке с голубками.

— Ах ты маг! — хмыкнула я.

«А как же!» — появилось на открытке. Я ткнула надпись пальцем, и она завалилась набок, сменившись другой: «И все равно я тебя люблю».

Как после такого можно вставать? Да и зачем? Что мне хорошего могут сказать учителя? Нет, если бы сегодня были занятия по магии...

Но как-то так внезапно получилось, что стоило нам приехать, как все захороводились вокруг Сиятельного, будто до этого его в глаза не видели. А мне только ручкой махнули, вроде того, что давай, занимайся по расписанию.

Я зевнула и сладко потянулась. По коридору, топоча копытцами, пробежала овечка и ткнулась головой в нашу дверь.

— Ты что? Еще спишь?

— А что делать? — улыбнулась я.

— Засоня! Подружки вон с утра подхватились.

— Подружкам хорошо. У них есть чем заняться. — Лейю от Сиятельного не мог оторвать даже директор, а к Алие прикатил папа, требуя подробного рассказа о визите к Великому Князю.

— Кто-то батю стукнул, что я заженихалась, — сообщила, вытаращив глаза, лаквиллка, но Серый Волк твердо взял ее под локоток, и они, не успев шагнуть за порог родной Школы, растаяли в ночи. Я посмотрела им вслед.

— Надеюсь, они не сбежали?

— Нет, волк от ответственности не бежит, — уверила меня овечка. — Главное, чтобы ему сразу бока не намяли, а потом разберутся.

Теперь я была самовластной хозяйкой комнаты, и Великий дарил мне цветы. О чем еще мечтать девушке? Какие, к лешему, уроки?

— Марш, марш на демонографию! — прикрикнула на меня овечка, явно не понимая моего настроения.

— Мне неохота! — заканючила я.

— А мне, думаешь, охота? Я вам и комендант, я вам и казначей, я вам и шут балаганный — так ведь терплю, ни слова протеста! — И она грубой силой выпихала меня из комнаты.

— Привет. — Я помахала всем ручкой. — Скучали?

Господин Рагуил благодушно глядел на меня, облокотившись на преподавательскую кафедру, а демоны скалились, и я готова была дать голову на отсечение, что никакой демонографией они до моего прихода не занимались, а травили анекдоты.

— Та-ак, — протянул Рагуил, — наконец-то явилась краса и гордость нашего класса госпожа Верея. — В таком случае мы, надеюсь, не будем тянуть и попросим госпожу Верею рассказать что-нибудь интересненькое.

— Просим, просим! — захлопали остальные, а Рагуил полез в свою тетрадку и с удивлением обнаружил:

— О! Да у нас сегодня зачет по высшим иерархам!

Я обреченно прошла к кафедре, плюхнув сверху Рагуиловых свои тетради:

— Вы не возражаете, если я буду пользоваться конспектами?

— Ну что вы? Какие могут быть возражения? — улыбнулся демон.

Я зарылась в кучу тетрадей. Культурология, мифотворчество, общие предметы... Интересно, а где демонография?

— Мм... — Я обвела безнадежным взглядом замерший в предвкушении класс.

Рагуил по-отечески улыбался, причем зеленый глаз озорно светился, а красный был почти прикрыт толстым веком, но и того маленького проблеска огня, что падал на меня, вполне хватало, чтобы собраться.

— Не дождетесь, — буркнула я и, раскрыв тетрадку по мифотворчеству, уставилась в раздел «демоны», где было про демонов написано буквально две строчки. Правильно, зачем мне записывать про них в мифотворчество, если у меня есть тетрадь по демонологии? Жаль, сегодня я ее не взяла.

— Демоны, — заговорила я, — это боги данного мгновения. Класс заплодировал, я раскланялась. — Они неосязаемы, неуловимы

и невидимы. — Рагуил крикнул, а я потребовала тишины, потому что невозможно сдавать зачет, когда вокруг тебя ржут. — Есть кратковременные демоны, которые налетают на человека, совершают какое-либо необратимое действие и исчезают. Но есть и долгоживущие демоны, которые влияют на судьбы целых народов или покровительствуют избранным. Вот. — Я перевела дух, косясь на учителя.

Рагуил был явно не против этой абракадабры, беда в том, что на этом мои знания о высших иерархах заканчивались, ни имен их, ни взаимоотношений в памяти не отложилось. Поэтому я, как всякий нормальный ученик, которому своя шкура дорога, решила вильнуть в сторону.

— Например, мы видим продолжительное влияние одного из таких демонов на семью.

Взгляд мой упал за окно, где Зоря, по своему обыкновению, гонял волкодлаков. Краем глаза я заметила, как злокозненный Анжело достал из-под мантии какую-то коробочку и дунул в нее. Я хотела возмутиться, помня, что добром такое не кончается, но тут мой язык вместо стройного рассказа про Илиодора-царя, у которого демонических событий случалось выше крыши, понес такую ахинею, что я со страху вцепилась в кафедру:

— «Жила-была Параскева-Засечница, женщина скромная, тихая, домовитая, но незамужняя. Так уж случилось, что природная стыдливость мешала ей выйти замуж. Придут к ней свататься, а она вся зарумянится, покраснеет и скажет: «Нет». Потом плачет, одной-то век вековать скучно, да и детишек хочется. Вот случилась однажды буря и непогода, а у Параскевы корова потерялась, идет она, гонит ее домой, а по дороге ей старичок щедедушный такой, сморщенный, в чем только душа держится. А на спине у него вязанка, чуть не придавила горемыку.

— Что ж вы, дедушка, так себя надсаживаете? — воскликнула Параська. — Дайте я вам помогу. — И взвалила вязанку на свою спину. — Где вы живете, дедушка? Далеко ли идти?

— Ой, далеко, доченька! — вздохнул дед. — Живу я во сыром бору, во густом лесу, за миштым болотом, на горочке.

— Что ж вы там кушаете, дедушка? — удивилась Параська.

— Кушаю я там сухие корешки да мухоморы, — ответил дед.

— С кем же вы там живете?

— Со зверем лесным да жабами болотными, — закручинился старый.

— Да как же так можно?! — посочувствовала ему Параскева. — Я вот среди людей живу, а все равно одна-одиношенька.

Старик покачал головой:

— Не ходи со мной, девица, далеко это и тяжело. Будешь ты на болото ходить — станут тебя люди ведьмой называть, всякие гадости рассказывать, перестанут женихи захаживать, не будет у тебя детушек, не будет утешения в старости.

Но Параська его и слушать не хотела, нельзя старого человека одного бросать, и все. Так и стала с тех пор ходить к нему каждый день во сырой лес, за миштое болото, на горочку. Люди стали про нее нехорошее говорить и пальцем показывать. За три года перевелись женихи, дом обветшал, и стала она нелюдимкою, самой настоящей ведьмою.

Вот прошло еще три года, уработалась Параська в доме у старика, сидит, отдыхает, а старик сверлит ее тяжелым взглядом и спрашивает:

— Не жалеешь ли ты, девица, что помогла мне, убогому?

— Нет, не жалею, дедушка, — отвечает Параська.

— И не будешь. — И провалился старик сквозь горушку вместе с избушкой своей. А в том месте, где он провалился, родник студеный забил. Расстроилась Параська, что последнего знакомого потеряла, напилась из родника и пошла домой, а наутро проснулась брюхатая. И в срок родилось у нее три сына: Вечерка — на вечерней заре, Полуночка — в полночь и Зорька — на утренней заре. Двое славных да румяных, а Зоренька головкой слабенький. Уж как Параська его ни выхаживала, какие только слова ни нашептывала, сыночек только гукал да слюни пускал. А еще был у него один недостаток — как увидит что блестящее так в карман и положит. А мама удивляется:

— Откуда в кармане у убогого золотые денежки?

Все думала, наивная, что люди добрые дают. Вот выросли братья и пошли по весне наниматься в работники. Идет Вечерка по дороге, а навстречу ему старикашка — хилый, убогий, в чем только душа держится. Говорит:

— Здравствуй, добрый молодец, куда путь держишь?

— Хочу плясуном наняться, никто меня не перепляшет.

Старик ему предложил об заклад побиться:

— Если ты меня перепляшешь — возьму тебя в работники, будешь в золоте ходить, с золота есть. А коли нет, то бесплатно на меня работать станешь. — Достал гусли-самогуды да как давай с молодецм выплясывать.

Упал без сил Вечерка да сквозь землю с дедом и провалился.

Шел этой же дорогой Полуночка и тоже повстречал старика.

— Здравствуй, добрый молодец, куда путь держишь?

— Иду в работники наниматься, — отвечает Полуночка.

— А что умеешь?

— Боец я знатный, нет меня на свете сильнее.

— Ой ли? — усмехнулся старик. — Давай проверим, если ты меня, старого, победишь — возьму тебя в работники, будешь в серебре ходить, с серебра есть. А нет — будешь мне служить задаром.

Молодец и согласился, но смеялся недолго, потому что старик вытащил из-за пазухи бей-дубинку, и так она парня отходила, что Полуночка только пощады просил, а как попросил — так они вместе со стариком сквозь землю и провалились.

Попался этот старик и Зорьке. Старик ехидно улыбается и спрашивает:

— Куда идешь, добрый молодец?

А Зорька только гукает, да пукает, да слюни пускает. И так к нему старик подступался, и этак, да что с убогого взять? Махнул он рукой, хотел медную монетку подать, хотел развязать кошель, хватать, а кошель-то и нету. И дубинки нет, и гуселек. Накинулся он с кулаками на Зорьку. А тот нечаянно дубинкой махнул, по струнам пальчиком задел, и началась потеха с перезвоном. Танцует старик да охает от ударов.

— Что хочешь сделаю, только пощади! — взмолился несчастный.

Тут Зорька и подал голос впервые в жизни: хочу, мол, стать добрым молодецм, красавцем и разумником. Провалился старик сквозь землю, и там, где он в землю ушел, родник забил. Вот Зорька напился, умылся и стал добрым молодецм. И раз стал разумником, то сразу догадался, где его братья. Грянулся грудью оземь и проломился в Подземное царство.

Смотрит — стоит он посреди Золотого царства, змеи вокруг шипят, а двенадцатиглавое чудище сидит — золотое яйцо охраняет. Приглянулось яйцо Зорьке, выпустил он бей-дубинку, она всех змей и поприбивала, а Зоря чудище придушил. Забрал богатырь яйцо, идет дальше. Смотрит — Серебряное царство, кругом жабы зубастые, а шестиглавое чудище серебряное яйцо охраняет. Прибил он жаб дубинкою, чудище придушил, яйцо забрал. Идет дальше, видит Медное царство, совсем пустое. В гнезде медное яйцо и совсем маленький змееныш его охраняет. Одним щелбаном Зоря его прибил и пошел дальше. Прошел все медное царство, вышел на свет божий. Закручинился, что братьев не нашел, да как хряпнет золотым яйцом оземь. Вышел из него Вечерка, глазами хлопает, ничего не помнит. Расколол тогда Зорька второе яйцо, вывалился из него Полуночка, ручки — во! Ножницы — во! Повертел Зорька третье яйцо, никак не может сообразить, что же в нем лежит, Видно, сила родниковая перестала действовать, проколупал он тайком от братьев в яйцо маленькую дырочку, а оттуда как хлынет нечисть да как разбежится по всему свету! Пришлось братьям за оружие братья и по свету отправляться, чтобы всю нечисть обратно в яйцо загнать. Так и ходят с того времени дозором. Вечерка — весь в золотой пыли, Полуночка — ручки — во! Ножницы — во! И Зорька гукающий».

Я облокотилась о кафедру, вывалив язык, как отдышливая собака, даже сил на то, чтобы показать Анжело кулак, не было.

— Очень интересно, — подал голос молчавший до этого Рагуил. — А где же тут, позвольте узнать, высшие иерархи?

— Ну не простые ж демоны все это провернули! — просипела я. — Столько нечисти на свет выпустили! — Это был аргумент убойный, даже Рагуил не нашел к чему бы прискрестись. Он только поинтересовался именами сих великих деятелей навъего царства, но я сказала, что это великая тайна и тот, кто ее знает, — не жилец, а тот, кто подробностей хочет, пусть вон к Зоре идет, или к его среднему братцу — Гомункулу, или к старшему брату — Сиятельному.

— Ладно, удовлетворительно, с натяжкой, — согласился Рагуил.

— А почему это удовлетворительно?! — ожила я. — Да я так долго говорила, что за одно это можно уже хорошо поставить!

— А можно и неуд, — задумчиво почесал рога Рагуил.

— Хорошо, уд, но только из уважения к вам, жестокосердный вы наш, — пошла я на попятную, и пока класс гоготал, прошествовала к своему месту, не забыв стукнуть пачкой тетрадей по голове Анжело.

— С-староста, — прошипела я.

— Сказительница, — оскалился демон.

— Ну и поскольку у нас есть еще маленько времени, — учитель потер когтистые лапы, — мы еще успеем провести маленький письменный экзамен.

Я ойкнула, уткнувшись лбом в парту.

— А чего тянуть? Год-то заканчивается, — сказал Рагуил.

Я макнула перо в чернила и приготовилась внимать.

С подругами я встретила только во время обеда. Лейя есть не могла, сидела как на шиле, глупо улыбалась и болтала взахлеб, так что понять ее было совсем невозможно, но видно было, что счастлива она просто жуть! Записные школьные красавицы смотрели на нее с ненавистью, считая, что мавка уволокла у них из-под носа жениха. Вдруг сразу выяснилось, что Сиятельный и той-то глазки строил, и этой комплимент сказал, а все счастье досталось этой выдержке болотной.

Алия сидела красная как бурак и молчаливая. С тушеной бараниной она разбиралась, как с личным врагом. Может, потому никто и не подошел к нашему столу, чтобы сказать злое слово мавке.

— Ты чего такая хмурая? — спросила я подругу. — Что папа? И вообще, как прошло знакомство жениха с родителем?

Алия засопела, глаза вспыхнули, она расстегнула куртку и показала разорванное плечо. Рана, к счастью, уже заживала, на Алии вообще все заживало как на собаке.

— Сцепились, как кобели. Думала, головы друг другу пооткусывают. И главное, охрана эта долбанная...

— И что?

Алия отмахнулась:

— Ай, дал батя денег хозяину гостиницы на постройку новой, не такая уж она и великая была.

— Да плевала я на эту гостиницу! — Я стукнула ложкой по столу. — Я про Серого спрашиваю, отец-то что сказал?

— Чтоб духу его в Школе не было, пока я не выучусь.

— А потом?

— А потом он, может, и сам от старости помрет. Батя, во всяком случае, на это очень надеется.

— Ага, помрет он! Тысячу лет не помирал, а тут вдруг помрет.

— Вот и я бате это сказала, а он мне в глаз.

— Ну и нравы у вас.

— Это... — затоптался у нашего столика Зоря, — вас директор кличет. Покушаете — и к нему.

— Ага, сейчас и мне в глаз.

— За что?! — удивилась Лейя.

— Феофилакт Транквиллинович найдет. Для похвалы еще ни разу не вызывали.

— Ну давай, — сказала Алия.

Я встала, и тут по залу разнесся дружный гогот: с обреченным видом к раздаче топал бельчонок в кокошнике и сарафане. Овечка подталкивала его носом:

— Давай, топай, некогда переодеваться! А вы не ржите, кони!

Я, добравшись до директорского кабинета, осторожно постучала.

— Входите, госпожа Веря. — Феофилакт Транквиллинович сидел за столом, обложенный толстыми, как гроссбухи, учительскими журналами. Напротив него в кресле восседал Велий, а за спиной Велия стоял Анжело, опасливо стреляя на директора глазами.

— Вот, отчитываю старосту вашего курса, — обрадовал меня Феофилакт Транквиллинович, — за вашу неуспеваемость.

— А чего у меня с неуспеваемостью, у меня хорошо с неуспеваемостью, — насупилась я.

— Я бы даже сказал, что у вас замечательно с неуспеваемостью, — развеселился директор. — Поэтому мы с господином Велием решили, что вместо практики будете вы у нас подтягивать «хвосты». А, памятуя вашу неудержимую страсть к книгам, еще дадим маленькое поручение — навести порядок в архиве, тем более что господина Гомункула у нас временно изъяли на общественные нужды.

Я зыркнула взглядом на «господина Велия», пообещав ему кровавую расправу сразу после того, как он выйдет в коридор. И

сдержала свое обещание, сильно сожалея, что я не Алия, а то отгрызла бы ему сильно умную голову.

— Ты белены объелся, да? На полтора месяца в подземелье укатать решил? Что я тебе плохого сделала?

— погоди! — отбивался Велий. — Чего ты накинулась как полоумная! Это директор придумал с архивом!

— Не ври! Мне хоть в глаза не ври! Ты как с Анчуткой переговорил, так вообще меня из Школы выпускать перестал! Думаешь, я не вижу? Думаешь, что такая глупая, да?

— Ну тебя, сумасшедшую. — Велий отодвинул меня в сторону, одергивая суконную куртку. — Никто тебя цепями к архиву приковывать не будет. Гуляй, где хочешь. По Школе. — Он засмеялся и бросился наутек, потому что я решила сделать из него чучелко для архива.

Вечером Аэрон утешал меня:

— Да ладно тебе, Веряя, дуться. Подумаешь, практика в Школе! У меня вообще дурное предчувствие, что этим летом невеста бросит, но я же не переживаю, что холостяком помру!

Алия, до этого мрачная, потому что рядом нет Серого Волка, грохнула кулаком по столу:

— Поеду в этот Волчий лес и поубиваю всех! Порву, как Тузик шерстяной носок!

— О, как девицу-то распирает, — шепнул Аэрон.

— А может, Серый прокрадется к тебе в лес? — Лейя закатила глазки и так прижалась к Сиятельному, будто хотела врасти в него. Алия, тяжело вздохнув, проворчала, что такому счастью не бывать, потому что глупый Серый под нажимом бати дал Феофилакту Транквиллиновичу слово — не беспокоить ученицу во время практики.

— Зря. — Аэрон покачал головой. А я ухватила подругу за руку и потащила ее в коридор.

— Алия, а ты как относишься, ну-у, к противоположному полу?

Алия попяtilась, пытаясь отцепить мою руку от своей куртки.

— Ты, Веряя, случаем, не перезанималась? Голова не болит? Не кружится?

Я скрипнула зубами:

— Это ты двоечница! Естествознание перечитай. О половозрелых самках оборотня особенно. Ты лучше послушай меня. Волчий лес, он мало от Заветного отличается. И там ты не девкой румяной бегать будешь.

Алия побледнела:

— Ты на что намекаешь?

— На то, что меры надо принимать заранее, сейчас, а то потом поздно будет!

Лаквиллка смотрела на меня непонимающими глазами.

— Вот вернешься ты к бате брюхатая, то-то он порадуетя, как ловко Серого отшил, а уж как Серый будет рад! Два дурака! Матери-то твоей нет, чтобы рассказать им про оборотней!

— Я сбегу! — взревела Алия и бросилась собирать вещи. Сидящие в комнате с удивлением уставились на зареванную Алию, не понимая, что происходит. И только смекнувший что-то вампир поинтересовался:

— Ну и куда ты собралась?

— К волку, в его логове буду жить.

— А не боишься, что на полдороге скрутит?

Лейя, все это время недоуменно хлопавшая глазами, поинтересовалась:

— Что происходит?

— Расстраивается, что на два месяца в глухомань закатают, сиди, вой там волком на луну, — пояснила я и перевела разговор на другое: — Ну а у тебя, Вань, как дела?

Сиятельный в который раз вздрогнул. В общем-то и у него жизнь пошла кувырком, мало того что вся нечисть Заветного леса явилась полюбоваться, так ему теперь предстояло знакомиться с историей собственного государства, с географией, со всеми государями, которые вокруг его царства будут находиться, и, на всякий случай, с остальными, мало ли, вдруг Феофилакт Транквиллинович просчитался с местом появления его вотчины.

А Анчутка еще и пугал, пытаюсь вспомнить, не от тридевятого ли царства, тридесятого государства он отрывал остров Буян? А я Ивана радовала веселыми историями о Лихе, которая, может статья, будет бесплатным приложением к империи.

Велий вошел так непринужденно, что я возмутилась. Вспомнила, что давно не пускала в ход свои способности, и решила тут же, не вставая с кровати, сдать экзамен по сложной магии. Из тумбочки с утробным воем вывалилась свора моих конспектов и, скаля зубы, пошла на мага, зловеще поигрывая страничками.

— Кыш в архив! — рывкнул на них маг. Конспекты, завизжав, выскочили из комнаты, устроив в коридоре переполох.

— Эй! Куда?! — подпрыгнула Я. — Мне ж еще «хвосты» сдавать!

Но Велий решительно усадил меня на кровать, выудил из кармана помятый букетик фиалок и, встав на одно колено, проникновенно попросил прощения:

— Если я и сделал что-то, то только для того, чтобы не расставаться с тобой, не беспокоиться, где ты, и каждый день тебя видеть.

— В общем, только о себе и думал, — проворчала, сунув голову в дверь, овечка — Типичный самец.

— А как же конспекты? — пропищала я.

— Да ладно тебе! — Велий поднялся на ноги и отряхнул колени. — Что ты, их за полтора месяца не отыщешь, что ли? — Увидев мои сжатые кулаки, поспешно добавил: — Зато мы все время будем вместе.

— Подлиза, — отстранила Велия овечка, — пойдем, рыжая, надо пошептать.

— Что сегодня за вечер! — воскликнул Аэрон. — Эта рыжая со всеми успела пошептать!

Я показала ему язык, но овца нетерпеливо дернула меня за подол, и я выскочила в коридор, уткнувшись носом в мосластого, робко озирающегося мужика.

— Вот, Степан, — обратилась к нему овечка, — покажи.

Немного стесняясь, Степан протянул яркий лубок, на котором богатырь Еруслан седлал пернатого змея. Я похвалила, а овечка затопотала ногами.

— Да ты не понимаешь, не понимаешь! — закричала она и понизила голос: — Он лубошник, а у тебя архив. — Я все еще ничего не понимала, овечка притопнула Копытцем. — Если мы нарисуем подлинные походжения Древней нечисти, да с выписками из документов... — Овечка подмигнула.

— То Древние нас на много-много маленьких ягнят порвут? — договорила я за нее.

— Но мы же не станем подлинную историю писать, а что-то на нее похожее, можем имена поменять и подписать, что автор за случайные совпадения ответственности не несет. Тебе четверть от дохода.

— Половина, — отрезала я. Овечка, попыхтев и обозвав меня вымогательницей, согласилась.

— Насекретничалась? — с ухмылкой спросил Велий, а я задрала нос. Еще неизвестно, кому будет хуже от того, что я попала в архив!

Последняя неделя перед практикой прошла в суматохе. Лейя летала на крыльях любви, не замечая угрюмости Алии и Аэрона, и, расчмокав всех на прощание, укатила с Сиятельным в золотой карете в международное турне. Ей, как будущей императрице и по просьбе будущего императора, вместо практики вышла увлекательная поездка. И хотя Феофилакт Транквиллинович вздохнул, сказав, что так не годится, ничего хорошего из недоученных императриц не выросло, он все же сдался. Однако пойти на уступки Алие не согласился, заявив, что это не его прихоть и от того, что вилколак останется здесь, в Школе никому легче не станет.

Я велела Алие крепиться, ни в коем случае не перекидываться в волка и не снимать колечка, пообещав, что я что-нибудь обязательно придумаю. Хотя что можно придумать — не представляла.

Школа опустела, как и в прошлом году, даже неугомонная овечка укатила в Княжев. Домовые занялись мелким ремонтом, на этажах запахло краской, и шага нельзя было ступить, чтобы не извазюкаться в извести. Даже обедать мы стали в летней кухне, которую Гуляй быстро организовал в парке. Кушать в окружении мелкой нечисти было не в пример веселее, чем с учениками, но делать это приходилось с опаской. Мало того, что в мою тарелку постоянно кто-нибудь норовил залезть ложкой, туда еще все время пытались кинуть какую-нибудь гадость, а чтобы скамейку клеем намазать или во время еды отрезать у сапог подметки, это и вообще легче чиха. Кормила нас в основном шишимора Дунька; сама росточком в локоть, она важно разгуливала по столу, как по проспекту, играючи размахивая половником вдвое больше нее и беззастенчиво суя нос в чужие миски:

— Чего не едим? — постукивала она сапожком, глядя мне в глаза. — Невкусно?

— Очень вкусно, — уверяла я, только сумасшедший может сказать правду шишиморе в глаза, — уработалась, чахну в архиве.

— Куда лапу тянешь? — визжала Дунька, с медным звоном опуская половник на голову сажевого бесененка, чтобы отобрать, обтереть о фартук и вернуть на законное место в мою тарелку кусок курицы. Кушай, кушай, деточка. На вот тебе еще конфетку. Вкусная, сладкая.

Конфетка эта выглядела так, будто ей угощалось уже не первое поколение нечисти.

— Спасибо, в архиве съем.

— Алхимикусу только своему не давай, — посоветовала шишимора. — Кстати, чего это он не ходит за общий стол? Брезгует?

— Что вы, — махала я руками, — отвык просто.

Алхимик, надо сказать, оказался на удивление молодым, и от паука, к моему счастью, в нем осталась разве только привычка одеваться в черное. Иногда он разбивал колбы, ошибочно полагая, что у него все еще восемь рук, и как-то раз за чаепитием признался, что чувствует себя так, словно по непонятной причине свел глаза в кучу и теперь испытывает огромное желание развести их обратно.

— Вы еще и моргать забываете, — сказала я ему.

Он хмыкнул и углубился в чтение неведомого мне фолианта. Вообще алхимикус испытывал просто сказочную любовь к книгам и сильно беспокоился, когда я принялась наводить в его хозяйстве порядок, даже сбегал к Феофилакту Транквиллиновичу, и директор долго его уверял, что никакого вреда от моего вмешательства не будет. Алхимикус поверил ему на слово, но все равно ревниво следил за всеми моими действиями.

Так что я старалась ничего не трогать без него. А уж когда на третий день моего заточения в подземелье появился Велий, я поняла, что практика, как и учеба в этом году, полетит кувырком. Сначала маг заявил, что у меня сегодня выходной, потом сказал, что у него выходной и было б хорошо, если бы мы прогулялись, а на третий раз в архив спустился Рогач и предупредил, что сейчас будет заниматься дезинсекцией. И раскупорил бутылку с такой гадостью, что она нам чуть глаза не выела.

Сидя на полюбившейся скамейке в конце парка, мы наблюдали, как нанятые рабочие размечают место под котлован, чтобы строить еще одно крыло. Школы. Стоял визг, шум и ор. Основная проблема, как я поняла, заключалась в том, что невозможно было и парк не сократить, и Школу расширить. В конце концов я не выдержала, подошла к высокой комиссии, которую возглавлял Феофилакт Транквиллинович, и предложила построить им одну маленькую, изящную красивую башенку, в которую мы с Велием уж как-нибудь попытаемся впихнуть все необходимые хозяйственные постройки.

— Мне даже пытаться не надо, у меня уже есть опыт свертывания пространства, в крайнем случае используем «купи слона за деньги».

— А как же оттуда ученики выходить будут?

— Да уж как-нибудь выйдут, — отмахнулась я. — Хотя зачем им выходить? Они же учиться туда приедут! Вот пусть и сидят там весь учебный год. А на праздники мы можем печати срывать и выпускать их. В конце концов, нечего нечисти по округе шляться.

После этих слов директор как-то удивительно оживился, словно я подсказала ему стоящую идею. Высокая комиссия решила посоветоваться, и битый час они махали руками и кричали: одни доказывая, что сэкономят кучу денег, это ж сколько можно впихнуть в одно строение, а другие говорили, что, прежде чем впихнуть, надо это построить.

— А план пожарной эвакуации? А если запалят изнутри? Она же, рыжая, и запалит! — кричал Злыдень.

— Я бы на твоём месте драпал бы куда-нибудь в укромное место, — посоветовал мне подошедший Велий, — пока они твой план к действию не приняли.

— Почему это?

— Тебе же собственные дружки голову оторвут, если узнают, что им год по твоей милости взаперти сидеть. Да и сама ты там же куковать будешь, считай первая претендентка.

Я в панике заметалась, как глупая птица, угодившая лапой в силочку, но тут Феофилакт Транквиллинович, подойдя к нам, сначала поблагодарил за предложение, а потом сказал, что оно совершенно не подходит.

— Но мы можем попытаться сделать свернутую сферу проницаемой, — тут же влез Велий, а я стала с улыбочкой дергать его за рубаху. Маг аккуратно наступил мне на ногу, подмигнув.

— Охота тебе париться в этом архиве, особенно после этой дезинсекции? — увещевал он меня позже. — Никто ж не говорит, что ты должна это сделать. Пытайся себе на свежем воздухе, развивай талант, маши руками.

— А «хвосты»? — поинтересовалась я, не очень веря, что на свете бывает такое счастье.

— Ну, — маг взерошил волосы, — а вдруг у тебя получится, тогда «хвосты» простят.

— Понятно, — вздохнула я, — значит, бросать зубрить еще рано.

— Да ладно тебе. — Велий привлек меня к себе.

Надо сказать, что он последнее время вообще сильно исправился, распушил хвост, начал говорить комплименты, дарить подарки и заваливать комнату охапками цветов. Если бы еще на этаже так олифой не воняло, то было бы просто здорово.

— Пойдем сегодня в Веж? — спросила его я. — Говорят, цирк приехал.

— Нет, — поморщился Велий.

— А-а, значит, не хочешь меня за стены Школы выпускать?

— Да при чем здесь это? — неискренне завозмутился Велий.

— Вот и оставил бы гнить в архиве, а то поманил девушку сладким пряником, обнадежил...

— Ой, да пойдем мы смотреть этот цирк. Вот прямо сейчас встанем и пойдем. — Он дернул меня за руку со скамейки и решительным шагом направился к воротам. Очень умный ход, на мне был только рабочий халатик, но я назло не стала упираться и визжать, что у меня затрапезный вид, а прибавила шагу, ожидая, что он выдумает.

Но маг только скалился и тащил меня за руку, пока мои нервы не сдали и в воротах я не уперлась, обиженно вереща:

— Ладно, ладно, убедил, не пойду я в таком виде!

— Тогда переодевайся, — потребовал Велий, я даже собственным ушам не поверила:

— И ты будешь ждать? И не сбежишь?!

Он закатил глаза, всем видом показывая, что не желает разговаривать с такой дурой. Я со всех ног припустила в свою комнату, переоделась, причесалась и выплыла к нему этакой милой горожанкой, правда всю дорогу ожидая, что, науськанный Велием, кто-нибудь из рабочих опрокинет на меня краску или известь. Но все обошлось. Он предложил мне руку, и мы чинно и важно отправились в город.

На заставе я с грустью отметила, что мои портретики порядком повыцвели, и попеняла вежицкой страже, в ответ на что они, вытянувшись во фрунт, обещали исправиться.

— Ты действительно хочешь в этот цирк?

— А что?

— Да нет, просто я не очень люблю эти балаганы.

— А мне нравится, — возразила я. — С ними часто менестрели путешествуют, сказители, причем неплохие. Опять же пряники, карусели, всякие завлекалочки.

Велий покорно вздохнул и поинтересовался:

— А как у тебя с голосами? Маги всякие не досаждают?

— Досаждают один, — призналась я, — Велием кличут.

— Ах вот как. — Он насупился, но быстро просветлел — вспомнил, что мы не в Школе. — Ладно, вернемся домой, там обижу.

Я хмыкнула, и мы отправились получать удовольствие от прогулки. А на разные голоса в голове я давно перестала обращать внимание, привыкла.

Засыпала я уже за полночь, вволю насмеявшись, накружившись, полная впечатлений. Засыпала порядком, хоть и ставшим привычным, но ненормальным, как и вся моя жизнь. Потому что маги после поездки в Княжев никак не желали от меня отстать. Это раньше я могла упасть на кровать и уснуть, теперь же мне для начала приходилось погружаться в дрему и в этой дреме казалось мне, будто парю я где-то высоко-высоко, будто я на Индрике и осматриваю свое немаленькое хозяйство, а в хозяйстве все маги, да алхимики, да прочие бездари, которым в жизни заняться нечем. И махнуть бы на них рукой, но я точно знаю, что пока их не угомоню, не утешу, не пристрожу — спать они мне не дадут. И за что мне такое?

— Так, это сюда, это туда, — бубнил мой братишка Магни, расставляя черные свечи вокруг распятой на колышках курицы, квочка

упиралась изо всех сил, но будущий некромант действовал с отцовской основательностью, некуда было жертве деться. Она только ворочала глазами, с ужасом глядя, как истязатель рисует прутиком в пыли жуткие знаки. Ворованная отцовская книга была для братца велика, да и заклятие с нее было не до конца снято, поэтому она часто, хоть и без толку, стрелялась синими молниями. Братец побряхтывал, но терпел. Упрямый.

Всплеснув руками, я собралась было надрать ему уши, но братец уже прочитал первые слова заклятия и теперь думал, куда ткнуть курицу ножом.

— Пожалей меня, добрый человек! — по-быстрому влезая в птицу, закричала я. — Не оставь моих детушек сиротками, а я тебе за это службу сослужу.

— Какую ты мне службу сослужишь? — растерялся Магни.

Я, нехорошо захехекав, уже другим, жутким голоском пообещала:

— А я тебя сегодня не скушаю. — И, выворотив единым махом все колышки, взвилась над братцем и снесла ему на голову яичко. Магни взвыл и бросился в дом, нечленораздельно вопя и зовя мамку. А я летела следом, хлопая крыльями и визжа:

— Помогите, люди добрые, малец голову разбил, мозги текут! — потом оставила тело несчастной курицы, выглянула из мусорного ведра.

— Вот, господин фон Птиц, уникальная предрасположенность у молодого человека.

Фон Птиц недоверчиво оглядывал моего Вонифатия с ног до головы:

— Так вы и есть сын золотаря, что сбежал недавно из Академии?

Вонифатий обреченно кивнул.

— Ну-с, покажите нам что-нибудь.

— Вам не понравится, — попробовал было отказаться молодой маг, но мой мусорный человек уже радостно вылезал из ведра:

— Да ладно тебе, Воня. — Я плотоядно облизнулась на фон Птица. — Кто мне лекциями спать не давал?

— Эй, уйми свою дылду! — закричал Мефодий, но уже знающий мои повадки Вонифатий достал из кармашка жалеюку и замер в ожидании моей коронной фразы.

— Ну что, станцуем?

Порезвившись еще немного там и сям, я наконец совсем уже собралась заснуть по-настоящему, так нет же, Велий отвлек скрипом пера.

— Так, если коэффициент расширения взять равным хотя бы пяти... — Он задумался над многоэтажной формулой, глядя в потолок. Я тихонько подула ему в нос, и на него неодолимо навалилась дрема, с которой он, однако, мужественно боролся и вздрогнул, когда подушка на кровати, жалобно потянувшись к нему уголками, прошелестела:

— Велий, Велий, согрей меня, обними...

Он вскрикнул, вскакивая и опрокидывая стул.

— Вот, господин маг, — осуждающе склонила голову на столе голая мышка, — дозанимались? Уже голые мышки мерещатся.

Он недоверчиво тряхнул головой и оглядел притихшую пустую комнату. Пусто и тихо. Только вода в стеклянном кувшине подернулась рябью, обернувшись жеманной обнаженной девицей.

— Ах, как я стесняюсь, как я стесняюсь, — вертелась кокетка, — подайте мне полотенце! — И фыркнула в него водой.

— Кто здесь? — утер лицо маг, хлопая глазами.

— Нету здесь никого, — отозвалось отражение в зеркале, в ночном колпаке и дурацкой длинной рубаше, — достал уже всех со своими формулами! Спать пора! — и ушлепал вглубь, бормоча: — Если коэффициент взять равным пяти, то масса приложения будет равна...

Судя по очумелому виду на следующий день, уснуть ему так и не удалось.

— Ты чего такой? — спросила я, когда мы привычно уселись за общий стол. — Чего ты на меня так смотришь?

— Ничего, — буркнул он, а потом все-таки хлопнул себя по колену и спросил: — Признавайся, ты ко мне приходила сегодня ночью?

— Приходила? — сразу наострило уши полстола.

Я поперхнулась супом и, кажется, даже покраснела:

— Когда это?

А шишимора обыденно пустила в ход половник:

— Не оговаривай девушку!

— Бот это хват! — радостно подхватил гуляй. — Я тоже, бывалочи, когда молодой был... — Он препротивно захихикал. — Но чтобы путать, где какая!

— Да я не в этом смысле, — покраснел маг.

— Вот и помалкивай, — толкнула я его. В молчании мы доели и вышли из-за стола. Велий клял себя за то, что сморозил глупость, а я хмурила лобик, делая вид, что расстроена его поведением.

— Ну что, попробуем что-нибудь свернуть? — спросил Велий, когда мы вышли на рабочую площадку.

— Например, шею одному магу.

— Ой-ой-ой! — заухмылялся Велий. — Я уверен, что это ты делала, хотя и не знаю как.

— Что делала? Я еще что-то делала?!

Велий открыл рот, но так и не смог сформулировать свою мысль. Сказать, что голые девушки и мышки мерещатся да подушки в любви признаются? А вдруг это не я? стыда не оберешься. А кроме меня кто? Да никто! Спас его Феофилакт Транквиллинович. Посмотрев на нашу парочку, он кашлянул и поманил за собой в кабинет.

— Тут такое дело, понимаете.

— Что, не надо сворачивать? — расстроилась я.

— Почему не надо? Надо. Просто я хотел бы вас попросить... Э-э... — Он покопался в ящике своего огромного стола и вынул яркий лубок. — Не могли бы вы провести маленькое расследование. — Феофилакт Транквиллинович пододвинул лубок по столу к нам.

— «Про Зорю-богатыря, Вукова сына», — прочитала я заглавие и склонилась низко к столу якобы для того, чтобы рассмотреть мелкие детали.

— И это не единственная. — Директор, вздыхая, выкладывал на стол пачку за пачкой.

— «Совращение Параськи Огнезмием», «Зоря-Вукович и Подземный царь», «Дитя разврата, или О несчастной доле Груньки Змиевны», — зачитывал вслух Велий.

Я еще сильнее уткнулась в стол.

— И ведь прямо как из-под земли полезли, во всех частях Северска.

— И все про вас? — пискнула я.

— Почему про меня? — удивился директор. — Вот «Скромность и ум целомудренной овечки», бытовая сказка. «Про Ивана Иванова сына». — Феофилакт Транквиллинович стал переключать лубки. — А вот «Серый Волк и...» — Директор осекся и выдернул этот лубок у меня из рук. — Вам еще рано. Я, главное, не пойму, откуда они такие сведения берут? Не из пальца же высасывают.

Я поняла, что тону, и, зарывшись в лубки, с радостью обнаружила, что работающий Степан, наклепавший с благословения овечки столько пасквилей, не только мои сказочки использовал, но и народной небывальщиной не брезговал.

— Вот, смотрите — «Рыжуха-поскакуха», «Веретеница», «Егоза» или вот «Золотуха в Тридесятном царстве» и «Совращение Порсокуньи черным магом», совершенно мне неизвестный персонаж! — Я весело потрясла лубками с разбитной рыжей девицей.

Присутствующие с сочувствием на меня смотрели, и я совершенно уверилась, что Феофилакту Транквиллиновичу подарю на день рождения пенсне для выражения всяческих душевных переживаний. Вот сейчас бы снял, протер его задумчиво, положил его на стол и отеческий взгляд стал бы гораздо выразительнее.

— Мы обязательно в этом разберемся, — заверил директора Великий, как-то особенно неприязненно глядя на последний лубок.

— Обязательно, обязательно, — широко улыбалась я, пятясь к дверям, и ненароком сбила пробегающего по коридору Рогача.

Он кинулся было ругаться, но, увидев яркую картинку в моих руках, радостно загоготал:

— А-а, и вас пропесочили! — и тут же полез куда-то под фартук, вытащил оттуда уже порядком замызганный картон. — Смотри, что у меня есть — «Черт Рогач и Зеленый Змий», целый кладень отдал, не пожалел.

На картинке красноносый и соловый голозадый черт пытался одним махом осушить десятиведерную бочку вина, дабы лишить жизни плавающего в ней Зеленого Змия. А тот усмехался — куда тебе, криворогому! Я посмотрела на то, что было зажато в моей руке, и, забыв про всякие приличия, ворвалась обратно в кабинет и заорала:

— Где это убогое малеванье про рыжуху?!

Насилу меня удержали.

— Ну все, овца, — шипела я, бегая по парку от дерева к дереву. — Только попади ко мне в руки, дай только до Княжева добраться! — и тут же спохватилась: — А чего мне добираться? У меня же маги есть подопытные!

Бегом прибежала в комнату и рухнула на кровать. Через несколько минут перевернулась на живот, еще через полчаса вцепилась зубами в подушку — сна не было ни в одном глазу! Да и какой сон в полдень.

— Ладно, кудрявая, я тебя по-другому достану! Я на тебя управу найду!

В двери застучали, я рывкнула:

— Я занята!

— Расстроилась, что ли? — засунул голову в комнату Велий.

— Даже не знаю. — Я задумчиво покусала губы. — Про меня понаписали кучу всякой гадости, обозвали и такой и разэтакой, ржут и пальцем тычут, вот ты сам как думаешь?

Велий честно наморщил лоб, я же решала, стоит ли ему говорить, что за свой публичный позор имею неплохие деньги? Надо же, какое неприятное чувство! Вроде бы и выгодно, а хочется рвать и метать.

— Ладно, пойдем посворачиваем что-нибудь. — Я соскочила с кровати. — А то пообещали добрым людям... — И быстрым шагом направилась на строительную площадку снимать стресс.

— Верелея, Верелея, Верелея! — покрикивал, поспешая за мной, маг.

Но я была быстрее.

— Чего у вас тут? Котлован? Какой глубины?

— Локтей на двадцать заказывали, — почесал затылок ледащий мужичок с лопатой.

— Ерунда, — буркнула я и по примеру своего дяди запулила в небо кусок земной тверди, нигде даже на волос не выйдя за намеченные колышки.

— Ложись! — заорал подоспевший Велий, падая на меня сверху.

Выбил из меня весь воздух тяжестью своего тела, но, прежде чем я успела возмутиться, раздался гул и все, что я взметнула в воздух, рухнуло обратно, встряхнув землю и подняв тучу пыли.

— Молодец! закашлял стоящий на четвереньках Велий. — К твоей силе еще бы маленько ума — цены бы тебе не было, Верелея.

Мужичонка с лопатой так и стоял на краю котлована, бледный как мел. Все остальное тонуло в облаке пыли.

— Спокойно, — лежа на земле, уверила я всех присутствующих, — сейчас я подниму ветер, и все унесет.

— Спасайтесь! — раздался визгливый голос Гуляя, и нас едва не стоптало стадо нечисти.

Я втянула голову в плечи, а Велий только сплевывал и грозил мне пальцем:

— Юмор у тебя, Верелея, как у нечисти.

— Я не шучу, — обиделась я.

— Вот в том-то и беда. — Он сделал рукой неуловимое движение, от которого воздух сразу очистился.

Мужичонка с лопатой наконец отмер и потерянно пробормотал, тыча черенком в будущий котлован:

— А земляца теперь рыхлая, хорошо пойдет.

— Вон она! — визгнул голос из-за угла Школы. Все, кто сбежал, теперь робко выглядывали, выставляя вперед дубье и ухваты.

— Бежим! — не задумываясь, дернул меня за шиворот маг, и мы под улюлюканье нечисти припустили в сторону Вежа.

От земли отмылись в речке, успокоили нервы у Никодима, а потом как-то незаметно добрались до цирка. Только я увидела шатер, как вспомнила про эту интриганку, которая ославила меня. Забыла про представление и стала строить планы мести, но кроме бритвы налысо и плова из баранины в голову ничего не приходило.

— А не желаете ли приобрести забавные истории из жизни некой рыжей баловницы? — пристал ко мне лотошник, игриво улыбаясь.

— Ты на что намекаешь?! — заверещала я, любуясь целой горой безобразия явно не Степановой руки.

Велий сгреб меня в охапку, прижал к сердцу как родную, велел парню бежать куда подальше, пока он меня держит, и впился поцелуем в мои губы.

Ушлый лотошник только глянул на нашу парочку, как сразу припустил со всех ног, однако я успела пожелать ему вслед, чтобы пояс на штанах лопнул.

Стоило опуститься ночи на Княжев, как к ставшему знаменитым шатру нечисти подошел грустный парнишка в потрепанной мантии мага.

— Привет, родной, — подмигнула ему овечка. — Чего-то ты припозднился, мы уж закрылись сегодня.

И в самом деле, в лавках уже погасили огни и закрыли ставни. Два-три припозднившихся управляющих еще сидели, подсчитывая выручку, но уже ни о каких посещениях речи не шло.

— Завтра заходи, — хлопнул по спине мага Зоря.

— Ходют тут всякие, — проворчал Гомункул, — а у нас потом вещи пропадают.

Бельчонок угрюмо чистил свою хрустальную хоромину, растирая уставшую челюсть и с недовольством попинывая изумруды.

— Ты добром-то не раскидывайся, — попеняла ему овечка. — Тебе еще эти изумруды всю ночь в скорлупу обратно заклеивать. — Она повернулась к магу и стала ласково подталкивать его к выходу. — Завтра приходи.

— Завтра я не могу, — гундел парень. — Меня сегодня отправили. Велели вам больше пасквилей про рыжуху не писать.

— Кто? — выпучила глазки овечка.

— Дед Пихто! — послышался из темноты зловеший голос.

Вонифатий поник плечами, но все-таки вынул жалейку, привычным жестом вытер ее об рукав и, сочувственно глянув на овечку, вздохнул:

— Ну идите уж.

— Куда?! — не поняла овечка.

Но тут ее ухватили за хвост и, бесцеремонно подтянув, подняли над землей:

— Ну что, станцуем, кудрявая? — ухмыльнулся смачно пованивающий дерьмобес. — Какие наши годы!

Овечка закатила глаза и тонко заверещала:

— Грабют!

— Ну поцелуй меня, поцелуй, — домогалась Велия подушка, ставя толстенные с пуговками ножки крестиком. Маг отбивался от нее, пытаясь вырвать штаны:

— Верелея, прекрати эту дурь!

— Ах, ты меня не любишь! — заламывала пуховые ручки подушка.

— Он меня лю-убит, — прижималась к ноге холодная водяная девушка, вызывая мурашки.

— Какая ж дрянь, дрянь, — брезгливо дергал ногой Велий.

— И кто же вас так учил с девушками обращаться, — укоряла Велия, стоя на краю стола, голая мышка.

— Ты-то хоть не умничай! — огрызнулся маг на нее, вырывая свои штаны из лап подушки и понимая, что вот так и сходят с ума. Отражение в зеркале ковыряло зубочисткой в зубах, уже не надеясь на сон. Велий рыкнул на них на всех и вывалился в коридор, злоеще пообещав:

— Щас я тебе задам! — и ринулся по темному коридору, рискуя посшибать стремянки и корыта. Водяная девушка, словно русалка, преследовала его, ныряя в одно ведро и стремительной рыбкой выныривая из другого. Голая мышка услужливо освещала фонариком дорогу.

— Вон, вон он, с лубочной картинки! — перешептывались тени на стенах и замерли, когда он распахнул дверь моей комнаты.

Защелка, тренькнув, отлетела в сторону, но я так умаялась, что не обратила внимания на это. Голая мышка вскарабкалась по одеялу и, встав мне на грудь, склонилась, рассматривая мое личико и так и этак. Первый раз видела себя со стороны. А что, очень даже ничего. Рыжие волосы разметались по подушке, а на лице проказливое выражение.

— Верелея, — позвал меня маг с затаенной надеждой, что я все-таки притворяюсь.

— Да ну ее! — захихикала водяная девушка. — Пошли обратно. — Многозначительно подмигнула, мол, я тебя дома жду. И прямо с порога скакнула в кувшин, наполнив его до краев водой с разводами от олифы, извести и краски. Голая мышка хмыкнула и демонстративно прошла мимо него в коридор, волоча следом фонарик.

— Дурдом, — заключил маг, оставшись в полной темноте. Зажег магический огонек и, как только что мышка, склонился к самому моему лицу. Только час моей дремы кончился, и я уже беспробудно спала.

Утром я его нашла на Алииной кровати в штанах, без рубашки и с грязными босыми ногами.

— Ешь. — Я пододвинула Велию окрошку.

— Не буду. — Он отодвинул тарелку обратно, квасная волна ударила в высокий бортик.

— Ешь! — велела я.

— Нет, пока не скажешь, что это твоя работа. — Он с противным скрипом пододвинул тарелку мне обратно.

— Стану я сейчас на себя наговаривать! — Я подняла тарелку и со стуком поставила ее перед магом. — Ешь.

Он посмотрел с ненавистью на окрошку и с подозрением на меня:

— Ну а если не ты, то кто?

— Дед Пихто! — выверилась я, хватая кухонный нож. — Я ему тут, понимаешь, зелень рубаю, а он выкобенивается! — Я стала мелко резать беззащитные перышки лука. — Я ему тут завтрак в постель, а он орет, как на жену! Иди у мелкой нечисти спроси, наверняка Гуляева свора веселится.

Велий сразу поостыл, задумчиво потирая челюсть. К Гуляю он сбегал в первую очередь, прямо с утра.

— Ну а если не ты, то кто же? — опять повторил он.

— Откуда ж я знаю? Может, в тебя блазница или баечница влюбилась. Или, наоборот, невзлюбила за что-то.

— За что же меня не любить? — надулся Велий.

— Да характер у тебя мерзкий. — Я ссыпала ему лук в тарелку. — А может, занимаешься по ночам чем-нибудь непристойным.

Велий вспыхнул от гнева, схватил ложку и начал усиленно хлебать мое кушанье. Съел половину и только тогда успокоился:

— Я, между прочим, по ночам занимаюсь вычислениями. Ты же пообещала объем работ сократить? Обещала. К тому же еще поисковые заклинания. Лубошников ведь надо как-то найти.

— А-а, — протянула я. — Все понятно, нарвался.

— На кого нарвался? — Велий перестал жевать.

— Ну как же?! — Я вытаращилась на него, как на первокурсника. — Великий дух, хранитель Школы Архона. Он же во время учебы нерадивых наказывает, а прилежных поощряет, а летом у него каникулы.

— И что? — спросил Велий, нисколько, впрочем, не веря в мои рассказы.

— Все. Ты ему отдыхать помешал.

— Я — наставник, я имел право заниматься.

— В комнате ученика? — снисходительно усмехнулась я. — Сам подумай, двадцатидвухлетний парень кропает формулы, тревожит Великого духа...

— Умней ничего не могла придумать?

— Ну-у, умнее провести обряд задабривания, но ты, конечно, можешь мне не верить. По глазам ведь вижу, что не веришь.

— Кому? Тебе? — Маг хмыкнул, но на всякий случай все-таки поинтересовался: — Ну и как его проводить? Наверняка ведь дурь какая-нибудь.

— Конечно, дурь, это же обряд для учеников, к тому же бесовской Школы. На мелких злыдней ты внимания не обращай, их нужно просто ублажить, и они сами рассосутся, а вот с Великим духом тяжелее. Тут уж надо ублажать так ублажать. Весь мусор, тетрадки, книги и одежду, все, что было в тот день рядом с тобой, на столе, под столом, — сжигай. Лучше перед этим упиться хорошенько, а если голым вокруг костра станцуешь, то это уже верх ублажения, считай, он тебе сразу все простит. Да, чуть не забыла, — гимн! Надо обязательно петь гимн. Сейчас я тебе набросаю.

Он сидел, подперев кулаком подбородок, и только брови поднимал.

— Я тебе поражаюсь, Верелея, все-таки такое воображение! Ни разу не видел, чтобы ученики в комнате костер палили!

— А кто видел, чтобы ученики по своей воле учились? А костер палить можно и в парке. Вот. — Я протянула ему бумажку. — Хочешь, делай, хочешь, не делай.

— Я у тебя сегодня ночевать буду, — тут же обрадовал меня маг.

— Вот еще! — подскочила я.

— А что такого?

— Давай сам со своими голыми мышами разбирайся.

— При чем тут мыши! — вскинулся Велий и, отодвинув тарелку, проникновенно поинтересовался: — А почему бы мне не заночевать у любимой девушки?

Я почувствовала, как загорелись щеки, и уперлась в его грудь руками:

— Потому что нечего мужчине делать в комнате у невинной девицы.

— Так и нечего? — расхохотался Велий.

— Ах ты! — Я вырвалась из его рук. — Иди отсюда!

Но пойдя отбейся от такого! Если б не рабочие, обрушившие в коридоре стремянку, кто знает, чем бы кончилось... А так я пискнула и выскочила за дверь.

— Подержите кто-нибудь. — Я затравленно оглянулась, а нечисть загоготала.

Лицемерный маг вышел, степенно поправляя на себе одежду, и зыркнул вокруг сурово, ему тут же под ноги упало ведро, расплескавшись известью.

— Ах вы! — Он тряхнул леса, и с них следом за ведром свалился косорукий коридорный.

— Верелея, ты где? — Велий глянул в оба конца, понимая, что я могла и в туалете спрятаться, но я была девушка умная и никогда не загоняла себя в тупики, поэтому по лесенке решила вышмыгнуть в парк. Он кинулся на перестук каблучков так же азартно, как ночью перепрыгивал через бадьи и тазы, с единственной разницей, что сейчас был в сапогах, поэтому бежал быстрее и мы почти одновременно попались на глаза Феофилакту Транквиллиновичу.

— Что это с вами? — уставился директор на забрызганного извешкой, покрасневшего мага.

— В архив меня гонит, — пожаловалась я. Велий сделал страшные глаза, а Гуляевы работяги заржали:

— Это у него гон начался!

— А-а, — махнул рукой директор и тут же подскочил: — А-а! Вы это... — Он глянул на Велия другими глазами с явным желанием послать его куда-нибудь в Конклав.

— Да вы что?! — замахали мы дружно с магом. — У нас и в мыслях не было!

— Я же «невеста» Аэрона, — затаила я любимую песню и, со злостью глянув на скалящихся маляров, многообещающе прошипела: — Найдете вы у меня сегодня из Школы выход.

Может, сама я в магии ничего не понимала, но Велий заклинание успел придумать, я, зажмурившись, вспомнила все: и коэффициент пять, и про приложение массы.

— Вот вам, — сказала я и твердой походкой победителя отправилась на прогулку, оставив Велия разбираться с директором.

У Никодима было почти пусто и грустно без учеников, летом кабак терпел убытки. Я села за свой любимый стол, изрезанный длинными столбцами неприличных стихов, признаний в любви и философскими изречениями учеников о жизни вообще и учителях в частности. На самом видном месте было написано «Веря — дура». Я побарабанила пальцами по столу:

— Та-ак, мавке на это трудолюбия не хватит. Стало быть, Алия или Аэрон. — И написала: «Аэрон — пустозвон», «Алия — без талии», а потом подумала и добавила «Велий — бабник», не в рифму, зато по существу. — Все. — Допила квас, предложенный кабатчиком, дожевала пряник и, довольная собой, обедом и прогулкой, решила вернуться в Школу.

— Ну и где все? — постукивала половником о сапожок Дунька.

Стол был накрыт и пугающе пуст.

— Эй! Вы поуснули там, что ли?! — заорала шишимора. К окнам третьего этажа прильнули заинтересованные лица, расплющенные носы и круглые глаза выглядели нездорово. — Чего это с ними?! — удивилась шишимора, хмуря выщипанные бровки.

— Может, кушать не хотят? — спросила я, приняхиваясь к обеду, но обед был вполне съедобен.

Дунька чуть не выронила половник:

— Когда это они кушать не хотели?

— А может, пьют? — предположила я.

— Тогда бы песни пели, — покачала головой шишимора. — А они только бегают, как мыши, и в окна пялятся. Ох, не нравится мне это!

Велий и Феофилакт Транквиллинович сидели в комнате Верей и смотрели друг на друга, чувствуя себя неуютно. В коридоре кричали, бились и ругались, со злобой поддавая по ведрам.

— Может, еще раз все обойдем? — предложил директор. Велий покачал головой. Самое обидное, что окна не бились, поломанный

табурет валялся на полу, укоризненно показывая разбитые ножки. — Ну делайте же что-нибудь! — вспыхнул директор.

— А что я сделаю, если вы ничего не можете! — откликнулся Велий, бессильно разводя руками.

— Ну знаете! — Феофилакт Транквиллинович вскочил. — Я так сидеть не могу! — и, распахнув дверь, вышел в коридор, услышав вслед:

— А что толку бегать, как белка в колесе?

Коридор был заляпан краской, но пуст.

— Откликнитесь кто-нибудь! — потребовал Феофилакт Транквиллинович, тишина была ему ответом. Он хмыкнул и пошел по коридору к предполагаемому выходу, открывая все двери подряд. Когда и в восьмой комнате он увидел Велия, то не выдержал и возмутился:

— Может, вы присоединитесь наконец?

— Глупей предложения я не слышал, — проворчал себе под нос маг, но отказать не смог. К удивлению обоих, они уже в следующей комнате обнаружили красноглазого зареванного Гуляя.

— Родимец! — кинулся он к директору на грудь; судя по разоренности в комнате, он кидался в окна всем, даже шкафами, и пытался грызть стены. Велий с интересом посмотрел на дворового и сказал:

— Ну-ка, прихвати тот сундучок!

— Вы что-то придумали? — оживился директор.

— Не то чтобы придумал, но есть у меня одна идейка насчет массы перехода через искривленное пространство, только коэффициент там сумасшедший... — Он нырнул в шкаф. — Брать будем только самое тяжелое! — и вынырнул оттуда, держа перед собой заслонку от печи, уставленную чугунами утюгами и сковородами. — Это вам. — Велий протянул директору все это, как праздничный каравай.

— За стенкой кто-то плакал, — заметил дворовой. Но соседней оказалась все та же Вереина комната. — Не получилось, — сказал маг.

— А если увеличить скорость движения? — прогремел директор.

— Ну побежали, — легко согласился Велий, а Гуляй крякнул, перекидывая сундук с плеча на спину и приседая для разбега на подрагивающих ногах. Когда нечисть вывалилась в парк, вид у нее был

жуткий, мало того что все они были обвешаны железом, какое нашли, измазаны в краске, красны, всклочены и шатались от нечеловеческой усталости, они еще и что-то бормотали.

— Че-то не пойму я, — наострила уши шишимора, а я как-то сразу попятилась, увидев пристальный взгляд Феофилакты Транквиллиновича, судорожно сжимающего два утюга.

— Что-то я тут засиделась. — Я стала поспешно отступать в глубь парка.

— Госпожа ученица, — лязгнуло железо у меня над ухом, я вспомнила про утренних маляров и ударилась в бегство.

— Верелея, а ну вернись! — рявкнул Велий.

— Убью! — заревел Гуляй и все испортил, я припустила еще шибче.

— И не смейте возвращаться без родителей! — безнадежно крикнул вслед директор.

А я с перепугу начала петлять как заяц. И только на берегу реки, забившись под ольху, позвала:

— Анчутка! — и зарыдала. — Тебя в Школу вызываю-ут.

Неделю мне велено было не возвращаться в Школу из соображений моей же безопасности. Даже через зеркала в капище я не рискнула пробраться в свою комнату за книжками, чувствуя там засаду. Все нужные учебники по приказу директора Рогач свалил в кучу на границе Заветного леса, пригрозив мне, чтобы я оттуда носа не показывала, а «хвосты» директор придет принимать самолично, когда успокоится.

Оказалось, что без Велия время проводить не так уж и весело, даже Топтыгин с Васькой не могли поднять моего настроения, хотя очень старались. Анчутка и Карыч, вдоволь похохотав, рьяно взялись за строительство нового коридора в моем замке, где, стена и плача, бродил призрак Вука Огнезмия, а они кликали его, заставляя метаться из комнаты в комнату. Березина укоряла их, говоря, что такое поведение только расхолаживает меня, но черт и ворон не обращали внимания на ее упреки.

А когда услышали, что у меня пугалка для мага осталась незавершенной, предложили себя в качестве помощников.

— Эх! Давно я как следует не забавлялся! — потер руки Анчутка.

— Эй! Только без членовредительства! Он мне живой и здоровый нужен! — запоздало крикнула я вслед, но какое там. Оба Древних уже исчезли, оставив меня на попечительство теток

— Вот здесь мы и будем заниматься, — объявила Горгония, заводя меня в огромный классный зал, оказавшийся по ее желанию прямо в центре моего замка. Над моей головой чернел купол свода, по которому хороводом пробегали стайки планет и созвездий. В окна было видно любое государство, какое ни пожелаешь, а за колоннами прятались все виды нечисти, какую ни свистни — тотчас выскочит.

Тетка перелистала мои тетрадки, вытащила неизвестно откуда очки в роговой оправе и указку из черного дерева с золотым навершием.

— Скажу честно, — отчеканила она мерзким преподавательским голосом, — что запустить такие простые темы могла только злостная разгильдяйка. Ты у меня за день все выучишь! — и состряпала милую мордашку, поправляя сползшие очки.

— Ну давайте. — Я с тоской открыла первую тетрадь и тут же вздрогнула от удара указки по столу.

— Верее, знания — это не обуза, — Горгония снова сделала милое личико, — а большое удовольствие.

— О-о, как мне весело будет нынче в Заветном лесу! — простонала я и выдавила жизнерадостный оскал.

Голая мышка сегодня выглядела как-то иначе, особенно Велию не нравился нездоровый багровый свет в ее глазах. Подушка, рыча, душила одеяло, а потом накинулась на него и погрызла пуговичными зубами, превратив в транспарант с прорезными буквами «Велий, поцелуй меня немедленно!». Водяная девушка стала намного дородней, с трудом протиснула свое тело в кувшин, опрокинув его, и даже спихнула со стола.

— Ну что? — подтянув перевешивающее ее вперед чрево, поинтересовалась она. — Значит, добром целоваться не хотим?

Велий затравленно оглянулся, но отражения в зеркале не было — трус спрятался, не желая вступаться за оригинал.

— Та-ак, это мне перестает нравиться! — Маг выхватил из своей походной сумки расписанную заклинаниями саблю с зеленым камнем в рукояти. — Учтите, девушки, я могу быть грубым!

Голая мышка отшатнулась и возмущенно завизжала:

— Вали его, девки!

Бум! Подушка прилетела в Велия, и стоило магу качнуться вперед, как водяная бабища скакнула к нему на плечи, ногами обвив шею, руками ухватив за уши и прижав свое необъятное пузо к лицу. Какой-то миг маг в ужасе видел мир таким, словно очутился в подводном царстве: кверху поднимались пузырьки и перед глазами плавал мелкий мусор, потом он понял, что таким манером захлебнется, и начал тузить бабищу кулаками, пытаясь содрать, но пальцы погружались в воду, ничего не захватывая, кроме собственной физиономии.

— Ха! — Мышка прыгнула на штанину и ловко полезла вверх.

Не зная, что именно она задумала, Велий, обуянный страхом и недобрыми предчувствиями, решил искать спасение в бегстве, запутался в погрызенном одеяле и едва не расшиб себе лоб, упав на дверь, которая, к несчастью, открывалась внутрь.

— Э-э, простите, я вам не помешал? — раздался над ним голос Феофилакты Транквилиновича. Мокрый, злой и с саблей в руках, Велий выпутался из одеяла и признался, что в данный момент абсолютно ничем не занят. Директор присел на край кровати, аккуратно сложил руки на коленях и с интересом, расправив ногой одеяло, рассмотрел надпись.

— Это неудачная шутка, — попытался свернуть попорченную вещь Велий.

— Только Рогачу не показывайте, — посоветовал директор. — Он, знаете ли, к казенному относится, как к собственному. И может, вам не стоит по ночам с саблей бегать, так ведь недолго и трагедии случиться.

— Простите. — Велий засунул саблю под стол, расчесал пятерней мокрые волосы, привел одежду в порядок, всем своим видом выказывая внимание. — Вы по делу или так, поболтать пришли? — спросил он, поглядев на звездное небо за окном. Судя по луне, ночь давно уже перевалила за середину.

— Право, даже не знаю, — растерялся Феофилакт Транквилинович. — С одной стороны, это дело общественное, а с другой — деликатное, личное.

— Да, да, я вас слушаю. — Велий присел напротив. — Может, чаю?

— Нет, чай не надо, — отмахнулся директор. — Лучше давайте все обсудим и закончим на этом. Вы, наверное, уже заметили, что весь преподавательский состав у нас — нечисть, а нечисть, как вам должно быть известно, раз в год нуждается в живой человеческой крови. Раньше эта проблема легко решалась с помощью Офелии Марковны, но она последнее время что-то начала сдавать, просто живое умертвие, а не человек. Вот мы, посоветовавшись, и решили обратиться к вам. Вы — педагог, человек без предрассудков...

— Подождите, в каком смысле?

— Да в обыкновенном! Мы даже не настаиваем на проведении обряда. Например, Офелия Марковна испытывала панический ужас перед кусанием, поэтому вот приготовили... — Феофилакт Транквиллинович полез в карман, выудил оттуда и поставил на стол оловянную кружку, всю в бурых потеках. Зеленая жирная муха тут же взлетела со дна, но была прибита рукой директора. — Извините за не очень приятное зрелище, но я надеюсь, вы нацедите нам двенадцать кружечек?

— Сколько? — тупо переспросил Велий.

— За двенадцать ночей, — успокоительным тоном проговорил Феофилакт Транквиллинович.

— Да я этого не переживу! — простонал Велий.

— У нас есть прекрасный склеп. — Директор ободряюще похлопал его по руке. — Тихое, спокойное место. Вам понравится.

Пальцы у Феофилакты Транквиллиновича были такие ледяные, что Велий вздрогнул, дернулся, стукнулся головой о стул и... очнулся.

— Ну поцелуй, поцелуй! — стонала водяная бабища, припадая к его руке как раз в том месте, где его касался директор.

— Дрянь! — отбросил ее маг, выпутался из одеяла, приподнялся и нос к носу столкнулся с голой мышкой, сидящей на краю оловянной кружки в бурых потеках. Мышь подмигнула магу, бодро хрупая мушинными крыльями.

— Это уже точно не Верелея. — Маг начал раскочегаривать печь, содрал с себя одежду, вытащил шпаргалку и, пока учил гимн, уполовинил припасенную литровую бутылку вина. — Ладно уж, будем невинны, как студенты. — Велий обмотал вокруг бедер полотенце и, разрисовав сажей рожу, пошел, не выпуская бутылку, по комнате, под потрясенными взглядами забывшей о мухе мыши и потерявшей

всякую форму водяной бабищи. Подушка так просто хлопнулась, растопырив толстые ушки.

Ненавижу всех учителей,
Ненавижу книги и тетради,
Мне вино зеленое милей,
Мне милей улыбчивые... —

Велий неопределенно помахал рукой и закончил:
— Друзья.

Без друзей так скучно надираться,
До зеленых маленьких чертей.
Без друзей и в город не пойдешь ты,
Чтобы подцепить себе...
Он снова запнулся, но уже резвее закончил:

— Подруг.

— Велий! Это что такое?! — вытаращила я глаза по ту сторону зеркала. Маг прищурился, глотнул из бутылки и поманил меня пальцем:

— А ну, иди сюда!

Я затрясла головой, он кинулся ко мне, я от него, и прозрачность стены пропала. Велий грузно стукнулся об нее, осыпав штукатурку и на миг лишившись сознания.

— Вот, сами извольте видеть. — В узкую щелочку двери просунул пятак Рогач. — Всю ночь крики, шум...

Представители собранной кладовщиком комиссии протиснулись следом за ним и с удивлением обнаружили посреди комнаты пьяного, изгвазданного в саже мага в импровизированной набедренной повязке из казенного полотенца.

Вся комната походила на вертеп умалишенного, в воздухе плавала сажа, все было залито водой и вином, натянутое меж стульями изрезанное буквицами одеяло кричало о раненой душе педагога, а на

побеленной стене, где-то локтя на три от пола отпечатался распластанный силуэт безумного квестора.

— Ишь, как он переживает! — посочувствовала шишимора. — Видать, соскучился по рыжухе своей.

Директору впервые в жизни стало неудобно, и он, попятившись, вспомнил о том, что его ждет много дел, предложив всем удалиться и оставить мага наедине с его переживаниями.

— Слышишь, Верея, а он у тебя того... головой не слабенький? — допытывались у меня Анчутка с Карычем, а я удивленно заламывала бровки, радуясь тому, что они в достаточной степени удивились, когда начал раздеваться маг, и я успела полюбоваться на его пляску.

— Все у него в порядке, просто любит человек выпить да потанцевать.

— Ага?! — не поверил мне Карыч.

— Ага, — кивнула я. — Вы еще к нему сегодня обязательно загляните, еще не такое увидите.

— Что молчишь? — Велий душил в кулаке несчастную мышь, тыча ее в возмущенно булькающий кувшин. — Говори, гадина, как тебя ублажать!

Мышь только успевала попискивать, не решаясь пустить в ход зубы. Благим матом ревела сзади подушка, пойманная в магический капкан.

— Цыц, пухлявая! — гавкнул на нее маг. — Щас я и до тебя доберусь!

Кулак его как-то слишком легко проскользнул в горлышко кувшина и намертво там застрял. Мышь, видя это, в панике выпучила глаза, и они уставились друг на друга сквозь мутное стекло.

— Что? — не понял маг, когда мышь стала писать на стекле какие-то знаки.

С трудом выпростав лапы, она умоляюще их сложила, недвусмысленно пуская пузыри и показывая, что если маг не законченный идиот, то было бы неплохо разжать пальчики. Что Велий и сделал.

Слил воду со всем содержимым в чайник, заткнул ему носик и поставил на огонь. После чего, зловеще улыбаясь, вынул саблю, поворачиваясь к подушке. Пух и перья взметнулись к потолку,

скрипнула дверь, в проеме показался Рогач. Сложив ручки на животе и прислонившись к косяку, он поощрительно улыбнулся:

— А вы все развлекаетесь, я смотрю. Тут в чайнике взвыло на два голоса:

— У-у! А-а! О-о! Скоти-ина!

Маг, выплеснув содержимое на пол, зло поинтересовался у исходящей паром бабищи:

— Ну что, придумала, как тебя ублажить?

— У-у! — простонала бабища и на четвереньках быстро поползла к Рогачу. Распластанная мышка замучено икала, глядя стеклянными глазами в потолок.

— Куда? — Велий прихлопнул беглянку кастрюлей, сгреб ее и бросил обратно на огонь, прихлопнув сверху тяжелой сковородой. — Мы еще долго развлекаться будем!

— Ик! Пощади, родимец, — безнадежно взмолилась мышь.

Маг схватил ее за хвост, но его внимание привлекло отражение в зеркале.

— Ну ты крут, я тебя уважаю! — пробасил двойник, но осекся под его тяжелым взглядом и метнулся за раму.

— Стоять! — заревел Велий. — Отражать!

Рогач испуганно всхлипнул у дверей и тоже начал пятиться, укоряя квестора:

— Что же вы так своих зверушек распустили?

Велий зыркнул в сторону зеркала. Там отражение уже обзавелось и вареной мышью, и саблей в неуверенно подрагивающей руке.

— Прямо стоять. Форму потерял? Я тобой займусь! — Маг обвел комнату яростным взглядом, пообещал: — Я всеми вами займусь!

Я посмотрела на валяющегося в Студенце исходящего паром Анчутку и, когда он пристал к берегу, осторожно ткнула в живот:

— Чего это с ним?

Карыч икал, облапив крыльями березу:

— Ну ик, внученька, ик, дай только, ик, встану!

— Чего-то-мне здесь неуютно сделалось, — призналась я. — Может, к папе в гости съездить? — и бочком, бочком нырнула в ивняк.

Добежала до капища и поинтересовалась у тетки Горгонии:

— Нет ли у нас каких-нибудь занятий за пределами леса?

— Ну вот, ведь можете. — Феофилакт Транквиллинович удовлетворенно откинулся на спинку стула. — Вполне приличные знания.

— Тут главное правильный подход найти, — вставил Анчутка, чья когтистая рука нежно сжимала мое левое плечико.

— Не совсем же она у нас безголовая, — вставил свое слово стоящий справа Карыч.

— Спасибо педагогам, — пискнула я.

Горгония разглядывала измочаленную о столешницу указку.

Овечка, прибывшая на выходные, с интересом профессионала выпытывала у Индрика, в чем лучше прутья замачивать для порки учеников.

— Ну если парней, то лучше в рассоле, а если девок, то — кипяток.

— Вообще-то, — буркнула я, — детей положено воспитывать лаской.

Нечисть уставилась на меня разноцветными глазами, а овечка хохотнула:

— Ты иди это Гуляю расскажи, он тебя в Школе ждет. Кстати, а можно я заберу пруттики?

Я тоскливо вздохнула.

— Ну давай еще ты заяви, что меня пороть будешь, — пробурчала я овечке, когда мы остались один на один.

— По уму-то, конечно, надо, — ответила та. — Ты хоть знаешь, что из-за твоего Вонифатия колдуны в Княжеве тревогу бьют, а Велиев дядька срочно своего племянника в столицу вызывает?

Я, всполошившись, собралась было обратно кинуться в Заветный лес, но овца наступила мне копытом на подол:

— Не торопись, чай я сама не глупая. Уже сказала твоему, чтобы на месте сидел. Думаешь, я просто так из столицы от прибытков сказочных сюда прискакала? Все за-ради тебя, неблагодарная. Кстати, ну-ка, сними кошель с моей шеи. — Овечка подняла голову, чтобы мне было легче снимать малиновый кошелечек. Надо сказать, что выглядела кудрявая уж совершенно столичной штучкой — золоченые копытца, вся шерсть в искристой пудре, крашенные длинные ресницы, кружевной, затейливого узора воротничок с шелковой алой лентой.

Такая вся из себя фифа, что мешок с прутьями смотрелся как-то странно.

— Ты для чего розги-то с собой потащила? — поинтересовалась я, аккуратно, чтобы не попортить крашеную овечкину красоту, стягивая кошелечек.

— То есть как это? Те самые прутьики, которыми Анчутка собственноручно рыжуху воспитывал? Да их в любой школе по десять кладней за штуку возьмут, чтобы на почетное место положить.

Мне тут же захотелось поддать ей по округлым тугим бокам, но быстроногая отбежала от меня, скалясь:

— Кошелечек-то развязывай, развязывай.

— Чего это? — Я с удивлением глянула на ярко разрисованную бумажку. — «Единый вексель Северной купеческой гильдии, равно пригодный во всех концах Великого Княжества Северского и сопредельных государств». Что за ерунда? — уставилась я на овечку.

— Сама ты ерунда! — фыркнула та. — Это тебе, недалекой нечисти, пристало кладни под матрасом прятать. — Она противненько засмеялась. — Да, да, да, знаю я, где твои сокровища лежат — как только бока не отмяла! А мне, купчихе первой гильдии, и вовсе о золото копытца марать не пристало! Ты на сумму-то посмотри.

Я забегала глазами по бумажке и, увидев девяточки и нолики, не поверила собственным глазам.

— Вот. А ты меня еще и всякими говновыми человечками страшашь! Ну да ладно, на первый раз прощу.

— Что прощу?! — тут же взвилась я. — Чтобы я этих срамных историй про рыжуху больше не видела! А то сама лубошников найму, буду о скаредной овце рассказывать, да еще припишу, что каждый, кто срежет с тебя клочок шерсти, — озолотится. Вот уж тебя пощиплют!

Овца заметно испугалась:

— Ты это... давай... не того... Между прочим, ты — популярный герой, людям нравишься. Не одни же гадости про тебя сочиняют. В Княжеве вон Игрицей тебя величать начали. Так, глядишь, важней Анчутки сделаешься. И вообще, давай думай, что магу своему рассказывать будешь? А то пока я тут с тобой нянькаюсь, там барыш промеж копыт утекает. — Напутствовав меня таким образом, она бодренько порысила обратно в столицу.

Я завистливо вздохнула, хорошо ей, быстроногой, от врагов убежать удобно.

Птичьи трели не очень радовали, поскольку впереди меня ждала куча серьезных разговоров. Опять же Гуляй злой и женское крыло для ремонта недоступное... Охохонюшки, одна забота и маета. Одно только хорошо, что практики уж целый месяц прошел, только две недельки осталось.

В парковую калитку я протиснулась как тать.

— Здравствуйте, — приветствовала я неизвестно кого. И не ошиблась — ждали, сидели почти под каждым кустом, злобно зыря. Я выставила растопыренные руки, как кошка, понимая, что не шибко впечатляюще выглядят мои розовые коготки, поэтому постаралась больше взять голосом и суровостью лица: — Предупреждаю сразу — со мной связываться — это себя не любить! Щас как попревращаю всех в коряги!

— Ладно тебе. — Гуляй вылез из-за дерева, разочарованно отбрасывая дубину, зато Рогач обгавкал всю, как цепной кобель:

— Чтоб к вечеру крыло в порядок привела, да? Полы там вымоешь, да? Все безобразия и мусор уберешь, да? И чтоб без разрешения директора пальцем не шевелила, да?

— Пусть за обиду стол накрывает! — вякнул кто-то из кустов.

— Да! — утвердительно кивнул головой Рогач.

А я щедро посулила:

— Бочку вина выставлю...

— Две, — тут же возразил Гуляй, почему-то показывая мне три пальца.

— Ну-у, тогда вы крыло сами убираете. — И я уже безбоязненно пошла к Школе, понимая, что все равно скатерти-самобранке за все мои обещания отдуваться.

— Зря ты их так напоила. — Велий сидел на подоконнике первого этажа, прижимая меня к себе. После того как Аэронова комнатуха пришла в негодность, директор настоял, чтобы он перебрался в комнату для учителей. Но хоть была она не в пример меньше, но ничего — уютенькая. Я сначала побаивалась, что Велий накинется на меня с кулаками, но он лишь похохотал, а услышав про человечисце, на

которого маги Княжева войной собрались идти, только отмахнулся: — А, напишу дяде письмо, ты только мальчишку больше не тревожь.

— А у него и без меня неплохо получается. К тому же овечка его к делу приспособила. Они теперь попеременно у шатра с бельчонком танцуют. Людям и срамно, и потешно. А все равно ходят.

Велий тяжело вздохнул, прижимаясь затылком к раме: — Ох, и в какое же чудовище ты у меня превращаешься!

— Почему в чудовище? — обиделась я, но желания поворачиваться и тужить его не было. Так спокойно и лениво было в его объятиях.

— Ну в чудо. Непонятно только, отчего ты к одним магам прицепилась? Других людей или нечисти нет больше, что ли?

— Это вы ко мне прицепились. Один фон Птиц со своими лекциями чего стоит! И никакие снотворные не помогают.

— Страдалица ты моя. — Велий покачал меня в объятиях.

Пьянка во дворе перешла в ту стадию, когда пирующие затягивают слезливые песни и медленно валятся под стол. Как ни удивительно, Феофилакт Транквиллинович гуляние не разгонял, оказывается, пока женское крыло было недоступно для ремонта, а я подвергалась обучению в Заветном лесу, домовые и дворовые, дружно навалившись, пристроили к Школе резную изящную башенку-фонарик, в которую имелся вход как с улицы, так и с каждого этажа.

Велий под присмотром директора, дабы ненароком не разгневать отдыхающий дух Архона, придумал-таки заклинание, при котором не надо обвешиваться утюгами, чтобы выскочить из сжатого пространства. Так что, едва мы привели в порядок женское жилое крыло, нас тут же заставили плести новое заклинание, раскинув его ни много ни мало — на весь парк. Когда я свернула его, а потом в качестве подопытной мыши была насильно загнана директором и нечистью в пристройку, то с перепуга аж взвизгнула — так много там оказалось места.

— Со светом надо будет что-то сделать, — дрожа как осиновый лист, посоветовала я. — А то до окон далеко, идешь, идешь... И потолок низкий, кажется, что сейчас проломится — и на голову, колонн прибавьте, что ли. А то пригибаться от страха начинаешь.

Велий хлопнул себя по лбу и признался, что про потолок забыл, его вина.

— Я же брал обыкновенные, как везде, — оправдываясь, бормотал он, набрасывая новое заклинание, потом недоверчиво посмотрел на меня, но все-таки решил посоветоваться: — Как ты думаешь, сколько локтей высоту делать?

— Чем больше, тем лучше, — сказала я.

В результате, когда Теофилакт Транквиллинович вошел в новую пристройку, светильники на потолке казались крохотными точечками звезд в бездонном черном небе.

— А что, мне нравится, — одобрительно проговорил он, и гулкое эхо отразилось от далеких стен. — Конечно, надо будет привезти мебель, как-то разделить стенами...

Мы с магом облегченно перевели дух, а Гуляй на улице подал знак — выбивать дно у бочки.

— Где теперь ночевать будешь? — поинтересовался Велий, покачивая меня, так что казалось, что я плыву на лодочке.

Я усмехнулась. Комендант на радостях, что теперь можно наконец приступить к ремонту этажей, перво-наперво погнал рабочих вышвырнуть из комнат всю мебель, и теперь она громоздилась кучей в актовом зале, на каждом предмете написано, из какой он комнаты, хоть приходи и живи.

— А у вас есть какие-то предложения, господин наставник? — спросила я.

Он покосился на свою узкую кровать, но тут вихляющей походкой к нам подплыл изрядно пьяный, но не теряющий бдительности комендант и, победив заплетающийся язык, сообщил:

— Верея, там в актовом зале чегой-то сильно светится в твоей тумбочке. Да.

Я удивилась, не представляя, что может светиться в моей тумбочке.

— Пойдем глянем, — предложила я Велию, а он промычал, дескать, дело со мной иметь — себя не уважать, стоит только подумать, что вот, все хорошо, как обязательно припрется какой-нибудь Рогач и все испортит.

— Да может, там ерунда какая-нибудь, — попробовала я его успокоить.

— Главное, сразу глупостей не делай, — подтолкнул он меня в спину.

— Я сама разумность и осторожность, — уверила я его, выходя за дверь. На моей ноге тут же повис пьяный коридорный — Коготок, достававший мне от силы до колена. В Школе он присматривал за лестницей, ведущей со второго на третий этаж, и не было опаснее места для разинь! Отродясь там никто не бегал из-за игривого нрава Коготка.

— Поздравь, подруга! — радостно возвестил коридорный. — Повысили меня! Первый этаж отдают под начало в пристройке! Весь! Буду не хуже Рогача начальник. — Он гордо выпятил грудь. — Поэтажный Митяй Коготок! Как звучит-то, а! Был я мелкая сошка, а теперь знаешь, сколько будет у меня под началом? — Он растопырил пальцы рук, пытаюсь сосчитать, потом досадливо глянул на ноги и переступил копытами.

— Это кто тут к моей девушке пристаёт? — показался в дверях Велий.

Коготок удивленно воззрился на него и стукнул себя в грудь:

— Да я, да ты что, друг? — и рухнул, пьяно посапывая.

Посмеиваясь, мы переступили через коридорного и рука об руку отправились в актовй зал, недоумевая: что там может светиться? И лишь на пороге я, ругнувшись, бросилась к своему шкафу, враз забыв о Велии.

В бестолковой суете последних дней как-то совсем забылись кольцо, зароки и обещания Алие. Подруга просто умоляла ни днем ни ночью кольца не снимать, а я, надо же, в первый же день забылась сунулась помогать Гуляю и угодила рукой в краску, потом отмачивала в масле фамильный перстень вампира, до смерти испугавшись, что загубила его. А потом, протерев кольцо и успокоившись, что с ним все в порядке, убрала в тумбочку, поскольку Гуляй все донимал хозяйственными работами. И надо же! Совсем забыла про подругу за своими хлопотами.

Я распахнула дверцу и обмерла — камень не просто светился, он агонизировал светом, как раненое животное. Всхлипнув, я натянула его на палец, схватила ракушку и зеркальце. Но ничего, кроме шума лесного, не услышала. Зеркальце же показывало темный лесной бор, древний, влажный и непроходимый, все так мелькало перед глазами,

словно волшебная вещица тщетно пытается пробить дорогу к Алие, да каждый раз какая-то сила отводит мой взор в сторону.

— Велий, Велий, что же делать? — рыдала я, размазывая по щекам слезы.

— Во-первых, белугой не реветь. А во-вторых, — он зло хлопнул ладонью по тумбочке, да так громко, что я подпрыгнула от неожиданности. — А, пропади оно все пропадом! Меня же не пустят в этот лес! — И маг так на меня глянул, что я испугалась, вдруг он и мне не велит туда идти. Но, поерошив волосы, не отрывая взгляда от отчаянно пульсирующего в перстне камня, Велий велел: — Сивку кликни, с конем мы быстро туда доберемся. — И железа никакого не бери — с железом слуги Волчьего Пастыря махом в Иррий отправят.

— У меня есть бронзовый меч, — вспомнила я и полезла его искать.

Принцево оружие, которое так сильно позабавило Алию, подверглось со всех сторон осмотру, но было признано годным.

— Не могу я без ничего тебя туда отправлять. А самому мне туда нельзя — сожрут одним махом.

— А меня не сожрут? — опасливо поинтересовалась я.

— Могут. Скорее всего, попытаются. — Велий поморщился. — Эх, нельзя Сивке в самую середку леса прыгнуть, на голову волчьего хозяина!

— Что, тоже слопают?

— Слопают, — подтвердил Велий.

— И ты меня туда одну? — заголосила я, чувствуя, как губы начинают дрожать, а в душе поднимается жалость к себе, такой маленькой и беззащитной.

— Ну тогда оставайся, — легко согласился Велий, а я решила, что просто ненавижу его. А он, волоча меня за руку в свою комнату, перечислял на ходу, что нужно взять с собой:

— Флягу с водой возьмешь, там пить нельзя ни за что, ни из реки, ни из ручья, ниоткуда. — Заметил мой вопросительный взгляд и обозвал меня двоечницей. — Обратнем станешь. Лекарство возьми, мало ли, вдруг ее порвали... Хотя скорей всего порвали — человеком ведь, судя по всему, бегают. А человеку хода нет в этот лес. Что еще... А! Одежда. — Глянув в окошко, Велий сказал: — Да, и скатерть-самобранку не забудь. Алиа там наверняка голодная сидит.

Так что, когда явился Сивка-Бурка, я уже стояла груженная и со сверкающим мечом в руках.

— Ух ты, никак меня богатырка позвала? — Богатырский конь радостно прогарцевал вокруг меня и чуть не сел на землю, когда я буркнула:

— Точно, едем сегодня Волчьему Пастырю голову рубить, ты со мной, будем брать на живца.

— Да шутит она, — успокоил коня Велий, — но до границы ты уж нас доставь, а то Алие, судя по всему, там не сладко.

— Да я что! — тут же взбодрился конь. — Всегда рад биться-рататься. — Покосившись на меня, он добавил: — Только с этой страшно, она других дел и не знает, только драпаешь да воруешь! А уж про супротивников и вовсе помалкиваю, где только таких и находит?

— Вот, — Велий осуждающе посмотрел на меня, — запугала богатырского коня.

Сивка закивал:

— Вот-вот, как про нее вспомню, так сердце и прихватывает, я ведь уже не молодой.

Я потянула его за стремя:

— Ты хоть присядь, почему приличная девушка кузнечиком скакать должна?

Велий подхватил меня и легко поднял в седло.

— Теперь, главное, держись крепче, — посоветовала я магу. Сивка мощно толкнулся ногами, а я испугалась, когда почувствовала, как пальцы Велия беспомощно соскальзывают с моих боков, взвизгнула было, пытаюсь удержать его, но маг справился и сам.

В следующий миг мы уже камнем летели вниз.

— Ух ты! — только и вымолвил Велий когда конь мягко приземлился на границе Волчьего леса. Был он словно дикий остров, плывущий посреди леса обычного. Рос на угрюмых серых скалах, отвесных и неприступных, а над ним в небесной сини беззвучно чертили круги хищные птицы.

— Жуткое какое местечко, — передернул боками Сивка.

А Велий сотворил малый магический огонек и пустил его прямо в лес.

— Ты что делаешь? — испугалась я. Маг усмехнулся:

— Волчий Пастырь страсть как магов и чародеев не любит, глазом моргнуть не успеешь — явится.

Я сразу запаниковала, сообразив, что чудес за последнее время сделала поболее фон Птица, значит, и меня слопают. Открыла рот, чтобы напуститься на Велия, но тут Сивка под нами попятился, а с серых скал, из леса к нам стали прыгать волки, взяли нас в кольцо и ощерились. Черной волчицы среди них я не заметила.

— Как же мы подружку твою найдем? — спросил Сивка, переступая копытами. — Они ж все на одну зубастую морду!

— Кто посмел нарушать границу Волчьего леса? — взревело над нашими головами. Сверху вниз на нас смотрел со скалы витязь в кольчуге и остроконечном шлеме, плащом ему была волчья шкура. Огромный седой волк заменял скакуна.

— К подружке мы, — пролепетала я, показывая ему колечко. Он спрыгнул прямо со скалы легко, словно не боялся переломать ног, и, подойдя к нам, внимательно заглянул мне в глаза.

— Никто не требовал от нее сюда приходить, никто ее тут не удерживает, — сказал он глубоким рыкающим голосом.

— Как же «не требовал», а практика? — возмутилась я, но Велий ткнул меня в спину, указывая на мой перстень:

— Сейчас она в образе человеческом, поэтому не сможет пройти через лес, как бы ни хотела вернуться. А оборачиваться волком не может, в верности другому поклялась и терять себя не желает.

Волчий Пастырь скользнул по Велию неприязненным взглядом, и что им всем так маги не нравятся? Он сделал вид, словно я это сказала.

— Она больше потеряет, если не пройдет испытание.

Мы шли темной сырой чащей, где я без Волчьего Пастыря и шага ступить бы не смогла, не переломав себе рук и ног. В этом буреломе отродясь никто не рубил деревьев и не заготавливал хвороста. Седая тень шла впереди нас, время от времени порывивая на неведомых мне зверей Волчьего леса. Пастырь же словно и не замечал непролазности этой дороги, пригибался под необхватными, поросшими мхом павшими великанами-деревьями, переступал через корни и при этом не без интереса поглядывал на меня.

Не сказать, чтобы затворничество сильно его тяготило, ежегодно со всех сторон Северска стекающиеся волки-оборотни не держали от

своего хозяина секретов, охотно рассказывая, что в мире делается, так что слышал он и о моих похождениях. Наверное, потому и разрешил мне войти в его лес, вызвавшись быть провожатым, а на мага с Сивкой-Буркой попросту внимания не обращал.

— Не мной это заведено, — рассказывал Пастырь, приподнимая тяжелую еловую лапу, чтобы я могла под ней проскочить, — я лишь принял кнут и дубину из рук Отца Небесных волков, когда у него родились мальчик и девочка от земной женщины. Так с тех пор и воспитываю их потомков по просьбе отца их. Подруга твоя ведь не в зверя превращается, она волчьему духу дает в мир выйти. И духу этому нужно найти место свое, цель, понять себя и осмыслить. Если хочет Алиа, так прямо сейчас может уйти. Только дух ей отомстит за это потом. Измельчает, озверевает, обезумевает. И уж тогда точно будет зверем перекидываться по воле и против воли и рвать своих и чужих, пока не убьют.

— И что делать? — воскликнула я.

Пастырь пожал плечами и остановился.

— Дальше даже мне хода нет.

— А я думала, что весь лес ваш.

В глазах Пастыря мелькнул озорной огонек.

— Подруга твоя ни много ни мало на могиле Небесного Охотника убежище себе нашла, а я поклялся его могилу охранять и дух его не тревожить.

Я испуганно прижала к груди меч, в этой чащобе его радостный блеск не радовал, здесь им много и не намахнешь!

— А кроме Алии там еще волки есть? — спросила я.

— Возле логова молодой волчицы? — приподнял бровь Пастырь, и я поняла — есть.

— Дар твой там, к сожалению, не поможет. Тот, кто захоронен там, гораздо древнее давших тебе кровь.

Я сразу вспомнила клетку из чьих-то там древних костей, в которой сидела по прихоти Рокмира, и сглотнула. Взяв меч наперевес, как копье, двумя руками, я осторожно вышла на полянку, опасливо косясь по сторонам и окликавая подругу громким шепотом:

— Алиа, ты где? — Посреди поляны стояли четыре скалы, как столбы большой избы. Была ли у них раньше крыша — неизвестно, но вокруг лежало огромное количество камней, которые при большом

желании можно было представить как куски целого строения. Над камнями вился слабый дымок, и мне показалось, что на одном из столбов сидит нахохлившейся вороной Алия, махая чем-то. — Алия! закричала я уже смелее и радостней и тут услышала за спиной мягкий топоток лап, оглянулась и в ужасе ткнула мечом в оскаленную пасть прыгнувшего на меня волка. Потом завизжала в нешуточном страхе и так шмякнула его по хребтине моим тупым оружием, что волк выпучил глаза, крикнул и завалился на бок, глядя на меня с укоризной. Подняв свое оружие над головой и ни на миг не умолкая, я со всех ног побежала к склепу Небесного Охотника.

Два волчьих дружка, кругами ходившие вокруг столба, оскалились, увидев меня, но я так заорала на них:

— Убрысь! — что они отпрыгнули.

Не хуже лесной белки я вскарабкалась на скалу и почувствовала, как у меня хрупнули кости от безумных объятий Алии.

— Веря! Подруга! — ревела лаквиллская богатырка. — Как же я тебя ждала! Как же я тебя ждала! Ты не представляешь как! У тебя пожарть что-нибудь есть? А то я скоро волков кушать буду! — Увидев флягу в моих руках, просто затряслась, вырвала ее и осушила одним махом. — Извини, — она утерла рукавом выступившую над губой испарину, — два дня уже дождя не было.

— Я тебе скатерть принесла. — Я полезла в свой мешок, а когда вынула и глянула на подругу, то вздрогнула — такой у ней был нетерпеливый взгляд, что даже руку протянуть боязно — отъест и не заметит.

— Поначалу-то мне казалось: плевать, ну, прут под дубину, и ладно. А потом эти гаденыши тактику поменять решили, с глупостями не лезут, но воют так жалостливо, что сердце так и щемит, а ноги сами в лес несут. А я ж без сна, два раза только тем и спасалась, что нога подворачивалась и я о камень лбом со всего маху! — Алия показала шрамики.

Я сочувственно ей кивала, обгладывая куриную ножку. Волки под скалой тоже слушали. Мы бросали им обглодыши, которые исчезали, казалось, прямо в воздухе.

— И ведь что еще удумали, — ковыряя в зубах, рассказывала Алия про свое нелегкое житье в Волчьем лесу. — Задерут оленя, освежают его, как в мясной лавке, и разложат на опушке по кусочкам

— иди, выбирай. Честное слово, чуть не сорвалась. А обидней всего, что Серый меня отсюда не слышит. Уж как я его ни звала, материла, плакала — не слышит. — Алия подумала и добавила: — Старый хрен. А главное, волчица во мне, гадина, все сильнее шевелится. Думаю, еще один день, другой, и конец. Вот бы Серый потом лапы кусал!

— Да-а, — протянула я. — Что ж нам делать-то с твоей практикой? — И я передала Алие то, что сказал Пастырь. Хотя она и сама это знала. — В общем, выход у нас один. Будем действовать, как Отец ваш волчий. Я буду вроде как твой Пастырь, а ты вроде как мой волк.

— Чей-то я не поняла, — насторожилась подруга.

— Седлать тебя буду, — оскалилась я и показала меч. — Дубинка у меня уже имеется, осталось найти для тебя плеточку.

— Да ну тебя! Пастырь ухочется до смерти.

— А нам-то какое дело, главное — честь твою девичью соблюсти. Алия смотрела на меня такими глазами, словно решала, стоит ли ее честь таких жертв и мучений. Только не на ту напоролась! — Или ты думаешь, я за просто так страхи терпела? — разозлилась я. — Ты меня позвала? Позвала. Помощи просила? Просила. Знала, у кого помощи просишь.

Алия глянула вниз на волков, которые заухмылялись, а я вскочила на ноги:

— Ну как хочешь. Скатерку я забираю, тебя и без меня деликатесами кормят. А в Школе еще дел невпроворот, да и Велий меня там с Сивкой заждались. Прощай, подруга. — Я поклонилась ей в ноги, хоть и рисковала сверзиться со скалы.

Луна еще и полнеба не перешла, когда мы в первый раз переругались. Самым простым было соорудить седло, потничек, войлочек. На это пошла разодранная Алиина одежда. На стремяна пошли ременные пряжки, да и сами ремни пустили на подпруги. Алия скрежетала зубами, когда я ее ставила на четвереньки, примеряя сбрую, а волки только пучили глаза и беззвучно разевали пасти, тряся головами, словно не верили увиденному.

— В Школе ославят! — с тоской выла подруга.

— Они все забудут, — увещевала ее я. — Перекинутся назад и забудут.

— Такое забудешь!

— Но не помнят же они, чьи у кого дети, — привела я самый весомый аргумент.

— Ага, — оскалилась Алия, — кому ж захочется добровольно петлю на шею одевать! Это ж мужики!

— Тебе так удобно? — Я попрыгала у нее на спине, подруга взвыла, когда камень воткнулся ей в колено. И в который раз помянула Серого, ради которого терпела мучения.

Трудности начались, когда я заговорила об уздечке.

— Для чего это? — Алия недоверчиво посмотрела на старую белую кость в моих руках, которую я не знала, как половчее приладить.

— Надо же мне как-то тебя поворачивать! Опять же, вдруг ты на меня кинешься? Нет, без уздечки никак нельзя!

Но Алия упрямо затрясла головой:

— Даже не думай, что я эту гадость в рот возьму!

— А я и не думаю, я уверена — возьмешь как миленькая!

Алия оскалила зубы, и вовремя — я тут же сунула ей кость. В драке она была, конечно, сильнее, но я настырней. Так что помимо уздечки получила моя подруга еще и ошейник шипами внутрь для пущей моей безопасности. Осмотрев эту нечеловеческую красоту, я от души себя похвалила, а лаквиллка, грызя кость, проклинала тот миг, когда отправилась в Волчий лес, не расплетя косы с серебряными пластинками и цепочками. Кстати, из этих цепочек и кожаных ленточек и вышла моя замечательная волчья плеточка. Алия грозилась, что никогда мне этого не простит. И хорошо, что кость во рту делала эти угрозы невнятными, потому что облик человеческий она теряла с поразительной быстротой. Подтянув упирающуюся подругу за уздечку, я быстро вскарабкалась на нее, изо всех сил сжав ногами бока. И, взмахнув семихвостой плетью, велела:

— Поехали! — только не сообразила, кому это говорю — Алия сиганула прямо в темноту, прямо со скалы. Под мой визг волчица пронеслась вокруг могилы, поднимая заскучавших волков, и мне пришлось пустить в ход сразу и меч, и плеть, поскольку зубастым очень не понравилась моя персона верхом на их подруге.

К счастью, стоило волчице увидеть, что на нее прыгают, ощерив клыки, как она, поняв это по-своему, живо разодрала бока двоим и

уцепилась зубами за ухо третьему. Я, не стесняясь, пользовалась плеткой, справедливо полагая, что мои сапоги дороже их шкур, а уж ножки сахарные и вообще бесценны. Подняв стаю на ноги, Алия решила, что дело сделано, или какие-то свои инстинкты удовлетворила, — она длинными прыжками ринулась в чашу, изредка взрыкивая и стараясь скинуть всадницу. Но я так вцепилась в нее, что клещи зеленели от зависти.

Мелькал жуткими тенями Волчий лес, колдовские огни синими росчерками проносились мимо, скакали вверх-вниз желтые злые глаза, и душераздирающе выли волки, с ликованием обнаружив в лесу новую подругу.

— Шиш вам! — кричала я, но Алия думала иначе, поднимая все новых и новых попутчиков и топча молодых волчиц, пытавшихся загородить избранников. Не было вырвавшемуся на свободу духу дела до их жалких претензий, вилколак наконец наслаждалась свободой. Прокатывались буграми подо мной мышцы, от тела шел жар, и вообще-то пованивало псиной. Но я упорно прижималась к самой холки опасаясь, что она, забывшись, повернется и тяпнет меня за какую-нибудь часть нежного тела. Из-за этого и не заметила, как вылетели мы на самую кромку леса. А там уж стоял Волчий Пастырь в окружении седых, бывалых волков, и что-то мне не понравилось, как две стаи глянули друг на друга.

Я на всякий случай горделиво выпрямилась, чтобы не позорить Алию. А что? Он сидит, я сижу, оба на волках, все нормально!

Седой под Пастырем молча вздернул губу, показывая страшные клыки, Алия тоже в долгу не осталась, по-своему, по-волчьи опаскудив осмелившегося скалиться на волчицу. Стая за нашей спиной тоже глухо заворчала, а я только моргала глазами, так и ожидая, что вот возьмет сейчас Пастырь свою дубинку да как хряпнет мне по темечку.

Счастье, что тучи на миг выпустили луну из плена, ветер с силой ударил нам в бок, а Алия, насторожив уши, вдруг завывала протяжно и жалобно, словно услышав чей-то зов. И, не раздумывая, кинулась на него.

У меня даже горло перехватило когда лаквиллка ринулась по облакам, как только что по лесной чаще. А следом разномастной волной хлынул волчий поток. По-рыбьи разевая рот, я лишь успела заметить внизу потрясенно глядящих в небо Сивку и Велия у лесного

костра, а потом мне стало уже не до любований, потому что зарокотал гром и буря стала хлестать нас, словно желая сбросить с невидимой тропы.

— О-о-ой! — кричала я, забыв про уздечку и вцепившись в Алиины уши; молнии хлестали бока волков не хуже моей плеточки, не причиняя вреда, лишь заставляя шибче бежать. Прыжки волчьи сделались безумно длинны, и металась стая по небу, словно выискивала чей-то след. На миг мне даже показался в клубящихся тучах и вспышках огня чей-то перст, словно указующий волкам цель. Алия, не раздумывая, спрыгнула с небесной тропы, чтобы тут же оказаться в гуще боя.

Горело пожарище, ржали кони и кричали люди, а над всем этим хохотал, широко раскинув руки, чернобородый некромант. Я сразу почувствовала его черное нутро, но прежде чем что-то успела сделать, услышала писк под лапами Алии и увидела ребенка — полуволчонка, который плакал, зовя родственников. И родственники откликнулись. Черной молнией Алия скакнула на грудь к некроманту и, вцепившись ему в горло зубами, мотнула его, вкладывая в рывок всю свою силу и дробя всю дорогу мешавшуюся ей кость. К моему удивлению, некромант отлетел в сторону, а в зубах у подруги осталось что-то похожее на черную визжащую тень. Вот с этой добычей в зубах она и вскочила снова на тропу, изо всех сил устремившись назад, справа и слева к нам присоединялись другие волки с добычей, и не у каждого тень была черна.

Я присмотрелась к тому, что визжало в пасти у Алии, и мурашки побежали по спине, а волосы ощутимо зашевелились. Потому что тащила моя подруга ни много ни мало — человеческую душу.

— Вот и стала ты, Алия, валькирией, — пробормотала я.

Только через три дня подруга угомонилась до такой степени, что смогла перекинуться в человека. Я к тому времени от лешачки мало чем отличалась, была грязна, устала и голодна. Эта дрянь дважды в день каталась на спине, пытаюсь стряхнуть меня, но я держалась и хлестала ее по бокам плеткой. Не на шутку завидовала волчице, когда она жадно лакала из ручьев воду, и еле сдерживалась, чтобы не дать ей промеж ушей. А уж когда волчица начинала вилять задом перед волками, так я и сдерживать себя переставала. К исходу третьего дня,

чувствуя, что уже не отличаю явь от сна, я погнала подругу к краю Волчьего леса, где дожидались меня Велий и Сивка-Бурка, которым я хоть раз в день, но показывалась на скале, дескать, вот я — живая, не загрызенная. Каждый раз пугая их своим видом. Там же стоял обычно и Волчий Пастырь, с огромным любопытством разглядывавший нашу парочку, я ему улыбалась, раскланивалась. А он только усмехался, оглаживая усы, и у меня было такое подозрение, что волк его тоже над нами похотывал.

Душу некроманта они у нас в тот раз забрали и, как я поняла, сволокли на судилище, чтобы боги решали — кому в Ирий, а кому, извините, в другую сторону. Я опасалась, что еще одной такой охоты не выдержу, но, сколько ни дули над Волчьим лесом ветра, лаквиллка по небу больше не бегала, а все маялась дурью да нагло заигрывала с оборотнями, всем своим видом показывая, что пришло ей время народить на свет еще одного волчонка.

Я ей такие глупые мысли заколачивала обратно в голову со всем усердием, на которое была способна, а она огрызалась так, что на второй день вырвала из моих рук и изгрызла плетку, да и на принцевом мече были такие борозды, словно его топором рубить собирались. Понимая, что больше так не смогу, я решила: вот увижу Велия и сброшусь со скалы вместе с Алией, пусть он нас внизу ловит! Если не убьюсь совсем, так пусть с ней в следующем году Серый Волк практику проходит, честь бережет, а то привыкли, видишь ли, на мне выезжать! Чуть что, так сразу Верея.

Волчий Пастырь встретил нас на полпути. Увидев седого, Алиа заизвивалась всем телом, но я ее пристрожила промеж ушей.

— А и сурова ты с ней, — улыбнулся Пастырь, и морщинки вокруг глаз разбежались лучиками.

— Сама просила, вот и берегу честь ее! — откликнулась я.

— А понравилась ли тебе охота? — Он склонил голову к плечу. — Не страшно ль было?

Я равнодушно пожала плечами, чувствуя, как наваливается на плечи усталость:

— Лиха я больше боялась, а некромант... Дело обычное.

Пастырь вдруг подобрался и совсем серьезно, без единого смешка, спросил:

— А не желаешь ли свою черную рядом с моим седым поставить? Стать мне подругою и женою?

От такого предложения всякий сон с меня слетел разом, я сразу сообразила, что мне впервые в жизни делают настоящее предложение, а не глумятся, как Аэрон, не уводят разговор в сторону, как Велий, а смотрят прямо в глаза, и дрожь пробежала по всему телу, до самых пяток.

— Не мое это, — покачала я головой.

И они вздохнули на пару с волком:

— Что ж, неволить не буду. Но если передумаешь...

Я снова покачала головой, хоть Алия и была другого мнения о сделанном предложении.

Как добрались до окраины, как оказались в лагере Велия, я потом, сколько ни пыталась, так и не вспомнила, а провалилась в сон и проспала три дня без продыху.

Очнулась я уже в Школе, в комнате Велия. Кряхтя, сползла с кровати, с удивлением обнаружила за окном ясный день, а гулянка словно и не прекращалась. Только сидели теперь там, помимо нечисти, Алия с Серым Волком, да Сивка яблоки из ведра хрупал.

— Хлеб да соль, — сказала я, высунувшись из окна. Серого словно ветром сорвало, подлетел ко мне и с разбегу чмокнул в щеку. — За что? — удивленно спросила я, а он рассмеялся:

— Сама знаешь!

— В том-то и дело, что сама! — Я подняла палец, как мудрая старуха. — А тебя, значит, ноги не несли, душа не болела, слово данное нарушить боялся!

Волк звонко расхохотался и тряхнул головой:

— Ни черта я не боялся, только с Волчьим Пастырем не поспоришь. — Он, наклонив голову, раздвинул волосы и показал страшный, налитый лиловым рубец. — В первую же ночь, как прискакал, он мне вдарил промеж ушей, связал и в нору бросил. Так месяц там и провалялся. Навязал же мне с сестрицею папаша его на шею!

У меня в голове со скрипом завертелись мысли, тяжелые, словно мельничные жернова. Что-то я пыталась вспомнить о папаше Серого.

Но тут, отдуваясь и краснея, ко мне в комнату через окошко полезла Алия, отстранив жениха и ворча:

— Ну подай уж руку-то, видишь, вспрыгнуть не могу!

— Ах ты! — Я не нашла достойного слова, в бешенстве нашаривая взглядом свой меч.

Алия быстро нырнула за спину волка.

— А правда, Верей, что ты на Алие каталась? — влез Гуляй.

— Неправда! — рявкнула я.

— Правда! — оторвался от яблочек Сивка. — Она еще та у нас ездунья, так и норовит на шею влезть!

Меня это так обидело, что я не нашла ничего лучшего, как заорать:

— Велий, ты где? Они меня обижают!

— Ну что ты, — гундел, таскаясь за мной хвостом, маг.

— Ну чего ты, — мычала Алия из-за спины волка, боясь ко мне подходить.

Я хоть и отошла уже, но все равно хоть разок, но попыталась бы вдарить ей, как там, в лесу, прямо промеж ушей. Очень мне хотелось посмотреть, как съезжаются в кучку ее бесстыжие глазки.

Сборы мои были недолгими — платье, тонкой кожи плащ на случай дождя да крепкие сапожки.

— Эх! Мне бы к скатерти-самобранке еще какой-нибудь бездонный сундучок, а то с этими друзьями одежды не напасешься. Штаны-то после Волчьего леса выкидывать пришлось! — Я осуждающе посмотрела на подругу.

— А че я? Че я-то? — Алия совсем зарылась в куртку Серого, так что наружу торчал лишь кончик носа, как у мыши.

— А может, не поедешь? — в который раз спросил Велий. — Практики-то всего одна неделя осталась. Вернется Аэрон твой ненаглядный.

Я с интересом посмотрела на него — показалось или ревнует?

Но ушлый Велий сразу отвернулся и вроде даже беззаботно посвистывать начал, глядя в окно. Хотя потом не сдержался и привел последний весомый аргумент:

— Где ты его искать будешь? Ведь только вампиры знают, где их сыночек находится.

Все в ожидании уставились на меня, но я фыркнула:

— Мне-то уж они по-всякому скажут. Как-никак я их «законная невестка», да и он не каторжанин — без свиданий жить! Вдруг мне срочно нужно обсудить свадебное платье или меню? Свадьба-то не за горами! Еще месяц, и все.

У Велия вытянулось лицо, будто его пыльным мешком огрели, а я поняв, что вещи уложены, затянула горловину и, с кряхтением забросив его на спину, обратилась к друзьям:

— Ну до встречи!

— Как это «до встречи»?! — загомонили они. — Да кто тебя к вампирам одну пустит? Вместе поедem Аэрона искать! Ишь ты, самостоятельная какая!

Так что в Урлак мы направились целой компанией, багровая от стыда Алия всю дорогу припадала к уху Серого и дудела, что ничего такого и не было, что это Верейка на нее наговаривает, бесстыжая, а она только Серому и была верна, никого другого и не замечала. Велий тоже недовольно сопел у меня за спиной. И только Сивка шел резвой рысью, перескакивая речушки да рощицы, гордый тем, что везет такую славную богатырку, у которой даже меч блестящий есть, хоть и покусанный.

На границе Урлака нас попытались было остановить, но я с королевской невозмутимостью сунула под нос стражей руку с Аэроновым перстеньком. Так что когда мы прибыли к замку, все уже знали о моем внезапном визите, правда, встречать меня вышел только лорд Аквил. Оглядел нашу компанию не улыбочивым взглядом и отвесил поклон, заявив, что наш визит для него — приятная неожиданность.

— Че это он такой не улыбочивый? — спросила меня Алия, сползая с Серого Волка.

— Чего ему скалиться-то, он же лорд, ему марку держать надо, — возразила я, но Алия тут же напомнила мне, что Аэрон тоже лорд, а скалился не переставая. Пришлось ткнуть ее в бок и напомнить, что именно сыновнее поведение и не нравилось папочке. — Могу ли я выразить свое почтение леди Диодоре? — Я присела в самом учтивом реверансе.

Лорд дернул щекой, словно у него зубы заныли, и промямлил, что леди Диодора нездорова.

— Ах! — Я прижала руки к щекам. — Тогда я немедленно, просто немедленно должна ее увидеть! Может, я смогу ей чем-нибудь помочь?

— Это не того свойства болезнь, — замялся будущий свекор.

Но я была так непреклонна, что дальнейшие его упирания выглядели бы глупыми, а чопорные вампиры до дрожи не любили выглядеть глупыми. И лорд Аквил вызвался меня проводить. К счастью для меня, Алия вовремя сообразила, что значат мои ужимки, и жеманно поинтересовалась:

— Лорд, но вы же не бросите своих гостей в одиночестве?

Она так убедительно изобразила кокетку, что я сразу поняла пребывание в Волчьем лесу не прошло бесследно, ну вылитая мавка. Серый только крикнул, косясь на подругу. Был он в этот раз высоким и статным вампирообразным юношей. Великий смотрел на меня так, словно не чаял уж больше и увидеть. А я подумала: каково же сейчас Сивке, оставленному один на один с улыбчивыми конюхами?

Седой камердинер, не менее чопорный и молчаливый, проводил меня до покоев леди Диодоры. Толкнул тяжелую дверь, предупредительно пропуская меня вперед. А я в который раз подивилась несоответствию того, как замок выглядит внутри и снаружи. Его жуткой угрюмости стен и легкой белизне и прозрачности внутри.

Леди Диодора сидела у окна и, судя по всему, до моего прихода рыдала, но сейчас на ее напудренном личике не было даже следа страданий. Если б я не видела ее раньше, то, может, и купилась бы на ее приветливую улыбку. А так заметила, что и нос покраснел, и глаза опухли. Поэтому я не стала ходить вокруг да около, а сразу заявила:

— Я боюсь за Аэрона и желаю его видеть.

Леди Диодора поджала губки и окатила меня презрительным взглядом:

— Вам нет нужды бояться за своего жениха.

— Да ладно вам, — махнула я рукой и, оглядев комнату, заметила, что даже малейшие щели в ней законопачены. На столе стоял обед, и слуги, которые нам попались по пути, никуда не торопились, явно сторожа свою хозяйку.

— Ух ты! — выдохнула я, осененная догадкой. — Значит, и вы не верите, что он станет кровь пить.

Леди Диодора, словно сломавшись, рухнула обратно в кресло.

— Он вам это сказал? — глухо поинтересовалась она.

Я не знала, что делать с Аэроновой мамой, поэтому топталась около нее.

— Я надеялась, что вы что-нибудь придумаете, наймете кого-нибудь, чтобы эту кровь влить... — Я пожала плечами и подошла к окну. — Что ж папа с ним так жестоко-то?

Леди Диодора застонала:

— Ах, Аквил здесь ни при чем! Вы не понимаете. — Она посмотрела на меня злыми глазами. — Наметился очередной раскол, семьи, набравшие силу, хотят отделиться, хотят видеть Аллара либо лордом, либо...

— В гробу, — закончила я, поняв ее многозначительное молчание.

— Он в заброшенном карьере, и вокруг стража из воинов взбунтовавшихся семей. Мой супруг еще может удерживать замок от бунтарей, но ничем не может помочь Аллару, только если сын сам, — она всхлипнула, но взяла себя в руки, — придет к нам на помощь.

— Ага, — невесело вздохнула я, — то есть он должен упиться до кровавых чертей и поубивать всех к лешему! Ну у вас и порядки! Придавленная такими тяжелыми мыслями, я пошла к друзьям, коротко попрощавшись с мамой Аэрона.

В парадном зале царила напряженная идиллия. Великий рассматривал картины, нервно расхаживая вдоль стены, Алия упорно изображала вертихвостку, не давая хозяину ни минуты продыху, в то время как волк сверлил его тяжелым взглядом, заставляя вздрагивать каждый раз, как Алия клала ему руку на плечо.

— Боюсь, наш визит затянулся, — с порога заговорила я. Лорд Аквил подскочил:

— Я распоряжусь, чтобы вас проводили до границы.

— Это излишняя любезность, тем более что вам за нами не угнаться.

Я подмигнула друзьям, намекая, что пора прощаться. Выйдя на улицу, я рассеянно огляделась.

— Великий, а ты не знаешь, где у них тут карьеры?

— Наверное, недалеко от каменоломен. А что?

— Прогуляемся. — Все уставились на меня, никто не хотел гулять по Урлаку. Даже мой богатырский конь подозрительно задрожал ногами, чувствуя, что я его втягиваю в очередную сомнительную историю. — Да ладно вам! Погодка-то какая! — Я подняла руки к солнцу, друзья тоже посмотрели в безоблачное небо. — Ну поехали. И как только они уселись, добавила, понукая Сивку: — Кроме сотенки озверелых вампиров там и нет никого! — Подумала и сообразила, что соврала. — Ну, может, там еще прячутся с десятков каторжан, для Аэрона мамой купленных, так мы что, насильников и убийц не видели, что ли? — Про то, что Аэрон, возможно, уже в упыря превратился, я добавлять не стала, как-то нехорошо они на меня смотрели, даже конь богатырский подо мной споткнулся.

Что дела «жениха» плохи, я поняла сразу, как только увидела на разбитой дороге в заброшенный карьер ухмыляющегося Калину.

— Кого я вижу?! — радостно оскалил клыки вампир, растопорщив крылья. Серый Волк задрал губу и показал свой набор клыков и резцов, давая понять всем, кто тут настоящий хищник, а кто просто погулять вышел. Велий легко соскользнул на землю и распахнул легкий плащ, показывая спрятанную под ним саблю.

— Хо-хо-хо! — Калина в притворном ужасе замахал руками. — Вот это поддержка к нашему лордику прискакала! — и сделал знак кому-то за нашими спинами, издевательски кланяясь: — Милости просим, милости просим.

Алия, не выдержав, рыкнула на него. Калина отпрыгнул, продолжая хохотать, а потом зло сплюнул нам под ноги. После такой встречи солнечный день уже не радовал, тишина казалась зловещей. Да и само заброшенное место с полуразрушенными строениями и бездонным провалом под ногами навевало недобрые предчувствия.

— Это ж сколько они земли подняли? — присвистнула Алия, глядя на бездонный котлован с обилием угрюмых скал, разбросанных, словно лабиринт. — Тут на сорок замков хватило бы! Куда они все это девали?

— Какая разница? — вздохнула я. — Где Аэрона-то искать? Очень мне не нравилось, что Калина остался за нашей спиной. Хоть и презирала я этого гаденыша, но и пакости ожидала. И, толкнув пятками в бока Сивку, велела: — Ну давай, ищи.

— Я тебе что, собака? — обиделся Сивка, но все же стал втягивать воздух огромными ноздрями, чихая от пыли.

— Аэрон, Аэрон, — звала я, осторожно пробираясь между камнями.

Все-таки дурацкая была идея — разделиться. И чего я взвилась, когда Велий в глаза назвал меня дурой? Главное, Алию-то зачем выгнала? Теперь вот иду, трясусь.

— Аэрон, Аэрон. — Я повыше закатала рукава платья и постаралась навести в голове порядок. Вот как выскочит убийца и насильник, я как шарахну его молнией... Главное — думать о молниях. Но мысли в голове носились как перепуганные куры. «Кошмар, кошмар!» — билось в ушах. Зашуршали камни за соседней скалой, я с перепугу подпрыгнула и поняла, что ничего не смогу. Схватила свой меч, как дубину, и, стоило злодею неосторожно высунуться из-за камня, от души приложила его. Велий беззвучно рухнул на камни и замер неподвижно.

— Ой! — Я запрыгала вокруг него, не решаясь прикоснуться. — Прибила, — сообщила самой себе и собралась разрыдаться, когда на мое робкое тыканье пальчиком маг даже не застонал. Но тут зарычало, заскрежетало, загрохотало у меня за спиной, и зловещий низкий голос прохрипел:

— А ну выходи, кому здесь жить надоело! — Я бросила один только взгляд на черную изломанную тень, упавшую у моих ног, и мгновенно поняла, что такую зверюгу мне ни в жизнь не одолеть. Пискнула, зажмурила глаза и с разворота дала своим мечом по жуткой морде, которую даже видеть не хотела. — На, гад, получи! На, на тебе, вот! На!

— Убивают! — взвизгнуло Чудище, оступилось и задрогало ногами. Я приоткрыла один глаз и недоверчиво уставилась на вжавшегося в скалу Сивку.

— Вот до чего ты меня довела! — испуганно косясь на мой меч, всхлипнул Сивка. — Я уже своей тени боюсь! Девки морду бьют! Нет, уйду я от тебя обратно к Громовику, там хорошо, там чудища двенадцатиглавые, все просто, все понятно. — Заглянув мне за спину, он поинтересовался: — А что это у тебя там лежит?

— Я Велия убила, — простонала я.

— Ага. — Сивка попятился, кося глазом на синее небо в надежде упорхнуть от ставшей страшной хозяйки. Но тут сзади него рыкнули, и он так прыгнул вперед, что чуть не стоптал и меня, и Велия.

— Вы чего тут? — поинтересовался Серый, черная волчица стояла рядом, свесив розовый язык. В карьере было жарко и душно.

— Тикайте! — закричал, вращая глазами, Сивка. — Она всех убивает!

— Да ну?! — удивилась Алия.

Тут Велий застонал, подавая признаки жизни, я радостно кинулась к нему, а Сивка попятился:

— Добивать рвется!

Маг сел, держась за свою многострадальную голову, а когда разглядел, кто стоит перед ним, даже дурой меня обозвать не смог. Только ручкой делал, словно просил у меня что-то. Я сунула ему флягу с водой.

— Живой, — разочарованно произнесла лаквиллка и добавила: — А мы Аэрона нашли, только подходить не решаемся, больно он жутко воеет. А ну как кинется.

Кое-как взгромоздив Велия на Сивку, мы отправились к логову нашего лорда, которое и в самом деле оказалось легко найти, просто находилось оно на другом конце карьера.

Сначала мне тоже показалось, что он воеет, но чем ближе мы подходили, тем становилось понятнее, что Аэрон просто орет сорванным голосом все песни, которые знает, без разбора. А шагов за сорок до его норы я даже нашла в щепу разбитую лиру. Логовище он себе устроил в штольне. Из черного лаза словно гнилые зубы торчали столетние бревна. Я замерла, прислушиваясь, а Аэрон, закончив одну песню, начал следующую:

Прости меня и отпусти
С улыбкою в нелегкий путь.
Я не вернусь, мы оба знаем,
И болью разрывает грудь.
Я не такой, как ты хотела,
И ты не сможешь мной гордиться.
В последний раз шагну за дверь
И к солнцу устремлюсь, как птица.

Мама! Мама! Ма-а-ама!
Безумье — мой старинный друг,
Мне с ним в обнимку по дороге,
Ты улыбаешься сквозь слезы,
Благословляя мои ноги.
Мама! Мама! Ма-а-ама!
Я знаю — ты меня жалеешь
И проклинаешь глупость мира,
Не принимающего в лоно
Такого милого вампира!

Я зажала уши, не в силах слушать завывания о маме. И только Алия покачала головой:

— Ишь как его ломает!

Удивляясь собственной смелости, мы пошли вперед, я и Алия со страхом вглядывались в темноту, а парни больше поглядывали вверх, опасаясь, что потолок осядет нам на голову, больно уж все вокруг казалось гнилым и непрочным, поэтому и вздрогнули больше нашего, когда из темноты зловещим, совсем не Аэроновым голосом поинтересовались:

— Кто?

Я нервно хихикнула:

— А это мы, не ждал?

Аэрон не обрадовался, а, напротив, заревел, как раненый бык:

— А ну прочь отсюда!

Ноги чуть сами не вынесли меня наружу, но я удержалась, показывая магу, что пора бы и огонек засветить. Велий молча показал, что ему и так уже засветили, так что никаких огоньков не выйдет.

— Аэрон, — жалобно присоединилась к моему зову Алия, — не жлобься, выходи!

Поняв, что просто так от нас не избавиться, вампир вздохнул в темноте и пошел. Шаг его был тяжел, он постанывал, словно с трудом тащил свое тело, а когда замер на границе света и темноты, не решаясь показать солнцу ни единого кусочка своего уже не вампирьего, а упырьего тела, я вскрикнула, с трудом узнав в ЭТОМ своего красавца «жениха».

— Хорош? — с трудом просипел он, обнажая гнилые в развал зубы, неприятно шкрябнув когтистой лапой по земле. Алия, ворча, попятилась, прижалась к боку Серого, невольно вздыбившего холку. Велий, только что жаловавшийся на слабость, заиграл молниями между пальцев, а Сивка шагнул вперед, заслоня меня.

Я с ужасом поняла, что потеряла друга, с которым мне было так легко и весело. Вечно неунывающего Аэрона, который баловал подарками и сладостями. Только почему-то не заплакала с горя, а почувствовала такую жуткую злобу на неправильность мира, что аж в глазах помутилось! И, выставив руки вперед, словно сама была упырицей, пошла на него, заметила на миг мелькнувшее в желтых глазах Аэрона недоумение и закричала:

— Вали его!

К счастью, парни поняли меня правильно, и Велий повис на одной руке упыря, а волк, успевший в воздухе перекинуться в человека, — на другой. Алия придавила телом ноги, а Сивка недолго думая шарахнул копытом в лоб. Аэрон рухнул на спину, и, прежде чем он начал биться в судорогах, визжа, крича и теряя разум, я полоснула себя по руке Велиевой саблей, сдернутой у него с пояса, чуть не отхватив себе всю руку. Кровь тут же потекла густым потоком, я, преодолевая отвращение, сунула руку в пасть упыря, чтобы он хоть маленько очнулся:

— Пей, гаденыш! Пей, скотина!

Он замычал и задергался, пытаюсь отвернуться, но я без церемоний сунула ему меж зубов рукоять Велиевой сабли, с облегчением видя, как он с каждым невольным глотком меняется в лучшую сторону.

— Значит, недоупырился, — со знанием дела проворчала Алия.

А «жених», перестав биться, глянул на меня, выплюнул саблю и зло спросил:

— Зачем?

— Чтоб жил ты, дурак! — не зная, куда сунуть руку, прорычала я, испытывая огромное желание вмазать по его вампирьей роже. Но злой огонь как появился в его глазах, так и потух, вампир отвернулся равнодушно, прошелестев еле слышно:

— Не сейчас, так в следующем году... Ведь я почти умер, — и жалобно попросил: — Отпустите.

— Не отпускайте, — велела я. Серый косился на меня, а я затравленно смотрела на Велия, ожидая, что хоть он что-то подскажет. Но маг покачал головой:

— Ты же знаешь...

А Серый подхватил:

— В нем нет крови Всетворца, Верея. Не нашего он мира.

Я зло подпрыгнула на груди Аэрона, пытаюсь поймать мысль, зародившуюся во мне. А потом, словно в полусне, занесла над вампиром саблю и одним ударом распорола ему грудь. Почти не заметив, как вокруг меня заорали, завизжали и прыснули в разные стороны. А уж когда я запихала ему руку в рану, меня и вовсе оставили в покое, только Аэрон захрипел, а Сивка бормотал:

— Щас сердце сожрет, у них, у Древних, ишь как с разводом непросто. Ты, Велий, смотри...

Но мы с Аэроном уже не были в пещере, а словно вернулись в Заветный лес, где семеро Древних склонились над утопшей девочкой и Березина, взрезав ладонь, прижала ее к ране на спине ребенка.

— Что ты делаешь, сестрица?

— Я даю ей возродиться,

Нашу кровь хочу смешать, чтоб бессмертной ей стать.

— Пусть же носит наше имя эта юная...

— ... Богиня стала я и так решаю:

Свет и тьму я в нем смешаю,

Я смешаю кровь и кровь, чтоб и он родился вновь,

шептала я в полубреду, не замечая крика и шума драки. На миг мне показалось, что я слышу хохот Карыча:

— А посмотрите-ка, что у меня под крылышками!

И земля содрогнулась от ураганного ветра, переворачивающего, разбивающего гнилые балки. Земля сыпанула в глаза, я застонала, и тут же ласковые руки подхватили меня.

— Ну все уж, глупенькая, все, — успокаивающе шептала Березина, и Горгония, отрывая меня от Аэрона, по-матерински укоряла: — Во всем должна быть мера, глупышка.

— Кому тут жить надоело? — орал Индрик.

Все плыло и качалось перед глазами, я с трудом смогла разглядеть вжавшегося в стену и трясущегося от страха Калину, а над ним хохочущего Карыча, распластавшего крылья. Что-то творилось еще вокруг, но меня мотало от слабости, и я никак не могла прийти в себя, пока к самому моему носу не сунулся улыбающийся Анчутка, похлопав меня по щеке:

— Эй, очнись уж.

Я вздрогнула и поняла, что лежу на земле. С потолка и в самом деле сыпалась земля, прямо в глаза. Я со стоном схватилась за мои несчастные глазки. Друзья рубились у входа с напирющим вампирским войском. Велий уже с саблей, видимо, подхватил с земли, пока я валялась. Я помотала головой и услышала слабый голос Аэрона:

— Дай мне руку.

Я покосилась в его сторону — вампир лежал бледный как мертвец, в ране на груди противно хлюпало. Я стала отползать, решив не тревожить умирающего, с которым я сотворила не пойми что. Но тут умирающий сам приподнял голову и, тихонечко свистнув, позвал:

— Эй, вампиры, а ну-ка гляньте на меня.

Он решил запугать их своим страшным видом, поняла я. И вампиры его услышали, прекратив теснить моих друзей, заухмылялись, а Калина даже вякнул:

— Смотри-ка, живой еще!

— Ненадолго, — пробурчал вожак бунтовщиков, выходя вперед и презрительно глядя на Аэрона. — Нам нужна твоя голова, чтобы твой отец сдался без боя. Мы не хотим лишней крови.

Мой «жених» хрипло расхохотался:

— Полностью с вами согласен, — и, разом прекратив смеяться, добавил: — Крови я тоже не хочу.

Его собеседник вдруг побледнел, дернулся, а потом словно разорвался надвое. Мне, охотившейся с Алией, увиденное было не в диковинку, я только испугалась, когда душа, вырвавшись из вампира, метнулась прямо в Аэрона, с каким-то беспомощным всхлипом всосавшись в него, а тело рассыпалось прахом.

— Чей это было?! — пробасила испуганно Алиа, но тут, дико заорав, все бунтовщики, ждавшие Аэроновой гибели, разом бросились на него, и, клянусь, со дня гибели моей деревни я не видела ничего страшнее!

— Я его боюсь! — прошептал Сивка-Бурка, глядя на гору праха между мной и Аэроном, а вжавшийся в стену Калина жалобно скулил.

— Заткнись, — велел ему мой «жених», отряхнул засохшую на животе кровь, подошел и легко поставил меня на ноги.

— А где ранка? — обиженно пропищала я, он скосил глаза на свою грудь, потом посмотрел на меня уже своими зелеными, а не желтыми, как у упыря, глазами, потом на всю компанию, которая так же потрясенно взирала на него, и возмущенно проговорил:

— И нечего на меня пялиться! Все вопросы к рыжей.

Я растерянно улыбнулась, сама с трудом понимая, что происходит.

Второй день я сидела запершись в комнате Велия. Это было моей тактической ошибкой, потому что на первом этаже меня могли домогаться не только через дверь, но и через окно.

— Веря, не будь дурой, выходи! — орала Алия, пиная дверь ногами.

— Дур-ра! — надсажался Карыч за окном. — Не будь р-рохлей, от судьбы не уйдешь!

— Ну прости меня, Верелея, — шептал в ракушку Велий. — Да, я испугался, а может быть, гордость выиграла, ты ведь пойми, как образовался наш Конклав. Милость Всетворца льется на землю, словно водный поток, а боги как плотины на ее пути. Или бесплодные пески, в которые она уходит вся, без остатка. Лишь жалкие крохи достаются нам, людям. Но и того хватает опытному магу, чтобы скопить, приумножить, стать вровень с детьми Всетворца. Оттого мы их ненавидим, оттого они нас не любят. Да, мы не желаем быть жрецами какой-нибудь... — он помялся, — богини, которая будет милостью и силой одаривать не того, кто талантлив по-настоящему, а того, кто ей пятки лижет или... рожей смазлив. — Он совсем утих в своей ракушке, а Анчутка, глядящий на меня сквозь стену из моего же капища, осуждающе покачал головой:

— Ну и чего ты так взъерепенилась? Подумаешь — стала богиней! Подумаешь — вывела новый вид нечисти! Да таких в Ирии — плюнуть некуда!

— Леди Веря, — осторожно постучали в дверь, и я узнала голос лорда Аквила. Борясь со слезами, я с трудом квакнула:

— Что вам?

Тут вмешался голосок леди Диодоры:

— Мы хотели бы выразить вам свою благодарность и спросить, кого вы желаете видеть посаженным отцом на вашей свадьбе?

— Никого! Я не желаю видеть ни-ко-го! И вообще, ярываю помолвку!

Судя по стуку, там кто-то потерял сознание.

— Почему?! — севшим голосом спросил лорд Аквил.

Я подбежала к двери и горячо зашептала в щель:

— Потому что я не могу выйти замуж за своего братика, с которым поделилась кровью! И вообще, — я всхлипнула, обида снова сжала горло, и слезы потоком хлынули из глаз, — я ни за кого теперь не выйду! Я-бо-оги-иня! Кому я нужна-а!

— Вот, дали боги подруг! — выругалась Алия, жалуясь всем присутствующим за дверь. — Одна — императрица, вторая — богиня! Нянькайся с ними!

— Госпожа ученица, — попытался приструнить меня Феофилакт Транквиллинович. — То, что вы стали богиней тайных знаний, чар и магии, еще не делает вас чем-то исключительным! Не надо к этому так относиться, это великий дар, а не уродство.

— Уро-одство! — по новой завывала я. В окошко, забаррикадированное мной, осторожно постучали:

— Эй! Госпожа богиня. — Я узнала голос Мефодия, да что там узнала! Я его просто видела, чувствовала, как собственные ручки, пальчики, ноготки, его, фон Птица, стоящего рядом, весь их чертов Конклав, мающийся в парке.

— Вам-то чего? — заревела я.

— Как «чего»?! — удивился Мефодий, видимо решивший быть делегатом от всех магов, фон Птицу обращаться к новой богине было как острый нож по сердцу — гордость его душила. Как и Велия, который, едва поняв, в чем дело, повернулся и ушел прочь, дав кусты и не разбирая дороги, напоследок одарив таким взглядом, что я сразу поняла — все между нами кончено.

— У нас магия уже два дня как не работает! — верещал между тем дружок фон Птица. — Что делать-то прикажете?

— Вешаться! — Надоел он мне до зубовой боли. Только решила посидеть в одиночестве, собраться с мыслями, так нет, набежали, мешают, лезут с просьбами, советами, два дня, и даже ночью!

— Всем? — уточнил Мефодий. Но на него закричал, замахал руками выскочивший на улицу директор:

— Вы чего к ребенку пристали в такое время, не видите, что у нее просто шок!

— Верелея, я безумно тебя люблю, с первого дня буквально, вот как увидел тебя в Белых Столбах, так сердце и екнуло! — прорезался снова Велий, видать, побегал по этажам, успокоился.

— Верея, не будь душой! — голосила овечка. — Яви себя людям!

— Леди Верея, может, не стоит прямо сейчас разрывать помолвку? — не унимался лорд Аквил. — Сила, которой вы наделили нашего сына, просто чудовищна и непонятна, но положение в государстве все еще шаткое...

— Боятся они меня, — с ухмылкой сказал появившийся прямо посреди комнаты Аэрон, я воззрилась на него как на привидение. — Осваиваю твои подарки. — Он протянул мне букетик цветочков.

— Давайте перенесем срок свадьбы, ну, еще на год, пока вы не успокоитесь, не придете в себя, — надсаживалась уже на два голоса чета вампиров.

— Пап, мам, я здесь, — обрадовал их сыночек. Вампиры смолкли, я прислушалась:

— Похоже, ушли.

Но тут стала выбивать двери Алия.

— Это дискриминация! Почему вампиру можно, а мне, лучшей подруге, нельзя?! — И стала перечислять все то, что она оторвет мне, когда я соизволю появиться.

— Верея, а овечка про тебя новую пакость сочинила! — попробовал выманить меня хитростью Гомункул. — Про рыжую Игруницу и Зорю-богатыря! — Он охнул — забыл, видимо, о хитрости предупредить Зорю.

— Хозяйка, — прогудел детина, — мне их всех повыкидывать или как?

Выкинули его.

— Слушай, а что ты на капище не спрячешься? — удивился Аэрон, плюхаясь на кровать.

— Чтобы тетки с дядьками доставали?

— Ну уж лучше они, чем сразу все.

— Ага? А вдруг они там не одни, а с этими... — я потыкала пальцем в потолок, — из Ирия? Я боюсь.

Аэрон тоже с интересом посмотрел на потолок, а потом, приобняв, встряхнул:

— Выдюжим! Где наша не пропадала!

— Везде пропадала! — согласилась я.

Перед нашими очами весь в сияющих доспехах и с огромным волнообразным мечом возник Анжело и весело поинтересовался:

— Ну что? Когда идем Ирий сокрушать? Войско готово.

— Сдурел?! — выпучилась на него я.

— Не идем, — сразу поник демон, стягивая доспехи. — А я уже всех оповестил, армию собрал...

Я швырнула в него Аэроновым букетиком, который он поймал, робко поинтересовавшись:

— А может, все-таки грянем дружно? Там этот Ирий сколупнуть, что козявку в носу!

— Иди, — с нажимом сказал Аэрон, я благодарно на него посмотрела. Демон, недовольно крикнув, просочился сквозь дверь, вызвав визг с той стороны.

— Ну вот, из Ирия тебя точно не побеспокоят, — утешил меня Аэрон. — Они там все заняты — к обороне готовятся.

— Ты можешь, конечно, обижаться, я тебя понимаю, я свинья, — снова принялась каяться ракушка.

Аэрон закатил глаза, а я показала ему кулак, чтобы не смел ржать.

— Ну давай не будем рвать, что между нами было, из-за какой-то глупости, из-за одной нелепой ошибки.

— Все, ухожу! К Волчьему Пастырю ухожу! Он мне предложение сделал, и я соглашаюсь! — заявила я в самую ракушку и шагнула на капище, придерживая за руку Аэрона.

— И главное, знаешь, что самое обидное? — сказала я, стоя с вампиром на балконе своего замка. — Этот маг так долго немым притворялся! Я думала, что он вообще в любви признается только под пытками, и то язык откусит, а тут прорвало — прям не уймешь! как ты думаешь: это он с расчетом?

— Неуверен, — качнул светловолосой головой Аэрон. — Он на меня иногда в Школе так поглядывал, словно примерялся, как ему

половчье кол вколотить, я даже не каждую ночь спал.

— Да ну тебя! — толкнула я вампира в бок, однако стало приятно.

С Аэроном мне вообще общаться было удивительно легко — и в самом деле как с братом.

Камень сновидений изгалялся вовсю, устроив в честь прибытия хозяйки рыцарский турнир. Ржали кони, разлетались в щепу копья, ахали, закатывая глаза, дамы, на мой балкон летели букетики, а кавалеры, проезжая подо мной бесконечной вереницей, кланялись и улыбались. Азартный вампирюга попробовал делать ставки и строить глазки дамочкам, но мой камень ревностно относился к своим обязанностям, и те рыцари, на которых ставила я, даже если они были убогими, слепыми старыми калеками, непременно выигрывали, а дамочки все как одна были замужем.

Вот так и закончилась моя практика. Правда, Феофилакт Транквиллинович требовал с меня курсовую работу с описанием нового вида нечисти, которую я быстро написала, но долго мучилась с названием.

— Вот, — я положила папку на стол директора, — разрываюсь между аэрониками и душеедцами.

Феофилакт Транквиллинович посмотрел на меня:

— Ну зачем же все так усложнять? — и размашистым учительским почерком подписал: «Энергетические вампиры». — Да, и съездите в Княжев наконец. Там Конклав выкупил несколько участков земли под строительство храмов в вашу честь, так обсудите с ними форму богослужения.

Я икнула и попятилась, всем своим видом показывая, что не желаю иметь с этим ничего общего.

— Да, и еще вас там некий Ландольф дожидается. — Феофилакт Транквиллинович, приподняв бровь, кивнул на дверь.

Папаша радостно обнял меня и подмигнул:

— Ну навела ты шороху!

— Тебя как парламентаря прислали?

— Амнистирован полностью в связи с обожествлением дочери. — Он хохотнул. — Что передать старым... магам?

— Привет. — Я хмыкнула. — Пусть дышат ровно. А ты-то как?

Он, усмехнувшись, вынул у меня из-за уха розочку, сжал ее в кулак, дунул, и она пропала, оказавшись в другой руке. А я

совершенно не почувствовала никакой магии, сильно рассмешив родителя.

— Веря, Веря! — повисла у меня на шее мавка, не дав мне как следует проститься с отцом. — Ты знаешь, какое у Ванечки царство? Там такие! Там такое! — Она разводила руками, не в силах описать. А Сиятельный мялся с ноги на ногу, тонко намекая будущей императрице, что негоже пачкать слюнями богиню.

— Госпожа, — начал он робко, но я повертела пальцем у виска:

— Ваня, хоть ты не придуряйся! Ты же у нас Иван-царевич, а не Иван-дурак.

И тут же охнула от боли в копчике.

— Ты зачем Серому про предложение Волчьего Пастыря сказала? — маленькими злобными глазками уставилась на меня Алия. Я попятилась, грозя подружке пальцем:

— Ты это... лучше скажи спасибо, что я ему не намекнула, что ты была не против! — Потом заорала: — Мама! — и побежала от разъяренной подружки по коридору, юркнула за спину Велия, визжа на всю Школу: — Богиню бьют!

И ЭТО наконец случилось! Два дня хмурясь, как грозовая туча, Велий ходил по Школе, никого не замечая, погруженный в свои мысли. Иногда я видела, как он, спрятавшись в зелени парка, с кем-то страстно спорит, то подпрыгивая, то грозя кулаком, то заламывая руки. Меня он сторонился или попросту не замечал вовсе. Но каждый раз, когда я пыталась подкрасться поближе, чтобы услышать, что он там доказывает и кому, хитрый маг сбегал.

Алия и мавка с огромным интересом ожидали, чем же у нас дело кончится, и, как мне кажется, даже заключали пари. Во всяком случае, я несколько раз замечала, как они ударяли по рукам и кочующие мешочки с кладнями. Дошло до того, что даже я стала нервничать. И, решив, что со всем этим пора кончать, я выследила и загнала мага в самый глухой угол парка. Велий словно специально убегал от меня, петляя по тропинкам, пока не оказался на пороге увитой плющом беседки, вдруг резко крутнулся и, столкнувшись со мной нос к носу, заявил:

— Очень удачно, что ты тут гуляешь. — Схватил меня за плечи, заволок в беседку и усадил, как куклу тряпичную, сам нависнув

сверху. — Нам очень серьезно надо поговорить.

— Да?

Он нахмурился, собираясь с мыслями, и сказал:

— Я решил уйти из Конклава магов. Думаю, что... В общем, с твоим появлением магия потеряла всякий смысл. И нечего заниматься ерундой. Буду преподавать или займусь естественными науками. Найду себе какое-нибудь занятие.

— Даже так?! А не заскучаешь?

— Нет, — буркнул Велий, занятый своими мыслями. — Я ведь женюсь.

Мы вытаращились друг на друга.

— Интересно, на ком? — спросила я, а он, недоуменно похлопав глазами, пробормотал:

— На тебе... Ты же знаешь. — Он вдруг вскочил, хлопнул себя по лбу, засуетился, забегал по беседке. — Подожди, не так... А, черт! Я же репетировал! — Велий, насупившись, тряхнул меня за плечи. — Не смейся! — поправил волосы, отряхнул одежду и встал на одно колено, глядя мне в глаза, затем побагровел и заорал: — Нет! Так я чувствую себя полным идиотом! — вскочил, прокашлялся и навис надо мной с таким видом, словно собирался насильничать и убить, открыл рот, как вынутый из воды карась, я не сдержалась и хихикнула. — Я не могу делать тебе предложение, пока ты ржешь! — затопал он ногами. — Ты хоть когда-нибудь бываешь серьезной?

Я сразу догадалась, кому грозил он кулаками в парке, и зажала себе рот обеими ладошками, глаза у Велия потемнели, он выскочил из беседки, а я перепугалась, что он сейчас отыщет дубину и забьет меня насмерть, потом камушками засыплет и, может, даже цветочки сверху пристроит, а людям скажет, что ушла Верелеюшка неизвестно куда. Захотелось улизнуть. Но Велий уже вернулся, неся букет из сорванных с окрестных клумб цветов.

— Вот, — сказал он, сажая меня обратно, я взяла букет, а маг, присев рядом, попросил: — Нет, не так, чуть повыше подними.

— Это что, чтобы личико мое не видеть?

— Нет! — испугался Велий. — Да как ты могла подумать!

— А вот могла! — взвизгнула я, отбрасывая букетик. — Когда хотят сделать предложение, так берут и делают! А не устраивают балаган!

— Да у тебя вся жизнь — балаган! — взревел маг, вышвыривая букет из беседки. — Ты ж хуже нечисти, второй год из меня дурака делаешь! — и вдруг, снова вцепившись мне в плечи, грозно надвинулся на меня. — А ну говори: любишь ты меня или нет?

Я с перепугу пнула его в коленку и испугалась, когда он навалился на меня, кривясь от боли.

— Ой! — пискнула я, понимая, что и самом деле какая-то дурость получается, прошептала Велию: — Ну чего ты так разволновался? — и, не утерпев, добавила: — Какая же ты все-таки скотина — силой из девушки признание выбивать!

— Привез Иван-царевич Василису Прекрасную домой да как давай на ней жениться! — захихикали в кустах. Мы рыкнули в один голос, и насмешники побежали прочь, разноголосо гогоча.

— Все. — Велий поник. — Будем мы теперь оба посмешищами для всей Школы. — Он печально посмотрел на меня. — А я тебя, между прочим, люблю, вот, колечко купил. — Он вытащил из кармана сафьяновую шкатулочку. — Думал, встану на одно колено, скажу, что вот, Верелея, без тебя мне и день не день, и ночь не ночь, и праздник не праздник, потому что люблю я тебя, вертихвостку, за натуру твою... игривую, за глаза... озорные. Жить мне без тебя невмочь.

— Ну так давай, — засмушалась я, теребя рукав своего платья, — делай свое предложение.

Велий встал на колено, глянул на меня, задумался, потом опять покраснел, со свистом втянул воздух сквозь зубы:

— Ну как это у Сиятельного только получается! Встал, признался, отряхнул колени, поцеловал ручку, все!

Я думала, что у меня щеки судорогой сведет от сдерживаемого смеха, стоило только представить, как Велий репетирует с Сиятельным. Поэтому я поспешила уткнуться лбом в его грудь, а он растерянно погладил меня по волосам:

— Ну ты чего?

Я мелко затряслась, как в лихорадке.

— Не плачь! — испугался Велий. — Не такой уж я у тебя и рохля. Он принялся гладить мои плечи, а я уж совсем не знала, куда мне деваться, от смеха слезы и впрямь навернулись.

— Ты, между прочим, первая девица, которой я в любви признаюсь. Это вам, девчонкам, хорошо, все эти ахи, вздохи... Вы о

них с самого детства мечтаете, выдумываете... А мне когда было выдумывать, все чудищ рубал. — Он попробовал заглянуть в лицо: — Ты выйдешь за меня? — и замер, видимо, узрев мою мордашку.

Я затрясла головой, а он подозрительно спросил:

— А что это у тебя с лицом? Да ты никак опять ржешь!

Я замотала головой, но маг мне не поверил, снова заведя:

— Верелея...

— Ну все, хватит уже над дитем измываться, — услышала я спасительный голос Анчутки. И тут же хрипловатое требование Карыча: — А ну-ка поди сюда, женишок!

— Да-да, кто это тут порядок нарушает? — влезла Березина, а я, ойкнув, вылетела из беседки, выдернутая твердой рукой Коровьей Смерти.

— Ты сватов засылал? Ты нашего благословения просил? — напирал на Велия Индрик. — Так чего тогда трясешь девицу, как грушу? — Ишь, до икоты несчастную довел, — встрял Гуляй, а я сразу узнала голос того, кто за нами подсматривал в парке, хотела возмутиться, но тетки меня взяли в оборот:

— В общем, так, или завтра со сватами, или послезавтра мы ее сами замуж выдадим. — Насмешливо глянув в мои испуганные глаза, спросили: — Кто там тебе предложение делал?

— Да какая р-разница, что мы, ей женихов не сыщем, что ли? — махнул крылом Карыч.

И так он все это серьезно сказал, что я чуть было не бросилась обратно к Велию, но куда там!

— Цыть, девка! — прикрикнул на меня Гуляй и осуждающе прищурился на мага. — Ишь, взяли моду — по темным углам замуж звать!

И не успела я раскрыть рот, как меня подхватило и я оказалась в Заветном лесу.

— Ну и что вы наделали? — чуть не заревела я. — Теперь он вообще ко мне не сунется!

А тетки на три голоса захохотали:

— Много ты в мужиках понимаешь!

— Вот теперь-то он р-рогом и упр-рется! — веско сказал Карыч. — Ставлю все свои пер-рья пр-ротив одной блохи!

— Ладно, — отмахнулась Коровья Смерть, — времени мало, а дел много! Как-никак первый раз племянницу замуж выдаем! Так давайте хоть приведем ее в человеческий вид.

— А у меня что, нечеловеческий? — попыталась я возразить, но тут увидела чету медведей, гордо вышагивающих со свадебным платьем и ларцами, набитыми гребнями, заколками, украшениями и прочей дребеденью, и поняла, что все это было припасено давно.

— Это засада, заговор, подстава! — запричитала я и попробовала улизнуть, но даже родное капище предало меня, даже моя собственная каменюка, желая видеть меня замужней, заложила кирпичами все двери, ловко сунув мне под ноги бассейн с теплой водичкой.

— Правильно, — проворковала Горгония, — начнем с бани, а уж потом...

Овечка дула на блюде так самозабвенно, что чай отплескивался к краю высокой ароматной волной, которая, отразившись от стенки, возвращалась обратно, чтобы быть втянутой ее напомаженными мягкими губками.

— Торговлишка у нас идет бойко, на днях учредила товарищество по взаимовыручке. Буду молодым купцам ссуды давать под невеликий процент от прибыли. А то самой-то по дорогам хлопотно ходить, а у них ноги молодые, резвые, опять же разбойников не боятся. — Овечка откусила от медовой ковриги Настасьи Петровны приготовления и закатила глаза: — М-м-м, умопомрачительно! А не желаете ли вы, Михайло Потапыч, открыть в Княжеве постоянный двор, а? А что? — Она задумалась на мгновение. — Тихий домик в центре города, ненавязчивая прислуга, скромное название «Северский мишка».

Злыдень, сидевший от нее по правую руку, от нервов так колотил посохом в земляной пол, что другому свату — Рогачу приходилось его попридерживать. Вежицкий голова в красном шитом золотом кафтане потел от одного взгляда на поставленный перед ним чай и беспрестанно промокал лоб батистовым платочком, безжалостно тиская прижатый к груди каравай. И в страшном сне он не мог себе представить такой милости, как сватать богиню, и оттого сильно волновался, боясь опозорить весь род людской, не то что самовольно пришедший в лес вопреки всяким обычаям Лунь Вересень, озорно глядевший вокруг и пристукивавший посохом,

— А чего это вы, гости дорогие, не кушаете? — прижала лапы к груди Настасья Петровна. — Все посошками пристукиваете? Али у вас дело какое на уме?

— Фу! Ну наконец-то, — выдохнул Злыдень, вскакивая с лавки.

Городской голова на всякий случай тоже подскочил:

— У вас товар, у нас купец... — И осекся, увидев улыбочивые рожи нечисти. — Что? Не это?

Анчутка, прищурившись, поинтересовался:

— Ну-ка, ну-ка, чего это он там лопочет?

Я плотнее привалилась к двери, сзади на меня навалилась Лейя, и мы чуть не выпали из-за нее в горницу. Спасибо Алие, уцепившей мавку сзади за подол:

— Тише ты, кикимора, всю невесту попортишь!

— Я еще не просватанная, — проворчала я, поправляя на себе праздничное платье. Одели меня тетки так, чтобы не стыдно было людям показать, а мне все казалось, что богатое платье совсем мне не идет и наплевать, что Лейя чуть сознание не потеряла, когда увидела бесценное узорочье, подаренное Березиной. Хорошо хоть косы как настоящей невесте не стали заплетать. Есть у нечисти свои преимущества.

— Жених наш — парень видный. Силой, красотой, здоровьем не обиженный.

— Они про ум забыли сказать, — подавилась смешком Алия. А овечка продолжала как по писаному:

— Люба ему ваша Верелея, вот и просим мы у вас ее для него...

— Об этом не может быть и речи! — Феофилакт Транквиллинович встал из-за стола и даже с какой-то обидой отодвинул стул.

— Обана! Вот это поворот! — хлопнула себя по ляжкам Алия.

— Дак че? Не будет свадьбы? — Лейя повернулась ко мне. А мне тоже как-то нехорошо стало.

— Она не доучилась! Ей нужно заниматься, много и серьезно, решительно стучал пальцем Вук Огнезмей. — А о чем она будет думать в замужестве? Нет, я решительно против.

Вежицкий голова испуганно сел обратно, а овечка даже бровью не повела и, все так же вздымая волну на блюдечке, спокойно возразила:

— Велий наш сам не дурак, да к тому же учитель. Он не позволит ей хвостом вертеть, да и ваша егоза от любви, глядишь, усердней заниматься станет, чтобы супругу угодить.

— Чего? — Я даже попыталась выскочить за дверь, но Алия ухватила меня за руку, хихикая: — Зато про ум сказали!

И тут раскаркался Карыч:

— Наша девочка никому угождать не приучена. Не ей, богине, перед человечешкой стелиться. Нет, не подходит нам ваше предложение.

— Велия тоже не на помойке нашли, — влез Рогач, — а сильно зазнаваться — без женихов остаться.

— Сейчас они меня еще и паскудить будут? — обиженно буркнула я и притихла, услышав имя Волчьего Пастыря.

— Вот жених, достойный нашей Вереи, — распинался Анчутка. — Силен, могуч, самовластен, великим богам ровня.

— Сухой, бесчувственный старикашка, — оттопырила губу овечка. — Вы чего своей Верее предлагаете, чего вы своей племяннице желаете? Чтобы замужем была за немилым, на чужих красавцев молодых заглядывалась?

— Да! — Злыдень скребнул когтями по столу. — Сердце ее давно к Велию склонно, так что нечего тут кашу по тарелке размазывать.

Мои тетки захохотали.

— Сердце девицы, что трава в поле — куда ветер дует, туда она и склоняется.

— Ну все! — всплеснула я руками. — Свадьбы точно не будет. Дайте мне каравай, я их всех им же и...

Но овечка проворно отодвинула блюдце и тоже уперлась:

— Так это ж выходит, что ваша невеста — вертихвостка! — и, глянув на сватов, решительно заявила: — Нам такая не подходит! Что мы Велию другую не найдем, что ли?

Сваты загомонили, тоже поднимаясь:

— Не подходит, другую найдем, посерьезнее...

Тут я не выдержала, оттолкнула опешившую от таких речей мавку и вывалилась в горницу, сжимая в одной руке свадебный каравай, а в другой рушники;

— Как это не подходит?! — Я пошла на Анчутку, тряся караваем. — Вы чего удумали? Вы за кого меня замуж выдавать

собрались? Я Велия люблю, я без него жить не буду! Не отдадите, сама отдамся, вот! Я — богиня, все могу! — И, вырвав из рук старосты его хлеб, сунула ему свой, пошла вешать рушники, последний попытавшись потуже затянуть на овечке и прошипев ей сквозь зубы: — Ну, кудрявая, я тебе дам «не подходит!», ты у меня ходить разучишься! — и замерла, уловив озорной блеск в ее глазах, а, разогнувшись, поняла, что надо мной хохочут все — и дядья, и сваты.

— Вот, — сказал Анчутка, — хотел ваш жених серьезно, так серьезней уже не бывает.

— Это точно, — подтвердили Луню Рогач и Злыдень, — серьезней, чем сейчас, мы ее и не видели.

Я вспыхнула, топнула от досады ногой:

— Да ну вас всех! — и гордо удалилась к подругам.

— Эх! — хлопнул по колену дядька Велия, — хороша невеста! Всем на зависть, а Велию на радость.

— Вот и сговорились, — радостно потер руки Анчутка, а Вежицкий голова перевел дух, с уважением глядя на измызганный каравай в своих руках.

— Тебе хорошо, тебя замуж выдают, — ныла Лейя, а Алия ее с энтузиазмом поддерживала:

— Мне батька сказал, что пока обучение не закончу, так о свадьбе даже и мечтать не смей. — Она тяжело вздохнула.

— Ты же хотела валькирией стать, — напомнила я ей.

— Ну, хотела... — засопела подруга, потом широко развела руками и протянула: — Так это еще когда было-то!

— Год назад.

Лаквиллка вспыхнула, но решила не спорить. Я попыталась дотянуться до винограда над головой и, не удержавшись, упала на перинку из розовых лепестков. Сколько мы в ней ни рылись, так ничего, кроме этих розовых лепестков, и не нашли, хотя она вся так колыхалась, словно лепестки лежали на киселе. Камень сновидений, как всегда, оказался на высоте. Заметив, что гости стали подозрительно пошатываться и падать где ни попадя, он быстро соорудил из мозаичного пола этакое подобие перины во избежание несчастных случаев.

Девичник наш растянулся на три дня, и если поначалу было очень весело, то теперь я просто не могла уже шевелиться. Не чувствовала ног и хрипло каркала, как ворона. Мы упились, уелись и уплясались. Я позвала из Школы всех, кому хватило смелости зайти в Заветный лес, без разбора.

Теперь в моей летней резиденции бродили привидения, тяжело стонущие и донимающие всех однообразными вопросами:

— Зачем я столько пила?

Только тетки ужасали своей выносливостью, даже сейчас на три голоса они тянули слезливую предсвадебную песню. Да выводок школьных кикимор во главе с Дунькой подвывал им в особо жалостливых местах и уборщица Любша с видом знатока покачивала вино в прозрачном бокале. Вот уж где оказалась бездонная бочка! Даже Лейя не смогла ее перетанцевать, а уж про переест, перепить и речи не шло!

Настасья Петровна умилялась, глядя на меня, да укладывала сундучки с приданым. Сколько мы ни спрашивали у нее, зачем это, она только жмурилась да приговаривала ласково, что пригодится.

— Далась же моему Ваньке эти его церемонии, я ему говорю, давай сейчас поженимся, а он, мол, не положено, надо вот так-то и вот так-то! — жаловалась Лейя. — А на него эти змиешны заморские уже зыркают! Ой, боюсь, уведут!

— Не бойсь, — успокоила ее Алия. — Во-первых, где он еще такую дурищу найдет, чтобы в рот заглядывала, да и не тянет его к змиям, он в папину породу, все на лягух болотных заглядывается!

— Злая ты, — накуксилась мавка.

А я со стоном попыталась сесть:

— Где там этот... цветок папоротника, который вампирюга притащил?

— Не-эт! — в один голос заорали подруги. — Не будем мы по твоему лесу с ним бегать!

День назад мы с азартом именно этим и занимались и даже обнаружили гнездо Карыча, которое тот прятал. Постояв под огромной сосной, мы так и не решились залезть и посмотреть, что внутри, хоть папоротник красноречиво указывал, что все клады Заветного леса находятся именно там. Алия глубокомысленно заметила, что вороны всегда к себе в гнезда тащат все, что блестит, так что, вполне

возможно, в гнезде есть чем разжиться, но я твердо сказала подругам, что не полезу, не хочу без головы остаться.

Дунька завела:

Ох ты утка, ты уточка,
Сера мала перепелица!
Ты зачем рано выходила
Из тепла гнезда утичьа,
На луга, на зеленые...
Ох ты девка, ты девица,
Ты к чему рано во замуж пошла?

— Ну давайте тогда в зеркала будем рожи строить незнакомцам, предложила я, передернувшись от таких песнопений.

— Ага, — сказала Алия.

Перебрав всех знакомых и убедившись, что ребята празднуют в Школе мальчишник, мы стали просить у зеркала, чтобы оно нам показало то веселое, то забавное, то красивое. И только лаквиллка догадалась подойти пьяной вихляющей походкой и потребовать:

— Покажи мне жуть невиданную.

Насилу нас всех потом вином отпоили, а будущую императрицу еле отрыли в сундуках, да и то боялись, что она квакать до конца жизни будет. Одна я не растерялась — хлопнулась в обморок и лежала довольная — раз я эту жуть не вижу, значит, и она меня тоже.

— А ну, — закричала Дунька после очередного бокала, — кто тут хороводы водить будет? — и закружилась, сшибая стулья. — Ай, люли, ай, люли.

— О нет! — Я поползла прочь, чувствуя, как розовое болото подо мной ходит ходуном. Лейя позеленела.

И тут на улице взвыли на разные голоса про то, что замужем не плохо, а очень даже хорошо.

— Что это там за оптимисты? — поинтересовалась я и свесилась с балкона.

Какие-то сумасшедшие незнакомые девицы устроили под нашими окнами игрища.

— Это кто? — навалилась мне на спину лаквиллка.

— Может, летавицы? — Я присмотрелась к длинным толстым косам.

Девки были какие-то странные — трехцветные. Белые, черные и рыжие. И одеты как-то непонятно.

— Эй! — крикнула я, запулив в них яблочным огрызком. — Вы кто такие? Я вас в Школе не видела!

Та деваха, которой замужем было особенно хорошо, не раздумывая, поймала огрызок, швырнула его мне обратно, да так ловко, что попала по лбу.

— Ты чего, Верей, перепилась? Подружку Анжелу не узнаешь?

— Анжело! — радостно замахала ему платочком Лейя. — А это что за селедка рядом вихляет задом?

«Селедка» перестала веселиться, откинув со лба кудряшки, и я сползла от смеха по балконным перильцам.

— Ванька! — радостно заорала лаквиллка. — Друг!

— Ивонна, — возразил демон.

— А этот, новый вид нечисти, вампирюга который, тоже с вами?

Я опять свесилась вниз, но тут меня осторожно потрогали сзади по плечу:

— Наконец-то вы вспомнили про свою подружку Вампиреллу!

На Аэроне было вызывающее платье и две толстых косы. Я захихикала:

— И как ты только на это согласился?

Он скромно потупил глазки:

— Меня шантажировали.

— Кто посмел шантажировать мою румяную подружку? — заорала Алия и повисла на шее у вампира, а все девицы под балконом загалдели почему-то на разные голоса, понося Велия:

— Твой женишок и шантажировал! Сказал, кто добежит в женском платье до Заветного леса первым, тот и будет дружкой на свадьбе по левую руку, — сказала Анжела, вскарабкавшаяся по стене, как паучиха, к нам на балкон.

— Ой, как они веселятся! — позавидовали мы.

— А кто будет по правую руку? — влезла Лейя. Парни задумчиво посмотрели вниз на Сиятельного, который там остался.

— А по правую руку будет тот, кто в бабском конкурсе красоты займет первое место, — с ухмылкой сказал вампир. — Ну что, красны

девицы, по росту ста-но-вись!

Лейя захлопала в ладоши, поудобнее устраиваясь на перилах. И тут из виноградных дебрей выползла, дергаясь, как умертвие, госпожа овечка, окинула всех мутным взглядом и, поинтересовавшись:

— А кто нальет даме вина? — упала на бок.

— Жаль, такой председатель жюри пропал! — вздохнула я и тут же подскочила. — Березина, Горгония, тетки! Скорей сюда, сейчас конкурс красавиц начнется!

— Где? Где? — закричала шишимора Дунька. — Я хочу, Я красавица!

Насилу ее усадили. Камень сновидений живо подсуетился, сделал наш балкончик ниже, устлал его коврами дорожками да уставил резными столиками с креслицами.

— А это чего? — заинтересовалась Любша, поднимая таблички на палочках, где были разные рожицы.

— А это чтобы показывать, кто нам люб, а кто не очень, — объяснила я, оглядывая заготовленный для меня столик. По правую руку огромная ваза с цветами, чтобы швырять в приглянувшихся, по левую корзина с яйцами, для того же.

— Претендентки на титул красавицы, пошли! — повелела я. Среди парней, заметивших корзины, началась сутолока: передние уперлись как бараны, а задние пытались их во что бы то ни стало вытолкнуть, чтобы посмотреть, что из этого получится. В результате перед нами оказался бельчонок в своем кокошнике и сарафане, который с перепугу завопил:

— Во саду ли...

— Профессионалы не участвуют! — пробурчала, приоткрыв один глаз, овечка.

— Какой славный! — умилилась Березина, и в артиста полетели цветы. Только Алия перепутала, схватившись в азарте за корзину с яйцами.

— Ой! — вжала голову в плечи лаквиллка.

Первую конкурсантку в цветах и яйцах унесли за праздничный стол. Второй оказалась Химка.

— Погодите, это разве мальчик? — удивились мы дружно. Я, не раздумывая, подняла табличку:

— Претендентка номер три!

— И все, что ли? — обиделась химера. — А песня?! — Она разинула рот.

Мы с визгом попытались заткнуть уши, но Анжело с Аэроном повалили певицу, вытолкали ее взашей, а чтобы деваха не обиделась, сперли у нас половину цветов и натолкали ей полные руки конфет.

— Сейчас моя очередь! — заявила, игриво поводя плечиками, Анжелка. Вампир наступил ей на подол, и она повалилась, цепляя его за косы и декольте платья, которое с треском разорвалось.

— Ах ты ж! — взревел вампир, расправляя крылья, ухватил демона за юбки и, задрвав все это, завязал бантом на голове. Демон в панталончиках забился, не зная, как выбраться из своего мешка.

— Один раз я с батькой в Люмбу ездила, так там девки в яме с грязью друг друга тузили, за деньги, — пробасила мне Алия на ухо. — Такая срамота!

— Почему? — удивилась я.

— Они ж голяком там друг друга по грязи валандали! Хотя бате понравилось. Мужики там просто надрывались, ставки делали.

— А что, хорошая идея, — пропела из-за спины Березина, которая слышала этот разговор. Она прищурилась, и Аэрон с Анжело ухнули в бассейн с грязью.

— Что за...?! — возмутился было вампир, но Березина подмигнула и, потянувшись, как кошка, многообещающе улыбнулась:

— А кто выигрывает, того я поцелую...

— А кто проигрывает, того я! — влезла Дунька.

Аэрон тут же макнул в грязь только-только выпутавшегося из своих юбок Анжело.

— Принимаем ставки! — заорала я. — Кто на Вампиреллу, кто на Анжелку?

Я нахватала полные руки кладней и азартно запрыгала на краю бассейна, в котором две крылатые девицы темпераментно тузили друг друга.

— Я победу! я победу! — весело кричала Анжелка, прыгая на хлюпающей, пускающей пузыри Вампирелле, но оскользнулась и плюхнулась в грязь, из которой поднялся Аэрон, растопырил руки и с хохотом взобрался на демона:

— Я побежду... или побегду, в общем, я его побеждаю! — Он потянул демона за косы, тот поднял голову из грязи, раскрывая рот, как

водяная кобылка. — И-го-го! — заорал Аэрон, радостно размахивая париком, с которого всю хлестала грязь, мы с визгом присели и потому не заметили, как кобылка взбрыкнула и вампир рухнул, забрызгав все вокруг.

Мы кинулись прочь, а когда подбежали обратно, наш бассейн пузырился, как беспокойное болото, и никакой Вампиреллы с Анжелкой не было.

— Это чей башмак? — поинтересовалась Алия, а мавка заголосила:

— Утопли!

— Не может быть! — крикнула я. Березина тоже скептически изогнула бровь:

— Да тут глубина-то!

Тут из грязи выметнулась рука, мы не поняли чья, с силой схватилась за край и снова ушла на глубину.

— Эй! Они тонут! — обрадовала всех Алия, опустилась на колени на краю ямы, я тоже наклонилась, а Березина с Дунькой расстроились: — Кого ж мы теперь целовать будем?

Я заволновалась:

— Дайте мне что-нибудь, я хотя бы потычу!

И тут два грязных чудища вылетели из бассейна, взвились над нами с Алией, злорадно хохоча, и потащили нас прямо в грязь! Грязь залепила глаза, рот, уши и нос, я поняла, что умираю страшной смертью, и забрыкалась, чувствуя, как руки и ноги с трудом преодолевают сопротивление воды, сильно завидуя Алие, которая сумела в свой смертный час так долго и заковыристо выругаться.

— Я вам руки оторву! Я вам ноги оторву! Вы у меня зайками до конца жизни останетесь! — рычала она, сопровождая каждую свою угрозу странными глухими шлепками. Я приоткрыла один глаз и увидела подругу, длинными плавными прыжками гонящуюся за отчаянно гребущими Анжелой и Аэроном с плоской радужной рыбой в руках. А обитатели дна морского в ужасе смотрели на это.

— Ух ты, как у вас весело! — возвестила мавка у меня над головой.

— Ух ты, — вторила ей Дунька.

— А мы к вам сиганули, — сообщила овечка, болтая ногами и оседающая на дно золотым облаком.

— Я ж говорила вам, ничего с ней здесь не случится. — Березина хмыкнула, оглядываясь вокруг. — А местечко милое.

Мне было страшно смотреть, как из ее рта вырываются пузыри, сама дышать я тут не решалась, изо всех сил зажимая рот и нос руками. Зато мавка хохотала как сумасшедшая, оказавшись дома и нарезая круги вокруг убегающих жертв лаквиллки, пугала их перепонками между пальцев. Обидно было, что назад мы вернулись через ту же родимую грязь.

— Это не смешно! — рыдала Лейя, Ваня выражал ей сочувствие, но, сколько она за ним ни бежала, он все время оказывался на шаг впереди.

Я требовала себе дождь и удивилась визгу в соседних комнатах.

Анжело и Аэрон наперебой рвались к Березине, но та брезгливо отодвигала их пальчиком:

— От вас рыбой воняет, отойдите.

И оба пискнули, оказавшись в объятиях Любши:

— Ну что, Дунечка, которого выберешь? Слева или справа? Дунька зарделась, поводя крысиным носиком:

— Ой, даже не знаю! — заверещала она, ловко вскарабкиваясь по парням и раздавая громкие чмоки. — Помогите! — забились они.

— Ва-анечка! — кричала мавка.

— А где Велий? — вдруг осенило меня. — Сплавили нам всех, а сами там веселятся? — Я пошлепала в зеркальную комнату, не обращая внимания на обиженный визг Алии:

— Веряя, твой гадский замок мне воды не дает!

Я увидела, как это грязное чудище бежит ко мне, размахивая рыбиной, и с визгом ввалилась в актовый зал Школы, где Феофилакт Транквиллинович позволил накрыть столы.

— Вот она, моя племянница, — объявил, грохнув радостно по столу кубком, Карыч. А я, не в силах остановиться, так и пробежала по столу; камень сновидений, тоже впитавший винные пары, что витали в стенах замка, просчитался, выбросив меня прямо посреди блюд, кувшинов и тарелок. Кидаться на головы родственников я не решилась, но, заметив во главе застолья Велия, побежала к нему, высоко задирая мокрые, липнущие к телу юбки. Следом на стол, разливая море грязи, вырвались Алия, хитрый Сиятельный в бабском платье, не менее жуткая мавка с перепонками, Дунька верхом на двух

резвых скакунах — Анжело и Аэроне с трепещущими крыльями и овечка, почему-то на задних ногах. Судя по передним, овца что-то пыталась спереть из моего дома.

— Нет, но только всех разогнали! — весело воззрился на нас Рогач, а я резво перепрыгнула через Велия, услышала, как в него с влажным шлепком врезалась подруга, тонко взвизгнул Сиятельный и восторженно закричала мавка:

— Догнала!

— Теперь ты салка, — пробормотала я и полезла под стол прятаться от Али и невнятно возмущающегося жениха.

Правда, Феофилакт Транквиллинович очень быстро извлек меня оттуда двумя пальцами, как щенка, и, внимательно рассмотрев со всех сторон, пришел к выводу:

— Ну я думаю, на этом наш праздник и закончится.

— Я вам помешала?

— Напротив, вы нам очень помогли, а то мы бы это гуляние еще неделю не прекратили.

— Эх! Вер-рея, Вер-рея, такие посиделки испор-ртила!

— А устала я твое гнездо охранять!

— Где?! — сразу взвился Карыч.

Переоделась я уже в своей комнате. Пока мавка и Алиа отмывались, Велий караулил меня по ту сторону двери, подгоняя. И на пару, как заговорщики, мы сбежали, пока нас не вовлекли еще в какое-нибудь мероприятие по поводу нашей женитьбы.

— Куда? — спросила я.

Велий схватил меня за руку и заметался по коридорам. Шагу ступить было некуда от желающих поздравить нас.

— Может, в город?

Велий сделал укоризненное лицо. По его мнению, самой большой ошибкой было бы сейчас идти туда.

— Ты не представляешь, какую деятельность развила твоя копытная подруга! Ты вообще уверена, что она овца, а не злой демон? Может, ты ее зря вытащила из Подземного царства, может, она там поделом и находилась?

— А что такое? — удивилась я.

— Ты в окна глянь!

Я посмотрела и замерла:

— Ух ты! — Кто-то поработал над нашим школьным парком не хуже камня сновидений: были тут и трибуны, и павильончики, и бесконечные рулоны ковров, которые только и ждали того мига, когда их раскатают. А главное — три флагштока с флагами Северска, Школы и города Веж.

— Заметила, что они герб поменяли? — спросил Велий.

Были там раньше только мастерок и клещи, а теперь к ним добавился еще и золотой ключ.

— Ты теперь богиня — покровительница города, тебе теперь и новый паспорт подарят. Эта кудрявая аферистка уговорила голову города выделить графу на содержание богини, а налоги в казну княжества отменить. И вряд ли Великий Князь осмелится теперь эту долю требовать, так что горожане на радостях все расходы по свадьбе на себя взяли.

— А сколько взяла кудрявая?

— Потом разберемся, а сейчас надо прятаться.

Мы со всей осторожностью прокрались в новую пристройку, но там нас ждал сюрприз в виде поэтажного Митяя Коготка, припавшего ухом к двери. Увидев нас, он радостно замахал, показывая на дверь:

— Подь сюда, Верея, че покажу! — и снова припал к дверям. — Как воють, сердешные, как надрываются!

— Кто там у тебя? — заинтересовалась я, услышав жалобные многоголосые всхлипы.

— Почему же я знаю! — удивился Коготок. — Место пока нежилое, поди, нечисть какая завелась.

— А мы кто?!

— Ну ты сравнила! — обиделся Митяй и тут же повис на мне, когда я распахнула дверь. — Не пуцу, а вдруг они тебя съедят? Как же я потом людям-то в глаза смотреть буду?

Но мы с магом бесстрашно шагнули навстречу неведомым духам и изумились, нос к носу столкнувшись с одичавшим, красноглазым, зареванным Никодимом.

— Вереюшка, — бросился он мне на грудь.

— Никодим? — удивилась я. — Ты что здесь делаешь?

— Дык овца твоя говорит, устрою экскурсию, быт и деяния великой богини Вереи, а я думаю, столько лет рядом живем и ни разу

не заходил. Думаю, не жалко десяти кладней, а она, гадина, завела и бросила.

— И сколько вас тут? — Я завертела головой.

— Да поначалу человек полтора ста было.

Велий присвистнул и усмехнулся.

Мы убили почти час, чтобы отыскать всех, вывести и усадить за стол. Одного глотка хватило голодным людям, чтобы захмелеть. Здравницы полились одна за другой, и мы с Велием с ужасом поняли, что угодили в западню — спасенные не хотели покидать уютного места, а снующая нечисть их уже не пугала.

Только к вечеру мы с трудом смогли добраться до комнаты Велия, где и заперлись от многочисленных доброжелателей.

Пьяные подружки попробовали колотиться в двери, но я сказала, что никого нет, и мавка пошла искать нас дальше, а лаквиллка, судя по храпу, задремала у порога.

— Я думал, это никогда не кончится! — рассмеялся Велий, падая на кровать, я подтолкнула его в бок и бесцеремонно завалилась рядом, пугнув тем, что это была только репетиция к свадьбе.

— Да ну? — не поверил Велий, скосив на меня глаза.

— Ну да! Это ж мы так, в узком семейном кругу, а там приедет вся родня, официальные лица... Интересно, а Великий Князь будет? — Если только город обратно отвоевывать, с дружиной, — засмеялся маг, прижимая меня к себе.

— Ага? А я вот как позову на помощь Лаквилл с Урлаком, как выпущу Груньку из Подземного царства, как сгоняю за Лихом на остров Буян! — Я загорелась идеей: — А почему бы и не оттяпать у него половину царства? Что ему, одной половины не хватит для житья?

— Так и я про то же говорю! — У нас под кроватью заворочалось, загремело, и вылез оттуда пьяный Анжело в сияющих доспехах и с волнообразным мечом. — Давно пора, а то кони жиреют, хлопцы чахнут. — Он с надеждой воззрился на нас. — Ну?

— Иди! — рывкнули мы в один голос.

— Ну вы только свистните, если чего... — Анжело понуро пошел к двери, просочился сквозь нее и наступил с той стороны на Алию. Там что-то рыкнуло, громыхнуло, и я понадеялась, что завоеватель съеден.

— И вот так вот будет теперь всю нашу жизнь, — глядя на дверь, пугнул меня Велий.

— Не надо!

— А куда деваться, это же нечисть, от нее за замками не спрячешься, за тридевять земель не сбежишь.

— Я сейчас заплачу, — пригрозила я, и мы впервые задумались о нашем дальнейшем житье. — Гадость какая, — сказала я, представив, как буду каждый день нянькаться с этими дворовыми, магами и прочими, а Велий преподавать балбесам, а еще время от времени устраивать попойки с друзьями и отбирать незаконно добытое у овечки. И чуть слезы не навернулись.

— Вел, сделай что-нибудь, я не хочу!

— А кто хочет? Маги тоже не хотели, чтобы ты была богиней.

— И что? Что я им-то сделала? Я же их пальцем не трогаю, колдовать не мешаю.

— Толку-то, что не мешаешь. Ощущения уже не те. Раньше кто мы были? Да почти боги, а теперь? В лучшем случае — жрецы. — Велий тяжело вздохнул, а я обиделась:

— И папа мой сказал, что в тридевятое уедет, у Сиятельного придворным магом будет, якобы там моя власть не распространяется. — Мне стало совсем грустно. — Что ж теперь будет?

— Не расстраивайся, живут же как-то люди, и мы приспособимся. Не знаю, чего он добивался, но я расклеилась окончательно:

— Не хочу я приспособливаться, я — богиня, вот пусть ко мне и приспособливаются! — Я упала ему на грудь и зарыдала. — Может, не будем жениться?

Велий на мгновение застыл, а потом спросил:

— И чем это тебе поможет?

— А вдруг скажут, что еще глупая, незамужняя...

Он с сомнением поглядел на меня:

— Нет, это все равно что людоеду сказать, мол, я маленькая, не ешьте меня. Только слюна еще больше капать будет. Вот если тебя как-то очеловечить...

— Не надо меня очеловечивать! — испугалась я. — Я и так самый человечный человек на свете. — И тяжело вздохнула. — И как боги живут?

— Боги по Ириям да заповедным лесам попрятались, делают вид, что их нет или так далеко, что и не слышат. А ты вот вся тут. — Велий потянул меня к себе и вздрогнул, когда я впилаь в него когтями. — Ты чего?

— Велий, — зашептала я страстно, осененная идеей, — а давай сделаем вид, что меня тоже нет.

Маг даже сел, чтобы видеть меня получше, а я закрыла ему рот ладошкой, отлично понимая, что он сейчас начнет разводить бодягу насчет белой горячки:

— А что, могла же я рассосаться как-нибудь, или съели там меня, или просто разорвало на клочки. — Я вскочила и забегала по комнате, а потом, взвизгнув, снова кинулась ему на грудь. — Или вышла я, ушла и не вернулась, бывает же такое. Годик пройдет, и про меня и забудут.

— У тебя точно горячка, — пробормотал Велий и охнул оттого, что я с большой обиды боднула его в живот:

— Ну сам подумай, могу ведь я куда-нибудь выйти... хотя бы на медовый месяц...

Велий закрыл глаза ладонью и отодвинул меня от себя:

— Все, отойди от меня, совратительница, даже слов таких не произноси.

А я, поняв, на что надо давить, ласково продолжила:

— Велий, медовый месяц, только ты и я...

— Ладно, — он схватил меня в охапку, — согласен, сегодня же сбежим, ну их всех к черту! — Велий с чувством махнул рукой.

— Сегодня не надо, а то нас всем Северском искать будут. Вот свадьбу отыграем и ночью — хоп!

— Прямо ночью? — насторожился Велий.

— А что? Самое удобное время. Все думают, что мы спим, а мы...

Велий нахмурился и недовольно буркнул:

— Почему сразу спим? Я спать не собираюсь.

Я вспыхнула, сообразив, что он имеет в виду, а маг продолжал:

— Да и не выйдет ничего, тебя Аэрон сразу почувствует.

Я всплеснула руками:

— Вот леший, я же про этого вампирюгу и забыла! Хотя это даже и лучше! Кто нас прикрывать будет в случае чего? Конечно, Аэрон!

Я кинулась было его звать, но вспомнила, что под дверями лежит Алия, и, проклиная все на свете, полезла в окошко, Велий без особого желания за мной.

— Вы что, с ума сошли? — вяло отбивался сонный вампир. — Уйдите! — Открыв глаза и увидев нас, он и вовсе расстроился. — Вам что, вдвоем больше заняться нечем?

— Аэрон, мы решили бежать! — горячо зашептала я ему в ухо. Вампир сразу проснулся:

— Опа!

— Но нам надо, чтобы ты чувствительность ко мне потерял!

— Только по голове не бейте! — Он прикрылся руками.

— Ты дурака-то не валяй! — Я потрясла его за плечо.

Велий стоял рядом и делал вид, что он не со мной и вообще первый раз меня видит.

— Так ты с нами или нет? — зашипела я как змея.

— Не-э, не с вами, у меня вон Урлак на шее. Да и как-то неприлично втроем, что люди подумают!

Сразу возникло желание оттащить его за волосы, и Велий еще долго удерживал меня, пока я шипела и плевалась от злости, пытаюсь если не выцарапать глаза, так хотя бы лягнуть. А острозубый негодяй, закутавшись в одеяло, все живописал, как он будет меня похищать в первую брачную ночь прямо с брачного ложа, чем мы там будем заниматься и все это в лицах. И я поняла, что избавиться от вампира легко смогу и сама, просто сбегая сейчас за лопатой...

— Ему дел-то было всего лишь сказать, дескать, не чую ее! продолжала я бушевать, пытаюсь вырваться из Велиевых объятий, пока он нес меня к своей комнате, а этот гад еще и следом бежал и страшал:

— А вот как расскажу всем, чем вы в брачную ночь заниматься собираетесь!

Алия подняла голову, глянула на нас сонно, проговорила:

— Тили-тили тесто, жених и невеста, — и снова свернулась калачиком, при этом совершенно естественно потеряв человеческий образ. Мы постояли, глядя на волчицу в штанах и рубахе. И не решились ее беспокоить.

Приготовления к свадьбе шли без малого полмесяца. Съезжались гости, сновали туда-сюда курьеры, бурно кипел Веж. А мы с Велием

все две недели тайно готовили наш побег и, перебрав десятки мест, остановились на заброшенном острове Сусаноо.

— Идеальное место! — потирал руки Велий. — Если выкрасть из архива «Купитилоснасадереньги» и свернуть этот островок, то никто и никаким образом нас не поймает и не найдет. — Он обежал наше будущее владение, заглянул в хижину, постоял на пляже, глядя на прибор, и счастливо рассмеялся, привлекая меня к себе: — Никто нас не найдет здесь!

— Если я не расскажу! — гнусно захихикали у нас за спиной. Мы, не веря собственным ушам, повернулись и зарычали на два голоса. Вампир сидел на краю обрыва, болтая ногами, за эти дни он просто извел нас ежедневным шантажом.

— Крылатый, — прищурился Велий, — у меня такое ощущение, что я скоро совершу убийство друга.

А я всплеснула руками:

— Ты что ж теперь, мало того что чувствуешь меня, так еще и найти везде можешь?

— Ну вообще-то да, — зажмурился на солнце Аэрон, — но в данном случае я просто воспользовался зеркалами.

Я ойкнула, а Велий звонко шлепнул себя по лбу.

— Во-от, — наставительно поднял палец вампир, — а вы говорите, Аэрон — плохой, Аэрон — шантажист!

Зная, что расхваливать себя он может бесконечно, я совсем было собралась заткнуть его рот травяным кляпом, но этот самовлюбленный вид новой нечисти по своей верткости и коварству давно превзошел Анжело, так что от травы в конце концов отплевывался Велий.

— Шутки шутками, — умствовал мой маг в домике принца, — но с этим надо что-то делать.

— А может, они не найдут нас, когда печать наложится? Велий затряс головой:

— Лучше не рисковать.

— А хотите, я все зеркала поразбиваю? — предложил вампир. — Сделаю вид, что напился, и тресь, тресь!

— Камень сновидений тебе «Тресь» устроит, — возразила я. — Они же ему уже как родные. Значит, будем зачаровывать, — решила я.

На следующий же день, как только мне удалось сбежать от теток, я и совершила задуманное.

— А ты уверена, что все получилось так, как ты задумала? — скептически спросил Велий, глядя на наши отражения. Я пожалала плечами:

— Сейчас узнаем, — и шагнула на наш остров. За спиной тут же послышалось: — Ку-ку!

Смущенный Велий стоял в обнимку с Аэроном.

— Этот упырь просто преследует меня.

— Да ладно тебе, — тряхнул головой Аэрон, — Я тебе целую невесту отдал безвозмездно.

Я закатила глаза и вздохнула:

— Ну а зеркала-то хоть работают?

Парни почти одновременно ответили:

— Нет!

— Да!

— В смысле работают.

— Но тебя найти не могут.

— Зачаруй их на меня тоже, — тут же потребовал Аэрон.

— Тебе-то зачем?

— Чтобы девки не доставали. А то я вас выдам, не удержусь.

— Кто из девок пойдет в Заветный лес, чтобы найти тебя? — бухтела я, но все-таки махнула рукой. — Все, теперь они и тебя не видят. Рад?

— Рад, — неуверенно кивнул головой Аэрон. — А как проверить?

— Попроси кого-нибудь, и всех делов, — отмахнулась я. — И вообще, домой пора, а то такое ощущение, что нас уже подозревают в чем-то.

Овечка и в самом деле уже поинтересовалась один раз, с чего я такая тихая? Это когда я случайно обнаружила, что в Веже самым большим спросом пользуется серия лубков о том, как Ум да Дурость поженились. Я как раз сторожила двери в зеркальную комнату, через которую эпсы в хижину таскали мебель и припасы, поэтому только вздохнула и призналась, что тоже не сдержалась и заказала Степану лубки про золотого барашка.

— Какого барашка? — не поняла кудрявая.

— Ну из сказки, помнишь ведь... — Я пожала плечами. — Был у девочки барашек, какал только золотом.

— Что?! — вскинулась овечка.

— Не думаю, что кто-нибудь подумает на тебя, хотя чего только людям в голову не приходит, говорят же, что к тебе золото прямо так и липнет. — И, оставив кудрявую беззвучно открывать рот, я шмыгнула прочь.

Теперь за овечкой ходил почетный эскорт из особо доверчивых горожан, но ведь были у меня и другие родственники.

Благополучно покинув капище, я отправила Велия в Школу, а сама направилась в дом Настасьи Петровны, где был штаб по выдаче меня замуж, оставив Аэрона любоваться зеркалами. Далеко за полночь, когда я уже сладко спала, вампир явился в мою спальню и, тряхнув за плечо, пожаловался:

— Веря, я в зеркалах не отражаюсь.

— Уйди, ночной кошмар! — Я попыталась перевернуться на другой бок

— Веря, я ни в каких зеркалах не отражаюсь, — продолжал ныть Аэрон, но я укрылась одеялом и велела приходить после свадьбы.

— Послезавтра, все послезавтра.

— Я даже причесаться не могу! — не умолкал вампир, но тут скрипнула дверь и ко мне в комнату заглянула Настасья Петровна с масляной лампой:

— Кто тут?

Естественно, никого уже не было, а я спала.

Сам день свадьбы мне запомнился смутно. Я сидела как на иголках в ожидании вечера и боялась только одного — что наша затея провалится, но свадебный обряд катился своим чередом, мы с Велием, как говорящие болванчики, улыбались, кланялись, произносили то, что положено, сожалея, что нельзя нанять актеров. Честное слово, не жалко было бы и ста кладней. Подруги радовались, как дурочки, и только мы с Велием не понимали, что веселого находит народ в подобных мероприятиях.

— Я сейчас умру от скуки, — тихо жаловалась я жениху, а он соглашался вполголоса:

— Жалкое подобие мальчишника.

— А Великий Князь не осмелился приехать.

— Угу, — кивал Велий, — наверное, услышал, что ты у него отбираешь полцарства.

— А это кто такая, с маслеными глазками, оттерла Алию от Серого Волка? — спросила я, чуть заметно кивая в сторону гостей.

— Так это ж сестричка-лисичка, сестра Серого Волка.

Я удивилась:

— Как это у него сестра может быть лисой, если сам он — волк?

Но тут влез Аэрон:

— Слышите, молодожены, хватит вам уже шептаться.

Я отмахнулась:

— Зубастый, а это правда сестра Серого Волка?

— Не была б она сестрой, он бы убил ее в тот раз, когда она его зимой хвостом рыбачить учила!

— Надо же, какие непохожие родственники!

Велий окинул взглядом бесконечное море голов и поинтересовался:

— Когда на гостях-то кататься будем? У нечисти это, говорят, положено!

Сказал он это так, чтобы услышал сидящий рядом голова. Боголеп Беримирович подавился словами, вместо длинной речи вякнул:

— Горько! — и сел, настороженно оглядываясь вокруг.

Когда солнце наконец стало клониться за деревья, нас на троечках отвезли в Заветный лес, где я смогла перевести дух.

— О-о! Как хорошо! — закричала я, падая в мягкие объятия кровати, которая ждала меня на капище.

— А как дальше-то хорошо будет! — улыбнулась Коровья Смерть.

— Без намеков, — попросила я.

Велий смущенно стоял в дверях, переминаясь с ноги на ногу:

— Может, вы наконец оставите нас одних?

Тетки, подхихикивая, вышли. Мы нетерпеливо смотрели, как они покидают мою резиденцию, и стоило камню сновидений захлопнуть за ними тяжелые створки ворот, как мы развили бурную деятельность.

Во-первых, мы радостно бросились друг к другу, поздравляя с успешным окончанием всего этого, потом принялись торопливо переодеваться, Велий то и дело выглядывал в окно, опасаясь, как бы друзья не приготовили нам какую-нибудь каверзу.

— Никого? — спрашивала я, поспешно стягивая платье.

— Никого, — шептал в ответ Велий.

— Точно никого? — переспрашивала я, снимая тонкую сорочку.

— Никого, — шипел он, оглядывая настороженным взглядом округу.

— Вот и хорошо, что никого. — Я развязала мешок с приготовленными вещами и взвизгнула, когда из-под кровати высунулась рука, сжимающая стопку ярких лубков.

— Ай! Это кто?! — завизжала я, прикрывая нагое тело сдернутым одеялом. — Убью!

— Спокойно, — рука исчезла, — это я, Анжело, ваш друг.

— Друг! — нехорошим голосом взревел Велий. — Я тебе сейчас больно сделаю, я тебе сейчас голову оторву! — Он ринулся к кровати, но под ней оказалось пусто. Только шкаф тихо скрипнул, и рука вылезла уже оттуда, потрясая лубками:

— Ну вы чего такие горячие, молодожены, я вам такой подарок принес к первой ночи, а вы кидаетесь, как звери.

Велий метнулся, надеясь зажать руку дверцей, но демон и на этот раз улизнул, оставив в его руках стопку берестяных листов, бережно подшитых и покрытых лаком. Уже из-за дверей донеслось:

— Не поленитесь полистать. Между прочим, неглупыми людьми написана. «Камасутра» называется. — Анжело хихикнул. — У Вереи же к книжкам нездоровый интерес!

Конечно, за дверью его тоже не оказалось, зря Велий бегал по комнате.

— Вот, — сказала я, спешно одеваясь, — поэтому и надо отсюда драпать.

Велий прижал палец к губам — мало ли чьи уши еще слушают, и мы на цыпочках, на цыпочках стали красться к зеркалам. Правда, уже почти перешагнув на остров, я краем глаза глянула на подарок Анжело и чуть все не испортила, отпрыгнув от Велия и сказав, что я на это несогласная. Велий посмотрел на меня долгим взглядом собственника, и я как-то сразу поняла, что все — шутки кончились.

ЭПИЛОГ

Через неделю после нашего побега Верелея сидела, забравшись с ногами на кровать, и молча смотрела на меня огромными глазами, разрывая мне сердце. Я уже натянул сапоги и мял в руках рубашку, а она все молчала. И зря я надеялся, что она скажет: «Постой, не уходи, отдохнем еще недельку, посмотри, какое солнце, море, небо, птички, рыбки». Что мы, не проживем без родни? Неужели нам здесь так плохо? — Но нет, в моей законной жене заговорила совесть, такая же зубастая, как ее друг Анжело. Она страдальчески заломила бровки, но произнесла совсем не то:

— Ты только одним глазом посмотри, нужны мы там или нет.

— Да я уверен, что не нужны!

— Ну ты все равно посмотри, они же там беспокоятся, они же потеряли нас, они же волнуются, а я их люблю.

— Ты меня не любишь, — проворчал я, но Верелея сделала такое несчастное лицо, что я не выдержал и сдался. — Ладно, но учти, Верелея, что отдыху нашему тогда конец. А кое-кто обещал мне медовый месяц.

— Ну, Велий... — Она поползла по кровати ко мне, а я сдуру отскочил и обозвал ее обманщицей. Это было ошибкой, ползет к тебе девушка — хватай, глядишь, и забудет о глупостях. Осознав это, я с досадой хлопнул себя по лбу и потянулся к ней губами, но рыжая уже закуталась в одеяло, оставив лишь умоляющие глазки: — Ну пожалуйста, Велий, ну посмотри. Глянешь и можешь идти назад, если они не сильно переживают.

— Верелея, — попробовал я было воззвать к голосу разума, — какой дурак назвал тебя богиней тайных знаний? Они же набегут сюда всем гуртом, они истопчут весь твой остров, они поломают наш домик. — Я придвинулся поближе, стараясь обнять понежнее. — Они нам по ночам покоя давать не будут.

Но она упорно бубнила из одеяла:

— Ну пожалуйста, пожалуйста.

— Ты с овечкой случайно не родственница? — не выдержал я, а она тут же согласилась:

— Родственница. Ну пожалуйста, сходи. Я же никогда тебе ни в чем не отказывала, вон и замуж согласилась выйти, и на остров сбежала...

— А, так это уже, выходит, моя идея!

Я вскочил, но сколько ни грозил пальцем, так и не смог выдавить из себя ни слова обвинения, понимая, что на все готов ради нее. Ведь уже и штаны надел, и сапоги натянул, так уж, время тяну.

— Ну я пошел, — сказал я, чувствуя, что сейчас умру от горя.

— Ага.

— Верелея, ты понимаешь, что я могу не вернуться?

— Ага.

— Верелея...

— Иди уже, — напутствовала меня супруга. Я, вздохнув, вышел через зеркала на капище. В замке Верелеи стояла странная тишина. — Эй, — позвал я, надеясь, что никто мне не ответит. И в самом деле, никто, кроме эха, мной не заинтересовался. Я выглянул в окна. Заветный лес тоже безмолвствовал.

— Так, Велий, — сказал я сам себе, — думай. Если бы на твоём месте была Верелея и она чего-то не хотела бы, а делать это надо...

Я радостно хлопнул по подоконнику и кинулся в кабинет, где была бумага и чернила. Макнул перо и, стараясь подражать ученическому почерку Верелеи, написал:

«Дорогие мои тети, дяди, Карыч, Васька, Настасья Петровна и друзья и прочие, прочие. Не теряйте нас, мы с Велием убежали на медовый месяц, через месяц вернемся». — Подумав, добавил: — «Простите нас» и подписался: — «Любящая племянница и законная супруга Велия».

— Вот. — Я удовлетворенно положил бумажку на алтарь. — Очень жаль, что никого не видел, — раскланялся я с пустым замком, — хотя, конечно, искал, сбился с ног, но от судьбы не уйдешь, не смог так не смог. До свидания, пируйте, веселитесь без нас, приветы я передам. — Я взбежал по лестнице, толкнул дверь в зеркальный зал и... вывалился на поляну прямо под ноги всех Верелеиных родственников, леший бы их подрал! — Гадский камень сновидений, — запоздало простонал я. — Как же я про тебя забыл? Предатель. — Видимо, у меня в этот миг было такое лицо, что Березина побледнела и схватилась за сердце лепеча:

— Что с ней?!

— Украли нашу Верелеюшку, — через силу просипел я, чувствуя, что становлюсь под стать своей жене, и ужасаясь тому, что говорю. Кому я это говорю? Зачем? Заразно это, что ли? Но поворачивать

оглобли было уже поздно. Теперь, даже если я признаюсь, что сморозил глупость, то все равно попрутся на остров, чтобы убедиться, что цело их сокровище, живо и здорово. Еще и меня упрекать начнут за черствость и глупые шутки.

— Что ж теперь делать? — меж тем засуетилась Коровья Смерть. — Искать надо, в набат бить, людей поднимать. А то они пьянствуют уже целую неделю! — Она всхлипнула: — Нашу девочку похитили.

— Р-разор-рву! — пообещал Карыч, зло копнув когтями землю, и я с облегчением понял, что они все пьяные.

Я кинулся ворону на грудь:

— Спасибо, дед.

— Не волнуйся, внучек, мы поможем. — Он обнял меня крылом, но я, утерев с трудом выдавленную скупую мужскую слезу, сказал:

— Не надо, Карыч, я сам.

— Как сам?! — возмутилась нечисть.

— А вот так. Змий двенадцатиглавый, что ее похитил, сказал, что согласится биться со мной за вашу племянницу, если только я один буду. А для того чтобы его сыскать, нужно три пары железных башмаков сносить и не абы где идти, а по чащобам да глухим урочищам, потому что гнездо его в месте потаенном, под корягою, в страшном буреломе.

Родственники Верелеи выпучили глаза, а я, стараясь сделать как можно более скорбное лицо, кинулся к капищу, надеясь, что в этот раз камень не будет так игрив.

— Покажи мне Аэрона, — потребовал я у зеркал, но те безмолвствовали. Я скрипнул зубами:

— Ну тогда комнату Аэрона. — И выпал в комнату вампира. Сам он, кстати, валялся здесь, крыльями кверху. — Эй! — Я подтолкнул его в бок. — Ты жив?

Он подскочил и радостно воззрился на меня:

— О-о! Вел!

— Потом обниматься будем, мне твоя помощь нужна.

— А я думал, что вы до самой осени пропали! — осклабился вампир.

Я, тяжело вздохнув, признался, что тоже на это надеялся.

— Ах, женщины, вам имя непостоянство! — раздалось из-за двери.

Мы кинулись было ловить демона, но того и след простыл.

— Беги! — не раздумывая, толкнул меня в спину Аэрон. — Этот гад крылатый последнее время заскучал без Вереи, не дай бог, попадешь в его лапы! Я их отвлеку!

— Ты, главное, родственникам, родственникам говори, что ее не чувствуешь! — твердил я, объясняя, как вышло, что Верелею похитило двенадцатиглавое чудище.

Вампир уставился на меня, бормоча, что не ожидал такого.

— Сам удивляюсь, — сказал я.

— Тогда я скажу, что чувую, — решил Аэрон. — Нельзя эту свору без призора оставлять.

— Подбрось меня до капища, — попросил я его, — только так, чтобы родственники ее меня не заметили, а то я с драконом биться ушел. Неудобно может получиться. — Аэрон ухмыльнулся, и через миг мы уже стояли в зеркальном зале.

— Покажите мне Верелею, — поспешно попросил я у зеркал, но не увидел ничего, кроме своей растерянной физиономии.

— Вот и меня они не отражают, — как-то уж слишком спокойно сказал Аэрон.

— Как же я мог забыть! — Я хлопнул себя по лбу. — Покажите мне хижину Сусаноо. — И снова ничего не увидел.

— Закрытые печатью места они тоже, выходит, не отражают, констатировал вампир.

— Слушай, не нервируй меня, — попросил я, чувствуя, что впадаю в панику, а потом вспомнил: — Погоди, ты же меня можешь перенести.

— Не могу, — сказал Аэрон. — Я ее не чувствую.

И прежде чем я нашелся, что сказать этому энергетическому вампиру, зеркала по собственному почину показали мне главную площадь Вежа и магистрат, на крыльце которого стояла включенная и гордая от сознания собственной важности овечка.

— Слушайте, граждане города Веж, все его люди и нелюди! Похитили нашу Вереюшку, чудище двенадцатиглавое, незаконное унесло ее в далекий край, так не оставим же ее в трудный час, отобьем любимицу! Есть у меня клубочек волшебный, с моей шерсти

чесанный. — Она утерла наворачнувшиеся на глаза слезы. — Не успела на свадьбу подарить. — Снова гордо вскинула голову. — А теперь он поможет нам, куда покатится — там и наша богиня. Путь наш будет долгий и трудный, невыносимо тяжелый, но мы справимся, мы найдем.

Зоря вскинул руку в победном жесте, а Гомункул заорал:

— За Вереей!

— Ну Анжело! — восхитился Аэрон и толкнул меня в бок. — Ты чего такой смурной?

— А ты как думаешь? Вот размышляю, где взять двенадцатиглавое чудище беззаконное?

А клубок меж тем, подтолкнутый копытцем кудрявой, уверенно покатился на восток, и насколько я знал, катиться ему было еще ой как долго! И не то меня расстраивало, что овечка за это время ножки стопчет, а то, что такую толпу могут за нашествие принять.

Кружил в небе ворон, скакал на Сивке-Бурке демон в сияющих доспехах с волнообразным мечом и улыбкой до ушей.

— Конец медовому месяцу, — зачарованно глядя на бесконечную колонну, пробормотал я, — а главное, ничего ведь не сделал, всего-то предупредить зашел, чтобы не волновались.

notes

Примечания

1

Мавки— как и вся северская нечисть, бывают двух видов: те, что от людей, и коренные. От людей — это девочки-утопленницы, все как одна мелкие злыдни, связываться с ними — себе дороже, счастье, что они от своих ручьев и прудов далеко не уходят. Не то что коренные — эти дети водяных настолько легкомысленны, что порой воображают себя людьми и поэтому гуляют где угодно. А сколько их замуж за людей повыходило... (Из заметок ученицы Вереи)

2

Вилколак— они же волкодлаки, вовкуны, вуки, смотря в какой местности Северска родились. А суть у них одна — умение перекидываться из волка в человека, если твой прапрапрадедушка был самим Велесом, или, наоборот, из человека в волка, ну, тогда это к доктору... (Из заметок ученицы Вереи).

3

Летавица— является во сне или наяву молодым мужчинам златокудрюю красавицей, которую ни пропустить, ни забыть, ни отвергнуть невозможно. Вся жизнь летавицы посвящена одной цели — поскорее замуж, чтобы официально пить мужнину кровь, так как летавицы без нее жить не могут. Одно слово — упырицы. (Из заметок ученицы Вереи).

4

Банник— особая порода домовых, недобрый дух, да еще какой дух! (Из заметок ученицы Вереи).

5

Баечник— домашний фантазер, озорник и проказник. Такое может в ухо ночью спящему нашептывать, что и десять врачей не откачают (Из заметок ученицы Вереи).

6

Безымень— мрачный дух, что таится в зеркалах, способен выкрасть душу человека, а сам вселиться в тело, свести с ума или просто напугать до одури. Считается, что даже тень безыменя увидеть в зеркале это не только не к добру, но и к близкой смерти. Дети, вы гадаете у зеркал со свечами? (История на ночь, рассказанная ученицей Вереей во время святочных гаданий).

Цверг— то же самое, что и гном, только жилистый и тощий (Комментарий в словаре ученицы Вереи).

8

Анчутка— дядька всем чертям. Помяни беса — он и появится, это про него (Сочинение на тему «Моя семья» ученицы Вереи).

9

Вук Огнезмей— исключительно загадочная личность. Много о нем чего творят по деревням, а вдовицы да одинокие бабы, наоборот, краснеют да помалкивают. Только враки это все, бывшие боги ЭТИМ с кем попало не занимаются. Это они папаню с его отпрысками путают. Семья у них немаленькая и озорная (Речь ученицы Вереи в защиту наставника).

10

Подполянник— это, милые детки, тот, кто живет в подполе, только не думайте, что он там один, и предупреждаю — это не крыса (Из разговора Вереи с купеческими детьми).

Коровья Смерть— жили в стародавние времена тринадцать сестриц: Чума, Проказа, Язва... и Коровья Смерть. Ну что притихли? Да ладно, последняя людей не ест (Из рассказов Вереи про Заветный лес).

Горгония— дочка змеиного царя, и этим все сказано, мудра, конечно, но все еще девица (Из сочинения «Моя семья» ученицы Вереи).

Индрик— бог на пенсии, он и облака рогами пахал, и звериным царством правил, и спасал мир от засух. А зверья от него столько породилось, что он с годами устал и ушел отдыхать в подземелье душой и телом. Утверждает, что брат Велеса, но Велес от него прячется и признавать родство не желает (Рассуждения ученицы Вереи).

Стригоны— мало радости быть стригоном, это значит, что тебя маленького подушкой задушили. Смеяться они любят, потому что дети, только смех их злой, а зубы острые (Заметки ученицы Вереи).

Лембой— мерзкая некоренная нечисть. Только из тех детей получается, которых мать сама сгоряча к черту или лешему послала, а они гордиться не стали и пошли (Из ответов у доски ученицы Вереи).

Двоедушник— не то же самое что лицемер, хотя и держит в своем теле две души: человеческую — для дня и звериную — для ночи. Если его разбудить во время ночного гуляния, то у него будет сильно болеть голова, а у вас подбитый глаз (Из личного опыта ученицы Вереи).

Шуликуны — да они вообще в одиночку не ходят! Чаще всего их бабы ведрами нечаянно из проруби вычерпывают по зиме да сами в поселок и приносят, а уж в поселке они находят себе развлечения: то дом подожгут, то пьяницу уморят, то ребенка закусуют до смерти, благо их самих за детей принимают — росточку в Них полтора локтя, зато злости на великана (Из личных переживаний ученицы Вереи).

Еретница — дура-ведьма, еще при жизни душу потерявшая, а после смерти ею кто ни попадя пользуется. Носит нечисть ее тело как одежду, друг дружке передает да злые дела творит (Из наставлений ученицы Вереи).

Table of Contents

Мария Вересень Особо одарённая особа. Диалогия.

Книга 1. Высшее образование для сироты, или родственники
прилагаются

Книга 2. Особо одаренная особа

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18